THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ V-й. № 9-й.

376
Міръ Божій

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1896 г.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

AP50
M67
1896
v.5, no.9-10

Дозволено цензурою 26-го августа 1896 года. С.-Петербургъ.

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

СОДЕРЖАНІЕ.

3558.4о

		стр.
1.	ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ (Опытъ исторической характеристики). **В. Ульриха.**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ РОБЕРТА БЕРНСА. ЛОРДЪ ГРЕГОРИ. Переводъ **О. Н. Чюминой.**	22
3.	МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. (1856—1862 г.). **И. М. Краснoперова.**	23
4.	ИЗЪ ЖИЗНИ. Разсказы Стефана Жеромскаго. Пер. съ польскаго **М. З.**	43
5.	ПИСЕМСКІЙ. **Ив. Иванова.** (Продолженіе).	54
6.	ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ. **Л. Василевскаго.**	88
7.	ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ. Космологическія письма **Герм. Клейна.** Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго. (Продолженіе).	96
8.	ПО НОВОМУ ПУТИ. Романъ. Часть третья. (Окончаніе). **Д. Мамина-Сибиряка**	129
9.	СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ. Романъ **Гемпфри Уордъ.** Переводъ съ англійскаго **А. Анненской.** (Продолженіе)	144
10.	ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. **П. Н. Милюкова.** (Продолженіе)	183
11.	ДВѢ МИНУТЫ СОРОКЪ ДВѢ СЕКУНДЫ. (Изъ воспоминаній о затменіи). **С. Щербакова**	221
12.	СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ ВАЛЬТЕРА-СКОТТА. ФІАЛКА. Пер. **О. Н. Чюминой.**	233
13.	УЧЕНІЕ ОБЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ (Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вилльяма Томсона). **М. Ю. Гольдштейна.** (Окончаніе)	234
14.	СЕРВАНТЕСЪ. СЛАВНЫЙ РЫЦАРЬ ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. (По поводу новаго полнаго перевода). **Ив. Ив.**	258
15.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Стачка рабочихъ на с.-петербургскихъ фабрикахъ.—Вопросъ о страхованіи рабочихъ на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ.—Земскія воскресныя школы въ деревнѣ.—Оперныя представленія въ деревнѣ.—Самозванный князь	267
16.	**За границей.** Австралія и Новая Зеландія.—Раса пигмеевъ.—Армянская печать.—Черты изъ жизни «новыхъ женщинъ» (New women) въ Англіи.—Возвращеніе полярной экспедиціи Нансена	282
17.	**Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris»	288
18.	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА. (La philosophie zoologique). **Эдмона Перье.** Переводъ съ франц. доктора зоологіи **А. М. Никольскаго и К. П. Пятницкаго.**	183
19.	2) ПОДЪ ИГОМЪ. Романъ изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. **Ивана Вазова.** Переводъ съ болгарскаго	195
20.	3) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. **Г. Дюкудрэ.** Средніе вѣка. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ,** подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго**	267
21.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика.—Публицистика.—Философія и психологія.—Естествознаніе.—Гигіена.—Учебная литература.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	1
22.	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Больницы. № 376

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

(Опытъ исторической характеристики).

Года два назадъ, въ Штутгардтѣ появилась книжка подъ заглавіемъ: «*Die Lessing Legende* — eine Rettung von D-r *Franz Mehring*». Книга эта почему-то не обратила на себя вниманія нашей журналистики, хотя въ послѣднее время и у насъ стали интересоваться тою системой философско-историческаго міровоззрѣнія, виднымъ представителемъ которой является упомянутый нѣмецкій авторъ. Мы говоримъ о системѣ историческаго или экономическаго матеріализма.

Правда, въ книжкѣ д-ра Фр. Меринга рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о Лессингѣ, извѣстномъ писателѣ классическаго періода нѣмецкой литературы. Характеристикѣ Лессинга, какъ идеолога, передового бойца нѣмецкой буржуазіи XVIII вѣка и какъ противника просвѣщеннаго деспотизма Фридриха II, въ книгѣ Меринга отведено болѣе половины. Но къ этой чисто литературной части интереснаго труда автора мы предполагаемъ вернуться когда-нибудь въ другой разъ, а теперь позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на тѣхъ главахъ книжки, въ которыхъ авторъ попутно рисуетъ личность и политику знаменитаго короля-философа, Фридриха II прусскаго, современника Лессинга и другихъ нѣмецкихъ классиковъ.

О Фридрихѣ, этомъ крупнѣйшемъ представителѣ знаменитой системы просвѣщеннаго деспотизма, господствовавшей во вторую половину прошлаго вѣка почти во всей Европѣ (за исключеніемъ Англіи и Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странъ), нашъ авторъ сообщаетъ, правда, лишь немного новыхъ *фактовъ* *). Но, помимо

*) Въ русской исторической литературѣ о времени Фридриха II и просвѣщенномъ деспотизмѣ читатель найдетъ наиболѣе подробныя данныя въ новомъ трудѣ проф. Н. *Карѣева* «Исторія Зап. Европы въ новое время» (томъ III, стр. 276—398) и отчасти въ извѣстномъ трудѣ Г. *Вебера* «Всеобщая исторія» (томы XII и XIII).

уже того обстоятельства, что всякая, мало-мальски солидная новинка въ относительно бѣдной литературѣ историко-экономическаго матеріализма не можетъ не обратить на себя вниманія всѣхъ, интересующихся послѣднею, крупный интересъ и значеніе книжки нашего автора мы усматриваемъ въ томъ своеобразномъ *объясненіи* и *освѣщеніи* общеизвѣстныхъ фактовъ, которое даетъ авторъ, заявляющій о себѣ, что онъ всецѣло (rückhaltlos) слѣдуетъ историко-экономическому методу изслѣдованія.

Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробную оцѣнку научнаго значенія ни того метода, которому слѣдуетъ нашъ авторъ, ни тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ его. Замѣтимъ, однако, что хотя мы лично и не безусловно соглашаемся съ авторомъ во всемъ (см. ниже, послѣднюю главу), тѣмъ не менѣе, многія соображенія и выводы его намъ кажутся заслуживающими серьезнаго вниманія. Сплошь и рядомъ авторъ ставитъ вопросъ не только опредѣленнѣе, но и правильнѣе многихъ историковъ-идеологовъ, вслѣдствіе чего и отвѣты, предлагаемые авторомъ, нерѣдко подкупаютъ своею ясностью и правдоподобностью.

I.

О Фридрихѣ, говоритъ Мерингъ, сохранилось въ публикѣ нѣсколько изреченій его, которыя, обыкновенно, и приводятся патріотами-буржуа въ подтвержденіе ихъ взгляда на Фридриха, какъ просвѣтителя Германіи. Изреченія эти гласятъ: «государь— первѣйшій слуга государства» *); «хочу быть королемъ бѣдняковъ»; «газетъ не слѣдуетъ стѣснять»; «въ моемъ государствѣ каждый можетъ спасаться на собственный манеръ» **). Но такъ какъ изреченія эти, съ одной стороны, стоятъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ практикой правительственной дѣятельности короля, а съ другой стороны—относятся ко времени, предшествующему вступленію Фридриха на престолъ, то многіе (въ томъ числѣ и *Карлейль*) видѣли въ нихъ проявленіе такъ-называемаго либерализма кронпринцевъ. Однако, такое мнѣніе несостоятельно: видѣть въ Фридрихѣ первоисточникъ всякой скверны столь же не-

*) «Фридрихъ считалъ себя первымъ слугой государства, и всѣмъ своимъ царствованіемъ доказалъ, что эта преданность благу цѣлаго была не фразой» (*Веберъ*, XIII, 456 и сл.).

**) Ср. *Вебера* «Вс. ист.», XII, 693. По словамъ *Карѣева* (III, 328), «король-философъ въ дѣлѣ религіознаго вольнодумства даже самъ подавалъ примѣръ: въ религіяхъ онъ видѣлъ дѣло жрецовъ, придумавшихъ ихъ для управленія людьми».

правильно, какъ видѣть въ немъ и первоисточникъ всяческаго блага. Главную причину «успѣховъ» короля-философа Мерингъ усматриваетъ въ ясномъ пониманіи имъ той истины, что всякій шагъ короля обусловленъ и опредѣленъ экономическими отношеніями жизни и правительственной дѣятельности. Не даромъ Фридрихъ, въ семилѣтнюю войну, писалъ брату своему, что побѣдитъ тотъ, въ чьемъ карманѣ сохранится послѣдній талеръ; не даромъ онъ называлъ финансы «нервомъ государства» и ставилъ ихъ даже выше войска. Сообразно тому и въ изреченіи: «*государь— первѣйшій слуга государства*», Фридрихъ, по мнѣнію автора, высказывалъ не страсть къ дешевой популярности (какъ полагаетъ, напр., *Кольбъ*) и не преклоненіе свое передъ идеаломъ *), а лишь тотъ фактъ, что онъ, главнымъ образомъ, добивался свободнаго, деспотическаго распоряженія экономическими средствами владычества надъ страною. Это изреченіе (заимствованное, впрочемъ, у Тиверія) содержитъ въ себѣ не ограниченіе, а, напротивъ, расширеніе его власти, какъ короля. Фридрихъ противопоставлялъ маккіавеллизму идею монархическаго долга, исходя изъ того представленія, что люди избрали короля, возложивъ на него извѣстныя обязанности. Но король-философъ особенно настаивалъ на необходимости предоставленія королю неограниченной власти, какъ единственнаго условія, при которомъ онъ можетъ надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Онъ въ извѣстной, хотя и весьма ограниченной, мѣрѣ уважалъ свободу своихъ подданныхъ въ области вопросовъ совѣсти и отвлеченной мысли, но самое опредѣленіе мѣры этой свободы принадлежало ему самому **). Такъ смотрѣли на это изреченіе и нѣкоторые умные современники Фридриха, напр., *Гейнзе*, который (въ своемъ Ardinghello) замѣчалъ: «какъ можетъ быть слугою тотъ, кому никто не смѣетъ приказывать, кто не знаетъ надъ собою повелителя, кто создаетъ законы по собственному усмотрѣнію и караетъ по собственному произволу?» Дѣйствительно, если князь объявляетъ себя слугою, притомъ первѣйшимъ слугою государства, то въ рамкахъ абсолютистскаго государства это значитъ, что личную отвѣтственность онъ не ставитъ ни во что. Ибо нельзя же объявить себя рабомъ своей собственности, говоритъ Мерингъ. А насколько Фридрихъ считалъ государство своей собственностью, видно изъ его завѣщанія, въ которомъ онъ, наряду съ золотой и серебряной посу-

*) «Фридрихъ имѣлъ самое высокое понятіе о сущности и задачахъ государства; всеобщее благо — вотъ цѣль государства и задача монарха» (*Веберъ*, XIII, 456).

**) *Карѣевъ*, III, 328 и сл.

дою, библіотекой, картинной галлереей и пр. вещами, завѣщалъ племяннику своему и королевство Пруссію. Именуя себя первѣйшимъ слугою государства, Фридрихъ, по мнѣнію автора, преслѣдовалъ вполнѣ практическую цѣль. Онъ стремился превратить всѣхъ чиновниковъ въ нѣмыхъ исполнителей его абсолютной воли *), а изреченіе о государѣ, какъ первѣйшемъ слугѣ государства, и было выраженіемъ именно этого стремленія. Въ этомъ отношеніи онъ всегда оставался вѣренъ себѣ. Онъ правилъ государствомъ безъ помощи высшаго чиновничества; онъ принималъ министровъ оффиціально лишь разъ въ годъ (въ іюнѣ); онъ издавалъ всѣ административныя распоряженія самостоятельно, въ формѣ кабинетскихъ указовъ, при участіи трехъ секретарей, которыхъ набиралъ изъ разряда второстепенныхъ писцовъ и осуждалъ затѣмъ на жизнь чисто затворническую, строго надзирая за ними, словно за государственными преступниками. «Изъ чувства долга, посвящающаго всѣ силы, всю жизнь службѣ націи, вытекала та изумительно неустанная дѣятельность Фридриха, которая во все сама вникала» и т. д. **). Съ другой стороны, Веберъ (тамъ же, 467—8) признаетъ, что король «рѣшалъ все самъ», что «вліятельнаго министра» при немъ не было, такъ что даже «правая рука» короля (Эйхель) былъ не что иное, какъ «простой чиновникъ, исполнявшій приказы своего начальника». Странно, при такихъ условіяхъ, слышать заявленіе *Ранке* о томъ, что Фридрихъ создалъ «первую въ мірѣ» сильную, энергическую администрацію» («Uber die Epochen der neueren Geschichte», 1888 г., стр. 203).

Относительно изреченія Фридриха о томъ, что онъ хотѣлъ быть «*королемъ бѣдняковъ*», Мерингъ замѣчаетъ, что, во-1-хъ, достовѣрность этого изреченія не установлена никакими документами ***); во-2-хъ, Фридрихъ (конечно, изъ средствъ государственнаго казначейства) всегда помогалъ не бѣднымъ и угнетеннымъ, а классу дворянъ-помѣщиковъ, осыпая ихъ весьма щедрыми привиллегіями и субсидіями; въ-3-хъ, Фридрихъ вообще крѣпко держался финансовой системы отца своего, Фидриха-Вильгельма I, съ тою лишь разницей, что послѣ 7-лѣтней войны онъ усугубилъ финансовый гнетъ, безъ того уже обременявшій

*) «Фридрихъ не только не передавалъ правленія министрамъ, но самъ сдѣлался первымъ и единственнымъ своимъ министромъ, превративъ совѣтниковъ въ простыхъ секретарей» (*Карѣевъ*, III, 321).

**) *Веберъ*, XIII, 456.

***) Это изреченіе перешло въ книгу *Вебера* «Aus vier Jahrhunderten» (N. F., I, 142), а оттуда и во многія другія историческія сочиненія, изъ докладовъ бывшаго саксонскаго министра Мантейфеля, источника, по замѣчанію Меринга, весьма недостовѣрнаго.

низшіе классы населенія. «По отношенію къ прежнему соціальному строю Фридрихъ оказался консерваторомъ. Въ прусскомъ государствѣ, за дворянами сохранялись соціальныя привиллегіи, въ видѣ вознагражденія за лишеніе политическаго значенія (!), а потомъ и за службу въ арміи: дворянство поставляло офицеровъ, плохо оплачиваемыхъ государствомъ и потому нуждавшихся въ доходахъ съ крестьянъ. Фридрихъ нетолько сохранилъ этотъ порядокъ, но и самъ смотрѣлъ на дворянство, какъ на людей высшей расы» *).

Далѣе, говоря, что «*не слѣдуетъ стѣснять газетъ*», Фридрихъ, по словамъ Меринга, разсчитывалъ заручиться въ лицѣ печати лишнимъ орудіемъ противъ остальныхъ европейскихъ державъ. Это явствуетъ, между прочимъ, изъ одного письма кабинетъ-министра *Подевилля* (отъ 5 іюня 1740 г.) **), въ которомъ сказано, что Фридрихъ предполагалъ въ печати говорить иностраннымъ державамъ всякія непріятности, оставаясь самъ въ тѣни и не принимая на себя отвѣтственности за выходки печати. Съ другой стороны, Фридрихъ оставлялъ въ силѣ и даже неоднократно подтверждалъ запрещеніе печатать что-либо по общественнымъ дѣламъ безъ высшаго дозволенія; вслѣдствіе этого, всякая критика дѣйствій правительства и администраціи, даже простое обсужденіе публичныхъ дѣлъ считалось чѣмъ-то преступнымъ. Оттого въ политическомъ отдѣлѣ берлинскихъ газетъ того времени мы встрѣчаемъ лишь невинныя извѣстія о пожарахъ, землетрясеніяхъ, уродствахъ, о томъ, какъ какой-нибудь алжирскій каперъ разграбилъ мальтійскій корабль, и т. п. Принципіально Фридрихъ всегда высказывался противъ свободы печати и за сохраненіе цензуры, якобы въ интересахъ общественной безопасности и общественнаго блага. По словамъ *Вебера* (XII, 693), газеты при Фридрихѣ получили «болѣе свободное развитіе», но въ чемъ именно послѣднее выражалось—неизвѣстно: съ другой стороны Веберъ говоритъ, что «по почину самого Фридриха» стали выходить въ Берлинѣ двѣ новыя газеты, въ томъ числѣ одна, сообщавшая свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ и ученыхъ вопросахъ, и «печатавшая статьи самого короля». Быть можетъ, «болѣе свободное развитіе» получили именно такія «креатуры» и лейбъ-органы короля? По мнѣнію *Карѣева* (III, 367), «относительная свобода печати» при Фридрихѣ была «результатомъ того презрительнаго отношенія къ прессѣ, какое являлось

*) *Карѣевъ*, III, 330.

**) См. *Preuss*, «Friedrich der Grosse» 3 251.

у государей, чувствовавшихъ свою силу и видѣвшихъ все безсиліе прессы въ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе не играло еще такой роли, какъ въ Англіи или Франціи». Впрочемъ, Карѣевъ допускаетъ, что Фридрихъ признавалъ свободу мысли и печати лишь постольку, «поскольку свободная мысль держала себя далеко отъ политики» (III, 328). Наконецъ, въ кабинетскомъ декретѣ отъ 14 октября 1780 г. король прямо приказывалъ сдавать въ солдаты лицъ, уличенныхъ въ «недозволенномъ писательствѣ, возмущеніи подданныхъ и иныхъ грубыхъ нарушеніяхъ закона».

Отъ *вѣротерпимости* Фридриха большинство новѣйшихъ историковъ приходитъ въ восторгъ, ссылаясь, напр., подобно *Э. Шмидту*, на тотъ фактъ, что Фридрихъ не трогалъ «пресловутаго» вольнодумца *Эдельмана*. Этотъ вольнодумецъ былъ, по свидѣтельству, напр., *Гейгера*, «просвѣтителемъ», предупредившимъ эру просвѣщенія, предтечей Реймаруса и др. Онъ мужественно отстаивалъ учителя своего, Спинозу, хотя прекрасно сознавалъ, что отъ этого ему не поздоровится. Фридрихъ, по мнѣнію Меринга, не трогалъ Эдельмана просто потому, что считалъ его безвреднымъ фантазеромъ; но ни покровительства, ни защиты противъ враговъ онъ ему не оказывалъ. Напротивъ, когда одинъ изъ членовъ академіи, химикъ *Поттъ*, анонимно вступился было за Эдельмана, возражая на доносы пастора *Зюсмильха*, король засадилъ типографа Рюдигера, напечатавшаго книжку Потта, на 6 мѣсяцевъ въ Шпандаускую крѣпость, «за вылазки противъ христіанской религіи и ея провозвѣстниковъ», и, сверхъ того, эдиктомъ 1748 г. объявилъ, что будетъ безпощадно наказывать за подобныя «вольности». Тотъ же король-философъ уже въ 1743 г. (на 3-й годъ своего царствованія) велѣлъ запретить раціоналистическіе трактаты готшедіанца *Гебгарда*: затѣмъ, по поводу оскорбленій, будто бы нанесенныхъ берлинскимъ педагогамъ другимъ готшедіанцемъ, *Миліусомъ*, былъ изданъ общій цензурный уставъ 1749 г., дѣйствовавшій до самой смерти Фридриха. Итакъ, всякіе, мало-мальски серьезныя изслѣдованія въ сферѣ религіозныхъ началъ, хотя бы въ рамкахъ безобиднаго готшедіанства, при королѣ-вольтерьянцѣ весьма-таки энергически стѣснялись. Мало того, если Фридрихъ и говорилъ, что въ его государствѣ «всякій можетъ спасаться на собственный манеръ», то тотъ же Фридрихъ, въ одномъ кабинетскомъ указѣ *), заявлялъ: «всякая вѣра хороша, если только люди, ее исповѣдующіе, честные люди; потому, если захотятъ поселиться у насъ въ странѣ хотя бы турки

*) Ср. Koser, «König Friedrich der Gr.» I, 13.

и язычники, то мы имъ построимъ ихъ мечети и капища». Дѣло въ томъ, говоритъ Мерингъ, что Фридрихъ желалъ заселить свою бѣдную и малолюдную страну (дабы имѣть достаточный контингентъ рекрутовъ для своей арміи и объектъ обложенія поборами для своей казны). Съ этой милитарно-финансовой точки зрѣнія онъ былъ радъ всякимъ переселенцамъ, а потому и соглашался даровать имъ всѣмъ свободу исповѣданія. Но нелѣпо было бы приписывать Фридриху мысль объ уравненіи въ правахъ всѣхъ исповѣданій въ духѣ Локка и буржуазнаго просвѣщенія. *Веберъ* (XII, 693) утверждаетъ, что «Фридрихъ сознательно и послѣдовательно проводилъ основное правило, что пользованіе гражданскими правами не должно зависѣть отъ принадлежности къ католическому вѣроисповѣданію, что никакая религія не можетъ предъявлять притязаній на исключительное покровительство государства». Веберъ объясняетъ эту политику короля вліяніемъ просвѣтительныхъ идей и «великодушными воззрѣніями» короля (464). Впрочемъ, тотъ же Веберъ упоминаетъ и о томъ, что, «благодаря значительному приросту населенія, вслѣдствіе силезскихъ и польскихъ пріобрѣтеній, стали (кто?) добиваться, чтобы съ мыслью о совмѣстномъ подданствѣ (разновѣрнаго населенія?) сгладились религіозныя противоположности». *Карѣевъ* (III, 328) тоже полагаетъ, что «новыя условія, въ коихъ очутилось прусское государство послѣ присоединенія земель съ католическимъ населеніемъ, заставляли его держаться нейтралитета между Римомъ и Женевой» (т. е. вѣротерпимости). Но Карѣевъ указываетъ и на нѣкоторые иные факторы въ этомъ отношеніи (старую гогенцоллернскую политику, «современную» идею вѣротерпимости, собственное міровоззрѣніе Фридриха).

Такою же вѣротерпимостью заявилъ себя и строго-ортодоксальный отецъ Фридриха: тотъ для разновѣрныхъ солдатъ своихъ тоже устраивалъ разновѣрныя церкви, подчиняясь въ этомъ отношеніи простому требованію милитарнаго государства. Вербовка рекрутъ на католическомъ югѣ и западѣ Германіи, главныхъ районахъ тогдашняго набора, была и безъ того весьма затруднительна, и она стала бы почти немыслимой въ томъ случаѣ, если бы вербовщикамъ, кромѣ противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей и обывателей, приходилось еще преодолѣвать и сопротивленіе со стороны церкви. Неудивительно также, что прусскіе Гогенцоллерны, «носители протестантской идеи», по заявленію историковъ патріотовъ, — похитившіе у католической церкви орденскую землю—Пруссію, находили потомъ нужнымъ кокетничать съ ограбленною ими церковью: на картѣ стояло вѣдь

ихъ собственное существованіе. Поэтому-то и Фридрихъ не только строилъ церкви для своихъ солдатъ-католиковъ, но и запрещалъ нападать на католицизмъ *).

Наконецъ, Фридрихъ понималъ, что религіозность и проповѣдь религіи могли сослужить ему хорошую службу въ дѣлѣ укрѣпленія воинской дисциплины и предупрежденія дезертирства. Поэтому, въ приказахъ по войскамъ правительство короля-вольтерьянца предписывало научать солдатъ страху божьему, въ воскресные дни дважды водить ихъ въ церковь, внушать имъ мысль о святости присяги, и т. д. Въ этомъ отношеніи очень характеристиченъ и тотъ фактъ, что Фридрихъ дорожилъ іезуитами, и именно за ихъ строгую дисциплину (какъ онъ и заявлялъ о томъ папѣ Клименту XIV по поводу предположенія упразднить іезуитскій орденъ); онъ даже оставилъ у «себя», въ странѣ, переодѣтыхъ іезуитовъ, послѣ ихъ оффиціальнаго упраздненія папою **). Но когда, по одному военно-судному дѣлу о дезертирствѣ, оказалось, что іезуиты не считаютъ дезертирства грѣхомъ слишкомъ тяжкимъ и неискупнымъ, Фридрихъ велѣлъ немедленно повѣсить того іезуита-священника, который эту «еретическую» мысль высказывалъ вслухъ. Еще безцеремоннѣе обращался Фридрихъ съ евангелическимъ духовенствомъ.

Правда, онъ пользовался и *его* услугами въ своихъ военныхъ и школьныхъ цѣляхъ, дабы содержать народъ и войско въ смиреніи и покорности; но услуги евангелическаго духовенства, въ этомъ отношеніи, онъ ставилъ ниже, и потому позволялъ себѣ по его адресу всевозможныя кощунственныя «шуточки», на которыя, вѣроятно, и намекалъ, напр., *Лессингъ*, говоря, что въ Берлинѣ позволено говорить всякій вздоръ о религіозныхъ дѣлахъ ***).

II.

Уже изъ приведенныхъ выше немногихъ замѣчаній о Фридрихѣ II можно видѣть, что «ни задатковъ новаго строя жизни, новаго права, ни тѣмъ паче революціоннаго элемента» въ дѣятельности Фридриха отнюдь нельзя усматривать. Напротивъ, король-философъ былъ de facto довольно-таки не просвѣщеннымъ

*) То же подтверждаетъ, напр., *Ранке*, говоря, что Фридрихъ «не могъ дѣйствовать въ духѣ строгаго протестантизма, такъ какъ у него было много католиковъ среди подданныхъ» («Über die Epochen der neueren Geschichte», 202).

**) Ср. *Вебера*, XIII, 464.

***) *F. Mehring*, «Lessing-Legende», 49—63.

деспотомъ, а страна, которой онъ призванъ былъ править, при немъ отнюдь не представляла какого-то «царства разума и свободы».

По мнѣнію Меринга, это такъ и должно было быть, въ силу традицій и экономическихъ отношеній жизни страны. Для доказательства этой мысли, авторъ входитъ въ подробный обзоръ исторіи Бранденбургско-прусскаго государства до Фридриха и въ его время. Различіе и антагонизмъ между верхней и нижней Германіей въ сферѣ товарнаго обмѣна и производства помѣшали Германіи объединиться, послѣ паденія феодальной имперіи, въ такое единое національное государство, какое мы видимъ во Франціи, Англіи, Испаніи. Лишь только изъ средневѣкового натуральнаго хозяйства стали вырабатываться ремесла, торговля и обмѣнъ—словомъ, первые зачатки современнаго намъ склада производства, антагонизмъ экономическихъ интересовъ помѣшалъ въ Германіи совершиться тому, къ чему въ другихъ странахъ приводила солидарность этихъ интересовъ. Уже въ XIII вѣкѣ, когда ничтожный графъ Рудольфъ Габсбургскій былъ избранъ въ германскіе императоры, было очевидно, что германская монархія есть фикція, миражъ. Онъ былъ манекеномъ въ рукахъ большихъ удѣльныхъ князей, уступившихъ ему корону подъ условіемъ признанія ихъ опеки и позволившихъ ему основать свою собственную династическую власть лишь на счетъ другого, опаснаго соперника своего, богемскаго короля Оттокара. Правда, Рудольфъ сталъ впослѣдствіи родоначальникомъ могущественной династіи, а его удѣльное княжество выросло въ цѣлую міровую державу огромныхъ размѣровъ; но объясняется этотъ фактъ прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что Рудольфъ и его ближайшіе преемники отдали себя въ полное распоряженіе универсальной монархіи папъ. Благодаря покорности своей передъ церковью и папой, Габсбурги пріобрѣтали не только моральный авторитетъ, но и экономическую власть. Помогая римской куріи эксплоатировать германскую націю, они получали за это тоже извѣстную долю «добычи». Но эта эксплоатація, наконецъ, подточила міровую монархію папы, послѣдняя становилась все болѣе и болѣе ненужной, по мѣрѣ того, какъ развивались товарное производство и міровая торговля, а съ ними вмѣстѣ и свѣтская наука. И когда монархія папы, несмотря на это, продолжала и даже усугубляла свою политику эксплоатаціи народовъ, наступилъ, наконецъ, критическій моментъ разсчета всѣхъ европейскихъ народовъ съ Римомъ. Въ Германіи этотъ «разсчетъ», въ виду царившаго въ ней и раздѣлявшаго страну антагонизма экономическихъ интересовъ, былъ мыслимъ лишь въ той формѣ, что одна часть страны продолжала держаться союза съ Римомъ, а другая—обязательно отпала отъ него.

Нѣкоторое время казалось, правда, что на почвѣ борьбы съ Римомъ Германія, въ лицѣ различныхъ княжествъ и классовъ населенія, могла и должна была объединиться въ національное цѣлое. Эксплоатація со стороны папы стала такъ невыносима, что крестьянство, бюргерство, рыцарство и князья, какъ одинъ человѣкъ, возстали противъ папы. Однако, цѣль, къ которой стремилась эта оппозиція, была отрицательною, и лишь только цѣль эта была достигнута, всѣ положительныя противоположности въ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній должны были тотчасъ же сказаться съ тѣмъ большей опредѣленностью. Такъ и случилось. Пораженіе, которое въ эпоху реформаціонныхъ крестьянскихъ войнъ понесли крестьяне, покинутые, между прочимъ, и популярнѣйшимъ лицомъ того времени Лютеромъ, свело на нѣтъ все реформаціонное движеніе. Побѣдителями на соціальномъ полѣ брани оказались князья, представители государственной централизаціи. Но отъ этой перемѣны Германія нисколько не выиграла въ смыслѣ культурнаго прогресса, свободы мысли, совѣсти и т. д. Римская церковь, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, правда, уже мало дѣлала въ области призрѣнія бѣдныхъ и увѣчныхъ, школьнаго обученія и науки; но и то, что сдѣлала она въ этой области, значительно превышало то, что дѣлали державные свѣтскіе князья, временъ реформаціи, получившіе въ свое распоряженіе секуляризованныя имѣнія католической церкви. Самое же протестантское ученіе, въ качествѣ рефлекса этого мелкоудѣльнаго княжескаго деспотизма, окаменѣло въ догматѣ о божественномъ правѣ князей, о ихъ всемогуществѣ и премудрости, о необходимости безусловнаго повиновенія со стороны подданныхъ, словомъ—окаменѣло въ такой догматъ, какого не знавала даже католическая церковь.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, почему реформація въ Германіи привела къ реакціи, и разрабатывая этотъ вопросъ съ той точки зрѣнія, что въ данной борьбѣ религіозныхъ міровоззрѣній отражается экономическая борьба классовъ даннаго времени, Меринъ находитъ, что католицизмъ и феодализмъ были въ средніе вѣка понятіями тожественными; слѣдовательно, нарождавшійся капитализмъ не могъ побѣдить феодализмъ, не побѣдивъ католицизма, городамъ приходилось покончить съ клерикализмомъ, чтобы снять подъ себя «юнкерство». Въ Южной Франціи города, высоко развитые въ экономическомъ отношеніи, уже въ XIII вѣкѣ были первыми очагами протестантской ереси, и совершенно правъ Н. Ленгу, говоря, что альбигойцы—настоящіе предки дѣятелей первой французской революціи. Подобно альбигойцамъ, впослѣд-

ствіи наиболѣе развитымъ въ экономическомъ отношеніи элементомъ французскаго населенія были гугеноты, а французъ Кальвинъ сообщилъ протестантской ереси ту догматическую форму, которая могла служить и служила революціонной буржуазіи знаменемъ въ ея борьбѣ съ габсбургско-папской міровой монархіей. Особенно рельефно это обнаружилось въ Голландіи и Англіи, тогда какъ въ Германіи нѣмецъ Лютеръ протестантскую ересь облекъ въ такую догматическую форму, которая нѣсколько вѣковъ, подобно тяжелому кошмару, угнетала умственное развитіе націи. Историки-идеологи, говоритъ авторъ, это различіе объясняютъ различіемъ въ свойствахъ личнаго характера Лютера и Кальвина. Но, въ дѣйствительности, историческій Лютеръ былъ въ Женевѣ столь же немыслимъ, какъ историческій Кальвинъ въ Виттенбергѣ. Въ богатомъ торговомъ городѣ Женевѣ епископская власть свѣтскаго князя была бы столь же немыслима, какъ немыслима была въ мало-культурномъ мѣстечкѣ Виттенбергѣ (по свидѣтельству самого Лютера) демократическая конституція церкви. Лютеровская теорія обращала князя въ какого-то папу даже въ духовныхъ дѣлахъ, тогда какъ свободомыслящая буржуазія, выразителемъ которой является Кальвинъ, доказывала, что имѣть многихъ «папъ» (хотя бы и свѣтскихъ) гораздо обременительнѣе, чѣмъ одного настоящаго папу. Итакъ, кальвинизмъ и лютеранство были религіозными отраженіями различія въ экономическихъ условіяхъ жизни буржуазіи. Въ кальвинизмѣ отразились развитые экономическіе элементы, а въ лютеранствѣ—не развитые.

Но мало того, что въ Германіи антагонизмъ экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ частей страны затормазилъ развитіе буржуазныхъ классовъ; огромный экономическій переворотъ, совершавшійся въ XVI вѣкѣ, низвергъ германскіе города и съ той высоты, которой они успѣли достигнуть. Морское владычество Ганзы, освободившей Сѣверную Германію отъ средневѣкового варварства, было неудержимо сокрушено. Гибель этого могущественнаго союза городовъ совершилась подъ вліяніемъ соперничества голландцевъ, которые усилились благодаря развитому судоходству и значительному рыбному промыслу; далѣе, подъ вліяніемъ экономическаго развитія скандинавскихъ странъ, торговлю которыхъ Ганза въ свое время совершенно монополизировала; затѣмъ, подъ вліяніемъ упраздненія ганзейскихъ торговыхъ привиллегій, совершеннаго при королевѣ Елизаветѣ въ Англіи, и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Торговый обмѣнъ съ сѣверо-востокомъ Европы почти совершенно перешелъ изъ рукъ нижне-германскихъ городовъ въ руки англичанъ и голландцевъ; торговля съ Англіей

сохранилась за нѣмецкими городами лишь въ незначительной степени; завязать торговыя сношенія съ Испаніей и Португаліей помѣшали тѣ же голландцы, а сношеній съ обѣими Индіями и Востокомъ у нѣмцевъ никогда не было. Точно также, уже къ срединѣ XVI вѣка, утратила въ высокой мѣрѣ свое значеніе и торговля верхне-германскихъ городовъ, вслѣдствіе завоеванія Константинополя турками, открытія португальцами морского пути въ Остъ-Индію въ объѣздъ мыса Доброй Надежды, и вслѣдствіе упадка торговли итальянскихъ городовъ, произведеннаго этими двумя событіями. И чѣмъ болѣе развитіе капитализма приводило къ расширенію его рынковъ, т. е. къ тѣмъ важнымъ географическимъ открытіямъ, которыя совершились въ эпоху реформаціи, чѣмъ быстрѣе міровая торговля перемѣщалась отъ Средиземнаго и Сѣвернаго морей къ берегамъ Атлантическаго океана, тѣмъ скорѣе изсякали источники благосостоянія на сѣверѣ и югѣ Германіи, и тѣмъ ниже опускались буржуазные классы нѣмецкаго народа.

Но упадокъ нѣмецкихъ городовъ знаменовалъ собою и упадокъ нѣмецкой реформаціи. Въ критическій моментъ крестьянской войны города въ лучшемъ случаѣ вели себя двусмысленно и нейтрально, и тѣмъ давали князьямъ возможность подавить оппозицію. Какъ въ 1525 г., такъ и въ 1848 г., нѣмецкая буржуазія была побѣждена феодализмомъ, частью вслѣдствіе недостатка энергіи, частью же вслѣдствіе чрезмѣрнаго реакціоннаго страха предъ пролетаріатомъ. Лютеранскій же феодализмъ, одержавъ верхъ надъ крестьянскимъ движеніемъ и надъ оппозиціей городовъ, далъ полную волю своимъ хищническимъ инстинктамъ, заставляя этимъ многихъ избрать изъ двухъ золъ сравнительно меньшее: католичество. Такимъ образомъ, не вслѣдствіе насилія и хитрости іезуитовъ, и не вслѣдствіе реакціоннаго духа (какъ говорятъ протестантскіе историки), многіе города, расположенные на культурномъ и богатомъ западѣ и югѣ Германіи (напр., Зальцбургъ, Бамбергъ, Вюрцбургъ, Триръ, Кёльнъ, Падерборнъ, наконецъ Фульда и Эйксфельдъ) въ мирное время стали обращаться снова въ католичество. Обновлявшійся католицизмъ оказался выше застывшаго въ своихъ реакціонныхъ догматахъ лютеранства; съ другой стороны, разрывъ съ Римомъ въ то время былъ равносиленъ разрыву съ наиболѣе развитыми странами тогдашней Европы, Италіей, Франціей, Испаніей. Отъ этихъ странъ зависѣли экономическіе интересы верхне-германскихъ городовъ, хотя итальянская торговля въ то время уже клонилась къ упадку, и увлекла съ собою въ пропасть и торговлю нѣмецкую.

Напротивъ, на сѣверѣ и востокѣ Германіи протестантизмъ оставался въ силѣ. Здѣсь народъ сравнительно поздно вошелъ въ кругъ вліянія римско-христіанской культуры; со стороны Рима онъ видѣлъ здѣсь лишь худое, подвергаясь лишь раффинированной и весьма откровенной эксплоатаціи; наконецъ, въ хозяйственномъ отношеніи, эта часть Германіи тяготѣла къ сѣверу и востоку Европы, а не къ югу и западу. Рознь экономическихъ интересовъ, разъединявшая сѣверъ и югъ Германіи, необходимо сказывалась въ религіозномъ отраженіи этихъ интересовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣмецкій протестантизмъ не могъ не отличаться отъ протестантизма французскаго, голландскаго, швейцарскаго, съ того момента, какъ экономическій центръ тяжести перемѣстился съ городскихъ рынковъ въ сторону княжескихъ дворовъ. Правда, въ отношеніи народа интересы у буржуазіи и князей были сами по себѣ общи; если капиталистическій способъ производства создавалъ національное государство, то такое національное государство было мыслимо на первыхъ порахъ лишь въ формѣ абсолютной монархіи. Всюду, гдѣ возникалъ однородный, солидарный національный типъ хозяйства, монархи въ сознаніи своего генезиса способствовали хозяйственнымъ интересамъ страны въ области земледѣлія, ремесла, торговли и индустріи. Именно потому Ганза и погибла, что крѣпнущая княжеская власть на сѣверѣ и востокѣ Европы вступалась, съ огромной чисто эгоистической энергіей, за экономическіе интересы своихъ «отечественныхъ» торгово-промышленныхъ классовъ. Однако, въ Германіи не возникало единаго національнаго государства: возникало множество удѣльныхъ владѣній, въ которыхъ дѣло исторіи затруднялось. Нѣмецкіе удѣльные князья были скорѣе крупными землевладѣльцами феодальной эпохи, чѣмъ абсолютными монархами капиталистической эпохи, въ городахъ они видѣли не источникъ своего могущества, а честолюбивыхъ и опасныхъ соперниковъ юнкерства; они, слѣдовательно, походили въ этомъ отношеніи на ту смѣтливую хозяйку, которая зарѣзала свою чудесную курицу, приносившую золотыя яйца. И лишь только паденіе городовъ, въ этой борьбѣ, помогло возвыситься князьямъ, нѣмецкій протестантизмъ изъ идеологическаго исповѣданія свободомыслящей буржуазіи необходимо долженъ былъ превратиться въ идеологическое исповѣданіе мелко-удѣльнаго деспотизма, и, благодаря быстрому обнищанію народа, Германія стала пресловутой страной рабьихъ инстинктовъ.

Буржуазная исторіографія, продолжаетъ авторъ, жалуется на безпримѣрную въ исторіи нищету духа, умственное безсиліе и деморализацію владѣтельныхъ князей XV—XVIII в. Но виноваты

ли въ этомъ сами князья? И если бы на тронахъ нѣмецкихъ удѣльныхъ князей возсѣдали родоначальники современныхъ Шульцевъ и Мюллеровъ, то развѣ они не обратились бы въ такихъ же нищихъ духомъ и безнравственныхъ деспотовъ, какими дѣлались отдѣльные представители класса нѣмецкихъ князей, въ силу необходимыхъ экономическихъ условій существованія этого класса? Въ самомъ дѣлѣ, если въ распоряженіи князей не было того рессурса власти, которымъ пользовались князья въ странахъ, экономически болѣе развитыхъ, то такимъ князьямъ естественно приходилось существовать лишь измѣной по отношенію къ собственной странѣ, собственному народу, собственной религіи. Когда князьямъ нельзя было кормиться отъ промышленной дѣятельности своихъ подданныхъ, они стали кормиться торговлей людьми. Такимъ образомъ, вывозная торговля въ такихъ владѣніяхъ стала сводиться почти исключительно къ вывозу людей за границу и къ продажѣ ихъ на иноземную солдатскую службу. По вычисленію Гюлиха *) въ періодъ 1750—1815 г. одна Франція переплатила нѣмецкимъ князьямъ за продажу ей солдатъ 33 милл. талер., а Англія 311 милл. талер. Отсюда понятно, почему многіе удѣльные князья столь бѣдной страны, какъ Германія, могли съ успѣхомъ соперничать съ французскими королями на поприщѣ роскоши и расточительности. Понятно также, что такой классъ князей, экономической основой существованія котораго служила измѣна по отношенію къ собственнымъ идеальнымъ княжескимъ обязанностямъ, не могъ отличаться нравственнымъ ригоризмомъ (въ смыслѣ буржуазныхъ моралистовъ-историковъ, въ родѣ *Трейчке*).

Такъ, во время выборовъ императора 1519 г., голосъ свой открыто продавали всѣ курфюрсты, за исключеніемъ Фридриха Саксонскаго, который, благодаря богатству своихъ рудниковъ, пользовался экономической независимостью. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что большинство свѣтскихъ князей склонялись въ пользу протестантизма, главнымъ образомъ, потому, что онъ дозволялъ имъ захватить богатыя церковныя имѣнія, а затѣмъ и потому, что лютеранское ученіе все болѣе и болѣе обращалось въ сплошной диѳирамбъ мелко удѣльному деспотизму.

Понятно, что держава Габсбурговъ-папистовъ неоднократно пыталась упразднить это гнѣздо новѣйшихъ феодаловъ и возстановить священную римскую имперію единой нѣмецкой націи. Но понятно также, что всѣ эти попытки не только не удавались, но и достигали противоположнаго результата. Нѣмецкія княжества

*) *Gülich*, «Gesch. Darstelung d. Handels» etc., 4, 353.

коренились въ экономическихъ порядкахъ страны, а враги Германіи поощряли нѣмецкихъ князей въ ихъ своеобразномъ способѣ товарнаго производства. Одна изъ крупнѣйшихъ попытокъ Габсбурговъ этого рода, 30-ти-лѣтняя война, окончилась документальнымъ признаніемъ суверенитета нѣмецкихъ князей подъ международнымъ ручательствомъ Франціи и Швеціи: въ этомъ актѣ нашла себѣ политическое рельефное выраженіе экономическая розпь Германіи, обратившая послѣднюю въ игрушку заинтересованныхъ иностранныхъ державъ. Наконецъ, изъ одного медвѣжьяго угла протестантской Германіи явился противникъ, которому суждено было стать болѣе опаснымъ, чѣмъ Франція и Швеція, эти иноземные опекуны нѣмецкихъ удѣльныхъ княжествъ.

Этимъ противникомъ было бранденбургско-прусское государство. Послѣ 30-ти-лѣтней войны оно начало возвышаться въ такой же степени надъ сѣвероиъ Германіи, въ какой Австрія возвышалась надъ югомъ. Спрашивается: какъ это случилось? На этотъ вопросъ, говоритъ Мерингъ, историки-идеологи (въ родѣ *Трейчке*) обыкновенно отвѣчаютъ ссылкой на политику Гогенцоллерновъ, ибо, говорятъ они, люди творятъ исторію. Не будь Гогенцоллерновъ, было бы немыслимо и прусское государство. Такой отвѣтъ поражаетъ, конечно, своей простотой, но онъ неудовлетворителенъ по стольку же, по скольку неудовлетворительно и заявленіе о томъ, что Пруссія добилась гегемоніи въ въ Германіи качествѣ борца протестантской идеи. Нѣсколько правдоподобнѣе отвѣтъ, что Пруссія въ качествѣ милитарнаго солдатскаго государства подчинила себѣ мало-по-малу всю Германію. Но неудовлетворительно и это объясненіе; ибо вѣдь и Австрія была военнымъ государствомъ; военными государствами, наконецъ, были въ XVII в. всѣ вообще державы Европы. Безъ войска немыслимъ былъ вообще абсолютизмъ. Первой формой новѣйшаго милитаризма было учрежденіе ландскнехтовъ, но эта форма вымерла уже въ началѣ XVII вѣка. Причина того, что тридцатилѣтняя война продолжалась такъ долго и причиняла столь огромныя опустошенія (она и окончилась не рѣшительной побѣдой одной стороны надъ другой, но благодаря всеобщему истощенію), заключается, между прочимъ, въ томъ, что, благодаря недостатку въ «пушечномъ мясѣ», ни одна изъ враждующихъ сторонъ не могла дѣйствовать съ достаточной рѣшительностью. Войска были слишкомъ мелки и недолговѣчны; при каждой заминкѣ въ уплатѣ жалованья (а небольшая казна всѣхъ воюющихъ державъ была скороистощима), войска эти грозили разбѣжаться, и дѣйствительно разбѣгались.

Благодаря такимъ урокамъ, возникло *постоянное* войско наем-

никовъ, которое стало набираться съ большимъ удобствомъ изъ рядовъ пролетаріевъ-оборванцевъ, созданныхъ самой же войной. Итакъ, бранденбургско-прусское государство отличалось отъ прочихъ государствъ лишь тѣмъ, что оно стало, такъ сказать, архивоеннымъ государствомъ, а стало оно таковымъ благодаря *экономическимъ* условіямъ жизни своихъ составныхъ частей. Маркграфство Бранденбургское, расположенное въ землѣ враждебныхъ славянъ, ядро прусскаго государства, искони было военной колоніей. Основой всякихъ отношеній собственности служили соображенія военныя; всѣ поземельные участки уже съ самаго начала были обложены военной повинностью, денежной или служилой. На службу сюда привлекались ратные люди, ленныя имѣнія предназначались для содержанія воиновъ и т. д. Но мало-по-малу военное сословіе обратилось въ экономическій классъ, который своей публичной должностью воспользовался, какъ источникомъ обогащенія; каста воиновъ подчинила себѣ, съ одной стороны, маркграфа, съ другой—крестьянъ, которые переселялись сюда изъ-за Эльбы, убѣгая отъ гнета имперскихъ землевладѣльцевъ, и которые въ началѣ были свободны. Уже въ 1375 г., согласно марковой поземельной книгѣ, въ рыцарскихъ имѣніяхъ были свободны отъ налоговъ по 10, 20, 25 гуфовъ земли; вмѣстѣ съ тѣмъ быстро уменьшалось не только число самихъ рыцарей ленниковъ маркграфства, но и число дружинниковъ, съ которыми они должны были являться на войну. Дѣло въ томъ, что колонизація нѣмцевъ, сопровождавшаяся истребленіемъ туземцевъ-старожиловъ, приходила къ концу. И если въ такомъ упадкѣ ратной силы страны виноваты были сами князья, дозволявшіе отдѣльнымъ лицамъ откупаться отъ военной службы, то тѣ же князья виноваты сугубо въ гибели свободнаго крестьянства. Они отдавали рыцарямъ въ ленъ пользованіе тѣми службами и повинностями, которыя крестьянство обязано было исправлять на князя; они продавали имъ свое право суда и расправы надъ сельскимъ населеніемъ; они допускали, чтобы рыцари-вассалы увеличивали особыми собственными поборами ту сумму поборовъ и повинностей, которую уже несли крестьяне въ интересахъ князей; они прикрѣпили, наконецъ, крестьянъ къ землѣ, дабы надолго обезпечить за рыцарями ихъ доходы. Затѣмъ, когда въ вѣкъ реформаціи, подъ вліяніемъ экономическаго переворота, разрушился феодальный строй вещей и «просто-дворяне» (der gemeine Mann vom Adel) начали селиться въ своихъ имѣніяхъ, чтобы профессіонально заняться сельскимъ хозяйствомъ, курфирстъ Іоахимъ II за особое вознагражденіе дозволилъ присоединить къ дворянскимъ имѣніямъ нѣкоторые

крестьянскіе участки (Bauernhöfe zu legen), обращая ихъ въ земли рыцарскія, свободныя отъ налоговъ. Такимъ образомъ, къ началу тридцатилѣтней войны въ маркѣ успѣлъ развиться уже настоящій шляхетскій режимъ *). Благодаря такому владычеству юнкеровъ и слабости княжеской власти, военное дѣло въ странѣ, особенно въ періодъ XVI—XVII вѣковъ находился въ большомъ упадкѣ **), вслѣдствіе чего Бранденбургъ особенно сильно страдалъ въ тридцатилѣтнюю войну, а на почвѣ раззоренія страны могла удобнѣе окрѣпнуть и деспотія. Но деспотія была немыслима безъ поддержки постоянной военной силы, и эту военную силу пытался создать послѣ тридцатилѣтней войны курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—1688). Помогли ему создать постоянное войско тѣ же юнкеры, которые были сами заинтересованы въ качествѣ командующаго класса въ сохраненіи государства, въ томъ, чтобы послѣднее въ одинъ прекрасный день не попало въ руки поляковъ или шведовъ, или даже «подлой черни». Благодаря тридцатилѣтней войнѣ, среди крестьянскаго населенія было замѣтно нѣкоторое броженіе умовъ; на раззоренныхъ крестьянскихъ дворахъ селились отпускные солдаты, а люди, хотя бы разъ побывавшіе на военной службѣ, уже переставали мириться съ тяжелой долей крѣпостного ***). Какъ прекрасно это видѣли и сознавали за-эльбскіе юнкеры, видно изъ того, что они неоднократно запрещали своимъ подвластнымъ людямъ носить оружіе. Въ Силезіи, напр., было даже закономъ объявлено, что лица, служившія въ войскахъ—свободны отъ обязанностей подданства. Съ другой стороны, во время войны, сельское населеніе сплошь и рядомъ самовольно оставляло свои насиженныя мѣста и селилось на чужихъ земляхъ. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ заставлялъ помѣщиковъ требовать насильственнаго обратнаго водворенія своихъ подданныхъ, обращенія въ подданство посторонніхъ лицъ, приселившихся самовольно къ имѣніямъ, и, наконецъ, скрѣпя сердце, улучшить свое обращеніе съ наличными подданными, заразившимися вольнымъ и строптивымъ духомъ солдатъ-наемниковъ. Наконецъ, война страшно увеличила число «благородныхъ» (обнищалыхъ) и неблагородныхъ оборванцевъ, которые сильно обременяли всѣ слои населенія Бранденбургской марки: первые

863 89.

*) *Droysen*, Geschichte d. preuss. Politik. 1. 39.

**) Крѣпостныхъ мужиковъ перестали привлекать къ военной службѣ изъ опасенія, что вооруженные крестьяне вздумаютъ возстать противъ своихъ угнетателей (*Jähns*, II 173), а горожане оказывались очень плохими и притомъ строптивыми солдатами.

*) *Freytag*, Bilder, 4. 421.

паразитствовали въ благородномъ кругу, а иногда не гнушались и заниматься разбоемъ, вторые же бродяжили по странѣ цѣлыми шайками и занимались профессіональнымъ нищенствомъ, переходя нерѣдко къ открытому разбою, воровству и т. д. Всѣ эти обстоятельства заставляли юнкеровъ подумать объ огражденіи собственныхъ классовыхъ интересовъ путемъ созданія *постояннаго* войска. И они позволили курфирсту составить его, но, разумѣется, на такихъ условіяхъ, которыя соотвѣтствовали ихъ интересамъ. Во-первыхъ, они выговорили себѣ подтвержденіе своей вотчинной неограниченной власти («по обычаю») надъ крестьянами. Во-вторыхъ, дворянство (преимущественно мелкое) оставило за собой исключительное или почти исключительное право занятія офицерскихъ мѣстъ въ войскѣ, каковая привиллегія юнкеровъ сохранилась въ общемъ и до настоящаго времени, а въ то время составляла не только политическую мѣру безопасности, но и экономическую мѣру обезпеченія многочисленныхъ генерацій обнищалыхъ юнкеровъ на государственный счетъ. Наконецъ, знатное дворянство потребовало себѣ закона, подтверждающаго за нимъ, лично и по имуществу, свободу отъ податей. На такихъ-то условіяхъ, сводившихся къ вящему утвержденію владычества юнкеровъ въ военномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, «чины» и дозволили своему князю установить контрибуцію, т. е. обложить населеніе, сельское и городское, денежными налогами и натуральными повинностями въ пользу постояннаго войска. И какъ ни трудно было населенію, обнищавшему отъ прежнихъ войнъ и отъ безпрерывныхъ войнъ самого курфирста, отбывать всѣ эти повинности и налоги, хотя и не великіе на нашъ современный взглядъ, курфирстъ взыскивалъ ихъ съ крайней безсердечностью. Наконецъ, когда чины въ 1667 г. заявили, что отъ этой контрибуціи страна неминуемо погибнетъ, курфирстъ, въ свою очередь, заявлявшій, что ему *безусловно* нужно 300 тысячъ талеровъ ежегодно на «свое» войско, придумалъ обложить акцизомъ всѣ жизненные припасы, потребляемые жителями городовъ, оставивъ контрибуцію, по-прежнему, на крестьянахъ. Конечно, горожане съ удовольствіемъ ухватились за акцизъ, какъ особый видъ воинскаго налога, ибо они разсчитывали свалить все бремя налога съ классовъ имущихъ на классъ неимущій.

Таково начало бранденбургско-прусскаго военнаго государства, которое и было затѣмъ достроено до конца и упрочено при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I (1713—1740). Этотъ грубо-деспотическій князь мечталъ о сверженіи ига юнкеровъ; онъ постоянно повторялъ, что, какъ король и господинъ, онъ дѣлаетъ, что хо-

четъ, и, проникнутый классовымъ сознаніемъ владѣтельныхъ князей, смотрѣлъ на *всѣхъ*, безъ исключенія, подданныхъ своихъ, какъ на рабовъ монархіи: всѣ были равны передъ его знаменитой дубинкой, которую онъ любилъ частенько пускать въ дѣло. Правда, онъ началъ борьбу противъ юнкерства съ такой энергіей, какъ никто изъ Гогенцолерновъ, но за то онъ былъ и самымъ типичнымъ солдатскимъ королемъ своего военнаго государства: лишь послѣ того, какъ власть надъ войскомъ онъ отнялъ у юнкерства, ему можно было думать и о низверженіи политическаго господства этого юнкерства.

Этому королю патріотическая легенда (въ лицѣ *Трейчке*) приписываетъ идею всеобщей воинской повинности, видя зачатки этой идеи въ кантональномъ регламентѣ 1733 г. Но такого регламента никогда не существовало. Впослѣдствіи Шарнгорстъ, въ 1810 г., изобрѣлъ эту легенду, чтобы увлечь ограниченнаго короля Фридриха-Вильгельма III-го «славнымъ» примѣромъ его «славнаго» предка и вынудить у него согласіе на учрежденіе всеобщей воинской повинности. Въ началѣ XVIII вѣка система добровольной рекрутчины уже не удовлетворяла требованіямъ «милитаризма, самопроизвольно развивавшагося», и приходилось переходить къ болѣе правильной системѣ вербованія солдатъ среди собственныхъ обитателей страны. Это новшество наблюдалось уже всюду на материкѣ, но въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ I хотѣлъ создать себѣ наемное войско чистѣйшаго типа,—войско, которое бы подчинялось только лично королю, ибо съ помощью такого войска ему хотѣлось сломить могущество юнкеровъ, и пока юнкеры заслоняли собой отъ него крестьянство, т. е. большинство населенія, до тѣхъ поръ ему нечего было и думать о правильной системѣ набора среди собственныхъ подданныхъ. При самомъ вступленіи на престолъ, король сразу приступилъ къ увеличенію войска почти вдвое, путемъ покупки или даже путемъ похищенія людей въ другихъ, болѣе слабыхъ, нѣмецкихъ княжествахъ *). Въ собственной странѣ королю нельзя было производить сколько-нибудь продолжительное время такой «наборъ». Рекруты убѣгали за границу, вездѣ ощущался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, власти доносили, что доходы отъ контрибуціи и акциза уменьшились, города жаловались на упадокъ коммерціи, а юнкеры, буквально, силой отбивались отъ нашествія вербовщиковъ. Поэтому, уже съ 1714

*) Классическій случай съ нашимъ Ломоносовымъ, который былъ насильно завербованъ и только бѣгствомъ спасся отъ прусскаго мундира и прусской палки.

года королю пришлось запретить насильственную вербовку, а потомъ, черезъ три года, установить «изъятія», запрещающія набирать, вообще, обывателей городовъ, особенно крупныхъ. Но дѣло созданія постояннаго войска отъ этихъ изъятій ничуть не пострадало. Дѣло въ томъ, что юнкеры отнюдь ничего не имѣли противъ увеличенія войска, если отъ этого не страдалъ ихъ классовый интересъ. Между тѣмъ, завѣдываніе вербовкой солдатъ и командованіе полками было дѣломъ не безвыгоднымъ; при нѣкоторомъ умѣньи можно было за этими дѣлами нажить себѣ деньгу. Юнкеры въ роли вербовщиковъ стали реализировать свою вотчинную власть надъ своими подданными; они стали продавать въ казну своихъ мужиковъ, получая на правахъ собственниковъ ихъ наемную плату, а чтобы не терять, вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочихъ рукъ въ лицѣ мужиковъ, сданныхъ въ рекруты, юнкеры удлинили сроки отпуска и увеличивали число отпускаемыхъ солдатъ, привлекая послѣднихъ обратно на свои экономіи. Къ тому же, такой крѣпостной составъ арміи былъ безобиднѣе и покладистѣе въ дѣлѣ снабженія его провіантомъ и пр., такъ что и отъ хозяйственной стороны завѣдыванія этой арміей, въ карманъ командировъ-юнкеровъ перепадала лишняя кошѣйка экономіи.

Тотъ фактъ, что король санкціонировалъ эту систему вербовки солдатъ юнкерами и въ этомъ отношеніи разбилъ государство на нѣсколько кантоновъ, по числу отдѣльныхъ полковъ, вѣроятно, и подалъ поводъ г. Трейчке трубить о королѣ, какъ объ изобрѣтателѣ всеобщей воинской повинности. Съ другой стороны, хищническая тенденція офицеровъ-юнкеровъ, сплошь и рядомъ шедшая въ разрѣзъ съ интересами военнаго дѣла, заставляла короля усиливать дисциплину и выправку въ войскахъ и надзоръ за офицерами, запрещая имъ безмѣрно удлинять сроки отпуска, устанавливая періодическіе лагерные сборы, съ цѣлью маневровъ и ученій и т. д. Неудивительно также, что король Фридрихъ-Вильгельмъ вообще предпочиталъ чисто наемническое войско: не будь рекрутовъ иностранцевъ, которымъ, разумѣется, не давали никакихъ отпусковъ и которые составляли въ этой малолюдной странѣ, по крайней мѣрѣ, половину войска, ему не удалось бы поставить прусскую армію на эту высоту, которой она достигла при немъ.

Но, вообще говоря, борьба короля съ юнкерствомъ, на почвѣ военной службы, этими не существенными мѣрами и ограничивалась, такъ что все бремя налоговъ, обусловленное усиленіемъ войска, почти исключительно обрушивалось на крестьянъ и горожанъ. Для взиманія этихъ налоговъ нуженъ былъ особый органъ, и король создалъ ту бюрократію, которая въ основныхъ чертахъ

своихъ продолжаетъ существовать по нынѣ; нѣкоторые историки видятъ заслугу короля въ томъ, что онъ открывалъ доступъ къ административнымъ должностямъ элементамъ мѣщанскимъ (особенно старался онъ изъять изъ сферы вліянія юнкерства должность земскихъ совѣтниковъ). Однако, и въ этомъ отношеніи король немного сдѣлалъ, хотя и сознавалъ, что чиновничество можетъ быть хорошимъ орудіемъ въ его борьбѣ съ юнкерствомъ: боевое значеніе бюрократіи онъ самъ же умалялъ, практикуя куплю-продажу должностей въ пользу «рекрутской» кассы. Въ этомъ случаѣ чиновники нерѣдко дѣйствовали заодно съ юнкерами, по свидѣтельству самого же короля *).

В. Ульрихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Mehring, 68–105.

ИЗЪ РОБЕРТА БЕРНСА.

ЛОРДЪ ГРЕГОРИ.

Бушуетъ буря, ночь темна,
И у твоей двери
Я, одинока и грустна,
Стою, лордъ Грегорй.

Меня изгнали изъ семьи
За то, что я люблю,—
Пускай не встрѣчу я любви,
О жалости молю!

Ты помнишь сѣнь густыхъ вѣтвей,
Гдѣ, внявъ твоей мольбѣ,
Впервые я въ любви моей
Открылася тебѣ?

Мнѣ въ сердце рѣчь твоя лилась,
И, вѣрностью полно,
Тебѣ на вѣки въ этотъ часъ
Довѣрилось оно.

Но ты жестокъ и лживъ душой,
Слова твои—обманъ,—
О, разразись же надо мной
Ты смертью, ураганъ!

Казни меня, меня одну,
Небесною стрѣлой:
И отпусти его вину
Предъ Господомъ и мной!

Пер. О. Н. Чюминой.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1856—1862 г.).

I.

...1856 годъ былъ послѣднимъ въ моей училищной жизни. Я просидѣлъ 4 года въ послѣднемъ IV классѣ и при всемъ томъ не могъ питать надежды перейти въ семинарію. Къ тому же, какъ разъ въ этомъ именно году получено было предписаніе отъ высшаго начальства разсказывать уроки *своими* словами и писать сочиненія по русскому языку, о чемъ мы прежде не имѣли и понятія. Чтеніе книгъ у насъ совсѣмъ не было распространено не только между учениками, но даже и между учителями; никто не былъ повиненъ въ этомъ и въ городѣ. Училищная библіотека состояла исключительно изъ однихъ учебныхъ руководствъ. Все ученье наше ограничивалось долбней; даже изъ ариѳметики сначала заучивали наизустъ правила, а потомъ дѣлали по нимъ задачи механически. Бывало, вызовутъ на средину класса ученика и велятъ читать урокъ наизустъ отъ слова до слова, хотя бы даже изъ ариѳметики, а учитель смотритъ въ книгу и слѣдитъ за тѣмъ, не пропустилъ ли ученикъ какое слово.

— Врешь!—остановитъ учитель:—«ибо» пропустилъ.

А тутъ вдругъ въ 1856 г. пришелъ изъ духовной консисторіи указъ—велятъ ученикамъ разсказывать урокъ своими словами, и въ этомъ отношеніи долбня намъ ужасно навредила. До сихъ поръ у меня живо сохранилось въ памяти одно мѣсто изъ руководства Устрялова о самозванцѣ, которое я въ одинъ духъ прокаталъ учителю, но за которое, тѣмъ не менѣе, учитель поставилъ мнѣ дурной баллъ, потому что внезапно остановилъ меня на срединѣ вызубреннаго урока и заставилъ разсказать заученное своими словами. Остановка сбила меня съ толку, такъ что я не только своими словами разсказать, но даже и продолжать дальше не могъ. Я просилъ учителя подсказать мнѣ дальше «хоть

одно слово», чтобы я могъ продолжать *чтеніе* зазубреннаго до конца, но онъ ни за что не соглашался, съ сожалѣніемъ повторяя:

— Не могу, голубчикъ, ей-Богу, не могу: я не виноватъ—велѣно своими словами, и разсказывай. Что-жъ дѣлать: надо подчиниться.

Вотъ эта засѣвшая въ моей памяти несчастная тирада изъ исторіи Устрялова: «Въ шестой годъ Борисова царствованія, въ Литвѣ явился человѣкъ ума быстраго, мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предпріятіе, именуя себя сыномъ Іоанна Грознаго, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ,—то былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ, и едва-ли не жидъ».

Требованіе разсказывать уроки своими словами предъявили къ намъ и на экзаменахъ; но это ни къ чему не повело: большинство учениковъ продолжали читать наизустъ заученное, и экзаменаторы махнули на все рукой. Учителя прямо объявили мнѣ, что меня не переведутъ по малоуспѣшности, а оставятъ еще на два года, слѣдовательно, въ одномъ 4 классѣ мнѣ пришлось бы просидѣть 6 лѣтъ. Дня за три до экзаменовъ я написалъ объ этомъ отцу, и тотъ пріѣхалъ.

— Сынъ вашъ плохъ. Мы принуждены его исключить или оставить въ томъ же классѣ,—заявилъ смотритель отцу, когда тотъ пришелъ къ нему.

— Тяжело мнѣ воспитывать двухъ сыновей... Нынче еще одного сына долженъ учить... Семья у меня большая. Ужъ окажите божескую милость... переведите его.

— Нельзя, нельзя. Онъ лѣнтяй и не способенъ.

Отецъ заплакалъ и упалъ въ ноги смотрителю, потомъ всталъ и, не сказавъ ни слова, положилъ на столъ пятирублевую бумажку, затѣмъ опять бросился въ ноги. Смотритель старался поднять отца съ полу и успокоить.

— Мы увидимъ, отецъ: если сынъ вашъ хоть что-нибудь будетъ на экзаменѣ отвѣчать, то переведемъ.

Экзаменъ производилъ одинъ смотритель, онъ же ставилъ и баллы за отвѣты, а учителя сидѣли только въ качествѣ зрителей, иногда спорщиковъ по возбуждаемымъ смотрителемъ богословскимъ вопросамъ. 12 іюля насъ, четырехклассниковъ, собрали въ общій залъ, куда пришли также смотритель и учителя для объявленія намъ результатовъ экзамена. Я оказался въ числѣ переведенныхъ въ семинарію. Смотритель сталъ около стола по срединѣ залы, а учителя у стѣны по обѣимъ сторонамъ въ рядъ. Каждый изъ насъ, переведенныхъ, подходилъ къ о. смотрителю, кланялся ему въ ноги

и подходилъ подъ благословеніе; потомъ подходили мы къ учителямъ, также кланялись въ ноги, а тѣ протягивали намъ руку и трясли наши въ знакъ того, что мы теперь уже нѣкоторымъ образомъ становимся съ учителями на равную ногу.

Однако, въ этомъ переводѣ моемъ въ семинарію утѣшительнаго было мало: въ семинаріи должны были произойти новые повѣрочные экзамены. До семинаріи въ г. Вяткѣ надо было ѣхать 416 верстъ. Мы выѣхали изъ села послѣ молебна 24 августа. По дорогѣ отецъ велѣлъ заѣхать намъ къ его родному брату, благочинному въ с. Рождественскомъ, Нолинскаго уѣзда, съ которымъ отецъ не видался болѣе 25 лѣтъ. Чтобы не затягивать и безъ того слишкомъ долгой ѣзды до г. Вятки, дьяконъ предпочелъ ѣхать прямо до города, не останавливаясь у дяди, къ которому онъ думалъ заѣхать на обратномъ пути. Въ Вятку мы пріѣхали 30 августа, вечеромъ, и остановились у столоначальника духовной консисторіи, Виноградова, родственника дьякона. Столоначальникъ хотя и получалъ жалованья, по его словамъ, 10 руб. въ мѣсяцъ, но какимъ-то образомъ ухитрялся жить довольно роскошно, даже ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ пилъ водку, а его жена—вино.

Къ инспектору семинаріи я явился 31 августа, утромъ. Меня помѣстили въ нижнемъ этажѣ средняго «архирейскаго» корпуса вмѣстѣ съ другими вновь прибывшими учениками. Кровать и бѣлье были казенныя, за пищу вычитали съ нашихъ отцовъ по 6 р. съ человѣка. Экзамены начались 2 сентября. Ровно черезъ недѣлю намъ объявили о результатѣ экзаменовъ.

Непринятыхъ въ семинарію оказалось 52 человѣка, въ число которыхъ попалъ и я. 10 или 11 сентября намъ, непринятымъ въ семинарію, инспекторъ выдалъ обратно билеты, съ которыми мы пріѣхали въ семинарію, съ надписью: «ученикъ Иванъ Красноперовъ возвращается въ упомянутое въ семъ билетѣ училище».

Странно сказать: дѣти богатыхъ батюшекъ почти всѣ были приняты въ семинарію, изъ бѣдноты же попали развѣ только особенно «даровитые». Непринятые должны были снова тащиться назадъ за 300—400 верстъ, нѣкоторые пошли пѣшкомъ... Многіе изъ нихъ, по неимѣнію средствъ, не пошли уже назадъ въ училище, а остались неучами на всю жизнь: одни заняли мѣста дьячковъ и пономарей, другіе спились съ кругу...

Еще живя въ семинаріи во время экзаменовъ, я получилъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ убѣждалъ меня въ случаѣ несдачи экзаменовъ ѣхать назадъ домой, обѣщая опредѣлить меня на свое пономарское мѣсто, такъ какъ и средствъ не имѣетъ учить такъ

«долго насъ двоихъ и самъ становится уже старъ». Но гдѣ же старъ, когда ему всего былъ 51 годъ? Скорѣе надо было допустить первое. Мои мечты никогда, впрочемъ, не шли дальше пономарскаго мѣста, тѣмъ болѣе, что меня обольстительно манила къ себѣ перспектива быть пономаремъ въ своемъ родномъ селѣ. Я обрадовался этому письму и собрался съ дьякономъ домой.

Изъ Вятки мы выѣхали 12 сентября, а 14 были уже въ селѣ Рождественскомъ у дяди. На широкой равнинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ хвойнымъ лѣсамъ, а съ четвертой полукругомъ огибаемой ручейкомъ, запруженнымъ въ концѣ села навозомъ, отъ чего ручеекъ превращался на протяженіи всего села какъ бы въ широкую рѣку,—раскинулось громадное село. Какъ разъ по срединѣ лѣса, не подалеку отъ церкви, почти подлѣ самаго пруда стояли два довольно большихъ дома, изъ коихъ одинъ былъ деревянный, одноэтажный со множествомъ оконъ, другой, противъ деревяннаго, каменный. Мимо обоихъ домовъ проходила проселочная дорога, за которой сейчасъ же шли огороды причта, примыкавшіе концами къ самому пруду. Мы подъѣхали къ старинному каменному дому, мѣстами обросшему по стѣнамъ мохомъ, мѣстами по угламъ обвалившемуся. Дворъ былъ большой, весь покрытый травой, что доказывало отсутствіе по нему всякой ѣзды. Съ лицевой стороны, передъ окнами, въ палисадникѣ, росли четыре громадныя березы съ гнѣздами грачей. Направо, въ углу двора, къ самому дому была пристроена деревянная двухоконная кухня, за нею изъ сѣней вели низенькія двери въ особо пристроенную деревянную свѣтелку, четыре окна которой съ двухъ сторонъ выходили не то въ садъ, не то въ огородъ. На парадномъ низенькомъ деревянномъ крыльцѣ насъ встрѣтила довольно пожилая и полная дама и молодая, стройная, блѣднолицая дѣвушка, одѣтая въ сѣрое шерстяное платье. Это были моя тетка и ея дочь, Евгенія Ивановна. Мы всѣ поднялись по крутой лѣстницѣ въ верхній этажъ дома. Изъ передней мы вошли въ залу, гдѣ я помолился и сѣлъ на плетеный стулъ въ уголъ. Ко мнѣ подошли дядя, ужасно похожій на моего отца, только нѣсколько пониже и худощавѣе его, съ такой же жиденькой, бѣлокурой бородкой, большимъ носомъ и большими, добрыми карими глазами, потомъ мальчикъ лѣтъ 10-ти и старшій братъ его, 17—18-лѣтній юноша. Я всталъ со стула, разцѣловался и опять сѣлъ, не говоря ни слова. Я въ первый разъ видѣлъ окружающую меня обстановку: вдоль стѣнъ стоялъ рядъ стульевъ, обитыхъ ситцевой матеріей, въ гостиной—фортепіано, на стѣнахъ картины и портреты въ золоченыхъ и черныхъ деревянныхъ рамахъ. Затѣмъ меня особенно тро-

нула ласковость и привѣтливость окружающихъ лицъ. Всѣ меня называли «Ванюшкой», ухаживали за мной, гладили меня по головѣ; а Евгенія Ивановна, подойдя ко мнѣ, выразила даже сожалѣніе, что я «такой худенькій». Во-первыхъ, я ужасно неловко чувствовалъ себя отъ того, что всѣ окружающіе меня лица говорили между собою какъ-то не такъ, какъ говорилъ я: слова и выраженія ихъ были для меня непонятны... «идея»... «ощущеніе» и т. п.; про меня говорили, что я «забитый», «натура примитивная» и т. п. И меня, и дьякона съ участіемъ начали разспрашивать: куда мы ѣдемъ, зачѣмъ? Всѣ ужасно пожалѣли меня, когда узнали, что я не выдержалъ экзамена, и еще болѣе ужаснулись, узнавъ о моемъ намѣреніи поступить на пономаревское отцово мѣсто. Евгенія Ивановна подсѣла ко мнѣ и стала со мной бесѣдовать.

— Развѣ ты, Ванюшка, хочешь быть пономаремъ?

— Что жъ, и пойду,—говорю я.—Отецъ у меня пономарь.

— Тебѣ развѣ не хочется учиться?

— Какъ учиться, коли не приняли.

— Ну, можетъ, и поправится дѣло. Вѣдь ты будешь несчастный... плакать, каяться потомъ станешь, что сдѣлался пономаремъ.

Я молчалъ и, склонивъ голову, безсознательно дергалъ рукавъ сюртука.

— Отецъ твой вѣдь тоже несчастный.. Учись лучше... подумай хорошенько.

— Я бы сталъ учиться, да какъ?

Вдругъ я поднялъ голову и взглянулъ на Евгенію Ивановну

— Папа... папа!—весело вскричала Евгенія Ивановна. Она побѣжала къ отцу.—Ванюшка учиться хочетъ. Какъ сдѣлать? Присовѣтуй.

— Вотъ и хорошо,—сказалъ ласково дядя, подходя ко мнѣ.—Мы обдумаемъ, какъ сдѣлать, послѣ праздника.

Евгенія Ивановна опять подошла ко мнѣ.

— Учись, Ванюшка, человѣкомъ будешь,—говорила она, гладя меня по головѣ;—а то шутка сказать—пономаремъ... Вѣдь это ужасно!

— Пиши отцу домой, что ты раздумалъ на его мѣсто, а учиться снова поѣдешь въ училище въ Вятку,—заключилъ дядя...

— Тебѣ, вѣдь, уроки старые будутъ... ты книги станешь читать,—тараторила Евгенія Ивановна.—Вотъ посмотри, какъ ты измѣнишься... умница будешь, когда читать станешь. Въ семинаріи учить уроки не понадобится! Сочиненія нужно будетъ писать. Вотъ чтеніе-то и понадобится.

Теперь, припоминая все это, мнѣ бы хотѣлось подольше удержать въ своей памяти обаятельный образъ этой дѣвушки. Ту неутолимую жажду свѣта, знанія, которую она впервые влила въ мою непросвѣтленную, забитую душу, я сохранилъ свято и сейчасъ. Я знаю, что гибель и паденіе грозили мнѣ; но она спасла мою «душу живу», спасла не столько холоднымъ убѣжденіемъ, сколько теплымъ человѣчнымъ отношеніемъ къ моему несчастному положенію, котораго я, впрочемъ, не сознавалъ тогда.

Рѣшено было, что дьяконъ всѣ данныя ему отцомъ деньги, отдастъ мнѣ; а я долженъ буду въ израсходованіи ихъ дать отчетъ дядѣ и теткѣ. Дьяконъ уѣхалъ домой 18 сентября, а я въ Вятку 19-го. Дядя самъ написалъ мнѣ прошеніе ректору семинаріи, архимандриту Трифонова монастыря, Амвросію, о желаніи моемъ учиться въ вятскомъ духовномъ училищѣ. Ректоръ семинаріи былъ въ то же время и главнымъ начальникомъ духовнаго училища. Въ заключеніе дядя нѣсколько разъ напомнилъ мнѣ, вѣроятно, для вящшаго успѣха, чтобы я передалъ отцу ректору поклонъ отъ своего дяди, Ивана Гавриловича. Евгенія Ивановна намекнула мнѣ, что въ Вяткѣ есть книжный магазинъ, гдѣ я могу купить себѣ книгъ. Весьма живо припоминаю, какъ я одѣлся въ свой овчинный тулупъ, крытый казинетомъ, какъ сѣлъ во дворѣ на телѣгу, на сѣрый холщевый мѣшокъ съ моимъ бѣльемъ. Изъ раскрытаго окна кухни глядѣла Евгенія Ивановна, одѣтая въ сѣрую шерстяную юбку и черную атласную кофточку, ласково улыбалась и кивала мнѣ головой, когда я, уѣзжая, оглядывался назадъ.

Въ Вятку я пріѣхалъ 20 сентября, вечеромъ, и остановился съ ямщикомъ гдѣ-то на постояломъ дворѣ. 21-го утромъ, я отправился къ ректору въ монастырь. Ко мнѣ вышелъ въ переднюю средняго роста, бодрый краснощекій старичекъ, къ которому я подошелъ подъ благословеніе и подалъ прошеніе.

— Гдѣ ты учился?—кротко спросилъ ректоръ.

— Въ Елабужскомъ духовномъ училищѣ.

— Ну, ладно, ладно... примемъ.

— Вамъ дяденька кланяется,—поторопился я сказать.

— Какой дяденька? Мало ли на свѣтѣ дяденекъ.

— Да дяденька, Иванъ Гавриловичъ.

— Не понимаю... Ивановъ Гаврилычей много. Какъ его фамилія, откуда?

— Дяденька, Иванъ Гаврилычъ Красноперовъ, изъ села Рождественскаго.

— А! знаю, знаю. Онъ дядя тебѣ, что ли?

— Дядя.

— Ну, какъ онъ живетъ? здоровъ ли?

— Ничего, здоровъ.

— Ну, ладно, ладно, учись. Ступай сейчасъ въ училище и скажи инспектору, что я велѣлъ принять тебя.

Училище помѣщалось въ громадномъ каменномъ трехъ-этажномъ зданіи, выкрашенномъ желтой краской и стояло на правомъ высокомъ берегу рѣки Вятки, какъ разъ противъ Александро-Невскаго собора, выстроеннаго по проекту извѣстнаго архитектора А. Л. Витберга. На лицевой сторонѣ зданія, наверху подъ крышей я прочелъ слова, написанныя золотыми буквами: «Блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ». Впослѣдствіи я убѣдился, что это евангельское изреченіе ни къ чему не обязывало тѣхъ, которые блюли «малыхъ сихъ», такъ какъ они преисправно пороли розгами малыхъ сихъ и кормили негодной провизіей. Инспекторъ прямо послалъ меня «жить» въ одну изъ комнатъ третьяго этажа училища.

У меня крѣпко засѣла въ головѣ мысль—идти въ магазинъ за книгами. На другой же день послѣ своего водворенія въ училищѣ я отправился въ книжный магазинъ Дубровина. Магазинъ занималъ высокую большую комнату, сверху до низу уставленную полками съ книгами; книгъ масса лежала и на прилавкѣ. Съ перваго раза, окинувъ взглядомъ все книжное пространство, я растерялся.

— Мнѣ надо купить книгъ,—говорю я приказчику или самому хозяину, робко подходя къ прилавку.

— Какихъ вамъ угодно?

— Вотъ... посмотрю,—и я совершенно зря, не разбирая, взялъ съ прилавка нѣсколько книгъ и наклалъ цѣлую гору.

— Сколько вотъ это все стоитъ?

— Позвольте, сосчитаемъ.—Дубровинъ пересмотрѣлъ всѣ книги, щелкнулъ нѣсколько разъ на счетахъ и внятно проговорилъ:

— Четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ.

Я отдалъ деньги. Мнѣ завернули книги въ бумагу и перевязали бичевкой. Съ радостью схватилъ я свою ношу и пошелъ быстро, быстро, точно полетѣлъ на крыльяхъ. Въ памяти моей сохранились названія нѣкоторыхъ книгъ, остальныя исчезли.

Я съ нетерпѣніемъ принялся развязывать книги. Разбираю: «*Дрожащая скала*», романъ Эли Берте; «*Подвѣнечное платье*», романъ Александра Дюма; «Тяжкія времена въ Англіи» Диккенса; «Проступокъ господина Антуана» Жоржъ Зандъ; «Военные разсказы» Льва Толстого. Названія другихъ книгъ не помню, не помню и ихъ содержанія, хотя живо припоминаю форматъ каждой изъ нихъ

и бумагу, на какой онѣ были напечатаны. Изъ романа Диккенса у меня осталось въ памяти только двѣ первыя начальныя строчки: «Факты и факты; намъ нужны факты...» Изъ «Подвѣнечнаго платья», напечатаннаго на толстой сѣрой бумагѣ, осталась въ памяти одна фраза: «стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, былъ похожъ на букву Х». Въ началѣ ноября всѣ эти книги были уже мной прочитаны, можно сказать, проглочены, потому что я читалъ много, просиживая далеко за полночь, читалъ иногда и въ классѣ во время урока. Читать стало опять нечего, денегъ не было, а между тѣмъ чтеніе книгъ стало уже моей потребностью. У нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей оказались однако кое-какія книги, которыми они подѣлились со мной, а я, въ свою очередь, подѣлился съ ними своими. У товарищей можно было найти весьма не мудрящія книжонки: «Битва русскихъ съ кабардинцами»; «Гуакъ или рыцарская любовь»; «Вѣчный жидъ» и «Парижскія тайны» Евгенія Сю; обѣ комедіи Фонъ-Визина и два-три романа Поль де-Кока. Всѣ эти книги поперемѣнно передавались учениками изъ рукъ въ руки и зачитывались, вслѣдствіе чего онѣ были донельзя потрепаны. Въ концѣ концовъ книгъ стало брать больше неоткуда. Я прослышалъ отъ своихъ товарищей, что въ духовной семинаріи есть профессоръ словесности, Александръ Александровичъ Красовскій, сынъ ректора семинаріи, у котораго находится большая библіотека, что профессоръ этотъ даетъ книги для чтенія семинаристамъ за плату по 1 рублю за полгода. Красовскій жилъ въ мужскомъ Трифоновомъ монастырѣ вмѣстѣ съ отцомъ архимандритомъ этого монастыря. Идти за книгами къ профессору семинаріи, да еще сыну ректора было страшно, тѣмъ болѣе, что мнѣ негдѣ было достать рубля для уплаты за чтеніе книгъ. Совершенно наугадъ иду я къ инспектору училища, Павлу Васильевичу Кабардину.

— Позвольте мнѣ, Павелъ Васильевичъ, въ займы одинъ рубль,— робко говорю я ему, безъ всякой однако увѣренности въ успѣхѣ.

— Тебѣ для чего?

— Хочу вотъ книги брать читать у Красовскаго, профессора семинаріи. У меня нѣтъ денегъ, но я вамъ скоро отдамъ: тятенька скоро пришлетъ.

— Ты не врешь? Можетъ, проѣшь на пряникахъ?

— Нѣтъ, ей-Богу нѣтъ, хоть спросите послѣ Александра Александровича.

Павелъ Васильевичъ вышелъ на минуту въ другую комнату, вынесъ оттуда тщательно свернутую рублевую бумажку и, вручая ее мнѣ, добавилъ:

— Смотри же, не трать деньги по пустякамъ. Я спрошу Александра Александрыча.

— Ей-Богу.....

Однажды, въ зимнюю пору, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ 10 часовъ утра я направился въ монастырь. Мнѣ пришлось подняться кверху во второй этажъ по парадной деревянной лѣстницѣ, устланной ковромъ. Я позвонилъ и мнѣ отворилъ дверь послушникъ въ черномъ подрясникѣ.

— Что тебѣ надо?—спросилъ онъ меня.

— Мнѣ нужно Александра Александрыча. Книги хочу читать, такъ за этимъ.

— Они пьютъ чай, погодите, я доложу.

Послушникъ ушелъ и минуты черезъ двѣ вернулся назадъ.

— Пожалуйте къ нимъ въ кабинетъ.

Ни живъ, ни мертвъ пошелъ я за послушникомъ черезъ большую залу, увѣшанную по стѣнамъ портретами архіереевъ въ клобукахъ и митрахъ, и робко вошелъ въ угловую небольшую комнату въ два окна. Я остановился у самыхъ дверей. Изъ-за стола тотчасъ же всталъ и подошелъ ко мнѣ еще молодой, лѣтъ подъ 30, человѣкъ высокаго роста, одѣтый не то въ подрясникъ, не то въ халатъ изъ темно-сѣрой узорчатой фланели съ узкими рукавами, застегнутыми у пясти рукъ двумя пуговицами. На головѣ были черные остриженные волосы, зачесанные косымъ проборомъ; подбородокъ гладко выбритъ. Большіе каріе, добрые глаза смотрѣли на васъ смѣло, прямо. Лицо въ общемъ было довольно красиво и привлекательно; но станъ его нельзя было назвать стройнымъ: сзади онъ замѣтно былъ сгорбленъ, «отъ сидячей жизни», какъ мнѣ потомъ говорили.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ онъ меня мягкимъ, ласковымъ голосомъ.

— Такой-то.

— Вы хотите книги читать?

— Да.

— Присядьте, пожалуйста.

Я сѣлъ не смѣло, растерянно на кончикъ плетенаго стула. Меня пріятно обрадовало его обращеніе ко мнѣ на *вы*. Ни одинъ учитель въ училищѣ никогда не называлъ насъ *вы*, а обыкновенно кличками: ты, болванъ, дуракъ и т. п.

— Чаю не хотите ли?—спросилъ меня опять Александръ Александровичъ, усаживаясь въ жесткое кресло подлѣ стола и взялъ съ подноса стаканъ чаю.

Я крякнулъ и сказалъ:

— Ничего, можно...

Онъ позвонилъ.

— Принесите чаю,—сказалъ онъ пришедшему послушнику.

На принесенномъ подносикѣ стояли чашка чаю, сливочникъ со сливками, сахарница съ сахаромъ и лежало штукъ 10 сухарей. Я взялъ чашку и кусокъ сахару, а сухарей брать не хотѣлъ.

— Берите, берите сухарей!—обратился онъ ко мнѣ, — и сливокъ налейте.

Онъ всталъ, положилъ на столикъ подлѣ меня нѣсколько сухарей и налилъ въ чашку сливокъ. Пока я проклажался съ чаемъ, Александръ Александровичъ разспрашивалъ меня:

— Вы читали что-нибудь прежде?

— Читалъ.

— Что именно?

— Я читалъ рóманы.

Александръ Александровичъ слегка улыбнулся и поправилъ меня:

— Не надо говорить рóманы, а романы. Какіе же вы романы читали?

— А всякіе... «Вѣчный жидъ» Евгенія Сю, «Дрожащая скала» Эли Берте, «Подвѣнечное платье» Дюма, «Гуакъ или рыцарская любовь», Фонъ-Визина комедію, «Битва русскихъ съ кабардинцами»...

— Однако, много же вы прочли всякой дряни; ну, да это ничего: вреда не будетъ. Дѣло поправимое.

Въ это время я выпилъ чашку чаю, опрокинулъ ее вверхъ донышкомъ и положилъ на него оставшійся кусокъ сахару. Александръ Александровичъ взглянулъ и улыбнулся.

— Благодарю покорно,—сказалъ я, ставя чашку на подносъ и немножко привставъ со стула.

— Кушайте, кушайте еще.

— Пожалуй...

Мнѣ опять принесли чашку чаю, причемъ я взялъ уже новый кусокъ сахару, такъ какъ прежняго нигдѣ не оказалось. Выпивъ вторую чашку, я опять опрокинулъ ее вверхъ донышкомъ и опять положилъ на него огрызокъ сахару.

— Что вы хотите читать?

Въ училищѣ и въ городѣ было тогда много разговору о томъ, что здѣсь (въ Вяткѣ) недавно жилъ Салтыковъ (Щедринъ), который написалъ очень интересную книгу «Губернскіе очерки»; тамъ онъ представилъ въ смѣшномъ видѣ всѣ мѣстныя власти, даже и самого губернатора. Поэтому, прочитать эту книгу было очень интересно.

— Хотѣлось бы прочесть «Губернскіе очерки» Щедрина, — говорю я несмѣло Александру Александрычу.

— Да, книга хорошая, но только, знаете, я бы вамъ не совѣтовалъ сейчасъ читать ее: не поймете всей соли, къ тому же тамъ не мало французскихъ выраженій, вамъ непонятныхъ. Время не ушло, успѣете еще прочитать, а теперь возьмите что-нибудь попроще.

— Такъ вотъ бы Гоголя... «Мертвыя души».

— Тоже погодите, потому что сейчасъ впечатлѣніе утратится. Впослѣдствіи прочтете Гоголя съ большимъ увлеченіемъ, а теперь будетъ для васъ только смѣшно... Я вамъ лучше дамъ другую книгу.

Александръ Александровичъ ушелъ въ другую комнату и минутъ черезъ пять вернулся съ тоненькой переплетенной книгой.

— Вотъ эту прочтите. Только когда прочтете всю, то придите и разскажите мнѣ... ну, хоть о томъ, что вамъ особенно понравилось.

Я раскрылъ книгу и прочелъ: «Семейная хроника. С. Аксакова». Я всталъ и направился, было, къ двери, чтобы уйти, но вспомнилъ, что мнѣ надо было еще отдать рубль.

— Вотъ я рубль принесъ вамъ за чтеніе,—сказалъ я, протягивая Александру Александровичу развернутую засаленную ассигнацію.

— Нѣтъ, вы лучше оставьте ее у себя. Вонъ какой вы худой и тѣло дряблое у васъ.

Онъ взялъ мою руку повыше кисти двумя пальцами и помялъ немножко тѣло.

— Тѣло такое дряблое, вѣрно отъ плохого питанія... Вы лучше на этотъ рубль булокъ покупайте, получше ѣшьте. Васъ, чай, тамъ плохо кормятъ? Даютъ ли вамъ булокъ, мяса?

— Булокъ по праздникамъ, а мяса каждый день... понемножку.

Я былъ ужасно тронутъ и готовъ былъ разрыдаться, но удержался; на глазахъ только на мгновеніе навернулись слезы, которыя я, однако, сейчасъ же скрылъ.

Я бѣжалъ въ училище точно на крыльяхъ. На душѣ у меня было такъ хорошо отъ этой доброты и ласки. Конечно, черезъ нѣсколько дней я уже бѣжалъ съ книгой въ монастырь къ А. А. Отдавая ее, я замѣтилъ, что книга написана «легко, хорошимъ слогомъ» и передалъ ея содержаніе. Послѣ этого я прочелъ и «Дѣтскіе годы Багрова внука», а потомъ А. А. давалъ мнѣ небольшіе томики «Для легкаго чтенія», въ которыхъ помѣщались мелкіе повѣсти и разсказы нашихъ лучшихъ писателей: Григоровича («Антонъ Горемыка»), Тургенева, Потѣхина, Дружинина («Полинька Саксъ») и др. Этихъ томиковъ я прочелъ, кажется, девять.

Мнѣ казалось, однако, страннымъ одно обстоятельство, которое приводило меня въ нѣкоторое недоумѣніе, и это недоумѣніе

съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждой недѣлей расло все болѣе и болѣе. Евгенія Ивановна говорила какъ-то,—думалъ я про себя,—что «когда я буду читать книги, то почувствую въ себѣ перемѣну, на вещи, будто бы, стану смотрѣть другими глазами, разумнѣе», а вотъ сколько времени ужъ я читаю, да еще какъ читаю! и я все-таки никакой перемѣны въ себѣ не замѣчаю. Какая же это перемѣна? Я все такой же, какой и былъ? Видно, мало еще читалъ...

Помнится, учитель русскаго языка, онъ же и регентъ архіерейскихъ пѣвчихъ, горькій пьяница, назначенный къ намъ учителемъ только потому, что тогдашній вятскій архіерей, Елпидифоръ, думалъ этимъ назначеніемъ отвлечь его нѣсколько отъ усиленнаго поклоненія Бахусу,—этотъ учитель далъ намъ на домъ сочиненіе: «Описаніе города Вятки». Я исписалъ цѣлый листъ и подалъ. Черезъ недѣлю учитель принесъ въ классъ наши тетради и, выдавая ихъ, замѣтилъ, что «лучше всѣхъ сочиненіе написано Красноперовымъ». На верху тетради на поляхъ было написано рукой учителя: «Вообще есть мысль». Я такъ и подскочилъ отъ радости, оттого, что сдѣлалъ открытіе. «Такъ вотъ какая значитъ перемѣна-то! Вѣдь вонъ хитрая какая Евгенія Ивановна! Это она знала, потому что сама, вѣрно, на себѣ когда-нибудь испытала эту перемѣну»...

На всѣ зимнія каникулы я, разумѣется, ѣздилъ къ дядѣ въ село Рождественское. Святками было особенно весело. Евгенія Ивановна даже плясала съ нами, пѣла и играла на фортепіано, по вечерамъ иногда читали вслухъ взятыя мной у Красовскаго книги. Но на масляной Евгенія Ивановна какъ будто все недомогала и на улицу совсѣмъ не выходила. Пріѣздъ мой въ Рождественское на Пасху былъ уже непріятенъ и дядѣ, и теткѣ.

— Зачѣмъ опять пріѣхалъ?—съ упрекомъ обратилась ко мнѣ тетка, когда увидала меня утромъ въ кухнѣ. Я не смѣлъ идти прямо кверху, а сѣлъ въ кухнѣ и ждалъ, пока всѣ встанутъ.

— Мнѣ больно хотѣлось повидаться съ вами со всѣми,—оправдываюсь я передъ теткой.

— Со своими-то намъ горя много, а тутъ еще ты...

Она держала въ рукахъ бѣлую ночную рубашку старшаго сына Николая и, показывая мнѣ, говорила: «вѣдь, вонъ вся въ поту—мокрая, хоть выжми. Ночью почти не спалъ. Ну, иди кверху, коли пріѣхалъ. Всѣ встали. Еня, небось, рада будетъ».

Я поднялся кверху и прошелъ изъ передней прямо въ залу. Тетка вошла въ гостиную, гдѣ за ширмами лежала на матрацѣ, положенномъ на двѣ скамьи, Евгенія Ивановна.

— Вѣдь Ванька-то опять пріѣхалъ,—громко сказала тетка, обращаясь къ Евгеніи Ивановнѣ.

— Вотъ это прекрасно, вотъ прекрасно, Ванюшка!—послышался изъ-за ширмъ слабый голосъ Евгеніи Ивановны.

Я смолчалъ и только боялся, чтобы меня не прогнали назадъ въ Вятку.

У Николая Иваныча развивалась чахотка. Онъ ходилъ всегда въ шубѣ и валеныхъ сапогахъ. Лицо его осунулось, побѣднѣло, голосъ сдѣлался слабымъ, часто кашлялъ. Евгенія Ивановна, повидимому, начинала страдать тѣмъ же недугомъ. Она цѣлый день ходила въ тепломъ ваточномъ пальто, крытомъ свѣтло-лиловымъ люстриномъ. Изрѣдка покашливала, но выглядѣла бодрѣе своего брата.

Ночь на Пасху мы всѣ не спали и размѣстились въ кабинетѣ у дяди; но передъ утреней задремали, а Николай Иванычъ даже заснулъ. Послѣ утрени, когда уже немного разсвѣло, пришелъ дядя съ иконами, свѣчами служить молебенъ. Я пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ. Чрезвычайно живо припоминаю Евгенію Ивановну. Въ своемъ обычномъ ваточномъ пальто она стояла впереди по лѣвую сторону залы, у стульевъ, и, рыдая, усердно молилась на колѣняхъ въ тотъ самый моментъ, какъ мы запѣли «Христосъ воскресе». Къ полудню она даже сняла съ себя пальто и до самаго вечера ходила въ одномъ шерстяномъ голубомъ платьѣ. Должно быть, она предчувствовала, что дни ея жизни сочтены. У ней были длинные-предлинные темнорусые волосы. Какъ-то разъ Пасхой она отрѣзала ножницами толстую прядь своихъ волосъ и повѣсила за ширмами, гдѣ стояла ея кровать. Я попросилъ ее отдѣлить маленькую прядь волосъ на память, и она дала... Однажды, когда я строилъ планы о томъ, какъ я пріѣду на лѣтніе каникулы и мы всѣ будемъ гулять по полямъ и лѣсамъ, собирать цвѣты, ягоды, она грустно покачала головой. Въ шутку разложила на столѣ карты.

— Хочешь, Ванюшка, погадаю?

— Погадайте.

— Вотъ ты пріѣдешь въ Вятку... получишь отъ насъ письмо и станешь плакать.

— Зачѣмъ?—тревожно спросилъ я.

— Потому что я умру,—спокойно и улыбаясь сказала она...— Не пожалѣй цвѣтовъ положить мнѣ въ гробъ.

И у ней самой навернулись слезы, и я возьми да тутъ же и заплачь.

— Вѣдь я нарочно, нарочно, что ты?—успокоивала она меня и сейчасъ же перемѣнила разговоръ.

— Если ты будешь хорошимъ человѣкомъ, то, конечно, не забудешь меня.

*

Я не понялъ, что значитъ быть хорошимъ человѣкомъ и потому спросилъ:

— А какіе же нехорошіе люди бываютъ?

— Мало ли какіе! Ну, неучи, безполезные... никому добра не дѣлаютъ...

— Я не буду такимъ...

— Хорошо, если такъ...

Она имѣла право такъ говорить, потому что сама была добра ко всѣмъ, со всѣми ласкова.

Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ въ училище я легъ спать на полу у стѣны въ залѣ передъ печкой. Съ вечера меня долго душили слезы: мнѣ не хотѣлось ѣхать, я что-то предчувствовалъ недоброе... Вѣяніе смерти уже носилось въ домѣ дяди.

Дороги были не проѣздны, но рѣки и рѣчки еще не прошли, снѣгъ еще не весь сошелъ съ полей: на возвышенныхъ мѣстахъ виднѣлись большія проталины, а на низменныхъ онъ лежалъ еще большими массами, и по утрамъ «по наста» можно было смѣло идти, не проваливаясь. Грачи стаями и съ крикомъ носились около старыхъ четырехъ березъ, росшихъ передъ самыми окнами дядинаго дома. Въ двухъ скворешницахъ, изъ коихъ одна торчала на высокомъ шестѣ тутъ же возлѣ березъ, а другая въ огородѣ противъ дома, за дорогой, поселились уже скворцы и дѣятельно работали надъ приведеніемъ своихъ гнѣздъ въ надлежащій порядокъ. Зелень нигдѣ еще не проглядывала, но въ воздухѣ чуялось уже близкое наступленіе настоящей весны. Мы (я и двое семинаристовъ) рѣшили идти до Вятки пѣшкомъ и, если возможно, нанять лошадей гдѣ-нибудь по дорогѣ. Идти надо было далеко— 90 верстъ. Тетка съ утра велѣла напечь мнѣ сдобныхъ булокъ, наварить яицъ и изжарить кусокъ мяса, и все это уложила въ небольшой бѣлый мѣшочекъ, который Евгенія Ивановна сама перевязала бичевкой такъ, что сдѣлала большую петлю, черезъ которую легко могла пролѣзать рука. Она даже показала мнѣ, какъ лучше нести этотъ мѣшокъ...

Изъ Рождественскаго долго не получалъ я никакого извѣстія, что меня сильно тревожило. Однажды, въ воскресенье, утромъ, въ половинѣ мая мѣсяца 1857 г. ко мнѣ въ номеръ пришелъ крестьянинъ и сообщилъ, что сюда пріѣхали «матушка съ Евгеніей Ивановной и просятъ меня придти къ нимъ». Крестьянинъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что Николай Иванычъ умеръ недавно. У меня ёкнуло сердце. Я мигомъ одѣлся и побѣжалъ. Домъ, гдѣ остановилась тетка, былъ маленькій двухъэтажный, полукаменный. Они помѣстились въ верхнемъ этажѣ, состоящемъ изъ маленькой пе-

редней, кухни и двухъ комнатокъ. Изъ передней я вошелъ прямо въ залу, гдѣ увидѣлъ слѣдующую картину: у стѣны направо отъ входа стояла деревянная кровать, на которой сидѣла, обложенная подушками и одѣтая въ голубое шерстяное платье, Евгенія Ивановна—блѣдная, худая. Лицо ея можно бы было счесть совершенно безжизеннымъ, мертвымъ, если бы не большіе прекрасные глаза, которые свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ. Я поцѣловался съ ней и сѣлъ на стулѣ подлѣ ея кровати. Она быстро таяла. Ежедневно пріѣзжавшій докторъ Розовъ сообщилъ ея матери, что дочь едва ли протянетъ до іюня мѣсяца. Всякій разъ, подходя къ ея квартирѣ, я съ мучительнымъ чувствомъ страха издали всматривался въ окна дома, боясь увидѣть въ нихъ горящія свѣчи въ подсвѣчникахъ. Это мучительное состояніе длилось цѣлыхъ двѣ недѣли. Мнѣ не шли на умъ ни уроки, ни чтеніе.

29 мая, рано утромъ, еще почти до свѣту, я вскочилъ съ постели, кое-какъ одѣлся и побѣжалъ къ роковому дому.

Въ послѣднее время я всегда вставалъ рано, бѣгалъ туда и къ урокамъ возвращался въ училище. Въ этотъ день я пришелъ туда еще ранѣе, часа въ три. Евгенія Ивановна не спала. Въ комнатѣ чуялся тотъ особенный специфическій запахъ, какой обыкновенно чувствуется вблизи чахоточныхъ. Солнышко еще не всходило, но на безоблачномъ небѣ алѣла уже заря. Я сѣлъ на стулъ около маленькаго столика, стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ кровати Евгеніи Ивановны и безсознательно или водилъ что-то карандашемъ по бумагѣ, или глядѣлъ въ раскрытую передо мной книгу. Евгенія Ивановна вдругъ раскрыла свои большіе глаза и, подозвавъ меня къ себѣ, слабымъ голосомъ спросила:

— Скоро, Ванюшка, будетъ солнышко?

— Скоро, скоро, вотъ черезъ четверть часа.

— Ахъ, если бы скорѣе... Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на него.

Самъ не знаю зачѣмъ, я велѣлъ прислугѣ-дѣвушкѣ поставить скорѣе самоваръ. Его принесли на тотъ маленькій столикъ, около котораго я сидѣлъ. Самоваръ былъ чистый, блестящій.

— Вотъ и солнышко,—говорю я Евгеніи Ивановнѣ.

Она вскинула своими исхудалыми до нельзя руками и, улыбаясь, вскричала:

— Ахъ, какъ оно хорошо, какъ прекрасно!

Я заварилъ чай и сталъ пить безсознательно, нехотя; предложилъ Евгеніи Ивановнѣ, она выпила полъ чашки и отказалась. Она была не спокойна. Все спрашивала, скоро ли будетъ солнышко, гдѣ маменька, постоянно бредила... Пришла ея мать и стала у ея изголовья... Вдругъ Евгенія Ивановна подняла обѣ руки кверху, за-

крыла ими свое лицо и слабымъ, точно плачущимъ голосомъ проговорила:

— Маменька... Маменька, я умираю... умираю...

— Успокойся, Еня; ты бредишь,—и отвела ея руки отъ лица изъ боязни, какъ бы она не исцарапала лица; но та, глубоко вздохнувъ два-три раза, испустила духъ. Улыбка такъ и застыла на ея лицѣ...

Я положилъ ей въ гробъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ; цвѣтовъ много наклали въ гробъ какія-то неизвѣстныя барышни... Однѣ барышни вынесли ея гробъ изъ церкви—изъ женскаго монастыря. На могилу ей поставили каменный памятникъ, изображающей срубленное березовое дерево, корни котораго вошли въ землю...

1857 годъ былъ вообще для меня несчастнымъ годомъ. 30 октября я получилъ изъ дома письмо съ черной сюргучной печатью. Мать извѣщала меня о смерти отца и умоляла для поддержанія ея и моихъ трехъ сестеръ проситься у архіерея на отцовское мѣсто или же искать жениха для одной изъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы онъ опредѣлился въ Икское Устье на вакантное пономарское мѣсто. Для этой послѣдней цѣли зимой 1858 года въ Вятку пріѣхала моя мать-старуха съ моей сестрой Анной. Прежде всего мать попыталась убѣдить меня поступить на отцовское мѣсто и потому повела меня къ архіерею Епидифору.

— Ты зачѣмъ пришла?—обратился владыка къ матери.

— Сынка вотъ своего хочу на отцово мѣсто просить.—И мать поклонилась владыкѣ въ ноги.

— А ты хочешь идти въ пономари?—обратился ко мнѣ владыка.

Я стоялъ, опустивъ голову, и въ волненіи поправлялъ полу своего сюртука, потомъ поднялъ голову и робко сказалъ:

— Я учиться хочу, ваше преосвященство.

— Да какъ же ты не хочешь? Мало ли что не хочешь?! Вѣдь, я твоя мать, ты мой сынъ и должóнъ слушаться меня,—доказывала мнѣ горько плачущая мать.—Какъ же, ваше преосвященство, развѣ сынъ не должóнъ слушаться матери?

— Силой я не могу заставить его сдѣлаться пономаремъ,— кротко замѣтилъ владыка.

— Вѣдь онъ мой сынъ... Хоть бы онъ былъ подлѣ меня... Я бы глядѣла на него... Вѣдь и въ законѣ-то нѣтъ, чтобы сынъ не слушался своей матери.

— Родители должны научить, воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они, пришедши въ возрастъ, могли не клянуть ихъ, а благословлять... И я былъ сынъ дьячка, и у меня мать тоже плакалась, когда я учился: «хоть бы я, говоритъ, на печкѣ сидѣла

съ нимъ да глядѣла бы на него». А вотъ я съ Божьей помощью выучился и удостоился такого высокаго сана. Зачѣмъ же ты мѣшаешь своему сыну учиться? Онъ у тебя, можетъ, человѣкомъ будетъ... Священникомъ, а то и выше. Вѣдь, судьбы Божіи не исповѣдимы. Такъ ты, говоритъ, не хочешь идти въ пономари?— обратился опять ко мнѣ владыка.

— Учиться бы я хотѣлъ.

— Ну и хорошо, учись,—заключилъ владыка, всталъ и благословилъ насъ обоихъ.

Такимъ образомъ, благодаря умному архіерею, я еще разъ былъ спасенъ отъ ожидавшей меня участи пономаря. Не лучшую участь постигла попытка матери найти жениха для моей сестры, но это уже не по моей винѣ. Правда, женихъ этотъ скоро нашелся въ лицѣ толстаго, высокаго, краснощекаго съ кудрявыми волосами архіерейскаго послушника, который нѣсколько разъ приходилъ на квартиру матери смотрѣть невѣсту и въ концѣ концовъ изъявилъ желаніе поступить на отцово мѣсто. Я пошелъ однажды къ архіерею вмѣстѣ съ женихомъ (по фамиліи Мухачевымъ). Женихъ, подавъ архіерею прошеніе, громкимъ басомъ и скороговоркой проговорилъ: «благословите, ваше преосвященство, на мѣсто умершаго пономаря села Икскаго Устья, Марка Красноперова, Намѣренъ вступить съ его дочерью Анной въ законный бракъ». Очевидно, все это было заучено. Владыка быстро пробѣжалъ прошеніе, и затѣмъ, бросивъ суровый взглядъ на жениха, свернулъ бумагу и съ такой силой бросилъ на полъ, что она полетѣла по полу вдоль всей залы вплоть до самой стѣны.

— Сидѣлъ бы ты, пьяница, на своемъ мѣстѣ! Ты и мѣста-то послушника не стоишь, а тутъ еще лѣзешь въ церковно-служители. Убирайся!..

Очевидно, владыка отлично зналъ своего послушника, который страшно надоѣлъ ему. Мы ушли, и мать больше уже не искала моей сестрѣ женіховъ. Года два спустя, она вышла замужъ за рабочаго на химическомъ заводѣ елабужскаго купца Ушкова.

По обыкновенію, я пробылъ въ вятскомъ училищѣ два года, такъ что въ одномъ четвертомъ классѣ мнѣ пришлось просидѣть шесть лѣтъ. Конечно, первые четыре года прошли для моего умственнаго развитія совершенно непроизводительно, какъ непроизводительно промелькнули годы моего пребыванія и въ первыхъ трехъ классахъ. Все задолбленное и выстраданное мною въ первыя 8 лѣтъ училищной жизни не коснулось моего ума, оно только загромоздило мою память разной безсмысленной дребеденью, освободиться отъ которой меня научила Евгенія Ивановна и оконча-

тельно освободилъ Александръ Александровичъ Красовскій. И все-таки я благодаренъ моимъ учителямъ за то, что они не вытолкнули меня изъ училища, и тѣмъ не сдѣлали меня несчастнымъ на всю жизнь. Въ то достопамятное время педагоги дѣлили учениковъ на двѣ категоріи: на прилежныхъ и лѣнивыхъ,—они, не знали эпитета «неспособный», придуманнаго нынѣшними педагогами, благодаря чему массу учениковъ выталкиваютъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Бывало, ученикъ сидитъ въ одномъ и томъ же классѣ 5—6 лѣтъ, въ той надеждѣ, что онъ хоть чему-нибудь да научится, сидя на одномъ мѣстѣ безконечное число лѣтъ. Если уже и доживая до произрастанія обильной растительности на своей физіономіи, ученикъ не успѣвалъ передвинуться изъ училища въ семинарію, то его исключали не за неспособность, или лѣность, а за «великовозрастіе»,—терминъ, указывающій на предѣлъ, за которымъ слѣдовало уже думать не объ ученіи, а о женитьбѣ. Встрѣтить въ четвертомъ классѣ училища 20—22-хъ-лѣтнихъ учениковъ было не рѣдкость. Мнѣ было 18 лѣтъ, когда я изъ елабужскаго училища перешелъ въ вятское, слѣдовательно, въ семинарію я могъ перейти 20 лѣтъ. Но мой умъ былъ еще въ дѣтскомъ состояніи, и я только теперь началъ выходить изъ состоянія непосредственнаго бытія.

Съ 1858 года Александръ Александровичъ Красовскій сталъ давать мнѣ для чтенія журналы: «Русскій Вѣстникъ», «Современникъ» и «Библіотеку для Чтенія», и болѣе серьезныя книги: Грановскаго, Прескотта, Маколея и др. Объ учености и либерализмѣ Ал. Ал. ходили между нашими учителями различные толки. Говорили, что А. А. обратился въ католичество, что онъ и въ Бога, будто бы, вѣруетъ не по православному, что по этому поводу у него былъ даже крупный разговоръ съ отцомъ его, архимандритомъ, который-де убѣждалъ его бросить чтеніе свѣтскихъ книгъ и тѣмъ предохранить себя отъ заразы невѣрія.

— Вотъ и ты такой же будешь, если станешь книги читать,— пугали меня товарищи.

— Нѣтъ, я ни за что не буду такимъ,—увѣрялъ я.

— Будешь! Красовскій самъ еретикъ и тебя обратитъ къ себѣ... католикомъ будешь.

— Развѣ въ Вяткѣ видѣли вы католиковъ, какіе они?

— Видѣли... Въ папу римскаго вѣрятъ... и ты повѣришь.

Я сталъ не на шутку задумываться надъ тѣмъ, что мнѣ говорили. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ мучительныхъ думъ мнѣ стали видѣться по ночамъ страшные сны: я нахожусь будто въ какомъ-то громадномъ зданіи съ перекрещенными у потолка во

всѣ стороны толстыми бревнами, по которымъ я съ трудомъ перебираюсь, причемъ сзади стараются стащить и сбросить меня дьяволы,—черныя, мохнатыя, длиннохвостыя, но человѣкообразныя существа; меня уже стаскиваютъ за ноги съ одного бревна, но въ безсиліи, какъ утопающій, я успѣваю уцѣпиться за другое бревно и удерживаюсь. Отъ этого мучительнаго кошмара я просыпаюсь весь въ поту и тяжело дыша. Въ другой разъ мнѣ видѣлся самъ Христосъ, гнѣвный и грозный, укоряющій меня за вѣроотступничество. По ночамъ я нерѣдко вставалъ съ постели и горячо молился, плакалъ и молился о томъ, чтобы Богъ просвѣтилъ меня, указалъ правый путь. Я не понималъ, въ чемъ собственно заключается вѣроотступничество, въ которомъ обвиняли А. А. и отчасти меня; въ душѣ мнѣ хотѣлось только стать на сторону А. А. и оправдать его отъ взводимыхъ обвиненій. Въ чтеніи книгъ, въ знаніи я сталъ уже видѣть источникъ внутренняго счастія; свѣтъ знанія, озарившій мою темную голову, влилъ во все мое существо какую-то живительную струю, которая толкала меня впередъ все къ болѣе яркому, животворящему свѣту знанія... Сомнѣнія мучили меня. Измученный, я пошелъ къ Ал. Ал. Онъ, повидимому, замѣтилъ по моему разстроенному виду, что со мной что-то неладное, усадилъ меня на стулъ и сталъ разспрашивать.

— Что съ вами? Ужъ не вышла ли какая непріятность съ учителемъ или инспекторомъ?

— Говорятъ, что книги свѣтскія грѣхъ читать, а надо читать однѣ духовныя... Будто вы изъ за этого въ католическую вѣру обратились... Эдакъ, пожалуй, и я обращусь въ нее.

А. А. расхохотался.

— Глупенькій вы еще,—ласково сказалъ онъ мнѣ, гладя по головѣ.—Зачѣмъ вѣрите всякому вздору? Это говорятъ изувѣры и ханжи невѣжественные. Отъ чтенія книгъ люди не портятся, а напротивъ, дѣлаются лучше, честными. Знаніе дѣлаетъ людей полезными... Не вѣрьте, что вамъ говорятъ на счетъ свѣтскихъ книгъ... Читайте, пріобрѣтайте знанія... Сами будете хорошимъ человѣкомъ,..

Съ этого времени меня уже не мучили больше страшныя, ночныя видѣнія...

Пришло опять время экзаменовъ и перехода въ семинарію. Въ училищѣ экзамены мои прошли благополучно, и я оказался переведеннымъ въ числѣ первыхъ учениковъ; но надо было еще сдать экзаменъ по всѣмъ предметамъ въ семинаріи.

— Завтра, смотрите, у васъ экзаменъ по русскому языку,—

обратился ко мнѣ А. А., когда я пришелъ къ нему съ книгой.— Я вамъ дамъ сочиненіе, которое вы непремѣнно напишете въ классѣ во время экзамена, пока я буду тамъ. Если напишете хорошо, то постараюсь принять васъ въ свое отдѣленіе, если плохо— то, все равно, поступайте въ то, въ какое назначатъ... Мнѣ пріятнѣе заниматься съ хорошими учениками, развитыми.

Онъ удалился въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ маленькимъ лоскуткомъ бумаги.

— Вотъ вамъ тема для сочиненія. Пишите завтра въ классѣ, не стѣсняйтесь... Вы вѣдь много пережили...

Тема была слѣдующая: «Какое впечатлѣніе производитъ на ученика суровый и неприступно-важный видъ начальника школы».

Тема показалась мнѣ ужасно трудной. Я показалъ ее товарищамъ. Тѣ покачали головой и сказали:

— Что? вотъ теперь и выпутывайся, какъ знаешь, коли познакомился съ Красовскимъ.

«Напишу все, что было со мной,—думалъ я про себя:—какъ сѣкли, какъ учился... всѣ были грубы, какъ я изъ училища убѣгалъ... Красовскій правду велѣлъ писать».

Въ классѣ сидѣли и ходили и другіе учителя, кромѣ Красовскаго. Не помню, та-ли тема была дана и всему классу, или только мнѣ одному. Черезъ три часа я кончилъ сочиненіе, написанное на $2^1/_2$ листахъ, и положилъ его въ парту. Красовскій, должно быть, видѣлъ это и подошелъ ко мнѣ.

— Что, кончили?

— Кончилъ,—говорю я.

— Позвольте посмотрѣть.

Не помню, что именно я написалъ, но я зорко слѣдилъ за участью своей тетради. Красовскій сначала прочиталъ самъ тетрадь, стоя у окна, потомъ подошелъ къ другимъ двумъ товарищамъ учителямъ и шепотомъ сталъ имъ читать нѣкоторыя мѣста сочиненія. Я отлично видѣлъ какъ всѣ они хохотали, когда имъ читалъ сочиненіе Красовскій, но меня это не радовало. «Вѣрно, ужъ больно плохо написано, коли хохочутъ», съ тревогой думалъ я. Красовскій подошелъ ко мнѣ и, улыбаясь, сказалъ:

— Хорошо написано, я васъ приму въ свое отдѣленіе.

Послѣ переклички учениковъ я оказался принятымъ въ семинарію 14 ученикомъ.

И. М. Красноперовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Разсказы Стефана Жеромскаго.

I.

«Да свершится надо мной судьба...»

Софоклъ, «Эдипъ-царь».

Въ самомъ темномъ углу палаты на кровати, обозначенной 24-мъ нумеромъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ рабочій лѣтъ 35.

При каждомъ движеніи больного надъ изголовьемъ кровати покачивалась черная деревянная таблица съ надписью: «caries tuberculosa». Бѣднягѣ ампутировали ногу выше колѣна, что было вызвано туберкулезнымъ гніеніемъ кости. Это былъ безземельный мужикъ, работавшій въ помѣщичьей усадьбѣ; три года тому назадъ онъ женился, дождался русоволосаго хлопца, вдругъ ни съ того, ни съ сего заболѣла у него нога въ колѣнѣ и открылись ранки. Какой-то добрый человѣкъ далъ повозку и на счетъ гмины бѣднягу доставилъ въ больницу.

Однообразные, монотонные дни въ больницѣ не оставляли слѣда въ его памяти, образуя какъ бы неизмѣримую пустоту въ его жизни,—только неизмѣнная тоска въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ давила его душу съ такою неумолимою и грубою силою, съ какою каменная плита давитъ могилу. Какъ въ туманѣ, смутно помнитъ онъ удивительныя вещи, которыя съ нимъ продѣлывали: его купали, морили голодомъ, запускали ему въ рану до самой кости какіе-то прутики, потомъ дѣлали операцію: его принесли въ залу, положили посреди господъ, одѣтыхъ въ фартуки, забрызганныхъ кровью, и онъ помнитъ это—непоколебимое мужество, точно какая-то милосердная рука, осѣнило его.

Передъ операціей, глядя на рядъ явленій, возбуждающихъ отвращеніе, онъ вызвалъ изъ глубины своей простой души нить размышленій, которымъ учитъ самая великая на землѣ учительница — общая больничная палата. Послѣ операціи онъ чувство-

валъ только смертельную усталость и отвращеніе. Ему было постоянно холодно, а около полудня и передъ вечеромъ онъ чувствовалъ такую тяжесть въ головѣ, точно ее давила каменная глыба, и отъ этой глыбы къ ногамъ шли струйки мороза, а отъ пальцевъ здоровой ноги къ головѣ опять бѣжали волны согрѣвающаго тепла. Мысли, какъ капельки живого серебра, быстро сбѣгались въ какой-нибудь уголокъ мозга, а временами, когда онъ, скорчившись, лежалъ въ поту, когда вѣки его сами собою смыкались, и онъ не засыпалъ, а впадалъ въ какое-то оцѣпенѣніе,— его посѣщали какія-то странныя полусонныя видѣнія.

Вотъ исчезаетъ все и остается только сѣрое, неизмѣримое, насыщенное запахомъ хлороформа пространство, на половину освѣщенное какимъ-то разсѣяннымъ и исчезающимъ свѣтомъ, похожее на внутренность неизмѣримаго конуса, который начинается отъ больного и лежитъ передъ нимъ, какъ огромная воронка. Тамъ, очень далеко, гдѣ съуживается верхушка, виднѣется бѣлое пятнышко свѣта: туда онъ хочетъ дойти... Днемъ и ночью идетъ онъ къ этой щелочкѣ по безконечной спиральной линіи, огибающей внутреннюю поверхность конуса, идетъ помимо своей воли, изнемогая, какъ улитка, хотя въ немъ точно обрывается что-то, точно трепещутъ въ немъ птичьи крылья, и онъ, какъ дроздъ, запутавшійся ножкою въ сѣти, не можетъ подняться выше, чѣмъ на длину сѣти, и падаетъ назадъ... Онъ знаетъ, что видно изъ этой щелочки. Только бы ногою ступить, а тамъ—идетъ межа по полю подъ лѣсомъ, гдѣ были его собственные четыре загона картофеля. И представляется ему иногда, когда ему удается освободиться отъ окружающей его пустоты, время копанья. Тихо подъ лѣсомъ, прозрачный осенній воздухъ приближаетъ отдаленные предметы и позволяетъ явственно ихъ видѣть. Вдвоемъ съ бабою копаютъ они славныя картошки. На пригоркѣ, на жнивьѣ, собрались въ кучу пастухи съ мѣшечками у пояса, принесли сухого можжевельника, развели костеръ, поджали босыя ноги и прутиками выгребаютъ изъ-подъ пепла печеныя картошки; въ воздухѣ носится ароматный дымъ отъ можжевельника.

Когда онъ чувствовалъ себя здоровѣе, бодрѣе, когда его не такъ мучила лихорадка, онъ испытывалъ страхъ, удивительную тревогу всѣхъ измученныхъ и разбитыхъ, которая существуетъ въ ихъ душѣ, какъ рана. Существо мужика превращалось тогда въ маленькую, какъ зернышко бѣлены, величину, и, точно гонимое вдругъ возникавшими видѣніями, какими-то страшными звуками, падало, разбиваясь о стѣны бездонной пропасти.

Наконецъ, рана на ногѣ стала затягиваться и лихорадка начала проходить. Душа бѣдняги точно вернулась съ того свѣта

къ прежнему состоянію, къ размышленіямъ о томъ, что проходило предъ его глазами. Но какъ же измѣнился характеръ этихъ размышленій! Прежде окружающее вызывало въ немъ жалость, выроставшую изъ отвращенія, теперь онъ испытывалъ ненависть искалѣченнаго животнаго, страстную жажду возмездія, ярость, въ одномъ хищническомъ порывѣ охватившую какъ тѣхъ несчастныхъ, которые лежали съ нимъ рядомъ, такъ и тѣхъ, которые его искалѣчили.

Это состояніе самоистощенія продолжалось долго и вередило его душевную рану.

Вдругъ разъ онъ замѣтилъ, что здоровая нога у него нѣмѣетъ и пухнетъ въ лодыжкѣ. Когда главный хирургъ дѣлалъ свой ежедневный утренній обходъ, мужикъ сообщилъ ему свое спасеніе.

Лѣкарь осмотрѣлъ его изсохшее тѣло, надрѣзалъ немного опухоль, увидѣлъ, что зондъ доходитъ до кости, тряхнулъ пальцами и посмотрѣлъ съ загадочною грустью въ глаза парню.

— Плохо, братъ, твое дѣло! нужно бы и другую ногу... видишь, также... того. А ты плохъ. Лежи себѣ тутъ, тутъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ въ хатѣ, ѣсть будутъ давать...

И онъ отошелъ съ ассистентами. Отъ дверей онъ вернулся еще на минуту, наклонился надъ больнымъ и потихоньку, чтобъ никто не видѣлъ, заботливо погладилъ его по головѣ.

У мужика потемнѣло въ глазахъ, какъ будто его вдругъ хватили цѣпомъ по затылку. Онъ закрылъ глаза и лежалъ долго — и вотъ понемногу въ немъ все затихло.

Есть въ человѣческой душѣ заколдованный тайникъ, замкнутый семью замками, и не открываетъ его никто и ничто, кромѣ воровской отмычки мстительнаго несчастія.

Софоклъ назвалъ этотъ тайникъ по имени устами Эдипа, когда тотъ ослѣпилъ себя... И кроется въ немъ удивительная отрада, сладкая неизбѣжность, величайшая мудрость.

Тихо лежалъ убогій мужикъ на своихъ нарахъ и казалось ему, что по душѣ его, какъ по волнамъ бушующаго моря, проходитъ Христосъ, усмиряя бурю...

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе длинныхъ ночей, въ продолженіе томительныхъ дней онъ смотрѣлъ на все точно изъ какого-то неизмѣримаго далека, изъ какого-то чуднаго мѣста, гдѣ такъ тихо и невыразимо хорошо, откуда все кажется мелкимъ, нѣсколько забавнымъ и глупымъ, но достойнымъ любви.

— Ну что-жъ, ну что-жъ! — шепталъ онъ про себя, — пусть Христосъ пошлетъ людямъ, Богъ съ ними! и мнѣ все-таки не такъ уже скверно...

II.

Сумерки.

Между толстыми стволами елей, одиноко торчавшихъ на мѣстѣ срубленіаго лѣса, гдѣ множествомъ черныхъ пней пестрило зеленое болотистое подножье холмовъ,—склонялось солнце, купаясь въ мѣдномъ блескѣ, точно въ прозрачной пыли, неподвижнымъ слоемъ нависшей надъ далекимъ горизонтомъ. Отблески солнечнаго свѣта сверкали еще на краяхъ тучъ, золотя ихъ и обливая пурпуровымъ сіяніемъ, прорѣзывали ихъ сѣрыя массы и блестѣли на водѣ.

Въ бороздахъ осеннихъ, вспаханныхъ и покрытыхъ жнивьемъ, полей, на болотистыхъ нивахъ и недавно выкорчеванной землѣ стояли непросохшія послѣ недавняго ливня лужи воды, въ которыхъ переливались красныя пятна свѣта, какъ куски обожженныхъ стеколъ. На сѣрыя глыбы земли падалъ тяжелый для глазъ, обманчивый фіолетовый свѣтъ; кое-гдѣ желтѣлъ наносный песокъ; трава на рытвинахъ, кусты на межахъ — все было окрашено не свойственными имъ въ обыкновенное время красками.

Въ глубокой котловинѣ, окаймленной съ востока, сѣвера и юга амфитеатромъ безлѣсныхъ холмовъ, изъ подземныхъ источниковъ бралъ начало ручей, разливавшійся въ болота, излучины и заливы. Около воды, на торфянистой почвѣ росли камышъ, стройный тростникъ, аиръ и купы низкаго ракитника. Неподвижная красноватая вода свѣтилась теперь подъ широкими листьями кувшинокъ и жесткими водорослями—безформенными блѣднозелеными пятнами.

Стаей прилетѣли чирки, покружились нѣсколько разъ съ вытянутыми шеями въ воздухѣ, описывая все меньшіе и меньшіе эллипсисы и нарушая тишину мелодичнымъ, звенящимъ свистомъ своихъ крыльевъ, наконецъ, упали въ камышъ, съ шумомъ разсѣкая воду грудью. Не слышно больше полета бекасовъ, глухого крика водяной курочки, затихло игривое погвиздываніе куликовъ, пропали даже голубые зимородки, вѣчно трепещущіе легкими свѣтчатыми крыльями около стеблей тростника. Только неутомимыя водяныя мухи бродятъ еще по прозрачной поверхности воды на своихъ длинныхъ ногахъ, тонкихъ какъ волосы, но съ колоссальными, насыщенными жиромъ ступнями — да работаютъ два человѣка.

Болота эти составляли часть помѣщичьей земли. Прежній молодой хозяинъ таскался по нимъ съ лягавою собакою за утками и бекасами до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ всѣхъ лѣсовъ и не

забросилъ полей, тогда, выѣхавши неожиданно изъ имѣнія, онъ явился въ Варшаву, гдѣ теперь въ будкѣ продаетъ содовую воду.

Когда пріѣхалъ новый, благоразумный помѣщикъ, онъ съ палкою въ рукахъ сталъ бѣгать по полямъ и часто останавливался надъ болотами, ковыряя въ носу.

Онъ копался въ болотѣ руками, рылъ ямы, мѣрилъ, нюхалъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не выдумалъ удивительной вещи: велѣлъ управляющему нанимать мужиковъ поденно копать торфъ, илъ вывозить на поля и складывать въ кучи, а болото раскапывать до тѣхъ поръ, пока не образуется мѣсто, годное для пруда, тогда сдѣлать плотину и искать мѣсто ниже для новаго пруда, и такъ далѣе, пока не наберется нѣсколько прудовъ, потомъ копать рвы, ставить шлюзы и напускать рыбу.

Вывозить торфъ нанялся сейчасъ же Валекъ Гибала, безземельный работникъ, жившій въ сосѣдней деревушкѣ на квартирѣ. Гибала служилъ у прежняго помѣщика конюхомъ, но у новаго не ужился. Новый помѣщикъ и новый управляющій, во-первыхъ, сейчасъ же уменьшили плату рабочихъ и кормъ скотинѣ, а во-вторыхъ, во всемъ видѣли воровство. У прежняго помѣщика каждый конюхъ ежедневно могъ отъ пары лошадей отсыпать себѣ полгарнца овса и вечеромъ отнести къ шинкарю Беркѣ въ обмѣнъ на табакъ, бумагу, чарку водки. Какъ только пріѣхалъ новый управляющій, онъ понялъ въ чемъ дѣло, а такъ какъ первый случай какъ разъ былъ съ Валькомъ, то онъ далъ ему въ морду и прогналъ со службы.

Съ тѣхъ поръ Валекъ съ бабою жилъ на квартирѣ въ деревнѣ, такъ какъ мѣста найти не могъ: управляющій выдалъ ему такой аттестатъ, что нечего было и думать наниматься. Въ рабочую пору они оба съ бабою зарабатывали кое-что у мужиковъ, но зимою и весною терпѣли ужасный голодъ. Огромный, широкоплечій, съ желѣзными мускулами мужикъ высохъ, какъ щепка, почернѣлъ, сгорбился, ослабѣлъ. Баба—другое дѣло, поживится у кумы, насобираетъ грибовъ, малины, земляники, отнесетъ въ усадьбу или къ жиду и хоть на кусокъ хлѣба заработаетъ, а мужикъ безъ пищи не выдержитъ молотьбы. Когда приказчикъ предложилъ копать торфъ на лугу, у обоихъ заблестѣли глаза. Самъ управляющій обѣщалъ тридцать копѣекъ за каждую вырытую кубическую сажень.

Валекъ каждый день бралъ съ собою бабу копать. Она нагружала тачки, а онъ по доскамъ, проложеннымъ черезъ болото, вывозилъ илъ въ поле. Работа кипитъ у нихъ въ рукахъ. У нихъ двѣ большихъ глубокихъ тачки: едва привезетъ Валекъ пустую тачку, ужъ другая нагружена, онъ набрасываетъ шлею на

плечи и толкаетъ тачку подъ гору. Желѣзное колесо пронзительно скрипитъ; брызги жидкой, проросшей корешками грязи падаютъ на обнаженныя до колѣнъ ноги мужика; когда тачка перескакиваетъ съ доски на доску, плея врѣзывается ему въ шею и плечи, а на рубашкѣ отпечатывается черная полоса зловоннаго пота, руки млѣютъ въ локтяхъ, погружающіяся въ илъ ноги терпнутъ и нѣмѣютъ, но за то въ продолженіе длиннаго дня у нихъ вырыто двѣ кубическія сажени—значитъ въ карманѣ есть деньги.

Они надѣялись, что къ концу осени отложатъ рублей 30, заплатятъ за квартиру, купятъ бочку капусты, мѣръ пять картофеля, сермягу, сапоги, фартукъ для бабы, холста на рубахи и перебѣдуютъ кое-какъ до весны, зарабатывая еще у людей то молотьбой, то пряжей.

Но скоро управляющему показалось слишкомъ дорого платить по 30 копѣекъ за кубическую сажень. Смекнулъ онъ, что не всякій разлакомится рыться въ грязи съ утра до ночи, что Вальку съ женою, должно быть, очень плохо пришлось, когда они безъ раздумья бросились на такую работу. Хотите, говоритъ, по 20 копѣекъ работать, такъ хорошо, а нѣтъ, такъ не надо.

У мужиковъ въ эту пору не заработаешь; въ усадьбѣ при молотилкахъ и машинахъ достаточно своихъ рабочихъ—выбирать не изъ чего. Валекъ послѣ разговора съ управляющимъ пошелъ въ кабакъ и съ горя напился. На другой день утромъ побилъ бабу и взялъ ее съ собою на работу.

Съ тѣхъ поръ, хотя дни стали меньше, они вырываютъ тѣ же самыя двѣ сажени, безъ устали работая съ разсвѣта до поздней ночи.

И теперь вотъ ужъ приближается ночь. Синѣвшіе вдали лѣса потемнѣли и расплываются въ сѣрыхъ сумеркахъ, блескъ воды гаснетъ, освѣщенныя зарею ели бросаютъ огромныя тѣни, на вершинахъ холмовъ, на лѣсныхъ прогалинахъ краснѣютъ еще кое-гдѣ то пни, то камни. Отъ этихъ свѣтящихся точекъ отражаются мелкіе лучи, попадаютъ въ глубокую пустоту, которую образуетъ вокругъ предметовъ неполная темнота, вибрируютъ въ ней, преломляются, дрожатъ одно мгновеніе и затѣмъ все гаснутъ и гаснутъ.

Деревья и кусты теряютъ выпуклость и рѣзкость очертаній, естественный цвѣтъ и кажутся въ сѣромъ пространствѣ плоскими, совершенно черными фигурами съ странными контурами.

Въ ложбинѣ сгущается мракъ и скопляется прохлада, насквозь пронизывающая. Тьма идетъ невидимыми волнами, ползетъ по скатамъ холмовъ, точно поглощая скудныя краски жнивья, обвалившихся деревьевъ, осыпавшейся земли, песчаника.

На встрѣчу волнамъ мрака съ болота поднимаются другія,

бѣловатыя, прозрачныя, едва видныя волны, стелются полосами, клубятся вокругъ зарослей, дрожатъ и переливаются надъ поверхностью воды. Холодный сырой воздухъ давитъ ихъ, пригнетаетъ къ дну долины, гдѣ онѣ лежатъ плашмя, подобно куску дерюжнаго полотна.

— Идетъ туманъ...—шепчетъ жена Валька.

Наступаетъ та пора сумерекъ, когда всѣ видимые предметы, кажется, разсыпаются въ прахъ, когда надъ поверхностью земли разливается сѣрая пустота, засматриваетъ въ глаза и сжимаетъ сердце какою-то невѣдомою скорбью. Женѣ Валька страшно. Волосы становятся дыбомъ у нея на головѣ и морозъ подираетъ по кожѣ. Туманъ приближается, какъ живое тѣло, украдкою подползаетъ къ ней, забѣгаетъ сзади, отступаетъ, подкрадывается и опять надвигается все стремительнѣе и стремительнѣе; наконецъ, онъ кладетъ на нее свои мокрыя руки, пронизываетъ ее до мозга костей, деретъ въ горлѣ и щекочетъ въ груди. Тутъ вспоминается ей ея ребенокъ. Она не видала его съ самаго полдня; спитъ онъ одинъ въ замкнутой избѣ, въ липовой колыбелькѣ, привѣшенной къ стропилу березовыми прутьями. Онъ плачетъ тамъ, вѣрно, захлебывается, рыдаетъ... Мать слышитъ этотъ странный, жалобный, какъ пискъ птицы въ пустырѣ, плачъ, онъ звенитъ у нея въ ушахъ, стучитъ въ одно какое-то мѣсто мозга и терзаетъ ея сердце. Въ продолженіе длиннаго дня она не думала о немъ, потому что тяжелая работа отгоняетъ всякія мысли, разсѣеваетъ ихъ и почти уничтожаетъ, но теперь вечерній страхъ заставляетъ ее сосредоточиться и остановить всѣ мысли на одномъ...

— Валекъ, — говоритъ она тревожно, когда онъ привезъ тачку,—я побѣгу въ хату, наскребу картошекъ...

Гибала ничего не отвѣчаетъ, точно не слышитъ, забираетъ тачку и трогается въ путь, присѣдая, какъ мѣшокъ ржи на десятичныхъ вѣсахъ. Когда онъ вернулся, баба стала снова просить:

— Валекъ, побѣжать?

— Эй...—нехотя буркнулъ онъ.

Она знаетъ его гнѣвъ, знаетъ, какъ онъ умѣетъ дать въ бокъ, собрать кожу въ горсть, ударить разъ, другой, а потомъ бросить человѣка, какъ камень, въ траву; знаетъ, какъ онъ умѣетъ содрать косынку съ головы, обмотать себѣ руку ея волосами и протащить испуганную женщину по дорогѣ, или, не помня себя отъ гнѣва, выхватить изъ грязи лопату и хватить ею по головѣ, не думая о томъ, убьетъ онъ или не убьетъ.

Но нетерпѣливое безпокойство, доходящее до боли, беретъ въ ней верхъ надъ боязнью наказанія. Временами баба замышляетъ

убѣжать: только бы сползти на корточкахъ въ оврагъ, перескочить черезъ ручей, а потомъ стремглавъ—по полямъ, по загонамъ. Нагибаясь и наполняя тачки, она мысленно летитъ, скачетъ, какъ куница, почти чувствуетъ боль, какъ будто въ самомъ дѣлѣ босыми ногами бѣжитъ по жнивью, заросшему колючками и шипами; эти ости не только вонзаются ей въ ноги, но пронизываютъ сердце. Добѣгаетъ она до хаты, отпираетъ засовъ деревянной отмычкой, тепло и спертый воздухъ обливаютъ ей лицо, она припадаетъ къ люлькѣ... Исколотитъ ее Валекъ, когда вернется въ хату, изобьетъ до полусмерти,—ну что-жъ? это ужъ послѣ...

Однако, какъ только Валекъ показывается изъ тумана, ее охватываетъ страхъ его кулака. Она опять покорно умоляетъ его, хотя знаетъ, что этотъ разбойникъ не пуститъ ея.

— А, вѣдь, дѣвченка тамъ, можетъ быть, упала...

Онъ ничего не отвѣчаетъ, сбрасываетъ съ плечъ шлею отъ тачки, подходитъ къ женѣ и движеніемъ головы показываетъ колышекъ, до котораго сегодня они должны докопать. Потомъ берется за лопату и начинаетъ нагружать свою тачку. Онъ работаетъ истово, быстро, что есть силъ. Нагрузивши полную тачку, онъ бѣгомъ гонитъ ее и, уходя, говоритъ:

— Вези и ты свою, лѣнтяйка.

Она понимаетъ эту снисходительную уступку ея мольбамъ, эту грубую доброту, жесткую и суровую заботливость, такъ какъ, нагружая тачки вдвоемъ, работу можно кончить гораздо скорѣе. Теперь она подражаетъ его проворнымъ и торопливымъ движеніямъ, какъ обезьяна, набрасываетъ илъ въ тачку вчетверо скорѣе, чѣмъ прежде, работая не съ обыкновенною мужицкою предусмотрительною экономіей силъ, не мускулами, а напряженіемъ нервовъ. У нея рѣжетъ въ груди, подъ вѣками мелькаютъ красные круги, изъ глазъ падаютъ крупныя, горькія слезы, слезы безсознательнаго страданія—въ этотъ холодный и зловонный илъ. Каждый разъ, погружая въ землю лопату, она смотритъ, далеко-ли до колышка, наполнивши тачку, схватываетъ ее и бѣжитъ съ ней, подражая мужику.

Туманъ поднялся высоко, заволокъ бурьянъ и стоитъ надъ вершиною олешника неподвижною стѣною; окутанныя имъ деревья кажутся пятнами неопредѣленнаго цвѣта и удивительно большихъ размѣровъ, а бѣдняки, бѣгающіе по оврагу, чудовищно огромными призраками.

Головы падаютъ имъ на грудь, руки дѣлаютъ однообразныя движенія, туловища сгибаются къ землѣ.

Колеса тачекъ гремятъ и стучатъ, волны, похожія на разведенное водою молоко, колышатся между черными холмами.

Въ глубинѣ небесъ зажглась вечерняя звѣзда и дрожа послала свое жалкое мерцаніе навстрѣчу чарамъ тумана.

III.

Искушеніе.

Младшій изъ сыновей ясновельможной пани Анны Кшивосондъ-Наславской посвятилъ себя духовному званію. Съ юношескихъ лѣтъ онъ выказывалъ необыкновенное усердіе къ молитвѣ, былъ тихъ, послушенъ, необыкновенно степененъ и богобоязненъ. Образованіе онъ получилъ въ Римѣ подъ руководствомъ дальняго родственника-кардинала; едва девятнадцати лѣтъ отъ роду блистательно кончилъ курсъ семинаріи, но не получилъ сана священника, такъ какъ не достигъ еще соотвѣтственнаго возраста; поэтому онъ вернулся на родину, гдѣ не былъ уже много лѣтъ, и поселился въ домѣ матери.

Онъ занялъ угольную комнату дома, пустую и холодную, какъ тюремная камера, спалъ на землѣ, не ѣлъ скоромной пищи, читалъ латинскія книжки, кажется, даже бичевалъ себя по ночамъ и носилъ власяницу подъ изношенной священнической рясой. Онъ охотно прощалъ обиды, былъ невыразимо добръ, кротокъ и до смѣшного скроменъ.

Садился онъ не иначе, какъ на кончикъ стула, точно боясь зацѣпиться за столъ въ тотъ моментъ, когда онъ неожиданно будетъ взятъ на небо, ходилъ на пальцахъ, точно подъ подошвами сандалій у него были какіе-то мистическіе прутики, предохранявшіе его отъ земного праха, говорилъ языкомъ священнаго писанія, избѣгалъ людей, а при видѣ деревенскхъ дѣвокъ шепталъ молитвы. Ежедневно на разсвѣтѣ онъ выходилъ изъ дому и шелъ въ поле. Тамъ ему легче было обращатся къ Творцу, тамъ мечта его свободнѣе окрылялась. Тропинкою, проложенною среди необозримаго ржаного поля, онъ подымался на отдаленный холмъ, гдѣ въ тѣни сосенъ крылась лѣсная часовенка.

Въ то утро онъ шелъ, какъ обыкновенно. Окрестности еще были погружены въ сумракъ ночи, хотя на востокѣ зажглась уже полоса разсвѣта. На стебляхъ ржи висѣли крупныя капли росы, ими была смочена тропинка, подъ ихъ тяжестью склонялись усики колосьевъ. Рожь, слабо освѣщенная разсвѣтомъ, колыхалась, какъ огромная волна, и извилинами вторгалась въ лѣсъ. Въ воздухѣ висѣлъ запахъ земли и созрѣвающаго хлѣба, запахъ, который

возбуждаетъ въ человѣкѣ сознаніе своей молодости, силы, здоровья. Острымъ сырымъ ароматомъ лѣса потянуло изъ черной глубины огромныхъ деревьевъ, по вершинамъ которыхъ сталъ разливаться свѣтъ зари. Клерикъ шелъ не торопясь; ноги его двигались медленно, рукою онъ проводилъ по колосьямъ ржи. Изъ-подъ его ногъ вылетали жаворонки и камнемъ падали въ чащу хлѣбовъ.

Заря разгоралась, разливалась яркимъ пламенемъ и освѣщала ущелья, овраги и провалы въ черныхъ тучахъ, лѣниво висѣвшихъ надъ лѣсомъ. Столѣтнія ели, вѣнчавшія вершину горы, неожиданно вышли изъ тьмы, огромныя и величественныя, какъ славянскія жрицы. Вѣтви ихъ вырѣзывались на прозрачномъ фонѣ лазури, какъ руки, простертыя къ восходящему солнцу.

Вдругъ надъ землею пронеслась стремительная волна: это вѣтеръ, предвѣстникъ разсвѣта, слетѣлъ съ еловыхъ вѣтвей и возвѣщаетъ злакамъ, травамъ, хлѣбамъ: солнце!

Казалось, — земля затрепетала, и въ ней забилось сердце. Потомъ вѣтеръ сложилъ крылья и повисъ надъ землей въ воздушномъ пространствѣ, напоенномъ ароматомъ смолы, хвороста и хлѣбовъ. Наступила минута мертвой тишины, прекрасная и таинственная минута предъ разсвѣтомъ, когда растенія сжигаютъ весь уголь, который они могутъ поглотить.

Взоръ клерика былъ обращенъ къ зарѣ. Слова молитвы изливались изъ его сердца на уста подобно тому, какъ смола просачивается на кору сосны съ наступленіемъ весны. Онъ дошелъ до часовенки, отворилъ двери, сколоченныя изъ сѣрыхъ досокъ, и палъ ницъ съ распростертыми руками предъ образомъ Христа, плохо нарисованнымъ рукою нехитраго художника.

Казалось, душа его поднялась съ земли и унеслась къ стопамъ Божьимъ. Вотъ-вотъ съ зрачковъ его спадетъ пелена слѣпоты, и онъ увидитъ ликъ Предвѣчнаго...

Вдругъ раздалось грубое пѣніе мужицкаго голоса:

«Ты мнѣ, Ганя, тогда и полюбилась,
Какъ на полѣ, словно лебедь, забѣлѣлась»...

Этому голосу издалека отвѣчалъ другой женскій:

«Не я то бѣлѣлась—рубашка моя,
А ты, Ваня, думалъ, что я разукрашена»...

Молившійся поднялся съ земли и всталъ на порогѣ часовни. Онъ увидѣлъ высокаго, босого парня въ рубахѣ, въ соломенной шляпѣ, который выкорчевывалъ можжевельникъ на лѣсной прогалинѣ. Верзило выворачивалъ изъ земли корни, обматывалъ себѣ руки вѣтвями и выдергивалъ кусты вмѣстѣ съ комьями земли. По тропинкѣ шла дѣвушка, неся на плечахъ охапку травы. Край

юбки она заткнула за поясъ, ея широкія плечи согнулись подъ тяжестью ноши, и только голову, покрытую краснымъ платкомъ, она подымала кверху, смотря туда, гдѣ работалъ парень. Когда она остановилась на поворотѣ тропинки, парень загородилъ ей дорогу, развязалъ у нея на груди концы веревки, траву сложилъ на землю... Она отталкивала его руками, смѣясь.

Ксендзъ закрылъ себѣ глаза ладонями, но черезъ минуту руки его упали сами собою при звукахъ новой пѣсни двухъ голосовъ, которые отдавались въ лѣсу. Это была дивная музыка... Весь лѣсъ, какъ натянутая струна, дрожалъ и заливался звуками этихъ двухъ голосовъ.

«Въ садикѣ вишня,
Въ огородѣ двѣ»...

Они шли внизъ, между хлѣбами, колосья которыхъ доходили до ихъ склонившихся другъ къ другу головъ. Освѣщенныя лучами огромнаго краснаго солнечнаго диска, онѣ рѣзко выдѣлялись на фонѣ тусклой ржи. Они шли долго межами, пока хлѣба не скрыли ихъ совершенно.

Изъ закрытыхъ глазъ клерика текутъ слезы, онъ неистово заламываетъ руки... Незнакомыя слова, слова тоски и мольбы о любви тѣснятся ему на уста.

Онъ обращаетъ ихъ къ видѣнію съ заплаканными глазами, съ длинными дѣвственными волосами, которое выплываетъ изъ какой-то пещеры и застилаетъ ему глаза. Въ немъ пробуждается какая-то незнакомая сила, неумолимая, могучая, чудовищно сладкая, которая увлекаетъ его въ широкую даль. Свободный духъ разорвалъ оковы и, подобно молодому неукротимому коню, рвется на просторъ...

Прошло много времени, а онъ точно слился съ тишиною полей и луговъ, потомъ наступило какъ бы пробужденіе отъ сна. Какой-то шумъ заставилъ его встряхнуться. Онъ осмотрѣлся вокругъ и поднялъ глаза кверху, къ небу. Подъ серебристымъ облакомъ поднимался жаворонокъ, заливаясь звонкою пѣсенкою. Мысли бѣднаго аскета неслись за ея звуками, взоръ мало-по-малу разъяснялся, сила привычки, сила вѣры, забирала чуть было не утраченную надъ нимъ власть.

— Боже, прости мнѣ, прости!—шептали блѣдныя уста...

Пер. съ польскаго **М. З.**

ПИСЕМСКІЙ.

*(Продолженіе *).*

XIV.

Важнѣйшимъ вопросомъ для *историческихъ* людей сороковыхъ годовъ была судьба крѣпостного строя. Оба юныхъ героя романа—Вихровъ и Плавинъ, испытывающіе смущеніе среди народнаго рабства, лично будто рѣшаются на нѣкоторыя практическія средства. По примѣру своихъ предшественниковъ и образцовъ «старенькихъ романтиковъ» они ужасаются, умиляются, усиливаются благодѣтельствовать «меньшому брату», но въ результатѣ болѣе всего продолжаютъ заниматься дѣлами, вообще свойственными героямъ романовъ. Самый пылкій—Вихровъ—совершаетъ, правда, гражданскій подвигъ и является «лицомъ, пострадавшимъ» за народную свободу и за «жоржъзандизмъ». Вихровъ написалъ повѣсть въ защиту несчастныхъ женъ и мужиковъ и подвергся ссылкѣ въ провинцію. Этотъ эпизодъ носитъ отчасти автобіографическій характеръ. Первое произведеніе Писемскаго—*Боярщина*—сочинено на тему объ эмансипаціи и было запрещено цензурой въ печати. Запретъ тяготѣлъ надъ повѣстью цѣлыхъ десять лѣтъ, оставляя, конечно, въ памяти автора глубокое впечатлѣніе, и авторъ сильно прикрасилъ въ романѣ подлинное событіе, даже прибавилъ небывалый въ дѣйствительности фактъ—произведеніе, направленное, будто бы, противъ крѣпостничества. Писемскій могъ быть свидѣтелемъ многочисленныхъ гоненій на литературу не за женскій, а за народный вопросъ, но самъ до конца крѣпостнической эпохи не совершилъ ни одного прегрѣшенія въ духѣ народничества. Мы ниже познакомимся съ повѣстью Писемскаго и оцѣнимъ ея значеніе для эпохи сороковыхъ годовъ. Какъ бы велико ни было это значеніе, оно, разумѣется, блѣднѣетъ предъ всеобъемлющимъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

вопросомъ о судьбѣ десятковъ милліоновъ народа. И это, повидимому, послѣ уничтоженія крѣпостного права чувствовалъ самъ авторъ, наградивъ своего автобіографическаго героя вымышленнымъ гражданскимъ вѣнкомъ. Но это увѣнчаніе такъ и остается вынужденной вставкой, будто позднѣйшимъ случайнымъ варіантомъ.

На самомъ дѣлѣ вопросъ, поглощавшій вниманіе настоящихъ людей сороковыхъ годовъ и не встрѣчавшій въ этой средѣ двухъ рѣшеній, въ романѣ нашего автора принимаетъ самый неожиданный оборотъ.

Одинъ изъ положительныхъ героевъ, юристъ Марьеновскій, касается вообще вопроса о реформахъ и заявляетъ, что онѣ невозможны при существованіи крѣпостного права. Дѣло, слѣдовательно, сводится къ реформамъ,—необходимы ли онѣ, или нѣтъ?

Отвѣта рѣшительнаго не дается въ разбираемомъ романѣ, но шестью годами раньше въ другомъ романѣ—*Взбаламученное море* Писемскій изобразилъ слѣдующую сцену.

Бесѣда идетъ о крайнихъ политическихъ увлеченіяхъ молодежи. Главный герой романа—Баклановъ—спрашиваетъ у своихъ собесѣдниковъ, сенатскаго оберъ-прокурора Юрасова и бывшаго мирового посредника Варегина,—личности, въ высшей степени просвѣщенной, когда-то университетскаго преподавателя, для автора крайне симпатичной и высоко-почтенной:

— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла?

Варегинъ только усмѣхается, а Юрасовъ отвѣчаетъ:

— Если подъ движеніемъ разумѣть собственно революціонное движеніе, то оно, конечно, безсмыслица; но движеніе въ смыслѣ реформъ...

Юрасовъ не доканчиваетъ, будто не находя приличествующаго выраженія или не осмѣливаясь его высказать, по недостатку личнаго твердаго убѣжденія. Что же касается Варегина, то онъ «придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу...»

Мы еще встрѣтимся съ подобными сценами и вопросами въ романахъ нашего автора. Теперь обратите вниманіе на *тонъ* и *внутренній смыслъ* только-что приведенной бесѣды, не упустите изъ виду и мимику собесѣдниковъ. Что изъ всего этого вытекаетъ?

Все, что угодно, только не вполнѣ ясный, точный и твердый отвѣтъ на поставленные вопросы. Многоточіе и «какое-то странное» выраженіе лица... Вотъ по истинѣ «странное» заключеніе спора о предметахъ первостепенной важности и, притомъ, еще о предметахъ *практически* рѣшенныхъ. Потому что мы должны помнить, — у автора было слишкомъ достаточно времени и для

наблюденій, и для критики, чтобы избавиться отъ неопредѣленныхъ настроеній.

Естественно, одновременно съ заявленіемъ Марьеновскаго, подрывающимъ, надо полагать, устойчивость крѣпостного права, мы слышимъ вѣскую рѣчь отъ «житейской мудрости» Макара Григорьева.

Онъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ своихъ односельчанахъ, возжаждавшихъ свободной жизни. Онъ обратился къ этимъ неосновательнымъ фантазерамъ съ такимъ поученіямъ:

«Да есть ли у васъ разумъ, что на волѣ жить: ежели лошадь-то съ рожденія своего взнуздана была, такъ, по моему, ей взнузданной околѣвать приходится».

И въ дѣйствительности, семья дворовыхъ, зажившая было самостоятельно, окончательно пришла въ разстройство и снова вернулась въ подданническое состояніе. «Мудрость», слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, и притомъ Макаръ Григорьевъ такъ резонно и авторитетно доказываетъ её словесно, что ему могъ бы позавидовать любой крѣпостникъ съ самыми «тонкими вкусами». Даже больше. Съ исключительно «житейской» точки зрѣнія, безъ всякаго вмѣшательства «гуманныхъ идей и мыслей», Макаръ Григорьевъ имѣетъ видъ истиннаго «мудреца», стоящаго на самой трезвой и здоровой почвѣ.

Теперь, попробуйте объединить всѣ эти данныя, не явится ли у васъ мысль, что авторъ самъ подчасъ дѣлаетъ «странное выраженіе лица» и злоупотребляетъ многоточіями?

То же самое и насчетъ вліянія литературы.

Какъ у писателя, у нашего автора, конечно, не мало нѣжныхъ чувствъ къ литературѣ. Онъ, несомнѣнно, много обязанъ произведеніямъ русскихъ писателей, въ родѣ Пушкина и Гоголя, обязанъ многими пріятными минутами, настоящимъ художественнымъ и даже нравственнымъ удовлетвореніемъ. Естественно, Писемскій могъ написать такой сердечный отзывъ о двухъ своихъ герояхъ, провинціалахъ, любителяхъ литературы:

«Въ необразованномъ, пошловатомъ, провинціальномъ міркѣ они были единственными представителями и отголосками маленькаго ручейка мысли повозвышеннѣе, чувствъ поблагороднѣе, стремленій поподтичнѣе, который въ то время такъ скромно и почти таинственно бѣжалъ посреди грубой и, какъ справедливо выражался Вихровъ, солдатскимъ сукномъ исполненной жизни...»

Дальше, оказывается одинъ изъ этихъ рѣдкихъ людей зналъ почти наизусть статьи Бѣлинскаго, другой читалъ разные журналы, въ томъ числѣ и *Отечественныя Записки*. Наконецъ, са-

мое сильное заявленіе: «Ихъ любовь къ литературѣ и поэзіи все-таки развила въ нихъ чувства чести и благородства».

Слѣдовательно, скажете вы, и статьи Бѣлинскаго внесли свою лепту въ эту сокровищницу добродѣтелей? Но тогда, какой же смыслъ имѣетъ отзывъ Невѣдомова о статьяхъ Бѣлинскаго и Вихрова о письмѣ критика къ автору *Мертвыхъ душъ*?

Въ концѣ романа Вихровъ даетъ, наконецъ, повидимому, вполнѣ ясный отвѣтъ на вопросъ о дореформенной литературѣ и ея роли въ преобразовательномъ движеніи.

«Эти реформы,—говоритъ онъ,—обдумывались и облюбились не въ палатахъ тогдашнихъ государственныхъ мужей, а на вышкахъ и въ подвалахъ, въ бѣдныхъ студенческихъ квартирахъ и по скромнымъ гостинымъ литераторовъ и ученыхъ».

Совершенно ясно, но, во-первыхъ, въ примѣръ студентовъ-реформаторовъ приводится Заминъ, знакомый намъ лицедѣй, не сообщившій намъ почему-то ни одной своей преобразовательной идеи. А потомъ, одновременно съ вихровскимъ панегирикомъ литературѣ, благородный провинціалъ, знающій наизусть статьи Бѣлинскаго, произноситъ уничтожающее обвинительное слово противъ той же литературы, не допуская никакихъ оговорокъ и ограниченій.

Оказывается, петербургскіе поэты крайняго направленія по пути женской эпансипаціи и критики, «ругающіе всю Россію на повалъ», развратили въ конецъ очень милую и нравственную даму. Пока «держали ее въ пушкинскомъ идеалѣ, она была женщина совсѣмъ хорошая», а теперь, подъ вліяніемъ новой литературы, очевидно, усомнившейся въ идеальныхъ совершенствахъ Татьяны, дама «сбивалась съ панталыку» и открыто, съ гордостью, завела себѣ любовника. «Нынѣшняя скверная литература тому причиной», заканчиваетъ ораторъ.

Какая же литература? Если развѣнчивающая пушкинскую Татьяну, — предъ нами опять Бѣлинскій съ своей знаменитой страстной характеристикой русскихъ дѣвушекъ и женщинъ пушкинской эпохи. Никто безпощаднѣе Бѣлинскаго не нападалъ на подвигъ Татьяны въ концѣ романа и никто, слѣдовательно, не совершилъ въ глазахъ своего почитателя изъ романа Писемскаго болѣе вопіющаго преступленія предъ нравственностью. А потомъ, и относительно Россіи письмо нашего критика къ Гоголю могло бы вполнѣ подтвердить патріотическое негодованіе на писателей, безусловно свободныхъ отъ національныхъ восторговъ предъ русской дѣйствительностью. Наконецъ, что же противоставляетъ герой Писемскаго направленію петербургскихъ поэтовъ и критиковъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, пушкинскую Татьяну—эту прирожден-

ную безпомощную жертву перваго встрѣчнаго комедіанта и пошляка, наряженнаго въ модный костюмъ? Авторъ самъ изобразитъ множество такихъ же жертвъ рядомъ съ еще болѣе сомнительными героями, чѣмъ пушкинскій Чайльдъ-Гарольдъ, и съ свойственнымъ ему реализмомъ представитъ въ самыхъ яркихъ краскахъ нравственный и общественный недугъ лицедѣйскаго разочарованія... И неужели послѣ этого онъ желалъ бы видѣть безъ конца все ту же благодарную публику для спектаклей господъ Батмановыхъ, Бахтіаровыхъ и многихъ имъ подобныхъ? Еще больше недоразумѣній вызываетъ замѣчаніе по адресу критиковъ, будто бы «наповалъ» уничтожающихъ Россію.

Какіе это критики? Если взять того же Бѣлинскаго, несомнѣнно виноватаго въ подрывѣ «пушкинскаго идеала», въ національномъ отщепенствѣ онъ окажется болѣе чѣмъ неповиннымъ. Въ послѣднихъ статьяхъ онъ даже рискнулъ вызвать недоумѣніе у своихъ сторонниковъ похвальной рѣчью нѣкоторымъ идеямъ славянофиловъ, и именно тѣмъ, которыя должны бы казаться особенно разумными Писемскому и его героямъ. Въ славянофильской литературѣ, по мнѣнію Бѣлинскаго, была несомнѣнно одна живительная струя—критика фальшиваго поверхностнаго европеизма, преслѣдованіе межеумковъ, нахватавшихся французскихъ и англійскихъ отголосковъ и разучившихся думать по русски. Но, съ другой стороны, проповѣдь культурныхъ побѣдъ Востока надъ Западомъ, вообще національное идолопоклонство, казалось Бѣлинскому величайшимъ заблужденіемъ. И здѣсь, надо полагать, самъ Писемскій не могъ бы отказать критику въ извѣстномъ сочувствіи: по крайней мѣрѣ, такъ-называемое, «русачество» у него воплощено въ лицѣ послѣдняго негодяя—графа Хвостикова, въ романѣ *Мѣщане*.

Какъ же теперь намъ разобраться во всемъ этомъ? Какъ рѣшить вопросъ, что усвоилъ нашъ писатель изъ необычайно живого, искренняго и содержательнаго теченія сороковыхъ годовъ?

Одинъ отвѣтъ, несомнѣнно, ясенъ. Писемскій инстинктивно сторонился всякой *идеологіи*, теорій, идеаловъ, рѣзко разрывающихъ съ дѣйствительностью; вообще, всякаго *общаго вывода* изъ данныхъ явленій, разъ онъ выходитъ за предѣлы здраваго смысла, непосредственной «житейской мудрости». Въ большинствѣ случаевъ, при извѣстномъ общественномъ строѣ, можно весьма спокойно прожить съ такимъ умственнымъ орудіемъ. Но бываютъ времена и обстоятельства, предъявляющія болѣе высокія и затруднительныя требованія. Въ самую жизнь, независимо отъ книгъ и теорій, врываются волны идей и фактовъ, совершенно не объяснимыхъ съ точки зрѣнія почвеннаго и стихійнаго развитія внѣшней дѣйстви-

тельности. Эти факты и идеи явно враждебны кругомъ процвѣтающей жизни. Хотя они весьма часто, напримѣръ, въ тѣ же сороковые годы, могутъ быть внушены просто гуманнымъ чувствомъ и логикой непосредственныхъ впечатлѣній, все-таки для полнаго признанія требуютъ особой силы идейнаго анализа и широкаго общекультурнаго горизонта. И требуютъ не только въ общественной практикѣ, но и въ искусствѣ, въ поэзіи.

Въ одной изъ статей о Пушкинѣ Бѣлинскій писалъ:

«Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, *страстное полное вражды и любви* мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи».

Это говорилось на основаніи фактовъ. Критикъ, конечно, видѣлъ и не скрывалъ, что указанный имъ духъ далеко не выгоденъ для *художественности*, и Бѣлинскій называлъ даже примѣры, нисколько не щадя своихъ личныхъ сочувствій къ извѣстнымъ писателямъ.

Въ другой его статьѣ читаемъ:

«Въ наше время искусство и литература больше чѣмъ когда-либо прежде сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему, такъ какъ самые геніальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту или, по крайней мѣрѣ, обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянуто, вяло, скучно».

И въ примѣръ приводятся нѣкоторые романы Жоржъ Зандъ.

Болѣе рѣшительной отповѣди не могъ бы изречь даже Невѣдомовъ. Но разница въ томъ, что герой Писемскаго такъ и успокоился бы на отдѣльныхъ фактахъ, изъ нѣсколькихъ частныхъ посылокъ сдѣлалъ бы общій и неограниченный выводъ, т. е. поступилъ бы какъ и подобаетъ чисто художественной созерцательной натурѣ. Совершенно другая картина рисуется анализирующему разуму.

Бѣлинскій продолжаетъ:

«Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а оттого, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣлъ замѣнить утопіею, и вслѣдствіе этого заставилъ искусство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ харак-

терами возможными, съ лицами, всѣмъ знакомыми, онъ ввелъ характеры фантастическіе, лица небывалыя—и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное замѣнилось искусственнымъ, поэзія смѣшалась съ реторикой».

Слѣдовательно, бѣда не въ общественныхъ интересахъ художника, а въ его пониманіи этихъ интересовъ. И далѣе Бѣлинскій совершенно логически доказываетъ, что искусство отнюдь не подвергается опасности изъ-за общественныхъ идей. Та же Жоржъ Зандъ подтвердила это другими романами, вполнѣ художественными, хотя и преисполненными общественнаго содержанія. Даже у второстепенныхъ талантовъ идейныя тенденціи приводятъ къ уродливымъ результатамъ исключительно потому, что авторы вмѣсто жизненнаго реализма, пускаютъ въ ходъ эффектные вымыслы.

Весь вопросъ, очевидно, въ силѣ художественнаго творчества и въ вѣрномъ представленіи о явленіяхъ подлинной дѣйствительности и ея настоятельныхъ прогрессивныхъ потребностяхъ. Это представленіе, несомнѣнно, можетъ возникнуть только путемъ анализа. Отрѣшиться отъ общественныхъ вопросовъ дѣятелю новой литературы нѣтъ возможности, Это значило бы совершенно выйти изъ среды самой *дѣятельности* и рисковать остаться безъ публики и читателей. Кромѣ того, для истиннаго литературнаго таланта это недостижимо и психологически. Въ предѣлахъ общества и волнующихъ его стремленій и идеаловъ лежатъ всѣ значительныя, увлекательныя, художественно-разнообразныя и психологически-глубокія темы. Слѣдовательно, уже размѣры даровитости обусловливаютъ идейность произведеній. Мы это видѣли на примѣрѣ нашего же писателя и увидимъ дальше. При основныхъ художественныхъ задаткахъ натуры Писемскій не могъ удержаться отъ «идей и мыслей» и отъ критики современныхъ теченій. И чѣмъ шире будетъ развиваться его дѣятельность, тѣмъ настойчивѣе станетъ критика и яснѣе идеи и мысли. Въ результатѣ Писемскій напишетъ романъ на одну тему съ Тургеневымъ, но только несравненно болѣе тенденціозный и менѣе художественный, если художественность понимать въ смыслѣ объективнаго творчества. Вся разница между писателями сведется къ *критеріуму*, какой они будутъ прилагать къ явленіямъ жизни.

У Тургенева это все богатство европейской мысли XIX-го вѣка, не менѣе обширное знакомство съ европейской дѣйствительностью, добросовѣстнѣйшая и терпимѣйшая вдумчивость и чисто философскій анализъ. У Писемскаго—исконныя добродѣтели русскаго самобытнаго человѣка—здравый смыслъ, почвенное національное чувство и, какъ результатъ всего этого, «житейская мудрость».

При помощи этого оружія можно весьма удобно справляться съ простѣйшими фактами личной и общественной психологіи, можно составить вполнѣ опредѣленное міросозерцаніе—для извѣстнаго, установившагося порядка вещей. Но малѣйшее усложненіе дѣйствительности и замѣшательство въ исконномъ теченіи жизни создаетъ для практическаго мудреца непобѣдимыя затрудненія. Такъ именно и случилось съ Писемскимъ.

Онъ могъ вполнѣ увѣренно возстать противъ идеологовъ и краснобаевъ, гегельянцевъ, контистовъ, *вообще*—противъ отвлеченныхъ идей, занесенныхъ изчужа. Но у него не достало аналитической способности разрѣшить множество отдѣльныхъ вопросовъ, возникшихъ въ связи съ идеями сороковыхъ годовъ. Эти вопросы оказались для него совершенно чуждымъ міромъ, и въ то время, когда они наступали непрерывной вереницей со всѣхъ сторонъ и во всѣ области современной дѣйствительности, Писемскій производилъ впечатлѣніе человѣка, который растерялся предъ лицомъ невѣдомыхъ и неожиданныхъ явленій и безпомощно и безпорядочно отбивается отъ нихъ, будто отъ призраковъ.

Совсѣмъ не отбиваться, а просто уйти къ сторонкѣ отъ неудержимаго движенія Писемскій не могъ и по своему великому литературному таланту, и по невольному долгу, возложенному на него предъ читателями именно силой этого таланта. Но справиться съ привидѣніями не было возможности средствами, пригодными для обороны въ другія, менѣе отвѣтственныя и не столь *сложныя* времена. «Житейская мудрость» столь же мало соотвѣтствовала сороковымъ и позже шестидесятымъ годамъ, какъ мортиры и пищали XVI го вѣка—войнамъ XIX-го столѣтія. Писателю оставалось усвоить современное оружіе и новѣйшую тактику, т. е. пойти сначала въ ученики къ «гегелистамъ» и прочимъ идеалистамъ эпохи, чтобы потомъ разсчитаться съ ними въ равномъ бою. Но возможно ли это было для Писемскаго?

Автобіографія и автобіографическій романъ даютъ рѣшительный отрицательный отвѣтъ. И романъ здѣсь даже важнѣе автобіографіи. Онъ, снова повторяемъ, былъ написанъ не въ самый разгаръ впечатлѣній автора, долго спустя послѣ «сороковыхъ годовъ». Впечатлѣнія могли улечься и выясниться. Писалась уже исторія, мемуары, а не дневникъ. И при такихъ условіяхъ романъ сохранилъ слѣды изумительной смуты въ авторскихъ представленіяхъ всюду, гдѣ дѣло идетъ о насущнѣйшихъ культурныхъ и общественныхъ вопросахъ минувшей эпохи... Что же могло быть среди самыхъ событій и фактовъ въ минуты *воспріятія* разнообразныхъ впечатлѣній? Ничего другого,—кромѣ въ лучшемъ

случаѣ—крайней неустойчивости въ сочувствіяхъ и туманности въ сужденіяхъ. Писемскій оставлялъ университетъ *трезвымъ* человѣкомъ: этимъ онъ особенно гордится въ автобіографіи. И несомнѣнно, трезвость имѣетъ свои достоинства. Мы сейчасъ увидимъ, чѣмъ авторъ былъ обязанъ ей въ своей литературной дѣятельности. Но трезвости было мало въ то время, когда кругомъ кипѣла мысль и лучшія молодыя силы горѣли воодушевленіемъ отнюдь не ради фантастическихъ мечтаній, а самыхъ разумныхъ, не отвратимыхъ нуждъ русскаго народа и общества. Вскорѣ основательность этого воодушевленія будетъ блистательно подтверждена государственными преобразованіями, тогда и нашъ авторъ окажется выбитымъ изъ круга «житейской мудрости». Но будетъ поздно: онъ не съумѣетъ освоиться даже съ тѣми идеями сороковыхъ годовъ, которыя найдутъ свое осуществленіе на практикѣ, и прежняя смута представленій не исчезнетъ окончательно. Мы это видѣли въ одномъ произведеніи Писемскаго, увидимъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ. И это явится вполнѣ естественнымъ искупленіемъ за безусловную «трезвость». При всѣхъ ея выгодахъ, она далеко не всегда и не все можетъ понять, оцѣнить, и часто ея судъ оказывается крайне близорукимъ и несправедливымъ. Почему,—объяснено очень хорошо однимъ изъ шекспировскихъ героевъ, очень юнымъ, но много страдавшимъ.

Когда монахъ Лоренцо, непогрѣшимый проповѣдникъ здраваго смысла и практической мудрости, принимается осыпать укорами несчастнаго юношу, переживающаго величайшую драму своей жизни, Ромео пылко бросаетъ ему въ лицо такую отповѣдь:

Ты говоришь о томъ не въ состояньи,
Чего не можешь чувствовать! Когда бъ
Ты молодъ былъ, какъ я! любилъ Джульетту,
Какъ я люблю! обвѣнчанъ былъ бы съ нею,
Затѣмъ убилъ Тибальда и узналъ,
Что изгнанъ ты—тогда заговорилъ бы
Иначе ты!—ты вырвалъ бы себѣ
Всѣ волосы и бросился бъ на землю,
Какъ я теперь, искать себѣ могилы...

Ромео—слишкомъ молодъ и преисполненъ пылкой страсти, но въ его крикѣ: «мудрецъ съ разсудкомъ здравымъ слѣпъ!» и въ совѣтѣ монаху—сначала попасть въ бѣду, а потомъ попытаться одолѣть ее сентенціями «здраваго разсудка»—заключается дѣйствительно настоящая мудрость. И здравомыслящій резонеръ рядомъ съ безумно-несчастнымъ юношей производитъ на насъ впечатлѣніе—менѣе всего внушительное и для себя выгодное.

Такъ и въ нашемъ случаѣ. Люди сороковыхъ годовъ—своего

рода Ромео, столь же страстные, хотя и неизмѣримо болѣе сознательные рыцари своихъ—*идей*, преимущественно двухъ идеаловъ--народной свободы и просвѣтительнаго, даже преобразовательнаго назначенія литературы. Надо было страдать этими идеалами, надо, подобно Бѣлинскому, «цѣною слезъ, воплей души» усвоивать идеи, воспринимать ихъ всѣмъ своимъ существомъ и долгими соминѣніями и думами вынашивать всякое убѣжденіе, или, подобно Станкевичу, горевать на свои физическія немощи, какъ на препятствіе выполнить свое «призваніе»—надо было, однимъ словомъ, пережить молодость со всѣмъ трепетомъ чуткаго сердца и самоотверженной работой аналитической мысли, тогда только писатель стяжалъ бы право и способность говорить и судить. Иначе всюду, гдѣ только его рѣчь коснется лично непродуманныхъ идей и не переиспытанныхъ волненій, она, при всей своей трезвости, будетъ звучать въ лучшемъ случаѣ сухимъ банальнымъ резонерствомъ или обличать крайнюю неопредѣленность руководящихъ воззрѣній, вѣчно боязливыя колебанія между самыми разнообразными выводами и сужденіями.

У Писемскаго такое положеніе обнаружилось, лишь только онъ попалъ въ идейныя теченія своего времени. Мы могли до сихъ поръ видѣть, что—отнюдь не было преднамѣренной, излюбленной ролью автора. Напротивъ, вытекая изъ самой сущности натуры нашего писателя, эта роль установилась съ самаго начала естественно, стихійно, потомъ укрѣпилась подъ вліяніемъ совершенно логическаго развитія внѣшнихъ обстоятельствъ и настроеній Писемскаго, и въ результатѣ создала жестокую драму для человѣка и для писателя.

XV.

Во время пребыванія въ университетѣ Писемскій, разумѣется, не пренебрегалъ своими литературными наклонностями. Въ романѣ разсказывается о нѣкоторыхъ работахъ Павла Вихрова и подробности разсказовъ не лишены интереса. Такъ, напримѣръ, Вихровъ—студентъ математическаго факультета—представилъ профессору словесности сочиненіе *Поссевинъ въ Россіи* и удостоился публичнаго одобренія. Иначе вышло съ повѣстью *Чугунное кольцо*: профессоръ указалъ на полное незнакомство автора съ изображенной въ повѣсти дѣйствительностью. Вихровъ рѣшилъ—«учиться и учиться», а потомъ уже писать...

Мы видѣли, какъ самъ Писемскій не высоко цѣнилъ умственный капиталъ, пріобрѣтенный въ университетѣ, и даже вполнѣ

положительное, по его мнѣнію, пріобрѣтеніе—«трезвость» отнюдь не обѣщала безусловныхъ благъ по условіямъ эпохи. Писемскій вышелъ изъ университета, столь же мало связанный нравственно съ «людьми сороковыхъ годовъ», какъ и въ день поступленія въ университетъ. Онъ могъ вынести развѣ только болѣе прочную увѣренность въ своихъ литературныхъ талантахъ и особенно въ артистическихъ способностяхъ. А намѣренію «учиться и учиться» предстояло осуществляться совершенно другимъ путемъ, чѣмъ это происходило у большинства молодежи сороковыхъ годовъ. Въ программѣ Писемскаго мы заранѣе можемъ не искать популярнѣйшихъ задачъ времени, излюбленныхъ авторовъ-философовъ и публицистовъ. Все это не соотвѣтствовало бы трезвому взгляду и потомъ представляло бы изъ себя только «чужой голосъ». Единственная достойная изученія книга — жизнь и вытекающая изъ нея «житейская мудрость».

И Писемскій непосредственно за порогомъ университетскихъ аудиторій приступаетъ къ этому источнику истины.

Для насъ особенно любопытенъ одинъ фактъ. Обыкновенно, всѣ, кто чувствуетъ въ себѣ «бога», т. е. литературный талантъ и успѣли уже вкусить сладости успѣха, томятся неутолимой жаждой дальнѣйшихъ подвиговъ и успѣховъ. И эта жажда такъ естественна именно въ молодости! Примѣровъ на этотъ счетъ можно бы привести сколько угодно, но примѣръ, похожій на исторію Писемскаго, найти врядъ ли возможно.

Въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ будущій писатель не даетъ о себѣ никакихъ вѣстей въ литературѣ, но за то начинаетъ входить во вкусъ чиновничьей службы. Сначала Писемскій поступаетъ въ костромскую палату государственныхъ имуществъ, служитъ два года, выходитъ въ отставку, женится, снова поступаетъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ, дѣлается потомъ ассесоромъ костромскаго губернскаго управленія и остается имъ, пока литературная слава не обѣщаетъ болѣе привлекательнаго и солиднаго обезпеченія, т. е. до 1853 года. Но на этомъ не кончается канцелярская карьера Писемскаго. Много лѣтъ спустя, когда слава подверглась затменію, онъ снова является чиновникомъ и состоитъ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія съ 1866 года, въ теченіе семи лѣтъ. На этотъ разъ служба не могла быть вынуждена финансовымъ вопросомъ: популярность Писемскаго сильно падала у критики и наиболѣе литературной публики, но это не мѣшало спросу на его романы у читателей *Всемірнаго труда*, *Зари*, *Гражданина*, *Огонька*, и въ денежномъ отношеніи писатель былъ вполнѣ взысканъ

судьбой. Очевидно, у Писемскаго жила личная склонность къ чиновничьей дѣятельности.

И дѣйствительно, не только склонность, но даже извѣстное міросозерцаніе, система. Въ теченіе всего университетскаго курса и много позже Писемскій не могъ выработать опредѣленнаго взгляда на современныя *общественныя* идеи, но за то составилъ вполнѣ точное представленіе о назначеніи русскаго чиновника. Это, конечно, ближе стояло къ житейской мудрости и само представленіе могло быть совершенно «трезвымъ» и практическимъ. Оно, на самомъ дѣлѣ, выражало только взгляды тѣхъ же чиновниковъ, можетъ быть, и лучшихъ въ своей средѣ, но изображавшихъ изъ себя привилегированныхъ воспитателей и руководителей общества.

Именно такъ смотрѣлъ на вопросъ Писемскій. Можно признавать или оспаривать этотъ взглядъ, мы не намѣрены входить въ доскональное разрѣшеніе вопроса, но одной особенности именно относительно Писемскаго нельзя упустить изъ виду.

Онъ—писатель, жилъ въ эпоху, когда литература, можетъ быть, юношески смѣло, но искренне и *по послѣдствіямъ* цѣлесообразно, брала на себя обязанность указывать и разъяснять общественные недуги и намѣчать средства врачеванія. Литература не только констатировала вопіющія уродства крѣпостного строя, но, на сколько ей дозволялось, дѣлала логическіе выводы изъ фактовъ. Даже общественные слои, совершенно непричастные къ литературѣ, волновались, обсуждали и рѣшали вопросы за свой счетъ.

Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ письма Бѣлинскаго. Критикъ, восхищаясь оживленіемъ литературы, сообщаетъ, что и «помѣщики проснулись и затолковали»: «видно по всему, что патріархально-сонный бытъ изжитъ, и надо взять иную дорогу»...

И движеніе сначала являлось чисто-общественнымъ, литературно-публицистическимъ, безъ всякихъ оффиціальныхъ внушеній и поощреній. Напротивъ, цензура нерѣдко карала періодическую печать за обсужденіе крестьянскаго вопроса уже въ то время, когда рѣшеніе его было признано настоятельнымъ у высшаго правительства. И вотъ при такихъ-то условіяхъ Писемскій усиливается идею чиновника слить съ идеей всеобъемлющей дѣятельности въ государствѣ, проникается чисто-патріархальнымъ идеаломъ начальника «родного отца» и «благодѣтеля».

Для насъ, въ сущности, этотъ идеалъ не представляетъ неожиданности. Мы слышали и еще не разъ услышимъ о «справедливомъ» помѣщикѣ, какъ послѣднемъ словѣ «житейской мудрости», «справедливый» чиновникъ—естественная компанія справедливому

барину, и государственный вопросъ рѣшается столь же просто, какъ и общественный, безъ всякихъ «идей и мыслей», главное— отечественными средствами, безъ вмѣшательства «чужого голоса».

Со всѣми подробностями рѣшенія знакомъ всякій читатель произведеній Писемскаго. Калиновичъ, герой романа *Тысяча душъ*, ничто иное, какъ воплощеніе административнаго идеала самого автора. Этотъ фактъ удостовѣренъ на юбилеѣ Писемскаго ораторомъ, вполнѣ освѣдомленнымъ въ вопросѣ—лично отъ самого юбиляра. О Калиновичѣ намъ предстоитъ особая бесѣда, теперь достаточно припомнить его теоретическую и практическую политику. И та, и другая крайне просты: полнѣйшая личная безупречность, но соразмѣрная съ добродѣтелями—и власть, точнѣе самовластіе. Калиновичъ не беретъ взятокъ, безпощадно преслѣдуетъ неправду всюду, гдѣ только ее находитъ, но дѣйствуетъ при этомъ, какъ провиденціальный, непогрѣшимый человѣкъ, какъ Наполеонъ своего царства, какъ Юпитеръ-громовержецъ—единственный по силѣ и пониманію вещей. Это называется «проведеніемъ безстрастной идеи государства съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ», т. е. въ переводѣ на болѣе простой языкъ — предъ нами тотъ самый разгулъ канцелярскаго деспотизма, какой изображенъ Тургеневымъ въ лицѣ рѣшительнаго юнаго генія Паншина. Калиновичъ, конечно, гораздо умнѣе и талантливѣе этого господина, но символъ вѣры у нихъ одинаковъ.

Результаты очевидны съ самаго начала. «Отпоръ всѣхъ домогательствъ» на практикѣ оказывается полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ общимъ свойствамъ среды и обстоятельствъ, гдѣ осуществляются молніеносные рапорты и отношенія, совершеннымъ забвеніемъ общественныхъ и народныхъ основъ жизни, на которую распространяется «безстрастное» воздѣйствіе всевозможныхъ усмотрѣній и личныхъ вдохновеній. Ясно, всѣ самыя благія начинанія остаются, по существу, безплодными, потому что ихъ судьба зависитъ отъ отдѣльной личности и не связана съ самимъ строемъ жизни, съ чувствами и мыслями среды. Калиновича можетъ смѣнить одинъ изъ уничтоженныхъ имъ взяточниковъ, и старые порядки снова водворятся невозбранно. Такъ это и происходитъ въ самомъ романѣ. «Справедливый» губернаторъ сходитъ со сцены, оставляя за собой только лишнюю страницу въ исторіи помпадурства, хотя бы и вполнѣ благонамѣреннаго и благороднаго. Онъ не успѣваетъ вызвать къ жизни ни «сословнаго», ни «частнаго» дѣятельнаго сочувствія своимъ начинаніямъ, ни сословнаго, ни частнаго сознанія—во-первыхъ, ненормальности взят-

ки и плутни, во-вторыхъ, необходимости бороться съ ними общими силами, за одно съ благороднымъ администраторомъ. А пока нѣтъ этого сознанія, всякій Калиновичъ, вооруженный какимъ угодно безстрастіемъ, окажется однимъ изъ самыхъ неудачныхъ донъ-кихотовъ.

Совершенно такое же разсужденіе примѣнимо и къ «доброму» барину-крѣпостнику, вообще всюду, гдѣ общественный вопросъ превращается въ личный, гдѣ политика переходитъ въ мораль. А именно этотъ способъ рѣшенія самыхъ сложныхъ вопросовъ и усвоенъ Писемскимъ, какъ писателемъ и какъ практическимъ дѣятелемъ. И служебная карьера Писемскаго любопытна для насъ именно потому, что она бросаетъ вполнѣ опредѣленный свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ міросозерцаніи писателя.

Нѣтъ сомнѣнія, идея не оставалась у Писемскаго платоническимъ достояніемъ ума. Онъ старался, на сколько зависѣло отъ его силъ и скромныхъ должностныхъ положеній, осуществить ее въ дѣятельности, служилъ съ толкомъ и съ любовью, находилъ положительный вкусъ въ своихъ обязанностяхъ чиновника. Особенно его увлекали слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ. Въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ* съ великими подробностями изображена слѣдовательская дѣятельность Вихрова, такого же чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, какимъ былъ самъ авторъ. Въ той же юбилейной рѣчи, несомнѣнно, со словъ Писемскаго сообщалось, что онъ необычайно внимательно и любовно допрашивалъ преступниковъ и даже разстрогивалъ ихъ. Они разсказывали свои дѣла откровенно, потому что слѣдователь «ужъ больно хорошій и умный баринъ». Это извѣстіе отдаетъ чѣмъ-то идиллическимъ, мало свойственнымъ русскому преступнику и вообще русскому человѣку, но и подобное заявленіе, конечно, возможно въ единичномъ случаѣ. Для насъ важно собственно отношеніе будущаго писателя къ своей оффиціальной службѣ. Оно, мы видимъ, вполнѣ твердое, искреннее и не лишенное даже сознанія личнаго достоинства, и недюжинныхъ способностей и успѣховъ на административномъ поприщѣ.

Выводъ поучительный для міросозерцанія Писемскаго, и мы убѣдимся, какую громадную роль играли эти чувства при созданіи романа *Тысяча душъ*, лучшаго произведенія нашего автора. Но служба и безвыходное пребываніе въ провинціи немедленно послѣ окончанія университетскаго курса, важны еще и въ другомъ смыслѣ.

Трезвость, вынесенная Писемскимъ изъ университета, могла разцвѣсти на полномъ просторѣ вдали отъ столичныхъ кружковъ

и напряженныхъ культурныхъ интересовъ. Непосредственные вопросы житейскаго благополучія и благоустройства неминуемо должны были затягивать человѣка, уже по натурѣ мало склоннаго къ «идеямъ и мыслямъ» въ духѣ своей многодумной и безпокойной эпохи. Четыре года спустя послѣ окончанія университета Писемскій женился на дочери издателя «Отечественныхъ Записокъ», Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной. Это событіе положило рѣшительный конецъ «жоржъ-зандизму» Алексѣя Ѳеофилактовича, т. е. единственнымъ мечтательнымъ увлеченіямъ, унаслѣдованнымъ отъ легкомысленной юности.

Супруга Писемскаго оказалась какъ нельзя болѣе способной упрочить трезвыя настроенія мужа. Бракъ, повидимому, былъ заключенъ безъ малѣйшаго вмѣшательства романическаго элемента, Екатерина Павловна, по отзыву мужа, «совершенно не кокетка», очевидно, менѣе всего могла заставить своего поклонника пройти тернистый путь юношескихъ сердечныхъ страстей.

Въ романѣ *Взбаламученное море* она выведена подъ именемъ Евпраксіи, необычайно выдержанной, невозмутимо разсудительной дочери, жены, матери. Въ силу этихъ совершенствъ, ей даже присвоено наименованіе *ледёшки*. Все это намъ извѣстно со словъ самого Писемскаго, и мы впослѣдствіи увидимъ, какое вліяніе семейная жизнь оказала на идеальное представленіе нашего автора вообще о женщинѣ, ея судьбѣ и назначеніи.

Во всякомъ случаѣ, женитьбой Писемскій «выигралъ главный кушъ въ жизненной лотереѣ». Такъ выражался Тургеневъ, невольно завидовавшій благоустройству семейнаго очага своего товарища. У этого очага Екатерина Павловна представляла во всѣхъ отношеніяхъ прочную основу и положительную устойчивую силу. И эта сила должна была принести неоцѣненную пользу въ будущемъ.

Писемскій, при всей своей умственной трезвости, унаслѣдовалъ отъ родителей необычайно нервную физическую организацію. Мы видѣли, что составляло наиболѣе чуткую, болѣзненную сторону нервозности у отца писателя. Десятки лѣтъ нужды, лишеній, невольныхъ обязательствъ предъ милостями благодѣтелей и покровителей развили нестерпимо раздражительное чувство самолюбія и органическое недовѣріе къ людямъ, къ ихъ словамъ и поступкамъ. Такія настроенія заставляютъ человѣка быть вѣчно на сторожѣ, ежеминутно ждать отъ внѣшняго міра непрошеныхъ, оскорбительныхъ и эгоистическихъ врывательствъ въ личную жизнь слабѣйшаго. Это не разочарованіе и не пессимизмъ, но ощущенія, весьма похожія на то и другое: инстинктивное недовѣріе ко

всему, что кажется чуждой, враждебной или даже просто равнодушной силой. Это — скептицизмъ людей, много перенесшихъ и много разъ обманутыхъ. Его можно встрѣтить на каждомъ шагу среди разныхъ неудачниковъ какого угодно умственнаго уровня и общественнаго положенія.

Нашъ писатель получилъ въ полной мѣрѣ это печальное наслѣдіе, и требовались только соотвѣтствующія обстоятельства, чтобы стихійная болѣзненная оторопь предъ внѣшнимъ міромъ проснулась и властно завладѣла душой и умомъ «предрасположеннаго субъекта». У отца Писемскаго эта оторопь находила противовѣсъ въ закаленной, чисто-солдатской натурѣ, въ укоренившейся привычкѣ къ дисциплинѣ надъ другими и надъ самимъ собой, въ большой практической энергіи. У сына—натуры, утратившей расовую цѣльность Писемскихъ подъ вліяніемъ художественныхъ и даже отчасти романтическихъ задатковъ материнской семьи—не было отцовской стойкости и выдержки. И дальше мы увидимъ, до какихъ предѣловъ настоящаго пессимизма и безотрадной меланхоліи выростало у Писемскаго простое чувство недовѣрія къ людямъ и къ жизни, завѣщанное «житейской мудростью» предковъ. Это произошло, когда писателя со всѣхъ сторонъ окружили темныя тучи общественнаго гнѣва, по временамъ даже ожесточеннаго преслѣдованія и безславія... Но трагическія времена еще далеко. Теперь пока долженъ открыться путь блестящей славы и быстрыхъ увлекательныхъ успѣховъ.

Къ нимъ писатель готовился, нисколько, повидимому, не волнуясь, не страдая обычной юношеской лихорадкой еще неиспытанныхъ, неудостовѣренныхъ вполнѣ творческихъ силъ. Онъ спокойно изучалъ окружающую жизнь и въ этомъ изученіи съ первыхъ же шаговъ долженъ былъ занять самое выгодное положеніе, какое только могло достаться русскому писателю сороковыхъ годовъ.

Всякаго другого, подъ вліяніемъ разныхъ современныхъ идей и обычныхъ молодыхъ иллюзій, наблюдаемая дѣйствительность на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ,—могла лишить душевнаго міра и спокойной вдумчивости. Гнѣвъ и страсть невольно могли подняться въ сердцѣ идеально-настроеннаго юноши и онъ въ той или другой формѣ прошелъ бы сначала путь Бѣлинскаго, излившаго первыя муки идеальной мысли въ стремительной драмѣ шиллеровскаго жанра, или Лермонтова, трепетавшаго всѣми нервами своего существа при одной мысли о свѣтскихъ пошлякахъ и фарсёрахъ, или Тургенева, съ трудомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, справившагося съ своей первой общественной исторіей—*Рудинымъ*. И послѣднее обстоятельство особенно понятно. Писателю, развѣнчи-

вающему одно изъ блестящихъ, но по существу отрицательныхъ явленій русскаго общества, приходилось художественные образы отрывать отъ сердца, «чтобы муки съ ними оторвать», по выраженію Лермонтова.

Ничего подобнаго не могло совершиться съ самыми сильными впечатлѣніями Писемскаго. Онъ невозмутимо и прилежно изучалъ науку жизни—чиновничьей и провинціальной. Вооруженный здравымъ смысломъ, чувствомъ справедливости и непосредственнымъ общечеловѣческимъ чутьёмъ правды, онъ былъ достаточно проницателенъ оцѣнить прелести дореформенной бюрократіи, безъ помощи какихъ бы то ни было идейныхъ внушеній. Другое дѣло — додуматься до общаго смысла и вывода изъ этой оцѣнки... Потомъ, свободный отъ модныхъ увлеченій своего поколѣнія, на короткое время, да и то болѣе по личнымъ практическимъ соображеніямъ поддавшійся только жоржъ-зандизму, онъ могъ съ безстрастіемъ естествоиспытателя изслѣдовать пышныя фигуры во всевозможныхъ европейскихъ уборахъ, и Чайльдъ-Гарольдовъ, и Рудиныхъ, и просто донъ-жуановъ и шарлатановъ безъ всякихъ плащей. Со временъ Фонвизина русскіе Иванушки не видѣли болѣе неумолимаго и неутомимаго врага и съ эпохи *Мертвыхъ душъ* не раздавался болѣе прямой, національный голосъ почвенной самобытной русской натуры.

И, наконецъ, гдѣ пришлось зазвучать этому голосу? Тамъ, гдѣ всѣ Иванушки являются обыкновенно въ самомъ забавномъ, каррикатурномъ видѣ, гдѣ всякій европеизмъ превращается въ яркую заплату на неопрятномъ самодѣльномъ платьѣ и гдѣ, съ другой стороны, «крапивное сѣмя», отравлявшее еще Сумарокова, разростается въ непроходимую чащу всевозможныхъ неправдъ и произвола.

Да, трудно представить болѣе счастливое совпаденіе могучаго сатирическаго таланта, личной искренности и правдивости, полнѣйшей неприкосновенности къ соблазнамъ современной мысли и даже моды и благодарнѣйшей среды для изученія отрицательнѣйшихъ явленій оффиціальнаго міра и общественной жизни...

XVI.

Раньше подробнаго разбора произведеній Писемскаго мы, на основаніи общаго представленія объ его личности и талантѣ, можемъ безошибочно заключить о развитіи, объ основныхъ моментахъ и періодахъ его творчества. Писемскій на сцену общественной литературы вступилъ въ 1847 году, романомъ *Боярщина*.

Романъ былъ запрещенъ и, конечно, быстро распространился въ рукописи. Первое произведеніе Писемскаго явилось въ печати въ іюльской книгѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1848 года,—повѣсть *Нина*. Затѣмъ слѣдовалъ непрерывный рядъ разсказовъ, большихъ повѣстей, драмъ и комедій. Не проходило года безъ какого-либо произведенія Писемскаго. Не всѣ они одинаковаго достоинства, не всѣмъ имъ авторъ посвящалъ достаточно труда и вниманія, но это не мѣшало славѣ Писемскаго расти непрерывно и достигнуть полнаго блеска въ эпоху появленія романа *Тысяча душъ* и драмы *Горькая судьбина*. Эти, дѣйствительно, въ высшей степени зрѣлые плоды великаго таланта заключили первый періодъ литературной работы нашего автора, явились, такъ сказать, послѣдними словами необычайно обильной многолѣтней художественной рѣчи.

Этотъ періодъ можно назвать *дореформеннымъ*. Онъ закончился какъ разъ наканунѣ преобразовательнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, успѣлъ охватить и ранніе его проблески, едва замѣтныя, часто подземныя струи новыхъ теченій и совершенно открытыя, бьющія ключемъ, стремленія подготовителей и осуществителей освободительныхъ реформъ.

Дальше слѣдовали годы именно этихъ реформъ, коснувшихся рѣшительно всѣхъ сторонъ нравственной, общественной и государственной жизни Россіи. Литература, естественно, оказалась одною изъ самыхъ заинтересованныхъ и фактически затронутыхъ областей. Именно она въ теченіе десятилѣтій волновалась, работала и страдала ради совершившихся теперь перемѣнъ, и, разумѣется, шестидесятые годы должны были отличаться безпримѣрнымъ оживленіемъ печати, ознаменоваться небывало-страстной работой мысли и слова. Эта работа—въ силу самой страстности—не всегда могла стоять на высотѣ умственной зрѣлости, разумной осмотрительности и культурной невозмутимой терпимости. Партійная полемика и подчасъ личные счеты врывались бурнымъ потокомъ въ вопросы общаго значенія и содержанія. Но именно эта стремительность и запальчивость свидѣтельствовали о богатомъ запасѣ силъ и убѣжденій у борцовъ. Очевидно, людямъ было изъ за чего любить и ненавидѣть, было что-то, далеко не всѣмъ поколѣніямъ и временамъ понятное и доступное, что до сихъ поръ живетъ и горитъ на страницахъ старыхъ журналовъ и способно при случаѣ захватить даже современнаго читателя—все равно, какимъ, но глубокимъ чувствомъ...

Писемскій не могъ, конечно, миновать общей участи, и на первыхъ порахъ превратился прямо въ публициста: въ декабрѣ

1861 года, въ *Библіотекѣ для Чтенія* появился фельетонъ Никиты Безрылаго, а два года спустя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* было напечатано *Взбаламученное море*. Фельетонъ и романъ—отвѣты прославленнаго писателя на злобу дня. А этими злобами были ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе крѣпостного права, мечта русской интеллигенціи о распространеніи просвѣщенія среди освобожденнаго народа, городское и земское самоуправленіе, безцензурная печать и все объединяющая и увѣнчивающая идея общественной самодѣятельности на всѣхъ поприщахъ обновленной жизни.

Это—второй, очень краткій, но необычайно рѣшительный періодъ и въ личной, и въ литературной судьбѣ Писемскаго.

Послѣ *Взбаламученнаго моря* дѣятельность нашего автора продолжалась еще около семнадцати лѣтъ. Послѣднее произведеніе *Масоны* начато въ 1878 году и напечатано въ журналѣ *Огонекъ* за 1880 годъ. Эти годы не менѣе урожайны, чѣмъ ранняя, молодая эпоха таланта Писемскаго. Предъ нами семь пьесъ и четыре романа: изъ нихъ *Люди сороковыхъ годовъ* и *Масоны* по объему обширнѣйшія работы автора. Но урожай этотъ, очевидно, выросталъ на не совсѣмъ доброкачественной нивѣ. Романомъ *Взбаламученное море* Писемскій порвалъ связи съ передовой петербургской журналистикой и поступилъ въ сотрудники и даже въ завѣдующіе беллетристическимъ отдѣломъ *Русскаго Вѣстника*. Но и этотъ журналъ не особенно благосклонно удѣлялъ свои страницы произведеніямъ Писемскаго, напечаталъ всего двѣ пьесы—*Ваалъ* и *Просвѣщенное время*, и ни одного романа, въ 1876 году отказался и отъ пьесы *Финансовый геній*. Бывшему необычайно уважаемому сотруднику *Современника* и *Отечественныхъ Записокъ*, редактору *Библіотеки для Чтенія* въ теченіе пяти отвѣтственныхъ лѣтъ, съ 1858-го по 1863-й годъ,—теперь приходилось довольствоваться иллюстрированными журналами и новыми изданіями, терпѣвшими нужду въ именахъ.

Ясно, автору приходилось писать не для славы, и даже не для идей, требовавшихъ настоятельно публичнаго провозглашенія и выясненія, а просто изъ-за гонорара и отчасти по старой писательской привычкѣ. Талантъ, разумѣется, окончательно не исчезъ и въ темный періодъ непопулярности, и по временамъ ярко освѣщалъ не одну страницу въ томъ или другомъ произведеніи Писемскаго. Но животворящій духъ будто отлетѣлъ отъ писателя. Душевная горечь и творческая усталость заволакивали какимъ-то смутнымъ сѣрымъ цвѣтомъ рѣдкіе проблески былой нравственной самоувѣренности и вдохновенной силы. И въ послѣднемъ романѣ *Масоны* механическій, промышленный характеръ писанія сказался

вполнѣ. Авторъ, за отсутствіемъ жизненныхъ красокъ и психологическаго анализа, принужденъ наполнять десятки страницъ утомительнѣйшимъ и совершенно безцѣльнымъ изложеніемъ масонскихъ философическихъ и обрядовыхъ вымысловъ...

Таковъ конецъ такого блестящаго начала!

Но для насъ любопытенъ не эффектъ контрастовъ, а смыслъ исторіи. И мы надѣемся его прослѣдить по несомнѣннымъ даннымъ, привести въ стройную связь всѣ звенья обширной цѣпи.

Наша задача облегчается извѣстной намъ психологіей Писемскаго, а планъ разбора изслѣдованія намѣчается самыми условіями его дѣятельности.

Писемскій началъ писать въ провинціи и описывать провинціальную Россію. *Нина* появилась въ печати, когда революціонныя движенія Европы отразились страхомъ и ужасомъ въ Россіи и для литературы насталъ «страшный годъ», по выраженію самого Писемскаго. Старые исконные порядки получили теперь особое, въ полномъ смыслѣ неприкосновенное значеніе. Крѣпостное право и невозбранная всеобъемлющая чиновничья опека казались болѣе обезпеченными, чѣмъ когда-либо. Въ печати водворилось молчаніе, тѣмъ болѣе удручающее, что оно наступило непосредственно послѣ шумной литературы сороковыхъ годовъ и страстныхъ статей Бѣлинскаго. Томительный промежутокъ до новаго оживленія мысли долженъ продолжаться до половины пятидесятыхъ годовъ. На это именно время и падаютъ первыя произведенія Писемскаго.

Холодъ, сковавшій интеллигентныя силы столицы, конечно, еще суровѣе отразился на провинціи. И раньше здѣсь лишь изрѣдка мелькали проблески сознательной жизни и общихъ культурныхъ интересовъ. Въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ* являются только два человѣка въ «пошловатомъ провинціальномъ міркѣ» «представителями маленькаго ручейка мысли». И это было, когда еще писалъ Бѣлинскій и существовало кое-какое публичное слово съ общественнымъ содержаніемъ. Во что же превратился «провинціальный мірокъ», когда самые источники ручейковъ изсякали и замирали безгласно? Царила «тишь да гладь» болота, подернутаго плотной плѣсенью и задавленнаго мертвенной атмосферой...

Но здѣсь не было «Божьей благодати», и чуткому взору художника на видимой тиши и глади являлась необычайно пестрая, хотя и пригнетенная худосочная жизнь, а среди, повидимому, одноцвѣтнаго болотнаго населенія наблюдатель ясно различалъ великое разнообразіе организмовъ, бытовыхъ особенностей, даже психологическихъ оригинальныхъ чертъ, распознавалъ и въ этомъ мертвомъ царствѣ вездѣсущую борьбу сильныхъ и слабыхъ и могъ

слѣдить за любопытнѣйшими положеніями побѣдителей и побѣждаемыхъ, героевъ и жертвъ.

Онъ видѣлъ, прежде всего, «царей» дореформеннаго провинціальнаго болота, множество начальства, чиновъ, ранговъ, вооруженныхъ часто безконтрольной и безсудной властью. Она свободно «разыгрывалась до послѣдней прелести», какъ выражается нашъ романистъ, не встрѣчая отпора у общества, апатичнаго, поглощеннаго мелкими, частными интересами, и не придавая ни малѣйшаго значенія еще болѣе глубокимъ опорамъ своего величія, порабощенному народу. Бюрократія — первое, что привлекло все вниманіе Писемскаго, лично чиновника, усерднаго исполнителя своихъ обязанностей и одушевленнаго извѣстнымъ бюрократическимъ идеаломъ. И онъ представилъ одну изъ самыхъ полныхъ и яркихъ характеристикъ стараго оффиціальнаго міра, какая только могла быть доступна художественному творчеству.

Затѣмъ слѣдовало—общество. При всей мелочности внѣшняго существованія и ничтожествѣ нравственныхъ и умственныхъ запросовъ, художникъ могъ и здѣсь усмотрѣть не мало яркихъ пятенъ, своего рода центровъ болотной суеты. Это — мѣстные аристократическіе мірки, сіявшіе тусклымъ, часто фальшивымъ свѣтомъ, но привлекавшимъ къ себѣ неотразимо рои мѣстныхъ мошекъ. Въ самыхъ центрахъ выдавались надъ общимъ уровнемъ рѣдкостные экземпляры разныхъ породъ, невѣдомыхъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ и тѣмъ болѣе любопытныхъ, гипнотизирующихъ первобытную публику.

Это—«столичные слетки», сливки крѣпостного барства, нахватавшіеся цѣною шальныхъ денегъ «европейскаго просвѣщенія», продѣлавшіе всѣ фигуры моднаго благороднаго маскарада: безумный разгулъ и мотовство, картежная игра и забіячество, наконецъ, финансовое, нравственное и часто физическое банкротство, именуемое «познаніемъ жизни», «разочарованіемъ», «неудовлетворенностью высшей натуры». Это—одинъ типъ, на грязи уѣздныхъ и губернскихъ переулковъ производящій эффектъ золота,—типъ фатальный и непреодолимо-губительный для читательницъ романовъ Ричардсона, Руссо, Марлинскаго, «пища роковая» для томныхъ дѣвичьихъ и дамскихъ сердецъ. Это — птенцы байроновскаго гнѣзда, часто копіи съ копій, въ полномъ смыслѣ «ничтожные призраки» и не болѣе, какъ «чужихъ причудъ истолкованье»... Но среди лиллипутовъ даже человѣкъ ниже средняго роста играетъ роль гиганта.

Другой типъ — не столь блестящій, менѣе распространенный, потому что менѣе пошлый и назойливый,—тоже порожденіе «чужихъ словъ», тоже москвичъ въ иноземномъ плащѣ, но только

другого фасона. Тамъ на сценѣ—наука страсти нѣжной подъ покровомъ жестокаго равнодушія и презрѣнія ко всему существующему, здѣсь—тѣ же доблестные умыслы на женское «воображеніе, сгорающее нѣгой и тоской» и на «младую грудь, тѣснимую сердечнымъ томленіемъ», но въ уборѣ уже не изъ демоническихъ чувствъ, а изъ необозримо выспренихъ идеаловъ, вмѣсто «огромнаго сердца»—«орлиный умъ». Сущность комедіи не мѣняется, но развитіе дѣйствія, обстановка, особенно чувства и характеры героинь—иныя. Это—дѣтища болѣе возвышеннаго европеизма, «подражанія» болѣе отвѣтственныя и часто трагическія въ то время, когда исторія перваго типа—сплошной фарсъ и умственно-ограниченное шутовство. Однимъ словомъ, это Рудины, въ провинціальной перспективѣ окончательно измельчавшіе, но тѣмъ ярче обнаруживающіе жалкія особенности своей натуры.

Наконецъ, на самомъ отдаленномъ планѣ кажущаяся почти неподвижной смутная народная масса. Для властей, общества и самыхъ его избранныхъ героевъ она представляетъ нѣчто одноцвѣтное, однородное, туго или совсѣмъ немыслящее и «безчувственное», олицетворяетъ матерію рядомъ съ парящими надъ нею высшими существами. Врядъ ли кому приходитъ на умъ вглядѣться въ многомилліонный муравейникъ и извлечь отсюда поучительный фактъ или не совсѣмъ заурядную личность. Только все того же художника, наблюдателя по инстинкту и психолога по данному природой таланту, влечетъ даже и этотъ будто застывшій безличный фонъ разныхъ оффиціальныхъ и общественныхъ сценъ и картинъ. Даже здѣсь художникъ найдетъ необычайно яркія явленія и откроетъ невѣдомую на «просвѣщенномъ верху» оригинальность и силу русской стихіи. Онъ достигнетъ еще болѣе изумительныхъ результатовъ: въ сѣрой, смутной массѣ выслѣдитъ опредѣленный духовный складъ и вѣками выросшее и выстраданное міросозерцаніе...

Тогда творческое изображеніе дореформенной Россіи представитъ настоящую подлинную исторію. Писемскій выполнитъ эту задачу съ безпримѣрной въ нашей литературѣ полнотой матеріала и личныхъ наблюденій, и съ талантомъ, часто достигающимъ силы и правды первостепенныхъ художниковъ русскаго слова. Именно силы и правды... Потому что рѣдко въ художникѣ можно встрѣтить такую проницательность взгляда, такую ясность положительнаго здраваго смысла и такую безпощадность нравственнаго чувства. Встрѣтить, снова повторяемъ, тамъ, гдѣ передъ художникомъ отрицательныя явленія *будничной*, не *идейной* жизни, гдѣ предъ нимъ нарушенія общихъ законовъ справедливости, практи-

ческой мудрости, общечеловѣческой гуманности, а не заблужденія или злоупотребленія въ области идей, теорій, логическихъ выводовъ изъ фактовъ жизни. Здѣсь мы встрѣтимъ подъ перомъ нашего автора все, что угодно, только не исторію, еще менѣе художественное воспроизведеніе дѣйствительности. Настанетъ время и для такой литературы. Но пока передъ писателемъ дореформенное, повидимому, мирно и невозмутимо процвѣтающее царство.

Здѣсь жизнь не мечется и не мѣняется въ неустанномъ волненіи, а представляетъ будто неподвижный пейзажъ, и наблюдатель можетъ, спокойно «вперивъ очи», отыскивать свои перлы. Онъ будетъ заниматься этимъ дѣломъ съ тѣмъ большей охотой, что здѣсь же въ этомъ самомъ заштилѣвшемъ морѣ отыщетъ много перловъ,—одинаково и для своего сатирическаго генія, и для своего сердца, найдетъ неистощимый запасъ пошлости и всяческаго уродства, но соберетъ въ то же время не мало и красоты. Такими, по крайней мѣрѣ, ему будутъ казаться нѣкоторые порядки. И мы, пересматривая великую лѣтопись старыхъ русскихъ золъ, должны будемъ остановиться и на тѣхъ людяхъ и явленіяхъ, какія нашимъ лѣтописцемъ были сочтены за благо. Это тѣмъ настоятельнѣе для насъ, что смыслъ всего, что Писемскій отмѣтитъ своимъ сочувствіемъ, непосредственно рѣшитъ вопросъ о смыслѣ и судьбѣ позднѣйшей, столь роковой для автора, дѣятельности.

XVII.

Сдинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ русской литературы, начиная съ XVII вѣка и кончая сатирой Щедрина—преслѣдованіе всевозможныхъ спеціально-чиновничьихъ доблестей. При самыхъ тяжелыхъ условіяхъ литературной дѣятельности и при скромнѣйшихъ общественныхъ взглядахъ писателей этотъ мотивъ не сходитъ со сцены. Сумароковъ, отрицавшій у мужика «благородныя чувствія» и не допускавшій даже мысли о какой-либо перемѣнѣ въ крѣпостныхъ порядкахъ, становится безпощаднымъ либераломъ въ вопросѣ о «крапивномъ сѣмени». Его современникъ Капнистъ посвящаетъ большую комедію *Ябедѣ*, т. е. взяточничеству, судебной волокитѣ, канцелярскому криводушію, и недостатокъ художественнаго таланта возмѣщаетъ необычайной искренностью и жизненной правдой своихъ нападокъ. Писателямъ слѣдующаго столѣтія приходится только продолжать дѣло своихъ предшественниковъ, и гоголевскій *Ревизоръ*—та же *Ябеда*, только во всемъ блескѣ геніальнаго творческаго дарованія.

Очевидно, предъ Писемскимъ, въ наблюденіяхъ за провинціальнымъ бюрократическимъ міромъ, лежалъ давно проторенный путь, и любопытно, что онъ самъ знаетъ и помнитъ своихъ отдаленнѣйшихъ образцовъ. Въ романѣ *Взбаламученное море* изображается пиршество губернскихъ властей у откупщика. Герой романа—самъ чиновникъ—смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ на позорное зрѣлище. «У Бакланова морозъ пробѣжалъ по кожѣ: ему представилось, что онъ и всѣ прочіе господа тѣ же лица, какъ и въ *Ябедѣ* Капниста, которыя, ограбивъ неправеднымъ судомъ бѣдняка, у богатаго его противника пьютъ, ѣдятъ, поютъ и торжествуютъ свое поганое дѣло»...

И дѣйствительно, по всѣмъ произведеніямъ Писемскаго проходятъ рѣзкіе отголоски уничтожающей характеристики старыхъ судей и законниковъ, какую сатирикъ прошлаго вѣка представилъ въ первомъ же актѣ своей комедіи. Но не велика была бы заслуга новаго писателя, если бы онъ не вышелъ изъ круга давно затронутыхъ темъ и обрисованныхъ лицъ. Писемскій далеко опередилъ *всѣхъ* своихъ предшественниковъ, не исключая и Гоголя. Если соперничать по таланту съ творцомъ *Ревизора* даже для Писемскаго задача могла бы оказаться довольно рискованной, — по широтѣ общественнаго захвата и глубинѣ художественнаго проникновенія въ явленія извѣстнаго порядка Писемскій стоитъ, несомнѣнно, выше своего любимаго учителя. Предъ нами не только самая полная *исторія* жестокаго недуга русской жизни, но и основательнѣйшая *психологія* его, воспроизведенная въ живыхъ образахъ, шагъ за шагомъ. Мы видимъ не только *что такое* чиновникъ и власть при дореформенномъ строѣ, но и *какъ развивалась* нравственно, изъ какого *первоисточника* возникла подобная власть. И что особенно важно и убѣдительно, этотъ процессъ раскрывается предъ читателемъ не путемъ однихъ внѣшнихъ фактовъ, писатель вводитъ насъ, такъ сказать, въ самую лабораторію, постепенно и неотразимо вырабатывавшую именно такіе, а не иные типы. И процессъ производитъ на насъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что за каждымъ моментомъ мы чувствуемъ *личную* освѣдомленность автора. Здѣсь нѣтъ ни одной теоретически соображенной черты, ни одного на угадъ сдѣланнаго штриха, пишутся, въ сущности, *мемуары*, воспроизводится *правда* въ самомъ строгомъ смыслѣ, и *поэзія* ограничивается лишь необычайной живостью и цѣльностью красокъ. У читателя ни на минуту не можетъ явиться мысль о преднамѣренности авторскихъ настроеній и живописаній. Самый тонъ слишкомъ спокоенъ, какъ бы безучастенъ и только изрѣдка прерывается невольнымъ и совершенно

естественнымъ движеніемъ личнаго чувства—негодованія на торжествующую «кривду» и состраданія къ ея жертвамъ. И даже эти движенія никогда не переходятъ въ крикъ страсти и гнѣва, остаются чаще всего на мудромъ уровнѣ крыловскихъ нравоученій.

Когда въ первый разъ на сценѣ появился гоголевскій *Ревизоръ*, большинство публики оказалось озадаченнымъ не столько смѣлостью произведенія, сколько по истинѣ страшнымъ содержаніемъ... Возможна-ли такая бездна неправды, такая безнадежная утрата совѣсти и человѣческаго достоинства? Гдѣ мыслимъ цѣлый городъ, сплошь населенный грабителями и насильниками и въ то же время блюстителями закона и порядка? Авторъ наклеветалъ на свою родину или поддался личному желчному чувству!

Такія вопросы и заключенія сыпались со всѣхъ сторонъ, быстро довели автора до полнаго отчаянія и заставили его буквально бѣжать изъ отечества. Но публика, съ своей стороны, была не безусловно виновата. Ей показали необычайно мрачную картину, настоящую шайку оффиціальныхъ преступниковъ, но это, въ сущности, только *плоды* извѣстной почвы, послѣднія звенья длинной и сложной цѣпи. Вотъ этой-то почвы и этой цѣпи великій сатирикъ не открылъ зрителямъ и не убѣдилъ въ *неотразимой естественности* изображенныхъ явленій—тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ примириться съ его созданіемъ.

Писемскому предстояло восполнить въ высшей степени важный пробѣлъ и задача ему подсказана не отвлеченными соображеніями, а личной судьбой, его собственной чиновничьей карьерой.

Чтобы цѣлую жизнь, съ юныхъ лѣтъ, превратить въ погоню за грубѣйшими удовольствіями тщеславія и комфорта, чтобы нравственное существованіе свести къ тоскѣ о награжденіяхъ и чинахъ, а службу къ «безгрѣшнымъ доходамъ» и умышленному беззаконію, требуется особый складъ ума и сердца, нарочитая выработка всего нравственнаго міра. И это тѣмъ необходимѣе, что явленіе отнюдь не носитъ характера случайности, исключительности. Оно до такой степени всеобъемлюще, что въ исторіи русскаго сатирика о чиновничьемъ мірѣ возможенъ одинъ лишь честный герой—авторскій смѣхъ и авторское возмущенное чувство.

Откуда же такое эпидемическое и притомъ необычайно устойчивое бѣдствіе? Отвѣтъ Писемскаго самый обстоятельный, подробный. Писатель объяснитъ намъ, какую школу проходитъ будущій чиновникъ, въ дѣтствѣ и ранней молодости, какимъ взглядамъ подвергается въ началѣ службы, какъ составляется его карьера и чѣмъ, наконецъ, завершается его нравственный и служебный путь.

Мы застаемъ нашего героя—въ разсказѣ *Старческій грѣхъ*—

на шестнадцатомъ году жизни. Онъ, конечно, сынъ такого же чиновника, какимъ будетъ самъ. Отецъ не дослужился до большихъ чиновъ, съ «просителями» привыкъ къ безпробудному пьянству, съ начальствомъ къ подлѣйшимъ униженіямъ. Сынъ едва убѣдилъ отца отдать его въ школу уже въ шестнадцать лѣтъ. У столь возрастнаго ученика нѣтъ приличнаго платья, и первыя его впечатлѣнія—жестокая сцена съ директоромъ изъ-за слишкомъ пестраго костюма, первые плоды педагогіи — слезы, «противъ воли» обливающія его лицо, первыя привѣтствія учителей и товарищей — *разношерстный* и *луковникъ*, такъ какъ у бѣдняка нѣтъ другого завтрака, кромѣ хлѣба съ лукомъ. А дальше—дикія фантазіи воспитателей, — за нихъ воспитанники расплачиваются розгами и самыми настоящими физическими и нравственными истязаніями, безконечная пытка заушеній человѣческаго достоинства въ лицѣ слабѣйшаго, т. е. бѣднѣйшаго, полное отсутствіе умственныхъ вліяній и гуманныхъ воздѣйствій на мысль и сердце учащихся, совершенная случайность и, съ точки зрѣнія казенной педагогіи, преступность знакомства съ лучшими писателями своей родины. Нашъ герой только отъ товарища узнаетъ о существованіи Пушкина и безсознательно, по дѣтски съ перваго мгновенія отдается чарующей власти его поэзіи. И это въ годы цвѣтущей мужественной юности!

И съ другими товарищами не лучше. Благородныя органическія стремленія здоровой молодости ко всему возвышенному и нравственно-сильному, страстное преклоненіе предъ тѣмъ же Пушкинымъ, принимаетъ хотя и трогательныя, но странныя и подчасъ прискорбныя формы. И вполнѣ естественно. Эту молодежь никто не считаетъ нужнымъ узнать близко, по человѣчески, войти въ ея чуткій, подвижный міръ, отыскать здѣсь положительные задатки лучшаго будущаго, любовно дать имъ развиться и созрѣть и тѣмъ самымъ предотвратить болѣзненные побѣги, неизбѣжные на самой плодородной почвѣ рядомъ съ драгоцѣннѣйшими злаками. И вотъ въ изображенной предъ нами школѣ, десятки, сотни юношей годъ за годомъ впитываютъ въ себя сначала страхъ предъ своими наставниками, потомъ недовѣріе и, наконецъ, непреодолимое презрѣніе. Лучшими, умственно и нравственно, оказываются тѣ, кто сильнѣе другихъ проникнутъ этими чувствами, кто менѣе поддался гнету казенной формальной дисциплины, и какой-нибудь Охоботовъ, отчаяннѣйшій лѣнтяй въ наукахъ, является восторженнѣйшимъ читателемъ Пушкина, знатокомъ литературы и честнѣйшимъ товарищемъ. Что же получается въ результатѣ, когда подобная школа пройдена и предъ юношей непо-

средственно за ея стѣнами открывается путь самостоятельной дѣятельности?

Отвѣтъ одинъ—непроницаемая смута мыслей, влеченій и, слѣдовательно, совершенная неустойчивость самыхъ искреннихъ взглядовъ и самыхъ благородныхъ намѣреній.

О нашемъ героѣ читаемъ:

«Кончивши курсъ, такимъ образомъ, онъ очутился какъ бы на какомъ-то нравственномъ распутьи: въ немъ было множество возбуждено прекрасныхъ инстинктовъ, но и только! Протестантъ почти противъ всего, но во имя какого знамени и самъ того хорошенько не зналъ. Вольнодумецъ, въ отношеніи религіи на словахъ, онъ въ то же время предъ каждымъ экзаменомъ бѣгалъ къ мѣстной чудотворной иконѣ въ соборъ и молился тамъ усерднѣйшимъ образомъ. Ненавидя до глубины души всякій начальствующій авторитетъ, я не знаю, врядъ ли бы и самъ удержался, если бы только случай выпалъ, обнаружить грубѣйшій произволъ. Зналъ онъ, пожалуй, и многое, но все какъ-то отрывочно случайно, и непригодно ни для какого практическаго дѣла, а между тѣмъ угрожающее ему житейское положеніе было почти отчаянное»...

И это не мелодрама, а самое заурядное, повседневное явленіе. Школа выбросила изъ себя новаго члена общества столь же равнодушно, какъ и приняла его въ свои нѣдра мальчикомъ, вела его по своимъ мытарствамъ—юношей. Она какъ наймитъ и подневольный стражъ выполняла свои на самомъ дѣлѣ важнѣйшія въ мірѣ обязанности съ тоскливымъ формализмомъ и съ капризными взрывами злобнаго чувства, накипающаго у всякаго непризваннаго дѣлателя. Но этого мало. Формализмъ и злоба могли съ годами проникнуть и въ душу юноши, заразить его раннимъ скептицизмомъ и «холодомъ сердечнымъ», наполнить его сердце единственнымъ, вполнѣ естественнымъ стремленіемъ—спастись во что бы то ни стало отъ рабскихъ униженій, самому стать въ положеніе господина и сильнаго. А какъ достигнуть этой цѣли? Развѣ можно разсуждать и выбирать, когда ежеминутно виситъ надъ человѣкомъ угроза быть оскорбленнымъ, опозореннымъ и уничтоженнымъ за отцовскую бѣдность, за плохой костюмъ, за мѣщанскія манеры, за плебейское происхожденіе, а нашему герою даже за «студенческій мундиръ», т. е. за «ученость» и предполагаемый «безпокойный характеръ» и «острый умъ»? Здѣсь принципъ: «спасайся кто можетъ», и его примѣнить на практикѣ тѣмъ легче, что въ самые отвѣтственные молодые годы не было заложено въ будущаго «борца» ни одной опредѣленной идеи объ его обязанностяхъ предъ самимъ собою и обществомъ. И съ пер-

выхъ же шаговъ между школой и жизнью, между «ученостью» и «кускомъ хлѣба» оказалась едва проходимая пропасть.

XVIII.

«Учиться для жизни»—какая простая и вотъ уже почти двадцать вѣковъ, по крайней мѣрѣ, со временъ римскихъ стоиковъ, извѣстная истина, а между тѣмъ, она—величайшая ересь и отнюдь недопустимое новшество въ томъ мірѣ, гдѣ приходится учиться и дѣйствовать нашему будущему дѣятелю и, при счастливыхъ стеченіяхъ, «государственному мужу».

Только что кончившій студентъ, даже съ медалью, несомнѣнно умный, талантливый и готовый трудиться до пота лица уже потому, что у него нѣтъ «почти куска хлѣба», совершенно нигдѣ и ни на что не нуженъ. Губернаторъ рѣшительно не знаетъ, какое мѣсто онъ можетъ дать молодому человѣку «въ студенческомъ мундирѣ», только медаль его вдохновляетъ—опредѣлить «ученаго» въ приказъ—писцомъ. Это значитъ осудить юношу на новый крестный путь, не менѣе тернистый, чѣмъ только-что пройденная школа. Здѣсь столько же начальства, еще болѣе заинтересованнаго въ своей «власти» и въ безпросвѣтно-мертвенныхъ «формахъ», еще чаще личныя униженія: къ «власти» и формализму присоединяется еще проклятый вопросъ о кускѣ хлѣба. Слѣдовательно, конкурренція среди слабѣйшихъ, подчиненныхъ, и конкурренція оружіемъ слабѣйшихъ, т. е. на поприщѣ тѣхъ же самоуниженій, «исполнительности» и «преданности».

А потомъ, и самыя обязанности писца, по существу, менѣе всего просты и исполнимы. Канцелярія — неистощимое царство «формъ», «обычаевъ», часто свойственныхъ исключительно только этой, а не другой канцеляріи. Усвоить ихъ—цѣлая наука, стоющая университетскаго курса и ничего общаго съ нимъ не имѣющая. А ближайшими учителями являются, большею частью, люди, едва сами выбившіеся изъ низшихъ слоевъ канцелярскаго міра, всѣмъ существомъ впитавшіе инстинкты раболѣпія и требующіе ихъ отъ другихъ тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ больше униженій приходилось и приходится имъ самимъ терпѣть. Въ результатѣ,—завязывается глухая, но безпощадная борьба исконнаго чиновничьяго духа со всякимъ свѣжимъ элементомъ, борьба *принципіальная*, въ силу преданій и самыхъ основъ канцелярской дѣятельности, обостряющая вражду между двумя дѣйствительно совершенно различными мірами—образованіемъ, высшимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и оффиціальной службой.

И перечитайте сердечныя признанія статскаго совѣтника Салатушки, познакомьтесь съ карьерой Вихрова, Бакланова, Калиновича, вы поймете, что значитъ «служить» и, въ особенности, что́ значитъ преуспѣвать на службѣ?

Никто изъ русскихъ писателей, съ такой по истинѣ жестокой правдой, не вскрылъ глубочайшихъ тайниковъ канцелярскаго міра, никто съ такой ослѣпительной яркостью не освѣтилъ душевныхъ опустошеній, совершающихся день за днемъ въ каждой новой жертвѣ. Это картина рыбы, выброшенной на берегъ. Она въ первыя минуты рвется и трепещетъ, потомъ движенія становятся медленнѣе и порывистѣе, наконецъ, всякіе порывы исчезаютъ, самый трепетъ прекращается—и предъ вами трупъ, готовый предаться гніенію и разложенію. Вотъ такой же процессъ совершается съ душой самаго энергичнаго и благороднаго человѣка, если его въ теченіе многихъ лѣтъ подвергнуть воздѣйствію извѣстной среды.

Предъ нами одна изъ трогательнѣйшихъ страницъ, вообще когда-либо написанныхъ нашимъ, далеко не чувствительнымъ художникомъ: очевидно, наболѣвшее личное чувство невольно сообщило рѣчи автора оттѣнокъ необычной мягкости.

«Не знаю, извѣстно ли читателю, что по разнаго рода канцеляріямъ, начиная отъ неблагообразныхъ камеръ земскихъ судовъ до паркетныхъ апартаментовъ министерствъ, въ этихъ плѣшивыхъ, завитыхъ и гладко стриженыхъ головахъ, такъ прилежно наклоненныхъ надъ черными и красными столами, засохло и погребено романтизму и всякаго рода иныхъ возвышенныхъ стремленій никакъ не менѣе, чѣмъ и въ воинственныхъ строяхъ, такъ ярко блистающихъ на Марсовомъ полѣ. Какъ и что происходитъ тамъ съ этими нѣжными растеніями нашей души, я не знаю, но канцелярскій воздухъ, положительно можно сказать, неблагопріятенъ для нихъ. Изъ сотни товарищей Іосафа, нѣкогда благородныхъ и умныхъ малыхъ, садившихся до и послѣ него на подобный ему стулъ, очень немногіе прошли благополучно этотъ житейскій искусъ»...

Писемскій высказываетъ истину, извѣстную еще автору *Ябеды*. Тамъ, одинъ изъ героевъ говорилъ другому:

Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ чернъ останется, хоть мой во Іорданѣ...

Но у новаго автора фактъ поясняется многочисленными и многообразными типами, разъ навсегда «окрещенными въ чернилахъ». Однѣ изъ жертвъ, медленно задушенныхъ «пустою безполезной работой», умираютъ въ нищенскихъ углахъ; это, сравнительно, счастливцы; другіе, въ родѣ отца нашего героя, спиваются

и погибаютъ на улицѣ или пропадаютъ безъ вѣсти. Наконецъ, третьи, по словамъ автора, большинство—выплываютъ на поверхность, но путемъ какихъ нравственныхъ утратъ и лишеній?..

«Третьи—благоразумно подлѣли: въ какой-нибудь годъ отростили себѣ брюшко, женились на дочеряхъ какихъ-нибудь совсѣмъ уже отпѣтыхъ экзекуторовъ и надсмотрщиковъ гражданскихъ палатъ, и сами потомъ дѣлались такими же скрозьземельными, какъ говоритъ народъ, плутами. Иные изъ нихъ уѣзжали даже въ Петербургъ, дослуживать тамъ до довольно видныхъ мѣстъ; но печать позорнаго опошлѣнія все-таки горѣла на ихъ челѣ».

Та же мысль повторяется по поводу другого героя, въ романѣ «*Люди сороковыхъ годовъ*».

«Двадцать лѣтъ канцелярской службы не могутъ пройти для человѣка безнаказанно: они непремѣнно пріучатъ его мелко думать и не совсѣмъ благородно чувствовать».

Могутъ показаться преувеличеніемъ и злонамѣренной выходкой подобныя *общія* заявленія. Но авторъ дѣлаетъ ихъ на основаніи громаднаго количества примѣровъ, подробно и необычайно внимательно излагая дѣятельность и карьеру своихъ героевъ-школьниковъ. Онъ сначала показалъ, какъ дореформенная школа выпускала юношей, въ сущности одинаково способныхъ и готовыхъ на благородные подвиги и на подлыя продѣлки: все зависѣло отъ внѣшнихъ случайностей, да развѣ еще отъ исключительной природной нравственной организаціи. Теперь авторъ столь же основательно разбираетъ пути, какими нашъ юноша могъ преуспѣть на службѣ? Еще грибоѣдовскій Скалозубъ намекалъ, что этихъ путей и каналовъ «много», и мы отчасти могли судить о нихъ по скалозубовской «философіи». Писемскій съ необычайнымъ усердіемъ прослѣдилъ отъ истока до устья, чуть ли не всѣ «каналы» Скалозубовъ, Молчалиныхъ и Фамусовыхъ. И что особенно поучительно, изслѣдованіе на этотъ разъ захватило рѣшительно всѣ области и сферы чиновничьей карьеры, отъ захолустнаго уѣзда до «паркетныхъ апартаментовъ». Такая смѣлая экскурсія была сдѣлана авторомъ вполнѣ сознательно. Онъ именно желалъ заглянуть въ корень вещей.

Статскій совѣтникъ Салатушка, образцовый канцелярскій продуктъ, до крайности доволенъ нападками русской сатиры на уѣздныхъ и губернскихъ взяточниковъ. Отъ этого только выигрываетъ ореолъ петербургскихъ департаментскихъ и министерскихъ чиновниковъ. Публика убѣждается, что они совсѣмъ другой породы, чѣмъ «маленькіе черви» въ провинціи... Послѣ разсказовъ Писемскаго у статскаго совѣтника, несомнѣнно, измѣнилось бы настроеніе и взглядъ на *разныя* породы дореформенныхъ чиновниковъ.

*

Предъ нами длинная галлерея всевозможныхъ должностей и ранговъ. Выборъ богатѣйшій...

Крупнѣйшій и даровитѣйшій изъ карьеристовъ Калиновичъ такъ объясняетъ дореформенный порядокъ службы и свою собственную судьбу:

«Болѣе сорока лѣтъ живу я теперь на свѣтѣ и что же вижу, что выдвигается впередъ: трудъ ли почтенный, дарованье ли блестящее, умъ ли большой! Ничуть не бывало! Какая-нибудь выгодная наружность, случайность породы, или, наконецъ, деньги. Я избралъ послѣднее: отвратительнѣйшимъ образомъ продалъ себя въ женитьбѣ и сдѣлался милліонеромъ. Тогда сразу горизонтъ прояснился и дорога всюду открылась. Господа, которые очей своихъ не хотѣли низвести до меня, очутились у ногъ моихъ!»...

Такъ вершатся дѣла въ высокихъ сферахъ. И это отлично извѣстно не только чиновникамъ, а вообще всѣмъ «мудрымъ людямъ» самыхъ отдаленныхъ провинцій.

Захолустный чиновникъ, попавшій въ пріемную петербургскаго свѣтила, сейчасъ же опытнымъ окомъ подмѣчаетъ подозрительную любезность свѣтила съ поставщикомъ отопленія, освѣщенія и канцелярскихъ принадлежностей. И чиновника смущаетъ не самый фактъ, а претензіи петербургскихъ свѣтилъ на непогрѣшимость и превосходство.

«Гдѣ есть люди, тамъ есть и взятки», «взятокъ на многіе фасоны много и безъ нихъ быть не можетъ въ мірѣ», — таковы безповоротныя убѣжденія чиновника. Онъ только желаетъ, чтобы «петербургскіе» не заносились особенно. «Не отсюда бы къ намъ посылать ревизовать, а насъ бы сюда, такъ кое-что раскопали бы»,—говоритъ оскорбленный провинціалъ, и находитъ полное сочувствіе у безусловно компетентной личности на счетъ «грѣшковъ», у кулака-милліонера, Мишки Папушкина.

Мишка превосходно знаетъ всѣ петербургскіе ходы и выходы, запросто бесѣдуетъ съ важнѣйшими лицами, узнаетъ отъ нихъ административныя тайны и планы и такъ обобщаетъ свои наблюденія и свѣдѣнія на счетъ «питерскихъ»:

«Дерутъ съ нашей братьи еще почище здѣшнихъ».

Провинціальнымъ чиновникамъ, пріятелямъ, на вопросъ о странныхъ успѣхахъ Калиновича онъ прямо заявляетъ:

«Богъ вѣдь знаетъ, господа, какъ и прочто у васъ человѣка возвышаютъ. Больше всего, чай, надо полагать, что письмами отъ Хованскаго онъ очень хорошую себѣ рекомендацію дѣлаетъ».

Съ Мишкой согласенъ и еще одинъ, не менѣе ядовитый плутъ, но изъ другого «высшаго свѣта», князь Иванъ. Попавъ

въ тюрьму, онъ убѣждаетъ свою бывшую возлюбленную—написать въ Петербургъ, что она «готова половиной состоянія пожертвовать для спасенія» его князя: «вѣдь Петербургъ не любитъ ни о чемъ даромъ безпокоиться!»...

Но неужели, спросите вы, всюду и всѣ непремѣнно берутъ деньги, хотя бы даже и съ такой граціей, какъ это дѣлаетъ баронесса? Несомнѣнно, есть чиновники, особенно высшіе, слишкомъ брезгливые просто по натурѣ и достаточно обезпеченные по состоянію:—по крайней мѣрѣ, они безупречны?

Отнюдь нѣтъ,—отвѣчаетъ нашъ лѣтописецъ дореформенной Россіи. Мы уже слышали отъ захолустнаго «скрозьземельнаго» философа: «взятокъ на многіе фасоны много», и философъ примѣрно обозначилъ нѣкоторые фасоны: «балы да обѣды съ шампанскимъ», «жена—женщина молодая да умная»—всѣ эти вещи неотразимы для молодыхъ чиновниковъ, враговъ денежныхъ взятокъ, и авторъ въ другой разъ уже отъ себя прибавляетъ: «По многимъ опытамъ было дознано, что отъ денегъ нѣкоторые помоложе чиновники еще спасались, но отъ тонкихъ обѣдовъ—никто!..»

Но «жены» едва ли не гибельнѣе даже обѣдовъ для чиновничьей служебной нравственности. Вы помните, гоголевскія нападки на женъ, весьма часто, по мнѣнію автора *Мертвыхъ душъ*, виноватыхъ во взяточничествѣ мужей? У Писемскаго найдется не мало фактовъ для подтвержденія и этой истины изъ области недавняго прошлаго. Но гораздо сильнѣе захватывалъ нашего автора вопросъ о вліяніи женщины на высшую политику дореформенной администраціи. Здѣсь Писемскій неистощимъ въ примѣрахъ и личныхъ указаніяхъ.

Мы уже знаемъ необычайно изящную баронессу, съумѣвшую устроить изъ своей квартиры «совершенный рай» безъ всякихъ затратъ со стороны мужа. Потомъ намъ разскажутъ исторію цѣлыхъ двухъ «вѣдомствъ», ведущихъ междоусобную брань изъза того, что глава одного вѣдомства не далъ у себя мѣста отцу возлюбленной другого сановника. А отецъ однажды уже былъ отставленъ за растрату... Послѣ этого понятна жестокая тоска статскаго совѣтника Салатушки.

Онъ обязанъ бывать въ итальянской оперѣ исключительно ради женъ начальниковъ: тѣ восхищаются музыкой и пѣніемъ,—нельзя же имъ не сочувствовать! Такъ пролагается путь къ «дѣйствительному статскому», когда только по мнѣнію Салатушки, и можно ощущать «полное самоуваженіе».

Таковы герои и сцены въ *столицѣ*. Легко представить, какъ рисуется у Писемскаго *провинція*, гдѣ онъ самъ усиливался

преуспѣвать по службѣ и, по собственному его признанію, принужденъ былъ стараться производить на начальника впечатлѣніе умницы—въ чиновничьемъ смыслѣ.

Дореформенный чиновничій міръ въ провинціи для Писемскаго—сплошное «темное царство». Если здѣсь и случаются проблески,—лишь затѣмъ чтобы еще сильнѣе оттѣнить общій непроницаемо-мрачный фонъ. Всѣ герои автора, и отрицательные и положительные, и самъ онъ совершенно единодушны, что служить честно и достойно безусловно немыслимо, на всемъ пространствѣ старой Россіи. «Въ нашихъ мѣстахъ служить, такъ мотать себя надо молодому человѣку», говоритъ провинціальный чиновникъ. Еще энергичнѣе выражается Вихровъ, такъ какъ у него совѣсть болѣе чуткая и смыслъ болѣе развитой, чѣмъ у закоренѣлаго повытчика. Его письмо къ кузинѣ послѣ первыхъ опытовъ на поприщѣ губернской службы дышетъ отчаяніемъ.

«Знаете ли вы, что, можетъ быть, нѣтъ болѣе трагическаго положенія, какъ положеніе человѣка, который бы у насъ въ Россіи вздумалъ честно служить. Трудно вообразить себѣ, до какой деморализаціи дошло у насъ такъ-называемое чиновничество. На цѣлый губернскій городъ выищется не болѣе двухъ, трехъ сносно-честныхъ людей, за которыхъ, вѣроятно, Богъ и терпитъ сей градъ на землѣ, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, все-таки съѣдятъ и выживутъ. Я только еще успѣлъ немножко почестнѣй пошевелиться въ этомъ омутѣ всевозможныхъ гадостей и мерзостей, какъ на меня сейчасъ же пошли доносы и извѣты».

Даже больше. Въ первый же день Вихрова довели до истерическаго припадка и до слезъ. А крѣпкій, кажется, и самолюбивый человѣкъ!

И для иллюстраціи этихъ мыслей и построеній авторъ выводитъ великое множество властителей провинціальныхъ захолустій, всегда въ одномъ и томъ же опредѣленномъ свѣтѣ.

Во главѣ идутъ губернаторы. Мы знаемъ ихъ карьеры,—можно представить, какъ воспользуется оффиціальной силой человѣкъ, попавшій въ люди за свой ростъ и канцелярскій навыкъ!

Неизмѣнно при каждомъ изъ подобныхъ героевъ состоитъ дама; она такъ и слыветъ въ губерніи «дама сердца губернаторскаго» и все населеніе повседневно произноситъ ея имя съ разными приставками, знаменующими ея неограниченное вліяніе вездѣ и на все: «для госпожи Пиколовой», «за г-жу Пиколову», или «для m-me Базелейнъ», «отъ m-me Базелейнъ», или «съ г-жей Марковой», «ради г-жи Марковой». И такъ безъ конца. Перемѣщаются чиновники, совсѣмъ выгоняются изъ службы, покрываются

вопіющія злоупотребленія, почти разбои, воздвигаются гоненія на обывателей, въ угоду г-жамъ Пиколовымъ и ихъ родственникамъ. Авторъ будто устаетъ писать невѣроятную эпопею и заставляетъ своего героя пуститься даже въ область исторіи съ цѣлью отыскать подобные примѣры управленія.

И Вихровъ находитъ единственный: поступки татаръ въ золотой ордѣ съ русскими: потому что, объясняетъ онъ, «съ такимъ безстыдствомъ поступать въ общественной дѣятельности можно только въ азіятскихъ государствахъ».

И снова предъ нимъ возстаетъ безнадежная судьба юноши «съ волей, съ характеромъ, съ страшнымъ честолюбіемъ», который рѣшился бы честно служить...

Но вѣдь не чиновники же наполняютъ все громадное государство, они лишь ничтожная горсть; существуетъ повсюду общество, Россія живетъ въ половинѣ XIX-го вѣка, причисляется къ странамъ культурнымъ, въ губерніяхъ и даже уѣздахъ процвѣтаютъ художественныя увеселенія, — тотъ же рыцарь г-жи Пиколовой устраиваетъ спектакли, находитъ исполнителей для *Гамлета*, и компетентный судья Вихровъ доволенъ многими изъ нихъ, не только какъ актерами на сценѣ, но и какъ людьми... Что же чувствуетъ все это общество, когда предъ нимъ разыгрываются событія изъ эпохи монгольскаго ига? Вѣдь губернаторъ изъ его же среды бросаетъ жертвы подъ ноги г-жѣ Пиколовой, наноситъ оскорбленія его же достоинству и самолюбію въ лицѣ отдѣльныхъ единицъ?

Вопросы, въ высшей степени важные. Если бы авторъ не усмотрѣлъ ихъ, его картина казалась бы отрывкомъ, необоснованнымъ навѣтомъ. Но Писемскій чутьемъ художника понялъ самыя основы извѣстныхъ явленій и не пожалѣлъ красокъ для изображенія *почвы* и *среды*. И здѣсь онъ опять полнотой и основательностью изображенія выше своего предшественника. Гоголь бралъ *отдѣльные типы*, не задаваясь мыслью объ *общей перспективѣ*, рисовалъ портреты и жанры, и предоставилъ другимъ отыскивать объединяющій мотивъ своей живописи: Писемскій, уступая Гоголю талантливостью характеристикъ, превзошелъ его содержательностью и размахомъ общественной картины.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

VI.

Венгерская національная выставка.

(Письмо изъ Пешта).

Какъ уже извѣстно читателямъ «Міра Божьяго», венгры празднуютъ тысячелѣтнюю годовщину основанія мадьярскаго государства. Чтобы придать этому національному торжеству какъ можно больше блеска, чтобы привлечь къ участію въ немъ какъ можно больше людей, венгры рѣшили ознаменовать годовщину тысячелѣтія выставкой, называемой поэтому «милленніарной». Задача выставки состоитъ въ томъ, чтобы представить наглядно культурное развитіе венгерскаго народа съ того времени, когда онъ впервые появился въ Европѣ въ качествѣ варварской орды, до нашихъ дней, когда венгры стараются соперничать на поприщѣ культуры съ самыми цивилизованными народами. Изъ замѣтки, которая уже была напечатана въ нашемъ журналѣ, читатели познакомились въ общихъ чертахъ и со свѣтлыми и съ темными сторонами политическо-общественной жизни Венгріи, поэтому мы ограничимся лишь передачей впечатлѣній, которыя производитъ милленніарная выставка на непредубѣжденнаго иностранца.

Венгры очень умѣло рекламируютъ свою выставку. На всѣхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ станціяхъ, въ трамваяхъ и омнибусахъ, во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ магазинахъ, кофейняхъ и театрахъ Австро-Венгріи вы встрѣтите непремѣнно большую изящно исполненную афишу, возвѣщающую объ открытіи выставки. Венгерскія газеты всѣхъ партій и направленій считаютъ своимъ долгомъ превозносить все, что только относится къ выставкѣ, а спеціальное бюро прессы снаб-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

треблять этотъ языкъ въ Пештѣ. Впрочемъ, молодое поколѣніе венгровъ дѣйствительно очень мало знакомо съ нѣмецкимъ языкомъ.

На выставку ведетъ одна изъ самыхъ красивыхъ улицъ—улица Андраши—широкая, застроенная великолѣпными зданіями-дворцами, съ бульваромъ, вымощенная замѣчательно удобно. Подъ этой улицей проложена подземная электрическая желѣзная дорога. Вы спускаетесь по отлогой лѣстницѣ въ конфортабельный вагонъ, который мчитъ васъ съ необыкновенной скоростью по ярко освѣщенному корридору. Станціи расположены на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой, такъ что вы можете войти и выйти когда вамъ угодно. Впрочемъ, на выставку можно попасть и на обыкновенной конкѣ.

Войдя на площадь выставки сквозь изящные ворота и миновавъ красивый фонтанъ, вы быстро отыскиваете главный промышленный павильонъ, чтобы воочію убѣдиться, какіе успѣхи сдѣлала венгерская промышленность за послѣднее время. Дѣйствительно, произведеніями своей еще очень юной промышленности венгры могутъ похвалиться. По отзывамъ спеціалистовъ, напр., венгерское машинное производство достигло замѣчательнаго развитія, такъ что можетъ конкуррировать въ этомъ отношеніи съ Бельгіей и Англіей. Венгерскія издѣлія отличаются крѣпостью, при замѣчательномъ изяществѣ. Осмотрѣвъ павильонъ фабричной промышленности, вы можете идти восторгаться прекрасными кустарными издѣліями венгерскихъ, словацкихъ и румынскихъ крестьянъ. Земледѣліе, сахарозаводство, скотоводство и винодѣліе стоятъ въ Венгріи на очень высокой степени развитія, въ чемъ можно убѣдиться осматривая павильоны, посвященные этимъ отраслямъ національнаго хозяйства. Когда подумаешь, что всѣми успѣхами, которыхъ достигла промышленность въ Венгріи, мадьяры обязаны какимъ-нибудь двумъ десятилѣтіямъ энергической, настойчивой дѣятельности, когда узнаешь, съ какими жертвами государству и обществу удалось превратить Венгрію изъ бѣдной чисто земледѣльческой страны въ богатый промышленный край, невольно поражаешься энергіей этого маленькаго народца и прощаешь ему тотъ преувеличенный тонъ похвалъ и восторговъ, съ которымъ венгры говорятъ о прогрессѣ своей родной страны.

Промышленное, земледѣльческое и др. подобныя отдѣленія выставки очень интересны и поучительны, но для обыкновеннаго туриста гораздо любопытнѣе то, чего онъ не встрѣтитъ на другихъ выставкахъ, что сообщаетъ пештской выставкѣ своеобразный характеръ.

Такимъ отдѣленіемъ является историческое, помѣщающееся на довольно большомъ островкѣ, соединенномъ съ площадью выставки деревяннымъ мостомъ. Историческое отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ громадныхъ зданій, изъ которыхъ каждое построено въ другомъ стилѣ: романскомъ, готическомъ, ренессансѣ, рококо и т. д. Уже внѣшній видъ этихъ зданій привлекаетъ ваше вниманіе, такъ какъ вамъ кажется, что вы дѣйствительно перенеслись въ другое столѣтіе. Внутренность каждаго изъ этихъ зданій-музеевъ наполнена безчисленнымъ количествомъ различныхъ предметовъ, относящихся къ прошлому Венгріи. Вы видите здѣсь расположенные въ хронологическомъ порядкѣ по эпохамъ памятники венгерской исторіи: оружіе, домашнюю утварь, мебель, различныя драгоцѣнности, произведеніе искусствъ, рукописи, книги, автографы замѣчательныхъ венгерскихъ дѣятелей и т. д. Нѣсколькихъ часовъ мало, чтобы осмотрѣть, всѣ эти сокровища, перенесенныя сюда изъ различныхъ венгерскихъ, австрійскихъ, итальянскихъ и русскихъ музеевъ, изъ дворцовъ австрійскаго императора и хранилищъ турецкаго султана. Стоимость предметовъ, выложенныхъ въ историческомъ отдѣленіи, доходитъ до 20.000.000 гульденовъ. Выходя изъ историческаго отдѣленія, вы чувствуете большую усталость и отправляетесь отдыхать въ одну изъ многочисленныхъ кофеенъ, привлекаемые звуками венгерскаго или, вѣрнѣе, цыганскаго окрестра. Такихъ оркестровъ на выставкѣ десятки. Музыка, предлагаемая подъ видомъ венгерской, имѣетъ довольно разнообразный характеръ. Вы легко различаете чисто малорусскіе или словацкіе мотивы пѣсенъ, которыя исполняетъ венгерскій оркестръ. Что оригинально, такъ это манера играть. Венгерскіе цыгане играютъ съ такимъ жаромъ и чувствомъ, что мало слушать ихъ музыку. Нужно видѣть, какъ они играютъ, слѣдить за ихъ порывистыми тѣлодвиженіями, за игрой ихъ физіономіи, чтобы понять характеръ ихъ музыки. Къ самымъ любопытнымъ отдѣленіямъ выставки принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, этнографическое. Современная Венгрія представляетъ пеструю смѣсь различныхъ національностей, живущихъ рядомъ и вліяющихъ одна на другую. Только въ центрѣ Венгріи живутъ настоящіе мадьяры, но и на этой чистомадьярской территоріи разсѣяны многочисленныя колоніи: словацкія, сербскія и румынскія. Сѣверозападная, прилегающая къ Моравіи и Галиціи, часть Венгріи, населена словаками, которые на востокѣ незамѣтно сливаются съ русинами. На востокѣ и юго-востокѣ живутъ румыны, на югѣ хорваты и сербы, на юго-западѣ по городамъ итальянцы, въ Семиградіи—нѣмецкіе выходцы

изъ Саксоніи. Кромѣ того, въ Венгріи можно встрѣтить и словинскія и болгарскія колоніи, а въ городахъ множество евреевъ.

Собственно мадьяры давно уже утратили первобытный угрофинскій характеръ, благодаря мадьяризаціи венгерскихъ славянъ, румынъ, нѣмцевъ и евреевъ. Иностранецъ, попадающій въ Венгрію, поражается тѣмъ разнообразіемъ типовъ, которые ему приходится встрѣчать на каждомъ шагу. Между лицами, считающими себя чистокровными мадьярами, вы замѣтите и смуглыхъ брюнетовъ съ орлиными носами, и голубоглазыхъ блондиновъ, и лица съ чисто-семитскими или германскими чертами. Такая этнографическая смѣсь элементовъ, взаимно вліявшихъ въ теченіе многихъ столѣтій, представляетъ массу матеріаловъ для этнологическаго отдѣленія выставки.

Это отдѣленіе занимаетъ громадное пространство, сплошь застроенное крестьянскими избами. Каждая такая изба является типичнымъ образцомъ построекъ какой-нибудь мѣстности Венгріи, а всѣ вмѣстѣ образуютъ цѣлую деревню, въ которой есть и небольшая церковь, и зданіе волостного правленія, и корчма. Большинство избъ этого отдѣла—мадьярскія, ихъ около двухъ десятковъ. Каждая изба представляетъ маленькій музей, иллюстрирующій повседневную жизнь крестьянина данной мѣстности. При каждой избѣ находятся всѣ хозяйственныя постройки, гдѣ вы можете видѣть образцы тѣхъ земледѣльческихъ орудій повозокъ, упряжи и т. д., которыя употребляются въ одной изъ частей Венгріи. Въ избѣ расположены: мебель, всякая утварь, посуда, одежда, образцы произведеній кустарной промышленности даннаго края. Кромѣ того, въ каждой избѣ можно видѣть нѣсколько манекеновъ, представляющихъ мужскіе и женскіе типы населенія данной мѣстности. Любопытно, что всѣ предметы, выставленные въ этихъ избахъ, имѣютъ очень мало оригинальнаго, своеобразно-венгерскаго. Но, взглянувъ на подпись на такой избѣ, вы можете рѣшить, приблизительно, изъ какой мѣстности всѣ эти экспонаты, т. е. опредѣлить, съ кѣмъ сосѣдятъ венгры даннаго края. Поверхностнаго знакомства съ хорватами, сербами, малороссами или словаками достаточно, чтобы опредѣлить, откуда заимствованъ данный мотивъ «венгерской» орнаментаціи, откуда взята форма любого «венгерскаго» орудія, что повліяло на покрой венгерскаго костюма. Этимъ какъ нельзя лучше доказывается, что пришедшіе въ Европу изъ Азіи мадьяры находились на очень низкой ступени культурнаго развитія. То же самое видно и изъ языка современныхъ венгровъ, въ которомъ всѣ слова, обозначающія понятія изъ области внѣшней культуры, заимствованы у славянъ и румынъ.

Въ каждой избѣ, кромѣ манекеновъ, находится и живой типъ венгерца въ лицѣ надсмотрщика, одѣтаго въ костюмъ той мѣстности, которую репрезентируетъ ввѣренная его попеченію изба.

Меньшая часть выставки посвящена другимъ національностямъ Венгріи: словакамъ, румынамъ, нѣмцамъ и сербамъ. Любопытно, что русскіе, которыхъ въ Сѣверной Венгріи около полумилліона, совершенно отсутствуютъ въ этнографическомъ отдѣленіи; за то въ немъ есть болгарскія и словинскія избы, несмотря на то, что и болгаръ, и словинцевъ въ Венгріи всего какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ. Цыганскій таборъ и шатры (табунщиковъ) «чикошей» дополняютъ этнографическую деревню.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ находится довольно богатая коллекція предметовъ, иллюстрирующихъ первобытную культуру венгровъ, вывезенная гр. Зичи изъ Средней Азіи, Закавказья и Закаспійскаго края.

Этнографическое село наглядно представляетъ современныя этическія отношенія Венгріи; нѣсколько же павильоновъ, находящихся по сосѣдству, даютъ картину венгерскаго пастушества, рыболовства и охотничьяго промысла въ ихъ историческомъ развитіи. Въ каждомъ изъ этихъ павильоновъ собраны богатыя коллекціи рыболовныхъ снарядовъ, охотничьихъ сѣтей и оружія, начиная съ самыхъ первобытныхъ и кончая новѣйшими.

Павильонъ, посвященный рыболовству, расположенъ на маленькомъ островкѣ посреди пруда. Въ охотничьемъ павильонѣ обращаетъ всеобщее вниманіе сцена соколиной охоты, составленная изъ красивыхъ манекеновъ въ натуральную величину.

Въ общемъ этнографическое отдѣленіе даетъ довольно полную картину жизни венгерскаго народа и другихъ народностей Венгріи. Управленіе выставки позаботилось о томъ, чтобы внести жизнь и движеніе въ этотъ отдѣлъ. Поэтому оно устраиваетъ отъ времени до времени гулянья, ярмарки и даже цѣлыя свадьбы, въ которыхъ принимаетъ участіе народъ. Свадьбы происходятъ ежемѣсячно и совершаются со всѣми обрядами, какіе сохранились среди народа. Первую свадьбу съиграла пара саксонскихъ поселенцевъ изъ Семиградіи. Въ этомъ торжествѣ приняло участіе нѣсколько тысячъ человѣкъ и молодые получили массу подарковъ.

Изъ массы павильоновъ выдѣляются своей оригинальностью два: хорватско-словинскій и босняцко-герцеговинскій. Хотя патріотическая часть хорватскаго общества и протестовала противъ празднованія тысячелѣтія годовщины венгерскаго государства, хотя хорваты отказались отъ участія въ выставкѣ, однако венгерское правительство все-таки добилось того, что на выставкѣ

появился спеціальный хорватско-словинскій павильонъ, свидѣтельствующій о томъ, что Хорватіи далеко до Венгріи въ промышленномъ отношеніи.

Хотя Боснія и Герцеговина не принадлежатъ къ Венгріи, однако венгерцы считаютъ эти оккупированныя провинціи de facto своими. Войдя въ босняцко-герцеговинское отдѣленіе, мы переносимся на Востокъ, такъ какъ повсюду видимъ различныя издѣлія въ восточномъ вкусѣ, восточные типы и т. д. Все, что выставлено въ этомъ павильонѣ, свидѣтельствуетъ о большемъ прогрессѣ отнятыхъ у Турціи провинцій.

Проведя весь день на выставкѣ, вы отправляетесь вечеромъ въ «старую Буду» (Ös Budavara), соединенную прямымъ сообщеніемъ съ выставкой. Вы проходите сквозь тройныя каменныя ворота и попадаете въ какой-то волшебный уголокъ. Вы видите передъ собой цѣлый городъ, залитый потоками электрическаго свѣта. Ös Budavara долженъ изображать задунайскую часть венгерской столицы—Буду—въ такомъ видѣ, какой она имѣла въ то время, когда принадлежала туркамъ. Старая Буда на выставкѣ построена по плану извѣстнаго вѣнскаго архитектора Марморека. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ зданій, расположенныхъ на площадяхъ и улицахъ такимъ образомъ, что вы дѣйствительно можете подумать, будто находитесь въ настоящемъ городѣ, а не среди искусно раскрашенныхъ деревянныхъ бараковъ. Въ старой Будѣ находится цѣлый рядъ красивыхъ средневѣковыхъ построекъ, много дворцовъ прежней венгерской знати, башенъ и т. д. Особенно любопытенъ турецкій кварталъ съ большой мечетью въ центрѣ. Въ этой мечети отправляется магометанское богослуженіе ежедневно, а муэззины съ минаретовъ оглашаютъ площадь криками. Тутъ же, недалеко отъ мечети, находится настоящій гаремъ, который, впрочемъ, доступенъ только для посѣтительницъ женскаго пола.

По вечерамъ въ старую Буду стекаются тысячи народа. Ея улицы и площади оглашаются звуками музыки, кофейни и рестораны наполняются посѣтителями, и въ этомъ уголкѣ начинается жизнь, продолжающаяся далеко за полночь. Тутъ вы можете идти и въ театръ маріонетокъ, и въ оперетку, и смотрѣть на восточную пляску дервишей, и прислушиваться къ оригинальнымъ звукамъ турецкой музыки. По улицамъ старой Буды снуютъ «турки» и «турчанки», съ которыми вамъ, впрочемъ, гораздо легче разговориться, нежели со смотрителями павильоновъ на выставкѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти турки выписаны изъ Босніи и Герцеговины. Они ходятъ въ турецкихъ костюмахъ, исповѣдуютъ ма-

гометанскую вѣру, но другого языка, кромѣ сербо-хорватскаго, не знаютъ. А такъ какъ этотъ языкъ ближе другихъ славянскихъ нарѣчій къ русскому, то такой «турокъ» изъ старой Буды гораздо легче васъ пойметъ нежели венгерецъ, къ которому вы обращаетесь по нѣмецки.

Совершенно внѣ выставки находится нѣсколько павильоновъ, посвященныхъ изящнымъ искусствамъ. Спеціальный павильонъ вмѣщаетъ знаменитую картину величайшаго венгерскаго живописца Мункачи «Христосъ передъ Пилатомъ». Венгерскіе художники выставили произведенія своей кисти въ громадномъ зданіи, но эта выставка гораздо болѣе замѣчательна въ количественномъ, нежели въ качественномъ отношеніи. Три павильона заключаютъ панорамы: 1) Пришествіе Арпада въ Венгрію; 2) Данте «Адъ» и 3) Костюшко подъ Рацлавицами. Если исключить послѣднюю, какъ не венгерскую, то обѣ первыя не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Дополненіемъ выставки служитъ «Константинополь», построенный по другую сторону Дуная и напоминающій Ös Budavara. Отправляясь туда, вы невольно останавливаетесь передъ чудеснымъ колоссальнымъ зданіемъ новаго только-что достроеннаго парламента. Ни одинъ парламентъ въ Европѣ не можетъ идти въ сравненіе съ новымъ венгерскимъ ни по величинѣ, ни по красотѣ, ни по роскоши внутренней отдѣлки. Для обозрѣнія одного парламента стоитъ поѣхать въ Пештъ.

Л. Василевскій.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

*(Продолженіе *).*

ПИСЬМО V.

Природа кометъ и положеніе ихъ во вселенной.

Число кометъ и распредѣленіе ихъ перигеліевъ по разстоянію отъ солнца.—Распредѣленіе кометныхъ орбитъ относительно эклиптики.—Какъ опредѣлить число кометъ въ солнечной системѣ: принципъ Ламберта.—Мысли Ламберта относительно жизни на кометахъ.—Физическія свойства кометъ.—Результаты спектрально-аналитическаго изслѣдованія. — Цёллнерова теорія кометъ. — Связь между кометами и падающими звѣздами. — Изслѣдованія Бредихина относительно кометныхъ хвостовъ.—Кометы нельзя считать компактными, неизмѣнными міровыми тѣлами: это — системы тѣлъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, съ теченіемъ времени распадаются. — Положеніе кометъ во вселенной. — Распаденіе кометъ и образованіе новыхъ кометъ. — Зодіакальный свѣтъ.

Разсуждая о происхожденіи міровой системы, до сихъ поръ мы не упоминали о кометахъ. Занимая замѣчательное положеніе въ солнечной системѣ, эти свѣтила представляютъ интересъ и въ томъ случаѣ, если мы обращаемся къ царству неподвижныхъ звѣздъ и туманностей и разсматриваемъ вселенную съ высшей точки зрѣнія. Съ древнѣйшихъ временъ кометы привлекали человѣческую мысль. Прошли вѣка, даже тысячелѣтія, а усилія, потраченныя на рѣшеніе этой задачи, оставались напрасными. Въ концѣ концовъ, все-таки удалось преодолѣть встрѣтившіяся трудности и освѣтить значеніе кометъ въ міровой системѣ.

Число ихъ въ солнечной системѣ необычайно велико. Только ничтожнѣйшая часть ихъ доступна нашему взору, хотя бы мы пользовались сильнѣйшими телескопами. До сихъ поръ не наблю-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

дали ни одной кометы, перигелій *) которой лежалъ бы за орбитою Юпитера. Изъ всѣхъ извѣстныхъ кометъ наибольшее разстояніе отъ солнца представляла комета 1729 г.; но и у ней перигелій на 24 милліона миль ближе къ солнцу, чѣмъ орбита Юпитера. Перигеліи большинства кометъ расположены между 8 и 20 милліонами миль, если считать отъ солнца; слѣдовательно, между орбитами Меркурія и земли. Приводимъ таблицу, гдѣ обозначены разстоянія перигеліевъ для 258 кометъ, наблюдавшихся до 1874 года.

Разстояніе перигеліевъ въ доляхъ радіуса земной орбиты.	Число кометъ.
Отъ 0,0 до 0,5	64
» 0,5 » 1	128
» 1,0 » 1,5	51
» 1,5 » 2	7
» 2 » 2,5	7
» 4	1

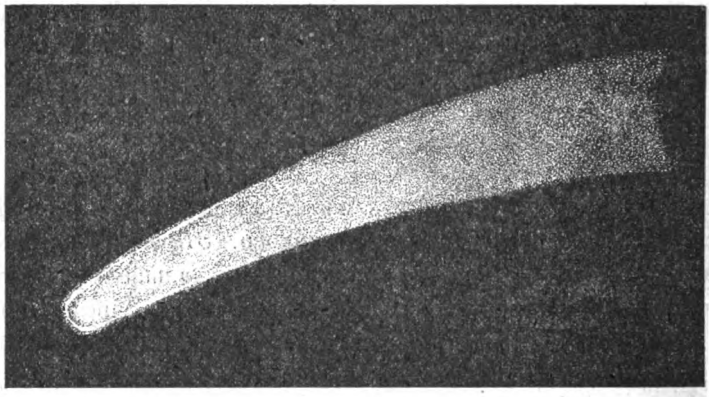
Данныя числа показываютъ, что на различныхъ разстояніяхъ отъ солнца число перигеліевъ неодинаково. Эта неравномѣрность въ распредѣленіи—только кажущаяся: чѣмъ дальше комета, тѣмъ труднѣе различить ее; чтобы получить истинное число перигеліевъ, заключенныхъ внутри извѣстной орбиты, необходимо было бы принимать во вниманіе, насколько доступны кометы при данномъ разстояніи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предположить, что за орбитою Юпитера нѣтъ ни одной кометы. Періодическія кометы въ теченіе большей части оборота движутся на такихъ разстояніяхъ, которыя лежатъ за предѣлами видимости кометъ; мы знаемъ, что онѣ движутся тамъ, но слабость свѣта мѣшаетъ видѣть ихъ во всякое время.

Какъ расположены пути кометъ относительно плоскости земной орбиты? Раньше думали, что при совершенно случайномъ распредѣленіи всѣ углы наклоненія одинаково вѣроятны, слѣдовательно, должны встрѣчаться одинаково часто. *Гурно* первый замѣтилъ, что это невѣрно: если распредѣленіе случайно, отсюда слѣдуетъ другой выводъ: полюсы плоскостей кометныхъ орбитъ распредѣлены на небесномъ сводѣ равномѣрно. Согласно съ этимъ принципомъ, *Скіапарелли* изслѣдовалъ распредѣленіе кометныхъ орбитъ и нашелъ, что онѣ нѣсколько тѣснѣе сгруппированы около эклиптики; но есть вѣскіе доводы въ пользу мнѣнія, что эта неравномѣрность совершенно случайна.

Въ прошломъ столѣтіи *Ламбертъ* сдѣлалъ попытку опредѣлить число кометъ, движущихся въ предѣлахъ нашей солнечной системы.

*) Точка орбиты, ближайшая къ солнцу. *Примѣч. переводчика.*

Онъ исходилъ изъ представленія, что число это велико, насколько возможно, и что на тверди нѣтъ пути, на которомъ не двигалось бы міровое тѣло. Представимъ, что перигеліи кометныхъ орбитъ распредѣлены въ пространствѣ равномѣрно. Количества ихъ, заключенныя внутри извѣстныхъ планетныхъ орбитъ, относятся какъ кубы радіусовъ этихъ орбитъ. Такъ можно опредѣлить истинное число перигеліевъ. Но, вѣдь, всякому перигелію должна соотвѣтствовать орбита, по которой комета могла бы нестись свободно и безпрепятственно. Поэтому, многіе перигеліи и соотвѣт-

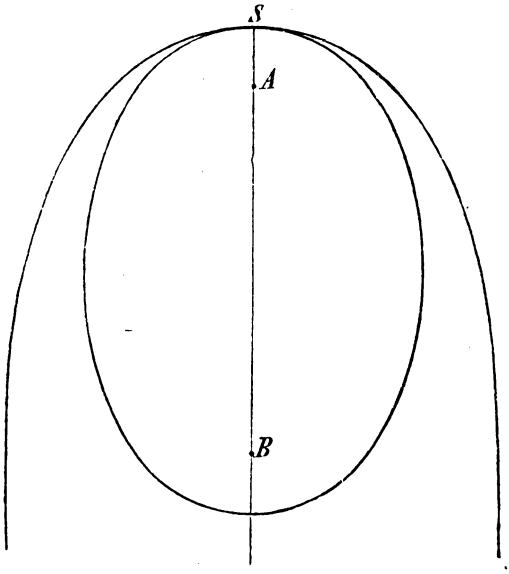


Комета 1811 года.

ствующія имъ орбиты придется отбросить, и число орбитъ будетъ возростать пропорціонально квадратамъ разстояній, какими отдѣлены отъ солнца ихъ перигеліи. Отдѣльные перигеліи можно представить, какъ концы 12 шестовъ, у которыхъ другіе концы направлены во всѣ стороны по радіусамъ. Между свободными концами этихъ шестовъ остаются пространства, гдѣ можно помѣстить 12 другихъ шестовъ; эти послѣдніе оставляютъ промежутки для слѣдующихъ; при этомъ разстояніе отъ центра каждый разъ увеличивается. Число шестовъ будетъ возрастать пропорціонально квадратамъ разстояній отъ центра. Вычислимъ на этомъ основаніи, сколько кометъ помѣщается въ солнечной системѣ внутри орбиты Нептуна. Радіусъ орбиты Меркурія относится къ радіусу орбиты Нептуна, какъ 1 : 78; внутри орбиты Меркурія расположены перигеліи 43 кометъ; получается пропорція: $1 : 78^2 = 43 : X$. X—это искомое число кометъ. Выходитъ, что въ данныхъ предѣлахъ заключено 261.612 кометъ. Вѣрно ли это? Или же истинное число кометъ больше? Или меньше? Это такіе вопросы, на которые нельзя отвѣтить съ увѣренностью. Повидимому, дѣйстви-

тельное число кометъ гораздо меньше, чѣмъ думали ранѣе, и все-таки ихъ не такъ мало, какъ предполагаетъ обыкновенный зритель, замѣчая, что эти странныя свѣтила появляются изрѣдка и исчезаютъ быстро, черезъ нѣсколько недѣль.

Данныя остроумнаго *Ламберта* основаны на смѣломъ положеніи: или одна только земля обитаема, или во всякой точкѣ вселенной есть обитатели и созданія. «Неужели, — говорилъ этотъ знаменитый математикъ,—неужели я долженъ считать совершенствомъ постоянную и неистощимую смѣну сходствъ и, въ то же время, допускать пустыя мѣста, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго, гдѣ нѣтъ никакой части цѣлаго, которое должно быть безконечно полнымъ? Я не могъ примириться съ существованіемъ такихъ пробѣловъ; я безъ колебаній приписываю всякой солнечной системѣ такое количество обитаемыхъ міровыхъ тѣлъ, какое только мыслимо при превосходномъ порядкѣ, господствующемъ въ ней. Послѣ того, какъ изобрѣтено увеличительное стекло, мы можемъ разсматривать на землѣ мельчайшія ея части, и что же? Оказывается, все настолько наполнено обитателями, что мы не можемъ долѣе сомнѣваться въ истинѣ: цѣль творенія, не допускающая никакихъ исключеній, это — наполнить жизнью и обитателями всякую часть вселенной. Наблюденіе учитъ насъ этому въ маломъ, и тѣ ступени, которыя проходимъ мы съ улучшеніемъ зрительныхъ стеколъ, приводятъ къ точному выводу, что мельчайшія созданія еще далеко не открыты нами. Почему же мы должны ограничить этотъ выводъ такими тѣсными предѣлами, когда хотимъ распространить его на число міровыхъ тѣлъ?» *Ламбертъ* не колеблется признать обитаемость кометъ. «Всякое живое существо, — замѣчаетъ онъ,— приспособлено къ мѣсту, которое занимаетъ». Великій геометръ считалъ кометы особенно удобнымъ мѣстопребываніемъ для астро-



Орбиты кометъ: снаружи парабола, внутри эллипсисъ. Въ *A* находится солнце; *S*—перигелій.

*

номовъ, «которые созданы, чтобы созерцать строеніе неба, положеніе всякаго солнца, положеніе и орбиты планетъ, спутниковъ и кометъ въ ихъ общей связи. Нужны громадные промежутки времени, чтобы ихъ жилище могло перейти отъ одного солнца къ другому или найти новый путь вокругъ солнца. Вѣка должны мелькать предъ ними, какъ отдѣльные часы, и безсмертіе должно быть ихъ удѣломъ, потому что время дается, сообразно съ потребностями. Такъ, у насѣкомыхъ на землѣ жизнь ограничена всего нѣсколькими часами, потому что для ихъ дѣлъ этого времени достаточно».

Пока мы остаемся въ области подобныхъ мнѣній, можно соглашаться или не соглашаться съ ними, смотря по личному настроенію. Но если обратиться къ научнымъ наблюденіямъ и ознакомиться съ точными выводами относительно свойствъ кометъ, не останется никакого сомнѣнія, что эти міровыя тѣла необитаемы.

Физическія свойства кометъ долго оставались полною загадкою. Первые выводы далъ полярископъ *Араго*, когда было доказано присутствіе отраженнаго солнечнаго свѣта, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ кометъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признали, что, если кометы обладаютъ *собственнымъ* свѣтомъ, онъ не можетъ казаться намъ значительно сильнѣе, чѣмъ отраженный свѣтъ солнца, который доходитъ до насъ отъ кометъ. Фотометрическія изслѣдованія, поставленныя мною, показали, что для отдѣльныхъ кометъ собственный свѣтъ можетъ быть все-таки настолько значительнымъ, что отъ этого существенно измѣняются отношенія яркости *). Затѣмъ былъ примѣненъ спектральный анализъ.

Донати во Флоренціи первый спектроскопически изслѣдовалъ комету, именно, первую комету 1864 года. Онъ открылъ, что спектръ ея состоитъ изъ трехъ свѣтлыхъ линій, и это было найдено впослѣдствіи у всѣхъ кометъ. Итакъ, типичный кометный спектръ представляетъ три свѣтлыхъ линіи или полосы, которыя лежатъ въ зеленой, голубой и фіолетовой частяхъ; со стороны краснаго конца спектра они ограничены рѣзко, со стороны фіолетоваго—расплываются. Уже *Геггинсъ* обратилъ вниманіе, что этотъ спектръ представляетъ большое сходство со спектромъ углеводородныхъ соединеній. По его мнѣнію, такія соединенія, дѣйствительно, находятся на кометахъ въ раскаленномъ состояніи. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ въ кометахъ настоящіе міровые факелы, раскаленныя тѣла, которыя несутъ пожаръ и свѣтъ

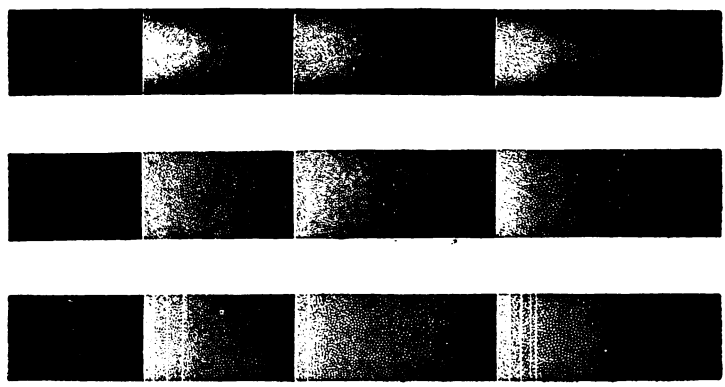
*) Сравнить: Klein. Handbuch der allgemeinen Himmelsbeschreibung. I Bd. 2 Auflage. 1871, p. 236.

чрезъ пространства планетной системы. Это представленіе не было признано астрофизиками и, наконецъ, было подорвано наблюденіями надъ первою и второю кометою 1882 г. Первая изъ нихъ сначала обнаружила типичный спектръ изъ трехъ полосъ. Но когда комета приблизилась къ концу, онъ исчезъ почти совершенно, а вмѣсто него выступила желтая линія натрія. Эту комету не удалось наблюдать послѣ ея прохожденія чрезъ перигелій. Съ дальнѣйшими измѣненіями спектра познакомились, благодаря второй кометѣ того же года, которая была подвергнута спектроскопическому изслѣдованію 18 сентября, день спустя послѣ прохожде-

Донати.

нія чрезъ перигелій. Она обнаружила линію натрія безъ всякаго слѣда спектра съ тремя полосами. Но по мѣрѣ того, какъ она удалялась отъ солнца, линія натрія становилась слабѣе, а вмѣсто нея усиливался спектръ съ тремя полосами, пока, наконецъ, не остался одинъ этотъ спектръ. Такъ была установлена истина: когда комета, приближаясь къ намъ изъ мірового пространства, становится видимой, она обнаруживаетъ спектръ изъ трехъ полосъ, соотвѣтствующій углеводороднымъ соединеніямъ; но какъ только она приблизится на извѣстное разстояніе къ солнцу, вещество ея нагрѣвается и начинаетъ выступать спектръ натрія, въ то время какъ первый исчезаетъ. Затѣмъ, пройдя чрезъ перигелій, комета снова удаляется отъ солнца; вещество ея охлаждается, спектръ натрія пропадаетъ и снова становится видимымъ

спектръ съ тремя полосами. Таковы факты. Объясненіе ихъ вытекаетъ изъ опыта, который былъ поставленъ *Гассельбергомъ* въ Пулковѣ. Оказывается, свѣтовыя явленія на кометахъ вызываются не раскаленнымъ состояніемъ углеводородныхъ соединеній, а электрическимъ разрядомъ. Это объясненіе стоитъ въ полномъ согласіи съ теоріей относительно физическихъ особенностей кометъ, которая развита *Цёллнеромъ*.



1) Кометный спектръ.
2) Углеводородный спектръ.
3) Углеводородный спектръ (при узкой щели).

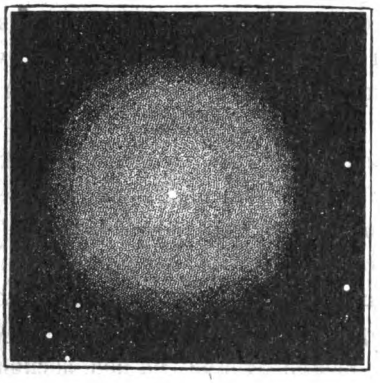
Онъ напоминаетъ, что состоянія тѣлъ зависятъ отъ температуры и давленія. Извѣстно, что при надлежащемъ притокѣ теплоты и соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ давленія можно послѣдовательно перевести тѣло въ каждое изъ трехъ состояній. Ледъ, благодаря теплотѣ, обращается въ воду и, наконецъ, при дальнѣйшемъ нагрѣваніи въ водяные пары. Нѣкоторые газы подъ сильнымъ давленіемъ становятся жидкостями и даже твердыми тѣлами. Гдѣ до сихъ поръ не удалось перевести тѣло въ его различныя состоянія, причина заключалась въ ограниченности нашихъ вспомогательныхъ средствъ, а никакъ не въ самой природѣ тѣла. Ясно, что эта физическая истина примѣнима не только къ землѣ, но и ко всей массѣ вещества, образующаго міровыя тѣла. Слѣдовательно, состоянія вещества въ міровомъ пространствѣ зависятъ только отъ давленія и температуры. Представимъ тѣло среди свободнаго пространства; давленіе его матеріальныхъ частицъ обусловлено ихъ числомъ, т. е. массою. Состояніе такого тѣла при опредѣленной массѣ зависитъ только отъ его температуры; и, обратно, при опредѣленной температурѣ—зависитъ отъ

массы. Если масса очень мала, а температура очень высока, вещество должно обратиться въ паръ,—мало того: все тѣло можетъ распасться на парообразныя массы. Такое распаденіе наступаетъ, когда тѣло недостаточно велико, чтобы своимъ притяженіемъ оказать на окружающую парообразную атмосферу такое дѣйствіе, которое равнялось бы максимуму упругости паровъ при господствующей температурѣ. Это часто бываетъ въ міровомъ пространствѣ; отсюда слѣдуетъ, что пространство не представляетъ пустоты, а наполнено веществомъ, конечно, въ состояніи крайняго разрѣженія.

Измѣненія въ состояніи космическихъ массъ должны идти тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ меньше массы и чѣмъ больше измѣненіе температуры. *Целльнеръ* подробнѣе разсматриваетъ небольшую космическую массу и воздѣйствіе, которое оказываютъ на нее измѣненія температуры. Представимъ, что эта масса находится среди свободнаго мірового пространства; ни одна неподвижная звѣзда не дѣйствуетъ на нее своими лучами; на ней господствуетъ температура, близкая къ абсолютному нулю. Затѣмъ эта масса, благодаря своему движенію, оказывается вблизи солнца, испускающаго тепловые лучи. Ясно, что будетъ нагрѣваться та сторона, которая подвергается непосредственному воздѣйствію солнечныхъ лучей. Частицы, лежащія на другой сторонѣ, заслонены массою жидкости и могутъ нагрѣваться только вслѣдствіе косвеннаго воздѣйствія. Процессы кипѣнія и испаренія совершаются, главнымъ образомъ, на той сторонѣ, которая обращена къ солнцу. Обратится въ паръ вся масса жидкости или только часть ея,— это, при прочихъ равныхъ условіяхъ, зависитъ отъ массы тѣла: чѣмъ меньше была первоначальная масса, тѣмъ ниже температура, при которой можетъ совершиться полный переходъ. Представимъ, что вся жидкая масса обратилась въ паръ: при удаленіи отъ солнца понизится температура; вслѣдствіе этого, или снова явится жидкое ядро, или, при недостаточномъ пониженіи температуры, произойдетъ медленное разсѣяніе въ пространствѣ.

Вблизи солнца такія жидкія массы должны казаться намъ тѣлами съ центральнымъ ядромъ и газообразною оболочкою, которая всегда развита сильнѣе на сторонѣ, обращенной къ солнцу. Если массы очень малы, онѣ уже на большомъ разстояніи отъ солнца сполна обратятся въ паръ; тогда, вслѣдствіе прохожденія лучей на другую сторону тѣла, исчезнетъ разница между нею и стороною, обращенною къ солнцу. Такой видъ, дѣйствительно, представляютъ нѣкоторыя маленькія безхвостыя кометы, и *Целльнеръ* склоненъ считать ихъ за капельно-жидкія метеорныя массы.

Спектральный анализъ доказываетъ, что кометы излучаютъ собственный свѣтъ. По современнымъ знаніямъ, это должно быть слѣдствіемъ или сгоранія, или электрическаго напряженія. Еще раньше, чѣмъ *Гассельбергъ* произвелъ свои изслѣдованія, *Целльнеръ* утверждалъ, что немыслимо никакое колебаніе въ выборѣ между этими двумя причинами самосвѣченія кометъ. Теорія электрическаго напряженія газообразной оболочки вполнѣ соотвѣтствуетъ спектроскопическимъ наблюденіямъ и въ то же время она легко объясняетъ явленія кометныхъ хвостовъ, остававшіяся до сихъ поръ загадочными. При этой теоріи, говоритъ *Целльнеръ*, мы вынуждены разсматривать развитіе свѣта и появленіе хвоста у кометъ, какъ дѣйствіе электрическаго процесса. Всѣ явленія объясняются ею съ замѣчательною полнотою. Благодаря этому, она пріобрѣтаетъ столь высокую степень вѣроятности, какая только возможна при выводѣ космическихъ процессовъ изъ свойствъ матеріи, наблюдавшихся до сихъ поръ исключительно на земныхъ тѣлахъ.



Комета безъ хвоста.

Какая причина производитъ на кометахъ непрерывное электрическое напряженіе? Отвѣчая на этотъ вопросъ, *Цёлльнеръ* указывалъ на процессы кипѣнія и испаренія, которыя совершаются въ жидкихъ массахъ. Громадная толщина парообразныхъ массъ, обладающихъ электрическимъ напряженіемъ, должна, по *Цёлльнеру*, быть причиною свѣченія.

При спектроскопическомъ изслѣдованіи, этотъ свѣтъ долженъ обнаружить тѣ же особенности, какъ электрическій свѣтъ, который проходитъ чрезъ пары, развивающіеся на кометахъ. Но при слабомъ электрическомъ напряженіи появится только спектръ того вещества, которое раньше другихъ измѣняетъ свое состояніе при низкихъ температурахъ. «Поэтому», продолжаетъ *Цёлльнеръ*: «если среди космическихъ жидкостей, представляющихъ обломки разрушенныхъ міровъ, припишемъ главную роль водѣ и жидкимъ углеводородамъ, спектры кометъ могутъ быть преимущественно только такими, какіе принадлежатъ парамъ этихъ веществъ и ихъ составнымъ частямъ. Такимъ путемъ объяснялась бы аналогія и отчасти совпаденіе наблюдавшихся до сихъ поръ кометныхъ спект-

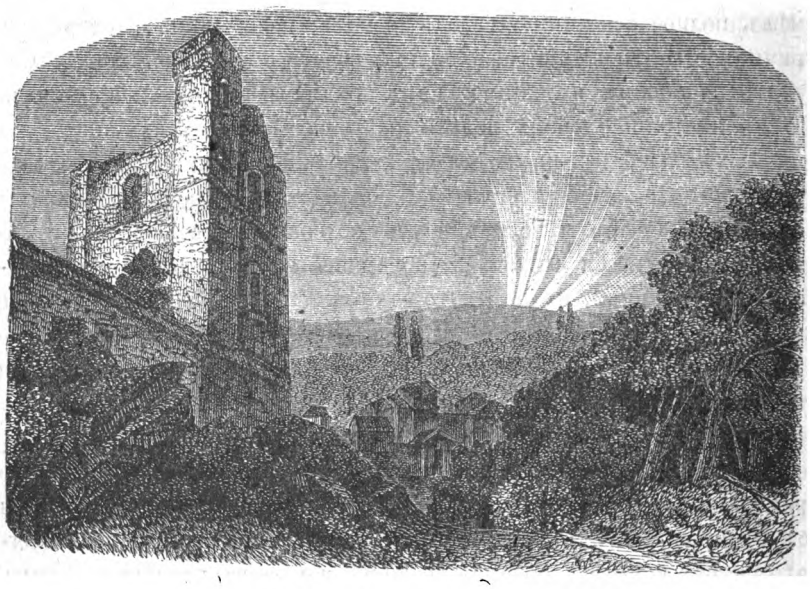
ровъ со спектромъ электрической искры въ атмосферѣ изъ углеводородныхъ паровъ».

Чтобы объяснить явленіе кометныхъ хвостовъ, *Цёлльнеръ* допускаетъ, что *на солнцѣ* существуетъ опредѣленное *электричество*. Эта теорія, конечно, представляетъ свои слабыя стороны, но за нее говоритъ фактъ, доказанный *Вольфомъ* въ Цюрихѣ: величина угла, на который ежедневно передвигается магнитная стрѣлка, возростаетъ, когда число солнечныхъ пятенъ увеличивается, и, напротивъ, убываетъ, когда пятна меньше и рѣже. Эти два явленія обнаруживаютъ такое поразительное совпаденіе, что *Вольфъ* имѣлъ полное основаніе сдѣлать выводъ: между ними существуетъ причинное соотношеніе; объ интенсивности общей причины можно судить по обоимъ явленіямъ, какъ по двумъ различнымъ скалamъ. Но въ настоящее время нельзя сомнѣваться, что причиною магнитныхъ колебаній являются электрическіе потоки. Если признать существованіе электричества на солнцѣ, станетъ ясно, что оно должно подвергаться величайшимъ колебаніямъ въ своей интенсивности, когда на солнечной поверхности образуются многочисленныя и крупныя пятна, которыя вызываютъ тамъ громадные перевороты. Эти колебанія, въ свою очередь, дѣйствуютъ на состояніе земного магнетизма. Вотъ почему, слѣдя за движеніями магнитной иглы, мы можемъ судить о числѣ пятенъ на солнцѣ.

Разъ признается, что на солнцѣ существуетъ электричество, не трудно объяснить явленіе кометныхъ хвостовъ. Стоитъ только примѣнить къ данному случаю элементарныя положеніе ученія объ электричествѣ. Допустимъ, что пары, вытекающіе изъ жидкаго ядра кометы, обладаютъ тѣмъ же электричествомъ, какъ солнце; частицы этихъ паровъ должны отталкиваться отъ солнца. и потому хвосты кометъ принимаютъ направленіе, противоположное солнцу.

Уже въ древней китайской книгѣ, которая написана *Ма-дуанъ-Линомъ* и носитъ названіе «Венсіангъ-тунгъ-као», значится: «Вообще, у кометы, которая стоитъ къ востоку отъ солнца, хвостъ направленъ на востокъ отъ ядра. Если же комета стоитъ къ западу отъ солнца, хвостъ направленъ на западъ». *Сенека* говоритъ: «Хвосты кометъ убѣгаютъ отъ лучей солнца». *Іеронимъ Фракасторъ* и *Апіанъ* незадолго до половины шестнадцатаго столѣтія впервые съ полной опредѣленностью указали, что хвосты кометъ лежатъ на продолженіи прямой линіи, которую можно вообразить между солнцемъ и головою кометы. Однако, хвосты никогда не представляютъ прямой линіи: скорѣе они изогнуты, какъ будто самыя крайнія частицы ихъ отстаютъ при движеніи. Конечно,

здѣсь нѣтъ противорѣчія съ положеніемъ, приведеннымъ выше: изогнутую форму хвостовъ можно объяснить тѣмъ, что крайнія частицы ихъ, у которыхъ плотность наименьшая, а скорость наибольшая, встрѣчаютъ также и сопротивленіе наибольшее. Важнѣе вопросъ: остаются ли оси кометныхъ хвостовъ постоянно въ плоскости орбиты, описываемой этими свѣтилами? *Бессель* доказалъ это для кометы 1818 года, насколько допускаютъ такое доказательство несовершенныя наблюденія того времени. Относительно нѣкоторыхъ новыхъ кометъ были произведены точныя изслѣдо-



Комета 1744 года—съ шестью хвостами.

ванія *Виннеке*. Наблюденія надъ первою кометою 1840 года и надъ большою кометою 1843 года вполнѣ гармонируютъ съ предположеніемъ, что ихъ хвосты лежали въ плоскости орбиты. Для третьей кометы 1853 года найдено въ высшей степени незначительное отклоненіе. Такимъ образомъ, дѣйствительность соотвѣтствуетъ требованіямъ теоріи, пока дѣло идетъ о кометахъ съ *однимъ* хвостомъ.

Но иногда являются кометы *съ нѣсколькими хвостами*, хотя это—случай очень рѣдкій. Какъ объяснить образованіе кратныхъ хвостовъ? Слѣдуя своей теоріи, *Целльнеръ* дѣлаетъ такое предположеніе: иногда, при условіяхъ, которыхъ въ настоящее время мы не знаемъ, электричество кометныхъ хвостовъ переходитъ въ противоположное. Такъ было съ кометой 1824 года: ея хвостъ

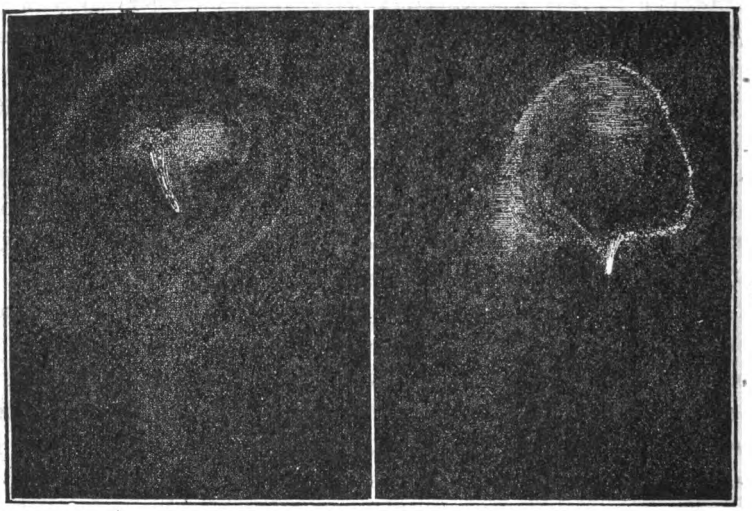
былъ направленъ къ солнцу, потому что противоположныя электричества солнца и нѣкоторой части кометныхъ паровъ стремились соединиться и, вслѣдствіе этого, соотвѣтствующія частицы паровъ двигались въ направленіи къ солнцу; въ то же время на другихъ частицахъ развивалось электричество, одноименное съ солнечнымъ: эти частицы стремились удалиться отъ солнца и образовали главный хвостъ. Комета 1744 года обладала шестью хвостами, которые расходились вѣеромъ на сторонѣ, противоположной солнцу. Такое раздѣленіе хвоста будетъ понятно, если приписать кометѣ электричество, тожественное съ солнечнымъ. Представимъ, что частицы паровъ, образующія хвостъ, вслѣдствіе какой-нибудь причины раздѣлены при основаніи; удаляясь отъ солнца, онѣ дадутъ начало нѣсколькимъ потокамъ, которые будутъ расходиться, какъ расходятся два бузинныхъ шарика, повѣшенные рядомъ на нитяхъ и заряженные одноименнымъ электричествомъ.

Профессоръ *Бредихинъ*, много лѣтъ занимавшійся изслѣдованіемъ кометныхъ хвостовъ, также приходитъ къ убѣжденію, что они происходятъ вслѣдствіе электрическаго отталкиванья, производимаго солнцемъ. Онъ нашолъ далѣе, что всѣ кометные хвосты можно свести къ *тремъ* типамъ. Два первые типа встрѣчаются всего чаще; они-то и придаютъ кометамъ ихъ характерный видъ. Хвосты третьяго типа совсѣмъ не похожи на нихъ и встрѣчаются очень рѣдко: это — такъ-называемые «аномальные» хвосты; они коротки и направлены къ солнцу; солнечное электричество совсѣмъ не вызываетъ здѣсь отталкиванья. Если вычислить, по примѣру *Бредихина*, интенсивность отталкивательной силы, которая проявилась при образованіи хвостовъ, окажется, что для каждаго изъ трехъ типовъ она различна. Примемъ величину солнечнаго притяженія на извѣстномъ разстояніи за единицу; въ такомъ случаѣ напряженность отталкивательной силы можно выразить слѣдующими цифрами:

Типъ	I	11
»	II	1,3
»	III	0,2

Ясно, что сама по себѣ отталкивательная сила остается во всѣхъ случаяхъ одинаковой; если же электричество оказываетъ различное вліяніе, это объясняется, по всей вѣроятности, удѣльнымъ вѣсомъ мельчайшихъ частицъ кометнаго вещества. Обратимъ вниманіе на эти числа: 11; 1,3; 0,2. Они обратно пропорціональны съ атомными вѣсами тѣхъ химическихъ элементовъ, которые, по даннымъ спектральнаго анализа, преобладаютъ на кометахъ и метеорахъ: это водородъ, углеродъ и желѣзо. Разъ эти

элементы находятся на кометахъ въ состояніи диссоціаціи, хвосты трехъ типовъ должны состоять преимущественно изъ нихъ. Въ хвостахъ перваго типа преобладаетъ водородъ. Расширенные хвосты второго типа состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Въ хвостахъ третьяго типа молекулы тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ хвостахъ. Ихъ матерія была выброшена изъ кометы въ направленіи къ солнцу; но она тяжела, отталкивательная сила не оказала на нее замѣтнаго воздѣйствія; напротивъ, она осталась подъ вліяніемъ тяготѣнія. Мы можемъ принять, что молекулы этого рода встрѣчаются и отдѣляются на всѣхъ, вообще, кометахъ; но лишь въ немногихъ случаяхъ онѣ на столько многочисленны, что становятся доступными наблюденію въ видѣ аномальныхъ хвостовъ.



Истеченіе изъ ядра кометы 1862 г., наблюдавшееся 24-го августа.]

У большихъ кометъ нерѣдко наблюдаютъ истеченіе изъ ядра: потоки вещества направляются къ солнцу, расходятся въ видѣ вѣера и, перемѣнивши направленіе, образуютъ хвостъ. Ясно видно, какъ вещество выбрасывается въ направленіи къ солнцу—и именно до того предѣла, гдѣ отталкивательная сила солнца заставляетъ его двигаться обратно. Ось конуса истеченія лежитъ обыкновенно на линіи, соединяющей комету съ солнцемъ. Иногда она обнаруживаетъ колебанія то въ одну, то въ другую сторону, подобныя колебаніямъ маятника. Эти движенія впервые наблюдалъ и точнѣе изслѣдовалъ *Бессель* у кометы *Галлея*. Продолжительность полнаго колебанія равнялась $4^2/_3$ дня; колебанія совершались въ плоскости орбиты; конусъ истеченія отклонялся вправо и влѣво

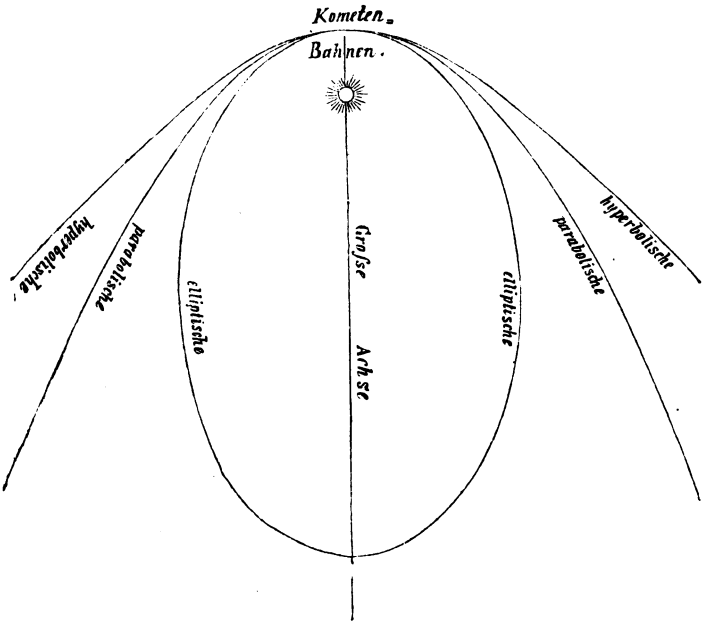
отъ линіи, соединяющей комету съ солнцемъ на 60°. У третьей кометы 1882 года конусъ истеченія обнаруживалъ замѣчательныя движенія, представлявшія періодъ въ три дня. По теоріи *Цёлльнера*, эти истеченія становятся понятными, если приписать кометамъ жидкое ядро и разсматривать самое истеченіе, какъ развитіе паровъ подъ вліяніемъ солнечной теплоты.

Цёлльнерова теорія кометъ объясняетъ всѣ явленія, которыя наблюдаются на этихъ загадочныхъ небесныхъ тѣлахъ. Нельзя, однако, забывать, что основной ея принципъ, допущеніе капельно-жидкаго состоянія кометнаго вещества, является гипотезой недоказанной. Благодаря классическимъ изслѣдованіямъ *Скіапарелли*, мы знаемъ теперь, что существуетъ связь между кометами и падающими звѣздами: нѣкоторые потоки падающихъ звѣздъ движутся по орбитамъ, которыя совпадаютъ съ орбитами отдѣльныхъ кометъ. Съ различныхъ сторонъ отсюда преждевременно вывели заключеніе, что оба класса небесныхъ тѣлъ вообще тожественны, что, если разсматривать рой падающихъ звѣздъ съ большаго разстоянія, онъ представится въ видѣ кометы. Но это заключеніе ошибочно, какъ показалъ *Скіапарелли*; кометы и метеоры—небесныя тѣла, существенно различныя; на совпаденіе же ихъ орбитъ можно смотрѣть, какъ на доказательство одинаковости ихъ *происхожденія*. *Скіапарелли* представляетъ это такъ: ядро кометъ состоитъ изъ твердаго вещества, которое, вслѣдствіе метеорологическихъ процессовъ, совершающихся въ его газообразной оболочкѣ, подвергается вывѣтриванію; постепенно оно распадается на отдѣльные куски; притяженіе и атмосферное сопротивленіе болѣе крупнаго мірового тѣла заставляетъ ихъ раздѣлиться и превращаетъ ихъ въ рой метеоритовъ. *Цёлльнеръ*, напротивъ, думалъ, что кометы это—*жидкіе*, а метеориты или падающія звѣзды—*твердые* остатки болѣе крупнаго небеснаго тѣла. «Представимъ,—говоритъ онъ,—что наша земля распадется когда-нибудь на отдѣльные куски въ силу того же процесса, какому, по мнѣнію *Ольберса*, обязаны своимъ существованіемъ планетоиды. Получится множество твердыхъ обломковъ. Но, рядомъ съ ними, современныя моря и жидкія углеводородныя соединенія, образовавшіяся въ нѣдрахъ земли, должны будутъ собраться въ жидкіе шары. Обитателямъ другихъ міровъ эти шары будутъ казаться кометообразными тѣлами, которыя окружены газообразными оболочками различной формы».

Оставаясь въ полномъ согласіи съ наблюденіями, *Скіапарелли* доказалъ, что кометы никакъ нельзя представлять неизмѣнными, компактными міровыми тѣлами, у которыхъ возмущающее дѣй-

стіе солнца и планетъ отразится только на измѣненіи *орбиты*. Скорѣе это—системы тѣлъ очень малой плотности, которыя съ теченіемъ времени, при извѣстныхъ условіяхъ, подлежатъ распаденію. Если это такъ, конечно, нельзя говорить, что эти тѣла могутъ быть населены живыми существами. Или же придется приписать этимъ существамъ такую организацію, что имъ не причиняетъ никакого вреда пребываніе въ горячей жидкости и что имъ безразлично даже, если ихъ свѣтило время отъ времени будетъ распадаться на части.

Разъ дана система, состоящая изъ мелкихъ отдѣльныхъ тѣлъ или изъ связной матеріи малой плотности, такое распаденіе, при



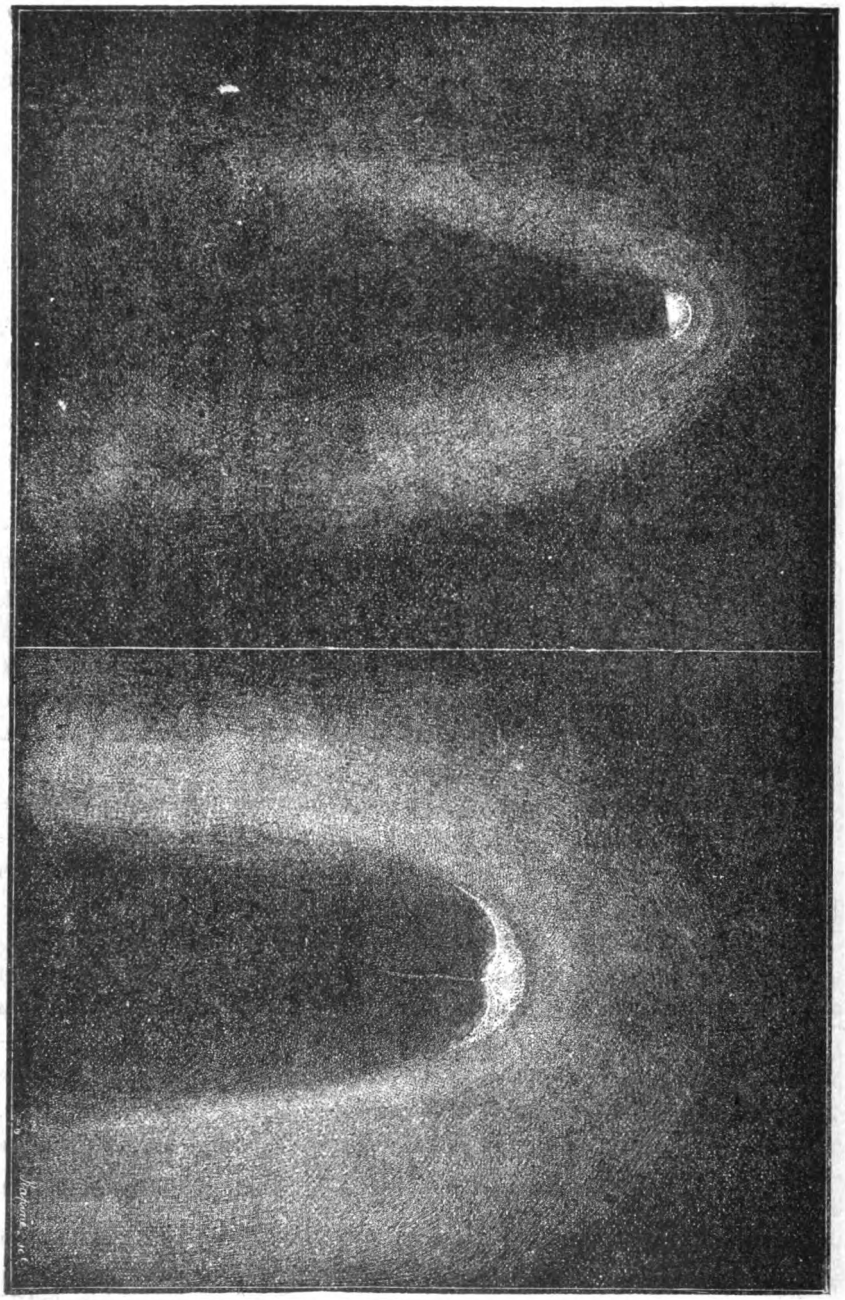
Орбиты кометъ: внутри эллипсисъ; средняя кривая—парабола; наружная кривая—гипербола.

извѣстныхъ условіяхъ, должно произойти неизбѣжно. Причина—притяженіе со стороны солнца. До *Скіапарелли* этому обстоятельству не придавали должнаго значенія. И, однако, по всей вѣроятности, оно играло крайне важную роль при происхожденіи звѣздныхъ системъ изъ первичной туманной матеріи. Въ настоящее же время оно обусловливаетъ явленія періодическихъ и правильныхъ метеорныхъ потоковъ.

Представимъ шарообразную систему, составленную изъ мелкихъ отдѣльныхъ тѣлъ; припишемъ ей однородное строеніе и

плотность. Каждая частица системы притягивается къ центру съ извѣстною силою, которая обусловливается ея разстояніемъ отъ центра. Вся система, въ свою очередь, притягивается солнцемъ. Съ одинаковой ли силой солнце привлекаетъ къ себѣ различныя частицы? Ближайшая точка притягивается сильнѣе всѣхъ остальныхъ,—сильнѣе, чѣмъ центръ системы; самая дальняя притягивается слабѣе центра. Эта разница создаетъ возмущающую силу, которая стремится увеличить разстояніе между центромъ и обѣими упомянутыми точками. Слѣдовательно, подъ вліяніемъ солнечнаго притяженія, частицы шарообразной системы раздвигаются. Въ концѣ концовъ должно произойти распаденіе системы, если возмущающая сила солнца окажется больше, чѣмъ притяженіе, производимое центромъ системы. Предѣлъ прочности зависитъ не отъ размѣровъ шара, а отъ количества матеріи, заключенной въ въ немъ, и отъ разстоянія между нимъ и солнцемъ. Представимъ систему съ очень малою массою, вѣсомъ всего въ 1 граммъ. Помѣстимъ ее на такомъ же разстояніи отъ солнца, на какомъ находится земля. Спрашивается, велико ли должно быть среднее разстояніе между ея частями, чтобы вся система, при данныхъ условіяхъ, сохранила прочность. Слѣдуя *Скіапарелли*, найдемъ, что она распадается, какъ только среднее разстояніе между ея частями окажется больше 1,86 ме: ра. Въ этомъ случаѣ притяженіе солнца заставитъ каждую частицу, вѣсомъ въ 1 граммъ, слѣдовать по независимой орбитѣ.

Примемъ теперь, что шарообразная система состоитъ не изъ отдѣльныхъ частей, а изъ связной матеріи. При помощи вычисленія опять можно будетъ опредѣлить ту степень плотности и то разстояніе отъ солнца, за которыми начинается распаденіе системы. Для примѣра, остановимся на первой кометѣ 1843 года. Чтобы не распасться при своемъ приближеніи къ солнцу, она должна была обладать плотностью, по меньшей мѣрѣ, въ $^1/_{17}$, если плотность воды принять за 1. Но такой плотности нельзя приписать атмосферѣ ни этой, ни какой-либо другой кометы. Вернемся къ воображаемой шарообразной системѣ. *Скіапарелли* вычислилъ, что она должна обладать плотностью, по меньшей мѣрѣ, въ $\frac{1}{3.310.000}$ для того, чтобы не распасться на такомъ разстояніи отъ солнца, какъ земля. При этихъ условіяхъ каждые 10 кубическихъ метровъ будутъ содержать три грамма матеріи; это—плотность нашей земной атмосферы при температурѣ 0° и давленіи 0,177 миллиметровъ. Однородное скопленіе матеріи, представляющее такую плотность, начнетъ распадаться, какъ только, приближаясь



Отдѣленіе туманной оболочки: 1) комета Донати 1858 г.; 2) комета 1861 г.

къ солнцу, перейдетъ за орбиту земли. «Но эта плотность, — говоритъ *Скіапарелли*, — гораздо больше той, какую обыкновенно

приписываютъ атмосферѣ кометъ». Если же плотность системы не равномѣрна, а возрастаетъ отъ поверхности къ центру, распаденіе начнется съ поверхности и будетъ постепенно переходить на внутреннія части. Чѣмъ ближе комета къ солнцу, тѣмъ больше разлагающая сила, тѣмъ глубже и плотнѣе слои, на которые простирается ея дѣйствіе. Наконецъ, оно проникнетъ въ глубину ядра; тогда комета распадется совершенно. Эти выводы поразительно соотвѣтствуютъ наблюденіямъ. Болѣе точныя изслѣдованія показали, что у кометы Донати и многихъ другихъ туманная оболочка начинала отдѣляться, когда комета приближалась къ солнцу. На великолѣпныхъ рисункахъ, данныхъ *Бондомъ* для кометы Донати, можно ясно различить слои отдѣлившагося вещества на тѣхъ мѣстахъ, которыя это свѣтило занимало при своемъ полетѣ нѣсколько дней назадъ.

Распаденіе нѣкоторыхъ кометъ малой плотности исключительно подъ давленіемъ, подъ вліяніемъ солнечнаго притяженія, это— фактъ, математически доказанный и не подлежащій никакимъ сомнѣніямъ. Едва ли можно сомнѣваться, что на кометахъ дѣйствуютъ еще другія силы, которыя проявляются въ изверженіяхъ. На нихъ указываетъ существованіе трехъ различныхъ типовъ хвостовъ; профессоръ *Бредихинъ* доказалъ, что существованіе такихъ силъ въ высшей степени вѣроятно. По его изслѣдованію, отъ кометъ по всѣмъ направленіямъ отбрасываются мелкія частицы; онѣ должны описывать вокругъ солнца или эллиптическія, или гиперболическія орбиты. Пока комета не приблизилась къ солнцу на опредѣленное разстояніе, всѣ частицы, выброшенныя съ нея, будутъ двигаться по гиперболическихъ орбитамъ; слѣдовательно, онѣ снова удалятся отъ солнечной системы. Но какъ только комета перейдетъ за указанный предѣлъ, отброшенныя частицы будутъ кружиться около солнца по замкнутымъ эллиптическимъ путямъ. Такимъ образомъ, для каждой точки кометной орбиты получается рядъ эллипсисовъ, которые пересѣкаются въ этой точкѣ. Орбиты отдѣлившихся частицъ сильно различаются по времени обращенія, и уже по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ частицы распредѣлятся, повидимому, равномѣрно. Нельзя представлять, что частицы отдѣляются исключительно въ плоскости кометной орбиты: масса ихъ имѣетъ форму конуса. Такъ объясняетъ *Бредихинъ* тотъ фактъ, что земля ежегодно встрѣчается съ роями метеоровъ, хотя комета, которая дала имъ начало, давно уже исчезла изъ сосѣдства съ солнцемъ. Не всегда матерія истекаетъ изъ кометы непрерывно: иногда она отдѣляется внезапно, въ большомъ количество, какъ бы вслѣдствіе сильнаго изверженія. Тогда мы видимъ

картину раздѣленія кометы. По всей вѣроятности, подобными процессами можно объяснить дѣленіе кометы Біелы и появленіе маленькой туманной массы рядомъ съ пятою кометою 1889 года.

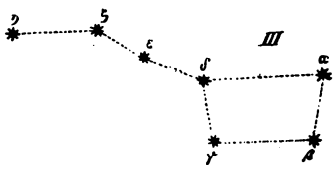
Скіапарелли.

Эти важныя работы *Скіапарелли* и *Бредихина* установили самую тѣсную связь между кометами и метеорными потоками; благодаря имъ, расширились и наши знанія о кометахъ и метеорахъ, и наши космологическія воззрѣнія. Открылось множество новыхъ и крайне интересныхъ точекъ зрѣнія, о которыхъ раньше не могли и думать.

Опираясь на эти работы, я хочу изобразить положеніе кометъ во вселенной съ начала и до конца ихъ существованія. Къ падающимъ звѣздамъ я вернусь впослѣдствіи.

Лаплассъ разсматривалъ кометы, какъ маленькія туманныя массы: онѣ переносятся чрезъ пространство отъ одной солнечной системы къ другой и, спускаясь къ нашему солнцу, движутся по орбитамъ, видимая часть которыхъ совпадаетъ съ параболическою линіею. Когда *Скіапарелли* изслѣдовалъ этотъ вопросъ геометрически съ болѣе общей точки зрѣнія, онъ пришелъ къ болѣе правильному выводу: еслибъ кометы занимали то положеніе, которое приписалъ имъ *Лаплассъ*, ихъ орбиты, почти безъ исключенія, имѣли бы характеръ гиперболъ. «Этотъ результатъ», пояснялъ *Скіапарелли*, «совершенно подрываетъ гипотезу *Лапласа* относительно происхожденія кометъ и уничтожаетъ тѣ выводы, которые самъ я дѣлалъ изъ нея въ моихъ прежнихъ работахъ. Кометы приходятъ къ намъ изъ звѣздныхъ пространствъ; на это ясно указываетъ гиперболическій характеръ нѣкоторыхъ путей. Но въ то же время среди описанныхъ ими коническихъ сѣченій господствуетъ почти параболическая форма. Она заставляетъ признать, что среди безконечно большого числа тѣлъ, наполняющихъ небесныя пространства, кометы представляютъ классъ, отличающійся особеннымъ характеромъ: у нихъ такая форма путей, какая для другихъ тѣлъ, по указанію теоріи, представляется наименѣе вѣроятною. Не трудно изслѣдовать, въ чемъ заключается особенность, которую я имѣю въ виду. Мы уже упоминали, что, если тѣло является изъ области неподвижныхъ звѣздъ, оно можетъ описывать почти параболическую орбиту лишь въ томъ случаѣ, если скорость и направленіе его собственнаго движенія почти вполнѣ совпадаютъ со скоростью и направленіемъ собственнаго движенія солнца. Отсюда заключеніе: среди неподвижныхъ звѣздъ и другихъ тѣлъ, не принадлежащихъ къ семьѣ планетъ, кометы составляютъ особую систему, члены которой, всѣ вмѣстѣ, сопровождаютъ солнце въ его собственномъ движеніи чрезъ небесныя пространства. Какое же мѣсто принадлежитъ въ этой системѣ солнцу? Если оно не главный и не единственный центръ, то, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ центровъ большой массы и притяженія, которому болѣе мелкія тѣла системы, по крайней мѣрѣ, временно, подчинены въ качествѣ спутниковъ. Относятся ли къ этой системѣ еще другія свѣтила, кромѣ солнца,—мы не можемъ дать отвѣта въ настоящее время. Признакомъ такихъ свѣтилъ былъ бы замѣтный годичный параллаксъ въ связи съ видимымъ собственнымъ движеніемъ, равнымъ нулю или очень малой величинѣ».

Солнце явилось бы тогда членомъ системы болѣе обширной, къ которой принадлежитъ много другихъ свѣтилъ. *Скіапарелли* отмѣчаетъ факты, представляющіе аналогію: въ нѣкоторыхъ областяхъ неба извѣстны цѣлыя группы звѣздъ, которыя всѣ движутся съ одинаковой почти скоростью и въ одномъ и томъ же направленіи. Въ однообразномъ движеніи звѣздъ можно видѣть отчасти отраженіе собственныхъ движеній нашего солнца; но въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ реальными явленіями. Я хочу указать нѣсколько такихъ звѣздныхъ системъ. Замѣчательный примѣръ представляютъ среднія главныя звѣзды созвѣздія Большой Медвѣдицы, — именно, звѣзды γ, δ, ε. Собственное движеніе ихъ равно приблизительно 14 или 15 угловымъ секундамъ въ столѣтіе; оно направлено у всѣхъ нихъ къ востоку. Другой примѣръ находимъ въ созвѣздіи Оріона: звѣзды ζ, ε, δ



Главныя звѣзды созвѣздія Большой Медвѣдицы.

обнаруживаютъ собственное движеніе, составляющее приблизительно 10 угловыхъ секундъ въ столѣтіе; направленіе его почти западное. Замѣчательный потокъ звѣздъ можно видѣть также въ головѣ Тельца: это—группа Гіадъ. Всѣ звѣзды ея движутся къ юго-востоку; величина движенія почти одинаковая. Исключеніе составляютъ три звѣзды, которыя принадлежатъ къ этой группѣ только оптически: къ нимъ относится и самая яркая звѣзда всей группы, красивый, красноватый Альдебаранъ; въ дѣйствительности онъ находится въ пространствѣ между группою Гіадъ и нашимъ солнцемъ.

Скіапарелли думаетъ, что всѣ эти тѣла, обладающія общимъ движеніемъ, съ самаго происхожденія современнаго звѣзднаго міра, составляли одну систему; члены этой системы, проникши въ пространство, занятое другими тѣлами, сохранили свое общее движеніе, и потому до сихъ поръ носятъ знакъ своего общаго происхожденія. По воззрѣніямъ *Вильяма Гершеля*, звѣздные міры произошли чрезъ уплотненіе туманнаго вещества. Можно предположить, что въ каждой группѣ, обнаруживающей параллельныя и равныя движенія, всѣ свѣтила, въ моментъ своего происхожденія, принадлежали къ одной и той же части туманности. Когда она сгустилась и распалась на бо́льшее или меньшее число небесныхъ тѣлъ, они продолжали ея движеніе въ томъ же направленіи. «Такая часть туманности была бы общей матерью солнца, кометъ и, вѣроятно, другихъ небесныхъ тѣлъ. Нельзя принимать, что кометы принадлежатъ къ солнечной системѣ *съ самаго мо-*

мента ихъ происхожденія, какъ полагали нѣкоторые. Онѣ связаны съ солнцемъ отношеніями родства или общаго происхожденія, потому что онѣ явились вмѣстѣ съ нимъ въ одной и той же части первичной туманности. Вотъ почему и теперь онѣ сопровождаютъ солнце на его невѣдомомъ космическомъ пути».

Орбиты кометъ, спускающихся къ солнцу изъ неизмѣримыхъ звѣздныхъ пространствъ, не остаются постоянными: иногда онѣ значительно измѣняются, иногда подвергаются полному превращенію. Можно указать двѣ причины, вызывающихъ такія измѣненія: сопротивленіе тонкаго вещества, наполняющаго міровое пространство, и притяженіе со стороны планетъ. Что касается первой причины, раньше указывали на уменьшеніе большой полуоси въ орбитѣ кометы *Энке*; изъ новѣйшихъ изслѣдованій не видно, чтобы оно продолжалось и въ настоящее время. Быть можетъ, доля истины заключается въ предположеніи, что сравнительно тѣсные эллиптическіе пути нѣкоторыхъ кометъ произошли постепенно изъ орбитъ, болѣе обширныхъ; причиной же было сопротивленіе эфира, дѣйствовавшее въ теченіе громадныхъ промежутковъ времени. Гораздо больше значенія имѣетъ вторая причина—возмущенія, вызываемыя крупными планетами. Мы имѣемъ право утверждать это, потому что, почти на нашихъ глазахъ, планета Юпитеръ нѣсколько разъ совершенно измѣняла пути кометъ.

Первая изъ такихъ кометъ была открыта *Мессье* въ 1770 году. Вычисленія *Лекселля* показали, что время обращенія $5^1/_2$ лѣтъ. Комета должна была возвратиться къ солнцу въ 1776 и въ 1781 г. но ее никто не видѣлъ; раньше 1770 года также никому не приходилось наблюдать ее. Только изысканія *Буркхардта* объяснили, въ чемъ дѣло: въ 1767 году комета проходила близко отъ Юпитера; громадная планета вызвала «возмущеніе» въ ея движеніи; только послѣ этого комета направилась по тѣсной эллиптической орбитѣ, которую она описывала въ 1770 году. Въ 1779 году она снова приблизилась къ Юпитеру. Такое сосѣдство не осталось безъ вліянія: кометѣ пришлось перейти на новую орбиту. Теперь время ея обращенія равнялось 27 годамъ. Съ земли нельзя было видѣть ее. На этомъ пути комета оставалась до весны 1886 года, когда снова оказалась въ сосѣдствѣ съ Юпитеромъ. По изысканіямъ *Чандлера*, цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ она оставалась въ сферѣ притяженія громадной планеты. Результатъ: новое измѣненіе орбиты. Теперь время обращенія кометы уменьшилось до 7 лѣтъ; ее можно было наблюдать лѣтомъ 1889 года. Но кометѣ не суждено долго слѣдовать этимъ путемъ: она сдѣлаетъ еще нѣсколько оборотовъ и около 1961 года опять подойдетъ къ Юпитеру; тогда орбита

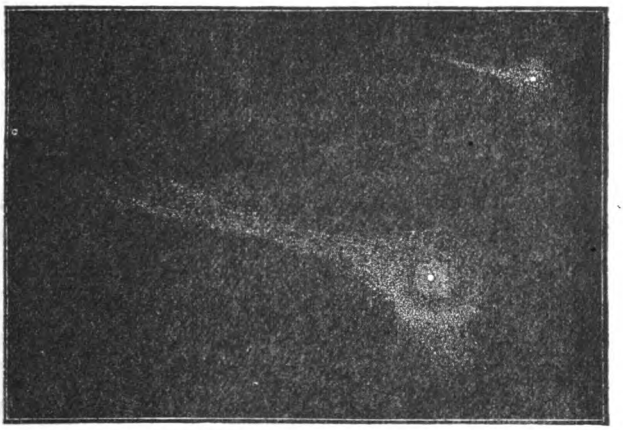
снова измѣнится. Эта комета представляетъ самый поразительный примѣръ полнаго превращенія орбиты. Она показываетъ, чего можно ждать, когда дѣло идетъ о кометахъ. Возможно, что ихъ орбиты подвергаются еще болѣе значительнымъ измѣненіямъ, о которыхъ мы узнаемъ только въ будущемъ.

Второй примѣръ подобныхъ измѣненій представляетъ комета *Брорсена*, открытая 26 февраля 1846 года. Это маленькая туманная масса безъ ядра и безъ хвоста. Ее привелъ къ намъ тотъ же Юпитеръ. По вычисленіямъ *д'Арре*, комета перешла на свою настоящую орбиту лишь послѣ того, какъ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ 1842 года побывала въ сосѣдствѣ съ Юпитеромъ. До 19 апрѣля она описывала эллиптическую кривую, на которой никогда не приближалась къ солнцу больше, чѣмъ на 30 милліоновъ миль; наибольшее же разстояніе отъ солнца доходило до 117 милліоновъ миль. Уголъ между плоскостью этого эллипсиса и плоскостью земной орбиты равнялся 41 градусу. Вліяніе планеты Юпитера измѣнило прежнюю орбиту. Наименьшее разстояніе отъ солнца сократилось до 13 милліоновъ миль, наибольшее — до 113 милліоновъ миль. Уголъ съ земною орбитою уменьшился до 31 градуса. Вліяніе Юпитера этимъ не исчерпывается: онъ привелъ къ намъ комету, онъ же и удалитъ ее. Вычисленія *д'Арре* показываютъ, что, насколько можно судить теперь, комета *Брорсена* сохранитъ настоящую орбиту до средины слѣдующаго столѣтія; затѣмъ, приблизительно, около 1937 года она перейдетъ на другой путь.

Мы видѣли, какъ измѣняются пути кометъ и время ихъ обращенія. Иногда самое тѣло кометы распадается на отдѣльныя части. Примѣръ—комета *Біелы*. Время ея обращенія—$6^2/_3$ года. Въ началѣ 1846 года она раздѣлилась на двѣ отдѣльныя кометы, которыя постепенно удалялись одна отъ другой, продолжая описывать совершенно одинаковые пути. Въ 1852 году обѣ кометы появились снова, но разстояніе между ними увеличилось до 2.400.000 километровъ. Двойное свѣтило можно было прослѣдить до сентября 1852 года. Съ тѣхъ поръ его не наблюдали, хотя его ждали въ 1872 году, и нѣсколько опытныхъ астрономовъ розыскивали его. Профессоръ *Кирквудъ* думаетъ, что это раздѣленіе вызвано разлагающей силой солнца. Въ такомъ случаѣ нечего особенно удивляться, что комета не явилась въ 1866 году. Если разлагающая сила продолжала дѣйствовать на обѣ новыя кометы, она должна была скоро сдѣлать ихъ совершенно невидимыми. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему въ ночь съ 27 на 28 ноября 1872 года наблюдался цѣлый потокъ падающихъ

звѣздъ; въ эту ночь земля проходила очень близко отъ орбиты кометы *Біелы*.

Послѣдняя занимаетъ такое положеніе въ пространствѣ, что нисходящій узелъ *) ея находится почти на томъ же разстояніи отъ солнца, какъ орбита земли въ этомъ мѣстѣ. Долгота нисходящаго узла на плоскости эклиптики—66°. Къ этому мѣсту приближалась земля въ ночь съ 27 на 28 ноября 1872 года. Кометная орбита въ этомъ мѣстѣ удалена отъ солнца лишь немного меньше, чѣмъ земля. Поэтому, нѣсколько времени наша планета шла рядомъ съ орбитою кометы *Біелы*. Воспользуемся наглядньмъ сравненіемъ, представимъ обѣ орбиты, какъ два рельсовыхъ



Двойная комета Біелы въ началѣ 1846 г., по рисунку Струве.

пути, которые только въ одномъ мѣстѣ идутъ совсѣмъ рядомъ, а во всѣхъ другихъ далеко расходятся по различнымъ направленіямъ. Два поѣзда лишь въ томъ случаѣ пройдутъ на этихъ путяхъ рядомъ, если *одновременно* достигнутъ того участка, гдѣ сближаются пути. То же было съ землею и кометою *Біелы*. О землѣ мы знаемъ, что 27 ноября она находилась именно въ точкѣ сближенія орбитъ; о кометѣ, напротивъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Послѣдній разъ ее видѣли позднимъ лѣтомъ 1852 года. По вычисленіямъ, она должна была вернуться зимою 1865—1866 года; астрономы ревностно искали ее, комета не явилась. Это загадочное исчезновеніе большого мірового тѣла, вѣрнѣе даже

*) «Узлами» называются тѣ точки, въ которыхъ орбита какого-нибудь свѣтила пересѣкаетъ плоскость эклиптики. Ихъ двѣ: точка пересѣченія, чрезъ которую проходитъ свѣтило, приближаясь къ сѣверному полюсу эклиптики, называется «восходящимъ узломъ»; другая, противоположная точка пересѣченія называется «нисходящимъ узломъ». *Примѣч. переводчика.*

двухъ тѣлъ, потому что комета была тогда двойною, привлекло величайшее вниманіе. Сдѣлали заключеніе, довольно правдоподобное: комета, по крайней мѣрѣ, отчасти, распалась. Это заключеніе, повидимому, подтверждается метеорнымъ дождемъ въ ночь съ 27 на 28 ноября 1872 года. Еслибъ комета сохраняла прежній видъ, земля въ этотъ день не оказалась бы въ ея сосѣдствѣ: комета прошла бы чрезъ данную точку гораздо раньше, она достигла бы своего перигелія еще въ первой трети октября. Напротивъ, если комета отчасти распалась и образовала потокъ метеоровъ, если этотъ потокъ растянулся на большое разстояніе вдоль орбиты, могло случиться, что земля, пролетая мимо, встрѣтитъ часть потока. Такъ, повидимому, и вышло, и земля своимъ притяженіемъ привлекла нѣкоторое число метеоровъ, или же, если угодно, она прошла чрезъ часть потока. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній говорить о столкновеніи земли съ кометою *Біелы*: можетъ быть рѣчь только о встрѣчѣ съ потокомъ метеоровъ, которые произошли вслѣдствіе частичнаго распаденія кометы *Біелы*.

Клинкерфюсъ предполагалъ тогда, что комета находится недалеко отъ земли. Слѣдя за паденіемъ метеоровъ, онъ заключилъ, что ее можно видѣть на южномъ небѣ около звѣзды ϑ въ созвѣздіи Центавра. Онъ немедленно телеграфировалъ въ Мадрасъ, и *Погсонъ* 2 декабря, дѣйствительно, нашелъ комету близъ указаннаго мѣста. *Клинкерфюсъ* принялъ ее за комету *Біелы*. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ бы крайне рѣдкій и невѣроятный случай, если бы именно въ указанной точкѣ оказалась посторонняя комета. Тринадцать лѣтъ спустя, 27 ноября 1885 года повторился очень обильный дождь падающихъ звѣздъ. Большая часть метеоровъ выходила изъ точки неба, расположенной близъ звѣзды γ въ созвѣздіи Андромеды, какъ это было и въ 1872 году. По изысканіямъ профессора *Ньютона*, число метеоровъ, вспыхивавшихъ въ теченіе часа, доходило до 75.000. Число это громадно; падающія звѣзды казались тѣсно скученными; на самомъ же дѣлѣ онѣ были очень скупо распредѣлены среди громадныхъ пространствъ. По вычисленію *Ньютона*, *одинъ* метеоръ приходился, среднимъ числомъ, на пространство въ 550 кубическихъ миль.

Допустимъ, что оба метеорныхъ дождя произошли вслѣдствіе возвращенія одного и того же метеорнаго потока. Тогда является возможность вычислить его орбиту. Оказывается, что она вполнѣ совпадаетъ съ тою, которую описывала комета *Біелы*. *Скіапарелли* считаетъ очень вѣроятнымъ, что комета и рой метеоровъ расположены по орбитѣ на очень близкомъ разстояніи, или даже комета находится внутри роя метеоровъ. Этотъ рой, говоритъ

знаменитый астрономъ, занимаетъ не очень большую дугу по своей орбитѣ; нѣтъ никакого основанія, почему комета или ядро, которое составляетъ значительную часть ея и которое сдѣлалось невидимымъ, должны находиться внѣ этой дуги. Нужно вспомнить то обстоятельство, что въ 1872 году комета прошла черезъ узелъ менѣе, чѣмъ за три мѣсяца до потока. Такую близость едва ли можно считать случайною; но ее пришлось бы признать случайною, еслибъ время обращенія было различно. Наконецъ, нужно принять во вниманіе, что тожество орбитъ заключаетъ въ себѣ равенство большихъ осей, а вмѣстѣ съ нимъ и равенство временъ обращенія.

Если признать это тожество доказаннымъ, не трудно опредѣлить нижнюю границу метеорнаго роя изъ наблюденій 1872 и 1885 годовъ. Припомнимъ наблюденія 1872 года; сопоставимъ съ ними орбиту, по которой, согласно вычисленіямъ, шла комета въ 1865 году. Отсюда можно приблизительно вычислить разстояніе между кометою и тѣмъ метеорнымъ роемъ, который прорѣзала земля въ 1872 году. Въ 1865 году комета прошла черезъ узелъ 27 декабря; прибавимъ теперь продолжительность оборота, которая для 1865 года равнялась 2.445 днямъ. Окажется, что слѣдующее прохожденіе кометы чрезъ узелъ должно было случиться 7 сентября 1872 года,—слѣдовательно, за 81 день до метеорнаго дождя. Можно заключить отсюда, что метеоры слѣдовали за кометою, отставая на 81 день или $^1/_{30}$ полнаго оборота. Такъ находимъ нижнюю границу, до которой распредѣляется вдоль дуги вещество кометы. Чтобы опредѣлить верхнюю границу потока, вспомнимъ, что между 1872 и 1885 годами этотъ обильный метеорный дождь не наблюдался ни разу. Повидимому, это доказываетъ, что наиболѣе плотная часть потока проходитъ чрезъ узелъ менѣе, чѣмъ въ годъ; это составитъ менѣе $^1/_6$ полнаго оборота. Если бы для прохожденія чрезъ узелъ требовался цѣлый годъ или болѣе, земля, вернувшись черезъ годъ на то же мѣсто, снова встрѣтилась бы съ потокомъ. Конечно, можно возразить, что наблюденію мѣшали лунный свѣтъ, дурная погода или кратковременность явленія; можно предположить далѣе, что рой метеоровъ въ нѣкоторыхъ точкахъ прерывался. Вотъ почему заключенія относительно верхней границы метеорнаго потока представляются очень неточными.

Въ 1860 году появилась блѣдная комета, которую наблюдали преимущественно на южномъ небѣ. Она точно также раздѣлилась на двѣ кометы. Послѣ того прошло болѣе двадцати лѣтъ, прежде чѣмъ повторился подобный случай. Третьяго сентября 1882 года

на мысѣ Доброй Надежды увидѣли комету, приближавшуюся къ солнцу. Наблюденія велись съ величайшею точностью. Вычисленіе показало, что 17-го сентября эта комета настолько приблизилась къ солнцу, что должна была пройти чрезъ верхнія области его раскаленной атмосферы. Ея ядро было тогда совершенно круглымъ; но 24-го сентября оно стало казаться продолговатымъ; на слѣдующей недѣлѣ на немъ развились два свѣтлыхъ узла· можно было

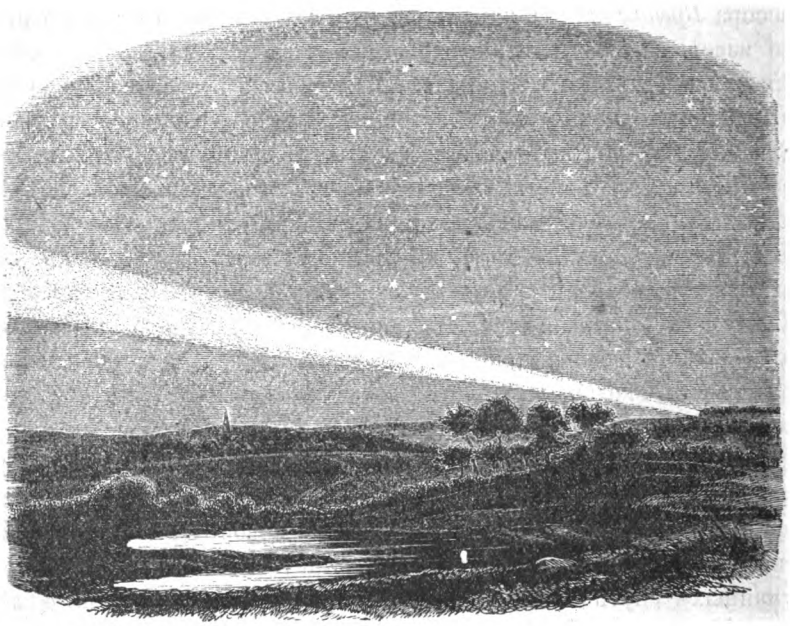
Осенняя комета 1882 г., по фотографіи, снятой на мысѣ Доброй Надежды 13 ноября.

ждать, что оно раздѣлится. Что произошло на кометѣ въ ближайшіе дни, этого мы не знаемъ; но 9-го октября на обсерваторіи въ Аѳинахъ замѣтили рядомъ съ кометою громадную туманную массу. Она была во много разъ больше нашей земли. Ея форма быстро измѣнялась. Но она слѣдовала за кометою въ ея движеніи. На слѣдующей недѣлѣ эта масса удалилась отъ кометы, сдѣлалась больше и въ то же время блѣднѣе. При этомъ облако постоянно измѣняло свою форму, изгибалось дугою и, наконецъ,

13-го октября исчезло совершенно. 18-го октября въ Америкѣ неожиданно увидѣли къ юго-востоку отъ кометы шесть маленькихъ туманностей; онѣ походили на миніатюрныя кометы и скоро сдѣлались невидимыми. Наконецъ, 21-го октября различили туманность болѣе значительныхъ размѣровъ; она была расположена къ востоку отъ кометы, на довольно большомъ разстояніи отъ нея. Всѣ эти туманности описывали такія же орбиты, какъ главная комета. Если взвѣсить всѣ обстоятельства, представляется несомнѣннымъ, что эти массы отдѣлились отъ главной кометы, или, скорѣе, были выброшены съ нея. По точнымъ изслѣдованіямъ профессора *Бредихина*, въ ядрѣ первичной кометы произошелъ взрывъ или изверженіе; вслѣдствіе этого образовались маленькія кометныя туманности. Ясно, что подобные процессы относятся къ грандіознѣйшимъ космическимъ явленіямъ. Такое громадное свѣтило, какъ комета, распадается на части и ея обломки продолжаютъ нестись вокругъ солнца въ качествѣ самостоятельныхъ кометъ!.. Намъ трудно представить все величіе такой катастрофы. Въ той части мірового пространства, гдѣ господствуетъ солнце, такія событія, очевидно,—не рѣдкость, хотя мы не подозрѣвали этого до самаго послѣдняго времени. Въ теченіе 36 лѣтъ удалось три раза наблюдать распаденіе кометъ и образованіе новыхъ кометъ. Можно представить, сколько разъ повторялись подобныя явленія въ теченіе тысячелѣтій. Шесть молодыхъ кометъ, о которыхъ мы говорили, были открыты американскимъ астрономомъ *Барнаромъ*. Этотъ ученый пришелъ къ убѣжденію, что такіе процессы совершаются гораздо чаще, чѣмъ думаютъ; поэтому онъ совѣтовалъ въ сосѣдствѣ со вновь появившимся кометами тщательно искать блѣдныхъ туманныхъ спутниковъ. Его предложеніе подтвердилось на дѣлѣ. 6-го іюля 1889 года была открыта новая комета; оказалось, что она состоитъ изъ трехъ ядеръ. На Вѣнской обсерваторіи замѣтили еще четвертое, крайне блѣдное ядро, которое стояло довольно далеко отъ главной кометы. Въ настоящее время мы можемъ, не колеблясь, принять положеніе: кометы представляютъ изъ себя небесныя тѣла, которыя очень часто распадаются вслѣдствіе изверженій; такъ происходятъ новыя свѣтила, движущіяся вокругъ солнца по обособленнымъ орбитамъ. Недавно этотъ фактъ былъ подвергнутъ точному изслѣдованію профессоромъ *Бредихинымъ*: онъ стремился опредѣлить тѣ условія, при которыхъ происходитъ разрушеніе и новообразованіе кометъ. Онъ находитъ, что отдѣленіе мелкихъ ядеръ отъ главной кометы вызывается опредѣленною силою, какъ бы толчкомъ; но скорость этого толчка совсѣмъ не

такъ велика, какъ можно было ожидать. У кометы 1882 года она равнялась, приблизительно, 21—45 метрамъ въ секунду.

Юныя кометы описываютъ вокругъ солнца пути, очень близкіе къ орбитѣ главнаго свѣтила, которому онѣ обязаны своимъ существованіемъ. Въ нашихъ спискахъ нерѣдко значатся кометы, пути которыхъ представляютъ большое сходство, хотя годы появленія у нихъ различны. Сюда принадлежатъ, напримѣръ: комета 1843 года, первая комета 1880 года и уже упомянутая вторая комета 1882 года. Вычисленія показываютъ, что послѣдняя



Большая комета 1843 года (въ срединѣ марта).

изъ названныхъ кометъ обладаетъ періодомъ обращенія въ 772 г. Если предположить вмѣстѣ съ профессоромъ *Бредихинымъ*, что всѣ три кометы образовались, благодаря распаденію одной первичной кометы, это событіе должно было произойти около 1110 г. нашего лѣтосчисленія. Кромѣ того, существуютъ другія кометы съ короткимъ періодомъ обращенія, которыя могли произойти чрезъ распаденіе кометы, не существующей нынѣ: таковы вторая комета 1827 года и вторая—1852 года. Точно также первая комета 1799 года, вѣроятно, является потомкомъ большой кометы 1337 года. Если время обращенія такихъ кометъ обнимаетъ вѣка или даже тысячелѣтія, конечно, трудно ждать, что въ нашихъ

спискахъ мы найдемъ комету, давшую имъ начало. Мы не знаемъ, сколько оборотовъ сдѣлали эти кометы съ момента своего происхожденія; да и самыя наблюденія наши только съ конца прошлаго столѣтія стали на столько точными, что по нимъ можно вычислять пути кометъ. Во всякомъ случаѣ, изысканія профессора *Бредихина* бросаютъ новый и своеобразный свѣтъ на исторію развитія кометъ. Они показываютъ, что, можетъ быть, многія изъ этихъ міровыхъ тѣлъ произошли въ недавнія времена,—въ тѣ времена, когда родъ человѣческій уже существовалъ на землѣ. Что кометы въ сравненіи съ планетами—свѣтила очень недолговѣчныя, это подозрѣвали давно; особенно настойчиво указывалъ на это *Скіапарелли*. Онъ выяснилъ, что, при своей малой плотности, кометы должны распадаться вслѣдствіе притяженія со стороны солнца, какъ только онѣ приблизятся къ нему до извѣстнаго предѣла. Вѣроятно, съ этимъ обстоятельствомъ связано и раздѣленіе кометъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, такъ какъ все это—кометы, которыя подходятъ къ солнцу необыкновенно близко. Ясно далѣе, что если комета даетъ начало новымъ самостоятельнымъ свѣтиламъ и если одновременно отъ нея отдѣляются мелкія частицы, которыя мы сознаемъ въ видѣ падающихъ звѣздъ,—общая масса ея должна постепенно уменьшаться, пока не наступитъ полное разрушеніе.

Мы упоминали, что для всякой кометы существуетъ предѣлъ прочности, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ опредѣленное разстояніе отъ солнца: если комета, приближаясь къ солнцу, перейдетъ за эту черту, притяженіе центральнаго свѣтила заставитъ ее распадаться. Распаденіе можетъ быть частичнымъ или полнымъ. Представимъ, что такая комета обладаетъ однообразной плотностью; въ такомъ случаѣ распаденіе начнется одновременно во всѣхъ ея частяхъ. Но, по всей вѣроятности, ядро кометъ никогда не бываетъ однороднымъ: скорѣе плотность возростаетъ отъ поверхности къ центру. Слѣдовательно, распаденіе начинается съ поверхности и постепенно переходитъ на слои болѣе глубокіе. Во всякомъ случаѣ, отдѣлившіяся части кометы описываютъ пути, которые очень мало отличаются отъ первоначальной орбиты кометы. *Скіапарелли* совершенно справедливо придаетъ этому обстоятельству особенное значеніе. Вещество кометъ распредѣляется, такимъ образомъ, вдоль орбиты и занимаетъ большую или меньшую дугу ея. Представимъ орбиту эллиптическую, слѣдовательно, замкнутую. Промежутки между различными частями потока будутъ постепенно увеличиваться, потокъ

Зодіакальный свѣтъ подъ тропиками.

растянется на всю орбиту и, въ концѣ концовъ, вещество кометы приметъ видъ эллиптическаго кольца.

Таковъ конецъ многихъ и, вѣроятно, даже всѣхъ кометъ, если взять достаточно большой промежутокъ времени: или онѣ распадаются на отдѣльныя свѣтила, или вещество ихъ располагается вдоль всей орбиты и образуетъ кольцо. Разъ мы пришли къ такому выводу, невольно является вопросъ: нельзя ли связать этотъ процессъ съ явленіемъ такъ называемаго *зодіакальнаго свѣта?* Если въ ясный весенній вечеръ, вскорѣ послѣ заката солнца, внимательно разсматривать западную часть неба, можно замѣтить слабое мерцаніе, которое исходитъ отъ того мѣста горизонта, гдѣ спустилось солнце, и простирается иногда до Плейядъ. Осенью подобное мерцаніе видно на восточной сторонѣ неба незадолго до восхода солнца. Подъ тропиками, гдѣ сумерки коротки и небо гораздо яснѣе, это явленіе можно видѣть почти каждую ночь. Въ нашихъ странахъ зодіакальный свѣтъ блѣденъ и слабъ, но подъ тропиками онъ не уступаетъ въ яркости прекраснѣйшимъ частямъ Млечнаго Пути. Полоса зодіакальнаго свѣта отклоняется отъ плоскости земной орбиты не болѣе, какъ на 3—4 градуса. На этомъ основаніи, явленіе зодіакальнаго свѣта уже поставлено въ связь съ кометами, особенно *Фэемъ*, который указалъ, что кометы съ малымъ періодомъ обращенія тоже незначительно отклоняются отъ плоскости земной орбиты. *Скіапарелли*, напротивъ, замѣчаетъ, что этому обстоятельству нельзя придавать значенія. Малое наклоненіе орбитъ неизбѣжно вытекаетъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми обусловлены такія тѣсныя орбиты. Маленькія эллиптическія орбиты обязаны своимъ существованіемъ преимущественно «возмущающему» дѣйствію планетъ. Планеты движутся въ плоскостяхъ, почти совпадающихъ съ плоскостью земной орбиты. Ясно, что, подъ вліяніемъ планетъ, плоскости кометныхъ орбитъ должны постоянно приближаться къ плоскости земной орбиты. Далѣе *Скіапарелли* разъясняетъ, почему нельзя связывать зодіакальный свѣтъ съ кометами, почему нельзя видѣть въ немъ кольцо, простирающееся надъ землею. Нужно помнить, что зодіакальный свѣтъ не всегда имѣетъ форму пирамиды, поднимающейся отъ солнца. При благопріятныхъ условіяхъ всегда можно видѣть слабое мерцаніе на той сторонѣ неба, которая прямо противоположна солнцу: его называютъ «отраженіемъ» зодіакальнаго свѣта. Это «отраженіе» впервые было замѣчено въ 1730 году *Pezenas*, который сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ въ мемуарахъ Парижской академіи за 1731 годъ, *Гумбольдтъ* наблюдалъ это явленіе въ Южной Америкѣ. Но только *Брорсенъ* въ 1843 году и послѣ него *Jones* прослѣдили это явленіе подробнѣе. *Скіапарелли* также много занимался наблюденіемъ зодіакальнаго свѣта. Онъ

нашелъ, что «отраженіе» его бываетъ особенно замѣтно, когда его центръ приходится въ созвѣздіи Льва или Дѣвы. Труднѣе наблюдать это явленіе; когда его центръ лежитъ въ созвѣздіяхъ Водолея или Рыбы. 3-го мая 1862 года, около 12 часовъ ночи, *Скіапарелли* наблюдалъ зодіакальный свѣтъ въ видѣ свѣтлаго моста, который охватывалъ все видимое полушаріе неба, пересѣкая созвѣздія Близнецовъ, Льва, Дѣвы, Вѣсовъ и Скорпіона. Что же касается его блеска, наибольшая яркость наблюдается около солнца и въ противоположной точкѣ неба, наименьшая—соотвѣтствуетъ, по *Скіапарелли*, двумъ точкамъ, которыя отстоятъ почти на 130 градусовъ отъ солнца и на 50 градусовъ отъ центра «отраженія».

Скіапарелли сдѣлалъ такое заключеніе: если бы зодіакальный свѣтъ состоялъ изъ скопленія фосфоресцирующихъ или самосвѣтящихся тѣлъ, или еслибъ онъ былъ отраженіемъ отъ облака или кольца изъ твердыхъ тѣлъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ наименьшая яркость должна была бы обнаружиться на сторонѣ неба, діаметрально противоположной солнцу. Но это прямо противорѣчитъ наблюденіямъ. То же придется сказать, если примемъ, что зодіакальный свѣтъ состоитъ изъ свѣтящейся или освѣщенной туманной матеріи: при этомъ условіи минимумъ яркости также долженъ приходиться на сторонѣ, противоположной солнцу. Опять полное противорѣчіе съ тѣми данными, къ которымъ привели наблюденія надъ «отраженіемъ» зодіакальнаго свѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

*(Окончаніе *).*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

IV.

Была уже ночь, когда Честюнина отправилась на Васильевскій Островъ. На Выборгской Сторонѣ царила какая-то угнетающая тишина, и едва мигавшіе уличные фонари казались совершенно лишними. Извозчикъ едва тащился, — по крайней мѣрѣ, такъ казалось Честюниной. Васильевскій Островъ тоже не отличался оживленіемъ. Честюнина сначала заѣхала къ Эжену. Онъ выскочилъ къ ней въ корридоръ, блѣдный и разстроенный.

— Съ Лёлей не хорошо... — шопотомъ предупредилъ онъ.—Быль маленькій обморокъ... Что Катя?

— Послала меня за отцомъ... Вы его не предупредили?

— Ахъ, нѣтъ... Лёля страшно взволновалась, когда я разсказалъ ей все. Я потерялъ голову...

— Хорошо, такъ я сама поѣду къ дядѣ.

— Сдѣлай такъ, Маша: вызови Григорія, а онъ вызоветъ Дашу... да. Не говори прямо старику ничего... Впрочемъ, ты лучше меня знаешь.

Честюнина даже не простилась съ Эженомъ, о чемъ вспомнила уже дорогой. Швейцаръ Григорій принялъ ее съ приличнымъ изумленіемъ, но сейчасъ же сообразилъ, что случилось что-то особенное и отправился чернымъ ходомъ бу-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

дить Дашу. Честюнина сидѣла въ швейцарской, и ей казалось, что прошла цѣлая вѣчность. Но вотъ послышались торопливые шаги и въ дверяхъ появился Василій Васильичъ, одѣтый въ шубу. Онъ только мелькомъ взглянулъ на племянницу и все понялъ.

— На Выборгскую...—сказалъ онъ самъ извозчику.

Они ѣхали нѣсколько времени молча. Старикъ нѣсколько разъ собирался съ силами, чтобы задать роковой вопросъ и, наконецъ, спросилъ:

— *Она* жива?

— Да...

— Я не знаю, что случилось... — спокойно произнесъ онъ.—Но я этого ждалъ, Маша.

— Пока еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

— О, я знаю... Ты хочешь меня подготовлять? Напрасный трудъ... Я давно приготовился и ко всему... У меня даже былъ сегодня такой сонъ, и я почему-то ждалъ тебя... Да, не смѣйся, Маша... Къ сожалѣнію, дурные сны слишкомъ часто сбываются.

Они доѣхали молча, и Василій Васильичъ только перекрестился, когда извозчикъ остановился у клиники. Честюнина припомнила случайный разговоръ съ Катей, когда онѣ вмѣстѣ ѣхали въ академію мимо вотъ этой клиники. Катя еще тогда высказывала, какъ она боится смерти, точно у нея было роковое предчувствіе, что она должна умереть именно здѣсь.

Оставшись одна, больная страшно затосковала. Ей казалось, что она не дождется отца... Боже мой, какъ мучительно долго тянется время въ клиникѣ. Больная считала минуты и все смотрѣла на дверь.

— Скоро, барышня...—повторяла сидѣлка.—Вы читайте „Богородицу“, время-то и пройдетъ незамѣтно.

Катя съ удивленіемъ принималась разсматривать эту сидѣлку. Ей казалось, что она ее такъ давно знаетъ,—и это некрасивое женское лицо, полное покорной сдержанности, и грустные глаза, и слабый голосъ, каждое движеніе — все было ей знакомо. Потомъ Катѣ сдѣлалось совѣстно, что она заставляетъ эту труженицу проводить у своей кровати безсонную ночь.

— Вамъ скучно со мной, сестра? — спрашивала Катя.

— Мы привычны, барышня...

Молчаніе. Время опять останавливается, и Катя напрасно прислушивается къ каждому шороху. Ахъ, какая эта Честюнина — она всегда и все дѣлала медленно.

— Сестра, вы—дѣвушка?

— Да...

— И отлично... Никогда не выходите замужъ. Видите, до чего это доводитъ...

— Не первые вы у насъ въ клиникѣ, барышня, такая-то...

— Какая?

— Всякая по своему... Больше травятся... Вотъ какъ потомъ мучаются — страсть смотрѣть.

Катя морщится. Боже мой, даже въ несчастіяхъ есть своя конкурренція, даже здѣсь она не умѣла быть оригинальной... Ахъ, какъ все пошло, гадко, отвратительно!..

Въ корридорѣ нѣсколько разъ слышались чьи-то шаги и затихали. Когда Катя потеряла уже всякое терпѣніе, около ея кровати появилась Честюнина.

— Онъ... здѣсь?.. Папа?..

— Пожалуйста, не волнуйся...

Честюнина ужасно боялась за первый моментъ этого роковаго свиданія, но Анохинъ вошелъ съ спокойнымъ видомъ человѣка, приготовившагося къ самому худшему. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ все время крестился, точно шелъ на смертную казнь, а сейчасъ казался такимъ спокойнымъ.

— Папа... милый...

— Я знаю все, голубчикъ, — спокойно отвѣтилъ онъ, цѣлуя дочь въ лобъ. — Обо всемъ еще успѣемъ поговорить потомъ...

— А мама?

— Она пока ничего не знаетъ... Нужно будетъ ее подготовить. Ты знаешь, какъ она всегда волнуется...

Спокойный видъ отца и его спокойный голосъ произвели на больную самое успокоивающее впечатлѣніе и она проговорила:

— Я скоро поправлюсь, папа... да. Мнѣ это самъ профессоръ сказалъ... когда дѣлалъ операцію...

— Да, да, моя хорошая... Я знаю. А теперь, какъ ты себя чувствуешь?

— Не знаю... Пока, мнѣ ужасно скучно здѣть лежать... если бы...

Онъ догадался, что она хочетъ сказать.

— Тебѣ хочется домой, моя радость?..

— Да, папа...

— Хорошо, увидимъ. Что еще скажетъ твой профессоръ...

Анохинъ не видалъ дочери больше года, и она показалась ему такой маленькой, какой была еще дѣвочкой подросткомъ. Потомъ, это блѣдное молодое лицо, глядѣвшее на него уже не дѣтскими глазами, было такъ красиво, какъ никогда раньше. Въ немъ было столько чарующей женственности, какой-то затаенной ласки и дѣтской простоты. Да, она была хороша, и отцовское сердце мучительно стыло и цѣпенѣло отъ подавленныхъ страданій. Онъ собралъ всѣ силы, чтобы казаться спокойнымъ—вѣдь, сейчасъ спокойствіе все...—Больная тоже крѣпилась и только молча и крѣпко держала отца за руку,

— Я скоро поправлюсь, папа...—точно оправдывалась она, вопросительно глядя на отца.

— Да, да... Конечно, поправишься, крошка.

— А когда я поправлюсь, мы опять будемъ жить вмѣстѣ, папа.., Я хочу жить съ тобой... Весной куда-нибудь уѣдемъ изъ Петербурга...

— Да, да, непремѣнно уѣдемъ...

— Мнѣ все равно—куда, но только какъ можно дальше, папа... Далеко-далеко, гдѣ живутъ другіе люди.

— Именно, далеко... Знаешь что, мы уѣдемъ въ Сузумье, къ теткѣ. Я уже давно собираюсь туда, посмотрѣть на родину. Вотъ, тамъ, Катя, совсѣмъ другіе люди...

— Ахъ, какъ хорошо будетъ, папа... Я ихъ впередъ всѣхъ люблю. И Маша съ нами поѣдетъ...

— И Маша поѣдетъ... Ей тоже не лишнее отдохнуть, пока совсѣмъ не передѣлалась въ безнадежно-столичнаго человѣка.

Катя что-то хотѣла еще сказать, но только пожевала губами и закрыла глаза. Честюнина сдѣлала дядѣ знакъ глазами, что больная хочетъ спать и что ее нужно оставить. Когда они уходили, Катя попросила Честюнину остаться на минутку и спросила:

— А Сергѣй Петровичъ знаетъ?..

— Вѣроятно...

— Какъ мнѣ хотѣлось бы его видѣть. Онъ такой хорошій...

— Завтра я могу его вызвать...

— Нѣтъ, этого не нужно. Если онъ самъ пріѣдетъ... Тебя удивляетъ мое легкомысліе? Боже мой, вѣдь, это же единственный человѣкъ, который могъ сдѣлать меня счастливой... Женщины, вѣдь, не умѣютъ быть счастливыми самостоятельно. Ты не обижайся—я говорю о себѣ одной...

Анохинъ прошелъ въ пріемную, гдѣ встрѣтилъ Парасковею Пятницу, которую совсѣмъ не узналъ. Она страшно смутилась и даже хотѣла убѣжать. Но ее выручила Честюнина.

— Марья Гавриловна, голубчикъ, не гоните меня...—шопотомъ умоляла она.—Вы устанете—я посижу около нея... Все-таки не чужой человѣкъ.

— Хорошо. Увидимъ, какъ дѣло пойдетъ...

— Я ужъ говорила съ докторомъ и сказала, что родственница. А потомъ... Я боюсь старика... Тогда онъ такъ разсердился на меня...

— Ну, это пустяки... Онъ давно все забылъ... Да и не до того теперь.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна... Мнѣ, вѣдь, только походить за ней, голубкой...

Парасковея Пятница отвернулась, чтобы скрыть слезы. Покойный Иванъ Михайлычъ не выносилъ бабьихъ слезъ и всегда страшно сердился, когда она начинала плакать. Это обстоятельство служило предметомъ частыхъ семейныхъ размолвокъ, потому что Парасковея Пятница не прочь была всплакнуть по-бабьи.

— Знаете, голубчикъ, вы все-таки меня какъ-нибудь отрекомендуйте,—просила Парасковея Пятница.—Скажите, что я что-нибудь этакое театральное... Ну, комическая старуха, что-ли.

— Нѣтъ, это неудобно, Прасковья Игнатьевна... Я васъ отрекомендую тѣмъ, что вы есть на самомъ дѣлѣ. Повѣрьте, ничего дурного не будетъ...

Когда состоялось это представленіе, Анохинъ закрылъ лицо руками и неудержимо разрыдался. Онъ до мельчайшихъ по-

дробностей припомнилъ свой визитъ въ квартиру Парасковеи Пятницы... Да, тогда Катя была здорова, и только отцовское сердце чуяло, чѣмъ все это кончится.

— *Она* все время жила у васъ?—спрашивалъ старикъ, не вытирая катившихся по лицу слезъ.—Да?.. Вы ее любили? О, Боже мой, развѣ можно было ее не любить?..

Онъ крѣпко пожалъ ей руку.

— Она часто плакала и вы ее утѣшали?..—продолжалъ онъ, не выпуская ея руки.—Она была горда и не умѣла жаловаться? Она вспоминала старика отца? Да?.. Дѣвочка моя, родная... А отецъ былъ далеко, отецъ отказался отъ нея...

Онъ неожидадно поцѣловалъ ея руку и прибавилъ:

— За все, за все благодарю васъ... Я не умѣю высказать всего, что сейчасъ чувствую.

Честюнина вышла, чтобы провѣдать больную и старики остались одни. Парасковея Пятница совершенно растерялась и рѣшительно не знала, что ей говорить. Этотъ „деспотъ“ оказался совсѣмъ-совсѣмъ не деспотомъ, а совершенно наоборотъ... Да, теперь ей приходилось ухаживать за нимъ, какъ за ребенкомъ.

— Василій Васильичъ, какой удивительный случай былъ у насъ въ Казани...

— Развѣ вы изъ Казани?—удивлялся Анохинъ.

— А то какъ же?—удивлялась, въ свою очередь, Парасковея Пятница, точно каждый долженъ быть „изъ Казани“.—Тогда еще былъ живъ Иванъ Михайлычъ... да... Такъ тамъ жилъ одинъ дьяконъ... Ну, кажется, кто бы могъ подумать на него и Иванъ Михайлычъ говорилъ прямо...

Анохинъ съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ про удивительный случай въ Казани и нашелъ, что, дѣйствительно, на бѣломъ свѣтѣ бываютъ странныя вещи. Слова разсказчицы стучали у него въ головѣ, какъ стучатъ капли дождя по желѣзной крышѣ, не проникая внутрь. Честюнина входила нѣсколько разъ и была довольна, что старикъ занялся съ Парасковеей Пятницей.

— Дядя, теперь уже поздно,—заявила она наконецъ.—Поѣзжайте сейчасъ домой, а завтра утромъ пріѣдете. Она спитъ...

Онъ повиновался и только въ дверяхъ спросилъ:

— А что же я скажу женѣ?

— Ее нужно подготовить...

— Ахъ, да... Что же я спрашиваю. Да, да, я понимаю...

V.

Цѣлыхъ пять дней, мучительныхъ пять дней... Какъ мы живемъ цѣлые годы, не замѣчая времени, а тутъ вдругъ является какая-то роковая грань, которая останавливаетъ все, даже самое время. Въ послѣднемъ больше другихъ могла убѣдиться Честюнина. Ей казалось, что прошло нѣсколько лѣтъ, и событія такъ отдѣлялись одно отъ другого, что трудно было возстановить хронологическую послѣдовательность. Напримѣръ, какъ случилось, что Елену Ѳедоровну привезъ въ клинику Брусницинъ? Какъ оказалось впослѣдствіи, на его долю выпало передать матери роковое извѣстіе. Василій Васильичъ не могъ сдѣлать этого и въ отчаяніи явился къ Эжену.

— Я это могу устроить...—вызвался самъ Сергѣй Петровичъ, для котораго не существовало трудныхъ положеній.

Дѣйствительно, онъ поѣхалъ и устроилъ все такъ, что съ Еленой Ѳедоровной даже не было обморока. Онъ же привезъ ее и въ клинику. Свиданіе съ больной обошлось, благодаря его содѣйствію, тоже благополучно. Елена Ѳедоровна сдержала себя и ничѣмъ не нарушила установленнаго около больной порядка.

— Мама, ты на меня не сердишься?—спрашивала Катя.

— Я? Ну, объ этомъ мы поговоримъ послѣ...

Этотъ уклончивый отвѣтъ подѣйствовалъ на больную успокаивающимъ образомъ, потому что въ немъ слышалась увѣренность за будущее.

Всѣ драматическіе моменты сосредоточивались въ пріемной, гдѣ періодически появлялись всѣ дѣйствующія лица, за исключеніемъ одной Елены Петровны, которая лежала больная дома.

Всѣхъ труднѣе доставалось Честюниной, которой приходилось хлопотать за всѣхъ. Собственно говоря, больная доставляла безпокойства меньше другихъ. Только однажды она особенно взволновалась, именно, когда въ первый разъ вошелъ Брусницинъ. Честюнина видѣла это по ея лицу.

— Возлюбленный...—шептала Катя, закрывая глаза.— О, какъ я его люблю... Если бъ онъ зналъ...

Брусницинъ тоже волновался, хотя и напрягалъ всѣ силы, чтобы не выдать себя. Въ послѣднихъ видахъ онъ усиленно ухаживалъ за Еленой Ѳедоровной и быстро вошелъ къ ней въ милость.

Въ концѣ-концовъ получилось то, что всѣ эти близкіе люди ужасно мѣшали больной, и Честюнина удалила ихъ подъ разными предлогами.

— Пріѣзжайте одни...—шепнула она одному дядѣ.— Другіе только напрасно ее волнуютъ.

Какъ показалось Честюниной, всѣ были даже рады уѣхать домой. Клиническая обстановка давила каждаго, а дома были свои дѣла. Эженъ пріѣзжалъ на минуту, чтобы сообщить Честюниной:

— Кажется, у насъ начинается... Ахъ, Марьетта, если бы ты была свободна!.. Лёля все тебя вспоминаетъ... Ну, что Катя?

— Пока ничего особеннаго... Температура, кажется, начинаетъ подниматься. Впрочемъ, мнѣ это могло показаться... Разница пока всего въ одной десятой.

Эженъ такъ былъ поглощенъ своими домашними дѣлами, что, какъ показалось Честюниной, слушалъ ее совершенно машинально и едва-ли понималъ, что она ему говорила.

Катя съ проницательностью больного человѣка по выраженію лица Честюниной угадывала, кто былъ въ пріемной. Она волновалась молча, на что обратилъ вниманіе докторъ.

— Спокойствіе—пока единственное ваше лѣкарство,— говорилъ онъ съ строгой ласковостью опытнаго врача.—А вы, m-lle Честюнина, прямо виноваты, что позволяли родственникамъ являться сюда

— Да, да, я, дѣйствительно, виновата,—поспѣшила согласиться съ нимъ Честюнина.

Когда докторъ ушелъ, больная замѣтила:

— О чемъ онъ хлопочетъ? Удивляюсь... Мнѣ ужасно хотѣлось съ нимъ поспорить, Маша. Ахъ, скорѣе бы мнѣ выздоровѣть, тогда бы я ему показала... Вообще, я его ненавижу...

— Хорошо, хорошо.

— Послушай Маша, и ты принимаешъ со мной тонъ классной дамы... Это совсѣмъ къ тебѣ нейдетъ.

— Пожалуйста, нельзя ли безъ разсужденій, а то я уйду.

Больная инстинктивно покорялась каждому властному слову и дѣлалась такой жалкой, какъ маленькій безпомощный ребенокъ. Покорность къ ней не шла, какъ строгость къ Честюниной.

Навѣщавшіе больную, кажется, не особенно огорчились отказомъ принимать ихъ, за исключеніемъ старика Анохина. Онъ пріѣзжалъ по-прежнему и высиживалъ долгіе и томительные часы въ дежурной, гдѣ поперемѣнно его занимали Честюнина или Парасковея Пятница. Послѣдняя страдала неизлѣчимымъ недугомъ старческой болтливости и запрещеніе говорить съ больной приводило ее въ отчаяніе. За то она отводила душу въ дежурной, и Василій Васильичъ скоро выучилъ наизустъ рѣшительно все, что происходило „во время оно“, какъ говорилъ Крюковъ, „у насъ въ Казани“. Въ свою очередь, Парасковея Пятница узнала много интересныхъ вещей о томъ, что такое Сузумье и какъ хорошо тамъ живутъ простые люди.

Придвинувшись къ своей слушательницѣ поближе, Анохинъ нѣсколько разъ повторялъ, показывая глазами на потолокъ:

— Развѣ *тамъ* возможенъ былъ бы такой случай?.. Да никогда... *Тамъ* еще нѣтъ мерзавцевъ съ тремя фамиліями. Да... Я теперь часто думаю, что если бы я жилъ тамъ самымъ простымъ человѣкомъ, если бы моя жена была самая простая провинціальная дѣвушка, если бы моя дочь... Однимъ словомъ, не сидѣли бы вотъ здѣсь и не считали часы.

— Однако, Василій Васильичъ, теперь и провинція ужъ не та,—спорила Парасковея Пятница.—Я недавно читала въ нашей казанской газетѣ... точно такой же случай и даже отца звали тоже Василіемъ. Нынче самыя простыя дѣвушки и тѣ, чуть что, сейчасъ револьверъ, спички, какую-нибудь кислоту... Охъ, это вездѣ одинаково, Василій Васильичъ.

Старики начинали спорить, забывая о больной и торжественности переживаемаго момента. Парасковея Пятница

совсѣмъ уже не боялась „деспота“ и въ рѣшительныхъ пунктахъ ссылалась на авторитетъ покойнаго Ивана Михайлыча, который говорилъ всегда такъ, а дѣлалъ вотъ этакъ. Оказывалось, что Иванъ Михайлычъ предвидѣлъ возможность даже такихъ случаевъ, какъ настоящій. О, онъ все зналъ, Иванъ Михайлычъ, и все умѣлъ объяснить.

Когда дежурила у больной Парасковея Пятница, Василій Васильичъ любилъ говорить съ Честюниной о Сузумьи.

— Маша, а ты, вѣдь, совсѣмъ забыла свою провинцію,— упрекалъ онъ ее съ отцовской ласковостью. — Не хорошо это. голубчикъ... Послѣ сама пожалѣешь. Вѣдь, нынѣшнимъ лѣтомъ могла ѣхать?

— Могла...

— Отчего же не поѣхала?

— Да такъ... Разныя дѣла. Вотъ кончу курсъ, тогда и уѣду.

— Все у васъ дѣла, а всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Это все отговорки. Я давеча сижу и смотрю на тебя, Маша... да... Вѣдь, совсѣмъ ты не такая пріѣхала въ Петербургъ, еще немного, такъ, пожалуй, родная мать не признаетъ.

Сидя около больной, Честюнина точно подводила итогъ своей молодой жизни и приходила сама къ тому же заключенію, какъ и Василій Васильичъ. Да, она стала совсѣмъ другая и не къ лучшему... Не было уже прежней молодой вѣры въ жизнь, въ людей и въ недавнія мечты. Многое отошло назадъ, другое исчезло, какъ сонъ, а кругомъ наростала какая-то мучительная пустота. А, главное, все чаще и чаще являлось глухое недовольство собой, какъ предвѣстникъ какой-то хронической болѣзни. Теперь Честюнина завидовала другимъ курсисткамъ, сохранившимъ способность увлекаться всѣмъ, точно онѣ вчера пріѣхали въ Петербургъ. Она уже не могла попасть имъ въ тонъ и, вообще, какъ-то ушла отъ молодости. Въ концѣ концовъ, оставались четыре стѣны своей студенческой кельи и занятія. Да, есть святая работа, и Честюнина уходила въ нее все глубже. Она уже испытывала окрыляющій жаръ этой келейной работы и входила во вкусъ своего женскаго одиночества. Всѣ эти мысли являлись невольно, вызванныя присутствіемъ больной. Вѣдь, эта Катя была полной противоположностью, и Честюниной

начинало казаться, что вмѣстѣ съ ней умираетъ и она, т. е. умираетъ въ ней та женщина, которая могла быть счастлива только личной жизнью. Конечно, являлись мысли о чемъ-то неизвѣданномъ, неопредѣленная тоска, смутное желаніе какой-то перемѣны и сознаніе неудовлетворенности, но все были только отдѣльные моменты, а не вся жизнь.

— Я знаю, о чемъ ты думаешь...—замѣтила разъ Катя, наблюдавшая задумавшуюся сидѣлку.

— Именно?

— Тебѣ жаль самой себя... Но все это напрасно, голубчикъ. Мы, женщины, бываемъ счастливы, какъ дѣти, когда они ломаютъ свои любимыя игрушки, чтобы посмотрѣть, что тамъ внутри. Счастья нѣтъ...

Отъ волненія и безсонныхъ ночей у Честюниной какъ-то все перемѣшалось въ головѣ, и она даже не удивилась, когда Парасковея Пятница принесла въ пріемную термометръ, показывавшій роковое повышеніе температуры. Это былъ смертный приговоръ...

— Это очень не хорошо? — освѣдомился Василій Васильичъ.

— Да...

— Она умретъ?..

Честюнина только пожала плечами и быстро вышла изъ комнаты.

Дѣлая послѣднюю перевязку, докторъ замѣтилъ:

— Мы ведемъ себя не дурно... Еще денька два и будемъ совсѣмъ умными.

Неожиданно поднявшаяся температура сразу разрушила всѣ надежды. Больная сама страшно перепугалась и молча смотрѣла на Честюнину умоляющими глазами. Боже мой, неужели это и есть смерть?!. У нея стучали зубы отъ лихорадки, а въ глазахъ явилось ощущеніе холода.

Болѣзнь полетѣла впередъ съ ужасающей быстротой. За лихорадкой явился бредъ. Больная металась на своей кровати и плохо узнавала присутствовавшихъ. Въ моменты сознанія она хватала Честюнину и повторяла задыхавшимся голосомъ:

— Спасите меня... спасите... ахъ, какъ я хочу жить!.. Боже мой, какъ страшно... Маша, вѣдь, я еще такая мо-

лодая... Всѣ другіе будутъ жить, а я... Нѣтъ, я не хочу умирать... Слышишь?.. Держи меня за руку... вотъ такъ... крѣпче...

Честюнина вся точно застыла. Теперь уже не было спасенія и лучшія слова святой науки были безсильны. Оставалось только ждать развязки.

Мучительная агонія продолжалась цѣлыхъ два дня, и черезъ пять дней, какъ предсказалъ докторъ, Катя умерла. Въ комнатѣ еще стоялъ запахъ лѣкарствъ, на столикѣ у кровати стояли аптечные пузырьки съ разнымъ снадобьемъ и все это напоминало только о безсиліи науки и бренности человѣческаго существованія. Да, все было кончено... Молодая жизнь погасла, какъ блуждающій огонекъ.

Хоронили Катю въ снѣжный и холодный зимній день. Все кругомъ казалось такимъ хмурымъ. За гробомъ тянулась небольшая кучка близкихъ людей. Честюнина шла съ Брусницинымъ, и ей казалось, что она тоже умерла вмѣстѣ съ Катей. Это чувство положительно ее преслѣдовало, какъ кошмаръ.

Василій Васильичъ шелъ за гробомъ съ спокойнымъ лицомъ. У него уже не было слезъ... Все было пережито раньше.

— Бѣдная моя дѣвочка...—повторялъ про себя убитый горемъ старикъ.—Бѣдная... бѣдная... бѣдная...

Похоронили Катю въ Александро-Невской лаврѣ, о чемъ она просила сама. Изъ родныхъ не было только Эжена, который пріѣхалъ къ самому отпѣванію. Онъ отвелъ Честюнину въ сторону и шепнулъ:

— Марьета, у меня родился сынъ...

ЭПИЛОГЪ.

Прошло пятнадцать лѣтъ.

Стоялъ свѣтлый осенній день. Въ скверахъ вездѣ уже мелькали тронутыя первымъ холодкомъ листья. Въ такіе дни Петербургъ получаетъ какой-то особенно бодрый видъ, а всѣ улицы переполнены оживленной публикой. Вернув-

шійся съ дачи петербуржецъ точно старается наверстать потерянное лѣтомъ время. Самые дома, ремонтированные и подкрашенные, выглядятъ веселѣе. Оживленіе захватываетъ даже самыя далекія городскія окраины, какъ Выборгская Сторона или Васильевскій Островъ.

Именно въ такой ласковый по осеннему день, по Самсоніевскому проспекту шли среднихъ лѣтъ дама и пожилой мужчина, въ которыхъ сразу можно было узнать провинціаловъ и по костюму, и по неумѣнью торопиться. Они шли по тротуару и читали вслухъ номера домовъ.

— Здѣсь...—проговорила, наконецъ, дама, останавливаясь передъ громаднымъ четырехъ-этажнымъ домомъ.—Да, да... Тотъ самый домъ.

Мужчина молча соглашался, съ такимъ видомъ, когда человѣкъ не желаетъ противорѣчить. Плотный, коренастый, съ окладистой бородой, онъ производилъ впечатлѣніе уравновѣшеннаго человѣка, который не умѣетъ волноваться даже въ серьезныхъ случаяхъ. Они вошли во дворъ и начали подниматься по темной каменной лѣстницѣ.

— Та самая лѣстница,—говорила дама, останавливаясь на площадкѣ перевести духъ.—Сколько тысячъ разъ я прошла по ней.

Они поднялись въ четвертый этажъ и позвонили у двери безъ визитной карточки. Отворила толстая сѣдая старушка въ бѣломъ чепцѣ.

— Прасковья Игнатьевна, не узнаете?—весело проговорила дама..

— Нѣтъ, не узнаю...

— А Честюнину помните?

— Честюнину? Много, вѣдь, у меня жило курсистокъ, гдѣ ихъ всѣхъ запомнишь...

— А Катю тоже не помните? Которая еще застрѣлилась?

— Эту отлично помню... Такъ вы ея сестра двоюродная? Теперь все припомнила... Милости просимъ.

Старушка всполошилась и повела гостей въ свою каморку, гдѣ все оставалось по прежнему.

— А я—Андрей Иванычъ Нестеровъ,—рекомендовался мужчина.—Вы еще какъ-то письмо мнѣ писали...

— Не помню—письма... добродушно недоумѣвала Парасковея Пятница.—А можетъ быть, и писала...

Парасковея Пятница сильно состарилась и Честюнина смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ. Была такая бодрая и здоровая женщина, а теперь получилась какая-то развалина. Старушка непремѣнно захотѣла угостить кофе и поминутно убѣгала въ кухню. Она замѣтно оживилась и кое-что успѣла припомнить.

— Да, да... Теперь помню,—повторяла она.—Какъ же... И Катю помню. Такая была веселая... Василій-то Васильичъ захаживалъ ко мнѣ. Придетъ и плачетъ... Сильно убивался онъ о дочери. Передъ самой смертью былъ у меня недѣли за двѣ. Рядомъ его и похоронили съ дочерью... А вы замужемъ давно?

— Нѣтъ, я по прежнему остаюсь дѣвушкой...

— Какъ же это такъ?

— Да какъ-то такъ ужъ вышло... Все некогда, Прасковья Игнатьевна. А тутъ и молодость прошла, поздно выходить замужъ...

— Скучно подъ старость будетъ, милая...

— Ничего, какъ-нибудь проживемъ. Не всѣмъ замужъ выходить...

— Это, конечно, бываетъ, а все-таки...

— И я вотъ тоже не женился,—отвѣчалъ Нестеровъ на нѣмой вопросъ любопытной старушки.—Счастье не вышло...

— Тоже не хорошо.

— Что подѣлаешь.

— А гдѣ же вы живете теперь?

— Въ провинціи... Я въ земствѣ служу и Марья Гавриловна тоже въ земствѣ. Вмѣстѣ работаемъ, а потомъ взяли да и поѣхали вмѣстѣ въ Петербургъ.

— Такъ, такъ...—соглашалась старушка.—Совсѣмъ другой нынче народъ пошелъ. Слушаешь-слушаешь и какъ будто ничего понять не можешь. Стара стала, умирать пора...

За кофе всѣ разговорились, припоминая старину. Парасковея Пятница даже всплакнула, когда зашла рѣчь о Катѣ. Въ ея репертуарѣ это было самое трогательное воспоминаніе, и она нѣсколько разъ возвращалась къ нему. Да, хорошая была дѣвушка, веселая и такая ласковая, точно котенокъ.

Гости посидѣли и начали прощаться.

— Спасибо, что не забыли старуху,—говорила Парасковея Пятница, провожая ихъ на лѣстницу.—Не поминайте лихомъ.

Съ Выборгской они проѣхали въ Александро-Невскую лавру, гдѣ съ большимъ трудомъ разыскали могилу Кати. Честюнина долго стояла передъ ней и не замѣчала, какъ по ея лицу катились слезы. Это были слезы о несбывшихся надеждахъ, разбитыхъ иллюзіяхъ далекой юности и о чемъ-то такомъ, что осталось невыполненнымъ.

— Марья Гавриловна, я васъ не узнаю...—проговорилъ Нестеровъ.

Она улыбнулась сквозь слезы и, указывая на могилу Кати, отвѣтила:

— Я здѣсь похоронила себя, Андрей Иванычъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Конецъ.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

*(Продолженіе *).*

Утреннія газеты слѣдующаго дня, т. е. субботы, 5 іюля очень мало говорили объ Эстъ-Эндскомъ митингѣ, на которомъ, по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, лэди Максвель «получила отвѣтъ» отъ эстъ-эндской черни. О брошенномъ камнѣ, объ ударѣ и о причинѣ его много толковали въ клубахъ и гостиныхъ Мальфэра и Белгравіи, не менѣе чѣмъ въ клубахъ и трактирахъ Эстъ-Энда, а гости, уѣхавшіе на воскресенье въ загородныя имѣнія разнесли слухи о нихъ по окрестнымъ деревнямъ. Максвели уѣхали одни въ Брукшайръ, и любопытные посѣтители, заходившіе въ Джемсъ-сквэръ «справиться» ушли ни съ чѣмъ.

— Вся эта исторія просто подстроенная штука,—съ негодованіемъ говорила миссисъ Уаттонъ сыну своему Гардингу, передавая ему «Observer» въ воскресенье утромъ, въ столовой своего дома на Тильней-стритъ.—Ей именно теперь очень выгодно выступить въ роли мученицы. Какъ можетъ мужъ позволять ей выставлять себя на посмѣшище...

— На посмѣшище?—сказалъ Гардингъ, улыбаясь.—Ни мало. Ваше первое замѣчаніе, мама, было совершенно вѣрно. Это все практическая политика. Такая красивая женщина не допуститъ, чтобы ей даромъ расшибли високъ. Вы увидите, какую пользу ея друзья извлекутъ изъ этого, и что они станутъ говорить о грубомъ насиліи нашего народа вообще.

— Противно!—произнесла миссисъ Уаттонъ строго, постукивая крышкой горчичницы, стоявшей противъ нея.

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

Она сидѣла съ Гардингомъ вдвоемъ за позднимъ завтракомъ. Старый сквайръ давно уже откушалъ и, приготовляясь идти въ церковь, читалъ книгу проповѣдей въ библіотекѣ. Миссисъ Уаттонъ и Гардингъ тоже должны были идти въ церковь, такъ какъ Гардингъ сильно поддерживалъ религіозную обрядность.

При восклицаніи матери сынъ пожалъ плечами.

— Интересно знать,—сказалъ онъ,—удастся ли лэди Максвель поймать Джоржа Тресседи или нѣтъ. Онъ провожалъ ее домой послѣ митинга въ пятницу.

— Провожалъ ее домой послѣ митинга? Джоржъ Тресседи?

Миссисъ Уаттонъ съ такимъ негодованіемъ посмотрѣла на сына, точно онъ самъ былъ отчасти виноватъ въ этомъ неприличномъ поступкѣ.

— Онъ часто бывалъ у нея въ Эстъ-Эндѣ въ послѣднее время. Я это узналъ отъ Эдварда. Впрочемъ, о будущемъ не трудно было догадаться по тому, какъ они себя держали въ Кэстль-Лютонѣ. О, эта женщина очень искусно разставляетъ свои сѣти!

— Одно, что я могу сказать,—съ достоинствомъ замѣтила миссисъ Уаттонъ,—такая женщина не можетъ быть терпима въ порядочномъ обществѣ.

Гардингъ всталъ и подошелъ къ окну, покручивая усы. Онъ давно зналъ, что мать его отличается болѣе энергіей, чѣмъ умомъ.

— Мнѣ кажется, — снова заговорила мать послѣ минутнаго молчанія,—что кому-нибудь слѣдовало бы предупредить Летти.

— О, Летти сама съумѣетъ о себѣ позаботиться,—отвѣчалъ Уаттонъ, смѣясь. Онъ, въ сущности, могъ бы сказать, если бы хотѣлъ, что Летти уже получила предупрежденіе. Тресседи, кажется не любилъ его; съ людьми, которые насъ не любятъ, не стоитъ церемониться. Но не смотря на нелюбовь Тресседи, ему удалось послѣдніе мѣсяцы очень весело провести время, помогая Летти меблировать квартиру. Гардингъ, гордившійся своимъ тонкимъ вкусомъ, любилъ, чтобы съ нимъ совѣтовались; онъ любилъ все, что придавало ему значеніе хотя бы въ глазахъ продавца рѣдкостей; пользуясь большими закупками Летти, онъ пріобрѣлъ для своей собственной квартиры въ Темплѣ нѣсколько хорошенькихъ вещицъ по очень дешевой цѣнѣ.

— Кто бы могъ подумать, что Джоржъ Тресседи такой слабохарактерный человѣкъ, — говорила миссисъ Уаттонъ, вставая.— А еще Фонтеной такъ довѣрялъ ему!

— И до сихъ поръ довѣряетъ болѣе или менѣе,—сказалъ Гардингъ;—но Фонтеной получитъ предостереженіе.

Онъ посмотрѣлъ на часы, чтобы знать, успѣетъ ли до церкви

выкурить папиросу, закурилъ и, прислонясь къ косяку окна, задумчиво глядѣлъ въ паркъ.

— Ты думаешь, что онъ можетъ измѣнить?—спросила его мать.

— Не знаю, наврядъ ли прямо измѣнить, это было бы уже слишкомъ. Но весь интересъ къ дѣлу пропалъ у него. Онъ ничего для насъ не дѣлаетъ, не приноситъ никакой пользы партіи.

Гардингъ говорилъ такимъ тономъ, точно будто держалъ всю партію въ своемъ карманѣ. Мать глядѣла на него съ худо скрываемымъ восхищеніемъ. Она почти безгранично вѣрила Гардингу, но не въ ея привычкахъ было льстить сыновьямъ.

— Всего противнѣе слушать,—замѣтила она, направляясь къ дверямъ и шурша своимъ шелковымъ воскреснымъ платьемъ,— какъ о ней говорятъ ея поклонники! Вся эта возня, все это ухаживанье за ними съ бѣдными, дѣлаются для того, чтобы мужъ не потерялъ мѣста и чтобы около нея вертѣлись молодые люди!

— Что дѣлать, матушка, у всякаго свои удовольствія,—снисходительно замѣтилъ Гардингъ.—Не забывайте, кромѣ того, что лэди Максвель даетъ мнѣ отличный матеріалъ для моихъ статей.

Мать вышла изъ комнаты, а онъ продолжалъ курить, съ удовольствіемъ раздумывая о своей новой статьѣ: «Женщина грязныхъ переулковъ»; она была наполнена намеками на Марчеллу Масквель и должна была появиться въ слѣдующемъ № газеты, которую вели они съ Фонтеноемъ; Гардингъ самъ не былъ издателемъ. Ему не нравились хлопоты, сопряженныя съ издательской дѣятельностью, и онъ считалъ, что отецъ обязанъ хоть содержать его, если ужъ живетъ на свѣтѣ. Но онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ новой газеты и писалъ въ ней весьма бойкія статьи. Газета вообще обладала бойкими сотрудниками. Ея лозунгомъ было слово «свобода». Но при этомъ она находила, что хозяевамъ принадлежитъ абсолютная власть надъ рабочими; она говорила, что нелѣпо заниматься религіозными вопросами, но въ то же время всякій, кто броситъ камнемъ въ англиканскую церковь, подлежитъ смерти. Три преступленія возбуждали особенное негодованіе ея: во-1-хъ, стремленіе помогать ближнимъ: только сумасшедшіе или дураки могутъ думать, что они въ состояніи кому-нибудь помочь; во-2-хъ, нелѣпая мысль о необходимости образованія для народа. Человѣка, который проработалъ 10, 12 часовъ въ день на фабрикѣ или въ рудникѣ, учить вечеромъ читать Данте или Гомера было непростительнымъ грѣхомъ, подрывавшимъ основы государства. Гардингъ и его пріятели въ свое время требовали помощи многихъ учителей, чтобы научиться читать этихъ авторовъ; но это было ихъ право, это не противорѣчило общему порядку все-

ленной. На основаніи этого порядка рудокопъ долженъ добывать уголь изъ подъ земли, а Гардингъ Уаттонъ учиться въ коллегіи. Но главнымъ и худшимъ недостаткомъ въ глазахъ Гардинга и его сторонниковъ было то, чего еще Каинъ не могъ спокойно вынести. Половина нападокъ ихъ на Максвеля происходила изъ этого источника: Максвель, не смотря на всѣ свои ошибки, пользовался успѣхомъ, занималъ видное мѣсто среди политическихъ дѣятелей Англіи. И его жена, съ своей стороны, царила и достигала своихъ цѣлей безъ помощи авторовъ статей. Въ этомъ была главная суть. Гардингъ, по крайней мѣрѣ, находилъ это невыносимымъ.

Между тѣмъ, не смотря на газеты правой и лѣвой стороны, колесница политики подвигалась впередъ. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, члены рано собрались въ парламентъ, всѣ скамьи были наполнены, въ залѣ господствовало возбужденіе: министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ сказать замѣчательную рѣчь и затѣмъ должно было начаться голосованіе. Ожидали, что Даусонъ будетъ говорить въ десять часовъ, а въ 11 кончится подача голосовъ.

Въ этотъ день и вечеръ Фонтеной былъ вездѣсущъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Тресседи. Стоило войти въ курильную комнату или въ библіотеку, пройти по корридору или выйти на террасу подышать нѣсколько минутъ свѣжимъ воздухомъ—всюду появлялась большая голова и изможденное лицо Фонтеноя и всегда въ обществѣ какого-нибудь новаго собесѣдника. Разнородный характеръ оппозиціонныхъ элементовъ, возстававшихъ противъ министерства, разнообразные группы и интересы, съ которыми приходилось считаться,—все это открывало широкую арену дѣятельности для человѣка, склоннаго къ борьбѣ и къ интригѣ, и онъ вполнѣ предался этой дѣятельности. Маленькіе глазки его были еле замѣтны—круги подъ ними были чернѣе, чѣмъ когда-либо.

Между тѣмъ, Джоржъ Тресседи никогда не чувствовалъ такъ живо, какъ въ этотъ критическій день, что его партія начала сторониться отъ него. Совѣщанія, въ которыхъ въ прежнее время онъ непремѣнно принималъ бы участіе, происходили безъ него. Въ теченіе всего этого суетливаго дня Фонтеной почти не говорилъ съ нимъ; его, очевидно, оставляли въ сторонѣ отъ поля битвы.

Ну, что жъ, развѣ онъ могъ сердиться на это? а между тѣмъ онъ сердился съ тѣмъ отсутствіемъ логики, которое свойственно всякому человѣку. Онъ разочаровалъ ихъ, какъ ораторъ, и вообще, что сдѣлалъ онъ для нихъ съ самой Троицы? Кромѣ того, при описаніяхъ митинга въ Миль-Эндѣ упоминалось его имя, и

*

это не могло остаться безъ послѣдствій. Онъ надѣялся, что личное уваженіе къ нему Фонтеноя не уменьшилось. Но чувствовалъ, что всѣ остальные, по какому-то нѣмому соглашенію, удаляются отъ него.

Въ обѣденное время онъ сидѣлъ въ уголку библіотеки и дремалъ надъ біографіей лорда Мельбурна.

— Мнѣ надо поговорить съ вами,—раздался хриплый голосъ около него.

— Давайте говорить, садитесь,—съ улыбкой отвѣчалъ Джоржъ, подвигая стулъ рядомъ съ собой.—Я думаю, послѣ сегодняшняго дня вамъ нужно будетъ спать безъ просыпа цѣлую недѣлю!

— Есть у васъ на этой недѣлѣ свободное время? — спросилъ Фонтеной, садясь.

Джоржъ колебался.

— Пожалуй, нѣтъ. Мнѣ надобно поскорѣе ѣхать въ имѣніе; въ среду назначенъ митингъ хозяевъ копей.

— То, о чемъ я хотѣлъ говорить, займетъ немного времени,— настойчиво сказалъ Фонтеной послѣ короткаго молчанія.—Я слышалъ, что вы въ послѣднее время ходили по мастерскимъ.

Онъ устремилъ на собесѣдника свои проницательные глаза.

— Да, я ходилъ раза два съ Эверардомъ,—сказалъ Джоржъ,— мы видѣли не мало интересныхъ субъектовъ.

Въ головѣ Фонтеноя мелькнула мысль:

— Почему же, чортъ возьми, не говорили вы со мной объ этомъ?—Вслухъ онъ сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Вы видѣли тѣхъ субъектовъ, какихъ Эверарду угодно было показать вамъ. Мнѣ, въ сущности, вотъ что отъ васъ нужно. Вы знаете рядъ выдержекъ изъ отчетовъ, которыя помѣщаются за послѣднее время въ «Хроникѣ»?

Джоржъ кивнулъ утвердительно.

— Намъ надобно написать что-нибудь, что уничтожило бы впечатлѣніе, производимое ими. И вы, и я, мы хорошо знаемъ, что въ большинствѣ мастерскихъ рабочій день не длиннѣе фабричнаго и что въ среднемъ работа производится четыре съ половиной дня въ недѣлю. Вы это сами видѣли и можете объ этомъ писать. Не составите ли вы на этой или на будущей недѣли три четыре статьи по этому поводу въ «Haymarket Reporter»? Наше бюро доставитъ вамъ всѣ необходимые матеріалы.

Джоржъ задумался.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, глядя прямо въ лицо своему собесѣднику,—я не могу, я хорошо не напишу, Можетъ быть, это оттого, что я видѣлъ слишкомъ много

исключеній, худшихъ случаевъ. Откровенно говоря, все это дѣло стало для меня вопросомъ больше, чѣмъ когда-нибудь.

Фонтеной безпокойно задвигался.

— Должно ли это означать,—рѣзкимъ тономъ проговорилъ онъ,—что вы колеблетесь относительно...

— Подачи голоса? Нѣтъ, я подамъ голосъ съ вами. Я стою за отсрочку. Этотъ билль и теперь, какъ прежде, кажется мнѣ нецѣлесообразнымъ. Но мнѣ не хотѣлось бы именно теперь публично выступать противъ него.

Они молча смотрѣли другъ на друга.

— Я такъ и думалъ, что что-то неладно,—произнесъ, наконецъ, Фонтеной.

— Я радъ, что у насъ былъ этотъ разговоръ,—отвѣчалъ Джоржъ.—Я хотѣлъ сказать вамъ, что хотя я подамъ голосъ, но, вѣроятно, я больше не буду говорить въ палатѣ. Мнѣ кажется, я по натурѣ не принадлежу къ числу парламентскихъ дѣятелей. Я сильно раскаиваюсь, что ввелъ васъ въ заблужденіе.

Онъ принужденно улыбнулся.

— Я не заблуждался,—мрачно произнесъ Фонтеной и вышелъ вонъ; идя по корридору, онъ мысленно договорилъ начатую фразу: «я только не замѣтилъ, насколько женщины могутъ одурачить васъ». Во-первыхъ, эта необдуманная женитьба на глупой дѣвчонкѣ, которая ни въ чемъ не можетъ помогать ни ему, ни ихъ партіи; теперь, судя по словамъ Уаттона (который въ это утро пріѣзжалъ на домъ къ Фонтеною потолковать о разныхъ дѣлахъ) это увлеченіе лэди Максвель. Да, это такъ, иначе и объяснить нельзя.

Фонтеной, какъ глава партіи, чувствовалъ и досаду, и разочарованіе. Ни къ кому изъ своихъ сторонниковъ не питалъ онъ съ самаго начала кампаніи такой симпатіи, какъ къ Тресседи.

Около полуночи началось голосованіе билля по параграфамъ, при огромномъ стеченіи народа, при волненіи и тревожномъ ожиданіи, которыя всегда вызываются законопроектомъ, встрѣчающимъ сильную оппозицію. Министерство получило большинство всего 44 голосовъ, на двадцать четыре голоса меньше обычнаго.

Когда крики привѣтствія и крики неодобренія стихли, Джоржъ очутился въ корридорѣ, вмѣстѣ съ толпой, выходившей изъ палаты. Подходя къ дверямъ въ переднюю, онъ увидѣлъ, что лэди, шедшая впереди него, обернулась. Джоржа точно молніей поразило ощущеніе красоты, чувство тревожной радости, и онъ замѣтилъ Марчеллу Максвель. Она протянула ему руку.

— Первое дѣйствіе кончилось,—сказала она.

— Да, и хорошо кончилось,—отвѣчалъ онъ улыбаясь,—но вы потеряли очень много людей.

— Ахъ да, я знаю, я знаю. Теперь начнется очень тяжелое время, не будешь знать, на кого положиться.

Голосъ ея измѣнился и она сказала съ какою-то робостью:

— На будущей и на предбудущей недѣлѣ многіе будутъ пріѣзжать къ намъ въ Миль-Эндъ, чтобы видаться съ разнаго рода дѣятелями. Это, я думаю, будетъ интересно. Не заѣдете ли и вы къ намъ какъ-нибудь вмѣстѣ съ лэди Тресседи?

— Благодарю васъ, — довольно холодно отвѣчалъ Джоржъ,— вы очень добры.

И затѣмъ спросилъ другимъ голосомъ:

— Вы не чувствуете нездоровья, въ самомъ дѣлѣ не чувствуете?

Онъ глазами указалъ на зашибленный високъ, а она инстинктивно подняла руку къ черной пряди волосъ, которая была нарочно спущена, чтобы скрыть пятна.

— О, нѣтъ! Этотъ молодецъ былъ, къ счастью, неопытный человѣкъ. Сколько нелѣпостей наговорили газеты!

Джоржъ покачалъ головой.

— Не понимаю, чего другого можно было ожидать,—смѣясь, сказала онъ.

— Очень просто.—Краска залила ея нѣжныя щеки.—Съ какой стати дѣлать больше шума, когда побита женщина, а не мужчина. Намъ вовсе не нужно ни этого излишняго состраданія, ни всѣхъ этихъ разглагольствованій.

— Что дѣлать, такова природа человѣка, — сказалъ онъ, пожимая плечами. Неужели она, въ самомъ дѣлѣ, воображаетъ, что женщина можетъ принимать участіе въ политической борьбѣ на равныхъ правахъ съ мужчиной, что ея поведеніе можетъ возбуждать такъ же мало волненія, какъ поведеніе мужчинъ. Какое безуміе!

Въ это время Максвель, стоявшій сзади нея, вышелъ впередъ, привѣтливо поклонился Тресседи, и у нихъ завязался разговоръ о только-что окончившихся преніяхъ. Старшій изъ двухъ мужчинъ все время проницательно смотрѣлъ на младшаго. Что касается Джоржа, разговоръ съ министромъ, обратившій на себя вниманіе многихъ лицъ, проходившихъ мимо, не доставилъ ему никакого особеннаго удовольствія. Характеръ Максвеля не казался ему привлекательнымъ, онъ чувствовалъ, что и Максвель не очень симпатизируетъ ему. Тѣмъ не менѣе, ему бы хотѣлось, чтобы ихъ десятиминутный разговоръ продолжался до безконечности, такъ

какъ это давало ему возможность стоять около нея, прислушиваться къ звукамъ ея голоса, слѣдить за ея движеніями. Онъ говорилъ съ Максвелемъ о рѣчахъ, о голосованіи, о разныхъ мелкихъ инцидентахъ этого дня. И все время онъ слѣдилъ за тѣми, кто окружалъ ее; онъ видѣлъ, какъ толпа, постоянно собиравшаяся около нея, то сгущается, то расходится; видѣлъ, съ кѣмъ она говоритъ; главное, видѣлъ въ ея взглядѣ, ея голосѣ, ея привѣтствіяхъ и упрекахъ то горячее, отзывчивое чувство, все очарованіе котораго, кромѣ ея мужа, испыталъ онъ одинъ. Вѣдь онъ видалъ ее въ горѣ и въ смущеніи, онъ видалъ ее въ слезахъ, въ борьбѣ самой съ собой? Въ сердцѣ его, какъ нѣчто священное, хранится образъ ея въ такомъ видѣ, между тѣмъ какъ глазамъ его она являлась центромъ всей это толпы политическихъ дѣятелей, знаменитой женщиной, окруженной и поклоненіемъ, и ненавистью.

Затѣмъ, какъ-то вдругъ, толпа разсѣялась, Максвели ушли, и Джоржъ очутился около подъѣзда, на улицѣ, подъ дождемъ. Ему показалось, что его окружаетъ запахъ розы,—розы, которая была приколота къ ея груди, и въ головѣ его вертѣлся вопросъ, который уже давно мучилъ его: чѣмъ же это кончится?

Онъ шелъ по мокрымъ улицамъ и тысячи тяжелыхъ мыслей осаждали его. Онъ ощущалъ то же, что человѣкъ, борющійся противъ надвигающагося прилива, безпомощно уносимый потокомъ. Совѣсть ни въ чемъ не упрекала его. Онъ не преступилъ никакого закона ни нравственнаго, ни общественнаго. Марчелла Максвель никогда ни словомъ, ни взглядомъ, ни мыслью не измѣнитъ любимому мужу.

Онъ и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего дома. Всѣ драматическія сцены, всѣ лица, наполнявшія въ этотъ знаменательный день залу парламента, исчезли изъ его сознанія. Ему ясно представлялись только три человѣка, и онъ съ какимъ-то ужасомъ представлялъ себѣ, къ чему могутъ привести ихъ взаимныя отношенія. Когда онъ повернулъ въ улицу Ст.-Джемса, поздній часъ, мягкій сырой воздухъ вдругъ напомнили ему другую подобную же ночь въ февралѣ, когда онъ шелъ домой, разставшись съ Летти, такой счастливый и довольный, и когда онъ въ первый разъ разговаривалъ съ Марчеллой Максвель среди небольшой уличной толпы. Тогда еще не произошло ничего непоправимаго. Онъ держалъ свою жизнь въ собственныхъ рукахъ. Что касается той страсти, которая постепенно овладѣвала всѣмъ его существомъ, онъ сохранилъ еще настолько самообладанія, что относился къ ней съ заслуженной ироніей; онъ понималъ, что это чувство жалкое

и смѣшное; понималъ самъ, не нуждаясь въ объясненіяхъ свѣтскихъ джентльмэновъ, какихъ-нибудь Гардинговъ Уаттоновъ. Ему было особенно странно видѣть самого себя въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ всегда считалъ себя человѣкомъ, легко относящимся къ жизни, не отличающимся особенною глубиною чувства и гордился этимъ. Другіе люди гордятся тѣмъ, что пережили «періодъ бурь», что глубоко черпали изъ источника жизни. Тресседи, наоборотъ, ставилъ себѣ за честь, что прожилъ безъ всякихъ сильныхъ ощущеній; бракъ съ Летти, повидимому, вполнѣ соотвѣтствовалъ этой программѣ. Теперь въ первый разъ глаза его открылись, и онъ узналъ, что можетъ сдѣлать съ человѣкомъ эта жажда любви, жажда взаимности, что она можетъ сдѣлать съ нимъ, если ничто не утолитъ ее.

Если бы Марчелла была другой женщиной, менѣе невинной, менѣе твердой!

При данныхъ же обстоятельствахъ всякій разъ, когда красота ея вызывала какое-либо чувственное возбужденіе, любовь Тресседи заставляла его подавлять въ себѣ это ощущеніе, предупреждала его, что онъ становится недостойнымъ разговаривать съ ней въ дѣйствительности или даже мысленно. Лишенный всего, что поощряетъ любовь, что возбуждаетъ малѣйшую надежду, онъ создавалъ себѣ особую, духовную жизнь, въ которой она царила. Всякій разъ, когда онъ оставался одинъ, онъ говорилъ, совѣтовался съ ней, глядѣлъ въ ея чудные глаза, отражавшіе ея чудную душу. И пока онъ могъ сохранять эту мечту, онъ сознавалъ, что не теряетъ своего достоинства, что ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя; страсть и страданія затаенныя, въ глубинѣ души, всегда заключаютъ въ себѣ своего рода величіе; Данте зналъ это лучше всѣхъ смертныхъ.

Но онъ не могъ долго сохранять свою мечту. Она улетала, ее прогоняли болѣе конкретныя мысли, желанія того, чего онъ никогда не можетъ получить, досада на свой бракъ, сознаніе вины передъ Летти, презрѣніе къ самому себѣ.

Подойдя къ своему дому, онъ не могъ думать ни о чемъ, кромѣ тѣхъ вопросовъ, которые ставила ему жизнь въ этомъ домѣ. Какъ разрѣшить ихъ? Какія установить отношенія съ женой въ теченіе безконечныхъ лѣтъ, которыя имъ придется прожить вмѣстѣ?

Въ послѣдніе дни, послѣ ихъ ссоры, жизнь ихъ являлась рядомъ такихъ мелкихъ дрязгъ и непріятностей, что Джоржъ, не смотря на свой спокойный характеръ, начиналъ терять терпѣніе. Послѣ первой вспышки досады, онъ сказалъ себѣ, что она разорвала карточку въ припадкѣ ревности, на которую имѣла право; и на

слѣдующее утро онъ всячески старался держать себя съ ней, какъ обыкновенно. Это еще болѣе раздражало ее, и, хотя между ними не было открытой ссоры, но ея презрительная ѣдкая манера обращенія была нестерпима. Кромѣ того Джоржъ ясно видѣлъ, что она твердо рѣшилась удерживать свою самостоятельность относительно выбора друзей и относительно издержекъ.

Отворивъ дверь дома и повернувъ винтъ электрической лампы, онъ увидѣлъ въ передней два очень красивыхъ стула изящной работы. Онъ посмотрѣлъ на нихъ не безъ тревоги. Навѣрно они присланы въ качествѣ образцовъ. Летти была недовольна стульями, купленными ею для столовой. Онъ вспомнилъ, что она разсказывала о необыкновенно красивой мебели, разысканной Гардингомъ у какого-то Ашера. Онъ внимательно осмотрѣлъ стулья, затѣмъ, вмѣсто того, чтобы подняться наверхъ, вошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ писать письмо. Онъ рѣшилъ на слѣдующій день съ первымъ поѣздомъ ѣхать въ Страфордшайръ и это письмо должно было все объяснить Летти. Письмо вышло длинное и откровенное, не безъ оттѣнка нѣжности.

«Я написалъ Ашеру,—говорилъ онъ, между прочимъ,—чтобы онъ прислалъ за стульями, которые я нашелъ у насъ въ передней. Они слишкомъ дороги для насъ, и я ему сообщилъ, что мы не можемъ купить ихъ. Будь увѣрена, что въ письмѣ къ нему я не сказалъ ни слова, которое могло бы быть непріятно для тебя. Если бы ты согласилась довѣрять мнѣ и совѣтоваться со мной относительно всѣхъ подобныхъ мелочей, наша жизнь пошла бы гораздо лучше».

Затѣмъ онъ откровенно изложилъ ей ихъ финансовое положеніе и свое твердое намѣреніе не входить въ неоплатные долги. Выраженія его были ясны и опредѣленны, какъ того требовали всѣ обстоятельства послѣдняго времени. За то конецъ письма былъ ласковъ и исполненъ сожалѣній по поводу случившагося. Несомнѣнно, она разочаровалась и въ немъ, и въ его денежныхъ средствахъ, несомнѣнно между ними произошли недоразумѣнія, которыя ни одинъ изъ нихъ не предвидѣлъ, вступая въ бракъ. Но хорошо устроить совмѣстную жизнь дѣло не легкое. Онъ просилъ ее не приходить въ отчаяніе и не судить слишкомъ строго. Онъ постарается все исправить, если только она вернетъ ему свою любовь и довѣріе. Онъ не допуститъ никого становиться между нимъ и ею, пусть и она обѣщаетъ ему то же.

Онъ запечаталъ письмо и сталъ безпокойными шагами ходить по комнатѣ. Ему казалось, что онъ попалъ въ заколдованный кругъ, что для него невозможно не только счастье, но даже спокойная, семейная жизнь, даже удовлетвореніе честолюбія.

На слѣдующее утро онъ уѣхалъ, прежде чѣмъ Летти проснулась. Она нашла письмо въ столовой, когда сошла къ завтраку и провела весь день въ сильномъ возбужденіи. Но въ концѣ концовъ она успокоилась на опредѣленномъ рѣшеніи. Ей придется уступить по вопросу о деньгахъ. Цифры, приведенныя Джоржемъ, и собственная сообразительность убѣдили ее, что борьба по этому поводу можетъ привести къ результатамъ, болѣе непріятнымъ для нея, чѣмъ для него. Но что касается права выбирать себѣ друзей и ревности къ лэди Максвель—въ этомъ она не уступитъ. Если Джоржъ пересталъ ухаживать за ней, то ему нечего обижаться, что она ищетъ развлеченій съ другими людьми. Въ этомъ не было ничего дурного, всѣ такъ дѣлаютъ, она должна пользоваться своею молодостью и красотою. Послѣ этого она написала записку лорду Казедину, сообщая ему, что будетъ завтра вечеромъ въ оперѣ съ Тюли, и прося его достать ей билеты въ Кларансъ-гаусъ. Кромѣ того, она собиралась черезъ него получить билетъ на одинъ блестящій балъ, послѣдній этого сезона, который давался черезъ двѣ недѣли. Объ этомъ она намѣревалась поговорить съ нимъ въ оперѣ.

Джоржъ вернулся черезъ нѣсколько дней съ своей поѣздки на сѣверъ еще болѣе исхудалый и удрученный, чѣмъ былъ раньше. Онъ нашелъ, что рабочіе упорно держались за свои требованія. Берроу былъ энергичнымъ предводителемъ. Съ своей стороны, хозяева твердо рѣшились не уступать. Джоржъ былъ вполнѣ согласенъ съ ними. Но онъ начиналъ задавать себѣ множество вопросовъ поповоду всей этой борьбы,—вопросовъ, которые не приходили въ голову другимъ хозяевамъ. Неужели и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ въ дѣлѣ о парламентскомъ биллѣ, ея вліяніе развило въ немъ роковую способность сочувствія, способность видѣть обѣ стороны медали, отнимающую у человѣка всякое удовольствіе борьбы.

Летти не мучилась ничѣмъ подобнымъ. Онъ нашелъ по возвращеніи, что она не прочь жить съ нимъ въ мирѣ. Она пріостановила всѣ дорогія передѣлки, которыя начала въ Фертѣ противъ его желанія; не сдѣлала никакихъ новыхъ пріобрѣтеній для ихъ лондонскаго дома. Но, съ другой стороны, она перестала совѣтоваться съ нимъ относительно своихъ выѣздовъ и безъ словъ дала ему понять, что прервала всѣ сношенія съ его матерью, что не намѣрена ни принимать, ни посѣщать ее. Такимъ образомъ, она какъ будто оставляла безъ вниманія сообщеніе мужа о болѣзни матери, и Джоржъ изъ гордости не говорилъ ей ни слова объ этомъ. Очевидно, она этимъ путемъ мстила ему за сокращеніе ихъ расходовъ и за лэди Максвель.

Но вслѣдствіе этого его жалость къ матери увеличилась. Онъ откровенно объяснилъ ей, что Летти не можетъ помириться съ уменьшеніемъ ихъ денежныхъ средствъ, вызваннымъ уплатою долга Чапецкому, и потому лучше будетъ, если онѣ не станутъ видаться нѣсколько времени. Лэди Тресседи приняла его объясненіе удивительно спокойно:

— Ну, что же, она всегда ненавидѣла меня,—сказала она;— право, не знаю, изъ-за чего, и она всегда завидовала моимъ костюмамъ. Извини, пожалуйста, Джоржъ, но я не могу не сказать, Летти не умѣетъ хорошо одѣваться. А какіе счеты ей представляютъ! Ты просмотри ихъ, а потомъ уже упрекай меня въ мотовствѣ! Не безпокойся, что Летти не будетъ ходить ко мнѣ, мнѣ это ничего. Но если ты перестанешь бывать у меня, я зарѣжусь и оставлю записку, что ты виноватъ въ моей смерти. Смотри, это страшно повредитъ тебѣ.

Но Джоржъ безъ всякихъ угрозъ приходилъ къ ней почти каждый день. Онъ видѣлъ ее въ минуты веселости и жеманства, когда она вполнѣ поддавалась своимъ старымъ привычкамъ, и въ минуты страданій, когда она не могла скрыть ни отъ него, ни отъ себя приступовъ страшной физической боли. По совѣту доктора, онъ пересталъ настаивать, чтобы она береглась, чтобы она лежала въ постели и перешла на положеніе больной. Даже въ физическомъ отношеніи лучше было предоставить ей бороться съ болѣзнью, и ея мужество удивляло и трогало его. Въ прежнее время она возбуждала его отвращеніе, когда притворялась больною, чтобы добиться своего. Теперь, когда смерть дѣйствительно стояла у ея порога, полу-веселая, полу-боязливая безпечность, съ которой она шла къ концу жизни, то прислушиваясь къ звукамъ, раздававшимся у рокового входа, то страстно бросаясь назадъ въ средину житейской суеты, теперь она являлась ему въ какомъ-то новомъ поэтическомъ свѣтѣ.

Даже ея низкопоклонные друзья перестали сердить его. Это были несчастные паразиты, но она заботилась о нихъ, а они дѣлали видъ, что любятъ ее. Вообще, онъ примирился со многимъ, чего прежде не могъ выносить, какъ, напримѣръ, съ нелѣпыми проявленіями ея нѣжности къ нему, съ ея похвалами ему при чужихъ. Мало-по-малу онъ позволилъ ей даже ласкать и цѣловать себя при Фуллертонахъ. Удивительно, какую новую окраску всѣмъ жизненнымъ мелочамъ придаетъ перспектива близкаго конца жизни!

Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что на нее находятъ припадки необыкновенной бережливости, какъ будто она этимъ хо-

четъ вознаградить его за то, что онъ отдаетъ ей часть своего времени. Онъ сталъ покупать ей разныя лакомства, пріятныя больнымъ, но, къ удивленію его, она принимала ихъ съ недовольнымъ видомъ, почти со слезами. Онъ никакъ не могъ понять причину этого.

Въ парламентѣ дѣла шли своимъ порядкомъ. Первая и сравнительно наименѣе спорная часть билля прошла послѣ длинныхъ преній и большихъ затяжекъ. Джоржъ говорилъ раза два безъ подготовки, исключительно, чтобы сдѣлать пріятное Фонтеною. Въ послѣднее время они имѣли мало личныхъ сношеній. Но Джоржъ не чувствовалъ, чтобы Фонтеной относился къ нему враждебно, мало того, онъ замѣчалъ въ немъ неожиданныя проявленія великодушія. Впрочемъ, онъ вѣдь и не былъ виноватъ въ грубомъ нарушеніи дисциплины партіи. Фонтеной могъ по прежнему разсчитывать на его голосъ. Что касается остальныхъ членовъ его партіи, онъ чувствовалъ, что они окончательно признаютъ его «перебѣжчикомъ» и отступаются отъ него.

Онъ, въ сущности, не жалѣлъ объ этомъ; такое положеніе предоставляло ему большую свободу высказываться. Въ то же время онъ рѣдко встрѣчался съ Марчеллой Максвель. Недѣля проходила за недѣлею, а Тресседи продолжалъ избѣгать собраній на Миль-Эндѣ, подробные разсказы о которыхъ онъ слышалъ отъ Эдварда Уаттона. Онъ одинъ разъ спросилъ Летти, не хочетъ ли она ѣхать съ нимъ на вечеръ къ лэди Максвель въ Эстъ-Эндъ и она отказалась. Но онъ не воспользовался ея отказомъ и не поѣхалъ одинъ. Была ли это боязнь собственной слабости, или снисхожденіе къ Летти, или страхъ выдать себя и сдѣлать что-нибудь смѣшное и непоправимое?

А между тѣмъ, странное дѣло! Въ эти дни ему необыкновенно часто приходилось проходить черезъ Ст.-Джемсъ скверъ. Раза два онъ видѣлъ, какъ она входила въ домъ или выходила изъ него, и при этомъ она всегда дарила его улыбкой и взглядомъ, которые предзначались несомнѣнно только для друзей. Раза два онъ встрѣчался съ ней въ корридорахъ или на террасѣ палаты, но всегда на нѣсколько минутъ и всегда среди толпы. Она не повторяла больше своего приглашенія; онъ догадывался, что она раскаивается, зачѣмъ звала его въ тотъ вечеръ, послѣ второго чтенія билля.

Іюль подходилъ къ концу. Пресловутый параграфъ о мастерскихъ дебатировался въ палатѣ уже 10 дней, и вся страна съ участіемъ слѣдила за преніями. Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ мѣсяца, Нэзби и лэди Маделена сидѣли вмѣстѣ въ углу

большой гостиной въ домѣ на Карльтонской террасѣ. Эта гостиная принадлежала миссисъ Аллисонъ. Она недѣли двѣ тому назадъ вернулась изъ Вильдгеймбада и пыталась собирать у себя общество ради своего сына. Въ своемъ черномъ платьѣ и своихъ кружевахъ она казалась болѣе нѣжной, но и болѣе недоступной, чѣмъ когда-либо. Она со всѣми разговаривала, но глаза ея постоянно слѣдили за сыномъ или съ ожиданіемъ обращались на двери. Она имѣла больной, истомленный видъ и друзья ея чувствовали сильнѣйшее желаніе приласкать и успокоить ее. Но приласкать миссисъ Аллисонъ было не такъ-то легко.

— Замѣчаете, какъ наша хозяйка поджидаетъ Фонтеноя?— спросилъ Нэзби шепотомъ у лэди Маделены.

Маделена обратила къ нему свое удивленное лицо. Природа дала ей этотъ видъ испуганнаго звѣрька, полуоткрытый ротъ и широко открытые глаза, какъ у человѣка, который постоянно ожидаетъ услышать дурную новость. Сначала Нэзби это не нравилось и онъ пытался даже подсмѣиваться надъ нею, но очень скоро его смѣхъ смѣнился желаніемъ приласкать ее, очень скоро увидѣлъ онъ, какая нѣжная натура у этой дѣвушки, какъ золотисты ея волосы, какъ бѣла ея кожа.

— Она ждетъ извѣстій о голосованіи?

— Да, но не смотрите такъ тревожно. Она мужественно перенесетъ пораженіе; а они будутъ разбиты. У Фонтеноя мало шансовъ. Министерство побѣдитъ хоть небольшимъ большинствомъ.

— Какъ этотъ билль волнуетъ всѣхъ!

— Еще бы! Нельзя же такъ спокойно уничтожать цѣлыя отрасли промышленности! Максвель надѣлалъ шуму на всю страну!

— *Она* не можетъ дольше выдерживать этой борьбы,—грустнымъ голосомъ произнесла лэди Маделена.

Нэзби разсмѣялся.

— Почему же нѣтъ? Лэди Максвель создана для борьбы; она наслаждается ею. А вамъ развѣ не нравится борьба?

— Не знаю,—задумчиво отвѣчала дѣвушка.—Я не знаю, для чего я создана.

И изъ-за пушистаго вѣера большіе глаза ея обратились въ ту сторону, гдѣ мать ея, вся въ черныхъ перьяхъ, и брилліантахъ, величественно возсѣдала рядомъ съ русскимъ посланникомъ Нэзби невольно посмотрѣлъ туда же. Онъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что въ послѣднее время лэди Кентъ стала какъ-то особенно любезна къ нему. Онъ молчалъ нѣсколько секундъ послѣ словъ лэди Маделены.

— Я боюсь, что обижу васъ, — спокойно сказалъ онъ наконецъ;—но мнѣ кажется,—вы созданы для того, чтобы носить бѣлый атласъ и жемчугъ, и чтобы быть такой, какая вы сегодня вечеромъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла.

— Я знаю, что вы презираете женщинъ, — проговорила она, съ упрекомъ взглянувъ на него.

Во время своего горя и униженія она находила единственное утѣшеніе въ занятіи разными «дѣлами» и «вопросами», вообще въ стремленіи къ высшимъ идеаламъ, она старалась работать вмѣстѣ съ Марчеллой и понимать ее.

— Неужели я презираю женщинъ, если считаю, что онѣ должны вносить красоту и поэзію въ нашу жизнь! — вскричалъ онъ. — И замѣтьте, я ни въ чемъ не ограничиваю ихъ дѣятельность. Пусть онѣ будутъ членами совѣта въ графствахъ, инспекторами, королевами, чѣмъ хотятъ. Я очень покоренъ. Я подаю голосъ за нихъ. Я дѣлаю все, что мнѣ приказываютъ.

— Только вы не считаете, чтобы я была способна на что-нибудь полезное.

— Я думаю, что вы не способны быть политическимъ ораторомъ,—смѣясь, отвѣчалъ онъ, — даже и лэди Максвель на это не способна. Впрочемъ, она не идетъ въ счетъ. Женщина, которая хочетъ приносить пользу въ настоящее время,—а вы, женщины, пріобрѣли огромное вліяніе за послѣдніе годы, — должна сидѣть дома, носить красивыя платья и быть привлекательной настолько чтобы люди, стоящіе во главѣ правленія, приходили и любовались ею.

— Лэди Максвель вовсе не сидитъ дома и не носитъ красивыя платья.

— Конечно, сидитъ и, конечно, носитъ!—вскричалъ Нэзби.— Она и меня поймала на эту удочку, хотя я не принадлежу къ людямъ, стоящимъ во главѣ правленія. Она меня на вѣчныя времена приковала къ своей колесницѣ. Ахъ, Анкотъ, какъ поживаете?

Онъ уступилъ свое мѣсто хозяину дома. Но, отходя прочь, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ про себя: «Хорошо, она нисколько не взволновалась».

Дѣйствительно, лэди Маделена приняла своего прежняго поклонника съ выраженіемъ холоднаго достоинства, которое странно было видѣть на ея хорошенькомъ робкомъ личикѣ.

— Вы только-что вернулись изъ Парижа?—равнодушно спросила она его.

— Да, я прожилъ тамъ дня два послѣ отъѣзда матери. Не очень интересно возвращаться сюда на здѣшнюю скуку.

— Видѣли вы новую пьесу во французскомъ театрѣ?

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Конечно, нѣтъ. Что за интересъ смотрѣть на эту vieux jeu. Въ одномъ изъ кафе-шантановъ была восхитительная женщина, но вы, можетъ быть, не ходите въ кафе-шантаны?

— Нѣтъ,—отвѣчала Маделена, спокойно смотря на него поверхъ своего вѣера,—я не хожу въ кафе-шантаны.

Анкотъ на минуту опѣшилъ, затѣмъ снова заговорилъ съ жаромъ:

— Эта женщина божественна! Потомъ въ Chat Noir, да, впрочемъ, вы, можетъ быть, не ходите въ Chat Noir?

— Нѣтъ, я не хожу въ Chat Noir.

Онъ помолчалъ съ минуту. Она не говорила ни слова.

— Въ сосѣдней комнатѣ лежатъ новыя французскія иллюстраціи. Но хотите ли посмотрѣть ихъ?

— Благодарю васъ. Мнѣ не хочется уходить отсюда,—холодно сказала она.

Онъ посидѣлъ около нея минуты двѣ и ушелъ.

Молодая дѣвушка вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ и инстинктивно повернула свою бѣлую шею, чтобы посмотрѣть, гдѣ Нэзби. Странное дѣло! Онъ въ другомъ углу комнаты тоже искалъ ее глазами. И черезъ минуту онъ уже направлялся къ ней.

— А, вотъ и Тресседи! Теперь мы узнаемъ всѣ новости!—воскликнулъ Нэзби.

Онъ сидѣлъ съ лэди Маделеной и, по странной случайности, они разсматривали тѣ самыя иллюстраціи, которыя она не захотѣла глядѣть съ Анкотомъ. Они поспѣшили въ большую гостиную, гдѣ нетерпѣливая толпа любопытныхъ уже окружала Тресседи.

— Большинство 18 голосовъ,—разсказывалъ Тресседи.—Соціалисты въ послѣднюю минуту подали голосъ за министерство, хотя раньше роптали и грозили такъ, что никто не зналъ ихъ намѣреній. 40 министерскихъ отпали; 20 отсутствовали, а старые либералы подавали голоса противъ министерства.

— О, они провалятся, непремѣнно провалятся при слѣдующей статьѣ,—говорилъ одинъ старый пэръ, лицо котораго выражало полнѣйшее удовольствіе.—И по дѣломъ! Максвель прямо добивается революціи. Это самый опасный человѣкъ. На видъ онъ совершенно умѣренный, но тѣмъ хуже! А скажите, пожалуйста, за что подалъ голосъ Слэдъ?

И, то тотъ, то другой осыпали Тресседи вопросами по поводу всѣхъ инцидентовъ засѣданія, по поводу подачи голоса того или другого члена; по поводу того, какъ держали себя министры, намѣрены ли они послѣ такой жалкой побѣды взять билль или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать коренныя измѣненія послѣдующихъ статей его. Почти всѣ гости, прямо или косвенно принадлежали къ числу политическихъ дѣятелей. Не болѣе трехъ человѣкъ могли бы связно передать содержаніе самого билля; но отцы, братья однихъ были заинтересованы въ томъ, чтобы онъ прошелъ, другихъ—въ томъ, чтобы онъ провалился. А въ Англіи ни одна игра не увлекаетъ большинства интеллигенціи такъ сильно, какъ политическая игра.

— Не понимаю, почему онъ имѣетъ такой взволнованный видъ,—сказалъ лордъ Казединъ на ухо Нэзби, указывая головой на Тресседи, блѣдное лицо котораго возвышалось надъ толпою.— На этотъ разъ онъ, кажется, подалъ голосъ какъ слѣдуетъ, но онъ очень ненадеженъ. Никогда нельзя знать, что можетъ сдѣлать такой человѣкъ. А, миледи, какъ ваше здоровье?

Онъ низко поклонился, и Незби, повернувшись, увидѣлъ, что къ нимъ подходитъ молодая лэди Тресседи.

— Неужели вы тоже говорите о политикѣ? — сказала Летти съ напускнымъ отвращеніемъ, протягивая руку Казедину и улыбаясь Нэзби.

— Теперь мы не будемъ ни о чемъ говорить, кромѣ вашего краснаго платья,—прошепталъ ей на ухо Казединъ.—Восхитительно!

— Развѣ оно вамъ нравится? — небрежно проговорила она.— Оно придаетъ мнѣ злой видъ, я знаю.—И она съ удовольствіемъ посмотрѣлась въ зеркало, которое показало ей ослѣпительно бѣлыя плечи, задрапированныя огненно-краснымъ шелкомъ.

— Развѣ вы хотите казаться добренькой?—сказалъ Казединъ, покручивая усы.—Для этого ума не нужно!

— Ахъ вы, циникъ! — засмѣялась она. — Пойдемъ, проведите меня туда. Достали вы мнѣ пригласительные билеты?

Казединъ послѣдовалъ за ней, непріятно улыбаясь своими толстыми губами, и они сѣли въ самый отдаленный уголъ, гдѣ не было толпы. Когда черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную вошелъ Фонтеной, шумъ и общее движеніе, повидимому, нисколько не помѣшали ихъ разговору.

Миссисъ Аллисонъ, забывая свою обычную сдержанность, поспѣшила на встрѣчу предводителю оппозиціи.

— Великолѣпно!—сказала она взволнованнымъ голосомъ,—теперь побѣда за вами!

Онъ покачалъ головой и не соглашался принимать поздравленія отъ своихъ поклонниковъ и поклонницъ, спѣшившихъ пожать ему руку. Онъ съ нѣкоторой досадой говорилъ, что нечего торжествовать раньше времени, что онъ, съ своей стороны, ожидалъ большаго, и что министерство еще можетъ собрать свои силы при голосованіи слѣдующей статьи. Затѣмъ, охладивъ такимъ образомъ энтузіазмъ присутствующихъ, онъ отвелъ хозяйку нѣсколько въ сторону.

— Ну, а вы? счастливѣе ли вы?—спросилъ онъ у нея тихимъ голосомъ, и выраженіе лица его совершенно измѣнилось.

— О, милый другъ, не думайте обо мнѣ!—сказала она, протягивая ему въ знакъ благодарности свою тонкую руку.—Да, мой мальчикъ былъ очень добръ ко мнѣ; онъ почти все время проводилъ со мной. Но, конечно, никто не можетъ знать...

По ея блѣдному, исхудалому лицу пробѣжало выраженіе страданія. Фонтеной тоже нахмурился, отыскавъ глазами Анкота, который стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, въ театральной позѣ и декламировалъ Тресседи отрывки изъ новой пьесы.

— Я думаю, вамъ бы слѣдовало сблизиться съ Тресседи,— сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Онъ нравится Анкоту, можетъ быть, черезъ него вамъ удастся повліять на юношу.

Мать охотно согласилась съ нимъ.

— Говорятъ, вы находите, что на него нельзя вполнѣ положиться въ палатѣ?—съ улыбкой прибавила она.

Фонтеной пожалъ плечами.

— Лэди Максвель околдовала его. Это вы виноваты.

— Бѣдный Кэстль-Люттонъ! Научите меня, какъ поправить дѣло! Но вѣдь вы не думаете, что онъ можетъ измѣнить?

— Въ его голосѣ я увѣренъ. Слишкомъ глупо съ его стороны было бы измѣнить въ этомъ отношеніи. Но онъ потерялъ всякій интересъ къ дѣлу.Гардингъ Уаттонъ говорилъ мнѣ, что все это ея вліяніе. Она водила его по Эстъ-Энду, заставляла своихъ друзей показывать ему разныя разности.

— И вслѣдствіе этого вы настроены противъ женщинъ? Вы бы хотѣли чтобы онѣ не забывали своего мѣста.

Она посмотрѣла на него съ кроткимъ юморомъ. Все лицо Фонтеноя измѣнилось при этомъ намекѣ на ихъ собственныя отношенія. Морщины преждевременной старости и выраженіе утомленія на минуту исчезло съ лица его и замѣнилось чѣмъ-то молодымъ и страстнымъ:

— Нѣтъ, я беру горькое вмѣстѣ съ сладкимъ—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней.—Пусть лэди Максвель дѣлаетъ что хочетъ, у васъ есть что противопоставить ея чарамъ.

Легкій румянецъ покрылъ ея морщинистыя щеки. Она была на пятнадцать лѣтъ старше его и разъ десять отвѣчала отказомъ на его сватовство; но ей было бы тяжело жить безъ его преданной любви и она дисциплинировала его настолько, что смѣло могла высказать ему это.

Полчаса спустя Джоржъ и Летти входили по лѣстницѣ другого богатаго дома, и наверху ея Летти привѣтствовала новою улыбкою новую хозяйку. Джоржъ, утомленный всѣми волненіями этого дня, съ трудомъ подавлялъ зѣвоту; но на его предложеніе вернуться домой Летти отвѣчала съ удивленіемъ и негодованіемъ; вѣдь они могли побывать еще, по крайней мѣрѣ, на четырехъ раутахъ!

И вотъ они очутились въ домѣ одного извѣстнаго банкира; Джоржъ проходилъ рядъ комнатъ, слѣдуя за женой, принимая сравнительно слабое участіе въ политической болтовнѣ, раздававшейся вокругъ него, и думалъ все время о томъ короткомъ разговорѣ, какой у него былъ съ миссисъ Аллисонъ при выходѣ изъ ея гостиной. Бѣдная женщина! Что онъ могъ сдѣлать для нея? Сынъ ея болѣе чѣмъ когда-нибудь помѣшанъ на театрѣ; онъ ни о чемъ другомъ не можетъ говорить, да и о театрѣ-то не говоритъ разумно.

Но если его утомила политика, то все остальное общество не могло говорить ни о чемъ другомъ. Комнаты были наполнены политическими дѣятелями и ихъ женами, членами парламента только что вернувшимися изъ палаты, министрами, улыбавшимися и подмигивавшими другъ другу, точно школьники, избѣжавшіе наказанія. Буря голосовъ проносилась по комнатамъ, говорили о судьбахъ министерства, о волненіи въ странѣ, о карьерѣ того или другого государственнаго человѣка. Среди толпы гостей прохаживался самъ хозяинъ, маленькій человѣчекъ съ усталыми глазами и блѣднымъ лицомъ финансиста; онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, передавалъ разныя сплетни, касающіяся голосованія въ палатѣ, и подводилъ вновь прибывавшихъ къ своей хорошенькой, изящно одѣтой женѣ.

Среди толпы, Джоржъ наткнулся на лэди Ливенъ, которая весело разговаривала съ молодымъ Байлемъ, но не прочь была бросить его и поболтать съ Тресседи.

— Мы всѣ ждемъ Максвелей,—сказала она ему.—Какъ вы думаете, пріѣдутъ они?

— Да отчего нѣтъ?

— Развѣ люди выставляютъ на показъ свою неудачу. Я бы на ея мѣстѣ сидѣла дома.

— Что же, имъ надобно ободрить своихъ друзей.

— Это ни къ чему,—проговорила Бетти,—они и безъ того боролись довольно смѣло.

— И могутъ въ концѣ-концовъ побѣдить,—сказалъ Джоржъ, и въ глазахъ его вспыхнулъ странный огонь.—Никто не знаетъ, что будетъ, увѣряю васъ.

— А вамъ, мнѣ кажется, все равно!—замѣтила она, потряхивая своей золотистой головкой.

— Почему вамъ это кажется?

— О, вы, повидимому, нисколько не волнуетесь,—отвѣчала она холодно.—Можетъ быть, вы похожи на Франка: вы думаете, что и противная сторона высказала не мало дѣльнаго. Франкъ сказалъ мнѣ вчера: «Если Даусонъ скажетъ еще одну рѣчь, я перейду въ оппозицію». Говорить такъ объ одномъ изъ предводителей своей партіи! Ахъ, мнѣ придется устранить его отъ политики!

И она распустила свой вѣеръ съ рѣшительнымъ видомъ. Вдругъ улыбка озарила лицо ея; она приподнялась на цыпочки.

— А, браво!—вскричала она.—Они идутъ!

Джоржъ обернулся вмѣстѣ съ толпой и видѣлъ, какъ они вошли; впереди шла Марчелла, вся сіяя брилліантами, сзади нея виднѣлось спокойное лицо и плечистая фигура ея мужа.

Они проходили сквозь толпу, отвѣчая на привѣтствія друзей и враговъ, подъ критическимъ взглядомъ сотни устремленныхъ на нихъ глазъ, и ему казалось, что невозможно было лучше держать себя. Въ ихъ обращеніи не было ничего вызывающаго, никакой попытки скрыть огорченія, которое должно было причинить имъ такое угрожающее и до нѣкоторой степени оскорбительное дѣленіе голосовъ. Лицо Максвеля потемнѣло отъ усталости и безсонныхъ ночей, черные глаза Марчеллы ласково останавливались на лицахъ друзей и никогда не казались болѣе живыми и выразительными. Ихъ дѣлу грозила опасность; тѣмъ не менѣе, они производили на Тресседи впечатлѣніе двухъ человѣкъ, сознающихъ себя во власти силъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ они сами, силъ, которыя должны побѣдить, какова бы ни была судьба ничтожныхъ, смертныхъ дѣятелей.

Джоржъ думалъ, что ему не удастся поговорить съ нею. Но онъ скоро замѣтилъ, что она увидѣла его съ другого конца комнаты и кланяется ему; волей-неволей ему пришлось подойти къ ней.

Она дружески поздоровалась съ нимъ и не сказала ни слова упрека за то, что онъ нѣсколько недѣль не былъ у нея. У нихъ

завязался разговоръ по поводу рѣчей, сказанныхъ въ этотъ вечеръ. Джоржъ замѣтилъ, что она, или, лучше сказать, Максвель, мысли котораго она передавала, былъ недоволенъ тѣмъ, какъ Даусонъ проводилъ билль въ палатѣ, недоволенъ, что, по общепринятому парламентскому обычаю, министру внутреннихъ дѣлъ приходилось предоставить такую видную роль въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, она не сказала ничего обиднаго для министра; въ ея словахъ не было и горечи противъ тѣхъ коварныхъ друзей, которые подали голосъ противъ билля. Она возлагала большія надежды на рѣчи, которыя Максвель намѣревался произнести на сѣверѣ и затѣмъ обратилась къ своему собесѣднику съ вопросомъ:

— Вы ничего не говорили послѣ второго чтенія, по крайней мѣрѣ, относительно главныхъ спорныхъ пунктовъ. Мнѣ часто очень хотѣлось знать, что вы о нихъ думаете?

Джоржъ прислонился головой къ стѣнѣ сзади нея и отвѣтилъ не сразу.

— Можетъ быть, я часто и самъ не зналъ, что я думаю,— отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Она вздрогнула и слегка покраснѣла.

— Не значитъ ли это,—сказала она и остановилась, какъ бы подъискивая слова,—не значитъ ли это, что вы перемѣнили свое мнѣніе по поводу главнаго вопроса?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчалъ онъ,—нѣтъ, я думаю и теперь, какъ думалъ прежде, что вы хотите путемъ закона устроить то, въ чемъ законъ безсиленъ. Но я, быть можетъ, лучше оцѣнилъ ваши побудительныя причины. Теперь мнѣ представляется труднымъ уничтожить планъ, выдвигаемый вашею партіей путемъ простой «non possumus». Приходится немножко пріостановить ходъ машины и пообдумать. Это я допускаю.

Она отвѣтила на его улыбку какимъ-то страннымъ, робкимъ взглядомъ, Онъ инстинктивно догадался, что эта частичная побѣда надъ нимъ ея убѣжденій, убѣжденій Максвеля, затронула въ ней какое-то внутреннее чувство.

— Если бы вы только знали,—сказала она,—какъ весь этотъ парламентскій шумъ и суета кажутся мнѣ мало значущими! Со мной говорятъ о статьяхъ билля и о голосованіяхъ, а я все время думаю о разныхъ знакомыхъ мнѣ личностяхъ, о личикахъ дѣтей, о больныхъ, объ отвратительныхъ комнатахъ.

Она отвернула лицо отъ толпы къ открытому окну, около котораго они стояли. Они были въ сравнительномъ уединеніи и онъ старался вызвать ее на разговоръ, старался дать ей нѣсколько минутъ отдыха, утѣшить ее хоть немного въ ея разочарованіяхъ. Ему хотѣлось продолжить до безконечности эти минуты; онъ вы-

сказывалъ ей все больше и больше симпатіи, чтобы заставить ее говорить, чтобы удержать около себя это плѣнительное созданіе. И ко всему этому примѣшивалось радостное сознаніе, что ей пріятно быть съ нимъ; что среди всей этой разнохарактерной толпы она отличаетъ его какъ друга, вѣрность котораго растетъ вмѣстѣ съ несчастіемъ. Что касается безчеловѣчно жестокаго свѣта, который осмѣливается возставать противъ нея и насмѣхаться надъ ней, онъ начиналъ думать о немъ со слѣпою, яростною ненавистью, съ желаніемъ биться за нее и побѣдить, уничтожить...

— Тресседи, ваша жена прислала меня за вами. Она хочетъ ѣхать домой.

Это былъ голосъ Гардинга Уаттона. Этотъ наблюдательный молодой человѣкъ подходилъ съ поклономъ, протягивая руку лэди Максвель.

Когда Марчелла исчезла среди толпы, Джоржъ очутился лицомъ къ лицу съ Летти. Она была очень блѣдна и смотрѣла на него широко раскрытыми, гнѣвными глазами.

По дорогѣ домой, Джоржъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ избѣжать ссоры. Летти наговорила ему массу горькихъ, оскорбительныхъ вещей, которыя ему было очень тяжело слушать.

— Чего ты отъ меня хочешь?—спросилъ онъ, наконецъ, нетерпѣливо.—Послѣ митинга и до сегодняшняго вечера я едва сказалъ нѣсколько словъ съ лэди Максвель, чтобы только не сердить тебя. Но ни ты, и никто на свѣтѣ не заставитъ меня быть невѣжливымъ къ ней. Не будь такъ глупа, Летти! Постарайся сойтись съ ней, и тебѣ самой станетъ стыдно, что ты можешь не только говорить, а даже думать подобныя вещи.

Въ отвѣтъ на эти слова, Летти разразилась истерическими рыданіями; онъ вынужденъ былъ просить прощенія, произносить всѣ тѣ непослѣдовательныя фразы, которыя обыкновенно говорятъ мужчины при такихъ обстоятельствахъ. Она успокоилась и они помирились, хотя оба были мрачны. Джоржъ остался подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, что онъ мало знаетъ свою жену. Она никогда не прощаетъ ни одной обиды. Что же предприметъ она? что она намѣрена дѣлать?

XVII.

— Э! вы уже возвратились!

Джоржъ Тресседи выходилъ изъ дверей своего клуба въ Пэль-Мель, какъ вдругъ Нэзби, только что отпустившій свой экипажъ, остановилъ его за руку.

— Я вернулся вчера, вечеромъ. Вы идете домой? Пройдемъ вмѣстѣ по скверу.

Они повернули въ Ст.-Джемсъ-скверъ, и Нэзби сказалъ:

— Да, мы очень хорошо съѣздили. Максвель говорилъ лучше, чѣмъ когда-нибудь. Митинги собирались великолѣпные! Теперь сѣверъ стоитъ за Максвеля и за билль, по крайней мѣрѣ насколько можно судить по наружности.

— Въ то самое время, когда мы собираемся нанести ему рѣшительный ударъ въ палатѣ! Это очень ловко! Мѣсяцъ тому назадъ, нельзя было предвидѣть, какъ будутъ держать себя большіе города; казалось даже, что Лондонъ стоитъ противъ министерства.

— Общественное мнѣніе, все равно, что волна. Во всякомъ случаѣ, вы въ своихъ интересахъ должны бы спѣшить закончить пренія,—съ улыбкой сказалъ Нэзби.—Провинція противъ васъ.

— Фонтеной не упускаетъ ее изъ виду. Онъ до сихъ поръ давалъ соціалистамъ говорить разныя нелѣпости, чтобы запутать солидныхъ старичковъ противной стороны или возбудить энергію нашихъ. Вчера я замѣтилъ, что онъ мѣняетъ тактику.

— Между нами сказать, развѣ самъ онъ не наговорилъ массу нелѣпостей?

Нэзби посмотрѣлъ на своего собесѣдника вопросительно и съ усмѣшкой. Джоржъ молча пожалъ плечами. Въ послѣдніе дни всѣ замѣтили, что борьба начала утомлять Фонтеноя, что его рѣчи становятся какими-то истеричными, его обращеніе деспотическимъ. Самые преданные сторонники его теперь, часто разговаривая между собой, роптали на его поведеніе въ палатѣ. Онъ раза два имѣлъ непріятныя столкновенія со спикеромъ и позволилъ себѣ нѣкоторыя безтактности, указывавшія на отсутствіе самообладанія.

— Значитъ, Максвель ѣздилъ на сѣверъ не одинъ?—спросилъ Джоржъ, заминая разговоръ о Фонтеноѣ.

— Нѣтъ, съ нимъ была, конечно, лэди Максвель, потомъ я, Беннетъ и Маделена Пенлей. Какъ пріятно было смотрѣть на лэди Максвель! Послѣднее время въ Лондонѣ она была въ очень угнетенномъ состояніи. Но митинги рабочихъ союзовъ въ Ланкашейрѣ и Іоркшейрѣ были такіе удачные, что могли всякаго ободрить.

Джоржъ покачалъ головой.

— Они явились слишкомъ поздно. Имъ не спасти билль.

— Пожалуй, что такъ. Но знаете, мнѣ ее ужасно жаль. Она совсѣмъ извелась изъ-за этого билля. Глядя на нее, невольно ду-

мается, что женщинамъ не слѣдуетъ заниматься политикой. Максвель гораздо спокойнѣе приметъ пораженіе, хотя, конечно, его внѣшняя холодность обманчива. Но она, я не удивлюсь, если она серьезно заболѣетъ.

Джоржъ ничего не отвѣчалъ. Нэзби поговорилъ еще нѣсколько времени о Максвеляхъ, разсказывая разныя подробности поѣздки на сѣверъ; затѣмъ на углу Королевской улицы остановился.

— Ну, мнѣ надобно зайти въ клубъ. Кстати, не слышали ли вы, что подѣлываетъ Анкотъ?—Джоржъ сдѣлалъ гримасу.

— Я встрѣтилъ его вчера на улицѣ; онъ ѣхалъ съ какой-то дамой, вѣроятно, съ той.

Нэзби, такъ же какъ и Фонтеной, разсчитывалъ, что Тресседи въ качествѣ новаго друга можетъ имѣть вліяніе на молодого человѣка, который не слушаетъ ни матери, ни старыхъ друзей. Тресседи съ нѣкоторой досадой объявилъ, что считаетъ всѣ подобные разсчеты нелѣпостью.

— Тѣмъ не менѣе, эта исторія его погубитъ, — отвѣчалъ Нэзби,—а мать его не переживетъ этого. Мнѣ очень жаль ее. Онъ, кажется, очень уважаетъ васъ, вамъ бы слѣдовало попытаться навести его на путь истинный.

Джоржъ снова отрицательно покачалъ головой, и они разстались.

Теперь, идя домой къ обѣду, онъ съ досадой прогонялъ отъ себя мысль о немъ; собственное нравственное состояніе занимало его гораздо больше. Видъ и составъ политической сцены измѣнялись на его глазахъ какимъ-то волшебнымъ, таинственнымъ способомъ—и для него всѣ эти измѣненія сосредоточивались вокругъ одного лица, одной фигуры.

Вѣрилъ ли онъ, что билль можетъ пройти? Онъ и самъ не зналъ. На самомъ дѣлѣ имъ руководилъ вовсе не разумъ. Онъ просто чувствовалъ какое то страстное, мальчишеское желаніе освободиться отъ непріятной обязанности бороться противъ Марчеллы Максвель и наносить ей пораженіе. Длинный рядъ политическихъ преній ослабилъ тотъ легковѣсный шовинизмъ, который заставилъ его примкнуть къ партіи Фонтеноя. По дорогѣ домой онъ съ полнымъ безпристрастіемъ обсуждалъ политическое положеніе.

Онъ уже замѣтилъ въ рядахъ оппозиціи тотъ упадокъ энергіи, который онъ раньше предсказывалъ Фонтеною. Рѣшительное слово принадлежало, какъ ему казалось, партіи старыхъ либераловъ, которые въ настоящее время обвиняли консервативное министерство за то, что оно дѣлаетъ новыя вредныя уступки соціалистамъ. Эти люди зорко слѣдили за общественнымъ мнѣніемъ

страны; они все время утверждали, что страна еще не высказалась. Въ послѣднее время Джоржъ замѣтилъ колебаніе среди нихъ. А теперь эта поѣздка Максвеля, восторженный пріемъ, оказанный ему промышленными округами Сѣвера, не останутся безъ вліянія на нихъ.

Онъ шелъ, мысленно перебирая всѣ обстоятельства дѣла. Улицы были пусты, какъ сцена, съ которой ушли актеры. Стояла половина августа и лондонское «общество» оставило городъ. Джоржу было пріятно думать, что не придется обѣдать наединѣ съ Летти. Къ нему собиралось придти нѣсколько парламентскихъ членовъ, прикованныхъ, подобно ему, къ этому Вестъ-Энду, который покрылъ чехлами свою мебель и закрылъ свои ставни.

Сколько приглашеній сыпалось на нихъ въ послѣднія недѣли сезона, сколько приглашеній на осень въ разныя помѣстья получили они! Джоржъ часто удивлялся тому, какъ расширился кругъ ихъ знакомствъ за послѣднее время. Очевидно, Летти имѣла большой успѣхъ, — думалось ему, но все-таки ему странно было видѣть вниманіе со стороны разныхъ важныхъ лицъ, которыя совсѣмъ не знали ихъ въ первое время послѣ свадьбы. Это вниманіе относилось больше къ Летти, чѣмъ къ нему, такъ какъ онъ отдавалъ много времени парламенту и она, по большей части, выѣзжала одна, что, повидимому, очень нравилось ей.

— Пойдемъ со мной на террасу, — говорила Марчелла Бетти Ливенъ.—Я не могу ждать здѣсь. Альдусъ, пожалуйста, проведи насъ.

Она стояла вмѣстѣ съ Бетти въ корридорѣ палаты общинъ. Началось голосованіе и публика была удалена съ галлерей. Члены спѣшили въ залу изъ библіотеки, съ террасы, изъ курительныхъ комнатъ. Вокругъ шумѣла толпа, одна половина которой предвкушала побѣду, другая боялась пораженія.

Максвель провелъ дамъ на террасу, а самъ вернулся въ палату. Марчелла сѣла около перилъ и разсѣянно глядѣла на рѣку и на покрытое тучами небо. Нѣсколько группъ и отдѣльныхъ фигуръ сидѣли и ходили по террасѣ въ такомъ же ожиданіи, какъ онѣ.

— Вы будете очень огорчены въ случаѣ неудачи?—тихо спросила Бетти, пожимая руку пріятельницы.

— Очень,—отвѣчала Марчелла.—Это будетъ особенно тяжело послѣ нашей поѣздки на сѣверъ. Тогда, значитъ, мы опоздали.

Онѣ замолчали.

— Франкъ не отступитъ, — проговорила Бетти не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

Марчелла улыбнулась. Она знала, что маленькая Бетти очень безпокоилась о настроеніи своего Франка въ послѣднее время и даже серьезно боялась, чтобы онъ не измѣнилъ Максвелю и биллю. Марчелла не думала этого. Франкъ Ливенъ не былъ способенъ устроить скандалъ и измѣнить предводителю своей партіи. Но честолюбіе Бетти заставило его вести жизнь, къ которой онъ не былъ склоненъ, оторвало его отъ полей и луговъ, отъ деревни, отъ обязанностей и удовольствій сельскаго джентльмена. Городская жизнь, горячая парламентская дѣятельность, борьба честолюбій,—все это было не по немъ, здѣсь онъ терялъ и время, и способности. Марчелла намѣревалась въ свое время объяснить все это пріятельницѣ, теперь же она могла только молча прислушиваться ко всякому звуку.

— Они идутъ!—вскричала Бетти.

Всѣ повернули головы къ открытымъ дверямъ комнатъ. Шумъ шаговъ и голосовъ приближался, многіе изъ бывшихъ на террасѣ поспѣшили на встрѣчу входившимъ.

— Едва прошло! Господи, какая кутерьма!—произнесъ чей-то голосъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, и въ ту же минуту Максвель дотронулся до плеча жены.

— Большинство десяти! До послѣдней минуты никто не зналъ чѣмъ кончится.

Она подняла къ нему голову.

— Это, конечно, значитъ, что мы не удержимся?

Онъ нагнулся къ ней.

— Я то же думаю. Дорогая моя, не принимай этого такъ близко къ сердцу.

Въ темнотѣ онъ почувствовалъ, что ея губы коснулись его руки. Затѣмъ она встала, блѣдная и улыбающаяся на встрѣчу многочисленнымъ друзьямъ, которые подходили поздороваться съ ней и принести ей свои нерадостныя поздравленія.

Вскорѣ терраса наполнилась толпой, которая обсуждала разные инциденты голосованія. Лампы, слегка задуваемыя вѣтромъ, бросали невѣрный свѣтъ на лица и фигуры, и Марчелла съ трудомъ разбирала, съ кѣмъ говоритъ, что говоритъ, пока та или другая личность не привлекали ея особеннаго вниманія. Вотъ къ ней подошелъ Доусонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своимъ землисто-сѣрымъ, бритымъ лицомъ, тяжелыми вѣками и холоднымъ нерѣшительнымъ взглядомъ человѣка, который не знаетъ, какъ его примутъ. Онъ долго былъ союзникомъ Максвеля. Марчелла считала

его вѣрнымъ другомъ. Но при проведеніи билля онъ не разъ обнаруживалъ стремленіе обезопасить себѣ отступленіе, нежеланіе рисковать собственнымъ положеніемъ ради сомнительнаго исхода. Она заговорила съ нимъ сдержаннымъ тономъ, тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ бывшіе друзья, когда предвидятъ, что имъ придется въ скоромъ времени стать противниками.

Потомъ прошелъ Фонтеной; онъ шелъ съ какимъ-то молоденькимъ аристократомъ, который не могъ удержаться отъ полуулыбки, проходя мимо Максвелей. Фонтеной церемонно поклонился, и, прежде чѣмъ онъ исчезъ въ толпѣ, Марчеллу поразило выраженіе страстной энергіи въ его лицѣ. Проходя мимо нея, онъ опустилъ глаза. Изъ любезности къ *женщинѣ*, онъ постарался не дать ей прочесть торжества въ своемъ взглядѣ.

Послѣ него около нея появилось другое лицо, худощавое, съ тонкими чертами, и къ ней протянулась рука. Она сама удивилась тому удовольствію, какое вдругъ ощутила.

— Скажите мнѣ,—быстро спросила она,—скажите, это больше, чѣмъ вы ожидали?

Они повернулись къ рѣкѣ. Джоржъ облокотился на балюстраду рядомъ съ ней.

— Да, я думалъ, что будетъ около двадцати голосовъ.

— Навѣрно лордъ Фонтеной считаетъ теперь свое дѣло выигранымъ?

— Да, пожалуй, хотя конецъ еще неизвѣстенъ.

— Но что же можетъ измѣнить дѣло? Всего печальнѣе для насъ то, что если бы страна раньше высказала свое мнѣніе, все было бы иначе. А теперь палата...

— Отбилась отъ рукъ? Это возможно; но я нахожу, что на многихъ произвели впечатлѣніе рѣчи лорда Максвеля на сѣверѣ и пріемъ, оказанный ему тамъ. Сегодняшній результатъ былъ неизбѣженъ; но, если я не ошибаюсь, мы скоро увидимъ много новыхъ комбинацій.

Выразительное лицо ея оживилось. Она стала предлагать ему вопросы. Онъ сначала колебался. То, что онъ дѣлалъ, было уже измѣной, но колебаніе его было непродолжительно. Они стали обсуждать шансы побѣды и настроеніе разныхъ лицъ, и, когда Максвель освободился, наконецъ, отъ своихъ собственныхъ собесѣдниковъ и напомнилъ женѣ, что пора идти домой, она повернула къ нему такое оживленное лицо, что онъ былъ удивленъ. Онъ дружески поклонился Тресседи, затѣмъ, какъ будто вспомнивъ что-то, отвелъ молодого человѣка въ сторону.

— Навѣрно объ Анкотѣ,—подумалъ Тресседи.

И дѣйствительно, Максвель заговорилъ объ Анкотѣ и безъ всякихъ предисловій спросилъ, какъ думаетъ Тресседи, опять-ли онъ продолжаетъ прежнюю исторію?

Джоржъ отвѣчалъ утвердительно.

— Если бы вы могли что-нибудь сдѣлать для насъ...

— Право, я ничего не могу. Вы сами знаете, что Анкотъ не станетъ сидѣть смирно и позволять читать себѣ нотаціи.

Ихъ разговоръ продолжался минуты двѣ; но когда Максвели ушли, Джоржъ оставался подъ впечатлѣніемъ силы и великодушія этого человѣка. Слушая съ какимъ чувствомъ и интересомъ, онъ разсуждаетъ о совершенно постороннемъ для него дѣлѣ, никто не догадался бы, что онъ только-что вышелъ изъ горячаго политическаго боя, отъ котораго зависѣла его собственная судьба. Тресседи привыкъ останавливаться мыслью на болѣе тяжелыхъ сторонахъ характера Максвеля. Въ этотъ вечеръ онъ не безъ гнѣва долженъ былъ сознаться самому себѣ, что она вполнѣ естественно можетъ любить его.

Она! Воспоминаніе о томъ, какъ она вся просіяла, когда онъ изложилъ ей свои предположенія насчетъ будущаго; милая довѣрчивость, какую она ему выказывала; дружескій тонъ, который установился между ними; деликатное умолчаніе о всемъ, что касается его личнаго положенія и безмолвное признаніе этого положенія,—все это наполняло его самыми сладкими ощущеніями. Во всѣхъ отношеніяхъ, въ политическомъ, общественномъ и нравственномъ, умственный горизонтъ его прояснился и расширился. Циничный, равнодушный темпераментъ отличавшій его въ юности, исчезалъ, онъ становился болѣе отзывчивымъ, болѣе понимающимъ, болѣе нѣжнымъ. Но за то какая горечь, какая тревога наполняли душу его въ промежуткахъ между этими короткими просвѣтами счастья.

Черезъ недѣлю должно было происходить голосованіе послѣдней статьи билля. Вся эта недѣля была, какъ и предчувствовалъ Тресседи, наполнена новыми перестановками и комбинаціями партій. Въ Стеннеѣ былъ выбранъ депутатъ изъ министерской партіи и въ другихъ отношеніяхъ результаты сѣверныхъ рѣчей уже сказывались. Ходили слухи, что образуются синдикаты, чтобы смутить множество еврейскихъ и христіянскихъ мастерскихъ въ Эстъ-Эндѣ, что на новыхъ фабрикахъ будетъ увеличена заработная плата и уменьшены рабочіе часы; эти слухи склоняли на сторону министерства рабочихъ, которые первоначально были враждебны ему.

Тѣмъ не менѣе, настроеніе палаты не измѣнялось, не смотря на перемѣну въ общественномъ мнѣніи. Соціалистическіе члены

парламента воспользовались предложеніемъ сдѣлать домовладѣльцевъ отвѣтственными за нарушеніе закона, для общихъ горячихъ нападокъ на всѣхъ домовладѣльцевъ Лондона. Ихъ колкія выходки поддерживали тотъ страхъ, благодаря которому министерство уже потеряло нѣсколько человѣкъ. Но старые либералы, или, лучше сказать, новые виги не успокаивались. Они чутко прислушивались къ настроенію страны и не питали особаго расположенія къ домовладѣльцамъ, какъ таковымъ. Если бы нашелся человѣкъ, который сдѣлалъ бы первый шагъ, они, вѣроятно, скоро разстроили бы комбинацію Фонтеноя. Фонтеной чувствовалъ это и бродилъ среди нихъ точно сатана, убѣждая ихъ докончить свое дѣло, нанести послѣдній ударъ.

Въ пятницу должно было, по мнѣнію Джоржа, произойти послѣднее голосованіе, а въ среду онъ пришелъ къ себѣ домой около шести часовъ вечера, довольный тѣмъ, что ему можно провести спокойный вечеръ, послѣ цѣлаго дня разговоровъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ залѣ и корридорахъ палаты.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ увидѣлъ на полу какое-то письмо. Онъ поднялъ его и началъ читать, сначала не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ.

«Дорогая лэди. Приглашеніе въ Чатсвортъ невозможно добыть. Я очень искусно закидывалъ удочку, но нѣтъ, должно быть, мое вліяніе безсильно. За то у меня есть много другихъ проектовъ. Насколько это зависитъ отъ меня, вы проведете осень очень весело. Между прочимъ, я могу доставить вамъ нѣсколько приглашеній въ Шотландію, и мнѣ будетъ очень пріятно познакомить васъ съ тамошнею мѣстностью. Кстати, надѣюсь, что вашъ мужъ порядочно стрѣляетъ. Тамошнее общество очень взыскательно. Вы хорошо сдѣлаете, если станете совѣтоваться со мной относительно своихъ туалетовъ, я по этой части спеціалистъ! Я пріѣду къ вамъ завтра, отправивъ семью въ деревню. Не понимаю, для чего это Богъ создалъ семьи!—Преданный вамъ Казединъ».

— Джоржъ, это ты?—раздался полусердитый, полуиспуганный голосъ Летти подлѣ него.—И... и... это мое письмо. Пожалуйста, отдай мнѣ его сейчасъ же.

Онъ при ней дочиталъ письмо и затѣмъ передалъ его ей съ церемонною вѣжливостью. Они вошли вмѣстѣ въ гостиную, и Джоржъ заперъ за собою дверь. Онъ былъ очень блѣденъ, Летти слегка дрожала.

— Оказывается, что Казединъ вводилъ насъ въ общество,—сказалъ онъ,—и давалъ тебѣ совѣты по части туалетовъ. Какъ ты думаешь, было ли это... необходимо?

— Онъ не дѣлалъ ничего особеннаго,—сердито отвѣчала она,— ы никогда не стараешься доставить мнѣ удовольствіе; когда я очу повеселиться, мнѣ приходится обращаться къ помощи дру- ихъ, вотъ и все.

— А тебѣ никогда не приходило въ голову, что ты такимъ бразомъ принимаешь одолженіе отъ человѣка, который мнѣ равится, противъ котораго я тебя предостерегалъ и который всюду пользуется дурной репутаціей? Ты думаешь, мнѣ можетъ быть пріятно, я могу вынести, чтобы меня приглашали изъ милости, ради тебя, и то если я «порядочно стрѣляю».

Онъ говорилъ гнѣвнымъ тономъ и смотрѣлъ на нее съ вызывающимъ видомъ.

— Все это пустяки!—быстро заговорила она.—Онъ не былъ бы невѣжливъ относительно тебя, если бы ты самъ не обращался съ нимъ невѣжливо.

— Невѣжливо съ нимъ?—Онъ усмѣхнулся. — Но мнѣ надобно все знать. Билеты въ Кларансъ-гоусъ и приглашенія въ Гудвудъ досталъ намъ Казединъ?

Летти ничего не отвѣчала. Она глядѣла на него сердитыми глазами и играла лентами своего голубого платья.

Джоржъ покраснѣлъ. Его гордость была оскорблена.

— Во всякомъ случаѣ, прошу тебя написать и сказать лорду Казедину, что мы не желаемъ больше безпокоить его. Я не поѣду осенью ни въ одинъ изъ этихъ домовъ, пока не буду увѣренъ, что приглашеніе прислано безъ его вмѣшательства.

— Я уже приняла приглашенія, — отвѣчала Летти, тяжело дыша.

— Я въ этомъ не виноватъ. Ты должна была сказать мнѣ. Я не стану дѣлать то, что оскорбляетъ мое самоуваженіе.

— Конечно, ты лучше будешь заводить любовныя интриги съ лэди Максвель.

Онъ нѣсколько секундъ молча глядѣлъ на ея побѣднѣвшія щеки и гнѣвные глаза. Затѣмъ онъ сказалъ, перемѣнивъ тонъ:

— Летти, неужели тебѣ никогда не приходитъ въ голову, что послѣ нашей свадьбы прошло всего 5 мѣсяцевъ? Неужели наши отношенія навсегда останутся такими? Мнѣ кажется, мы могли бы исправить ихъ.

— Это тебѣ такъ кажется! Что касается приглашеній, я ихъ приняла, и я поѣду.

— Не думаю, чтобы ты это сдѣлала. Ты сама увидишь, что это неприлично. Во всякомъ случаѣ, надобно написать Казедину.

— Я не стану писать ему!—вскричала она.

— Въ такомъ случаѣ, я самъ напишу.

Она встала, дрожа отъ гнѣва и держась за ручку кресла.

— Если ты это сдѣлаешь, я найду, чѣмъ отмстить тебѣ. О, какая я несчастная, зачѣмъ я за тебя вышла!

Глаза ихъ встрѣтились; затѣмъ онъ сказалъ:

— Я думаю, мнѣ лучше идти обѣдать въ клубъ. Мы не можемъ быть вмѣстѣ.

— Поди, ради Бога, уходи!—отвѣчала она съ презрительнымъ жестомъ.

Выйдя за дверь, онъ съ минуту постоялъ, опустивъ голову, ломая руки. Вдругъ выраженіе страстнаго желанія пробѣжало по его молодому лицу.

— Сегодня ея вечеръ, — сказалъ онъ самому себѣ. — Летти выгоняетъ меня, я пойду къ ней.

Между тѣмъ, Летти стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ, пока не услышала шумъ запирающейся входной двери. Этотъ знакомый звукъ проникъ ей въ самое сердце. Она начала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и плакать отъ злости.

Время шло; вечеръ приходилъ къ концу, а въ этомъ, всѣми покинутомъ, Лондонѣ никто не шелъ къ ней. Она пообѣдала одна и затѣмъ провела нѣсколько безконечныхъ часовъ, прохаживаясь по гостиной и раздумывая. Почему она несчастна, это необъяснимо, нестерпимо! Что мучитъ ее такъ сильно? Ненависть къ Марчеллѣ Максвель или сожалѣніе о томъ, что она потеряла мужа? Но когда она выходила замужъ, она вовсе не воображала, что любитъ его. Тогда она въ десять разъ меньше думала о немъ, чѣмъ въ эти послѣднія шесть недѣль. Все время, пока она кокетничала съ Казединомъ и ставила себя въ зависимость отъ него, требуя себѣ разныхъ услугъ, все время, — теперь она съ удивленіемъ сознала это, — она думала постоянно о Джоржѣ, она надѣялась произвести на него впечатлѣніе своими успѣхами въ свѣтѣ, заставить его восхищаться ею, думать о ней.

Казединъ? Находила ли она его дѣйствительно привлекательнымъ? Нѣтъ, заигрывая съ нимъ, заставляя его исполнять свои порученія, она скорѣе, можно сказать, боялась его; она знала, что онъ былъ грубъ и требователенъ. Когда она сравнивала его съ Джоржемъ, — даже съ Джоржемъ, какимъ онъ былъ во время ихъ послѣдней отвратительной сцены,—она чувствовала, какъ къ глазамъ ея подступаютъ слезы досады и отчаянія.

Но отказаться отъ него по одному слову Джоржа, покориться въ вопросѣ о приглашеніяхъ, позволить Джоржу командовать надъ собою въ то время, какъ все его вниманіе, всѣ лучшія чув-

ства души его принадлежатъ лэди Максвель, — она задыхалась при одной мысли объ этомъ! Никогда! Никогда! Она придумаетъ, она уже придумала превосходный способъ отмстить.

Джоржъ вернулся домой поздно ночью. Она заперла свою дверь, и онъ легъ спать въ уборной. Когда все въ домѣ затихло, она спрятала лицо въ подушку и плакала до тѣхъ поръ, пока сама стала удивляться своему горю и сердиться на себя.

Когда Тресседи вошелъ въ домъ на Миль-Эндъ-Родѣ, онъ нашелъ красивую большую комнату, гдѣ происходили собранія Марчеллы, наполненною гостями. Эстъ-Эндъ не уѣзжалъ изъ Лондона.

Первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ, былъ старикъ, говорившій на митингѣ; онъ сидѣлъ на кончикѣ большого кресла, и осматривалъ комнату несмѣлымъ, наблюдательнымъ взглядомъ. Около него стояла группа молодыхъ польскихъ еврейчиковъ, разговаривавшихъ съ Марчеллой черезъ переводчика; дальше Эдвардъ Уаттонъ и серьезная, смуглая женщина, говорившая на митингѣ, занимались съ кружкомъ дѣвушекъ, работницъ съ канатной фабрики. Дѣвочка съ печальнымъ личикомъ, одна изъ выздоравливающихъ, которыя помѣщались во второмъ этажѣ, лежала на софѣ около окна, а Маделена Пенлей забавляла ее игрушками и картинками. Кромѣ того, въ комнатѣ было нѣсколько членовъ парламента и нѣсколько мужчинъ и женщинъ, представителей разныхъ мѣстныхъ корпорацій и обществъ. Незамѣтно было, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тутъ лицъ пришелъ изъ великодушія или по обязанности. Комната была самая обыкновенная гостиная съ цвѣтами, картинами и книгами, отличавшаяся отъ другихъ гостиныхъ только тѣмъ, что въ ней было больше простора, она не была слишкомъ заставлена разными вещами; двѣ маленькія дѣвочки изъ рабочаго дома, въ своихъ бѣлыхъ чепчикахъ и передникахъ, разносили подносы съ кофе и печеньемъ; изъ открытаго окна видѣнъ былъ маленькій садикъ, загороженный школьнымъ зданіемъ и какими-то кладовыми, но, тѣмъ не менѣе, очень хорошенькій со своимъ фонтаномъ и съ цвѣтами, которые безпрестанно подновлялись изъ Максвель-Корта.

Джоржу пришлось заговорить съ какими-то двумя молодыми учителями; но ему было очень трудно заставить себя вести разговоръ съ мало знакомыми людьми. Мысль о его несчастной семейной жизни не давала ему покоя. Когда ему можно будетъ подойти къ ней? Онъ жаждалъ услышать звукъ ея голоса, увидѣть ласку въ ея глазахъ.

Она встрѣтила его необыкновенно тепло, по глазамъ ея было видно, что ей такъ же хочется говорить съ нимъ, какъ и ему съ ней. Наконецъ, настала его очередь. Она повела нѣсколькихъ го-

стей въ садъ. Джоржъ послѣдовалъ за нею, и они вскорѣ очутились другъ подлѣ друга.

— Ну, что вы скажете о дѣлахъ сегодня? Вы попрежнему расположены пророчествовать?—спросила она его, улыбаясь. Она была очень блѣдна и, повидимому, ожиданіе становилось для нея невыносимымъ.

— Я, пожалуй, могъ бы пророчествовать, если бы могъ найти того человѣка, который вамъ нуженъ. Но онъ какъ-то ни откуда не появляется, и...

— И завтра все кончится!

— Министерство твердо рѣшило не оставаться въ случаѣ пораженія, не допускать никакихъ поправокъ?

Она утвердительно кивнула головой. Они стояли на концѣ сада, противъ ярко освѣщенныхъ оконъ школы, гдѣ шли вечернія занятія. Она вздохнула.

— Мы лично очень рады, что все кончается. Мы не могли бы дольше переносить такое положеніе. Когда кризисъ минуетъ, мы надолго уѣдемъ отсюда.

Подъ словомъ «кризисъ» она подразумѣвала отставку министерства. Значитъ, черезъ нѣсколько дней она будетъ далеко отъ него. Когда Максвель выйдетъ въ отставку, онъ, конечно, большую часть времени станетъ проводить въ Брукшайрѣ вдали отъ политики. Тресседи вдругъ ясно почувствовалъ, что съ нимъ будетъ, когда, выходя утромъ изъ дому, онъ не будетъ имѣть надежды встрѣтить ее.

— Я хотя сильно волновалась,—сказала она послѣ минутнаго молчанія,—но все-таки никакъ не думала, что Фонтеной побѣдитъ. Онъ замѣчательно хорошо велъ свою игру!

Джоржъ ничего не отвѣтилъ на ея слова. Собственныя мысли тѣснились въ мозгу его.

— Интересно знать, что бы вы сказали,—произнесъ онъ наконецъ,—если бы я попробовалъ съиграть роль?

— Какую роль?

— Да мнѣ кажется, что я могъ бы сказать нѣчто по этому вопросу. Разсмотрѣть его просто съ точки зрѣнія здраваго смысла. Я отношусь къ этой статьѣ не такъ, какъ къ другимъ. Я знаю многихъ, которые раздѣляютъ мое мнѣніе.

Она съ изумленіемъ глядѣла на него.

— Я васъ не понимаю.

— Отчего же не посмотрѣть на дѣло съ другой точки зрѣнія? Мы постоянно разсчитывали на то, что страна относится враждебно къ биллю. Но страна, повидимому, примирилась съ нимъ.

Нѣкоторые изъ насъ находятъ, что лучше, если билль пройдетъ и министерство возьметъ на себя всю отвѣтственность за него.

— Но, Боже мой, палата, конечно, не обратитъ вниманія на мои слова!

Онъ поднялъ камень и нервнымъ движеніемъ перекинулъ его черезъ заборъ. Она молчала съ минуту и затѣмъ сказала:

— Это можетъ имѣть слишкомъ серьезное послѣдствіе для васъ.

Онъ поглядѣлъ на нее, и ихъ глаза встрѣтились. Въ ея взглядѣ была нѣжность и тревога, въ его—нерѣшительность и сосредоточенность. Онъ замѣтилъ, что хотя она была тронута, но серьезно не вѣрила въ его силу и вліяніе: она больше думала о послѣдствіяхъ для него самого, чѣмъ для министерства. Гордость его была оскорблена и онъ тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Они стали говорить о разныхъ личностяхъ и объ общемъ положеніи дѣлъ.

Въ теченіе разговора ходъ мыслей Марчеллы неожиданно принялъ совершенно противоположное направленіе. Удивительное заявленіе молодого человѣка не выходило у нея изъ головы. Она вспомнила, съ какимъ блескомъ онъ, несмотря на молодость и неопытность, вступилъ въ парламентъ, какъ хорошо держалъ онъ себя во время выборной кампаніи. Въ теченіе настоящей парламентской борьбы вся его энергія была какъ бы подавлена. О немъ перестали говорить. А что, если онъ способенъ вдругъ выступить передовымъ борцемъ, предводителемъ? Стоя рядомъ съ нимъ, она оглядывала его нѣсколько разъ съ ногъ до головы. Онъ предупреждалъ ее въ Кэстль-Лютонѣ и послѣ того старался не поддаваться ея вліянію. Она привыкла не думать о немъ, когда обсуждала положеніе парламентскихъ партій, и вдругъ... грудь ея волновалась.

А между тѣмъ она колебалась. Ее пугало чувство отвѣтственности. Человѣкъ многое теряетъ, выходя изъ своей колеи, изъ своего естественнаго положенія. На такой выходъ смотрятъ съ недовѣріемъ, онъ легко можетъ повредить всей его карьерѣ.

Вслѣдствіе чего явилось у него такое настроеніе? Она объясняла себѣ это такъ просто, что наблюдатель-сатирикъ могъ бы заподозрѣть ея искренность. Между ними возникла самая настоящая дружба; его воззрѣнія измѣнились; она оказала на него вліяніе и это было вполнѣ естественно, такъ какъ она старше его и притомъ она проводила идеи Максвеля, и доказывала ихъ аргументами, заимствованными Максвелемъ. Если случается иногда, что женщина не знаетъ и не хочетъ знать, что ее любятъ, то для Марчеллы это было вполнѣ естественно: сердце, преданное одному

чувству, съ досадой отвращается отъ всякаго намека на другую любовь.

Но свое вліяніе на него она признавала. И вотъ пока она колебалась, предъ ней возникъ образъ другого стойкаго человѣка, утомленнаго непосильной работой и спокойно готовившагося перенести крушеніе всѣхъ своихъ плановъ, и этотъ образъ вызвалъ слезы на ея глаза. Она обратилась къ своему собесѣднику; искушеніе было слишкомъ сильно, и она не устояла.

Всего только десять лишнихъ минутъ провела она съ Тресседи въ сравнительно тихомъ садикѣ; но эти десять минутъ впослѣдствіи отравили Марчеллѣ много мѣсяцевъ жизни. Они перестали говорить о политикѣ. Онъ далъ ей понять, что былъ несчастенъ въ семейной жизни. Она предвидѣла это съ перваго раза, какъ увидѣла его жену; а въ послѣднее время ей приходилось слышать много дурного о молодой лэди Тресседи. Онъ не назвалъ имени Летти. Онъ говорилъ вообще, обвинялъ самого себя. Она слушала, стараясь утѣшить и развлечь его. Она говорила о необходимости терпѣнія, о томъ, что со временемъ все можетъ уладиться; объ его общественныхъ обязанностяхъ, о томъ, что частныя горести и непріятности могутъ быть смягчены и побѣждены работой на пользу общую. И все это говорилось такъ ласково, такъ нѣжно. Она дала ему почувствовать, что принимала участіе въ немъ, что его жизнь, его страданія, его исторія не безразличны для нея. И затѣмъ, какъ бы по поводу этихъ личныхъ непріятностей, онъ произнесъ то возбуждающее, призывное слово, то слово, которое заставляетъ человѣка энергично браться за дѣло и отстаивать свою волю.

Она не намекала на современное политическое положеніе. Оба тщательно избѣгали этихъ намековъ. Но когда они вернулись въ комнаты, его оскорбленная гордость получила удовлетвореніе. Онъ зналъ, что она не считаетъ его ничтожествомъ. И позднѣе, возвращаясь домой, онъ всю дорогу вспоминалъ ея глаза, ея голосъ...

Рѣшеніе его было принято. Въ эту ночь, лежа безъ сна на своей одинокой постели, онъ не думалъ о непріятностяхъ своей супружеской жизни. Онъ успѣетъ подумать о нихъ черезъ два дня. Теперь же всѣ его мысли были направлены на одно: какимъ образомъ сомнѣніе и колебаніе превратить въ побѣду, и эту побѣду сложить къ ногамъ Марчеллы Максвель.

Между тѣмъ Марчелла, вернувшись въ Ст.-Джемсъ-Скверъ, прошла прямо къ Максвелю и, положивъ руки ему на плечи, не совсѣмъ твердымъ голосомъ проговорила:

— Серъ Джоржъ Тресседи былъ у меня на собраніи сегодня вечеромъ. Кажется, онъ собирается идти противъ лорда Фонте-

ноя. Не удивись, если онъ будетъ говорить завтра въ такомъ смыслѣ.

Эти слова непріятно взволновали Максвеля.

— Надѣюсь, онъ не сдѣлаетъ ничего подобнаго,—сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ,—это страшно повредитъ ему. Всѣ убѣжденія, какія онъ до сихъ поръ высказывалъ, показывали, что онъ сторонникъ той партіи. Всѣ примутъ это за пустой капризъ, за неумѣнье подчиняться дисциплинѣ.

Марчелла ничего не отвѣтила. Она отошла отъ него и шла тихо, заложивъ руки за спину; мягкія складки длиннаго платья, медленно двигались за ней; она глубоко задумалась и на этотъ разъ не спѣшила подѣлиться съ нимъ *своими* мыслями.

— Тресседи! Вотъ-то чудо!—говорилъ одинъ изъ членовъ партіи Фонтеноя своему сосѣду.—Что онъ будетъ говорить?

— Я зналъ, что онъ что-то затѣваетъ,—отвѣтилъ тотъ.—Сегодня, всякій разъ, что я встрѣчался съ Тресседи, онъ горячо разговаривалъ о чемъ-то съ однимъ изъ этихъ господъ.—Онъ указалъ головой на скамьи либераловъ.—Въ библіотекѣ онъ шептался съ Гриномъ, на террасѣ со Спидвелемъ. И посмотрите на ихъ скамьи, они всѣ собрались, точно пчелы въ ульѣ. Да, клянусь св. Георгомъ, это не спроста!

Онъ былъ сильно взволнованъ и всячески старался подсмотрѣть, какъ настроенъ Фонтеной. Но отъ Фонтеноя видна была только шляпа, надвинутая на глаза, квадратный подбородокъ и сложенныя на груди руки.

Дѣйствительно, въ теченіе дня палата имѣла странный видъ: опытный наблюдатель вывелъ бы заключеніе, что въ ней все возможно, въ особенности самое неожиданное. Члены разговаривали съ такими сотоварищами, съ которыми не имѣли ничего общаго; самые откровенные люди стали скрытными. Сдѣлалось извѣстно, что Фонтеной, считавшій свое дѣло выиграннымъ, вдругъ сталъ волноваться. Всѣ замѣтили, что онъ и молодой виконтъ, считавшійся коноводомъ партіи, необыкновенно зорко слѣдили за своими сторонниками во время обѣда.

Самъ Фонтеной говорилъ передъ обѣдомъ, осыпая насмѣшками статью, которая являлась, по его словамъ, достойнымъ заключеніемъ невозможнаго билля. На основаніи ея домовладѣльцы будутъ исполнителями, полицейскими стражами драгоцѣннаго закона. В ся кій человѣкъ, владѣющій домомъ въ рабочемъ кварталѣ, будетъ привлеченъ къ суду и подвергнутъ наказанію, если какой-нибудь портной станетъ работать въ своей комнатѣ, если какая-нибудь

бѣдная вдова возьметъ шитье, чтобы заработать кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ. Не говоря о несправедливости и нецѣлесообразности подобнаго закона, но какой разумный человѣкъ повѣритъ, что его можно привести въ исполненіе? А что, если домовладѣльцы откажутся играть навязываемую имъ роль? Quis custodiet? И неужели парламентъ захочетъ поставить себя въ смѣшное положеніе, утвердивъ законъ, который просто невозможно провести въ жизнь?

Эти слова были хорошо разсчитаны и произвели большой эффектъ. Каждый англичанинъ инстинктивно ненавидитъ реформы, которыя существуютъ только на бумагѣ.

Въ обѣденное время Тресседи встрѣтилъ Фонтеноя въ корридорѣ и сунулъ ему въ руку записочку. Фонтеной остановился и молча осмотрѣлъ молодого человѣка съ ногъ до головы.

— Если вы пожелаете говорить со мной, — произнесъ Тресседи,—вы найдете меня въ библіотекѣ.

Фонтеной ничего не отвѣтилъ. Онъ взялъ записку съ собой на террасу и прочелъ ее, стоя въ дальнемъ углу. Затѣмъ онъ отыскалъ молодого виконта и они вмѣстѣ стали въ корридорѣ, передъ залой засѣданій, причемъ Фонтеной мрачно слѣдилъ за всѣми входившими въ залу и выходившими изъ нея.

Было около десяти часовъ, когда Тресседи получилъ слово. Онъ всталъ среди многолюднаго собранія членовъ, которые сознавали, что послѣдующее голосованіе должно рѣшить судьбу министерства и, кромѣ того, смутно чувствовали, что присутствуютъ при одномъ изъ личныхъ инцидентовъ, придающихъ драматическій интересъ парламентской рутинѣ или становящихся историческими при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ.

Палата еще не составила себѣ о немъ мнѣнія, какъ объ ораторѣ. Онъ говорилъ въ первый разъ хорошо, потомъ хуже; кромѣ того, онъ такъ давно не принималъ участія въ преніяхъ, что палата забыла отличительныя черты его рѣчей.

Его голосъ и манера держать себя сразу понравились. Англійская палата всегда снисходительно смотритъ на ораторовъ молодыхъ, хорошо воспитанныхъ и хорошо одѣтыхъ. Мало-по-малу члены начали внимательно прислушиваться, вытягивать шею, прикладывать руки къ ушамъ.

Прежде чѣмъ рѣчь пришла къ концу многіе изъ присутствующихъ отмѣтили ее, какъ политическое событіе первостепенной важности. Ораторъ весьма откровенно изобразилъ свое собственное отношеніе къ биллю, сначала мало основательное предубѣжденіе затѣмъ полуотрицательная покорность волѣ большинства. Онъ обратилъ вниманіе на то, что послѣ періода холодности и сдержан-

ности, въ странѣ начало постоянно возростать движеніе въ пользу политики Максвеля; онъ указалъ на то, что, насколько можно судить по внѣшности, заинтересованныя производства готовы примѣниться къ условіямъ создаваемымъ новымъ закономъ; онъ напомнилъ, что палата при голосованіи трехъ главныхъ статей, не смотря на весьма трудныя обстоятельства дала большинство въ пользу билля; что въ теченіе продолжительныхъ преній страна безспорно заявила свои симпатіи министерству и что остающаяся статья представляетъ лишь вопросъ практическаго примѣненія. При такомъ положеніи дѣла, онъ, какъ, вѣроятно, и многіе другіе, измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе. Онъ находилъ, что обязательства передъ избирателями не могутъ болѣе связывать его, хотя онъ, конечно, готовъ подчиниться всѣмъ послѣдствіямъ своего образа дѣйствій.

Затѣмъ, переходя къ спеціальному разбору стоящей на очереди статьи, онъ сталъ опровергать рѣчь Фонтеноя такъ энергично, остроумно, съ такіемъ знаніемъ дѣла, что всѣ съ удивленіемъ слушали его. Онъ совершенно разбилъ искусную критику Фонтеноя, показалъ, какъ смотрятъ на эту статью люди практическіе, и съ какимъ довѣріемъ къ ихъ опытности и къ ихъ мнѣніямъ она составлена; въ концѣ концовъ онъ не безъ скрытой страстности намекнулъ на тѣ «темныя массы трудящихся», судьба которыхъ «ежедневно и ежегодно воздѣйствуетъ на идеи и убѣжденія людей, подобныхъ мнѣ», и рѣшительнымъ образомъ заявилъ свое намѣреніе подать голосъ за министерство; онъ сѣлъ среди бури одобреній и негодованія палаты.

Весь слѣдующій часъ въ залѣ господствовало волненіе. Со скамей либераловъ вставалъ одинъ ораторъ за другимъ, богатые фабриканты и промышленники, до сихъ поръ твердо стоявшіе въ рядахъ оппозиціи, а теперь заявлявшіе готовность подчиниться, сознававшіе, что борьба должна быть окончена, что общественное мнѣніе страны противъ нихъ и что слѣдуетъ утвердить билль. Что за польза свергнуть министерство, которое или возвратится на свой постъ, запасшись большими силами или будетъ замѣнено личностями, къ которымъ умѣренные люди не чувствовали симпатіи? Рѣчи этихъ жалкихъ представителей либеральной партіи дышали грустью; палата не могла удержаться, чтобы отъ времени до времени не посмѣяться надъ ними. Тѣмъ не менѣе, они ясно высказывали свое намѣреніе и коноводъ министерской партіи, стоявшій въ дверяхъ, съ удовольствіемъ зачеркивалъ одно имя за другимъ изъ списковъ оппозиціи.

Затѣмъ началась обычная борьба между требованіемъ голосованія и ораторами, которыхъ никто не хотѣлъ слушать. Наконецъ,

колоколъ прозвонилъ, публику удалили. Чтобы подать голосъ Трес седи пришлось идти въ направленіи, противоположномъ его партіи; Фонтеной нарочно остановился съ саркастической улыбкой на губахъ и пропустилъ его мимо себя.

— Мы скоро узнаемъ, чего вы намъ стоили,—прошепталъ онъ сдавленнымъ голосомъ на ухо Тресседи; затѣмъ, подойдя ближе къ срединѣ комнаты, онъ бросилъ многозначительный взглядъ на дамскую галлерею. Тресседи ничего не отвѣчалъ. Онъ держалъ свою красивую голову болѣе гордо, чѣмъ обыкновенно, проходя въ отдѣленіе, куда собирались вотировавшіе «да». Многіе любопытные глаза наблюдали, кто послѣдуетъ за нимъ со скамей оппозиціи; многіе парламентскіе Несторы слѣдили за молодымъ человѣкомъ съ интересомъ, возбуждаемымъ воспоминаніями старины, старыхъ парламентскихъ битвъ.

— Помните Чандоса,—говорилъ одинъ старикъ другому,—молодого Чандоса, который въ 46-мъ году пошелъ за Пилемъ противъ своей партіи? Я точно вижу его передъ собой; этотъ молодой человѣкъ очень напоминаетъ его.

— Но измѣна того не мѣняла дѣла,—отвѣчалъ его собесѣдникъ съ недовольной усмѣшкой; и они оба стали пробираться въ сторону «нѣтъ»!

Двадцать минутъ спустя, счетчики сидѣли за своимъ столомъ, насталъ моментъ, который долженъ былъ спасти или погубить министерство.

— Да: 306; нѣтъ—280. Большинство: да.

— Клянусь Богомъ, это его дѣло! Іуда! — вскричалъ одинъ молодой членъ, стоявшій рядомъ съ Фонтеноемъ и весь покраснѣвшій отъ возбужденія.

— Да, его дѣло, — сказалъ Фонтеной съ мрачнымъ спокойствіемъ, хотя рука его, державшая шляпу, дрожала.—Теперь можно спустить занавѣсъ.

— Гдѣ онъ?—кричали вокругъ него разсерженные члены, ища глазами человѣка, который въ одинъ вечеръ разрушилъ всѣ ихъ надежды.

Но Тресседи нигдѣ не было видно. Онъ вышелъ изъ палаты въ ту самую минуту, когда великая новость, распространяясь какъ волна по комнатамъ и корридорамъ, достигла группы лицъ, ожидавшихъ въ частной комнатѣ министра, и Марчелла Максвель узнала, что побѣда одержана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

П. Н. Милюкова.

*(Продолженіе *).*

II.

Церковь и искусство на Западѣ.—Ходъ развитія западнаго искусства.—Состояніе византійскаго искусства въ моментъ воспріятія его Западомъ и Россіей.—Дальнѣйшая судьба его на Руси.—Архитектура.—Измѣненіе византійскаго типа каменныхъ построекъ.—Развитіе русской луковицы и ея деревянныя параллели: бочка и кубъ.—Примѣненіе деревянныхъ формъ въ національной архитектурѣ XVI вѣка: конструктивное значеніе «бочки».—Шатровый верхъ.—Отношеніе церкви къ національному стилю и его упадокъ.—Періодъ заимствованій: вкусы заказчиковъ и стремленія художниковъ.—Возрожденіе національнаго стиля.—Русскій орнаментъ.—Отсутствіе скульптуры.—Живопись.—Охраненіе византійскихъ типовъ иконографіи и ремесленные пріемы ихъ воспроизведенія.—Значеніе русскихъ «школъ» иконописи.—Первые признаки западнаго вліянія на иконографію.—Мѣры, принятыя Стоглавомъ, и составленіе «Подлинника».—Развитіе самостоятельности художника въ составленіи сложныхъ иконъ.—Измѣненіе самыхъ пріемовъ иконописанія и борьба противъ «живописнаго» письма.—Появленіе Свѣтской живописи при московскомъ дворѣ.—Побѣда новаго направленія къ концу XVII в. и настроеніе художниковъ-иконописцевъ.—Признаки возрожденія религіозной живописи.—Причины остановки этого движенія.—Періодъ подражанія.—Сходство и различіе въ положеніи литературы и живописи XVIII в.—Первое появленіе публики, заинтересованной искусствомъ, и первый шагъ живописи отъ классицизма къ жизненности (Брюлловъ).—Реалистическія стремленія Иванова.—Переходъ русскаго жанра отъ сентиментализма къ реальности и соціальнымъ темамъ (Венеціановъ и Ѳедотовъ).—Шестидесятые годы въ искусствѣ и рѣшительная побѣда жанра.—Обличительная и реалистическая живопись (Перовъ и Рѣпинъ).—Параллели изъ исторіи русской музыки.—Выводъ.

Кому случалось заглянуть въ одинъ изъ грандіозныхъ готическихъ соборовъ католической Европы во время торжественнаго богослуженія, тотъ могъ наглядно представить себѣ, какими чарами искусства западная церковь постаралась обставить удовлетвореніе религіозной потребности вѣрующихъ. Ряды массивныхъ

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

столбовъ, какъ будто связанныхъ пучками изъ тонкихъ стройныхъ колонокъ, смѣло несутъ въ высь свои стройныя линіи и у самаго свода вдругъ разбѣгаются во всѣ стороны, на встрѣчу такимъ же колонкамъ сосѣднихъ столбовъ, переплетаясь съ ними, словно вѣтви какихъ-то гигантскихъ пальмъ. Необъятное пространство воздуха погружено въ таинственный полусвѣтъ, среди котораго тѣмъ отчетливѣе выдѣляются разноцвѣтные рисунки исполинскихъ оконъ. Густые аккорыд органа неизвѣстно откуда наполняютъ все это пространство глубокими, торжественными звуками; потомъ вдругъ болѣе рѣзкая, болѣе опредѣленная мелодія струннаго оркестра прорѣжетъ неожиданно эти дрожащія въ воздухѣ волны звуковъ, и, наконецъ, среди наступившаго затишья, раздается звучный голосъ солиста. Вы пришли взглянуть на знаменитые памятники искусства, но, смотря на распростертыя по скамьямъ фигуры молящихся, прислушиваясь къ отдаленнымъ возгласамъ священника, сопровождаемымъ частыми ударами звонка, вы на нѣкоторое время забываете, что возлѣ васъ по стѣнамъ тѣснится цѣлый лѣсъ замѣчательныхъ скульптурныхъ надгробій, а въ многочисленныхъ алтарныхъ нишахъ ждутъ васъ иконы, изъ которыхъ каждая представляетъ какой-нибудь достопамятный моментъ въ исторіи христіанской живописи: вы забываете о цѣли своего прихода и невольно поддаетесь общему настроенію.

И вы ничего не потеряете для вашихъ цѣлей наблюдателя-туриста, перечувствовавъ это настроеніе. Вы находитесь въ самомъ фокусѣ средневѣкового міровоззрѣнія, изъ котораго органически выросло западное искусство. Для искусства, еще въ большей степени, чѣмъ для литературы, церковь была той лабораторіей, въ которой оно возникло, развилось и достигло полнаго развитія. И еще больше, чѣмъ отъ литературы, церковь не думала отказываться отъ вскормленнаго ею дѣтища; еще охотнѣе, чѣмъ въ области науки и философіи, церковь сдѣлала въ области искусства самыя широкія уступки новому міровоззрѣнію, только бы удержать въ своей оградѣ созданія новаго періода творчества, а при ихъ посредствѣ удержать за собою и власть надъ душою новаго человѣка. Сперва Чимабуэ и Джіотто разрушили, при восторженномъ одобреніи паствы, мертвую условность византійскаго стиля; потомъ опять наступило новое время, и Рафаэль замѣнилъ Чимабуэ. Сперва Палестрина преобразовалъ традиціонный стиль церковной музыки; потомъ Палестрину смѣнили Гайднъ и Моцартъ. Уступая требованіямъ живого чувства, западная религія надолго сохранила способность будить вдохновеніе художника и давать пищу для новыхъ и новыхъ великихъ произведеній искусства.

Восточное искусство имѣло одинъ общій источникъ съ западнымъ. То и другое развилось изъ искусства первыхъ вѣковъ христіанства,—искусства, которое впервые разрѣшило художественныя задачи новой религіи съ помощью техническихъ средствъ и пріемовъ, завѣщанныхъ искусствомъ классическаго міра. Это были, правда, уже послѣдніе моменты жизни классическаго искусства, и первоначальное христіанство, поставивъ этому искусству новыя, непривычныя задачи, еще ускорило его разложеніе. Христіанство не нуждалось въ натурализмѣ античнаго искусства; оно могло также обойтись и безъ его техники, такъ какъ всѣ свои наиболѣе отвлеченныя идеи оно изображало въ рядѣ символовъ, условныхъ знаковъ, болѣе или менѣе простыхъ. При такомъ направленіи, условность скоро заняла мѣсто правдоподобія въ художественныхъ изображеніяхъ; живопись быстро упала съ той высоты, на которой стояла въ древности; за нею послѣдовала и скульптура. Только въ области архитектуры христіанское искусство сразу пошло не назадъ, а впередъ. Здѣсь съ самаго начала ему пришлось самостоятельно рѣшить самую трудную задачу: создать формы новаго зданія, не предусмотрѣннаго классической древностью,—обширнаго христіанскаго храма. Эту свою задачу христіанское искусство разрѣшило блестяще, и даже дало для нея нѣсколько послѣдовательныхъ разрѣшеній, все болѣе и болѣе совершенныхъ. Оно создало сперва стройную христіанскую базилику, покрытую крышей на деревянныхъ стропилахъ, потомъ византійскій храмъ съ его куполомъ въ видѣ полушарія, потомъ крестовые своды и массивныя стѣны романскаго храма, и наконецъ, само воплощеніе архитектурной легкости и изящества—готическій храмъ съ его остроконечными арками и сводами, съ его массивными столбами и легкими стѣнами изъ стекла и каменныхъ кружевъ. Поднявшись сама на ноги, архитектура подняла и скульптуру. Сперва для архитектурныхъ цѣлей—для простого украшенія стѣнъ, а потомъ и для самостоятельныхъ цѣлей художникъ принялся за подражаніе древнимъ скульпторамъ и попытался достигнуть ихъ мастерства въ лѣпкѣ человѣческой фигуры. Это требовало знанія натуры, изученія живого человѣческаго тѣла; скульптура направляла, стало быть, христіанское искусство на тотъ же путь правдоподобія, на которомъ стояло древнее искусство и съ котораго уклонилось средневѣковое. Пріучивъ глазъ и набивъ руку на осязательныхъ, округлыхъ фигурахъ, художникъ не могъ не перенести привычки къ правдоподобію и на живопись: какъ развитіе архитектуры дало толчокъ скульптурѣ, такъ развитіе скульптуры вывело и рисованіе изъ средневѣковаго младенчества. По-

ставивъ своею цѣлью—подражаніе жизни, дѣйствительности, оба изобразительныхъ искусства мало-по-малу забыли потомъ, что вначалѣ эта цѣль была только *средствомъ* для того, чтобы произвести религіозное впечатлѣніе. Правдоподобіе сдѣлалось цѣлью самой для себя; вмѣстѣ съ тѣмъ искусство перестало преслѣдовать религіозныя цѣли и сдѣлалось свѣтскимъ. Не стѣсняемое никакими внѣшними принужденіями, западное искусство продѣлало весь этотъ переходъ отъ религіознаго воодушевленія къ преклоненію передъ природой и жизнью—постепенно, незамѣтно для самого себя, и такимъ образомъ между искусствомъ христіанскимъ и свѣтскимъ, средневѣковымъ и новымъ не было никакого насильственнаго перерыва: одно само собою выросло изъ другого.

Совершенно иначе сложилась дальнѣйшая судьба христіанскаго искусства на Востокѣ и въ Россіи. Къ намъ, какъ на Западѣ, это искусство перешло вмѣстѣ съ принятіемъ крещенія. Но уже тутъ надо замѣтить, что крещеніе у насъ и на Западѣ совпало съ очень различными моментами въ исторіи самого древнехристіанскаго искусства. Германская Европа крестилась къ VI—VII вѣку по Р. Х.; въ это время древнехристіанское искусство переживало еще самый блестящій періодъ своего существованія. Подготовительный періодъ (IV—VI в.) только что закончился: христіанскій художникъ только-что овладѣлъ большею частью художественныхъ темъ, какія задавала ему новая вѣра. Это новое содержаніе было воплощено въ изящныя античныя формы, такъ что христіанское искусство казалось на первыхъ порахъ кака бы прямымъ продолженіемъ классическаго: художникъ не думалъ отказываться не только отъ техническихъ пріемовъ, но даже и отъ художественныхъ типовъ, выработанныхъ античнымъ искусствомъ. Съ другой стороны, онъ еще не успѣлъ отвыкнуть отъ той самостоятельности, какая необходима была при первоначальныхъ попыткахъ изображенія христіанскихъ сюжетовъ. Разные способы разрѣшенія однѣхъ и тѣхъ же художественныхъ задачъ не были еще согласованы между собою: христіанское искусство еще не выработало окончательно своихъ постоянныхъ типовъ, и это обстоятельство оставляло большую свободу фантазіи и личному вкусу художника. Такимъ образомъ, полное жизни и движенія, перешло христіанское искусство Востока въ руки западныхъ художниковъ, и только побѣда германскаго варварства надъ древней цивилизаціей погрузила его на нѣсколько столѣтій въ дремоту. Въ XII столѣтіи этотъ временный застой рѣшительно оканчивается; жизнь и движеніе снова наполняютъ христіанское искусство Западной Европы.

Совсѣмъ не такъ шло дѣло на Руси. Къ концу десятаго вѣка, когда и къ намъ пришла новая вѣра, древнехристіанское искусство успѣло окончательно сдѣлаться византійскимъ. Періодъ свободнаго творчества для него закончился; начался періодъ охраненія. Разработавъ всѣ свои темы, установивъ вполнѣ всѣ типы, оно остановилось и застыло. Уже на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, во исполненіе заповѣди «не сотвори себѣ кумира» и для избѣжанія упрековъ со стороны иконоборцевъ, воспрещено было употребленіе скульптурныхъ изображеній. На томъ же соборѣ нѣкіимъ Епифаніемъ высказано было мнѣніе, что въ писаніи иконъ не надо давать свободы художникамъ, такъ какъ «иконы создаются не творчествомъ художника, а закономъ и преданіемъ православной церкви; изобрѣтеніе и установленіе (типовъ) принадлежитъ святымъ отцамъ, а художнику остается только техника». Правда, соборъ не принялъ мнѣнія Епифанія въ число своихъ постановленій, но и не получившее оффиціальной санкціи, оно, тѣмъ не менѣе, отлично характеризуетъ духъ византійскаго искусства.

Русь восприняла это искусство такимъ, какимъ она его нашла. Долгое время она даже получала свои произведенія искусства непосредственно изъ рукъ греческихъ мастеровъ. Греческіе архитекторы построили всѣ древнѣйшія каменныя церкви и соборы Кіева и Новгорода; греческіе же художники или ихъ добросовѣстные ученики изъ русскихъ наполнили эти храмы стѣнной живописью, мозаикой и иконами. Только очень медленно въ заимствованный изъ Византіи стиль начали проникать самостоятельныя русскія черты; и на первыхъ порахъ эти нововведенія совершались такъ же безсознательно, какъ перемѣны въ русской церковной практикѣ. Какъ бы то ни было, въ этихъ особенностяхъ заключались начатки національнаго русскаго искусства, и мы должны теперь остановиться на ихъ судьбѣ.

Какъ вездѣ, наиболѣе способной къ самостоятельному развитію оказалась и насъ, на Руси, архитектура. Причину этого понять не трудно. Изъ всѣхъ видовъ художественнаго творчества архитектура есть наиболѣе матеріальный, наиболѣе тѣсно связанный съ данной житейской обстановкой. Зодчество какой бы то ни было страны, всегда находится въ самой сильной зависимости отъ мѣстныхъ условій, напр., климата, почвы, наличныхъ строительныхъ матеріаловъ, привычекъ и потребностей и т. д. Крестьянинъ, приспособляя къ этимъ мѣстнымъ условіямъ устройство своей деревенской избы, конечно, вовсе не думаетъ о томъ, что создаетъ этимъ особый національный типъ постройки. А между тѣмъ, не безъ основанія, эта самая деревенская изба считается

нѣкоторыми изслѣдователями за прототипъ русскаго національнаго зодчества. Прежде всего, въ странѣ лѣсовъ самобытный архитектурный стиль долженъ былъ, очевидно, создаться въ сферѣ деревянныхъ построекъ, тогда какъ каменныя постройки надолго должны были остаться подъ иноземнымъ вліяніемъ. Про каменныя постройки кіевской Руси, воспроизводящія вмѣстѣ съ византійскими формами и византійскую строительную технику, нечего и говорить. Труднѣе рѣшить вопросъ объ архитектурѣ суздальской Руси; можетъ быть, здѣсь уже даютъ себя знать нѣкоторыя черты, пріобрѣтенныя церковнымъ зодчествомъ въ Россіи. Но трудно выводить эти суздальскія особенности изъ національной архитектуры, когда даже самые горячіе защитники самобытности русской архитектуры стараются лишь доказать происхожденіе ихъ изъ Азіи, чтобы не быть принужденными выводить ихъ изъ Западной Европы. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ романскимъ или индоевропейскимъ или вообще восточнымъ стилемъ, пришелъ ли онъ на Русь черезъ Новгородъ, или черезъ Византію, или, наконецъ, черезъ южныя степи, во всякомъ случаѣ, это не былъ тотъ стиль, выработанный на мѣстѣ, черты котораго мы хотимъ прослѣдить въ русской архитектурѣ. Точно также и московская архитектура является вначалѣ простой подражательницей суздальской: призывая знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ для возведенія кремлевскихъ церквей, Иванъ III прямо поставляетъ имъ въ обязанность руководиться древними типами каменнаго зодчества. Такимъ образомъ, московскій Успенскій соборъ конца XV вѣка явился по наружности только легкой варіаціей на темы суздальской архитектуры XII вѣка.

Въ это же время, однако (1484), другой кремлевскій соборъ (Благовѣщенскій) отстраивается русскими мастерами изъ Пскова; при этомъ случаѣ едва ли не впервые проникаетъ въ московскую каменную архитектуру новый элементъ, происхожденіе котораго приходится искать уже не на Востокѣ и не на Западѣ, а въ строительныхъ формахъ мѣстнаго деревяннаго стиля. Къ серединѣ XVI вѣка новыя каменныя формы, составляющія подражаніе деревяннымъ, уже примѣняются русскими мастерами съ той свободой, о которой свидѣтельствуетъ самый замѣчательный памятникъ этого новаго національнаго стиля—церковь Василія Блаженнаго.

Чтобы наглядно показать, какъ проникали новыя русскія формы въ старый византійскій стиль, мы остановимся на одномъ, но зато самомъ яркомъ примѣрѣ: на исторіи покрытія русской церкви.

Вопросъ о томъ, какъ свести крышу надъ постройкой, всегда оставался въ исторіи архитектуры однимъ изъ самыхъ сущ ест

венныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія котораго всего болѣе зависѣлъ тотъ или другой стиль постройки. Византійское искусство цвѣтущей поры (VI—VII в.) сводило сводъ надъ храмомъ въ формѣ опрокинутаго полушарія, непосредственно опирающагося на «плечи» храма (см. рис. № 1). Византійское искусство болѣе поздней поры, IX и X вѣка, подвело подъ этотъ полукруглый ку-

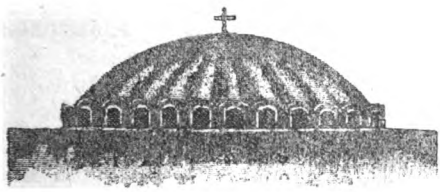


Рис. № 1. Куполъ св. Софіи.

Рис. № 2. Куполъ ц. Теотокосъ въ Константинополѣ.

полъ «шею» или «барабанъ», что придало покрытію характеръ большей стройности и легкости (рис. № 2). Въ этомъ видѣ византійскій куполъ перешелъ въ Россію; такимъ онъ оставался, вѣроятно, въ кіевской Руси, и даже еще въ суздальской архитектурѣ онъ имѣлъ тотъ же плоскій характеръ, вызывающій срав-

Рис. № 3. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Рис. № 4.

неніе церковной главы со «лбомъ« (рис. № 3). Однако, на рисункахъ древнихъ русскихъ рукописей уже въ XII—XIV вѣкахъ мы видимъ иную форму купола, — ту, которая господствуетъ и теперь. Византійскій куполъ превратился въ русскую «луковицу»: къ полушарію въ нижней части была прибавлена выпуклость (такъ наз. «пучина»), а въ верхней части куполъ сведенъ былъ въ

остріе (рис. № 4). Несомнѣнно, подобныя формы существуютъ въ восточномъ искусствѣ; надо прибавить, что ихъ можно найти и въ мусульманскомъ и даже, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ западномъ искусствѣ. Но для той же формы, съ другой стороны, можно найти параллель и въ мѣстной деревянной архитектурѣ древней Руси. Деревянныя продолговатыя зданія крылись у насъ встарину такъ называемой «бочкой», нижняя треть которой отсѣкалась, средняя треть дополнялась «пучиной», а верхняя сводилась острымъ ребромъ. Иногда продольная бочкообразная крыша пересѣкалась поперечною (рис. № 5). Иногда, — именно надъ квадратнымъ пространствомъ,—четыре обрѣза такой бочкообразной крыши непосредственно соединялись между собой, сгибаясь при этомъ по линіямъ обрѣза, и принимали форму такъ наз. «куба». Въ этомъ видѣ крыша пріобрѣтала уже большое сходство съ церковной луковицей (рис. № 6). Сходство это становилось еще болѣе значительнымъ, когда крыша сводилась не надъ квадратомъ, а надъ многоугольникомъ, какими часто строились «барабаны» церквей. Въ этомъ случаѣ покрытіе пріобрѣтало многогранную форму, сохраняя въ то же время черты «бочки» и «куба» (рис. № 7).

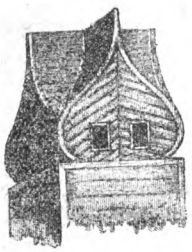


Рис. № 5.

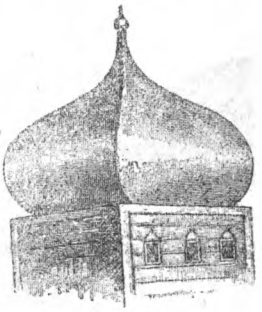


Рис. № 6.

Рис. № 7.

Явилась ли русская церковная глава «луковицей» именно такимъ путемъ, изъ покрытія деревянныхъ церквей, или какимъ-либо инымъ,—это пока еще спорный вопросъ между спеціалистами. Но дальнѣйшее проникновеніе деревянныхъ формъ въ каменную архитектуру совершается уже на нашихъ глазахъ; именно оно-то и создаетъ типичныя черты московской архитектуры XVI вѣка.

«Бочка» есть уже фигурное покрытіе крыши; чаще, конечно, крыша покрывалась обыкновенными гладкими скатами, съ той только разницей отъ современныхъ, что скаты были круче и вся крыша поднималась выше. Крутой скатъ и значительная высота

крыши должны были способствовать быстрому скатыванію влаги и, такимъ образомъ, предохранять крышу отъ гніенія. Тѣмъ же приспособленіемъ къ климатическимъ условіямъ объясняется плоскій карнизъ или «обломъ», «полица», которыми кончалась крыша; этотъ карнизъ, обыкновенно очень широкій и выступавшій надъ стѣнами, долженъ былъ защищать стѣны отъ сильнаго стока воды. Надъ квадратнымъ пространствомъ высокая и крутая русская крыша съ обломами принимала видъ пирамиды, покоящейся на широкомъ основаніи (см. рис. № 8). Такъ крылись обыкновенно колокольни старинныхъ деревянныхъ церквей. Это покрытіе называлось «шатромъ».

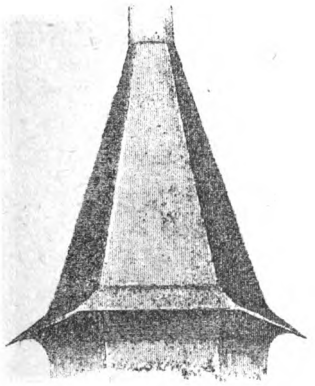


Рис. № 8.

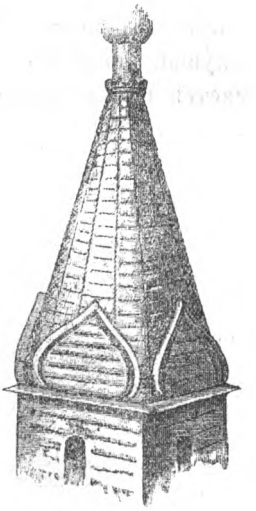


Рис. № 9. Дерев. церк. въ Гефс. скиту.

Оба способа покрытія, «шатеръ» и «бочка», могли соединяться вмѣстѣ; такимъ образомъ получалась новая, очень красивая форма покрытія (рис. № 9). И въ этомъ видѣ, и въ видѣ простого шатра русское покрытіе перенесено было въ XVI вѣкѣ съ дерева на камень. При такомъ перенесеніи «бочка» получила новое, весьма важное значеніе: она стала служить средствомъ для сведенія каменнаго свода. Надъ пространствомъ, которое надо было покрыть, сводились въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ арочки; каждый высшій рядъ опирался на предъидущій и постепенно съужалъ срединное пространство, пока, наконецъ, надъ оставшимся въ срединѣ отверстіемъ получалась возможность поставить шатеръ или «шею» купола (рис. № 10). Снаружи эти арочки или «закомары» образовали рядъ «кокошниковъ», то совершенно закругленныхъ, то съ остріемъ въ верхней части, то снабженныхъ еще, кромѣ

острія, и «пучиной», т. е. совершенно сходныхъ съ обрѣзомъ деревянной бочки. Благодаря этимъ рядамъ кокошниковъ, наружный видъ покрытія получался очень живописный.

Мы указали на конецъ XV столѣтія, какъ на время перваго проникновенія въ московскую архитектуру чисто русскихъ формъ покрытія (Благовѣщенскій соборъ). Съ начала XVI вѣка примѣненіе указанныхъ формъ совершается все чаще и смѣлѣе. Надъ кокошниками поднимается высокій каменный «шатеръ», придавая церкви видъ стройной башни (церковь с. Коломенскаго подъ Москвой, 1521); эту центральную башню окружаютъ боковыя башенки поменьше размѣромъ, но той же конструкціи; формы кокошниковъ и барабановъ причудливо измѣняются (сосѣдняя съ предъидущей церковь с. Дьякова, 1529), и такимъ образомъ подготовляется почва для оригинальнѣйшаго созданія русской архи-

Рис. № 10. Церк. Покрова въ Москвѣ.

тектуры, собора Василія Блаженнаго (1555). Только-что стало достовѣрно извѣстно, что соборъ этотъ построенъ *русскими* мастерами, Постникомъ и Бармой, «премудрыми и удобными къ такому чудному дѣлу», какъ характеризуетъ ихъ недавно найденная лѣтописная замѣтка о построеніи собора. Этимъ рѣшается окончательно длинный споръ о стилѣ Покровскаго собора. Не Востокъ и не Индія дали начало этому стилю; всѣ существенныя его особенности происходятъ по прямой линіи отъ архитектурныхъ мотивовъ русскаго деревяннаго зодчества.

Такимъ образомъ, къ срединѣ XVI вѣка вполнѣ выработались основные элементы русскаго самобытнаго архитектурнаго стиля. По отношенію къ традиціонному византійскому стилю введеніе этихъ элементовъ было непростительнымъ новшествомъ, котораго

не могла допустить русская церковь. Все, что выходило изъ рамокъ установленнаго издревле византійскаго образца, не могло быть терпимо. Чтобы остаться вѣрнымъ этому образцу, Иванъ III велѣлъ Аристотелю Фіоравенти подражать суздальскимъ образцамъ. Съ тою же самою цѣлью правительство XVII вѣка многократно предписывало подражать Успенскому собору Ивана III и «ничего не претворять по своему замышленію». «Церковь Божію» повелѣвалось «строити по правиламъ св. апостолъ и отецъ, чтобы была о пяти верхахъ, *а не шатромъ*»... «строить по чину правильнаго и уставнаго законоположенія, какъ о семъ правила и уставъ церковный повелѣваютъ,—о единой, о трехъ или о пяти главахъ,—а шатровой церкви отнюдь не строить»... «а глава на церкви была бы не шатровая». Какъ видимъ, національныя особенности церковной архитектуры раздѣлили судьбу національныхъ особенностей русской церковной практики. Тѣ и другія особенности процвѣтали и выдвигались на первый планъ въ XVI вѣкѣ,

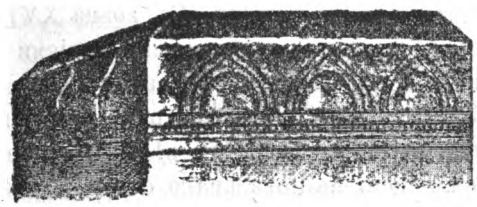


Рис. № 11.

а въ XVII-мъ были осуждены, какъ измѣна византійской старинѣ. И безъ того бѣдная духовнымъ содержаніемъ національная жизнь была еще болѣе обезсилена болѣзненной операціей — отсѣченія всего національнаго, какъ ложнаго. Задатки національной архитектуры не устояли противъ гоненія. Шатровый верхъ продолжалъ употребляться только для колокольни, и столь любимые русскимъ зодчествомъ кокошники потеряли мало-по малу свое прежнее строительное значеніе и пріютились подъ церковной крышей въ качествѣ простого орнамента (рис. № 11). Такимъ образомъ, русская архитектура уже не много сохраняла своего собственнаго содержанія, когда началось усиленное вліяніе на нее Запада. Трудно сказать, къ чему привело бы это вліяніе, если бы у русскихъ зодчихъ было что ему противопоставить; но такъ, какъ стояло дѣло, заимствованіе привело къ полному забвенію національныхъ задатковъ и къ рабскому копированію готовыхъ иностранныхъ образцовъ.

Русская архитектура на полтора столѣтія становится простымъ сколкомъ съ голландской, французской и т. д. Въ основѣ этой перемѣны лежитъ тотъ фактъ, что художникамъ приходится теперь работать на дворѣ у богатыхъ баръ; а эти заказчики ничего другого не желаютъ, какъ только сравняться съ лучшими образцами тогдашней Европы; соперничать съ ними они умѣютъ лишь на почвѣ кармана. Построить храмъ, прямо взятый изъ Рима, но только размѣромъ чуть не въ цѣлую десятину, а высотой «на аршинчикъ длиннѣй собора св Петра», — дальше этого не идетъ самая расходившаяся фантазія русскаго заказчика, въ данномъ случаѣ кн. Потемкина, проектировавшаго этотъ небывалый храмъ для только-что заложеннаго въ степи Екатеринослава. А разыгравшаяся фантазія русскаго художника не идетъ дальше нагроможденія стилей всевозможныхъ эпохъ и народовъ въ одной общей архитектурной композиціи, какъ это видимъ въ неосуществившемся проектѣ Витберга.

Понятно, что то, что осуществлялось, было еще ординарнѣе этихъ неосуществленныхъ плановъ. Съ конца XVII вѣка мы подражали стилю «барокко» съ его кривыми линіями и разорванными фронтонами; потомъ къ концу XVIII вѣка явились на смѣну, въ томъ же изобиліи, колоннады и фронтоны классической архитектуры. Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка правительство потребовало отъ художниковъ національнаго стиля. Заказъ былъ исполненъ архитекторомъ Тономъ, и русская архитектура обогатилась массой безцвѣтныхъ и механическихъ подражаній старой московской архитектурѣ: quasi-византійскій пятиглавый храмъ, побѣдившій въ XVII вѣкѣ русскій національный, сдѣлался теперь самъ образцомъ національнаго стиля. Это недоразумѣніе, основанное на полномъ незнакомствѣ съ исторіей русской архитектуры, могло продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока не были изучены образцы нашего стариннаго зодчества. Такое изученіе познакомило художниковъ съ элементами дѣйствительнаго національнаго стиля, и строительное искусство съ этого времени (средина XIX в.) получило сильный толчокъ. Отъ реставраціи старыхъ формъ оно быстро шагнуло къ ихъ свободному сочетанію для осуществленія новыхъ архитектурныхъ задачъ. Каменную лѣтопись этихъ усилій, все болѣе и болѣе успѣшныхъ, можно прочесть на улицахъ Москвы. Тутъ мы увидимъ простую копію старинныхъ формъ рядомъ съ формами совсѣмъ не русскими (Историческій музей), отраженіе ученой теоріи о происхожденіи русскаго стиля изъ стиля восточнаго (Политехническій музей), несовсѣмъ удачную попытку приспособить старинныя русскія формы къ подробностямъ современ-

наго общественнаго зданія (Дума), и тутъ же рядомъ вполнѣ удачное и свободное рѣшеніе той же самой задачи—создать національный стиль, вполнѣ отвѣчающій современнымъ требованіямъ изящества и удобства (Торговые ряды).

Такимъ образомъ, русская архитектура нашла себѣ средство самостоятельнаго развитія въ возвращеніи къ традиціямъ XVI вѣка. Конечно, только въ приложеніи къ такому объективному искусству и такъ тѣсно связанному съ мѣстными условіями страны, какъ архитектура, подобное средство могло оказаться дѣйствительнымъ. Съ одной стороны, извѣстныя формы стиля въ этомъ случаѣ могли оказаться такъ же постоянны и неизмѣнны, какъ и строительный матеріалъ, ихъ создавшій (дерево); съ другой стороны, разъ созданныя и поставленныя въ связь, эти формы и линіи получали значеніе, совершенно независимое отъ какихъ бы то ни было переворотовъ во внутреннемъ настроеніи художника. Другія отрасли изобразительныхъ искусствъ находились въ менѣе (или, если угодно, болѣе) счастливомъ положеніи: въ ихъ распоряженіи не было такихъ осязательныхъ, объективныхъ и своеобразныхъ формъ, какими располагала архитектура. Только орнаментъ находился въ положеніи, нѣсколько сходномъ, и потому онъ раздѣлилъ судьбу архитектуры. Независимо отъ чисто строительнаго орнамента нашей деревянной, а въ позднѣйшее время и кирпичной архитектуры, русскія древнія рукописи заключали въ себѣ огромныя ботатства орнамента, сдѣлавшіяся теперь достояніемъ русской промышленности. Уже въ XIV вѣкѣ у насъ явился своеобразный орнаментъ изъ плетенья съ звѣриными формами, родственными и западному «чудовищному», и восточному стилю; въ XV вѣкѣ его смѣнилъ иногда очень сложный геометрическій орнаментъ, пригодный для покрытія большихъ площадей многократнымъ повтореніемъ одного и того же мотива. Въ XVI вѣкѣ мы опять встрѣчаемъ новый типъ орнамента: сплошную и нѣсколько тяжелую разрисовку разноцвѣтными тонами съ позолотой; наряду съ геометрическими формами тутъ являются и растительныя, а къ концу XVI и началу XVII вѣка эти «травы» начинаютъ обводиться контурами и покрываться тѣнями, по образцу заграничныхъ «печатныхъ листовъ».

Ничего подобнаго по законченности и живучести старыхъ формъ мы не найдемъ въ другихъ отдѣлахъ русскаго искусства. Мы видѣли, какія обстоятельства остановили уже въ Византіи развитіе христіанской скульптуры. Въ языческой Россіи это опасеніе, что статую смѣшаютъ съ идоломъ, было, конечно, еще естественнѣе, чѣмъ въ привыкшей къ классическимъ формамъ искус-

ства Византіи. Не только въ церкви, въ качествѣ предмета поклоненія, но и въ частномъ домѣ, какъ предметъ простого украшенія, скульптурное произведеніе вызывало большой соблазнъ и строгое осужденіе. Извѣстно, какой переполохъ произвела среди москвичей поставленная Самозванцемъ передъ его дворцомъ статуя «Ада». «Надъ вратами домовъ», говорится въ лицевыхъ святцахъ XVII вѣка, «у православныхъ христіанъ—воображаемыхъ звѣрей и зміевъ и никакихъ невѣрныхъ храбрыхъ мужей поставляти не подобаетъ. Ставили бы надъ вратами у своихъ домовъ православные христіане святыя иконы или честные кресты». При такомъ отношеніи къ скульптурѣ, эта отрасль изобразительнаго искусства вовсе отсутствовала въ древней Руси. Не стѣсняемая и не поддерживаемая никакой традиціей, современная русская скульптура воспиталась въ европейской школѣ и до сихъ поръ очень слабо проявила тѣ своеобразныя черты, которыя успѣли уже обратить вниманіе Европы на русскую живопись.

И это послѣднее искусство не унаслѣдовало отъ древней Руси ничего подобнаго тѣмъ задаткамъ самобытности, какіе мы встрѣтили въ исторіи русскаго зодчества. Византія передала, правда, русской живописи довольно значительное наслѣдство; но это наслѣдство долгое время оставалось мертвымъ капиталомъ, а когда пришло время пустить его въ оборотъ, оказалось уже слишкомъ поздно.

Древнерусская живопись была исключительно церковная; она составляла какъ бы часть богослуженія обряда и раздѣлила его участь. Такъ же какъ къ обряду, отношеніе къ сопровождающей его обстановкѣ долго оставалось чисто формальнымъ. Обстановкѣ обряда, какъ и ему самому, древнерусскій вѣрующій склоненъ былъ придавать догматическую важность и приписывать таинственную силу. Что по этой причинѣ не могло явиться и мысли—измѣнить что-либо въ полученныхъ отъ Византіи церковно-художественныхъ формахъ. Единственной оригинальностью могло бы быть, при такомъ отношеніи, развѣ только дальнѣйшее искаженіе,—конечно, невольное,—искаженныхъ уже Византіей типовъ древнехристіанскаго искусства. Но техника живописи настолько уже находилась въ упадкѣ въ моментъ перехода въ Россію, что и въ этомъ направленіи немного пришлось прибавить русскому варварству. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ до самого конца XIV вѣка приглашали писать иконы «мастера гречина». Отъ него переняли его мастерство и русскіе художники, но чисто механически. Икона писалась по трафарету, по «переводу» съ готоваго «образца»; о правильности рисунка не было и рѣчи, также какъ и

свободной композиціи его; искусство же владѣть красками и другими необходимыми матеріалами передавалось чисто ремесленной выучкой. Съ XV вѣка ремесло это, повидимому, утвердилось на Руси; по мѣрѣ дальнѣйшаго размноженія художническаго цеха появились и нѣкоторыя различія въ ремесленныхъ пріемахъ иконнаго письма. Древнѣйшей «школой» русской иконографіи, независимой отъ греческой или «корсунской», была Новгородская. Отъ нея отвѣтвилась (черезъ Устюгъ) Строгановская, выработавшая съ конца XVI вѣка самостоятельные пріемы на исполненіи многочисленныхъ заказовъ своихъ богатыхъ хозяевъ. Наконецъ, и въ Москвѣ, можетъ быть, уже съ XV вѣка, выработалась своя ремесленая традиція; процвѣтаніе Московской школы относится, впрочемъ, уже къ XVII вѣку, когда Оружейный приказъ постоянно держалъ нѣкоторое количество иконописцевъ на царской службѣ. Различіе между всѣми этими «школами», какъ уже сказано, сводится, главнымъ образомъ, въ разницѣ техническихъ пріемовъ. Новгородскія иконы отличаются короткими фигурами и преобладаніемъ желтаго и зеленаго цвѣта; Строгановскіе живописцы изображали фигуры длинныя и любили превращать икону въ миніатюру; можно найти особенности и въ способѣ рисовать контуры или накладывать тѣни и блики. Очевидно, подобныя различія ничего не имѣютъ похожаго на тѣ, которыми отличаются западныя школы живописи. Въ русской иконографіи, несомнѣнно, можно замѣтить внутреннее развитіе, но оно обнаруживается не въ смѣнѣ школъ, а въ томъ движеніи, которое совершается внутри каждой школы. Спеціалисты отличаютъ среди произведеній всѣхъ названныхъ школъ первую, вторую, а иногда и третью манеру: эти-то манеры, смѣняющіяся хронологически, свидѣтельствуютъ о ростѣ художественной техники и о постепенномъ освобожденіи художника отъ византійской рутины. Волей-неволей, каждая школа знакомилась, съ теченіемъ времени, съ пріемами западнаго искусства; лучшіе представители каждой начинали задаваться самостоятельными, идеальными цѣлями; въ результатѣ, неизбѣжнымъ исходомъ развитія каждой школы являлось стремленіе къ «живству» и подражаніе «фряжской» живописи.

Раньше всего, повидимому, обнаружилось это новое движеніе тамъ, гдѣ мы видѣли и начало религіознаго броженія: на западной, новгородско-псковской окраинѣ. Новгородская иконописная школа, какъ древнѣйшая, обыкновенно характеризуется, какъ наиболѣе близкая къ Византіи, и навѣрное, это было такъ, пока задачей русскаго искусства было—удержаться на той, не высокой, конечно, ступени художественности, на какой стояло визан-

тійское искусство времени упадка. Скоро, однако-же, новгородскіе и псковскіе художники пошли и дальше и представили небывалые на Руси примѣры свободы въ обращеніи съ иконографическими сюжетами. Послѣ московскаго пожара 1547 года понадобилось написать для Благовѣщенскаго собора новыя иконы и вновь расписать дворецъ. Для этого приглашены были псковскіе мастера. Въ короткое время иконы были написаны, — однѣ въ Москвѣ, другія въ Псковѣ, — и поставлены на мѣсто старыхъ. Москвичи пришли, однако же, отъ новыхъ иконъ въ соблазнъ, и одинъ изъ очень образованныхъ людей того времени, дьякъ Висковатый, не выдержалъ, доложилъ государю о своихъ сомнѣніяхъ по поводу новаго направленія церковной живописи. Его смущало то, что живописцы пишутъ «по своему разуму, а не по божественному писанію»; одинъ и тотъ же сюжетъ обрабатываютъ различно, такъ что на разныхъ иконахъ одинаковаго содержанія оказывается «то же писано, а не тѣмъ видомъ»; не дѣлаютъ, по старому обычаю, надписей на иконахъ и вводятъ въ живопись свѣтскія изображенія—«кромѣ божественнаго писанія». Собрался духовный соборъ (1554), который постарался доказать Висковатому неосновательность его сомнѣній и заставилъ его покаяться въ своихъ «хульныхъ строкахъ». Конечно, соборъ имѣлъ основанія доказывать, что новыя иконографическія формы нисколько не противорѣчатъ писанію; но правъ былъ и Висковатый, когда привычнымъ глазомъ москвича сразу отмѣтилъ новизну этихъ формъ на псковскихъ иконахъ. Современные изслѣдователи показали, что все, что смущало Висковатого, на самомъ дѣлѣ происходило съ Запада: и изображеніе Бога-Отца въ видѣ старца, и изображеніе Христа, покрытаго херувимскими крыльями и т. д. Мало того, оказалось, по наблюденію извѣстнаго знатока русской иконографіи, Ровинскаго, что на одной изъ новыхъ иконъ Благовѣщенскаго собора, писанныхъ псковичами «Останей да Якушкой», одна частность скопирована прямо съ рисунка Чимабуэ (одного изъ основателей флорентійской школы), а другая икона цѣликомъ воспроизводитъ рисунокъ Перуджино (учителя Рафаэля). Несомнѣнной новинкой была и аллегорическая роспись дворцовыхъ стѣнъ съ поразившею Висковатаго «женкой, которая спустя рукава пляшетъ». долженствовавшей изображать «блуженіе».

И въ иконографіи, очевидно, нравы начинали «шататься»; лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить мѣры, принятыя по этому поводу Стоглавымъ соборомъ. 43-я глава Стоглава устраиваетъ изъ иконописцевъ своего рода цехи и подчиняетъ ихъ наблюденію духовныхъ властей; та же глава повелѣваетъ «святи-

телямъ великое попеченіе имѣть, каждому въ своей области, чтобы хорошіе иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, а отъ самомышленія бы и своими догадками Божества не описывали: *ибо Христосъ Богъ нашъ описанъ плотью, а Божествомъ не описанъ*». Подчеркнутыя слова для насъ особенно любопытны: это, очевидно, отвѣтъ на одинъ изъ главныхъ доводовъ художническаго «самомышленія» XVI вѣка,—доводъ, который опять намъ встрѣтится въ XVII вѣкѣ. Сторонники новаго направленія живописи, какъ видно изъ этихъ словъ, уже въ XVI столѣтіи опирались на то соображеніе, что живопись имѣетъ право ставить своей задачей—*идеальное*, одухотворенное, небесное изображеніе святыхъ, а не копированіе предполагаемаго земнаго ихъ облика.

Постановленіями 43-й главы Стоглава—мѣры противъ «своихъ догадокъ» новыхъ живописцевъ не ограничились. Несомнѣнно, въ прямой связи съ этой 43-й главой возникаетъ во второй половинѣ XVI вѣка такъ называемый «подлинникъ», т. е. сборникъ снимковъ («переводовъ») съ установленныхъ разъ навсегда «образцовъ», по которымъ иконописцы должны были писать иконы. Къ этому «лицевому подлиннику», т. е. сборнику рисунковъ въ контурахъ, присоединялось, по днямъ года, описаніе, кратко характеризовавшее тайны святыхъ и перечислявшее нужныя для ихъ изображенія краски. Составленіе подлинника имѣло цѣлью окончательно закрѣпить въ общемъ употребленіи установившіеся типы иконописи и положить конецъ «мудрованію» художниковъ. Этого однако не только не удалось достигнуть, но, напротивъ, «самомышленіе» русскихъ иконописцевъ развилось въ XVII в. до небывалыхъ размѣровъ. Подлинникъ уже потому не могъ положить предѣла свободы художника, что вполнѣ однообразныхъ типовъ иконографіи и не существовало въ самый моментъ его составленія. Варіанты, все болѣе и болѣе многочисленные, указывались въ самомъ подлинникѣ, и чѣмъ долѣе онъ существовалъ, тѣмъ болѣе становился пестрымъ и сборнымъ. Извѣстная, относительная свобода была, такимъ образомъ, предоставлена художнику уже въ выборѣ варіантовъ. Еще болѣе вызывалъ его на свободное творчество особый типъ иконописныхъ изображеній, особенно распространившихся на Руси съ XVI столѣтія, именно сложныхъ иконъ. Въ Россіи еще болѣе, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ, икона должна была замѣнять книгу; на общедоступномъ языкѣ условныхъ іератическихъ изображеній она должна была разсказать вѣрующему въ лицахъ то, что его интересовало въ области вѣры: эпизодъ изъ св. Писанія, житіе святого, значеніе праздника, содержаніе церковной пѣсни, даже смыслъ того или другого

обряда и догмата. Всѣ эти предметы становились темой для иконы. Конечно, такая икона требовала болѣе или менѣе самостоятельной композиціи. Требованія отъ художника были, правда, не велики: измѣнять общепринятыхъ изображеній онъ не могъ: онъ долженъ былъ только сопоставить ихъ механически. Изъ такихъ механическихъ сопоставленій и образовались типы нашихъ сложныхъ иконъ. Но, очевидно, и въ этихъ предѣлахъ фантазіи художника предоставлялось уже больше свободы, чѣмъ при повтореніи старыхъ, законченныхъ композицій. Онъ могъ всегда внести въ икону новыя подробности, извѣстныя ему изъ писанія, изъ церковныхъ пѣсней, наконецъ, изъ апокрифа; онъ могъ стремиться механически сопоставленнымъ частямъ иконы придать больше внутренняго единства или, по крайней мѣрѣ, постараться искуснѣе расположить ихъ на иконной доскѣ. Естественно, что сложныя иконы явились у насъ первымъ общепризнаннымъ продуктомъ національной живописи.

Труднѣе было добиться общаго признанія для реформы самыхъ пріемовъ иконописи съ цѣлью достиженія большаго правдоподобія. «Живописное» направленіе проявляется гораздо рѣзче въ XVII вѣкѣ, чѣмъ въ XVI-мъ, но за то и встрѣчаетъ болѣе рѣзкій отпоръ. «По попущенію Божію», пишетъ извѣстный намъ Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ посланій, «умножились въ нашей русской землѣ живописцы неподобнаго письма иконнаго... Пишутъ они Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣ не написано... А все то Никонъ врагъ умыслилъ—*будто живыхъ писать*; все устрояетъ по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому». Нужно замѣтить, что Аввакумъ тутъ не совсѣмъ справедливъ къ своему противнику: Никонъ торжественно, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ съ церковной каѳедры осудилъ новое направленіе въ живописи и изрекъ анаѳему на его послѣдователей. Тѣ же самыя осужденія противъ западныхъ заимствованій въ иконографіи повторены были и соборомъ 1667 года. Но житейская практика не справлялась съ этими осужденіями и запрещеніями. Самое большее, чего достигла церковь—это то, что для оффиціальныхъ церковныхъ потребностей сохранилось прежнее «иконное» письмо, какого требовалъ старый подлинникъ; но рядомъ съ нимъ продолжало укрѣпляться и «живописное» письмо. Самые знаменитые мастера, какъ, напр., Симонъ Ушаковъ, работали одновременно на оба манера, смотря по вкусу своихъ заказчиковъ. Но заказчики

уже не удовлетворялись свѣтской живописью церковныхъ иконописцевъ. Со времени Михаила Ѳедоровича при московскомъ дворѣ стали появляться иностранные художники, поляки и нѣмцы, поступавшіе на царскую службу и писавшіе картины и «парсуны» (т. е. портреты). Съ сороковыхъ годовъ XVII в. эти художники у насъ не переводились и воспитали не мало русскихъ учениковъ. Естественно, что подготовленные такимъ образомъ, ободренные царскими заказами и царскимъ жалованьемъ, московскіе живописцы царской школы рѣшительно стали вносить пріемы «фряжскаго» письма въ самую иконопись и изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное. Однажды въ мастерской одного изъ этихъ царскихъ живописцевъ, только что упомянутаго Симона Ушакова, сидѣлъ его товарищъ и собратъ по направленію, «изуграфъ Іосифъ (Владиміровъ)». Пріятели бесѣдовали о живописи. Въ это время вошелъ къ нимъ сербскій архидіаконъ, Іоаннъ Плѣшковичъ, и вмѣшался въ бесѣду. Увидавъ художественное изображеніе Маріи Магдалины, Плѣшковичъ плюнулъ и сказалъ, что такихъ «свѣтовидныхъ» образовъ у нихъ не принимаютъ. Въ отвѣтъ на это Іосифъ написалъ энергическую отповѣдь въ формѣ посланія къ Ушакову. «Неужели ты скажешь», пишетъ Іосифъ, обращаясь къ своему противнику Плѣшковичу, «что только однимъ русскимъ дано писать иконы и только русскому иконописанію поклоняться, а отъ прочихъ земель не принимать и не почитать?.. Спроси отца своего и старцевъ, пусть скажутъ тебѣ, что во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы и всякая хитроткань, и златоплетенье, и каменье дорогое, и жемчугъ—все это ты отъ иноземцевъ получаешь и въ церковь вносишь и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь и ничего сквернымъ и отметнымъ не называешь... Въ наши времена ты требуешь отъ живописца, чтобы онъ писалъ образцы мрачные и неподоболѣпные, и учишь насъ лгать противъ древняго писанія... Гдѣ найдено такое указаніе, чтобы лица святыхъ писать смугло и темновидно? Развѣ весь родъ человѣческій созданъ въ одно обличье? Развѣ всѣ святые были смуглы и тощи? Если и имѣли они здѣсь на землѣ умерщвленные члены, то тамъ, на небесахъ, оживотворенны и просвѣщенны явились своими душами и тѣлами. Какой же бѣсъ позавидовалъ истинѣ и воздвигъ ковы на свѣтообразныя персоны святыхъ? Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ?.. Нѣтъ, не таковъ обычай премудраго художника. *Что онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ и согласно слуху или вѣдѣ-*

нію уподобляетъ. И каковы были въ древнемъ завѣтѣ, такъ и въ новой благодати—многіе святые мужескаго и женскаго рода были на видъ благообразны». Отъ мысли, что «живописныя» иконы могутъ вызвать соблазнъ, благочестивый художникъ приходитъ въ полное негодованіе. «Какъ ни страшишься ты, недостойный», восклицаетъ онъ, «взирать на блаженные лики—и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину и на самихъ блудницъ взирая, прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразное живописаніе разжигаться. Это—мысль послѣдняго безстрашія и крайняго нечестія, чтобы кому отъ иконъ соблазняться. Тѣлесно, а не духовно эти люди пришли къ такой мысли въ своемъ неразуміи: злоба ихъ ослѣпила». Какъ видимъ, нашъ художникъ-реалистъ конца XVII вѣка былъ настроенъ на самый высокій строй христіанской мысли и чувства. Самая идея, что натурализмъ въ живописи можетъ перейти должныя границы—была ему далека и чужда. Чтобы найти такое настроеніе въ европейскомъ искусствѣ, намъ надо было бы вернуться къ XIV-му вѣку. Тамъ это настроеніе вызвало возрожденіе религіозной живописи, бывшее началомъ возрожденія европейскаго искусства. Естественно, что и у насъ изъ кружка царскихъ живописцевъ должно было выйти нѣчто подобное. Такимъ образомъ, приподнятое настроеніе русскихъ художниковъ второй половины XVII вѣка даетъ намъ ключъ къ цѣлому ряду новыхъ и любопытныхъ явленій въ русской иконографіи. Дѣло не ограничивается, на этотъ разъ, простымъ накопленіемъ подробностей въ старой композиціи или механической перестановкой старыхъ мотивовъ для изображенія новаго сюжета. Перемѣны проникаютъ въ самый замыселъ старыхъ композицій, и вездѣ христіанскій художникъ старается поставить эти композиціи на высоту своего религіознаго чувства. Старымъ изображеніемъ Благовѣщенія Божіей Матери у колодца или дома за пряжей художникъ остается недоволенъ. Онъ заставляетъ Богородицу въ моментъ Благовѣщенія читать св. писаніе, и русскій святитель вскрываетъ намъ мотивъ, руководившій въ этомъ случаѣ русскимъ художникомъ. Архангелъ долженъ былъ обрѣсти Дѣву, по словамъ Димитрія Ростовскаго, «не внѣ дома, не среди житейскихъ попеченій, но въ молитвѣ, молчаніи и чтеніи книжномъ упражняющуюся». Точно также художника оскорбляло лежащее положеніе Богоматери на византійской иконѣ Рождества Христова, какъ намекъ на Ея человѣческую немощь,—и онъ, самъ того не зная, вернулся къ сидячей позѣ древнехристіанскаго искусства. Мотивъ на этотъ разъ излагаетъ намъ самъ художникъ, утверждая, что только «грубые

и невѣжды иконописцы» могутъ изображать Божественную Родильницу «на подобіе мірскихъ женъ» лежащей и съ повивальной бабкой; «а Пречистая Дѣва... не требоваше бабеннаго служенія;... сама роди, сама и воспелена, благоговѣйно осязаетъ, объемлетъ, лобызаетъ, подаетъ сосецъ: все дѣло радости исполнено, нѣтъ никакія болѣзни, ни немощи въ рожденіи». По тому же религіозному побужденію хлѣвъ, въ которомъ родился Христосъ, замѣненъ былъ пещерой. Эти примѣры можно было бы и умножить, такъ какъ новое направленіе подвергло пересмотру весь иконографическій матеріалъ: вездѣ сличило установившіеся типы съ текстомъ писанія и, гдѣ только можно было, ввело вмѣсто сухого византійскаго формализма свѣжее чувство и жизненность. Въ результатѣ этого пересмотра явился такъ-называемый «критическій подлинникъ», снабдившій новаго художника темами, взятыми непосредственно изъ памятниковъ церковной письменности, и этимъ самымъ освободившій его отъ иконописной рутины. Мало того, сторонники новаго направленія, разрушая старую традицію, попытались создать новую; съ этой цѣлью собраны были лучшіе новые образцы, выбраны лучшіе изъ старыхъ и все это съ прибавкой совершенно самостоятельныхъ композицій русскихъ художниковъ должно было служить руководствомъ для будущихъ иконописцевъ (Сійскій лицевой подлинникъ). Необходимо отмѣтить, что любимыми сюжетами новой церковной живописи сдѣлались тѣ же самые, которые составляли въ это время и любимыя темы для чтенія религіозныхъ людей. Въ послѣдней четверти XVII вѣка, въ эпоху общаго религіознаго оживленія, въ эпоху послѣдней борьбы раскола за преобладаніе, эпоху хлѣбопоклонной ереси и перевода на русскій языкъ Великаго зерцала (выше I), возникли и чрезвычайно быстро распространились текстъ и иллюстраціи «Страстей Господнихъ»; и немедленно же этотъ сюжетъ былъ утилизированъ для росписи стѣнъ въ царскихъ палатахъ. Въ это же время, повидимому, картина страшнаго суда обогатилась детально-разработаннымъ отдѣломъ адскихъ мученій. Нужно ли прибавлять, что внутренній смыслъ всѣхъ перечисленныхъ явленій былъ одинъ и тотъ же?

Слѣдуя общему подъему религіознаго настроенія, русское искусство, очевидно, стояло наканунѣ такого-же расцвѣта христіанской живописи, какимъ ознаменовалось XIII—XIV столѣтіе западнаго искусства. Ему предстояло, наконецъ, сойти съ той мертвой точки, на которой европейское искусство оставалось не далѣе XI—XII столѣтія. Предоставленная самой себѣ, наша живопись могла бы двинуться тѣмъ же путемъ, какъ западная, и, можетъ быть,

пережить четырьмя-пятью вѣками позже, свою классическую эпоху. Но эти вѣка прошли не даромъ и повторять ихъ теперь было поздно, а при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ очутилась русская религіозность къ началу XVIII вѣка, и вовсе невозможно. Религіозные люди тогдашней Руси въ большинствѣ стояли за церковную старину и не имѣли побужденій поддерживать иконографическія новшества. Религіозные новаторы стояли слишкомъ далеко отъ вопросовъ искусства. А для всѣхъ остальныхъ—вдохновеніе, руководившее христіанскимъ художникомъ, скоро сдѣлалось совершенно непонятно. Вотъ почему скромное движеніе, начавшееся въ московскихъ мастерскихъ царскихъ иконописцевъ, очутилось безъ почвы, раньше чѣмъ успѣло развить заключавшіеся въ немъ богатые задатки жизни. Сердечное умиленіе этихъ художниковъ никого больше не трогало и никому не было нужно. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ наши руководящія сферы перескочили черезъ цѣлыя столѣтія европейскаго развитія и спѣшили примкнуть къ самому послѣднему, текущему моменту. А въ этотъ моментъ европейское искусство давно уже пережило періодъ наивнаго юношескаго вдохновенія, успѣло овладѣть всѣми секретами художественной техники, достигло классическаго совершенства и, пресыщенное имъ, впало въ манерность. Слѣдуя современнымъ европейскимъ образцамъ, и русскому искусству пришлось прервать нить своего органическаго развитія и, оставивъ трудныя попытки, найти ощупью собственную дорогу, послушно отдаться въ ученье европейскимъ мастерамъ.

Конечно, безнаказанно такой перерывъ пройти не могъ. Какъ ни добросовѣстно старалось русское искусство воспроизвести западные образцы, оно не могло сдѣлать этого искренно. Ему оставалось или быть неискреннимъ и притворяться, что вмѣстѣ съ формой оно восприняло и западное содержаніе, или признаться въ своемъ безсиліи и постараться пробить себѣ собственную, хотя бы и скромную дорогу. Идя по первому пути, оно обрекало себя на безплодіе; на второмъ пути его продуктивность могла произвести на Европу впечатлѣніе варварства. На первыхъ порахъ, впрочемъ, выборъ между этими двумя направленіями даже не могъ быть сознательнымъ: обстоятельства слишкомъ повелительно направляли русскаго художника по первому пути. Прежде всего, это былъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наемникъ у котораго не спрашивали, какого Бога онъ носитъ въ своей душѣ. Его отдавали въ науку въ такіе годы, когда его собственное влеченіе не могло еще сложиться; за него платили дорого хорошимъ учителямъ; отъ него требовали, чтобы онъ научился дѣлать не хуже

ихъ,—если можетъ, лучше, но, во всякомъ случаѣ, не иначе, чѣмъ они: въ противномъ случаѣ его работа никому не была нужна. Живопись попала въ ту же зависимость отъ вкуса богатыхъ господъ, въ какой мы видѣли архитектуру; а у богатыхъ господъ не было своего вкуса: они вѣрили только, что самый лучшій вкусъ есть тотъ, который раздѣляетъ въ данный моментъ Западная Европа. При этихъ условіяхъ наши таланты и бездарности отливались въ одну общую форму и, пройдя искусъ, становились болѣе или менѣе удачными копіями великихъ образцовъ, нужными только хозяевамъ, на которыхъ работали. Положеніе дѣла не измѣнилось оттого, что частныхъ хозяевъ замѣнило государство, а мѣсто барской конторы заняла Академія Художествъ (1757).

При этихъ условіяхъ, въ живописи водворился тотъ же ложноклассицизмъ съ примѣсью сентиментальности, какой господствовалъ и въ литературѣ прошлаго вѣка. У художниковъ тоже явился свой «высокій» и «низкій» штиль; подобно литераторамъ, они предпочитали говорить условнымъ языкомъ «идеальнаго» искусства и не хотѣли признавать поэзіи въ прозѣ. Высокій штиль въ живописи—это была живопись религіозная и историческая, съ ея стилизованной, «очищенной» натурой, съ ея общими мѣстами типа, позы, движеній, складокъ, съ ея предпочтеніемъ голаго тѣла и пренебреженіемъ къ ландшафту, съ цѣлой системой строгихъ запретовъ противъ безъискусственнаго воспроизведенія дѣйствительности. Низкій штиль живописи—это было изображеніе обыденности, «жанръ»; этотъ видъ терпѣли подъ условіемъ соблюденія тѣхъ же условныхъ правилъ,—но смотрѣли на него, какъ на занятіе ремесленника или, самое большее, какъ на случайную шалость таланта. «Безсмертія» и славы жанристу такъ же невозможно было добиться, какъ прозаику; только занятіе «высокимъ» родомъ искусства могло свидѣтельствовать о «высокихъ» дарованіяхъ художника.

Только-что указанное сходство въ положеніи литературы и живописи XVIII вѣка, конечно, не случайно: оно объясняется одинаковостью причины, дѣйствовавшей въ томъ и другомъ случаѣ. Искусство, какъ мы уже говорили, сдѣлалось въ это время исключительнымъ достояніемъ высшаго общественнаго класса и принуждено было отражать его вкусы, служить его потребностямъ. Но та же причина въ обоихъ случаяхъ дѣйствовала не съ одинаковой силой: поэтому и послѣдствія ея дѣйствія оказались неодинаковыя. Литература раньше освободилась отъ исключительнаго служенія высшему классу. Съ одной стороны, это объясняется тѣмъ, что люди высшаго класса могли легко обходиться безъ

услугъ русской литературы: при распространенности французскаго языка заинтересованные имѣли возможность черпать прямо изъ самаго источника. Съ другой стороны, русская литература скоро сдѣлалась насущной потребностью средняго читателя изъ другихъ общественныхъ слоевъ: естественно, что она стала приноровлять свое содержаніе именно ко вкусамъ *этого* читателя. Выше мы видѣли, что этимъ путемъ она сдѣлалась болѣе жизненной (Оч. VI, I). Съ живописью такая перемѣна случилась значительно позже. Высшій классъ гораздо больше нуждался въ русскихъ копировальщикахъ, чѣмъ въ русскихъ переводчикахъ съ иностраннаго; въ то же время этотъ классъ былъ единственный, который могъ дать художнику средства къ существованію. Вкусъ широкой публики могъ оказать свое вліяніе на живопись только тогда, когда стали входить въ обычай художественныя выставки, и появились художественные музеи, а то и другое случилось не скоро. Вотъ почему для живописи — публика стала формироваться не раньше 30-хъ—40-хъ годовъ, тогда какъ для литературы она появилась уже въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка (см. выше). Вплоть до тридцатыхъ годовъ продолжали поэтому царить въ живописи классицизмъ и условность, поощряемые заказчиками и закрѣпленные школьной рутиной.

Свѣжимъ воздухомъ пахнуло въ эту плотно закупоренную среду, какъ только явилась публика, заинтересованная въ искусствѣ. Можно, впрочемъ, и наоборотъ сказать, что публика стала интересоваться искусствомъ, какъ только обнаружились въ немъ первые признаки движенія. То и другое явленіе, т. е. появленіе художественно-заинтересованной публики и оживленіе живописи связано у насъ съ именемъ Брюллова, и еще точнѣе, съ его знаменитой картиной «Послѣдній день Помпеи», выставленной въ Петербургѣ въ 1836 году. Впервые въ Россіи успѣхъ картины принялъ размѣры какого-то общественнаго событія; и смыслъ этого событія былъ—пораженіе, нанесенное новой картиной академической условности и рутинѣ. «Послѣдній день Помпеи»—это была сама жизнь послѣ той «тихой скуки и ледяной неподвижности», какія царили въ произведеніяхъ русскихъ подражателей Менгса и Давида. Бѣгущіе люди, падающія зданія, при яркомъ заревѣ изверженія и пожара, расточительность красокъ, движеній, фигуръ, эффекты свѣта и выраженіе ужаса, отчаянія—все это привело русскую публику въ такой же восторгъ, какой, лѣтъ 15-ть раньше, испытала французская публика передъ полотномъ Жерико, перваго провозвѣстника романтизма въ живописи *). Русское

*) Разумѣю здѣсь его знаменитую картину «Плотъ фрегата Медузы».

впечатлѣніе было тѣмъ живѣе, что оно было первое въ этомъ родѣ: Брюлловъ явился, уже прославленный въ Италіи, и нераздѣльно завладѣлъ только-что разбуженными симпатіями неподготовленной публики.

И такъ, первое сильное впечатлѣніе, произведенное живописью на русскую публику, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первой побѣдой надъ условностями академическаго классицизма. За первой побѣдой скоро послѣдовали и другія. Въ сущности говоря, у самаго Брюллова оставалось еще слишкомъ достаточно всяческихъ условностей и классицизма. То, что сравнительно съ предыдущимъ застоемъ искусства представлялось жизненной правдой, само по себѣ очень скоро должно было оказаться реторикой и сплошнымъ общимъ мѣстомъ. Дѣйствующія лица «Послѣдняго дня Помпеи» слишкомъ откровенно позировали передъ зрителемъ въ роляхъ-предоставленныхъ имъ художникомъ; вся сцена слишкомъ напоминала театральное представленіе съ заранѣе обдуманными и заученными эффектами. Положеніе, занятое Брюлловымъ, скоро оказалось промежуточнымъ и временнымъ въ исторіи нашего искусства. Брюлловъ былъ Державинымъ русской живописи. Подобно «Пѣвцу Фелицы», онъ старался вдохнуть жизнь въ отжившія классическія формы; но, продолжая пользоваться этими самыми формами, онъ такъ же быстро устарѣлъ вмѣстѣ съ ними. Толчокъ, данный художникамъ и публикѣ созданіями Брюллова, не пропалъ даромъ; но интересъ тѣхъ и другихъ скоро направился совсѣмъ въ другую сторону.

Въ самый годъ колоссальнаго успѣха брюлловской картины въ Петербургѣ началъ писать свою картину въ Римѣ Ивановъ. По замыслу художника, эта картина должна была произвести тотъ переворотъ въ русской живописи, котораго не удалось произвести Брюллову: она должна была сознательно покончить со старымъ направленіемъ академіи и внести въ русское искусство жизнь и правду. И эта попытка, однако, не удалась и сохранила для насъ только одинъ историческій интересъ. Картина Иванова слишкомъ долго писалась, чтобы попасть въ тонъ современности; за то для насъ ея судьба служитъ лучшимъ показателемъ того, какъ быстро совершалось дальнѣйшее развитіе художниковъ и публики. Жажда правды, стремленіе къ мѣстному колориту было большою новостью, когда картина была задумана (около 1824 г.); эти стремленія оставались еще новостью и тогда, когда Ивановъ, 12 лѣтъ спустя, началъ, наконецъ, писать свою картину (1836). Но когда, еще черезъ столько же времени (1848) онъ ее окончилъ, все уже перемѣнилось кругомъ художника: и время, и люди. Перемѣнился,

въ концѣ концовъ, и самъ Ивановъ, утративший свой религіозный идеализмъ. Слишкомъ поздно онъ созналъ, какъ сильно надъ нимъ тяготѣли, по его собственному выраженію, слѣды «татарскаго ига», и притомъ еще не одного, а нѣсколькихъ: ига соціальнаго положенія, ига семейныхъ традицій, ига академическаго воспитанія, ига итальянской школы. Подъ этимъ гнетомъ Ивановъ истратилъ жизнь на то, чтобы разсудкомъ убѣдиться, что русскому обществу нужно не то, что онъ дѣлалъ, а что-то другое. Съ свойственной ему добросовѣстностью онъ горячо принялся искать этого «другого»; но ему такъ и не удалось до самой смерти вырваться изъ заколдованнаго круга академической пустыни, не пришлось даже и издали взглянуть на обѣтованную землю національнаго искусства. Въ тѣ нѣсколько недѣль жизни, которыя оставались ему послѣ возвращенія изъ Италіи въ Россію (1858), онъ, конечно, не имѣлъ возможности разсмотрѣть, что эта искомая и неизвѣстная ему основа національнаго искусства тутъ, подъ руками, зрѣетъ и пробивается на свѣтъ Божій, только не въ высокой формѣ религіозной живописи, а въ формѣ презрѣннаго въ его глазахъ «жанра».

А между тѣмъ, «жанръ»,—эта проза живописи, ея соціальный романъ и повѣсть,— давно уже пустилъ корни въ Россіи и къ серединѣ вѣка успѣлъ дать свои первые, довольно замѣтные побѣги. Венеціановъ (1780—1847) былъ Карамзинымъ русской живописи, съумѣвшимъ облечь подлинный русскій бытъ въ тѣ приличныя, сильно подправленныя и подслащенныя формы, въ которыхъ этотъ бытъ только и могъ тогда стать достояніемъ живописи. «Добрые поселяне» и добродѣтельные помѣщики венеціановскихъ жанровъ никого не могли шокировать; сама академія соглашалась, на этихъ условіяхъ, принять подъ свое покровительство «сей пріятный родъ живописи». Сорокъ восьмой годъ и тутъ сразу все испортилъ, внеся рѣзкій диссонансъ въ мирное сожительство двухъ «штилей» и навсегда поссоривъ ихъ между собою. Причиной ссоры было неблаговоспитанное поведеніе русскаго жанра. На академической выставкѣ 1848 г. появилось знаменитое Федотовское «Утро чиновника, получившаго первый орденъ», переименованное изъ предосторожности въ скромное «Слѣдствіе пирушки» въ академическомъ каталогѣ. Осторожность оказалась не лишней: при воспроизведеніи картины въ литографіи пришлось пойти еще дальше и снять орденъ съ халата новоиспеченнаго «кавалера». Смыслъ этихъ мѣропріятій понятенъ былъ каждому: впервые русская живопись осмѣлилась задѣть настоящую, неприкрашенную, *гоголевскую* дѣйствительность. Къ выставкѣ слѣдую-

даго 1849 года Ѳедотовъ взялъ тему въ духѣ только-что начинавшаго тогда Островскаго; онъ представилъ другую свою знаменитую картину «Сватовство маіора». Русская живопись могла теперь праздновать свое гражданское совершеннолѣтіе.

Публика пошла за Ѳедотовымъ; но въ мірѣ художниковъ до самаго конца царствованія императора Николая I продолжалъ царить Брюлловъ. Попытки Ѳедотова здѣсь не казались серьезными и вызвали осужденіе критики. Самому Ѳедотову и въ голову не могло придти, что его картины окажутся первыми предвѣстниками того широкаго движенія, которое началось въ русской живописи съ воцареніемъ Императора Александра II и привело къ образованію самостоятельной русской школы.

На этотъ разъ искусство догнало, наконецъ, литературу и пошло въ своемъ развитіи объ руку съ нею, въ тѣснѣйшей отъ нея зависимости. Русскіе художники, въ своемъ стремленіи къ правдѣ и дѣйствительности, только примкнули къ общему настроенію литературы и вмѣстѣ съ нею бросились въ борьбу противъ общаго врага,—противъ остатковъ ненавистной старины. Старые авторитеты въ мірѣ живописи, какъ и повсюду, должны были быть окончательно низвергнуты. Тотъ же самый литературный критикъ (В. В. Стасовъ), который въ 1852—1856 годахъ еще вѣритъ въ величіе Брюллова, въ 1861 году низводитъ его съ пьедестала и подвергаетъ суровой критикѣ его художественные пріемы. То же самое произведеніе, которое только-что казалось критику чуть не безсмертнымъ созданіемъ по богатству художественной фантазіи, теперь вызываетъ съ его стороны одно осужденіе, какъ произведеніе, оскорбительное для человѣческаго достоинства *). Понятно, что и картина Иванова, простоявшая въ мастерской еще десять лѣтъ послѣ того, какъ перестала удовлетворять самого художника, оказывается въ эти годы (1858) совсѣмъ не по времени. Молодежь спѣшила разорвать всѣ связи съ прошлымъ, съ академіей, съ высокими родами живописи.

Не далѣе, какъ въ 1863 г., это настроеніе молодого поколѣнія художниковъ находитъ свое выраженіе въ фактѣ, въ высшей степени характерномъ. Тринадцать талантливыхъ учениковъ академіи отказываются изображать «бога Одина въ Валгаллѣ»,—очередная тема, заданная академіей на золотую медаль. Они рѣшаютъ, что

*) Рѣчь идетъ о послѣднемъ эскизѣ Брюллова «Всесокрушающее время» (Il tempo destruttore), въ которомъ авторъ хотѣлъ состязаться со «Страшнымъ судомъ» Микель-Анджело и изобразилъ всѣхъ представителей религій, науки и искусства, любви и красоты всѣхъ временъ и народовъ — низвергаемыми старцемъ-Временемъ въ однѣ и тѣ же волны забвенія.

академія имъ больше не нужна, посылка за-границу тоже; подражанія великимъ образцамъ они бѣгаютъ, какъ чумы, всему предпочитаютъ натуру, и притомъ, свою родную, русскую натуру, и въ ней ищутъ пищи для своего вдохновенія. Покинувъ академію, молодежь составляетъ «артель», сдѣлавшуюся потомъ зерномъ «Товарищества передвижныхъ выставокъ». Обращеніе къ большой публикѣ является естественнымъ выводомъ со стороны направленія, которое не хочетъ больше лицемѣрія и учености, объявляетъ войну всякой условности и всѣмъ хочетъ быть одинаково понятно. На академической выставкѣ новому направленію скоро становится тѣсно; съ 1871 года является «передвижная», и къ ней переходятъ всѣ симпатіи публики.

Послѣдствія этого движенія пятидесятыхъ годовъ всѣмъ хорошо извѣстны. Вслѣдъ за Перовымъ,—Некрасовымъ русской живописи,—выступила цѣлая фаланга талантливыхъ художниковъ, перенесшихъ на полотно все содержаніе русской дѣйствительности. Городъ и деревня, столица и провинціальная глушь, всѣ классы общества, крестьяне и разночинцы, помѣщики, духовенство бѣлое и черное; люди всякихъ профессій, чиновники и лавочники, доктора и адвокаты, студенты и курсистки; всевозможныя положенія жизни, служба и ссылка, преступленіе, подвигъ и мирная семейная жизнь; вся гамма душевныхъ настроеній, отъ легкой шутки до ужасающей трагедіи, всяческая злоба дня, банковый крахъ, судебный процессъ,—словомъ, все безконечно-разнообразное содержаніе дѣйствительной жизни сразу сдѣлалось содержаніемъ того рода живописи, который такъ еще недавно занималъ въ искусствѣ и на выставкахъ второстепенное положеніе «жанра». Теперь никто ничѣмъ другимъ не интересовался. Религіозная живопись безсильна была вдохновить художника; историческая живопись удавалась рѣдко. За то вездѣ, гдѣ русскіе художники чувствовали подъ собой почву въ существующей дѣйствительности, гдѣ искусство должно было только быть правдивымъ, вездѣ новое направленіе быстро добилось блестящихъ успѣховъ. Подобно литературѣ, его обвиняли въ тенденціозности, въ стремленіи обличать общественное зло, въ томъ, что его реализмъ часто переходилъ въ преувеличеніе и карикатуру. Нельзя отрицать фактовъ, вызвавшихъ эти обвиненія, и нѣтъ надобности ихъ оправдывать. Искусство только было въ этомъ случаѣ вѣрнымъ выразителемъ настроенія современнаго ему общества. Принципъ реализма, во всякомъ случаѣ, былъ шире тѣхъ примѣненій, которыя изъ него дѣлались на первыхъ порахъ, и глубже коренился въ условіяхъ развитія русскаго творчества. Лишенное живой традиціи и школы, русское искусство должно

ло на первыхъ шагахъ своего развитія оказаться непосредствен-
мъ и свѣжимъ, враждебнымъ всякой искусственности. Когда
личительная горячка прошла, искусство все-таки осталось реа-
стическимъ; и переставъ быть сентенціознымъ, оно отъ этого
сдѣлалось менѣе поучительнымъ. Послѣ Перова мы получили
Ѣпина, изобразившаго намъ, безъ сентиментальности и раздра-
енія, нѣчто болѣе сильное, чѣмъ всѣ инвективы молодого Перова.
Ѣпину нѣтъ надобности изображать сельскаго пастыря въ мо-
ентъ самаго крайняго униженія, чтобы вызвать въ зрителѣ кри-
ическое отношеніе къ нему; тотъ же «крестный ходъ» онъ изо-
разить, напротивъ, въ моментъ высшаго торжества формальной
ѣры,—и впечатлѣніе зрителя будетъ гораздо глубже и сильнѣе.
Изъ толпы оборванцевъ онъ создаетъ художественный символъ
русскаго народа, вѣками тянущаго свою тяжелую государствен-
ую лямку среди монотонной исторической арены, и, конечно,
этотъ «жанръ» будетъ не менѣе «исторической» живописью, чѣмъ
изображеніе такой же группы оборванцевъ, не умѣстившихся въ
рамкахъ государственности и сложившихся въ безшабашное ка-
зацкое рыцарство. Какъ видимъ, все доступно этому реализму, не
исключая самыхъ глубокихъ историческихъ концепцій; только въ
области религіозной живописи онъ остается безсильнымъ и вмѣсто
иконы даетъ ту же историческую картину (Святитель Николай):
но это потому, что расцвѣтъ религіозной живописи бываетъ про-
дуктомъ совсѣмъ другихъ временъ и иныхъ общественныхъ на-
строеній. Получи національная школа живописи свое начало въ
исходѣ XVII вѣка, она, конечно, развилась бы на почвѣ религіозной
живописи въ духѣ прерафаэлитизма; во второй половинѣ XIX вѣка
она только и могла развиться на почвѣ соціальной борьбы и жи-
тейскаго реализма.

Если мы отъ изобразительныхъ искусствъ обратимся къ исто-
ріи русской музыки, то и здѣсь найдемъ тотъ же параллелизмъ
развитія, какой могли услѣдить въ исторіи живописи и литературы.
Западная музыка была продуктомъ культурнаго вліянія церковнаго
элемента на народные задатки. Народная пѣсня дала напѣвъ;
церковный средневѣковой стиль научилъ сопровождать этотъ на-
пѣвъ другими созвучными голосами. Такимъ образомъ явилось
въ музыкѣ новаго времени сочетаніе мелодіи съ гармоніей, одно
голоснаго стиля съ многоголоснымъ. Въ Россіи и въ этомъ слу-
чаѣ церковь сторонилась отъ народной старины: вотъ почему цер-
ковное пѣніе и народная пѣсня долго существовали у насъ рядомъ,
не оказывая другъ на друга никакого вліянія и нисколько не
развивая своихъ старинныхъ формъ. Точно такое же отношеніе

мы видѣли раньше между народнымъ языческимъ преданіемъ и христіанской поэзіей. И результаты получились здѣсь тѣ же. Русская пѣсня донесла вплоть до нашего времени свой своеобразный ритмъ и даже свою особенную гамму, не укладывающуюся не только въ рамки европейскаго мажора и минора, но и вообще въ рамки европейской тональности. Съ другой стороны, и церковное пѣніе («знаменное») долго оставалось такимъ же неразвитымъ, одноголоснымъ, какимъ пришло къ намъ изъ Византіи или отъ южныхъ славянъ. Древняя Русь не принимала никакого участія въ той грандіозной выработкѣ многоголосного стиля, которая на Западѣ уже заканчивалась въ XV столѣтіи, подготовивъ почву для Палестрины.

Однако же, и въ Россіи можно замѣтить въ области церковной музыки нѣкоторое движеніе, параллельное европейскому, хотя и гораздо болѣе элементарное. Движеніе это относится къ тому же времени, какъ и указанныя нами выше начатки самостоятельнаго развитія въ другихъ родахъ искусства: къ XVI и XVII вѣку. Съ середины XVI столѣтія записываются и вновь составляются церковные напѣвы. Въ это же время входитъ въ употребленіе особый родъ пѣнія, называемый «демественнымъ». Онъ состоялъ, повидимому, въ томъ, что основной мотивъ напѣва сопровождался чѣмъ-то вродѣ непрерывной каденцы ad libitum. Сперва это украшеніе мотива было импровизаціей пѣвца-виртуоза; но затѣмъ его голосъ былъ записанъ, и для этого изобрѣтены русскими спеціалистами особые нотные знаки, болѣе сложные, чѣмъ старые «знаменные» крюки. Можно предполагать, что рулады «демественнаго» пѣнія послужили у насъ первымъ толчкомъ къ развитію многоголосной музыки: по крайней мѣрѣ, древнѣйшія русскія сочиненія на нѣсколько голосовъ (XVII в?) написаны тѣми же, спеціально-русскими, знаками, какъ и «демественные» напѣвы. Эти первые шаги къ развитію полифоннаго стиля были, повидимому, дѣломъ царской пѣвческой школы XVI—XVII в., точно такъ же, какъ царскіе живописцы положили начало возрожденію живописи, и такъ же, какъ въ послѣднемъ случаѣ Новгородъ, кажется, предвосхитилъ стремленія царской школы. Питомцемъ Новгородской школы былъ одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ гармонистовъ, Шайдуровъ, принявшійся гармонизировать церковныя мелодіи съ помощью того самаго «тріестествогласія» (простого тризвучія), которое казалось и позднѣйшимъ изслѣдователямъ единственно возможнымъ способомъ гармонизаціи древнихъ напѣвовъ.

Судьба этихъ скромныхъ самостоятельныхъ попытокъ была та же самая, какъ и судьба начинаній Ушакова и Владимірова

(см. выше). Вырабатывать собственный полифонный стиль оказалось такъ же поздно, какъ и создавать самобытную религіозную живопись. Изъ югозападной Руси скоро (уже въ началѣ XVII вѣка) стали переходить въ Москву готовыя многоголосныя партитуры. Такимъ образомъ, «партесное» пѣніе XVIII вѣка явилось не столько плодомъ самостоятельныхъ русскихъ усилій, сколько перерывомъ въ музыкальной русской традиціи. Въ обыденномъ пѣніи сохранились, правда, старинные знаменные напѣвы, закрѣпленные, съ грѣхомъ пополамъ, первымъ печатнымъ синодскимъ изданіемъ 1772 года. Но придворная и аристократическая церковная музыка, подобно архитектурѣ и живописи, пошла путемъ подражанія. Во второй половинѣ XVIII вѣка явились въ Россію, на казенную службу, итальянскіе композиторы: они подняли, правда, «партесное» пѣніе на высоту современной европейской техники, но, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно лишили его національнаго колорита.

Впрочемъ, церковная музыка вообще отошла теперь на второй планъ. На первый планъ выдвинулась свѣтская музыка, которую въ изобиліи поставляли тѣ же итальянцы, приглашавшіеся на придворную службу. Въ Россіи началось господство «оперы»—въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее тогда понимали: въ смыслѣ какого-то водевиля съ аріями въ формѣ куплетовъ, съ плясками и хорами. Позднѣе, конечно, эта «опера» XVIII вѣка смѣнилась позднѣйшей оперой знаменитыхъ итальянскихъ маэстро; но эта позднѣйшая музыка удовлетворяла тому же легкому вкусу, какъ и старая. Такимъ образомъ, итальянизмъ сдѣлался у насъ такой же условностью въ музыкѣ, какою былъ классицизмъ въ живописи и литературѣ. Нужно, однако, отмѣтить и важную разницу въ положеніи того и другого. Оба направленія можно назвать условными въ томъ смыслѣ, что оба они одинаково вытекали изъ отчужденія искусства отъ живыхъ родниковъ національнаго творчества. Но классицизмъ принимался русскимъ обществомъ, какъ обязательная декорація европейскаго просвѣщенія, необходимая для соблюденія приличія, хотя никого въ сущности не интересовавшая. Итальянщина же въ самомъ дѣлѣ льстила элементарнымъ вкусамъ совершенно неподготовленной публики. Вотъ почему поворотъ къ національности и сближеніе съ жизнью было гораздо легче для литературы и живописи, чѣмъ для музыки. Для того, чтобы сочувствовать крушенію ложнаго классицизма, нуженъ былъ только простой здравый смыслъ и свѣжее чувство; для того же, чтобы восторжествовать надъ итальянской музыкальной манерой, нуженъ былъ образованный вкусъ, котораго большинству недоставало. И притомъ, побѣда надъ классицизмомъ приводила непосредственно къ

національному реализму; тогда какъ побѣда надъ итальянщиной еще не разрѣшала сама по себѣ дальнѣйшаго вопроса, кто воспользуется плодами этой побѣды: уступитъ ли итальянизмъ свое мѣсто серьезной европейской космополитической музыкѣ, или же и здѣсь возьметъ верхъ русская національная школа.

Переходъ отъ итальянской музыки къ національной, а также и отношеніе публики къ этому переходу мы можемъ на этотъ разъ прослѣдить на одномъ человѣкѣ: на основателѣ русской оперы, Глинкѣ. Только-что вернувшись изъ первой своей итальянской поѣздки, полный впечатлѣній, вывезенныхъ изъ Италіи, Глинка принялся за свою первую оперу («Жизнь за Царя»); публика познакомилась съ ней въ одинъ годъ съ картиной Брюлова (1836) и чрезвычайно охотно отнесла ее, вмѣстѣ съ этой картиной, къ разряду истинно-національныхъ произведеній, дѣлающихъ эпоху. Надо припомнить, что это было время оффиціальныхъ поисковъ за всѣмъ національнымъ: опера Глинки и картина Брюллова очутились въ категоріи великихъ національныхъ созданій по тому же побужденію, по какому попала въ эту категорію Тоновская архитектура и чуть не попали патріотическія драмы Кукольника. Конечно, «Жизнь за Царя» имѣла несравненно болѣе правъ на эту честь, чѣмъ всѣ перечисленыя произведенія искусства; но, собственно, заслужила она свой успѣхъ у публики какъ разъ тѣми слабѣйшими сторонами, которыя роднили ее съ этими произведеніями. Публика цѣнила въ оперѣ Глинки ея слащавый итальянскій элементъ и не замѣчала того, что было дѣйствительно ново и оригинально. Черезъ шесть лѣтъ это взаимное недоразумѣніе выяснилось. Дѣло въ томъ, что Глинка за этотъ періодъ успѣлъ окончательно возненавидѣть итальянскую манеру; онъ былъ теперь и вообще «недоволенъ существующей музыкальной системой», находилъ, «что музыкѣ необходимо обновленіе, освѣженіе посредствомъ другихъ элементовъ», и осуществилъ свои новаторскія стремленія въ «Русланѣ и Людмилѣ» (1842). Пріемъ, сдѣланный оперѣ публикой, былъ на этотъ разъ совершенно иной. Публику привели въ восхищеніе въ «Русланѣ» декораціи и костюмы; а музыка вызвала одно только недоумѣніе. «Всѣ пришли въ театръ съ предубѣжденіемъ въ пользу композитора», разсказываетъ одна современная рецензія (Булгаринъ въ въ «Сѣверной Пчелѣ»), «съ пламеннымъ желаніемъ споспѣшествовать его торжеству,—и всѣ вышли изъ театра, какъ съ похоронъ! Первое слово, которое у каждаго срывалось съ языка: *скучно*. «Слѣдовательно», разсуждаетъ далѣе рецензентъ, «вся публика не поняла музыки *Руслана и Людмилы?* Положимъ такъ. Но для кого пишутся оперы? Для ученыхъ контрапунктистовъ, глубокихъ

знатоковъ композиторовъ или для публики, для массы? Композиціи, написанныя для безсмертія, для потомства, пусть бы оставались въ портфелѣ, а публикѣ пусть бы дали то, что̀ она въ состояніи понимать и чувствовать». Таково было общее настроеніе,— и опера послѣ перваго сезона исчезла съ театральныхъ подмостковъ на цѣлыхъ 15 лѣтъ. Итальянцы въ слѣдующую зиму праздновали въ Петербургѣ одинъ изъ самыхъ своихъ блестящихъ тріумфовъ.

Положеніе дѣла не измѣнилось и послѣ этого промежутка. Другой новаторъ, еще болѣе смѣлый, Даргомыжскій, вотъ что̀ говорилъ въ 1856 году о своихъ планахъ и объ отношеніи къ нимъ публики. «Артистическое мое положеніе въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ для слуха «мелодій», за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. *Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды.* Они этого понять не умѣютъ».

Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается программа новѣйшей русской музыкальной школы. Русская музыка хочетъ быть реалистической, подобно другимъ отраслямъ русскаго искусства. Это направленіе и тутъ особенно развивается со времени эпохи реформъ. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, подъ покровительствомъ Даргомыжскаго, составляется кружокъ начинающихъ музыкантовъ, не прошедшихъ никакой систематической школы и потому надолго закрѣпившихъ за собой репутацію «дилеттантовъ». Тутъ было два новоиспеченныхъ офицера, Кюи и Мусоргскій, и только-что кончившій въ университетѣ Балакиревъ; нѣсколько позже (въ началѣ 60-хъ годовъ) къ кружку присоединились воспитанникъ морского училища, потомъ морской офицеръ Римскій-Корсаковъ и молодой профессоръ химіи, Бородинъ. Балакиревъ былъ между ними самый знающій и скоро сталъ признаннымъ главой кружка, членовъ котораго онъ поочередно ввелъ въ таинства музыкальной техники. Въ талантахъ и рвеніи недостатка въ кружкѣ не было. Но обстоятельства сложились такъ, что молодымъ піонерамъ русской музыки пришлось очутиться въ оппозиціи: господствующее положеніе занялъ въ мнѣніи публики и журнальной критики музыкальный космополитизмъ, пріобрѣтшій себѣ прочную опору въ только что открытой петербургской консерваторіи (1862). «Балакиревскій кружокъ» не думалъ, однако, складывать оружія. Въ томъ же году—и за годъ до извѣстнаго намъ бунта молодыхъ художниковъ противъ академіи (см. выше),—молодые музыканты создали, въ pendant къ консерваторіи, свою «Безплатную музыкальную

школу»; конперты этой школы, подъ управленіемъ Балакирева, сдѣлались настоящей выставкой—только что не «передвижной»—произведеній новой русской музыки. Реализмъ оставался главнымъ девизомъ этой музыки: Мусоргскій повелъ его еще дальше Даргомыжскаго въ речитативномъ стилѣ своихъ оперъ, а въ симфонической и камерной музыкѣ выраженіемъ новаго направленія сдѣлалась «програмность». Стремленіе выразить слово звукомъ, имѣло свои крайности, подобныя тѣмъ, какія мы видѣли и въ направленіи живописи 60-хъ годовъ: не даромъ Мусоргскаго сравнивали съ Перовымъ. Національность русской музыки проявилась, конечно, не въ однихъ этихъ увлеченіяхъ: и мелодія, и гармонія были у нашей «кучки» своеобразны и оригинальны. Неподготовленность большой публики и рѣдкость исполненія новыхъ сочиненій были причиной, почему успѣхъ русской музыкальной школы не былъ ни такъ быстръ, ни такъ рѣшителенъ, какъ успѣхъ новой живописи. Но, конечно, это препятствія временныя. Вопреки имъ и несмотря даже на остатки предразсудковъ противъ русскихъ новаторовъ, публика уже теперь начинаетъ цѣнить мощь Бородина, нѣжность Кюи и грацію Римскаго-Корсакова. Можно быть разныхъ мнѣній объ отдѣльныхъ произведеніяхъ и авторахъ новой школы, но трудно не согласиться, что основными ея чертами являются правдивость, свѣжесть впечатлѣній, непосредственность въ ихъ музыкальной передачѣ. Русская музыка, какъ и русская живопись, носятъ на себѣ одинъ и тотъ же характеръ перваго почина, не связаннаго никакой традиціей, никакими правилами школьной рутины. Темпераментъ побѣждаетъ въ нихъ условность: ихъ сила въ томъ самомъ преобладаніи натуры надъ культурой, за которое школьный педантизмъ подвергалъ ихъ строгому осужденію.

На этомъ мы можемъ кончить наши наблюденія надъ исторіей русскаго творчества. Выводы, къ которымъ приводятъ эти наблюденія, стоятъ въ самой тѣсной связи съ итогами предъидущаго (V) очерка. Русская литература и искусство переживаютъ въ своемъ развитіи четыре періода. Смѣна первыхъ трехъ изъ нихъ объясняется состояніемъ религіозности соотвѣтствующаго періода; характеръ послѣдняго является необходимымъ послѣдствіемъ характера предъидущихъ.

Первый періодъ характеризуется механическимъ воспроизведеніемъ и невольнымъ искаженіемъ образцовъ, полученныхъ отъ Византіи. Онъ соотвѣтствуетъ внѣшнему воспріятію религіозныхъ формъ, при полномъ безсиліи усвоить ихъ духовное содержаніе. Только въ архитектурѣ этотъ періодъ кончается довольно рано, вслѣдствіе зависимости строительныхъ формъ отъ мѣстнаго мате-

ріала и условій жизни. Въ остальныхъ областяхъ творчества простое копированіе продолжается до конца XV и начала XVI вѣка. Въ XVI и XVII в. наступаетъ *второй* періодъ, который можно назвать періодомъ безсознательнаго народнаго творчества. Религіозный формализмъ, усвоенный предъидущей эпохой, ведетъ теперь къ преувеличенному почитанію мѣстныхъ національныхъ особенностей, принимаемыхъ за самую исконную, подлинную христіанскую старину. Наряду съ особенностями обряда пріобрѣтаютъ общее уваженіе и произведенія самобытнаго искусства: христіанская легенда начинаетъ вдохновлять художника и оказывать вліяніе на религіозную живопись; архитектура переживаетъ періодъ расцвѣта національнаго стиля. Но скоро ревнители настоящей, греческой старины обнаруживаютъ національное происхожденіе мѣстныхъ особенностей, церковныхъ и художественныхъ. Противъ нихъ начинается теперь, во имя того же формализма вѣры, усиленное преслѣдованіе. Церковь разрываетъ связь съ своимъ національнымъ прошлымъ и строго осуждаетъ плоды самостоятельнаго, хотя и безсознательнаго религіознаго творчества. Созданное такимъ образомъ положеніе оказывается роковымъ для дальнѣйшей судьбы русскаго искусства. Оффиціальная вѣра ставитъ этому искусству слишкомъ узкія рамки; народная вѣра слишкомъ занята вопросомъ самосохраненія, слишко бѣдна интеллигентными вождями и, наконецъ, слишкомъ усердно стоитъ за сохраненіе московской старины, чтобы представить благопріятную почву для свободнаго развитія искусства. Въ этотъ моментъ внутренней слабости, вызванной отпаденіемъ усерднѣйшихъ и равнодушіемъ оставшихся,—началось могущественное вліяніе Запада. Вліяніе это было неизбѣжно, но послѣдствія его могли быть различны, смотря по тому, встрѣтилось ли бы оно съ богатствомъ или съ пустотой душевной жизни. Мы видѣли примѣры подъема религіозной мысли и чувства подъ одушевляющимъ вліяніемъ Запада. Это былъ конецъ XVII вѣка, когда еще свой домашній споръ о вѣрѣ не былъ покончен, когда интересъ къ религіознымъ вопросамъ чрезвычайно возросъ въ русскомъ обществѣ: одно время могло даже казаться, что русскому художнику суждено пережить тотъ же самый періодъ наивнаго религіознаго одушевленія, которымъ началось развитіе европейскаго искусства. Но и въ этотъ рѣшительный моментъ оказалось, что русскій религіозный формализмъ слишкомъ силенъ, чтобы дать свободу новымъ тенденціямъ, и слишкомъ слабъ, чтобы возбудить къ нимъ сочувствіе въ широкихъ кругахъ. Русская православная душа была для этого отчасти слишкомъ стерилизована, отчасти слишкомъ поверхностно затронута религіознымъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ, западное *свѣтское* вліяніе нашло себѣ въ этой душѣ самую благодарную почву: въ самый короткій срокъ все міровоззрѣніе высшаго русскаго общества было секуляризовано.

Эта новая перемѣна опредѣлила содержаніе *третьяго* періода въ исторіи русскаго творчества. Отрѣшенное отъ своихъ національныхъ началъ, осужденныхъ церковью, и лишенное религіознаго импульса, отвергнутаго обществомъ, русское искусство потеряло всѣ шансы—сдѣлаться самостоятельнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не могло больше оставаться и народнымъ, такъ какъ все народное стало теперь *простонароднымъ*, т. е. сдѣлалось достояніемъ низшихъ классовъ общества. Искусство должно было служить высшему классу и украшать его обстановку точными копіями съ произведеній иностраннаго искусства. Оно надолго разсталось съ вдохновеніемъ и потеряло связь съ дѣйствительной русской жизнью; за то оно овладѣло средствами европейской техники.

Четвертый періодъ долженъ былъ начаться тогда, когда эти техническія средства стали служить для выраженія собственнаго своего духовнаго содержанія. Это произошло тотчасъ же, какъ только искусство перестало служить простой декораціей барской жизни и сдѣлалось истинной потребностью русскаго общества. Для литературы это положеніе наступило всего раньше; поэтому давно началось и ея сближеніе съ жизнью. Архитектура, живопись и музыка долѣе находились въ рабствѣ у высшаго класса, и ихъ самостоятельная жизнь началась только со времени великой соціальной реформы, измѣнившей всѣ классовыя отношенія русскаго общества. И какъ только въ нашемъ искусствѣ обнаруживались попытки самостоятельности, такъ тотчасъ же цѣлью этихъ попытокъ становилось служеніе обществу, а средствомъ—самый широкій реализмъ. Реализмъ есть также лозунгъ и современнаго европейскаго искусства; но, связанное преданіями школы и сложившимися привычками публики, оно никогда не могло бы рѣшиться такъ смѣло разорвать съ прошлымъ, какъ это сдѣлало русское искусство. Реализмъ западнаго искусства—есть все-таки нѣкоторая система, художественная теорія. Реализмъ русскаго искусства нерѣдко, особенно вначалѣ, отрицалъ принципіально всякую теорію и систему. Вотъ почему русскій реализмъ всегда найдетъ у иностраннаго черезчуръ еще много искусственности и условности, тогда какъ иностранный упрекнетъ русскаго въ недостаткѣ искусства и въ необработанности формы. Отсутствіе традиціи есть основная причина этой разницы нашего искусства съ европейскимъ; а причина отсутствія традиціи заключается, какъ мы видѣли, въ общемъ ходѣ развитія русской культуры. Религія у насъ слиш-

комъ поздно начала оказывать вліяніе на творчество, и вліяніе это было слишкомъ поверхностно: вотъ почему русское творчество не имѣло возможности органически развиться изъ тѣхъ же задатковъ, изъ которыхъ развилось художественное творчество Западной Европы.

Общій очеркъ развитія византійскаго искусства см. въ книгѣ *Bayet*, L'art byzantin (въBibliothèquede l'enseignement des beaux arts). Фактическій матеріалъ по «Исторіи русской архитектуры» собранъ въ книгѣ *А. М. Павлинова* подъ этимъ заглавіемъ. Москва. 1894. Теорія восточныхъ вліяній на русскую архитектуру и орнаментъ выставлена *Віолле-де-Дюкомъ* въ его сочиненіи: «Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность». Перев. Н. В. Султанова. М. 1879. Здѣсь же замѣчанія о своеобразныхъ чертахъ архитектуры XVI в. О вліяніи деревянныхъ формъ на стиль церковной архитектуры см. прекрасную статью *И. Е. Забѣлина*, Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ, перепечатано изъ «Древней и Новой Россіи» 1878 г. въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ» за 1894 годъ, и *Н. В. Султанова*—Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ. Изслѣдованіе по рукописи XVI вѣка: «Житіе Николая Чудотворца». Спб. 1881, въ Памятникахъ древней письменности. О строителяхъ собора Василія Блаженнаго см. «Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи московскаго Покровскаго собора», свящ. *І. Кузнецова* въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Р. 1896, кн. II. Для исторіи русской живописи XVI и XVII вѣка см. рядъ статей въ Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства *Ѳ. И. Буслаева*, т. II: древнерусская народная литература и искусство. Спб. 1861, и его же обширную статью: Общія понятія о русской иконописи въ Сборникѣ на 1866 годъ, изд. Обществомъ древнерусскаго искусства при Моск. публичномъ музеѣ. По «исторіи русскихъ школъ иконописанія до конца XVII в.» единственнымъ остается руководство *Д. Ровинскаго* въ VIII томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества и отдѣльно. Спб. 1856. Къ сожалѣнію, при напечатаніи были выпущены отдѣлы о греческомъ и корсунскомъ письмѣ, старомъ московскомъ и Рублева, новомъ Палеховскомъ, описаніе иконъ Успенскаго собора и др. церквей, и всѣ имена любителей (большею частью раскольниковъ), о собраніяхъ которыхъ было упомянуто въ рукописи. Данныя относительно самостоятельнаго русскаго развитія иконографическихъ сюжетовъ въ изобиліи собраны въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ *Н. Покровскаго:* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Спб. 1892 (въ Трудахъ VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1890, т. I), *его же:* Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства (въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. III, Одесса, 1887) и *его же*: Сійскій иконописный подлинникъ, Памятники древней письменности, два выпуска CVI и CXIII (1895—1896 гг.) и альбомъ (CIX). Стѣнныя росписи царскаго дворца въ XVI и XVII в. описаны у *Забѣлина*, Домашній бытъ русскихъ царей, ч. I, 3-е изд. съ дополненіями. М. 1895 г. Очеркъ развитія новѣйшей русской живописи см. въ переводѣ изъ «Исторіи живописи въ XIX столѣтіи» *Рихарда Мутэра* (составлено при содѣйствіи А. Бенуа въ Петербургѣ), въ Р. Художеств. Архивѣ 1894, вып. I. Хронику картинныхъ выставокъ и лѣ-

топись успѣховъ русской живописи ведъ *В. В. Стасовъ* съ шестидесятыхъ годовъ; см. эти статьи въ его собраніи сочиненій, Спб. 1894, Три тома; здѣсь же критико-біографическіе очерки дѣятельности Брюллова и Иванова, Перова (и сравненіе его съ Мусоргскимъ) и большія резюмирующія статьи: «Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства» и «Тормазы новаго русскаго искусства», напечатанныя первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» 1872—1883 и 1885 гг. (архитектура, живопись, скульптура и музыка). По исторіи русской музыки см. «Очеркъ исторіи музыки Россіи» *З. Дурова*, приложенный, въ видѣ ряда отдѣльныхъ главъ, къ «Руководству къ изученію исторіи музыки» *Доммера*. Москва, 1884. О древнѣйшей церковной и народной музыкѣ см. *Д. В. Разумовскаго*: Объ основныхъ началахъ богослужебнаго пѣнія православной греко-россійской церкви въ упомянутомъ Сборникѣ на 1866 г. и рядъ статей (Разумовскаго, кн. *В. Ѳ. Одоевскаго* и другихъ) въ трудахъ I археол. съѣзда въ Москвѣ, т. II, М. 1871; также статью *кн. Одоевскаго* въ Каликахъ-Перехожихъ П. Гедеонова и статьи *Стасова* о демественномъ и троесрочномъ пѣніи» въ III т. сочиненій. Свѣдѣнія о старой оперѣ въ Россіи (до Глинки. см. въ книгѣ *В. Михневича*, Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. Спб. 1879) О новой русской музыкѣ см. хронику *Стасова* и его же біографію Глинки и Мусоргскаго (III томъ сочиненій). См. также біографіи композиторовъ русской школы, составленныя *П. Трифоновымъ* (въ «Вѣстникѣ Европы»): Даргомыжскаго (1886, XI—XII) Бородина (1888, X—XI), Римскаго-Корсакова (1891, V—VI).

ДВѢ МИНУТЫ СОРОКЪ ДВѢ СЕКУНДЫ.

(Изъ воспоминаній о затмеиіи).

Въ августѣ 188... года полоса ожидавшагося тогда полнаго затменія солнца должна была пройти по средней Россіи и Сибири.

Пользуясь любезнымъ предложеніемъ моего стараго знакомаго, Перова, бывшаго во главѣ одной изъ университетскихъ астрономическихъ экспедицій, въ 20-хъ числахъ іюля, я уже спѣшилъ въ маленькій провинціальный городокъ N, гдѣ расположилась эта экспедиція.

Здѣсь были уже почти всѣ въ сборѣ. Изъ моихъ соотечественниковъ, кромѣ Перова, тутъ были двое — только-что кончившій курсъ кандидатъ университета и директоръ одной изъ южныхъ обсерваторій, а изъ иностранцевъ — извѣстный нѣмецкій фотохимикъ Фуссъ и бельгійскій астрономъ Роше. Впослѣдствіи, передъ самымъ затменіемъ, пріѣхалъ еще одинъ изъ профессоровъ университета.

Что же заставило собраться сюда этихъ людей? Всѣ выводы естествознанія и, въ частности, астрономіи, покоятся на данныхъ, добытыхъ изъ самой же природы: внѣ *наблюденій* нѣтъ ни выводовъ, ни научнаго прогресса. Поверхность нашего дневного свѣтила въ значительной степени изучена и систематически изо-дня-въ-день десятками лицъ ведутся, такъ сказать, дневники его жизни. Но есть область, мало доступная наблюдателю и, тѣмъ не менѣе, очень интересная для сужденія объ общемъ строеніи солнца—это газообразная оболочка, атмосфера, окружающая полужидкій шаръ солнца. При обыкновенныхъ условіяхъ эта атмосфера не видна, вслѣдствіе слабости ея свѣта; только во время полнаго затменія, когда луна своимъ тѣломъ покроетъ ослѣпительный солнечный дискъ, эта атмосфера рисуется передъ нашими взорами въ видѣ чудной солнечной короны. Но мы должны хватать явленіе, такъ сказать, на лету: съ угасаніемъ послѣдняго луча солнца, оно по-

является, и съ появленіемъ перваго же луча исчезаетъ, какъ миражъ. Длительность фазы полнаго затменія не превосходитъ 6 минутъ, обыкновенно же гораздо меньше, и вотъ лишь этимъ-то короткимъ временемъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобы запечатлѣть явленіе на фотографическихъ снимкахъ, зарисовать его; это дастъ намъ матеріалъ для сужденія о формѣ, протяженіи, физической структурѣ атмосферы. Пользуясь же спектральнымъ анализомъ, мы узнаемъ составъ атмосферы. А если явленіе будетъ перехвачено въ разныхъ мѣстахъ и въ разные моменты его распространенія, то, быть можетъ, удастся узнать, какія измѣненія здѣсь происходятъ со временемъ. Поэтому-то въ разныхъ мѣстахъ полосы полнаго затменія располагается цѣлая цѣпь экспедицій.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что успѣхъ каждой экспедиціи зависитъ, прежде всего, отъ каприза погоды: стоитъ облаку закрыть въ нужный моментъ солнце и экспедиція пропала.

Въ городѣ N дѣятельность фазы полнаго затменія составляла 2 минуты 42 секунды, и вотъ эти-то $2^1/_2$ минуты, подверженныя еще случайностямъ погоды, собрали сюда персоналъ наблюдателей, обрекая ихъ на массу труда, волненій и тревогъ.

Со строго опредѣленной программой наблюденій и надлежащими приборами пріѣхали, собственно говоря, только трое: Перовъ и Роше,—для фотографированія солнечной короны, и Фуссъ—для фотографіи спектра короны. Остальные, подобно мнѣ, примкнули къ экспедиціи безъ всякихъ приборовъ въ разечетѣ и посмотрѣть рѣдкое явленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить то, что будетъ рѣшено совмѣстнымъ обсужденіемъ.

Перебирая въ своихъ воспоминаніяхъ впечатлѣнія такъ давно минувшихъ дней, какъ-то невольно чувствуешь, что всѣ событія группируются преимущественно около двухъ нашихъ иностранныхъ коллегъ.

Если бы мнѣ пришлось привести живой примѣръ образцовой рабочей методичности, аккуратности, столь дорогой для естествоиспытателя, то я немогъ бы выбрать ничего лучшаго, какъ указать на образъ Фусса. Распланировка всѣхъ занятій строго по часамъ: отъ 6 до 8 часовъ утра онъ занимается въ своей комнатѣ—читаетъ, дѣлаетъ замѣтки, пишетъ; послѣ утренняго чаю до часу вы его неизмѣнно увидите въ баракахъ экспедиціи за опытами или за установкой приборовъ; за тѣмъ, до 3-хъ часовъ онъ въ своей фотографической лабораторіи. Та же методичность, планировка выражается и въ мелочахъ его обыденной жизни: каждому періоду занятій свойствененъ особый костюмъ, передъ обѣдомъ обязательная небольшая прогулка, и только съ 5 часовъ на-

инается, повидимому, полная свободы жизнь безъ программы — онъ или ведетъ оживленную бесѣду, или отправляется бродить по городу, выискивая русскіе типы, сценки для своего всегдашняго спутника—фотографическаго аппарата. Несмотря на свои 50 лѣтъ, онъ необычайно живой, остроумный и находчивый. Наблюдая его, какъ-то чувствуешь, что этотъ коренастый, плотный человѣкъ сознаетъ свою силу и вполнѣ доволенъ общимъ ходомъ своего дѣла.

Его астрономическій багажъ заключалъ въ себѣ все необходимое—ни разу, напр., онъ не обратился къ кому-либо за тѣмъ или инымъ слесарнымъ инструментомъ, а тѣмъ не менѣе этотъ багажъ состоялъ всего изъ небольшого ящика. Послѣдній винтъ былъ закрѣпленъ имъ наканунѣ затменія. Это не новичокъ: на своемъ вѣку онъ уже насчитываетъ до десятка экспедицій въ разныхъ частяхъ свѣта. И надъ этимъ-то опытнымъ, аккуратнымъ человѣкомъ судьба горько посмѣялась. Но объ этомъ послѣ.

Передъ выѣздомъ въ N. мнѣ отъ многихъ пришлось слышать, что туда уже пріѣхалъ одинъ иностранецъ, который привезъ съ собою нѣсколько вагоновъ всякихъ инструментовъ. Хотя ни одинъ разсказъ не бываетъ безъ прикрасъ, но доля правды была и здѣсь: дѣйствительно, у бельгійскаго астронома Роше оказался громаднѣйшій арсеналъ всякихъ приборовъ и принадлежностей для наблюденій. Къ сожалѣнію, большинство приборовъ оказалось или очень плохого качества, или сильно пострадавшіе въ дорогѣ, не смотря на то, что переѣздъ былъ совершенъ или по желѣзной дорогѣ, или на параходѣ. Самопишущіе метеорологическіе приборы отказались не только писать, но даже указывать что-либо; прекрасный хронометръ-приборъ, существенно необходимый для астронома—сорвался дорогой съ колецъ и осколки разбитаго стекла засорили и въ конецъ испортили дорогой механизмъ; 3-хъ-дюймовая трубка оказалась очень плохого достоинства. Аппаратъ для фотографированія солнца былъ безусловно хорошъ, но... при его штативѣ не было часового механизма для движенія аппарата по суточному ходу, такъ необходимаго при продолжительной экспозиціи. За то въ полной исправности доѣхали массивныя дубовыя скамейки и столики, предназначенныя для самого наблюдателя и разныхъ приборовъ. Самъ Роше далеко уже не владѣетъ той самоувѣренностью и спокойнымъ равновѣсіемъ духа, какъ его нѣмецкій коллега. Сначала онъ былъ увѣренъ, что установка приборовъ—сущіе пустяки и медлилъ установкой, потомъ съ лихорадочною поспѣшностью принимается за дѣло. Оказывается, что гайки не подходятъ къ винтамъ, нѣкоторыхъ мелкихъ частей нѣтъ.

Тогда онъ начинаетъ волноваться и съ отчаяніемъ выражаетъ опасеніе, что онъ не успѣетъ во-время закончить установку.

Но удачно, общими силами, подобранная гайка быстро утѣшаетъ его и, бросивъ установку, онъ, безпечно посвистывая, отправляется гулять. Теперь все пойдетъ отлично!.. отвѣчаетъ онъ товарищу, интересующемуся исходомъ критическаго казуса. Этихъ переходовъ отъ отчаянія къ безпечной надеждѣ было не мало за все время. Онъ, также какъ каждый изъ насъ, русскихъ, еще въ первый разъ экскурсируетъ на затменіи. Добродушный весельчакъ и острякъ, не смотря на свою эксцентричность, удивлявшую даже насъ, русскихъ, которымъ далеко до Фусса, Роше былъ душою нашей компаніи: гдѣ слышится дружный, веселый смѣхъ — тамъ непремѣнно Роше съ его афоризмами, остротами или шутками.

На довольно большой площадкѣ, густо заросшей травой и выходящей на рѣку, были выстроены бараки экспедиціи. Вообразите себѣ наскоро сколоченную деревянную постройку въ 3 сажени длиною, сажень въ вышину и ширину,—вотъ вамъ зданіе походной обсерваторіи; стѣны, обращенной къ рѣкѣ, нѣтъ вовсе, а внутри 2 перегородки, раздѣляющія постройку на 3 почти равныя части. Два крайнихъ отдѣленія принадлежатъ Роше и Перову, среднее—Фуссу. Часть площадки вмѣстѣ съ бараками окружена легкимъ заборомъ.

Заглянемъ мелькомъ внутрь бараковъ и посмотримъ, что находится въ каждомъ изъ нихъ передъ затменіемъ. Въ двухъ крайнихъ баракахъ мы замѣтимъ почти тожественные аппараты. Къ зрительной трубѣ средней силы, укрѣпленной на прочномъ штативѣ, наглухо прикрѣпленъ большой деревянный ящикъ, съ передней стороны котораго виднѣются 4 фотографическихъ объектива; это фотографическая камера, которая должна давать разомъ 4 фотографіи солнца. Аппаратъ Роше во время фотографированія приходится вести за суточнымъ движеніемъ солнца рукою, аппаратъ Перова ведется за солнцемъ прекраснымъ часовымъ механизмомъ. При каждомъ аппаратѣ во время работы должно быть двое: одинъ направляетъ аппаратъ на солнце, мѣняетъ кассеты и регулируетъ временемъ экспозиціи, другой—открываетъ и закрываетъ объективы по знаку перваго. Въ среднемъ баракѣ стоятъ аппараты Фусса; на длинномъ деревянномъ столѣ стоитъ спектроскопъ, соединенный съ фотографической камерой, и передъ нимъ—геліостатъ, приборъ съ вращающимся зеркальцемъ, отра-

жающимъ лучи солнца по одному какому-нибудь направленію, въ спектроскопъ въ данномъ случаѣ.

Погода въ теченіе недѣли, предшествовавшей затменію, не сулила успѣха: по небу неслись безконечной вереницей тяжелыя осеннія облака, шелъ временами дождь. Солнце и звѣзды, необходимыя для повѣрки хронометровъ и установки приборовъ, приходилось ловить лишь моментами, пользуясь временнымъ прояснѣніемъ.

— Пожалуйте наблюдать, звѣзды глянули!—слышится иногда далеко за полночь изъ комнаты Перова густой баритонъ училищнаго сторожа Григорія, игравшаго роль «недреманнаго ока», приставленнаго къ «остроумамъ».

Поневолѣ закрадывалась мысль, что всѣ эти хлопоты съ без сонными ночами напрасны, едва ли что увидимъ во время затмѣнія. А заботъ и хлопотъ со сборкою и установкою аппаратовъ было много: критическія двѣ минуты сорокъ двѣ секунды требовали очень тщательной подготовки. Впрочемъ, это относится только къ тѣмъ 3 лицамъ (Перовъ, Роше и Фуссъ), которыя составляли ядро экспедиціи.

Уже за нѣсколько дней до затменія каждый изъ насъ, явившихся безъ приборовъ, намѣтилъ себѣ съ общаго согласія дѣло во время затменія. Я предполагалъ зарисовывать корону. Какъ вдругъ, наканунѣ затменія произошло перераспредѣленіе ролей: Роше беретъ на себя рисунки короны, а я замѣщаю его у фотографическаго аппарата. Сначала, получивъ предложеніе Роше, я не соглашаюсь ссылаясь на то, что никогда не фотографировалъ неба.

— О, это ничего! Вѣдь это такъ просто, и я увѣренъ, что у насъ все сойдетъ отлично!

Да дѣйствительно, просто: вставить въ камеру кассету, выдвинуть ея крышку, затѣмъ направить на солнце, вести винтомъ аппаратъ за солнцемъ и т. д.—все это очень простыя дѣйствія, которыя я съ успѣхомъ продѣлывалъ сотни разъ. Но вѣдь въ моемъ распоряженіи только 2 мин. 42 сек., которыя я долженъ использовать чисто, безъ задержекъ и ошибокъ. Если у васъ не набита рука до автоматическаго выполненія извѣстнаго ряда простыхъ манипуляцій; если вы знаете, что одно ваше ошибочное движеніе рукой можетъ погубить все дѣло и если вы вспомните, что въ вашемъ распоряженіи нѣтъ ни секунды на обдумываніе и колебанія при выборѣ дѣйствій; то, дорожа успѣхомъ общаго дѣла, вы, какъ новичекъ, побоитесь взять его на себя.

— Ну, а если по моей ошибкѣ фотографіи будутъ испорчены?—ставлю я вопросъ ребромъ.

— Это ничего! я все-таки получу свой рисунокъ короны! Но я увѣренъ, что у насъ все сойдетъ отлично!

Всѣ доводы оказываются тщетными и я, наконецъ, сдаюсь, въ тайнѣ надѣясь, что Роше раздумаетъ и отберетъ у меня, своего случайнаго знакомаго, дѣло, составлявшее цѣль его поѣздки и стоившее ему массы труда и времени.

Однако, отправляемся вмѣстѣ контролировать всѣ принадлежности аппарата. Боже мой! Кассеты, бывшія вполнѣ исправными за нѣсколько дней до этого, разбухли отъ сырости и не лѣзутъ въ гнѣзда камеры! Ни одна крышка кассеты не выдвигается безъ рѣзкихъ толчковъ.

Роше опять въ отчаяніи. Гонимъ Григорія за столяромъ, а тѣмъ временемъ помощью графита и мускульныхъ усилій начинаемъ подготовлять крышки кассетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, благодаря дружному участію всѣхъ товарищей и искусству столяра, дѣло налажено.

Канунъ затменія вообще былъ чреватъ событіями и волненіями.

Одинъ фабричный рабочій, нѣсколько выпившій, несмотря на протесты Григорія, хотѣлъ непремѣнно проникнуть внутрь бараковъ, гдѣ въ это время производилась послѣдняя повѣрка точности установки. Недопущенный сторожемъ, онъ ушелъ и черезъ нѣкоторое время вернулся съ товарищами, которые издали бранились и грозили разнести бараки.

Въ виду того, что и раньше слышались изъ простонародья негодующіе голоса, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что астрономы обвинялись въ преступномъ намѣреніи *узнать волю Божью*, явилось опасеніе, какъ бы дѣло не кончилось дикой расправой народа. Исторія астрономическихъ экспедицій насчитываетъ не мало такихъ печальныхъ случаевъ. Въ виду этого Перовъ увѣдомилъ мѣстныхъ властей о происшедшемъ, прося, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть происшедшее лишь въ виду, не предпринимая пока никакихъ серьезныхъ мѣръ до новыхъ неблагопріятныхъ признаковъ.

Къ счастью, инцидентъ оказался единичнымъ, вызваннымъ скорѣе праздничнымъ настроеніемъ, чѣмъ дѣйствительною ненавистью народа къ наблюдателямъ.

Помню сѣрый полумракъ августовскаго вечера наканунѣ затменія. Вопросы рѣшены, всѣ приготовленія закончены и идетъ полушутливый разговоръ на тему, что будетъ завтра, утромъ— увидимъ ли мы затменіе, и если и увидимъ, то не струсимъ ли, подобно знаменитому астроному Секки, который, по его собственному признанію, увидавъ въ 1-й разъ полное солнечное затменіе,

въ самый критическій моментъ такъ растерялся, что потерялъ нѣсколько драгоцѣнныхъ секундъ быстро преходящаго явленія. Вдругъ на порогѣ появляется Фуссъ—лицо блѣдное, взоръ дико блуждаетъ...

— Что съ вами, г. Фуссъ? Что случилось?

Отъ волненія онъ долго не можетъ говорить и долго сидитъ неподвижно, закрывъ лицо руками.

— Все, все для меня погибло!..

Только много времени спустя, намъ удалось узнать отъ него о происшедшемъ.

Цѣлью поѣздки Фусса было, какъ я сказалъ выше, фотографированіе спектра короны. При фотографированіи спектра на обыкновенныхъ свѣточувствительныхъ пластинкахъ получается хорошій снимокъ только одной половины спектра, ближайшей къ фіолетовому концу; а между тѣмъ въ другой половинѣ зрительнаго спектра короны лежитъ много линій, характерныхъ для короны. Фуссу удалось приготовить эмульсію, которая значительно расширяетъ фотографируемую часть спектра и во время ожидаемаго затменія онъ намѣревался впервые примѣнить свое важное открытіе къ дѣлу.

Фотографической лабораторіей служила Фуссу обыкновенная русская баня: окна въ ней были задѣланы, всѣ отверстія закрыты. Пластинки должны быть употребляемы свѣжеприготовленными и на процессъ ихъ подготовленія требуется около 3 дней. Обливъ стекла своей эмульсіей, Фуссъ поставилъ ихъ для просушки къ стѣнѣ своей лабораторіи *эмульсіей кверху*. Вслѣдствіе неизбѣжнаго сотрясенія стѣнъ при ходьбѣ та земля, которою обыкновенно засыпаютъ у насъ потолки бань и другихъ деревенскихъ теплыхъ помѣщеній, осыпалась съ потолка и влипала въ сырой слой эмульсіи.

Вечеромъ, наканунѣ затменія, г. Фуссъ съ ужасомъ замѣтилъ, что его пластинки, покрытыя густымъ слоемъ присохшей земли, къ употребленію совершенно негодны.

— Я много бывалъ среди дикихъ обитателей разныхъ частей свѣта,—съ горечью жаловался Фуссъ,—но нигдѣ еще не встрѣчалъ того, что нахожу здѣсь, въ центрѣ вашей Россіи. Да и кто бы могъ думать, что въ зданіи, предназначенномъ для омовенія и очищенія тѣла, приняты всѣ мѣры для полнаго его загрязненія!..

Во истину это дико и нелѣпо! Хотя съ дѣтства видалъ и пользовался такими же банями, но и въ голову не приходило это грубое несоотвѣтствіе предмета съ назначеніемъ.

*

Фуссъ былъ безутѣшенъ. Да и что можно было сказать въ утѣшеніе, чѣмъ ослабить горечь сознанія этой ужасной, невольной ошибки?

Случай съ Фуссомъ тяжко отозвался въ настроеніи каждаго изъ насъ: шутки смолкли, разговоръ вполголоса—точно въ домѣ покойникъ или тяжко больной...

Легли спать рано съ тѣмъ же неотвязнымъ вопросомъ: *что будетъ завтра*?

Въ 4-мъ часу утра я вскочилъ, какъ сумасшедшій, отъ трескотни будильника подъ акомпаниментъ мѣднаго таза. Это затѣйникъ Гоше вмѣстѣ съ молодымъ кандидатомъ, поднявшись раньше другихъ, устроили музыку, для того, чтобы разбудить заспавшихся. Смѣхъ, шутки—даже эпизодъ съ Фуссомъ точно померкъ.

— Весело встали, каково-то ляжемъ,—замѣчаетъ кто-то.

— Да ужъ вставать ли? не лучше ли сдаться безъ боя?

— Правда, господа, вѣдь все-равно ничего не увидимъ. Давайте-ка лучше спать.

Все небо покрыто густыми темными облаками; вѣтеръ и холодъ. Также сѣро и уныло становится и у насъ на душѣ, когда мы въ 5 часовъ утра выходимъ на свой постъ.

Одинъ Фуссъ смотрѣлъ довольно бодро.

Странный видъ имѣетъ улица. Несмотря на ранній часъ, всюду виднѣются густыя толпы народа: тутъ и мѣстные жители и, судя по дорожнымъ сумкамъ и костюму, пріѣзжіе на только-что пришедшихъ пароходахъ. Мѣстныя дамы разодѣты по праздничному, въ свѣтлыя платья; многіе скучиваются около загородки бараковъ, другіе спѣшной походкой идутъ куда-то дальше, въ церковь, какъ послѣ узнали, въ ожиданіи свѣтопреставленія. Общее настроеніе довольно серьезное и вся эта обстановка какъ-то сильнѣе заставляетъ биться сердце въ ожиданіи предстоящихъ $2^1/_2$ минутъ.

Вблизи раздается барабанный бой. Мы въ недоумѣніи переглядываемся. Оказывается, что это рота солдатъ, въ полной аммуниціи, призванная охранять насъ отъ изувѣрства толпы. Такъ какъ поведеніе толпы не подаетъ никакихъ поводовъ къ подозрѣнію, Перовъ проситъ отвести войска въ сторону, не препятствуя интересующимся смотрѣть на то, что мы будемъ дѣлать.

Наскоро просматриваемъ свои аппараты и репетируемъ свои роли. Стрѣлки хронометра возвѣщаютъ о наступленіи частнаго затменія.

— Началось!—громко выкрикнулъ одинъ изъ наблюдателей.

— Вотъ такъ началось!—слышится ироническое замѣчаніе изъ толпы.—Нѣтъ, братъ, *его* не узнаешь.

Въ толпѣ пробѣгаютъ шутки, остроты по адресу астрономовъ.

А началось ли—это дѣйствительно вопросъ для скептика: на небѣ ничего, кромѣ облаковъ.

Слово началось ударило по нервамъ, чувствую, какъ по тѣлу пробѣгаетъ нервный трепетъ. Впрочемъ, еще цѣлый часъ до роковыхъ $2^1/_2$ минутъ; эта мысль нѣсколько умѣряетъ волненіе и смотрю на своихъ товарищей.

Фуссъ серьезно и сумрачно сидитъ на своемъ посту; спектрографъ покрытъ чехломъ, геліостатъ снятъ; передъ нимъ листъ бумаги и карандашъ. Боюсь потревожить свѣжую рану и не спрашиваю о его намѣреніяхъ.

Роше пристроился внѣ барака, слѣва отъ меня у штатива своей 3-хъ-дюймовой трубки; слегка посвистываетъ, но на лбу залегла глубокая складка; живые глаза его напряженно ищутъ чего-то среди облаковъ. Вдругъ онъ хватаетъ меня за руку и оживленно указываетъ на клочекъ голубого неба, глянувшій между облаками:

— Въ эту дырочку мы увидимъ солнце,—прибавляетъ онъ съ увѣренностью.

Лицо моего пріятеля Перова блѣдно и оживленно. Онъ также внимательно смотритъ на небо и временами, нагибаясь, контролируетъ ходъ часового механизма своего аппарата.

— Какъ ведетъ себя вашъ механизмъ?

— Превосходно! Вчера онъ у меня цѣлыхъ 6 часовъ шелъ, какъ хронометръ.

Мой помощникъ спокойнѣе всѣхъ. Это мѣстный изобрѣтатель механикъ-самоучка, безъ каковыхъ, насколько извѣстно, какъ и безъ праведниковъ, не бываетъ ни одного захолустнаго городка. Его дѣло по моей командѣ открывать и закрывать объективы нажатіемъ руки на каучуковые шары, соединенные съ затворами аппарата.

Въ баракѣ Перова подымается какой-то оживленный разговоръ; оказывается, что одинъ изъ наблюдателей, принявшій на себя обязанности помощника при фотографированіи короны, проситъ замѣнить его кѣмъ-либо другимъ, ссылаясь на несложность своихъ обязанностей; дѣло, дѣйствительно, несложное; надо по командѣ Перова открыть и по командѣ закрыть общую прикрышку объективовъ. По просьбѣ Перова, выуживаю изъ среды пріѣхавшихъ одного изъ своихъ знакомыхъ К., брата извѣстнаго писателя. К. замѣстилъ прежняго помощника Перова у фотографическаго аппарата.

Въ это время изъ-за порѣдѣвшихъ облаковъ на фонѣ голубого неба выглянула уродливая фигура серпообразнаго солнца.

Толпа изумленно заволновалась, загудѣла...

Дѣлаю провѣрку установки аппарата—вѣрно: слабое движеніе прибора около одной изъ осей ставитъ изображеніе солнца какъ разъ въ центръ поля зрѣнія трубы.

— Полчаса до фазы полнаго затменія,—раздается предупрѣжденіе.

Въ баракѣ Перова замѣчается какое то движеніе. Оказывается, К., внимательно приглядывавшійся къ аппарату, замѣтилъ, что часовой механизмъ остановился. Бываютъ же такія несчастныя случайности! Механизмъ, тщательно вывѣренный опытной рукой Перова, и безукоризненно работавшій во время многихъ предыдущихъ пробъ, спасовалъ передъ самымъ наступленіемъ критическаго момента.

Къ счастью, исправленіе оказалось несложнымъ и черезъ 2 минуты заупрямившіяся колеса механизма опять повели аппаратъ.

Облака рѣдѣютъ все болѣе и болѣе; теперь солнце только временами, на короткія мгновенія, прячется за облака.

— 20 минутъ до полной фазы!—раздается тоже предупрежденіе.

Слышу взволнованный, дрожащій голосъ Перова, обращенный къ К.

— Прошу васъ помнить ваши обязанности... Да знайте, если вы зазѣваетесь или вздумаете уйти раньше срока, то... видите этотъ ключъ?—показываетъ на увѣсистый кусокъ стали.—Я за себя не ручаюсь. Имѣйте это въ виду...

— Хорошо,—покорно заявляетъ тотъ.—А какъ я долженъ стоять при исполненіи своихъ обязанностей? Могу ли лицомъ къ солнцу?

— Вы должны стать лицомъ *къ аппарату*, значитъ спиной къ солнцу.

— Извините, я не согласенъ!

— Ну, какъ вамъ угодно...

К. уходитъ въ толпу и его мѣсто занимаетъ прежній помощникъ.

Я съ изумленіемъ смотрю на Перова и не узнаю—неужели это тотъ самый мягкій, скромный человѣкъ, характеръ и душевный складъ котораго такъ чуждъ насилія и грубости?

— 15 минутъ!..

— 10 минутъ!..

Отъ солнца остается очень небольшой серпикъ, который теперь быстро убываетъ.

— 5 минутъ!..

Что это? вмѣсто узкаго серпа съ заострѣнными концами, я вижу дугу свѣта съ сильно притупленными оконечностями.

«Да это иррадіація!»—проносится молніей въ моей головѣ.

Отвожу глаза отъ трубы и вижу быстро наступающее потемнѣніе—точно несется темная туча, закрывающая собою солнце. Напоминаю своему помощнику объ его обязанностяхъ и дрожащею отъ волненія рукою выдвигаю крышку кассеты.

— Одна минута!..

Защищаю глаза темнымъ стекломъ и впиваюсь глазами въ окуляръ: тупые концы яркой полоски солнца быстро бѣгутъ другъ къ другу на встрѣчу... Боже мой! да солнце у меня совсѣмъ не въ центрѣ поля зрѣнія! Холодѣя отъ сознанія допущенной было ошибки, хватаюсь за установочный винтъ и веду изображеніе солнца въ центръ поля зрѣнія; пытаюсь его здѣсь удерживать и къ досадѣ своей вижу, какъ чувствуетъ весь аппаратъ дрожаніе моихъ рукъ. Какъ это глупо, нелѣпо!... Впрочемъ, Секки...

Вдругъ поле зрѣнія потемнѣло... бросаю темное стекло, и передо мною открывается великолѣпная картина полнаго затменія: ослѣпительное солнце исчезло безъ остатка, вмѣсто него черный, какъ уголь, дискъ луны, окруженный нѣжнымъ ореоломъ солнечной атмосферы; тамъ и сямъ виднѣются красные языки водородныхъ выступовъ и облаковъ.

Подаю голосомъ условный сигналъ своему помощнику и, отведя на мгновеніе глаза отъ окуляра, съ ужасомъ вижу, что онъ, ничего не слыша, остолбенѣлыми глазами смотритъ на черное пятно неба, пока мой отчаянный выкрикъ не разбиваетъ его очарованія.

Въ тѣ краткія мгновенія, когда, отрываясь отъ окуляра, я почти украдкою успѣвалъ бросить взглядъ вокругъ, къ удивленію замѣтилъ, что далеко не такъ темно, какъ представлялъ себѣ по описаніямъ. Смутно припоминаю страшную тишину гудѣвшей передъ тѣмъ толпы, которая онѣмѣла теперь отъ испуга и неожиданности видѣннаго; помню звонкіе удары секундобойчика въ среднемъ баракѣ, да чьи-то робкія рыданія въ толпѣ. Плохо помню и то, какъ я велъ свое дѣло. Вихремъ пролетѣли $2^1/_2$ минуты—вотъ брызнулъ 1-й ослѣпительный лучъ фотосферы, и въ то-же мгновеніе угасло чудное явленіе.

Этотъ лучъ былъ сигналомъ къ прекращенію всѣхъ нашихъ дѣлъ: быстро сбѣгаемся въ кучу обмѣняться замѣчаніями и впечатлѣніями. Оказалось, что никто, повидимому, не напуталъ, все какъ будто обстоитъ благополучно. Фуссъ съ сіяющимъ лицомъ

привѣтствуетъ насъ съ успѣхомъ и показываетъ прекрасные рисунки короны.

— Въ присутствіи облаковъ, которыя много давали разсѣяннаго свѣта, я, все равно, не могъ бы фотографировать спектра короны....—поясняетъ онъ свою радость.

Лучь солнца оживилъ и самую толпу: послышались радостныя восклицанія, кое-кто по русски крупно крестился и клалъ поклоны, обратясь на солнце.

Серпъ солнца растетъ, расцвѣтаютъ и надежды простолюдина на то, что конецъ свѣта отсроченъ и что солнце опять по старому будетъ свѣтить ему и согрѣвать его.

Многіе уже перелѣзли теперь черезъ барьеръ и съ любопытствомъ разсматриваютъ астрономическіе приборы., а барабанный бой удаляющейся роты солдатъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, что толпа на радостяхъ уже забыла преступныя намѣренія «остроумовъ».

Въ результатѣ отъ этой вполнѣ удачной экспедиціи оказалось, кажется: 20 фотографій Перова (5 смѣнъ кассетъ) и 12 фотографій Роше (3 смѣны), сверхъ того, много рисунковъ короны.

С. Щербаковъ.

ИЗЪ ВАЛЬТЕРА-СКОТТА.

ФІАЛКА.

Фіалки синія среди густой травы,
Съ блистающею въ нихъ алмазною росою,
Приковываютъ взоръ задумчивой красою.
И очи дивныя, съ оттѣнкомъ синевы
Небесной, я знавалъ: прозрачныя слезинки
Въ нихъ предъ разлукою блистали, какъ росинки;
Но, съ первой ласкою полуденныхъ лучей,
Роса на лепесткахъ фіалокъ испарилась,—
И такъ же, лишь на мигъ, слезою омрачилась
Глубокая лазурь измѣнчивыхъ очей.

Пер. О. Н. Чюминой.

УЧЕНІЕ ОВЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вильяма Томсона).

«De illustris hominibus aut vera aut nihil».

Продолженіе *).

II.

Принимаясь за вторую часть своей статьи, я чувствую нѣкоторое смущеніе: мнѣ приходится пройти съ читателемъ въ тѣ дебри, въ которыхъ весьма легко запутаться и, главное, легко потерять надлежащую, безпристрастную точку зрѣнія на дѣло. Мы присутствуемъ при зрѣлищѣ того, какъ одинъ великій человѣкъ, желая выдвинуть свои заслуги на первый планъ, недостойнымъ образомъ унижаетъ другого великаго дѣятеля, приписывая ему то, о чемъ онъ и не думалъ, и отнимая отъ него то, что было имъ подарено человѣчеству.

Начну съ нѣмецкихъ ученыхъ. Въ 1847 году появилась работа Helmholtz'a «Ueber die Erhaltung der Kraft». В этой работѣ знаменитый нѣмецкій физикъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Майерѣ, хотя, какъ уже раньше сказано, первая работа Майера появилась въ 1842 г., а вторая, весьма подробная и широко охватившая предметъ со всѣхъ его сторонъ — въ 1845-мъ. Спрашивается, чѣмъ объяснить себѣ такое замалчиваніе? Существуетъ мнѣніе—и его особенно сильно поддерживалъ Dühring—что Гельмгольтцъ умышленно замалчивалъ Майера, чтобы явиться передъ ученымъ міромъ въ качествѣ оригинальнаго мыслителя, создавшаго для науки новые горизонты. Однако, едва ли такое мнѣніе можно считать справедливымъ. Въ 1842 году Гельмгольтцъ былъ еще врачемъ и только въ 1849 году сталъ профессоромъ физіологіи въ Кенигсбергѣ. Очевидно, вся его дѣятельность въ области физіологіи и физики, развилась уже послѣ 1845 года, стало

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ, 1896.

быть, Гельмгольтцъ легко могъ пропустить обѣ статьи Майера, въ особенности же первую, появившуюся въ «Annallen der Chemie und Pharmacie» Либиха, такъ какъ названный журналъ читался преимущественно химиками и фармацевтами. Такимъ образомъ, даже спеціалисты физики могли узнать о работѣ Майера только въ томъ случаѣ, если случайно заглянули въ журналъ Либиха. Правда, о новыхъ работахъ Джоуля Гельмгольтцъ зналъ, но опыты Джоуля» онъ считалъ сначала несовершенными.

Однако, съ 1848 года Гельмгольтцъ зналъ Майера и его работу. Въ отчетахъ объ успѣхахъ физики въ 1849 г. (Fortschritte der Physik für das Jahr 1849, Berl., 1852, стр. 241—242) Гельмгольтцъ говоритъ:

«Утвержденіе неразрушимости величины работы механическихъ силъ и эквивалентности, въ какой проявляются различно силы природы, съ величиною механической работы высказалъ впервые Майеръ въ 1842 году».

Впослѣдствіи, въ 1850 и 1854 г. Гельмгольтцъ сталъ придавать Майеру еще большее значенія; онъ говорилъ о томъ, что Майеръ первый высказалъ гипотезу о превращаемости силъ, которая затѣмъ была принята Джоулемъ и имъ самимъ.

Что же можно было поставить Гельмгольтцу въ укоръ? Прежде всего то, что онъ, зная уже о работѣ Майерѣ въ 1848 г., не вступился за него въ 1849 году, когда Аугсбургская газета сдѣлала противъ Майера недостойную вылазку, въ которой говорилось будто дилеттанскіе труды Майера получили въ кругу ученыхъ-спеціалистовъ надлежащую оцѣнку (отрицательную).

Далѣе то, что даже признавая заслуги Майера, Гельмгольтцъ не указалъ на ту именно сторону Майеровскихъ работъ, которая болѣе всего имѣла значенія; Гельмгольтцъ только говоритъ объ идеѣ превращаемости силъ, между тѣмъ, какъ вся суть научной заслуги Майера лежала не въ выраженіи только идеи и въ широкомъ ея обобщеніи, а въ томъ, что, вычисливъ *механическій эквивалентъ теплоты*, Майеръ далъ гипотезѣ о превращаемости силъ прочную почву, обратилъ эту гипотезу въ гипотезу строго индуктивнаго характера, какимъ она до Майера не обладала.

Не совсѣмъ справедливое отношеніе Гельмгольтца къ Майеру сказалось еще и на съѣздѣ естествоиспытателей въ Инсбрукѣ, гдѣ Гельмгольтцъ имѣлъ бы возможность разъяснить членамъ съѣзда роль Майера.

Послѣ этого съѣзда, а именно въ 1877 году, Майеръ говорилъ: «если моимъ соотечественникамъ и удастся когда-нибудь затереть меня, то никто другой, кромѣ англичанина Джоуля, не можетъ быть въ этомъ дѣлѣ моимъ наслѣдникомъ».

Такимъ образомъ, если Гельмгольтца и нельзя причислить къ людямъ, хотѣвшимъ совершенно затереть заслуги Майера, то все же нельзя и не признать, что онъ не особенно горячо желалъ, чтобы Майеръ былъ поставленъ на тотъ научный пьедесталъ, на которомъ ему стоять давно слѣдовало. Гельмгольтцъ говорилъ въ пользу Майера только слегка, между тѣмъ какъ онъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ ученыхъ, при своихъ громадныхъ познаніяхъ, какъ въ области физики и математики, такъ и въ области физіологіи и философіи, способенъ былъ понять и оцѣнить всю обширность Майеровскихъ идей.

Наконецъ, еще одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, тоже прославившійся въ области механической теоріи теплоты, Р. Клаузіусъ, могъ бы отстоять Майера передъ лицомъ всего ученаго міра; но и онъ этого не сдѣлалъ своевременно: онъ молчалъ. И только въ 1879 г., т. е. послѣ смерти Майера, появилось его сочиненіе: «Die mechanische Behandlung der Elektricität», гдѣ [на стр. 329] онъ привелъ свое письмо, написанное англійскому физику Tait'у по поводу нападокъ послѣдняго на работы Майера.

Только одинъ человѣкъ въ Германіи съ большою горячностью поддерживалъ Майера — это былъ Дюрингъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Критическая Исторія общихъ принциповъ механики», а также въ спеціальныхъ книжкахъ «Robert Mayer, der Galilei des 19-en Jahrhunderts» и «Neue Grundgesetze sur rationallen Physik und Chemie». Дюрингъ, защищая Майера, съ такою рѣзкостью относится къ величайшимъ германскимъ ученымъ, что поневолѣ производитъ впечатлѣніе человѣка слишкомъ пристрастнаго.

Не найдя поддержки въ своемъ отечествѣ, Майеръ могъ еще разсчитывать встрѣтить ее у англійскихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ, шедшихъ съ Майеромъ по одному пути, какъ, напр., Joule, Thomson, Tait, Maxwel и Rankine. Но и здѣсь онъ ошибся.

Джоуль и, въ особенности, Тэтъ спеціально занимались травлей Майера. И если, видя рѣзкость Joule'я, столь мало свойственную англійскимъ ученымъ, мы все-таки находимъ ему оправданіе въ томъ, что онъ чувствовалъ себя совершенно, такъ сказать, равносильнымъ Майеру, то такого оправданія для Tait'а мы привести не можемъ. Tait дѣйствовалъ въ самомъ прискорбномъ, узко націоналистическомъ духѣ.

Принципъ, на основаніи котораго Майеръ опредѣлилъ этотъ эквивалентъ, заключался въ слѣдующемъ: удѣльная теплота воздуха, *свободно расширяющагося*, равна 0,2375 калоріи; это зна-

читъ, что для нагрѣванія 1 грамма *воздуха* на 1 градусъ нужно 0,2475 того количества теплоты, какое нужно для нагрѣванія 1 грамма *воды* на 1 градусъ. Опыты нагрѣванія воздуха показали, однако, что если взять 1 граммъ воздуха и *не давая ему расширяться* (напр., помѣстивши его въ герметически закупоренный сосудъ), нагрѣть его на одинъ градусъ, то на это потребуется теплоты не 0,2375 калорій, а только 0,1683. Почему такая разница? А потому, что въ первомъ случаѣ, т. е. когда воздухъ расширяется, онъ *совершаетъ работу*, между тѣмъ, какъ во второмъ, когда мы его нагрѣваемъ и не даемъ ему расширяться, онъ работы (почти) не совершаетъ. Слѣдовательно, изъ затрачиваемыхъ въ первомъ случаѣ 0,2375 калорій, часть идетъ на нагрѣваніе воздуха, а другая часть идетъ на работу; во второмъ же случаѣ всѣ истрачиваемыя 0,1683 калоріи идутъ только на нагрѣваніе. Спрашивается, сколько же калорій уходитъ на работу при расширеніи нашего воздуха? Очевидно: 0,2375—0,1682 калоріи, т. е.= 0,0692 кал. Это и есть та часть теплоты, которая ушла на работу расширяющагося подъ обыкновеннымъ атмосфернымъ давленіемъ воздуха. Теперь требуется только вычислить эту работу. Работу обыкновенно опредѣляютъ, перемножая число, выражающее вѣсъ поднимающагося груза, на число, выражающее высоту, до которой грузъ поднялся. Когда говорятъ, напримѣръ, что работа равна 12 киллограммометрамъ, то это значитъ, что грузъ въ 12 киллограммовъ поднятъ на высоту въ одинъ метръ или грузъ въ 6 килограм. поднятъ на высоту въ 2 метра, или грузъ въ 4 кгрм. поднятъ на высоту 3 метровъ и т. д.

Какъ же опредѣлить работу, совершенную расширяющимся воздухомъ?

Майеръ разсуждалъ такъ: Представимъ себѣ 1 граммъ воздуха заключеннымъ въ цилиндрическую трубку, поперечное сѣченіе которой равно 1 квадратному сантиметру. Такой воздухъ займетъ при 0° объемъ въ 773,3 куб. сантиметра (ибо 1.000 куб. сантим. воздуха вѣсятъ при 0° и нормальномъ движеніи 1,2935 грамма). При нагрѣваніи этого воздуха на 1° онъ расширяется на $\frac{1}{273}$ своего объема; значитъ, къ его объему приростетъ $\frac{1}{273}$. 773,3=2,83 куб. сент. Представимъ себѣ дальше, что наша цилиндрическая трубка закрыта сверху поршнемъ, не имѣющимъ вѣса и способнымъ двигаться въ трубкѣ безъ тренія. Такъ какъ расширяющемуся воздуху нѣтъ никакого выхода, то онъ будетъ давить на поршель и двигать его вверхъ; поршель, стало быть, поднимется на высоту 2,83 сантим. Но, двигаясь, поршень долженъ поднимать съ собою тотъ столбъ воздуха, который давитъ

на него сверху. Такъ какъ поверхность поршня равняется 1 кв. сантиметру, а при нормальномъ стояніи барометра на такую поверхность воздухъ давитъ съ силою 1.033 граммовъ, то поршню приходится какъ бы поднять грузъ въ 1.033 грамма на высоту 2,83 сантим., т. е. *расширяющійся воздухъ совершаетъ работу 2,83×1033 граммосантиметровъ и на эту работу затрачивается 0,0692 единицы теплоты* (калоріи), отсюда если бы мы истратили *цѣлую единицу теплоты*, то она дала бы работу, легко вычисляемую изъ пропорціи:

$$0{,}0692 : 2{,}83. \quad 1033 = 1 : x,$$

откуда $x = \frac{2{,}83.1033}{0{,}0692} = 42380$ граммосантиметровъ работы или 423,8 граммометровъ.

Это мы получили въ томъ случаѣ, если за *цѣлую* единицу теплоты считали количество ея, необходимое для нагрѣванія одного *грамма* воды на 1 градусъ; многіе считаютъ единицей теплоты то количество ея которое нужно для нагрѣванія одного *килограмма* воды на одинъ градусъ; такая единица, очевидно, совершитъ работу не въ 423,8 *грамм*ометровъ, а *килограмм*ометровъ.

Вотъ это число и есть такъ называемый *механическій эквивалентъ теплоты* (на самомъ дѣлѣ его считаютъ равнымъ 423,5 килгр.-метра).

Въ дѣйствительности Майеръ сначала получилъ не это число а другое, именно 367 граммометровъ, но это объясняется тѣмъ, что онъ пользовался не вполнѣ точными числами, бывшими въ 1842 году въ употребленіи. Впослѣдствіе, когда появились болѣе точныя числа Реньо, Майеръ, исправилъ свой результатъ и получилъ 425 грам.-метровъ.

Читатель, прослѣдивъ за ходомъ разсужденій и вычисленій Майера, можетъ сразу понять, что пріемъ, употребленный знаменитымъ Гейльбронскимъ врачемъ и по своей простотѣ, и по своей убѣдительности, просто геніаленъ.

Что же сдѣлалъ Джоуль? Онъ печатно заявилъ (Comptes rendus 1848 г. т. XXVIII, стр. 132—135), что Майеръ не могъ сдѣлать вывода, будто вся теплота, затрачиваемая на расширеніе газа, равносильна совершаемой при этомъ расширеніи работы, такъ какъ независимость удѣльной теплоты воздуха отъ его плотности доказана только имъ, Джоулемъ. «И потому,—заканчиваетъ свою статью Джоуль,—всякій, конечно, признаетъ за Майеромъ остроуміе, такъ какъ онъ предсказалъ, что между тепломъ и силою *должно* существовать числовое отношеніе; но, съ другой сто-

роны, я полагаю, никто не станетъ отрицать, что я первый *доказалъ* существованіе механическаго эквивалента теплоты и *опредѣлилъ*, помощью строгихъ опытовъ *числовую* величину его».

Этими словами Джоуль показалъ, во-первыхъ, что былъ плохо знакомъ съ литературой вопроса, приписавъ себѣ доказательство того, что удѣльная теплота воздуха не зависитъ отъ его плотности, въ то время, какъ доказательство этому факту далъ уже въ 1807 г. Gay-Lussac (Mémoires de la societé d'Arcueil. T. I, p. 180), а во-вторыхъ, обнаружилъ не совсѣмъ достойное серьезнаго ученаго пристрастіе къ своимъ личнымъ трудамъ. Майеръ возражалъ Joule'ю, показалъ ему его ошибки, указалъ на Gay-Lussac'овскія наблюденія и, казалось, долженъ былъ убѣдить своего противника въ неправотѣ его и сдѣлалъ все это въ удивительно деликатной формѣ.

Однако, все это мало подѣйствовало на Джоуля, ибо еще въ 50-мъ и 51-мъ годахъ, стало быть, когда споръ между нимъ и Майеромъ, казалось, окончательно рѣшился въ пользу перваго (ибо Джоуль на послѣднюю замѣтку Майера ничего не отвѣтилъ), Джоуль въ введеніи въ свой трудъ о механическомъ эквивалентѣ теплоты говоритъ:

«Впослѣдствіи я узналъ, что Майеръ высказалъ подобное предположеніе (объ эквивалентности между работой сжиманія воздуха и теплотою, отсюда возникающею) раньше меня, но опытныхъ доказательствъ этому не привелъ никакихъ».

На томъ борьба между Майеромъ и Джоулемъ прекратилась.

Теперь на арену выступили Томсонъ и Тэтъ.

Въ англійскомъ журналѣ «Good Words» за 1862 годъ появилась статья «Energy», подписанная именами сейчасъ названныхъ физиковъ, въ которой они нападаютъ на Тиндаля за его публичную лекцію о Майерѣ. Разгорѣвшаяся по этому поводу полемика между Тиндалемъ и Тэтомъ привела послѣдняго къ тому, что въ своихъ «Lectures on some recent Advances in Physical Science, London 1876», онъ въ самой недостойной формѣ выразился о Майерѣ.

Во всей этой темной полемикѣ былъ одинъ только свѣтлый лучъ, внесенный въ нее человѣкомъ, который достойнымъ образомъ умѣлъ держать въ своихъ могущественныхъ рукахъ знамя науки. Человѣкъ этотъ былъ Джонъ Тиндалль.

Вотъ какъ разсказываетъ о роли Тиндалля въ этомъ дѣлѣ Клаузіусъ:

...«Въ это время (1862 г.) Тиндаллю по случаю промышленной выставки пришлось читать въ Royal Institution публичную

лекцію передъ избранною и съѣхавшеюся со всѣхъ сторонъ публикой. Предметомъ своего чтенія Тиндалль избралъ работы Майера и изложилъ результаты этихъ работъ съ тою увлекательностью, съ какой онъ умѣлъ вообще излагать. Когда публика, живо заинтересованная предметомъ жаждала узнать имя человѣка, сдѣлавшаго все это, Тиндалль назвалъ того, кто въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ безо всякой поддержки и сочувствія, съ удивительною энергіей и настойчивостью, одинъ работалъ надъ развитіемъ своихъ геніальныхъ идей».

Чтобы закончить обозрѣніе этой борьбы и не оставить безъ упоминанія французскихъ ученыхъ, я скажу только, что французскій физикъ Verdet очень правильно оцѣнилъ роль Джоуля, Томсона и Тэта въ этой полемикѣ; онъ говоритъ по поводу Кольдинга, которому Тэтъ приписалъ открытіе закона сохраненія энергіи, слѣдующее:

«Если бы кто вздумалъ съ такою же строгостью критиковать всѣ первыя работы, касающіяся механической теоріи теплоты, съ какою критиковались работы Майера, то было бы не трудно свести репутацію Кольдинга и Джоуля къ весьма малой величинѣ. Г. Джоуль, нашедшій отношеніе между истраченной въ магнито-электрической машинѣ работою и выдѣленной теплотою, числа, колеблющіяся въ предѣлахъ отъ 371 до 571, долженъ былъ бы скорѣе придти къ заключенію, что никакого постоянства въ этомъ отношеніи не имѣется. Несправедливость такой оцѣнки работъ Джоуля, конечно, очевидна; но несправедливость критики, направленной съ разныхъ сторонъ противъ Майера, въ моихъ глазахъ, не менѣе очевидна» (Annales de chimie et de phisique (4) I. p. 470; 1864).

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что конкуррентами Майера считались: Джоуль, Кольдингъ, Гельмгольтцъ. Но, кромѣ нихъ, неоднократно приводились еще и Моръ, и Сегэнъ, и Грове, и мн. др.

Естественно рождается вопросъ: что заставило серьезныхъ ученыхъ окунуться въ такую сферу личныхъ мелкихъ счетовъ и дрязгъ? Несомнѣнно, что кромѣ самолюбія и другихъ свойствъ, присущихъ людямъ, на какихъ бы ступеняхъ научной высоты они ни стояли, здѣсь было и другое обстоятельство, заключавшееся въ томъ, что *къ началу 40-хъ годовъ идея о единствѣ силъ и о сохраненіи энергіи уже была совершенно подготовлена и носилась, такъ сказать, въ атмосферѣ физической науки.* У большинства физиковъ уже назрѣвала или назрѣла эта идея, и Реньо, напримѣръ, прямо заявляетъ, что онъ уже давно высказывалъ подобныя мысли на своихъ лекціяхъ. Стало быть, когда Майеръ высказалъ ее ка-

тегорически, многіе изъ физиковъ почувствовали, что онъ какъ бы вырвалъ у нихъ ихъ собственныя мысли. А Джоуль даже почувствовалъ, что Майеръ опубликовалъ то, надъ чѣмъ онъ, Джоуль, давно работалъ. Насколько такое мнѣніе о созрѣвшей въ сознаніи физиковъ идеи единства силъ справедливо, видно, напримѣръ, изъ того, что каждый изъ нихъ выводилъ это единство изъ своихъ собственныхъ посылокъ: Майеръ взялъ за исходный пунктъ «Causa aequat effectum»; Гельмгольтцъ—невозможность perpetuum mobile; Джоуль—чистый опытъ; Кольдингъ—рядъ посылокъ о томъ, что сила есть существо высшее, нежели матерія, и что если это такъ, то силы безсмертны, т. е. количество ихъ не можетъ ни убывать, ни увеличиваться.

Однако же, не смотря на все это, за Майеромъ и Джоулемъ остается несомнѣнное преимущество. Вопросъ о превращаемости силъ, о ихъ сохраняемости, представляетъ гипотезу, очень красивую и широко охватывающую явленія природы. Такая гипотеза могла существовать, ею могли пользоваться ad libitum ученые, но за предѣлы гипотезы ее вывести не было возможности. Когда же Майеръ и Джоуль показали, что можно числовымъ путемъ охарактеризовать эту превращаемость, тогда дѣло приняло иной оборотъ. Тогда уже превращаемость силъ перестала быть гипотезой, а сдѣлалась несомнѣннымъ фактомъ. Въ этомъ-то и состоитъ разница между тѣмъ, что сдѣлано Майеромъ и Джоулемъ, и тѣмъ, что сдѣлано другими. Даже изящное сочиненіе Гельмгольтца «Ueber die Erhaltung der Kraft» не можетъ быть сопоставлено съ работами Майера и Джоуля. Въ самомъ дѣлѣ, сама по себѣ работа Гельмгольтца не могла *доказать* принципа «сохраненія силы», ибо вообще принципъ сохраненія силы не можетъ быть доказанъ путемъ какихъ-либо математическихъ выкладокъ, какъ не можетъ быть этимъ путемъ доказанъ и принципъ «вѣчности матеріи». Такіе принципы или должны быть намъ *даны*, какъ аксіомы, или же должны явиться, *какъ результатъ опыта*. Вотъ почему приходится волей-неволей согласиться съ Дюрингомъ въ томъ, что въ вопросѣ *сохраненія энергіи* работа Гельмгольтца имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Характеризуя весь ходъ ученія объ энергіи въ періодъ его возникновенія, Ostwald опредѣляетъ роль Майера, Джоуля и Гельмгольтца слѣдующими словами:

«Р. Майеръ установилъ, что при всѣхъ явленіяхъ нѣкоторая величина, названная имъ *силою*, сохраняетъ свое неизмѣнное (числовое) значеніе (Werth), измѣняя однако формы своего проявленія. Нѣсколько позже Джоуль пришелъ къ такимъ же выводамъ,

хотя не проникъ такъ глубоко и не охватилъ съ такою обширностью самого вопроса. Наконецъ, Гельгольмтцъ представилъ намъ первое наглядное изложеніе всей физики, построенное на этомъ началѣ, и показалъ необыкновенную полноту и плодотворность новаго закона» *).

Терминъ «сила», употреблявшійся Майеромъ, и вмѣстѣ съ нимъ и другими изслѣдователями, теперь, какъ уже было сказано въ предыдущей статьѣ, замѣненъ, по предложенію В. Томсона, терминомъ энергія, уже раньше (въ 1807 г.) введеннымъ T. Young'омъ.

Въ результатѣ всей этой продолжительной научной работы цѣлой плеяды ученыхъ установилось нѣкоторое общее положеніе, освѣщающее намъ наше міросозерцаніе.

Вся вселенная, насколько мы умѣемъ ее изучать, состоитъ изъ двухъ факторовъ: одинъ изъ нихъ матерія, другой—энергія.

При всѣхъ измѣненіяхъ, происходящихъ во вселенной, оба эти фактора остаются въ *количественномъ* отношеніи *неизмѣнными*. Мы видимъ, что внѣшній видъ, цвѣтъ, блескъ, плотность матеріи измѣняется на каждомъ шагу, но масса ея во вселенной не творится и не исчезаетъ. Точно также и другой факторъ — энергія; мы считаемъ этотъ факторъ постоянно присущимъ матеріи, наблюдаемъ всевозможныя формы, въ которыхъ этотъ факторъ проявляется, но количественно онъ остается неизмѣннымъ, т. е. ни при какихъ условіяхъ количество энергіи не творится и не исчезаетъ.

Первое положеніе, касающееся матеріи, называется *закономъ сохраненія матеріи*, второе—касающееся энергіи, называется *закономъ сохраненія энергіи* **).

И первый, и второй «законы» предчувствовались и безсознательно принимались гораздо раньше, чѣмъ были сформулированы; для ихъ формулировки не доставало *опытнаго* доказательства; Лавуазье, съ вѣсами въ рукахъ, далъ такое доказательство для закона сохраненія матеріи, Майеръ и Джоуль — для закона сохраненія энергіи ***).

---

*) *Ostwald*: Lehrburh der allgemeinen Chemie. 2-e Aufl. 2 Theil, 1 Häffle стр. 10.

**) Терминъ «законъ», въ сущности, здѣсь примѣняется не совсѣмъ правильно, ибо законъ по самому своему существу долженъ быть выведенъ и доказанъ. Эти же два «закона» доказаны быть не могутъ и потому ихъ слѣдовало бы называть или терминомъ «принципъ», или терминомъ «аксіома» или, наконецъ, терминомъ «положеніе».

***) Не мѣшаетъ прибавить, что доказательства въ строгомъ смыслѣ слова не далъ ни Лавуазье для перваго закона, ни Майеръ и Джоуль — для второго. Они только показали, что всѣ *имѣющіеся* въ наукѣ факты не *про-*

Когда утвердилось въ наукѣ понятіе объ энергіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и необходимость формулировать это понятіе возможно точнымъ образомъ. Наиболѣе часто энергію опредѣляютъ такъ:

Каждое тѣло въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ можетъ совершить нѣкоторую работу. *Эта способность совершать работу и называется энергіей.*

Подъ терминомъ «работа» механика понимаетъ произведеніе двухъ чиселъ: одно изъ нихъ выражаетъ величину силы, дѣйствующей на извѣстную точку, другое—пространство, которое эта точка пройдетъ по направленію силы.

Это чисто механическое понятіе о работѣ можетъ быть хорошо уяснено на слѣдующемъ простомъ примѣрѣ: примемъ за единицу силы ту силу, съ которою грузъ въ 1 граммъ притягивается (въ извѣстномъ мѣстѣ) къ землѣ. Если мы теперь заставимъ грузъ въ 20 граммовъ двигаться по направленію, противоположному притяженію земли и этотъ грузъ пройдетъ пространство въ 5 сентиметровъ, то совершившаяся работа будетъ равна 100 граммосентиметрамъ. Если, поднявши этотъ грузъ на 5 сентиметровъ, мы его положимъ на этой высотѣ на дощечку, то мы можемъ сказать, что теперь этотъ грузъ содержитъ въ себѣ *энергію*, т. е. онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ произвести работу. И въ самомъ дѣлѣ, если мы дощечку удалимъ, то грузъ начнетъ падать, и можно при помощи извѣстнаго приспособленія добиться того, чтобы онъ своимъ паденіемъ вызвалъ поднятіе другого такого же груза на ту же высоту (конечно, это возможно только въ идеальномъ случаѣ).

Въ данномъ случаѣ мы говоримъ, что грузъ нашъ имѣетъ механическую энергію. Можетъ быть и другой случай. Предположимъ, у насъ имѣется кусокъ раскаленнаго желѣза. Мы говоримъ, что онъ обладаетъ *тепловой энергіей*, т. е. опять же можетъ произвести работу. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что мы его опустили въ сосудъ съ воздухомъ, закрытый сверху поршнемъ, на которомъ лежитъ грузъ. Кусокъ желѣза начнетъ передавать свою теплоту воздуху, воздухъ станетъ расширяться и будетъ выдвигать поршень, вмѣстѣ съ лежащимъ на немъ грузомъ, вверхъ; въ данномъ случаѣ, значитъ, тепловая энергія превратится въ работу. Возьмемъ еще примѣръ: дано наэлектризованное тѣло; мы соединяемъ

противорѣчатъ принятію такого «закона». Изъ этого, конечно, еще нельзя заключить, что законъ доказанъ. Для того, чтобы законъ былъ доказанъ, нужно доказать, что никогда ни одинъ фактъ не *будетъ* противорѣчить ему.

это тѣло съ землею посредствомъ весьма тонкаго проводника. Электричество, какъ принято выражаться, уйдетъ въ землю; но электрическая энергія взятаго нами тѣла, пройдя по тонкому проводнику, нагрѣетъ его, т. е. обратится въ тепловую энергію; если теперь этотъ проводникъ мы опустимъ въ нашъ сосудъ съ воздухомъ и поршнемъ, то воздухъ начнетъ, подъ вліяніемъ разогрѣвающагося проводника, нагрѣваться, расширяться и вызоветъ опять же поднятіе поршня вверхъ, т. е. произведетъ работу.

Вотъ почему мы имѣемъ право сказать, что наэлектризованное тѣло обладаетъ электрической *энергіей*.

И такъ далѣе.

Изучая энергію ближе, мы приходимъ къ необходимости признать ее состоящею изъ двухъ факторовъ, изъ которыхъ необходимо составляется понятіе о присущей данному тѣлу энергіи.

Такъ, напримѣръ, если бы мы взяли ведро воды и нагрѣли бы эту воду до 100 градусовъ, то могли бы сказать, что вода эта имѣетъ извѣстный запасъ тепловой энергіи.

Если бы мы точно также нагрѣли лишь одинъ стаканъ воды до 100 градусовъ, то и въ этой водѣ имѣется опредѣленный запасъ энергіи.

Не требуется доказывать, что въ ведрѣ воды, имѣющей 100 градусовъ, больше энергіи, нежели въ стаканѣ воды, имѣющемъ тѣ же 100 градусовъ.

Но представимъ себѣ, что вода въ ведрѣ имѣетъ лишь 20 градусовъ, а вода въ стаканѣ имѣетъ 100 градусовъ. Гдѣ, спрашивается, больше энергіи, въ той ли водѣ, которая содержится въ ведрѣ, или въ той, которая содержится въ стаканѣ (предполагая, что въ ведрѣ въ 10 разъ больше воды, чѣмъ въ стаканѣ). Самый этотъ вопросъ сейчасъ же приводитъ насъ къ отысканію двухъ факторовъ энергіи.

Одинъ факторъ—это *напряженность энергіи*.

Второй факторъ—это *емкость даннаго вещества по отношенію къ энергіи*.

Первый факторъ во взятомъ нами примѣрѣ съ водою — это температура. Второй факторъ—это масса взятой воды *).

Можетъ быть и такой случай, что мы возьмемъ одинаковыя массы тѣлъ, напримѣръ, одинъ килограммъ воды и одинъ килограммъ ртути; для того, чтобы нагрѣть и то, и другое вещество до одинаковой температуры, т. е. довести напряженность тепло-

*) Такой взглядъ на массу вообще говоря не правиленъ, и я его привожу лишь для большей наглядности.

вой энергіи до одинаковой величины, придется ртути сообщить въ 30 разъ меньше тепловой энергія, чѣмъ водѣ. Открывши такой фактъ, мы можемъ сказать, что емкость ртути для тепловой энергіи въ 30 разъ меньше, нежели емкость воды, т. е. если мы въ ртуть введемъ столько же тепловой энергіи, сколько введемъ ея въ воду, то ея *напряженность* будетъ въ ртути гораздо бо́льшею, нежели какою она была бы при тѣхъ же условіяхъ въ водѣ.

Это понятіе о емкости вещества для тепловой энергіи существуетъ въ наукѣ уже давно подъ названіемъ теплоемкости.

Такимъ образомъ, въ каждой формѣ энергіи мы можемъ найти оба указанные фактора и доказать, что вся энергія тѣла выражается произведеніемъ этихъ двухъ факторовъ, т. е.

$$E = c\ i,$$

гдѣ E — энергія, c — факторъ емкости, а i — факторъ напряженности.

III.

Когда установлено понятіе объ энергіи и законъ сохраненія ея, то изслѣдователю остается еще цѣлая громадная область, касающаяся вопросовъ объ *условіяхъ превращенія энергіи изъ одного вида въ другой*. Подобно тому, какъ условія превращенія матеріи изъ одного вида въ другой представляютъ предметъ цѣлой науки — химіи, условія превращенія энергіи изучаются наукою, которой, по предложенію Rankine'a *), дано названіе *энергетики*.

Эта наука сначала выступила на свѣтъ Божій подъ названіемъ термодинамики, потому что въ основу ея легло ученіе о теплотѣ, но когда ученые мало-по-малу начали замѣчать, что положенія термодинамики могутъ быть обобщены и переведены къ положеніямъ, касающимся всякой энергіи вообще, тогда самое названіе «термодинамика» охотно стали замѣнять названіемъ «*энергетика*».

Какъ только что сказано, энергетика, главнымъ образомъ, сосредоточила свое вниманіе на вопросахъ превращеній энергіи и построилась сначала на ученіи о теплотѣ, и именно на такъ называемомъ «*второмъ началѣ механической теоріи теплоты*».

Раньше мы говорили, что теплота, какъ и всякая другая форма энергіи можетъ быть превращена въ работу, и указали, что количество происходящей работы пропорціонально количеству «исчезнувшей» теплоты. Такъ, каждая исчезнувшая единица теплоты превращается въ 423,5 килограммометра работы.

*) *G. Helm*, «Die Lehre von der Energie», Leipzig 1887; стр. 59 и слѣд.

Но какія условія должны быть соблюдены для того, чтобы теплота могла превратиться въ работу?

На этотъ вопросъ отвѣтилъ съ большой точностью еще въ 1824 г. французскій ученый Sadi Carnot (дѣдъ бывшаго президента французской республики), исходя изъ совершенно невѣрной гипотезы о теплотѣ, какъ жидкости;*), и не менѣе невѣрнаго представленія о томъ, что при работѣ теплота не затрачивается, Вотъ какъ формулировалъ Carnot свою мысль:

«Движущая сила (la force motrice) въ паровыхъ машинахъ происходитъ не вслѣдствіе дѣйствительной затраты теплорода, а вслѣдствіе перевода его отъ теплаго тѣла къ холодному, т. е. вслѣдствіе возстановленія своего равновѣсія, послѣ того, какъ оно было нарушено какою-либо причиною, напримѣръ, химическимъ дѣйствіемъ, какъ горѣніе, или какимъ-либо инымъ».

Работа Carnot не обратила бы на себя вниманія ученаго міра, если бы за нее не взялся французскій инженеръ Clapeyron и не подвергъ ее тщательному разбору и поясненію. Clapeyron'овское изслѣдованіе появилось черезъ десять лѣтъ послѣ появленія работы Carnot **), и затѣмъ уже въ 1843 году было переведено на нѣмецкій языкъ и напечатано въ Анналахъ Поггендорфа.

На эту работу Clapeyron'а, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на изслѣдованіе Carnot, обратили почти одновременно вниманіе Clausius въ Германіи и W. Thomson въ Англіи.

Принявши соображенія Carnot, Clausius высказалъ, въ качествѣ термодинамической аксіомы, слѣдующее положеніе:

«*Теплота сама собою не можетъ переходить отъ тѣла болѣе холоднаго къ тѣлу болѣе теплому*».

W. Thomson выразилъ это же положеніе въ иной нѣсколько формѣ:

«*При участіи неодушевленныхъ агентовъ, невозможно произвести механическаго дѣйствія веществомъ, температура котораго ниже наиболѣе низкой температуры окружающихъ это вещество тѣлъ*».

Эти положенія въ наиболѣе обобщенной формѣ, т. е. не только по отношенію къ тепловой энергіи, но и по отношенію ко всякой другой, могутъ быть выражены такъ:

Всякія превращенія энергіи другъ въ друга могутъ наступать лишь тогда, когда въ мѣстахъ соприкосновенія источниковъ энергіи напряженность ея различна.

---

*) *Sadi Carnot.* «Reflexions sur la puissance motrice du feu et sur les machines propres à développer cette puissance». Paris 1824. На нѣмецкомъ языкѣ эта работа вышла въ серіи издаваемыхъ Оствальдомъ монографій, подъ названіемъ «Klassiker der exacten Wissenschoften» № 37. Leipzig. 1892 г.

**) «Journal de l'école polytechnique», 1834 г.

Въ тепловой энергіи факторомъ напряженности является температура, и потому, основываясь на только-что выраженномъ началѣ, мы можемъ сказать, что способность тепловой энергіи вызывать какія бы то ни было дѣйствія основана только на температурныхъ разницахъ. Какъ велико ни было бы количество энергіи, накопленное въ различныхъ тѣлахъ, но если напряженность ея у нихъ всѣхъ *одинакова*, то работа не можетъ быть произведена.

Но дальнѣйшее изученіе вопроса показываетъ, что даже и та теплота, которая переходитъ отъ болѣе нагрѣтаго тѣла къ тѣлу менѣе нагрѣтому, *не вся* можетъ быть обращена въ работу.

Представимъ себѣ, напримѣръ, случай, уже разсмотрѣнный раньше: вообразимъ, что у насъ имѣется цилиндръ, въ которомъ содержится холодный воздухъ, и пусть этотъ цилиндръ будетъ закрытъ подвижнымъ поршнемъ; введемъ внутрь цилиндра кусокъ горячаго желѣза; воздухъ начнетъ нагрѣваться, расширяться и выдвигать поршень, т. е. производить работу; тутъ очевидно, что работа не можетъ быть иначе совершена, какъ въ томъ случаѣ, если воздухъ въ цилиндрѣ разогрѣлся; а, стало быть, изъ той тепловой энергіи, которая сообщена кускомъ желѣза воздуху, часть ушла на нагрѣваніе самого воздуха и только часть на работу. Такимъ образомъ, не вся теплота, переходящая отъ тѣла высшей температуры къ тѣлу низшей температуры, можетъ быть превращена въ работу, часть ея безполезно (въ смыслѣ работы) пропадаетъ, а часть только обращается въ работу.

Спрашивается, какъ велика эта *превратимая* въ работу часть теплоты?

R. Clausius и, почти одновременно съ нимъ, W. Thomson, взявши за исходный пунктъ вышеуказанныя работы Carnot и Clapeyron'a пришли къ заключенію, что превратимая въ работу часть теплоты опредѣлится отъ раздѣленія разности температуръ двухъ источниковъ тепловой энергіи на температуру наиболѣе горячаго источника, къ которой (температурѣ) прибавлено число 273 (на такъ называемую абсолютную температуру).

Пояснимъ это на примѣрѣ съ паровой машиной. Пусть паръ въ котлѣ паровой машины имѣетъ температуру 202 градуса, а въ холодильникѣ температура будетъ 12°. Въ такомъ случаѣ, согласно выводамъ Clausius'a и Thomson'a, въ работу обратится часть теплоты, получаемая изъ слѣдующаго вычисленія

$$\frac{202 - 12}{202 + 273} = \frac{190}{475} = 0{,}4$$

Значитъ при *самыхъ благопріятныхъ условіяхъ*, т. е. при такихъ, когда теплота не будетъ теряться на нагрѣваніе воды въ холо-

дильникѣ, на нагрѣваніе частей машины, не будетъ уходить въ воздухъ и т. д., только 0,4 ея обратится въ работу.

Въ болѣе обобщенной формѣ этотъ выводъ выражается формулою

$$\frac{Q - Q'}{Q} = \frac{T - T'}{T};$$

при чемъ Q — выражаетъ количество теплоты, поступающей въ тѣло, Q'—количество теплоты остающейся, а $Q - Q'$—количество теплоты, переведенной въ работу; $T - T'$ выражаетъ разность между температурами болѣе нагрѣтаго и менѣе нагрѣтаго источника (при чемъ подъ этими температурами разумѣютъ температуры показываемыя термометромъ Цельсія + число 273, т. е. такъ называемыя абсолютныя температуры).

Послѣднее равенство можетъ быть формулировано слѣдующими словами:

Теплота, способная перейти въ работу, такъ относится ко всей входящей въ тѣло теплотѣ, какъ разность между температурами относится къ температурѣ наиболѣе нагрѣтаго источника *).

Эта формулировка (съ нѣкоторыми измѣненіями) представляетъ собою то, что называется въ ученіи о теплотѣ **вторымъ началомъ механической теоріи теплоты** **).

Все до сихъ поръ приведенное даетъ читателю возможность составить себѣ понятіе о томъ, какъ ученіе о теплотѣ создало болѣе общее ученіе объ энергіи. Постараюсь подвести итоги тому, что можетъ быть выведено изъ только что сказаннаго.

---

*) Этотъ выводъ примѣнимъ только къ случаямъ такъ называемыхъ *круговыхъ обратимыхъ процессовъ*. Круговымъ процессомъ называется такой процессъ, при которомъ вещество, служащее для переведенія теплоты въ работу (напр., газъ или паръ) послѣ цѣлаго ряда переходовъ снова окажется въ своемъ первоначальномъ состояніи. Если мы представимъ себѣ такой круговой процессъ, при которомъ переходъ тепла и соотвѣтственныя измѣненія объема протекаютъ такъ, что могутъ идти и въ одномъ, и въ обратномъ направленіяхъ, то такой круговой процессъ носитъ названіе обратимаго.

**) Самое общее аналитическое выраженіе «второго начала» изображается формулою

$$\int \frac{dQ}{T} = 0 \text{ и } \int \frac{dQ}{T} < 0$$

Первая формула относится къ обратимому круговому процессу, вторая—къ необратимому. Смыслъ обоихъ уравненій таковъ: превращеніе теплоты въ работу въ *обратимомъ* круговомъ процессѣ происходитъ такъ, что всѣ количества введенной и выведенной теплоты, раздѣленныя каждое на соотвѣтственную температуру, даютъ въ суммѣ нуль или же—въ необратимомъ процессѣ—число большее нуля.

Эти итоги выражаются въ двухъ положеніяхъ механической теоріи тепла.

Первое положеніе: количество энергіи въ природѣ постоянно и неизмѣнно. Всѣ наблюдаемыя нами явленія представляютъ собою только превращенія энергіи изъ одной формы въ другую безъ нарушенія ея количества.

Это положеніе разработано Майеромъ, Джоулемъ и Гельмгольтцомъ, при чемъ первые двое установили его справедливость, отыскавъ численное соотношеніе между различными формами энергіи (теплотою и работою), а послѣдній вывелъ возможныя слѣдствія и далъ этому положенію строгое математическое выраженіе.

Второе положеніе. Превращенія энергіи возможны лишь тогда, когда энергія различныхъ тѣлъ, приходящихъ въ непосредственное или посредственное взаимодѣйствіе, обладаетъ различною напряженностью.

Это начало подготовлено работою Карно и Клапейрона и разработано въ подробностяхъ Клаузіусомъ и В. Томсономъ.

Оба приведенныя положенія могутъ быть выражены еще проще:

Приготовить «perpetuum mobile» невозможно.

Какъ ни очевидны оба эти положенія, однако было бы ошибочно предполагать, что въ сознаніи ученыхъ они присутствовали за долго до появленія работъ Майера, Джоуля, Клаузіуса, Томсона и Гельмгольтца.

Но не только до Майера, а даже и послѣ него нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ физиковъ пробовали возражать противъ 1-го начала механической теоріи тепла. Такъ, напр., знаменитый Нігп сдѣлался горячимъ сторонникомъ механической теоріи теплоты, будучи сначала ея противникомъ. Онъ, между прочимъ, указалъ на кажущееся противорѣчіе первому началу. Если, говорилъ онъ, работа совершается насчетъ теплоты, то работающій человѣкъ долженъ былъ бы остывать, такъ какъ часть теплоты, вырабатываемая въ организмѣ, превращается въ работу. А между тѣмъ, мы наблюдаемъ какъ разъ обратное: работающій человѣкъ разогрѣвается, температура его тѣла повышается, а не понижается.

Это противорѣчіе было устранено, когда обнаружилось, что въ человѣческомъ организмѣ во время работы, благодаря усиленному горѣнію его тканей, производится количество теплоты, гораздо большее, чѣмъ при покоѣ, и притомъ даже больше, нежели сколько ея нужно для совершенія работы и для поддержанія нормальной температуры организма. Часть этой теплоты, дѣйствительно, превращается въ работу, а остальная часть, въ

избыткѣ выработанная, повышаетъ температуру выше нормы. Если бы человѣкъ при покоѣ вырабатывалъ столько же тепла, сколько онъ вырабатываетъ при работѣ, то онъ разогрѣлся бы еще сильнѣе.

Второе положеніе или, лучше сказать, аксіома Clausius'a о томъ, что теплота изъ мѣста низшей температуры не можетъ перейти къ мѣсту высшей сама собою безъ затраты энергіи извнѣ, встрѣтило еще больше возраженій.

Rankine [1]) указалъ на то, что помощью вогнутаго зеркала можно концентрировать теплоту и такимъ образомъ безъ всякой затраты энергіи переходить отъ низшей температуры къ высшей. Очевидно, Rankine имѣлъ въ виду тотъ фактъ, что солнечные лучи, не зажигающіе, напр., дерева, будучи собраны посредствомъ зеркала, могутъ зажечь дерево; но англійскій физикъ упустилъ изъ виду, что источникомъ лучей является солнце, котораго температура, конечно, выше той, которая получается при собираніи лучей зеркаломъ.

Такого же рода возраженія противъ аксіомы Клаузіуса были приводимы T. Wand'омъ [2]), Hirn'омъ [3]), Maxwell'емъ [4]), Tait'омъ и др. Но всѣ эти возраженія были блистательно устранены, главнымъ образомъ, самимъ же Clausius'омъ [5]).

Такимъ образомъ, послѣ многихъ трудовъ, послѣ большого числа колебаній въ стороны, установилось ученіе о теплотѣ и въ связи съ нимъ ученіе объ энергіи. И въ настоящее время мы подраздѣляемъ энергію на пять группъ:

I. Механическая энергія.
II. Теплота.
III. Электрическая энергія.
IV. Химическая и внутренная энергія.
V. Лучистая энергія.

Эти пять группъ допускаютъ десять комбинацій, изученіе которыхъ даетъ десять главъ общаго ученія объ энергіи, т. е. энергетики. Каждая изъ этихъ главъ въ своемъ развитіи достигла различныхъ ступеней совершенства. Такъ, напр., взаимо-

---

[1]) «On the reconcentration of the mechanicalenergy of the universe». Philos. Mag. (4) IV, стр. 358.

[2]) «Kritische Darstellung des zweiten Satzes des Mechanischen Warmetheorie». Carl's «Repertorium der Experimentalphysik». IV, стр. 231. 1868.

[3]) «Exposition analytique et experimentale de la chaleur». 1862.

[4]) «Theorie der Wärme». 1879; T. II, S. 374.

[5]) «Die Mechanische Wärmetheorie». 1876, стр. 314, 373—378; «Die mechanische Behandlung der Electricität. 1879, стр. 317, 318.

отношеніе механической энергіи къ тепловой послужило основою всей энергетики и получило такое огромное значеніе, что подъ названіемъ термодинамики часто считается синонимомъ энергетики. Точно также, въ послѣднее время, изученіе соотношеній между механическою и электрическою энергіей, благодаря обширному практическому примѣненію электричества, получило широкое развитіе. Съ другой стороны, соотношенія между химической и механической энергіей почти еще неизвѣстны и не болѣе того развито ученіе о соотношеніи лучистой энергіи къ другимъ формамъ ея.

Но по мѣрѣ развитія ученія о различныхъ формахъ энергіи естественно зарождался и другой вопросъ самаго общаго характера,—вопросъ о томъ, представляетъ ли самое понятіе объ энергіи физическую фикцію, какую, напримѣръ, представляетъ понятіе о міровомъ эфирѣ, или же энергія есть нѣчто конкретное, нѣчто такое, что съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названо *субстанціей*. Вопросъ о реальности энергіи, если его разбирать съ философской точки зрѣнія, не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо объективное существованіе чего-либо требуетъ, чтобы это «что-либо» было независимо отъ тѣхъ измѣненій, которыя мы сами способны произвести. Количественная независимость отъ всякихъ измѣненій можетъ быть приписана только матеріи и энергіи. Однако, наука долгое время смотрѣла на энергію, какъ на фикцію, какъ на одну изъ математическихъ функцій. И это происходило оттого, что первоначально понятіе объ энергіи было заимствовано изъ механики, въ которой дѣйствительно энергія разсматривается, какъ извѣстная только математическая функція.

И уже Майеръ требовалъ признанія за энергіей реальности. Но благодаря тому, что міросозерцаніе Майера было нѣсколько слишкомъ идеалистическимъ и даже, пожалуй, мистическимъ, словамъ Майера не было придано настоящаго значенія; въ особенности же въ 60-хъ годахъ, въ эпоху господства естественно-научнаго матеріализма, воззрѣнія Майера на реальность энергіи не могли имѣть успѣха. И только уже въ позднѣйшее время начали раздаваться голоса ученыхъ въ пользу такого воззрѣнія. Такъ, напримѣръ, Tait въ своемъ сочиненіи «Свойства матеріи» *) прямо говоритъ:

«Любопытное косвенное признаніе объективности за энергіей заключается въ томъ, что ею торгуютъ. Такъ, въ мануфактурныхъ центрахъ, если у владѣльца мельницы паровая машина оказывается излишне сильною для его потребностей, онъ выпускаетъ объявленіе объ «отдачѣ въ наемъ запасной силы».

*) «Свойства матеріи» (рус. перев. подъ ред. И. М. Сѣченова), стр. 4.

Такимъ образомъ, Tait, наиболѣе ярый врагъ Майера, поднимаетъ вопросъ о реальности энергіи, о томъ, что она имѣетъ рыночную стоимость, можетъ покупаться и продаваться.

Итакъ, если энергія есть реальность, если мы можемъ говорить о ея субстанціальности, то энергетика является такою же сложною и обширною наукою, какъ и наука о матеріи. Но мало того, мы можемъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Существованіе явленій возможно только при условіяхъ перехода энергіи отъ одной системы къ другой. Если энергія не переходитъ, никакихъ явленій мы наблюдать не можемъ. Наши органы чувствъ, или вообще нашъ организмъ обладаетъ извѣстнымъ запасомъ энергіи съ присущими ей обоими факторами: емкостью и напряженностью. Мы познаемъ внѣшній міръ только благодаря тому, что между энергіей нашего организма и энергіей внѣшняго міра происходитъ постоянный обмѣнъ; тамъ, гдѣ этого обмѣна не существуетъ, мы и не познаемъ внѣшняго міра. Такъ, напримѣръ, мы не чувствуемъ давленія воздуха на насъ, несмотря на громадность его величины, потому что это давленіе (какъ факторъ напряженности такъ называемой объемной энергіи), одинаково какъ въ воздухѣ, такъ и въ насъ. Но стоитъ давленію окружающаго воздуха измѣниться болѣе или менѣе рѣзко и сейчасъ же происходитъ нарушеніе равновѣсія энергіи (объемной) и мы начинаемъ чувствовать это нарушеніе. Если мы рукой прикасаемся къ предмету, температура котораго одинакова съ температурой нашей руки, то мы не чувствуемъ ни тепла, ни холода. Предметъ кажется намъ въ тепловомъ отношеніи безразличнымъ. Почему? Потому что факторъ напряженности тепловой энергіи, т. е. температура, одинакова какъ въ нашей рукѣ, такъ и въ предметѣ, и нарушенія равновѣсія энергіи не происходитъ. Объ электрическомъ состояніи нашей земли мы ничего не знаемъ, ибо факторъ напряженности электрической энергіи (электрическій потенціалъ) одинаковъ какъ въ насъ, такъ и въ окружающемъ пространствѣ. И, быть можетъ, мы и окружающее насъ пространство содержимъ громадные запасы электрической энергіи, но судить о нихъ мы не можемъ, потому что, какъ великъ бы ни былъ запасъ энергіи, но разъ факторъ напряженности одинаковъ, энергія не перемѣщается и никакихъ явленій, т. е. перемѣнъ, не происходитъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какова должна быть роль энергетики въ будущей наукѣ и философіи.

Но есть еще одинъ пунктъ—пунктъ самый послѣдній, до котораго добралось послѣдовательно проводимое ученіе объ энергіи.

Что играетъ въ природѣ болѣе важную роль: матерія или энергія?

Такой вопросъ на первый взглядъ можетъ показаться чисто схоластическимъ, да, пожалуй, и просто лишеннымъ смысла. Разъ, въ самомъ дѣлѣ, матерія есть носитель энергіи, разъ энергія не можетъ обнаруживаться и претерпѣвать перемѣны иначе, какъ черезъ посредство матеріи, какой же можетъ быть разговоръ о томъ, что въ природѣ играетъ болѣе важную роль. Матерія безъ энергіи такъ же мало мыслима, какъ и энергія безъ матеріи—это кажется очевиднымъ и не подлежащимъ никакому спору. Однако, споръ возникъ и по этому поводу.

Въ предыдущей статьѣ я упомянулъ, что матеріализмъ потерпѣлъ сильное нападеніе со стороны Ostwald'a именно въ этомъ своемъ пунктѣ.

Ostwald поставилъ вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще матерія, и не есть ли сама матерія только одна изъ формъ энергіи?

Чтобы дать хотя поверхностное понятіе объ этой точкѣ зрѣнія знаменитаго германскаго химика (болѣе подробно я поговорю объ этомъ предметѣ въ отдѣльной статьѣ), я укажу, что Ostwald не видитъ въ матеріи ни одного свойства, которое представлялось бы присущимъ именно ей; всѣ свойства матеріи онъ сводитъ къ энергіи.

Что значитъ осязать тѣло? Если мы нашимъ пальцамъ сообщили нѣкоторую энергію движенія и на пути они встрѣтятъ тѣло, то получить осязательное ощущеніе отъ этого тѣла они могутъ лишь тогда, когда это тѣло обладаетъ меньшей энергіей, т. е. движется, напр., съ меньшей скоростью (или находится въ покоѣ); если же тѣло движется съ такою скоростью, съ какою двинулись наши пальцы, то мы его ощущать не будемъ въ состояніи. Значитъ, самое понятіе о твердости (въ обыденномъ смыслѣ) тѣла, о его формѣ и т. д., получаемое путемъ осязанія, дается намъ лишь въ томъ случаѣ, если энергія нашего осязательнаго органа отличается по своей напряженности отъ энергіи осязаемаго тѣла. То же относится и къ явленіямъ зрѣнія, и вообще ко всѣмъ тѣмъ способамъ, при помощи которыхъ мы познаемъ матерію. Даже самыя основныя понятія о матеріи—понятіе о ея массѣ и вѣсѣ—суть понятія энергетическаго характера.

Вотъ почему Оствальдъ говоритъ, что можно усомниться въ объективномъ существованіи матеріи, но ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что энергія существуетъ объективно.

Въ такія философскія области заходитъ уже теперь энергетика.

Но помимо этого, ученіе объ энергіи распространилось и на другія сферы нашего философскаго міросозерцанія.

Раньше было указано, что въ основѣ второго начала термодинамики лежитъ принципъ о невозможности превращенія даже всей той теплоты въ работу, которая переходитъ отъ источника высшей температуры къ источнику низшей температуры. Часть этой переходящей тепловой энергіи идетъ всегда на нагрѣваніе, т. е. переходитъ въ непревращенномъ состояніи. Переходъ тепловой энергіи въ непревращенномъ состояніи въ то тѣло, черезъ посредство котораго мы хотимъ совершить работу, сопровождается, кромѣ того, еще переходомъ ея въ окружающее пространство, гдѣ она тоже въ работу не превращается. Это необходимое явленіе, такъ сказать, безполезной потери тепловой энергіи W. Thomson назвалъ *разсѣяніемъ* энергіи; онъ же обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что всякая энергія при своихъ превращеніяхъ непремѣнно частью переходитъ въ тепловую энергію, а такъ какъ тепловая энергія никогда превратиться на цѣло въ работу не можетъ, то разсѣяніе энергіи есть необходимость, сопрождающая всякія явленія, т. е. всякія превращенія энергій. Clausius назвалъ эту часть энергіи (которая, значитъ, не можетъ быть превращена въ работу) *энтропіей*. Стало быть, между «энтропіей» Clausius'a и «разсѣяніемъ энергіи» Thomson'a — много общаго. Разница только въ томъ, что Thomson говоритъ о потерѣ въ энергіи вообще, а Clausius своему выраженію «энтропія» придаетъ точный и опредѣленный смыслъ и создаетъ возможность говорить объ энтропіи, какъ о величинѣ, подлежащей измѣренію.

Дальнѣйшіе выводы изъ этого начала энтропіи касаются вопроса о будущности вселенной.

Во вселенной происходятъ постоянно круговые процессы такого рода, что часть энергіи, способная превращаться въ работу, уменьшается; въ самомъ дѣлѣ предположимъ, что у насъ имѣется горячее и холодное тѣло; теплота, переходящая отъ перваго тѣла ко второму, только частью обратится въ работу. Представимъ себѣ теперь, что теплоту, перешедшую въ работу, мы снова возвратили бы тому тѣлу, которое первоначально было болѣе горячимъ. Очевидно, его температура уже не будетъ такою, какою она была при началѣ процесса, такъ какъ часть теплоты перешла на болѣе холодное тѣло, не произведя работы. Итакъ, теперь уже разность между температурами нашихъ обоихъ тѣлъ станетъ меньше. Повторяя этотъ процессъ много разъ, мы въ результатѣ получимъ слѣдующее: оба тѣла будутъ имѣть одинаковую температуру и, стало быть, переходъ тепловой энергіи изъ перваго во второе станетъ невозможнымъ. А разъ перехода не будетъ, то не будетъ и работы. Значитъ, наша система двухъ тѣлъ, не потерявшихъ даже нисколько тепловой энергіи въ

пространствѣ, придетъ въ такое состояніе, при которомъ ни малѣйшая часть содержащейся въ нихъ теплоты не будетъ въ состояніи превратиться въ работу. Иначе говоря, энтропія этихъ тѣлъ достигнетъ своего maximum'а.

То, что справедливо для двухъ тѣлъ, будетъ, конечно, справедливо и для любого числа ихъ, а стало быть, и для вселенной; далѣе, то, что справедливо для тепловой энергіи, будетъ справедливо и для всякой другой, ибо всякая другая энергія, какъ было выше указано, при своихъ превращеніяхъ непремѣнно частью обращается въ тепловую.

И такъ, если во вселенной происходятъ обмѣны всевозможныхъ формъ энергіи и если каждый разъ при обратныхъ превращеніяхъ часть энергіи «застрѣваетъ» въ тѣлахъ, въ формѣ необратимой, то послѣ большого числа такихъ обмѣновъ и обратныхъ превращеній во всѣхъ тѣлахъ исчезнетъ, позволю себѣ выразиться, дѣятельная энергія и останется недѣятельная, т. е. такая, которая уже не можетъ подвергаться превращеніямъ. Во вселенной наступитъ maximum энтропіи т. е. абсолютный покой, иначе говоря, вселенная погрузится въ вѣчную смерть и въ ней не произойдетъ ни одного явленія.

Всѣ эти выводы сдѣланы сначала W. Thomson'омъ, потомъ и Clausius'омъ.

Ученіе объ энтропіи, какъ оно ни обогащаетъ насъ въ научно-философскомъ отношеніи, наводитъ, однако, на печальныя размышленія. Значитъ, смерть вселенной есть выводъ, построенный на самыхъ строгихъ научныхъ основаніяхъ? спрашиваемъ мы себя. Значитъ, пессимисты правы, говоря, что вселенная стремится къ самоуничтоженію? Мы отвѣчаемъ на это: «да, правы!» И ни одна философская система, старавшаяся разгадать цѣль бытія, не имѣла такихъ прочныхъ научныхъ основаній, какъ пессимистическая философія, гласящая что *цѣль бытія* въ концѣ концовъ, *есть не бытіе*. Ибо если уже говорить о цѣли, то цѣль всѣхъ превращеній энергіи—а это и есть бытіе—есть ихъ уравновѣшеніе и достиженіе maximum'а энтропіи—а это и есть *не бытіе*. И если бы мы хотѣли стоять на почвѣ данныхъ, добытыхъ наукою, то наша обязанность признать вышеприведенную квинтъ-эссенцію пессимизма одною изъ наиболѣе прочныхъ истинъ, какими владѣетъ человѣчество.

Итакъ, вселенная стремится къ смерти, къ полному равновѣсію энергій. Какъ ни печально для насъ такое пріобрѣтеніе, но если бы мы были убѣждены, что оно представляетъ несомнѣнную истину, мы могли бы гордиться тѣмъ, что проникли въ тайны бытія, познали стремленія вселенной. Мы могли бы сказать: «да, намъ

предстоитъ гибель, но мы это разгадали усиліями нашего ума!» Мы уподобились бы тому астрологу, который предсказалъ день своей смерти и, умирая, съ гордостью произнесъ: «я радъ, что умираю сегодня, потому что своей смертью я купилъ величайшую тайну природы. Если бы я остался живъ, мнѣ пришлось бы сознаться въ ничтожествѣ своей науки, своего ума! А тогда жизнь потеряла бы для меня всякую цѣну».

Такъ говорилъ, конечно, герой науки, да еще, вѣроятно, герой, созданный пылкой фантазіей средневѣковыхъ арабскихъ астрологовъ.

Человѣчество, даже въ лицѣ своихъ великихъ ученыхъ, не можетъ считаться такимъ героемъ. Ему непріятно думать, что всѣ его волненія, усилія его ума, что вся созданная имъ наука, искусство—что все это обратится въ ничто; человѣчество можетъ даже пенять на науку, предсказавшую ему подобную перспективу.

И вотъ подъ давленіемъ всего этого, въ ученыхъ зарождается вопросъ:

«А не слишкомъ ли мы заносимся, воображая, что второе начало механической теоріи тепла такъ ужъ незыблемо, что всѣ вытекающія изъ него слѣдствія должны считаться, какъ бы, абсолютной истиною? Мало ли было случаевъ, гдѣ наука, убѣжденная въ обладаніи истиною, разочаровывалась и сознавала свою ошибку!? Вѣдь весь выводъ объ энтропіи имѣетъ въ своей основѣ предположеніе, будто факторы энергіи постигнуты нами всѣ, будто, кромѣ фактора емкости и фактора напряженности, никакихъ другихъ факторовъ энергіи не имѣется? Мало того: мы считаемъ, что превращенія энергіи возможны лишь въ томъ случаѣ когда имѣются тѣла, содержащія энергію различной напряженности. Откуда у насъ эта истина? Она дана намъ опытомъ. Но развѣ нашъ опытъ, да еще произведенный въ нѣкоторой одной точкѣ вселенной—можетъ рѣшать вопросы, касающіеся всей вселенной? Мало ли какія формы энергіи могутъ существовать, которыхъ мы еще не знаемъ? Вѣдь не знаетъ же какая-нибудь амеба лучистой свѣтовой энергіи! А вѣдь мы, быть можетъ, черезъ сотни милліоновъ лѣтъ, путемъ эволюціи, превратимся въ существа, которыя познаютъ много другихъ видовъ энергіи, отличной отъ тѣхъ видовъ, какіе мы знаемъ теперь!»

Такое разсужденіе съ принципіальной стороны вполнѣ законно. Но все же мы не можемъ говорить о томъ, чего не знаемъ и, слѣдовательно, стоя на почвѣ факта, мы не должны бояться вытекающихъ изъ него слѣдствій—все равно, пріятны они намъ или нѣтъ.

Значитъ, соглашаясь со всѣми этими сомнѣніями, мы все-таки

должны, повидимому, сказать: «Когда мы узнаемъ новые факты, тогда мы и откажемся отъ сдѣланныхъ безъ ихъ помощи выводовъ, но пока...»

Однако и пока у насъ есть нѣкоторое научное право не считать данные выводы абсолютно справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, наука намъ говоритъ, что вселенная *безконечна* въ математическомъ смыслѣ этого слова, т. е. число тѣлъ во вселенной безконечно. Если принять, что напряженность энергіи въ каждомъ тѣлѣ вселенной различная, то процессъ уравновѣшенія этихъ энергій, конечно, произойдетъ, смерть вселенной, конечно наступитъ, но черезъ... безконечное время, т. е. иначе говоря никогда. И разсуждая такъ, мы стоимъ на научной почвѣ, не противорѣчимъ второму началу термодинамики не смотря на то, что одинъ выводъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, я сознаю въ какой несовершенной степени мнѣ удалось познакомить своихъ читателей съ ученіемъ объ энергіи во всей его широтѣ. Но я нахожу для себя оправданіе въ одномъ — въ чрезвычайной трудности популяризировать энергетику или термодинамику, въ особенности же второе ея начало, требующее пользованія высшей математикой. Мнѣ однако хотѣлось показать, какъ глубоко проникаетъ энергетика въ самые затаенные уголки міра явленій и какимъ сильнымъ руководителемъ является она для насъ при изученіи природы. Мнѣ хотѣлось показать, что для построенія философскаго міросозерцанія, для построенія новыхъ философскихъ системъ недостаточно подняться на вершины апріорнаго мышленія, а нужно опускаться въ нижніе этажи лабораторій и физическихъ кабинетовъ при хорошемъ математическомъ вооруженіи. Законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія энергіи дали человѣчеству слишкомъ много въ смыслѣ прогресса, а они, эти законы, выработавшись на почвѣ чернаго, тяжелаго многолѣтняго эксперимента, составляютъ основу для дальнѣйшаго движенія естествознанія, соціологіи и философіи.

Вотъ почему и для Томсона, недавно праздновавшаго пятидесятилѣтіе своей профессорской дѣятельности, лучшей наградой должно быть сознаніе, что въ этой тяжелой долголѣтней борьбѣ за открытіе величайшей тайны ученія объ энергіи, онъ стоялъ въ ряду передовыхъ вожаковъ и ни разу не опустилъ своего оружія передъ встрѣчавшимися ему на пути препятствіями.

М. Ю. Гольдштейнъ.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

(По поводу новаго полнаго перевода С. М. Москва. 1895).

О томъ, что предъ нами необыкновенная, въ своемъ родѣ единственная книга, говорить не приходится. Всякій съ дѣтства совершенно естественно усвоилъ эту истину. Ни въ одной европейской литературѣ нельзя назвать другого произведенія, которое пользовалось бы такими единодушными и неизмѣнными сочувствіями у читателей *всѣхъ* возрастовъ и самаго разнообразнаго умственнаго развитія. Для ребенка и вообще простодушнаго читателя имя ламанчскаго рыцаря столь же близко и родственно-дорого, какъ имена Робинзона Крузо, дяди Тома, но только ни съ однимъ изъ послѣднихъ именъ у *взрослыхъ* и развитыхъ читателей не соединяется столько сложныхъ и въ высшей степени любопытныхъ *идей*, какъ съ именемъ героя Сервантеса. Донъ-Кихотъ одновременно и забавнѣйшая фигура дѣтской литературы и на столько поучительный и содержательный типъ въ философскомъ и психологическомъ смыслѣ, что развѣ только шекспировскій Гамлетъ въ этомъ отношеніи можетъ поспорить съ рыцаремъ печальнаго образа. Явленіе по истинѣ исключительное! Объяснить его вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ — потребовался бы цѣлый трактатъ. Мы намѣтимъ только главнѣйшія основанія этой безпримѣрной славы испанскаго романа. Въ наше время въ большой модѣ одна весьма спорная идея, отнюдь не доказанная и между тѣмъ заключающая въ себѣ особенную привлекательность именно для людей конца XIX вѣка. Это—идея *объективнаго* художественнаго творчества и даже вообще писательской работы. Не смотря на то, что ни одно столѣтіе не видѣло такой горячей, часто ожесточенной полемики въ самыхъ, повидимому, научныхъ и *безличныхъ* областяхъ, въ родѣ естествознанія, именно XIX вѣкъ проявилъ непреодолимое стремленіе—всякое знаніе и всякій продуктъ нравственныхъ человѣческихъ силъ превратить въ фактъ, независимый отъ личностей, отъ личныхъ характеровъ и міросозер-

ланій ученыхъ и писателей. Новѣйшимъ поколѣніямъ, между прочимъ, принадлежитъ замыселъ—исторію, искони составлявшую предметъ искусства или морали, сдѣлать *точной* наукой. Извѣстное движеніе на этомъ пути, несомнѣнно, удалось: современные историки, большею частью, избѣгаютъ реторическихъ и проповѣдническихъ упражненій на почвѣ историческихъ фактовъ. Но научность, объективная и безстрастная до послѣднихъ дней не дается, будто сказочная жаръ-птица, ни одному историку, и роковымъ образомъ повторяется одинъ и тотъ же фактъ: чѣмъ талантливѣе историкъ, чѣмъ шире его нравственный и общественный кругозоръ, тѣмъ онъ, по необходимости, отзывчивѣе на разныя «злобы» настоящихъ и минувшихъ дней и тѣмъ, логически, менѣе приспособленъ къ объективности. Одинъ изъ такихъ историковъ, знаменитый авторъ книги объ Ульрихѣ Гутенго, откровенно заявилъ, что историческая объективность возможна только у писателя, имѣющаго дѣло съ ассиріанами и вавилонянами и подобными ископаемыми народами и дѣятелями, во всѣхъ другихъ случаяхъ авторъ историческаго труда непремѣнно проявитъ свое культурное, національное и политическое родство съ тѣмъ или другимъ направленіемъ современной ему мысли. Другіе историки менѣе откровенны *теоретически*, но *практически* они идутъ несравненно дальше только-что упомянутаго историка и волею ироническихъ судебъ, именно тѣ, кто больше всего толкуетъ о научности и объективизмѣ, попадаютъ рѣшительно во всѣ роли, только не роль научнаго и безпристрастнаго историка. Краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ можетъ служить Тэнъ, безпрестанно твердившій о себѣ, какъ *натуралистѣ* въ области общественныхъ изслѣдованій, и въ результатѣ проявившій единственное сходство съ натурализмомъ, да и то не естественнонаучнымъ, а литературнымъ, *золаическимъ*,—усердіемъ осыпать ненавистныхъ историческихъ личностей дѣйствительно *натуралистически*-безцеремонными ругательными эпитетами и клеветами. Такъ обстоитъ дѣло съ исторіей. Но манія объективизма распространилась и на искусство. Всего только годъ или два замолкъ шумъ, надѣланный-было эстетиками на счетъ чистой, отрѣшенной красоты. Въ короткое время образовалась громадная журнальная и книжная литература, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ эстетика прямо считалась модной наукой, и періодическія изданія изнывали въ поискахъ за статьями на соотвѣтствующія темы. Повѣтріе, къ великой чести русской общественной мысли, исчезло, но отголоски его не замерли и врядъ ли замрутъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ; правда, и здѣсь повторились курьезы, подобные тэновскому. Въ Россіи са-

мымъ ярымъ защитникомъ чистаго объективнаго творчества оказался г. Боборыкинъ,—тотъ самый г. Боборыкинъ, романы котораго съ незапамятныхъ временъ были и продолжаютъ быть сенсаціонными *révues* «общихъ знакомыхъ» и самыхъ злободневныхъ фактовъ и происшествій. Въ этомъ собственно и заключается интересъ и даже литературное достоинство произведеній почтеннаго беллетриста и онъ совершенно напрасно усиливается высѣчь самого себя собственными проповѣдями о чистомъ художествѣ. Дѣло въ томъ, что не только въ романахъ г. Боборыкина, а рѣшительно во всѣхъ литературахъ значеніе и занимательность произведенія увеличивается какъ разъ сообразно съ количествомъ не объективизма, если такъ можно выразиться, а именно *личнаго, авторскаго* элемента. И что особенно любопытно, самыми талантливыми и долговѣчными оказываются какъ разъ произведенія автобіографическаго характера, въ которыхъ главный герой—въ сильнѣйшей степени воплощаетъ личность самого писателя и представляетъ своими рѣчами и поступками его личное отношеніе къ современной дѣйствительности. Примѣровъ можно привести сколько угодно изъ той или другой литературы. Достаточно вспомнить «Гамлета», «Мизантропа», «Горе отъ ума» и даже «Божественную комедію» Данта, повидимому, строго эпическую поэму, а на самомъ дѣлѣ откровеннѣйшую исповѣдь авторскихъ личныхъ сочувствій и негодованій. Всѣ поименованныя нами произведенія считаются высшими украшеніями въ творчествѣ своихъ авторовъ и, кромѣ того, именно они, не въ примѣръ прочимъ, часто не менѣе талантливымъ, обладаютъ способностью возбуждать разнообразнѣйшія критическія сужденія читателей, именно имъ принадлежитъ привилегія являться тайной — романтически-привлекательной и философски-глубокой для самаго отдаленнаго потомства. Ни «Король Лиръ» у Шекспира, ни «Тартюфъ» у Мольера, при всѣхъ своихъ общепризнанныхъ достоинствахъ, не считаютъ за собой и малой доли той литературы, какая посвящена «Гамлету» и «Мизантропу». И фактъ объясняется просто. Гдѣ заключены *личности* обоихъ поэтовъ, т. е. ихъ интимная духовная и отчасти внѣшняя жизнь, тамъ и кроется притягательнѣйшая сила—одинаково для простой и для ученой публики. Въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ намъ прежде всего интересенъ самъ дѣятель, и этотъ интересъ, разумѣется, становится особенно напряженнымъ, когда вопросъ идетъ объ исключительно-одаренной творческой натурѣ. Въ результатѣ—сліяніе личныхъ откровеній съ явленіями внѣшней дѣйствительности и производитъ то, что сообщаетъ произведенію глубочайшій *психологическій* смыслъ,

обильнѣйшее *реальное* содержаніе, художественную *силу* красокъ и лирическую *искренность* тона, и степень талантливости и значительности произведенія прямо зависитъ отъ гармоніи могучаго субъективнаго элемента и богатства внѣшнихъ отраженій. «Донъ-Кихотъ» одно изъ такихъ явленій искусства.

Когда вы читаете романъ, у васъ составляется двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны предъ вами безумецъ, смѣшной, еще чаще жалкій, безнадежная жертва больного воображенія, рядомъ съ нимъ грубый и еще болѣе забавный и, пожалуй, глупый мужикъ. Все вмѣстѣ—сатира на человѣческое безуміе и неразуміе. Но одновременно съ этимъ впечатлѣніемъ невольно и будто безъ вашего вѣдома на днѣ души складываются совершенно другія чувства къ обоимъ героямъ. Вамъ становится не только жаль по человѣчеству побитаго рыцаря, но вы не можете отдѣлаться отъ инстинктивнаго ощущенія, нисколько не похожаго на состраданіе къ безумцу, отъ *уваженія* и въ иныя минуты чуть не удивленія. То же самое съ Санчо-Пансо. Добрякъ безпрестанно забавляетъ васъ нескончаемой болтовней, гомерическимъ аппетитомъ и необычайно реальнымъ взглядомъ на всѣ вещи въ мірѣ. Но по временамъ вы начинаете съ большимъ вниманіемъ прислушиваться къ этой болтовнѣ и реальные взгляды Санчо пріобрѣтаютъ свой спеціальный интересъ, не только комическій. Такая двойственность впечатлѣнія свойственна вообще всѣмъ героямъ, имѣющимъ привилегію быть ближайшими, родными по духу дѣтищами авторскаго сердца. Гамлетъ,—тоже безумецъ, минутами жестокій, безвольный и въ то же время мстительный, Чацкій—смѣшной ревнивецъ и до самозабвенія увлекающійся «безпокойный человѣкъ», Альцестъ—обманутый влюбленный и безразсудно азартный моралистъ, въ порывѣ гнѣва стрѣляющій изъ пушекъ по воробьямъ. Много здѣсь жалкаго, комическаго, подчасъ даже несимпатичнаго, но самые доблестные герои такъ не влекутъ васъ къ себѣ, какъ эти странные, возбуждающіе столько недоумѣній, сценическіе образы. То же и съ героями Сервантеса. Вы чувствуете и ясно видите, что несчастный рыцарь печальнаго образа на многихъ страницахъ романа такой же alter ego автора, какъ и Гамлетъ въ своихъ философскихъ монологахъ—эхо шекспировскихъ думъ и печалей, и если *быть или не быть* вы почти цѣликомъ можете найти въ лирическихъ произведеніяхъ великаго драматурга, такъ же и многіе монологи ламанчскаго рыцаря—задушевнѣйшіе profession de foi Сервантеса.

Да, безсмертный Мигуэль Сервантесъ Сааведра—Донъ-Кихотъ и притомъ одинъ изъ типичнѣйшихъ. Онъ не сражался съ вѣтре-

ными мельницами à la lettre, но въ нашемъ мірѣ бываютъ сраженія, на первый взглядъ и больше осмысленныя, но въ сущности не болѣе цѣлесообразныя для личнаго спокойствія и благополучія сражающихся. Сервантесъ—по рожденію благороднѣйшій рыцарь, гидальго съ головы до ногъ, по дѣятельности въ молодой періодъ жизни—доблестный солдатъ, герой знаменитаго сраженія при Лепанто, изувѣченный въ битвѣ и не достигшій никакихъ «существенныхъ» наградъ за своё геройство и за увѣчье. Напротивъ, оставшейся рукой Сервантесу предстояло совершить еще болѣе доблестныхъ дѣлъ на другомъ поприщѣ, и еще менѣе благодарныхъ и чреватыхъ благодѣтельными для героя послѣдствіями. Это—дѣйствительно сплошное донъ-кихотство и притомъ въ самыхъ разнородныхъ формахъ, сначала донкихотство рыцаря въ прямомъ смыслѣ слова, а потомъ «рыцаря мысли и слова», это—поэма, даже болѣе занимательная и несравненно болѣе поучительная, чѣмъ даже приключенія ламанчскаго подвижника. Оставимъ въ сторонѣ военный героизмъ Сервантеса, его по истинѣ легендарную исторію плѣна и невольничества у алжирскихъ разбойниковъ, намъ ближе литературное донкихотство геніальнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что оно цѣликомъ передъ нами въ самомъ романѣ. Быть рыцаремъ въ литературѣ всегда много труднѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ сценахъ, но эта трудность превращается въ подвигъ, когда писателю приходится одновременно бороться съ матеріальными лишеніями и испытывать настоятельную нравственную необходимость идти наперекоръ современнымъ литературнымъ вкусамъ публики и ея избранниковъ. Это—совершенная драма, притомъ почти всегда кончающаяся трагически для «одного въ полѣ воина». Когда мы въ настоящее время читаемъ въ романѣ Сервантеса гуманнѣйшія идеи общественнаго содержанія и самыя правильныя, на нашъ взглядъ, литературныя теоріи, намъ все это кажется вполнѣ естественнымъ и большинству читателей навѣрное и на умъ не приходитъ вопросъ, чего всѣ эти люди стоили испанскому писателю эпохи Филиппа II и современнику прославленнаго драматурга Лопе де-Веги? А между тѣмъ, достаточно припомнить только эти два имени, чтобы представить нравственное и умственное величіе автора «Донъ-Кихота». Филиппъ II—коронованный инквизиторъ, воплощеніе безпощаднаго фанатизма и нетерпимости, подлинный палачъ нидерландовъ и весьма вѣроятный убійца своего сына, драматургъ—«офицеръ святой инквизиціи» и въ то же время безпринципнѣйшій изъ писателей, какіе только когда-либо пользовались подобной популярностью. И король, и драматургъ вполнѣ олицетворяли силы сво-

его вѣка—религіозный деспотизмъ, національное самообожаніе и задоръ, и литературную продажность, и полнѣйшее идейное легкомысліе. Остается только прибавить еще одну достопримѣчательность эпохи, не выдохшуюся окончательно и до послѣднихъ дней изъ испанскихъ нравовъ, бытовыхъ и литературныхъ—страстное увлеченіе эффектомъ, грубыми декораціями искусства вмѣсто реальной художественной красоты, крикливымъ, чисто бутафорскимъ героизмомъ. Во времена Сервантеса эти наклонности испанцевъ породили обильную пищу прежде всего въ рыцарскихъ романахъ, а потомъ въ такъ называемомъ «гонгоризмѣ», старинной модѣ, охватившей постепенно въ XVI и XVII вѣкахъ всѣ европейскія литературы. Въ Испаніи оно получило свое названіе отъ напыщеннаго утонченно-щеголеватаго поэта Гонгоры, во Франціи та же мода называлась «преціознымъ тономъ», въ Англіи—эварцизмомъ, у насъ, въ Россіи, доморощенныя précieuses ridicules именовались въ сатирахъ—«щеголихами». Всѣ эти чудовища—религіозный фанатизмъ, неразлучный съ грубѣйшими суевѣріями, національное фанфаронство, воинственныя и галантныя небылицы о сказочныхъ витязяхъ и слащавое, вымученно-искусственное кокетничанье въ стилѣ и мотивахъ поэзіи,—все это объявляло непримиримую войну истинно-рыцарственному гуманному сердцу Сервантеса, его ясному, многоопытному уму и глубокому природному художественному чувству. И Сервантесъ мужественно принялъ вызовъ, вѣрнѣе—самъ потребовалъ къ отчету своихъ грозныхъ враговъ, и сильнѣйшее оружіе мысли и генія вложилъ именно въ столь, повидимому, забавную повѣсть о Ламанчскомъ рыцарѣ и его оруженосцѣ. У Донъ-Кихота есть своя idée fixe, но отнюдь не настолько невѣроятная и безумная, чтобы онъ не могъ найти множество двойниковъ среди своихъ же современниковъ. Это только намъ рыцарь можетъ казаться и дѣйствительно кажется сумасшедшимъ, ясновидцемъ, вообще невмѣняемымъ; но, скажите, далеко ли ушелъ отъ послѣдователя Амадиса и обожателя Дульцинеи самъ Филиппъ II, который, по историческимъ извѣстіямъ, заключая бракъ съ англійской принцессой, клялся признать права Артура на британскій престолъ немедленно, лишь только появится этотъ герой «Круглаго стола» съ своими претензіями. Будучи принцемъ, тотъ же Филиппъ въ торжественныхъ случаяхъ появлялся публично въ костюмѣ странствующаго рыцаря. А между тѣмъ трудно и представить личность, менѣе поэтической и увлекающейся, чѣмъ этотъ злосчастный монархъ. Что же происходило съ другими? Современники говорятъ, что публика ничего другого не читала, кромѣ рыцарскихъ сказокъ. Это была въ полномъ

смыслѣ душевная эпидемическая болѣзнь. Амадисъ, Тристанъ и прочія подобныя чудища считались вполнѣ *реальными* личностями у людей, отнюдь не страдавшихъ донкихотствомъ. Разсказываютъ такой подлинный фактъ. Однажды нѣкій испанскій дворянинъ вошелъ къ своей женѣ и засталъ ее въ горькихъ слезахъ. «Что съ вами? Какое несчастье случилось?» спросилъ онъ.—«Амадисъ умеръ», отвѣчала чувствительная дама, глотая слезы. И не только дамы огорчались подобными несчастіями. Принцы ходатайствовали предъ авторами, чтобы они отмѣняли катастрофы въ концѣ рыцарскихъ романовъ и спасали своихъ героевъ. Этого мало. Дамы и барышни требовали, чтобы ихъ кавалеры непремѣнно походили на Адамиса галльскаго или португальскаго, въ честь дамскихъ очей страдали, предавались меланхоліи и совершали безумства. И желанія дамъ выполнялись. Случалось, рыцари своими «безумствами» далеко оставляли знаменитые подвиги Донъ-Кихота, повергающаго Санчо-Пансу въ несказанное изумленіе прыжками и прочими акробатическими упражненіями въ полномъ дезабилье въ честь Дульцинеи Тобазской. Если рыцарь Сервантеса готовъ поднять скандалъ со всякимъ встрѣчнымъ изъ-за красоты своей дамы, его дѣйствительные прототипы на самомъ дѣлѣ безумствовали на большихъ дорогахъ и даже при королевскихъ дворахъ, устраивая поединки и драки съ кѣмъ придется *). Это забіячество поощрялось вкусами самихъ коронованныхъ лицъ, часто присутствовавшихъ при рыцарскихъ «безумствахъ». Съ XVI вѣка съ язвой начинаетъ бороться законодательство, но сами же законодатели, въ родѣ императора Карла V, первые нарушали свои запрещенія печатать и распространять рыцарскіе романы и тайкомъ продолжали зачитываться ими. Недугъ былъ тѣмъ страшнѣе, что первостепенныя литературныя силы и не думали идти ему наперекоръ. Лопе де Вега, открыто заявлялъ, что онъ покорнѣйшій слуга публики, и если она любитъ «глупости», писатель долженъ доставить ей именно этотъ продуктъ, потому что публика оплачиваетъ трудъ писателя, а «я пишу ради денегъ», съ циничеcкой искренностью заявлялъ авторъ безчисленнаго множества театральныхъ пьесъ. Правда, изъ сотенъ драмъ и комедій Лопе де Веги въ настоящее время сохранили извѣстный интересъ какой-нибудь десятокъ, но какое дѣло подобному автору до потомства и даже личнаго литературнаго достоинства? Денегъ и славы у Лопе было слишкомъ много, а такъ называемыя идеи и принципы въ

*) См. статью проф. П. И. Стороженко «Философія Донъ-Кихота». *Вѣстн. Евр.* сент. 1885.

достаточной степени покрывались инквизиторскими обязанностями. Инквизиція и литературное одичаніе, фанатизмъ въ религіи и нравственности, ложь и лицемѣрная, но, въ сущности, растлѣвающая galanterie и «глупости» въ искусствѣ, и столпы этого царства—король, дворянство, высшій свѣтъ, уличная толпа и прославленнѣйшій поэтъ! И противъ такой Бастиліи невѣжества, жестокости и пошлости выступилъ бѣдный, изувѣченный, уже престарѣлый гидальго, и выступилъ въ самый неблагопріятный моментъ своей личной жизни. Сервантесъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, расплачиваясь за свое «донкихотство» по службѣ, и вотъ здѣсь-то былъ начатъ знаменитый романъ, отточены стрѣлы безпримѣрнаго остроумія противъ современныхъ уродствъ и пороковъ. По истинѣ—безпримѣрная борьба въ исторіи художественной литературы! «Я смѣю сказать, — писалъ Сервантесъ, — если бы я какимъ-либо путемъ могъ предугадать, что мои сочиненія могутъ внушить читателямъ какое-либо преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, написавшую ихъ, чѣмъ выпустилъ бы ихъ въ свѣтъ». И поэтъ до конца остался вѣренъ этимъ словамъ. Развѣ это не «донкихотство» въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова рядомъ съ дѣятельностью Лопе де Веги, имѣющемъ полное право на роль матеріалиста Санчо-Пансы, рядомъ съ нашимъ рыцаремъ мысли? И перечитайте романъ, отъ первой страницы до послѣдней, на васъ будутъ вѣять лучшіе завѣты высшей человѣческой культуры. И что особенно любопытно, всѣ эти завѣты будутъ высказаны устами «безумнаго» рыцаря и «глупаго» оруженосца. У одного поэтъ заимствуетъ благородное, гуманное сердце, живое и отзывчивое всюду, гдѣ не затронута честь блистательной Дульцинеи Тобозской, у другого—здравый, народный смыслъ, сильный и мудрый всюду, гдѣ приходится реальную дѣйствительность отдѣлить отъ сумазбродныхъ фантазій экзотическихъ тунеядцевъ, и гдѣ истинно-философскій юморъ «естественнаго человѣка» не омрачается мучительнымъ, но неотразимымъ для бѣдноты инстинктомъ борьбы за существованіе. Въ результатѣ Донъ-Кихотъ, рыцарь вѣковъ въ тѣ минуты, когда онъ перестаетъ быть рыцаремъ на манеръ Амидиса Галльскаго, онъ даетъ гуманнѣйшія и мудрѣйшія наставленія Санчо, губернатору, онъ поражаетъ на смерть пронырство и тунеядство католическаго духовенства, онъ—другъ слабыхъ и простыхъ людей среди чванныхъ гидальго, онъ также свободный мыслитель въ монархіи Филиппа II въ царствѣ инквизиціи. То же самое и его оруженосецъ. Онъ необходимое дополненіе своего господина, хотя и у него есть своя idée fixe—крайній, подчасъ чисто животный матеріализмъ. Все

равно, какъ нездоровая, праздная и искусственная атмосфера рыцарства создала изъ Донъ-Кихота мечтателя и сумасброда, неустанная, ежедневная борьба за насущный хлѣбъ превратила Санчо въ крайняго скептика по части какихъ бы то ни было идеаловъ, вообще всего, что нагляднѣйшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ не связано съ «землей». Но вѣдь и въ «землѣ» много честнаго и хорошаго, а главное, жизненнаго и правдиваго, и именно Санчо, жестокій насмѣшникъ надъ утонченностями рыцарскаго обожанія дамъ, надъ хитроумными уловками знатныхъ господъ, умѣющихъ эксплуатировать простодушіе и беззащитность бѣдняковъ, надъ изобрѣтательностью человѣческаго страха или просто лицемѣрія со стороны болѣе ловкихъ въ трудныхъ житейскихъ положеніяхъ, когда люди прибѣгаютъ за утѣшеніемъ къ разнаго рода предзнаменованіямъ и чудесамъ. Такъ, великій поэтъ и мыслитель умѣетъ извлечь золото чувства и ума изъ «безумія» и «глупости» и величайшее торжество психологическаго генія именно въ томъ и выразилось, что всѣ эти перлы кажутся намъ совершенно естественными въ устахъ обоихъ, столь по своему забавныхъ героевъ.

Эта естественность и создала успѣхъ роману среди современниковъ, и, какъ и слѣдовало ожидать, успѣхъ вызвалъ безпощадную злобу со стороны обиженныхъ и осмѣянныхъ. Въ промежуткѣ между появленіемъ первой и второй части романа Сервантесъ долженъ былъ выдержать страшный градъ оскорбленій, въ которомъ львиная доля принадлежала духовенству и литераторамъ, и между ними—тому же Лопе де Вегѣ. Но великій рыцарь, не почувствовалъ даже мимолетнаго гнѣва на оскорбителей и съ неизмѣнно яснымъ юмористическимъ настроеніемъ духа довелъ свою работу до конца. И самое отдаленное потомство, безъ конца перечитывая геніальный романъ и вспоминая доблестную жизнь автора, не будетъ знать, чему отдать высшую дань удивленія и глубочайшаго уваженія вымыслу или дѣйствительности, писателю или человѣку?..

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Стачка рабочихъ на с.-петербургскихъ фабрикахъ. Въ № 158 «Правительственнаго Вѣстника» напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе: «Обычное теченіе работъ на нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ мануфактурахъ было нарушено отказомъ рабочихъ продолжать свои занятія. Забастовка въ промежутокъ времени съ 24-го мая по 5-е іюня постепенно охватила 19 фабрикъ и, также постепенно прекращаясь, продолжалась до 17-го іюня *).

Первоначальнымъ предлогомъ къ прекращенію работъ послужили недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими относительно продолжительности празднованія торжества Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Руководствуясь указаніями фабричной инспекціи, фабриканты пріостановили работы на 14-е мая, съ выдачею рабочимъ платы за этотъ день, и разрѣшили рабочимъ не являться на фабрики въ теченіе 15-го и 16-го мая, но безъ выдачи имъ за эти дни заработной платы; рабочіе же настаивали на освобожденіи ихъ отъ работъ, съ сохраненіемъ заработка, и на два слѣдующіе дня, 15-го и 16-го мая; на четырехъ фабрикахъ въ нарвской части, дѣйствительно, въ эти дни къ работамъ не приступали.

Въ теченіе недѣли, съ 17-го мая, всѣ фабрики были въ полномъ ходу.

23-го мая, въ контору Россійской бумагопрядильной мануфактуры явились 102 подручныхъ, называемыхъ мальчиками, и потребовали вознагражденія за всѣ три коронаціонные дня. Контора исполнила ихъ требованія. Приглашенному фабрикантомъ фабричному инспектору подручные заявили, что, кромѣ того, желаютъ получить плату за лишнее время, которое они проводятъ за работой, благодаря тому, что механизмы пускаются въ дѣйствіе нѣсколько ранѣе, нежели положено: приблизительно на 20 минутъ въ теченіе дня. Хотя фабричная администрація признала справедливость этого требованія, подручные 24-го мая работали только до обѣда, а затѣмъ разошлись по домамъ, и до понедѣльника, 27-го мая, на работы не возвращались, а въ этотъ день, проработавъ до обѣда, снова, и на этотъ разъ окончательно, прекратили свои работы.

Изложенныя событія были предвѣстниками общей забастовки, настоящія причины которой выяснились на Екатерингофской мануфактурѣ (дер. Волынка, Петергофскаго участка).

Приблизительно за недѣлю, пря-

*) Въ Петербургѣ числится фабрикъ и заводовъ—484 съ 79.157 рабочими, кромѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и казенныхъ заводовъ.

дильщики (мюльщики) Екатерингофской мануфактуры заявляли фабричной администраціи о необходимости сокращенія рабочаго дня, который продолжается съ 6-ти часовъ утра до 8-ми вечера, съ часовымъ промежуткомъ для обѣда. Не получивъ удовлетворенія въ этомъ требованіи, подручники, прядильщики и слесаря 27-го мая остановили свои работы. 28-го мая примѣру ихъ послѣловали рабочіе на бумагопрядильнѣ Кенига и Митрофаньевской мануфактурѣ, 30-го—на бумагопрядильняхъ—Невской, Новой, Кожевниковской и на бумагопрядильнѣ «Александръ». Сначала на Невской бумагопрядильнѣ, а потомъ и на всѣхъ остальныхъ, забастовщики заявили требованіе, чтобы рабочій день былъ ограниченъ 12-ю часами, отъ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, съ перерывомъ на $1^1/_2$ часа для обѣденнаго отдыха; чтобы въ точности было опредѣлено начало работъ, согласно правиламъ внутренняго распорядка, и чтобы прекращена была чистка машинъ во время обѣденнаго перерыва; поступали также жалобы на грубое обращеніе нѣкоторыхъ мастеровъ, на взятки и вымогательства подмастерьевъ.

Движеніе разросталось. Подручные, бывшіе застрѣльщиками, уступили первое мѣсто болѣе вліятельнымъ, хотя и малочисленнымъ, прядильщикамъ (мюльщикамъ), которые увлекли своимъ примѣромъ остальную массу рабочихъ.

1-го іюня остановились работы на Спасской и Петровской мануфактурахъ и на фабрикѣ Паля. Съ 3-го іюня забастовки начались въ зарѣчныхъ частяхъ столицы: на Старосампсоньевской мануфактурѣ, рабочіе которой потребовали прекращенія работъ, и на сосѣдней Новосампсоньевской фабрикѣ; къ нимъ примкнули рабочіе Охтенской бумагопрядильни, 4-го іюня—бумагопрядильни Бека и 5-го—«Невка». Устояла одна ткацкая фабрика Воронина на Рѣзвомъ островѣ, благодаря тому, что въ прошломъ году заработная плата была тамъ возвышена на 10%, и тому, что забастовавшая смѣна, въ числѣ 105 человѣкъ, была немедленно уволена, остальные же 895 рабочихъ не рѣшились подвергнуться такой же участи. Общее число забастовщиковъ дошло до 14.712 рабочихъ.

Дѣйствія рабочихъ на всѣхъ поименованныхъ фабрикахъ были одинаковы. Они начинались сравнительно небольшою группою изъ подручныхъ, впослѣдствіи — мюльщиковъ; остальная масса, составлявшая значительное большинство, примыкала къ нимъ послѣ нѣкотораго колебанія; былъ уже упомянутъ случай принудительнаго прекращенія работъ рабочими Старосампсоньевской мануфактуры на сосѣдней фабрикѣ; забастовщики вели себя чинно, не подавая поводовъ къ обвиненію въ нарушеніи порядка или въ попыткахъ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Громадная масса 68.445 рабочихъ на остальныхъ частныхъ с.-петербургскихъ заводахъ оставалась въ сторонѣ отъ стачки бумагопрядильщиковъ, не оказывая имъ матеріальной поддержки при наступившей безработицѣ. Забастовки, такимъ образомъ, имѣли спеціальный характеръ и вызывались особенностями бумагопрядильнаго и ниточнаго производствъ.

Тѣмъ не менѣе, мирное, хотя и незаконное уклоненіе рабочихъ отъ обязанностей, принятыхъ ими на себя относительно фабрикантовъ, разорительное для обѣихъ сторонъ, подало поводъ злонамѣреннымъ личностямъ попытаться придать стачкамъ преступный политическій характеръ. За подписями «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», «Рабочаго союза» и «Московскаго рабочаго союза» появились 25 различнаго содержанія

подметныхъ листковъ; самый ранній помѣченъ 30-мъ числомъ мая, самый поздній — 27-мъ іюня. Съ достовѣрностью можно предположить, что сочинители этихъ листковъ пытались воспользоваться уже совершившимися стачками, съ цѣлью придать имъ соціальный характеръ и въ этомъ смыслѣ руководить забастовщиками. Обращаясь къ рабочимъ, агитаторы въ болѣе раннихъ листкахъ повторяютъ тѣ требованія, которыя уже были заявлены рабочими; указываютъ на цѣли, преслѣдуемыя западно-европейскими рабочими; убѣждаютъ упорствовать въ стачкѣ, обѣщая даже денежную помощь, уже будто бы идущую отъ германскихъ рабочихъ, и преподаютъ совѣты благоразумнаго поведенія, котораго рабочіе уже держались до появленія листковъ съ самаго начала забастовокъ; но затѣмъ листки наполняются возмутительными наущеніями противъ капиталистовъ, правительственныхъ установленій и государственной власти. Не ограничиваясь рабочими, авторы листковъ обращаются къ обществу, приглашая его примкнуть къ «русскимъ соціалъ-демократамъ». Нѣсколько листковъ направлены были на другіе заводы и фабрики съ воззваніемъ о поддержкѣ забастовщиковъ и о присоединеніи къ симъ послѣднимъ; два или три листка назначались для московскихъ фабричныхъ заведеній. Эта преступная пропаганда, однако, не имѣла послѣдствій. Не говоря уже о безуспѣшности такихъ листковъ среди общества вообще, здравый смыслъ рабочихъ не дозволилъ имъ ни нарушать правильное теченіе дѣлъ на заводахъ, ни поддерживать нарушеніе порядка на бумагопрядильняхъ какою-либо коллективною помощью забастовщикамъ. Столь же мало имѣли успѣха соціалъ-демократическія воззванія и среди забастовщиковъ. Своевременныя внушенія и соотвѣтственныя мѣропріятія столичной полиціи и фабричной инспекціи въ непродолжительномъ времени устранили какъ пріостановку работъ, такъ и ближайшія причины недоразумѣній между фабрикантами и рабочими.

Съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему возобновленію работъ, градоначальникъ лично и непосредственно разъяснялъ рабочимъ незаконность ихъ поведенія, указывалъ тотъ порядокъ, при соблюденіи котораго единственно возможно удовлетвореніе ихъ требованій, если они имѣютъ законное основаніе, и тотъ путь, на которомъ возможно ходатайствовать о новыхъ мѣрахъ, желательныхъ для улучшенія быта рабочихъ. Успѣху этихъ увѣщаній способствовало то обстоятельство, что значительнѣйшая часть рабочихъ не сочувствовала забастовщикамъ и участвовала въ забастовкѣ, страдательно подчиняясь сравнительно небольшой группѣ зачинщиковъ стачки. Истощеніе средствъ существованія, порожденное безработицей, заставляло ихъ желать возобновленія трудовой жизни.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, забастовка начала постепенно прекращаться. На бумагопрядильняхъ Екатерингофской, Тріумфальной и Россійской она продолжалась 8 дней, на фабрикѣ Кенига—недѣлю, на Митрофаньевской мануфактурѣ — пять, на фабрикахъ Паля и «Александръ» — четыре, на Охтенской — три, на бумагопрядильнѣ Бека—два дня.

Не желавшимъ приступить къ работамъ было объявлено, чтобы они получили разсчетъ и паспорты и возвратились на мѣста постояннаго жительства. Во всѣхъ бумагопрядильняхъ расклеены были печатныя объявленія съ предвареніемъ, что претензіи, послужившія предлогомъ къ забастовкѣ, останутся безъ разсмотрѣнія, пока рабочіе не станутъ на работы.

Поименованныя мѣропріятія имѣли послѣдствіемъ возобновленіе работъ и

на остальныхъ мануфактурахъ: 10-го іюня—на Невской ниточной, Кожевниковской и «Невкѣ», 12-го—на Невской, 13-го—на Новой и Новосампсоньевской, 15-го іюня—на Петровской и Спасской и, наконецъ, 17-го—на Старосампсоньевской. Большая продолжительность стачекъ на этихъ фабрикахъ обусловливалась лучшимъ положеніемъ на нихъ рабочаго труда, благодаря которому рабочіе названныхъ фабрикъ, имѣя сбереженія и кредитъ, могли долѣе обойтись безъ заработка.

Въ настоящее время порядокъ возстановленъ, работы происходятъ безостановочно, и рабочіе подчинились указаніямъ правительства.

Разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ оконченною нынѣ забастовкою, возложено на чиновъ фабричной инспекціи и с.-петербургскаго градоначальства».

Вопросъ о страхованіи рабочихъ на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ. Со среды, 7-го августа, въ Нижнемъ открылись засѣданія всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда. Объ этомъ съѣздѣ мы болѣе подробно поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ, когда можно будетъ подвести итогъ его трудамъ, а теперь остановимся только на одномъ вопросѣ, служившимъ темою для горячихъ и оживленныхъ преній—на вопросѣ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. По вопросу о страхованіи рабочихъ мнѣнія членовъ съѣзда раздѣлились: одни (какъ, напр., г. Соколовъ, г. Дѣтиновъ, являющійся представителемъ Богородско-Глуховской мануфактуры, представитель Лодзинской мануфактуры и др.) высказались за то, чтобы предоставить дѣло страхованія рабочихъ самимъ фабрикантамъ; другіе же (г. Вороновъ, пр. Ходскій, гг. Рагозинъ, Варзаръ и др.) высказались за обязательное государственное страхованіе и большинство съѣзда присоединилось къ этому второму мнѣнію. По словамъ «Новостей», въ первомъ засѣданіи съѣзда былъ прочитанъ докладъ г. Соколова, который предлагалъ предоставить все дѣло частной иниціативѣ. Онъ говорилъ отъ лица 20 петербургскихъ фабрикантовъ, выработавшихъ проектъ «Общества взаимнаго страхованія фабрикантовъ и заводчиковъ отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими и служащими». Эти 20 фабрикантовъ составляютъ коммиссію для разработки проекта устава образующагося въ Петербургѣ Общества вышеозначеннаго наименованія. По мнѣнію докладчика, отвѣтственность за убытки при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими на фабрикахъ должна падать только на то лицо, которое виновно въ нанесеніи этихъ убытковъ: убытки по винѣ работодателя—на работодателя, убытки по винѣ самого рабочаго—на рабочаго, убытки по профессіональному риску—на самое производство. Существенный въ этомъ дѣлѣ вопросъ объ организаціи отвѣтственности разрѣшается на Западѣ, по словамъ докладчика, двоякимъ способомъ: или государство беретъ на себя всецѣло разрѣшеніе вопроса и вводитъ государственное страхованіе рабочихъ (въ Германіи), или же оно опредѣляетъ только условія, въ какихъ именно случаяхъ долженъ отвѣчать работодатель и въ какихъ рабочій, предоставляя самую организацію обезпеченія этихъ убытковъ частной иниціативѣ (Франція и Англія). Докладчикъ является сторонникомъ второго направленія, полагая, что если и возможно еще допустить необходимость вмѣшательства государства въ формѣ обязательнаго страхованія рисковъ, то только тамъ, гдѣ общество настолько некультурно, что не можетъ понять всей пользы га-

нтіи рисковъ, какъ, напримѣръ, язательное страхованіе отъ огня естьянскаго имущества. *Вводить е принципъ обязательнаго страхованія въ культурномъ обществѣ хвосильно, по мнѣнію докладчика, вторженію государства въ астные интересы лицъ.* Представителемъ противоположныхъ взглядовъ и сторонникомъ обязательнаго государственнаго страхованія выступилъ г. Вороновъ, секретарь московскаго Общества для содѣйствія мануфактурной промышленности. Обезпеченіе рабочихъ, говоритъ г. Вороновъ, можетъ быть достигнуто лишь оффиціальнымъ закономъ объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчія рабочихъ. Указавъ затѣмъ на недостатки предоставленія частнымъ страховымъ обществамъ важнаго дѣла страхованія рабочихъ, докладчикъ останавливается лишь на одной мѣрѣ, которою можно удовлетворить потребности обезпеченія рабочихъ въ случаѣ несчастія. Лишь государство должно придти на помощь пострадавшимъ рабочимъ, лишь оно можетъ оказать имъ дѣйствительную услугу. Съ этой цѣлью необходимо заботиться о возможно скоромъ введеніи въ Россіи государственнаго страхованія рабочихъ. Это мѣсто доклада было прервано громкими аплодисментами публики, совершенно наполнившей залу. Докладчикъ перешелъ затѣмъ къ другому вопросу, который представляется также весьма важнымъ. Среди увѣчій, которыя получаютъ рабочіе, есть и такія, въ которыхъ они сами виноваты, гдѣ они страдаютъ лишь за свою неосторожность. Долженъ ли хозяинъ обезпечить и тѣхъ, которые пострадали лишь по своей оплошности? Г. Вороновъ не затрудняется отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, если подумать, всѣ несчастные случаи являются лишь слѣдствіемъ неосторожности со стороны рабочихъ. Введя правило, что хозяинъ не отвѣчаетъ за увѣчье рабочаго, полученное имъ по его же винѣ, по его неосторожности, мы даемъ возможность фабриканту всегда отдѣлаться отъ отвѣтственности и выставлять на видъ оплошность со стороны рабочаго. Такимъ образомъ хозяинъ долженъ обезпечить рабочаго и его семью при всякомъ несчастномъ случаѣ и не имѣетъ права сослаться на вину рабочаго. Съ другой стороны, рабочій не обязанъ участвовать своими средствами въ дѣлѣ страхованія. Г. Вороновъ весьма остроумно доказываетъ, что отвѣтственность за увѣчье рабочихъ падаетъ всецѣло на промышленность, на предпріятіе и оно же должно оплатить его несчастіе. Вѣдь, рабочіе ничѣмъ не пользуются отъ промышленности, они продаютъ лишь ей за минимальную плату свой трудъ.

Въ томъ же смыслѣ высказался и проф. Ходскій. Передадимъ вкратцѣ сущность его рѣчи, какъ она изложена въ «Новостяхъ». По мнѣнію проф. Ходскаго, «ни одинъ рабочій не виноватъ въ несчастномъ случаѣ, жертвой котораго онъ сдѣлался. Виноваты тяжелыя условія его быта, производства и обстановки. Увѣчнымъ рабочимъ нужна поддержка еще и по другой причинѣ. Искалѣченный, благодаря условіямъ нашей промышленности, труженикъ, потерявъ возможность работать, вернется въ свою деревню и его содержаніе ложится тяжелымъ бременемъ на его односельчанъ. Выходитъ, что промышленность беретъ лучшія силы изъ деревни для того, чтобы потомъ доставить сельскому обществу ненужный балластъ въ видѣ дармоѣда-инвалида. Эта несправедливость должна быть устранена и съ этой цѣлью является нужнымъ введеніе государственнаго страхованія. Цѣлый рядъ представителей различныхъ мануфактуръ присоединился къ этому симпатичному мнѣнію. Общество «Россія» любезно дало свое согласіе на страхованіе рабочихъ.

Ничего, кромѣ благодарности, нельзя передать за это предложеніе почтенному обществу. Но лучше ограничиться этой благодарностью, чѣмъ прибѣгнуть къ услугамъ этого страхового учрежденія, которое навѣрное не радѣетъ объ интересахъ рабочихъ, а заботится лишь о своемъ обогащеніи. Еще не было ни одного случая, чтобы частное страховое общество уплатило рабочему или его семьѣ всю сумму страховой преміи. Какъ интересный образецъ поведенія страховыхъ обществъ по отношенію къ рабочимъ, приведемъ два факта изъ доклада г. Воронова, краснорѣчиво говорящіе намъ о недостаткахъ предоставленія частнымъ страховымъ учрежденіямъ обезпеченія рабочихъ въ несчастныхъ случаяхъ. На одномъ заводѣ, въ Ревелѣ, рабочій, при надѣваніи ремня на шкивъ, получилъ поврежденіе руки и ноги и черезъ нѣсколько дней умеръ. Вдова рабочаго должна была получить 1.000 руб.— сумму страховой преміи ея мужа. Но несчастная женщина, не знавшая, что ея мужъ былъ застрахованъ, съ удовольствіемъ согласилась взять 300 р., съ выдачею росписки о полномъ ея удовлетвореніи. Такимъ абразомъ Обществу (въ данномъ случаѣ это было Общество «Россія») удалось воспользоваться незнаніемъ женщины и убѣдить ее, что ей изъ состраданія даютъ 300 рублей. Но вотъ еще одинъ поступокъ со стороны Общества «Россія», который характеризуетъ дѣйствія этого страхового учрежденія. Рабочій потерялъ при работѣ на фабрикѣ указательный палецъ правой руки. Инспекторъ, къ которому онъ обратился съ просьбою о выдачѣ ему вспомоществованія изъ штрафного капитала, объяснилъ ему, что онъ застрахованъ въ Обществѣ «Россія». Рабочій, конечно, обратился къ агенту страхового общества и тутъ начинается торгъ, который не дѣлаетъ особенной чести страховымъ обществамъ. Вмѣсто слѣдуемыхъ 245 р., ему было предложено агентомъ 45 р., и только благодаря настойчивости рабочаго, агентъ, прибавляя каждый разъ по 10 р., далъ, наконецъ, рабочему премію въ размѣрѣ 145 р. Такой образъ дѣйствія не оправдываемъ ни съ точки зрѣнія юридической, ни этической».

Цѣлый рядъ представителей крупныхъ промышленныхъ заведеній— представители Ярославской мануфактуры, Кремгольской, Норской и Лодзинскихъ фабрикантовъ заявили, что руководители всѣхъ этихъ фабрикъ считаютъ самой лучшей формой страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ—государственное обязательное и ждутъ съ нетерпѣніемъ осуществленія его. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они высказались за обезпеченіе рабочихъ при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, произошли ли они по винѣ рабочаго или фабриканта. Заявленія эти, какъ и всѣ рѣчи въ пользу государственнаго страхованія, встрѣчались громкими аплодисментами многочисленнаго собранія членовъ съѣзда и посторонней публики.

Докладъ проф. Яроцкаго нѣсколько удивилъ многочисленную публику, переполнявшую залу засѣданій съѣзда. Проф. Яроцкій, спеціально занимавшійся разработкою вопроса объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, выступающій въ своихъ сочиненіяхъ сторонникомъ обязательнаго государственнаго страхованія, теперь выступилъ защитникомъ проекта министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и предложилъ съѣзду ходатайствовать о возможно скоромъ введеніи этого закона. Въ Царствѣ Польскомъ, говоритъ авторъ доклада, около 20 проц. рабочихъ застрахованы въ различныхъ страховыхъ обществахъ. Это явленіе проистекаетъ не изъ добрыхъ качествъ и гуманныхъ свойствъ польскихъ фабрикантовъ. Предприниматели и тамъ не особенно близко при-

нимаютъ къ сердцу интересы рабочихъ. Но тамъ дѣйствуетъ, такъ-называемый, «кодексъ Наполеона», въ силу котораго отвѣтственность за увѣчье падаетъ всецѣло на работодателей. Такимъ образомъ, проф. Яроцкій выводитъ отсюда, что достаточно будетъ создать законы объ отвѣтственности предпринимателей, и рабочіе будутъ обезпечены. Проф. Яроцкій находитъ безполезнымъ вносить законопроекты, которые требуютъ десятковъ лѣтъ для проведенія ихъ въ жизнь. По его мнѣнію, разработка устава о государственноиъ страхованіи потребуетъ слишкомъ много времени.

Этотъ докладъ вызвалъ многочисленныя возраженія, въ которыхъ указывалось, что защищаемый проф. Яроцкимъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей является лишь паліативомъ, полумѣрою, и что съѣзду нѣтъ никакой надобности ходатайствовать о введеніи его.

Въ концѣ-концовъ огромное большинство съѣзда высказалось за осуществленіе общаго обязательнаго страхованія. Предсѣдатель, Д. Ѳ. Кобеко, резюмируя пренія, высказалъ, что онъ выразитъ мнѣніе большинства, если заявитъ, что государственное страхованіе—лучшій способъ оградить несчастныхъ увѣчныхъ. Но, съ другой стороны, провести этотъ законъ поспѣшно, сдѣлать такъ, чтобы благодѣтельныя послѣдствія такого постановленія съѣзда сейчасъ же сказались на бытѣ фабричныхъ рабочихъ, нельзя. Поэтому, предсѣдатель не совѣтуетъ отказываться отъ частной иниціативы и предлагаетъ ходатайствовать объ измѣненіи фабричнаго законодательства въ интересахъ рабочихъ и въ то же время считаетъ нужнымъ выразить всеобщее желаніе о возможно скоромъ введеніи у насъ обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ. Слова предсѣдателя были покрыты шумными аплодисментами.

Земскія воскресныя школы въ деревнѣ. Въ прошлой книжкѣ «Міра Божьяго», въ замѣткѣ о «народномъ образованіи на Нижегородской выставкѣ» (На родинѣ, стр. 262), упоминалось вскользь о «воскресныхъ школахъ въ глуши», свѣдѣнія о которыхъ были собраны въ павильонѣ воскресныхъ школъ. Вышедшая недавно брошюрка В. П. Вахтерова «Воскресныя школы и повторительные классы въ деревнѣ» сообщаетъ много новыхъ матеріаловъ по этому вопросу и мы теперь остановимся на нихъ поподробнѣе. Повторительные вечерніе классы для взрослыхъ при начальныхъ училищахъ были учреждаемы еще въ 70-хъ годахъ. Въ 1871 г. такія школы съ повторительнымъ курсомъ начальныхъ училищъ учреждаются въ Ставропольской губерніи, въ 1873 г., въ Бессарабской, въ 1874 г. при школахъ Кубанской области открылись вечерніе классы для взрослыхъ, обучавшихся здѣсь чтенію, письму и счету зимою—отъ 1-го ноября до 1-го марта — по два часа въ день, у станичныхъ учителей, получавшихъ за эти занятія особое вознагражденіе по 15 руб. въ мѣсяцъ. Покойный баронъ Н. А. Корфъ въ 1881 г. дѣлаетъ опытъ устройства воскресныхъ школъ въ двухъ селахъ Маріупольскаго уѣзда. Въ 1882 — 1883 г. въ Казанской губерніи, по иниціативѣ и на средства губернскаго земства, существовало уже 45 воскресныхъ и повторительныхъ школъ съ 1.173 учащимися, и это число, постепенно возрастая, дошло въ 1890—1891 г. до 75 школъ съ 1.621 учащимся. Болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ, съ тѣми же цѣлями устроены воскресныя школы въ Шадринскомъ уѣздѣ, причемъ число учащихся въ каждой изъ 8-ми такихъ школъ колеблется между 18 и 38 человѣками. Сверхъ того, по иниціативѣ земства, учреждены были въ разное время вечернія школы въ 3 селахъ Елисаветградскаго уѣзда съ

78 учащимися, и въ 6-ти селахъ Ѳеодосійскаго уѣзда, 2 воскресныя школы въ Нолинскомъ уѣздѣ, 7 школъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ, 10— въ Нижегородскомъ, нѣсколько школъ въ Балашовскомъ.

Въ Московской губерніи такая школа открыта была въ своемъ имѣніи Дмитровскаго уѣзда графинею Е. А. Олсуфьевой. Но особенно много такихъ школъ открывается въ 1892 году и позже.

Потребность въ воскресныхъ и вечернихъ классахъ среди взрослаго населенія деревни несомнѣнно очень велика.

Земскія управы, учителя, учительницы и другія лица, близко стоявшія къ воскреснымъ или вечернимъ школамъ для взрослыхъ безграмотныхъ, свидѣтельствуютъ о пользѣ, приносимой такими школами, и потребности въ нихъ, сознанной населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ такія школы были сколько-нибудь удовлетворительно поставлены.

Женское населеніе деревни, повидимому, съ неменьшимъ сочувствіемъ, чѣмъ мужское, относится къ вечернимъ занятіямъ. Есть мѣстности, гдѣ дѣвушки далеко опередили въ этомъ отношеніи мужчинъ.

Г-жа Кайданова разсказываетъ о томъ, съ какою страстью относились къ урокамъ ея взрослыя ученицы и съ какими препятствіями имъ приходилось бороться.

— Скорѣй бы, скорѣй заглавныя буквы выучить, — волновалась Настасья:—вѣдь мнѣ у васъ надо еще цифры заучить и на счетахъ считать.

Занятія оканчивались въ 9 часовъ, но Настасья оставалась на томъ же мѣстѣ до 2—3-хъ часовъ. Она писала, не поднимая головы и время отъ времени лишь призывая меня показать ей новое. Настасьѣ пришлось вынести не мало непріятностей и обидъ изъ-за ученья.

— Остальной разочекъ пришла я къ тебѣ, — говоритъ она учительницѣ: — не даетъ мнѣ народъ проходу! Смѣются надо мною, дразнятъ меня! Ты, молъ, баба — не твое это дѣло! Къ чему тебѣ ученье? Не велятъ ходить, да и ладно.

— Нѣтъ, О. В., нельзя намъ никакъ учиться, — говоритъ другая взрослая ученица учительницѣ. — Мы идемъ по улицѣ, а намъ вслѣдъ всякія слова кричатъ. Мы и такъ ужъ задами проходимъ, да и то насъ замѣчаютъ.

— Убивается баба! Вотъ какъ убивается!—говоритъ про нее старуха.— Жаль мнѣ ее даже! Больно ужъ у нея охота къ ученью велика. А народъ ей поперекъ дороги сталъ. Какъ пришла она нынче отъ васъ, весь день вопитъ».

Но если для безграмотныхъ взрослыхъ необходимы особыя школы, то такъ же нужны и повторительныя воскресныя или вечернія школы для взрослыхъ, уже грамотныхъ, окончившихъ курсъ начальной школы, и въ этомъ точно такъ же сходятся и земства, и учителя, и учительницы, и училищные совѣты.

По словамъ учителя Лосиновскаго сельскаго училища, Нѣжинскаго у., «вечернія занятія посѣщаются взрослыми весьма охотно и представляютъ для нихъ большой интересъ. Сдѣлавъ три урока до 11 час. веч., учитель хотѣлъ бы на этомъ и покончить, но слушатели крикомъ просятъ еще чѣмъ-нибудь заняться съ ними, вслѣдствіе чего приходится продолжать занятія до 12 час. Даже пожилые крестьяне каждый день являются на вечернія занятія и съ большимъ вниманіемъ слушаютъ Законъ Божій, русское объяснительное и славянское чтеніе».

Но несмотря на то, что деревенскія воскресныя школы для взрослыхъ пользуются вездѣ сочувствіемъ со стороны населенія, попытки устройства ихъ часто заканчивались полною неудачей. Такъ, напр., г-нъ Вахтеровъ разска-

зываетъ исторію воскресныхъ школъ въ Казанской губ., гдѣ онѣ получили наиболѣе широкое развитіе. Девятилѣтній опытъ этихъ школъ доказалъ, что число учащихся въ нихъ постоянно уменьшалось. Въ 1888 — 1889 учебномъ году губернское земство прекратило выдачу пособій на воскресныя школы, и большинство изъ нихъ было закрыто. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ возникла въ 1882 году; но устроить школы не удалось, какъ полагаетъ управа, только потому, что неудачно было выбрано время для занятій; по ея мнѣнію, взрослые крестьяне охотнѣе посѣщали бы школу по вечерамъ въ будни, чѣмъ въ праздники. На слѣдующій годъ въ уѣздѣ дѣйствительно были открыты 4 вечернія школы по иниціативѣ земства и 2 по иниціативѣ самихъ учителей. Опытъ перваго же года превзошелъ всѣ ожиданія. Учащихся явилось около 400, причемъ только въ одну каховскую школу, открытую по иниціативѣ учителя, явилось 113 учениковъ. Земству обошелся этотъ опытъ всего въ 189 руб., по 31 руб. на одну школу. Сознавая, что это вознагражденіе слишкомъ ничтожно за ежедневный трудъ учителя, земство внесло въ слѣдующемъ году въ смѣту 1.000 рублей, которые и были распредѣлены между 18 вечерними школами. Въ этотъ второй годъ существованія повторительныхъ занятій управа констатируетъ тотъ фактъ, что изъ числа 1.108 лицъ мужского пола и 106 женскаго, явившихся въ школы при первоначальномъ открытіи занятій, многіе на первыхъ же порахъ покинули школу, и ученики, болѣе или менѣе исправно посѣщавшіе уроки, составляли не болѣе 3% общаго числа. Въ слѣдующемъ году число воскресныхъ школъ убыло до 15, но число исправно посѣщающихъ уроки увеличилось вдвое. Результаты занятій выразились, между прочимъ, въ томъ, что изъ 310 совершенно неграмотныхъ вечерниковъ 257 усвоили грамоту и письмо. Но для учителей ежедневной школы удвоенный трудъ оказался совершенно непосильнымъ, и земство на слѣдующій же годъ закрыло всѣ существующія вечернія школы, предоставивъ, впрочемъ, желающимъ изъ учителей продолжать занятія съ вечерниками попрежнему. «Не вгонять же,—пишетъ земская управа,—людей въ могилу, хотя бы и ради хорошаго дѣла». Какъ только состоялось такое постановленіе земства, число вечернихъ школъ стало быстро уменьшаться, и къ 1890 году сохранилась только одна вечерняя школа съ 60 учениками при Новониколаевскомъ сельскомъ училищѣ, располагающемъ, повидимому, особенно энергичными преподавателями.

Вообще, главнымъ препятствіемъ для устройства воскресныхъ школъ и вечернихъ классовъ въ деревнѣ является отсутствіе людей. Въ городѣ всегда легче найти контингентъ развитыхъ, преданныхъ дѣлу, лицъ, которыя готовы работать безвозмездно и раздѣлить между собою трудъ веденія школы и преподаванія. Совсѣмъ другое дѣло въ деревнѣ, гдѣ, по словамъ г-на Вахтерова, все преподаваніе, выдача книгъ, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и вся организація школы лежатъ на одномъ учителѣ, отдающемъ воскресной школѣ свой единственный день отдыха послѣ тяжелаго труда въ теченіе недѣли. Хорошо, если вблизи школы есть образованный человѣкъ, который пожелаетъ раздѣлать трудъ учителя по преподаванію въ воскресной школѣ. Онъ можетъ быть допущенъ къ преподаванію въ сельской воскресной школѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ такія лица допускаются въ городскихъ частныхъ воскресныхъ школахъ.

Возможно, что въ близкомъ будущемъ сельская воскресная школа вы-

зоветъ среди интеллигентныхъ жителей деревни такое же широкое, свѣтлое и безкорыстное движеніе на встрѣчу духовнымъ запросамъ народа, какое мы и теперь уже наблюдаемъ въ большихъ культурныхъ центрахъ среди состоятельныхъ классовъ и среди лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ. Но пока тѣ немногія образованныя личности, которыя, живя въ деревнѣ, отдаютъ свой досугъ дѣлу преподаванія въ сельской воскресной школѣ, являются свѣтлымъ исключеніемъ среди индифферентизма сельскаго образованнаго меньшинства къ умственнымъ потребностямъ взрослаго крестьянина. Значеніе этихъ немногихъ личностей громадно, если смотрѣть на нихъ, какъ на піонеровъ, пролагающихъ новые пути къ культурному развитію русскаго народа для будущихъ образованныхъ дѣятелей въ деревнѣ. Но что значитъ при настоящемъ положеніи этого дѣла нѣсколько человѣкъ на десятки милліоновъ совершенно безграмотнаго населенія? А между тѣмъ, опытъ показываетъ, что воскресныя школы въ деревнѣ идутъ хорошо только въ томъ случаѣ, когда въ нихъ занимаются спеціально для этого назначенные учителя, и когда работа не взваливается цѣликомъ на учителя начальной школы. Примѣромъ могутъ служить повторительные классы при 4-хъ школахъ Нѣжинскаго уѣзда. Не смотря на то, что сюда не принимались безграмотные, желающихъ учиться взрослыхъ крестьянъ было такъ много, что въ одной изъ этихъ школъ пришлось отказать въ пріемѣ 20 человѣкамъ изъ 70 явившихся, а въ другой «многимъ», какъ пишетъ инспекторъ народныхъ училищъ г. Сторожонко. Но точно такъ же, какъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, и здѣсь оказалось, что одному и тому же учителю не подъ силу ежедневно заниматься утромъ до 3-хъ часовъ пополудни съ дѣтьми, а вечеромъ—съ 7-ми и часто до 11 часовъ со взрослыми, тѣмъ болѣе, что при правильномъ веденіи дѣла ему необходимо еще время на просмотръ письменныхъ ученическихъ работъ и на подготовку къ урокамъ. Все это привело къ мысли назначить для вечернихъ повторительныхъ классовъ особыхъ учителей, свободныхъ отъ утреннихъ занятій и, притомъ, изъ лицъ, отличающихся наибольшею опытностью въ преподаваніи, съ жалованьемъ отъ 200 до 300 р. въ годъ. Естественно, что при такой постановкѣ дѣла результаты получались блестящіе. По словамъ нѣжинскаго училищнаго совѣта, въ двухъ такихъ школахъ съ усердными и способными учителями ученики поражали экзаменаторовъ массою пріобрѣтеннаго осмысленнаго знанія и желаніемъ дальнѣйшаго усвоенія такового. Единственный недостатокъ классовъ, по словамъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, состоялъ въ томъ, что на первое время уроки посѣщались учащимися не вполнѣ регулярно.

Говоря объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха воскресной школы въ деревнѣ, г. Вахтеровъ, развиваетъ цѣлую программу занятій въ повторительныхъ школахъ для окончившихъ начальное училище. Онъ говоритъ: «На мѣстѣ учителя такой школы я поступилъ бы слѣдующимъ образомъ: по каждому предмету чтеній (исторіи, географіи, естествознанію, гигіенѣ и проч.), я составилъ бы программу, разбивъ предметъ на опредѣленное число чтеній. Для каждаго отдѣльнаго чтенія я выбралъ бы изъ имѣющихся подъ руками книгъ только то, что есть въ этомъ отдѣлѣ интереснаго и доступнаго для всей аудиторіи, какъ для наиболѣе способныхъ, подготовленныхъ учениковъ, такъ и для наименѣе даровитыхъ и развитыхъ. Я прочиталъ бы избранный для даннаго дня отдѣлъ, иллюстрируя его, если можно, туманными картинами или олеографіями, фотографическими снимками, картами, опы-

тами, наглядными пособіями, разъясняя отдѣльныя мѣста, стараясь вызвать со стороны слушателей вопросы, выраженія недоумѣнія и разъясняя ихъ. Все это я приноровилъ бы, приблизительно, къ низшему уровню слушателей. Но вотъ чтеніе кончено. Я предложилъ бы желающимъ, пользуясь школьною библіотекой, прочитать дома на данную тему въ такой-то или такой-то книгѣ или учебникѣ. Но я никому не навязывалъ бы ни книгъ, ни работъ. Согласившимся же на эту работу я рекомендовалъ бы источники, каждому слушателю по его развитію, склонностямъ и способностямъ. Раздавъ книги, установивъ, если надо, очередь ихъ пользованія (одна книга въ теченіе недѣли можетъ быть прочитана шестью лицами), я намѣтилъ бы (опять-таки только для желающихъ) нѣсколько темъ для письменныхъ работъ, предоставивъ выбирать изъ нихъ любую и указавъ для каждой изъ нихъ источники. И здѣсь точно такъ же я все предоставилъ бы доброй волѣ слушателей.

Каждый изъ нихъ могъ взять любую изъ заданныхъ темъ; но могъ не взять и ни одной и все-таки не услыхалъ бы отъ меня ни тѣни выраженія неудовольствія. На одно такое чтеніе я употребилъ бы отъ $^1/_2$ до часу времени; затѣмъ, на слѣдующій урокъ я перешелъ бы къ другому чтенію, напримѣръ, отъ исторіи къ географіи, или отъ естествовѣдѣнія къ сельскому хозяйству или гигіенѣ, точно такъ же выбирая для чтенія лишь интересное и для всѣхъ доступное, иллюстрируя его всѣми пособіями, разъясняя вызванныя чтеніемъ недоумѣнія, отвѣчая на возникающіе у слушателей вопросы. И все это я опять приноровилъ бы по возможности къ пониманію наиболѣе отсталыхъ изъ учениковъ. Но затѣмъ я снова рекомендовалъ бы, смотря по содержанію прочитаннаго, книги для желающихъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ предметомъ чтенія; предложилъ бы снова одну или нѣсколько темъ для письменной работы. На 3-й урокъ я прочелъ бы что-нибудь изъ нашихъ классиковъ: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Толстого, Достоевскаго, и затѣмъ въ одинъ изъ слѣдующихъ воскресныхъ дней на послѣднемъ урокѣ я перешелъ бы къ бесѣдѣ по поводу сдѣланныхъ учениками письменныхъ работъ по всѣмъ предметамъ преподаванія, отпустивъ изъ школы всѣхъ тѣхъ, кто не дѣлаетъ такихъ работъ и не желаетъ присутствовать при объясненіяхъ. Здѣсь, при разборѣ изложеній, я напоминалъ бы ученикамъ тѣ или другія правила грамматики, стилистики, указывалъ бы ошибки, рекомендовалъ бы, что надо прочесть; при разборѣ упражненій въ ариѳметикѣ я давалъ бы необходимыя объясненія, указанія и въ заключеніе предложилъ бы желающимъ новыя работы въ видѣ задачъ и проч. Въ обсужденіи и оцѣнкѣ сдѣланныхъ работъ ученики сами должны были бы принимать участіе. Выгоды такой постановки преподаванія въ воскресныхъ повторительныхъ классахъ очевидны. Такая постановка дѣла привлечетъ вполнѣ достаточное число слушателей и каждому изъ нихъ дастъ по мѣрѣ его способностей, его интересовъ и его досуга. Такія чтенія заинтересуютъ однихъ слушателей своимъ содержаніемъ, вызовутъ въ нихъ хорошія чувства, сообщатъ имъ нѣсколько полезныхъ, хотя, можетъ быть, и поверхностныхъ свѣдѣній, но еще не увлекутъ ихъ на самостоятельныя занятія предметомъ. Зато другихъ эти чтенія введутъ въ глубь предмета, заставятъ работать надъ нимъ вполнѣ самостоятельно и до нѣкоторой степени познакомятъ его съ самымъ методомъ усвоенія предмета. Впрочемъ, и для первой половины слушателей чтенія могутъ имѣть тотъ же результатъ;

но только въ будущемъ: мало-по-малу чтенія подготовятъ такого, сначала пассивнаго слушателя къ самостоятельнымъ домашнимъ занятіямъ и привлекутъ его въ ряды другой, болѣе активной части аудиторіи».

Затраты земствъ на содержаніе сельскихъ воскресныхъ школъ и повторительныхъ классовъ очень незначительны. Сапожковское земство полагало платить учителю по 2 рубля за каждый трехчасовой урокъ по воскресеньямъ, причемъ вознагражденія за годъ пришлось бы около 40 рублей на школу. Такую же плату получали и учителя Нижнедѣвицкаго уѣзда за воскресныя занятія. Днѣпровское земство за ежедневныя занятія въ зимнее время по вечерамъ уплачивало отъ 30 до 95 руб. въ годъ на школу. Казанское губернское земство ассигновало въ распоряженіе уѣздныхъ управъ по 70 рублей на каждую воскресно-повторительную школу, но школъ было открыто уѣздными земствами больше, нежели предполагало губернское земство, и потому, среднимъ числомъ, на содержаніе одной такой школы приходилось всего только около 45 руб. въ годъ. Изъ этой суммы уплачивалось вознагражденіе какъ законоучителю, такъ и учителю. Не удивительно, что при такихъ скудныхъ затратахъ воскресныя школы въ Казанской губерніи не были на высотѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій, почему впослѣдствіи и были лишены земскаго пособія. Содержаніе одной вечерней школы въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, гдѣ для такихъ школъ приглашаются особые, не занятые утромъ, учителя, обходится отъ 245 руб. до 375 руб., изъ коихъ отъ 200 до 330 рублей идетъ на жалованье особому учителю вечернихъ классовъ и около 15 руб. на учебныя пособія и на освѣщеніе. Въ Херсонскомъ земствѣ учителю платилось по 1 рублю за часовой урокъ, но при условіи, если учениковъ не было менѣе 10 человѣкъ. Странно, впрочемъ, что при такомъ вознагражденіи херсонское земство израсходовало на этотъ предметъ въ теченіе 1892 г. всего только 420 руб. на 12 школъ. Черниговская управа намѣтила, какъ одну изъ мѣръ привлеченія взрослыхъ къ обученію, выдавать поощрительныя преміи учителямъ за каждаго ученика, сдавшаго установленный экзаменъ при училищномъ совѣтѣ. Но черниговское губернское земское собраніе исчислило расходъ на каждый повторительный классъ по 100 руб. въ годъ (вознагражденіе учителю 60 руб., законоучителю 20 руб. и учебныи пособія 20 руб и постановило придти на помощь уѣзднымъ земствамъ ассигнованіемъ 50 руб. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ устройства такихъ классовъ.

Нижегородскій училищный совѣтъ предлагаетъ слѣдующую организацію вечернихъ занятій: убѣдившись на опытѣ, что учитель начальнаго училища не можетъ съ успѣхомъ вести и повторительные классы, совѣтъ предложилъ нижегородскому уѣздному земскому собранію сессіи минувшаго 1895 г. вмѣсто существующихъ 10 учителей и учительницъ, ведущихъ воскресно-повторительныя занятія, ввести особыхъ 3—4 учителей, исключительною обязанностью которыхъ будетъ веденіе повторительныхъ курсовъ во всѣ 6 будничныхъ дней, опредѣляя время занятій отъ 4 до 5 недѣль въ каждой школѣ и съ переводомъ ихъ затѣмъ въ другія мѣста уѣзда.

Еще болѣе практичный планъ былъ предложенъ Грайворонской земской управой на земскомъ собраніи 1894 г. При наличности въ уѣздѣ 40 земскихъ училищъ, намъ необходимо, пишетъ управа, пригласить спеціально для повторительныхъ занятій 4 учителей, которые бы, занимаясь по два мѣсяца при каждой школѣ (а въ случаѣ возможности и менѣе), въ теченіе 3 лѣтъ обошли всѣ села съ

училищами и повторили ихъ курсъ. Въ программу повторительныхъ курсовъ вводится способъ преподаванія преимущественно въ формѣ собесѣдованій, для чего едва-ли учителя, средніе по своей подготовкѣ и развитію, обладаютъ достаточнымъ навыкомъ, а потому управа находитъ, что для такой цѣли должны быть приглашены наиболѣе развитые и съ лучшей научной подготовкой, а изъ этого вытекаетъ, что такимъ учителямъ необходимо дать и лучшее вознагражденіе; если же принять еще во вниманіе ихъ кочевую жизнь, сопряженную съ различнаго рода неудобствами, лишеніями и расходами, то необходимость высшаго оклада содержанія станетъ понятна. А потому, по мнѣнію грайворонской управы, слѣдовало бы окладъ жалованья опредѣлить по 400 р. въ годъ каждому, съ принятіемъ на счетъ земства расходовъ на проѣздъ съ одного мѣста на другое и на наемъ квартиры. Опредѣляя этотъ послѣдній расходъ въ размѣрѣ до 50 р. на каждаго учителя, общій годовой расходъ на учебники и учебныя пособія по 20 р. на школу, а на 12 школъ, въ которыхъ будутъ произведены занятія въ теченіе года, 240 руб., весь расходъ на устройство повторительныхъ курсовъ по этой системѣ выразился въ суммѣ 2.040 р., т.-е. менѣе противъ расхода по общепринятой системѣ для Грайворонскаго уѣзда на 360 р. въ годъ. Аналогичный проектъ передвижной повторительной школы представила учительница Горянская маріупольскому земству. Особенность его та, что школа съ отдѣльнымъ учителемъ должна оставаться въ одной деревнѣ цѣлую зиму и только на другой годъ переходитъ въ другое мѣсто.

До сихъ поръ, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ плановъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Вообще, какъ читатель могъ убѣдиться изъ всего предшествовавшаго, воскресныя школы въ деревнѣ до сихъ поръ еще далеко не стоятъ на твердой почвѣ, и только за послѣдніе годы судьба ихъ начала привлекать къ себѣ серьезное вниманіе земствъ. Надо надѣяться, что наши земства, сдѣлавшія такъ много для начальнаго обученія крестьянскихъ дѣтей, не остановятся на этомъ и поведутъ дѣло и дальше. По справедливому замѣчанію г. Вахтерова, неудачи многихъ сельскихъ воскресныхъ школъ не должны никого ни удивлять, ни разочаровывать. «Надо удивлятся не тому», пишетъ онъ, «что учителя чувствуютъ себя переутомленными, ученики нѣкоторыхъ воскресныхъ школъ понемногу расходятся, земства отказываютъ въ возстановленіи на нихъ ассигновокъ, а сельскія воскресныя школы нерѣдко закрываются: гораздо болѣе изумительно то, что, несмотря на эти затрудненія, неграмотные ученики все-таки выучиваются читать и писать, а грамотные успѣваютъ пріобрѣсть нѣкоторыя свѣдѣнія о родинѣ, ея настоящемъ и прошломъ, о природѣ, даже по сельскому хозяйству и гигіенѣ,—что число сельскихъ воскресныхъ школъ все-таки возрастаетъ, хотя и медленно, что находятся учителя, по собственному почину ведущіе это дѣло. Надо считаться съ препятствіями, указанными земствами, училищными совѣтами и учителями, надо выбирать время занятій по соглашенію съ самими учениками, не открывать школъ тамъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы: можетъ быть, полезно устраивать особые курсы для учителей воскресныхъ школъ въ виду неподготовленности наличнаго учительскаго персонала къ этому новому дѣлу; можетъ быть, небезполезно переводить по прошествіи одного, 2-хъ или 4-хъ лѣтъ воскресную школу изъ одной мѣстности въ другую; можетъ быть, въ видахъ привлеченія учащихся, не лишне выдавать имъ похвальные листы, какъ это дѣлалось

въ Елабужскомъ уѣздѣ; существенно важно озаботиться снабженіемъ всѣхъ воскресныхъ школъ богатыми библіотеками и хорошими наличными пособіями; но главнымъ затрудненіемъ все же остается наиболѣе распространенная организація такихъ школъ, обусловливающая дробленіе учащихся на группы. Устроить школу такъ, чтобы въ ней не было дробленія на группы,—это значитъ втрое и вчетверо увеличить число уроковъ съ учителемъ, достигнуть того, что ученики все учебное время будутъ находиться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ преподавателя».

Оперныя представленія въ деревнѣ. Г-жа Бларамбергъ-Чернова описываетъ въ «Русск. Вѣд.» народный театръ въ селѣ Языковѣ, Самарской губ., гдѣ г-жа Сѣрова поставила сцены изъ «Игоря» Бородина. Хоръ весь состоялъ изъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей.

«Уже одинъ внѣшній и внутренній видъ языковскаго народнаго театра меня пріятно поразилъ, пишетъ г-жа Бларамбергъ-Чернова—довольно высокое каменное зданіе, мѣста, выстроенныя амфитеатромъ вплоть до потолка, человѣкъ на 250—300, вентиляція весьма не дурная, двѣ огромныя печи. Красивый занавѣсъ поднялся, и моимъ глазамъ предстала со вкусомъ украшенная древняя гридница, писанная художникомъ г. Куроѣдовымъ, сосѣдомъ по имѣнію г-жи Аксаковой, который обѣщалъ и впредь свое содѣйствіе для подобныхъ спектаклей. Сцена небольшая, поэтому наполнить ее было не трудно, но все-таки на ней помѣстилось около 30 хористовъ, и доморощенная люстра ярко освѣтила умѣло сгруппированную около князя и княгини толпу. Г-жа Сѣрова, сидя у рояли передъ публикой, дала знакъ, и со сцены раздался стройный хоръ: «Слава солнцу красному». Костюмы были дешевые, аммуниція у дружины—картонная, обклеенная золотой бумагой; бояре были одѣты частью въ грубые коричневые зипуны, обшитые галуномъ, князь и княгиня въ кумачевыхъ костюмахъ, расшитыхъ бусами и украшенныхъ поддѣльнымъ горностаевымъ мѣхомъ. Сцена прощанья, благословеніе войска и повтореніе перваго хора сошли дружно, согласно, стройно. Во 2 дѣйствіи крестьяне-бояре въ сценѣ съ княгиней и во время сцены пожара неумѣло вертѣлись на подмосткахъ, и вообще вся сцена была явно плохо срепетована, поэтому въ день спектакля, утромъ была назначена еще репетиція. Во время спектакля артисты прекрасно исполнили ту же сцену, не позабывъ уже ни единаго указанія. Что касается до сценъ 3 дѣйствія, то могу одно сказать,—продолжаетъ г-жа Бларамбергъ-Чернова,—онѣ прошли такъ хорошо, что могли бы быть съ успѣхомъ поставлены на любой и незахолустной сценѣ: хоръ невольницъ, пѣсня половчанки, танецъ чаги (рабыни), пляска съ бубнами подъ аккомпаниментъ, звуки барабана, стеклянныхъ колокольчиковъ, рояли и флейты дѣйствовали прямо обаятельно, особенно когда выступила 7-лѣтняя дѣвочка, а за ней всѣ мальчики пустились въ плясъ; все было естественно, свѣжо, ново и красиво. Игорь пропѣлъ свою арію дилетантски, но очень горячо». «Народу было очень много какъ въ день генеральной репетиціи, такъ и на самомъ спектаклѣ. Невѣроятное оказалось исполнимымъ. Слушала трехсотенная толпа съ замѣчательнымъ вниманіемъ какъ музыку и пѣніе, такъ равно и краткія толкованія, которыя устроительница предпосылала каждому дѣйствію. Что Ярославна «больно хорошо вопила», было общимъ мнѣніемъ бабъ. Одна женщина заплакала во время спектакля и на вопросъ, что ее такъ растрогало, отвѣтила: «Мой хозяинъ скоро въ солдаты пойдетъ,

и я такъ съ нимъ прощаться
у. какъ князь съ княгиней». Скула
ошка были оцѣнены по достоин-
. Все-таки всего болѣе понрави-
первое дѣйствіе, составленное
нѣе другихъ. Во время сцены
ара, когда бабы съ воплемъ врыв-
гся къ Ярославнѣ въ теремъ, окно
ивается, и огонь врывается въ
, было замѣтно нѣкоторое дви-
іе въ слушателяхъ, но въ ан-
ктѣ объяснили, какой огонь бу-
ь горѣть, и что переполохъ только
дѣльный. Хотя 600 человѣкъ ви-
ли спектакль (300 на генеральной
етиціи и 300 въ вечеръ 30 іюня),
все-таки еще многіе не попали на
о и успокоились только послѣ обѣ-
нія увидать на Рождествѣ его по-
реніе. Въ Языковѣ будетъ постоян-
й театръ, и г-жа Сѣрова готовитъ
я будущаго репертуара сцены изъ
'огнѣды», «Жизни за Царя» и «Рус-
на». «Тушинцевъ», «Вражьей силы»
«Бориса Годунова».

Послѣ этого спектакля, г-жа Сѣ-
ва получила нѣсколько предложе-
й—ставить оперныя представленія
ь сосѣднихъ съ Языковымъ дерев-
ахъ. Это одно уже служитъ призна-
мъ, что существуетъ спросъ на та-
го рода музыкальныя представленія.

Самозванный князь. Въ «Томскомъ
исткѣ» разсказывается слѣдующая
урьезная и характерная для нашихъ
равовъ исторія, живо воспроизводя-
ая передъ нами образъ Ивана Але-
сандровича Хлестакова: 31 мая, въ
Томскъ пріѣхалъ и остановился въ
остинницѣ «Европа» молодой челo-
вѣкъ. лѣтъ тридцати съ небольшимъ,
очень представительной наружности,
прилично одѣтый. На просьбу лакея
дать свой документъ для прописки
въ полиціи, пріѣхавшій, вмѣсто доку-
мента, послалъ въ контору гостинницы
записку, въ которой онъ назвалъ себя
товарищемъ прокурора с.-петербург-
ской судебной палаты, княземъ Ши-
ринскимъ - Шахматовымъ. Въ то же
время «князь» по телефону попросилъ къ себѣ полицеймейстера съ тѣмъ, чтобы попросить послѣдняго избавить его «князя», отъ излишнихъ разговоровъ съ администраціей гостинницы по поводу «письменнаго вида». «Князю» сообщили, что полицеймейстеръ уѣхалъ съ рапортомъ къ г. начальнику губерніи, и «князь» отправился туда же. Встрѣтивъ, однако, полицеймейстера на улицѣ, онъ попросилъ послѣдняго о его пріѣздѣ г. начальнику губерніи не сообщать, такъ какъ онъ, «князь», желаетъ избѣжать пріемовъ и «почестей», принадлежащихъ ему по праву званія и общественнаго положенія. Во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Томскѣ, въ качествѣ товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, «князь» съумѣлъ за счетъ инженеръ-технолога г. Б., съ которымъ познакомился по пути въ Томскъ, пріобрѣсти себѣ цѣнный револьверъ и изящной работы пѣнковый мундштукъ и посѣтилъ томскій университетъ, гдѣ былъ принятъ университетскимъ начальствомъ въ качествѣ почетнаго гостя. Легковѣсный багажъ «князя» обратилъ на себя вниманіе полиціи, которая учредила за пріѣхавшимъ негласный надзоръ. Отсутствіе документа и дальнѣйшее поведеніе «князя», у котораго не оказалось даже лѣтняго пальто, подтверждало возникшія подозрѣнія, и онъ былъ приставомъ 3 уч. арестованъ. При обыскѣ, произведенномъ полиціей у задержаннаго «князя», найдено было... въ сапогѣ проходное свидѣтельство, выданное на имя владимірскаго мѣщанина Александра Александрова Маурина, содержавшагося въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи г. Владиміра и слѣдующаго въ Златоустъ на мѣсто причисленія.

«Князю» ничего не оставалось, какъ сознаться въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежащее ему званіе и назвался чужимъ именемъ, не имѣя

никакихъ документовъ, что онъ и сдѣлалъ.

По разсказамъ дорожныхъ спутниковъ «князя», ѣхавшихъ съ нимъ отъ Самары, оказывается, что онъ проѣхалъ съ большимъ комфортомъ весь длинный путь отъ Самары до Томска, не имѣя ни копѣйки денегъ въ карманѣ.

— Познакомился я съ «княземъ»,— разсказываетъ одинъ изъ земскихъ засѣдателей Томскаго округа.—на пароходѣ по пути отъ Кривощекова до Томска. Увидѣлъ его я впервые въ Челябинскѣ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрой триковой парѣ и цилиндрѣ. Въ Омскѣ на немъ уже появилась бѣлая фуражка съ кокардой и значкомъ вѣдомства министерства юстиціи. При знакомствѣ со мной онъ назвался княземъ Ширинскимъ-Шахматовымъ, товар. прокур. петерб. судеб. палаты. Въ Кривощековѣ, увидавъ, что на объявленіи пароходства Жернакова не обозначены часы отправленія парохода, «князь» потребовакъ къ себѣ полицейскаго чиновника для объясненія, почему допущена «такая небрежность» со стороны пароходной администраціи. Полицейскій чиновникъ почтительно доложилъ, что онъ не разрѣшалъ печатать этого объявленія. Тогда «князь» потребовалъ отъ чиновника, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ на обратной сторонѣ объявленія, причемъ грозилъ довести обо всемъ до свѣдѣнія начальника губерніи. Чиновникъ это требованіе выполнилъ.

На пароходѣ «князь» потребовалъ себѣ каюту 1-го кл., и когда пароходные агенты заявили, что она стоитъ 11 руб., «князь» подошелъ къ инженеръ-технологу г. Б. и предложил ему ѣхать на половинныхъ издер кахъ, на что послѣдній и согласил Затѣмъ, разсказавъ мнѣ, что сгор какая-то промежуточная станція, которой онъ долженъ былъ получи переводомъ деньги, вслѣдствіе сего п лученіе послѣднихъ должно зам литься, «князь» попросилъ у ме 25 руб., но я отказалъ ему въ этом такъ какъ слышалъ, что 50 руб. о уже занялъ у Б. Отъ Самары до Ч лябинска «князь» ѣхалъ въ отдѣл номъ купэ 1 класса безплатно по б лету, который былъ выданъ ему н чальникомъ дороги. Въ Томскѣ Б. к пилъ ему пѣнковую трубку и револ веръ на свои деньги, которыя кня обѣщалъ возвратить тотчасъ по пол ченіи перевода.

Другой компаньонъ «князя» по пу тешествію г. М. разсказываетъ, чт по Западно-Сибирской ж. д. начал никъ работъ выдалъ «князю» бе платный билетъ до Кривощенкова 3-г класса, причемъ «князь» заявил что ему выдали билетъ 3-го класса вмѣсто 1-го, по ошибкѣ, потребовал себѣ купэ перваго класса, отправив на имя начальника работъ... за счет разсказчика депешу. Въ отвѣтъ по лучилось извиненіе начальника ра ботъ и приказъ предоставить въ рас поряженіе «князя» вагонъ 1-го класса

Во всей этой исторіи любопытна не личность самого князя—мало ли бываетъ на свѣтѣ ловкихъ мазури ковъ!—а удивительная довѣрчивости россійскихъ обывателей, которыхъ аре стантъ Владимірской тюрьмы съумѣл одурачить съ такимъ блестящимъ успѣхомъ.

Заграницей.

Австралія и Новая Зеландія. Мы уже говорили о томъ громадномъ интересѣ, который представляютъ для Европы Австралія и Новая Зеландія, какъ обширное поле для всевозможныхъ соціальныхъ и иныхъ экспериментовъ.

. Больё, въ своихъ австралій-
очеркахъ, печатающихся въ
ie de deux Mondes», называетъ
асть свѣта «настоящею лабора-
о соціальной науки» и говоритъ,
аблюденіе надъ производящимися
й экспериментами можетъ быть
полезно старому свѣту. Въ ав-
ійскихъ колоніяхъ, по его сло-
можно наблюдать крайнее вы-
ніе какъ дурныхъ, такъ и хоро-
сторонъ стремленій нашей со-
енной цивилизаціи. Нигдѣ, напри-
, грамотность не достигла такого
окаго распространенія, какъ въ
ъ колоніяхъ. Обмѣнъ писемъ и
раммъ тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы
ни было, и торговыя сношенія до-
ютъ очень высокаго развитія срав-
ельно съ количествомъ народона-
нія. Жизнь во всѣхъ классахъ
ѣе широка, благосостояніе болѣе
вито, демократія же занимаетъ пре-
адающее мѣсто въ обществѣ. Но
ое главное, нигдѣ соціальныя но-
веденія не зашли такъ далеко, какъ
Австраліи, и нигдѣ еще теоретиче-
я построенія не вводились такъ
ло въ практическую жизнь, какъ
этихъ англійскихъ колоніяхъ, у
гиподовъ.

Леруа Больё обращаетъ особенное
иманіе на то, что индивидуализмъ
гло-саксонской расы, такъ рѣзко
ражающійся въ Соединенныхъ Шта-
хъ Америки, уступаетъ мѣсто совер-
енно противоположнымъ стремленіямъ
Австраліи. Австралійцы стремятся,
ъ противоположность американцамъ,
асширять все болѣе и болѣе кругъ
осударственнаго вмѣшательства, идя
ъ данномъ случаѣ наперекоръ инди-
идуалистическимъ тенденціямъ, всегда
арактеризовавшимъ англосаксонцевъ.
лючъ къ этому нѣсколько странному
явленію даетъ, по мнѣнію Леруа Больё,
амая исторія Австраліи и условія ея
еобычайно быстраго развитія. Соеди-
енные Штаты образовывались посте-
енно, въ теченіе двухъ столѣтій и
могли вынести, благодаря прочнымъ основамъ своего общества, безъ ущерба своему равновѣсію, огромный приливъ европейскихъ колонистовъ, устремившійся въ Америку въ послѣднія 50 лѣтъ. Австралію, наоборотъ, иммигранты заполонили еще въ то время, когда она находилась въ самомъ младенчествѣ. Населеніе Австраліи возрастало съ баснословною быстротой. Въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1851 по 1861) оно увеличилось съ 430.000 до 1.252.000. Иммиграція все возрастала, такъ что населеніе Австраліи удесятерилось въ такой промежутокъ времени, въ который населеніе Соединенныхъ Штатовъ едва утроилось. Открытіе золота, игравшее второстепенную роль въ Соединенныхъ Штатахъ, заняло въ австралійской колонизаціи первое мѣсто. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется громадное преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, что составляетъ въ своемъ родѣ бѣдствіе, отъ котораго страдаетъ Австралія, тѣмъ болѣе, что, если исключить золотую промышленность, то это страна по преимуществу земледѣльческая и особенно пастушеская. Шерсть и мясо, также какъ и другіе продукты скотоводства, составляютъ двѣ трети австралійскаго вывоза. Въ Австраліи нѣтъ крупной промышленности, да и долго ея не будетъ. За исключеніемъ золота и серебра, Австралія мало эксплуатируетъ свои минеральныя богатства и только въ Южномъ Валлисѣ и Новой Зеландіи разрабатывается каменный уголь. Слѣдовательно, главные рессурсы страны составляетъ все-таки сельское хозяйство, но огромное большинство иммигрантовъ явилось въ Австралію изъ городовъ и поэтому ютится въ городахъ, что и вызываетъ недостатокъ равновѣсія и составляетъ наиболѣе существенный недостатокъ австралійскаго общества. Разумѣется, всѣ разорившіеся или несчастные искатели золота, населяющіе большіе города, а также рабочіе, очень много-

численные и поэтому очень могущественные, не желающіе допускать уменьшенія своей заработной платы, стоявшей очень высоко въ началѣ разработки копей, должны были сочувственно отнестись къ идеѣ покровительства государства. Отсюда-то и возникъ крайній протекціонизмъ колоній; надо вѣдь было доставить занятіе всѣмъ городскимъ рабочимъ и, слѣдовательно, создать промышленныя предпріятія, которыя однако не въ силахъ были бы бороться съ иностранною конкурренціею, еслибъ ихъ не поставили въ искусственныя благопріятныя условія.

Государство, впрочемъ, съ самаго начала заняло въ австралійскихъ колоніяхъ исключительное мѣсто; оно располагало большими свободными суммами, полученными отъ продажи и аренды земель, въ то время, какъ частные капиталы находились въ самомъ начальномъ періодѣ своего развитія. Естественнымъ образомъ проведеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ выпало съ самаго начала на долю государства. Съ постройкой надо было торопиться, въ виду необычайно быстраго роста колоній, и это потребовало большой затраты рабочихъ силъ. Когда же сѣть была закончена, то освобожденіе рабочихъ рукъ сразу выдвинуло на сцену вопросъ о безработныхъ (sans travail) и чтобы пособить дѣлу и дать занятіе многочисленнымъ рабочимъ, государство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вынуждено было предпринять постройку новыхъ линій, все менѣе и менѣе доходныхъ, народныя массы въ Австраліи постепенно пріучились такимъ образомъ смотрѣть на государство, какъ на работодателя по преимуществу и существенною функціею государства явилась организація такъ называемыхъ «relief works» — работъ, предпринимаемыхъ со спеціальною цѣлью дать занятіе рабочимъ.

Всѣ эти условія способствовали видоизмѣненію индивидуалистическ наклонностей англосаксонской р населявшей Австралію, но такъ англичане все-таки вездѣ оста вѣрны себѣ, то и въ этихъ молод колоніяхъ мы можемъ встрѣтить жество обычаевъ и учрежденій чисто британскомъ духѣ.

Подъ покровомъ конституціи, ставленныхъ по образцу англійс конституціи, всѣ пять австралійск колоній представляютъ чистѣйшій т демократіи. Правительственный ме низмъ вездѣ одинаковъ. Во гл стоитъ губернаторъ, назначаемый ролевой; въ его рукахъ сосредото вается исполнительная власть, но гл нымъ образомъ онъ служитъ для в хотя и имѣетъ право, которы однако, пользуется крайне рѣдко, давать своего согласія на законы, в тированные парламентомъ, и передават ихъ на усмотрѣніе королевы, прав «veto» которой,—опять-таки лишь т теоріи,—абсолютно. Затѣмъ, вездѣ ест верхняя палата или законодательны совѣтъ, члены которой или назна чаются правительствомъ пожизненн или на извѣстный срокъ, или же выбираются особою коллегіей. Эта палата играетъ роль палаты лордовъ и иногда, также какъ эта послѣдняя, отвергаетъ законы, вотированные нижнею палатой, всегда уступая, впрочемъ, если послѣ распущенія избиратели выскажутся за эти законы. Законодательное собраніе отличается отъ англійской палаты общинъ тѣмъ, что оно не только выбирается всеобщею подачею голосовъ, но является, также какъ и палата общинъ, главнымъ двигательнымъ органомъ правительства, формирующимъ и уничтожающимъ министерства, выбираемыя преимущественно изъ его среды.

Экономическіе и соціальные вопросы занимаютъ теперь главное мѣсто въ австралійскихъ парламентахъ, и парламентскія сессіи заполняются борьбою протекціонистовъ съ сторонниками сво-

торговли или же пререканіями у сторонниками и противниками ширенія сферы дѣйствія и вмѣшательства государства. Австралійскіе таменты отличаются своею способью къ труду; особенно это надо ать о Новой Зеландіи, гдѣ первый истръ, бывшій кабатчикъ, долженъ ь, по странной иронія судьбы, зацать недавно проектъ, ограничищій продажу спиртныхъ напитъ. Это былъ одинъ изъ восьмидеи биллей, которые предстояло разтрѣть парламенту въ теченіе трехячной сессіи, причемъ билли эти осились къ самымъ разнообразнымъ росамъ: къ рабочему и аграрному росамъ, ограниченію иммиграціи, ивнымъ образомъ китайцевъ, и т. п. время этой сессіи парламентъ задалъ два раза, отъ двухъ часовъ олудни до шести и восьми утра бдующаго дня. Впрочемъ, парламентія засѣданія въ Новой Зеландіи дко оканчиваются раньше полуночи и часа ночи, хотя весьма часто исказываются упреки австралійскимъ рламентамъ въ томъ отношеніи, что ни нерѣдко слишкомъ поспѣшно воруютъ законы и затѣмъ имъ приходится тратить опять время на перотръ и передѣлку этихъ законовъ, гда черезъ годъ или два они окажутся неудобопримѣнимы.

Вліяніе доктрины коллективизма аетъ себя чувствовать во всѣхъ отасляхъ австралійскаго законодатель, ства. Всѣ законы, касающіеся земли, абричнаго труда, системы налоговъ и . п. указываютъ на явное стремленіе осударства захватить какъ можно боѣе область частной иниціативы и съузить сферу ея дѣятельности. Кромѣ того австралійское законодательство явно враждебно относится къ крупной земельной собственности. Въ Новой Зеландіи сдѣланъ уже большой шагъ впередъ, въ пользу равномѣрнаго распредѣленія земли, такъ какъ уже установленъ максимумъ для частной собственности. Закономъ 1894 года установлено, что никто не можетъ владѣть болѣе 400 гектаровъ земли, годной для культуры, болѣе 800 такой, которая состоитъ на половину изъ пастбищъ и 2.000 такой, которая годна лишь для пастбищъ. Все, что превышаетъ эту установленную норму, поступаетъ въ собственность государства, которое входитъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ земли относительно покупки, и если цѣна, предлагаемая государствомъ, не удовлетворяетъ владѣльца, то назначается спеціальная экспертиза, которая и опредѣляетъ стоимость отчуждаемаго участка.

Вообще Новая Зеландія пошла далѣе всѣхъ другихъ австралійскихъ колоній въ своемъ законодательствѣ о поземельной собственности, не останавливаясь ни передъ какими смѣлыми экспериментами въ этомъ отношеніи. Все новозеландское законодательство основывается въ данномъ случаѣ на принципѣ государственной собственности земли, отдаваемой въ вѣчную аренду земледѣльцамъ или скотоводамъ (State ownership of the soil with a perpetual tenancy in the occupier), такъ что большая часть государственной земли не продается, а сдается въ долгосрочную аренду на 999 лѣтъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что австралійцы вообще вводятъ всѣ свои законодательныя мѣропріятія не въ окончательной формѣ, а лишь какъ временныя мѣры и не боятся признать ихъ несостоятельными, если они оказываются таковыми. Такимъ образомъ въ Новой Зеландіи, рядомъ съ проведеніемъ на практикѣ теоріи государственной собственности земли, все еще остается въ силѣ законъ, допускающій продажу земли на чистыя деньги и краткосрочную аренду (на 25 лѣтъ), причемъ арендаторъ можетъ пріобрѣсти эту землю въ свою собственность спустя десять лѣтъ. Однако, количество земли, которая можетъ быть такимъ образомъ отдана въ аренду или

продана, ограничено 100.000 гектарами въ годъ. Выше этой цифры государство не имѣетъ права ни продать, ни отдать въ краткосрочную аренду на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Новозеландцы, слѣдовательно, желаютъ на опытѣ убѣдиться, которое изъ этихъ мѣропріятій цѣлесообразнѣе, оставляя ихъ дѣйствовать одновременно. Затѣмъ, они также принимаютъ серьезныя мѣры къ тому, чтобы земля, пріобрѣтаемая въ собственность, или сдаваемая въ долгосрочную аренду, дѣйствительно подвергалась обработкѣ и культурѣ. Такъ, напримѣръ, покупатель получаетъ сначала удостовѣреніе на право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли и лишь спустя семь лѣтъ послѣ того, какъ онъ дѣйствительно произведетъ улучшенія культуры земли, эта земля окончательно поступаетъ въ его собственность; то же самое имѣетъ силу и относительно долгосрочной аренды.

Австралійское и новозеландское законодательство о землевладѣніи проникнуто въ настоящее время желаніемъ «посадить на землю» (settle the people on the land) всю ту массу городского населенія и рабочихъ рукъ, которая скопляется въ городахъ и остается безъ всякихъ занятій. Съ этою именно цѣлью австралійскіе и новозеландскіе законодатели и проводили свои мѣропріятія, направленныя также къ тому, чтобы не допустить землю сдѣлаться предметомъ спекуляцій, какъ это было раньше. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій не оправдали возложенныхъ на нихъ ожиданій, какъ, напримѣръ, утвержденныя закономъ 1893 года деревенскія поселенія (village settlements). Парламентское разслѣдованіе, произведенное черезъ два года послѣ учрежденія этихъ поселеній указало на ихъ практическую несостоятельность во многихъ отношеніяхъ, но эта неудача не можетъ остановить австралійскихъ реформаторовъ, которые твердо помнятъ правило: «ищите и обрящете».

Стремясь урегулировать землев
ніе и пріурочить свободныя ра
руки къ культурѣ земли, австр
ское законодательство въ то же вр
очень заботится о томъ, чтобы
гулировать трудъ; поэтому во вс
ремеслахъ и отрасляхъ фабрич
промышленности восьмичасовой ра
чій день установленъ закономъ, в
кресная работа воспрещена абсолю
также какъ работа дѣтей моложе
лѣтъ; кромѣ того, при поступленіи
фабрику такія дѣти должны предс
вить свидѣтельство, что они про
курсъ элементарной школы. Нѣтъ
какого сомнѣнія, что въ отноше
своего рабочаго законодательства, ка
и во многомъ другомъ, Австралія дал
опередила Европу. Быть можетъ, см
лость австралійскихъ колоній, про
водящихъ, не задумываясь, самые ри
кованные эксперименты въ соціал
номъ отношеніи, обусловливается о
сутствіемъ традицій, сдерживающи
порою реформаторскіе порывы стары
европейскихъ обществъ. Австралія ка
будто поставила себѣ задачей указа
путь къ прогрессу другимъ страна
и, не стѣсняясь «предразсудками», ка
говорятъ австралійскіе колонисты, бе
страшно идетъ впередъ, пробуя
опытомъ пригодность тѣхъ или ины
идей, проповѣдуемыхъ соціальными ф
лософами и реформаторами. Мы уж
говорили, что въ дѣлѣ уравнен
правъ женщины Австралія опереди
даже Америку, гдѣ лишь въ нѣскол
кихъ штатахъ (Колорадо, Юинг
Утахѣ, Канзасѣ) женщины имѣю
право участвовать въ голосованіи на
равнѣ съ мужчинами. Но въ австра
лійскихъ колоніяхъ законодательств
опередило даже самое движеніе, и равно
правіе женщинъ установлено закономъ
раньше, чѣмъ агитація въ пользу рас
ширенія правъ женщинъ достигл
сколько-нибудь значительныхъ разм
ровъ. Такъ, въ Новой Зеландіи уж
образовались лиги для политическа
воспитанія женщинъ, въ виду того, чт

ногихъ случаяхъ политическое раз- женщины не отвѣчаетъ ея полю равноправнаго гражданина стра- При этомъ замѣчается еще одно пытное явленіе: Женщины въ ралійскихъ колоніяхъ, особенно въ ой Зеландіи, выходятъ замужъ въ мъ гораздо позднѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было въ Европѣ; занимая вполнѣ висимое положеніе, онѣ не торо- ся выходить замужъ, такъ какъ не даются ни въ покровителѣ, ни въ отникѣ, привыкнувъ къ самостоя- ному труду. Леруа Больё, подчер- ая это явленіе, говоритъ, что гралійскіе законодатели своими че- чуръ смѣлыми нововведеніями вергаютъ риску будущность и благо- тояніе страны, но намъ кажется, и въ данномъ случаѣ, какъ и во хъ другихъ, юная Австралія по- ываетъ путь къ прогрессу другимъ ранамъ.

Раса пигмеевъ. Вопросъ о суще- вованіи расы пигмеевъ—людей-кар- ковъ, весьма долгое время служилъ едметомъ ученыхъ споровъ. Нѣко- рые изъ ученыхъ отрицали суще- вованіе такой расы, причисляя къ тегоріи аномалій тѣхъ карликовъ, оторые встрѣчались путешественни- ами въ мало изслѣдованныхъ обла- яхъ Африки и Азіи. Катрфажъ, одна- о, цитируетъ шесть древнихъ авто- овъ, подтверждающихъ существова- ie пигмеевъ, и доказываетъ, что эти асы пигмеевъ не исчезли и до сихъ оръ. Древніе признавали пять группъ игмеевъ: двѣ обитали въ Азіи и три ъ Африкѣ. Въ Азіи до сихъ поръ ще можно встрѣтить эти группы, зна- ительно порѣдѣвшія и измѣнившіяся слѣдствіе скрещиванія; въ Африкѣ ке онѣ сохранились въ болѣе чистомъ видѣ.

Когда африканскіе путешественники Швейнфуртъ и Дю-Шалью сообщили, что они видѣли въ Африкѣ племя ма- ленькихъ людей, называемыхъ «аккаса- ми», то къ ихъ словамъ отнеслись съ большимъ недовѣріемъ; только когда въ Европу привезли трехъ аккасовъ, по- служившихъ предметомъ научныхъ на- блюденій, вопросъ о существованіи пигмеевъ былъ рѣшенъ утвердительно и Стэнли уже не вызвалъ недовѣрія своими разсказами объ африканскихъ лиллипутахъ. Иначе стояло дѣло, когда путешественникъ Галибуртонъ сооб- щилъ въ 1888 году въ Готѣ, въ англійскомъ Обществѣ поощренія наукъ, о племени пигмеевъ, населяющихъ склоны Атласа въ Южномъ Марокко. Это сообщеніе вызвало очень горячіе споры и Галибуртонъ, не будучи въ состояніи, вслѣдствіе своей болѣзни, самъ продолжать свое изслѣдованіе, собралъ множество показаній, очень важныхъ и достовѣрныхъ, подтверж- дающихъ его слова. На основаніи лич- ныхъ наблюденій и показаній другихъ, онъ пришелъ къ выводу, что карлики Атласа образуютъ нѣсколько племенъ, носящихъ различныя имена и разсѣян- ныхъ въ разныхъ пунктахъ этой воз- вышенности. Ростомъ они не превы- шаютъ четырехъ футовъ; цвѣтъ кожи у нихъ красновато-коричневый, волосы короткіе и курчавые. Они очень дѣя- тельны и храбры и обладаютъ замѣ- чательными акробатическими способ- ностями. Они очень искусны въ охо- тѣ за страусами и продаютъ страусо- выя перья и яйца арабскимъ купцамъ въ Сахарѣ. Они не любятъ ручного труда, но тѣмъ не менѣе способны къ работѣ и изъ нихъ выходятъ отлич- ные мѣдники. Они охотятся за стра- усами на маленькихъ, очень быстрыхъ лошадкахъ, которыя, по ихъ картин- ному выраженію, «пьютъ вѣтеръ». Въ случаѣ нужды они употребляютъ отравленныя стрѣлы. Они питаются финиками, верблюжьимъ молокомъ и мясомъ и носятъ шерстяныя рубашки, расшитыя сзади и спереди.

Аккасы изучены больше другихъ африканскихъ пигмеевъ; они находят- ся на болѣе низкой ступени цивили-

заціи, нежели пигмеи Атласскихъ горъ. Профессоръ Фредерикъ, въ своей статьѣ въ «North american Review», говоритъ о нихъ слѣдующимъ образомъ: Аккасы ростомъ не превышаютъ 1 метра 25 сант. Голова у нихъ круглая, носъ широкій, лицо прогностическое; волосы напоминаютъ шерсть. Борода рѣдкая, но все тѣло покрыто длинными волосами и издаетъ особенный, но довольно пріятный запахъ. Они хитры и жестоки, наклонны къ воровству. Вмѣсто одежды имъ служатъ листья; они не татуируютъ своего тѣла и вообще не носятъ никакихъ характерныхъ украшеній. Постоянныхъ жилищъ у нихъ также нѣтъ. Что касается каннибальскихъ наклонностей, то они существуютъ у нихъ лишь въ слабой степени.

Въ настоящее время различаютъ африканскихъ пигмеевъ, которые называются «негрильосами» (negrillos). и азіатскихъ пигмеевъ—«негритосовъ» (negritos). Племена этихъ послѣднихъ встрѣчаются на материкѣ, отъ Малайскаго полуострова до Гималаевъ, и на островахъ Индійскаго океана, и въ Зондскомъ архипелагѣ. Средній ростъ этихъ пигмеевъ не достигаетъ 1 метра 40 сант. Они обыкновенно образуютъ небольшія общины въ 25, много 50 членовъ, подъ предводительствомъ вождя, впрочемъ, не имѣющаго большой власти. Они очень чадолюбивы, отличаются чистотою нравовъ и моногамія у нихъ преобладаетъ. Наиболѣе чистый типъ азіатскихъ пигмеевъ встрѣчается на островѣ Андаманѣ, это—«минкописы» (mincopies), въ высшей степени интересные для изученія, какъ сохранившіе въ неприкосновенности свои древніе религіозные воззрѣнія и обычаи. Минкописы до сихъ поръ живутъ въ самыхъ первобытныхъ шалашахъ и заботятся о постоянномъ поддержаніи огня, хотя и не извлекаютъ изъ него никакой особенной пользы.

Пигмеи встрѣчаются и въ Соединенныхъ Штатахъ, куда они, вѣроят завезены были негроторговцами съ сточныхъ береговъ Африки. Джем Уэйръ въ «Popular Science Monthl говоритъ, что американскіе пигм образуютъ въ большомъ числѣ кол ніи въ сосѣдствѣ Чарльстоуна и южнымъ берегамъ Атлантическаго оке на и залива. Членъ конгресса Эллис изучившій этихъ маленькихъ негрит совъ, говоритъ, что они объясняют между собою на совершенно непоня номъ языкѣ, такъ какъ, безъ сомн нія, у нихъ сохранились еще слов ихъ первоначальнаго нарѣчія. Скр щиваніе, конечно, сильно измѣни первоначальный типъ, такъ что бол шинство нынѣшнихъ представителе этой расы сохранило лишь нѣкоторы ея отличительные признаки: малы ростъ и брахіоцефалическую фор черепа.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на примѣръ, во Флоридѣ и въ Луизіан негритосы впали въ прежнее дико состояніе. Они живутъ охотой и рыб ною ловлей и лишь въ крайности по кидаютъ свои убѣжища въ болотах и лѣсахъ, когда у нихъ выйдутъ вс припасы. Они поклоняются злому дух и стараются его умилостивить раз ными приношеніями и обрядами, на ходя, что добрый духъ не нуждается въ такихъ приношеніяхъ и умилости леніяхъ, такъ какъ, онъ самъ по себѣ добръ и милосердъ. Фетешизмъ сильно распространенъ между негритосами. Они такъ боятся злыхъ духовъ, кото рые, по ихъ мнѣнію, подстерегаютъ ихъ вездѣ, что ни за что не рѣшают ся выходить ночью иначе, какъ цѣ лой гурьбой. Точно также смерть вну шаетъ имъ суевѣрный ужасъ и они боятся духа умершаго, хотя съ тѣ ломъ его обращаются всегда съ вели чайшимъ почтеніемъ и заботливо обво рачиваютъ его въ листья и траву. Въ болотахъ центральной Флориды негритосы бережно укладываютъ тѣло въ лодку, укрѣпляютъ его въ ней по-

лосками кожи и затѣмъ отвозятъ лодку какъ можно дальше въ самую непроницаемую чащу. Тамъ они бросаютъ трупъ и послѣ того уже старательно избѣгаютъ приближаться къ этому мѣсту, опасаясь оскорбить духъ умершаго и тѣмъ навлечь на себя его гнѣвъ.

Негритосы, вообще, сохранили еще нѣкоторые обычаи своихъ предковъ. Такъ, напримѣръ, если какой-нибудь негритосъ пожелаетъ взять себѣ въ жены какую-нибудь молодую дѣвушку, то онъ оставляетъ ночью у дверей ея хижины корзину съ плодами. Если на другой день утромъ дѣвушка возьметъ корзину, то это означаетъ, что его предложеніе принято. Подобный обычай до сихъ поръ существуетъ у нѣкоторыхъ африканскихъ пигмеевъ.

Эти маленькіе люди необыкновенно искусные охотники и, повидимому, отрѣшившись отъ цивилизаціи, вернули себѣ необыкновенную остроту зрѣнія, обоняніе и слуха, отличавшую ихъ предковъ.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій американскаго Общества поощренія наукъ Галибуртонъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя изъ развалинъ въ Юкатанѣ и въ центральной Америкѣ указываютъ, повидимому, на работу карликовъ. Такъ, во всѣхъ этихъ областяхъ встрѣчаются очень маленькія зданія, обитатели которыхъ могли быть только карлики, и даже храмы, гдѣ взрослый человѣкъ обыкновеннаго роста не могъ бы помѣститься. Изслѣдователи центральной Америки нашли много такихъ слѣдовъ работы пигмеевъ. Существуютъ ли пигмеи въ Южной Америкѣ—еще не выяснено; по разсказамъ, расы пигмеевъ обитаютъ въ Бразиліи и Уругваѣ и др. мѣстахъ, но эти разсказы не подтверждаются еще пока никакими достовѣрными свидѣтельствами.

Армянская печать. Изъ всѣхъ восточныхъ народовъ армяне, безъ сомнѣнія, обладаютъ наибольшимъ числомъ политическихъ, литературныхъ и коммерческихъ органовъ печати.

Первая армянская газета была основана въ Индіи, въ 1794 г., однимъ почтеннымъ священникомъ, Паскалемъ Шемавоніанъ. Эта газета называлась «Azŧagar» (Вѣстникъ). Но самый важный періодическій органъ появился лишь въ 1846 году; это была оффиціальная газета «Haiasdon», издаваемая армянскимъ гражданскимъ совѣтомъ, руководящимъ всѣми національными дѣлами и засѣдающимъ въ патріархатѣ. Когда эта газета перестала существовать въ 1851 году, то ее замѣнила другая—«Massis» (Араратъ). Это самая старинная газета изъ всѣхъ, существующихъ въ настоящее время въ Арменіи. Съ теченіемъ времени газета эта превратилась изъ политическаго органа въ исключительно литературный и теперь выходитъ, въ видѣ журнала, разъ въ мѣсяцъ. Въ настоящее время это органъ совѣта народнаго просвѣщенія.

Наибольшее число армянскихъ газетъ и журналовъ издается въ Константинополѣ. Тамъ существуетъ въ настоящее время семь вліятельныхъ органовъ армянской печати, литературныхъ и политическихъ. Изъ нихъ наибольшимъ значеніемъ, хотя по преимуществу въ литературномъ отношеніи, пользуется ежедневная газета «Haigepik» (Родина), считающаяся однимъ изъ самыхъ либеральныхъ органовъ печати. Въ другихъ городахъ, Адріанополѣ, Никомидіи и Трапезундѣ, были основаны армянскія газеты, но существованіе ихъ оказалось весьма эфемернымъ.

Въ самомъ сердцѣ Арменіи, въ монастырѣ Варакъ, на берегу озера Ванъ, была учреждена въ 1856 году типографія и основана газета молодымъ, энергичнымъ архимандритомъ Вана, Мегердичемъ Хріміаномъ. Впослѣдствіи Хріміанъ занялъ постъ патріарха въ Константинополѣ, а три года тому назадъ назначенъ католи-

косомъ всѣхъ армянъ. Газета, издаваемая этимъ священникомъ, называлась «Орелъ Васпурагана» и въ ней онъ старался ознакомить читателей съ исторіей Арменіи, печатая разные историческіе документы и сопровождая ихъ соотвѣтствующими комментаріями.

Второе мѣсто послѣ Константинополя, по числу издающихся газетъ, занимаетъ Смирна. Армяне, проживающіе въ Смирнѣ, лучше обставлены въ томъ отношеніи, что они болѣе приходятъ въ соприкосновеніе съ Западомъ, такъ какъ Смирна поддерживаетъ прямыя сношенія съ Франціей, Англіей, Германіей и Италіей, но наиболѣе значительные органы армянской печати, какъ въ политическомъ, такъ въ литературномъ и научномъ отношеніяхъ, издаются въ Россіи, и это объяснеятся, главнымъ образомъ, тѣмъ, что армянскіе публицисты, проживающіе въ Россіи —большею частью люди, получившіе высшее образованіе и, кромѣ того, посѣщавшіе европейскіе университеты. Въ Тифлисѣ первыя армянскіе газеты появились въ 1846—1850 годахъ. Эти газеты уже прекратили свое существованіе. Въ настоящее время, по порядку давности, во главѣ всѣхъ армянскихъ газетъ, издающихся въ Россіи, надо поставить «Араратъ», выходящій въ Эчміадзинѣ и издаваемый монахами Эчміадзинскаго монастыря. Вслѣдъ за нею идетъ газета «Мшакъ», основаниая въ 1872 году и пользовавшаяся громаднымъ вліяніемъ при жизни своего главнаго редактора Арцруни.

Самый распространенный армянскій политическій журналъ, издающійся въ Россіи, это—«Nor-dar» (Новый вѣкъ), основанный въ 1884 году однимъ изъ выдающихся армянскихъ писателей Спантаръ Спантаріаномъ. Журналъ этотъ выходитъ пять или шесть разъ въ недѣлю, имѣетъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и въ главныхъ городахъ Россіи. У насъ въ Петербургѣ также издается съ 1877 г., роскошный армянскій журналъ «Агапс», выходящій, впрочемъ, только два раза въ годъ. Этотъ журналъ получилъ на Чикагской выставкѣ почетную премію за свое изданіе.

Въ Персіи, не смотря на то, что тамъ много армянъ, издается всего только одна армянская газета. Въ Индіи же и на островахъ азіатскаго архипелага, гдѣ также много армянъ, возникло, подъ вліяніемъ англійской и голландской цивилизаціи, армянское литературное движеніе, которое принесло уже плоды. Въ Калькуттѣ уже существуютъ три политическихъ органа армянской печати, въ Мадрасѣ и Сингапурѣ также.

Что касается Европы, то армянскіе органы печати встрѣчаются въ настоящее время почти въ каждомъ государствѣ. Въ Австріи, Италіи, Франціи, гдѣ армянская національная печать достигла нѣкоторой степени развитія, и въ Швейцаріи—вездѣ мы находимъ армянскія газеты.

Этотъ краткій перечень болѣе или менѣе выдающихся органовъ армянской печати не можетъ, конечно, дать полнаго понятія о размѣрахъ интеллектуальнаго прогресса, достигнутаго армянскою націей при очень неблагопріятныхъ условіяхъ и въ сравнительно короткій промежутокъ времени.

Черты изъ жизни «новыхъ женщинъ» (New women) въ Англіи. Англійская современная литература изобилуетъ воспоминаніями, автобіографіями и біографіями. Въ англійскихъ библіографическихъ журналахъ постоянно встрѣчаются извѣщенія о выходѣ въ свѣтъ новыхъ мемуаровъ, автобіографій или біографій болѣе или менѣе извѣстныхъ британскихъ дѣятелей и дѣятельницъ, но большинство этихъ изданій имѣютъ по преимуществу мѣстный, спеціально англійскій интересъ и только нѣкоторыя, рисуя эпоху или всемірноизвѣстныхъ дѣятелей, могутъ заинтересовать и болѣе

обширный кругъ читателей. Что же касается женскихъ автобіографій или біографій, то онѣ особенно любопытны въ томъ отношеніи, что обрисовываютъ разнообразные типы «New women» — «новой женщины», какъ говорятъ англичане. Къ числу такихъ, безъ сомнѣнія, надо причислить миссъ Коббэ, имя которой достаточно извѣстно въ англійской журналистикѣ, Анну Кингсфордъ, біографія которой появилась недавно, путешественницу миссъ Кингсли и мн. др.

Миссъ Коббэ, издавшая недавно свою автобіографію, должна быть поставлена во главѣ англійскихъ «новыхъ женщинъ» и англичане даже называютъ ее прародительницей англійской современной женщины. Дѣйствительно, она можетъ быть названа до нѣкоторой степени иниціаторомъ женскаго движенія въ Англіи и въ теченіе многихъ лѣтъ въ журналистикѣ она проповѣдывала уравненіе правъ женщины, допущеніе ея къ высшему образованію и т. д. Но, самое главное, она дѣйствовала своимъ примѣромъ на другихъ женщинъ, увлекая ихъ на путь общественной дѣятельности и возбуждая въ нихъ самосознаніе. Миссъ Коббэ родилась въ 1822 г. Отецъ ея, ирландскій ландлордъ, позаботился о томъ чтобъ дать своей дочери соотвѣтствующее ея положенію въ свѣтѣ образованіе, т. е. онъ отдалъ ее, въ пансіонъ, гдѣ, по словамъ миссъ Коббэ, все преподаваніе шло на выворотъ и больше всего обращали вниманія на музыку, танцы и хорошія манеры, тогда какъ науки занимали самое послѣднее мѣсто. Кончивъ курсъ въ этомъ первоклассномъ пансіонѣ, миссъ Коббэ вернулась домой, гордая своими познаніями, такъ какъ она выучилась, кромѣ музыки и танцевъ, бойко болтать по французски и немного рисовать. Это было все, что требовалось отъ современной дѣвицы, имѣющей счастье принадлежать къ фешенебельному кругу. Около двухъ лѣтъ миссъ Коббэ вела безпечную жизнь въ родительскомъ домѣ, но, пристрастившись къ чтенію, она мало-помалу стала сознавать огромные пробѣлы въ своихъ познаніяхъ. Она сама принялась пополнять ихъ безъ всякой помощи, такъ какъ, по воззрѣніямъ окружающаго ее общества, женщинѣ не надо было много учиться и поэтому миссъ Коббэ не могла разсчитывать встрѣтить сочувствіе въ комъ-нибудь изъ близкихъ. Разумѣется, занятія ея имѣли очень безпорядочный характеръ, но они развивали пытливость ея ума. Она пристрастилась, главнымъ образомъ, къ философіи и вскорѣ Кантъ сдѣлался ея любимымъ авторомъ и оказалъ огромное вліяніе на ея міровоззрѣніе. Конечно превращеніе миссъ Коббэ изъ поверхностной дѣвицы съ весьма ограниченнымъ кругозоромъ, въ серьезную женщину-философа, не могло не повліять на ея отношенія съ отцомъ и неминуемо привело къ разрыву. Миссъ Коббэ оставила отцовскій домъ вскорѣ послѣ смерти матери, вслѣдствіе серьезныхъ разногласій съ отцомъ на почвѣ религіозныхъ воззрѣній. Черезъ десять мѣсяцевъ, впрочемъ, она снова вернулась къ отцу, по его приглашенію, но жизнь ея была очень тяжела, потому что всѣ домашніе какъ-то стали ея чуждаться и относились къ ней съ какою-то скрытою враждебностью. Такъ она прожила до 35 лѣтъ, не рѣшаясь свергнуть съ себя иго родительской власти. Когда отецъ ея умеръ, оставивъ ей небольшой доходъ, то она первымъ дѣломъ воспользовалась своею свободою для путешествія по Европѣ и Святой Землѣ, а затѣмъ, вернувшись въ Англію, окончательно вступила на поприще общественной дѣятельности и журналистики. Она выступила горячей защитницей всѣхъ угнетенныхъ и страдающихъ и много содѣйствовала облегченію ихъ участи, такъ какъ, благодаря ей, были произведены благодѣтельныя перемѣны въ рабочихъ домахъ и въ больницахъ. Миссъ Коббэ во

*

всѣхъ своихъ статьяхъ всегда стремилась разбудить въ своихъ читателяхъ чувство общественной солидарности и, безъ сомнѣнія, англійское общество обязано ей многими благотворными реформами. Испытавъ на себѣ, какъ трудно женщинѣ культивировать свой умъ и бороться съ предразсудками общества, Миссъ Коббэ сдѣлалась рьяной проповѣдницей расширенія женскаго образованія. «Быть слабымъ, значитъ быть несчастнымъ,—говорила она;—женщины же слабы не только въ физическомъ отношеніи, но и въ умственномъ, поэтому тѣ изъ женщинъ, которымъ удалось развить свои силы, должны поддерживать своихъ слабыхъ сестеръ».

Въ качествѣ публицистки, пользовавшейся большою и заслуженною извѣстностью, (Карпенгеръ, напримѣръ, въ своей «Физіологіи ума» часто дѣлаетъ ссылки на ея философскія и публицистическія статьи), миссъ Коббэ была знакома чуть ли не со всѣми выдающимися людьми своего времени и со многими состояла въ перепискѣ, напримѣръ, съ Тиндалемъ, Дарвиномъ, Мэномъ. Ляйелль и Джонъ Стюартъ Милль также были въ числѣ ея друзей. Она была знакома также съ Карлейлемъ, но онъ ей не нравился. Однако, примкнувъ къ антививисекціонистскому движенію, миссъ Коббэ растеряла всѣхъ этихъ друзей. Но это обстоятельство, конечно, не могло удержать такого человѣка, какъ миссъ Коббэ, которая никогда, и ни ради чего не поступалась своими убѣжденіями. Она увлеклась антививисекціонистскимъ движеніемъ и, какъ раньше выступала страстною защитницею слабыхъ и угнетаемыхъ представителей рода человѣческаго, такъ потомъ, проникнувшись состраданіемъ къ животнымъ, она горячо возстала противъ вивисекціи, начавъ противъ нея настоящій крестовый походъ.

Такою же яростною противницею вависекціи была и Анна Кингсфордъ, біографія которой вышла недавно. Анна Кингсфордъ принадлежала, безъ сомнѣнія, къ типу «новыхъ женщинъ» Англіи и стяжала себѣ извѣстность не только своимъ походомъ противъ вивисекціи, но и своими конференціями въ защиту правъ женщины и своею журнальною дѣятельностью. По профессіи, Анна Кингсфордъ была врачомъ, и это придаетъ ея походу противъ вивисекціи особенный отпечатокъ. Отецъ ея былъ очень богатый лондонскій негаціантъ, такъ что въ дѣтствѣ она была окружена всевозможною роскошью. Она рано вышла замужъ за деревенскаго пастора, но, повидимому, не была особенно счастлива въ своей семейной жизни. Ее томила жажда дѣятельности, но въ той обстановкѣ, въ которой ей приходилось жить, ей некуда было приложить свои силы. Кругъ ея обязанностей, какъ жены пастора, былъ строго ограниченъ и она задыхалась въ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя была заключена. Дѣтей у нея не было и поэтому она страшно скучала и начала хворать. Тогда мужъ ея, очень хорошій и добрый человѣкъ, о которомъ Анна Кингсфордъ всегда отзывалась съ большимъ уваженіемъ, не сталъ ее насильно удерживать въ деревнѣ и отпустилъ въ Лондонъ, гдѣ она не замедлила выступить на общественномъ поприщѣ въ качествѣ проповѣдницы женскаго равноправія. Она основала женскій журналъ «Ladies own paper» но непрактичность ея въ дѣлахъ была причиною финансоваго неуспѣха всѣхъ ея предпріятій, такъ что и журналъ этотъ просуществовалъ не долго. Тогда Анна Кингсфордъ рѣшила бросить на время журналистику и отправиться въ Парижъ изучать медицину. Хотя въ Парижѣ женщинамъ открытъ свободный доступъ къ высшему образованію, но, тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ студенты, такъ и многіе изъ профессоровъ медицинскаго факультета очень недружелюбно относились къ женщинамъ, вторгающимся въ область,

ится на берегъ и постарается изслѣ-овать мѣстность. Не успѣлъ онъ крыться изъ виду, какъ снова послы-ался лай собаки. На этотъ разъ уже е могло быть сомнѣній, что гдѣ-то о близости находятся люди. Іоган-енъ, однако, не рѣшался оставить аюки и идти самъ отыскивать этихъ юдей и поэтому съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія своего товарища. Прошло болѣе трехъ часовъ и Іогансенъ, не замѣчая никакихъ признаковъ жизни въ ледяной пустыни, уже началъ волноваться. Вдругъ ему показалось, что вдали виднѣется какой-то силуэтъ. Іогансенъ взялъ подзорную трубу и дѣйствительно различилъ фигуру человѣка. Ноэто не былъ Нансенъ. Тогда онъ взялъ норвежскій флагъ и, прикрѣпивъ его на шестъ, поднялъ въ видѣ сигнала. Къ его величайшей радости, человѣкъ замѣтилъ сигналъ и направилъ свои шаги въ его сторону. Прошло еще нѣсколько долгихъ минутъ ожиданія и Іогансенъ наконецъ увидѣлъ передъ собою незнакомаго человѣка, который оказался мастеромъ Чайльдомъ изъ экспедиціи Джексона. Встрѣча была самая сердечная, но, къ сожалѣнію, разговоръ между ними не могъ быть очень оживленнымъ, потому что Іогансенъ съ трудомъ говорилъ по англійски, а Чайльдъ совсѣмъ не говорилъ по норвежски. Вскорѣ, однако, явились и спутники Чайльда и тогда завязалась живая бесѣда, такъ какъ они говорили по нѣмецки, а этотъ языкъ былъ хорошо знакомъ Іогансену.

Послѣ обмѣна привѣтствій, Іогансенъ вмѣстѣ съ англичанами отправился въ путь, къ стоянкѣ Джексона. Англичане взяли всѣ его и Нансена вещи и не позволили ему ничего нести. Когда, наконецъ, они пришли къ стоянкѣ, то увидѣли, что Джексонъ снимаетъ фотографію съ Нансена. Всѣ были внѣ себя отъ радости, что счастливый случай свелъ вмѣстѣ обѣ экспедиціи и избавилъ Нансена отъ дальнѣйшихъ опасностей, которыя угрожали ему въ ледяной пустынѣ. Видъ у Нансена и его спутника былъ ужасный, благодаря тому, что они страшно обросли волосами и одежда ихъ до такой степени пропиталась грязью и кровью, въ то время, какъ имъ приходилось возиться съ убитыми медвѣдями и моржами, что сдѣлалась тверда, какъ камень, и снятая съ нихъ стояла стойма. Смѣнить эту одежду на другую было, конечно, величайшимъ удовольствіемъ для Нансена и Іогансена, которые и не замедлили воспользоваться любезнымъ предложеніемъ англичанъ взять изъ ихъ запасовъ новую одежду. Нансенъ прожилъ полтора мѣсяца въ зимовкѣ Джексона и когда пришелъ корабль «Windward», который долженъ былъ привезти Джексону новый запасъ припасовъ, то Нансенъ отправился на немъ въ обратный путь въ Европу и меньше, чѣмъ черезъ недѣлю благополучно прибылъ въ Варде, въ Норвегію.

Въ виду огромнаго интереса и важности результатовъ, достигнутыхъ экспедиціей Нансена, не мѣшаетъ вспомнить, что въ нынѣшнемъ году исполнилось 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ была сдѣлана первая попытка найти сѣверо-западный проходъ, которая и привела къ открытію Нью-Фаундленда. Стремленіе найти кратчайшую дорогу къ богатствамъ Индіи, Китая и Японіи, заставило людей искать пути въ полярныхъ льдахъ, но непреодолимыя препятствія, на которыя они натолкнулись, конечно, заставили ихъ скоро отказаться отъ этой мечты. Однако, сами по себѣ полярныя страны не лишены были все-таки нѣкоторой привлекательности для людей, такъ какъ обиліе рыбы, моржей и пушныхъ звѣрей, представляло также источникъ богатства, заставлявшій многихъ пренебрегать полярною стужей и устремляться въ царство вѣчнаго холода ради матеріальныхъ выгодъ, которыя можно было извлечь изъ такого путешествія.

Но мало-по-малу матеріальные интересы отступили на задній планъ и выдвинулись научные интересы, стремленіе проникнуть тайну сѣвернаго полюса. Уже не съ цѣлями наживы, а исключительно съ научными цѣлями стали снаряжаться экспедиціи и подвиги смѣлыхъ полярныхъ изслѣдователей составляютъ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ исторіи человѣчества. Девятнадцатый вѣкъ сдѣлалъ очень много въ этомъ направленіи и теперь, спустя 400 лѣтъ послѣ первой попытки человѣка проникнуть въ полярныя страны, мы можемъ высказать вполнѣ основательную надежду, что къ началу будущаго вѣка сѣверный полюсъ уже не будетъ имѣть тайнъ отъ человѣка.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».

Смерть Эдмона Гонкура, стоявшаго во главѣ цѣлой школы французскихъ романистовъ натуралистическаго направленія, составляетъ, безъ сомнѣнія, большую потерю для французской литературы. Эдмонъ Гонкуръ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Жюлемъ, представляли идеальный примѣръ литературнаго сотрудничества. Съ дѣтства они были неразлучны и во всемъ проявляли одинаковые вкусы и наклонности. Они хотѣли сначала посвятить себя искусству и такъ какъ обладали достаточными матеріальными средствами, то и превратили свой домъ въ настоящій музей рѣдкостей и художественныхъ произведеній. Въ литературѣ они выступили первоначально въ качествѣ бытовыхъ писателей и художниковъ, представившихъ въ своихъ произведеніяхъ живую картину жизни XVIII вѣка. Затѣмъ уже они перешли къ роману, который по опредѣленію Эдмона Гонкура представляетъ «исторію, какъ она могла бы быть». Исходя изъ этого принципа, Гонкуры старались изобразить жизнь, какъ она есть, со всѣми ея неприглядными сторонами, и представить истину во всей ея наготѣ и безпощадности. Поэтому, Гонкуры въ своихъ романахъ не изображали никогда какихъ-нибудь исключительныхъ людей, а всегда заурядныя натуры и вдавались въ самый мельчайшій анализъ всѣхъ подробностей человѣческаго существованія.

По смерти младшаго брата Жюля, умершаго отъ нервнаго истощенія 40 лѣтъ, въ 1870 году, старшій братъ Эдмонъ продолжалъ литературныя занятія. Въ это время онъ написалъ романъ «Братья Земганно», въ которомъ подъ видомъ двухъ братьевъ-клоуновъ, изобразилъ себя и брата и свое литературное сотрудничество. Но съ 1888 года онъ началъ печатать очень любопытные литературные мемуары «Journal des Goncours», появленіе которыхъ вызвало цѣлую бурю и породило ожесточенную полемику, такъ какъ Эдмонъ Гонкуръ, не стѣсняясь, предалъ гласности въ своемъ журналѣ содержаніе разныхъ дружескихъ интимныхъ бесѣдъ. На Эдмона Гонкура обрушилась цѣлая гроза негодованія и многіе изъ его бывшихъ литературныхъ пріятелей отвернулись отъ него. Нападки на него, безпрестанно появлявшіяся на страницахъ повседневной печати, страшно раздражали его. Гонкуръ былъ до болѣзненности тщеславенъ и самолюбивъ и самолюбіе его страдало отъ постоянныхъ уколовъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, что онъ сходитъ уже со сцены и блескъ его имени меркнетъ.

Гонкуръ былъ одинокъ; семьи у него не было и, вѣроятно, старость его

е была бы ничѣмъ согрѣта, еслибъ ь лицѣ, Альфонса Додэ, онъ не охранилъ преданнаго друга. Семья одэ замѣняла ему его собственную емью, въ его домѣ онъ могъ ощу-ать тепло семейнаго очага и поэтому нъ часто пріѣзжалъ къ нему гостить. ъ этомъ году, въ іюлѣ, онъ по обык-овенію пріѣхалъ къ Додэ, но вскорѣ остудился и умеръ, окруженный за-отами и попеченіями всѣхъ членовъ емьи Додэ и искренно оплаканный ими.

Гонкуръ оставилъ завѣщаніе, которо-му суждено служить также источникомъ весьма горячихъ пререканій и спо-ровъ. Свое состояніе, размѣры кото-раго онъ, однако, сильно преувеличилъ, оцѣнивъ слишкомъ высоко свои знаме-нитыя художественныя коллекціи, Гон-куръ завѣщалъ на устройство такъ называемой «академіи Гонкуровъ». Членами этой академіи могутъ быть только литераторы и притомъ такіе, которые исключительно занимаются литературой и не занимаютъ никакихъ административныхъ должностей, а так-же никогда не добивались попасть въ число «безсмертныхъ» (членовъ офи-ціальной академіи). Послѣднее условіе Гонкуръ считалъ особенно важнымъ и поэтому постоянно передѣлывалъ со-ставленный имъ списокъ членовъ и вычеркнулъ изъ него имена Лоти и Золя.

До какой степени Гонкуръ ревниво относился къ этому вопросу, указы-ваетъ слѣдующій разсказъ Альфонса Додэ, котораго Гонкуръ назначилъ своимъ душеприказчикомъ. Додэ, въ своихъ воспоминаніяхъ о послѣднихъ дняхъ жизни Гонкура, напечатанныхъ въ «Revue de Paris», говоритъ, что Гонкуръ ужасно встревожился, прочтя въ газетахъ пущенный слухъ, будто Додэ выставляетъ свою кандидатуру въ академію. Онъ не рѣшался прямо спросить объ этомъ Додэ. Но Додэ замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то разстроенъ и что онъ прочелъ въ газетахъ что-то такое, что его взволновало. Когда они пошли гулять, то Гонкуръ какъ бы вскользъ спросилъ Додэ, въ ка-комъ мѣсяцѣ будутъ происходить вы-боры въ академію. Додэ отвѣтилъ. Затѣмъ, помолчавъ немного, Гонкуръ спро-силъ: «Ну, а вы... выставляете себя?» — «Еслибъ я это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Додэ, то вамъ это было бы раньше извѣстно». Гонкуръ былъ въ восторгѣ и сознался Додэ, что онъ очень былъ огорченъ, узнавъ, что Додэ выстав-ляетъ себя кандидатомъ на кресло, оставшееся вакантнымъ послѣ смерти Дюма. Додэ справедливо возразилъ ему на это, что такъ какъ онъ на-значилъ его своимъ душеприказчикомъ и поручаетъ ему, послѣ своей смерти, привести въ исполненіе его идею учреж-денія академіи, то, разумѣется, онъ, Додэ, счелъ бы себя обязаннымъ пре-дупредить Гонкура заранѣе о своемъ отпаденіи или измѣнѣ, какъ ее на-звалъ бы Гонкуръ.

Завѣщаніе Гонкура было давно из-вѣстно Додэ, который даже дѣлалъ Гонкуру нѣкоторыя возраженія по этому поводу. Особенно названіе «Академія» Додэ считалъ большою ошибкою и, вѣ-роятно, поэтому Гонкуръ не особенно любилъ разговаривать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Гонкуръ былъ такой бодрый старикъ, что Додэ былъ увѣ-ренъ что онъ проживетъ еще долго и не ожидалъ, что ему такъ скоро придется возиться съ его завѣщаніемъ. Гонкуръ, однако, соглашался съ нимъ, что названіе «академія» слишкомъ *торжественно* (solennel) и сознался, что онъ часто подумывалъ объ измѣ-неніи этого названія, но его удержи-вала мысль, что идея академіи яви-лась у него вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ и они вмѣстѣ работали надъ ней, поэтому онъ и не считаетъ себя вправѣ что-нибудь въ ней измѣнить.

Не смотря на нѣсколько напыщен-ное названіе «академіи Гонкуровъ», въ основѣ этого учрежденія лежатъ все-таки благія цѣли. Академики должны будутъ получать пожизненно 6.000 фр., и, назначая это содержаніе, оба Гон-

кура имѣли въ виду дать литераторамъ настолько обезпеченный кусокъ хлѣба, чтобы они не нуждались ни въ какомъ другомъ заработкѣ и могли бы всецѣло посвятить себя литературѣ. Затѣмъ Гонкуръ назначилъ еще ежегодную премію въ 5.000 фр. за лучшее литературное произведеніе по беллетристикѣ и премія эта должна будетъ выдаваться по назначенію академиковъ.

Въ виду такой благой цѣли, Гонкуру, конечно, можно простить его тщеславное желаніе, выразившееся въ организаціи этой академіи, носящей его имя. Во всякомъ случаѣ, такая академія, вѣроятно, оказала бы нѣкоторую пользу литературѣ, если бы... если бы ея учрежденіе было возможно. Вѣроятно, пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ идея Гонкура встрѣтитъ свое осуществленіе, такъ какъ капиталъ, оставленный Гонкуромъ, далеко недостаточенъ для основанія академіи и, къ тому же, у него оказались родственники, оспаривающіе завѣщаніе. Академіи еще нѣтъ на самомъ дѣлѣ, но она уже возбуждаетъ много злобы и зависти и желчнаго раздраженія у тѣхъ, кто обойденъ покойнымъ писателемъ и не занесенъ имъ въ списокъ. Если Гонкуръ желалъ, чтобы о немъ много говорили послѣ его смерти, то, во всякомъ случаѣ, цѣль его достигнута.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОДЪ V-й. № 10-й.

Губернской Земской Больницы. №

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1896 г.

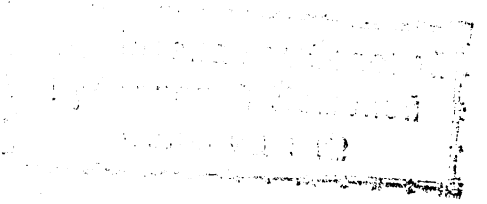
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 26-го сентября 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. ВЪ СѢТЯХЪ. Повѣсть **Вацлава Сѣрошевскаго.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. МОЛЬБА. **Н. Познякова.** 32
3. РАЗНОГЛАСІЕ МНѢНІЙ ВЪ НАУКѢ О НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ. **Луи Брентано.** (Переводъ съ нѣмецкаго **Л. Давыдовой**). 33
4. ПАСХА ВЪ ИСЛАНДІИ. **А. Браза.** (Переводъ съ французскаго **Л. Давыдовой**). 48
5. ПИСЕМСКІЙ. **Ив. Иванова.** (Продолженіе). . . 72
6. МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. **М. И. Красноперова.** (Окончаніе). 102
7. ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ (Опытъ исторической характеристики). **В. Ульриха.** (Окончаніе) 121
8. СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ. Романъ **Гемпфри Уордъ.** Переводъ съ англійскаго **А. Анненской.** (Продолженіе) 142
9. ЗНАЧЕНІЕ ДАНТЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ. **Зин. Венгеровой.** 177
10. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОИ КУЛЬТУРЫ. **П. Н. Милюкова.** (Продолженіе) 190
11. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ. Космологическія письма **Герм. Клейна.** Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія подъ редакціей **К.** Пятницкаго. (Продолженіе). 232
12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Второе изданіе сочиненій Берне.—Близость его къ нашей современности.—Искренность его какъ публициста.—Страстность его полемики и его высокій патріотизмъ.—Его опредѣленія журналистики.—Борьба съ шовинизмомъ и нѣмецкимъ народничествомъ.—Полное собраніе сочиненій Ибсена. **А. Б.** 259
13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Экономическое положеніе крестьянъ.—Борьба съ кулачествомъ.—Картинки грубости и невѣжества.—Дѣятельность земствъ по народному образованію.—Положеніе народныхъ учителей.—Земства и всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Казенная продажа вина. 275
14. **За границей.** Бабъ и бабиды въ Персіи.—Японская политика и печать. Народная журналистика въ Лондонѣ.—Буддійскія школы въ Камбоджѣ.—Докторъ Барнардо и его филантропія. 291
15. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Neue Deutsche Rundschau».—«Humanitarian» 303
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА. (La philosophie zoologique). **Эдмона Перье.** Переводъ съ франц. доктора зоологіи **А. М. Никольскаго и К. П. Пятницкаго.** 211
17. 2) ПОДЪ ИГОМЪ. Романъ изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. **Ивана Вазова.** Переводъ съ болгарскаго. (Окончаніе). 223
18. 3) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. **Г. Дюкудрэ.** Средніе вѣка. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ**, подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго** . . 307
19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Публицистика.—Исторія литературы.—Всеобщая исторія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 1



ВЪ СѢТЯХЪ.

Повѣсть Вацлава Сѣрошевскаго.

I.

Въ глубинѣ убогой, темной, якутской юрты на низенькихъ нарахъ, у стѣны противъ огня, лежала разметавшись больная женщина. Это былъ лучшій уголокъ въ избѣ, самый сухой и свѣтлый; здѣсь обыкновенно спятъ хозяева дома. Больная была пріѣзжая. Заботливые люди занавѣсили холодныя стѣны надъ ней бѣлымъ мѣховымъ одѣяломъ, постель постлали необыкновенно для якутовъ высоко и мягко. Лѣниво тлѣлъ въ каминѣ огонь, и, кромѣ кровати и фигуры больной, вся юрта утопала въ грязно-багровомъ сумракѣ. Въ полутьмѣ, высунувъ только голову и руки въ кругъ свѣта, сидѣла на обрубкѣ дерева якутка и шила обувь. Мѣрно шуршали жильныя нитки въ ея рукахъ; тяжело и порывисто дышала больная. Въ углу избы голый, какъ амуръ, якутенокъ игралъ съ четырехлѣтней по европейски одѣтой дѣвочкой. Дѣти сдержанно перешептывались и сооружали что-то изъ лучинокъ.

— Хозяйка!..—слабо простонала больная.

Якутка съ досадой бросила работу и встала поправить огонь.

— Тохъ надо?

— Взгляни... милая... Не сердись... Я такъ часто!.. Не ѣдутъ ли?

Инородка качнулась къ больной и стала вглядываться въ исхудалое ея лицо съ видимымъ желаніемъ узнать по выраженію глазъ, по движенію запекшихся губъ, чего она проситъ.

— Ахъ, какая мука!..

— Тохъ сказывай?!.

Больная указала на дверь.

— Энгъ!.. энгъ! Хорошо...—согласилась якутка, ловко подхватила спадавшее съ ногъ больной одѣяло, поправила подушки и вышла.

Въ юртѣ стало совсѣмъ тихо; даже дѣти умолкли и повернулись къ дверямъ. Больная замерла, ея голова неудобно склонилась на бокъ, длинныя тѣни рѣсницъ легли далеко, на впалыя щеки. Только свѣтъ пламени отъ движенія хозяйки и тяги открывшейся двери ярко вспыхнулъ и судорожно заметался по избѣ, скользнулъ по бѣлому мѣху занавѣси, по складкамъ одѣяла, по подушкамъ, гдѣ, точно золотой нимбъ, разсыпались кругомъ головы иностранки густые, русые волосы. У изголовья стоялъ маленькій столикъ, на немъ торопливо тикали золотые часики и сверкали при вспышкахъ огня грани стклянокъ, чайной посуды и разныхъ дорожныхъ мелочей.

— Соня... гдѣ ты?—прошептала больная. Дѣвочка быстро вскочила на ноги и встряхнула юбочку.

— Мама, я здѣсь!.. Что тебѣ нужно?

Она подбѣжала къ постели и положила курчавую головку на грудь больной; якутенокъ поплелся за ней и, тоже навалившись на край наръ, сталъ теребить кружевную обшивку подушекъ.

— Я умру, дочка...

Дѣвочка подняла голову.

— Тебѣ больно .. очень больно, мамочка?

— Папы нѣтъ...

Дверь стукнула.

— Должно быть, ѣдутъ... Кому больше ѣхать? Двое ѣдутъ. Своего-то я признала. Далеко еще: на той сторонѣ озера...— отъ порога закричала оживленно якутка. Больная быстро повернулась и впервые раскрыла большіе, лихорадочно горѣвшіе глаза. Якутка сообразила, что ее не поймутъ, и показала пальцами на ладони, какъ ступаютъ лошади.

— Одинъ—моя мужикъ, два—твоя мужикъ.

— Ѣдутъ!.. Боже мой!.. Хозяйка, ты прибери... вотъ это возьми...—заговорила больная, садясь на постели и указывая на грязное бѣлье.—Причеши меня. Соня, дай гребень... Умой ребенка...

Всѣ засуетились, но путники были еще далеко. Женщины успѣли все сдѣлать. Больная, причесанная и одѣтая въ чистую кофточку, долго еще сидѣла въ ожиданіи и уже силы покидали ее, когда во дворѣ застучали копыта, послышался

шумъ, бряцаніе удилъ, шаги; двери широко раскрылись, морозный паръ ворвался клубами, и вслѣдъ за ними вошелъ въ избу высокій мужчина. Онъ остановился посерединѣ и нетерпѣливо сталъ раздергивать ременныя завязки дорожнаго платья.

Якутка подбросила дровъ въ каминъ.

Больная сосредоточенно всматривалась въ неуклюжую фигуру, сплошь закутанную въ пушистое, усыпанное снѣгомъ платье. Наконецъ, капоръ сдвинулся съ лица пріѣзжаго, и на нее глянули съ грустной тревогой хорошо знакомые глаза.

— Наконецъ-то... вижу тебя!—прошептала больная, протягивая дрожащія руки.

Парка, рукавицы, шапка мгновенно полетѣли на полъ и пріѣзжій очутился на колѣняхъ у ея постели.

— Милая... ненаглядная... Какъ ты рѣшилась?.. Зачѣмъ это?

— Не могла дольше... не могла!—шептала больная, тщетно стараясь удержать струящіяся по лицу слезы.

— Зачѣмъ не предупредила? Я бы въ городъ за тобой пріѣхалъ... Представляю себѣ, какъ ты измучилась въ дорогѣ...

— Я писала... нѣсколько разъ писала: и оттуда, и съ дороги. Ты, очевидно, не всѣ получаешь письма. Я торопилась... скоро распутица. Къ тебѣ, говорятъ, лѣтомъ ни проѣзду, ни проходу. Послѣднее время въ городѣ стало мнѣ нездоровиться, тамъ эпидемія, я боялась за Соню... къ тому же, я боялась, что и сама... могу не...—она застѣнчиво улыбнулась и положила прозрачную исхудалую руку на курчавую голову мужа. Тотъ снялъ эту руку и прижалъ къ груди.

— Что же ты не спрашиваешь о дочери?

— Соня, иди сюда!

Пріѣзжій поднялся и съ нѣкоторымъ смущеніемъ обернулся туда, гдѣ, среди сбившихся въ кучу якутовъ, стояла въ углу его дѣвочка. Встрѣтившись глазами съ отцомъ, она закрыла личико локтемъ и попятилась.

— Соня, иди къ папѣ!

— Иди, доня!..

Дѣвочка не шевелилась. Онъ подошелъ къ ней, но ребенокъ закричалъ и шарахнулся прочь отъ протянутыхъ къ нему рукъ.

— Не тронь!.. Мама, это не папа... Я боюсь! Не какъ на портретѣ... Совсѣмъ не на портретѣ... Платье противное... Чужой якутъ!..

*

Онъ схватилъ ее насильно и принялся цѣловать.

— Ахъ ты привередница!

Дѣвочка забилась и зарыдала. Чтобы успокоить, пришлось ее посадить на постели около мамы.

— Неудивительно, Александръ,—заговорила больная,— ты измѣнился, ты... лучше, мужественнѣе, но и для меня въ твоемъ лицѣ есть что-то новое...

— Да неужели эта крошка можетъ меня помнить? Вѣдь, ей всего тогда было полтора года!

Подъ защитой мамы дѣвочка набралась смѣлости; на рѣсницахъ еще блестѣли слезки, но личико прояснилось и большіе, голубые глаза глядѣли на отца лукаво и выжидательно, а когда тотъ показалъ ей неожиданно палецъ, украшенный импровизированнымъ кукольнымъ капоромъ, она сдержанно улыбнулась.

— Вылитая мать.

— Ну ужъ нѣтъ!.. Подбородокъ и лобъ твои; развѣ глаза...

— Право, она миленькая... А хорошая? Слушается?— наставительно спросилъ Александръ, и улыбнулся въ тоже время глазами.

— Она умница! Платьица не рветъ, не пачкаетъ и при умываніи никогда не плачетъ. Правда, Соня? Боже мой... опять!

Больная неожиданно покраснѣла, наклонилась и замахала рукою, указывая на спину. Александръ вскочилъ, не зная, что дѣлать. Тутъ подбѣжала хозяйка, присѣла около больной, обхватила ее за талью, а другую руку осторожно положила ей на грудь. Все тѣло больной нѣкоторое время сотрясалось въ мучительномъ кашлѣ. Наконецъ, она затихла и совершенно обезсилѣвшая опустилась на подушки. Восковая блѣдность разлилась по ея лицу, крупныя капли пота выступили на лбу, въ судорожно вздымающейся груди скрипѣло и клокотало. Александръ стоялъ блѣдный, крѣпко прижимая къ себѣ ребенка; дѣвочка уже освоилась съ нимъ и играла съ его бородой. Больная открыла глаза, замѣтила это и блѣдно улыбнулась.

— Не пугайся... пройдетъ! Я буду здорова... Было бы черезчуръ жестоко... Я буду здорова. Ахъ, Александръ, какъ тогда будетъ хорошо! Ты писалъ, что у тебя домикъ, что огородъ есть... Садись, разскажи. Домикъ или юрта? Большой? Можно ли устроиться? Или передѣлывать нужно? Сколько комнатъ? Будетъ гдѣ корову держать?.. Увидишь, какъ я

быстро поправлюсь на молокѣ и свѣжемъ воздухѣ... Что ты ѣшь? О Боже, опять... За что наказываешь меня?!.

Она вновь заметалась, закашлялась. Александръ понялъ въ чемъ дѣло, осторожно приподнялъ и поддержалъ ее. Въ этотъ разъ приступъ удушья былъ сильнѣе, и вмѣстѣ съ мокротой хлынула кровь.

— Доктора... Спасай, родной!—простонала больная угасающимъ голосомъ.

Александръ мрачно молчалъ. Въ городъ три дня пути, да и ни одинъ врачъ не согласится и не обязанъ ѣхать въ такую даль и такъ на долго къ частному больному.

— Тогда... вези меня къ себѣ!

Онъ не отвѣтилъ, но и это было немыслимо. Къ нему—больше ста верстъ самой дурной, мало проѣзжей дороги. И дома у него значительно хуже, чѣмъ здѣсь. Здѣсь есть люди, есть кому услужить, можно достать масло, свѣжее молоко, сливки, которыми больная смачивала по временамъ губы, что облегчало ее. Она не знаетъ, какъ онъ живетъ, онъ ей, конечно, теперь не скажетъ, просто промолчитъ, но они останутся здѣсь. Жена догадалась по угрюмому выраженію его лица.

— Не нужно, милый... не нужно! Все равно... Я знаю... Въ городъ туда и обратно недѣля, у тебя ничего вѣрно не приготовлено. Я только такъ, не подумала... Мнѣ трудно. Я не вынесу обратнаго пути въ городъ, а кто поѣдетъ за докторомъ? Тебя я не пущу... тебя я уже ни на минутку не отпущу... Ты мой... исключительно мой... вѣдь, правда? И ты не былъ ничей?..—прошептала она, наклонясь къ нему. Опять послѣдовалъ взрывъ кашля.—Нѣтъ: я осуждена! Пусть свершится! Я это знаю. Я отчасти потому и поѣхала. Все равно: раньше ли, позже ли... Но я надѣялась хоть одинъ годикъ, хоть нѣсколько мѣсяцевъ пожить вмѣстѣ съ тобою. Такъ жаждала увидѣть тебя... Главное: Соню... Некому было оставить ребенка! Моимъ роднымъ я не хотѣла, воспитали бы свѣтскую барышню, привили бы тѣ же недостатки, отъ которыхъ такъ много страдала я... Суетные... нехорошіе! У тебя, правда... лишенія; но выростетъ среди природы... съ тобой... Я увѣрена... настоящій выростетъ человѣкъ, цѣльный, чистый, какъ ты... Она хорошая дѣвочка, умненькая и сердце у нея доброе... Люби ее... Что я говорю? Ахъ, Боже мой, опять голова кружится!..

— Тебѣ нельзя говорить, ты прилягъ немного и слушай, я буду говорить!

— Да, да, хорошо. Ты разскажи. Что, тосковалъ по насъ?

Еслибъ я была здорова, что за радость?!. Какъ я стремилась къ тебѣ?! Скажи, какъ ты живешь? Какой у тебя домикъ? Хлѣбъ сѣешь? Пашешь? И все самъ? Омужичился? Теперь въ Россіи только и убѣжище, что въ землѣ...

— Пока хлѣба не сѣю. Ужасно трудно получить отъ якутовъ землю. Уже годъ тянется дѣло,—все прошу и все тщетно.

Больная умолкла.

— Развѣ они надѣляютъ землей, а не казна?

— Казна. Мнѣ по закону, какъ поселенцу, полагается пятнадцать десятинъ, но вся земля, годная для обработки, въ пользованіи у якутовъ. Они должны мнѣ выдѣлить надѣлъ изъ своихъ участковъ, понятно, они не хотятъ...

— Что же, у нихъ мало?

— Да нѣтъ...—отвѣтилъ онъ неохотно.—Оставимъ это, Юлія. Все будетъ хорошо, только бы ты поправилась, дорогая.

— Есть около тебя вблизи товарищи? Ты писалъ, что есть... за Алданомъ. Что это за Алданъ?

— Большая рѣка, очень красивая, впадаетъ въ Лену. Мой домикъ на самомъ его берегу. Ближайшій товарищъ живетъ на томъ берегу за пятнадцать верстъ. Онъ причисленъ къ другому обществу. Насъ вмѣстѣ не селятъ.

— Но вы видитесь? Разрѣшаютъ?

— Видимся... изрѣдка!..

— И ты все время одинъ?

— Одинъ...

— Милый... милый... теперь не будешь одинъ!

— Я увѣренъ. Тутъ климатъ суровый, но ровный, а главное—замѣчательно сухой. Онъ очень хорошъ для страдающихъ легкими. Среди населенія чрезвычайно мало чахоточныхъ. Ты поправишься. Я увѣренъ,—у меня въ усадьбѣ такой прелестный воздухъ. Она среди лиственичной рощи. Дальше кругомъ дремучій боръ, сосны, ели... даже кедры растутъ въ горахъ. Буду тебѣ носить ихъ вѣтки. Говорятъ, ароматъ ихъ помогаетъ. Лѣтомъ чудесно. Съ рѣки вѣетъ прохладой. Дичи, птицъ — масса. Корову купимъ... Все будетъ по твоему. Будемъ мужиками... Богъ съ ними, съ людьми!

Больная задремала подъ его тихій говоръ.

— Русскій, ужинать!—позвала его хозяйка.

Онъ осторожно освободилъ свои пальцы изъ рукъ Юліи и подошелъ къ столу, гдѣ уже усѣлись въ ожиданіи его Соня и якуты. Онъ настолько былъ измученъ, что ему ничего не хотѣлось Пріѣздъ жены, ея болѣзнь, необычныя среди тусклой

его жизни волненія и событія, быстро наступающія другъ за другомъ, наконецъ, сто верстъ верхомъ почти безъ сна, съ краткими лишь перерывами, крайне утомили его. Онъ сѣлъ около Сони, нарѣзалъ ей мяса, но самъ ничего не коснулся, даже не отвѣчалъ на вопросы якутовъ.

— Когда думаешь ѣхать?—спрашивалъ хозяинъ.

— Не тронь его... Бѣдняжечка!—пожалѣла его хозяйка.

Послѣ ужина Александръ нѣжно поцѣловалъ дѣвочку въ головку и спросилъ ее:

— Что, доня, спать хочешь? А гдѣ ты спишь?

— Съ мамой.

— Теперь будешь со мной спать. Хочешь?

Дѣвочка плаксиво надула губки.

— Будь умница. Съ мамой нельзя. Мама больна... Я тебѣ рыбку поймаю, я тебѣ уточку поймаю, вотъ увидишь, когда домой пріѣдемъ. Пойди, дочурка...

Онъ взялъ ее на руки и, разсказывая всякія небылицы, незамѣтно снялъ башмачки, чулочки, разстегнулъ платьице.

— Мама говоритъ, что ты папа милый!— щебетала дѣвочка, обнимая пухлыми горячими ручонками шею отца. Она и не думала ложиться. Въ одной рубашенкѣ, хорошенькая, какъ херувимчикъ, она вертѣлась на его колѣняхъ, забрасывала его безконечными вопросами и, чтобы уложить ее, пришлось лечь и ему. Тутъ онъ, незамѣтно для себя, уснулъ.

Ощущеніе мучительной тревоги разбудило его. Въ головѣ— безпокойныя тусклыя мысли, тяжелое, какъ свинецъ, сердце билось сильно и порывисто. Гдѣ онъ и что все это значитъ? Онъ тупо вглядывался въ нависшій надъ нимъ бревенчатый потолокъ, точь-въ-точь такой, какъ у него въ юртѣ. Слабо мерцалъ свѣтъ, но это не его свѣтъ. Онъ у кого-то изъ товарищей, въ обычной поѣздкѣ... Кто-то говоритъ... Да это якуты. Онъ сталъ вслушиваться въ голоса.

— Все знаетъ, бѣдовый! По якутски говорить мастеръ, верхомъ ѣздить, на лодкѣ плавать, сѣти ставить лучше якутовъ знаетъ. Дороги всѣ, всѣ земли изучилъ. Большой промышленникъ!..

— Какъ же! Книги-то они, небось, не даромъ читаютъ. Нравомъ мягкій?

— Ничего, жаловаться нельзя: хорошій раньше былъ баринъ, а теперь какъ будетъ... неизвѣстно. Мѣняются люди отъ дѣтей!

— О, да! А что барыня: мно́го денегъ привезла?

— Должно быть. Платье хорошее, золотыя кольца, часы... Настоящая барыня... южная!

— Умретъ?

— Пожалуй, умретъ. Сильно мучается... Жену мою совсѣмъ извела. По двадцати разъ ночью вставать заставляетъ. Нужно придерживать. Задыхается.

— Умретъ, такъ ты, кумъ, помни,—меня позови, гробъ ли дѣлать, яму ли копать... Не забудешь? Можно будетъ съ русскаго хорошо взять. Куда дѣнется?.. дастъ!

— Тише. Кажется, проснулся.

Голоса умолкли. Александръ услышалъ другой, болѣе тихій шепотъ и поспѣшно присѣлъ на постели; больная что-то разъясняла якуткѣ; та, очевидно, не понимала.

— Юлія, что тебѣ нужно? Я переведу.

— Ты уже всталъ? Я приказывала не будить тебя; ты такъ усталъ, даже уснулъ, говорятъ, въ платьѣ.

— Тебѣ лучше?

— Лучше, милый. Сегодня хорошая погода, мнѣ всегда лучше при ясномъ небѣ. Скажи хозяйкѣ, чтобы она отыскала у меня въ вещахъ кострюлю и вскипятила въ ней молоко. Хочу угостить тебя какао и сама выпью. Устроимъ встрѣчу...— разсмѣялась она.—Мнѣ совсѣмъ хорошо, еще день—два такихъ—и двинемся въ путь.

Весь день больной было легче. Надежда вступила въ сердце Александра; онъ успокоился и даже отлучался верстъ за двадцать къ попу за виномъ. Вина онъ не досталъ, но написалъ письмо къ товарищу и узналъ, что ждутъ сюда засѣдателя, а съ нимъ, пожалуй, пріѣдетъ докторъ для осмотра тѣлъ поселенцевъ, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ юртой въ его наслегѣ *).

— Вы бы остались ночевать, коню дали отдохнуть. Пурга будетъ. Мы бы потолковали за графинчикомъ. Пожаръ-то, вѣдь, не безъ тайности. Сказываютъ, это недалеко отъ васъ!— приглашалъ попъ.

Александръ дѣйствительно слышалъ про пожаръ какую-то мрачную сплетню, но промолчалъ. Говорить съ оффиціальными лицами о внутреннихъ якутскихъ порядкахъ, что бы тамъ ни случилось, было не въ его правилахъ. Пурги онъ не боялся.

Она застигла его въ половинѣ пути. Набѣжали тяжелыя, низкія тучи; легкій, неровный вѣтерокъ вдругъ окрѣпъ и пре-

*) Наслегъ—собственно «сельское общество»; якуты не живутъ селами, отдѣльныя ихъ заимки широко разбросаны по тайгѣ. Территоріи наслеговъ нерѣдко огромны.

вратился въ бурю. Со свистомъ закружились снѣговые хлопья, со стономъ покачнулся лѣсъ и бѣлая ревущая пучина мгновенно поглотила все.

Александръ надвинулъ капоръ, поправился въ сѣдлѣ и отпустилъ поводья. Конь шелъ бодро, наклоняя по временамъ голову, чтобы понюхать занесенный мятелью слѣдъ и вычистить о копыто забитыя льдомъ ноздри. Домъ былъ недалеко, тропа—одна, возможность заблудиться—почти невѣроятна. Ѣздокъ задумался подъ однообразный гулъ вѣтра. Образъ мрачной якутской юрты, гдѣ при мерцающемъ свѣтѣ огня умирала его жена, не покидалъ его. Зачѣмъ она пріѣхала... зачѣмъ пріѣхала?!. Умретъ... непремѣнно умретъ? Не доставало, чтобы смерть ея легла тяжелымъ кошмаромъ на его душѣ. Онъ всегда игралъ роковую роль въ ея жизни и больше всего она плакала отъ него. Крупныя страданія будущаго окупаются мелкими настоящаго. Онъ хотѣлъ, чтобы она позабыла его и нужно было исчезнуть, прекратить всякія сношенія. А онъ не только писалъ, онъ цѣловалъ бумагу, которой, зналъ, коснутся ея руки. И вотъ, въ холодныхъ, сдержанныхъ фразахъ, гдѣ онъ неусыпно доказывалъ необходимость разлуки, что-то проскочило... Что теперь будетъ?!. что будетъ? Непоправимо! А если... все кончится благополучно?!. Кровь горячей волной прилила къ его сердцу... Онъ и думать не смѣлъ и гналъ прочь назойливыя мечты.

Конь, который шелъ все также тихо и увѣренно, неожиданно остановился, протянулъ шею и громко заржалъ. Александръ встрепенулся и взглянулъ въ даль. Кругомъ по прежнему бушевалъ снѣжный океанъ, но въ сгустившемся туманѣ сумерекъ, Александру показалось, блеснули искры. Порывъ вѣтра принесъ оттуда слабое отвѣтное ржанье. Домъ былъ совсѣмъ близко. Александръ встряхнулъ платье и подобралъ поводья, чтобы не давать лошади хватать передъ отдыхомъ снѣгъ. Спустя четверть часа, онъ торопливо привязывалъ поводья къ столбу коновязи.

Состояніе больной ухудшилось. Она даже не повернулась къ нему, когда онъ вошелъ, и только слегка встряхнула поникшей головой. Все время она сидѣла, наклонившись впередъ. Малѣйшая попытка перемѣнить положеніе вызывала ужасный кашель; потъ градомъ струился по всему тѣлу. Хозяйка не успѣвала перемѣнять рубашекъ, и Александру пришлось замѣнить ее. Тутъ только онъ замѣтилъ, какъ худа и истощена была Юлія. Она не могла говорить и только по временамъ значительно и нѣжно пожимала руку Александра.

— Возможно, что докторъ надняхъ пріѣдетъ...—сказалъ тотъ, когда больная нѣсколько успокоилась и попробовала прислониться къ высоко взбитымъ подушкамъ.

— Все равно... Я умру... Люби Соню... Только бы поскорѣе... опять... Боже мой!..

И опять страшныя потуги выбросить мѣшающія дышать мокроты; въ результатѣ: кровь, потъ, полный упадокъ силъ, восковая блѣдность лица... Только глаза горѣли, какъ два факела, а въ нихъ ужасъ, смѣшанный съ мольбою и покорностью.

Такъ прошла ночь. Къ утру больная на мгновеніе уснула. Александръ не спалъ. У него отъ созерцанія этихъ мученій все разболѣлось, ныла грудь, ныло сердце, голову точно сжали желѣзные тиски. Онъ не зналъ, чего и желать: продолженія ли пытки, или... Жгучая, пронизывающая боль обрывала всегда конецъ этой мысли, и холодъ отчаянія и равнодушіе ко всему овладѣвали имъ.

— Какъ я слабъ... какъ слабъ!

Юлія умерла на другой день. Случилось такъ, что Александръ не видѣлъ ея послѣднихъ минутъ, крайне усталый, онъ какъ разъ задремалъ, прислонившись лбомъ къ краю ея постели. Разбудило его сердитое подергиваніе за рукавъ.

— Умерла русская... Жена умерла!—шептала въ испугѣ хозяйка.

Больная лежала въ обычной позѣ съ опущенной головой и полу-закрытыми глазами. Неподвижная, чахлая грудь глубоко провалилась; на омертвѣлыхъ щекахъ обсыхали послѣднія слезы. Александръ, пораженный, замеръ, какъ истуканъ. Долго онъ просидѣлъ такъ, ничего не замѣчая, упорно преслѣдуя безтолковыя обрывки мыслей, метущіеся передъ нимъ, подобно осеннимъ листьямъ.

Въ юртѣ поднялась суета, собралась толпа людей.

— Что же: за попомъ посылать, что ли? Могилу рыть, что ли? Гробъ дѣлать... какже будемъ?.. — спрашивали его.

Александръ нетерпѣливо, почти гнѣвно тряхнулъ головой. Испуганные якуты оставили его. Онъ все продолжалъ сидѣть, низко понуря голову и повернувшись спиной къ присутствующимъ. Тихо потрескивалъ огонь, тихо двигались и перешептывались дѣти и взрослые. Подали ужинъ; стали собирать постели, хозяйка уложила спать дѣтей, опять пришли люди, а онъ все сидѣлъ безъ движенія, какъ во снѣ.

— Этотъ русскій совсѣмъ не думаетъ хоронить жены!— съ отчаяніемъ воскликнулъ хозяинъ.

— Русскій... нельзя!.. Какже... кого нанимать будешь?— зашумѣли якуты.

Александръ поднялъ голову и вздохнулъ.

— Ты не печалься очень!.. Ты еще молодой, женишься!— увѣщевала его хозяйка.

— За попомъ, думаю, посылать не будемъ. Далеко и дорогу замело...—рѣшилъ хозяинъ.—Тутъ недалеко живетъ старичекъ, можетъ почитать псалтырь. Всѣмъ читаетъ, богатымъ и почетнымъ даже читаетъ. За свѣчами, за паспортомъ, я пошлю... порадѣю для тебя, русскій, для пріятеля... Могилу мы съ кумомъ выроемъ, а гробъ вотъ съ другимъ кумомъ сдѣлаемъ. Согласенъ?.. Не дорого сдѣлаемъ, сходно сдѣлаемъ! Правда?

— Какъ можно? Развѣ не пожалѣемъ русскаго?

— Подсчитаемъ, что будетъ стоить: псалтырь—пять рублей, — загибалъ якутъ на пальцахъ, внимательно всматриваясь въ Александра,—свѣчи, паспортъ, ладонъ—два рубля, могила — пятнадцать рублей, гробъ — семь рублей,—всего круглымъ счетомъ тридцать рублей. Да еще...

Александръ раскрылъ кошелекъ.

— У меня всего двадцать рублей...

Якуты замолкли.

— Что же будемъ дѣлать? Вѣдь ты задолжалъ мнѣ еще за молоко, за мясо... Да за труды что-нибудь положить долженъ... Да еще нужно бычка на убой, да тому, кто трупъ одѣвать будетъ...

— Это я самъ! — сказалъ Александръ и губы у него задрожали.—Затѣмъ, не нужно псалтырщика...

— Хорошо, только тогда мы тѣло на первой кровати не положимъ, а должно оно лежать у дверей.

— Ладно. Положите, куда прикажу!

— Нельзя, русскій!

— Посмотримъ!

— Бѣдовый... Сказывали: бѣдовый! — шепнули въ заднихъ рядахъ. Хозяинъ надулъ презрительно губы...

— Жалѣешь для своей-то, что ли? А она, бѣдняжка, сколько тысячъ верстъ къ тебѣ ѣхала... Жизни лишилась...

Александръ закрылъ глаза; по его лицу проскочила быстрая, какъ молнія, судорога.

— Ну, а бычекъ?

— Бычка тоже не нужно.

Воцарилось неловкое молчаніе.

— Этого никакъ нельзя. Не убивши скотины, никакой якутъ тебѣ человѣка хоронить не станетъ,—горячо заговорилъ хозяинъ. — Этого мы не можемъ, отъ этого у насъ кости портятся. Мы болѣемъ... Вотъ что, русскій: я дамъ тебѣ кайлу, топоръ, все... ты самъ дѣлай. А хозяйку твою въ амбаръ снесемъ, потому... ты раньше недѣли работы не кончишь.

Александръ минуту соображалъ. Это правда, особенно теперь, когда онъ такъ слабъ! Недѣлю!.. Ее снесутъ въ амбаръ, будетъ лежать среди якутскаго хлама, будутъ ее двигать и толкать, вѣтеръ сквозь щели надуетъ снѣговой пыли, и засыплетъ она ея милое лицо, кроткія, скорбныя губы...

— Нѣтъ денегъ,—заговорилъ Александръ порывисто.— Хотите, дамъ росписку?

— Росписка намъ не рука. Ты, пожалуй, думаешь, мы дорого съ тебя просимъ? Еще пожалуешься! А мы, ей-Богу, совсѣмъ дешево беремъ; самимъ дороже обойдется... Сколько съѣшь, сколько платья нарвешь при работѣ... Тебя ради, сбросимъ, впрочемъ, два рубля...

— У меня только двадцать.

— Ну, такъ ты платье продай...—догадался кто-то.

— Хорошо. Вотъ возьмите часы.

Онъ дрожащей рукою подалъ имъ хорошенькіе, золотые часики Юліи. Якуты съ любопытствомъ осматривали ихъ; одинъ, самый важный и толстый, догадался приложить ихъ къ уху.

— Шепчутъ...—заявилъ онъ съ довольной улыбкой.

— Шепчутъ?—переспросили присутствующіе, и каждый потянулся съ ушами къ золотой диковинкѣ. Тѣмъ не менѣе, купить ее никто не пожелалъ.

— Это въ городѣ развѣ... городскимъ якутамъ. А намъ—платье, ситецъ, мѣха... Вотъ кольцо золотое—еще можно.

Кольцо было обручальное и Александръ промолчалъ. Подумавши, онъ открылъ сундукъ. Присутствующіе сейчасъ же столпились кругомъ и безцеремонно стали хватать и указывать на разныя вещи.

— Видите, видите: шелковое платье! Сколько, русскій, хочешь за шелковое платье? Если передѣлать, будетъ одежда для человѣка.

— Вотъ ложки серебряныя, полотенца... чулки...

— Русскій, ты бы мнѣ это подарилъ. Зачѣмъ это тебѣ? Это бабье, я бы снесъ женѣ...

— Русскій, дай это!

— Мнѣ тоже дай!

— И мнѣ.

Александръ отобралъ нѣсколько цѣнныхъ вещей, серебряныя ложки, лисью ротонду, шаль... и захлопнулъ крышку. Шелковое платье онъ подарилъ хозяйкѣ.

— Ты была къ ней добра...

Якутка не преминула выпросить еще нѣсколько мелочей въ придачу.

Торгъ и переговоры кое-какъ закончились, якуты ударили по рукамъ и стали расходиться. Хозяева легли спать. Александръ остался одинъ одѣвать и укладывать свою Юлію къ послѣднему сну. Онъ благоговѣйно обмылъ ее, бѣлую и холодную, какъ мраморъ; одѣлъ во все чистое и лучшее, стараясь, чтобы складки ложились возможно красиво и изящно, какъ нѣкогда... Онъ не могъ отрѣшиться отъ ощущенія, что она чувствуетъ и понимаетъ его. Только когда приходилось выпрямлять и перекладывать застывшіе члены покойницы, жгучая боль охватывала его, закипали слезы, и ему казалось, что невидимая рука повертываетъ ножъ, вбитый въ его сердце глубоко и навсегда. Такъ прошла ночь. Съ разсвѣтомъ явились мастера-якуты, перенесли тѣло на лавку, въ красный уголъ, гдѣ пробили (надъ нимъ) въ стѣнѣ дыру, чтобы пустить на трупъ струю холоднаго воздуха. Отъ этого лицо покойной мгновенно пріобрѣло твердость льда и прозрачность алебастра. Затѣмъ они убили бычка и, весело разговаривая, стали варить, ѣсть мясо и строгать доски для гроба.

Александръ безучастно смотрѣлъ на суету. Даже къ Сонѣ онъ остался равнодушенъ; онъ одѣлъ и накормилъ дѣвочку, но не заговорилъ съ ней, и та сиротливо бродила по юртѣ, пытаясь вникнуть въ якутскіе интересы. Якуты больше ѣли и разговаривали о своихъ сосѣдскихъ малопонятныхъ дѣлахъ.

Вечеромъ, когда Александръ прилегъ на той кровати, гдѣ умерла Юлія, дѣвочка подвинулась къ нему.

— Папа, ты не плачешь?

— Иди сюда..

Дѣвочка поспѣшно взобралась на его грудь, гдѣ усѣлась верхомъ.

— Мама „эльбюшъ“!

— Мама умерла... — строго перевелъ онъ якутское слово.—Теперь у тебя никого нѣтъ, кромѣ папы.

— Всѣ якуты?

— Нѣтъ, есть друзья, есть товарищи русскіе... И якуты есть хорошіе! — поспѣшилъ онъ поправиться. — Ты будешь любить папу?..

Дѣвочка склонила головку и стала усиленно теребить пуговицу его платья.

Такъ, немного угловато, возобновилась ихъ дружба. Похороны были назначены на завтра. Навѣянные пургою сугробы снѣга не позволили везти покойницу на саняхъ. Два якута подвѣсили гробъ къ длинной жерди и понесли его съ трудомъ по занесенной тропинкѣ, постоянно падая и перекладывая конецъ дерева съ плеча на плечо. Гробъ невѣроятно качался, Александръ, идущій сзади съ лопатами, слышалъ, какъ стукалось о доски тѣло покойницы. Наконецъ, прекратилась эта пытка, они перебрели на ту сторону долины, гдѣ на бугрѣ подъ лѣсомъ расположилось кладбище. Въ сторонѣ отъ якутскихъ могилъ была вырыта узкая, глубокая яма. Гробъ не безъ труда спустили на дно. Александру передъ этимъ хотѣлось хоть разъ еще взглянуть на Юлію, но якуты проявили такой страхъ, что нечего было думать о малѣйшемъ промедленіи: они разбѣжались бы неминуемо. Теперь они быстро принялись забрасывать яму землею. Огромныя глыбы твердой, какъ камень, земли съ грохотомъ покатились туда. Александръ даже вскричалъ въ испугѣ при первыхъ ударахъ. Ему показалось что тяжесть льда проломила крышку гроба, и острые его осколки ранятъ, давятъ и уродуютъ лицо и члены покойницы.

— Что ты, русскій?!. Что ты! Мы тоже въ Бога вѣримъ. Закрыли брусьями, все будетъ цѣло!—успокаивали его якуты. Ловкіе и дружные взмахи ихъ лопатъ быстро наполняли углубленіе землею. У Александра все время слегка кружилась голова.

— Ну, русскій, идемъ!—закричали работавшіе.—Торопись... грѣхъ... не оглядывайся!..

Они быстро на ходу поломали лопаты и чуть не бѣгомъ спустились съ откоса. Александръ сдѣлалъ вслѣдъ за ними нѣсколько шаговъ, но затѣмъ вернулся и присѣлъ на свѣжую насыпь.

Солнце взошло яркое и лучистое, и въ тотъ мигъ, когда оно отдѣлилось отъ горизонта, съ обоихъ его боковъ вспыхнули два радужныя его отраженія. Тонкая ледяная муть, остатокъ затихшей мятели, носилась въ воздухѣ. Лѣсъ, черный и встрепанный вѣтромъ, глядѣлъ печально. Снѣга были

кругомъ изрыты; на озерѣ, на лугу пестрѣли неподвижныя волны зыби, выбитой въ нихъ пургою. На откосахъ бугровъ, у кустовъ и заборовъ, вездѣ, гдѣ задерживались струи воздуха или мѣнялось ихъ направленіе, виднѣлись то узкія щели, глубоко продутыя въ толщѣ снѣговъ, то уродливые валы и сугробы. Верхушки бугровъ и острые карнизы обрывовъ слегка дымились: тамъ еще ползалъ замирающій вѣтерокъ и сдувалъ внизъ частицы недостаточно прибитой снѣговой пыли.

Во дворѣ юрты, перепрыгнувъ предварительно черезъ огонь, столпились якуты и осторожно изъ за дыма глядѣли на неподвижную точку, чернѣющую далеко на могилкахъ.

II.

Наконецъ-то, послѣ длиннаго переѣзда по сумрачной тайгѣ, блеснулъ просвѣтъ луговъ. Колонны высокоствольнаго лѣса порѣдѣли; тѣни ихъ стали блѣднѣе, ризы нависшаго на вѣтвяхъ снѣга воздушнѣе. Путешественники двигались съ запада. Низами сквозь чащу подлѣска, межъ черныхъ пней, по таинственнымъ незамѣтнымъ для глазъ ходамъ стали сочиться золотыя струи заходящаго позади солнца. Тропа расширилась, выровнялась и выбѣжала на просторную долину, гдѣ сизая кайма послѣднихъ тѣней обрывалась далеко на снѣгахъ, сверкающихъ въ лучахъ заката.

Конь Александра задергалъ поводья и торопился. Онъ сердито помахивалъ мордой на мѣшающій ему выскочить впередъ, войлочный кузовъ саней, которыя медленно тащилъ большой пузатый быкъ. На быкѣ сидѣлъ верхомъ, одѣтый въ косматыя шкуры, ямщикъ-якутъ и мурлыкалъ пѣсню. Оба они не торопились. Александръ задумчиво глядѣлъ впередъ. Когда караванъ окончательно выбрался изъ зарослей и на лужайкѣ обозначилась тропинка, ведущая отъ главной, болѣе торной дороги въ сторону, гдѣ на краю одинокой рощи ютился крошечный домикъ, Александръ быстро, по глубокому снѣгу, объѣхалъ стороной якута и поскакалъ туда.

Со двора на встрѣчу ему выскочила большая черная собака.

— Аяксъ!.. Песъ добрый, песъ вѣрный, хозяина узналъ!— приласкалъ ее Александръ, слѣзая съ лошади. Аяксъ съ визгомъ бросился къ нему, а въ то же время изъ юрты вышелъ небольшой лохматый мужичекъ, въ огромной мѣховой шапкѣ, такихъ же сапогахъ и оленьей дохѣ въ накидку. Онъ вни-

мательно изъподлобья осмотрѣлъ пріѣзжаго и подошелъ ближе. Въ его синихъ глазахъ что-то сверкнуло, по лицу его что-то прошло, но онъ молчалъ. Александръ безъ словъ протянулъ ему руку и занялся развьючиваніемъ коня.

— Помочь тебѣ?—спросилъ жилецъ, дѣлая шагъ впередъ и презрительно отмахиваясь отъ лошади, злобно на него скалившей зубы.

— Нѣтъ, Яковъ! Благодарю, лучше оставь! Воронъ станетъ бѣситься...

— Онъ похудѣлъ. Дорога тяжелая?

— Не особенно.

— Что же... жена?

— Жены нѣтъ. Умерла...

— Умерла... Что ты!?—переспросилъ, отступая, Яковъ.

Александръ быстро наклонился и сталъ отстегивать подпруги.

— Умерла... умерла!..—повторялъ его другъ жалобнымъ голосомъ.

Въ это время сани въ ѣхали водворъ, и Александръ бросилъ все, чтобы достать изъ кибитки закутаннаго въ мѣха ребенка. Онъ осторожно понесъ его въ юрту.

Дѣвочка, освобожденная отъ платья и поставленная среди избы, терла глазки кулачками и съ просонокъ хныкала. Александръ вносилъ вещи съ якутомъ, Яковъ участливо разглядывалъ ребенка.

— Не плачь, барышня, не плачь! Вотъ чай будетъ, лепешку сдѣлаемъ, будемъ кушать...

Дѣвочка раздвинула пальчики и взглянула на незнакомца.

— Вы товарищи будете?

— Мы будемъ товарищи... Мы будемъ дядя Яковъ.

— Хорошіе люди?

— Самые лучшіе люди! Ээ... ты вижу умница, садись сюда за столъ!

Дѣвочка поспѣшно взобралась на указанное мѣсто и разсмѣялась.

— Ты теперь у папы за маму будешь?—бойко допрашивала она Якова, который спокойно хозяйничалъ: подставилъ ближе къ огню чайникъ и принялся просѣвать муку.

— Что же ты не отвѣчаешь: будешь за маму или нѣтъ?

Повеселѣвшее было лицо Якова, опять подернулось грустью.

— Не совсѣмъ за маму. Такъ что-то въ этомъ родѣ! А ты что же будешь—за дочку?

— Я совсѣмъ дочка!

— Ну, будто!?

— Правда! Папа, онъ не вѣритъ!—обратилась дѣвочка къ отцу, который съ ямщикомъ какъ разъ вошелъ въ юрту. Опасный разговоръ прекратился. Молча подсѣли къ столу. Яковъ не заговаривалъ больше и сосредоточенно повертывалъ лепешку передъ огнемъ. Александръ неподвижно уставился въ пламя. Тонкія губы его были сжаты, загорѣлое лицо осунулось, плечи устало повисли.

— Гдѣ удаль? Гдѣ самоувѣренность? Совсѣмъ другой! Жена да дѣти, дрова да свѣчи...—подумалъ Яковъ.—Что же, казачеству, конечно, теперь крышка?—спросилъ онъ вслухъ.

Александръ не отвѣтилъ.

— Что тутъ дома?—спросилъ онъ, въ свою очередь.

— Ничего!.. Тишь да гладь... какъ всегда безъ благодати!

— Что же якуты?

— Ничего. Да они и не ходили сюда безъ тебя. Какая имъ польза: „капсе“ нѣту и „чай“ нѣту!—передразнилъ онъ по-якутски.—Якуты, слышно, все возятся съ своими татарами. Вотъ истинно—туфли Абу-казема...

— Засѣдатель былъ?

— Нѣтъ. Ждутъ! Развѣ пойдешь?

— Пойду...

Яковъ замолчалъ.

— Якуты сильно обозлены...—мягко заговорилъ онъ, немного спустя.

Александръ пожалъ плечами. Ямщикъ отпилъ чай; нужно было съ нимъ разсчитаться. Раньше, чѣмъ отпустить, Александръ заставилъ его помочь себѣ свезти съ озера ледъ, заготовленный для воды. Они спустились съ быкомъ и санями туда внизъ, гдѣ въ сумеркахъ слабо мерцали стеклянныя грани большихъ, рядами установленныхъ, глыбъ. Заря потухала; на небѣ вызвѣздило густо и ярко. Долго еще послѣ отъѣзда якута возился Александръ на дворѣ, разгребалъ снѣгъ, очищалъ отъ него запасы сѣна и стойло для коня. Наконецъ, онъ вошелъ въ избу усталый и сплошь покрытый инеемъ.

— Папа, спать!..—встрѣтила его плаксиво Соня.

Яковъ, читавшій у камина книгу, поднялъ голову.

— Она давно уже хнычетъ, но ни за что не соглашается, чтобы я раздѣлъ ее. Все вы кончили?

— Все.

Отецъ съ дочерью стали шопотомъ вести передъ сномъ таинственные переговоры. Яковъ оставилъ читать и задумчиво глядѣлъ въ огонь.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?—спросилъ онъ, когда, наконецъ, крупная фигура Александра появилась около него у камина.

— Мои планы не перемѣнились. Возьму землю, попробую хозяйничать...

— Ты бы могъ теперь перепроситься въ другую мѣстность, ближе къ городу. У тебя есть для этого основанія... дочь!.. Положеніе твое теперь другое, болѣе исключительное, и въ прошеніи нѣтъ никакого униженія.

— Все это вздоръ. Конечно, какое униженіе: пустая форма! Я бы на это не посмотрѣлъ. Всегда можно все сдѣлать съ достоинствомъ. Но переводиться, особенно теперь, мнѣ неудобно. Весна на носу. Здѣсь у меня кой-что заведено, знаю мѣстность, знаю людей. Тамъ все неизвѣстно, все опять начинай съизнова... Опять подачки, помощи, договоры съ якутами. Опять отъ нихъ придется требовать домъ, пищу... Не могу же я, теперь ужъ ни въ какомъ случаѣ не могу остаться въ чистомъ полѣ или идти съ дѣвочкой жить къ якутамъ по угламъ, кормить насѣкомыхъ и воспитывать порочную дикарку. Ты говоришь: ближе къ городу'.. Но если здѣсь, гдѣ такая масса земель лежитъ втунѣ, я не могу получить клочка поля, хлопочу въ продолженіи двухъ лѣтъ, то что же тамъ? Тамъ—только случай можетъ помочь! А между тѣмъ, земля нужна мнѣ, нужна до зарѣзу. Я не хочу больше ихъ „помощи“. Мнѣ очертѣло, надоѣло... до тошноты! Всякій разъ, когда десятскій приносилъ ко мнѣ эти „кусочки“, это масло, муку разныхъ сортовъ, собранную по горсточкамъ, вѣроятно, съ дѣйствительныхъ бѣдняковъ, меня точно варомъ окатывало. А тутъ еще смотри, чтобы сортъ мяса былъ условный, масло не горькое, чтобы не обвѣсили, не обманули, иначе выйдетъ комедія: „будутъ десятскіе и князья собраные для тебя міромъ хорошіе продукты подмѣнять своими дурными“... Противно... унизительно! Конечно, и я «утѣшалъ“ себя, что „разъ я родился — я имѣю право на жизнь“, что „я хочу, но не могу работать“ и тамъ прочее...—добавилъ онъ съ ироніей...—Но причемъ тутъ якуты? Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Лучше поссориться съ ними разъ хорошо и получить землю, чѣмъ ссориться постоянно!.. Впослѣдствіи все уладится.

Увидятъ, что я хорошій сосѣдъ, не воръ, не мошенникъ, въ чемъ они, ей-Богу, до сихъ поръ сомнѣваются!.. Не удивительно: на чемъ они могли убѣдиться? Развѣ мы вступаемъ съ ними въ какія-либо отношенія, кромѣ получки „помощи", купли и продажи, и развѣ можемъ вступить? Все другое будетъ искусственно... Даже ты, который вѣчно несешь иго принциповъ, который не взялъ у нихъ ни крошки и въ ущербъ здоровью живешь чортъ знаетъ какъ, развѣ ты, положа руку на сердце, скажешь, что они не считаютъ тебя за пройдоху?

— Я взялъ у нихъ даромъ домъ...—прервалъ взволнованно Яковъ.—И... я по якутски не знаю!.. Это много!

— Такъ что жъ: не пойдешь вѣдь проповѣдывать имъ о своей честности?.. Нѣтъ, когда я войду въ ихъ среду, стану работать, какъ они и на ряду съ ними, когда они увидятъ, что и помочь я имъ не прочь и могу это сдѣлать, что поучиться есть имъ у меня кое-чему... Вотъ тогда они научатся уважать меня и, можетъ быть, полюбятъ...

— Ты думаешь здѣсь оставаться такъ долго?—съ ужасомъ и удивленіемъ спросилъ Яковъ.

Александръ зашагалъ по юртѣ.

— Почемъ я знаю!

— Никогда они не забудутъ непріятностей, которыя причинилъ ты имъ.

— Непріятности? А теперь развѣ пріятности? Развѣ они не стерегутъ насъ, не отвѣчаютъ за наши отлучки, за взаимныя посѣщенія?.. Повѣрь это стоитъ не мало денегъ. Но я думаю, что это совершенно лишній верхъ самопожертвованія: съ ума сходишь изъ-за человѣческой глупости. Оставили бы насъ въ покоѣ.

Яковъ молчалъ, не поднимая глазъ.

— Въ сущности...

— Что: въ сущности?!.

Александръ порывисто отвернулся, присѣлъ на кровать и сталъ развертывать свою дорожную постель. Яковъ бокомъ черезъ плечо оглядѣлъ его. Онъ чувствовалъ, что его другъ куда-то уходитъ отъ него, ему было и жаль его и страшно надвигающагося одиночества.

— Проклятая семья!—раздумывалъ онъ съ горечью.

Проснулся Александръ по утру раньше всѣхъ; онъ всегда вставалъ рано. Онъ провѣдалъ лошадь, накололъ дровъ, затопилъ каминъ, замѣсилъ лепешку, поставилъ чайникъ, а

Соня и Яковъ все еще спали. У него еще нашлась бы работа, но нужно было стучать и онъ воздержался. Сидя въ бездѣйствіи у пылающаго камина, онъ поворачивалъ пекущуюся лепешку и думалъ о прежней жизни, о „казачествѣ“, о связанныхъ съ нимъ дальнихъ отлучкахъ, о столкновеніяхъ изъ-за этого съ якутами по дорогѣ и у себя.

— Все равно! Только больше шансовъ нарваться на скандалъ и попасть на дальній сѣверъ!..

Бездѣйствіе, тоска, скука, будто дикіе звѣри гонятъ тебя прочь, изъ юрты въ юрту, отъ одного знакомаго къ другому. На охоту, въ гости, къ чорту, къ дьяволу въ пасть, только бы не чувствовать себя, не чувствовать жажды жизни. Дорога успокаиваетъ: ѣдешь, будто дѣло дѣлаешь. Кругомъ мелькаютъ все новыя картины, поведеніе коня развлекаетъ вниманіе, впереди что-то ждетъ неизвѣстное... Въ результатѣ—пустой вздоръ! Развиваются какія-то бурлацкія привычки, лѣнь, точно ржавчина, проѣдаетъ душу... Хорошо, если кто любитъ читать... Но читать, читать безъ конца, такъ же тоскливо, такъ же неудовлетворительно—какъ и безъ конца бродяжить! Все не важно, все безцѣльно, не достойно усилія... Хорошо, что у меня дочка, что я вынужденъ теперь искать выхода. Нѣтъ ничего воспитательнѣе необходимости. По ней точно по рельсамъ движешься, неуклонно, и на душѣ свѣтло и покойно...

Онъ перевернулъ подрумянившуюся лепешку и оглянулся на сожителей.

— Все спятъ.

Аяксъ подсѣлъ къ нему передъ каминомъ, онъ видимо былъ заинтересованъ судьбою лепешки. Сощурившись отъ жары, умный песъ поворачивалъ свою большую морду, съ висячими ушами, не менѣе часто, чѣмъ хозяинъ. Все было мірно. Вдругъ собака зарычала, ощетинилась и покосилась на дверь, которая робко пріотворилась.

— Русскій, держи собаку!..

— Тише, разбудишь ребенка! Аяксъ, смирно!

Вошелъ бѣдно одѣтый низенькій якутъ съ большой головой и большими на выкатѣ глазами. Это былъ „Лягушечьи глаза“, ближайшій сосѣдъ Александра.

— Здравствуй! Что слышно?.. Капсе... Садись!—здоровался съ нимъ по якутски за руку Александръ.

— Ничего не слышно...

— Что-нибудь да слышно... Сказывай! Засѣдатель былъ?

— Былъ,—неохотно отвѣтилъ якутъ. — Глупъ народъ, охъ глупъ... и только!

Онъ внимательно обыскалъ юрту своими странными глазами, за которыя и получилъ прозвище „Лягушечьихъ глазъ“.

— Дѣвку привезъ?—спросилъ онъ таинственно.

— Привезъ.

— Землю потребуешь?

Александръ промолчалъ.

— Думаешь, я жалѣю: бери, сколько силъ хватитъ— бери. Съ хлѣбомъ будешь. Земля здѣсь ро-жа-етъ... У... ро-жа-етъ.. И намъ, бѣднымъ, тогда кусокъ хлѣба отъ тебя перепадетъ.

— Слушай, Лягушечьи глаза, не знаешь, кто бы здѣсь могъ сдѣлать корыто.

— Корыто? Пожалуй, взялся бы и я.

— А лодку? спросилъ Александръ помолчавъ.

— Зачѣмъ тебѣ лодка? Ну, настоящей лодки никто не сдѣлаетъ, кромѣ Туса.

— Что, стрѣлу для плуга ты мнѣ приготовилъ?

— Приготовилъ, сохнетъ... Можешь взять.

— Принеси ты, мнѣ теперь отлучаться трудно...

— Да, да! И то правда... дѣвка... Слушай, Ликсандра, возьми для ребенка, баба гостинца послала. Скучать безъ молока будетъ, сирота, бѣдняжка. — Онъ вынулъ изъ-подъ полы небольшой берестяной туесъ.

— Папа, это кто такой?—защебетала, проснувшись, Соня. Она присѣла на постели и внимательно разсматривала якута. Отецъ взялъ ее на руки и сталъ одѣвать. Русая головка, европейская бѣлая рубашечка, голыя, нѣжныя плечики, румяныя щечки, видимо, заинтересовали сосѣда. Онъ подсѣлъ къ нимъ, коснулся грубымъ закорузлымъ пальцемъ тѣла Сони, пощупалъ ея платьице.

— Что же она ѣстъ?

— Да то же, что и мы...

— Охъ... охъ!—вздыхалъ якутъ.—Слушай, русскій, не привезъ ли ты соли, чаю?.. Въ соли сильно нуждаюсь. У моихъ телятъ страсть поносъ. Два сдохло!..

— Ничего нѣтъ, самъ нуждаюсь!.. Я вѣдь не проѣзжалъ въ городъ. Нужно будетъ къ Капитону пойти. Не знаешь, у него мыло есть?

— Должно быть! Кто его знаетъ? Люди богатые, можетъ, и моются.

Александръ одѣлъ Соню и сталъ будить Якова.

— Да я давно не сплю!—защищался тотъ.

— Хорошо не спишь! Лягушечьи глаза свидѣтель, ты храпѣлъ, а онъ все оглядывался, думалъ, что Аякъ ворчитъ.

— Пейте, не ждите меня.

Его и не ждали.

— Ты, Лягушечьи глаза, приходи съ пѣшней прорубь мою очистить, топоромъ теперь не добудешь воды, промерзла въ мое отсутствіе,—заговорилъ Александръ передъ отходомъ якута. — И Майку пошли, сейчасъ пошли, а то мнѣ къ Капитону нельзя будетъ...

— Соли на мою долю взять не забудь.

— Незабуду, только пошли Майку.

Не много спустя пришла Майка, десятилѣтняя дочка Лягушечьихъ глазъ, хорошенькая, но невозможно грязная и оборванная якуточка.

Ея приходъ огорчилъ Якова.

— Я вѣдь могъ бы присмотрѣть за ребенкомъ.

— Для перваго дня позволь, пусть поиграетъ... Скучно ей будетъ,—объяснялъ Александръ. Онъ послѣ нѣкотораго колебанія заставилъ Майку умыться, подарилъ ей свою рубашку, съ тѣмъ, чтобы она ее сейчасъ одѣла, и поручилъ занимать Соню. Дѣвочки выпросились проводить его на дворъ.

Долина, въ западномъ углу которой стояла усадьба Александра, представляла обширную продолговатую равнину. Узкое, длинное, какъ рѣчная протока, озеро раздѣляло ее на двѣ половины. Ту часть, гдѣ жилъ Александръ, занималъ громадный „калтусъ“ *), сплошь вымощенный исполинскими кочками точно камнями, желтый отъ пуха, витающихъ поверхъ снѣга, прошлогднихъ травъ. На противуположномъ берегу тянулись гладкіе, чистые, сѣнокосные луга, ярко сверкающіе отъ снѣга, съ рѣдкими копнами бѣлыхъ стоговъ, съ тонкими, черными нитями городьбы тамъ и сямъ. Стѣна темной тайги, сплошнымъ полукругомъ, какъ глазъ хваталъ, окружала долину; выше надъ ней виднѣлся болѣе блѣдный амфитеатръ далекихъ горъ. Роща Александра среди долины образовала маленькій, совершенно отдѣльный, лѣсной боскетъ на краю рѣчного обрыва. Такихъ рощицъ было нѣсколько разбросано по равнинѣ. Самая крупная принадлежала Александру. Ея лиственницы вздымались высоко,

*) «Калтусъ»—мокрый, кочковатый лугъ среди лѣса.

стройныя, какъ колонны, ихъ короны сплетались въ одинъ куполъ. Лѣсное кольцо размыкалось у рѣки, и луга непосредственно примыкали къ рѣкѣ пади, именно у рощи Александра. Отъ дверей юрты не было видно дна этой пади, и казалось, что тамъ занавѣсъ неба обрывается въ пропасть безпрепятственно. Александръ любилъ глядѣть въ ту сторону. Тамъ всегда было интересно: забредали ли туда тучки, или клубился туманъ, или летѣли хлопья метущагося снѣга,—всегда тамъ было ново и иначе, чѣмъ въ однообразіи лѣсныхъ куртинъ. Но больше всего онъ любилъ, когда тамъ сіяла, какъ теперь, хрустальная синева несравненной чистоты, ясности и нѣги. Мысль охотно улетала въ неопредѣленную даль, гдѣ ничто ее не задѣвало, подальше отъ заботъ, отъ тревогъ. На мгновеніе воцарялось въ душѣ спокойствіе, всепрощеніе, доброта, увѣренность въ побѣду лучшаго и, какъ елей, смягчали наболѣвшія раны.

Озеро однимъ концомъ совсѣмъ близко подходило къ обрыву, другимъ уходило къ лѣсамъ. На его берегу, на той же сторонѣ, въ полу-верстѣ отъ юрты Александра, стояла юрта Лягушечьихъ глазъ. Дорога къ ней извивалась зимою по дну озера. Юрта, окруженная хозяйскими порядками, ютилась у перелѣска, отдѣльныя деревья котораго выбѣгали далеко впередъ, по гребню пологой горки, образуя красивые воздушные силуэты. Въ прогалинахъ между ними виднѣлась лента главной дороги, лѣсная даль и просвѣчивалъ желтый дискъ „калтуса“.

Александръ напоилъ коня вблизи усадьбы и выѣхалъ изъ ложбины озера на сѣнокосы. На сѣнокосахъ все трепетало отъ струй жгучаго весенняго солнца. Волны нагрѣтаго воздуха трепыхались надъ снѣговыми полями. Дорожныя выбоины, всѣ лунки и неровности полны были тепла и влаги и затѣнены прозрачными отраженіями.

Александръ далъ волю продрогшей послѣ водопоя лошади и вскорѣ подъѣзжалъ крупной рысью къ кучкѣ жилищъ, расположившихся въ видѣ деревушки на томъ концѣ долины. На лай собакъ изъ крайней юрты выскочила молодая якутка. Вся она увѣшана была серебромъ и мѣдью и звенѣла при малѣйшемъ движеніи, какъ цыганскій хомутъ.

— Ликсандра, Ликсандра!—кричала она, перескакивая изгородь.—Постой!.. Здравствуй!

Александръ придержалъ коня.

— Здравствуй, Той! Что, Тусъ дома?

— Кажется, нѣтъ.

— А твой отецъ?

— Тоже нѣтъ. Всѣ у Капитона. Собраніе тамъ дѣлали, князь пріѣзжалъ.

— Все съ татарами кончить не можете или другое что?

— Не знаю. Что знать можемъ мы, женщины, кромѣ хозяйства?..—разсмѣялась она и кокетливо сощурила цыганскіе глаза.

— Вотъ что,—заговорила она тише и фамильярно положила руку на холку коня.—Ты дѣвку, говорятъ, привезъ, такъ будутъ, сказывали, бумагу писать, что дѣвки не согласны принимать, что тебя одного по закону имъ слѣдуетъ!

Александръ пожалъ плечами.

— Пусть пишутъ. Ну, а татары? Что сказалъ докторъ?

— Ликсандра, жена твоя, говорятъ, красавица... А дочка красавица? Неужели ты жены ни разу-таки не поцѣловалъ? И она умерла, такъ... по пусту... Ѣхала, ѣхала, а увидѣлись... умерла и только!.. Что за жалость!

Александръ насупился и дернулъ коня.

— Ты дура, Той!

— Русскій, русскій, приготовь гостинца, прійду дочку смотрѣть!—кричала она ему въ догонку.—Якова ты на то время куда-нибудь выгони!—добавила она со смѣхомъ.

Юрта Капитона стояла отсюда версты за двѣ, за перелѣскомъ, на другой полянкѣ. Между ней и сѣнокосами тянулось большое озеро, обросшее высокими камышами. Князя Александръ уже у Капитона не засталъ, да и большая часть родовичей разбрелась. Хозяинъ, толстый, подслѣповатый якутъ, на видъ радушно принялъ гостя, усадилъ за столъ, угостилъ чаемъ и исподволь сталъ разспрашивать подробности о смерти жены, о дочкѣ, о намѣреніяхъ Александра. Многое онъ, оказалось, зналъ прекрасно изъ другихъ источниковъ. Мыла, соли, чаю онъ охотно уступилъ Александру по рыночнымъ цѣнамъ и только удивлялся, что покойница не вывезла всего этого съ собою изъ города.

— Совсѣмъ южная, должно быть, была барыня, образованная!.. Не знала, что у насъ здѣсь кругомъ пустой лѣсъ. Нѣтъ чего у человѣка, хоть помирай, взять не откуда...

Среди гостей оказался и Тусъ, сухощавый маленькій старичекъ съ морщинистымъ востренькимъ лицомъ.

— Подожди! — сказалъ ему Александръ, когда онъ собрался уходить.—Пойдемъ вмѣстѣ, намъ по дорогѣ.

— По дорогѣ?—насмѣшливо переспросилъ Тусъ...—Пожалуй, подожду!

— Ишь: все солишь, этакая соль! Подожди, веселѣе будетъ русскому!—поддержалъ гостя Капитонъ.

— Да, знаемъ: промышлялъ бурундукъ съ лягушкой...

Якуты захохотали.

Всю дорогу толковалъ Александръ Тусу о лодкѣ.

— Зачѣмъ тебѣ лодка, да еще такая чудная, тонкая, маленькая... Ты ее пяткой проломишь... Вода у насъ сердитая.

— Зачѣмъ да зачѣмъ? А затѣмъ, чтобы ты дивовался!—съ досадой отвѣтилъ Александръ.

Тусъ надулъ губу.

— Рыбу промышлять хочешь?.. Утонешь...

— Не безпокойся!

Тусъ все не рѣшался, поглаживалъ подбородокъ и въ раздумьи посматривалъ на протянутую ему рублевку.

— Что жъ: не одному доктору брать деньги!..—усмѣхнулся онъ наконецъ и спряталъ бумажку.

III.

Усадьба „князя“ находилась отъ Александра въ пятнадцати верстахъ. Она представляла нѣчто въ родѣ крохотнаго поселка. Десятокъ юртъ, скотскихъ „хотоновъ“, амбары, много изгородей, зароды сѣна, огромные холмы чернаго навоза,—все скучено на небольшомъ бугрѣ, на краю озера, среди обширной луговины. Кругомъ, вдали—лѣсъ, снѣгъ, блѣдные силуэты разбросанныхъ порознь жилищъ; вблизи—тотъ же снѣгъ, пожёхнувшій отъ копоти и сору, одинокія деревья, обглоданныя скотомъ кусты, двѣ-три ленты торныхъ дорогъ и сѣть грязныхъ, глубоко протоптанныхъ тропинокъ, пересѣкающихся подъ всевозможными углами и сходящихся къ усадьбѣ, какъ лучи паутины къ центру. Немного въ сторонѣ—на пригоркѣ русскій домъ съ большими стеклянными окнами, съ рѣзными, крашеными ставнями, съ остроконечной, крытой тесомъ кровлей, съ коньками и флюгерами. Его пѣтушиный, важный видъ скрывалъ, впрочемъ, совершенно „пустое содержаніе“. Это была дань чужимъ вкусамъ, и жизнь въ зданіи мелькала только парадная моментами, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ высокопоставленныхъ гостей: начальникъ округа, архіерей или губернаторъ. Остальное время домъ стоялъ, какъ и теперь, пустой, крыльцо и двери занесены были снѣгомъ, никто туда

не ходилъ и никто не выглядывалъ оттуда. Между тѣмъ, маленькія подслѣповатыя, прикрытыя льдинами окошечки юртъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ свѣтились внутреннимъ свѣтомъ. День былъ ненастный. Дымъ густыми клубами энергично струился изъ трубъ; дворъ полонъ былъ людей; засѣдланные кони въ большомъ количествѣ стояли у столбовъ. Порывы вѣтра поминутно схватывали клубы дыма и бросали вмѣстѣ съ искрами и снѣговой порошью внизъ на фигуры людей и животныхъ.

Когда Александръ и Яковъ въ сопровожденіи десятскаго въѣхали въ ворота усадьбы, люди зашевелились и подошли къ нимъ. Нѣкоторые стали помогать привязывать лошадей и снимать толстыя неуклюжія „дохи“, но всѣ держались странно, иначе, чѣмъ всегда. Встревоженные уклончивыми и двусмысленными отвѣтами десятскаго, русскіе окончательно смутились. Вызвалъ ихъоффиціальной повѣсткой засѣдатель, пріѣхавшій опять все по тому же нескончаемому дѣлу о сгорѣвшихъ татарахъ. Александръ пошелъ впередъ и нервно дернулъ ремень дверей. Юрта оказалась полна народу. При видѣ входящихъ, якуты разступились и образовали узкій проходъ, въ концѣ котораго блеснули засѣдательскія пуговицы.

— Здравствуйте! Пожалуйте!—привѣтствовалъ ихъ чиновникъ, протягивая руку.—Простите, что обезпокоилъ. Тутъ дѣльце оказалось. Будьте любезны, обождите. Мы сейчасъ кончимъ...—указалъ онъ на допрашиваемаго якута и своего писаря, филинообразнаго сѣдого старичка въ круглыхъ очкахъ. Засѣдатель, рослый, рыжій, веснущатый дѣтина, одѣтъ былъ въ форменный сюртукъ на распашку и грязную ситцевую косоворотку. Онъ барабанилъ пальцами по столу и по временамъ вставлялъ поправки въ русскій переводъ протокола.

— Ну, какъ поживаете, Александръ Иванычъ? Все продолжаете окружное управленіе прошеніями бомбардировать?! Плохое выбрали время. Слыхали, что они здѣсь натворили? Шельмы, азіаты, не хотятъ насъ рассейскихъ да и только!

Александру послышалась насмѣшка во фразѣ чиновника, мѣстнаго уроженца, и онъ взглянулъ на него пристально.

— Что же, Федорычъ?.. Пошевеливай... Дописывай протоколъ-то твой...

Писецъ кивнулъ головой.

— Кончилъ!

Въ подтвержденіе онъ взялъ свѣжій листъ бумаги и уставился на Александра.

— Позволите начать съ васъ, Александръ Иванычъ. Дѣло Якова Степаныча самое пустяшное, а васъ мнѣ приходится допросить по татарскому вопросу...

— По татарскому вопросу? При чемъ же тутъ я?

— Да вотъ сейчасъ... Вы позвольте, мы уже по порядку, по пунктамъ. Ваша фамилія и отчество?..

Александръ подумалъ, потребовалъ бумагу и собственноручно сталъ быстро заносить въ рубрики требуемыя свѣдѣнія.

— Вы знаете поселенца Палкина?

— Палкина?.. Фамилію слышалъ, кажется, но навѣрно не помню...

— Ввести!—кивнулъ засѣдатель на якутовъ.

Спустя немного зазвенѣли цѣпи, и, широко разставляя закованныя ноги, вошелъ въ юрту рослый, плотный мужикъ въ рваномъ полушубкѣ. Его руки были сильно впередъ стянуты наручнями, два дюжихъ якута придерживали его за локти. Онъ близко подошелъ къ столу и въ упоръ посмотрѣлъ на сидящихъ. Какое-то смутное воспоминаніе мелькнуло въ головѣ Александра. Да, онъ гдѣ-то уже видѣлъ и эту конопляную бородку, и неправильныя, искривленныя губы, и эти зеленоватые выцвѣтшіе глаза. Но гдѣ? всѣ они такъ другъ на друга похожи!.. Пока онъ припоминалъ, зеленоватые глаза продолжали на него глядѣть напряженно...

— Въ чемъ же онъ обвиняется?

— Да вы подождите... Вы намъ по порядку... Видѣли его?

— Кажется... Нѣтъ... не знаю!..

Лѣвый усъ поселенца задрожалъ.

— Не видѣли, значитъ. А онъ вотъ сказываетъ, что былъ у васъ сего мѣсяца, числа ээе...

— Шестого...—поспѣшно подсказалъ писарь.

— Да шестого... и что вы не пустили его ночевать, и онъ принужденъ былъ пройти въ пургу 70 верстъ къ первымъ затаёжнымъ жителямъ...

Александръ сразу вспомнилъ все: мятель, хлопья кружащаго снѣга, вой вѣтра и эту сѣрую фигуру въ заиндевѣломъ платьѣ съ обледенѣлыми усами, зашищающуюся отъ яростныхъ нападеній Аякса.

— У меня нельзя было ночевать, домъ тѣсный, насъ трое: я, товарищъ, дочка...—заговорилъ онъ взволнованно.— Но ему не зачѣмъ было ходить за 70 верстъ. Вѣдь въ 5 верстахъ отъ меня, даже ближе, есть люди... зажиточные якуты...

— Что скажешь, Палкинъ?

— Холодно...—угрюмо пробормоталъ тотъ.

— Холодно? Семьдесять верстъ не холодно, а пять холодно?—разсмѣялся Александръ.

Арестантъ вскинулъ на его сторону глазами и переступилъ съ ноги на ногу.

— Было... холодно!—повторилъ онъ твердымъ голосомъ.—Я ужъ показывался въ городѣ, ваше благородіе!

— Ну, повтори.

Молчаніе.

— Вотъ язва: все такъ! А между прочимъ, чего понадѣлалъ! Отъ васъ пошелъ на Хатырбу да тамъ старика ножомъ запоролъ, жену изуродовалъ, ребенка въ огонь бросилъ... Вотъ какой. Да еще съ комедіей...—съ раздраженіемъ заговорилъ засѣдатель.—Земной поклонъ убитымъ раньше сдѣлалъ, „простите, говоритъ, что безвинно погибаете!“ А теперь показываетъ: „отъ холоду, отъ дрожанія внутренностей“!.. Губернатору жалобу на меня изъ острога подавалъ... будто защищаю якутовъ, будто они здѣсь грозились всѣхъ переселенцевъ порѣзать, что онъ поэтому ушелъ, что боялся, что татары-то не сами погорѣли... Чего-чего только не наговорилъ... Конечно, пустое мелетъ, ничего-то онъ не можетъ...

Александръ съ ужасомъ всматривался въ лицо разбойника; оно оставалось по-прежнему тупо и безучастно, и только при послѣднихъ словахъ засѣдателя въ глазахъ сверкнули тусклыя искры...

— Увести его!

Опять загремѣли цѣпи и арестантъ, подталкиваемый якутами, направился къ дверятъ.

— Вотъ наша жизнь!—продолжалъ засѣдатель.—Думаешь, все покончено, все улажено! Такъ нѣтъ: трахъ!..—выскочитъ какой-нибудь дьяволъ!.. Который разъ я здѣсь изъ-за этой сволочи... Развѣ мы ихъ сюда посылаемъ? Все жалованье на разъѣзды потратилъ, свѣтлый праздникъ въ дорогѣ безъ жены и дѣтей проводилъ... Мы вѣдь тоже люди... Войдите въ наше положеніе... Вотъ теперь съ татарами. Дѣйствительно, по его указаніямъ, нашли вещи... такъ... самые пустяки, такъ неужели я не долженъ пощадить дикарей-инородцевъ... Вѣдь, по настоящему, полъ наслега надобно въ острогъ заключить. И все богачей. Такъ кто же подати платить станетъ!—закончилъ онъ пониженнымъ голосомъ.—

Что жъ, подписывайте, Александръ Иванычъ, протоколъ: „Ивана Палкина видѣлъ, но въ ночлегѣ отказалъ за тѣснотой помѣщенія. Такой-то“...—Эй, давайте обѣдать!.. Вы отобѣдаете со мной, господа?

— Нельзя ли, Иннокентій Васильевичъ, сегодня и мое дѣло рѣшить?—началъ-было Александръ, садясь за столъ. Засѣдатель налилъ ему рюмку водки.

— Мой совѣтъ, батенька, бросьте это. Я знаю, что ваше положеніе затруднительно, но раздражены инородцы, сильно раздражены... Я вамъ ручаюсь, что они увеличатъ вамъ помощь.

Александръ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Да не въ томъ дѣло. Я совсѣмъ отъ помощи отказываюсь. Я рѣшилъ взять землю. Мнѣ изъ города писали, что у васъ есть распоряженіе исправника.

Засѣдатель внимательно посмотрѣлъ на него и лицо его приняло жосткое выраженіе.

— Да!.. Вы въ серьезъ... Оффиціально? Князь, а князь?—закричалъ онъ по-якутски. Князь вмѣстѣ съ якутами обѣдалъ за другимъ столомъ. Онъ поспѣшно вытеръ губы и подошелъ, кланяясь. Это былъ худощавый, еще молодой человѣкъ съ горбатымъ носомъ, тонкими губами и умнымъ, немного надменнымъ выраженіемъ лица.

— Слушаю!

— Какъ же съ землей-то для русскаго?

— Мы уже подали бумагу губернатору,—уклончиво отвѣтилъ якутъ.

— Слышалъ я,—вспыхнулъ Александръ,—но это къ дѣлу не относится. Вы сначала отведите землю, а потомъ уже жалуйтесь...

— Они съ дочкой... и товарищъ у нихъ живетъ не нашего наслега!

— Ну на счетъ дочери это вы пустое городите, а что касается Якова Сгепаныча, то я дѣйствительно предписаніе получилъ.

Онъ приказалъ писарю отыскать бумагу и вручилъ ее Якову. Тотъ долго читалъ ее, видимо волнуясь. Тамъ приказывали ему немедленно вернуться на мѣсто причисленія и не отлучаться оттуда безъ разрѣшенія начальства подъ угрозою наказанія. Засѣдатель не глядѣлъ въ его сторону, князь насмѣшливо улыбался.

— Вотъ видите, господа,—заговорилъ засѣдатель,—какъ

все сложно. Да, сложно,—обрадовался онъ слову, позаимствованному имъ раньше у Александра же.—Вы какіе принципы проповѣдуете: люди всѣ равны, ну и вотъ... Конечно, распоряженія я не выполню, но вѣдь и съ меня взыскиваютъ. Все тихо, все спокойно, я все могу... Для меня чѣмъ тише, тѣмъ лучше... А начнутся исторіи, виноватъ, не взыщите...

— Исторіи всегда будутъ,—съ горечью замѣтилъ Александръ. — Удивительно: намъ всегда отказываютъ въ томъ, что намъ слѣдуетъ, а предлагаютъ взамѣнъ личныя одолженія.

— А потому, что законъ не про васъ писанъ...—двусмысленно съострилъ засѣдатель.

— Зачѣмъ вы, Александръ Иванычъ, сердитесь?—заговорилъ вкрадчиво князь, присаживаясь на краю скамьи.—Не ссорились мы, слава Богу, до сихъ поръ и ссориться не будемъ; я думаю, общество согласится на вашу просьбу, но зачѣмъ торопиться... На поляхъ еще снѣгъ, до посѣва далеко... Придетъ весна, соберемъ весеннее собраніе и потолкуемъ...—закончилъ онъ, вопросительно поглядывая на засѣдателя; тотъ одобрительно кивалъ головою.

— Да, да, весною соберутъ собраніе, а теперь вамъ помощь дадутъ по старому. И все пойдетъ согласно, почтительно... безъ сложности!

Александръ взглянулъ на осунувшееся лицо Якова и усмѣхнулся.

— Вы, Иннокентій Васильичъ, сколько дней здѣсь намѣрены пробыть?

— Да Богъ его знаетъ, когда пустятъ дѣла... Хотѣлось бы дней черезъ пять.

Въ юрту вошелъ десятскій, шепнулъ что-то на ухо князю, послѣ чего стали избу очищать отъ постороннихъ. Остались только князь да чиновники. Засѣдатель выжидательно посматривалъ на Александра и Якова, болтая о пустякахъ. Тѣ догадались и стали прощаться.

Смеркалось, дорога къ нимъ дѣлала многочисленныя петли и повороты; во избѣжаніе блужданій слѣдовало проѣхать засвѣтло хоть часть ея. Продрогшій Воронокъ лихо ихъ понесъ. Друзья всю дорогу молчали. Когда подкатили къ юртѣ Лягушечьихъ Глазъ, ночь стояла темная, какъ сажа. Крошечная юрта чуть намѣчалась во мракѣ болѣе темнымъ пятномъ, квадратами свѣта въ окнахъ и струйками вылетающихъ изъ трубы искръ. Прежде, чѣмъ войти, Александръ заглянулъ

гуда сквозь забытое отверстіе. Передъ пылающимъ каминомъ въ центрѣ свѣта сидѣла на низенькомъ стульчикѣ Соня. Она подперла щечку рукою и пригорюнилась. Ея новая подруга, Майка, была въ то время занята; она важно стояла съ огромной ложкой въ рукѣ у камина, гдѣ былъ подвѣшенъ огромный котелъ кипящаго молока, и легкими ударами по поверхности жидкости сдерживала ея кипѣніе. Вслѣдъ затѣмъ всякій разъ она подносила ложку ко рту, чтобы „ничто не пропадало“. Ея смуглая, стройная фигурка, чуть прикрытая лохмотьями, голыя тонкія руки и бронзовое личико съ большими серебряными серьгами въ ушахъ, причудливо мелькали на границѣ свѣта и тѣни. „Лягушечьи глаза“ сидѣлъ дальше въ глубинѣ избы въ густыхъ сумеркахъ, откуда вспышки пламени только по временамъ обнаруживали то его кривыя, протянутыя впередъ ноги въ косматой обуви, то желѣзную трубку, сверкающую, какъ звѣзда, на уровнѣ лица.

— Папочка, папочка! — радостно бросилась къ Александру дѣвочка, когда онъ появился на порогѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛЬБА.

Я виноватъ! Нѣтъ словъ... И оправданья нѣтъ.
И не ищу себѣ я оправданья...
Хотѣлъ бы залѣчить я только въ сердцѣ слѣдъ
Глубокаго и тяжкаго страданья;

Хотѣлъ бы разсказать, чѣмъ сердце смущено,
Чѣмъ порваны въ груди былыя звенья,
Чѣмъ такъ душа больна уже давно, давно,
Что въ смерти лишь найдетъ успокоенье...

Но вижу, вижу я: сурово ты молчишь,
Виновному не хочешь дать пощады...
Прислушайся кругомъ:—какая въ небѣ тишь!
Какъ мирно спятъ древесныя громады!

Взгляни, взгляни вокругъ:—какая благодать!
Какъ высятся въ величьи мощномъ горы!
И тихихъ, сонныхъ, водъ синѣющая гладь
Такъ ласково собой чаруетъ взоры.

А въ бѣдномъ сердцѣ боль, раскаянье, печаль...
И рвется вопль изъ груди затаенный...
О, неужѣль тебѣ меня не станетъ жаль,
Когда стою колѣнопреклоненный?

Ты слышишь—въ пурпурѣ мерцающей зари
Все шепчетъ про любовь, все дышитъ примиреньемъ?
Взгляни-жъ вокругъ себя, смягчись и подари
Меня, заблудшаго, прощеньемъ!

Н. Позняковъ.

Разногласіе мнѣній въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ.

Луи Брентано.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Глубокія разногласія, существующія между представителями экономической и финансовой науки, представляютъ одно изъ своеобразнѣйшихъ явленій въ области науки. Это разногласіе тѣмъ болѣе удивительно, что хозяйственная жизнь уже давно служитъ предметомъ научной разработки.

Я не придаю значенія тѣмъ изслѣдованіямъ хозяйства, которыя встрѣчаются уже у писателей древнихъ и среднихъ вѣковъ. Но уже въ XVI столѣтіи мы находимъ нѣкоторыя экономическія сочиненія современнаго типа. Не говоря о другихъ, упомянемъ лишь о сочиненіяхъ сэра Вильяма Петти, которыя появились въ 1689 г., и въ настоящее время еще читаются знатоками дѣла съ удовольствіемъ и удивленіемъ. Прошло уже болѣе 100 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ книги Адама Смита, который, согласно долго господствовавшему мнѣнію, открылъ вѣчныя истины о хозяйственной жизни народовъ. Если мы въ этомъ отношеніи будемъ сравнивать экономическую науку съ другими научными дисциплинами, напр., съ нѣкоторыми отраслями естественныхъ наукъ, то окажется, что именно тѣ изъ нихъ, которыя достигли наибольшихъ результатовъ, не старше, а частью даже моложе ея, и все-таки въ нихъ царствуетъ единогласіе во взглядахъ.

Если же мы обратимся къ сочиненіямъ ученыхъ, занимающихся экономическими вопросами, то мы натолкнемся на такое глубокое различіе во взглядахъ, которое далеко отъ всеобщаго признанія вѣчныхъ истинъ.

Возьмемъ, напримѣръ, такъ - называемую, Манчестерскую школу. Въ Германіи и въ Австріи до 60-хъ годовъ она была всемогущей въ печати; въ настоящее же время число ея приверженцевъ очень не велико. Даже въ своемъ отечествѣ—

Англіи, она клонится къ упадку. Только во Франціи, гдѣ она господствуетъ въ академіи, она еще многочисленна.

Почти въ каждомъ нѣмецкомъ университетѣ наука о народномъ хозяйствѣ преподается по своему, иначе, чѣмъ въ остальныхъ; тамъ, гдѣ есть нѣсколько профессоровъ, такія разногласія, къ огорченію студентовъ, зачастую встрѣчаются и въ стѣнахъ одного и того же университета. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ экономистовъ опредѣлялъ профессора, какъ человѣка, «который придерживается другого мнѣнія». Если бы это опредѣленіе было справедливымъ, то профессора политической экономіи, очевидно, являли бы собою идеалъ профессоровъ; но въ дѣйствительности ихъ противорѣчивые взгляды являются лишь выраженіемъ состоянія самой науки.

Откуда же происходитъ это разногласіе? Если и въ другихъ областяхъ знанія случается, что ученые расходятся во взглядахъ на рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ, то они все-таки работаютъ съ увѣренностью, что ихъ изысканія и изслѣдованія приведутъ ихъ къ желаемому соглашенію. Поэтому они работаютъ съ такимъ рвеніемъ, поддерживаемые вѣрою и надеждою найти правильное рѣшеніе своихъ задачъ. Они страстно добиваются истины, и знаютъ, что если имъ удастся открыть ее, то, рано или поздно, она будетъ принята всѣми. Почему же происходитъ такое широкое разногласіе между тѣми, которые занимаются экономическими вопросами? Почему въ этой области каждый такъ упорно держится своего мнѣнія, въ твердой увѣренности, что оно никогда не будетъ согласовано съ мнѣніями другихъ? Почему многіе изъ тѣхъ, которые занимаются вопросами народнаго хозяйства, не имѣютъ ни этой вѣры, ни этой надежды?

Одинъ остроумный французъ, Леонъ Донна, много лѣтъ тому назадъ, отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ своей книгѣ: «La politique expérimentale». По его мнѣнію, причина разногласій заключается въ несовершенствѣ методовъ, примѣнявшихся до сихъ поръ въ политическихъ дисциплинахъ. Необходимо обставить политическія и политико-экономическія истины такими же точными доказательствами, какъ всѣ остальныя научныя истины. Подобный методъ до сихъ поръ отсутствовалъ въ экономической наукѣ.

Этотъ отвѣтъ заключаетъ въ себѣ много вѣрнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что политико-экономамъ при своихъ изслѣдованіяхъ приходится преодолѣвать гораздо большія методологическія трудности, чѣмъ изслѣдователямъ во всякой другой области знанія, и въ этомъ лежитъ одна изъ важныхъ причинъ отсутствія согласія между ними.

Трудности эти заключаются, во-первыхъ, въ большей сложности явленій. Экономическія явленія представляютъ результатъ взаимодѣйствія всѣхъ естественныхъ, техническихъ, правовыхъ и государственныхъ условій, вліяющихъ на человѣческую жизнь. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ столько причинъ, которыя сами постоянно мѣняются, представляется очень труднымъ дѣломъ установить причинную связь явленій, и выводъ общихъ положеній изъ единичныхъ наблюденій требуетъ отъ изслѣдователя особенно выдающихся умственныхъ качествъ.

Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что въ соціальной и экономической области личность самого изслѣдователя является одной изъ частей той проблемы, которую онъ хочетъ изслѣдовать и изучить. Вслѣдствіе этого онъ долженъ избѣгать возможности такихъ ошибокъ, которыя ни у какого другого изслѣдователя не стоятъ на пути. Національныя условія, принадлежность къ извѣстному классу, семейныя отношенія, среди которыхъ онъ выросъ, индивидуальные интересы и традиціи — все это, при изученіи каждой проблемы, вызываетъ въ умѣ изслѣдователя извѣстныя ассоціаціи идей, которыя отвлекаютъ его вниманіе отъ главнаго предмета и заставляютъ до извѣстной степени склоняться въ пользу того или иного аргумента. Такъ какъ эти ассоціаціи идей у различныхъ изслѣдователей бываютъ различны, въ зависимости отъ различій въ условіяхъ ихъ жизни, то одинъ придаетъ большее значеніе одному аргументу, другой — другому; отсюда вытекаютъ различія въ общихъ положеніяхъ, которыя выводятся такимъ образомъ.

Эти затрудненія увеличиваются еще тѣмъ, что въ экономической области изслѣдователю приходится, по большей части, обрабатывать факты, которые онъ не можетъ самъ наблюдать, какъ то дѣлаютъ изслѣдователи въ другихъ областяхъ знанія; онъ знакомится съ ними на основаніи чужихъ наблюденій. Въ большинствѣ случаевъ экономисту приходится ограничиваться свидѣтельствами лицъ, непосредственно наблюдавшихъ данныя явленія; слѣдовательно, онъ видитъ только глазами другихъ большинство явленій, которыя изучаетъ, и его задача заключается въ томъ, чтобы возстановить эти чужія свидѣтельства, критически провѣрить ихъ и сдѣлать изъ нихъ выводы. Поэтому, къ тѣмъ ошибкамъ, отъ которыхъ не свободно никакое научное наблюденіе и которыя имѣютъ свои корни въ природѣ самого наблюдателя, присоединяются еще другія ошибки, вытекающія изъ природы тѣхъ лицъ, свидѣтельства которыхъ служатъ ему матеріаломъ. А сколько тысячъ разнообразныхъ причинъ могутъ побуждать къ созна-

тельно или безсознательно-невѣрнымъ свидѣтельствамъ въ экономическихъ вопросахъ!

Если всѣ вышеупомянутыя особенности экономическихъ изслѣдованій влекутъ за собою большія методологическія трудности, то къ этому присоединяется еще чрезвычайное обиліе матеріала, подлежащаго обработкѣ. Во многихъ научныхъ дисциплинахъ задача чрезвычайно упрощается тѣмъ, что масса фактовъ и явленій, подлежащихъ изслѣдованію, признается разъ на всегда данною. Въ хозяйственной жизни непрерывный процессъ развитія ежедневно создаетъ новые факты, требующіе научной разработки въ то время, какъ безконечное множество ранѣе свершившихся фактовъ еще дожидается своей очереди.

Но какъ бы ни были велики всѣ эти трудности, онѣ могутъ служить объясненіемъ лишь болѣе медленнаго прогресса экономическихъ изслѣдованій, а никакъ не тѣхъ безнадежныхъ разногласій, которыя царятъ въ средѣ экономистовъ. Онѣ объясняютъ, почему разрабатывается сначала одна сторона хозяйственной жизни народовъ, а потомъ другая, и, такимъ образомъ, постепенно накопляется знаніе тѣхъ причинныхъ отношеній, которыя господствуютъ въ экономической жизни. Но при большей методологической тщательности, исключающей возможность подобныхъ ошибокъ, и при той добросовѣстности и трудолюбіи, которыя характеризуютъ современное научное изслѣдованіе, было бы все-таки возможно достигнуть того, «чтобы изслѣдователи приходили къ однимъ и тѣмъ же выводамъ». Только-что указанныя методологическія трудности, встрѣчающіяся на пути изслѣдователей экономической жизни, оказываются все-таки недостаточными для объясненія разногласій, существующихъ въ экономической наукѣ. Причина этой разницы между наукой о народномъ хозяйствѣ и другими политическими науками, съ одной стороны, и остальными областями науки—съ другой, лежитъ глубже.

Причина эта заключается въ томъ, что многіе расширяютъ задачу экономической науки и переносятъ ее въ такія области, по отношенію къ которымъ не можетъ быть достигнута полная несомнѣнность. Она заключается, слѣдовательно, въ различномъ пониманіи самой задачи экономической науки.

Чѣмъ занимаются ученые въ другихъ областяхъ науки? Они ограничиваются изученіемъ того, что есть. Они констатируютъ факты, входящіе въ кругъ ихъ изслѣдованій, объясняютъ, какимъ образомъ эти факты возникли, и почему они возникли. Другими словами: они видятъ свою задачу только въ установленіи фактической и въ объясненіи причинной связи, соединяющей факты.

Никому не приходитъ въ голову учить тому, каковы эти факты должны быть. Именно поэтому ихъ дисциплины и являются настоящей наукой. Если бы они учили бо́льшему, то ихъ дисциплина была бы уже не наукой, а искусствомъ, потому что всякая наука занимается только познаніемъ, а не дѣйствіемъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ современной наукѣ о народномъ хозяйствѣ, включая сюда и финансовую науку.

Вмѣсто того, чтобы ограничиться объясненіемъ того, что есть, и причинной связи, соединяющей явленія, многіе учатъ тому, что должно быть. Вмѣсто науки о дѣйствительной хозяйственной жизни народовъ, они предлагаютъ ученіе о народномъ хозяйствѣ не въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствительно существуетъ, а какимъ они желали бы его сдѣлать. Насколько разнообразны ихъ интересы, предразсудки и идеалы, настолько же разнообразными оказываются и экономическія системы; и соотвѣтственно съ этимъ дѣлается понятнымъ то, что многіе экономисты совершенно отказываются отъ надежды убѣдить другъ друга. И дѣйствительно, гдѣ отыскать вполнѣ убѣдительный методъ доказательства, могущій противостоять желаніямъ, относящимся къ тому, что должно быть!

Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что за два послѣднія десятилѣтія это вторженіе въ область политической экономіи элемента «желательнаго», а вмѣстѣ съ тѣмъ и «безнадежность» относительно соглашенія, скорѣе возросло, чѣмъ уменьшилось. Причина этого заключается въ томъ, что представители экономической науки не съумѣли оказать противодѣйствіе софистикѣ экономическихъ агитаторовъ. Это примѣнимо какъ къ тѣмъ, которые защищаютъ свободную торговлю, такъ и къ тѣмъ, которые агитируютъ за покровительственныя пошлины, къ тѣмъ, которые уступаютъ натиску аграріевъ, какъ и къ тѣмъ, которые поддаются вліянію защитниковъ средневѣковыхъ цеховъ.

Нѣкоторые ученые экономисты считаютъ прямо «обязанностью» науки изслѣдовать великіе политическіе вопросы современности, поднимаясь «выше мелкихъ счетовъ и раздоровъ ежедневной прессы», но все-таки съ партійной точки зрѣнія. Говорятъ даже: «подобно хору въ древней трагедіи, наука не должна сама дѣйствовать, но сопровождать своими замѣчаніями поступки дѣйствующихъ лицъ и измѣрять ихъ мѣркою высшихъ идеаловъ своего времени». Это звучитъ очень хорошо и, кажется, какъ будто приводитъ къ общему соглашенію. Но въ дѣйствительности такая точка зрѣнія не только не привела къ соглашенію въ области экономической науки, но даже сдѣлала это соглашеніе невозможнымъ.

Развѣ высшіе идеалы современности являются такимъ устойчивымъ мѣриломъ? Это было бы такъ, если бы сами идеалы современности представляли нѣчто установленное и всѣми признанное. Но никто не станетъ отрицать, что такой общепризнанности не существуетъ. Принимая во вниманіе эти разногласія нельзя не сказать, что подобное требованіе является ничѣмъ инымъ, какъ требованіемъ отклоненія отъ строго-научнаго изслѣдованія, причемъ отъ изслѣдователя требуютъ такихъ ассоціацій идей, которыя заставляютъ его склоняться въ пользу однихъ аргументовъ въ ущербъ другимъ. Развѣ такое отношеніе совмѣстимо съ истинной наукой? Во всѣхъ другихъ научныхъ дисциплинахъ вліяніе ассоціацій идей, заставляющихъ изслѣдователя сосредоточивать свое вниманіе только на одной сторонѣ вопроса, признается главнѣйшей причиной, препятствующей открытію истины; на это вліяніе постоянно жалуются, видя въ немъ результатъ слабости изслѣдователя и вмѣняютъ ему въ обязанность борьбу съ нею; а между тѣмъ, требованіе измѣрять великіе современные вопросы идеалами современности вмѣняетъ эту самую слабость въ обязанность изслѣдователямъ.

При широкомъ различіи между идеалами современности, главной задачей является не борьба съ аргументами противника, а борьба съ его настроеніями и чувствами А отсюда одинъ шагъ къ заподозриванію. Поэтому, когда какой нибудь экономистъ говоритъ: большая часть населенія Германіи въ настоящее время занимается уже не земледѣліемъ, а промышленностью и торговлей, главное богатство Германіи получается изъ этого источника и главные доходы государства слагаются изъ доходовъ получаемыхъ съ промышленности, а слѣдовательно, центръ тяжести народнаго хозяйства въ Германіи находится не въ земледѣліи, то противники будутъ обвинять его не въ томъ, что его аргументы невѣрны, а въ томъ, что онъ является врагомъ сельскаго хозяйства. Точно также, тому экономисту, который рѣшится оспаривать, что при современныхъ условіяхъ право наслѣдства можетъ содѣйствовать къ поддержанію класса крестьянъ, не возражаютъ по существу, а доказываютъ, что онъ желаетъ гибели крестьянства.

Сравненіе съ хоромъ древней трагедіи особенно ясно указываетъ на ту недостойную роль, которую хотятъ навязать современной экономической наукѣ. Возьмемъ, для примѣра, хоръ въ одной изъ знаменитѣйшихъ трагедій древности—въ «Антигонѣ» Софокла. Креонъ произноситъ длинную рѣчь въ оправданіе своего поступка съ Антигоной и хоръ поддакиваетъ ему *):

*) Русскій переводъ «Антигоны» В. Водовозова, Спб. 1884.

Когда ума не отняла намъ старость,
То, кажется, слова твои разумны.

Но послѣ того, какъ Гамонъ сдѣлалъ возраженіе Креону, хоръ продолжаетъ:

Царь, если что онъ дѣльнаго сказалъ,
Тебѣ послушать слѣдуетъ, а также
Ему тебя. Обоихъ рѣчь разумна.

Или, когда рыдающую Антигону уводятъ, чтобы заживо погребсти ее, хоръ поетъ ей вслѣдъ:

...Въ чьихъ рукахъ ужъ власть, тѣхъ власть
Переступать не слѣдуетъ никакъ,
Тебя же нравъ твой своевольный губитъ.

Но послѣ того какъ это признаніе власти Креона надъ Антигоной привело къ окончательной катастрофѣ, мудрость хора гласитъ слѣдующее:

...Должно все божественное чтить.
Людямъ надменнымъ велерѣчье,
Карая ихъ великою бѣдой,
Служило поздней мудрости урокомъ.

Теперь спрашивается: неужели эти боязливыя колебанія, эти малодушныя поддакиванія дѣйствительно должны служить образцомъ для науки о народномъ хозяйствѣ? Софоклъ, создавая свой хоръ, во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду не науку. Хоръ является у него представителемъ общественнаго мнѣнія, толпы, сужденія которой всегда находятся подъ вліяніемъ послѣдняго событія. Роль науки, наоборотъ, выполняетъ предсказатель Тирезій, который судитъ поступки дѣйствующихъ лицъ съ точки зрѣнія ученія, вытекающаго изъ общей идеи всей драмы. И хотя наблюденія, на основаніи которыхъ онъ предвидитъ будущее, и разнятся отъ тѣхъ, которыя даютъ возможность современной наукѣ тоже до извѣстной степени предсказывать будущее, тѣмъ не менѣе, совѣтъ его вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, какой и она могла бы дать— онъ опирается не на какіе-либо идеалы, т. е. желанія человѣка, а на волю боговъ, т. е. на законы природы.

Но, конечно, Тирезія постигаетъ та же судьба, которая столь часто выпадаетъ на долю науки, высказывающей свои мнѣнія, не взирая на милость или немилость: Креонъ отвѣчаетъ на его непрошенное заступничество подозрѣніемъ. Креонъ хочетъ, чтобы общественное мнѣніе одобрило его поступокъ; онъ хочетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, и ненавидитъ и презираетъ все, что можетъ склонить это мнѣніе въ другую сторону. Въ настоящее время роль Креона исполняютъ не одни только государствен-

ные люди, стоящіе у кормила правленія. Настоящіе государственные люди рѣдко унижаются до этой роли. Гораздо чаще ее берутъ на себя представители различныхъ «интересовъ», которые борются за господство. Всякому, кто, подобно мнѣ, состоялъ послѣднія 25 лѣтъ профессоромъ политической экономіи въ нѣмецкомъ университетѣ, навѣрное неоднократно приходилось встрѣчаться съ Креонами въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и предъявляющихъ рѣзко противоположныя требованія. Вспомнимъ только, какія разнообразныя теченія за это время смѣняли другъ друга въ обществѣ, и какъ безконечно разнообразны тѣ идеалы, къ которымъ стремились различные его представители!

Когда я, 25 лѣтъ тому назадъ, вступилъ на каѳедру, то идеалы, господствующіе въ германскомъ «хорѣ», были идеалами манчестерской школы. Въ противорѣчіи съ этими идеалами стояли справедливыя требованія рабочихъ. И такъ какъ я вступился за права рабочихъ, то какихъ только интригъ, противъ моей профессорской дѣятельности, и какихъ только подозрѣній мнѣ ни пришлось перенести! Съ другой стороны соціалъ-демократія старалась получить господство надъ общественнымъ мнѣніемъ; и такъ какъ я постоянно указывалъ, что улучшеніе положенія рабочаго класса возможно и при современномъ строѣ, то мои взгляды оказались въ противорѣчіи съ ихъ воззрѣніями, и они тоже сдѣлались моими врагами. Въ концѣ 60-хъ годовъ, вслѣдъ за господствомъ манчестерской школы, началась новая эра—эра покровительственныхъ пошлинъ и закона противъ соціалистовъ, которая въ началѣ 90-хъ годовъ уступила мѣсто политикѣ свободныхъ договоровъ и императорскаго указа 4 февраля 1890 г. Какое почетное положеніе занимала бы наука, если-бы она, въ качествѣ хора, подпѣвала при каждой послѣдовательной смѣнѣ этихъ идеаловъ! Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, политика, провозглашенная императорскими указами, уже успѣла сойти со сцены. И опять-таки многими высказывались требованія, чтобы наука поддержала эту перемѣну фронта. Всѣмъ еще памятна выходка фрейгерра фонъ-Штуммъ-Гальберга противъ профессоровъ, высказавшихся не въ пользу правительственнаго проекта новыхъ репрессивныхъ мѣръ (Umsturz-Gesetz). Но экономисты должны служить не только идеаламъ этихъ Креоновъ крупной промышленности. Въ «Нѣмецкой ремесленной газетѣ», приблизительно въ это же время, господъ профессоровъ упрекали въ томъ, что они слишкомъ усердно ратуютъ за интересы крупнаго капитала. Редакція газеты тогда вступилась за профессоровъ, но въ нумерѣ отъ 30-го марта 1895 г. въ ней было напечатано уже отъ имени редакціи воззваніе «къ нѣмецкимъ ремесленникамъ и ихъ

друзьямъ», въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Каждое движеніе должно имѣть своего научнаго вождя. Манчестерцы имѣютъ своего Адама Смита, сторонники протекціонизма—своего Фридриха Листа и Кэри, земельные реформаторы—своего Генри Джорджа и Флюршейма, биметалисты—своего д-ра Аренда, и сторонники золотой валюты—своего Зётбера. Только одно ремесленное движеніе не имѣетъ научнаго руководителя». Съ другой стороны редакція указываетъ нѣмецкимъ ремесленникамъ на примѣръ Союза сельскихъ хозяевъ, который съумѣлъ окружить себя цѣлымъ штатомъ ученыхъ, хорошо понимая ихъ значеніе. Такъ и нѣмецкимъ ремесленникамъ слѣдовало бы вступить въ личныя отношенія съ профессорами политической экономіи, чтобы возникла «научно-обоснованная теорія народнаго хозяйства, высказывающаяся за возрожденіе ремесла на основахъ цехового строя».

Я никогда не сознавалъ такъ глубоко униженія своей науки, какъ по прочтеніи вышеозначенной статьи «Ремесленной Газеты», редакція которой прислала мнѣ ее для принятія къ свѣдѣнію; но, къ утѣшенію моему, почти одновременно я получилъ извѣстіе, что Союзъ сельскихъ хозяевъ рѣшилъ предпринять цѣлую агитацію противъ профессоровъ политической экономіи, чтобы заставить ихъ защищать требованія сельскихъ хозяевъ. Мнѣ были присланы тѣ нумера органа союза, въ которыхъ были напечатаны громовыя статьи противъ меня и моихъ коллегъ. Изъ этого я увидѣлъ, что наша наука все-таки еще не пала такъ низко, какъ предполагаетъ редакція «Ремесленной Газеты».

Итакъ, профессоръ политической экономіи долженъ сообразовать свои взгляды съ идеалами сторонниковъ свободной торговли и съ идеалами соціалъ-демократіи; съ идеалами защитниковъ покровительственныхъ пошлинъ и защитниковъ торговыхъ трактатовъ; съ идеалами сторонниковъ императорскихъ указовъ и ихъ противниковъ; съ идеалами аграріевъ и сторонниковъ цеховой организаціи. Таковъ неизбѣжный выводъ изъ того воззрѣнія, согласно которому наука не должна стоять внѣ партій и оттѣнковъ, а, подобно хору въ древней трагедіи, сопровождать своими замѣчаніями поступки дѣйствующихъ лицъ и судить о нихъ съ точки зрѣнія высшихъ идеаловъ современности. Но такъ какъ одинъ человѣкъ, даже при самой утонченной изворотливости, врядъ ли былъ бы въ состояніи удовлетворить всѣмъ подобнымъ требованіямъ, то остается только устроить въ каждомъ университетѣ отдѣльныя каѳедры для представителей каждаго изъ этихъ воззрѣній: каѳедру манчестерской политической экономіи и соціалъ-демократической, протекціонистской, анти-соціалистической, госу-

дарственно-соціалистической, каѳедру для представителя аграріевъ, для представителя фабричнаго феодализма и защитника цеховой организаціи. И всѣ эти профессора будутъ изучать одинъ и тотъ же предметъ и всѣ, на основаніи его, будутъ приходить къ прямопротивоположнымъ взглядамъ!

Причина всей этой путаницы заключается въ слѣдующемъ: вмѣсто того, чтобы ограничиваться и безъ того трудной задачей изученія существующаго, политическая экономія занимается также вопросомъ: каково должно быть народное хозяйство, и такимъ образомъ покидаетъ ту область, гдѣ только и возможны вполнѣ убѣдительныя, несомнѣнныя доказательства. Въ этомъ и заключается причина сравнительно-незначительнаго прогресса политической экономіи, причина разногласій между учителями ея и того безнадежнаго отрицанія всякой возможности соглашенія между ними, о которомъ я говорилъ въ началѣ статьи. Поэтому, я съ радостью отмѣчаю, что тѣ самые экономисты, которые защищали только-что указанную теорію и уподобляли роль науки роли хора въ древней трагедіи, теперь уже отступаются отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и стоятъ за то, чтобы научное изслѣдованіе не ставило себѣ никакихъ идеаловъ, а занималась бы только констатированіемъ и объясненіемъ фактовъ.

Мнѣ могутъ возразить на это: политическая экономія представляетъ науку, предметомъ которой является именно практическая дѣятельность. Если она отстранитъ отъ себя рѣшеніе вопроса, какою должна быть хозяйственная жизнь народа, то ея главная задача останется невыполненной. Она не исполнитъ того, ради чего существуетъ.

Подобная аргументація, однако, лишена всякаго основанія. Если политическая экономія ограничится изученіемъ существующаго, то отъ этого выводы, къ которымъ она придетъ, никоимъ образомъ не потеряютъ своего фактическаго значенія, совершенно такъ же, какъ химія не утратила своей практической примѣнимости послѣ того, какъ перестала искать философскаго камня.

Но практическое примѣненіе научныхъ положеній не есть дѣло ученаго. Математики и химики остерегаются выводить изъ своихъ теоретическихъ положеній практическія приложенія, которыя должны получить всеобщее примѣненіе, потому что практическое примѣненіе ихъ ученій находится въ зависимости отъ конкретныхъ условій, отличающихся безконечнымъ разнообразіемъ. Такъ и практическое примѣненіе ученій политической экономіи въ соотвѣтствіи съ особыми конкретными условіями каждаго даннаго

случая является дѣломъ практическаго государственнаго человѣка.

Но подобно тому, какъ теоріи, вырабатываемыя отдѣльными отраслями естествознанія, только съ тѣхъ поръ сдѣлались практически-примѣнимыми, какъ они ограничились изученіемъ сущаго и его условій, такъ и положенія, вырабатываемыя политической экономіей, оказываются примѣнимыми только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ отсутствуетъ элементъ «желательнаго».

Чему же, въ такомъ случаѣ, можетъ отъ нея поучиться государственный человѣкъ?

Она учитъ его, во-первыхъ, тому, что было, и почему оно было именно такъ, а не иначе. При этомъ она указываетъ ему, почему современное положеніе хозяйства стало именно такимъ, какимъ оно есть. Это есть первое условіе для пониманія настоящаго и для возможности успѣшной дѣятельности. Далѣе она указываетъ ему на опытъ прошлаго, на то дѣйствіе, какое при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ оказала та или иная политика, то или иное мѣропріятіе.

Во-вторыхъ, она учитъ его тому, что есть. Она раскрываетъ передъ нимъ дѣйствительное положеніе вещей—независимо отъ партійной окраски, отъ чьихъ бы то ни было интересовъ и желаній. Она указываетъ на зависимость хозяйства отъ территоріи, населенія, состоянія техники, нравовъ, правовыхъ отношеній, правительственной организаціи, условій сбыта, и пр. При этомъ она указываетъ, какіе выводы необходимо вытекаютъ изъ самаго главнаго изъ этихъ условій—существующаго правового строя.

Въ-третьихъ, она учитъ его еще большему: она даетъ ему указанія для будущаго. Научно-образованный человѣкъ видитъ не однѣ только волны, вздымаемыя вѣтромъ современности; онъ видитъ весь потокъ развитія отъ его начала и до нашихъ дней. Поэтому онъ изучаетъ факты настоящаго не только какъ нѣчто такое, что было въ прошломъ инымъ, и въ будущемъ станетъ инымъ, какъ простую стадію въ процессѣ развитія, но изученіе этого самаго процесса и его условій даетъ ему возможность дѣлать обоснованныя предположенія для будущаго, вытекающія не изъ чьихъ-либо идеаловъ и желаній, а изъ общаго направленія процесса развитія хозяйственныхъ формъ и условій, при которыхъ оно происходитъ. Уже болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, отецъ политической экономіи, сэръ Вильямъ Петти, писалъ слѣдующее: «Подобно тому, какъ мудрый врачъ не будетъ вызывать слишкомъ сильныхъ потрясеній въ организмѣ паціента, и вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать склонностямъ его натуры слишкомъ

сильными средствами, будетъ стараться изучать его и отвѣчать его запросамъ; точно такъ же слѣдуетъ поступать и въ политикѣ, и въ экономикѣ». Тотъ государственный человѣкъ, который будетъ идти наперекоръ развитію, обусловливаемому данными условіями, не можетъ имѣть успѣха: его задача должна свестись къ тому, чтобы направить потокъ по такому руслу, на которомъ онъ, достигая своей цѣли, не увлекъ бы за собою цѣнныхъ пріобрѣтеній культуры. Уже Бэконъ сказалъ, что власть надъ развитіемъ можетъ пріобрѣсти только тотъ, кто умѣетъ ему подчинятся. Кто же старается противостоять ему, тотъ гибнетъ въ этой борьбѣ. Если бы для этого положенія еще требовались какія-нибудь доказательства, то ихъ можно было бы почерпнуть хотя бы изъ исторіи объединенія Германіи.

Но я уже слышу новое возраженіе: развѣ политическая экономія, давая такимъ образомъ указанія практической политикѣ, не впадаетъ въ ту же ошибку, которая выставляется здѣсь, какъ главная причина разногласій между ея учителями? Развѣ, давая совѣты, она не имѣетъ дѣла съ желаніями? Но дѣло въ томъ, что между совѣтами и совѣтами есть большая разница. Возраженіе это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, если бы политическая экономія въ своихъ совѣтахъ руководилась бы не фактами дѣйствительности, а идеалами, и, рисуя картины будущаго, имѣла бы въ виду не то будущее, которое должно наступить, а то, которое было бы желательнымъ, словомъ, исходила бы не изъ безпристрастнаго изслѣдованія, а изъ какой-либо вѣры или индивидуальнаго міросозерцанія. Въ послѣднемъ случаѣ теорія основывалась бы на предвзятомъ мнѣніи, и изслѣдователь принялся бы за изученіе фактовъ, чтобы найти подтвержденіе своего мнѣнія. Этимъ онъ погрѣшилъ бы противъ первыхъ правилъ всякаго научнаго изслѣдованія. Совершенно иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ теорія является результатомъ настоящаго изслѣдованія, чуждаго всякихъ желаній и интересовъ. Какъ бы такое изученіе вопроса ни затруднялось для изслѣдователя традиціями, въ которыхъ онъ выросъ, его личными интересами, принадлежностью къ извѣстной партіи, и, не менѣе всего этого, его излюбленными идеями, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ никто еще не считалъ этого дѣломъ невозможнымъ. Но такое изслѣдованіе неизбѣжно влечетъ за собою извѣстные практическіе выводы, противъ которыхъ уже будутъ безсильны обычныя возраженія. Про нихъ уже нельзя будетъ говорить, что они основываются на вѣрѣ, или на индивидуальномъ міросозерцаніи; наоборотъ, само міросозерцаніе вытекаетъ изъ нихъ. Поясню это слѣдующимъ примѣромъ.

Въ теченіе 25-ти лѣтъ я постоянно твердилъ, что современный хозяйственный строй долженъ привести къ возникновенію рабочихъ организацій для самостоятельной защиты интересовъ рабочаго класса. Какимъ образомъ я дошелъ до этого взгляда? Въ началѣ я занимался изслѣдованіемъ того, что было раньше. Я узналъ, что особый рабочій классъ возникъ уже въ половинѣ XIV вѣка. Онъ возникалъ всюду, гдѣ вводимыя цехами затрудненія дѣлали невозможнымъ для большого количества подмастерій сдѣлаться мастерами. Такимъ образомъ создались особые интересы подмастерій, которые во многихъ отношеніяхъ были противоположны интересамъ мастеровъ, и въ силу этого всюду возникали особыя организаціи для защиты интересовъ подмастерьевъ, такъ-называемыя «братства» или «убѣжища» для подмастерьевъ; организаціи эти въ иныхъ мѣстахъ признавались, въ другихъ ихъ только терпѣли, въ третьихъ—боролись съ ними. За симъ послѣдовало разложеніе стараго ремесленнаго строя. Оппозиція противъ него руководилась одной идеей и опредѣленными матеріальными интересами. Идея заключалась въ томъ, что этотъ строй нарушалъ «первое, священнѣйшее и неотъемлемое право человѣка»— трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный, и нарушалъ его въ пользу немногочисленныхъ, сравнительно, привилегированныхъ лицъ. Матеріальные интересы, затронутые въ этой борьбѣ, были интересы крупной промышленности, выросшей и развившейся благодаря измѣненіямъ въ техникѣ производства, которыя, въ свою очередь, были вызваны измѣнившимися условіями сбыта. Интересы этой крупной промышленности требовали свободы, и, поддерживаемая ими, данная идея достигла побѣды. Появилась свобода ремесла и вмѣстѣ съ нею такъ-называемый свободный рабочій договоръ. Но хотя этимъ самымъ было признано за рабочимъ классомъ право защищать свои интересы, тѣмъ не менѣе, нужная для этого организація опять-таки была ему запрещена. Вмѣсто того, чтобы привести къ возвышенію рабочаго класса, свободный рабочій договоръ только ухудшилъ его положеніе, тѣмъ болѣе, что для другой изъ договаривающихъ сторонъ—предпринимателямъ—такая организація фактически оставалась дозволенной. Такое противорѣчіе между принципіально признанными правами рабочихъ и невозможностью пользоваться этими правами, вызвало въ рабочей средѣ движенія, направленныя къ ниспроверженію всего существующаго общественнаго строя. Наоборотъ, тамъ, гдѣ рабочимъ предоставлялась возможность улучшать свое положеніе при существующихъ условіяхъ, революціонные порывы ихъ затихали. Этимъ устранялась крупная опасность, грозящая нашей

современной стадіи развитія. Какова же та стадія развитія, въ которой мы въ настоящее время находимся? Наблюденіе показываетъ, что подобно тому, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ возрастающее значеніе движимыхъ имуществъ повлекло за собою подъемъ буржуазіи, такъ и въ настоящее время новѣйшія техническія и хозяйственныя измѣненія, дѣлающія ручной трудъ единственнымъ источникомъ дохода для все возрастающей въ числѣ части націи, придаютъ все растущее значеніе рабочему классу. Подъемъ буржуазіи имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что правящіе классы начали управлять страною, сообразуясь съ интересами буржуазіи. Точно также и въ настоящее время, слѣдуетъ въ большей мѣрѣ имѣть въ виду интересы рабочаго класса.

Къ этой теоріи я пришелъ, исходя не изъ вѣры или какого-либо индивидуальнаго міросозерцанія. Она не соотвѣтствуетъ ни тѣмъ традиціямъ, ни личнымъ обстоятельствомъ, среди которыхъ я выросъ, ни тѣмъ научнымъ взглядамъ, въ которыхъ я воспитывался. Со всѣмъ этимъ она не имѣетъ ничего общаго, кромѣ съ дѣтства воспитаннаго во мнѣ стремленія къ истинѣ. Я сомнѣваюсь, можно ли называть подобную теорію міросозерцаніемъ. Если же называть ее такъ, то она является, во всякомъ случаѣ, результатомъ, а не исходнымъ пунктомъ моей научной работы. Человѣкъ, который будетъ оспаривать ее, въ свою очередь, будетъ опираться или на знаніи, или на желаніи. Онъ или замѣтитъ ошибки, вкравшіяся въ мое изслѣдованіе, и укажетъ мнѣ на нихъ, разбивая, такимъ образомъ, все изслѣдованіе, опиравшееся на ошибочныхъ данныхъ. Если его замѣчанія будутъ вѣрны, то я первый откажусь отъ своей теоріи. Или же онъ окажется не въ состояніи указать на ошибки въ обоснованіи моей теоріи, и будетъ возражать только съ точки зрѣнія противорѣчивости моихъ взглядовъ извѣстнымъ вѣрованіямъ или индивидуальному міросозерцанію; онъ не будетъ соглашаться съ моими взглядами потому, что они несогласуются съ его желаніями и идеалами. Такимъ образомъ, его возраженія покоятся на желаніяхъ. Въ научномъ смыслѣ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія близорукихъ представителей односторонніхъ работодателей, не желающихъ слышать ни о какихъ реформахъ на основѣ существующаго строя, и потому возражающихъ противъ моихъ взглядовъ. Такимъ образомъ, мы опять-таки приходимъ къ тому, что главнымъ препятствіемъ къ соглашенію между представителями экономической науки служитъ введеніе въ область науки желаній относительно будущаго, обусловливаемыхъ извѣстными интересами, предразсудками и идеалами.

Я прихожу къ концу. Мы видѣли, что научное изслѣдованіе

въ экономической области встрѣчаетъ на своемъ пути чрезвычайныя затрудненія. Благодаря этому, отъ изслѣдователя требуются не только извѣстныя умственныя, но и нравственныя качества. Затрудненія заключаются не только въ самомъ характерѣ наблюдаемыхъ явленій: кромѣ этого препятствіемъ является цѣлый рядъ чувствъ, мѣшающихъ безпристрастному изслѣдованію. Нѣкоторыя изъ этихъ чувствъ, напр., тѣ, которыя вытекаютъ изъ эгоистическихъ личныхъ интересовъ, сами по себѣ невысокаго качества; но еще гораздо больше затрудненій представляютъ тѣ чувства, которыя сами по себѣ прекрасны и необходимы для практической жизни. Всякій соглашается, что вліяніе перваго должно быть парализовано; но и вторыя, какимъ бы почтеніемъ они ни пользовались и какъ-бы они ни были желательны для практической жизни, все-таки являются крайне нежелательными, когда они вмѣшиваются въ научное изслѣдованіе. Потому что научное изслѣдованіе знаетъ только одну цѣль: раскрытіе истины. Этой единственной цѣли оно должно съ неумолимой строгостью подчинять все и вся: личное *я* изслѣдователя, со всѣми его эгоистическими чувствами и стремленіями, съ его мнѣніями, излюбленными идеями и интересами. Никакая святыня не должна быть для него священнѣе истины. Наука должна вникать во все; она не должна останавливаться ни передъ какимъ испытаніемъ, ни передъ какой провѣркой, хотя-бы предметъ изслѣдованія и былъ дорогъ сердцу изслѣдователя въ силу уваженія, любви, патріотизма, чувства чести, религіи или интересовъ партіи. И она должна безъ всякихъ колебаній обнародовать результаты своей провѣрки, не взирая на пользу или вредъ, не стремясь къ похваламъ и не боясь порицанія.

Если экономическая наука будетъ выполнять это первое требованіе всякаго научнаго изслѣдованія, если она устоитъ противъ искушенія погони за идеалами и партійнаго сужденія съ ихъ точки зрѣнія,—словомъ, если она откажется отъ всего, что не есть задача науки и никогда ею быть не можетъ и будетъ разсматривать всѣ явленія, включая сюда явленія природы, и явленія человѣческой жизни, и личной жизни самого изслѣдователя, какъ будто они не имѣютъ никакой цѣли, кромѣ ихъ изученія со стороны причинной связи,—тогда нѣтъ основанія думать, что человѣческому духу не удастся преодолѣть всѣ великія трудности, которыя въ настоящее время препятствуютъ научному познанію экономическихъ отношеній и соглашенію между представителями науки о народномъ хозяйствѣ.

Пер. Л. Давыдова.

ПАСХА ВЪ ИСЛАНДІИ.

А. Браза.

(Переводъ съ французскаго).

Деревенька Рошъ-Веленъ (или Желтая скала) состоитъ изъ нѣсколькихъ низкихъ домиковъ, раскинутыхъ по обѣ стороны оврага, при устьи рѣки Трегье. Изъ маленькихъ оконъ, украшенныхъ лѣтомъ цвѣтущими глициніями и гортензіями, открывается видъ на бухту, отдѣленную отъ открытаго моря группами острововъ и имѣющую видъ большого, спокойнаго озера. Въ часы отлива вдоль береговыхъ холмовъ обнажаются высокія груды темныхъ камней, съ которыхъ свѣшиваются длинныя нити золотистыхъ водорослей. Благодаря этимъ водорослямъ, деревню и прозвали «Желтой скалой». Немногочисленное населеніе ея составляютъ, по большей части, отставные моряки, явившіеся сюда доживать послѣдніе денькй, около этого спокойного моря, упиваясь его благоуханіемъ, и убаюкиваемые шумомъ прибоя.

Два года тому назадъ, мнѣ пришлось жить въ домѣ у одного изъ этихъ моряковъ. Его звали Жаномъ Керелло и онъ былъ извѣстенъ по всей округѣ своей ученостью. Онъ учился когда-то въ колледжѣ Трегье и, по его словамъ, «былъ въ одномъ классѣ съ сыномъ капитана Ренана».

— Да,—говорила мнѣ его жена, старая Гриттенъ, съ невольнымъ сожалѣніемъ.—Подумайте только, отъ него зависѣло сдѣлаться священникомъ. Но онъ этого не захотѣлъ. Непреодолимое влеченіе тянуло его въ другую сторону. Однажды, ночью, онъ сбѣжалъ изъ колледжа, захвативъ съ собою вмѣсто всякаго багажа молитвенникъ и корку хлѣба. Черезъ три дня онъ уже поступилъ на судно для торга неграми. Трудно далась ему первая морская кампанія: онъ схватилъ желтую лихорадку въ Монтевидео, и вернулся во Францію, разочарованный въ южныхъ странахъ, но болѣе чѣмъ когда-либо увлеченный моремъ. Въ это время бретонскія шкуны на-

али измѣнять Новой Землѣ для Исландіи. Онъ подписалъ контрактъ и въ теченіе тридцати лѣтъ занимался рыбной ловлей въ Исландскихъ фіордахъ.

Въ немъ была какая-то странная смѣсь варварства и культуры. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ остался такимъ же первобытнымъ, какъ самые простодушные изъ бретонцевъ; съ другой стороны—любилъ щегольнуть латинскими изреченіями, которыя показывали, что въ старомъ морскомъ волкѣ все еще жилъ бывшій семинаристъ.

Одинъ изъ его разсказовъ особенно врѣзался въ мою память. Это было въ началѣ сентября, когда исландскія рыбацкія шкуны возвращаются домой. Открывъ однажды, утромъ, окно, я увидѣлъ цѣлую флотилію судовъ, стоявшихъ на якорѣ, около острова Лоавена. Ихъ было штукъ десять и ихъ стройныя мачты рельефно вырисовывались на жемчужномъ фонѣ неба.

— Они вернулись эту ночь, — сказалъ мнѣ Керелло. — Я ихъ только-что сосчиталъ. Всѣ тутъ налицо.

Послѣ обѣда онъ повелъ меня на вершину холма, откуда открывался видъ на море и островъ, съ окружавшими его кораблями, и разсказалъ мнѣ слѣдующій эпизодъ изъ своихъ исландскихъ плаваній:

I.

Капитанъ только-что скомандовалъ: идти внизъ и ложиться спать. Что касается меня, то мнѣ очень хотѣлось спать. Никогда еще, со времени начала рыбной ловли, я не чувствовалъ себя такимъ усталымъ. Намъ попалась стая трески, съ которой никакъ невозможно было справиться. Въ теченіе шести часовъ пришлось сидѣть неподвижно и слѣдить за удочками. Прибавьте еще, что дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, который рѣзалъ тѣло, какъ бритва. Руки у меня были всѣ исцарапаны, потому что каждое движеніе удочки раздирало до крови окоченѣвшую кожу. Для меня было истиннымъ облегченіемъ, когда мой младшій братъ Гюльомъ пришелъ смѣнить меня.

— Мѣстечко теплое,—сказалъ онъ, протирая свои еще заспанные глаза.

Мы по очереди спали на одной и той же постели. Я отвѣтилъ ему:

— Не могу сказать того же про мѣсто, на которомъ ты меня сейчасъ смѣнишь.

Когда я вмѣстѣ съ другими направлялся къ люку, капитанъ насъ окликнулъ:

— Погодите немного, ребята. Разопьемъ бутылочку водки. И ты иди съ нами, Рене-Жанъ. Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Не знаю, сохранился ли этотъ обычай до сихъ поръ, но въ мое время на каждомъ «Исландскомъ» рыболовномъ суднѣ былъ матросъ, исполнявшій до извѣстной степени обязанности священника. Для этого обыкновенно выбирали кого-нибудь, кто пробылъ въ школѣ настолько долго, что выучился бѣгло читать по латыни церковныя книги. Въ дни большихъ праздниковъ онъ читалъ священное писаніе. И когда кто-нибудь изъ экипажа умиралъ на кораблѣ, что, къ несчастью, случалось довольно часто, то онъ читалъ отходную надъ умирающимъ, и произносилъ Requiescat in pace, когда трупъ бросали въ море. На нашемъ суднѣ, именуемомъ «Милосердіемъ», эти обязанности священника лежали на мнѣ.

— Что случилось? — спросилъ я капитана, спускаясь вслѣдъ за нимъ по узкой лѣстницѣ въ каюту.

Онъ усадилъ насъ вокругъ стола, вынулъ изъ шкапа стаканы и бутылку водки. Во всякое другое время это угощеніе доставило бы мнѣ большое удовольствіе. Но въ данную минуту я мечталъ только о томъ, чтобы стянуть съ себя свои заледенѣлыя одежды, растянуться и заснуть сномъ животнаго. Я хотѣлъ повторить свой вопросъ, когда капитанъ, наливъ намъ водки, поднялъ свой стаканъ и сказалъ:

— Товарищи, въ этотъ часъ сегодня у насъ дома звонятъ во всѣ колокола. Выпьемъ по случаю наступленія Свѣтлаго Праздника.

Эти простыя слова произвели на насъ магическое дѣйствіе. Мы разомъ вскочили со своихъ скамеекъ. Усталости, изнеможенія какъ не бывало. Никто уже не думалъ ни о холодѣ, ни о снѣ. У всѣхъ вырвался одинъ и тотъ же крикъ:

— Свѣтлый Праздникъ! Пасха! И уже завтра!

Герве Гюадеръ снялъ со стѣны картонный календарь и положилъ его передъ нами на столъ.

Мы всѣ наклонились надъ нимъ. Прошедшіе дни были зачеркнуты чернильными чертами, которыя образовали какъ бы рядъ черныхъ ступеней. Уже около шести недѣль мы пребываемъ въ странѣ трески, въ окрестностяхъ Факса-фіорда! А мы и не подозрѣвали этого. Въ Сѣверномъ морѣ какъ-то теряется сознаніе времени. Трудно представить себѣ такое явленіе въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ встаешь съ восходомъ и ложишься съ наступленіемъ ночи, гдѣ колокола звонятъ утромъ, въ полдень и вечеромъ, гдѣ солнце встаетъ, подымается и закатывается съ правильностью часовъ, гдѣ рабочій, за неимѣніемъ другого способа, можетъ узнавать время по длинѣ своей тѣни. Въ Исландіи ничего по-

добнаго нѣтъ. Тамъ живешь какъ будто внѣ жизни, приходишь, уходишь, работаешь, ѣшь, даже обмѣниваешься другъ съ другомъ рѣдкими словами черезъ большіе промежутки времени, но все это дѣлается какъ-то машинально, смутно, точно во снѣ. День и ночь представляются какими-то пустыми словами, лишенными всякаго смысла. Все время свѣтло, но свѣтъ какой-то печальный, безконечный и такой блѣдный, что кажется мертвеннымъ. Даже солнце, когда оно показывается, имѣетъ какой-то странный и непохожій на солнце видъ. Безформенное и безцвѣтное, оно напоминаетъ гигантскую медузу, показывающуюся на поверхности воды. На горизонтѣ нѣтъ ничего, на чемъ могъ бы остановиться взглядъ, или, вѣрнѣе, и горизонта совсѣмъ нѣтъ. Небо и море сливаются въ одно. Сколько разъ мнѣ казалось, что корабли висятъ на воздухѣ... А тишина! Нужно пожить въ полярномъ морѣ, чтобы понять, что такое тишина. Кругомъ такъ безусловно тихо, что дѣлается страшно. Кажется, какъ будто находишься въ безмолвной странѣ смерти, и невольно здѣсь разговариваешь шопотомъ, точно въ церкви. Каждый звукъ заставляетъ васъ вздрагивать, какъ что-то необычайное и почти святотатственное. Разумѣется, здѣсь нѣтъ и помину о колокольномъ звонѣ и намъ, бретонцамъ, къ этому особенно трудно привыкнуть. Иногда кажется, какъ будто издалека, очень издалека вѣтеръ приноситъ слабые отзвуки колоколовъ. Рыбаки начинаютъ прислушиваться и говорятъ другъ другу:

— Слышишь?

Нельзя, впрочемъ, сказать, что въ Исландіи совсѣмъ нѣтъ колоколовъ. Каждое судно имѣетъ свой колоколъ, но ихъ звонъ непріятно бываетъ слушать. Они звонятъ обыкновенно только въ туманные дни, или во время бури съ погибающихъ лодокъ. Это безнадежное прощаніе съ землею тѣхъ, кому не суждено больше вернуться къ роднымъ полямъ. Сколько разъ мы читали De profundis, смотря, какъ исчезали въ туманѣ неясныя очертанія лодки, экипажъ которой самъ себя провожалъ заупокойнымъ звономъ!

Мы положительно отказывались вѣрить, что прошло уже шесть недѣль съ того дождливаго февральскаго вечера, когда мы простились съ нашими женами на набережной Трегье, среди мѣшковъ съ солью, и всевозможныхъ тюковъ и ящиковъ.

Капитанъ Гюадеръ ткнулъ пальцемъ въ календарь.

— Читай, Керелло,—сказалъ онъ.

И я прочелъ какъ разъ подъ нашимъ послѣднимъ зачеркнутымъ днемъ:

— Суббота, 14 апрѣля.

И затѣмъ, болѣе крупнымъ шрифтомъ:

— Воскресенье, 15 апрѣля, Праздникъ Пасха.

Всѣ рыбаки хоромъ повторили:

— Пасха, Свѣтлый Праздникъ!

На лицахъ, только-что омраченныхъ усталостью, появилось выраженіе радости. Одно слово «Пасха», произнесенное здѣсь, среди безмолвія полярнаго моря, за нѣсколько сотъ верстъ отъ родины, сразу оживило всѣхъ. Передъ глазами моими встала родина съ ея откосами, покрытыми обильною травою, кустами дикаго терна, перевитаго блестящими нитями паутины, съ ея мелкими цвѣтами, синими, бѣлыми и розовыми, разцвѣтшими подъ апрѣльскимъ солнцемъ; мнѣ вспомнились серебристыя утра, небо, усѣянное мелкими облачками, поля цвѣтущаго ревеня, крики дѣтей и пѣнье птицъ, и блескъ солнца надъ моремъ. Я увидѣлъ мой приходъ, мой домикъ, гдѣ мы тогда жили, мою жену, готовящуюся идти къ обѣднѣ и надѣвающую свой головной уборъ передъ обломкомъ зеркала, прикрѣпленнымъ къ оконной рамѣ. Я увидѣлъ звонаря на колокольнѣ, раскачивающаго бронзовыя массы колоколовъ... Чего я только не увидѣлъ въ эту минуту?

Всѣ мы молчали, погруженные въ свои воспоминанія.

Капитанъ первый нарушилъ молчаніе.

— Керелло,—сказалъ онъ мнѣ,—постарайся завтра какъ можно лучше прочесть намъ пасхальное богослуженіе.

Потомъ, отпуская насъ, онъ прибавилъ:

— Для всѣхъ будетъ 12 часовъ отдыха.

Когда мы влѣзли въ наши «ящики съ разсоломъ», какъ говорятъ въ Исландіи, стрѣлка моихъ часовъ подвигалась къ 10.

II.

Я отправлялся во снѣ въ Арморъ и разсказывалъ что-то женѣ, когда меня разбудилъ хриплый голосъ, говорившій:

— Подвинься немного, Жанъ-Рене... Я умираю отъ холода.

Это былъ братъ, требовавшій своего мѣста въ постели, рядомъ со мною—на узкихъ палатяхъ, гдѣ и одинъ человѣкъ помѣщался съ трудомъ. Я забился въ глубину, прислонясь спиною къ перегородкѣ шкуны. Гюльомъ прижался ко мнѣ. Онъ положительно замерзъ; зубы его стучали. Отъ холода его прикосновенія я совсѣмъ проснулся. Дыханье съ хрипомъ вырывалось изъ его рта. Онъ прошепталъ:

— Что за чортово ремесло! Ты увидишь, что я здѣсь поколѣю.

— Вздоръ!—сказалъ я.—Не думай объ этомъ. Завтра Пасха.

— Хороша Пасха! Я бы лучше хотѣлъ солнца, но настоящаго солнца... Какъ вспомнишь ночи въ Ріо, хомяки подъ деревьями, пѣніе цыганъ... И чего меня занесло въ эту трущобу?

Братъ долго путешествовалъ по южнымъ морямъ, и сдѣлался зябкимъ, какъ женщина, или какъ кошка. Рыбакомъ онъ сталъ только три года тому назадъ, и не чувствовалъ къ этому никакого влеченія. Онъ былъ менѣе выносливъ, чѣмъ мы, съ раннихъ лѣтъ свыкшіеся съ суровостью полярнаго неба. И потомъ, у него, какъ говорится, не хватало матеріала. Сложеніе его было недостаточно крѣпкое, легкія недостаточно сильны. Уже съ первой рыболовной поѣздки онъ началъ кашлять. А въ тѣхъ мѣстахъ человѣкъ, схватившій кашель, можетъ считаться погибшимъ. Онъ самъ это чувствовалъ подчасъ, что и приводило его въ мрачное настроеніе духа, хотя по натурѣ онъ былъ самымъ веселымъ и беззаботнымъ изъ всѣхъ товарищей. На берегу онъ весь отдавался удовольствіямъ, но въ морѣ его преслѣдовали мысли о ранней смерти. Впрочемъ, онъ говорилъ объ этомъ только со мной, и то въ шутливомъ тонѣ, такъ что я не придавалъ его словамъ серьезнаго значенія... Онъ безпрестанно ворочался на постели.

— Ты замерзъ?—спросилъ я его. И такъ какъ онъ весь дрожалъ, я наполовину легъ на него, чтобы согрѣть его своимъ тѣломъ.

— Я весь окоченѣлъ—сказалъ онъ.—Мнѣ гораздо хуже. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, голубчикъ, тебѣ придется читать надо мною отходную.

— А кто же будетъ виноватъ?

— Я самъ, или моя судьба. Ну, прощай. Ты согрѣлъ меня. Я, должно быть, засну. Только и есть хорошее въ жизни, что сонъ.

И онъ, дѣйствительно, заснулъ сразу, тяжелымъ сномъ, какъ усталый быкъ. На сосѣднихъ постеляхъ двадцать другихъ рыбаковъ лежали попарно, прижавшись другъ къ другу, и наполняли каюту своимъ храпомъ. Я думалъ о братѣ и мнѣ стало грустно. Я сказалъ себѣ:

— Все равно, ужъ больше не заснешь. Не пойти ли мнѣ на палубу. Ему будетъ просторнѣе одному.

Закутавшись, какъ медвѣдь, я вышелъ на палубу.

Тамъ меня ожидало такое зрѣлище, какого я никогда еще не видѣлъ, не смотря на свои частыя пребыванія въ Исландіи и знакомство съ ея фантастической природой. Вся сѣверная часть

неба, казалось, была въ движеніи, хотя вѣтеръ спалъ, и въ той части моря, гдѣ находилась наша шкуна, царила полная тишина. Туманъ колыхался, точно движимый какими-то сверхъестественными силами. Вдругъ завѣса его порвалась, и тонкій лучъ бѣлаго свѣта медленно поднимался кверху, напоминая странной формы цвѣтокъ, распускающійся среди заснувшихъ водъ. Постепенно образовался цѣлый снопъ такихъ лучей, разбрасывавшихъ во всѣ стороны безчисленные огненные цвѣты, разгоравшіеся все болѣе и болѣе яркимъ пламенемъ. Я усѣлся на краю шкуны и съ восторгомъ смотрѣлъ на небо. Мало-по-малу оно начало меркнуть, и на мѣстѣ сверкающаго снопа лучей въ просвѣтѣ между облаками осталась только далекая полоса неяснаго молочнаго свѣта.

Я невольно скрестилъ руки, и губы мои сами собою начали шептать молитву.

Кругомъ царила безконечная тишина. Облака сдвинулись къ востоку и легли на горизонтъ тяжелой, сѣро-лиловой грядой. На противоположной сторонѣ неба полярное свѣтило, ни солнце, ни луна—бросало свой первый лучъ на фіорды.

— Ты уже всталъ, Жанъ-Рене,—послышался за моей спиной голосъ капитана. — Это удивительно, — сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.—Теперь почти тепло. Вѣтеръ смягчился. Не кажется ли тебѣ, что повѣяло воздухомъ Франціи?

Я отвѣтилъ, смѣясь:

— Правда, какъ будто запахло пшеничными блинами.

Мы начали ходить взадъ и впередъ по палубѣ, разговаривая о родинѣ.

— Съ которыхъ поръ, — спросилъ меня капиталъ,—ты не проводилъ праздника у себя въ Амбрѣ?

Я уже двѣнадцатый годъ занимался рыболовствомъ и, слѣдовательно, проводилъ въ морѣ двѣнадцатую «бѣлую Пасху», какъ у насъ говорятъ.

— Это много,—замѣтилъ капитанъ. — Но я еще на два года старше тебя въ этомъ отношеніи.

Онъ былъ изъ деревни Перросъ-Гамонъ, за полъ-версты отъ насъ. Это былъ крѣпкій малый, огромнаго роста, настоящій морской геркулесъ. Онъ былъ вспыльчивъ и иногда съ нимъ случались припадки гнѣва, страшные и неожиданные, какъ порывы вѣтра; но они продолжались не долго, и его сѣрые глаза быстро свѣтлѣли и опять дѣлались добрыми и спокойными, какъ прояснившее небо. Въ сущности, онъ былъ добрѣйшимъ человѣкомъ, и въ этомъ огромномъ тѣлѣ, не смотря на его внушительный, свирѣпый видъ, жила почти дѣтская душа, добрая и отзывчивая.

Въ это утро онъ признался мнѣ, что всегда съ грустью встрѣчаетъ пасхальные дни.

— Не знаю, испытываешь ли ты тоже самое, Жанъ-Рене... Но я въ такіе дни чувствую себя такъ далеко отъ всѣхъ, такимъ заброшеннымъ, одинокимъ. Что бы тамъ ни говорили, даже и для исландскихъ рыбаковъ мачта своей шкуны никогда не замѣнитъ родной колокольни. Всю эту недѣлю у меня душа была не на мѣстѣ, а вчера вечеромъ, когда вы ушли, у меня даже слезы были на глазахъ, право. Какъ я подумаю, что они тамъ безъ меня справляютъ «Погребеніе тѣла Господня», такъ у меня сердце и сожмется. Такъ жалко, что и этотъ годъ опять не придется быть на этомъ праздникѣ. Еще когда я мальчишкой былъ, то всегда, бывало, въ этотъ день побѣгу въ Пэмполь смотрѣть на процессію. Такая масса народу отовсюду собиралась на этотъ праздникъ, что старая церковь въ Пэмполѣ не могла всѣхъ вмѣстить. Многіе стояли кругомъ церкви и въ аллеяхъ кладбища и ждали выхода процессіи. И тамъ я, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, познакомился съ одной маленькой дѣвочкой, Катериной Маншекъ. Она пришла изъ сосѣдней деревни вмѣстѣ со своими родителями и случайно сѣла рядомъ со мной на той же могильной плитѣ. Я тогда и не думалъ, что она когда-нибудь станетъ моей женой. На этомъ же праздникѣ я увидѣлся съ нею опять черезъ десять лѣтъ, когда возвращался въ церковь вмѣстѣ съ процессіей. Ночь была ясная, небо бархатное. Приходилось идти по узкимъ уличкамъ и давка была страшня. Вдругъ меня притиснуло къ какой-то молодой дѣвушкѣ. Я обернулся, смотрю, а это она и есть, Катерина Маншекъ. Я ее за это время разъ пять встрѣчалъ, но какъ-то не случалось говорить. А тутъ мы разговорились. Идемъ рядомъ, она мнѣ отвѣчаетъ, и сама въ то же время перебираетъ четки. Я не пошелъ за нею въ церковь, чтобы не мѣшать ей молиться, а сталъ у рѣшетки и подождалъ, пока она выйдетъ. А потомъ проводилъ ее порядочный кусокъ по дорогѣ домой. Она шла со своими знакомыми. А черезъ недѣлю мы уже были женихомъ и невѣстой...

Пока мы съ капитаномъ болтали такимъ образомъ, наступило утро. Солнце имѣло видъ большой красной луны. Вдали кое-гдѣ показались мачты кораблей, раскинутыхъ по Факса-фіорду. Наканунѣ онѣ не были видны, потому что ихъ скрывала густая дымка тумановъ. Теперь же они явственно виднѣлись на горизонтѣ и казались рядомъ колоколень. А на востокѣ смутно вырисовывались ледяныя очертанія Исландіи, которая очень рѣдко бываетъ видна съ моря. Одинъ годъ мы не видѣли ее ни разу во

время всей нашей рыболовной кампаніи. Иногда по вечерамъ она кажется совсѣмъ близко, а на утро совсѣмъ исчезаетъ въ туманѣ.

— Что же это, однако? — сказалъ капитанъ, взглянувъ на часы.—Неужели они собираются проспать Свѣтлое Христово Воскресеніе? Постой же, я ихъ сейчасъ разбужу.

И онъ зазвонилъ въ старый колоколъ, прикрѣпленный на корабельномъ носу.

Тотчасъ же палуба наполнилась заспанными матросами съ перепуганными лицами.

— Что такое, Керелло? Что случилось?

Капитанъ отвѣтилъ имъ весело:

— А то, что сегодня Пасха, сони вы этакіе!

III.

Часъ спустя все было готово для богослуженія. Палуба была чисто вымыта и на ней не валялось больше ни одной сѣти, ни одного рыболовнаго снаряда. Одинъ изъ нашихъ парусовъ изъ сѣрого полотна, совсѣмъ новый и ни разу еще не употреблявшійся, покрывалъ ящикъ, долженствующій изображать алтарь. Мы поставили на немъ статую Божьей Матери изъ цвѣтного фаянса, украшавшую собою каюту капитана, и деревянное изображеніе св. Ива, патрона тресорскихъ моряковъ.

Одинъ изъ матросовъ, по имени Горандель, кстати вспомнилъ, что мать его всегда кладетъ ему на дно сундука освященную вѣточку букса, предохраняющую отъ всѣхъ несчастій. Онъ извлекъ ее изъ сундука и прикрѣпилъ къ импровизированному алтарю. Это маленькая засушенная вѣтка имѣла довольно жалкій видъ, но ея было достаточно, чтобы вызвать во всѣхъ насъ воспоминаніе о бретонской веснѣ, среди этой мрачной полярной природы.

Когда все было готово, капитанъ велѣлъ юнгѣ стать около колокола и сказалъ:

— Ты позвонишь, когда я сдѣлаю тебѣ знакъ.

Я уже былъ на своемъ посту, передъ алтаремъ, который былъ ниже моихъ колѣнъ. Главная мачта съ покосившейся реей гигантскимъ крестомъ вырисовывалась на небѣ. Наша шкуна слегка покачивалась на водѣ, наклоняя то вправо, то влѣво статуи Богородицы и св. Ива. Вокругъ полная тишина. Матросы кругомъ стали около меня. Для этого случая они надѣли свои самыя чистыя куртки. Они не могли бы быть приличнѣе одѣтыми, если бы нужно было идти къ обѣднѣ въ настоящую церковь. Только большіе кашне яркихъ цвѣтовъ, завязанныя на шеѣ и жилетки

изъ толстой шерстяной матеріи, накинутыя на плечи вмѣсто пальто, указывали на близость арктическихъ странъ.

— Начинай, Жанъ-Рене,—произнесъ капитанъ.

Я снялъ свою мѣховую шапку, перекрестился и приступилъ къ чтенію мессы.

Со стороны эта сцена, можетъ быть, показалась бы очень смѣшной, и я, вѣроятно, представлялъ довольно странную фигуру въ роли священника. Но тамъ, на маленькой шкунѣ, затерянной среди безконечнаго молчанія и безконечной пустоты, никому и въ голову не приходило смѣяться. Я былъ очень серьезенъ и, признаться, даже нѣсколько взволнованъ. Въ сущности, мнѣ бы слѣдовало быть священникомъ, у меня съ дѣтства было къ этому влеченіе. Другіе также были настроены очень набожно. Они замѣняли хоръ и, слѣдя по молитвенникамъ, давали отвѣтствія на мои слова. Ихъ громкіе, звучные голоса пробуждали въ воздухѣ какое-то странное продолжительное эхо. Казалось, что гдѣ-то вдали невидимый экипажъ матросовъ молится вмѣстѣ съ нами. Сначала намъ было немного жутко отъ этого. Вы знаете, говорятъ: когда въ Исландіи громко молятся, то души «погибшихъ» въ морѣ отвѣчаютъ вамъ. Старый Лолль часто разсказывалъ намъ, какъ онъ однажды ночью со скуки началъ читать «Отче нашъ», сидя надъ своей удочкой, и вдругъ изъ глубины моря поднялись голоса, повторявшіе каждое его слово. Онъ испугался и замолчалъ. Тогда изъ глубины раздалось рыданіе, и одинъ изъ голосовъ сказалъ ему:

— Если бы ты дочиталъ до «И избави насъ отъ лукаваго», то насъ всѣхъ спасъ бы.

Въ этотъ день мы, должно быть, спасли много погибшихъ душъ, потому что дочитали до конца всѣ молитвы. Когда мы дошли до «Sanctus», то капитанъ сдѣлалъ знакъ юнгѣ и скомандовалъ:

— На колѣни, ребята.

Мы остались въ такомъ положеніи минуту или двѣ, со склоненными головами, прислушиваясь къ звонку маленькаго колокола и закрывая глаза, чтобы увидѣть въ воображеніи родную церковь, алтарь, украшенный цвѣтами, шитыя золотомъ облаченія причта и бѣлые головные уборы женщинъ, напоминающіе крылья чаекъ.

Когда я кончилъ, капитанъ сказалъ мнѣ:

— Это еще не все, Жанъ-Рене. Что же это за месса безъ пѣнія!

— Да, да,—закричали другіе.—Ты долженъ спѣть что-нибудь.

У меня былъ когда-то хорошій голосъ и меня уже съ дѣтства

заставляли пѣть въ церкви. Но въ Исландіи мнѣ рѣдко случалось пѣть. Я уже говорилъ вамъ почему: въ этомъ полярномъ безмолвіи пугаешься собственнаго голоса. И потомъ, многіе утверждаютъ, что это приноситъ несчастіе: какъ будто вызываешь смерть. Поэтому я и теперь не сразу рѣшился, а обратился къ брату, чтобы спросить его совѣта. Онъ сидѣлъ у подножья главной мачты, обхвативъ ее одною рукою. Съ утра у меня не было времени подумать о немъ. Теперь же его блѣдность поразила меня. Подъ легкимъ загаромъ, покрывавшимъ его молодыя черты, просвѣчивала мертвенная блѣдность утопленника. Мнѣ стало страшно. Должно быть, онъ догодался о моихъ мысляхъ, потому что выпрямился и сказалъ мнѣ со смѣхомъ:

— Что это ты заставляешь себя просить, Жанъ-Рене? По случаю Пасхи ты долженъ, по крайней мѣрѣ, пропѣть намъ Аллилуя.

Щеки его немного порозовѣли, когда онъ говорилъ. Другіе подхватили:

— Да, да, Аллилую.

— Валяй, братъ,—продолжалъ Гюльомъ.—Ужъ постарайся получше спѣть. Пусть и тѣ тебя услышатъ. Это и ихъ порадуетъ.

Онъ указалъ на далекіе силуэты рыбацкихъ судовъ, виднѣвшихся на горизонтѣ.

— Да,—подтвердилъ капитанъ.—Поддержи честь нашего «Милосердія».

Я запѣлъ торжественный гимнъ Воскресенія. Остальные тотчасъ же начали мнѣ подпѣвать. Странно звучали наши голоса въ этомъ морѣ, обреченномъ на вѣчное молчаніе. Я увлекся и вкладывалъ всю свою душу въ пѣніе.

Вдругъ какой-то голосъ крикнулъ мнѣ:

— Жанъ-Рене! Твоего брата рветъ кровью.

Въ одну минуту я очутился около Гюльома. Онъ стоялъ наклонившись и два рыбака держали его подъ мышками. Изъ носу и изъ рта у него вытекали цѣлыя струи крови. Его колѣни и ноги были залиты кровью и на палубѣ уже образовалось цѣлое кровяное пятно, какъ будто на этомъ мѣстѣ распотрошили штукъ пятьдесятъ трески. Я хотѣлъ схватить его на руки и унести—самъ не знаю куда, думая, что это можетъ ему помочь. Но онъ жестомъ отстранилъ меня и прошепталъ:

— Оставь, оставь... Нужно, чтобы все вышло.

Мы всѣ столпились передъ нимъ, ошеломленные, растерянные, и, не говоря ни слова, смотрѣли на него. Я искалъ глазами капитана. Онъ быстро сошелъ въ свою каюту и вернулся, держа

въ рукахъ стаканъ, наполовину наполненный какой-то темной жидкостью.

— Если бы ты могъ проглотить это, Гюльомъ, — сказалъ онъ.—Тебѣ бы навѣрное стало легче. Это сахарная водка... настоящая...

Братъ протянулъ руку, но она слишкомъ дрожала.

— Влейте мнѣ въ ротъ,—проговорилъ онъ.

Когда это исполнили, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Славная штука! Согрѣваетъ, какъ солнце.

Онъ вытеръ лицо рукавомъ, чтобы снять куски запекшейся крови, оставшіеся въ бородѣ, и сказалъ, поморщиваясь:

— Невкусная все-таки вещь, кровь человѣческая.

Я спросилъ его:

— Не хочешь ли ты прилечь?

— Ладно,—сказалъ онъ.—Я пойду, а вы кончайте праздникъ безъ меня. Я, все равно, теперь гроша мѣднаго не стою.

— Надо его уложить въ мою каюту,—вмѣшался капитанъ.—

— Тамъ есть свободная постель. Сведи его туда, Жанъ-Рене.

Но Гюльомъ заявилъ, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи. Онъ какъ будто стыдился того, что съ нимъ случилось, ему непріятно было чувствовать себя такимъ слабымъ, точно женщина, среди этихъ здоровенныхъ молодцовъ, крѣпкихъ, какъ деревья, на лицахъ которыхъ выражалась теперь жалость къ нему, смѣшанная съ недоумѣніемъ. Онъ подтянулся, проходя мимо нихъ, но ноги его, помимо воли, дрожали и покачиванія судна заставляли его шататься, какъ пьянаго. Когда мы остались одни въ каютѣ, первыми его словами было:

— И съ чего это я сдѣлался такой, ни къ чорту негодной тряпкой!

Мнѣ стоило неимовѣрныхъ трудовъ стянуть съ него сапоги; у него, оказалось, распухли ноги. Растянувшись на постели, онъ притворился очень довольнымъ.

— Тутъ очень недурно... Роскошная постель, братецъ. И одѣяло изъ чистой шерсти... Такъ мягко, что сразу заснешь... Мнѣ будетъ сниться, что я капитанъ.

Я сложилъ его жилетку вчетверо и подсунулъ ему подъ голову вмѣсто подушечки. Когда я совсѣмъ уложилъ его, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, а теперь отправляйся наверхъ. Нечего тебѣ сидѣть около меня.

— А если рвота опять начнется?

— Не безпокойся, я тогда позову. Иди, и справляй съ ними Пасху.

Когда я уже поднимался по лѣстницѣ, онъ крикнулъ мнѣ:
— Ты мнѣ разскажешь, хороша ли была мясная колбаса.

IV.

Капитанъ еще наканунѣ распорядился, чтобы Пасхальный обѣдъ былъ достоинъ торжественнаго праздника, который мы справляли. Я засталъ товарищей за луковой похлебкой, столь дорогой желудку каждаго бретонца. Съ утра всѣ только и говорили объ этомъ супѣ, о картофелѣ, жареномъ въ салѣ, и въ особенности о мясной колбасѣ. «Колбаса будетъ превосходная, друзья мои», объявилъ намъ капитанъ. Въ Исландіи колбаса считается большой рѣдкостью. Тамъ питаешься чѣмъ попало, каждый въ своемъ углу, обыкновенно даже не прерывая рыбной ловли. Корка хлѣба, кусочекъ солонины, глотокъ воды изъ бочки—вотъ и весь обѣдъ. Поэтому мы всѣ заранѣе радовались общей пасхальной трапезѣ, которую можно будетъ продолжить сколько угодно, съ трубкой во рту, съ пѣснями и веселыми разговорами. И даже во время обѣдни многіе изъ насъ невольно отвлекались отъ благочестивыхъ мыслей запахомъ кушаній, доносившихся изъ кухни, и видомъ темныхъ клубовъ дыма, вырывавшихся изъ кухонной трубы. Въ странѣ изгнанія, въ этихъ печальныхъ моряхъ, всякое маленькое удовольствіе принимаетъ большіе размѣры.

Но для меня все удовольствіе было испорчено неожиданной болѣзнью брата. Я чувствовалъ такое изнеможеніе, какъ будто только-что упалъ съ высоты мачты. Ничто меня не радовало.

Несмотря на это, я все-таки сѣлъ на свое мѣсто за столомъ. На палубѣ было устроено нѣчто вродѣ палатки изъ стараго паруса. Но и всѣ прочіе были какъ-то не веселы.

— Ну, какъ ему, Жанъ-Рене?—освѣдомился капитанъ.

— Ему лучше. Онъ больше не жалуется. Онъ просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ и не безпокоились о немъ. Онъ даже и мнѣ не позволилъ сидѣть съ нимъ.

— Я увѣренъ, что онъ выскочитъ благополучно, — замѣтилъ Гарандель.

— Нужно желать этого и для него, и для насъ, — замѣтилъ Дезире Кернёръ, старый исландскій рыбакъ, котораго мы прозвали «старой камбалой».

Онъ не сказалъ больше ничего, но мы всѣ поняли его съ полуслова. Смерть брата была бы дурнымъ предзнаменованіемъ для «Милосердія». Несчастіе—похоже на крысу: достаточно появиться одной, какъ вслѣдъ за нею вскорѣ явится цѣлый выво-

докъ. Когда одинъ изъ рыбаковъ умираетъ во время рыболовной кампаніи, то его смерть является какъ бы предупрежденіемъ, что и другіе вскорѣ за нимъ послѣдуютъ. На моихъ глазахъ смерть однажды въ три дня скосила десятерыхъ человѣкъ. Изо всей партіи въ 11 человѣкъ, живымъ остался только одинъ: смерть, казалось, хотѣла пощадить его, но онъ словно обезумѣлъ и самъ отправился къ ней на встрѣчу, бросившись въ море...

Мы сидѣли вокругъ стола, скрестивъ ноги, и ѣли луковую похлебку. И мало-по-малу лица начали проясняться. Капитанъ велѣлъ принести бутылку водки. Выпили за здоровье Гюльома.

Гарандель сказалъ:

— По моему, ему нужно оставить его порцію жаркого. Увидите, что онъ будетъ голоденъ, когда проспится. А будьте увѣрены, онъ не поймалъ еще своей послѣдней трески!

Веселый матросъ былъ этотъ Гарандель. У него было розовое лицо, какъ у молодой дѣвушки, и дѣтскіе голубые глаза. Его считали придурковатымъ, но всѣ любили. Его спокойствіе заразило насъ всѣхъ: онъ говорилъ съ такою увѣренностью, что мы тоже почувствовали себя успокоенными. Появленіе дымящейся мясной колбасы тоже содѣйствовало хорошему расположенію духа матросовъ. Ее привѣтствовали тройнымъ ура! Одинъ запахъ нашего домашняго блюда сразу вернулъ намъ веселость. Исландія отошла куда-то вдаль и мы всѣ мысленно перенеслись на берегъ Армора, гдѣ тоже теперь празднуютъ Пасху. Мы оживленно болтали и, конечно, разговоръ вертѣлся на воспоминаніяхъ о родинѣ. Женатые матросы подшучивали надъ холостыми. Строили предположенія относительно будущихъ осеннихъ свадебъ. Въ то же время не забывали и напитковъ. Мясная колбаса разожгла во всѣхъ жажду, и капитанъ безпрестанно повторялъ:

— Пасха бываетъ разъ въ годъ... Нужно веселиться, какъ истиннымъ христіанамъ.

Онъ показывалъ примѣръ, а остальные охотно слѣдовали ему. Такимъ образомъ было выпито большое количество бутылокъ вина, купленныхъ въ Бордо. Мало-по-малу всѣ начали пьянѣть. У многихъ глаза сдѣлались маленькими и блестящими. Воцарилось молчаніе, потому что мы уже исчерпали всѣ предметы разговора. У исландскихъ рыбаковъ никогда, даже и въ праздничные дни, не выходитъ длиннаго разговора. Каждый думалъ о своемъ, вспоминалъ свой домъ, семью, дѣтей. Густой дымъ изъ трубокъ носился въ воздухѣ, какъ туманъ. Одинъ изъ моряковъ разсказывалъ что-то, но никто его не слушалъ.

Я выпилъ почти столько же, сколько и товарищи, но голова

у меня осталась свѣжей. Отъ времени до времени я наклонялъ голову въ сторону каюты и прислушивался, готовый подняться по первому знаку. И вотъ, когда я повернулся туда, можетъ быть, въ двадцатый разъ, я увидѣлъ Гюльома, стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Онъ смотрѣлъ на насъ, засунувъ руки въ карманы и опершись плечомъ о большую мачту. Онъ былъ еще очень блѣденъ, но казался спокойнѣе; губы его улыбались и въ нихъ сквозила легкая иронія.

Всѣ радостно привѣтствовали его.

— Гарандель-то былъ правъ,—сказалъ капитанъ. — Ура Гаранделю!

Гарандель, смѣясь, обратился къ брату:

— Знаешь, безъ меня тебѣ пришлось бы весь день поститься... Но я потребовалъ, чтобы тебѣ оставили твою долю... Иди же скорѣе.

Но братъ не двигался съ мѣста и со странной улыбкой смотрѣлъ на насъ своими темными глазами.

— Долго ли ты будешь такъ стоять,—проворчалъ капитанъ.— Вотъ погоди, я сейчасъ притащу тебя.

Онъ направился къ брату, покачиваясь своимъ огромнымъ тѣломъ, нѣсколько отяжелѣвшимъ отъ вина. Онъ совсѣмъ загородилъ его отъ насъ своими широкими плечами. Кто-то сказалъ:

— Увидите, онъ возьметъ его на руки, какъ мальчишку.

Но капитанъ, сдѣлавъ шаговъ десять, вдругъ остановился. Онъ обернулся къ намъ блѣдный и испуганный. Руки его дрожали и онъ еле могъ выговорить:

— Нѣтъ Гюльома... Онъ исчезъ.

И въ самомъ дѣлѣ, палуба была пуста: у подножья мачты никого не было. Мы въ ужасѣ переглянулись другъ съ другомъ. Холодный потъ выступилъ на нашихъ лицахъ. Никто изъ насъ не произнесъ слова «призракъ», а между тѣмъ это былъ призракъ, безъ всякаго сомнѣнія. Капитанъ присоединился къ нашей группѣ. Ноги его подкашивались, страхъ сковалъ этого сильнаго человѣка, который много разъ уже стоялъ лицомъ къ лицу со смертью.

— Жанъ-Рене,—пробормоталъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.—Тебѣ нужно сходить посмотрѣть... Тутъ есть что-то странное... Поди ты... Ты понимаешь, вѣдь это твой братъ.

Какъ я добрался до каюты, какимъ образомъ я вошелъ въ нее, не сломавъ себѣ шеи, въ какомъ состояніи я находился въ эту ужасную минуту моей жизни — не съумѣю вамъ сказать. Въ моей памяти точно образовалась дыра. Помню только, что въ головѣ у меня стучало, какъ будто въ нее ударяли кузнечными мо-

лотами... Нѣкоторое время я не могъ ничего разглядѣть въ полутемной каютѣ. Наконецъ, я различилъ фигуру брата. Онъ лежалъ спиною ко мнѣ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Я сталъ на колѣни около него и тихо сказалъ:

— Гюльомъ!.. Гюльомъ!

Протянуть руку, дотронуться до него я не рѣшался, боясь прикоснуться, можетъ быть, къ похолодѣвшему тѣлу... О, этотъ ужасъ! Это ожиданіе! Я возвысилъ голосъ:

— Гюльомъ! Ради самого Бога...

Въ отвѣтъ послышался слабый стонъ. Онъ еще былъ живъ! Я увидѣлъ, что онъ старался повернуться на другую сторону. Я наклонился надъ нимъ, чтобы помочь ему. Должно быть, у него былъ еще припадокъ рвоты, потому что весь матрасъ былъ выпачканъ кровью. Мой бѣдный Гюльомъ былъ уже только тѣнью самого себя. Смерть уже овладѣла имъ. Нѣсколькихъ часовъ, оказалось, достаточно, чтобы совершенно обезсилить это цвѣтущее молодое тѣло. Я съ трудомъ удерживалъ подступившія слезы.

— Чего бы тебѣ теперь хотѣлось, Ломикъ?—спросилъ я, называя его уменьшительнымъ именемъ, какимъ обыкновенно звала его наша мать.

Онъ указалъ глазами на бутылку сахарной водки, которую капитанъ оставилъ на столѣ. Я влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и, притянувъ меня къ себѣ, проговорилъ:

— На палубу... Мнѣ хочется воздуху... Здѣсь задыхаешься...

Я въ одинъ прыжокъ очутился у лѣстницы и крикнулъ наверхъ:

— Братцы, идите сюда, нужно помочь.

Всѣ тотчасъ же явились. Я объяснилъ капитану въ чемъ дѣло.

— Ну что-жъ, перенесемъ его,—сказалъ онъ.—Мы его поднимемъ вмѣстѣ съ матрасомъ — вотъ и все. Мы тутъ съ тобой вдвоемъ можемъ справиться.

Къ капитану вернулось его обычное спокойствіе духа и онъ командовалъ, какъ на маневрахъ.

— Я только одного боялся,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо.—Я былъ убѣжденъ, что ты найдешь его мертвымъ.

— Его положеніе немногимъ лучше,—сказалъ я.

Этотъ силачъ Гюадеръ обладалъ не только силою, но и ловкостью. Мы перенесли брата въ одну минуту, безъ всякаго затрудненія, безъ малѣйшаго толчка и положили его подъ большую мачту, на то самое мѣсто, гдѣ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ намъ явился его призракъ. Юнга убиралъ послѣ обѣденной тра-

пезы, выметалъ пепелъ, чистилъ скамейки. Я сѣлъ на полу около Гюльома. Другіе отошли и дѣлали видъ, будто прогуливаются по палубѣ, чтобы оставить насъ вдвоемъ. Онъ дышалъ свободнѣе и, полу-открывъ ротъ, казалось упивался свѣжимъ воздухомъ.

Наступилъ уже вечеръ. Небо приняло фіолетовую окраску. Длинный силуэтъ шкуны отражался въ морѣ. Вѣтеръ свѣжѣлъ и вдали уже началось движеніе темныхъ массъ облаковъ. Я держалъ одну изъ рукъ Гюльома. Она была горяча и влажна. Онъ упорно смотрѣлъ вверхъ, какъ будто тамъ было что-то такое, видимое ему одному. Вдругъ глаза его заблистали и онъ прошепталъ:

— Жанъ-Рене, птицы!

И дѣйствительно, на небѣ показалась стая черныхъ птицъ, двигающихся съ запада, съ освѣщенной теперь части небосклона, должно быть, это были гренландскіе голуби или же такъ-называемые золотые подорожники. Они испускали монотонные короткіе крики, напоминающіе крики новорожденныхъ дѣтей. Нѣкорыя изъ нихъ, должно быть, наиболѣе усталыя, на минуту подсѣли на верхъ мачты, потомъ поднялись и снова продолжали свой путь къ полюсу, въ ту сторону, откуда поднималась ночь.

Видъ ихъ, казалось, немного оживилъ Гюльома. Онъ началъ что-то говорить самъ съ собой, что-то себѣ разсказывать, чего я не могъ разобрать. Потомъ онъ вдругъ умолкъ и, посмотрѣвъ на меня съ непривычной для него нѣжностью, произнесъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, почти безъ усилія:

— Ты не слишкомъ огорченъ, не правда ли, Жанъ-Рене?

— Я огорченъ, потому что ты мучаешься.

— Вотъ и ошибаешься: я больше не мучаюсь. Самое скверное уже прошло. Теперь все будетъ хорошо.

Я подумалъ, что ему въ самомъ дѣлѣ стало лучше и что къ нему вернулась надежда на выздоровленіе. Онъ попросилъ вымыть ему лицо. Я крикнулъ юнгѣ, чтобы мнѣ принесли чашку съ теплой водой... Когда я окончилъ омовеніе его лица и бороды, онъ проговорилъ:

— Позови капитана. Мнѣ надо сказать ему два слова.

Капитанъ тотчасъ же пришелъ, сталъ передъ нимъ на колѣни и машинальнымъ жестомъ снялъ шляпу, какъ у изголовья умирающаго. Къ его удивленію, братъ заговорилъ спокойнымъ голосомъ, медленно выговаривая слова:

— У меня къ вамъ большая просьба, капитанъ. Въ сколькихъ мы верстахъ отъ земли?

— Въ пяти верстахъ, приблизительно.

Я подумалъ: «вѣроятно, онъ хочетъ, чтобы его высадили и по-

мѣстили въ больницу на островѣ». То же, вѣроятно, подумалъ и капитанъ, потому что онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Мы перевеземъ тебя туда, если хочешь; но не думаешь ли ты, что, при твоей слабости, тебѣ трудно будетъ выдержать переѣздъ?

Гюльомъ грустно улыбнулся.

— Не безпокойтесь, капитанъ,—сказалъ онъ.—Скоро наступитъ часъ, когда я уже ничего не буду чувствовать, ни боковой, ни килевой качки... Только вотъ что... Мнѣ было бы непріятно лежать тамъ... въ морѣ, вмѣстѣ съ треской. И потомъ, еще ради матери... Ей все-таки будетъ утѣшеніемъ думать, что ея сынъ, Ломикъ, лежитъ себѣ гдѣ-то въ Исландіи и имѣетъ свою могилу и свою постель изъ четырехъ досокъ. Жанъ-Рене скажетъ ей, куда меня положили и она будетъ знать, куда меня помѣстить, когда будетъ читать поминанія по вечерамъ: «Упокой, Господи, душу Гюльома, лежащаго въ Рейкіавикѣ». Капитанъ, обѣщайте мнѣ, что я не буду брошенъ въ море зашитымъ въ мѣшкѣ.

Онъ выговорилъ все это однимъ духомъ... Капитанъ и я стояли, какъ окаменѣлые.

— Обѣщаете, капитанъ?—повторилъ онъ.

Капитанъ сжалъ его руку въ своихъ и пробормоталъ:

— Что бы ни было, да, обѣщаю тебѣ... Будетъ сдѣлано по твоему желанію.

И, чтобы не показать своего волненія, онъ быстро отошелъ отъ насъ. Я былъ не въ состояніи сдержать своихъ рыданій. Отчаяніе сжимало мнѣ сердце. Надо было дать ему какой-нибудь исходъ. Гюльомъ повернулся лицомъ къ Исландіи, къ этому таинственному острову, ледники котораго бѣлѣли въ полумракѣ и который казался издали огромнымъ кораблемъ съ распущенными парусами.

— Ломикъ,—сказалъ я ему сквозь слезы, — вѣдь это все неправда! Вѣдь ты поправишься?..

Онъ ничего не отвѣтилъ. Дыханіе его опять сдѣлалось хриплымъ. Наконецъ онъ смогъ выговорить:

— Вѣдь ты у насъ вмѣсто священника. Выслушай мои грѣхи, а потомъ передай ихъ нашему кюре, чтобы онъ отпустилъ ихъ.

Онъ закрылъ глаза, скрестилъ руки и началъ исповѣдываться. Онъ повторялъ за мной слова молитвы, съ видомъ боязливой покорности, неувѣреннымъ голосомъ, какъ ребенокъ. Когда исповѣдь кончилась, онъ вздохнулъ:

— Хорошо, что успѣли. У меня ноги уже похолодѣли.

Я предложилъ ему принести другое одѣяло, но онъ отказался.

Дрожь пробѣгала по его тѣлу, онъ уже чувствовалъ нѣмое дыханіе смерти. Онъ проговорилъ такимъ шопотомъ, какъ во снѣ:

— Пасхальный вечеръ... не забудь, Жанъ-Рене.

И остановился, выбившись изъ силъ. Это были его послѣднія слова. Онъ вдругъ выпрямился, протянулъ руки, точно желая схватить что-то, и потомъ упалъ назадъ съ дикимъ крикомъ раненаго животнаго, который пронесся съ одного конца корабля до другого и замеръ въ ужасающемъ безмолвіи ночи.

Это былъ послѣдній крикъ молодого существа, возмущающагося нежданною, раннею смертью!

Двое изъ его обычныхъ спутниковъ по рыбной ловлѣ помогли мнѣ одѣть его. Мы перенесли матрацъ въ импровизированную палатку, гдѣ мы нѣсколько часовъ тому назадъ обѣдали, покрыли его бѣлымъ шерстянымъ одѣяломъ, чтобы скрыть пятна крови, и положили на него покойника, одѣтаго въ его обычный рыбацкій костюмъ. Но у насъ ни у кого не было распятія, чтобы вложить ему въ руки.

— Не вложить ли ему въ руки мою буксовую вѣтку?—предложилъ Гарандель.

У насъ не было также подсвѣчниковъ. Пришлось продырявить картофелины и всунуть въ нихъ свѣчки. Ихъ длинное желтое пламя, защищаемое парусиннымъ навѣсомъ отъ вѣтра, освѣщало спокойныя черты покойнаго и какъ будто придавало имъ жизнь. Онъ улыбался мертвый, спокойной, немного иронической улыбкой. Улыбка эта какъ будто говорила намъ:

— Какъ глупо, что вы жалѣете обо мнѣ. Я покончилъ съ вашимъ собачьимъ ремесломъ, съ вашими страшными лишеніями, съ вашимъ мрачнымъ изгнаніемъ. Мнѣ нѣтъ больше заботы ни о морѣ, ни о трескѣ. Я—у пристани. Ни за что на свѣтѣ я не промѣнялъ бы своей судьбы на вашу.

Одинъ изъ матросовъ нарушилъ общее молчаніе.

— Вчера насъ было двадцать два. Одинъ уже нашелъ свою судьбу. Что-то ждетъ остальныхъ?

Капитанъ отвѣтилъ:

— На все воля Божія.

Потомъ онъ обратился ко мнѣ;

— Тебѣ сегодня во второй разъ придется замѣнять священника, Жанъ-Рене, и читать молитвы надъ покойникамъ. Потомъ можешь идти спать. Остальные будутъ по трое смѣняться и дежурить у тѣла до утра.

— О нѣтъ, капитанъ,—отвѣтилъ я.—Я, все равно, не сомкну глазъ. Я всю ночь останусь съ нимъ.

Какая грустная и безконечная была эта ночь! Время отъ времени я невольно начиналъ дремать и мнѣ снились тогда странные сны: я видѣлъ дорогу, усаженную какими-то неизвѣстными деревьями, и посреди нея лежалъ братъ, подложивъ руки подъ голову. Проходившія женщины обращались къ нему на какомъ-то языкѣ, который не былъ ни французскимъ, ни бретонскимъ, но я все-таки понималъ, что онѣ говорили: «Что же ты, лѣнтяй, развѣ не слышишь, что звонятъ къ пасхальной обѣднѣ?» А онъ только улыбался въ отвѣтъ, и онѣ уходили. Въ ушахъ ихъ, какъ звѣзды, горѣли брилліанты. А потомъ дорога и деревья исчезли, и на ихъ мѣстѣ разстилалась снѣжная равнина, безконечно унылая, усѣянная только черными крестами. Кресты были совершенно одинаковые, и ни на одномъ изъ нихъ не было никакой надписи. Я бродилъ среди нихъ съ матерью, и она останавливалась передъ каждымъ крестомъ и спрашивала: «Здѣсь могила Ломика, Жанъ-Рене?» А я и самъ не могъ найти его могилы. Я искалъ, искалъ въ отчаяніи, и все не могъ найти. Три или четыре раза меня преслѣдовалъ тотъ же кошмаръ. Товарищи, слыша мои стоны, будили меня.

— Не засыпай,—говорили они,—а то замерзнешь.

Наконецъ, на востокѣ появилась бѣлая полоска. Вскорѣ можно уже было отличать сѣрое небо отъ сѣраго моря. Какая разница между вчерашнимъ сіяющимъ утромъ, и этимъ блѣднымъ траурнымъ утромъ, когда солнце производило впечатлѣніе безцвѣтнаго, потухшаго взгляда мертвеца! На рулѣ капитанъ уже отдавалъ приказанія, блоки скрипѣли, паруса хлопали на вѣтру, и «Милосердіе», снявшись съ якоря, отплыло къ берегамъ Исландіи.

V.

Не каждый капитанъ съ такимъ великодушіемъ отнесся бы къ простому матросу, какъ Герве Гюадеръ. Боже меня сохрани сказать что-нибудь дурное про нашихъ капитановъ. За 30 лѣтъ службы я зналъ многихъ, и хорошихъ и худыхъ; но врядъ ли многіе изъ нихъ согласились бы потерять цѣлый день и свернуть съ хорошаго мѣста, гдѣ было много трески, для того, чтобы исполнить волю умирающаго, съ которымъ его не связывали никакія родственныя узы и который не имѣлъ никакихъ правъ для избѣжанія общей гробницы моряковъ—моря. Бѣдный Герве Гюа-

деръ! Должно быть, море не простило ему, что онъ отнялъ у него эту добычу. Черезъ шесть лѣтъ, когда я на другой шкунѣ вернулся въ Трегье, я узналъ, что «Милосердіе» пропало безъ вѣсти. Должно быть, она погибла во время бури со всѣмъ своимъ экипажомъ. Я справился о тѣхъ, кто поѣхалъ на ней. Среди нихъ, кромѣ капитана, находились и товарищи, которые помогали мнѣ при похоронахъ Гюльома: Гарандель и Дезире Кернеръ, прозванный «старой камбалой».

Въѣхавъ въ бухту Рейкіавика, мы спустили лодку и положили въ нее гробъ. Гробъ этотъ сфабриковалъ старикъ Кернеръ изъ отрѣзковъ досокъ, предназначенныхъ для поправки судна на случай аваріи. Его обвязали крѣпкой веревкой, боясь, какъ бы онъ не распался при перевозкѣ. Мы сдѣлали также деревянный крестъ, на которомъ я начерталъ простую надпись:

«Гюльомъ Керелло изъ Плугіэля, 25 лѣтъ».

Въ лодку сѣли шесть гребцовъ, капитанъ и я. Погода въ этотъ день стояла почти такая, какая бываетъ въ Бретани зимою. Никакого признака солнца. Небо, казалось, спускалось къ морю въ образѣ тумана, легкаго какъ кисея. Огромныя скалы Исландіи сквозь этотъ туманъ представлялись намъ гигантскими стѣнами міра, о которыхъ говорится въ нашихъ легендахъ и за которыми, по сказаніямъ, цвѣтутъ таинственные сады смерти... Странное это было путешествіе и я до сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ дрожи. Иногда намъ попадались на пути большія глыбы камней, выступающіе изъ воды. Эти каменные островки напоминали развалины. На краяхъ ихъ сидѣли морскія птицы, которыя пристальнно смотрѣли на насъ своими выразительными глазами, поднимая и опуская большія бѣлыя крылья.

Было около 12-ти часовъ, когда мы подъѣхали къ Рейкіавику. Гробъ былъ вынесенъ на набережную и мы остались стеречь его, пока капитанъ отправился испрашивать у городского начальства позволенія похоронить его. Я уже раньше нѣсколько разъ бывалъ въ Рейкіавикѣ и однажды зимой, когда море кругомъ замерзло и можно было пѣшкомъ пройти туда съ нашего корабля. Но у меня съ мыслью объ этомъ мѣстѣ связывалось смутное воспоминаніе о бочкахъ съ виномъ, о матросахъ, томившихся за столами, о дымной атмосферѣ кабака, полномъ запаха алкоголя, табака, масла... Какимъ мрачнымъ и унылымъ показался онъ мнѣ теперь, этотъ печальный городъ фіордовъ, городъ безъ жизни, безъ свѣта, безъ деревьевъ, лежащій точно обнаженный подъ свинцовымъ небомъ, съ его темными деревянными домиками! Я подумалъ о нашей колокольнѣ въ Плугіэлѣ, о ясеневыхъ деревьяхъ

кладбища, подъ тѣнью которыхъ Гюльому было бы такъ хорошо лежать. При мысли, что мы зароемъ его здѣсь, въ этой чужой странѣ, почти на краю земли, мнѣ стало такъ горько, что если бы не его послѣдняя воля, я былъ бы, кажется, готовъ опустить гробъ его въ море.

Недалеко отъ насъ находился какой-то баракъ, на которомъ высился датскій флагъ. Старикъ въ форменной шапкѣ, должно быть, одинъ изъ служащихъ въ порту, который уже нѣсколько минутъ смотрѣлъ на насъ, стоя у двери, подошелъ къ намъ и спросилъ по французски:

— Что у васъ въ этомъ ящикѣ?

— Покойникъ,—отвѣчалъ Гарандель.

Человѣкъ снялъ шляпу, перекрестился и сказалъ, указывая на баракъ:

— Положите его туда, если хотите, и сами приходите.

Предложеніе это пришлось кстати. Туманъ, сгущаясь, начиналъ проникать въ наши одежды и струи ледяной воды стекали вдоль нашихъ ногъ. Въ баракѣ топилась печка. Мы могли отогрѣться и отдохнуть. Старикъ въ форменной шапкѣ завязалъ съ нами разговоръ. Онъ разсказалъ намъ, что пробылъ два года во Франціи, потомъ началъ разспрашивать о братѣ, о болѣзни, которая свела его въ могилу. Когда я спросилъ его, есть ли еще бретонцы, похороненные въ Рейкіавикѣ, онъ отвѣчалъ:

— Мало, но все-таки есть. У нихъ на кладбищѣ свой уголъ, отведенный для иностранцевъ.

Тутъ пришелъ капитанъ, Мы простились со старикомъ и отправились къ кладбищу.

Намъ пришлось пройти черезъ весь городъ. Я шелъ впереди и вмѣстѣ со мной шелъ мѣстный ночной сторожъ, на обязанности котораго лежатъ также и похоронныя процессіи. За нами слѣдовали товарищи, несшіе гробъ на веслахъ. Капитанъ замыкалъ шествіе. Мы молча шли по пустымъ улицамъ, закутаннымъ туманомъ. Изъ оконъ виднѣлись лица, смотрѣвшія на насъ. Иногда гдѣ-нибудь открывалась дверь, и въ нее высовывались удивленныя лица молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей.

Пройдя городъ, мы очутились въ полѣ, если только можно назвать полемъ эту равнину безъ травы, усыпанную камешками. Дорога тянулась вдоль, на снѣжные склоны горъ. Вдругъ мы наткнулись на изгородь, какою окружаютъ у насъ строющіеся дома. Въ открытую дверцу виднѣлось огороженное мѣсто, раздѣленное на правильные, маленькіе квадраты, напоминающіе огородные гряды. Это и было кладбище. Ни одно кладбище никогда не

производило на меня такое впечатлѣніе порядка, методической аккуратности, чистоты. Каждая семья имѣетъ свой квадратъ, который она содержитъ въ образцовомъ порядкѣ. Но сколько унынія въ этомъ порядкѣ полярнаго кладбища! Насколько оно отличается отъ нашихъ, гдѣ могилы окружены кустами дикаго жасмина и шалфея, въ которыхъ жужжатъ пчелы и щебечутъ снигири...

Мы двинулись къ серединѣ кладбища, туда, откуда раздавались удары лопаты о затвердѣвшую землю. Тамъ рыли свѣжую могилу. Кругомъ виднѣлись кресты, уже погнувшіеся отъ вѣтра и источенные червями, хотя они были помѣчены недавними числами. Пока могильщикъ докапывалъ могилу, мы принялись разбирать имена исландскихъ рыбаковъ, около которыхъ Гюльомъ долженъ былъ почить вѣчнымъ сномъ. По большей части тутъ были похоронены уроженцы Дюнкирхена. Вдругъ капитанъ воскликнулъ:

— Керамецъ! Иванъ Керамецъ! Одинъ изъ нашихъ! Я хорошо зналъ его... Мы вмѣстѣ учились въ Пэмполѣ.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ кто-то другой сказалъ:

— А вотъ Пьеръ-Луи-Фешанъ, изъ Кальмеца.

— Ага, это изъ экипажа «Морской звѣзды»—замѣтилъ Гарандель. Два года тому назадъ, я ужиналъ у него въ домѣ вечеромъ, въ канунъ св. Николая. Сильный былъ человѣкъ: поднималъ бочку съ сидромъ, какъ нипочемъ.

Могильщикъ окликнулъ насъ: могила была готова. Что же мнѣ еще сказать вамъ? Черезъ десять минутъ братъ мой уже лежалъ въ той постели, которую уже нельзя перестлать, прикрытый тяжелыми глыбами исландской земли. Мы поставили на его могилу черный крестъ съ бѣлой надписью, привезенный съ корабля. Потомъ каждый изъ насъ прошепталъ:

— Прощай, Ломикъ!

И мы ушли. Братъ мой остался одинъ, въ далекой Исландіи, съ вѣточкой бретонскаго букса въ рукахъ.

— Пасхальный вечеръ... не забудь его, Жанъ-Рене,—сказалъ онъ мнѣ, умирая. О, нѣтъ, конечно, я не забылъ его и никогда не забуду.

Керелло стряхнулъ пепелъ изъ своей трубки на траву. Мягкій свѣтъ сентябрьскаго заката бросалъ блѣдный отблескъ на море и озарялъ суда, стоявшія на якорѣ вокругъ острова Лоавена. Косой лучъ заходящаго солнца золотилъ паруса и зажигалъ роковые огоньки на вершинахъ мачтъ. Экипажъ одного изъ судовъ запѣлъ хоромъ пѣснь въ честь св. Ива. Матросы съ дру-

гихъ судовъ подхватили пѣніе, которое издалека доносилось къ намъ.

Керелло смотрѣлъ на море и крупныя слезы катились по его щекамъ. Я думалъ, что онъ вспоминаетъ своего брата, ту грустную Пасху, о которой онъ мнѣ только что разсказалъ, одинокую могилу, затерянную въ Рейкіавикѣ. Но оказалось, что мои предположенія были совершенно невѣрны.

— Счастливцы эти рыбаки,—проговорилъ онъ со вздохомъ, кладя мнѣ на плечо свою грубую руку.—И подумать, что я уже навсегда лишенъ этого счастія!

Пер. Л. Давыдовой.

ПИСЕМСКІЙ.

*(Продолженіе *).*

XIX.

Одно изъ оффиціальныхъ лицъ дореформенной Россіи писало о своей эпохѣ: «Россія тогда кончалась XIV-мъ классомъ. Ниже этой ступени, кромѣ солдатъ, которые имѣли коллективное, машинное значеніе, и купцовъ, представлявшихъ родъ промышленной прислуги, *ничего* не было—только *скорлупа*, въ которой вмѣщалось четырнадцатигранное зерно» **).

Это впечатлѣніе не совсѣмъ точно. Въ сущности, не ранги давали людямъ рѣшающее значеніе, а матеріальная сила—*сословнаго* или *денежнаго* положенія. Авторъ напрасно купцовъ вообще низвелъ до роли прислуги и не упомянулъ «господъ»,—и тотъ, и другой элементъ стоялъ отнюдь не ниже оффиціальной власти, въ извѣстныхъ случаяхъ даже управлялъ ею. Это совершенно логически слѣдуетъ изъ нравственнаго характера стараго чиновничества. И народъ извѣстной поговоркой: «съ богатымъ не борись, съ сильнымъ не тягайся» вполнѣ вѣрно изобразилъ фактическое положеніе дореформенной власти. Она сама, при всѣхъ своихъ полномочіяхъ, находилась въ услуженіи у *богатаго* и *сильнаго*.

Писемскій съ точностью слѣдуетъ дѣйствительности.

Прежде всего — чиновникъ и мѣстный баринъ... Припомните краснорѣчивѣйшія сцены въ *Боярщинѣ*, гдѣ графъ по собственному усмотрѣнію мѣняетъ распоряженія администраціи и даже дѣлаетъ ей выговоры, въ лицѣ исправника. Но исправникъ лицо, сравнительно, незначительное, хотя и вполнѣ сильное и даже страшное для всѣхъ, кромѣ графа. Подобная исторія и съ губернаторами. Въ разсказѣ *Старая барыня* описываются дикія сумазбродства крѣпостницы... Но не только самой «барынѣ» все схо-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1896 г.

**) Валуевъ. *Русская Старина*, 1891, XI, 325.

дитъ съ рукъ, даже дворня ея можетъ невозбранно безчинствовать, разбивать базары, по очень простой и обычной причинѣ: госпожа со всѣми губернаторами «въ ихъ дружелюбіи». Всѣхъ она задариваетъ тысячными подарками, закармливаетъ обѣдами, и живетъ совершенно какъ Соловей-разбойникъ, а ея слуги чувствуютъ себя своего рода казаками эпохи междуцарствія.

Еще позорнѣе рабство власти предъ кулаками и явными мірскими грабителями. Въ романѣ *Тысяча душъ*—вся администрація «въ прислугахъ» у Мишки Папушкина, и онъ даже открыто ведетъ себя «господиномъ». Авторъ характеризуетъ его: «мужикъ скотоватый, только боявшійся чертей и разбойниковъ на дорогѣ, больше никого».

Мало—не боялся, а просто въ глаза какому угодно начальству заявлялъ о своемъ безусловно неограниченномъ могуществѣ. Онъ едва удостоиваетъ вниманіемъ всѣхъ пониже губернатора, и о самомъ губернаторѣ отзывается въ самыхъ оскорбительныхъ намекахъ. Онъ даже не желаетъ просмотрѣть смѣту общественныхъ подрядовъ, составленную для него губернской администраціей: «коли я обсчитанъ, то и вашъ братъ обсчитанъ», говоритъ онъ губернскому архитектору, очевидно, болѣе увѣренный въ его услужливости, чѣмъ въ иномъ своемъ приказчикѣ. Никакія угрозы на него не дѣйствуютъ. Мы знаемъ его положительный взглядъ на «питерскихъ» и чиновничью карьеру вообще. При этомъ взглядѣ нельзя чувствовать и тѣни уваженія къ носителямъ власти, и Папушкинъ дѣйствительно не стѣсняется грозить, чиновникамъ: «Прямо скажу, не имъ сломить Мишку Трофимова, а я ихъ выучу!..» Этотъ крикъ стоитъ барскаго презрѣнія и другихъ, болѣе энергическихъ мѣръ противъ недостаточно угодливыхъ или просто неловкихъ администраторовъ.

И Папушкинъ не одинъ. Авторъ разсказываетъ исторію, какъ губернаторъ и вся губернская администрація объявили человѣка сумасшедшимъ въ угоду родственнику, сдѣлавшему очень хорошую себѣ рекомендацію письмами отъ Хованскаго...

Легко представить, на какой высотѣ при такихъ условіяхъ могъ стоять нравственный и законный авторитетъ власти? Это—сплошное и глубокое дискредитированіе и закона, и его представителей, исчезновеніе у сильныхъ и слабыхъ, у начальствующихъ и подвластныхъ всякаго серьезнаго отношенія даже къ понятіямъ о законности и справедливости. Въ результатѣ—общая деморализація, и она становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ извѣстный слой общества ближе къ ея первоисточнику. И авторъ утверждаетъ, что въ провинціи общее правило: тѣсное соприкосновеніе, вообще

«дружелюбіе» съ чиновничьимъ міромъ—вѣрнѣйшій признакъ нечистой совѣсти и темныхъ дѣлъ.

Само общество привыкло видѣть во всемъ этомъ нормальный порядокъ вещей. Оно, подобно чиновнику-философу, взятки считаетъ непремѣннымъ спутникомъ человѣческой дѣятельности, не можетъ допустить и мысли, чтобы чиновникъ могъ жить прилично на свой счетъ. Столь же естественна и власть губернаторскихъ дамъ, требующихъ «колѣнопреклоненія». Общество до тонкости, знаетъ мечты, дѣла своихъ властителей, ихъ образъ жизни, ихъ доходы, взаимныя отношенія, тайныя пружины и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за движеніемъ свѣтилъ на губернаторскомъ горизонтѣ.

Припомните сцены въ театрѣ, когда среди публики появляется Калиновичъ, повидимому, окончательно сломившій своихъ враговъ, побѣдоносный и властный... Сколько раболѣпства, даже совершенно безцѣльнаго, раболѣпства по инстинкту, по стихійной привычкѣ, сколько добровольныхъ, безкорыстныхъ жертвъ личнымъ достоинствомъ, самолюбіемъ, просто приличіемъ! Еще вчера эта толпа готова была падать ницъ предъ губернаторомъ-взяточникомъ и губернскія дамы составляли свиту его супруги, а сегодня вся публика апплодируетъ по примѣру новаго свѣтила, дамы не сводятъ съ него глазъ и считаютъ нужнымъ немедленно сдѣлать визитъ актрисѣ, удостоившейся вниманія начальника: вѣдь она можетъ стать «дамой сердца»!

И общество отъ начала до конца дѣйствуетъ будто безсознательно, механически. Оно всецѣло во власти *фактовъ*, и ни на минуту не задумывается надъ ихъ смысломъ и содержаніемъ. Оно во мгновеніе ока измѣняетъ развѣнчаннымъ властителямъ и бросается къ стопамъ новыхъ, не отдавая ни малѣйшаго отчета въ относительной *нравственной* цѣнности тѣхъ и другихъ. Надъ этой хотя бы и интеллигентной толпой неотразимо тяготѣетъ опытъ русской народной мудрости: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ».— И весь ходъ вещей окончательно отучилъ русскаго обывателя предъявлять какіе бы то ни было запросы *общаго* характера своему начальству: отвѣты уже получены и разъ навсегда. Въ результатѣ—возмутительнѣйшія беззаконія и честнѣйшія намѣренія имѣютъ въ подобной средѣ одинаковую участь. Честность даже прямо невыгодна: она можетъ обезпокоить князя Ивана, Мишку Трофимова, «старую барыню», привыкшихъ состоять съ властью въ «дружелюбіи».

И эта косность общества, его рабское низкопоклонство предъ видимой силой и невозмутимое равнодушіе или явное недовѣріе къ

агороднымъ стремленіямъ и дѣйствительно государственнымъ дачамъ лучшихъ людей—несравненно болѣе страшное зло, чѣмъ орократическій произволъ и чиновничьи кляузы. Калиновичъ ізъ особенныхъ усилій низвергъ губернатора, но онъ приходитъ ъ полное отчаяніе предъ «общественнымъ мнѣніемъ». Извнѣ редъ нимъ покорная, преданная толпа, но, какъ всѣ рабы, она ститъ болѣе свободному и чистому дѣятелю клеветой и заугольой злобой. Она видитъ только *чиновника* и не хочетъ знать *человѣка*. Она и къ Калиновичу прикидываетъ ту же самую мѣрку, акою измѣряла и измѣряетъ десятки «отъявленныхъ мерзавцевъ»...

Великій, конечно, вопросъ, кто виноватъ въ ослѣпленіи толпы, очему она органически неспособна вдумываться въ явленія и въ юдей, почему *всякій* чиновникъ непремѣнно вызываетъ у обывателя *одно и то же* опредѣленное представленіе, и нѣтъ возможности устранить укоренившійся взглядъ никакими словами и поступками... Но каково бы ни было рѣшеніе вопроса, Калиновичу не легко. Припомните его слезныя и въ то же время нестерпимо желчныя жалобы на свое положеніе среди губернской интеллигенціи. Всѣ труды его разбивались въ прахъ, вся страстная жажда честно и свято послужить обществу не встрѣтила ни малѣйшей признательности, все идеальное безкорыстіе осталось неоцѣненнымъ, незамѣченнымъ, даже личная безупречная нравственность, столь исключительная для губернскаго дореформеннаго властителя, не была поставлена въ счетъ. И въ результатѣ, отчаяніе овладѣваетъ энергичнымъ и на рѣдкость отважнымъ человѣкомъ.

«Какъ сведешь все это въ итогъ,—заканчиваетъ Калиновичъ,—такъ выходитъ далеко не пустяки жить въ обществѣ, въ которомъ такъ еще шатко развито понятіе о чести, о справедливости, жить и дѣйствовать въ такомъ обществѣ далеко не вздоръ».

Это чувство, повидимому, не разъ испытывалъ самъ авторъ. Разсказавъ трагическую исторію несчастнаго идеалиста Ферапонтова, жертвы *старческаго* грѣха, и торжество завѣдомыхъ негодяевъ подъ покровительствомъ властей, онъ заканчиваетъ разсказъ:

«Мнѣ, признаться, сдѣлалось не на шутку страшно, даже за самого себя... Жить въ такомъ обществѣ, гдѣ Ферапонтовы являются преступниками, Бжестовскіе людьми правыми и судья въ родѣ полиціймейстера: чтобы жить въ этомъ обществѣ, какъ хотите, надобно имѣть большой запасъ храбрости».

Да, и даже очень большой, не только дѣятелямъ, а простымъ людямъ, имѣющимъ несчастье сколько-нибудь выдаваться надъ

толпой. Основной законъ рабской психологіи — не допускать ничего изъ ряду вонъ, ничего выше общаго уровня. Рабъ охотно примирится съ матеріальнымъ превосходствомъ, богатствомъ и родовитостью, но изольетъ всю злобу опошленной души на недоступныя и по натурѣ ненавистныя ему нравственныя преимущества. Умный, сердечно-чуткій и благородно-гордый человѣкъ въ этой средѣ то же, что́ выставленный на всеобщее позорище мученикъ. Съ нимъ безпрестанно повторяется исторія лермонтовскаго пророка, хотя и въ переносномъ смыслѣ: вмѣсто камней и грязи, въ него бросаютъ клеветой, злорадствомъ, издѣвательствами. Писемскій съ обычной полнотой воспроизвелъ эту психологію интеллигентнаго общества. У него постоянно выступаетъ на сцену общественное мнѣніе, какъ заключительный аккордъ въ жизненной драмѣ отдѣльной личности.

И здѣсь нѣтъ пощады ни полу, ни молодости, ни старости. Вотъ, напримѣръ, завѣдомо несчастная женщина, жена дикаря и деспота, въ конецъ измученная и забитая... Ея жизнь ни для кого не тайна, и не можетъ быть, повидимому, неразрѣшимой загадкой и вопіющимъ преступленіемъ, ея вполнѣ естественное желаніе спастись, наконецъ, изъ ада. Спасеніе ей является въ лицѣ просвѣщеннаго, уже не особенно юнаго и, слѣдовательно, надо думать, не совсѣмъ легкомысленнаго героя. Она жадно хватается за его страстныя рѣчи... Но, на ея горе, краснорѣчивый герой столь же жалокъ и ничтоженъ духомъ, какъ выспрененъ и геніаленъ на словахъ. Мы дальше встрѣтимся съ нимъ... Результатъ извѣстенъ... Счастье бѣдной женщины, что она сходитъ съ ума, скоро умираетъ, не испивъ до послѣдней капли своего позора...

И что́ же?.. Именно въ нее летитъ грязь общественнаго злословія, она виновата и въ каторгѣ своей супружеской жизни, и въ неудачной попыткѣ вздохнуть свободнымъ воздухомъ.

Такова исторія въ *Боярщинѣ*.

То же самое въ не менѣе драматической повѣсти *Виновата ли она?* Дѣвушку выдали замужъ противъ ея воли, какъ жертву искупленія за долги родителей, т. е по просту выкупили живымъ человѣкомъ долговой документъ. Мужъ оказался грязнымъ, вѣчно пьянымъ животнымъ. Опять истомившееся сердце и полузадушенная грудь ждутъ не дождутся какого бы то ни было облегченія. И чѣмъ напряженнѣе ожиданіе, тѣмъ больше опасности впасть въ жестокую ошибку. Развѣ узникъ, котораго обѣщаютъ выпустить на свободу, справляется прежде всего о томъ, какова въ данную минуту погода на волѣ?... И у этой героини рыцаремъ оказывается просто хорошо одѣтый, недурно поющій, граціозно

ложенный господинъ: все-таки не пьяный первобытный эгоистъ! Результатъ по прежнему печальный: мужъ, правда, освобождаетъ страдалицу отъ брачныхъ узъ, но вся жизнь передъ ней—юдоль неудовлетворенной тоски, горькаго раскаянія и, въ лучшемъ случаѣ, сѣренькихъ и все также душныхъ будней...

«Общественное мнѣніе» ничего знать не хочетъ, хотя наша героиня и не нарушила супружескаго долга. Она даже виновата въ томъ, что ее заставили выйти замужъ и что ея супругъ и господинъ оказался пьяницей: она, видите ли, должна была «исправить недостатки мужа»... Но пусть обѣ женщины дѣйствительно провинились, пусть и въ самомъ дѣлѣ преступно желаніе освободиться отъ власти мужа, будь это даже формальная пытка: предъ нами дѣвушка, повинная только въ болѣе серьезномъ направленіи ума, чѣмъ остальныя провинціальныя невѣсты. Она любитъ читать, не увлекается танцами и обществомъ уѣздныхъ сердцеѣдовъ. Она, слѣдовательно, «горда». Такова логика общественнаго мнѣнія. И съ какимъ злорадствомъ оно мститъ, когда дѣвушка, на великое горе, увлекается молодымъ человѣкомъ рудинской породы и терпитъ, конечно, полное разочарованіе. «Теперь лучше узнаетъ себѣ цѣну!»—кричатъ торжествующія матроны. И опять ни единаго проблеска человѣческаго пониманія или невольнаго состраданія.

Авторъ понимаетъ основу этого явленія. Онъ, по обыкновенію, беретъ самыхъ простыхъ людей, одаренныхъ просто живою мыслью и свободной отзывчивостью развитого чувства,—напримѣръ, смотритель уѣзднаго училища Годневъ и его дочь Настенька. Люди они добрые, это всѣмъ извѣстно, но, на взглядъ общественнаго мнѣнія, все-таки неудобные: Годневъ—старый идеалистъ, любитель изящной литературы и строгій также къ вопросу о нравственномъ изяществѣ, его дочь—безпокойное, благородное сердце, воспріимчивая, отчасти романтическая натура, полная безсознательной граціи и поэзіи. И ужъ это значитъ «далеко уйти» отъ уѣзднаго муравейника, стяжать даже его ненависть.

Въ романѣ — рядъ превосходныхъ сценъ, спокойно, но въ высшей степени правдиво рисующихъ пропасть между повальной исконной духовной косностью провинціальнаго общества и рѣдкими одинокими личностями. Годневъ хочетъ познакомить болѣе или менѣе интеллигентныхъ обывателей съ первымъ произведеніемъ Калиновича, такъ же городского обывателя, слѣдовательно, не безъинтереснаго для публики. Но у всякаго, оказывается, развитъ какой угодно интересъ, только не къ литературному событію. Начиная съ чиновниковъ и дворянъ и кончая купцомъ—у всѣхъ «свои

дѣла», самыя насущныя и совершенно довлѣющія. Купецъ даже наглядно это показываетъ, захлопывая дубовую калитку передъ Годневымъ, запирая ее на защелку и приворъ, и спуская еще съ цѣпи собаку. Весь его отвѣтъ на сообщеніе Годнева: «только пожалъ плечами» и выговорилъ: «всякому, сударь, доложу вамъ, человѣку свое счастье»... И въ слѣдующую минуту, конечно, и забылъ о «счастьи» новоявленнаго литератора.

Въ этой сценѣ — цѣлая философія провинціальной культуры. Каждый обыватель сидитъ за дубовой калиткой и цѣпной собакой, предоставляя остальному міру идти своимъ путемъ, лишь бы только калитка и собака оставались въ цѣлости. Губернаторъ, исправникъ, судъ могутъ посягнуть на эти основы обывательскаго благополучія, литераторы же никоимъ образомъ. Ясно, слѣдовательно, куда должно быть направлено обывательское вниманіе. Въ этой средѣ нѣтъ мѣста не только литературѣ—цвѣту истинно-культурной жизни, а просто мысли, процессу мышленія, выходящему за предѣлы насущныхъ заботъ о личной матеріальной безопасности и кое-какой желудочной сытости. «Ненависть, злоба и зависть здѣсь царствовали, и только; сверхъ того, надъ всѣмъ этимъ царила какая-то мертвенность и скука»...

И врядъ-ли какой еще писатель какой бы то ни было литературы достигалъ такой мѣткости и живости красокъ, такой простоты и въ то же время содержательности въ изображеніяхъ этой мертвенности и скуки. Гоголевское описаніе общества и нравовъ губернскаго города N—галлерея геніальныхъ жанровыхъ картинъ, и именно онѣ вызвали у Пушкина невольное горькое восклицаніе о томъ, какъ скучна Россія... Но что бы сказалъ великій поэтъ, прочитавши разсказъ Писемскаго о будняхъ города Энска! Это уже не мелочи, не пошлость, не смѣхотворные уроды и безнадежные глупцы, — это въ полномъ смыслѣ берега миѳическаго Стикса, надъ которыми по всей справедливости слѣдовало бы начертать дантовскую надпись. И авторъ не позволяетъ себѣ ни единой крикливой, преувеличенной черты, ни одного нетерпѣливаго или рѣзкаго мазка. Утлая, низменная, безъидейная жизнь ложится на его полотно столь же спокойно и уравновѣшенно, какъ она течетъ и въ дѣйствительности. Вы будто сами переживаете обывательскій день съ утра до вечера въ то время, когда художникъ развертываетъ предъ вами одну за другой самыя заурядныя житейскія сцены. Каждая изъ нихъ не представляетъ ничего любопытнаго, но всѣ онѣ вмѣстѣ такъ расположены, такъ изумительно жизненно освѣщены, что въ концѣ вы невольно отрываетесь отъ книги и готовы воскликнуть: «Что за проклятіе и какая тьма висятъ надъ этимъ краемъ!»

Да, мы видѣли проклятіе для всѣхъ, спасшихъ въ душѣ своей подобіе Божіе, но горшее для тѣхъ, кому мысль и слово—хлѣбъ насущный.

Мы знаемъ, какъ встрѣтили провинціальные обыватели литературный дебютъ Калиновича. Не лучше и въ столицахъ. Въ Петербургѣ нашъ герой нашелъ честнѣйшаго журнальнаго труженика, нажившаго за цѣлые годы каторжной работы жестокую чахотку, бездну желчи и смертный ужасъ предъ поприщемъ литератора. Его предсмертный завѣтъ всякому—бѣжать отъ пропасти, и Калиновичъ въ концѣ своей многоопытной карьеры объясняетъ почему.

На сожалѣніе Настеньки, что онъ не остался литераторомъ, Калиновичъ выходитъ изъ себя: «О, чортъ эта литература!.. Если бъ я даже былъ какимъ-нибудь русскимъ Байрономъ, Шекспиромъ,—что-жъ изъ этого? На нашихъ глазахъ мы видѣли, какая участь постигаетъ всѣхъ передовыхъ людей на этомъ дѣлѣ: кого подстрѣлятъ, кто нищимъ умретъ на соломѣ, кто съ кругу сопьется, или съ ума сойдетъ... Нѣтъ еще-съ!.. Покуда у насъ не водъ поэтамъ и художникамъ... не ко двору они намъ пришли...»

Калиновичъ произноситъ эту рѣчь въ порывѣ личной горечи, въ тяжелую минуту своей жизни, но его доказательства — исторически достовѣрны, и самъ авторъ призвалъ на помощь все свое великое искусство, чтобы подготовить насъ именно къ такому выводу.

Но, вѣдь, нельзя же отрицать, что литература все-таки существуетъ въ Россіи, и какъ бы губернаторы ни презирали «студенческіе мундиры», а скрозьземельные канцеляристы—вообще науку,—университеты ежегодно выпускаютъ множество ученыхъ и даже образованныхъ молодыхъ людей. Такъ было и въ дореформенной Россіи: читали Пушкина, Лермонтова, хотя и меньше, чѣмъ Бенедиктова и Марлинскаго, слушали лекціи, кончали курсы, хотя и у не особенно просвѣщенныхъ профессоровъ... Куда же дѣвались всѣ эти читатели и студенты? Чѣмъ отражалось ихъ существованіе на старомъ русскомъ обществѣ? Вѣдь они возвращались сюда же изъ аудиторій и должны были представлять силы, несомнѣнно, иного качества, чѣмъ жалкіе существователи.

Да, и представляли. Нашъ авторъ удѣлилъ этимъ силамъ едва ли не больше вниманія, чѣмъ всѣмъ прочимъ дореформеннымъ явленіямъ. Въ первой же повѣсти онъ представилъ одинъ изъ главнѣйшихъ типовъ «новыхъ людей» въ лицѣ Эльчанинова. Это было въ 1847 году. Потомъ повторилъ его три года спустя въ разсказѣ *Тюфякъ*, въ лицѣ главнаго героя Бешметева, и, наконецъ

еще двумя годами позже, снова собралъ всѣ черты своего избранника для фигуры Шамилова, въ повѣсти *Виновата ли она*? Другой типъ не менѣе «новаго человѣка» будетъ обработанъ съ такой же настойчивостью и основательностью.

XX.

Когда, въ началѣ 1856 года, появился романъ Тургенева *Рудинъ*, публика и даже критика оказались менѣе всего подготовленными для какого-либо опредѣленнаго сужденія о новомъ произведеніи, въ особенности объ его героѣ. Однихъ восхищалъ блестящій ораторъ, чрезвычайно ловкій и развитой діалектикъ, другихъ повергалъ въ отчаяніе жалкій, трусливый и безвольный соблазнитель юнаго дѣвичьяго сердца. Въ одной и той же личности столько великаго и прекраснаго, ничтожнаго и смѣшного! Современники не догадались посмотрѣть на героя глазами самого творца, поискать разгадки въ личной жизни и личномъ нравственномъ мірѣ автора. Но даже если бы они и вступили на этотъ единственно вѣрный путь, ихъ ошибки и недоразумѣнія могли бы и не вполнѣ исчезнуть. Смутное впечатлѣніе самыхъ разнородныхъ духовныхъ задатковъ рудинскаго типа, повидимому, неразлучно съ самой его сущностью.

А между тѣмъ почти за десять лѣтъ до тургеневскаго романа рѣшеніе задачи было уже намѣчено твердо и ясно. Рудинъ выступилъ на сцену въ лицѣ бывшаго питомца московскаго университета, дворянина-помѣщика, интереснаго кавалера и весьма подозрительнаго *героя*,—г-на Эльчанинова. Здѣсь не было ослѣпительнаго блеска, грандіозныхъ порывовъ, незабвенныхъ рѣчей, повергающихъ въ сладостную истому или стремительный восторгъ впечатлительную публику: все это низведено до *среднихъ*, будничныхъ размѣровъ. Здѣсь не чувствовалось колебаній авторскаго настроенія, предъ читателемъ не проходили, то компрометирующая интрига, то увѣнчивающій эпилогъ,—рука автора съ необычайной увѣренностью и точностью рисовала фигуру романическаго героя, и когда портретъ законченъ, двухъ отвѣтовъ не могъ бы дать самый придирчивый или самый поверхностный читатель.

Таковъ результатъ, хотя отъ начала до конца предъ читателемъ раскрывалась подлинная *рудинская* натура, говорилъ и дѣйствовалъ несомнѣнный предшественникъ тургеневскаго героя. Уже самые общіе признаки психологическіе и даже внѣшне-романическіе указывали на полное сродство Эльчанинова и Рудина.

Оба—среди окружающаго общества исключительные люди, прекрасно образованные, умные, одаренные даромъ слова, отзывчи-

вые, благородные и даже возвышенные въ мысляхъ и стремленіяхъ, неотразимые для *лучшихъ* женщинъ и оба также безнадежно растерянные, безличные, даже не совсѣмъ безупречные въ минуты практической отвѣтственности за свой отвлеченный и словесный героизмъ. Въ обоихъ случаяхъ матеріалъ по существу одинаковъ, но впечатлѣнія различны. Эльчаниновъ, сходя со сцены, оставляетъ по себѣ менѣе всего почтенную память, но Рудинъ—объ этомъ можно спорить сколько угодно, даже до послѣднихъ дней.

Чѣмъ же объясняется подобное явленіе?

Одинъ отвѣтъ мы уже знаемъ. Писемскій рисовалъ своего героя, не чувствуя съ нимъ ни малѣйшей личной нравственной связи. Для него Эльчаниновъ, и позже Бешметевъ и Шамиловъ просто жизненные факты, столь же внѣшніе для художника, какъ любой пейзажъ. Онъ срисовываетъ ихъ, ни на одну минуту не затрогивая больныхъ струнъ своего сердца, онъ смотритъ на нихъ поистинѣ съ олимпійской высоты, если мы это выраженіе поймемъ просто въ смыслѣ невозмутимаго, яснаго творческаго процесса. Личное заинтересованное чувство не врывается въ работу автора и не кладетъ на его картину случайныхъ, лирическихъ свѣтовыхъ или тѣневыхъ пятенъ. Здѣсь именно совершается то идеальное возсозданіе дѣйствительности, о какой говорилъ Тургеневъ по поводу *отцовъ и дѣтей*: «Я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить»...

Только не всегда геніальному *художнику* удавалось сохранить невозмутимое художественное спокойствіе: слишкомъ многочисленными и кровными нитями было привязано его *человѣческое* сердце къ дѣйствительности. Одна изъ такихъ нитей прошла и черезъ рудинскую исторію... Но Писемскій въ первый періодъ могъ оставаться на высотѣ свѣтлаго, незамутимаго вдохновенія, и прежде всего, по условіямъ своего личнаго развитія, по самому строю своей натуры, могъ безъ страсти и гнѣва разсказывать комедіи и драмы изъ жизни Рудиныхъ.

Другая причина полной опредѣленности рудинскаго типа у Писемскаго—особый психологическій пріемъ. Онъ останется до конца и наложитъ оригинальную печать на всѣ произведенія нашего автора. Сущность пріема крайне проста и коренится въ извѣстныхъ намъ личныхъ свойствахъ писателя. Онъ беретъ всякое явленіе исключительно съ точки здраваго смысла, т. е. смотритъ на него глазами простого, умнаго русскаго человѣка, старается уловить *простѣйшую сущность* факта и человѣка, не поддается эстетическимъ или инымъ волненіямъ передъ красивыми внѣшними

впечатлѣніями, не заслушивается блестящихъ рѣчей, не смущается въ вихрѣ глубокомысленныхъ идей и послѣднихъ словъ науки. Онъ по природѣ скептикъ и позитивистъ и неуклонно, прямымъ путемъ проникаетъ въ самую глубь жизненной правды, мимо всевозможныхъ чарующихъ видѣній и обольстительныхъ иллюзій. Конечно, за иллюзіи и видѣнія здѣсь можно принять подъчасъ и серьезнѣйшія проявленія высшаго нравственнаго міра человѣка и общества. Здравый смыслъ и положительность далеко не довлѣющіе свѣточи, и мы видѣли и еще увидимъ, что именно нашъ авторъ блистательно на самомъ себѣ оправдываетъ эту истину. Но когда дѣло идетъ дѣйствительно о фальши и поддѣлкѣ, о позахъ и фразахъ, тогда оружіе Писемскаго незамѣнимо. И первыми жертвами пали «геніальныя натуры», низведенныя авторомъ къ ихъ подлинной нравственной сущности, безпощадно лишенные всѣхъ пышныхъ уборовъ, освобожденные отъ всякаго двусмысленнаго романическаго блеска. Передъ нами Рудины, но будто зоологическія особи, подвергнутыя анализу въ своемъ естественномъ видѣ.

Изъ трехъ названныхъ нами героевъ, Эльчаниновъ и Шамиловъ—личности, болѣе всего близкіе другъ другу, по внѣшней исторіи и по психологіи. Эльчаниновъ, отъ природы способный, легко прошелъ университетскую науку, въ 3—4 дня списалъ пропущенныя лекціи, въ одинъ мѣсяцъ приготовился къ экзамену «съ свойственной только студентамъ быстротою», и, конечно, немедленно забылъ всю ученость, разъ миновала нужда. Одновременно шло изученіе жизни, преимущественно, разумѣется, ея «украшенія», т. е. женщинъ. Наука эта оказалась еще легче университетской и неизмѣримо пріятнѣе: Эльчаниновъ быстро изучилъ женскія слабости, усвоилъ нарочитую дерзость въ обращеніи, вошелъ въ кружки мужчинъ, занятыхъ тою же наукой, не встрѣтилъ и здѣсь особенныхъ трудностей—подвизаться и блистать... Въ результатѣ успѣхи среди женщинъ заставили его открыть въ себѣ самомъ «сильныя страсти», а, слѣдовательно, и «глубокія страданія», повседневное обращеніе съ безличными пошляками убѣдили его окончательно, что онъ до тонкости знаетъ жизнь и людей, а художественные инстинкты и увлеченія до послѣдней степени развили эпикурейскія и сибаритскія наклонности, въ конецъ подорвали нравственную энергію и устойчивость ума и воли и подчинили юнаго героя первымъ мимолетнымъ раздражающимъ впечатлѣніямъ.

Психологія, какъ видите, очень простая. Обычная мало-индивидуальная основа заурядnаго русскаго человѣка, фейерверочные таланты, отсутствіе всякаго противовѣса и руководительства со

стороны школы и семьи, раннее развитіе фантазерства и эгоизма безъ опредѣленныхъ жизненныхъ задачъ, дешевые успѣхи въ дешевомъ обществѣ, и «геніальная натура» готова, съ необъятными претензіями и микроскопическими силами духа.

Втолкните этого генія въ настоящую реальную жизнь, оторвите его отъ будуаровъ и ужиновъ, отъ любовныхъ свиданій и пріятельскаго фразерства, вы немедленно увидите жалкую комедію въ самомъ трагическомъ освѣщеніи. Для генія не существуетъ будничной дѣятельности: ему давайте подвиговъ, невиданнаго землей блеска и неслыханной смертными славы. Онъ вѣдь «избранная натура», это онъ слышалъ уже отъ десятка красивыхъ женщинъ, читалъ въ безмолвно-восторженныхъ дѣвическихъ очахъ, и тоже повторяли неоднократно пріятели-сотрудники по пирушкамъ и будуарному подвижничеству. Онъ ежеминутно готовъ унестись въ эмпиреи, но по землѣ не умѣетъ сдѣлать и шага, не споткнувшись, не издавъ жалобнаго стона или «демоническаго вопля», не пославъ проклятій человѣчеству.

А между тѣмъ, эмпиреи далеко, поневолѣ приходится дышать воздухомъ и ходить по землѣ, естественно герой быстро становится разочарованнымъ, ему жизнь начинаетъ «казаться несносною», а люди—ничтожными рабами. Въ переводѣ на правдивый и простой языкъ, это значитъ—«Эльчаниновъ началъ падать духомъ», т. е. являть изъ своей экзотической особы не демона съ помятыми крыльями, а мокрую курицу.

Но сознаніе до конца не дается горе-богатырю, тѣмъ болѣе, что онъ, по привычкѣ, все еще сохраняетъ былой полетъ и непремѣнно встрѣтитъ наивную женскую душу, которая повторитъ предъ нимъ старую, но вѣчно свѣжую исторію...

Шамиловъ, на первый взглядъ, гораздо выше только-что изображеннаго героя, даровитѣе, разностороннѣе и даже извнѣ эффектнѣе. Этотъ совсѣмъ близокъ къ Рудину: то же обиліе научныхъ и художественныхъ свѣдѣній, то же краснорѣчіе, тѣ же непрестанные, литературные и научные планы, и вдобавокъ интригующая внѣшность. Женщина, конечно, и въ его жизни должна играть исключительную роль, но онъ все-таки не дошелъ до усердія Эльчанинова въ наукѣ страсти нѣжной. Шамиловъ, въ самомъ дѣлѣ, питаетъ серьезныя намѣренія учиться и думать, и мы вѣримъ его словамъ, что онъ дѣйствительно «натура не пошлая», и даже, пожалуй, «не дюжинный человѣкъ»... Но все это пропадаетъ прахомъ. Роковое несоотвѣтствіе претензій и силъ, личныхъ стремленій и запросовъ жизни, умственныхъ порывовъ и практическихъ результатовъ тяготѣетъ надъ Шами-

ловымъ еще сильнѣе, чѣмъ надъ героемъ *Боярщины*. Именно потому сильнѣе, что его стремленія и порывы выше и искреннѣе.

Но почему же, спросите вы, у несомнѣнно умнаго и даровитаго человѣка столь неосновательныя претензіи и стремленія остаются до конца, не переходятъ въ болѣе цѣлесообразныя жизненныя задачи и болѣе здравомыслящее представленіе о собственныхъ силахъ и практическихъ условіяхъ дѣятельности? Почему Шамиловъ, наравнѣ съ Эльчаниновымъ, долженъ кончить столь непослѣдовательно и безусловно—сразу отбросить порывы и идеи, броситься въ позорный омутъ животнаго существованія, будто съ заоблачной вершины скатиться внизъ, въ смрадную долину? Вопросъ этотъ касается одинаково и общественнаго явленія, и авторскихъ воззрѣній. Онъ намъ неизбѣжно предстанетъ и послѣ другихъ типовъ: тогда мы попытаемся его разрѣшить, теперь доведемъ до конца исторію рудинства.

Третій герой ея—Бешметевъ, по прозвищу *Тюфякъ*. Можетъ показаться неожиданнымъ причисленіе и этой, уже окончательно жалкой личности къ сонму «геніальныхъ натуръ». Тѣмъ болѣе, что одинъ изъ русскихъ критиковъ, Аполлонъ Григорьевъ, написалъ уничтожающее обвинительное слово противъ *Тюфяка*. Неудержимо стремительному, но далеко не всегда сознательному и еще рѣже логическому автору Бешметевъ показался, ни болѣе, ни менѣе, какъ вторымъ Задоръ-Мановскимъ, героемъ повѣсти *Боярщина*. Чтобы оцѣнить всю тяжесть обвиненія, достаточно припомнить авторскій отзывъ о Задоръ-Мановскомъ. «Это былъ неглупый, но необразованный человѣкъ, упрямый и злой по природѣ, онъ былъ въ то же время честолюбивъ и жаденъ». Изъ-за честолюбія и жадности, т. е. ради генеральскаго чина и приданаго Задоръ-Мановскій женился, но жестоко обманулся въ своихъ разсчетахъ: приданаго за женой не оказалось и съ нимъ «сдѣлалось что-то въ родѣ удара», по выздоровленіи онъ принялся мстить, «съ каждымъ днемъ началъ хуже и хуже обращаться съ женою. Никакой покорностью, никакимъ вниманіемъ не могла она угодить ему»... И дальше—потрясающая исторія настоящаго ада.

И вотъ къ такому-то герою приравнивается Бешметевъ за то, что онъ влюбился въ красивую дѣвушку, встрѣтилъ въ ней пошлѣйшее и развращеннѣйшее созданіе, съ отчаянія обратился къ обычному средству русскихъ людей не-героевъ, и среди безпросвѣтнаго, разбитаго и униженнаго существованія доставляетъ себѣ сомнительное удовольствіе, отнюдь не великодушное, но столь естественное при такихъ условіяхъ—иронизируетъ надъ приключеніями супруги! За этими сценами *конца* для глазъ критика исчезъ весь

психологическій смыслъ исторіи. А онъ такъ ясенъ и менѣе всего преступенъ—насколько касается именно нашего героя.

Основной рудинскій недугъ — практическое безволіе, мгновенная растерянность въ рѣшительныхъ столкновеніяхъ со внѣшнимъ житейскимъ міромъ у Бешметева достигаетъ высшаго предѣла. Онъ даже *словами* не способенъ бороться и сопротивляться, о дѣйствіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ, несомнѣнно, даровитѣе даже Шамилова и гораздо серьезнѣе его по направленію ума. При благопріятныхъ обстоятельствахъ его планы на счетъ профессуры осуществились бы, у него лично достало бы для этой цѣли и энергіи и любви къ наукѣ и серьезнаго отношенія къ дѣлу. Но именно обстоятельства и налегли всей тяжестью на Бешметева еще съ дѣтства и заранѣе успѣли отнять у даровитаго юноши не только всякій намекъ на обычный блескъ рудинскихъ натуръ, но даже окончательно отбили желаніе претендовать на какое-либо личное преимущество, и совершенно законное отличіе. Другіе герои жестокіе расхолаживающіе опыты переживали уже въ зрѣлые годы, Бешметеву пришлось расти и учиться въ самомъ горнилѣ подобныхъ опытовъ. Вотъ это-то обстоятельство и проглядѣлъ безпощадный судья Бешметева.

Въ дѣтствѣ Бешметевъ очень некрасивъ, никто его не ласкаетъ, «молодыя барышни не подзывали для поцѣлуя и разговоровъ», тихій, послушный, «до невѣроятности добрый», потомъ — жертва семейной драмы: его отца отдали подъ судъ, домъ перестали посѣщать гости, ученикъ семинариста... Таковъ Бешметевъ — ребенокъ. Въ гимназіи — страхъ предъ учителями, отчужденность среди товарищей: и могло ли быть иначе послѣ такого дѣтства! Въ университетѣ—одинокія мечты о научной дѣятельности, о блестящихъ лекціяхъ, о славѣ, и, конечно, затаенная жажда счастья. «Какъ хороша вообще женщина», думалъ этотъ, по мнѣнію Григорьева, безнадежный циникъ, думалъ въ тѣ годы, когда Эльчаниновы и Шамиловы въ совершенствѣ постигали науку женскихъ слабостей...

Въ результатѣ—страстное, романтическое увлеченіе дѣвушкой, незнакомой, случайно замѣченной изъ окна... И подобное увлеченіе тотъ же жестокій критикъ отождествляетъ съ брачной исторіей Задоръ-Мановскаго! Конечно, было бы желательнѣе, чтобы юноши влюблялись и женились по строгому изслѣдованію душевныхъ совершенствъ предметовъ своей любви, чтобы брачныя узы связывали мыслящихъ существъ, а не физіологическихъ особей... Это, несомнѣнно, выше и человѣчнѣе «волненій чувства молодого». Но тогда Аполлону Григорьеву свою декламацію на счетъ «жи-

вотненныхъ инстинктовъ», въ интересахъ послѣдовательности, слѣдовало бы распространить на чистѣйшія явленія хотя бы, напримѣръ, шекспировской поэзіи, Миранду, Офелію, Джульетту, и ужъ, безъ сомнѣнія, на всѣхъ героевъ любовныхъ интригъ. Тѣмъ болѣе, что «циникъ» Бешметевъ ведетъ себя съ невѣстой отнюдь съ не меньшей стыдливостью и съ не менѣе глубокимъ чувствомъ трепетнаго счастья, чѣмъ самая «красная дѣвушка».

Въ этомъ именно трепетѣ и все несчастье Бешметева. Жизнь требуетъ извѣстной жесткости и даже нападательныхъ способностей, а Бешметевъ совершенно безоруженъ для какой бы то ни было защиты.

Онъ теряется предъ теткой, провинціальной кумушкой, притязательной и подчасъ нахальной «бой-бабой»: она снабдила племянника прозвищемъ «тюфяка» за то, что онъ не ласкается къ ней, не разговорчивъ, «безпрестанно все читаетъ», желаетъ сдавать магистерскій экзаменъ, хотя за это и не будутъ платить жалованья. Бешметевъ—безпомощенъ предъ подобной силой, а слезы больной матери повергаютъ его въ безысходное отчаяніе. Онъ долженъ остаться дома ради нея и забыть свои мечты о профессурѣ... Этотъ же трепетъ и передъ свадьбой: Бешметевъ прибѣгаетъ даже къ молитвѣ для успокоенія своихъ волненій... Какъ это похоже на циника!.. Естественно, у автора другое опредѣленіе: «Павелъ, добрый мой Павелъ рѣшительно сдѣлался мизантропомъ!» восклицаетъ Писемскій въ послѣднемъ актѣ драмы Бешметева.

Очевидно, критикъ оказался на сторонѣ разбитной тетушки и вообще провинціальнаго «общественнаго мнѣнія». Всѣ терзанія Павла отъ начала до конца остаются исключительно его личнымъ достояніемъ. Ему рѣшительно не съ кѣмъ подѣлиться горемъ и сомнѣніями,—ему, съ дѣтства одинокому, пригнетенному и въ то же время по натурѣ любящему и «до невѣроятности доброму». И вотъ какъ разрѣшается «циническая» исторія нашего героя.

Въ припадкѣ страшнаго негодованія на новую интригу неисправимой супруги, Бешметевъ наговорилъ ей рѣзкихъ словъ, и сейчасъ же бросился изъ дому. «Пробѣжавъ версты три, наконецъ, утомился, упалъ на траву и какъ малый ребенокъ началъ рыдать. Трудно пересилить и опредѣлить тѣ чувствованія, которыя породили эти слезы; это были ревность, злоба, жалость, раскаяніе, однимъ словомъ, все то, что можетъ составить для человѣка нравственный адъ». Этотъ адъ и болѣзнь сводятъ Бешметева въ могилу; передъ смертью онъ имѣніе отказываетъ женѣ...

Такъ кончаетъ самый жалкій, блѣдный и прозаическій Рудинъ. Ни умъ, ни даровитость, ни серьезныя знанія не помогли ему

же въ личной жизни; напротивъ, положительныя свойства его атуры только ускорили и усилили драматическую развязку. Бешетевъ — честнѣе и душевно глубже другихъ героевъ того же ипа. Тѣхъ спасалъ эффектъ, и чѣмъ онъ ярче, тѣмъ ослѣпительнѣе и сложнѣе оставалось впечатлѣніе. Тургеневскій Рудинъ, амый блестящій, идетъ впереди; онъ больше всѣхъ вызвалъ волненій и недоразумѣній, затѣмъ, Шамиловы, Эльчаниновы и, въ аключеніе, убитый судьбой Бешметевъ.

Рудина самъ авторъ выноситъ на поверхность, другихъ вывозитъ мелкая житейская ловкость и прямолинейный эгоизмъ, Бешметевъ гибнетъ по простотѣ души, по добротѣ сердца и по исконной запуганности всего своего существа.

Конецъ «блестящихъ» рудинскихъ исторій у Писемскаго одинъ: сначала возмутить жизнь достойной женщины или дѣвушки, въ рѣшительную минуту бѣжать, а потомъ пристроиться къ богатымъ покровителямъ, а еще чаще—покровительницамъ и во всей наготѣ обнаруживать въ теченіе всей остальной жизни безличіе и органическую развинченность своей природы.

Но какова бы ни была участь Рудиныхъ, они—*лучшіе люди* среди дореформеннаго общества, по умственному развитію, по талантамъ, даже по нравственнымъ задаткамъ. Такими они выступаютъ на сцену, и естественно, ихъ власть захватываетъ *лучшихъ женщинъ*, въ отношеніи ума и сердца. Героини *Боярщины* и *Богатаго жениха*—явныя любимицы автора, тѣмъ болѣе, что судьбою первой изъ нихъ Писемскій стремился оправдать жоржъ-зандистскія идеи своей молодости, а вторая — вообще одна изъ идеальныхъ женскихъ фигуръ въ его произведеніяхъ. Очевидно, у Анны Павловны и у Вѣры не было лучшаго выбора, чѣмъ Эльчаниновъ и Шамиловъ. И вотъ этотъ лучшій выборъ, въ результатѣ, оказывается мукой и позоромъ бѣдныхъ женщинъ! Мы должны имѣть въ виду этотъ фактъ: онъ цѣликомъ входитъ въ характеристику дореформеннаго общества. То же значеніе имѣютъ и герои другого типа, разновидности россійскаго демонизма и московскаго чайльдъ-гарольдства.

XXI.

Переходъ отъ Рудиныхъ къ демонамъ — самый легкій, непосредственный. Несказанныя муки непризнанныхъ великихъ силъ и бездонныхъ чувствъ одинаково свойственны и героямъ нышчихъ фразъ и не менѣе краснорѣчиваго. *демоническаго*, молчанія. Даже тургеневскій Рудинъ безпрестанно намекаетъ на разочарованіе, на

грандіозное невыясненное призваніе, а Рудинъ Писемскаго, Шамиловъ, прямо сравниваетъ себя съ Ренэ, т. е. съ «подстрѣленнымъ орломъ». «Прочитайте этотъ романъ,—внушаетъ онъ Вѣрѣ,—и вы тогда поймете меня. Во мнѣ много силъ, и не такое бы мнѣ поле разрабатывать»...

Какое же? Отвѣтъ уже не часто демоническій, а просто донъ-жуанскій. Эльчаниновъ «обезумѣлъ отъ восторга» на свиданіи съ Анной Павловной и наговорилъ ей рѣчей, мало чѣмъ уступающихъ клятвамъ лермонтовскаго демона. Шамиловъ, разумѣется, еще пламеннѣе: «все мое бытіе», «жизнь моя вы»... Краснорѣчіе не помѣшаетъ героямъ спрятаться въ кусты, но то же самое при случаѣ не прочь продѣлать и демоны. Обѣ породы родственныя, ихъ роднитъ *фраза* и *поза*, небольшая лишь разница въ мотивахъ фразъ,—небольшая, потому что даже и фразы часто буквально однѣ и тѣ же у бывшаго слушателя университетскихъ лекцій и у отставного или дѣйствующаго гвардейскаго офицера, приблизительно въ чинѣ поручика: демонизмъ, вѣроятно, по своему презрѣнію къ земнымъ почестямъ, не любитъ болѣе высокихъ ранговъ.

Это совпаденіе рудинства, т. е. безусловно интеллигентнаго явленія съ каррикатурнымъ демонизмомъ и даже донъ-жуанствомъ,—явленіемъ исключительно будуарнаго содержанія, замѣчательно въ высшей степени. Идеи у русскихъ юношей превращаются въ такую же науку страсти нѣжной и въ такое же оружіе противъ женскихъ слабостей, какъ и гусарскій мундиръ. Всѣ рѣчи на счетъ высшаго призванія и идеаловъ сводятся къ безумному воплю: «Ты моя!», а туманные, но необычайно интересные намеки на «битву жизни» разъясняются коротко и сильно: «Я тебя не пущу... хоть бы цѣлый міръ тебя отнималъ у меня!» Очевидно, какая-то роковая и чрезвычайно ироническая судьба желѣзной властью пригвождаетъ героическихъ *идеалистовъ* къ самому шаблонному, избитому пути «отважныхъ блондиновъ», какъ—не всегда точно—называли въ старину «друзей дома». Дальше мы опѣнимъ смыслъ этого рока, и намъ, наравнѣ съ идеальными мыслителями, помогутъ вполнѣ реальные чувствователи.

Ихъ у Писемскаго не одинъ и опять съ разными оттѣнками. Самый ранній—Бахтіаровъ, изъ повѣсти *Тюфякъ*, черезъ три года слѣдовалъ герой разсказа—*Mr. Батмановъ*. Это—необычайно яркія и типичныя фигуры, рядомъ съ ними едва замѣтны такіе dii minores, какъ *Мазуринъ* изъ очень небольшого и изувѣченнаго въ печати разсказа *Нина*, и Курдюмовъ, герой повѣсти *Виновата ли она?*, явившейся пять лѣтъ спустя послѣ *Тюфяка*. Послѣдніе два героя сами по себѣ лишены демоническихъ чертъ, и

могутъ быть причислены къ типу лишь по впечатлѣнію, какое они производятъ на своихъ жертвъ

У Писемскаго, по части демонической психологіи, были великіе предшественники—Пушкинъ и Лермонтовъ. Но мы уже указывали, до какой степени самостоятельно относится къ этимъ явленіямъ нашъ авторъ. Онъ сразу поставилъ вопросъ на новую почву. Евгеній Онѣгинъ и Печоринъ—*столичные* демоны и если имъ приходится рѣять временно надъ провинціальными Тамарами, они не относятся серьезно къ своей задачѣ, или просто издѣваются надъ своей добычей, или выжидаютъ момента, когда захолустная vie blanche превратится въ петербургскую львицу.

У Писемскаго на сценѣ исключительно провинціальный демонизмъ. Правда, и его герои получили воспитаніе въ столицахъ: иначе они были бы лишены гипнотизирующей силы. Но они мельче своихъ старшихъ современниковъ, не столь прихотливы вкусомъ и ограниченнѣе умомъ. И здѣсь, слѣдовательно, талантъ писателя избираетъ вѣрнѣйшій пріемъ обнаружить все уродство и смѣхотворность демонизма, освободивъ его предварительно отъ постороннихъ, чуждыхъ ему примѣсей. Сдѣлать это Писемскому было совершенно естественно: самъ онъ лично отнюдь не страдалъ байронической лихорадкой и не стремился жечь дамскія сердца огнемъ разочарованія и тайныхъ страданій. Ни того, ни другого нельзя сказать объ авторахъ *Евгенія Онѣгина* и *Героя нашего времени*, конечно, *до* возникновенія того и другого романа, которые и явились своего рода публичнымъ покаяніемъ геніальныхъ поэтовъ.

Какая простая психологія и до крайности незамысловатая философія московскихъ чайльдъ-гарольдовъ, если съ нихъ сорвать всѣ лишніе уборы и выставить на всеобщее зрѣлище безъ всякихъ недомолвокъ и «смягчающихъ обстоятельствъ»! Біографіи почти тождественны, потому что и самые типы явленіе шаблонное, безличное, не индивидуальное. Бахтіаровъ—гусаръ, Батмановъ—кирасиръ: это необходимо для «сильныхъ страстей» и демоническихъ страданій. «Страсти»—ничто иное, какъ трактирные кутежи, картежная игра, покупная женская любовь, «страданія»—финансовое банкротство, т. е. утрата шальныхъ наслѣдственныхъ денегъ, поиски за новыми благопріобрѣтенными средствами, бѣгство въ провинцію, атаки на богатыхъ уѣздныхъ и губернскихъ невѣстъ и, въ результатѣ, въ лучшемъ случаѣ женитьба на милліонѣ и роль «состоящаго при женѣ», въ худшемъ—тунеядное, пошлое прозябаніе на доходы подозрительнаго происхожденія.

Въ столицахъ, при громадномъ изобиліи разочарованныхъ гусаръ и кирасировъ, Батмановы и Бахтіаровы привлекаютъ общее

вниманіе лишь временно, пока у нихъ есть возможность мотать деньги и ослѣплять праздную толпу эксцентричностями полнокровнаго животнаго организма. Но при первыхъ же признакахъ денежнаго кризиса публика отворачивается отъ своихъ увеселителей и имъ, будто развѣнчаннымъ актерамъ, приходится искать другихъ зрителей, еще не искушенныхъ въ тайнахъ гусарскаго демонизма.

Начинается губернская эпопея, въ высшей степени благодарная, потому что провинція вѣчно живетъ заднимъ числомъ и изнываетъ неутолимой тоской — чувствовать и поступать «какъ въ Петербургѣ».

И какъ мало требуется рессурсовъ общипанному орлу, чтобы явиться настоящимъ львомъ среди дамъ просто пріятныхъ и дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ!

Прежде всего они должны быть непремѣнно «жестоки», на лицѣ носить отпечатокъ тайны и борьбы, лучше всего, если лицо будетъ блѣдно, или даже съ матовымъ оттѣнкомъ, въ черныхъ усахъ, неподвижный, загадочный, т.-е., по просту, нахальный и неинтеллигентный взглядъ, потому что иначе провинціальное общество сочтетъ героя за «ученаго» и «философа», и сейчасъ же образуетъ кругомъ него пустоту. Конечно, и поступки соотвѣтственные, отдаленно намекающіе на подвиги полковыхъ ёръ и забіякъ: напримѣръ, сказать невѣроятную дерзость чувствительной дѣвицѣ, «растерзать» сердце двумъ-тремъ, а то и больше— чужимъ женамъ, не особенно твердымъ въ семейной морали, застрѣлить изъ пистолета свою верховую лошадь за «непослушаніе», а главное, окружить себя ореоломъ неизглаголанныхъ страданій и сверхчеловѣческихъ житейскихъ опытовъ. Именно на эту удочку особенно охотно идутъ всѣ Татьяны и Маріи. Неоцѣненный страдалецъ и непонятый герой!—всего четыре слова, и на нихъ зиждется вся демоническая слава и все земное благополучіе нашихъ героевъ.

«Вы для меня загадка!»—раздумчиво шепчетъ одно подстрѣленное сердце, онъ «жестокій, но все-таки интересный»,—соображаетъ другая губернская Миньона. А герои въ отвѣтъ—или презрительная улыбка, или: «Немудрено, я самъ себя не понимаю», или, наконецъ, самый неотразимый наѣздъ... Красавица, сраженная блѣднымъ лицомъ и мрачнымъ взглядомъ и въ конецъ уничтоженная трагической исторіей съ верховой лошадью, едва смѣетъ выговорить:

«— Какой вы страшный! Я васъ буду бояться... Васъ никто не пойметъ!»

Это именно герою и надо; слѣдуетъ убійственный отвѣтъ:

«— Что дѣлать; но мнѣ кажется, что вы меня немного поняли...» Развѣ можно здѣсь устоять! Этотъ избранный, необыкновенный человѣкъ, столько пережившій, будетъ, наконецъ, по достоинству оцѣненъ и утѣшенъ *ею*, губернской Татьяной, до сихъ поръ только по романамъ знавшей «жестокихъ, но интересныхъ» героевъ! А теперь предъ ней во очію стоитъ демоническая фигура во всемъ мрачномъ сіяніи демонизма и таинственности, и именно *она*, m-lle Юлія, Бетси, или m-me Бешметева, Наунова—имена же ихъ легіонъ—призвана проникнуть въ бездну тайнъ и умягчить елеемъ любви израненное сердце!.. Можно ли представить болѣе соблазнительную задачу для дѣвицы или дамы, только-что наканунѣ проведшей всю ночь напролетъ надъ пронзительной исторіей князя Звонскаго?..

Такова психологія демонизма,—политика еще проще, она цѣликомъ заимствована изъ извѣстной басни Крылова *Тѣнь и человѣкъ*. Бахтіаровъ и Батмановъ, равномѣрно какъ и сильнѣйшій изъ россійскихъ демоновъ Печоринъ, буквально повторяютъ мораль сей аллегоріи. Бахтіаровъ окончательно запутываетъ въ свои сѣти Юлію Бешметеву, отступаясь отъ нея съ видомъ полнѣйшаго равнодушія при первомъ сопротивленіи. Печоринъ для подобнаго маневра считалъ достаточнымъ нѣсколько дней, Батмановъ, менѣе сильный левъ, кладетъ срокъ въ двѣ недѣли. И результаты никогда не обманываютъ нашихъ героевъ, и, что особенно любопытно, политика оказывается одинаково дѣйствительной и для какой-нибудь Юліи, выходящей замужъ уже готовою кокоткой, и для искренне и честно влюбленной m-me Науновой.

Мало этого. Господа Бахтіаровы только *намъ* и *теперь* могутъ казаться дутыми ничтожествами и «комиками», въ свое время и въ извѣстномъ обществѣ они—соль земли, отнюдь не менѣе Шамиловыхъ и Рудиныхъ. Умнѣйшая и достойнѣйшая губернская дама, сестра Бешметева, не можетъ устоять предъ властью Бахтіарова, правда только *нравственно*, но тѣмъ значительнѣе фактъ. И если вы спросите, почему?—получится отвѣтъ: Бахтіаровъ *выше всѣхъ*, по уму и даже по образованію, среди окружающаго общества. Онъ единственная яркая личность рядомъ съ удручающими посредственностями.

И наша дама права. Не г-на же Кипренскаго, мѣстнаго кавалера, ставить наравнѣ съ какимъ бы то ни было жестокимъ демономъ. Именно въ лицѣ Кипренскаго, губернская мужская молодежь съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ женская, уничтожается предъ великолѣпными особами Батмановыхъ и Бахтіаровыхъ. Батмановъ третируетъ Кипренскаго какъ своего лакея, повер-

гаетъ его въ несказанное счастье своей «откровенной» бесѣдой на счетъ политики съ женщинами и въ то же время публично шельмуетъ его.

Демоны, слѣдовательно, выше всѣхъ—и не только въ глазахъ дамъ и дѣвицъ. Они имѣютъ даже лишніе шансы сравнительно съ Рудиными, потому что ихъ притязанія на исключительное положеніе понятнѣе, болѣе по плечу общественному мнѣнію провинціи. Только ихъ въ губерніи называютъ *messieurs*, т. е. только за ними признаютъ аристократизмъ, тонкое воспитаніе, столичный лоскъ, и тетка Бешметева, до глубины души презирающая скромность и ученость своего племянника, къ отставному кирасиру, несомнѣнно, отнесла бы цѣликомъ свой идеалъ кавалера: «Ужъ именно можно сказать прекрасный молодой человѣкъ; съ обращеніемъ, по французски такъ и рѣжетъ»...

И цѣнительницы этихъ добродѣтелей не исчезаютъ до конца. Демоны непремѣнно достигаютъ своихъ земныхъ цѣлей: Бахтіаровъ женится на трехъ фабрикахъ и милліонѣ денегъ, Батмановъ пристраивается ко вдовѣ купчихѣ, живетъ у нея въ домѣ, ходитъ весь залитой въ брилліантахъ и спаиваетъ шампанскимъ цѣлое общество...

Мы такого заключенія не слышали ни объ Онѣгинѣ, ни о Печоринѣ. Правда, одинъ изъ нихъ разыгрываетъ довольно глупую и ужъ совсѣмъ не демоническую роль, но о батмановской профессіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. И вовсе не потому, что бы Онѣгинъ представлялъ нѣкую высшую фармацію; напротивъ: онъ столь же умственно баналенъ, лично ничтоженъ и въ серьезныхъ положеніяхъ жизни трагикомиченъ, какъ и его младшій собратъ. Все дѣло въ томъ, что Онѣгинъ пребываетъ въ нѣкоторой романтической дымкѣ, особенно въ первыхъ главахъ романа. Великій поэтъ быстро и отважно шелъ къ реальному творчеству, какъ объ этомъ самъ заявлялъ въ томъ же романѣ, и, можетъ быть, со временемъ предъ русской публикой явилась бы не менѣе талантливая, но болѣе *прозаическая* исторія того же типа. А пока разочарованный герой, правда, въ сильной степени подерганный и помятый, все еще хранитъ на своемъ блѣдномъ лицѣ нѣкоторый отпечатокъ поэтичности. На герояхъ Писемскаго нѣтъ этого отпечатка съ самаго начала. Здѣсь демонизмъ въ самомъ натуральномъ видѣ и исторія его реальна отъ первой буквы до послѣдней. И если у нѣкоторыхъ читателей и особенно читательницъ къ Онѣгину все еще можетъ остаться нѣкоторое чувство нѣжности или состраданія, относительно Бахтіарова, или Батманова оно положительно немыслимо. Демонизмъ, слѣдовательно,

нашего автора вдвинутъ въ тѣ самыя рамки и освѣщенъ тѣмъ ымымъ свѣтомъ, какъ это было сдѣлано и относительно ру-инства.

Можно представить, въ какихъ послѣ этого рамкахъ оказа-ись просто интересные губернскіе герои. А ихъ много, едва-ли е больше, чѣмъ демоновъ, и производятъ они не меньшія опусто-ленія въ провинціальномъ овчарникѣ. Вотъ, напримѣръ, Мазу-инъ — свѣтскій человѣкъ, богачъ, красавецъ. Всѣ мамаши, ко-ечно, заранѣе покорены: такіе женихи рѣдкость! Но любопыт-нѣе безкорыстное увлеченіе дочерей. Мазуринъ—просто пустой, невѣжественный мужчина, не ушедшій дальше физической чисто-плотности, дорогого щегольства, французской гастрономіи и внѣш-ней воспитанности. Онъ ничего не читаетъ, ни чѣмъ не интере-суется, кромѣ собственной наружности и желудка, дѣвицамъ раз-сказываетъ старые пошлые анекдоты... И онъ для какой-ни-будь «идеальной» Нины, «съ маленькой головкой», но «съ пре-красно развитой грудью» и «темно-голубыми глазами»—неотра-зимъ. И вовсе не потому, чтобы Нина была легкомысленна или без-нравственна, нѣтъ, ей совершенно искренне Мазуринъ кажется «интереснымъ», умнымъ, образованнымъ, вообще «выше другихъ».

Еще поучительнѣе исторія г-на Курдюмова. Умственнымъ раз-витіемъ онъ немного опередилъ кумира Нины, но онъ «какой-то всеобщій художникъ», поетъ, культивируетъ разныя другія искус-ства. Все это выходитъ у него совершенно механически, «не достаетъ душонки, чтобы съ толкомъ спѣть романсъ», говоритъ о немъ авторъ устами одного изъ героевъ. И все-таки—красивый брю-нетъ съ художественными наклонностями и, въ особенности, съ романсомъ на устахъ увлекаетъ безусловно умную и во всѣхъ от-ношеніяхъ достойную женщину. Рядомъ съ мужемъ, пьянымъ ди-каремъ, Курдюмовъ дѣйствительно — «выше» и «интереснѣе»... Очевидно, демоны и даже ничтожнѣйшіе ихъ соревнователи, какъ бы ни были пошлы сами по себѣ, становятся силой при извѣст-номъ уровнѣ общественнаго развитія, силой безусловной — не только для глупыхъ дѣвицъ и жуирующихъ дамъ, а вообще для всѣхъ женщинъ, предъявляющихъ къ будничной жизни болѣе или менѣе повышенныя требованія. И именно ничтожество *героевъ* бросаетъ рѣшительный и самый вѣрный свѣтъ на характеръ *толпы*, въ данномъ случаѣ — русскаго дореформеннаго интелегентнаго общества.

Остается низшій, безправый и свиду будто безличный слой— крѣпостной народъ. Здѣсь литература Писемскаго, въ виду уста-новленныхъ нами нравственныхъ особенностей его личности, пред-ставляетъ исключительный интересъ.

XXII.

Основательнѣйшее знакомство Писемскаго съ народной жизнью и народной психологіей, поразительное искусство воспроизводить народный языкъ и складъ чисто-крестьянскихъ характеровъ, никогда и никѣмъ не подвергались сомнѣнію, даже въ темный непопулярный періодъ дѣятельности писателя. И дѣйствительно:—не требуется особеннаго художественнаго вкуса, чтобы испытывать высшее наслажденіе при чтеніи его произведеній изъ деревенской жизни, или отдѣльныхъ сценъ въ романахъ съ крестьянами дѣйствующими лицами. Не много можно указать случаевъ въ художественной литературѣ, гдѣ бы до такой степени было излишне вмѣшательство эстетической критики: такъ ярка жизненность, такъ неподдѣльна и краснорѣчива правда народныхъ типовъ и картинъ у Писемскаго! Тѣмъ важнѣе, конечно, нравственный и общественный смыслъ такого блестящаго творчества.

Первое произведеніе, посвященное Писемскимъ народной жизни—*Лѣшій*, написанный въ 1851 году, въ слѣдующемъ—*Питерщикъ*, три года спустя *Плотничья артель*, въ 1857 году явилась *Старая барыня* и годомъ позже драма *Горькая судьбина*, увѣнчавшая народническую поэзію нашего автора въ дореформенное время, въ концѣ 1861 года разсказомъ *Батька* закончилась вообще дѣятельность Писемскаго въ этомъ направленіи. Не смотря на появленіе этого разсказа уже послѣ крестьянской реформы, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ безъ всякихъ затрудненій можетъ быть причисленъ къ раннимъ произведеніямъ, по манерѣ и по духу творчества. Писатель еще не успѣлъ пережить сильныхъ потрясеній, какія, мы увидимъ позже, всколебали его душу въ первые годы освободительной эпохи.

Русская публика уже въ теченіе четырехъ лѣтъ читала тургеневскіе *Записки охотника*, когда появился *Лѣшій* и потомъ *Питерщикъ*. Любопытнѣйшія фигуры Хоря, Овсянникова были извѣстны всѣмъ: именно имъ предстояло выступить и у Писемскаго. Превосходно также изображалась дѣятельность «управителей» въ лицѣ «Бурмистра»: мотивъ, опять избранный и нашимъ писателемъ. Вообще Писемскому не приходилось совершать неограниченныхъ открытій въ народной жизни, но онъ за то немедленно обнаружилъ совершенно оригинальное отношеніе къ ней. При всемъ спокойствіи и изящной простотѣ тургеневскихъ разсказовъ, читатель не могъ не почувствовать вполнѣ опредѣленнаго тяготѣнія авторскаго сочувствія въ извѣстную сторону. *Записки*, несомнѣнно, писались въ интересахъ мужика, точнѣе—*ради*

мужика. Мы теперь знаемъ, авторъ выполнялъ свою «Аннибалову клятву», но и безъ этого свѣдѣнія здѣсь нельзя не ощутить весьма стойкаго характернаго теченія сороковыхъ годовъ. Это не значитъ, будто художникъ находился во власти тенденціи. Его *впечатлѣнія* развивались въ извѣстномъ направленіи, а Тургеневъ, по его словамъ, считалъ «страннымъ и смѣшнымъ» «освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденцію». У всякаго наблюдателя получаются разныя впечатлѣнія отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, и Тургеневъ, одушевляя такимъ, а не инымъ духомъ свои *Записки*, оставался лишь типичнымъ представителемъ своей идеалистической эпохи.

Съ Писемскимъ не могло произойти ничего подобнаго; онъ стоялъ слишкомъ далеко отъ современныхъ идейныхъ теченій и не обладалъ тургеневской чуткостью къ *общему смыслу* жизненныхъ явленій. Въ результатѣ, предъ нами совершенно другая народническая литература, хотя въ художественномъ отношеніи отнюдь не менѣе сильная.

Руководящую идею, точнѣе, практическое правило при изображеніи народной жизни, Писемскій высказалъ устами одного изъ своихъ положительныхъ и умнѣйшихъ героевъ-крестьянъ: «скажемъ по мужику, а надо сказать и по барину». Эти слова Петра изъ *Плотничьей артели* лежатъ въ основѣ всѣхъ разсказовъ Писемскаго.

У автора, прежде всего, крѣпостной порядокъ *самъ по себѣ* не возбуждаетъ никакихъ сильныхъ чувствъ, онъ будто дѣйствительно законъ природы и справедливости. Правда, мы слышали отъ Вихрова, повидимому, уничтожающія соображенія на счетъ неограниченной власти барина надъ мужикомъ. Но, во-первыхъ, это писалось уже много лѣтъ *позже* отмѣны крѣпостнаго права, а потомъ, мы видѣли, рѣчь Вихрова стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ другими данными того же романа. Въ дореформенной литературѣ нѣтъ даже и поводовъ къ противорѣчію: авторъ остается исключительно на *нравственной* почвѣ и не касается *общественной*. Онъ имѣетъ дѣло съ *барином*ъ и съ *мужикомъ*, какъ разъ навсегда установленными и неизбѣжными явленіями.

Это—отнюдь не крѣпостничество, не сочувствіе рабству и еще менѣе равнодушіе къ барскому произволу или жестокости. Нѣтъ, это просто *уклоненіе* автора отъ самаго вопроса о крѣпостномъ правѣ, точнѣе, этотъ вопросъ внѣ авторскаго кругозора. Писемскій пишетъ и разсуждаетъ *въ предѣлахъ* крѣпостного строя, и здѣсь, именно, онъ исполненъ гуманности, здраваго смысла, справедливости, здѣсь онъ всегда готовъ стать на сторону слабѣйшаго, но

только не касаясь самихъ устоевъ. Вы скажете: мужикъ непремѣнно *слабѣйшій* уже потому, что онъ *подданный*, крѣпостной, слѣдовательно, защита его, при извѣстномъ порядкѣ вещей, является исходнымъ нравственнымъ принципомъ. Но вотъ именно это-то обобщеніе и не существуетъ для строго практической, житейской мудрости. Въ результатѣ и выходитъ разговоръ о дурныхъ и хорошихъ господахъ, умныхъ или глупыхъ мужикахъ, а не вообще о *господахъ* и *мужикахъ*, какъ *общественныхъ явленіяхъ*, независимо отъ какихъ бы то ни было частностей.

Но Писемскій въ лучшую пору дѣятельности—высокодаровитый и безусловно искренній художникъ. Вотъ эти-то свойства писателя, помимо его воли, такъ сказать, безъ его вѣдома, приводятъ читателя къ опредѣленнымъ выводамъ.

Прежде всего, нашъ авторъ по наслѣдственнымъ и личнымъ инстинктамъ—совершенный демократъ: мы это знаемъ на основаніи его общей психологіи, и каждое произведеніе безусловно подтверждаетъ наше свѣдѣніе. Любимый народный типъ Писемскаго сродни тургеневскому Хорю и Овсянникову: ясная, ничѣмъ незамутимая «житейская мудрость», исключительная энергія и практическая даровитость, необычайно острое пониманіе окружающей дѣйствительности, и все это вмѣстѣ съ лукавымъ юморомъ и инстинктивнымъ консерватизмомъ въ мысляхъ и поступкахъ. Этотъ сложный, но въ высшей степени цѣльный образъ представленъ у Писемскаго многочисленными фигурами, и постоянно въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ героевъ невольно чувствуется присутствіе авторскаго міросозерцанія и духовно-родственнаго сочувствія.

Заканчивая повѣсть о житейскомъ успѣхѣ одного изъ такихъ мудрецовъ, Писемскій прибавляетъ: «Я вмѣстѣ съ тѣмъ въ лицѣ его порадовался и вообще за русскаго человѣка».

Вопросъ идетъ о *Питерщикѣ*. Предъ нами натура сильная, богато одаренная, таящая въ глубинѣ великую мощь, но и не малыя страсти. Вѣдь даровитымъ людямъ уравновѣшенная мудрость вообще дается не даромъ и достается также собственнымъ горбомъ, какъ и матеріальное благосостояніе. Въ этомъ полнота крестьянскихъ типовъ у нашего автора и высшій драматическій интересъ. Мы видимъ, какъ ростутъ и развертываются великія народныя силы, какъ онѣ борются и одолѣваютъ безчисленныя препятствія, воздвигнутыя самою жизнью противъ крѣпостного, хотя бы и не зауряднаго человѣка. Но здѣсь же обнаруживается и еще нѣчто другое, помимо несомнѣнно положительныхъ достоинствъ мужика: богатый запасъ стихійной первобытной грубости и даже дикости. Умнѣйшій и талантливѣйшій мужикъ нераз-

рывно связанъ съ исконными порядками и идеалами своей среды. Ни «мудрость,» ни постоянныя сношенія съ болѣе культурнымъ міромъ не могутъ исцѣлить его отъ самыхъ темныхъ умственныхъ предразсудковъ и нерѣдко безпощадно-жестокихъ нравственныхъ понятій.

Онъ прежде всего неисправимый и неуклонно послѣдовательный эгоистъ. Сильный и удачливый, онъ цѣнитъ необычайно высоко силу и удачливость. Къ слабымъ, хотя бы и не по своей винѣ, онъ относится съ невольнымъ пренебреженіемъ. Онъ—совершенное дѣтище упорной жизненной борьбы, закаленный воинъ житейской битвы, и вопросы альтруизма и безкорыстной гуманности играютъ у него самую второстепенную роль. Припомните Макара Григорьева, одного изъ идеальной породы мудрецовъ. Его основной взглядъ на человѣчество—необычайно рѣшительный: мужики—плуты, а баре—или всенепремѣнные враги мужика, или малосмысленный народъ. Тѣ же мысли выражаетъ и Илья Мосѣичъ, въ разсказѣ *Батька*; уничтожающая иронія по отношенію къ господамъ и глубокій скептицизмъ на счетъ мужицкихъ добродѣтелей. А Петръ изъ *Плотничьей артели* прямо въ глаза барину заявляетъ свое недовѣріе к ь его хозяйственному смыслу и въ то же время рекомендуетъ почаще пускать въ ходъ «палку-понукалку» съ мужиками: «нашъ братъ-мужикъ плутъ; какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало того, что не повезетъ, да тебя еще осѣдлаетъ».

Вотъ какую философію создала крѣпостная эпоха у *лучшихъ* людей изъ народа. Правы-ли они? Неужели баре исключительно или непримиримо враждебная сторона противъ мужика, или безнадежно пустые люди? А мужики, въ свою очередь, злокозненные лѣнтяи, вѣчно наклонные къ обману и притворству?

Да, таково оказывается убѣжденіе самыхъ, несомнѣнно, разумныхъ мужиковъ, и отнюдь не міроѣдовъ, и не мѣщанъ въ дворянствѣ, а просто многоопытныхъ житейскихъ мудрецовъ. И если мы вникнемъ въ этотъ взглядъ, онъ окажется вполнѣ естественнымъ и въ общемъ даже справедливымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обратитесь къ тѣмъ же мужикамъ и соберите у нихъ свѣдѣнія о той житейской школѣ, которая воспитала ихъ мудрость.

Первый Макаръ Григорьевъ... Уже будучи почтеннымъ и богатымъ хозяиномъ, онъ едва спасся отъ унизительной экзекуціи за нѣсколько слишкомъ искреннихъ словъ своему барину. Хорошо, что барыня поняла всѣ роковыя послѣдствія наказанія для такого мужика, съ самолюбіемъ и чувствомъ личнаго достоинства,

и спасла его отъ несмываемаго позора. Макаръ Григорьевъ всю жизнь не можетъ забыть этой услуги, потому что послѣ экзекуціи ему дѣйствительно не быть бы человѣкомъ, ни въ своихъ собственныхъ глазахъ, ни въ чужихъ. Какое же представленіе у него могло остаться о подобномъ баринѣ? Слѣдующій опытъ — «народническія» увлеченія сына стараго барина Павла Вихрова... Мы знаемъ результаты этихъ увлеченій, по истинѣ изумительныя бесѣды юнаго героя съ мужиками на счетъ кислорода и алкоголя... Что могъ подумать Макаръ Григорьевъ при подобныхъ экскурсіяхъ въ народъ? Не имѣлъ ли онъ право, вмѣстѣ съ Петромъ, Ильей Мосѣичемъ пустить въ ходъ весь свой юморъ по поводу такого «умнаго» и «образованнаго» господина и отозваться объ его *дѣйствительномъ* разумѣ съ неменьшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ, напримѣръ, тургеневскій кучеръ отзывается о тонко-просвѣщенномъ Пѣночкинѣ, Хорь полагаетъ о своемъ баринѣ, а Овсянниковъ прямо издѣвается надъ однимъ изъ романтиковъ-народолюбцовъ? Все это явленія, въ сущности, одного порядка: баре, при всей своей великой власти и даже при самыхъ благихъ намѣреніяхъ, не могли внушить ни довѣрія, ни уваженія—ни своимъ «рабамъ», ни своимъ «меньшимъ братьямъ».

Опытъ Макара Григорьева подтверждаетъ и Петръ, могъ бы подтвердить и Илья Мосѣичъ, такъ какъ весь разсказъ *Батька* какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ его неуважительнымъ чувствамъ на счетъ барскаго разумѣнія.

Петру выпала на долю обычная мужицкая драма съ героями—старикомъ отцомъ и молодою мачихой. Кому бы развязать роковой узелъ, какъ не полноправному барину? Но, оказывается, баринъ наѣзжаетъ въ деревню рѣдко и потомъ съ нимъ мужики могутъ говорить только въ минуты его счастливыхъ настроеній, а то въ другой часъ «еле ноги уплетутъ!» И Петръ только по счастливой случайности можетъ повѣдать *барынѣ* свое горе. Но и то не въ пользу: слѣдуетъ барскій гнѣвъ на виновную мачиху, и этимъ ограничивается все личное участіе господина въ судьбѣ своего «подданнаго».

Въ разсказѣ *Батька* такой же раздражительный баринъ, въ теченіе многихъ лѣтъ считаетъ честнѣйшимъ мужикомъ снохача и по его наговорамъ губитъ цѣлую семью. Правда раскрывается слишкомъ поздно, и барину остается только развѣ «сорвать сердце», но не поправить ошибокъ и не возмѣстить зла. А между тѣмъ, и этотъ, и предыдущій баринъ—люди добрые, отнюдь не тираны и не насильники: они только плохо знаютъ мужика и не считаютъ нужнымъ входить въ подробное изслѣдованіе его жизни и его насущныхъ интересовъ. Естественно, у мужика составляется твердое

бѣжденіе на счетъ барскаго малосмыслія. Припомните, съ какимъ презрѣніемъ принимаютъ мужики рѣчь Базарова... А вѣдь, Базаровъ умѣлъ говорить съ ними иначе и гораздо лучше, чѣмъ только-что названные господа. Въ результатѣ, когда даже барину вздумается оказать мужику несомнѣнное благодѣяніе, мужикъ встрѣтитъ благородный порывъ недовѣріемъ и даже насмѣшкой. Онъ не привыкъ съ этой стороны ждать чего-либо дѣльнаго, зрѣло обдуманнаго и приспособленнаго къ мужицкимъ нуждамъ и на основаніи ближайшаго ознакомленія съ ними. Естественно, Илья Мосѣичъ презираетъ даже барскія книги, барское воспитаніе и противопоставляетъ «пустякамъ», тунеядству и нравственной безотвѣтственности барскаго существованія — практичность, дѣловитость и непрестанный тернистый житейскій путь мужика съ дѣтства до глубокой старости.

Теперь, представьте, какъ подобныя отношенія должны вліять на *массу*. У лучшихъ и энергичнѣйшихъ людей они, укореняя чувства недовѣрія и даже презрѣнія, не могутъ подорвать личныхъ силъ; напротивъ, у самолюбиваго и даровитаго мужика непремѣнно явится желаніе *подальше*, по крайней мѣрѣ, фактически,— стать отъ своего барина. И дѣйствительно, наши мудрецы живутъ и дѣйствуютъ особнякомъ, это—большею частью оброчные, стихійно отдѣляющіеся отъ порабощенной и униженной крестьянской толпы. Это *ихъ* оружіе борьбы. Какое же остается у *толпы?*

Единственное исконное прибѣжище слабыхъ—хитрость, обманъ, пассивное сопротивленіе, затаенное желаніе, по возможности, парализовать разсчеты сильнаго, или, во всякомъ случаѣ, не способствовать имъ. Помѣщикъ—*внѣшняя* и притомъ съ ногъ до головы вооруженная сила, внѣшняя, это въ лучшемъ случаѣ, а чаще — враждебная или фактически, въ формѣ открытаго деспотизма, или нравственно — въ формѣ гадливаго презрѣнія къ «хаму». Послѣднее едва ли не хуже, такъ какъ здѣсь на сцену выступаетъ средостѣніе въ лицѣ «управителя», «бурмистра», т. е. деспота-хама, отвратительнѣйшей разновидности крѣпостнической власти.

Въ первомъ же разсказѣ Писемскаго герой «управитель», бывшій камердинеръ, типичный аристократъ лакейской крови, т. е. озлобленно-презирающій мужика и болѣзненно-зорко оберегающій свое достоинство. Лакей ничего не смыслитъ въ крестьянскомъ обиходѣ, но понимаетъ толкъ въ крестьянскихъ дѣвицахъ, и начинается неограниченное развращеніе захолустнаго дѣвственнаго края. Не случись въ уѣздѣ благороднаго исправника, «управитель» могъ бы до конца дней подвизаться на своемъ поприщѣ.

Его произволъ основанъ, конечно, на барской власти надъ «этимъ народомъ», баринъ для него, слѣдовательно, своего рода провидѣніе, фетишъ, единственный богъ, и, естественно, рабская преданность господину растетъ пропорціонально насиліямъ надъ подданными. Отсюда одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ старой эпохи, выведенный вполнѣ въ разсказѣ *Старая барыня*.

Разсказъ бывшаго дворецкаго большой госпожи, самовластной и безсмысленно жестокой. Всю жизнь онъ провелъ въ школѣ неудержимаго разгула эгоизма, среди полнаго отупѣнія основныхъ человѣческихъ инстинктовъ, и постепенно именно этотъ разгулъ и тупость усвоилъ, какъ законный порядокъ вещей. Личность госпожи заслонила въ его глазахъ весь жизненный и нравственный горизонтъ, лишила совершенно личной способности видѣть и понимать людей и факты, сдѣлалась для него воплощенной моралью и олицетвореннымъ закономъ. Вышелъ невѣроятный нравственный уродъ... И когда вы слушаете, съ какимъ умиленіемъ старикъ едва не наканунѣ смерти повѣствуетъ о вопіющихъ неправдахъ и жестокостяхъ своей покойной госпожи, вамъ не за человѣка становится страшно, а за цѣлый народъ, выдвигающій изъ своей среды подобныхъ нравственныхъ идіотовъ и подпадающій ихъ безумію. Да, достаточно одного такого явленія, чтобы, безъ всякаго гражданскаго краснорѣчія и чувствительной поэзіи, сознать всю бездну крѣпостническаго зла, всю необъятность его тлетворныхъ вліяній.

Но, къ счастью, самъ же народъ и произноситъ, здѣсь же на мѣстѣ, свой судъ надъ собственными отбросами. Хозяйка постоялаго двора, гдѣ идетъ разсказъ о старой барынѣ, «съ неизмѣнной правдивостью» выводитъ на свѣжую воду сущность барскаго великолѣпія и лакейской вѣрности и необычайно просто, но безпощадно разсѣеваетъ ореолъ, сооружаемый рабомъ. Это чисто инстинктивный голосъ нравственнаго чувства и человѣческой нравственной свободы, и онъ никогда не замолкалъ въ русскомъ народѣ даже подъ гнетомъ «старыхъ барынь».

Мы видимъ, какъ логически могло сложиться міросозерцаніе мудрыхъ людей изъ народа, сколько у нихъ было основаній такъ, а не иначе судить о баринѣ и о мужикѣ. Но всякій отрицательный приговоръ неминуемо возбуждаетъ вопросъ о положительномъ настроеніи, осужденіе произносится во имя чего-либо достойнѣйшаго, однимъ словомъ, во имя какого бы то ни было идеала. Долженъ же онъ существовать и у нашихъ мудрецовъ. Они, столь проницательные въ своемъ пониманіи барской власти и мужицкаго подданства, успѣли навѣрное составить опредѣленное представленіе

настоящемъ баринѣ и *добромъ* мужикѣ, и, въ результатѣ, конечно,—объ извѣстномъ *ихъ* удовлетворяющемъ строѣ жизни.

Да, отвѣты на всѣ эти вопросы существуютъ. На счетъ идеальнаго барина мы уже слышали: это ни болѣе, ни менѣе, какъ Костанжогло, отличный хозяинъ, превосходно знающій мужицкій бытъ и строго вникающій въ него, однимъ словомъ, тотъ же умный дѣловитый мужикъ, только распоряжающійся другими мужиками. Такъ характеризуется *настоящій* помѣщикъ въ *Плотничьей артели*, а въ разсказѣ *Фанфаронъ* сообщается, что именно по такомъ баринѣ, когда онъ умеръ, вся деревня обливалась горькими слезами. Такой идеалъ, конечно, могъ возникнуть только въ полномъ соотвѣтствіи вообще съ идеальными запросами дореформеннаго мужика. Авторъ далъ намъ полную возможность проникнуть въ природу и душу лучшихъ сыновъ закрѣпощеннаго народа, и въ то же время намѣтилъ вопросъ о другомъ *хорошемъ* баринѣ, честномъ «пріобрѣтателѣ», хорошемъ не съ мужицкой точки зрѣнія.

Всѣ эти вопросы составляютъ содержаніе драмы *Горькая судьбина*. Драма въ свое время стяжала и академическій вѣнокъ: была удостоена уваровской преміи и вызвала восторгъ публики. Популярность ея не прекращается и до нашихъ дней. Многіе и знаютъ Писемскаго только по этой пьесѣ да еще развѣ по роману *Тысяча душъ*. И драма заслуживаетъ такой чести, не столько талантливостью,—не менѣе талантливы и другія народническія произведенія Писемскаго,—сколько богатствомъ и значительностью содержанія.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(*Окончаніе* *).

II.

Во второмъ отдѣленіи словесности числилось 62 ученика. Меня, какъ казеннокоштнаго, помѣстили съ 20 другими учениками въ нижнемъ этажѣ праваго углового каменнаго корпуса. Въ переднемъ углу подъ образами поселился «старшій» изъ богослововъ для надзора за нашимъ поведеніемъ. Каждому изъ насъ выдали по два длиннополыхъ сюртука: казинетовый и суконный, по парѣ сапогъ, желѣзную кровать, дешевое байковое одѣяло, мочальный матрацъ, такую же подушку и двѣ толстыхъ холщевыхъ простыни. На закоптѣлыхъ, когда-то выбѣленныхъ стѣнахъ, виднѣлась масса дырочекъ, происшедшихъ отъ вбиванія въ стѣну и вытаскиванія гвоздей, въ которыхъ гнѣздились цѣлыя колоніи жирныхъ клоповъ. Кругомъ этихъ дырочекъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ виднѣлись кружечки, обведенные мыломъ для того, чтобы клопы не могли перелѣзть черезъ эти кружочки и потому лишены были возможности кусать насъ. Однако, по ночамъ они какъ-то ухитрялись перелѣзать чрезъ эти перегородки, кусали насъ здорово, а къ утру опять возвращались въ свои колоніи. Обѣдали мы въ общей столовой. Въ 8 часовъ утра по звонку шли мы въ столовую, гдѣ выдавали намъ по ломтю чернаго хлѣба, въ два часа обѣдали, въ 8 часовъ вечера ужинали. И къ обѣду, и къ ужину каждый несъ съ собою въ карманѣ свою деревянную ложку. Отобѣдавъ, ложки мы вытирали о грязную скатерть или о внутреннюю сторону полы своего сюртука и засовывали ихъ опять въ карманъ. Посреди столовой у одной изъ колоннъ стояло въ родѣ аналоя, на которомъ лежала старая, истрепанная, въ кожаномъ переплетѣ Четьи-минея. Во время обѣда и ужина одинъ изъ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1896 г.

богослововъ читалъ житіе какого-либо святого, чаще всего «Исаакія, затворника Печерскаго». Чтеніе этого житія всегда возбуждало въ насъ веселое настроеніе, такъ какъ жизнь Исаакія полна разныхъ, совсѣмъ особенныхъ приключеній. Изъ желанія совратить Исаакія съ пути благочестія однажды ворвались къ нему въ келью дьяволы съ разными музыкальными инструментами, въ то время какъ подвижникъ стоялъ на колѣняхъ на молитвѣ. Одинъ изъ дьяволовъ громко возглашаетъ: «возьмите сопели, тимпаны и гусли и ударяйте, Исаакій же нашъ да пляшетъ». Исаакій, будто бы, и пошелъ плясать...

Въ первые два года моего пребыванія въ семинаріи (1859—1860) инспекторъ частенько-таки сѣкъ словесниковъ за пьянство розгами; но съ 1861 года тѣлесное наказаніе совсѣмъ уже вышло изъ употребленія. Впрочемъ, пьянство, какъ будто нарочно, поощрялось самимъ начальствомъ. Въ 100 саженяхъ отъ семинаріи по дорогѣ въ городъ стоялъ ветхій деревянный домикъ, въ которомъ жилъ сторожъ. Въ престольный семинарскій праздникъ Іоанна Богослова (26 сентября) богословамъ позволялось варить пиво. Пивовареніе богословами и возлагалось именно на этого сторожа. Вмѣстѣ съ пивомъ семинаристы пили, конечно, и водку, почему инспекторъ въ этотъ день никогда не ходилъ по нумерамъ.

Пьянствовали семинаристы жестоко, до положенія ризъ. Чтобы протрезвить упившихся, прибѣгали къ самымъ радикальнымъ мѣрамъ: пьянаго вытаскивали на средину комнаты и клали внизъ лицомъ. Два здоровенныхъ семинариста, засучивъ рукава рубашки, становились у пьянаго съ полѣньями въ рукахъ, одинъ у правой ноги, другой—у лѣвой и мѣрно, въ тактъ, били ими по подошвамъ, третій время отъ времени поливалъ его изъ ведра холодной водой, что̀ все вмѣстѣ продолжалось до тѣхъ поръ, пока безчувственно-пьяный не приходилъ въ себя и не начиналъ икать и издавать какіе-нибудь звуки. Бывало, что и такіе мѣры ни къ чему не приводили. Помнится, однажды умеръ съ перепою одинъ изъ учениковъ, Поповъ, родной братъ профессора семинаріи, жившій вмѣстѣ съ нимъ въ семинаріи на казенной квартирѣ. Ни полѣнья, ни отливаніе водой — ничто не помогло. Говорили, что этотъ 17-лѣтній мальчикъ наканунѣ вечеромъ выпилъ цѣлую бутылку рому и въ ту же ночь умеръ. Ругань непечатной бранью и вообще грубость нравовъ поддерживало въ насъ и само начальство. Инспекторъ-протоіерей въ классѣ называлъ насъ самыми поносными именами: «чушью», «гороховицей», «ослами», «болванами» и т. п. Нѣкоторые изъ профессоровъ въ классъ нерѣдко являлись пьяными, какъ, напримѣръ, профессоръ математики Мыш-

кинъ, зять инспектора, поэтому неудивительно, что математики никто изъ насъ не зналъ. Преподаваніе велось самымъ рутиннымъ образомъ, по старымъ учебникамъ, иногда по запискамъ, составленнымъ Богъ вѣсть когда. Инспекторъ преподавалъ священное писаніе по своимъ собственнымъ запискамъ, которыя мы по необходимости задалбливали. Говорю «по необходимости», потому что не было возможности передать своими словами слѣдующую, оставшуюся въ моей памяти тираду о книгѣ «Пѣснь пѣсней». «Книга «Пѣснь пѣсней» такъ называется потому, что она самыя сокровенныя, святыхъ святѣйшія Божія къ намъ любви таинства описуетъ»... Какъ преподаватель, инспекторъ былъ весьма безталанный. У меня остался въ памяти одинъ изъ его уроковъ. Инспекторъ вызывалъ на средину класса ученика, читалъ ему какой-нибудь стихъ изъ библіи и спрашивалъ:

— Ну, скажи, Краснoперовъ: «Дѣлатель пьяный не наслѣдуетъ царствія Божія», какая тутъ сентенцыя (всегда говорилъ сентенцыя)—нравственная или догматическая?

— Нравственная,—скажешь ему на обумъ.

— Хорошо. Ну, а вотъ здѣсь: «На морѣ кони твоя избранныя», здѣсь какая? И опять говоришь наобумъ. Такъ и тянулся весь урокъ. Въ богословскомъ классѣ въ то время преподавали медицину, что составляло обязанность городского акушера, которому платили за это 100 рублей въ годъ. Акушеръ былъ человѣкъ крайне ограниченный. О какой бы болѣзни онъ ни говорилъ, хотя бы о вередѣ на рукѣ или на ногѣ, онъ сначала подробно излагалъ самый процессъ образованія нарыва, потомъ вдругъ заключалъ словами: «и наконецъ наступаетъ самая смерть». Новички сначала приходили-было въ уныніе отъ его заключеній о вередахъ и чирьяхъ, такъ какъ въ бурсѣ многіе изъ насъ при нашей неопрятности нерѣдко страдали отъ этихъ вередовъ, но потомъ мы только смѣялись надъ акушеромъ, зная очень хорошо, что это одинъ изъ словесныхъ фортелей невѣжественнаго человѣка.

Ботанику и физику преподавалъ священникъ. Преподаватель велитъ, бывало, ученикамъ принести на урокъ разныхъ растеній изъ окружающаго семинарію лѣса. И вотъ мы массами нанесемъ всевозможныхъ растеній: крапиву, репейникъ, полынь, куриную слѣпоту и т. п., и все это кучею навалимъ на столъ предъ учителемъ. Учитель всякое почти растеніе пробовалъ зачѣмъ-то на языкъ и ругался:

— И крапивы-то, дураки, не могутъ отличить! говорилъ онъ.— Репейникъ... полынь... зачѣмъ вы принесли мнѣ эту дрянь?

Встаетъ одинъ изъ насъ и объясняетъ:

— Мы думали, что вы и о репейникѣ, и о полыни что-нибудь намъ скажете.

— А вотъ ничего и не скажу дуракамъ,—заключалъ отецъ, все болѣе и болѣе раздражаясь.

Словесность преподавалъ въ первомъ отдѣленіи Рождественскій, вскорѣ, впрочемъ, переведенный преподавателемъ въ мужскую гимназію, въ Тамбовъ; во второмъ отдѣленіи—Александръ Александровичъ Красовскій. Оба были люди молодые, прекрасно знающіе свой предметъ; но насколько первый отличался нѣкоторою грубостью въ обращеніи съ учениками и нѣкоторымъ суховатымъ педантизмомъ въ преподаваніи, настолько послѣдній служилъ олицетвореніемъ мягкости и доброты; его преподаваніе отличалось живостью и одушевленіемъ. Если бы я могъ охарактеризовать въ краткихъ чертахъ эту свѣтлую личность, то я бы сказалъ, что это былъ чистѣйшій и благороднѣйшій представитель молодого поколѣнія 60-хъ годовъ. Что многіе изъ насъ не заглохли въ семинарской средѣ и до сихъ поръ сохранили въ себѣ лучшіе завѣты 60-хъ годовъ, мы обязаны исключительно Александру Александровичу. Я бы желалъ во всѣхъ подробностяхъ воскресить въ своей памяти твои дорогія черты, мой дорогой учитель...

Александръ Александровичъ, какъ я сказалъ выше, былъ младшій изъ двухъ сыновей ректора вятской семинаріи, архимандрита Трифонова монастыря, Амвросія. Старшій сынъ, Владиміръ, въ мое время гдѣ-то служилъ въ Петербургѣ и въ то же время занимался изданіемъ портретовъ знаменитыхъ духовныхъ іерарховъ, которые шли очень ходко, особенно среди сельскаго духовенства; младшій окончилъ курсъ въ концѣ 50-хъ годовъ въ Петербургской духовной академіи въ числѣ первыхъ студентовъ. Преподаватель онъ былъ чрезвычайно оригинальный. Въ классѣ онъ рѣдко кого спрашивалъ урокъ, а все преподаваніе его носило характеръ живой, дружеской бесѣды учителя съ учениками. Ему не было дѣла до того, учили ли ученики урокъ, ходили ли въ классъ или не ходили, отъ учениковъ онъ требовалъ серьезныхъ умственныхъ занятій. Онъ души не чаялъ въ тѣхъ ученикахъ, которые серьезно занимались наукой и любили чтеніе книгъ. Входя въ классъ прямо въ шинели, онъ самъ вѣшалъ ее на вѣшалку и, вѣжливо раскланиваясь, становился у передней парты. Человѣкъ тридцать окружали его и слушали его живую рѣчь о современной литературѣ, его мѣткія характеристики лучшихъ ея представителей. Остальные, болѣе лѣнивые ученики усаживались у дверей на послѣднихъ партахъ и занимались, кто чѣмъ хотѣлъ: играли въ карты, пѣли вполголоса и т. п. Иногда громкій ихъ разговоръ вызывалъ со стороны Красовскаго замѣчаніе:

— Господа, нельзя ли потише?

И ученики моментально замолкали. Впослѣдствіи, когда ученики поближе узнали Александра Александровича, всѣ полюбили его и въ классѣ никогда не было ни шума, ни шалостей; въ крайнемъ случаѣ ученики сами выталкивали шалуновъ изъ класса. Чтобы лучше узнать учениковъ со стороны ихъ умственнаго развитія и матеріальнаго положенія, Александръ Александровичъ велѣлъ каждому изъ насъ въ классѣ написать свою автобіографію. Такимъ образомъ, каждаго изъ насъ онъ могъ узнать, о каждомъ могъ, въ случаѣ нужды, хлопотать передъ начальствомъ, облегчать его занятія совѣтами, даровой раздачей книгъ и учебныхъ пособій, помогать денежными средствами и т. п. Въ теченіе двухъ учебныхъ годовъ мы, словесники, основательно познакомились съ нашими лучшими писателями: Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Грибоѣдовымъ, Кольцовымъ. Тогда только что начали выходить въ свѣтъ одни за другими произведенія Тургенева, Гончарова, Островскаго, Писемскаго, Льва Толстого и др. Съ этими писателями мы знакомились въ классѣ; вслухъ читали ученики или Александръ Александровичъ—ихъ произведенія, объясняли, комментировали, спорили; все, что не могло быть прочитано въ классѣ, мы читали дома, въ нумерахъ, собираясь для этого группами по вечерамъ. Въ произведеніяхъ всѣхъ писателей, помимо ихъ художественно-литературной формы, Александръ Александровичъ старался искать общечеловѣческое содержаніе. Человѣкъ, служеніе человѣку и содѣйствіе его счастію—были любимой темой его бесѣдъ при чтеніи или разборѣ литературныхъ произведеній. Въ классѣ мы читали съ Александромъ Александровичемъ и «Записки Охотника», и много слезъ надъ ними пролили... Еженедѣльно, по субботамъ, Александръ Александровичъ пріѣзжалъ въ семинарію въ 4—5 часовъ вечера, передъ всенощной, съ двумя большущими чемоданами книгъ для раздачи ихъ ученикамъ. Съ книгами онъ помѣщался въ передней у своего знакомаго профессора, Гавріила Яковлевича Порфирьева, брата извѣстнаго профессора Казанской духовной академіи, Ивана Яковлевича, автора «Исторіи русской словесности». Ученики уже заранѣе знали о пріѣздѣ Красовскаго и потому безъ зова массами являлись за книгами, становясь въ передней и въ сѣняхъ квартиры. Я обыкновенно записывалъ выдаваемыя книги въ особую тетрадь, а Александръ Александровичъ выдавалъ иногда съ поясненіями—почему слѣдуетъ прочесть ту или другую книгу. Шли за книгами словесники, философы и богословы. Уже въ первые два года моего пребыванія въ словесности, въ теченіе 1859—

1860 года намъ удалось такимъ образомъ прочесть, по указанію Александра Александровича, Бѣлинскаго, тогда еще не вышедшаго отдѣльнымъ изданіемъ (въ «Отечественныхъ Записках»), «Пропилеи» изданіе Леонтьева, «Исторію XVIII вѣка» Шлоссера, Кудрявцева «Римскія женщины по Тациту», Гончарова, Писемскаго «Тысячу душъ», Герцена «Кто виноватъ». «Письма объ изученіи природы», Достоевскаго «Бѣдныхъ людей», «Неточку Незванову» и много другихъ. Въ то время особенной популярностью пользовался среди молодежи отдѣлъ иностраннаго обозрѣнія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», составлявшагося, сколько мнѣ помнится, по Times'у. Мы перечитывали его ежемѣсячно; точно также съ величайшимъ интересомъ прочитывали съ корки до корки книжки «Современника». Статьи Добролюбова просто проглатывали. Но такъ какъ нѣкоторыя серьезныя статьи «Современника» (напр., Н. Г. Чернышевскаго и друг.), Александръ Александровичъ считалъ необходимымъ прочитывать вмѣстѣ, въ классѣ же читать ихъ было невозможно, то обыкновенно наканунѣ праздника, послѣ вечерней, А. А. посылалъ ко мнѣ своего кучера или сторожа съ запиской слѣдующаго содержанія: «Красноперовъ, приходите ко мнѣ сегодня на ночлегъ—пришелъ «Современникъ»... Ужасно много интереснаго. Приводите съ собой Романова, Селивановскаго, Голговскаго и еще кого-нибудь изъ вашихъ товарищей». Иногда онъ самъ по вечерамъ заходилъ къ намъ въ нумера и увозилъ къ себѣ. Мы просиживали у него за чтеніемъ почти всю ночь. Шумные дебаты, смѣхъ, шутки по поводу прочитанныхъ нѣкоторыхъ романовъ и повѣстей не давали намъ возможности сомкнуть глазъ. Разумѣется, насъ всегда при этомъ поили чаемъ и кормили ужиномъ. Спали мы кто на диванѣ, кто на полу, кто на книгахъ, наваленныхъ кучами на полу у стѣны.

Передъ отъѣздомъ нашимъ домой на лѣтнія и рождественскія каникулы А. А. рекомендовалъ намъ наблюдать и изучать крестьянскую жизнь. Съ этою цѣлью, вмѣсто уроковъ, онъ давалъ намъ на каникулы сочиненія на темы изъ народной жизни: «Крестьянскія свадьбы», «Сельскія ярмарки и базары», «Народныя суевѣрія» и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ моихъ сочиненій были тогда же напечатаны въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Якушкинъ въ библіографическомъ указателѣ, помѣщенномъ въ 1865 г., въ первомъ выпускѣ «Обычнаго права» приводитъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей.

Помнится, за статью «Вѣрованія вотяковъ» редакторъ губернскихъ вѣдомостей, Н. И. Золотницкій, присудилъ выдать мнѣ гонораръ въ 20 руб. Для полученія этихъ денегъ, надо было идти

въ губернское правленіе, гдѣ помѣщалась редакція газеты и, конечно, въ простой учебный день. Въ 9 часовъ утра я отправился къ инспектуру.

— Позвольте мнѣ, о. инспекторъ, на одинъ часъ сходить въ городъ.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Статья моя напечатана въ губернскихъ вѣдомостяхъ, такъ редакторъ велѣлъ мнѣ за деньгами придти въ губернское правленіе,—говорю я смѣло и съ гордостью, глядя ему прямо въ глаза.

— Ты... ты... писать сталъ? Ха, ха, ха!—саркастически хохоталъ инспекторъ, хлопая себя по бокамъ руками.—Да знаешь ли ты, что я болѣе 50-ти лѣтъ на свѣтѣ живу, да и то еще не чувствую въ себѣ призванія къ сочинительству? а ты, молокососъ—писатель... Ха, ха, ха!—Что ты написалъ, за что бы тебѣ еще деньги слѣдовало давать?

— «Вѣрованія вотяковъ».

— Гдѣ это ты вотяковъ-то могъ изучить?

— Въ Елабужскомъ уѣздѣ.

— Навралъ, чай, какую-нибудь чушь, да и въ печать понесъ. Охъ, вы, писатели!.. Ступай, да смотри ненадолго.

Отвлеченныхъ, философскихъ темъ Александръ Александровичъ не любилъ давать ученикамъ, считая разработку ихъ для насъ непосильной. Сейчасъ, живо припоминаю одинъ курьезъ съ сочиненіемъ, даннымъ намъ уже въ философскомъ классѣ учителемъ логики, психологіи и патристики, А. Н. Верещагинымъ. Онъ далъ намъ на домъ на 10-дневный срокъ сочиненіе на тему: «Cogito—ergo sum». Мы всѣ, конечно, упали духомъ и положительно не знали, что писать. Предполагалось, что мы уже достаточно вкусили философскихъ знаній, усвояя изъ допотопныхъ учебниковъ разныя метафизическія формулы. Психологію мы, напримѣръ, учили по учебнику архимандрита Кикодзе (существовалъ такой), который человѣческія способности разграничивалъ въ мозгу какими-то перегородками: въ одной существовалъ разумъ, въ другой, какъ низшая способность, разсудокъ и т. д. Въ отвѣтахъ учителю или на экзаменѣ мы нерѣдко путали и ставили, напримѣръ, разумъ на мѣсто разсудка, и наоборотъ. Волей-неволей приходилось на зубокъ задалбливать всю эту дребедень. Вотъ такимъ-то философамъ и дали мудреную тему. Я и другой ученикъ, Романовъ, пошли къ Александру Александровичу Красовскому посовѣтоваться.

— Ничего не можемъ написать, помогите намъ, пожалуйста.

— Странно, Верещагинъ, кажется, не глупый человѣкъ, а

далъ вамъ несообразную тему, — замѣтилъ Александръ Александровичъ.—За эту глупость я накажу его. Завтра приходите ко мнѣ, обоимъ вамъ напишу сочиненія. Если Верещагинъ спроситъ: какими источниками пользовались, то скажите, что читали Герцена «Письма объ изученіи природы» и статьи Гегеля въ изложеніи Карпова въ «Библіотекѣ для Чтенія».

На другой день оба сочиненія были написаны Александромъ Александровичемъ и нами собственноручно переписаны въ тетради, сочиненія, хотя на одну и ту же тему, но съ различнымъ содержаніемъ, уснащенныя терминами «субстанція», «трансцендентальный» и т. п.

Ровно черезъ двѣ недѣли Верещагинъ приглашаетъ насъ обоихъ къ себѣ на квартиру, помѣщавшуюся въ среднемъ корпусѣ вверху, надъ ученической столовой.

— Вы сами, конечно, написали сочиненіе?—обратился онъ къ намъ съ вопросомъ.

— Конечно, сами, Александръ Николаевичъ.

— Написано хорошо у обоихъ. Вотъ говорили, что тема не по васъ, а вѣдь могли же нѣкоторые написать. Значитъ, тема вполнѣ пригодна для философскаго класса. Я вамъ поставлю высшіе баллы.

— Благодаримъ покорно, Александръ Николаевичъ.

Красовскій долго послѣ этого хохоталъ и увѣрялъ насъ, что Верещагинъ и самъ многаго не понималъ въ нашихъ сочиненіяхъ.

Не помню хорошенько—въ 1860 или въ 1861 году, въ семинаріи были организованы, въ маѣ мѣсяцѣ, по мысли Ал. Александровича, «конференціи»,—публичныя чтенія лучшихъ сочиненій учениковъ, на которыхъ присутствовало все начальство семинаріи, учителя и ученики. Ученья въ эти дни уже не полагалось. Ученики читали свои сочиненія, стоя на каѳедрѣ, послѣ чего они подходили подъ благословеніе о. ректора, который награждалъ ихъ книгами, пожертвованными для этой цѣли преосвященнымъ Агафангеломъ. На одной изъ конференцій дошла очередь до чтенія моего сочиненія на тему: «совмѣстно ли занятіе священника съ занятіемъ землевладѣльца». На верху тетради рукой преосвященнаго было написано: «Богъ благословитъ прочесть». Въ одномъ мѣстѣ сочиненія у меня было вставлено выраженіе «бѣлоручки-аристократы», на что преосвященнымъ на поляхъ было замѣчено: «о старшихъ себѣ не слѣдуетъ такъ выражаться». Не помню содержанія самого сочиненія, но отлично помню, что я доказывалъ въ немъ совмѣстимость и даже необходимость занятія священника земледѣліемъ, что̀ должно служить

прекраснымъ примѣромъ для прихожанъ, особенно, если священникъ ведетъ раціональное хозяйство. Не знаю, существуетъ ли и теперь въ вятской семинаріи этотъ прекрасный обычай, какой существовалъ въ началѣ 60-хъ годовъ.

Не менѣе велико было нравственное вліяніе Александра Александровича на преподавателей и вообще на весь складъ семинарской жизни. До поступленія его въ семинарію, въ качествѣ преподавателя, въ семинаріи существовали допотопные бурсацкіе нравы: учителя смотрѣли на учениковъ съ высоты своего менторско-чиновничьяго величія, учениковъ сѣкли розгами, оставляли безъ обѣда, ставили на колѣни, обращались съ ними грубо, отличались вообще полной недоступностью. Александру Александровичу были противны подобныя отношенія. Онъ убѣдилъ нѣкоторыхъ профессоровъ устраивать вечера, на которыхъ, кромѣ ихъ женъ и дочерей, могли бы присутствовать въ качествѣ гостей семинаристы, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ. Первый вечеръ былъ устроенъ въ квартирѣ Г. Я. Порфирьева, куда пригласили человѣкъ десять семинаристевъ. Учителя съ барышнями пѣли, танцовали, спорили, а мы, семинаристы, пугливо, молча и не шевелясь сидѣли на стульяхъ, или же перешептывались между собой. Александръ Александровичъ старался ободрить и оживить насъ, затѣвая разные общіе разговоры.

Мало-по-малу посѣщенія наши учителей сдѣлались обыденными, простыми. Учителя приглашали насъ по праздникамъ къ себѣ въ гости и запросто бесѣдовали съ нами. Это имѣло особенно хорошее вліяніе въ томъ отношеніи, что учителя стали добросовѣстнѣе, строже относиться къ своимъ занятіямъ и деликатнѣе къ намъ: розги и всякія наказанія стали анахронизмомъ. Даже инспекторъ невольно подчинился этому вліянію, хотя долго еще не переставалъ быть съ нами грубымъ и ворчливымъ.

Зимой передъ масляной 1860 года въ семинаріи появилась эпидемія тифа. Переболѣло болѣе 40 словесниковъ и философовъ, нѣкоторые умерли, чему не мало содѣйствовали грязные, сырые нумера, въ которыхъ скученно жили ученики, и дурное питаніе. Александръ Александровичъ пригласилъ меня жить на масляную къ себѣ. Въ послѣднее время онъ перешелъ отъ отца изъ монастыря на отдѣльную квартиру. Одна изъ комнатъ, расположенная четырьмя окнами на улицу и тремя на площадь, сверху до низу была занята книгами, въ количествѣ, по крайней мѣрѣ, 3—4 тысячъ экземпляровъ. Передняя комната, въ которую велъ отдѣльный ходъ съ улицы, превратилась въ книжный магазинъ. Александръ Александровичъ устроилъ общественную библіотеку

кабинетъ для чтенія. Въ книжномъ магазинѣ, между прочимъ, велась торговля письменными принадлежностями и учебными пособіями. Александръ Александровичъ не захотѣлъ жить а счетъ своего отца. Въ то время трудъ преподавателей семинаріи оплачивался не болѣе 300—400 рублей въ годъ. Устройство библіотеки для чтенія и книжниго магазина давали ему, сверхъ ого, лишнихъ 200—300 р. Это былъ весь его доходъ.

Зима была въ этомъ году суровая. Шубы у меня не было, а вмѣсто нея я сшилъ себѣ пальто изъ сѣраго солдатскаго сукна. Не успѣлъ я прожить у Александра Александровича трехъ дней, какъ заболѣлъ тифомъ. Ходить за мной было некому, поэтому Александръ Александровичъ отправилъ меня въ семинарскую больницу. Чрезвычано ясно помню, какъ двое неизвѣстныхъ мнѣ людей вынесли меня на рукахъ, а Александръ Александровичъ укуталъ своею шинелью. Была уже ночь, темная, безлунная. Миріады звѣздъ блестѣли на небѣ. Меня на рукахъ внесли въ больницу. Цѣлыхъ двѣ недѣли я лежалъ какъ пластъ, не помня даже о своемъ существованіи. Нашъ акушеръ лѣчилъ насъ просто, дорогихъ лѣкарствъ не признавалъ. Кризисъ въ больномъ старались вызвать самымъ радикальнымъ образомъ: больного раздѣвали до нага, подходили сзади съ ведромъ холодной воды и вдругъ обливали его съ головы до ногъ, послѣ чего тотчасъ-же вытирали тѣло простыней. Случалось, что и послѣ облитія водой, больной оставался нечувствительнымъ, неподвижнымъ; у другихъ появлялась дрожь. Первые умирали, послѣдніе выздоравливали. Благополучному исходу болѣзни больные обязаны были не акушеру и его лѣченію, а исключительно товарищамъ-семинаристамъ, которые съ самоотверженіемъ день и ночь сидѣли у нашихъ кроватей. Они не боялись, что заразятся отъ насъ тифомъ.

Всѣ мы, живя въ деревенской глуши и въ Вяткѣ, вдали отъ городского шума, въ двухъ верстахъ отъ города, въ лѣсу, не имѣли никакого понктія объ общественной жизни и ея интересахъ. При возникновеніи мысли о мѣстѣ постройки семинаріи предполагалось удалить учениковъ отъ соблазновъ городской жизни, сдѣлать изъ нихъ благовоспитанныхъ служителей церкви, кроткихъ, «аки агнцевъ». Но озарившій насъ свѣтъ разума, пробужденное въ насъ чувство любознательности не давали намъ возможности оставаться этими невинными агнцами. Александръ Александровичъ очень хорошо понималъ, что однѣхъ книгъ недостаточно для того, чтобы сдѣлать изъ насъ будущихъ полезныхъ гражданъ отечества, надо насъ ввести въ кругъ общественныхъ интересовъ. Въ зиму 1860—1861 г. въ Вяткѣ вдругъ появилась откуда-то (пріѣзжая) труппа

артистовъ, которая объявила, что дастъ нѣсколько спектаклей. О спектакляхъ мы имѣли смутное понятіе только изъ книгъ.

Однажды, въ субботу, вечеромъ, послѣ выдачи ученикамъ книгъ, Александръ Александровичъ пришелъ къ намъ въ нумеръ и сообщилъ, что завтра, въ воскресенье, онъ хочетъ сводить насъ въ театръ, для чего взялъ ложу, а для нѣкоторыхъ учениковъ купилъ билеты, кому въ кресла, кому въ раекъ, при этомъ онъ убѣждалъ насъ никому не болтать объ этомъ, иначе «если узнаетъ инспекторъ, бѣда будетъ». Съ тѣхъ поръ театръ такъ намъ полюбился, что мы стали тратить на него послѣдніе наши гроши. По праздникамъ ученики массами ходили въ театръ. Намъ позволялось ходить въ городъ только къ родственникамъ, и всякій разъ нужно было для этого записываться въ особый журналъ, который въ субботу, вечеромъ, старшими представлялся къ о. инспектору на разрѣшеніе.

— Откуда это у нихъ вдругъ такъ много родственниковъ появилось?—спрашиваетъ инспекторъ старшаго.

— У кого пріѣхали, у кого здѣсь въ городѣ живутъ.

— Какъ это въ одинъ день всѣ родственники сговорились пріѣхать?—приставалъ инспекторъ.—Я пущу, но не худо бы справки навести.

— Слушаю-съ. Я наведу.

Изъ этого ничего, конечно, не вышло. Кончилось, однако, тѣмъ, что и сами старшіе изъ богослововъ сдѣлались страстными поклонниками театра.

— Чтобы вамъ самимъ въ семинаріи устроить свой театръ?—соблазнялъ насъ какъ-то зимой Александръ Александровичъ.

— А инспекторъ? — возражали мы. — Вѣдь, узнаетъ; у него шпіоны есть.

— Не узнаетъ. Не выдавайте другъ друга. Вѣдь и словесники и богословы дружны между собой. Въ субботу, вечеромъ, инспекторъ уѣзжаетъ въ Спасскій соборъ служить всенощную, а вы тотчасъ же послѣ своей всенощной и устраивайте.

Александръ Александровичъ пригласилъ ученика семинаріи Владимира Игнатьевича, сына инспектора, и убѣдилъ его достать какъ-нибудь женскихъ костюмовъ у своихъ сестеръ. Тотъ согласился. Спектакль рѣшено было устроить въ слѣдующую же субботу. Сынъ инспектора притащилъ къ намъ въ нумеръ цѣлый узелъ съ платьями, кофтами и юбками. Въ одномъ изъ крайнихъ корпусовъ въ философскомъ нумерѣ былъ устроенъ спектакль. Подмостками для сцены служили наши столы, на которыхъ мы занимались по вечерамъ; декораціи мы сдѣлали сами, занавѣсомъ служили нѣ-

сколько сшитыхъ вмѣстѣ казенныхъ простынь. Въ то время керосиноваго освѣщенія еще не было, вмѣсто него въ нумерахъ зажигались жестяные ночники, налитые льнянымъ масломъ, а на столахъ ставились сальныя свѣчи. Освѣщеніе было принесено изъ всѣхъ нумеровъ корпуса; окна были завѣшены простынями для того, чтобы съ улицы никто ничего не могъ видѣть. На табуретахъ размѣстились, по крайней мѣрѣ, до 300 семинаристовъ, изъ коихъ многіе пришли съ городскихъ квартиръ и изъ мужского Трифонова монастыря, гдѣ жило нѣсколько десятковъ учениковъ. Изъ опасенія, какъ бы сторожа не донесли обо всемъ инспектору, старшіе отпустили ихъ или гулять въ городъ, или спать. Женскія роли играли два богослова, Падаринъ и Невоструевъ, изъ коихъ первый игралъ роль какой-то сентиментальной барышни, послѣдній—живой, увлекающейся дѣвушки, вѣчно носящейся съ своими возвышенными идеями. Падаринъ былъ наряженъ въ ситцевую юбку и сѣрую кофточку, перетянутую у таліи кушакомъ; Невоструевъ,—въ длинное шерстяное платье малиноваго цвѣта; волосы на головѣ спускались на плечи вьющимися локонами; лицо было нарумянено. Мужскія роли исполнялись плохо: всѣ говорили басомъ и нѣсколько нараспѣвъ. Но мы до слезъ хохотали, всѣмъ апплодировали и топали ногами отъ удовольствія.

Первое дѣйствіе было уже кончено. Въ антрактѣ ученики разбрелись по корридору и нумерамъ подышать свѣжимъ воздухомъ; за кулисами слышны были крикъ и стукъ молотка. Черезъ четверть часа антрактъ кончился, публика разсѣлась по своимъ мѣстамъ. Занавѣсъ поднялся и передъ нами на сценѣ представилась парочка влюбленныхъ: дѣвушка склонила свою голову на плечо своего возлюбленнаго... Вдругъ въ публикѣ пронесся чей-то взволнованный голосъ:

— Господа, инспекторъ идетъ!

Всѣ моментально встрепенулись и засуетились, но не надолго: актриса, изображавшая изъ себя влюбленную, сейчасъ же оправилась отъ первоначальнаго испуга и громкимъ мужскимъ голосомъ прокричала:

— Никуда не уходить... свѣчи гасить и сидѣть тихо!..

Огни были погашены и воцарилась непроглядная тьма. Публика и актеры остались на своихъ мѣстахъ. Воцарилась такая тишина, что слышно было жужжаніе мухи. Инспекторъ шелъ съ однимъ изъ старшихъ съ фонаремъ въ рукахъ прямо къ нашему корпусу. Подойдя къ входной двери корпуса, онъ крикнулъ сторожа, но на зовъ его отвѣта не послѣдовало.

— И куда это сторожа всѣ пропали?—обратился онъ къ стар-

шему: —точно сквозь землю провалились... и въ столовой ни одного ни нашелъ.

— Сторожа всѣ спятъ, отецъ инспекторъ.

— Какъ спятъ? да развѣ поздно? Вѣдь всего половина десятаго, и инспекторъ при этихъ словахъ досталъ изъ подъ мѣховой рясы часы и посмотрѣлъ.—Сейчасъ иди и буди!

Старшій едва растолкалъ одного сторожа и всѣ трое направились по корридору къ тому нумеру, гдѣ шло представленіе. Отворивъ двери нумера и ставъ на порогѣ, онъ увидѣлъ предъ собой, среди царствующей мертвой тишины, кромѣшную тьму... постоялъ нѣсколько секундъ и ушелъ домой, никому не сказавъ ни слова. Очевидно, онъ догадался въ чемъ дѣло и не рискнулъ освѣтить тьму фонарнымъ свѣтомъ и войти въ нумеръ; а затѣмъ, по уходѣ его, спектакль продолжался обычнымъ порядкомъ и кончился около полуночи. Послѣ спектакля нумеръ мы привели въ порядокъ. Теперь началась расправа... съ кулисами. Въ понедѣльникъ, утромъ, инспекторъ отдалъ сторожамъ приказъ отыскать кулисы и принести ихъ въ тотъ нумеръ, гдѣ происходило «бѣсовское дѣйство». Тамъ, въ нумерѣ, инспекторъ самолично предалъ ихъ на растерзаніе. Онъ самъ топталъ ихъ ногами, рвалъ руками, кололъ своимъ посохомъ, какъ «дьявольское навожденіе», такъ что въ концѣ концовъ отъ кулисъ остался лишь одинъ скелетъ изъ деревянныхъ палокъ, которыя онъ велѣлъ сжечь. Само собой разумѣется, истребленіе кулисъ и гнѣвъ отца инспектора нисколько не помѣшали намъ сдѣлать новыя кулисы и продолжать спектакли черезъ каждую субботу.

Однако, это «дьявольское навожденіе» имѣло такую чарующую силу, что оно овладѣло не только всѣми нами, бурсаками, но даже всѣмъ составомъ семинарскаго персонала. Представьте только себѣ: сами профессора семинаріи вздумали устроить въ своей квартирѣ спектакль, сами играли на сценѣ, пригласили на спектакль, въ качествѣ зрителей, инспектора съ его женою и дочерьми и нѣсколькихъ учениковъ. Помнится, играли «Доходное мѣсто» Островскаго. Г. Я. Порфирьевъ очень недурно сыгралъ роль Жадова. Когда сынъ соборнаго протоіерея Шиллегодскій, уже порядкомъ выпившій и весь красный, какъ ракъ, сѣлъ за столъ и, подперши руки въ подбородокъ, проговорилъ:

— А видали, какъ нѣмцы плачутъ?—и при этомъ изобразилъ на своемъ лицѣ какъ именно они плачутъ, то о. инспекторъ, неистово хлопая себя по бедрамъ, хохоталъ до слезъ.

И съ тѣхъ поръ мы безбоязненно устраивали спектакли не только въ стѣнахъ семинаріи, но и внѣ ея, въ городѣ. Игралъ на сценѣ и Александръ Александровичъ.

Въ эту именно самую зиму 1861 г. открылись въ городѣ воскресныя школы. Распорядителемъ одной изъ этихъ школъ былъ Н. И. Золотницкій, редакторъ губернскихъ вѣдомостей. Многіе изъ насъ, семинаристовъ, рѣшили посвятить себя по праздникамъ на служеніе этому дѣлу. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, мы ходили въ городъ, въ эти школы и учили тамъ грамотѣ массой собравшихся и старыхъ и малыхъ мѣщанъ и крестьянъ. Ходилъ туда и Александръ Александровичъ. Продолжалось такъ всю зиму вплоть до нашихъ экзаменовъ...

Когда я мысленно переношусь своимъ воображеніемъ въ то отдаленное время, отстоящее отъ насъ на 33 года, и начинаю воскрешать въ своей памяти малѣйшія детали тогдашняго движенія, то все существо мое объемлетъ какой-то священный трепетъ. Точно мы всѣ въ теченіе многихъ лѣтъ только теряли изъ своего умственнаго багажа, и теперь, узнавъ цѣну потеряннаго, вдругъ усиленно старались найти его. Вездѣ—въ нумерахъ, на улицѣ, въ классѣ только и слышно было разговору о томъ, что каждый изъ насъ прочиталъ; общественные вопросы стояли на первомъ планѣ... говорилось о свободѣ, о любви къ мужику. Для насъ, еще тогда молокососовъ, наступило точно воскресеніе. Какая-то радость, какое-то высокое одушевленіе наполняли наши сердца. Но мы знали, что передъ нами открылся новый широкій путь знанія и служенія дорогой родинѣ. Это была золотая идилія юности, исполненной мечтаній, невозвратное время, когда самонадѣянному уму всякая высь казалась доступной, всякая преграда—легко устранимой. Жизнь, не омраченная ни единою тѣнью, была въ нашихъ глазахъ озарена ослѣпительнымъ свѣтомъ...

III.

Не только во время каникулъ, но иногда и въ учебное время Александръ Александровичъ ѣздилъ ненадолго въ Петербургъ «по дѣламъ», частью, какъ онъ говорилъ, «для освѣженія своей головы». Имѣя постоянныя сношенія съ издателями и книгопродавцами, онъ имѣлъ въ то же время возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ нашихъ писателей. Такъ, онъ познакомился съ Н. А. Добролюбовымъ, Н. Г. Чернышевскимъ, Г. Пыпинымъ и В. Курочкинымъ, издателемъ «Искры». Всякій разъ, по пріѣздѣ своемъ назадъ въ Вятку, Александръ Александровичъ передавалъ намъ въ классѣ впечатлѣнія своей поѣздки. Его разсказы о Добролюбовѣ и Чернышевскомъ дышали такой глубокою любовью и уваженіемъ къ этимъ личностямъ, что эту любовь и уваженіе онъ

передалъ и намъ. Всѣ статьи Добролюбова и Чернышевскаго въ «Современникѣ» мы читали всегда вмѣстѣ съ Александромъ Александровичемъ и, кромѣ того, перечитывали еще у себя въ нумерахъ. Это чтеніе просвѣтляло наши умы и наполняло наши сердца высокимъ восторгомъ. Образъ Добролюбова былъ окруженъ въ нашихъ глазахъ какимъ-то ореоломъ святости. Въ моментъ знакомства съ нимъ Александра Александровича Добролюбовъ уже страдалъ тѣмъ недугомъ, который вскорѣ свелъ его въ могилу. Передъ поѣздкой Николая Александровича въ Италію, для поправленія своего здоровья, Александръ Александровичъ поѣхалъ въ Петербургъ проститься съ нимъ. На прощанье Добролюбовъ подарилъ ему свою фотографическую карточку, которую, по своемъ пріѣздѣ въ Вятку, онъ подарилъ мнѣ. Карточка эта и до сихъ поръ у меня цѣла. На оборотной ея сторонѣ карандашомъ была надпись рукой Добролюбова: «на память Александру Александровичу Красовскому»; надпись эта теперь совершенно стерлась. На карточкѣ Добролюбовъ изображенъ стоя во весь ростъ, волосы на головѣ съ косымъ проборомъ, лицо худощавое. Изъ Петербурга Александръ Александровичъ привезъ съ собой нѣсколько автографовъ Добролюбова и Чернышевскаго, изъ коихъ одинъ (Чернышевскаго) представляетъ записку къ Обручеву (молодому офицеру-писателю) *). Въ концѣ записки на синей почтовой бумагѣ, на буквѣ «Ч» сдѣлана чернильная клякса и прижата пальцемъ. Тому же Обручеву была написана другая записка Добролюбова на желтой почтовой бумагѣ, въ которой онъ проситъ Обручева сходить къ издателю Кожанчикову и переговорить съ нимъ о работѣ для Обручева; въ запискѣ подробно описывается адресъ Кожанчикова. Обручевъ вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь по какому-то политическому дѣлу.

Бывало, всякій разъ, пріѣзжая изъ Петербурга, Александръ Александровичъ передавалъ намъ поклоны отъ Добролюбова и Чернышевскаго, и когда мы его спрашивали: «вѣдь, они насъ не знаютъ?», онъ пресерьезно отвѣчалъ:

— Я говорилъ имъ, что вы страстные поклонники ихъ, любите читать ихъ статьи.

25-го ноября 1861 года Александръ Александровичъ явился къ намъ въ классъ послѣ пріѣзда своего изъ Петербурга, блѣдный, разстроенный. Онъ сейчасъ же объявилъ намъ, что Добролюбовъ умеръ отъ чахотки и что онъ былъ на его похоронахъ... Изъ бокового кармана сюртука Александръ Александровичъ до-

*) Обручевъ написалъ нѣсколько статей въ «Современникѣ».

сталъ бумажный свертокъ и изъ него вынулъ нѣсколько тщательно сложенныхъ лепестковъ отъ лавроваго вѣнка, положеннаго на голову покойнаго Добролюбова, и карточку съ единственными напечатанными на ней словами: «соль русской земли». Тутъ же было выражено Александромъ Александровичемъ желаніе отслужить по великомъ писателѣ панихиду. Въ ближайшее воскресенье, послѣ обѣдни, семинаристамъ (желающимъ) предложено было собраться въ Воскресенскій соборъ, находящійся почти противъ квартиры Александра Александровича. Въ воскресенье, часовъ въ 11 утра (это было въ началѣ декабря 1861 г.) насъ нѣсколько человѣкъ семинаристовъ пришли къ Александру Александровичу, который объявилъ намъ, что написалъ для панихиды рѣчь. По прочтеніи ея спросилъ насъ: «не написалъ еще кто-нибудь изъ насъ рѣчи»?

— У меня есть маленькая,—говорю я.

— Ну, такъ давайте читать,—замѣтилъ Александръ Александровичъ.

Когда я прочелъ свою, Александръ Александровичъ сказалъ, что моя рѣчь лучше, а его никуда не годится и тотчасъ же разорвалъ ее на клочки.

День былъ пасмурный, холодный. На улицѣ стояла такая мятель, что мы съ трудомъ могли добраться до церкви по снѣжнымъ сугробамъ. Въ церкви было тихо и мрачно; по срединѣ виднѣлся столикъ съ кутьей, вокругъ которой было зажжено три свѣчи. Священникъ облачился въ черную ризу и сталъ раздавать свѣчи стоявшимъ позади, около стѣны, семинаристамъ. Не смотря на непогоду, ихъ собралось все-таки человѣкъ 70. Насъ человѣкъ 10 семинаристовъ стали на клиросѣ; тамъ же помѣстился и Александръ Александровичъ Красовскій. Пѣли мы стройно, хорошо. Когда пропѣли «вѣчную память», я вышелъ съ тетрадкой въ рукахъ на средину церкви къ столику и прочелъ рѣчь, обращаясь къ своимъ сотоварищамъ.

Не помню хорошенько содержанія всей рѣчи; въ памяти моей остались одни только безсвязные отрывки. «Русская земля, говорилъ я,—понесла великую потерю... Умеръ Добролюбовъ. Мы всѣ его знали, знали, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ критиковъ послѣ Бѣлинскаго; нѣтъ, мало того, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей русской страны. Мы обязаны ему всѣмъ, что можетъ быть только лучшаго въ человѣкѣ. Онъ воспиталъ въ насъ идеалы правды и добра, воспиталъ въ насъ любовь къ народу, на служеніе которому онъ училъ насъ посвятить всѣ свои силы. Велика твоя заслуга предъ молодымъ поколѣніемъ! Въ будущемъ, въ трудныя минуты нашей жизни,

когда подъ бременемъ житейскихъ невзгодъ, мы близки будемъ къ паденію,—стоитъ намъ только вспомнить твое славное имя, твои великіе завѣты и, я увѣренъ, мы спасемъ себя отъ паденія. Пусть это старье ругаетъ и ненавидитъ тебя, какъ развратителя молодого поколѣнія, но это поколѣніе горячо будетъ любить тебя за твои здравыя идеи; оно со смѣхомъ отойдетъ прочь отъ обскурантовъ, и съ гордостью и самоувѣренностью пойдетъ по тому именно пути, который ты проложилъ своей литературной дѣятельностью». Таковъ смыслъ рѣчи. Больше я ничего не помню. Въ волненія я смѣшался въ толпѣ моихъ товарищей!...

На другой день, въ 8 часовъ утра, инспекторъ пригласилъ меня въ себѣ въ квартиру.

— Ты говорилъ рѣчь въ церкви?—обратился онъ ко мнѣ сурово съ вопросомъ.

— Я, о. инспекторъ.

— Какъ ты смѣлъ своими погаными устами осквернять храмъ Божій?... Это святотатство!...

— Я, о. инспекторъ, ничего худого не сказалъ. Я сказалъ только, что Добролюбовъ училъ насъ мыслить, что онъ былъ великій писатель.

— Охъ вы, дураки, дураки! учились мыслить у такихъ людей, которые сами люди вредные для общества. Мыслить учатся по логикѣ. Читайте, изучайте логику Карпова, Баркова, Бахмана; а то у какого-то Добролюбова учатся мыслить?.. Ты достоинъ исключенія. Прощаю въ послѣдній разъ. Ступай.

Послѣдній годъ въ философскомъ классѣ я сталъ серьезно задумываться надъ вопросомъ о поступленіи въ университетъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей за годъ передъ тѣмъ уѣхали въ Казанскій университетъ. Александръ Александровичъ выхлопоталъ для меня у начальства позволеніе жить и кормиться въ семинаріи въ теченіе цѣлаго года, не посѣщая классовъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1862 г., предъ экзаменами, я подалъ въ семинарское правленіе прошеніе объ увольненіи меня изъ семинаріи. Во что бы то ни стало, поѣду я въ университетъ, рѣшилъ я. Ни копѣйки за душой у меня не было. У меня созрѣла мысль: идти пѣшкомъ до Казани. Правда, это было далеко—болѣе 400 в.; но мнѣ думалось, что въ 3—4 недѣли я все-таки дойду, а тамъ, приду къ университету, «храму науки» и поклонюсь ему до земли. Скажу ректору: такъ и такъ, учиться хочу, всѣ силы положу за науку.

Къ счастью моему, тотчасъ послѣ экзаменовъ, семинаристы надумали устроить въ мою пользу литературно-музыкальный ве-

черъ, на который рѣшено было пригласить городскую публику. Плату за входъ предположено брать по 5 к. съ человѣка. Тогда всякіе такіе вечера устраивались легко, такъ какъ не требовалось просить на это разрѣшенія у мѣстныхъ властей. Вечеръ былъ устроенъ въ большой сборной залѣ, передъ зимней церковью. Собравшаяся публика состояла, большею частью, изъ семинаристовъ, изъ постороннихъ пришло нѣсколько барышень и чиновниковъ изъ молодыхъ; изъ семинарскихъ преподавателей былъ одинъ только Александръ Александровичъ. Одинъ изъ семинаристовъ-богослововъ пропѣлъ «Хуторъ» Кольцова, другой прочелъ что-то изъ «Записокъ охотника» Тургенева; на мою долю досталось прочесть стихотвореніе Огарева:

«Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно мятежнымъ и пр...»

Въ семинаріи свой прекрасный музыкальный оркестръ, который въ этотъ вечеръ сыгралъ нѣсколько новыхъ пьесъ. Въ концѣ концовъ вечеръ далъ сбора 15 рублей, которые и были вручены мнѣ цѣликомъ.

Въ то время насъ распускали на лѣтніе каникулы 15 іюля. Помню, стояли жаркіе дни. 12 и 13 числа къ семинаріи наѣхало много повозокъ, крытыхъ суровымъ осмоленнымъ холстомъ. Повозки эти остановились въ 100 саженяхъ отъ семинаріи подлѣ дороги, ведущей изъ семинаріи въ городъ, на большомъ пустырѣ, заросшемъ довольно густой травой. 15 іюля съ ранняго утра всѣ семинаристы почти разъѣхались, осталось только 5 — 6 повозокъ, да и тѣ къ вечеру уѣдутъ во-свояси. Очень хотѣлось мнѣ ѣхать домой къ матери. Она писала мнѣ, чтобы я пріѣхалъ на недѣльку къ ней, обѣщаясь уплатить за дорогу деньги, тѣмъ болѣе, что она продала отцовскій домъ за 40 р. и перешла жить въ казенную избу въ качествѣ просвирни. Я обѣщалъ пріѣхать къ ней на недѣлю, какъ только устроюсь въ университетѣ. Такъ я и сдѣлалъ потомъ. Я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей сложили свои пожитки на три повозки и отправили ихъ до квартиры Александра Александровича, а сами пошли пѣшкомъ. Мы поклялись другъ другу писать... нѣкоторые даже дали слово, что они черезъ годъ, черезъ два тоже поступятъ въ университетъ. У квартиры Александра Александровича повозки остановились. Я взялъ свои пожитки — бѣлье и книги, и распрощался съ товарищами.

— Пиши намъ, коли нужду горькую будешь испытывать! — кричали мнѣ товарищи...

Черезъ годъ я встрѣтился съ ними, но уже при иныхъ обстоятельствахъ. Поѣздка моя въ Казань состоялась 30 августа 1862 г.

Меня пригласили съ собой два студента университета — Н. Оловъ и И. Князевъ, оба мѣстные уроженцы. Изъ Вятки до Казани ходилъ тогда единственный буксирно-пассажирскій пароходъ. Я пріѣхалъ къ пароходной пристани въ то время, когда пароходъ уже отчалилъ отъ берега и медленно, пыхтя, двигался впередъ; поэтому мнѣ пришлось догонять его на лодкѣ. Меня некому было провожать, такъ какъ Александръ Александровичъ еще за двѣ недѣли до этого уѣхалъ въ Петербургъ. День былъ сѣрый, пасмурный; моросилъ мелкій дождикъ. Я долго стоялъ на палубѣ на одномъ мѣстѣ, вглядываясь въ кучу домовъ съ зелеными крышами и стараясь отыскать среди нихъ домъ Александра Александровича; но изъ-за высокой горы ничего не было видно. Черезъ ¼ часа за поворотомъ все скрылось изъ моихъ глазъ. Не думалъ, не гадалъ я, что больше никогда уже не увижу Александра Александровича... Палуба третьяго класса была совершенно открыта и даже безъ всякаго сидѣнья, поэтому мы были предоставлены въ полное распоряженіе стихіямъ. Во время дождя скрывались внизу, у машиниста. Пароходъ шелъ ужасно медленно, у каждой пристани стоялъ по полсуткамъ, а въ г. Орловѣ—цѣлыя сутки, такъ какъ тамъ жилъ тесть капитана парохода. Поэтому неудивительно, что въ Казань мы могли пріѣхать только на девятый день утромъ.

И. М. Красноперовъ.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

*(Окончаніе *).*

III.

Въ 1740 году вступилъ на престолъ Фридрихъ II, царствовавшій до 1786 года. Его просвѣщенный деспотизмъ считается наивысшей формой новѣйшаго абсолютизма, именно въ двоякомъ смыслѣ: во-1-хъ, въ смыслѣ неограниченности княжеской власти, и во-2-хъ, въ смыслѣ пользованія этой властью въ интересѣ народа **). Но и въ томъ и другомъ случаѣ предѣлы власти Фридриха II опредѣлялись *экономическими* основами его деспотизма и, по мнѣнію Меринга, нѣтъ ничего нелѣпѣе того представленія, что власть Фридриха была не ограничена и что долгъ его заключался въ пользованіи этой властью въ интересѣ народной массы.

Правда, деспотизмъ Фридриха не зналъ тѣхъ ограниченій, какія, напр., стѣсняли власть во Франціи и Англіи, и которыя исходили изъ народной среды и изъ церкви. Но за то тѣмъ сильнѣе ограничивалъ его милитаризмъ, создавшійся на феодальной почвѣ.

При умѣ подвижномъ и живомъ, хотя и не особенно глубокомъ, онъ былъ какъ бы рожденъ для литературной и философской работы. Такіе задатки онъ унаслѣдовалъ, вѣроятно, отъ своей матери, происходившей изъ гвельфской династіи, которая всегда отличалась литературной «жилкой». Какъ человѣкъ, Фридрихъ болѣе всего добивался лавровъ поэта и писателя; какъ король, онъ ясно сознавалъ, при какихъ условіяхъ онъ могъ править. Отсюда, по словамъ Меринга, въ его личной жизни наблюдается постоянное противорѣчіе между словомъ и дѣломъ. Значеніе Фридриха въ политической исторіи эпохи заключалось въ томъ, что онъ возвысилъ Пруссію, увеличивъ ея территорію,

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1896.

**) Ср. *Карѣева* «Ист. З. Европы въ новое время» III, 278 — 283 и сл. См., кромѣ того, ниже (гл. IV).

сдѣлавъ изъ нея соперницу Австріи въ Германіи, намѣтивъ будущее объединеніе послѣдней подъ прусской гегемоніей и превративъ свое небольшое государство въ первоклассную державу. Внѣшняя политика Фридриха сильно отражалась и на внутренней его дѣятельности. Въ дѣятельности Фридриха, создавшаго новую великую державу, должны были преобладать цѣли и интересы внѣшней политики, предъ которой всѣ внутреннія распорядки должны будутъ играть роль средствъ, служащихъ этимъ цѣлямъ и интересамъ, такъ что общее благо, которое должно было осуществиться государствомъ, само мыслилось скорѣе какъ опора внѣшней силѣ, чѣмъ какъ вещь сама по себѣ важная. Пруссія нуждалась для своего сохраненія въ арміи и деньгахъ, а военно-хозяйственное управленіе, созданное предшественниками Фридриха, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этой потребности. Поэтому и въ организаціонной работѣ Фридрихъ не проявилъ большого творчества. При всей своей прогрессивности въ области отвлеченныхъ идей, королю-философу на практикѣ приходилось быть консерваторомъ. Поэтому, на словахъ Фридрихъ былъ французскимъ философомъ, а на дѣлѣ прусскимъ деспотомъ *).

Фридрихъ понималъ, что, по духу прусской конституціи, всякій прусскій король неукоснительно долженъ поддерживать старый курсъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ, вопреки своимъ личнымъ задаткамъ и склонностямъ, даже не пытался идти противъ этого теченія, этого курса, заключается и историческое значеніе Фридриха, и на сколько для такого поведенія необходима незаурядная сила характера и ума, — его право на историческое величіе. Фридрихъ не измѣнялъ династическимъ традиціямъ Гогенцоллерновъ, ихъ военно-хозяйственному режиму. «Онъ проникался больше раціонализмомъ философіи XVIII-го вѣка, усвоивъ себѣ ея скептическую сторону; онъ былъ реалистъ, и какъ практикъ, проявлялъ свою дѣятельность преимущественно въ мѣропріятіяхъ техническаго (?) характера. Въ Пруссіи измѣнять приходилось меньше (чѣмъ, напр., въ Австріи). Король прусскій менѣе былъ склоненъ (!) къ крупнымъ перемѣнамъ, а общество было вообще пассивнѣе». Съ другой стороны, въ Пруссіи «легче было провести централизацію: въ составъ Пруссіи входили земли съ нѣмецкимъ населеніемъ» **).

Отсюда явствуетъ, что Фридрихъ никогда не замышлялъ и не могъ замышлять того коренного внутренняго преобразованія,

---

*) *Карѣевъ*, III, 303—305.

**) *Карѣевъ*, III, 290, 291.

которое приписывалъ ему, напр., *Лассаль*. Уже при вступленіи на престолъ, Фридрихъ обманулъ ожиданія многихъ въ этомъ отношеніи: Фридрихъ, называвшій свой военный мундиръ «саваномъ» и не мало претерпѣвшій гоненій отъ отца за пристрастіе къ музыкѣ и поэзіи, немедленно объявилъ, что все въ государствѣ останется по старому, и что лишь войско будетъ увеличено на нѣсколько новыхъ батальоновъ *). Во всѣ же прочія учрежденія, существовавшія при отцѣ его, онъ такъ и не внесъ никакихъ существенно важныхъ измѣненій, ибо, при всей своей склонности къ философской и поэтической мечтательности и при всемъ несходствѣ личнаго характера съ характеромъ отца, онъ ясно сознавалъ, что мѣнять отцовскій режимъ нельзя, что прусское государство должно было оставаться такимъ, какимъ оно было при отцѣ, иначе погибнетъ.

Можетъ казаться однако, что Фридрихъ II самостоятельно укрѣпилъ и усилилъ свою власть, нашедшую себѣ идеологическое выраженіе въ изреченіи о государѣ, какъ первѣйшемъ слугѣ государства. Однако, это мнѣніе ошибочно. Хотя Фридрихъ II и правилъ «самодержавно» всѣмъ государствомъ, при помощи лишь нѣсколькихъ простыхъ писцовъ, работавшихъ въ его кабинетѣ, но въ дѣйствительности именно въ его царствованіи пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло *неограниченное самодержавіе знатнаго дворянства*.

Этого противорѣчія въ исторіи дѣятельности Фридриха идеологическая исторіографія не съумѣла до сихъ поръ объяснить удовлетворительно, и его можетъ объяснить лишь историко-матеріалистъ, исходящій изъ того положенія, что вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей классовой борьбы. Эту истину по своему понималъ до извѣстной степени Фридрихъ-Вильгельмъ I, но Фридрихъ II-й ея не понималъ. И если подъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ понимать разумѣніе того, что̀ исторически возможно и какими историческими условіями держится самый деспотизмъ, то Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ, несомнѣнно, болѣе просвѣщеннымъ деспотомъ, чѣмъ его сынъ. Первый, сколько могъ, боролся съ юнкерствомъ, онъ создавалъ княжеское войско, княжескую бюрократію и привлекалъ къ администраціи элементы буржуазные, этимъ онъ утверждалъ тотъ деспотизмъ, который по общимъ условіямъ времени былъ возможенъ и, сравнительно съ феодальнымъ хозяйствомъ среднихъ вѣковъ, олицетворялъ собою историческій

*) По *Веберу* (XIII, 460), Фридрихъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ считалъ попеченіе объ арміи, такъ какъ безопасность и будущность молодой державы среди враговъ обусловливались всегдашней готовностью къ бою и возможностью во всякое время дать сильный отпоръ внѣшнему врагу.

прогрессъ. Фридрихъ же хотя и обладалъ всѣми державными инстинктами гвельфской династіи, но классовымъ сознаніемъ отца своего онъ проникся въ весьма недостаточной степени, онъ никогда не понималъ того, что деспотическая власть, унаслѣдованная имъ отъ отца, была завоевана въ борьбѣ съ юнкерствомъ и только тою же борьбою могла быть сохранена и увеличена.

Фридрихъ разсуждалъ въ этомъ случаѣ иначе: чтобы быть первѣйшимъ слугой государства, т.-е. править государствомъ самолично и единолично, безъ участія бюрократіи, онъ старался пріобрѣсти расположеніе своего опаснаго соперника—знати. Оттого онъ и одарялъ знать всевозможными льготами и привиллегіями, способствуя вообще усиленію владычества юнкеровъ такъ, какъ не дѣлалъ бы того никогда его отецъ *). Словомъ, того, чего Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ добиться путемъ классовой борьбы съ знатью, Фридрихъ разсчитывалъ добиться путемъ уступокъ. Однако, первый добился гораздо большаго въ смыслѣ укрѣпленія своей суверенной власти, чѣмъ второй; знаменитый самодержецъ XVIII в., Фридрихъ II поступался сущностью своей власти, въ обмѣнъ на миражъ власти. Въ этомъ отношеніи весьма характеристиченъ слѣдующій фактъ: государственныя дѣла, которыя Фридрихъ-Вильгельмъ, при 2-милліонномъ населеніи, разрѣшалъ при участіи своихъ кабинетъ-совѣтниковъ и генеральной директоріи, работая по 5—6 часовъ въ день, Фридрихъ II, при 6-милліонномъ населеніи **), разрѣшалъ самолично, игнорируя всякихъ министровъ, въ $1^1/_2$ часа ежедневной работы (не считая военныхъ смотровъ). Если разсуждать по человѣчеству, то еще можно, конечно, извинить Фридриха въ томъ, что онъ старался возможно скорѣе развязаться съ монотоннымъ и безотраднымъ дѣломъ управленія такимъ государствомъ, какимъ была въ то время Пруссія, и спѣшилъ развлекаться въ общеніи съ поэтами, артистами и философами ***). Но, взглянувъ на выше отмѣченный

*) По *Веберу* (XIII, 456), «въ строго бюрократическомъ (?) государствѣ Фридриха сословный элементъ не пользовался политическимъ значеніемъ и не примѣнялся къ службѣ» (?). Но тутъ же оказывается, что Фридрихъ «не хотѣлъ нарушать сословнаго расчлененія» и потому дворянство, напр., спеціально и исключительно «поставляло офицеровъ и высшихъ сановниковъ» и т. п.

**) Ср. *Веберъ*, III, 469. Территорія при Фридрихѣ увеличилась съ 2.160 до 3.540 кв. миль.

***) *Веберъ* въ королѣ Фридрихѣ II видѣлъ «одного изъ величайшихъ, благороднѣйшихъ и мудрѣйшихъ въ исторіи государей», о которомъ «нація (нѣмецкая) всегда съ благодарнымъ благоговѣніемъ сохранитъ память». Естественно, что онъ инаго мнѣнія о правительственной дѣятельности своего

фактъ съ политической точки зрѣнія, мы должны признаться, что Фридриху, желавшему все дѣлать и обозрѣвать самолично, фактически удавалось дѣлать и видѣть весьма мало. При такихъ условіяхъ, настоящимъ правителемъ государства при Фридрихѣ становилось знатное дворянство тѣмъ вѣрнѣе, что Фридрихъ, въ противоположность своему отцу, всѣ важнѣйшія должности по гражданскому управленію предоставлялъ тому же дворянству. Такимъ образомъ, торжество діалектики экономической эволюціи сказалось весьма рельефно въ томъ фактѣ, что владычество юнкеровъ-паразитовъ при Фридрихѣ II облеклось въ блестящую форму просвѣщеннаго деспотизма.

Понятно, что при такихъ условіяхъ о внутренней реформирующей творческой дѣятельности Фридриха II не можетъ быть и рѣчи *). Напротивъ, въ его правленіи прусское милитарное государство стало падать съ той высоты, на которую оно было возведено при Фридрихѣ-Вильгельмѣ. Тѣмъ болѣе, что Фридрихъ II хотя и вмѣшивался во все, въ роли первѣйшаго слуги государства, но ни практической, ни теоретической подготовки къ управленію государствомъ въ надлежащей мѣрѣ не получилъ даже по удостовѣренію «лояльныхъ» историковъ.

Прежде всего, при Фридрихѣ пришло въ упадокъ важнѣйшее учрежденіе въ этомъ милитарномъ государствѣ, — *войско*. Предоставивъ войско въ безконтрольное распоряженіе хищныхъ «юнкеровъ», но высокомѣрно обращаясь съ офицерами, ревниво оберегая свое первенство противъ мало-мальски талантливыхъ генераловъ (въ родѣ Шверина и Зейдлица) и упразднивъ въ этихъ видахъ даже постъ фельдмаршала, Фридрихъ не только вызывалъ недовольство среди офицеровъ, но и понижалъ уровень ихъ боевой выправки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ деморализировалъ офицеровъ— «юнкеровъ», позволяя имъ эксплуатировать солдата, этого «военнаго раба», совершенно такъ же, какъ тѣ же юнкеры, въ роли помѣщиковъ, эксплуатировали мужика, этого «раба-пахаря», понятно поэтому, отчего съ войскомъ, созданнымъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ, королю-философу удалось благополучно довести до конца семилѣт-

«идола». Домашнее счастье, котораго былъ лишенъ король (т. е. отсутствіе дѣтей и несогласіе съ женой), онъ возмѣстилъ полной, самоотверженной, можно сказать, святой преданностью своему великому призванію (XIII, 468).

*) *Веберъ* (XIII, 469) признался, что «въ административной области, въ государственной и общественной организаціи, дѣятельность короля нельзя назвать творческой». Но величіе Фридриха Веберъ видитъ въ томъ, что онъ, въ противоположность державному деспотизму (?), утверждалъ «мощь права и закона, высокое и благородное пониманіе призванія державца» (какъ блюститель законовъ, имъ же самимъ созданныхъ?).

нюю войну, а съ войскомъ, созданнымъ при немъ самомъ, взамѣнъ стараго войска, перебитаго въ эту войну, Фридрихъ II потерпѣлъ фіаско уже въ 1778 г., въ войну за баварское наслѣдство; большая часть солдатъ дезертировала, уклоняясь отъ эксплуатаціи офицеровъ-юнкеровъ и деморализированная этою эксплуатаціей. Объ этой эксплуатаціи см. выше (гл. II). Она не только сохранилась, но и пышнѣе расцвѣла при Фридрихѣ II, благодаря его собственному расположенію къ юнкерству. Замѣтимъ еще, что военная «реформа» Фридриха II, состоявшая въ томъ, что вербовка солдатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ была поручена особымъ коронным чиновникамъ, только ухудшила дѣло. Эти чиновники старались «дешевле» вербовать и набирали въ армію всякій сбродъ, кладя себѣ въ карманъ всю ту прибыль, какую могла имъ приносить подобная торговая операція. Понятно, что такой народецъ и самъ по себѣ, и вслѣдствіе вымогательства и эксплуатаціи его со стороны «отцовъ командировъ», завѣдывавшихъ хозяйствомъ полковъ, постоянно дезертировалъ, несмотря на возраставшую строгость наказаній за побѣгъ; а военная служба, при такихъ условіяхъ, обращалась во что-то позорное, такъ что на отдачу въ рекруты пруссаки стали смотрѣть какъ на кару за провинности (см. гл. I). Вслѣдствіе этого, число изъятій отъ военной службы при Фридрихѣ II необходимо увеличивалось, такъ что въ восточныхъ частяхъ страны отъ солдатчины были избавлены промышленные рабочіе, и вербовкѣ подвергались либо бродяги и преступники, либо голяки, у которыхъ не хватало средствъ даже на то, чтобы уклониться отъ вербовки. Но и этотъ урокъ не образумилъ короля-мыслителя, онъ нетолько не измѣнилъ своей фальшивой системы, но и продолжалъ доказывать (въ своихъ «Oeuvres'ахъ»), что назначеніе лицъ неблагороднаго происхожденія на постъ офицеровъ въ войскѣ есть первый шагъ къ погибели государства. «Сдѣлавшись королемъ, Фридрихъ продолжалъ думать, что только дворянству присущи чувство чести и храбрость, и лишь оно способно занимать офицерскія мѣста. Дворянству одному открыты были почетныя мѣста, доступъ ко двору; за его имѣніями признавались разныя льготы; чтобы дворянинъ не ронялъ своего достоинства, ему запрещалось занятіе промыслами и торговлей, запрещались mésalliance'ы. На прочія сословія король смотрѣлъ, какъ на податную массу, нуждающуюся прежде всего, въ строгой государственной и помѣщичьей дисциплинѣ» *). Наконецъ, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, эпоху, столь позорную для Герма-

*) *Карѣевъ*, III, 334.

ии вообще и Пруссіи въ особенности, сказались всѣ плоды этой «системы» короля. Эта система сводилась къ простому «кормленію» юнкеровъ, а это кормленіе, эта эксплуатація солдатъ могла процвѣтать, конечно, лишь въ мирное время, и, деморализуя какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, отнюдь не развивала ни «геройскаго» духа въ арміи, ни даже простой солдатской выправки *).

Въ *гражданской области* управленія, какъ мы уже сказали, Фридрихъ то же ломалъ, а не развивалъ то, что создавалъ его отецъ. Онъ самымъ энергичнымъ образомъ боролся съ чиновничествомъ, въ которомъ отецъ его искалъ себѣ опоры противъ юнкерства. Здѣсь, въ бюрократіи, Фридрихъ тоже систематически отстранялъ «мѣщанство» отъ всѣхъ выдающихся постовъ, ввѣряя ихъ лицамъ «благороднаго» происхожденія, и только на постъ президента верховной счетной коллегіи король назначалъ по преимуществу лицъ мѣщанскаго сословія. Впрочемъ, когда, наконецъ, и генеральная директорія, послѣ 7-лѣтней войны, стала доказывать королю, что страна истощена и не вынесетъ новыхъ налоговъ **), король призвалъ изъ Франціи отрядъ чиновниковъ таможеннаго и податного вѣдомства,—«банду невѣжественныхъ мошенниковъ», какъ выражался *Гамакъ*, и съ чѣмъ лѣтъ 20 спустя соглашался и самъ Фридрихъ. Этимъ привознымъ бюрократамъ, съорганизованнымъ въ генеральную администрацію королевскихъ доходовъ и пріобрѣвшимъ «извѣстность» въ народѣ подъ кличкой Régie, король ввѣрилъ управленіе акцизнымъ и таможеннымъ сборами, такъ какъ на прямые налоги уже нельзя было разсчитывать. Любопытно, что мысль организовать Régie принадлежитъ «знаменитому французскому философу просвѣтителю и главному откупщику», Гельвецію ***).

---

*) Въ виду этого, трудно понять, какимъ путемъ *Ранке*, напр., пришелъ къ той мысли, что Фридрихъ «создалъ прекрасно выработанный военный строй» («Uber die Epochen d. neueren Geschichte», 203). Численность арміи при Фридрихѣ доходила до 200 тыс. человѣкъ, а на содержаніе этого войска тратились $^2/_3$ всего государственнаго бюджета (*Веберъ*, XIII, 462).

**) Эту оппозицію директоріи Мерингъ объясняетъ, съ одной стороны, большимъ знакомствомъ ея членовъ съ бытомъ и положеніемъ страны, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что чиновники, въ послѣдніе годы войны, вмѣсто денежнаго жалованья получали «билеты королевской кассы», которые мѣнялами принимались къ размѣну лишь подъ условіемъ приличной уступки за рискъ. Дѣйствительно, рискъ въ этомъ дѣлѣ былъ: впослѣдствіи выкупъ этихъ билетовъ корона производила при помощи худой звонкой монеты, къ большому убытку для мѣнялъ и прочихъ обладателей билетовъ. (122).

***) *Веберъ*, XIII, 460.

По поводу этой «реформы», самъ Фридрихъ заявлялъ, что косвенные *налоги* имъ придуманы въ тѣхъ видахъ, чтобы на счетъ богачей облегчить податное бремя для бѣдняковъ. Услужливые историки, на основаніи этой фразы короля, создали впослѣдствіи цѣлую легенду о соціализмѣ Фридриха, «отца-покровителя рабочихъ и солдатъ». Но это—только легенда. Начать съ того, что на словахъ король высказывался за повышеніе налога на вино, какъ предметъ роскоши, и за соотвѣтственное пониженіе налога на водку, какъ предметъ народнаго потребленія; на дѣлѣ же король повысилъ налогъ на вино весьма умѣренно, а налогъ на водку и особенно на пиво увеличилъ почти вдвое. Съ другой стороны, Régie хотя и понизила немного налогъ на хлѣбъ (по мнѣнію автора—въ видахъ дешеваго прокормленія войскъ), за то значительно повысила налогъ на мясо и напитки, и, сохранивъ столь тягостную для народа соляную монополію, создала еще двѣ новыя монополіи—табачную и кофейную. Вообще, Régie поспѣшила обложить акцизомъ рѣшительно все, что только можно было *). Замѣтимъ, наконецъ, что отъ всѣхъ этихъ налоговъ по прежнему оставался свободенъ самый богатый классъ населенія,—родовитое дворянство. Именно, король прямо запретилъ чинамъ Régie обращать неподатное привилегированное сословіе въ непривелегированное, податное, облагая его какимъ-либо акцизомъ. Съ другой стороны, хотя сельское населеніе de jure и было объявлено свободнымъ отъ акциза, но такъ какъ въ деревняхъ были запрещены всякіе ремесленные и индустріальные промыслы, и такъ какъ вслѣдствіе этого сельчанамъ приходилось закупать въ городѣ все, что имъ было нужно изъ предметовъ одѣянія, питанія, орудій труда и пр,, то и акцизъ, которымъ были обложены всѣ эти предметы въ городахъ, горожане-промышленники de facto перелагали на сельчанъ-потребителей, заставляя ихъ платить на городскихъ рынкахъ цѣну, заключавшую и акцизъ.

Тѣмъ не менѣе, даже Régie не съумѣла увеличить «королевскіе» доходы въ той мѣрѣ, въ какой было желательно Фридриху. Одни расходы по новому управленію акцизнымъ и таможеннымъ сборами увеличились на $^1/_2$ милл. талеровъ въ годъ, не считая тѣхъ (немалыхъ) доходовъ, которыми французскіе чины этого управленія пользовались на законномъ и незаконномъ основаніи. Съ другой стороны, система финансовъ короля создавала реакцію въ

*) «Направляя всю свою дѣятельность къ тому, чтобы накопить денегъ въ казнѣ, Фридрихъ доводилъ платежныя силы страны до крайняго напряженія. Косвенные налоги на самые необходимые предметы доходили до чудовищныхъ размѣровъ» (*Каѣевъ*, III, 363).

формѣ обширной контрабанды, которая при Фридрихѣ процвѣтала въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ, не смотря на систему шпіонства и доносовъ, придуманную правительствомъ въ видахъ подавленія ея. Наконецъ, въ слабо населенной Пруссіи того времени, система косвенныхъ налоговъ не замедлила повысить и заработную плату рабочихъ, къ ущербу «отечественной» торгово-промышленной дѣятельности и ея представителей *).

Въ *торгово-промышленной области* Фридрихъ проводилъ идею чистаго меркантилизма и эту политику нѣкоторые «лояльные» историки патріоты дерзаютъ, съ подобающей почтительностью, ставитъ Фридриху въ укоръ **). Но, по мнѣнію Меринга, въ этомъ случаѣ скорѣе сказалась проницательность короля, его умѣнье считаться съ реальными экономическими условіями жизни страны. «Теорія меркантилизма есть идеологія именно той хозяйственной системы, которая соотвѣтствуетъ началу княжескаго абсолютизма, развившагося на почвѣ товарнаго обмѣна и товарнаго производства». Не даромъ въ этой теоріи подчеркивается и роль государственной власти, какъ созидательницы торгово-промышленной дѣятельности, и т. д. Системы меркантилизма «послужили, въ свое время, весьма важнымъ рычагомъ въ дѣлѣ утвержденія династическихъ интересовъ: устанавливая софизмъ, что обладаніе деньгами и богатство науки—одно и то же, теорія меркантилизма освящала практику фискальной эксплуатаціи народа и внушала мысль, что чѣмъ больше денегъ князья привлекали въ страну, хотя бы на содержаніе войска и двора, тѣмъ богаче народъ». Особенно легко было сложиться такому убѣжденію, продолжаетъ Мерингъ, въ Германіи, «гдѣ абсолютизмъ возникъ скорѣе на почвѣ феодализма, чѣмъ на почвѣ капитализма. Всюду, гдѣ товарное производство самобытно развилось въ значительной степени, напр., во Франціи, меркантильной системѣ было труднѣе выродиться въ нелѣпый софизмъ: тамъ теорія постоянно сдерживалась практикой; благодаря этому, и Кольберъ, напр., старался поднять «обмѣнъ» посредствомъ сооруженія путей сообщенія и т. п. Фридрихъ же нисколько не заботился о поддержаніи путей въ хорошемъ состояніи, дабы не выпускать изъ страны иноземцевъ и за-

*) За простой оффиціальный докладъ директора о «дерзостныхъ» жалобахъ, поступавшихъ отъ купцовъ и фабрикантовъ и указывавшихъ на вредъ монополій и системы акцизовъ, король-философъ велѣлъ посадить въ Шпандаускую крѣпость тайнаго финансъ-совѣтника Урсинуса (1766 г.).

**) Такъ, *Веберъ* (XIII, 461) позволяетъ себѣ замѣтить, что меркантильная система Фридриха была «слишкомъ натянута и односторонняя, хотя и полезна для молодой, неразвитой промышленности».

ставить ихъ тратить больше денегъ въ предѣлахъ страны, и вообще держался того взгляда, что все, что вредитъ чужой странѣ, полезно собственной странѣ» (128—9). Однако, при всемъ своемъ сочувствіи къ меркантилизму, Фридрихъ не могъ вполнѣ послѣдовательно проводить его на прусской почвѣ: войско и юнкерство поглощали всѣ средства солдатской страны, т. е. на поощреніе промышленности онъ могъ за 1763—1786 г. употребить лишь около 25 милл. тал., да и то въ самомъ лучшемъ случаѣ *). Въ нѣмецкой исторіографіи существуетъ, далѣе, легенда, будто Фридрихъ былъ королемъ мужиковъ, а Гогенцоллерны вообще были покровителями «мелкаго производителя», *народа*. Но уже изъ сообщеній *Родена* (составившаго «краткій курсъ финансовъ» для наслѣднаго принца) оказывается, что попеченія Фридриха о мужикѣ, кормильцѣ короля и юнкеровъ, сводились къ заботѣ о томъ, чтобы этотъ мужикъ не совсѣмъ ужъ отощалъ. Правда, въ Силезіи и Западной Пруссіи Фридрихъ облагалъ контрибуціей не одно крестьянство, но и дворянство. Но въ этихъ областяхъ дворянство не могло ссылаться на историческія права свои, унаслѣдованныя отъ предковъ; кромѣ того, король могъ притѣснять здѣсь дворянъ и за ихъ симпатіи къ Австріи и Польшѣ. Съ другой стороны, и здѣсь главная тяжесть подати все-таки лежала на крестьянствѣ.

Упраздненіе крѣпостного состоянія крестьянъ могло бы поднять «курсъ» королевской власти и вполнѣ отвѣчало бы княжескому классовому интересу: крѣпостничество стѣной отгораживало князя отъ массы населенія и обращало юнкеровъ въ «природныхъ» повелителей этой массы. Поэтому объ упраздненіи крѣпостной кабалы подумывали и предшественники Фридриха **). Самъ

*) Точной цифры установить невозможно, ибо Фридрихъ, въ качествѣ «первѣйшаго слуги государства», не терпѣлъ вмѣшательства посторонних лицъ (министровъ) въ дѣла управленія финансами государства. Замѣтимъ еще, что, по *Веберу* (XIII, 460), «король не щадилъ расходовъ на все, что могло способствовать матеріальному преуспѣянію страны и тратилъ на это милліоны» (!). Но тутъ же Веберъ проговаривается, что «войско и въ мирное время поддерживалось въ составѣ, чуть ли не превышавшемъ средства государства».

**) «Уже первый прусскій король (въ 1702 г.) выражалъ желаніе освободить всѣхъ крѣпостныхъ въ королевскихъ доменахъ, но у него не хватило характера привести въ исполненіе свое намѣреніе. Фридрихъ-Вильгельмъ I оказался нѣсколько энергичнѣе. Въ 1720 г., для привлеченія новыхъ жителей въ мало-населенную Пруссію, онъ отмѣнилъ въ королевскихъ доменахъ крѣпостничество, надѣливъ крестьянъ наслѣдственными участками земли. Затѣмъ, указомъ 1739 г. былъ запрещенъ сносъ крестьянскихъ дворовъ, а за годъ передъ тѣмъ король вооружился противъ жестокаго обращенія съ крѣпостными» (*Карѣевъ*, III, 392).

Фридрихъ II хотя (въ «сочиненіяхъ» своихъ) и говорилъ объ этой кабалѣ, какъ «варварскомъ обычаѣ» и «отвратительномъ учрежденіи», но упразднить ее не могъ: «крѣпостная кабала составляла экономическую клѣточку общества, политическимъ представителемъ котораго было прусское военное государство, и первѣйшій слуга этого государства не могъ, конечно, не поддерживать этого учрежденія изъ простого инстинкта самосохраненія» (142) *). Въ самомъ дѣлѣ, въ 1763 г., когда Фридрихъ, «поддавшись деспотической маніи величія», вдругъ отдалъ приказъ «безусловно и безъ малѣйшаго разсужденія» упразднить крѣпостную кабалу во *всѣхъ* деревняхъ Помераніи, «въ интересѣ всей провинціи», то нелѣпаго (dumdreist—по выраженію автора) заявленія померанскихъ чиновъ о томъ, что эта мѣра можетъ обезлюдить страну и усилить дезертирство въ войскѣ, было достаточно, чтобы отклонить короля отъ его реформы»: «онъ сознавалъ, что войскомъ командуетъ не онъ, а юнкерство, въ рукахъ котораго сосредоточивалась и вся гражданская и судебная власть» (143) **). При такихъ условіяхъ, Фридриху оставалось только одно: отстаивать авторитетъ своей власти въ мелкой борьбѣ съ юнкерствомъ изъ-за захвата крестьянскихъ земель ***), жестокаго обращенія съ крестьянствомъ и т. п. Однако, и въ этой борьбѣ рѣчь шла не о защитѣ мужиковъ противъ юнкерства, но о владычествѣ короля надъ мужиками въ ущербъ правамъ юнкеровъ ****). Фридрихъ, въ этомъ случаѣ, стремился «къ иному, болѣе благопріятному для него и неблагопріятному для юнкерства, распредѣленію прибавочной стоимости, извлекаемой изъ мужиковъ». Не даромъ же онъ грозилъ тюрьмой всѣмъ тѣмъ, кто въ дѣлѣ найма сельскихъ батраковъ станетъ принимать или давать плату выше указанной нормы; а въ 1785 г., когда обнаружились волненія среди силезскихъ рабочихъ,

*) Опасаясь соціальнаго переворота, Фридрихъ не рѣшался сразу устранить отношенія крѣпостничества. При томъ же, военныя учрежденія слишкомъ сильно опирались на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ» (*Веберъ*, III, 461).

**) *Карѣевъ* (III, 393) неудачу Фридриха объясняетъ противодѣйствіемъ чиновниковъ и дворянства.

***) *Карѣевъ*, III, 392.

****) «Мирабо-сынъ не разъ указывалъ на то, какъ мало сдѣлалъ Фридрихъ для крестьянъ, и очень хорошо опредѣлилъ всю прусскую политику въ этомъ отношеніи: «Прусскіе государи не желали задѣвать дворянъ, въ которыхъ они нуждались для своей арміи, уничтоженіемъ крѣпостничества, но они хорошо понимали свои собственные интересы для того, чтобы не заключать крѣпостничество въ тѣсныя рамки». Заботы прусскаго правительства ограничивались улучшеніемъ быта крестьянъ, при сохраненіи стараго строя» (*Карѣевъ*, III, 391).

король велѣлъ усиленно прибѣгать къ содѣйствію пасторовъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы въ сельскихъ округахъ не селились и не агитировали чуждые элементы. Съ другой стороны, законъ, дозволявшій силезскимъ мужикамъ жаловаться коронѣ на своихъ господъ, за суровое тѣлесное наказаніе, при тогдашнихъ основахъ судебнаго и соціальнаго строя, почти обращался въ фикцію, тогда какъ законъ о раздѣлѣ общинныхъ пастбищъ оказывалъ огромную прямую услугу крупному землевладѣнію, обезземеливая и пролетаризируя сельчанъ. Столь же антинародны были и попеченія Фридриха о *земледѣліи*, выразившіяся въ щедрыхъ субсидіяхъ нуждающемуся сельскому хозяйству, т. е. юнкерамъ, «ибо абсолютно преобладающимъ типомъ землевладѣнія въ то время было землевладѣніе помѣстно-дворянское» *). По свидѣтельству *Родена*, попеченія Фридриха о культурѣ земель сводились къ вящшему заселенію свободныхъ пространствъ и черезъ то къ увеличенію доходовъ королевской кассы. Впрочемъ, старанія короля колонизовать страну увѣнчались сомнительнымъ успѣхомъ: колонистовъ приходилось привлекать изъ-за границы обѣщаніемъ разныхъ льготъ (вѣротерпимость, свобода отъ податей), и все-таки въ страну притекали элементы весьма низкаго качества **).

Особенную близорукость обнаружилъ Фридрихъ въ такой области внутренней политики, въ которой отъ него, какъ философа и поэта, можно было ожидать многаго. Отецъ его, хотя и презиралъ вообще образованность и *просвѣщеніе*, но все-таки сознавалъ, «что знанія способствуютъ увеличенію благосостоянія и улучшенію финансовъ»; поэтому онъ основывалъ хотя военныя и народныя школы и ввелъ (впрочемъ, лишь на бумагѣ) обязательную грамотность. Фридрихъ же очень мало заботился о народныхъ школахъ ***) и даже назначалъ солдатъ-инвалидовъ учителями въ нихъ. Положеніе высшихъ учебныхъ заведеній было жалкое; такъ, бюд-

*) «Вслѣдствіе устроенной кредитной и ипотечной системы, крупнымъ землевладѣльцамъ открылась возможность поднять свои имѣнія» (*Веберъ* XIII, 462).

**) «Благодаря Фридриху, поднято 300 т. моргеновъ нови, основано 500 новыхъ деревень (?), заселено 50 т. семействъ колонистовъ» (*Веберъ*, XIII, 459).

***) Даже *Веберъ* (XIII, 463) признаетъ, что Фридрихъ для преуспѣянія «собственно народнаго обученія» сдѣлалъ «немного», и объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что «въ заботахъ о матеріальныхъ средствахъ государства Фридрихъ не могъ воспользоваться досугомъ и средствами для подъема умственнаго образованія». *Карѣевъ* (III, 365) тоже подтверждаетъ, что при Фридрихѣ законъ объ обязательномъ посѣщеніи народной школы «оставался мертвой буквой», и Фридрихъ даже «скупился выдавать деньги на дѣло образованія».

жетъ университетовъ, коихъ было всего четыре, не превышалъ 18 т. тал.; гонораръ профессоровъ отличался мизерными размѣрами; научные институты находились въ полномъ упадкѣ. При всемъ томъ, Фридрихъ строго запрещалъ своимъ подданнымъ учиться въ заграничныхъ университетахъ, подъ страхомъ пожизненнаго устраненія отъ всякихъ церковныхъ и гражданскихъ должностей и (для дворянъ) конфискаціи имущества *).

Реформы Фридриха въ области *суда* состояли въ томъ, что онъ упразднилъ пытку, уничтожилъ позорный обычай продажи должностей, хотя и сохранилъ налогъ на жалованье чиновниковъ; далѣе, онъ постановилъ передавать судебныя пошлины не въ руки отдѣльныхъ судей, а въ общую судейскую кассу; затѣмъ, Фридрихъ старался ввести ускоренное судопроизводство, постановивъ, чтобы каждый процессъ непремѣнно заканчивался въ предѣлахъ 1 года; наконецъ, онъ видимо озабочивался независимостью суда, высказываясь противъ кабинетской юстиціи. Однако, видя въ себѣ верховнаго судью, Фридрихъ на практикѣ позволялъ себѣ «направлять» судъ по собственному разумѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось, что судьи творятъ судъ неправильный. Не особенно блестящи были и всѣ прочія судебныя преобразованія Фридриха, не говоря уже о томъ, что судъ патримоніальный, судъ помѣщиковъ надъ мужиками, въ которомъ, по выраженію современниковъ, «палка замѣняла ученость», при Фридрихѣ оставался неприкосновеннымъ. Такъ, распоряженіе короля о скоромъ (годичномъ) судѣ нерѣдко приводило къ тому же кривосудію отъ торопливаго, невнимательнаго разсматриванія дѣлъ. Распоряженіе объ отмѣнѣ пытки, безъ надлежащаго кореннаго преобразованія всего уголовнаго процесса, съ одной стороны приводило къ судебнымъ ошибкамъ, а съ другой—значительно умалялось параллельнымъ распоряженіемъ о томъ, что судебные слѣдователи могутъ пороть лицъ, упорно запирающихся. Замѣтимъ еще, что Фридрихъ, весьма снисходительно смотрѣвшій на преступленія «любовнаго» характера **), бывалъ жестокъ и не стѣ-

*) По замѣчанію *Карѣева* (III, 310, 322, 327, 328), вліяніе просвѣтительной философіи XVIII-го в. сказывалось лишь въ такихъ реформахъ Фридриха, которыя не затрогивали существа старой прусской системы и не грозили авторитету власти короля. Таковы его реформы судебныя, его указы о вѣротерпимости и т. п. Съ другой стороны, королю-философу были антипатичны энциклопедисты вообще, особенно же, когда они касались политическихъ и общественныхъ вопросовъ (какъ Гольбахъ и Руссо).

**) Такъ, Фридрихъ отмѣнилъ церковное покаяніе для падшихъ дѣвушекъ, смертную казнь—за произведеніе аборта и т. п. Такого рода либерализмъ короля Мерингъ объясняетъ желаніемъ увеличить населеніе страны

снялся никакими юридическими нормами въ случаѣ преступленій политическаго или военно-дисциплинарнаго характера.

Наконецъ, что касается блестящей *внѣшней политики* Фридриха *), то она въ такомъ милитарномъ государствѣ, какъ Пруссія, диктовалась жизненными условіями самой страны. Существованіе этого государства не могло считаться упроченнымъ, пока оно состояло изъ разрозненныхъ частей (Бранденбургъ, В. Пруссія, Прирейнскія провинціи). Свергнуть польское владычество въ В. Пруссіи, занять независимое положеніе относительно Польши и Швеціи, завладѣть Балтійскимъ побережьемъ, создать экономически и политически округленную, цѣльную гражданскую общину путемъ захвата Помераніи и Силезіи и вообще всей при-одерской торгово-политической области, — таково содержаніе внѣшней политики прусскаго милитарнаго государства, которая сама собою опредѣлилась исторически и до нѣкоторой степени самопроизвольно осуществилась. О геніальности отдѣльныхъ князей въ этомъ отношеніи, по замѣчанію Меринга, можно говорить лишь постольку, поскольку они понимали необходимость совершавшагося передъ ихъ глазами процесса и не пытались задерживать его. Съ другой стороны, уже *Ранке* открылъ, что курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ составилъ тотъ планъ завоеванія Силезіи, который много лѣтъ спустя и былъ приведенъ въ исполненіе Фридрихомъ II. Слѣдовательно, Фридрихъ лично столь-же мало пови-

(въ видахъ фискальнаго интереса и рекрутскаго набора?). Тотъ же мотивъ авторъ усматриваетъ и въ знаменитомъ дѣлѣ мельника Арнольда, въ которомъ королю, во имя законности, пришлось идти противъ юнкеровъ: такое тактичное поведеніе короля могло произвести хорошее впечатлѣніе на жителей сосѣднихъ державъ и соблазнить ихъ на переселеніе въ Пруссію (157).

*) «На почвѣ военной и дипломатической исторіи Фридрихъ игралъ первенствующую роль. Въ первую половину своего царствованія, Фридрихъ велъ двѣ войны (за австрійское наслѣдство и семилѣтнюю), прославившія его, какъ первостепеннаго полководца, увеличившія Пруссію присоединеніемъ Силезіи, поднявшія значеніе этого государства до степени первоклассной державы въ Европѣ и опасной соперницы Габсбургской монархіи въ Германіи. Фридрихъ былъ настоящимъ героемъ этихъ войнъ въ военномъ и политическомъ отношеніи. Первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой, отдавшій Пруссіи владѣніе Польши по нижнему теченію Вислы, еще болѣе увеличившій ея территорію, былъ настоящей дипломатической побѣдой Фридриха надъ Екатериной II; кстати и Австрія вознаграждалась за потерю Силезіи пріобрѣтеніемъ Галиціи, что для Пруссіи было не безвыгодно. Послѣднимъ важнымъ дѣломъ Фридриха было устройство «Союза князей» въ Германіи, который былъ крупной дипломатической побѣдой надъ Австріей и недовѣріемъ князей, и первымъ опытомъ объединенія Германіи подъ прусской гегемоніей» (*Карѣевъ*, III, 300 и сл.). Отсюда, будто бы, преклоненіе прусско-нѣмецкихъ историковъ передъ личностью «великаго» короля (304).

ненъ въ созданіи этой идеи, какъ и въ удачномъ осуществленіи ея: завоевала Силезію та пѣхота, которая была создана и вымуштрована при отцѣ Фридриха, не говоря уже о томъ, что Силезія и сама тяготѣла къ Пруссіи въ силу географическаго положенія и экономическихъ условій жизни *).

IV.

Предыдущее изложеніе могло довольно детально ознакомить насъ съ государственною дѣятельностью знаменитаго «короля-философа», котораго проф. *Карѣевъ* и другіе историки признаютъ однимъ изъ крупнѣйшихъ и виднѣйшихъ представителей политической системы «просвѣщеннаго абсолютизма». Намъ остается теперь отмѣтить основныя, наиболѣе характерныя черты какъ этой системы вообще, такъ и той формы ея, которая дѣйствовала именно въ Пруссіи въ вѣкъ Фридриха Великаго, и затѣмъ подвести общій итогъ всему настоящему изложенію.

На вопросъ о томъ, что такое просвѣщенный абсолютизмъ, дѣйствовавшій во второй половинѣ прошлаго вѣка въ большей части европейскихъ странъ, историки-идеологи обыкновенно отвѣчаютъ: это «союзъ абсолютной государственной власти и раціоналистическаго просвѣщенія вѣка» **). Ибо *теорія* просвѣщеннаго абсолютизма возлагала на государство обязанность служить высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни, дѣлала изъ монарха перваго слугу государства, вообще, устанавливала болѣе высокое пониманіе государства. По этой теоріи, безграничная власть государства оправдывается, какъ единственное средство создать земное благополучіе и усовершенствовать внутреннія отношенія общества; но разъ государство стало признавать за собою не одни права, но и обязанности, оно должно было наложить на себя извѣстныя ограниченія. Просвѣщенные властители XVIII вѣка не менѣе ревниво, чѣмъ Людовикъ XIV, относились къ своей власти и были противниками сословнаго представительства, но они умѣряли свою власть, налагали на нее извѣстныя ограниченія, сами становясь на точку зрѣнія договорнаго происхожденія государства, какъ налагающаго на монарховъ извѣстныя обязанности. Этимъ умѣряющимъ абсолютизмъ факторомъ признавалось просвѣщеніе, которое устанавливало право общества на свободное культурное развитіе и право личности на религіозное самоопредѣленіе, и которое вооружалось противъ сословныхъ привилегій, выросшихъ на фео-

*) Mehring, 106—163.

**) *Карѣевъ*, III, 278 и слѣд.

дальной почвѣ, равно и противъ несвободы лица и земли въ сельскомъ быту. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма наблюдалось «сближеніе между представителями государственной власти и представителями философіи: государи и ихъ министры раздѣляли многія воззрѣнія философовъ, сообщали имъ свои предположенія, искали у нихъ сочувствія и популярности, оказывали имъ поддержку, приглашали ихъ къ себѣ на службу» *). Съ своей стороны, просвѣтители возлагали большія надежды на абсолютную монархическую власть, «какъ на ту политическую силу, которая одна только могла дать побѣду въ жизни новымъ идеямъ. Въ этомъ союзѣ монарховъ и философовъ совершалось сближеніе между началами государственности, нашедшей себѣ воплощеніе въ абсолютизмѣ, и раціонализма, бывшаго характерной чертою философіи XVIII вѣка: государство должно было слѣдовать указаніямъ разума».

Таковъ былъ просвѣщенный абсолютизмъ въ *теоріи*, такъ сказать, на бумагѣ; таковъ былъ онъ въ теоретической концепціи всѣхъ этихъ Томазіевъ, Вольфовъ, Гоббзовъ, Вольтеровъ, кабинетнымъ путемъ извлекшихъ изъ глубины отвлеченнаго разума доктрину просвѣщеннаго, свѣтскаго абсолютизма, и полагавшихъ, подобно всѣмъ утопистамъ-идеологамъ, что стоитъ только измѣнить, путемъ словесной проповѣди, личный образъ мыслей тѣхъ немногихъ героевъ, которые случайно призваны бываютъ управлять толпою, чтобы немедленно же измѣнился и весь строй жизни этой огромной и разнородной толпы, по послѣднему слову *ихъ* отвлеченной науки, *ихъ* кабинетной доктрины. Однако, и въ данномъ случаѣ не замедлилъ оправдаться безсмертный тезисъ о силѣ жизни и безсиліи отвлеченной, кабинетной, индивидуальной мысли. На *практикѣ*, въ дѣйствительной жизни, просвѣщенный абсолютизмъ, прежде всего, относился съ величайшимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, говоря: все для народа, ничего посредствомъ народа. И этотъ любопытный фактъ историки объясняютъ отсталостью странъ и оппозиціей консервативныхъ элементовъ **); въ *такихъ* странахъ правительству поневолѣ «приходилось идти впереди общества, жившаго конфессіонально-сословными традиціями», ибо въ *такомъ* обществѣ «не могло быть преобразовательной иниціативы». Реформа шла, такимъ образомъ, «сверху, отъ государственной власти, на сторонѣ которой была *сила*, и которая считала себя въ *правѣ* дѣйствовать посредствомъ силы,

*) Припомнимъ у насъ вѣкъ Екатерины Великой и ея близость съ Дидро, Вольтеромъ, Гримомъ и другими энциклопедистами.

**) *Карѣевъ*, III, 283 и сл.

) имя принципа salus populi suprema lex». Притомъ, «всякое частіе общественныхъ силъ въ дѣлахъ правленія, принимая характеръ *ограниченія* власти, казалось нарушеніемъ правъ послѣдей и тормазомъ въ дѣлѣ установленія той централизаціи, къ которой стремилось государство», слѣдуя антиисторическому раціонализму и началу естественнаго права. Съ другой стороны, хотя дея естественнаго права и была благопріятна для личной свободы, но просвѣщенный абсолютизмъ относился *двойственно* къ тому предмету: не давая свободы проявленію индивидуальныхъ силъ въ такихъ сферахъ, въ коихъ заинтересована была сама государственная власть, онъ (т. е. просвѣщенный абсолютизмъ) въ другихъ отношеніяхъ содѣйствовалъ эмансипаціи личности, установляя вѣротерпимость, стремясь къ ослабленію помѣщичьей власти, и т. д. Наконецъ, система просвѣщеннаго абсолютизма, вообще, отличалась различными *противорѣчіями*, вслѣдствіе которыхъ она «не всегда жила въ ладу не только со старыми историческими силами, но и съ новыми требованіями просвѣщенія» *).

Такимъ разладомъ, такими противорѣчіями, говоритъ проф. Карѣевъ, исполнена была и дѣятельность крупнѣйшаго представителя системы, Фридриха II. Но мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго историка.

Прежде всего, мы не можемъ видѣть въ прусскомъ королѣ-философѣ представителя вышеизложенной доктрины просвѣщеннаго абсолютизма.

Съ одной стороны, мы знаемъ уже, что Фридрихъ, т. е. настоящій, историческій, а не легендарный, фактически не проводилъ въ жизнь народа ни одного, мало-мальски существеннаго пункта изъ той программы правительственной дѣятельности, которую навязывала ему теорія просвѣщеннаго абсолютизма, какъ отпрыскъ и модификація раціоналистической философіи просвѣтителей-энциклопедистовъ XVIII вѣка. Онъ не осуществилъ въ сколько-нибудь серьезномъ размѣрѣ ни свободы личности и слова, ни начала общественной самодѣятельности, ни юридически-политическаго равенства гражданъ, а въ проведеніи такихъ просвѣщенно-либеральныхъ началъ, какъ вѣротерпимость, не былъ ни оригиналенъ, ни достаточно послѣдователенъ, ни даже безкорыстенъ и идеенъ. Припомнимъ, наконецъ, что Фридрихъ, по словамъ пр. Карѣева **), былъ, подобно Вольтеру, лишь скептикомъ, никогда

*) *Карѣевъ*, III, 285 и слѣд.
**) *Карѣевъ*, III, 320, 327.

не помышлявшимъ о коренной ломкѣ существующихъ порядковъ, и что этому философу скептику антипатичны были энциклопедисты вообще, особенно же Гольбахъ и Руссо.

Съ другой стороны, Фридрихъ, по нашему мнѣнію, и не могъ (да и не обязывался) быть представителемъ доктрины просвѣщеннаго абсолютизма, такъ какъ доктрина эта, по существу своему была доктриной *буржуазной*, *капиталистической*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и самъ проф. Карѣевъ. Такъ, напр., о культурномъ и соціальномъ бытѣ тогдашней Англіи, т. е. бытѣ чисто буржуазномъ, капиталистическомъ, онъ говоритъ *), что этотъ бытъ «какъ разъ былъ тѣмъ, что должно было бы сдѣлаться результатомъ системы (системы просвѣщеннаго абсолютизма), если бы только она проводилась послѣдовательно, полно и достаточно продолжительно». Далѣе, разбирая вопросъ, почему въ тогдашней Франціи—главномъ очагѣ просвѣщенія—не примѣнялась система просвѣщеннаго абсолютизма, проф. Карѣевъ прямо говоритъ, что дѣло реформъ въ духѣ новыхъ идей здѣсь, во Франціи, находилось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ монархіяхъ, ибо въ буржуазіи французское правительство могло бы имѣть живую силу, весьма важную опору, какой лишены были правительства другихъ странъ, гдѣ, какъ въ Пруссіи и Австріи, «преобладали клерикальные и аристократическіе элементы и было слабо развито среднее сословіе» **). Наконецъ, по словамъ того же автора, просвѣщенный деспотизмъ началъ дѣйствовать «въ томъ же направленіи, въ какомъ продолжала революція»; а что эта революція, подобно всѣмъ вообще революціямъ XVIII и XVII в.в., была великой революціей буржуазіи,—въ этомъ читатель можетъ убѣдиться изъ монографій такихъ завѣдомо-буржуазныхъ историковъ, какъ Зибель, Минье и мн. др.

Итакъ, если новыя, просвѣтительныя идеи, заложенныя въ основаніе доктрины просвѣщеннаго абсолютизма, были по существу своему идеями радикальной прогрессистской буржуазіи, идеальнымъ отраженіемъ буржуазно-капиталистическаго режима, то удивительно ли, что Фридрихъ не могъ насаждать ихъ послѣдовательно и полно, не впадая въ дѣйствительныя противорѣчія, у себя, въ Пруссіи, гдѣ все еще преобладали элементы аристократическіе, гдѣ господствовалъ еще режимъ феодально-аристократическій, діаметрально противоположный и безусловно чуждый режиму буржуазно-капиталистическому?

---

*) Карѣевъ, III, 288.
**) Карѣевъ, III, 289.

Но, какъ мы видѣли, такимъ насажденіемъ гетерогенныхъ дей чуждаго режима Фридрихъ и не занимался въ сколько-нибудь серьезномъ размѣрѣ, и потому ни въ теоріи, ни на практикѣ представителемъ буржуазной доктрины просвѣщеннаго абсолютизма признанъ быть не можетъ.

Мы говоримъ, конечно, о Фридрихѣ-*правителѣ*, объ *историческомъ* Фридрихѣ. Какъ *человѣкъ*, какъ частное лицо, честолюбивый и деспотическій, Фридрихъ могъ, до извѣстной степени, кокетничать изъ каприза съ просвѣщеніемъ и идеями раціоналистовъ, могъ въ частной бесѣдѣ и перепискѣ щеголять знакомствомъ съ модными идеями и ихъ творцами. Онъ могъ искать популярности у тогдашнихъ гигантовъ мысли и приглашать ихъ къ себѣ на службу, въ видахъ приданія двору своему бо́льшаго блеска, могъ и самолично наполнять досугъ свой невиннымъ писаніемъ газетныхъ статей на всевозможныя «философскія» темы во вкусѣ своего времени, неизмѣнно оставаясь при этомъ все тѣмъ же скептикомъ, т. е. нисколько не думая о коренной ломкѣ существующихъ порядковъ во имя какого-либо отвлеченнаго идеала. Но какъ *правитель*, какъ *историческое* лицо, Фридрихъ столь же неизмѣнно проявлялъ себя «юнкеромъ» sans phrase, притомъ чисто прусскимъ, самобытнымъ Krautjunker'омъ, представителемъ феодально крѣпостническаго аристократизма. Мало того. Въ роли правителя, т. е. въ той самой роли, которая только и можетъ здѣсь интересовать насъ, ибо частныхъ лицъ исторія игнорируетъ, Фридрихъ является не только юнкеромъ-аристократомъ, искренно преданнымъ интересу своей «высшей расы», своего класса, но и дѣятельнымъ *орудіемъ* этого класса, класса поземельной аристократіи своего времени. Не даромъ онъ во всѣхъ существенныхъ моментахъ и вопросахъ жизни этого класса не обинуясь подчинялся его требованіямъ, а порою и самъ, по собственному почину, шелъ на встрѣчу его желаніямъ, не даромъ онъ вполнѣ послѣдовательно оберегалъ свое «первое сословіе» отъ всякихъ непріятностей и огорченій, даже чисто фиктивныхъ, въ родѣ обложенія его акцизомъ и т. п., и вообще о «высшей расѣ людей» пекся съ такою нѣжною заботливостью, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истинныхъ классовыхъ симпатій и воззрѣній короля-вольтерьянца.

Характеризуя внутреннюю политику прусскихъ князей, Мерингъ неоднократно указываетъ на *борьбу*, которую князьямъ этимъ, не исключая Фридриха II, приходилось будто бы вести противъ юнкерства за собственную власть и за классовые интересы своей династіи. Однако, такой взглядъ на политику Гогея-

цоллерновъ вообще, и Фридриха II въ частности, по нашему мнѣнію, не подтверждается тѣми фактами, которые приводитъ самъ авторъ, и, кромѣ того, не вполнѣ понятенъ съ той основной точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, какъ историкъ-матеріалистъ. Мерингъ не можетъ, конечно, не знать, что во всякомъ классовомъ обществѣ *), особенно новѣйшаго типа, сама власть носитъ чисто классовый отпечатокъ, являясь «исполнительнымъ органомъ» того класса, который въ данный моментъ господствуетъ экономически надъ прочими классами. Въ Пруссіи же, въ вѣкъ Фридриха, какъ показываетъ самъ Мерингъ, такимъ командующимъ классомъ, по всѣмъ фактическимъ условіямъ и отношеніямъ матеріальнаго производства, все еще былъ именно классъ юнкеровъ, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ. При такихъ условіяхъ, матеріалисту Мерингу, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы уже a priori признать, что интересы и воззрѣнія *этого* класса, и только его, а не какіе-то «собственные» интересы, въ точности выражала и энергически осуществляла тогдашняя прусская власть въ лицѣ короля-философа. Между тѣмъ, Мерингъ говоритъ о борьбѣ этой власти съ юнкерствомъ, какъ бы совершенно забывая о томъ, что, по его же словамъ, эта власть считала кровнородственный ей классъ юнкеровъ «высшей расой людей», и сохраняла за нимъ его историческія и иныя привилегіи, попирая ногами историческія права всѣхъ другихъ, низшихъ классовъ государства; что эта власть всегда поддерживала этотъ высшій классъ въ его борьбѣ противъ народа-черни **), противъ непривилегированной, податной массы «подлаго» (мелкаго) бюргерства и крестьянъ-холоповъ, дабы сохранить и утвердить за высшимъ классомъ помѣстнаго дворянства его привилегію—пользоваться безраздѣльно и исключительно тою прибавочною стоимостью, которую, по выраженію автора, создавалъ трудъ этой холопской черни.

Затѣмъ, оставаясь на той же точкѣ зрѣнія, Мерингъ долженъ былъ бы признать, что не для самостоятельной борьбы съ юнкерствомъ за какіе-то собственные интересы, а для *утвержденія* и *сохраненія* вышеозначенной привилегіи за классомъ юнкеровъ, для *поддержки* этого класса въ его борьбѣ противъ всѣхъ его внутреннихъ и внѣшнихъ соперниковъ и враговъ, власть въ Пруссіи всегда, а послѣ погрома, произведеннаго 30-лѣтней войной, въ особенности, хлопотала о созданіи вооруженной силы, *арміи*.

*) Ср. *F. Engels*, «Der Ursprung der Familie etc.» (1894), стр. 180 и др. *P. Weisengrün*, «Vershiedene Geschichts Auffassungen» (1890), p. 42 и др.

**) Самъ *Мерингъ*, въ одномъ мѣстѣ, замѣчаетъ, что никто изъ Гогенцоллерновъ никогда не заступался за крестьянъ противъ юнкерства (стр. 85).

Если въ этихъ хлопотахъ власть иногда приходила даже въ столкновеніе съ опекаемымъ ею привилегированнымъ классомъ, встрѣчая съ его стороны непониманіе, несочувствіе или оппозицію (какъ это имѣло мѣсто въ царствованіе отца Фридриха II), то подобныя временныя недоразумѣнія между исполнительнымъ и законодательнымъ органами, между прусской властью и инспирирующимъ ее прусскимъ юнкерствомъ, обыкновенно разрѣшались путемъ взаимнаго компромисса къ обоюдному удовольствію на счетъ того же податного непривилегированнаго класса черни. Во всякомъ случаѣ, такіе мимолетные конфликты никогда серьезно не нарушали ни гармоническаго традиціоннаго союза между властью и юнкерствомъ, ни основного характера внутренней политики всѣхъ прусскихъ властителей, просвѣщенныхъ и не-просвѣщенныхъ.

Такимъ образомъ, нельзя согласиться и съ тѣмъ конечнымъ выводомъ автора, что прусское государство временъ Фридриха было «историческимъ продуктомъ классовой борьбы княжеской власти съ юнкерствомъ» *). Повторяемъ, не классовой борьбой княжеской власти съ юнкерствомъ характеризуется вѣкъ Фридриха, а скорѣе *безраздѣльнымъ* и *абсолютнымъ владычествомъ юнкерства*, которое, въ видахъ кормленія своего, успѣло подчинить себѣ фактически не только всѣ прочіе классы тогдашняго общества, но и самого Фридриха **). Слѣдовательно, и взглядъ на Фридриха какъ на *неограниченнаго* владыку страны, въ виду всего того, что намъ извѣстно о его правительственной дѣятельности, приходится признать столь же неправильнымъ, какъ неправильно и мнѣніе о томъ, будто онъ былъ представителемъ (да еще крупнѣйшимъ представителемъ) системы просвѣщеннаго абсолютизма. Онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.

В. Ульрихъ.

---

*) *Mehring*, VII.

**) Припомнимъ, что выше (гл. III) самъ Мерингъ находилъ, что именно въ царствованіе Фридриха II «пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло неограниченное самодержавіе знатнаго дворянства» (*Mehring*, 109].

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

(Продолженіе *).

XVIII.

— Я сейчасъ же поѣду въ Брукъ-Стритъ и постараюсь утѣшить Летти,—заявила миссисъ Уаттонъ такимъ тономъ и съ такимъ видомъ, который болѣе напоминалъ ангела гнѣва, чѣмъ ангела утѣшенія.

Она стояла на лѣстницѣ у входа въ дамскую галлерею палаты общинъ съ Гардингомъ, который только-что позвалъ для нея извозчика.

— Не видѣли вы съ галлереи, что Джоржъ прошелъ?

— Онъ еще былъ въ залѣ, когда я ушла,—сказала миссисъ Уаттонъ недовольнымъ голосомъ, какъ будто ей противно было говорить о такомъ чудовищѣ, — онъ сталъ у дверей, а его освистывали. Во всякомъ случаѣ, я поѣду къ Летти; я не должна забывать, что, кромѣ меня, у нея никого нѣтъ близкихъ въ Лондонѣ.

— Въ такомъ случаѣ и я поѣду къ ней,—заявилъ Гардингъ, который сначала колебался.

— Тресседи навѣрно останется въ палатѣ, чтобы получить благодарность. Впрочемъ, мы, пожалуй, не застанемъ Летти дома. Она хотѣла сегодня вечеромъ ѣхать къ Люси.

— Бѣдная овечка! — вскричала миссисъ Уаттонъ, всплеснувъ руками.

— О, Летти отнесется къ этому не какъ овечка, вы увидите!— засмѣялся Гардингъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1896.

— Что же можетъ, въ такомъ случаѣ, сдѣлать женщина? — горячно произнесла миссисъ Уаттонъ, — порядочная женщина, которую не стыдно принимать въ домъ? Плакать, и ничего больше.

Когда они пріѣхали въ Брунъ-Стритъ, лакей доложилъ, что его госпожа только-что вернулась домой. Онъ безъ всякаго загрудненія впустилъ въ комнаты тетушку лэди Тресседи, и миссисъ Уаттонъ прослѣдовала въ гостиную въ сопровожденіи Гардинга, который шелъ, по своему обыкновенію, вытянувъ шею, держа подъ мышкой цилиндръ и размахивая пенснэ.

Въ гостиной Летти стояла въ полубальномъ костюмѣ, спиной къ дверямъ. Она держала въ рукахъ листокъ вечерней газеты и такъ была погружена въ чтеніе, что не услышала ихъ шаговъ.

— Летти!—окликнула миссисъ Уаттонъ.

Молодая женщина вздрогнула и обернулась.

— Моя дорогая Летти!—Тетка приблизилась съ величественнымъ состраданіемъ, протягивая ей свои объятія.

Летти сурово посмотрѣла на нее и отступила, не обращая вниманія на ея протянутыя руки.

— Оказывается, Джоржъ говорилъ противъ своей партіи. Вышелъ скандалъ. Что случилось? Чѣмъ кончилось дѣло?

— Ничѣмъ особеннымъ; только министерству удалось провести послѣднюю статью билля,—вмѣшался Гардингъ,—провести довольно значительнымъ большинствомъ. Нѣтъ шансовъ, чтобы лорды отвергли билль.

— Министерство побѣдило? Максвели побѣдили, т. е. *она* побѣдила!—проговорила Летти рѣзкимъ голосомъ.

— Если хотите, да;—отвѣчалъ Гардингъ, пожимая плечами.— Да, я думаю, эта женщина сильно торжествуетъ сегодня.

— Неужели же Джоржъ ничего не говорилъ и не дѣлалъ, чтобы приготовить тебя къ этому, мое бѣдное дитя?—вскричала миссисъ Уаттонъ. Она взяла газету и съ отвращеніемъ глядѣла на крупныя буквы, которыми вкратцѣ сообщались событія, происшедшія въ этотъ вечеръ въ палатѣ: «Скандалъ въ палатѣ общинъ.—Пораженіе оппозиціи; билль принятъ.—Рѣчь сэра Джоржа Тресседи.—Безпримѣрное возбужденіе».

Летти тяжело дышала.

— Онъ дня два тому назадъ что-то говорилъ о какой-то перемѣнѣ, но я никакъ не предполагала ничего подобнаго, онъ обезчестилъ себя!

Она начала быстрыми шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, маленькія ручки ея нетерпѣливо рвали перчатки.

— Дорогая моя Летти,—проговорила миссисъ Уаттонъ много-

значительно,—тебѣ остается только одно—увезти его куда-нибудь. Пусть всѣ забудутъ нынѣшній скандалъ, если это возможно. И позволь мнѣ сказать тебѣ въ утѣшеніе, что онъ не единственный мужчина, котораго женщина заставила сойти съ праваго пути.

Блѣдныя щеки Летти вспыхнули яркимъ румянцемъ. Она остановилась и обратила къ своей утѣшительницѣ глаза, горѣвшіе гнѣвомъ и ненавистью.

— А говорятъ, что онъ это сдѣлалъ ради нея? Кто имѣетъ право говорить подобныя вещи?

Миссисъ Уаттонъ пришла въ недоумѣніе. Гардингъ съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой.

— Свѣтъ осмѣливается говорить очень много непріятныхъ вещей, развѣ вы этого не знаете? Съ этимъ надобно считаться. Лэди Максвель обдѣлываетъ свои дѣла весьма характернымъ способомъ; про нее можно сказать, какъ про художника, у нея есть свой cachet.

— То же самое можно сказать и о Гардингѣ Уаттонѣ,—произнесъ взволнованный голосъ сзади нихъ.

Въ открытой двери стоялъ Тресседи блѣдный, изнуренный, съ ввалившимися глазами, но съ властнымъ видомъ хозяина, рѣшившагося защищать свой домъ отъ вторженія непріязненныхъ элементовъ.

Летти молча глядѣла на него, постукивая ногой по полу. Гардингъ повернулся, чтобы взять шляпу, лежавшую на софѣ. Миссисъ Уаттонъ нисколько не смутилась.

— Мы не ожидали васъ такъ рано,—сказала она, холодно протягивая ему руку,—и вы, можетъ быть, недовольны тѣмъ, что мы здѣсь. Что дѣлать? Я считала своею обязанностью, въ качествѣ ближайшей родственницы Летти, въ Лондонѣ, пріѣхать и погоревать съ ней вмѣстѣ сегодня вечеромъ, послѣ этого печальнаго событія.

— Не понимаю, о чемъ вы говорите,—отозвался Тресседи холодно, не подавая руки.—О результатахъ голосованья, что ли?

Миссисъ Уаттонъ сложила руки и сдвинула брови; затѣмъ она направилась черезъ всю комнату къ Летти.

— Прощай, Летти, мнѣ очень хотѣлось спокойно поговорить съ тобой, но такъ какъ твой мужъ пришелъ, то я удаляюсь. Я не изъ тѣхъ людей, которые становятся между мужемъ и женой. Заставь его, если можешь, объяснить тебѣ, почему онъ обманулъ друзей и покровителей, которые доставили ему мѣсто въ парламентѣ; почему онъ нарушилъ всѣ свои обѣщанія и далъ всякому право жалѣть его бѣдную, молодую жену. О, не безпокойтесь,

эръ Джоржъ! Я высказала, что у меня было на душѣ и ухожу. Г очень хорошо понимаю, что мое присутствіе вамъ не желательно. Прощайте. Летти очень хорошо знаетъ, что всегда найдетъ сочувствіе въ *моемъ* домѣ.

И строгая, старая лэди направилась къ дверямъ, уничтожая преступника своимъ взоромъ. Гардингъ тоже подошелъ къ Летти, которая стояла около шкафа, повернувшись спиной къ комнатѣ. Онъ взялъ ея опущенную руку въ обѣ свои и проговорилъ пригорно ласковымъ тономъ:

— Прощайте, дорогая кузиночка; если вамъ что-нибудь понадобится, распоряжайтесь мною.

— Уходите вы?—спросилъ Тресседи. Брови его были сжаты.

Гардингъ поклонился ему и вышелъ за дверь торопливыми шагами. Тресседи провелъ его до лѣстницы, позвалъ лакея и приказалъ ему привести кэбъ для миссисъ Уаттонъ. Затѣмъ онъ вернулся въ гостиную и заперъ за собою дверь.

— Летти!

Его тонъ удивилъ ее. Она быстро обернулась къ нему.

— Летти! ты меня защищала передъ моимъ приходомъ.

Онъ былъ необыкновенно блѣденъ; голубые глаза его блестѣли. Все то высокомѣріе, съ какимъ онъ относился къ Уаттонамъ, исчезло.

Летти оправилась въ одну секунду. Какъ только она замѣтила мягкость въ его обращеніи, такъ она стала тираномъ.

— Не подходи! Не тронь меня!—съ гнѣвомъ вскричала она, отстраняя его рукою. — Я защищала тебя только изъ приличія. Ты опозорилъ обоихъ насъ. Тетя Уаттонъ говорила совершенно вѣрно. Мы никогда не можемъ заставить забыть этого. О, пожалуйста, не думай запугать меня!—прибавила она, такъ какъ Тресседи отвернулся съ досадой.—Это напрасно. Я знаю, что ты считаешь меня глупой. Я вѣдь не изъ вашихъ великихъ политическихъ дамъ, которыя притворяются всезнайками, чтобы мужчины ходили за ихъ хвостомъ. Я не играю ролей и не лицемѣрю, какъ нѣкоторыя особы. Но, во всякомъ случаѣ, я знаю, что ты себя погубилъ и что о тебѣ будутъ ходить самые позорные слухи. Несомнѣнно будутъ. И ты не можешь отрицать факта. Ты самъ знаешь, что не можешь. Отчего ты никогда не говорилъ со мной объ этомъ? Кто заставилъ тебя измѣнить убѣжденія? А, ты не можешь, ты не хочешь отвѣчать!

Тресседи ходилъ по комнатѣ, сложивъ руки на груди. При ея вопросѣ онъ остановился.

— Отчего я не говорилъ съ тобой? Развѣ ты не помнишь,

что я хотѣлъ говорить съ тобой вчера утромъ, что я просилъ тебя придти въ палату и послушать мою рѣчь, а ты не захотѣла. Ты говорила, что не интересуешься политикой и не желаешь дѣлать видъ, будто она тебя интересуетъ. Что заставило меня перейти на другую сторону? Я просто измѣнилъ свой взглядъ на вещи... до нѣкоторой степени,—прибавилъ онъ съ разстановкой.

— До нѣкоторой степени!—Она презрительно расхохоталась, передразнивая его голосъ.—До нѣкоторой степени! И ты станешь меня увѣрять, что въ этомъ все дѣло?

— Нѣтъ, идя домой сегодня, я рѣшилъ не скрывать отъ тебя истину. Мои убѣжденія, конечно, играли роль въ этомъ дѣлѣ. Я подалъ голосъ,—да, принимая все въ соображеніе, я, кажется, могу сказать, что подалъ голосъ честно. Но я, вѣроятно, не сталъ бы принимать участія въ преніяхъ если бы...—онъ замялся, но затѣмъ спокойно продолжалъ,—если бы у меня не было сильнаго... желанія... доставить лэди Максвель то, чего ей хотѣлось. Она была моимъ другомъ: я заплатилъ ей за эту дружбу, какъ могъ.

Летти внѣ себя отъ гнѣва осыпала его градомъ истеричныхъ, полупонятныхъ упрековъ и намековъ. Онъ оставался по прежнему спокойнымъ.

— Если тебѣ угодно,—презрительно сказалъ онъ,—повторять все это при постороннихъ, ты, конечно, надѣлаешь много вреда обоимъ намъ; но этому я не могу помѣшать. Противъ всѣхъ остальныхъ,—какъ, напр., противъ миссисъ Уаттонъ и ея сына,—я имѣю полную возможность отстаивать свои политическія убѣжденія, и я буду твердо отстаивать ихъ. Я вовсе не намѣренъ публично разыгрывать роль кающагося грѣшника.

Она всѣми силами старалась вернуть себѣ самообладаніе, чтобы лучше уязвить его. А какую же, по его мнѣнію, роль должна играть *она* во всей этой маленькой комедіи? Неужели онъ воображаетъ, что она примирится съ такимъ милымъ положеніемъ, возьметъ то, что угодно оставить Марчеллѣ Максвель?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ рѣзко.—Ты не имѣешь права упрекать ни меня, ни ее ни въ чемъ низкомъ, но я признаю, что наше настоящее положеніе невозможно. Я по всей вѣроятности выйду изъ парламента и уѣду изъ Лондона.

Она посмотрѣла на него съ безмолвнымъ гнѣвомъ. Затѣмъ, вдругъ собрала вѣеръ и перчатки и быстрыми шагами прошла мимо него.

Онъ остановилъ ее за платье.

— Мое бѣдное дитя!—вскричалъ онъ съ раскаяніемъ. — Будь подобрѣе ко мнѣ, Летти, и прости меня!

— Я ненавижу тебя!—гнѣвно закричала она,—и я тебя никогда не прощу.

Она вырвала свое платье изъ его рукъ. Онъ услышалъ, какъ она быстрыми шагами прошла черезъ переднюю и поднялась по лѣстницѣ.

Тресседи упалъ на стулъ, изнемогая отъ усталости. Одного сегодняшняго дня въ палатѣ общинъ было достаточно, чтобы разбить нервы самаго сильнаго человѣка. Послѣдняя сцена привела его въ такое состояніе, что ему страшно было услышать еще какое-нибудь слово, какой-нибудь звукъ. Отъ сильной усталости онъ, вѣроятно, заснулъ; его разбудилъ предразсвѣтный холодъ, проникавшій сквозь закрытыя окна и опущенныя занавѣски. Онъ вскочилъ, осторожно, безшумно отдернулъ занавѣси, и вышелъ на балконъ. Утренній вѣтерокъ обвѣялъ его и онъ съ наслажденіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ. Какъ чудно хорошо и это восходящее солнце, и эта тишина на улицахъ, и эти мелкія облачка на небѣ!

Послѣ долгихъ часовъ нравственнаго напряженія въ палатѣ, среди толпы и духоты, какъ пріятно отдохнуть здѣсь! Онъ жадно упивался этимъ чисто физическимъ наслажденіемъ, всѣ заботы, всѣ непріятности его исчезли, и утренняя свѣжесть вызывала въ умѣ его сотни образовъ прошлаго, воспоминанія путешественника, много видѣвшаго и любящаго природу больше, чѣмъ людей. Синія волны моря, холодные горные проходы, бурные водопады, тысячи комбинацій зелени, деревьевъ и солнца—все это мелькало въ его мозгу подъ вліяніемъ блѣднаго лондонскаго утра и пыльныхъ растеньицъ, которыя виднѣлись направо отъ него за рѣшеткой парка.

Онъ облокотился на балконъ и предался мечтамъ. Впрочемъ, ненадолго. Онъ скоро очнулся и вернулся въ комнаты. Нарядная гостиная, казалась удивительно неуютной и неопрятной при мягкомъ, чистомъ утреннемъ свѣтѣ. Цвѣты, украшавшіе наканунѣ платье Летти, валялись на полу, газета лежала на стулѣ, куда она ее бросила.

Онъ остановился среди комнаты и сталъ прислушиваться. Ни звука. Она навѣрно спитъ. Несмотря на все раздраженіе, выказанное ею въ разговорѣ съ нимъ, онъ не могъ забыть тѣхъ словъ, которыя она сказала миссисъ Уаттонъ. Странное дѣло! По мѣрѣ того, какъ возрастало его чувство къ одной женщинѣ, онъ началъ лучше понимать сердце другой. Въ прежнее время онъ не задавался ни нравственными, ни религіозными вопросами. Ему представлялось вполнѣ нормальнымъ, что въ общемъ желанія человѣка сильнѣе голоса совѣсти. Но съ тѣхъ поръ, какъ началась

его дружба съ Марчеллой Максвель, его стали мучить новые критеріи, новые идеалы; тысячи вопросовъ, никогда прежде не представлявшихся ему, теперь толпились въ умѣ его, онъ раздумывалъ о своей жизни съ женой и о томъ, что безусловно долженъ исполнять извѣстныя обязанности относительно ея.

Между тѣмъ, едва вышелъ онъ изъ палаты, сердце его еще билось отъ волненія, вызваннаго голосованіемъ, когда какой-то внутренній голосъ прошепталъ ему: «Это конецъ. Это была минута твоего торжества. Сойди со сцены прежде, чѣмъ какая-нибудь пошлая случайность испортитъ все. Уйди! Разбей свою жизнь. Не жди, пока тебя прогонятъ; возьми съ собой ея благодарность, и уйди!»

Ахъ, только не теперь, не сейчасъ! Онъ сидѣлъ подлѣ маленькаго письменнаго столика жены, закрывъ лицо руками, и сердце его горѣло страстнымъ желаніемъ. Одинъ день, только одинъ, потомъ онъ примирится съ своей судьбой, онъ попробуетъ измѣнить и свою жизнь, и жизнь Летти. Развѣ не будетъ великодушно теперь же скрыться съ ея горизонта, бросить свой даръ къ ея ногамъ и ничего не сказать? Нѣтъ, онъ на это не способенъ. Онъ долженъ получить награду. Пробыть полчаса съ ней наединѣ, открыть ей все, разсказать ей свою личную жизнь, хоть постольку, поскольку она можетъ выслушать ее. Затѣмъ, запереть дверь и—прощай!

У него была ея книга, которую онъ обѣщалъ возвратить ей, драгоцѣнная маленькая рукопись, замѣтки, написанныя ею самою о жизни разныхъ знакомыхъ ей бѣдняковъ. Она очень дорожила этою рукописью, просила его сохранить ее и возвратить ей въ цѣлости.

Онъ досталъ ее изъ кармана, посмотрѣлъ на нее и бережно положилъ назадъ въ карманъ. Черезъ нѣсколько часовъ маленькая книжка доставитъ ему возможность быть съ нею. Онъ такъ страстно желалъ этого послѣдняго свиданія, что передъ этимъ желаніемъ блѣднѣло всякое раскаяніе, всякія сожалѣнія. Несомнѣнно существуютъ высшія побужденія и стремленія, которыя не подчиняются никакимъ законамъ, которыя сами по себѣ составляютъ законъ. «Это мое право!» Голосъ воли звучитъ ясно и властно.

Онъ досталъ бумагу и чернила и началъ писать. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ погруженный въ свою работу, стараясь выполнить ее какъ можно лучше. Онъ писалъ часа полтора и, когда кончилъ и перечелъ написанное, ему показалось, что это лучшая политическая статья, какую онъ когда-либо писалъ. Несомнѣнно

Фонтеной еще больше разсердится послѣ нея. Но тонъ и манеры Фонтеноя въ палатѣ были вполнѣ опредѣленны; разрывъ между ними не подлежитъ сомнѣнію.

Онъ положилъ на столъ исписанные листы и вздохнулъ: суета суетъ! Но это было обязательно исполнить, и онъ исполнилъ удовлетворительно. Кромѣ того, умственная работа укрѣпляющимъ образомъ подѣйствовала на его нервы. Онъ снова подошелъ къ окну и разсѣяннымъ взглядомъ посмотрѣлъ на быстро пробуждавшійся Лондонъ. Онъ думалъ о томъ, что ему предстоитъ черезъ нѣсколько часовъ.

Въ девятомъ часу Летти проснулась отъ своего безпокойнаго сна: ее разбудилъ стукъ затворяемой двери. Она быстро позвонила.

Явилась Гріеръ.

— Кто это сейчасъ вышелъ?

— Сэръ Джоржъ, милэди. Онъ приказалъ сказать, что ему надобно отнести пакетъ въ контору «Pall Mall». Онъ говорилъ, что долженъ быть тамъ какъ можно раньше и что онъ позавтракаетъ въ клубѣ.

Летти сѣла на постель и приказала Гріеръ отдернуть занавѣси и поскорѣе подать ей все, что нужно. Горничная вопросительно поглядѣла сначала на разстроенное лицо своей госпожи, потомъ на ея письменный столъ, заваленный разными письменными принадлежностями; нѣсколько разорванныхъ листовъ бумаги были брошены въ ведро съ грязной водой, запечатанное письмо лежало на бюварѣ адресомъ внизъ. Но барыня не только не вызывала ее на разговоръ, а напротивъ, очень скоро отослала ее прочь и одѣлась безъ ея помощи.

Полчаса спустя Летти въ шляпкѣ и пальто вышла изъ своей комнаты. Она посмотрѣла черезъ перила лѣстницы въ прихожую. Тамъ никого не было, она быстро сбѣжала внизъ и входная дверь безшумно затворилась за ней. Черезъ пять минутъ карманный ключъ тихонько повернулся въ замкѣ, и Летти вернулась назадъ. Она быстро прошла въ свою комнату, блѣдная какъ привидѣнье, тревожно озираясь по сторонамъ.

— Дома лэди Максвель?

Слуга съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на спрашивавшаго.

— Сэръ Джоржъ Тресседи, если не ошибаюсь, сэръ? Будьте добры, подождите минутку, я схожу и спрошу. Милэди обыкновенно не принимаетъ посѣтителей утромъ.

— Скажите ей, пожалуйста, что я принесъ одну вещь, которую мнѣ надобно отдать ей.

Слуга удалился и скоро снова появился на верху лѣстницы, дѣлая знаки гостю. Джоржъ взошелъ наверхъ.

Они прошли первую гостиную, и слуга поднялъ портьеру слѣдующей комнаты. Что это? Неужели февраль вернулся? На встрѣчу ему несся запахъ гіацинтовъ и нарцисовъ.

Въ комнатѣ послышалось движеніе, и стройная фигура быстрыми шагами подошла къ нему.

— Сэръ Джоржъ! Какъ это мило, что вы пришли! Жаль, что Максвеля нѣтъ. Ему было бы такъ пріятно поговорить съ вами. Но онъ получилъ за завтракомъ записку отъ лорда Ардага и поѣхалъ въ Доунингъ-стритъ. Алленъ, отодвинь немного свою складную картинку, дай пройти сэру Джоржу. Садитесь, пожалуйста, сюда.

Алленъ всталъ съ мѣста при видѣ своего пріятеля, сэра Джоржа, вложилъ пухленькую ручку въ его руку и такъ энергично толкнулъ свою складную картинку съ географической картой Европы, что Критъ очутился около Великобританіи.

— О, какая путаница!—вскричала мать, смѣясь.—Ну, Алленъ, постарайся все это уладить хорошенько, такъ же, какъ вчера вечеромъ сэръ Джоржъ уладилъ дѣло о биллѣ папы.

Она обернулась къ нему, но кроткій блескъ ея глазъ былъ чѣмъ-то омраченъ. Джоржа сразу поразила какая-то принужденность въ ея обращеніи, она даже поздоровалась съ нимъ не такъ просто, какъ обыкновенно.

Они начали разговаривать о преніяхъ. Она спрашивала у него подробности о тѣхъ комбинаціяхъ партій, благодаря которымъ Фонтеной потерпѣлъ пораженіе. Они обсуждали поведеніе того или другого отдѣльнаго лица и сравнивали подробности этого голосованія съ другими.

Все это время Тресседи казалось, что лицо, сидѣвшее на его стулѣ и разговаривавшее о политикѣ, какой-то автоматъ, не имѣющій ничего общаго съ настоящимъ Джоржемъ Тресседи. Автоматъ былъ одѣтъ въ сѣрый, лѣтній костюмъ и говорилъ довольно связно, хотя иногда вдругъ останавливался или сбивался. Настоящій Тресседи сидѣлъ подлѣ него и замѣчалъ все, что происходило. «Какъ она блѣдна. У нея вовсе не гордый и не торжествующій видъ. Какъ она избѣгаетъ всякихъ личныхъ разговоровъ; почти ничего не говоритъ о моемъ участіи въ дѣлѣ. Рѣчь мою она хвалитъ, но очень холодно. Понимаю. Ей непріятно, что она мнѣ обязана. Ее что-то смущаетъ, можетъ быть, Максвель или какія-нибудь злыя сплетни?»

Марчелла съ своей стороны замѣчала одно, что ея собесѣдникъ становится все болѣе молчаливымъ и безпокойнымъ. Она си-

ѣла рядомъ съ нимъ, Алленъ помѣстился у ея ногъ, ея глаза смотрѣли ласково и въ то же время сдержанно. Ничто не могло быть проще ея холоднаго сѣраго костюма, ея спокойной позы. А между тѣмъ ему казалось, что онъ никогда не чувствовалъ такъ сильно ея нравственнаго величія, безконечно тонкаго, изящнаго величія, которымъ дышала не только вся ея фигура, всѣ ея движенія, но и вся ея комната,—комната, наполненная ея любимыми картинами, книгами, цвѣтами. Онъ по временамъ оглядывалъ эту комнату. Она для него являлась храмомъ, святыней и онъ видитъ ее въ послѣдній разъ! Сердце его замерло; странное раздвоеніе личности исчезло.

Алленъ, благополучно уложивъ складную картинку въ коробку, убѣжалъ къ своему учителю. Мать посмотрѣла вслѣдъ ему, какъ бы желая вернуть его. Какъ только дверь за нимъ затворилась, Тресседи наклонился къ ней.

— Вы понимаете, что мнѣ приходится оставить парламентъ?

— Неужели? — сказала она неувѣреннымъ голосомъ. — Ваши аргументы были очень убѣдительны. Развѣ вы не думаете, что они могутъ повліять на вашихъ избирателей?

Онъ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Очень возможно, если бы у меня было желаніе продолжать борьбу; но у меня нѣтъ этого желанія. Я болѣе не принадлежу ни къ какой партіи въ палатѣ. У меня нѣтъ ни партіи, ни убѣжденій. Переселеніе въ Лондонъ было большой ошибкой. Я долженъ оставить его, иначе моя частная жизнь будетъ окончательно разбита. Лондонъ далъ мнѣ только одну радость, одно счастье— узнать васъ.

Онъ страшно поблѣднѣлъ. Ея рука задрожала. Она быстро встала, взяла нѣсколько цвѣтовъ изъ букета, стоявшаго подлѣ нея и нервнымъ движеніемъ возвратила ихъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ она обратилась къ нему почти робко.

— Я многимъ обязана вашей дружбѣ. Пожалуйста, не сомнѣвайтесь, что сердце мое преисполнено благодарности. Я долго не спала сегодня ночью и все думала о тѣхъ тысячахъ людей, которыхъ ваша рѣчь спасетъ, о всѣхъ тѣхъ жизняхъ, которыя не погибнутъ, благодаря ей.

— Я никогда ни минуты о нихъ не думалъ, — сказалъ онъ рѣзко.

Она слегка вздрогнула. Очевидно, присутствіе духа измѣняло ей и онъ воспользовался этимъ.

— Я никогда о нихъ не думалъ, — повторилъ онъ,—или, по крайней мѣрѣ, они играли весьма ничтожную роль сравнительно

съ другой побудительной причиной. Что касается самаго вопроса, я еще раньше вчерашняго дня подчинилъ свое сужденіе вашему; я просто привыкъ думать, что то, чего вы желаете—хорошо. Какая-то сила, независимая отъ меня, заставляла меня помогать вамъ въ достиженіи вашихъ цѣлей. Вотъ въ чемъ вся разгадка вчерашняго вечера. Все остальное было только средствомъ.

Онъ остановился. Онъ видѣлъ, что она дрожитъ, что у нея слезы на глазахъ.

— Я боялась,—проговорила она, напрасно стараясь подавить волненіе,—меня мучило всѣ эти дни... что... я какъ будто предъявляю вамъ какія-то требованія... требованія ради личныхъ выгодъ. — Ей, казалось, трудно подъискивать нужныя слова.—И я раздумывала о послѣдствіяхъ этого для васъ, я съ горечью сознавала, что я причинила вамъ большое зло... если вы дѣйствовали не по убѣжденію... что я... я... слишкомъ много требовала отъ вашей дружбы. Сегодня, утромъ, все—побѣда, радость, при видѣ плодовъ тяжелаго труда, все было омрачено для меня этою мыслью...

— Пожалуйста, пусть этого не будетъ,—прервалъ онъ ее.—Я испыталъ минуту торжества. Не всякому дано чувствовать то, что я чувствовалъ въ теченіе цѣлаго часа вчера, вечеромъ. Я видѣлъ, какъ вы тревожились и волновались всѣ послѣднія недѣли. Я былъ въ состояніи устранить всѣ эти тревоги, вернуть вамъ покой и радость, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что въ состояніи.—Онъ остановился съ полугрустной улыбкой.—Иногда мнѣ думалось, у васъ можетъ явиться какое-нибудь великодушное сожалѣніе; но я говорилъ себѣ: это пройдетъ, а дѣло, фактъ останутся; ей хотѣлось именно этого, пусть желаніе ея исполнится. А если она не ошибается, если ея идея вѣрна, что же, тѣмъ лучше. Съ ней вмѣстѣ работаютъ умные люди, свѣтлыя головы, то, что мы сдѣлаемъ сегодня, будетъ существовать цѣлые годы ей на радость и на утѣшеніе. Что касается меня, я призналъ, я заплатилъ...

Онъ колебался, остановился, взглянулъ на нее.

Ею внезапно овладѣлъ ужасъ.

— Не надо, не надо, не говорите этого!—произнесла она умоляющимъ голосомъ, поднимая руку.

Она походила на ребенка, убѣгающаго отъ наказанія.

Онъ слабо улыбнулся, онъ старался овладѣть собой, старался побороть бурю чувствъ, увлекавшихъ его.

— Отчего вы не хотите выслушать меня?—сказалъ онъ, наконецъ.—Я никогда больше не стану безпокоить васъ.

Она не могла произнести ни слова. Тяжелый долгъ благодар-

ности и нестерпимое горе сковывали ей языкъ, и онъ продолжалъ говорить, смотря прямо въ ея взволнованное лицо.

— Мнѣ кажется,—началъ онъ медленно,—что люди, выросшіе въ той сухой и пошлой обстановкѣ, въ которой я выросъ, могутъ различными путями пробиться къ свѣту. Вѣроятно, религія и искусство могутъ измѣнить человѣка и расширить его горизонтъ. Не знаю, я не артистъ, а религія говоритъ мнѣ о томъ, чего я не понимаю. Но когда я узналъ васъ, стѣны, окружавшія меня, пали, я увидѣлъ свѣтъ. До тѣхъ поръ мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ мало заботиться о людяхъ, видѣть въ нихъ одну пошлость и гадость, особенно въ женщинахъ. Единственные люди, которыми я восхищался, были люди дѣйствія—воины, администраторы, и мнѣ часто казалось, что женщина стѣсняетъ и принижаетъ ихъ. Я говорилъ самому себѣ: «Не надобно позволять женщинѣ играть слишкомъ большую роль въ нашей жизни». Я смотрѣлъ частью съ насмѣшкой, частью съ отвращеніемъ на женщинъ, занимающихся политическими или соціальными вопросами. Въ то же время я вмѣстѣ съ Фонтеноемъ ненавидѣлъ обыкновенную филантропическую болтовню о бѣдныхъ. Я считалъ, что она не доведетъ насъ до добра и что въ большинствѣ случаевъ это просто лицемѣріе. Но вотъ я познакомился съ вами, и оказалось, что женщина можетъ говорить о политикѣ и оставаться естественной, что ея гуманность не боится испытаній и никогда не мѣняетъ цвѣта. Легко было говорить, что вами руководятъ личныя побужденія, многіе говорили это и я охотно повторялъ чужія слова. Но съ первой минуты знакомства я понялъ, что этимъ нельзя всего объяснить. Всѣ женщины—большинство женщинъ,—поправился онъ,—извѣстныхъ мнѣ, судятъ обо всемъ съ какой-нибудь жалкой, личной точки зрѣнія. Иногда онѣ высказывали возвышенныя мысли, но подъ ними всегда скрывалось что-нибудь эгоистичное и грубое. Я постоянно искалъ того же и въ васъ. И вдругъ я почувствовалъ, что боюсь сказать что-либо непріятное, оскорбительное для васъ, что-нибудь такое, послѣ чего вы откажетесь быть моимъ другомъ. У меня было отчаянное желаніе, чтобы вы меня поняли, а потомъ послѣ каждаго нашего разговора, я ненавидѣлъ себя, мнѣ казалось, что я притворяюсь, что я недостаточно искренен. Мнѣ было такъ странно, что я никого не осмѣиваю, не презираю!

Марчела очнулась отъ своего мучительнаго страха и посмотрѣла на него съ изумленіемъ. Капли холоднаго пота выступили у него на лбу, и ему, очевидно, было страшно трудно говорить правду о себѣ и своемъ положеніи; она не могла сказать ни слова. Она слушала его, такая же блѣдная, какъ и онъ, съ рѣшимостью вынести все, что ей суждено.

— Съ того самаго дня,—продолжалъ онъ, проведя рукой по глазамъ,—какъ вы гуляли со мной по берегу рѣки, быть съ вами, наблюдать за вами, думать о васъ—это создало во мнѣ новое я, которое борется со старымъ и побѣждаетъ его. Оказалось, что все небесное, высокое, прекрасное, о чемъ толкуютъ люди, существуетъ. Оно существуетъ потому, что вы живете, потому, что мнѣ удалось узнать отчасти вашу душу, сознать, что значитъ для человѣка имѣть право...

Онъ вдругъ остановился и закрылъ лицо руками, произнося какія-то безсвязныя слова. Она отвернулась отъ него, боясь услышать ихъ. Но мало-по-малу ея самообладаніе, ея спокойствіе вернулись къ ней. Раза два она начинала говорить и слова замирали на губахъ ея. Наконецъ, она проговорила, наклоняясь къ нему:

— Я поступила очень дурно. Я все время думала только о своемъ личномъ желаніи, о личной побѣдѣ.

Онъ отрицательно покачалъ головою и она сама не знала, какъ продолжать. Но вдругъ у нея вырвались искреннія, правдивыя слова.

— Сэръ Джоржъ!—она протянула руку и робко дотронулась до него.—Позволите ли вы мнѣ сказать вамъ, что я думаю? Только не о васъ и не о себѣ, а о третьемъ лицѣ.

Онъ поднялъ голову.

— О моей женѣ?—проговорилъ онъ почти своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Она кивнула; глаза ея наполнились слезами.

Онъ быстро всталъ, подошелъ къ открытому окну, постоялъ нѣсколько секундъ около него и вернулся на свое мѣсто.

— Это все должно быть съизнова передумано,—сказалъ онъ, смотря на нее умоляющими глазами.—Я относился къ браку такъ же безпечно, какъ ко всему остальному. Я долженъ попытаться исправить дѣло.

Она молчала, но внутренній голосъ говорилъ ей много горькаго и обличительнаго. Легкомысленныя слова Бетти о его женѣ снова пришли ей на умъ и сердце ея мучилось позднимъ раскаяніемъ. Если правда, что жена нисколько не любила мужа, то отношенія Тресседи къ ней, Марчеллѣ, облегчили ихъ взаимное отчужденіе; если она любила—«въ такомъ случаѣ она ненавидитъ меня и имѣетъ на это право!» Марчеллѣ вдругъ стало ясно многое, о чемъ она до тѣхъ поръ не думала. Какъ бы она стала ненавидѣть, какъ пламенно ненавидѣть ту женщину, которая научила бы Максвелля вѣрить въ идеалъ.

Но ея гордость, ея благородная гордость, какъ жены Макс-

ѣля, мѣшала ей высказать эту мысль словами. Она сидѣла въ нѣмой печали, думая о многомъ и не рѣшаясь говорить.

Онъ стоялъ подлѣ нея и вдругъ замѣтилъ, какъ она страдаетъ. Краска залила его блѣдныя щеки, при видѣ ея опущенной головы.

Онъ вынулъ изъ кармана перчатки и ударилъ себя ими по рукѣ.

— Какой я былъ подлецъ, что пришелъ къ вамъ сегодня! Если бы я удалился, не говоря ни слова, мнѣ осталось бы нѣкоторое утѣшеніе...

Онъ боролся самъ съ собой.

— Это былъ безумный эгоизмъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, тихимъ, беззвучнымъ голосомъ.—Да, безумный, иначе я не пришелъ бы мучить васъ. Какой-то демонъ увлекъ меня. О, простите меня! Прощайте! Я буду вѣчно благословлять васъ. Не думайте обо мнѣ никогда больше.

Она почувствовала, какъ его рука сжала ея пальцы. Онъ остановился, страстно поцѣловалъ ея руку и складку ея платья и быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты. Она поспѣшно встала, но дверь за нимъ закрылась прежде, чѣмъ она собралась съ силами сказать слово, побороть душившее ее рыданіе.

Она опустилась на стулъ и молча заплакала, охваченная воспоминаніями и раскаяніемъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. За дверью послышались шаги. Она вскочила и прислушалась съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности, спрятаться за занавѣсъ окна. Но вотъ щеки ея вспыхнули. Она ждала; въ комнату вошелъ Максвель. Онъ тоже казался разстроеннымъ и при входѣ въ комнату почти сердито сунулъ въ карманъ какое-то письмо. Но когда глаза его упали на жену, сердце его сжалось. Онъ поспѣшилъ къ ней, она склонила голову къ нему на грудь и проговорила голосомъ, прерывавшимся отъ рыданій:

— Джорджъ Тресседи сейчасъ былъ здѣсь. Я, кажется, надѣлала много зла и ему, и его женѣ. Я не способна помогать тебѣ, Альдусъ. Я вѣчно поступаю такъ необдуманно, слѣпо, безумно; я такъ много старалась, а все это оказалось просто эгоизмомъ, принесло одно только горе. Кого я еще сдѣлаю несчастнымъ? Можетъ быть—тебя!

И она прижалась къ нему съ какимъ-то отчаяніемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ между мужемъ и женой начался серьезный разговоръ. Марчелла сидѣла, Максвель стоялъ подлѣ

нея. Марчелла перестала плакать, но Максвель никогда еще не видалъ ее такой печальной, и онъ почти стыдился того раздраженія, какое возбуждала въ немъ вся эта исторія.

Очевидно, случилось именно то, что онъ смутно подозрѣвалъ въ тотъ вечеръ, когда она вернулась съ митинга въ Миль-Эндѣ. Этотъ молодой человѣкъ, хотя очень талантливый, но неуравновѣшенный и притомъ несчастный въ бракѣ, влюбился въ нее, и и Максвель сохранилъ свой министерскій портфель, благодаря красотѣ жены.

Чѣмъ болѣе онъ любилъ ее, тѣмъ непріятнѣе казалось ему положеніе. Всякій разумный человѣкъ будетъ имѣть нѣкоторое, хоть небольшое, основаніе считать ее политической кокеткой, пользующейся своей красотой ради практическихъ цѣлей,—это казалось ему оскорбленіемъ святыни, это и возмущало его до глубины души. А между тѣмъ, эта мысль только теперь пришла ему въ голову—та связь, которая такъ крѣпко соединяла ихъ, вліяла дурно на ея сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Она лишала ея свойственной женщинѣ проницательности относительно окружающихъ мужчинъ. Сердце ея было удовлетворено, и потому не знало опасеній. Всякому человѣку, который ей нравился, она готова была открыть всю свою душу, такъ же свободно и дружелюбно, какъ чистый ребенокъ. Воображать, что этотъ человѣкъ можетъ почувствовать къ ней что-либо сильнѣе обыкновенной дружбы—казалось ей пошлымъ тщеславіемъ. Соображенія такого рода никогда не приходили ей въ голову, а если бы и пришли, она отвергла бы ихъ со смѣхомъ и презрѣніемъ. Жизнь ея была слишкомъ счастлива и слишкомъ занята для этого. Какъ можетъ кто-нибудь влюбиться въ жену Альдуса? Да и съ какой цѣлью?—вотъ простой вопросъ.

Но въ эту минуту, стоя подлѣ нея, помня, какое письмо лежитъ въ его карманѣ, Максвель чувствовалъ, что долженъ такъ или иначе заставить ее обратить глаза на окружающій ея грязный міръ и увидѣть его такимъ, каковъ онъ есть. Дѣло шло не объ одной внутренней драмѣ, въ которой принимали участіе нѣсколько лицъ, равно искреннихъ, равно желающихъ добра. И это въ глазахъ Максвеля было бы достаточно непріятно и грустно. Но здѣсь была замѣшана злобствующая, завистливая толпа, составляющая лондонское общество и вѣчно ищущая, кого бы растерзать, враждебныя газеты, масса глупыхъ болтуновъ. Всѣ вчерашнія пренія, весь тотъ часъ, когда Тресседи говорилъ свою рѣчь, а Максвель внимательно прислушивался къ ней съ министерской скамьи, былъ для нея, также какъ для него, отравленъ все возраставшимъ смущеніемъ, досадой за побѣду, которая, какъ даръ,

приносилась къ ногамъ ихъ. Она спустилась къ нему изъ дамской галлереи, блѣдная и нервная, едва рѣшаясь пожать его руку. «Что теперь будетъ? Ему нельзя больше оставаться въ парламентѣ?» спросила она его, когда они были на минуту одни въ комнатѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и онъ сразу понялъ, что она говоритъ о Джоржѣ Тресседи. Среди толпы, окружившей ихъ, онъ не успѣлъ отвѣтить ей; но ему казалось, что и она замѣтила нѣчто особенное въ томъ тонѣ, съ какимъ высказывались поздравленія имъ въ корридорахъ и залахъ палаты. На лѣстницѣ одинъ старый, сѣдой джентльменъ, пріятель отца Максвеля, похлопалъ побѣдоноснаго побѣдителя по спинѣ и, смѣясь, сказалъ ему на ухо:

— Честное слово, Альдусъ, ваша красавица жена замѣчательная заговорщица! Говорятъ, это она подстроила всю штуку, воспитала молодого человѣка, внушила ему извѣстныя убѣжденія, разстроила всѣ планы Фонтеноя, и произвела расколъ въ его группѣ. Превосходно!—И старикъ посмотрѣлъ полувосхищенными, полунасмѣшливыми глазами на лэди Максвель, стоявшую около своего экипажа.

— Его группа и безъ того раскололась бы,—отвѣчалъ Максвель нѣсколько рѣзко, прощаясь со своимъ мучителемъ. Но когда онъ выглянулъ изъ окна кареты на толпу, собравшуюся около подъѣзда и смотрѣвшую имъ вслѣдъ, мысль о тѣхъ сплетняхъ, которыя навѣрно ходятъ теперь среди нея, взволновали его до глубины души.

А она сидѣла подлѣ него, безсознательно принявъ болѣе важную осанку, чѣмъ обыкновенно, и не говорила ни слова, пока они не подъѣхали къ Трафальгаръ-скверу. Тогда она робко спросила:

— Ты радъ?

— Да, конечно,—отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, пожимая ея руку.—Кажется, никогда ничто не случается такъ, какъ предвидишь. Подумать только о прошломъ воскресеньѣ!

Она ничего не отвѣчала, и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ разговорѣ они избѣгали всякихъ намековъ на Тресседи и его поступокъ.

А теперь этотъ визитъ! Это невѣроятное объясненіе! это нетерпѣніе получить награду! Негодованіе и презрѣніе Максвеля возростали съ каждой минутой. Простое приличіе должно бы удержать порядочнаго человѣка отъ подобнаго поступка! И въ то же время онъ раздумывалъ, что ему дѣлать съ тѣмъ гадкимъ, оскорбительнымъ письмомъ, которое лежало у него въ карманѣ.

Но Марчеллѣ надобно было многое высказать ему. Она нѣсколько успокоилась и подняла глаза на мужа.

— Альдусъ!—она слегка дотронулась до его руки, и онъ повернулъ къ ней свое серьезное лице.—Была одна минута, только одна, когда я старалась подкупить его. Онъ пріѣхалъ въ Миль-Эндъ въ среду, вечеромъ. Я тебѣ это говорила. Я видѣла, что онъ несчастенъ, несчастенъ въ семейной жизни. Онъ страшно нуждался въ сочувствіи, и я выказала ему сочувствіе. Я дала ему говорить сначала объ его одиночествѣ, потомъ о парламентскихъ дѣлахъ. Я старалась привязать его, подѣйствовать на его личныя чувства и такимъ путемъ овладѣть его политическими убѣжденіями. Это вѣрно, я это сдѣлала.

— Ты навѣрно дѣлала это безсознательно,—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ; — конечно, есть люди, которые не понимаютъ добрыхъ отношеній...

— Нѣтъ,—твердымъ голосомъ сказала она,—я знала, что дѣлаю. Я все время говорила себѣ: «если я ему понравлюсь, онъ можетъ измѣнить свои взгляды, можетъ, кто знаетъ? спасти насъ отъ пораженія». И я старалась понравиться ему. Я была совсѣмъ не такая, какъ всегда. Да, это правда.

Онъ не могъ отвести взора отъ ея глазъ, подъ темными рѣсницами которыхъ таилось столько гордости, смиренія и страсти.

— И ты думаешь, *я* могу осудить тебя?—проговорилъ онъ, какъ бы нехотя.

Онъ видѣлъ, что она дѣлаетъ допросъ собственному сердцу и отдаетъ себя на судъ ему. Но какъ могъ онъ быть ея судьей? Онъ ее обожалъ.

Она не сразу отвѣтила ему. Она сидѣла, обнявъ руками колѣни, и говорила, какъ бы думая вслухъ:

— Помню, съ самаго перваго знакомства онъ мнѣ показался совершеннымъ новичкомъ въ дѣлахъ, человѣкомъ, на котораго можно и должно вліять. Къ этому присоединилось, кажется, чувство личной непріязни противъ лорда Фонтеноя. Мнѣ казалось пріятно отбить у него одного изъ главныхъ сторонниковъ. Кромѣ того, въ Кэстль-Лютонѣ я нашла, что Джоржъ Тресседи очень привлекательный человѣкъ. Ты не знаешь его, Альдусъ. Разговоръ съ нимъ необыкновенно подстрекаетъ энергію. У насъ съ нимъ шла настоящая умственная борьба; постоянно хотѣлось начинать ее съизнова и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Въ это время я старалась не думать о немъ, какъ о членѣ парламента; часто я останавливалась и не говорила того, что могло повліять на его парламентскія убѣжденія. А между тѣмъ я *знала* все это время, что онъ все больше и больше думаетъ обо мнѣ, привязывается комнѣ. Онъ сначала не любилъ меня; потомъ старался

избѣгать, потомъ я почувствовала перемѣну. Теперь я вижу, что я все время смотрѣла на него только съ одной точки зрѣнія, какъ на человѣка полезнаго, да, все время, и когда старалась убѣждать его, и когда не старалась. И все время...

Тѣнь страданія легла на лицо ея. Она прислонилась головой къ рукѣ мужа.

— Альдусъ!—произнесла она тихимъ, жалобнымъ голосомъ.— Что чувствовала его жена? Я почти забыла о ней послѣ Кэстль-Лютона; она казалась мнѣ такимъ пошлымъ, вульгарнымъ существомъ. А сегодня... въ томъ, что онъ сказалъ... Впрочемъ, нѣтъ, если они несчастны, это не моя вина, и безъ того было достаточно причинъ...

Она говорила такимъ печальнымъ голосомъ, въ немъ чувствовалось такое живое раскаяніе... Максвель нѣжно погладилъ ее по головѣ. Видно было, что въ душѣ его боролись разнообразныя ощущенія; ихъ побѣдила твердая рѣшимость.

— Дорогая моя, я думаю, тебѣ надобно это знать, я получилъ отъ нея письмо.

Марчелла вскочила. Яркая краска залила ея лицо и шею, ноздри ея дрожали.

— Тѣ мнѣ покажешь это письмо?

Онъ колебался. Прочитавъ его въ первый разъ, онъ рѣшилъ, что она никогда не увидитъ его. Но послѣ того, какъ ея признаніе выяснило ему все дѣло, онъ чувствовалъ на себѣ нравственную отвѣтственность. Вдвоемъ, руководимые здравымъ смысломъ и совѣстью, они найдутъ выходъ изъ этого непріятнаго положенія. Онъ чувствовалъ, что не можетъ скрывать отъ нея ничего, если они должны дѣйствовать сообща, безъ всякихъ недоразумѣній.

Онъ подалъ ей письмо.

Она прочла его, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и прерывая чтеніе невольными восклицаніями негодованія и страданія. За этимъ изліяніемъ всей желчи и горечи, накопившихся въ ея сердцѣ, бѣдная Летти провела всю свою безсонную ночь. Самыя злобныя обвиненія; ревнивыя толкованія самыхъ простыхъ случайностей; разныя инсинуаціи, которыя съ ея точки зрѣнія должны были произвести на мужа особенно сильное впечатлѣніе,—Летти все это собрала въ своемъ пошломъ, дурно-написанномъ письмѣ, письмѣ лавочницы, старающейся вырвать любимаго человѣка изъ когтей соперницы.

Но каждая фраза этого письма была ударомъ въ сердце Марчеллы. Окончивъ чтеніе, она остановилась около своего письменнаго стола и нѣсколько минутъ разсѣянно глядѣла въ окно. Максвель слѣдилъ за ней.

— Я поѣду къ ней!—проговорила она, снова обращая къ нему свое блѣдное лицо.—Я должна повидаться съ ней.

Максвель задумался.

— Я боюсь,—сказалъ онъ,—что она оттолкнетъ и оскорбитъ тебя.

— Ну, что же дѣлать? Я должна терпѣть. Это не можетъ кончиться такъ.

Она подошла къ нему, и онъ обнялъ ее одною рукою. Минуты двѣ простояли они молча. Когда она подняла голову, на губахъ ея снова появилась улыбка.

— Альдусъ, помоги мнѣ! Если мы вдвоемъ не можемъ уладить этого дѣла, на что же мы способны? Я разскажу тебѣ свой планъ дѣйствій.

Въ дверь послышался стукъ. Мужъ и жена разошлись въ разныя стороны; вошелъ слуга.

— Милордъ, миссисъ Аллисонъ и лордъ Фонтеной въ библіотекѣ. Они велѣли мнѣ доложить вамъ, что должны поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ. Я сказалъ имъ, что, кажется, ваша свѣтлость заняты, но что я схожу и справлюсь.

Марчелла и Максвель переглянулись. Анкотъ! Несомнѣнно катастрофа разразилась. У Максвеля вырвалось восклицаніе неудовольствія, какъ у человѣка, утомленнаго работой и не знающаго, хватитъ ли у него силъ сочувствовать чужому горю. Но въ глазахъ жены его вспыхнулъ лучъ свѣта. Она обратилась къ слугѣ и сказала быстро:

— Пожалуйста, просите миссисъ Аллисонъ и лорда Фонтеноя.

XIX.

Дверь безшумно отворилась и въ комнату вошла фигура, которую въ первую минуту Максвели съ трудомъ узнали. Блѣдная, удрученная горемъ, несчастная мать Анкота искала глазами Максвеля и, казалось, ничего не замѣчала, кромѣ него. Она была вся въ черномъ, черный вуаль ея былъ откинутъ назадъ и не скрывалъ лица ея, изможденнаго страданіемъ.

Марчелла подбѣжала къ ней. Миссисъ Аллисонъ взяла ея руку въ обѣ свои обычнымъ нѣжнымъ, ласковымъ движеніемъ; затѣмъ, обращаясь къ Максвелю, она заговорила поспѣшно:

— Максвель, мальчикъ уѣхалъ. Онъ бросилъ меня три дня тому назадъ. Сегодня, утромъ, я послала за лордомъ Фонтеноемъ, моимъ добрымъ, добрымъ другомъ, и онъ убѣдилъ меня тотчасъ же идти къ вамъ. Я упросила его идти со мной...

Она окинула робкимъ взглядомъ того и другого, и этотъ взглядъ долженъ былъ многое сказать имъ.

Несмотря на это вступленіе, Максвель съ холодною вѣжливостью поклонился своему побѣжденному врагу. Естественный инстинктъ заставляетъ людей, подобныхъ ему, скрывать торжество побѣды подъ маской любезности; но въ это утро въ газетѣ Фонтеноя появилась статья, которая вызвала въ немъ другой, столь же естественный и болѣе первобытный инстинктъ. Ему было очень странно, что, несмотря на происшествіе съ Анкотомъ и на просьбы миссисъ Аллисонъ, издатель подобной газеты осмѣлился появиться въ его домъ въ это самое утро.

Фонтеной держалъ себя надменно и неловко. Онъ пришелъ сюда подъ такимъ вліяніемъ, которому не умѣлъ противостоять—подъ вліяніемъ горя и слезъ. Но та инстинктивная тактичность, которая часто приходитъ на помощь людямъ аристократическаго происхожденія, подобно тому, какъ добрыя чувства и воспитаніе помогаютъ людямъ другихъ сословій, значительно ослабѣло у него вслѣдствіе крайностей и утомленія политической борьбы, и онъ не былъ увѣренъ, что съумѣетъ держать себя какъ слѣдуетъ. Всѣ его нервы были расшатаны, вся желчь его поднялась, особенно когда ему пришлось раскланиваться съ женой Максвеля.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, Максвели поняли, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ лакеевъ Анкота разсказалъ все, что зналъ. Не могло быть сомнѣнія, что молодой человѣкъ отправился въ Нормандію, гдѣ у него былъ домъ недалеко отъ Трувиля, и что онъ ждалъ пріѣзда туда и своей возлюбленной. Она еще не уѣхала. Это Фонтеной узналъ навѣрное. Но надняхъ она отказалась отъ ангажемента въ театрѣ и, судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ Фонтеноемъ еще до побѣга Анкота, можно было ожидать въ скоромъ времени какого-нибудь скандала. Что касается самого молодого человѣка, онъ оставилъ мать въ Кэстль-Лютонѣ три дня тому назадъ, сказавъ, что ѣдетъ къ знакомымъ въ Шотландію, а самъ вмѣсто того сѣлъ на вечерній парижскій поѣздъ и написалъ матери письмо, въ которомъ легко было замѣтить вліяніе современныхъ французскихъ психологическихъ романовъ.—«Голосъ сердца, который призываетъ меня удалиться отъ васъ,—писалъ этотъ невозможный молодой человѣкъ,—есть нѣчто независимое отъ меня самого. Я ломаю себѣ руки, но не могу не идти туда, куда онъ меня зоветъ. Любовь имѣетъ свои преступленія, я это допускаю, но только они одни даютъ опытность. А я ни о чемъ въ жизни такъ не забочусь, какъ о пріобрѣтеніи опытности. Во всякомъ случаѣ, я не могу удовлетвориться тѣми границами, въ которыя

вы ставите меня, матушка. Каждый изъ насъ долженъ быть готовъ признать личность другого. Я старался примирить васъ съ моею любовью, Вы отвергаете ее и меня подъ вліяніемъ ханжества, въ которое я пересталъ вѣрить. Позвольте же мнѣ въ этомъ случаѣ поступить самостоятельно. Во всякое время, когда вамъ угодно будетъ позвать меня, я явлюсь вашимъ покорнымъ сыномъ, но подъ условіемъ, чтобы объ этомъ дѣлѣ не говорилось ни слова. И позвольте мнѣ умолять васъ не прибѣгать къ посредничеству третьихъ лицъ; они и безъ того надѣлали не мало зла; противъ нихъ я съумѣю защитить себя».

Максвель возвратилъ письмо съ чувствомъ отвращенія, которое онъ съ трудомъ могъ скрыть. Все въ немъ казалось такимъ же фальшивымъ, неестественнымъ, какъ и его страсть. Миссисъ Аллисонъ взяла письмо все съ полу-печальнымъ, полу-суровымъ взглядомъ, въ которомъ, по замѣчанію Марчеллы, проглядывала какая-то твердая рѣшимость слабаго существа, доведеннаго до отчаянія.

— Ну, что же намъ теперь дѣлать?—рѣзко спросилъ Максвель.

Фонтеной выступилъ впередъ.

— Нельзя ли вамъ повліять черезъ тѣхъ людей, которыя уже дѣйствовали одинъ разъ. Не можете ли вы повидаться съ ними сегодня?

Максвель подумалъ.

— Да, пожалуй, со священникомъ. Братъ ея уѣхалъ. Вы хотите помѣшать отъѣзду молодой женщины?

— Если это еще возможно.—Фонтеной понизилъ голосъ и знакомъ пригласилъ Максвеля къ дальнему окну.—Главное затрудненіе,—продолжалъ Фонтеной,—представляетъ самъ юноша. Вы понимаете, что мать его нельзя подвергать риску встрѣтиться съ этой женщиной, да и физическія силы не позволяютъ ей предпринять это путешествіе; но кому-нибудь необходимо ѣхать, хотя бы для ея успокоенія. Онъ что-то толковалъ о самоубійствѣ; конечно, пустое вранье, какъ и многія его слова, но она сильно встревожилась.

— Такъ вы сами думаете ѣхать?

— Это будетъ совершенно безполезно,—рѣшительно заявилъ Фонтеной.

Максвель зналъ, что это справедливо и не настаивалъ больше. Они начали совѣщаться вполголоса.

Между тѣмъ Марчелла усадила миссисъ Аллисонъ на диванъ подлѣ себя и всячески старалась успокоить ее. Миссисъ Аллисонъ отвѣчала ей односложно и смотрѣла по сторонамъ. Наконецъ, она

сказала тихимъ голосомъ, говоря скорѣе сама съ собой, чѣмъ съ своей собесѣдницей.

— Если ничто не удастся, я уже рѣшила. Я уѣду изъ его дома. Я не могу ничего принимать отъ него.

Марчелла съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Но, вѣдь это лишитъ васъ всѣхъ шансовъ, всякой надежды повліять на него,—сказала она, стараясь придать своему голосу какъ можно больше ласки и нѣжности.

— Нѣтъ, это будетъ мой долгъ,—отвѣчала миссисъ Аллисонъ просто, складывая руки на колѣняхъ. Ея нѣжные, голубые глаза, опухшіе отъ слезъ, ея сѣдые волосы, одна прядь которыхъ отдѣлилась отъ прочихъ и падала на блѣдную щеку; ея взглядъ, въ которомъ было и что-то святое и что-то непреклонное, каждая черта ея измѣнившагося лица—все сжимало сердце холодомъ и болью. Марчелла начала понимать, что, какъ христіанка, она можетъ сдѣлать то, чего какъ мать не переживетъ.

Между тѣмъ, она слѣдила за мужчинами, разговаривавшими на другомъ концѣ комнаты, и съ явнымъ нетерпѣніемъ ждала, чтобы они подошли. Наконецъ, она встала съ мѣста и позвала:

— Альдусъ!

Лордъ Максвель обернулся.

— Вы говорите о томъ, чтобы послать кого-нибудь въ Трувиль?—спросила она.

— Да, но мы не можемъ придумать кого,—отвѣчалъ онъ озабоченно.

Она подошла къ нему, стараясь держаться съ особеннымъ достоинствомъ.

— Нельзя ли попросить съѣздить сэра Джоржа Тресседи?—сказала она совершенно спокойно.

Максвель посмотрѣлъ на нее широко открытыми глазами. Фонтеной окинулъ проницательнымъ взглядомъ стройную фигуру въ сѣромъ платьѣ.

— Мы всѣ знаемъ,—продолжала она, обращаясь къ матери,—что Анкотъ любитъ сэра Джоржа.

Миссисъ Аллисонъ опустила глаза передъ ея яснымъ взглядомъ. Фонтеной, разсерженный пораженіями, нѣсколько сдерживалъ свой гнѣвъ въ ея присутствіи, но все-таки сдѣлалъ много намековъ, сказалъ много словъ, которые и смутили, и огорчили ее. Неужели Марчелла дѣйствительно воспользовалась своей красотой, чтобы заставить молодого человѣка забыть его обязанности? А между тѣмъ она такъ просто произноситъ его имя.

Но это удивленіе только промелькнуло въ умѣ матери.

*

— Я помню,—грустно сказала она,—я помню, что онъ одинъ разъ съ большою добротою отзывался о моемъ сынѣ.

— Онъ навѣрно говорилъ искренно,—быстро произнесла Марчелла,—у него вообще доброе сердце. Альдусъ, если кузина Шарлотта согласится, почему бы не предложить ему? Онъ знаетъ всю эту исторію. Онъ можетъ взять на себя это порученіе ради ея, ради всѣхъ насъ и, быть можетъ, ему удастся.

Торопливость и спокойная рѣшимость, съ какою она вела дѣло, все болѣе и болѣе удивляли Максвеля.

Онъ старался поймать взглядъ ея глазъ, между тѣмъ какъ прочіе ждали, чувствуя, что подъ всѣмъ этимъ скрывается драма. Злобное любопытство, овладѣвшее Фонтеноемъ, заставило его даже забыть на время несчастную женщину, сидѣвшую на софѣ.

— Что вы на это скажете, кузина Шарлотта?—спросилъ, наконецъ, Максвель сухимъ, дѣловымъ тономъ.

Онъ сѣлъ подлѣ миссисъ Аллисонъ и заговорилъ съ ней вполголоса. Она скоро ухватилась за предложеніе Марчеллы съ энергіей отчаянія.

— Но какъ намъ его найти?—сказала она, безпомощно озираясь и, смотря на тотъ самый стулъ, на которомъ такъ недавно сидѣлъ Тресседи.

— Или у него дома, или въ палатѣ,—отвѣчалъ Максвель.

— Онъ, можетъ быть, уѣхалъ изъ города сегодня утромъ; лордъ Фонтеной предполагалъ, — она бросила робкій взглядъ на своего спутника,—что онъ навѣрно поѣдетъ и какъ можно скорѣе объяснится съ своими избирателями.

— Что же, это легко можно узнать. Если вы дадите мнѣ инструкціи, если вы увѣрены, что это будетъ полезно, мы его розыщемъ. Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Я не могу придумать ничего лучшаго,—сказала она жалобнымъ голосомъ. Если онъ поѣдетъ, я дамъ ему только одно порученіе. Анкотъ знаетъ, что я исчерпала всѣ аргументы, всѣ мольбы. Пусть онъ скажетъ моему сыну,—голосъ ея былъ твердъ, хотя глаза выражали страданіе, — что если онъ непремѣнно хочетъ предаться грѣховной жизни, я не могу жить съ нимъ вмѣстѣ. Я оставлю его домъ, поселюсь гдѣ-нибудь одна и буду молиться за него.

Максвель старался успокоить ее, они говорили вполголоса и она быстрымъ движеніемъ отирала слезы, катившіяся изъ глазъ ея.

Марчелла и Фонтеной сидѣли нѣсколько поодаль; онъ наблюдалъ за миссисъ Аллисонъ, она молчала и не пыталась играть роль любезной хозяйки. Но мало-по-малу ощущеніе ея присутствія,

оспоминаніе о рѣчи Тресседи, о вчерашнемъ засѣданіи парла-ента начали приводить его въ нервное возбужденіе. Его семья ыла извѣстна своимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ женщи-амъ; отецъ его, старый, полупомѣшанный маркизъ, развелся съ го матерью еще во время дѣтства Фонтеноя, послѣ сценъ воз-утительной грубости. Самъ Фонтеной въ годы своей безпокой-ной юности избѣгалъ всѣхъ женщинъ, по крайней мѣрѣ порядоч-ныхъ, пока одна женщина не покорила его своимъ сочувствіемъ, можетъ быть, лестью, страннымъ соединеніемъ въ одномъ лицѣ кротости и желѣзной воли. Но въ крови его не умерли грубые инстинкты, и они проснулись, пока онъ сидѣлъ рядомъ съ Мар-челлой.

— Вѣроятно, ваши сторонники лучше насъ предвидѣли, что должно было вчера произойти въ палатѣ? — заговорилъ онъ не-ожиданно, нервнымъ движеніемъ надѣвая пенснэ, безъ котораго былъ почти слѣпъ.

Она въ одну секунду приготовилась къ отпору.

— Трудно сказать. Въ общемъ палата была удивлена, не правда ли? Конечно, никто не могъ знать, какъ раздѣлятся голоса.

Она смотрѣла ему прямо въ глаза, играя карточкой миссисъ Аллисонъ.

— О, повороту такого рода стоитъ начаться и онъ идетъ съ быстротою вѣтра,—сказалъ Фонтеной.—Ну и что же, довольны вы своимъ биллемъ, не боитесь тѣхъ обѣщаній, которыя надавали, всѣмъ той райской жизни, которою манили людей?

Улыбка, которую онъ пытался вызвать на губахъ своихъ, такъ напоминала Марчеллѣ людоѣда, что она должна была сказать что-нибудь, что оправдало бы неудержимый смѣхъ, овладѣвшій ею.

— Неужели вы думаете, что мы уже несемъ наказаніе?—спро-сила она его.

Онъ чувствовалъ гнѣвъ оскорбленнаго мужчины. Итакъ Англія, всѣ главныя силы страны будутъ все болѣе и болѣе под-чиняться власти подобнаго рода. При началѣ борьбы онъ съ пре-зрительнымъ недовѣріемъ относился ко всѣмъ ходившимъ слу-хамъ. Онъ—и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніи созданіе женщины—не могъ до сихъ поръ заставить себя бояться женщины. А между тѣмъ теперь онъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что эта женщина, играя въ старую игру подъ но-выми именами, побѣдила его.

— Ахъ, понимаю,—сказалъ онъ,—вы руководствуетесь изре-ченіемъ: «ни о чемъ не жалѣть, ни въ чемъ не раскаиваться, ни въ чемъ не оправдываться»

Маленькіе, красноватые глаза впились точно двѣ иглы въ лицо сидѣвшей передъ нимъ. Она поняла, что онъ хочетъ оскорбить ее, и удивилась, что это, придя по такому дѣлу, и въ ея собственномъ домѣ. Удивленіе почти пересиливало негодованіе.

— Изреченіе, которое никто не примѣняетъ, какъ слѣдуетъ, не правда ли?—отвѣтила она спокойно.—Если его придумалъ умный человѣкъ, онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: не оправдывайтесь передъ тѣми, передъ кѣмъ не стоитъ, а это хорошій совѣтъ, какъ вы думаете?

При этихъ словахъ она встала и отошла отъ него, чтобы послушать, что говоритъ ея мужъ. Фонтеной остался одинъ и могъ на свободѣ размыслить, какъ глупо придти просить услуги у врага и въ то же время не умѣть сдержать своего раздраженія въ домѣ этого самаго врага. Но дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ эту комнату, все способствовало усиленію его неудовольствія. Планъ посылки Тресседи въ высшей степени сердилъ его.—Это не спроста,—думалъ онъ,—ей хочется прилично обставить дѣло.—Во время тревоги послѣднихъ дней, негодованіе и разныя глупыя сплетни до того овладѣли имъ, что онъ готовъ былъ повѣрить всякой клеветѣ, всякой нелѣпости.

Тѣмъ не менѣе, когда взглядъ его упалъ на удрученную горемъ женщину, сидѣвшую на другомъ концѣ комнаты, онъ почувствовалъ, что подчинится всему, что можетъ хоть нѣсколько успокоить эту растерзанную душу. Раза два во время разговора съ Максвелемъ миссисъ Аллисонъ подняла свои нѣжные глаза и посмотрѣла черезъ всю комнату на Фонтеноя. — Здѣсь ли вы другъ мой?—казалось спрашивалъ ея взглядъ и дрожь пробѣгала по тѣлу этого сильнаго человѣка.

Но вотъ миссисъ Аллисонъ встала съ мѣста и быстрыми шагами подошла къ нему.

— Мы, кажется, порѣшили; Максвель сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ. Тяжело довѣриться чужому человѣку, какъ этотъ Джоржъ Тресседи; но если онъ согласится поѣхать, если онъ нравится Анкоту, мы не должны ничего упустить, не правда ли?

Она подняла къ нему свое худенькое, нѣжное лицо съ самою очаровательною покорностью. Фонтеной даже не пытался сопротивляться.

— Понятно, нельзя пренебрегать ничѣмъ. Позвольте мнѣ только замѣтить,—онъ посмотрѣлъ на Максвеля, — что это дѣло очень спѣшное.

— Я буду готовъ черезъ десять минутъ,—отвѣчалъ Максвель и быстро подошелъ къ окну съ пачкой нераспечатанныхъ пи-

семъ въ рукахъ. Онъ сталъ наскоро просматривать ихъ, чтобы узнать, не требуется ли до отъѣзда изъ дома дать какія-нибудь указанія секретарю.

— Позволите мнѣ проводить васъ домой?—спросилъ Фонтеной у миссисъ Аллисонъ.

Она покрыла густымъ вуалемъ лицо и голову и проговорила тихимъ голосомъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ лицо Фонтеноя стало мрачнѣе прежняго. Она, вѣроятно, сказала ему, что по дорогѣ домой должна заѣхать къ священнику, отцу Уайту, которому вполнѣ довѣряла и который былъ ея руководителемъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Увы! въ своей любви къ этой 50-лѣтней женщинѣ у Фонтеноя былъ не одинъ соперникъ, а два: ея сынъ и ея религіозность.

Фонтеной при прощаніи едва коснулся пальцевъ Максвеля и жены его. Провожая по лѣстницѣ миссисъ Аллисонъ, онъ чувствовалъ презрительную жалость къ мужу.

Окончивъ просмотръ писемъ, Максвель подошелъ къ женѣ.

— Я не вполнѣ понимаю тебя,—сказалъ онъ и краска вспыхнула на лицѣ его,—неужели тебѣ представляется, что мы, именно сегодня... что я, лично я могу просить объ услугѣ Джоржа Тресседи.

— О да,—вскричала она,—если бы я могла, я сама пошла бы къ нему и попросила его.

— Это невозможно!—быстро проговорилъ онъ.

— Ну, такъ ты, мой дорогой, мой любимый, попроси его вмѣсто меня! Развѣ мы не должны... о, пожалуйста, посмотри на это такъ же, какъ я! — развѣ мы не должны устроить все такъ, чтобы опять быть друзьями, чтобы навсегда изгладить изъ памяти эти несчастные полчаса. Если ты къ нему придешь, онъ тотчасъ почувствуетъ, чего мы хотимъ, онъ пойметъ насъ. Въ немъ нѣтъ ничего низкаго, ничего! До сегодняшняго утра онъ не сказалъ мнѣ ни одного непріятнаго слова! Я вѣдь сама всѣхъ больше виновата!—Она на минуту закрыла лицо руками.—Какъ я съиграю свою роль, не знаю, объ этомъ надобно подумать. Но я не могу жить съ такой тяжестью на совѣсти, Альдусъ, право, не могу!

— Позволь,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—разсудить хорошенько, что мы дѣлаемъ. Неужели ты думаешь, что мы можемъ опять встрѣчаться, какъ будто ничего не случилось?

— Я бы хотѣла только,—отвѣчала она,—смягчить рану, помочь ему забыть. Онъ долженъ знать, онъ знаетъ — она гордо подняла голову,—что у меня нѣтъ тайнъ отъ тебя. Впослѣдствіи,

вспоминая, обдумывая все, онъ станетъ или сторониться отъ тебя, или ненавидѣть тебя. А мнѣ нужно,—глаза ея наполнились слезами,—одно, чтобы онъ *узналъ* тебя, только это одно. Я должна была давно устроить это.

— Но ты, кажется, забыла, что со вчерашняго дня я обязанъ ему своимъ политическимъ существованіемъ.

Въ его голосѣ слышалась сдержанная страсть.

— Онъ никогда не подумаетъ напомнить объ этомъ,—вскричала она.

— Отчего ты не хочешь взглянуть на дѣло просто, совсѣмъ просто? держать себя съ нимъ такъ, чтобы безъ словъ сказать ему: будь нашимъ другомъ; постараемся вмѣстѣ забыть то, о чемъ намъ такъ же больно вспоминать, какъ и тебѣ. Запри дверь въ старую комнату, войди съ нами вмѣстѣ въ новую! О, если бы я могла все хорошенько объяснить! — Она снова закрыла лицо руками.

— Понимаю, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Ты всегда вѣрна себѣ. Я не нахожу, чтобы это было умно. Такого рода вещи лучше предоставить собственному теченію. Но я далъ обѣщаніе миссисъ Аллисонъ и исполню его. Я сдѣлаю то, чего тебѣ хочется, моя дорогая. Пусть будетъ по твоему.

Она быстро подняла голову и удивилась при видѣ того сильнаго волненія, какое отражалось на лицѣ его. Она робко подошла къ нему и положила руку ему на плечо.

— А послѣ...—въ голосѣ ея слышалась почти мольба,—а послѣ намъ съ тобой надобно будетъ еще переговорить. Ты думаешь, я не знаю, что, благодаря мнѣ, твоя побѣда, твое торжество отравлены, омрачены... ты думаешь, я не знаю?

Она сквозь слезы посмотрѣла на него такимъ страстнымъ взглядомъ, ради котораго каждый человѣкъ согласится перенести тысячи непріятностей.

Онъ нагнулся къ ней.

— Хорошо, мы объ этомъ поговоримъ, когда я вернусь. Пожалуйста, передай эти письма Саундерсу, въ нихъ нѣтъ ничего важнаго. Я заѣду прежде къ Тресседи на домъ.

Максвель ѣхалъ по пыльнымъ улицамъ города и ему казалось, что никакое политическое дѣло не представляло такихъ трудностей, какъ предстоящая ему задача; но онъ началъ обдумывать ее съ своею обычною аккуратностью и предусмотрительностью.

Лакей, открывшій ему дверь на Брукъ-стритѣ, доложилъ, что барина нѣтъ дома.

— Какъ вы думаете, найду я его въ палатѣ?

Лакей не зналъ этого.

— Но лэди Тресседи дома, хотя собирается выѣхать, не прикете ли спросить?

Посѣтитель заявилъ, что не желаетъ безпокоить лэди Тресседи, и самъ заѣдетъ въ палату. Онъ оставилъ свою карточку слуги.

— Кто это приходилъ, Кенрикъ? — раздался рѣзкій голосъ, акъ только экипажъ отъѣхалъ отъ подъѣзда. Лэди Тресседи, арядно одѣтая, въ бѣлой высокой шляпѣ, съ кружевнымъ зоникомъ въ рукахъ, стояла у входа на лѣстницу. Слуга передалъ й карточку; она приказала ему привезти себѣ экипажъ и снова ернулась въ гостиную.

Между тѣмъ Максвель ѣхалъ въ Вестминстръ, продолжая обумывать свое положеніе. Два, три человѣка изъ администраціи или изъ членовъ парламента, поклонились проѣзжавшему министру, и всѣ замѣтили, что обыкновенно серьезное лицо его смотритъ какъ-то очень мрачно. Они нашли, что не выказывать радости послѣ одержанной побѣды, своего рода лицемѣріе съ его стороны.

Въ палатѣ общинъ разбирались и вотировались передъ пустыми скамьями послѣдніе вопросы кончавшейся сессіи. Тресседи не было ни тамъ, ни въ библіотекѣ. Максвель прошелъ въ верхній корридоръ, гдѣ стоятъ письменные столы для членовъ, желающихъ заниматься своей корреспонденціей. Войдя въ дверь, онъ тотчасъ же замѣтилъ у противоположнаго конца комнаты острый подбородокъ и красивую голову того, кого искалъ. Въ ту же минуту и Тресседи, который сидѣлъ за письменнымъ столомъ, среди груды писемъ и бумагъ, поднялъ глаза и увидѣлъ входившаго Максвеля. Онъ слегка вздрогнулъ, привсталъ и началъ складывать свои бумаги. Максвель поклонился, подходя къ столу, но не протянулъ руки.

— Извините, что я помѣшалъ вамъ, — проговорилъ онъ съ спокойною, но холодною вѣжливостью. — Скажу въ свое оправданіе, что я пришелъ къ вамъ по неотложному дѣлу. Не можете ли вы удѣлить мнѣ минутъ двадцать и пройти въ мою комнату?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Тресседи. Онъ старался собрать бумаги, но съ досадой чувствовалъ, что руки дрожатъ.

— Я не стану торопить васъ, — проговорилъ Максвель все тѣмъ же тономъ. — Будьте добры, придите, когда будете свободны.

— Я сейчасъ приду, — сказалъ Тресседи, — только уложу и запру все это.

Посѣтитель ушелъ. Тресседи стоялъ съ минуту около стола,

голубые глаза его были широко раскрыты и разсѣянно глядѣли на рѣку, густая краска покрыла лицо его. Затѣмъ онъ быстро собралъ бумаги, положилъ ихъ въ черный мѣшокъ, лежавшій подлѣ него, и заперъ въ свой шкафъ въ стѣнѣ.

Разставшись съ Марчеллой Максвель, онъ цѣлый часъ бродилъ, какъ безумный, по парку; потомъ какое-то внезапное побужденіе заставило его идти въ палату, это убѣжище, гдѣ онъ могъ спасаться и отъ Летти, и отъ самого себя. Тамъ онъ нашелъ массу писемъ и телеграммы отъ своихъ избирателей; онъ читалъ ихъ въ ту минуту, когда вошелъ Максвель. Онъ надѣялся, что послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной работы, онъ скорѣе въ состояніи будетъ обдумать, какъ ему провести слѣдующіе дни и ночи, какъ ему устроить свою личную жизнь.

Теперь, пока онъ вынималъ ключъ изъ замка шкафа, въ этомъ пустомъ залѣ имъ снова овладѣло мечтательное настроеніе. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, заложивъ руки въ карманы и видѣлъ ея лицо, видѣлъ слезы на ея щекахъ. Всего два часа тому назадъ! Несомнѣнно, она все разсказала Максвелю. Молодой человѣкъ вспыхнулъ отъ стыда и злобы. Это свиданіе съ мужемъ обращало все дѣло въ какой-то водевиль, въ какой-то фарсъ. Съумѣетъ ли онъ сохранить свое достоинство и самообладаніе? Онъ чувствовалъ сильнѣйшую ненависть къ Максвелю. Признаніе его не могло служить поводомъ къ скандалу, къ пошлой ревности. Она понимала это, она, конечно, представила все въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ чувствовалъ, что поставилъ самъ себя въ такое положеніе, при которомъ гордости его приходилось неизбѣжно смиряться. Но какъ и передъ кѣмъ?

Онъ шелъ по безконечному корридору въ комнату Максвеля въ палату лордовъ и впослѣдствіи ему казалось, что это были самыя унизительныя минуты его жизни. Онъ не подозрѣвалъ, какъ любимая женщина ручалась за него, и говорилъ самому себѣ, что Максвель многимъ обязанъ ему, что онъ не станетъ выносить все отъ человѣка, сохранившаго власть только благодаря ему; и все время онъ мысленно отгонялъ отъ себя ея образъ, ея милое лицо, ея ласковый голосъ. Пусть они никогда больше не являются ему даже въ мысляхъ. Великій Боже! что ей за дѣло до такихъ ничтожествъ, какъ онъ?

Когда онъ подошелъ къ двери Максвеля, ему казалось, что онъ такъ же твердъ и холоденъ, какъ, обыкновенно; министръ стоялъ у большого окна, выходившаго къ рѣкѣ; и разбиралъ ящикъ телеграммъ, который ему только что принесли. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу входившему, и Тресседи замѣтилъ, что онъ одинъ, что онъ уже отослалъ своего секретаря.

— Садитесь, пожалуйста, къ окну,—сказалъ Максвель,—день обѣщаетъ быть необыкновенно жаркимъ.

Тресседи сѣлъ на указанное ему мѣсто. Сѣрые глаза Максвеля оглядѣли молодого человѣка съ ногъ до головы.

— Вы, вѣроятно, догадались, изъ-за чего я побезпокоилъ васъ,—сказалъ онъ, опускаясь на стулъ подлѣ небольшого письменнаго столика, — мы съ вами уже говорили одинъ разъ объ этомъ непріятномъ дѣлѣ, вы тогда съ такимъ участіемъ относились къ нашей тревогѣ....

— Анкотъ!—вскричалъ Тресседи, не въ силахъ скрыть своего удивленія,—вы желаете говорить со мной объ Анкотѣ?

— Онъ воображалъ... — мелькнуло въ умѣ Максвеля и мягкость въ обращеніи его невольно смѣнилась холоднымъ достоинствомъ.

— Я боюсь, что вы найдете насъ назойливыми,—заговорилъ онъ спокойно, — но сегодня, утромъ, съ часъ тому назадъ, мать Анкота была у насъ и сообщила, что онъ уѣхалъ отъ нея; оказалось, что онъ въ Трувилѣ, гдѣ у него домъ, и ждетъ къ себѣ извѣстную особу. Можете себѣ представить отчаяніе миссисъ Аллисонъ. Дѣло само по себѣ не хорошо; но она, какъ вы знаете, необыкновенная женщина, и ходячая житейская философія не смягчаетъ ей этого удара. Горе прямо убиваетъ ее. Она произвела самое тяжелое впечатлѣніе и на меня, и на лэди Максвель,— послѣднее слово онъ произнесъ какъ бы нехотя. — Вы, кажется, также знаете, что я имѣлъ возможность черезъ посредство другихъ лицъ оказывать нѣкоторое вліяніе на дѣвушку, — она въ сущности, не дѣвушка, а замужняя женщина, и мужъ постоянно грозитъ пріѣхать и отмстить ей. У меня есть знакомый священникъ, добродушный человѣкъ, занимающійся, главнымъ образомъ, обращеніемъ на путь истинный театральнаго міра, онъ мнѣ помогалъ уже нѣсколько разъ. Я послалъ ему телеграмму и ожидаю его къ себѣ. Мы знаемъ, что она еще въ Лондонѣ и, можетъ быть, возможно будетъ задержать ее еще разъ. Но этого...

— Этого не довольно,—быстро прервалъ Тресседи, поднимая голову.—Вы желаете, чтобы кто-нибудь занялся Анкотомъ?

Лицо и голосъ его измѣнились; теперь это былъ человѣкъ внимательный, разумный, отзывчивый.. Максвель зорко наблюдалъ за нимъ.

— Намъ нужно, чтобы кто-нибудь съѣздилъ къ Анкоту; чтобы онъ сообщилъ ему, что мать его твердо рѣшилась разстаться съ нимъ, если онъ не покончитъ съ этой позорной исторіей; чтобы онъ утѣшилъ его въ случаѣ, если та не пріѣдетъ;—мы надѣемся, что удастся

удержать ее, — чтобы онъ присматривалъ за нимъ дня два, три, на случай, если у него дѣйствительно есть мысль о самоубійствѣ, чѣмъ онъ стращалъ мать.

— О, самоубійство и Анкотъ!—вскричалъ Тресседи.

— Мы тоже не думаемъ, что онъ рѣшится на это,—сказалъ Максвель,—но мать естественно чувствуетъ иначе. Она велѣла мнѣ передать вамъ—онъ остановился—очень трогательное, какъ мнѣ кажется, порученіе.

Тресседи наклонилъ голову.

— «Скажите ему, что я не имѣю никакого права требовать отъ него услуги и что мнѣ это очень совѣстно. Но онъ сказалъ мнѣ одинъ разъ нѣсколько теплыхъ словъ о моемъ сынѣ, и я знаю, что Анкотъ добивался его дружбы. Его помощь можетъ спасти насъ. Больше я ничего не могу сказать».

Тресседи быстро вскинулъ на него глазами и невольно покраснѣлъ.

— А Фонтеной слышалъ это? Онъ согласенъ?

— Фонтеной согласенъ,—отвѣчалъ Максвель все тѣмъ же спокойнымъ тономъ.—Въ сущности, вы предвосхитили нашу просьбу. Говоря откровенно, эту мысль подала жена, и меня отправили къ вамъ просителемъ. Но я долженъ предупредить васъ, что мы нисколько не удивимся, если вы скажете, что не можете исполнить нашей просьбы или что дѣла не позволяютъ вамъ уѣхать.

Судорога сжала горло Тресседи. Онъ медленно перевелъ глаза на своего собесѣдника. Максвель сидѣлъ, терпѣливо ожидая его отвѣта, и въ первый разъ Тресседи составилъ себѣ вполнѣ ясное представленіе о человѣкѣ, котораго онъ до сихъ поръ избѣгалъ и не любилъ. Въ молодости Максвель не считался красавцемъ; но возрастъ и благородный характеръ придавали съ каждымъ годомъ болѣе выразительности и энергіи пріятнымъ чертамъ юноши; природа посеребривъ его темные волоса и проведя на лицѣ его глубокія черты мысли и опытности, давала ему больше, чѣмъ отнимала у него. Максвель до конца жизни останется «скромнымъ» человѣкомъ, не остроумнымъ, не блестящимъ, все болѣе и болѣе склоннымъ терпѣливо нести иго практическихъ заботъ, не разглагольствующимъ о духовной жизни, но живущимъ жизнью духа, тѣмъ человѣкомъ, которому Англія будетъ все охотнѣе и охотнѣе ввѣрять свою судьбу.

Тресседи смотрѣлъ на него и чувствовалъ, какъ въ немъ пробуждается уваженіе къ нему и въ то же время угрызеніе совѣсти. Максвель тоже обратилъ на него глаза, кроткіе, проницательные глаза, въ которыхъ Тресседи въ одинъ мигъ прочелъ больше, чѣмъ могли сказать ему какія бы то было слова.

Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Съ нынѣшняго мѣсяца ходитъ вечерній поѣздъ. Я могу выѣхать на немъ. Сообщите мнѣ, если возможно, еще какія-нибудь подробности.

Максвель досталъ изъ кармана листокъ бумаги съ набросанными на немъ замѣтками и они стали подробно обсуждать всѣ мелочи, какія могли быть полезны для Тресседи. Тресседи въ своихъ вопросахъ выказывалъ быструю сообразительность, которая напомнила Максвелю мѣткое остроуміе его вчерашней рѣчи; во все время ихъ простого разговора о чисто практическомъ дѣлѣ онъ старательно скрывалъ свое внутреннее волненіе, и это не ускользнуло отъ его собесѣдника.

Наконецъ, все было рѣшено. Въ послѣднюю минуту въ головѣ Максвеля мелькнулъ вопросъ: «Имѣемъ ли мы право въ такой критическій моментъ жизни удалять его отъ жены?» Но онъ не рѣшался коснуться его даже намекомъ. Случайно Тресседи разсѣялъ его сомнѣнія.

— Я очень радъ, что вы застали меня,—заговорилъ онъ нервно, послѣ небольшой, довольно неловкой паузы, отыскивая свою шляпу, которую онъ куда-то сунулъ, и забылъ куда.—Я собирался уѣхать изъ Лондона сегодня, вечеромъ. Но мои дѣла могутъ подождать до будущей недѣли. Теперь, кажется, все.

Онъ взялъ новый путеводитель, который ему далъ Максвель, убѣдился, что листокъ съ замѣтками лежитъ въ его записной книжкѣ, нашелъ шляпу и палку. Пока онъ говорилъ, Максвель вспомнилъ положеніе дѣлъ въ парламентѣ и замѣчаніе миссисъ Аллисонъ. Несомнѣнно, что Тресседи собирался въ этотъ вечеръ ѣхать на сѣверъ, чтобы объясниться съ своими избирателями Марнетъ Мальфорда; и онъ, такой добросовѣстный человѣкъ, содѣйствуетъ тому, что личное дѣло мѣшаетъ общественному; это была новая непріятность. Но что сдѣлано, то сдѣлано, и ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ заговорить о политикѣ.

— Я долженъ сказать,—проговорилъ Тресседи, останавливаясь еще разъ, пока они вмѣстѣ шли къ двери,—что въ концѣ концовъ я не надѣюсь ни на что хорошее для миссисъ Аллисонъ. Если эта исторія развяжется благополучно, явится какая-нибудь другая—Трувиль въ августѣ очень удобное мѣсто для всякихъ bonnes fortunes, а Анкотъ постоянно стремится къ нимъ.

Онъ говорилъ такъ горячо, какъ будто боялся, что, въ случаѣ неудачи, его обвинятъ въ недостаткѣ добраго желанія.

Максвель пожалъ плечами.

— Что бы ни случилось, это нисколько не уменьшитъ нашей благодарности къ *вамъ*,—сказалъ онъ спокойно.

— Благодарности!—пробормоталъ молодой человѣкъ задыхающимся голосомъ. Губы его дрожали. Онъ бросилъ на своего собесѣдника неувѣренный взглядъ. Максвель протянулъ ему руку безъ особенной горячности, но со спокойною привѣтливостью и ласкою; послѣ этого слова благодарности, которыя онъ снова сказалъ при прощаньи, прозвучали въ ушахъ Тресседи точно какая-то чудная музыка.

Оставшись одинъ въ своей комнатѣ, министръ снова подошелъ къ окну и задумчиво смотрѣлъ на оживленную картину рѣки. Она была права; она всегда права. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ не было ничего низкаго, и лицо его носило печать страданія, которое произвело на Максвеля тяжелое впечатлѣніе. Отчего онъ не познакомился съ нимъ поближе?

— Я слишкомъ мало думаю о людяхъ и слишкомъ много о дѣлахъ—сказалъ онъ самъ себѣ съ упрекомъ.—Я, самъ того не замѣчая, слишкомъ часто предоставляю ей вѣдаться съ людьми и потомъ удивляюсь, что человѣкъ видитъ и понимаетъ ее такою, какова она есть.

Не смотря на это самообвиненіе, онъ испытывалъ нравственное удовлетвореніе, то чувство, которое испытываетъ человѣкъ, когда ему удастся великодушно уладить какое-нибудь личное дѣло. Когда-нибудь впослѣдствіи, конечно, не теперь, онъ постарается подружиться съ Тресседи; онъ чувствовалъ, что теперь это для него невозможно.

Но жена! Онъ вернулся къ своему письменному столу. Что ему дѣлать съ этимъ письмомъ? Знаетъ ли Тресседи что-нибудь о немъ? Навѣрно нѣтъ. Но онъ, когда-нибудь узнаетъ и его, и отвѣтъ Максвеля.

Онъ рѣшилъ непремѣнно отвѣтить и, взглянувъ на часы, увидѣлъ, что ему осталось ровно полчаса до прихода священника. Онъ немедленно сѣлъ за столъ и принялся за работу, хотя ему было очень трудно сочинить подходящій отвѣтъ. Вотъ что онъ, наконецъ, написалъ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ.

«Дорогая лэди Тресседи. Ваше письмо очень удивило и огорчило меня. Я увѣренъ, вы скоро сами убѣдитесь, что написали его подъ вліяніемъ заблужденія, и что вы сказали въ немъ много недобраго и несправедливаго объ особѣ, которая совершенно неспособна сдѣлать зло вамъ или кому бы то ни было. Жена моя прочла ваше письмо, такъ какъ у насъ съ нею нѣтъ тайнъ другъ отъ друга. Ей хочется поскорѣе повидаться съ вами и, я надѣюсь, вы не откажетесь увидѣть ее. Она, вѣроятно, докажетъ

ъ, что вы совершенно напрасно мучили себя; она не винога въ этихъ мученіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, очень огорчена и встроена.

«Я отнесся такъ мягко къ вашему письму только потому, о не могу не сочувствовать мучительному и тревожному состоя-ю, подъ вліяніемъ котораго вы писали его. Считаю лишнимъ помнить вамъ, что если мнѣ придется писать или дѣйствовать ымъ образомъ, я буду имѣть въ виду исключительно жену мою. прочемъ, я вполнѣ разсчитываю, что ея слова и все ея обра-еніе окажутъ на васъ благотворное вліяніе, и увѣренъ, что вы цѣните то великодушіе, съ какимъ она спѣшитъ успокоить васъ.

«Нельзя ли предположить, что вы столь же сильно ошибаетесь гносительно вашего супруга, какъ и относительно лэди Максель? Извините за нескромный вопросъ и примите увѣреніе въ оей преданности. Максвель».

Онъ нѣсколько разъ перечиталъ письмо, затѣмъ снялъ съ него копію, запечаталъ и отослалъ его. Онъ былъ не вполнѣ дово ленъ имъ. Можетъ быть, слѣдовало привести какія-нибудь доказательства, указать на возможность вины съ ея стороны? У этой женщины мелкая подозрительная душонка, это сразу видно. Очевидно также, что она несчастна и до нѣкоторой степени имѣетъ основаніе считать себя несчастной. Болѣе слабый человѣкъ старался бы отвернуться отъ тяжелаго факта со всѣми его непріятными послѣдствіями, представить поступокъ Тресседи въ иномъ свѣтѣ, умалить его значеніе, но Максвель, послѣ перваго движенія негодованія, не имѣвшаго ничего общаго съ обыкновенною ревностью, почувствовалъ, наоборотъ, великодушное стремленіе залечить всѣ раны, все исправить. Марчелла предвидѣла это; ея раскаяніе, ея огорченіе содѣйствовали зарожденію въ немъ такого настроенія.

Когда Максвель вернулся въ свою комнату въ министерствѣ и погрузился въ массу писемъ, телеграммъ, разговоровъ, во всю рутину администраціи, окружающіе его замѣтили, что всегда такой спокойный, министръ какъ-то странно встревоженъ. На самомъ дѣлѣ, во всякую свободную минуту его мучили разные вопросы, въ родѣ:

Поѣхала ли она туда? Не оскорбляетъ ли ее эта женщина? Не могу ли я чего-нибудь сдѣлать? Моя дорогая, любимая!

А между тѣмъ, по отношенію къ Летти, планы Марчеллы потерпѣли сначала неудачу.

Когда Джорджъ Тресседи, наскоро покончивъ самыя неотложныя дѣла свои въ палатѣ, послѣ полудня пріѣхалъ домой, чтобы

уложить необходимыя вещи и спѣшить на парижскій поѣздъ, он не засталъ жену дома. Слуга напомнилъ ему, что Летти, вмѣст съ миссъ Тюлолъ отправилась въ Гемптонъ-Кортъ, гдѣ предпо лагалось катанье на лодкахъ. Джоржъ вспомнилъ; онъ ненавидѣл общество, въ которомъ она находилась, и инстинктивно чувство валъ, что Казединъ тоже тамъ. Имъ овладѣло сильнѣйшее уны ніе. Хорошо ли онъ дѣлаетъ, что оставляетъ ее?

Вдругъ, въ полутемной передней онъ замѣтилъ на столѣ кар точку. Ея карточку. Отъ удивленія ему сдѣлалось почти дурно а слуга, стоявшій подлѣ, объяснялъ ему, въ чемъ дѣло:

— Ея свѣтлость пріѣзжали тотчасъ послѣ завтрака. Онѣ ду мали еще застать милэди дома. Но ея свѣтлость будутъ еще разъ, вѣроятно, сегодня, вечеромъ, такъ какъ необходимо видѣть лэди Тресседи.

Тресседи приказалъ слугѣ поскорѣе уложить вещи, а самъ взялъ карточку съ собой въ кабинетъ и глядѣлъ на нее, между тѣмъ какъ вихрь мыслей проносился въ головѣ его. Да, онъ уѣдетъ, онъ удалится съ ея пути! О, небесная доброта и снисходительность! Ему уже казалось, что ангелъ освѣтилъ своимъ присутствіемъ этотъ мрачный домъ, что весь воздухъ въ немъ перемѣнился.

Лучъ надежды проникъ въ его сердце. Онъ побѣжалъ наверхъ сдѣлать послѣднія приготовленія къ отъѣзду, написалъ нѣсколько строкъ Летти, сообщая ей о несчастіи миссисъ Аллисонъ и о цѣли своей поѣздки, а черезъ полчаса былъ уже въ Черингъ-Россѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗНАЧЕНІЕ ДАНТЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ.

Въ Западной Европѣ замѣчается за послѣдніе годы возрожденіе интереса къ творчеству Данте. Современные писатели и художники чувствуютъ въ великомъ флорентинцѣ нѣчто родственное себѣ и отмѣчаютъ въ немъ творца новыхъ элементовъ духовной жизни человѣчества. Новизна и сложность идей Данте пугала его современниковъ и мѣшала имъ понимать его вѣчное значеніе. Только въ теченіе вѣковъ, протекшихъ послѣ смерти Данте, стала выясняться его личность, и творчество его сыграло и играетъ до сихъ поръ особую роль въ культурномъ развитіи народовъ. Пониманіе и интересъ къ великому поэту всегда совпадали съ моментами поднятія культурной жизни и падали въ періоды духовной реакціи. Французскій ученый Кинэ говоритъ, что «Италія забываетъ Данте только тогда, когда она забываетъ сама себя, а чуть она просыпается, она находитъ у своего изголовья книгу Данте». Эти слова примѣнимы не къ одной только Италіи, а ко всѣмъ народамъ. Разцвѣтъ возрожденія, самой блестящей поры духовной жизни Европы ознаменовался всеобщимъ культомъ Данте; для комментированія его поэмъ учреждались каѳедры повсюду на его родинѣ и безконечное количество изслѣдованій и трактатовъ посвящалось въ остальной Европѣ творцу «Божественной комедіи». Восемнадцатый вѣкъ, отрицавшій все великое въ искусствѣ, отрицалъ и Данте. Отзывы Вольтера о Данте подписываютъ приговоръ не столько низводимому въ грязь поэту, сколько эстетическому чутью его судьи. Въ нашъ вѣкъ Данте начинаетъ снова занимать умы людей, и пониманіе его особенно развилось въ послѣднее время. Новѣйшіе критики, вмѣстѣ съ поэтами и художниками, стали проникать въ глубину творчества Данте, и, страннымъ образомъ, на тяготѣніи къ нему сошлись всѣ самыя разнообразныя теченія въ современномъ искусствѣ и современной литературѣ.

Въ Россію тоже начинаетъ понемногу проникать это новое отношеніе къ флорентійскому пѣвцу, а за послѣднее время оживленіе

интереса къ Данте сказалось и въ появленіи одинъ за другимъ новыхъ прозаическихъ и поэтическихъ переводовъ «Божественной комедіи». Переводы эти не всегда свидѣтельствуютъ объ умѣньи справиться съ высокимъ творчествомъ Данте, но, во всякомъ случаѣ, показываютъ желаніе приблизить его къ пониманію большинства, сдѣлать его общедоступнымъ, своимъ поэтомъ. Въ чемъ сила и обаяніе Данте для людей самыхъ различныхъ, для цѣнителей отвлеченной философской поэзіи и для тѣхъ, для кого поэзія непонятна внѣ связи съ жизнью, ея требованіями и интересами? Этотъ вопросъ неминуемо возникаетъ въ умѣ всякаго, кто слѣдитъ за странной судьбой твореній Данте со времени его смерти и до нашихъ дней, и въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ заключается не только характеристика Данте, но и опредѣленіе того, чѣмъ должно быть истинное творчество, соединяющее контрасты временнаго и вѣчнаго.

Данте близокъ намъ потому, что въ немъ необычайно сильно говорятъ всѣ человѣческія страсти. Онъ человѣкъ своего времени, своего народа и даже своего города. Онъ проникнутъ гражданскими интересами, волновавшими его современниковъ, и жилъ активною жизнью гражданина, воина, правителя и мятежника. Въ его вѣчной поэмѣ на каждомъ шагу чувствуется флорентинецъ, человѣкъ извѣстной партіи, не съумѣвшій или, быть можетъ, не захотѣвшій быть безпристрастнымъ къ врагамъ, мстительный и безпощадный политическій дѣятель, твердо убѣжденный въ своихъ гражданскихъ идеалахъ и горячо отстаивающій ихъ, даже идя по пути исканій отвлеченной внѣчеловѣческой истины.

Но этотъ воинствующій въ стихахъ и прозѣ флорентинецъ еще болѣе близокъ намъ по иной причинѣ. Какъ ни сильны въ немъ интересы партій, еще болѣе сильна въ немъ идея свободы: горячо относясь къ непосредственнымъ интересамъ своего города, онъ еще болѣе проникнутъ свободой, разрушающей духъ партійности. Данте былъ то гвельфомъ, то гиббелиномъ, переходилъ отъ однѣхъ связей къ другимъ, не считалъ себя связаннымъ республиканскими или монархическими взглядами и проповѣдывалъ лишь то, что въ данный моментъ олицетворяло для него принципъ свободы. Въ политикѣ, оставаясь всегда кипучимъ дѣятелемъ, онъ съумѣлъ, однако, стать внѣ партій и быть первымъ независимымъ свободолюбцемъ, когда все современное ему общество раздѣлено было на мелкія клѣточки и когда на борьбу съ сосѣдями уходили всѣ силы, которыя должны были бы быть направлены на борьбу съ большимъ общимъ врагомъ.

Любовь къ свободѣ ведетъ Данте отъ внѣшняго ея пониманія

внутреннему. Несмотря на то, что намъ чужды теперь партійные раздоры, заставлявшіе Данте громить своихъ враговъ, трѣчая ихъ въ аду, мы съ интересомъ внимаемъ рѣчамъ возвышеннаго флорентинца,—за личными счетами съ врагами, чувствуется пафосъ болѣе высокаго пониманія свободы. Въ нихъ одно стремленіе Данте знать свою родину свободной отъ гнета тиранніи. Но для того, чтобы это стало возможнымъ, нужно, чтобы наступила внутренняя свобода для человѣка, нужно освободить личность, дать ей вѣру въ себя, объяснить ей, что ея внутренняя жизнь, ея чувства и настроенія имѣютъ такое же право проявлять себя, какъ общественныя чувства, объединяющія отдѣльныхъ людей для совмѣстнаго дѣла. Политическіе идеалы Данте направлены на то, чтобы родина его была населена свободными людьми, и для этого онъ, съ одной стороны, возмущается противъ насилія свѣтскихъ и духовныхъ властителей, а съ другой стороны, проповѣдуетъ внутреннюю свободу человѣка, углубленіе въ самого себя и проявленіе всѣхъ скрытыхъ душевныхъ силъ. Данте первый носитель индивидуализма, отмѣчающаго собой культуру новыхъ вѣковъ, и этимъ онъ особенно дорогъ и близокъ намъ. Съ того момента, какъ онъ началъ говорить отъ имени свободной и познавшей себя человѣческой личности, наступилъ конецъ средневѣковому рабству, средневѣковой схоластикѣ и открылся путь свободному искусству, лирической поэзіи и философіи, которая отнынѣ уже осмѣливается говорить объ отношеніяхъ человѣка къ вѣчному, о познаніи скрытыхъ тайнъ міра путемъ откровенія, о свободѣ человѣческой души. Своими теоретическими трактатами «De monarchia» и «Convivio» Данте высказалъ новые политическіе идеалы, дышащіе близкимъ намъ пониманіемъ гражданской и общественной свободы, а въ своей лирической поэзіи, въ «Vita nuova» онъ сдѣлалъ еще нѣчто болѣе великое,—разорвалъ оковы, тяготѣвшія на человѣческой личности, показалъ, что она имѣетъ право открыто и полно жить своими чувствами, и воплотилъ въ чувствѣ любви всю силу внутренней жизни человѣка.

Освобожденная въ внѣшнихъ формахъ существованія и въ своей внутренней жизни личность должна познавать свое назначеніе. Эту идею Данте проводитъ въ своей великой поэмѣ, въ «Божественной комедіи», указывая путь, по которому человѣкъ отъ временнаго идетъ къ вѣчному (come l'uome s'eterne). Философскій смыслъ проникаетъ, такимъ образомъ, проповѣдь свободы, первымъ пророкомъ которой Данте является во всемъ своемъ творчествѣ.

*

Если мы прибавимъ, что къ этимъ основнымъ элементамъ творчества Данте, его свободолюбію и индивидуализму, присоединяется еще третій — крайняя чуткость и отзывчивость души, то этимъ мы показываемъ тѣ основныя нити, которыя связываютъ Данте, творца новой культуры, съ нами, позднѣйшими выразителями ея идеала. Основныя струны творчества Данте звучатъ во всей духовной жизни нашего времени, и великій поэтъ, сочетающій въ себѣ высокую гражданственность съ философской глубиной, чуткость и сложность настроеній съ силой и страстностью, доходящей до пафоса, является для насъ идеаломъ истиннаго художественнаго творчества. Самое сочетаніе этихъ контрастовъ уже рѣдко встрѣчается въ наше время. Гражданственность слишкомъ часто становится партійностью и отвергаетъ философскія и религіозныя настроенія, какъ нѣчто лишнее и иногда несвоевременное. Философія, въ свою очередь, углубляясь въ созерцаніе отвлеченныхъ истинъ, въ своей погонѣ за тайной бытія, за отношеніями временнаго къ вѣчному, забываетъ жизнь, проходитъ мимо нея съ тѣмъ безучастіемъ, которое Данте такъ сильно громилъ въ своей поэмѣ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ образъ поэта, въ которомъ уживались эти элементы творчества, углубляя другъ друга. Подойдемъ нѣсколько ближе къ жизни и творчеству Данте, и тогда намъ откроется, какимъ образомъ свершилось въ немъ это сліяніе, какъ оно проникало каждый шагъ его жизни, каждое слово его писаній

Всѣ обстоятельства жизни Данте сложились такъ, чтобы развить въ немъ чрезмѣрный партійный духъ. Дѣтство его протекло на фонѣ междоусобныхъ распрей въ стѣнахъ его родного города, Флоренціи. Родители поэта были гвельфы. Ко времени рожденія Данте, къ 1265 г., Флоренція была главой гвельфскаго союза въ Тосканѣ, такъ что послѣ предшествовавшихъ изгнаній, семья Данте пользовалась въ концѣ XIII в. всеобщимъ почетомъ. Но и среди самихъ гвельфовъ образовались новыя партіи; послѣ того, какъ въ сосѣднемъ городѣ знатный юноша изъ рода Буондельмонти измѣнилъ своей невѣстѣ изъ дома Донати, городъ подраздѣлился на двѣ новыя партіи, Черки и Донати, или «черныхъ» и «бѣлыхъ». Эти партіи раздѣляли между собой и жителей Флоренціи и первоначальная идейная борьба гвельфовъ и гибеллиновъ превратилась теперь въ чисто личныя распри между отдѣльными семьями. Вся Флоренція кипѣла въ огнѣ политическихъ страстей — боролись представители народа и ремесленниковъ съ знатью, отстаивая свои права и привиллегіи; на площади совѣта, синьоріи, постоянно стояла грозная толпа, направлявшая дѣйствія

избраннаго ею городского совѣта, готовая ежеминутно возмутиться и дѣйствовать насиліемъ, призывались союзники изъ другихъ городовъ, призванъ былъ, наконецъ, французскій король, чтобы положить конецъ распрямъ. Улицы Флоренціи были особенно приспособлены къ битвамъ въ стѣнахъ города; угрюмые высокіе дома тянулись по сторонамъ узкихъ и длинныхъ улицъ, нижніе этажи ихъ, построенные изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, окна, защищенные массивными рѣшетками въ первыхъ двухъ этажахъ, имѣли видъ крѣпостей и изъ массивныхъ воротъ этихъ укрѣпленныхъ дворцовъ выходила вооруженная челядь знатныхъ семей, Медичей, Строцци, Барди и т. д., и тутъ же сражалась съ приверженцами враждебныхъ домовъ. Отзвуки этихъ битвъ на улицахъ и площадяхъ доходили и до маленькаго домика противъ церкви С.-Мартина, гдѣ жили родители Данте; тамъ нравы были болѣе миролюбивы, сосѣди не поднимали оружія другъ на друга, а мирно сходились по вечерамъ на улицѣ предъ воротами, сидѣли на скамейкахъ у своихъ домовъ и обсуждали бурные вопросы дня. Будущій поэтъ съ дѣтства слышалъ воинственныя рѣчи и окруженъ былъ раскаленной атмосферой политическихъ страстей. Это имѣло на него двоякое воздѣйствіе, закалило въ немъ гражданскій духъ, открыло въ душѣ его родникъ возмущенія, и возбудило презрѣніе ко всякому пассивному отношенію въ дѣлѣ гражданской свободы. Но самый идеалъ свободы рисовался Данте уже инымъ, чѣмъ его современникамъ; онъ стремился видѣть свою родину свободной, т. е. объединенной стремленіемъ къ общему народному благу. Дѣтство и первую юность Данте провелъ среди книгъ и овладѣлъ всей ученостью среднихъ вѣковъ, оставаясь все-таки человѣкомъ жизни, принимая участіе въ политическихъ событіяхъ и живя въ то же время интенсивно жизнью духа и сердца. Въ первую пору молодости онъ полюбилъ ту, которая сдѣлалась вдохновительницей его поэзіи, и имя которой стало первоисточникомъ лирической поэзіи. Это была дочь одного изъ почетныхъ гражданъ города, Фалько Портинари, Беатриче или Биче, какъ ее звали въ семьѣ. Домъ Портинари, сохранившійся до сихъ поръ, стоитъ недалеко отъ узкаго, скромнаго дома, гдѣ родился поэтъ. Исторія этой любви разсказана Данте во всей ея странной красѣ, и факты подтверждаютъ его слова о кратковременной жизни Беатриче. которую онъ видѣлъ лишь издали и изрѣдка; она рано вышла замужъ за одного знатнаго флорентійца и рано умерла, для того, чтобы жить вѣчно въ поэтическомъ образѣ, созданномъ Данте. Данте, для котораго любовь къ Беатриче была чѣмъ-то божественнымъ и далекимъ отъ жизни, не страдалъ отъ того, что его возлюбленная

была женой другого; самъ онъ тоже былъ женатъ на Джеммѣ Донати, имѣлъ нѣсколько дѣтей, но о своей женѣ онъ никогда не упоминалъ въ своемъ творчествѣ; она относилась къ формамъ жизни, а не къ ея духовному содержанію.

Въ молодости Данте участвовалъ въ войнахъ Флоренціи, сражался въ битвѣ при Кампалдино противъ гибеллиновъ Ареццо, потомъ исполнялъ разныя дипломатическія миссіи въ качествѣ флорентинскаго посланника къ другимъ коммунамъ Италіи. Онъ принималъ участіе въ управленіи городомъ, былъ избранъ пріоромъ въ 1300 г.; портретъ его въ этотъ періодъ общественнаго могущества сдѣланъ былъ его великимъ современникомъ Джіотто на фрескѣ въ дворцѣ синьоріи и сохранился до сихъ поръ. Но не долго продолжалось процвѣтаніе бѣлыхъ во Флоренціи; Бонифацій VIII, вмѣшавшись въ флорентинскія распри, послалъ туда, въ качествѣ возстановителя мира, Карла Валуа, брата Филиппа Красиваго; тотъ сталъ на сторону черныхъ, и помогъ имъ овладѣть правленіемъ и изгнать бѣлыхъ, въ томъ числѣ и Данте.

Съ 1302 г. и до самой смерти поэта длилось его изгнаніе, доставившее ему много мукъ, но въ то же время ставшее источникомъ высокаго вдохновенія, которымъ проникнута его поэзія. У Данте была страстная могучая натура и онъ переживалъ скорбь и страданія съ тѣмъ паѳосомъ, который дѣлаетъ ихъ міровыми, и самая любовь къ родинѣ, освященная тоской о невозможности возвращенія, и преисполненная въ то же время огнемъ негодованія, утрачиваетъ временный характеръ и становится поистинѣ великой.

Данте примкнулъ сначала къ другимъ изгнанникамъ, которые съ помощью гибеллиновъ сосѣднихъ городовъ хотѣли силой вернуться на родину, но тяжело стало поэту среди мелкихъ дѣятелей партій. Онъ самъ говоритъ объ этомъ устами своего предка Cacciaguido, помѣщеннаго имъ въ раю. Cacciaguido пророчески предсказываетъ ему его участь и говоритъ, что «наибольшей тяжестью лягутъ на плечи Данте низкіе и тупые люди, въ обществѣ которыхъ онъ падетъ, и что онъ хорошо сдѣлаетъ, образовавъ для себя партію изъ самаго себя (Averti fatta parte per te stesso)».

Этими гордыми словами Данте указываетъ мѣсто самому себѣ среди своихъ воинствующихъ современниковъ. Въ своемъ изгнаніи онъ искалъ справедливости, обращался ко многимъ, мечталъ о возстановленіи мира во Флоренціи, о томъ, чтобы вернуться въ нее, свободную и чистую, но не искалъ торжества той или другой партіи. Ему пришлось пережить много страданій и униженій,

скитаясь отъ одного двора къ другому, и онъ вспоминаетъ объ этомъ тяжкомъ времени въ той же рѣчи Cacciaguido. «Ты поймешь,—говоритъ предокъ Данте,—какъ горекъ хлѣбъ чужой, какъ труденъ этотъ путь—взбираться и спускаться по лѣстницамъ чужимъ!» Насколько онъ усталъ душой во время этихъ странствій, свидѣтельствуетъ разсказъ одного монаха, Фрате Иларіо, который разсказываетъ, что однажды во дворъ монастыря постучался истомленный блѣдный странникъ, и на вопросъ привратника, чего ему нужно, отвѣтилъ: мира (pace). Этотъ странникъ былъ Данте. Онъ имѣлъ возможность возвратиться во Флоренцію: былъ моментъ, когда торжествующіе гиббеллины объявили амнистію изгнанникамъ съ тѣмъ, однако, чтобы они уплатили штрафъ по возвращеніи и показали свое раскаяніе еще иными способами. Данте возмутился и въ страстномъ письмѣ къ одному другу говоритъ, что никогда не вернется на этихъ условіяхъ въ гнѣздо блаженства, каковымъ рисуется ему далекая родина, онъ грустно утѣшается тѣмъ, что и въ другихъ мѣстахъ можно созерцать небо и звѣзды. Надежда возвращенія не покидала его, однако, всю жизнь, т. е. тѣ двадцать лѣтъ, которыя онъ провелъ на чужбинѣ. Послѣдніе годы онъ прожилъ въ Равеннѣ у своего пріятеля, равеннскаго правителя Канъ-Гранде и тамъ же умеръ въ 1321 г. Флоренція раскаялась потомъ въ своемъ поведеніи относительно величайшаго изъ своихъ гражданъ. Она употребляла всѣ усилія, чтобы вернуть его прахъ родной землѣ, но Равенна не уступала просьбамъ флорентинцевъ, и гробница Данте до сихъ поръ находится въ Равеннѣ. Флорентинцы воздвигли пышный мавзолей своему «божественному поэту» (divino poeta), въ соборѣ Св. Креста, но мавзолей этотъ пустъ, являясь какъ бы вѣчнымъ символомъ земного правосудія. Данте родился съ страстно мятежной душой, любовь къ свободѣ горѣла въ немъ нетлѣннымъ и мучительнымъ огнемъ, а роковая мелочность и суетность жизненныхъ условій сдѣлали его тѣмъ, чѣмъ онъ никогда не былъ въ душѣ,—человѣкомъ партій и жертвой политическихъ раздоровъ.

Всѣ эти контрасты широкаго пониманія свободы и страстнаго увлеченія отдѣльными моментами политической борьбы съ ея неизмѣнными спутниками, злобой и возмущеніемъ, отразились въ творчествѣ Данте. Первымъ шагомъ по пути воспѣванія свободы было его юношеское произведеніе «Новая жизнь» (Vita nuova). Очень характеренъ тотъ фактъ, что Данте началъ свою освободительную миссію воспѣваніемъ внутренно свободнаго человѣка. Въ средніе вѣка личность была подъ сильнымъ гнетомъ церкви и государства. Католицизмъ пропонѣдывалъ умерщвленіе плоти и

подавленіе духа ad majorem Dei gloriam—личныя чувства и душевная жизнь должны были молчать во имя подчиненія церкви. Поэзія сводилась къ отвлеченному восхваленію церкви и ея аттрибутовъ, къ аллегорическому изображенію ея могущества и славы. У Данте все мѣняется. Центромъ поэтическаго произведенія становится онъ самъ, его личныя чувства, событія его собственной душевной жизни, въ которыхъ символизируются его отношенія къ земному и божественному. Символомъ этихъ высокихъ настроеній дѣлается чувство любви, наиболѣе противоположное католическимъ идеаламъ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ дерзкомъ провозглашеніи индивидуальной жизни, какъ чего-то существеннаго и высокаго, заключается историческое значеніе «Vita nuova». Въ ней свершается разрывъ двухъ міросозерцаній и начинается господство индивидуализма. Въ литературѣ это ознаменовалось созданіемъ лирики.

Гораздо важнѣе, однако, историческаго значенія «Vita nuova» внутренній философскій и поэтическій смыслъ этого произведенія, состоящаго изъ ряда канцонъ и сонетовъ. Какъ извѣстно, Данте воспѣваетъ въ «Vita nuova» свою юношескую любовь къ Беатриче Портинари, разсказывая подробно тѣ немногія внѣшнія событія, которыя исчерпываютъ внѣшнюю исторію его любви. Всего нѣсколько разъ поэтъ видѣлъ воспѣваемую имъ дѣвушку: одинъ разъ—въ дѣтствѣ, когда она прошла мимо него въ легкомъ одѣяніи, другой разъ—когда онъ видѣлъ ее въ кругу подругъ и она улыбнулась въ отвѣтъ на его поклонъ. Затѣмъ онъ уже видѣлъ ее мертвой, когда видѣніе свыше приноситъ ему грустную вѣсть, и онъ является въ покой, гдѣ лежитъ его мертвая возлюбленная. На лицѣ ея покоится выраженіе такого глубокаго внутренняго умиленія, что она какъ бы говоритъ ему: «Я обрѣтаюсь въ покоѣ». Этихъ немногихъ далекихъ встрѣчъ достаточно, чтобы поднять его чувство до того паѳоса, какого не достигалъ ни одинъ пѣвецъ любви, ни до, ни послѣ «Vita nuova». Данте превратилъ земное чувство въ нѣчто отрѣшенное отъ узъ жизни, безотносительное, живущее само собой. Земная жизнь возлюбленной не имѣетъ для него значенія. Прекрасно только то чувство, которое она возбудила, потому что оно единственное, которое ведетъ человѣка земли къ созерцанію божественной правды. Смерть не имѣетъ надъ нимъ власти. Когда онъ видитъ Беатриче мертвою, онъ влюбляется въ смерть, потому что она покоится отнынѣ въ прекрасномъ обликѣ Беатриче. Эта просвѣтленная любовь является источникомъ всего высокаго и чистаго въ душѣ и во имя этой очистительной силы поэтъ пріемлетъ всѣ страданія, связанныя съ

юбовью. Въ вступительномъ сонетѣ онъ описываетъ видѣніе, въ оторомъ ангелъ любви является къ нему, держа въ рукѣ его ердце и преподнося его къ устамъ возлюбленной, явившейся тоже ъ изголовью поэта. Это видѣніе о грядущихъ страданіяхъ онъ ринимаетъ безропотно, видя въ нихъ все значеніе своего чувства; всѣ дальнѣйшіе сонеты и канцоны, элегически настроенные, рисуютъ это патетическое отношеніе къ любви, какъ къ чувству, въ которомъ человѣку путемъ страданія открывается созерцаніе высшей божественной правды. Наиболѣе полно эта мысль о томъ, что чувство любви есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ добродѣтели въ человѣческой душѣ, выражена въ сонетѣ «Amor e 'l cor gentil sono una cosa» (Любовь и благородное сердце—одно и то же и т. д.). Этими и другими сонетами и канцонами, собранными въ «Vita nuova», Данте воспѣлъ новаго свободнаго человѣка. Онъ нашелъ въ человѣческой душѣ чувство, которое освобождаетъ отъ тираніи жизни, которое требуетъ отъ жизни только отдѣльныхъ моментовъ пробужденія, внѣшнихъ символовъ, для того, чтобы переживать въ самомъ себѣ все, что кроется въ этихъ символахъ. Сами же предметы, возбудившіе настроенія, какъ бы теряютъ свое значеніе, сдѣлавъ свое дѣло, т. е. раскрывъ источникъ внутренней жизни. Воспринявъ внѣшній образъ, человѣкъ освобождается отъ его дальнѣйшаго воздѣйствія и углубляется въ самого себя, идя путемъ созерцанія къ познанію божества. Символомъ этого освободительнаго процесса человѣческой души является для Данте любовь къ красотѣ. Воплощеніе этого образа становится тѣмъ сильнѣе и поэтичнѣе, что поэтъ углубилъ образъ красоты настроеніемъ смерти и въ сочетаніи этихъ контрастовъ достигъ величайшаго поэтическаго паѳоса. Когда онъ рисуетъ смерть возлюбленной, то личная скорбь поднята имъ на высоту всемірной. Умерла не Беатриче, его возлюбленная, а ушла отъ земли красота. Всѣ люди, вся вселенная принимаютъ участіе въ горестномъ событіи, и поэтъ, повторяя отчасти слова пророка Іереміи, говоритъ о томъ, какъ опустѣлъ городъ съ ея исчезновеніемъ.

Лирическій элементъ «Vita nuova» создаетъ новый идеалъ любви, какъ чувства, свободнаго отъ земныхъ страстей и дающаго человѣку жизнь въ самомъ себѣ, а символизмъ самого содержанія объясняетъ отношенія этой внутренней свободы къ пониманію высшаго назначенія человѣка. Любовь къ Беатриче, съ ея страданіями, исканіями и примиреніемъ символизируетъ для поэта тяготѣніе къ вѣчному и божественному, живущее въ душѣ человѣчества. И только въ этой свободной, отчужденной отъ земного любви поэтъ видитъ путь къ пониманію тайны божества. Этотъ

смыслъ перваго произведенія Данте является ключемъ къ его дальнѣйшему творчеству. Онъ показалъ въ немъ, что цѣль человѣка заключается въ исканіи божества, и что въ немъ самомъ кроется источникъ духовныхъ силъ, дающихъ ему доступъ къ исполненію своего призванія. Свободный душой человѣкъ можетъ исполнить свое призваніе и на землѣ, и въ вѣчности. О томъ, какъ достигается это призваніе, Данте говоритъ въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ.

Земнымъ цѣлямъ человѣчества посвящены теоретическіе трактаты Данте «Convivio» (Пиръ) и «De Monarchia». Первый изъ нихъ заключаетъ комментаріи канцонъ «Vita nuova». Этимъ обусловливается самое заглавіе трактата. Канцоны и сонеты представляютъ какъ бы явства пышнаго пиршества, а комментаріи къ нему—приправу. Въ этихъ комментаріяхъ, не конченныхъ и объясняющихъ лишь немногіе сонеты, Данте излагаетъ свое философское и политическое міросозерцаніе, обнаруживаетъ глубокую ученость схоластическаго характера, сыплетъ цитатами и въ оригинальной части трактата говоритъ о томъ, что высочайшее назначеніе человѣка на землѣ это, конечно, созерцаніе отвлеченныхъ истинъ, углубленіе въ вопросы религіознаго и философскаго характера. Но для того, чтобы было возможно стремленіе въ этой цѣли, на землѣ долженъ царить миръ, должно быть единство, долженъ явиться какой-нибудь идеальный правитель, который станетъ выше партій и личныхъ интересовъ и создастъ атмосферу мира и любви. Данте при всемъ своемъ свободолюбіи былъ въ теоретическомъ отношеніи зависимъ отъ богословскихъ ученій своего времени, и въ его сочиненіяхъ масса схоластическихъ разсужденій, напоминающихъ Ѳому Аквинскаго и другихъ мудрецовъ того времени. Въ религіозномъ отношеніи онъ готовъ былъ вѣрить въ великую миссію католической церкви и не отрицалъ идеала папской власти, какъ духовнаго начала, объединяющаго весь христіанскій міръ. Но всѣ представители панской власти, которыхъ онъ зналъ, были слишкомъ недостойны своего назначенія, чтобы поддерживать вѣру въ нихъ, какъ въ спасителей падшаго человѣчества. Поэтому Данте, бывшій гвельфъ, съ безграничнымъ возмущеніемъ говоритъ о папахъ и не стѣснялся помѣстить многихъ изъ нихъ въ глубину круговъ ада. Въ своемъ исканіи освободителя для порабощеннаго человѣчества, онъ обращается теперь въ другую сторону. Ему кажется, что среди представителей свѣтской власти онъ найдетъ идеальнаго властителя. Въ прошломъ, предъ нимъ носился свѣтлый образъ императора Фридриха II, во времена его [illegible]питаній онъ питалъ одно время надежду, что Генрихъ VII ста-

этъ освободителемъ Италіи. Надежды его не исполнились, но ь немъ сложился образъ идеальнаго правителя, которому онъ отѣлъ бы вручить миссію освобожденія. Этотъ идеалъ свободо-юбиваго монарха изложенъ въ глубокомысленномъ трактатѣ «De Monarchia». Въ этомъ сочиненіи въ значительной степени господствуетъ еще схоластическій духъ. Книга изобилуетъ подраздѣленіями, пунктами, схоластической аргументировкой, но свободный духъ поэта сказывается тамъ, гдѣ его пониманіе свободы и миссіи правителя отбрасываетъ всѣ рамки, созданныя партійнымъ духомъ среднихъ вѣковъ, и противопоставляетъ условному пониманію монархической власти новое пониманіе монархической миссіи.

Высшимъ воплощеніемъ философскихъ идей Данте и высшимъ проявленіемъ его художественнаго генія является, конечно, «Божественная комедія». Указавъ въ прежнихъ произведеніяхъ, какимъ путемъ человѣкъ достигаетъ внутренней свободы, Данте указалъ здѣсь высшую цѣль, къ которой долженъ стремиться внутренно свободный человѣкъ. Цѣль эта—переходъ отъ временнаго къ вѣчному путемъ страданія и искупленія. Путь, совершаемый человѣкомъ въ его внутреннемъ мірѣ, представленъ въ столь родственной средневѣковому міросозерцанію формѣ странствованія въ загробномъ мірѣ тѣней и душъ. Міръ человѣческихъ страстей, мятежныхъ и себялюбивыхъ, воплощенъ въ грѣшникахъ, томящихся въ различныхъ кругахъ ада, и исторія ихъ наказанія является прямымъ воплощеніемъ ихъ самопожирающаго огня. Каждая страсть, каждый порокъ таитъ въ себѣ карательную силу, на себя же направленную. Въ этомъ религіозная мысль Данте видитъ справедливость карательнаго божества, въ этомъ, съ другой стороны, таится философское значеніе его вымысла, объясненіе совѣсти, какъ взаимодѣйствія добра и зла, уживающихся въ каждомъ чувствѣ человѣка. Въ поэмѣ Данте адъ населенъ людьми, не знающими свободы, рабами своей злой воли, и, рисуя ихъ муки, Данте имѣлъ возможность отразить свое время, весь мракъ внѣшней жизни Италіи, нравственное паденіе политическихъ дѣятелей всѣхъ партій, представителей свѣтской и церковной власти, всѣхъ одинаково погрязшихъ въ мракѣ и позорѣ. Задумавъ такимъ образомъ первую часть своего творенія, Данте геніально воплотилъ идеалъ поэзіи, т. е. слилъ воедино отраженіе вѣчныхъ не человѣческихъ началъ жизни и драматизмъ непосредственнаго изображенія живой дѣйствительности. Нельзя пойти дальше въ индивидуализаціи поэтическаго сюжета, чѣмъ это сдѣлалъ Данте въ своемъ «Аду». Вся Флоренція со всѣми подробностями ея быта, съ интересами минуты, съ ея

людьми, давно забытыми исторіей, дышитъ вѣчной жизнью въ повѣствованіи Данте. Но эти разсказы о давно забытыхъ людяхъ и отжившихъ дѣлахъ волнуютъ тѣмъ, что являются отраженіемъ не умирающихъ человѣческихъ страстей и что именно призрачностью своихъ земныхъ тревогъ они отражаютъ призрачность всякихъ временныхъ начинаній и цѣлей. Вообще «Адъ» Данте въ высшей степени драматиченъ. Поэтъ рисуетъ живую дѣйствительность и рисуетъ ее не какъ холодный наблюдатель со стороны, а какъ человѣкъ, находящійся въ центрѣ событій; онъ преисполненъ тѣми же страстями, какъ его дѣйствующія лица, готовъ также воспылать негодованіемъ, какъ тѣ, которыхъ онъ посѣщаетъ, и выходитъ не разъ изъ роли повѣствователя, чтобы дать волю накипѣвшимъ личнымъ чувствамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, драматизмъ изложенія углубленъ философскимъ отношеніемъ къ событіямъ. Читая «Адъ», мы все время чувствуемъ, что на фонѣ флорентинскихъ событій рѣшается вопросъ о рабствѣ и свободѣ и показывается, что источникъ того и другого въ самомъ человѣкѣ.

Комментаторы Данте, слѣдя за поэтомъ въ его блужданіяхъ отъ круга къ кругу, съ особеннымъ восторгомъ говорятъ о внутренней цѣлесообразности, господствующей въ поэмѣ. Всѣ наказанія истекаютъ изъ самыхъ преступленій: тѣ, кто были равнодушны въ жизни, остаются послѣ смерти лишь въ преддверіи ада,—ихъ наказаніе въ томъ, что они живутъ «безъ надежды на смерть»; тамъ же обрѣтаются души язычниковъ, не просвѣтленныхъ христіанствомъ, потому что оно не дошло до нихъ; ихъ наказаніе жить «среди желаній, но безъ надежды» (in desio senza speme); тѣ, чье преступленіе имѣло источникомъ любовь, кружатся въ вѣчномъ вихрѣ, не имѣя возможности остановиться, какъ Паоло и Франческо ди-Римини; люди грубыхъ страстей, стяжательства, обжорства и т. п. претерпѣваютъ грубыя муки, томятся въ атмосферѣ, достойной ихъ вожделѣній при жизни; люди злой воли, попавшіе въ болѣе глубокіе круги ада, томятся тѣмъ, что ихъ не оставляетъ воспоминаніе о земныхъ страстяхъ и что за рубежомъ смерти продолжается для нихъ насиліе, но уже направленное противъ нихъ самихъ. Въ этомъ соотвѣтствіи преступленій и кары за нихъ весь смыслъ поэмы. Наказаніе въ аду вѣчно, то-есть, оно длится столько же, сколько длится страсть, дѣлающая человѣка несвободнымъ. Но въ душѣ человѣка живо то, что воплощается для Данте въ идеѣ божескаго милосердія. Человѣкъ можетъ очиститься и придти къ созерцанію божества, т. е. къ высшей свободѣ. Для этого, пройдя черезъ лѣсъ жизни и понявъ

разумомъ губительность страстей (въ поэмѣ это представлено въ видѣ странствія по кругамъ ада подъ руководствомъ Виргилія, представителя мудрости), человѣкъ имѣетъ возможность очиститься, взобраться на гору добродѣтели, постепенно очищаясь отъ грѣховности злой воли и вдохновляясь созерцаніемъ добра и красоты. Это составляетъ содержаніе «Чистилища». Въ аду, т.-е. въ области страстей, всѣ наказанія вѣчны, въ чистилищѣ воля человѣка настолько сильна, что онъ способенъ очиститься, искупить заблужденія и утратить даже воспоминаніе о грѣхѣ, погрузиться въ воды Леты. Временные интересы, на которыхъ основанъ драматизмъ первой части «Божественной комедіи», уступаютъ мѣсто болѣе общимъ настроеніямъ во второй части. Политическія воспоминанія сглаживаются, злоба и возмущеніе, преисполнявшія поэта, уступаютъ мѣсто болѣе просвѣтленному чувству. Сдѣланъ дальнѣйшій шагъ къ пониманію внутренней свободы, и поэтъ уже чувствуетъ себя отчужденнымъ отъ прежней злобы. Настроеніе «Чистилища» можно назвать скорѣе всего философскимъ, въ противоположность первой части, проникнутой духомъ гражданской свободы. Отъ философіи же поэтъ идетъ дальше, къ религіи. Въ концѣ «Чистилища» ему является аллегорическое видѣніе, съ Беатриче во главѣ. Она укоряетъ поэта въ его земныхъ заблужденіяхъ, вызываетъ въ немъ глубокое раскаяніе, и этимъ достигается его очищеніе, дающее ему возможность проникнуть въ высшую сферу, которую онъ описываетъ въ третьей части поэмы, въ «Раю». Тамъ рисуется торжество чисто созерцательнаго идеала, и воспоминаніе о земномъ принимаетъ новый просвѣтительный видъ. Въ поэмѣ совершается такимъ образомъ наглядный переходъ отъ временныхъ интересовъ къ вѣчнымъ, отъ пониманія свободы во времени къ просвѣтленному идеалу свободы, отрѣшенной отъ времени. Въ этой основной идеѣ «Божественной Комедіи» слиты интересы жизни съ отвлеченными стремленіями духа, и, геніально исполнивъ свой замыселъ, Данте исполнилъ миссію поэта-просвѣтителя, воплотилъ истинный идеалъ поэзіи, особенно близкій нашему времени съ его идеалистическими порывами и сложными задачами дѣйствительности.

Зин. Венгерова.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

П. Н. Милюкова.

(*Продолженіе* *).

Очеркъ седьмой. Школа и образованіе.

I.

Разница взглядовъ на образованность древней Руси. — Грамотность старинаго духовенства.—Совѣты Геннадія и рѣшенія Стоглаваго собора.—Рѣшенія собора 1666—1667 гг. — Постепенное расширеніе понятія объ образованіи.—Грамматика и «свободныя знанія».— Программа православной школы въ Юго-западной Руси. — Кіевская академія. — Взглядъ на чтеніе и на «свободныя знанія» въ Москвѣ.—Попытки устройства школы въ Москвѣ подъ вліяніемъ преній о вѣрѣ.—Возобновленіе этихъ попытокъ подъ вліяніемъ борьбы съ расколомъ.—Школа Полоцкаго и направленіе Славинецкаго.—Полемика ихъ учениковъ по поводу латинскаго и греческаго языковъ.—Рѣшительная борьба при Ѳедорѣ и компромиссъ. — Латинская школа съ греческими преподавателями.—Академія, какъ средство борьбы противъ религіознаго вольномыслія.—Латинское преподаваніе Лихудовъ и ихъ судьба.

Кажется, ни по одному вопросу нашей внутренней исторіи не существуетъ такой рѣзкой разницы въ мнѣніяхъ, какъ по вопросу о роли школы и образованія въ древней Руси. Тогда какъ одни считаютъ существованіе школъ до Петра—рѣдкимъ исключеніемъ, другіе, наоборотъ, покрываютъ всю до-петровскую Русь цѣлой сѣтью церковно-приходскихъ училищъ. Одни признаютъ древнюю Россію чуть не поголовно безграмотной; другіе готовы считать распространеніе грамотности обязательнымъ и повсемѣстнымъ. По мнѣнію однихъ, вся наука нашихъ предковъ ограничивалась часословомъ и псалтиремъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію другихъ, на Руси преподавалась вся средневѣковая энциклопедія «свободныхъ знаній». Источники даютъ намъ слишкомъ мало свѣдѣній, чтобы можно было съ ихъ помощью доказать вѣрность того или другого взгляда; но весь контекстъ явленій русской культуры говоритъ скорѣе въ пользу перваго взгляда, чѣмъ въ пользу послѣдняго. Конечно, умолчаніе источниковъ не есть еще доказательство от-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1896 г.

утствія въ до-петровской Руси правильной школы; но и ея при-утствіе не доказывается тѣми косвенными показаніями, которыя одбираются защитниками высокой степени просвѣщенія древней уси. Чтобы доказать свое положеніе, имъ приходится понимать буквально общія мѣста древнихъ житій, выводить *просвѣтительную* дѣятельность церкви изъ показаній о ея *благотворительной* дѣятельности, опираться при этомъ на толкованія въ этомъ смыслѣ позднихъ и сомнительныхъ источниковъ (Степенная книга, Татищевъ) и, наконецъ, умозаключать о древнерусской педагогіи на основаніи постановленій византійскихъ и даже западныхъ властей. При помощи этихъ методическихъ вольностей упомянутая теорія получаетъ рядъ показаній въ свою пользу. Разбирать ихъ здѣсь мы не можемъ; скажемъ только, что всѣ эти показанія перевѣшиваются противоположными, о которыхъ мы сейчасъ и напомнимъ.

Мы не будемъ пока говорить объ образованіи, а лишь о простой грамотности. Не будемъ разбирать и степени грамотности *всего* населенія (относительно которой никакія статистическія утвержденія невозможны); ограничимся лишь той частью населенія, для которой грамотность была ремесломъ, т. е. древнимъ русскимъ духовенствомъ. Если мы найдемъ, что даже это сословіе долго не имѣло никакихъ средствъ достигнуть хотя бы простой грамотности, то этотъ фактъ самъ по себѣ покажетъ, какъ мы должны судить объ образованіи другихъ сословій древней Руси.

Рядъ свидѣтельствъ о грамотности стариннаго духовенства открывается извѣстнымъ уже намъ показаніемъ новгородскаго архіепископа Геннадія (оч. V, § 2). Мы знаемъ то зло, противъ котораго пришлось Геннадію бороться *); теперь познакомимся со средствами борьбы. Обращаясь къ митрополиту Симону (конецъ XV и нач. XVI вв.), Геннадій убѣдительно проситъ его «печаловаться» передъ государемъ, «чтобъ велѣлъ училища учинити». «Мой совѣтъ,—прибавляетъ онъ,—учить въ училищѣ прежде всего азбукѣ, словамъ подъ титломъ да псалтырю: когда это изучатъ, тогда уже можно читать и всякія книги. А то мужики-невѣжи учатъ ребятъ—только портятъ. Сперва онъ научитъ его вечернѣ, и за это приносятъ мастеру каши да гривну денегъ. То же полагается и за заутреню, а за часы—плата особая. Сверхъ того, даются еще поминки, кромѣ условленнаго магарыча. А отойдетъ (такой ученикъ) отъ мастера, — ничего и не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ... Нельзя вѣдь иначе постигнуть смыслъ книги, какъ выучивши

*) «Земля, господинъ, такова: не можемъ найти, кто бы горазд былъ грамотѣ», жалуется архіерею паства, приведшая къ нему для посвященія безграмотнаго священника.

азбуку да титла». Мы видимъ, что «мастера»-педагоги древней Руси умѣли натаскивать кандидатовъ въ священство прямо съ голоса, минуя хитрую науку грамоты. Сообразно практической цѣли такого обученія, и содержаніе его состояло исключительно изъ зубренія наизусть важнѣйшихъ церковныхъ служебъ. Въ выучку шелъ, конечно, человѣкъ взрослый, а не ученикъ, и «мастеръ» обучалъ его не въ школѣ, а съ глазу на глазъ, получая, по условію, свою плату за каждую вытверженную службу особо. Такимъ образомъ, правильное обученіе азбукѣ въ правильно-устроенной школѣ оставалось во времена Геннадія идеаломъ даже въ такой, наиболѣе просвѣщенной части тогдашней Россіи, какою была новгородская область.

Прошло полвѣка послѣ совѣтовъ Геннадія, но его идеалъ все еще не сдѣлался дѣйствительностью. На Стоглавомъ соборѣ тѣ же жалобы повторяютъ чуть не слово въ слово. По прежнему, кандидаты въ дьяконство и священство «грамотѣ мало умѣютъ», и когда святители ихъ «о томъ истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ», имъ приходится выслушивать старый отвѣтъ. «Мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а *инде де намъ учиться негде*; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, столько и насъ учатъ». И дѣйствительно,—сознаются члены собора,—отцы ихъ и мастера сами такъ же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, и учиться имъ негдѣ. Соборъ постановилъ, какъ извѣстно, устроить въ домахъ лучшихъ *городскихъ* священниковъ училища, въ которыхъ бы проходилась «грамота, книжное письмо, церковное пѣніе и налойное чтеніе». Въ составъ учениковъ должны были входить, главнымъ образомъ, дѣти духовенства. Не возбранялось и «всѣмъ православнымъ христіанамъ» отдавать въ эти училища своихъ дѣтей; но цѣль обученія оставалась прежняя, чисто профессіональная: «чтобы имъ (ученикамъ), пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническаго чина».

Мы не знаемъ, что было сдѣлано для исполненія распоряженій собора. Судя по общему описанію религіознаго и литературнаго интереса въ XVI вѣкѣ, можно думать, что число учащихъ и учащихся грамотѣ возросло къ началу слѣдующаго столѣтія. Можетъ быть, въ большихъ городахъ, вродѣ Москвы или Новгорода, и въ крупныхъ монастыряхъ, вродѣ Сергіевой Лавры, и сдѣланы были попытки устроить правильную элементарную школу; но въ общемъ положеніе дѣла измѣнилось мало. Маржеретъ могъ говорить въ началѣ XVII вѣка, что «невѣжество русскаго народа есть мать его благочестія; онъ не знаетъ ни школъ, ни университетовъ; одни

священники наставляютъ юношество чтенію и письму, но, впрочемъ, и этимъ занимаются немногіе».

Прошло еще полвѣка послѣ Маржерета. Расколъ показалъ русскому обществу, что невѣжество, дѣйствительно, было матерью русскаго благочестія въ его старинной формѣ. Соборъ, осудившій расколъ, снова поднялъ вопросъ о грамотности: не о грамотности народа, а лишь о грамотности духовенства. Но въ 1666—1667 гг. этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ еще менѣе радикально, чѣмъ въ 1551 году. Вмѣсто увѣренности Стоглава, на этотъ разъ въ рѣшеніяхъ собора чувствуется горькое сознаніе безсилія. Объ устройствѣ училищъ нѣтъ болѣе и рѣчи. «Повелѣваемъ, чтобы всякій священникъ *дѣтей своихъ* научалъ грамотѣ», рѣшаетъ соборъ, исходя изъ установившагося факта наслѣдственности духовныхъ мѣстъ. «Пусть они будутъ достойны воспріятія священства и наслѣдуютъ церковь и церковное мѣсто, а не торгуютъ ими, предоставляя посвящаться во священство сельскимъ невѣждамъ, изъ которыхъ иные даже и скота не умѣютъ пасти, не то что людей. Отсюда и происходятъ въ церкви Божіей мятежи и расколы».

Мы увидимъ далѣе, что было сдѣлано для элементарнаго образованія духовенства въ XVIII вѣкѣ. Но, предваряя наше изложеніе, мы уже теперь можемъ сказать, что добиться поголовной грамотности священнослужителей и этому вѣку не удалось. Вытѣсненное изъ городовъ, безграмотное духовенство продолжало существовать въ селахъ; цивилизованное въ центрѣ, оно оставалось невѣжественнымъ на окраинахъ. Еще въ 1786 году оказались въ казанской епархіи 381 человѣкъ священно- и церковнослужителей «въ чтеніи неисправныхъ, а другихъ и совсѣмъ читать по книгѣ, пѣть и писать не умѣющихъ».

Такъ стоялъ вопросъ о *низшемъ* образованіи класса, для котораго грамотность была необходимой принадлежностью профессіи. Естественно, что при такихъ условіяхъ церковь, не имѣвшая возможности обезпечить правильнаго школьнаго образованія даже для своихъ собственныхъ членовъ, тѣмъ менѣе могла воздѣйствовать посредствомъ школы на свѣтское общество. Любознательные и въ концѣ XVII вѣка, какъ при Геннадіи, должны были, чтобы научиться грамотѣ, искать себѣ «мастера».

Характернымъ образомъ, потребность въ правильной организаціи *средняго* и *высшаго* образованія выяснилась для духовной и свѣтской власти скорѣе, чѣмъ потребность въ элементарной школѣ. Что простая грамотность можетъ быть достигнута безъ посредства школы,—этотъ взглядъ какъ-то вошелъ у насъ въ привычку. Первоначально, ничего другого, казалось, и не нужно для образованія,

кромѣ простой грамотности. Научившись читать, русскій любитель просвѣщенія отважно погружался затѣмъ въ море рукописной и печатной литературы: смыслъ ея казался ясенъ безъ всякой предварительной подготовки, и русскій читатель быстро превращался въ начетчика.

Мало-по-малу стало, однако, выясняться, что одной грамоты мало даже для того, чтобы достигнуть ближайшей цѣли русскаго читателя: чтобы узнать *силу* въ писаніи. Начали ходить слухи о какой-то грамматикѣ, о необходимости различать части рѣчи и предложенія и т. п. Для людей, обладавшихъ секретомъ новой науки, старый начетчикъ былъ уже невѣжда и «неукъ». Исправленіе книгъ скоро показало однимъ—всю пользу грамматики, другимъ—всю ея опасность. Начетчикъ и представитель грамматической хитрости должны были сдѣлаться врагами. Въ XVI вѣкѣ господствующее положеніе принадлежало первому; въ первой половинѣ XVII в. оно перешло къ послѣднему, а начетчикъ очутился въ оппозиціи (ср. Оч. V, 3).

Итакъ, рядомъ съ грамотой стала теперь въ образовательной программѣ грамматика. Но грамматика, въ свою очередь, была только исходнымъ пунктомъ для преподаванія дальнѣйшихъ предметовъ средневѣковой школы. По выраженію одного документа конца XVI вѣка, она служила «основаніемъ и подошвой всѣмъ свободнымъ хитростямъ». Кругъ этихъ «свободныхъ знаній», преподававшихся въ школѣ послѣ чтенія и письма, установился еще въ началѣ среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ классическаго преданія. За грамматикой слѣдовала здѣсь діалектика и реторика; всѣ вмѣстѣ, эти словесные предметы составляли одну группу, такъ-называемую trivium. Послѣ прохожденія «тривіальныхъ» знаній, наступала очередь слѣдующей, математической группы, состоявшей изъ ариѳметики, геометріи, астрономіи и музыки (quadrivium). Въ основу религіознаго образованія должна была лечь, конечно, первая, словесная группа. Съ прибавкой философіи и богословія она и составила программу средней и высшей школы, перенесенную іезуитами въ XVI в. въ Юго-западную Россію.

Не безъ борьбы эта программа завоевала себѣ признаніе южнорусскаго общества, хотя оно и было гораздо болѣе подготовлено къ ея принятію, чѣмъ жители Московскаго государства. Одинъ писатель начала XVII в. попытался даже выдвинуть противъ этой испытанной программы западной школы—новую православную программу. Грамматику и этотъ писатель (Іоаннъ Вишенскій) признавалъ «ключомъ» всего остального преподаванія; но онъ хотѣлъ прямо отъ нея перейти къ изученію религіозныхъ предметовъ, ми-

ную латинскія «хитрости». «Лживую діалектику, учащую претворять бѣлое въ черное и черное въ бѣлое», онъ предлагалъ замѣнить часословомъ; «вмѣсто хитрорѣчныхъ симонизмовъ и велерѣчивой реторики»—проходить псалтырь; наконецъ, «вмѣсто философіи, научающей разумную мысль скитаться по воздуху»,—изучить октоихъ. Послѣ часослова, псалтиря и октоиха Вишенскій прямо совѣтовалъ переходить къ «дѣятельному», т. е. нравственному богословію и къ изученію евангелія и апостола «съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ».

Совѣты Вишенскаго не могли быть, однако, приняты на югѣ; для борьбы съ католицизмомъ южно-русское общество нуждалось въ такой схоластической выучкѣ, какой не могла дать школа, устроенная по программѣ Вишенскаго. Поэтому первый въ Россіи богословскій факультетъ, кіевская духовная академія, учрежденная въ исходѣ первой четверти XVII вѣка, приняла полную программу «свободныхъ знаній» и вскорѣ послѣ своего основанія принуждена была даже усилить дозу латыни въ ущербъ греческому языку.

За отсутствіемъ другихъ подобныхъ учрежденій, кіевская академія надолго оставалась единственнымъ разсадникомъ духовныхъ лицъ, обладавшихъ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Уже съ 30-хъ годовъ воспитанники академіи стали появляться и въ Москвѣ, въ качествѣ экспертовъ по исправленію книгъ и переводчиковъ съ греческаго и латинскаго. Какъ принимали здѣсь этихъ выучениковъ латинской школы, мы уже знаемъ (оч. V, 3). Въ Москвѣ не только «свободныя знанія» казались подозрительными, но даже и простое начетчичество не всѣмъ казалось безвреднымъ. «Не читайте много книгъ», говорили москвичи; «вотъ такой-то отъ книгъ съ ума сошелъ, а другой въ книгахъ зашелся, а третій въ ересь впалъ». Понятно, какъ должны были отнестись здѣсь къ новымъ наукамъ латинской школы. «Не высокоумствуйте братіе», читаемъ въ одномъ памятникѣ, «но въ смиреніи пребывайте... Если кто тебѣ скажетъ: знаешь ли философію,—ты ему отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни *риторскихъ астрономъ* не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣды не бывахъ,—учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистить». Такимъ образомъ, высшей наукѣ противопоставляется христіанское смиреніе, теоретической работѣ мысли—дѣятельное богословіе. Еще въ концѣ XVII в. приходилось доказывать неправильность такой постановки вопроса. «Полезнѣе ли намъ учиться грамматикѣ, реторикѣ, философіи и богословію—и оттуда познавать божественныя писанія, или же,

не учась этимъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождать и изъ чтенія познавать разумъ святыхъ писаній?» Такъ формулировано основное недоразумѣніе русскаго ревнителя вѣры въ заглавіи одной статьи 80-хъ годовъ, которая старается это недоразумѣніе уничтожить. Простота бываетъ двоякая, отвѣчаетъ авторъ статьи на поставленный вопросъ. Одна простота есть незлобіе (т. е. извѣстное нравственное состояніе), а другая—невѣжество. Можно сочувствовать «простотѣ» нравственной и бороться противъ «простоты» умственной. Невѣжество—это тьма, ослѣпляющая очи ума, а ученіе—ясный лучъ, разрушающій тьму и просвѣщающій естественное зрѣніе человѣческаго разума.

Раньше, чѣмъ подѣйствовали на русскаго человѣка эти теоретическіе доводы, онъ долженъ былъ убѣдиться въ необходимости высшей науки чисто-практическими соображеніями. Мы видѣли, какъ въ преніяхъ съ датчанами о вѣрѣ *) пришлось обратиться къ помощи южно-русской богословской литературы и замѣнить русскаго начетчика кіевскимъ богословомъ. Московская церковь попала въ этомъ случаѣ въ то самое положеніе, въ которомъ постоянно находилась южная и которое привело къ самому основанію кіевской академіи. Естественно, что и въ Москвѣ сталъ теперь на очередь вопросъ о высшей богословской школѣ. Еще за четыре года до споровъ съ датчанами, въ 1640 г., самъ преобразователь кіевской академіи, митрополитъ Петръ Могила прислалъ въ Москву предложеніе: основать въ Москвѣ монастырь изъ монаховъ кіевскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы эти монахи учили «грамотѣ греческой и славянской». Митрополитъ благоразумно умолчалъ о «латинской» грамотѣ, но, конечно, она имѣлась въ виду. Въ 1640 г. предложеніе Петра Могилы осталось безъ послѣдствій, но черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ преній о вѣрѣ, правительство новаго царя Алексѣя принимается за усиленную просвѣтительную дѣятельность. Московскій печатный дворъ начинаетъ усиленно выпускать учительныя и учебныя книги **); новое предложеніе (1645) случайно подвернувшагося палеопатрасскаго митрополита Θеофана—завести *греческую* школу, удостоивается вниманія, и рекомендованный имъ учитель, преподававшій греческій языкъ въ кіевской академіи, переводится, хотя и не надолго (до 1647 г.), въ Москву. Одновременно съ этимъ и идея

*) См. выше, оч. V, 6, 7.

**) Въ предисловіи къ одному изъ этихъ изданій, къ грамматикѣ 1648 г., грамматика рекомендуется, «какъ первая и начальная изъ семи свободныхъ наукъ», и необходимость заниматься этими науками доказывается примѣромъ св. отцовъ. См. ниже, II.

латинской школы пускаетъ корни. Правительство предполагаетъ поручить «реторическое ученье» греку Арсенію, рекомендованному іерусалимскимъ патріархомъ. Предположеніе это, повидимому, не осуществляется, и Арсеній остается въ Москвѣ только въ роли переводчика. За то въ то же время (1648—1649) осуществляется идея Петра Могилы. Царскій любимецъ Ѳ. М. Ртищевъ создаетъ на свои средства новый монастырь (Андреевскій, близъ Воробьевыхъ горъ) и населяетъ его южно-русскими монахами. «Хотящіе внимати» новому ученію могли подъ руководствомъ ртищевскихъ монаховъ не только научиться «грамматикѣ словенской и греческой», но дойти «даже до реторики и философіи». Первымъ изъ добровольцевъ оказался самъ Ртищевъ, но, кромѣ него, были у андреевской братіи и другіе вольнослушатели. Двое изъ нихъ добились даже съ помощью Ртищева разрѣшенія доучиться по латыни въ Кіевѣ. Ихъ примѣру готовы были послѣдовать и другіе москвичи, несмотря на усиленныя отговариванія своихъ духовныхъ отцовъ. Конечно, въ то время нужно было много смѣлости и рѣшительности, чтобы проложить себѣ путь къ латинской школѣ. Даже среди самихъ учениковъ кіевскихъ иноковъ упорно держалось убѣжденіе, что «кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится».

Такое отношеніе общества къ кіевской наукѣ сильно тормазило первые ея шаги въ Москвѣ. Начиная съ половины XVII в. на полтора десятка лѣтъ просвѣтительное движеніе какъ будто ослабѣваетъ. Новый и сильный толчокъ даетъ ему борьба съ расколомъ. Такіе безспорные авторитеты, какъ греческіе святители, приглашенные для разбирательства домашнихъ споровъ, единогласно признаютъ, что главной причиной раскола является отсутствіе богословскаго образованія. «Искалъ я корня сего духовнаго недуга», говоритъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, въ своемъ опроверженіи соловецкой челобитной раскольниковъ, «и въ концѣ концовъ нашелъ два источника его: отсутствіе народныхъ училищъ и недостаточность библіотеки... Если бы меня спросили, что служитъ опорой духовнаго и гражданскаго сана, то я отвѣтилъ бы: во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и въ третьихъ училища. Изъ училищъ жизненный духъ разливается какъ сквозь жилы по всему тѣлу; это—орлиныя крылья, на которыхъ слава облетаетъ всю вселенную». И Паисій обращается къ царю съ увѣщаніемъ—создать училища греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ: изъ нихъ, обѣщаетъ онъ царю, какъ изъ троянскаго коня, выйдутъ христоименитые борцы. То же самое внушали царю и сами восточные патріархи, отъ имени которыхъ

Симеонъ Полоцкій обратился къ Алексѣю Михайловичу съ церковнаго амвона (1666): онъ призывалъ предвѣчную мудрость вложить царю мысль объ училищахъ и уговаривалъ его «положить отнынѣ въ сердцѣ своемъ» это намѣреніе. Конечно, это означало, что дѣло уже рѣшено правительствомъ принципіально. Тотъ же Симеонъ сдѣлался руководителемъ школы, для которой за годъ передъ тѣмъ уже было отстроено даже отдѣльное помѣщеніе. Ученики въ школу назначены были на этотъ разъ самимъ правительствомъ. Это были четверо молодыхъ подъячихъ: трое дворцовыхъ и одинъ изъ приказа тайныхъ дѣлъ, извѣстный намъ Медвѣдевъ. Оффиціально эти ученики командированы были въ школу Полоцкаго учиться «по-латынямъ» и грамматикѣ; можетъ быть, при этомъ у правительства была идея употребить впослѣдствіи ихъ знанія для государственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Но, конечно, кіевскій ученый не ограничился этимъ, и преподалъ своимъ ученикамъ, болѣе или менѣе правильно, полный курсъ своей alma mater. Въ 1668 г. курсъ наукъ кончился, и ученики Полоцкаго отправлены были при посольствѣ Ордынъ-Нащокина въ Курляндію: какъ студенты, они должны были кончать здѣсь свое ученье; какъ чиновники, обязывались тайно наблюдать за дѣйствіями русскихъ пословъ. Школа Полоцкаго, повидимому, и прекратила свое существованіе на этомъ первомъ выпускѣ, но кіевская наука на этотъ разъ прошла для Москвы далеко не безслѣдно. Одинъ изъ учениковъ Симеона Полоцкаго, Медвѣдевъ, настолько проникся настроеніемъ учителя, что при первой возможности бросилъ столицу и свѣтскую карьеру, постригся въ одномъ провинціальномъ монастырѣ и скоро вернулся въ Москву ревностнымъ пропагандистомъ какъ взглядовъ своего учителя вообще, такъ и идеи латинской богословской школы въ особенности. Эта идея, однако, продолжаетъ встрѣчать препятствія со стороны высшаго московскаго духовенства. Во главѣ протестующихъ противъ латинскаго типа школы становится кіевлянинъ же, но воспитанный кіевской академіей до реформы, произведенной въ ней (въ пользу латинскаго типа преподаванія) Петромъ Могилой. Это былъ именно Епифаній Славинецкій. Вызванный въ Москву для переводовъ съ греческаго, Епифаній не занимался учительствомъ; но успѣлъ также приготовить себѣ ревностнаго послѣдователя, совсѣмъ не ученаго, но очень усерднаго чудовскаго монаха Евфимія. Какъ учитель, такъ и ученикъ много поработали надъ переводами съ греческаго и были ревностными приверженцами греческой богословской литературы.

Напротивъ, Симеонъ Полоцкій почти не зналъ греческаго языка

и всю свою ученость почерпнулъ изъ латинскихъ католическихъ авторовъ. Чуждые русскимъ привычкамъ, литературные пріемы должны были поразить русскаго читателя на всякомъ шагу въ его богословскихъ, проповѣдническихъ и поэтическихъ производствахъ. Боги и герои классической древности, вводимые въ стихи и прозу, средневѣковыя астрономическія и космографическія свѣдѣнія, ссылки на западныхъ писателей и учителей церкви, на Августина и Ансельма, на Биллярмина и Баронія, подозрительно спокойное отношеніе къ основнымъ ученіямъ католичества, напр., о чистилищѣ, о чтеніи Символа Вѣры, и даже явная склонность къ такимъ католическимъ толкованіямъ, какъ, напр., о времени пресуществленія св. даровъ,—все это вызвало сильное недовѣріе ко всему направленію, представителемъ котораго является Симеонъ и въ еще болѣе крайней степени — его ученикъ Сильвестръ Медвѣдевъ.

Что высшая богословская школа нужна въ Москвѣ, на это теперь готова была согласиться и партія Славинецкаго и Евфимія. Вопросъ слишкомъ настойчиво ставился на очередь Медвѣдевымъ, чтобы можно было его замолчать. Но центральнымъ предметомъ спора между послѣдователями Епифанія и Симеона сдѣлался теперь вопросъ, въ какомъ направленіи должно было идти преподаваніе въ будущей школѣ. Орудіемъ латинскаго преподаванія «свободныхъ искусствъ» былъ латинскій языкъ; старомосковская православная партія старалась настоять, чтобы исключительнымъ языкомъ, преподаваемымъ въ школѣ, былъ греческій. До насъ дошло два полемическихъ произведенія этого времени, усиленно доказывавшихъ необходимость для русскихъ именно греческой школы. Изъ Греціи пришло на Русь христіанство; по-гречески написанъ былъ Новый Завѣтъ и большинство произведеній отцовъ церкви; греческій языкъ былъ языкомъ оригинальной античной литературы и науки; онъ гораздо «ближе и свойственнѣе» славянскому, чѣмъ латинскій; наконецъ, латинскій языкъ привелъ бѣлоруссовъ къ уніи и вообще ведетъ къ искаженію православнаго вѣроученія; таковы были аргументы, приводившіеся въ пользу введенія греческаго языка въ православную богословскую школу. Противники отвѣчали, что сами греки не могутъ обойтись безъ латинской науки, и лучше уже черпать ее въ иномъ источникѣ. Въ спорахъ по этому поводу принялъ участіе даже самъ константинопольскій патріархъ, настойчиво предостерегавшій московскаго государя противъ увлеченій латинской школой.

Особенно горячими сдѣлались всѣ эти споры, когда, наконецъ, вопросъ объ открытіи высшей духовной школы, цѣлый вѣкъ до-

жидавшійся рѣшенія *), сталъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ на практическую почву. Первый шагъ къ учрежденію такой школы сдѣланъ былъ, очевидно, подъ вліяніемъ тогдашняго патріарха Іоакима, въ духѣ греческой партіи. Воспользовавшись прибытіемъ въ Москву изъ Палестины русскаго іеромонаха Тимоѳея, эта партія добилась открытія (1681) «на первый случай» греческаго училища при типографіи. Для латинской партіи программа этого училища была слишкомъ узка. Медвѣдевъ «молилъ царя Ѳеодора... построить въ Москвѣ *академію*», очевидно, по образцу кіевской. Подъ рукой, онъ рекомендовалъ царю и нѣсколькихъ кіевскихъ ученыхъ для преподаванія въ будущей академіи. Впрочемъ, и не дожидаясь открытія академіи, онъ добился отъ царя разрѣшенія возобновить школу Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ 1682 г. школа была отстроена и Сильвестръ приступилъ къ преподаванію «грамоты, словенскаго ученія и *латыни*».

Такимъ образомъ, оба типа школы, греческій и латинскій, теперь существовали въ Москвѣ фактически. Надо было окончательно рѣшить, въ какомъ духѣ будетъ вестись въ Москвѣ высшее богословское преподаваніе. Сильвестръ мечталъ о преобразованіи въ академію заиконоспасской школы; его противники, Іоакимъ и Евѳимій, усердно доказывали преимущества греческаго языка и вредъ латинской премудрости. Явился и представитель крайняго направленія, «философіи и ѳеологіи профессоръ», котораго самъ Медвѣдевъ уличалъ въ еретичествѣ. Это былъ, упоминавшійся ранѣе, Янъ Бѣлободскій, самъ себя предлагавшій въ учителя, скептикъ въ дѣлахъ вѣры и сторонникъ новой образованности, проникавшей къ намъ изъ Европы черезъ Польшу. Припомнимъ, что то было время, когда, по выраженію Медвѣдева, замѣчалось «въ царствующемъ градѣ, въ вѣрѣ колебаніе и ереси, прозябаніе отъ неискусныхъ нашей вѣры, римскія, люторскія и калвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ». Естественно, что противъ этого направленія одинаково возстали обѣ споривпія въ Москвѣ партіи; оно и было тотчасъ же устранено. Между двумя другими, греческимъ и латинскимъ, правительство выбрало средній путь. Оно

*) Еще при утвержденіи патріаршества въ Россіи восточные патріархи настаивали на поднятіи уровня духовнаго образованія. Дѣйствительно, уже Борисъ Ѳеодоровичъ, по сообщеніямъ иностранцевъ, хотѣлъ основать въ Россіи богословскій факультетъ; онъ даже послалъ за границу 18 человѣкъ для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Но посланные предпочли остаться за границей, а духовенство уговорило Бориса отказаться отъ своего намѣренія, на томъ характерномъ основаніи, что иначе разрушена будетъ неприкосновенность вѣры въ Россіи и ея единство во всѣхъ сословіяхъ.

согласилось, наконецъ, принять болѣе широкую программу преподаванія, но исполненіе этой программы не захотѣло ввѣрить кіевлянамъ. Рекомендаціи Медвѣдева не только не были приняты во вниманіе, но въ уставъ будущей академіи введенъ былъ даже параграфъ, по которому кіевляне и впредь не могли быть преподавателями академіи. Запрещеніе это было, притомъ, сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, которыми прямо задѣвались и Симеонъ Полоцкій, уже покойный († 1680), и самъ Медвѣдевъ. Напротивъ, грекамъ открывался въ академію свободный доступъ. Несомнѣнно, такая редакція устава свидѣтельствовала о полной побѣдѣ Іоакима и греческой партіи. Однако, въ окончательномъ видѣ уставъ былъ врученъ царевнѣ Софьѣ (1685) Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Послѣдній отплатилъ врагамъ кіевлянъ тѣмъ, что къ проекту устава сдѣлалъ прибавку, которою задѣвались, въ свою очередь, и греки. По этой вставкѣ и ихъ опредѣлялось испытывать въ вѣрѣ, чтобы не повторилась исторія митрополита Исидора. Это было, во всякомъ случаѣ, уже чисто платоническое удовлетвореніе обиженнаго самолюбія. Выборъ преподавателей для академіи былъ предоставленъ константинопольскому патріарху, и грамота съ этой просьбой была еще при жизни Ѳеодора, въ 1681 году, отправлена въ Константинополь. Въ 1685 году рекомендованные патріархомъ учителя, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, пріѣхали въ Москву и въ 1687 году начали преподаваніе во вновь отстроенныхъ, въ Спасскомъ монастырѣ, каменныхъ палатахъ.

Итакъ, плоды долговременной пропаганды Полоцкаго и его ревностнаго ученика пришлось пожать старомосковской партіи. Въ лицѣ Лихудовъ Медвѣдевъ встрѣтилъ гораздо болѣе опасныхъ противниковъ, чѣмъ были для него патріархъ Іоакимъ, «человѣкъ добрый, но учившійся мало и рѣчей богословскихъ не знавшій», или даже Евфимій, научившійся съ грѣхомъ пополамъ по-гречески «изъ лексиконовъ», «не младъ и не во училищѣ, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и за виномъ». Воспитанникамъ падуанскаго университета сразу удалось найти ересь въ томъ, въ чемъ до тѣхъ поръ самъ Іоакимъ и Евфимій видѣли истинно-православное мнѣніе (о пресуществленіи св. даровъ и поклоненіи имъ при словахъ Христа, см. выше, Оч. V, 7). Возгорѣлась полемика, въ которой противники дошли до крайней степени взаимнаго ожесточенія. Въ результатѣ, какъ мы видѣли раньше, старомосковская партія восторжествовала. Какъ же отозвалась вся эта борьба на постановкѣ въ Москвѣ высшаго богословскаго преподаванія?

Прежде всего, камъ мы уже замѣтили, обѣ боровшіяся партіи относились вполнѣ отрицательно къ проникавшему тогда въ

Москву религіозному вольномыслію. Какая бы изъ нихъ ни побѣдила,—результатъ, вѣроятно, былъ бы одинаковъ. Общій врагъ долженъ былъ быть истребленъ, и высшая школа облекалась для этой цѣли самыми широкими правами духовной цензуры. Со времени открытія академіи монополія обученія иностраннымъ языкамъ и свободнымъ наукамъ, по уставу, предоставлялась ей. Никто не могъ безъ разрѣшенія академіи держать у себя домашнихъ учителей греческаго, латинскаго, польскаго и др. языковъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества. Одно это распоряженіе можетъ показать намъ, что подобные учителя были уже не рѣдкостью въ Москвѣ конца XVII вѣка. Далѣе, мы видимъ въ уставѣ академіи указаніе и на плоды ихъ ученія. Тѣмъ, кто не прошелъ школы «свободныхъ ученій», безусловно запрещалось держать у себя польскія, латинскія, нѣмецкія и иныя лютеранскія и кальвинистскія сочиненія, разсуждать о вѣрѣ и вступать, хотя бы частнымъ образомъ, въ религіозные споры, подъ страхомъ наказанія. За «иностранными учеными свободныхъ наукъ» академія должна была имѣть строгое наблюденіе; только съ ея одобренія подобныя лица могли оставаться на житье въ Россіи и вступать въ царскую службу. Подъ такой же надзоръ академіи отдавались иновѣрцы, перешедшіе въ православную вѣру. Всякое ихъ колебаніе въ вѣрѣ наказывалось ссылкой на Кавказъ и въ Сибирь, а за сохраненіе прежнихъ религіозныхъ убѣжденій полагалось сожженіе. Сожженіе угрожало и тѣмъ, кто держалъ у себя «волшебныя, чародѣйныя, гадательныя и всякія отъ церкви возбраняемыя» книги, и тѣмъ, кто на пиру или въ какой бы то ни было обстановкѣ порицалъ православную вѣру, критиковалъ почитаніе иконъ, мощей, святыхъ и т. д. и, наконецъ, тѣмъ, кто переходилъ изъ православной вѣры въ другую. Наблюденіе за всѣми этими опасностями, грозившими православію, возлагалось на академію.

Вотъ въ какой обстановкѣ и при какихъ предосторожностяхъ «свободныя науки» сдѣлались у насъ впервые предметомъ *оффиціальнаго* школьнаго преподаванія. Выражаясь словами историка Соловьева, «Московская академія—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только,—это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюстители (директора) съ учителями слова: виновенъ въ неправославіи,—«костеръ запылаетъ для преступника». Что это были не простыя слова и не пустыя угрозы, объ этомъ свидѣтельствуетъ участь Квирина Кульмана (см. выше, V, 6).

Однако же, намѣреніе монополизировать всякую свободную мысль

и всякое высшее знаніе оказалось уже въ концѣ XVII столѣтія совершенно невыполнимымъ. Зло успѣло пустить слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было надѣяться на его полное уничтоженіе. «Цитадель» не могла выдержать напора окружающей жизни уже по одному тому, что врагъ былъ въ самой цитадели. Какъ ни скромна была доза просвѣщенія и науки, предлагавшаяся на первый разъ русскому обществу, но и она стояла въ противорѣчіи съ привычнымъ міровоззрѣніемъ старины. Господствующая партія это чувствовала съ самаго начала: не даромъ она отстранила вовсе кіевскихъ ученыхъ и согласилась оставить подъ сомнѣніемъ греческихъ; не даромъ и отъ принятыхъ на службу учителей академическій уставъ требовалъ присяги на вѣрность православію и грозилъ имъ также сожженіемъ, если, вопреки присягѣ, они будутъ предлагать толкованія, ведущія къ «усумнѣнію восточной вѣры», или приравняютъ православную вѣру другимъ, или даже будутъ ставить иныя вѣры выше русской. Лихуды, дѣйствительно, прилагали всѣ старанія, чтобы преподать Аристотеля «согласно съ религіей и православіемъ». Западные схоластическіе пріемы они вносили въ свои курсы въ возможно умѣренной степени. Но имъ не удалось удовлетворить вполнѣ требованіямъ московско-греческой партіи, чтобы въ академіи преподавались однѣ только «благочестивыя науки». И они подверглись скоро упрекамъ въ томъ, что, вмѣсто простой грамматики, «забавляются около физики и философіи»; и имъ въ укоръ ставилось преподаваніе латинскаго языка.

Стало быть, насколько безразлично было, какая партія побѣдитъ въ вопросѣ о высшей школѣ, для *пораженія* крайняго, вольномыслящаго направленія, настолько же это оказалось безразлично и для *побѣды* умѣреннаго направленія латинской школы. Старая партія,—враждебная, въ сущности, всякой школѣ,—могла сдѣлать теперь только одно для своей собственной побѣды: именно, взять назадъ и тѣ уступки, которыя она сдѣлала умѣренному направленію. Она такъ и поступила, тѣмъ болѣе, что на этомъ настаивалъ и самъ константинопольскій патріархъ. Вмѣсто прежнихъ похвалъ Лихудамъ, онъ теперь сравнивалъ ихъ съ Іудой предателемъ и требовалъ ихъ отставки. Въ концѣ 1694 г. Лихуды были удалены; преподаваніе въ академіи передано на время ихъ недоучившимся ученикамъ и ограничено одними грамматическими предметами, которые, кажется, преподавались по тетрадкамъ тѣхъ же Лихудовъ. На нѣсколько лѣтъ академія пришла въ полное запустѣніе. Въ этомъ случаѣ опять проявилась та черта стараго московскаго направленія, съ которой мы уже встрѣчались раньше.

Выступая противъ новшествъ, хотя бы и самыхъ умѣренныхъ, это направленіе ничего не могло предложить взамѣнъ ихъ, и такимъ образомъ достигало результатовъ, діаметрально противоположныхъ своимъ собственнымъ намѣреніямъ: оно открывало только дорогу болѣе крайнему направленію. Въ Москвѣ и въ Константинополѣ не хотѣли, чтобы латинскій языкъ и высшія знанія преподавались у насъ—хотя бы и грекомъ, хотя бы и между прочимъ. Но такъ какъ, съ своей стороны, эти люди не могли дать никакой другой программы и никакого спеціалиста, способнаго преподать ее, то въ концѣ концовъ, къ началу XVIII столѣтія преподаваніе перешло цѣликомъ въ руки сторонниковъ латинской школы. Такимъ образомъ, старо-московская партія не съумѣла воспользоваться собственной побѣдой и упустила послѣдній случай—взять въ свои руки дѣло высшаго образованія въ странѣ. Пока она боролась противъ умѣренной реформы, время умѣренныхъ реформъ прошло безвозвратно. Заведенная вѣкомъ или даже полувѣкомъ раньше, высшая школа, можетъ быть, могла бы съиграть свою роль въ руководительствѣ отечественнымъ просвѣщеніемъ. Въ концѣ XVII вѣка ей пришлось уже только сопротивляться—и сопротивляться безуспѣшно—тѣмъ вліяніямъ, которыя руководили просвѣщеніемъ общества помимо нея. И даже въ этотъ критическій моментъ устроители этой школы были далеки отъ мысли о какихъ-либо уступкахъ, далеки отъ возможности—создать что-либо положительное, кромѣ простой работы разрушенія. Въ результатѣ, допетровское просвѣщеніе создалось помимо высшей школы, какъ допетровская грамотность развивалась помимо низшей. Въ томъ видѣ, въ какомъ московская академія пришла къ началу XVIII вѣка,—съ обрушившимся потолкомъ, съ развалившимися печами, съ учениками, лишенными возможности учиться,—эта академія представляла самую вѣрную картину того состоянія, въ которомъ находилась русская школа ко времени петровскихъ реформъ. Не сдѣлавъ ничего для русскаго образованія, господствующая партія сама поставила преобразователя въ необходимость—все дѣлать самому и все начинать сначала. Какъ и въ другихъ намъ извѣстныхъ случаяхъ, древняя Русь не завѣщала здѣсь новой Россіи никакой культурной традиціи. Вотъ почему и здѣсь новое водворилось такъ легко и оказалось такъ чуждо старому.

Сравнительно высокую степень образованности древней Руси защищаютъ *Н. Лавровскій* въ диссертаціи «о древне-русскихъ училищахъ». Харьковъ, 1854; *А. И. Соболевскій* въ актовой рѣчи «Образованность Московской Руси

XV—XVII вѣковъ», Спб. 1892; *Владимірскій-Будановъ* въ статьяхъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1873, октябрь и ноябрь. Ср. также реценэію *В. С. Иконникова* въ «Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ» 1874 г. О программѣ православной школы Іоанна Вишенскаго и о характерѣ первоначальнаго преподаванія въ Кіевской академіи см. *Голубева*. Исторія кіевской духовной академіи, т. I. Исторія московскихъ школъ XVII вѣка изложена въ статьѣ *Н. Ѳ. Каптерева* «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія славяно-греко-латинской академіи» (актовая рѣчь въ моск. дух. акад. 1889 г.). О борьбѣ латинской партіи съ греческой по школьному вопросу см. также *Л. Майкова*, Симеонъ Полоцкій въ «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол.» и названное раньше сочиненіе *Прозоровскаго* о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. Уставъ славяно-греко-латинской академіи напечатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ Новикова, т. VI. О братьяхъ Лихудахъ см. статью «Энциклопед. Словаря» Арсеньева, статью *Ооразцова* «Братья Лихуды» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г. и *Н. Ѳ. Каптерева*, Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ. М. 1891. Объ учебникахъ, составленныхъ Лихудами, о ихъ ученикахъ и о судьбѣ академіи послѣ нихъ см. *С. Смирнова*, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. М. 1855.

II.

Состояніе знаній въ допетровской Руси.—Математическія знанія: ариѳметика, геометрія (землемѣріе), астрономія и астрологія. — Естественно-историческія знанія: физіологъ, гуморальная теорія, лѣчебники и травники. — Книжные источники народной мудрости.—Историческія знанія: хронографы, самостоятельныя произведенія.—Словесныя знанія: буквари, грамматика, діалектика и реторика, отношеніе къ философіи. — Энциклопедіи древней Руси: «Азбуковникъ» двухъ видовъ.

Въ допетровской Руси не существовало, какъ мы теперь знаемъ, правильной школы. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ ней вовсе отсутствовали научныя знанія. За отсутствіемъ школы, знанія эти только пріобрѣтались частнымъ путемъ, посредствомъ чтенія или посредствомъ выучки у мастеровъ-спеціалистовъ. Потребность въ просвѣщеніи значительно опередила школу. Главнымъ образомъ, эта потребность вызывалась практической нуждой; но до нѣкоторой степени, особенно къ концу XVII вѣка, здѣсь играла роль и любознательность. Откуда же получало допетровское общество свои научныя свѣдѣнія и каковъ былъ характеръ послѣднихъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы уже не будемъ отдѣлять школьныхъ знаній отъ тѣхъ, которыя не входили въ программу школы. Тѣ и другія мы разсмотримъ въ порядкѣ наукъ, начиная съ математическихъ, переходя затѣмъ къ космографическимъ, естественно-историческимъ и антропологическимъ, и кончая гуманитарными.

По самой трудности усвоенія—математическія знанія принадлежали къ числу наименѣе распространенныхъ въ древней Руси; ихъ пріобрѣтали только по необходимости, и сами спеціалисты владѣли ими въ очень несовершенной степени. Самый способъ—изображать цифры буквами, заимствованный изъ Византіи, мѣшалъ русскимъ воспользоваться всѣми удобствами десятичной системы счисленія. Каждый цифровой знакъ могъ имѣть только одно значеніе, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни стоялъ. Количество буквъ въ славянскомъ (точнѣе, греческомъ) алфавитѣ хватило на

изображеніе единицъ (отъ *а* до *и* съ прибавленіемъ *θ*), десятковъ (отъ *і* до *п* съ прибавленіемъ *ч*) и сотенъ (отъ *р* до *ω* съ прибавленіемъ *ц*). Но дальше уже приходилось прибѣгать къ условнымъ знакамъ. Для обозначенія тысячъ прибавляли къ каждой буквѣ знакъ $_{/}$, для десятковъ тысячъ ставили тѣ же буквы въ кругѣ ( ), для сотенъ тысячъ—въ кругѣ изъ точекъ ( ), для милліоновъ—въ кругѣ изъ черточекъ ( ) и т. д. Впрочемъ, къ письменному обозначенію крупныхъ чиселъ, совсѣмъ и не приходилось прибѣгать на практикѣ. Ближайшими практическими нуждами опредѣлялся и составъ дальнѣйшихъ математическихъ знаній. Изъ четырехъ правилъ ариѳметики употреблялись на практикѣ преимущественно сложеніе и вычитаніе. Умноженіе и дѣленіе плохо давались нашимъ предкамъ. Но что давалось имъ еще труднѣе — это дроби. Единственными употребительными на практикѣ дробями были: половина, четверть и треть, пол-четверти и пол-трети, пол-пол-четверти и пол-пол-трети и, наконецъ, пол-пол-пол-четверти и пол-пол-пол-трети. Всякую другую дробь старались выразить приблизительно, путемъ механическаго сопоставленія перечисленныхъ дробей. Въ совершенное смущеніе приходилъ древне-русскій грамотѣй, если дроби приходилось складывать или вычитать. Не зная приведенія къ одному знаменателю, онъ пускался тутъ на хитрости: приравнивалъ наименьшую дробь единицъ, остальныя выражалъ кратными числами и, такимъ образомъ, ему удавалось дѣйствіе надъ дробями замѣнять дѣйствіями надъ цѣлыми числами.

Таковъ былъ весь обиходъ русской практической ариѳметики,—можетъ быть, выработанный самостоятельно, можетъ быть, подсказанный средневѣковой Византіей. Рядомъ съ нимъ появились, однако,—можетъ быть, еще въ XVI вѣкѣ,—болѣе подробные ариѳметическіе учебники, въ которыхъ уже излагались всѣ четыре дѣйствія какъ надъ цѣлыми числами, такъ и надъ дробями. Верхомъ премудрости въ этихъ учебникахъ являлась такъ называемая «золотая строка», или, по нашему, простое тройное правило. Составитель учебника говорилъ о чудодѣйственной силѣ тройного правила съ полнымъ энтузіазмомъ, хотя внутреннія основанія этого правила и оставались непонятны ему самому. Онъ зналъ только твердо, куда поставить разныя условія задачи и какія на этихъ мѣстахъ произвести дѣйствія: какъ вытекалъ изъ этихъ механическихъ манипуляцій правильный результатъ,—это-то и было для него самого весьма удивительно. Въ XVII вѣкѣ этотъ старѣйшій русскій учебникъ ариѳметики былъ еще разъ перера-

ботанъ сообразно практическимъ нуждамъ русскихъ писателей. Славянскія цифры уступили на этотъ разъ мѣсто арабскимъ *); задачи на отвлеченныя числа были замѣнены болѣе наглядными и близкими къ житейскимъ потребностямъ задачами — на именованныя числа. Однако же, всѣ неуклюжіе рецептообразные пріемы прежняго учебника сохранились и въ новомъ. По прямой линіи отъ этого математическаго руководства XVII столѣтія происходитъ и первая печатная русская ариѳметика, скомпилированная воспитанникомъ московской академіи, Леонтьемъ Магницкимъ (1703).

Изъ другихъ отдѣловъ математики единственнымъ, извѣстнымъ въ древней Руси, была геометрія. Подъ геометріей, впрочемъ, разумѣлось совсѣмъ не то, что теперь проходится въ гимназіяхъ подъ этимъ заглавіемъ. Знакомство съ этой, Эвклидовой, геометріей было мало-по-малу утеряно къ началу среднихъ вѣковъ. Западная Европа вновь узнала Эвклида въ началѣ XII вѣка, когда онъ былъ переведенъ съ арабскаго на латинскій. Въ Россіи же элементы Эвклида оставались неизвѣстными до самаго Петра. Геометріей называлось, въ буквальномъ смыслѣ, искусство мѣрить землю. Правила этого искусства выработались древней практикой, основанной на самыхъ наивныхъ представленіяхъ о линейной геометріи. Не зная никакой теоріи, это примитивное землемѣріе систематически впадало при измѣреніи площадей въ цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ, одинаковыхъ въ древнемъ Египтѣ и Греціи, въ Римѣ и средневѣковой Европѣ. Къ этимъ ошибкамъ приводили самые пріемы измѣренія. Единственнымъ землемѣрнымъ орудіемъ была веревка; средствъ для измѣренія угловъ не было никакихъ. При этихъ условіяхъ, единственнымъ способомъ вычислить площадь оставалось—перемноженіе измѣренныхъ сторонъ. Площадь *всякаго* треугольника измѣрялась произведеніемъ одной стороны на половину другой (вмѣсто половины высоты на основаніе), т. е. искусственно приравнивались площади прямоугольнаго треугольника съ соотвѣтствующими катетами. Площадь всякаго четыреугольника и даже круга—точно также искусственно приравнивалась площади прямоугольника съ равнымъ периметромъ. Для этого въ неправильномъ

*) Арабскія цифры появляются впервые въ славянскихъ книгахъ, напечатанныхъ за-границей, въ Венеціи и въ Римѣ, съ 1611 года. Въ 1647 году издается первая книга съ арабскими цифрами въ московской типографіи. Но еще въ 1676 г. «цыфирь» въ лѣчебникѣ Матвѣева заставила его обвинителей по всему его дѣлу разыскивать эту «непотребную и противную закону Божію» книгу. Какъ непривычны были для читателей арабскія цифры еще во время Петра, видно изъ того, что, издавая въ 1702 г. дневникъ взятія Орѣшка, онъ не рѣшился выпустить все изданіе съ «цифирными числами» и половину велѣлъ отпечатать съ «русскими».

четыреугольникѣ бралась средняя ариѳметическая длина двухъ противоположныхъ сторонъ и множилась на такую же полусумму двухъ другихъ сторонъ. Окружность круга прямо дѣлилась на четыре равныя части: двѣ изъ нихъ принимались за стороны равновеликаго квадрата и перемножались. Такимъ образомъ, древнерусскій землемѣръ разрѣшалъ по своему задачу о квадратурѣ круга. Естественно, что всѣ эти операціи давали совершенно фантастическіе размѣры измѣряемыхъ площадей. При измѣреніи объемовъ совершались такія же неточности; только здѣсь эмпирическая повѣрка была легче, чѣмъ при измѣреніи земель, и поэтому ошибка была введена, при помощи разныхъ практическихъ приспособленій, въ болѣе узкіе предѣлы. Кое-какія попытки—исправить основанія разсчета дѣлались уже до Петра, но онѣ или оставались незамѣченными или даже приводили иногда къ болѣе крупнымъ ошибкамъ. До какой степени допетровская Русь была безсильна не только самостоятельно двинуть впередъ свою геометрію, но даже сознательно усвоить правила, полученныя изъ чужихъ источниковъ,—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ всѣ рукописи, сохранившіяся отъ XVII вѣка. Во всѣхъ нихъ, безъ исключенія, первоначально-правильный текстъ и чертежи безнадежно искажены переписчиками, не понимавшими, очевидно, ни слова изъ того, что писали: намъ даже трудно представить себѣ теперь, какъ изъ подобныхъ рукописей наши предки ухитрялись чему-нибудь научиться. Такимъ образомъ, кромѣ ариѳметики, всѣ остальные отдѣлы низшей математики ведутъ у насъ свое начало съ Петра. Выписанный имъ англичанинъ Фарварсонъ, учитель навигацкой школы, приготовилъ, съ помощью своихъ учениковъ, первые въ Россіи учебники геометріи (Эвклидовы элементы, 1719), алгебры и тригонометріи (1730). Тогда же изданы были первыя руководства «землемѣрія» (1708) и механики (1722).

Переходимъ къ астрономическимъ познаніямъ древней Руси. Единственнымъ, сколько-нибудь серьезно изучавшимся отдѣломъ астрономіи былъ отдѣлъ чисто-прикладной. И по религіознымъ, и по другимъ житейскимъ причинамъ древняя Русь нуждалась въ календарныхъ свѣдѣніяхъ. Для опредѣленія времени переходящихъ праздниковъ необходимо было знать «кругъ луны» и «кругъ солнца». Собственно, всѣ нужныя вычисленія были сдѣланы еще въ первые вѣка христіанства на все время до конца XV в. Съ окончаніемъ этой старой «Пасхаліи» въ 1480 годахъ ждали на Руси и кончины міра. Но такъ какъ міръ продолжалъ существовать, то пришлось составить и новую пасхалію. Впрочемъ, и независимо отъ составленія пасхаліи,—просто для того, чтобы умѣть пользо-

ваться составленными таблицами, а также, чтобы разрѣшать самостоятельно частные хронологическіе вопросы, надо было знать нѣкоторые пріемы вычисленія. Эти-то пріемы, по обыкновенію, въ видѣ готовыхъ рецептовъ, иллюстрируемыхъ задачами, и излагаются, главнымъ образомъ, въ старинныхъ астрономическихъ руководствахъ.

По справедливому выраженію новѣйшаго изслѣдователя, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ «единственный примѣръ передачи Россіи Византіей отрасли физико-математическихъ знаній, заслуживающей это названіе и имѣющей научное значеніе». Въ другихъ отдѣлахъ той же астрономіи и космографіи Византія далеко отодвинула насъ назадъ сравнительно съ состояніемъ, достигнутымъ древне-греческой наукой. Египетскій монахъ VI столѣтія, Козьма Индикоплов (т. е. пловецъ въ Индію) уже рѣшительно возсталъ противъ тѣхъ, которые «осмѣливаются схоластическими умозаключеніями понять фигуру и положеніе міра, которые доказываютъ сферическое и кругообразное движеніе неба и хотятъ геометрическими вычисленіями, на основаніи затменій солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли». «Развѣ могутъ они сообщить свою мудрость иначе, какъ только посредствомъ измѣрительныхъ инструментовъ и продолжительныхъ изслѣдованій?» пренебрежительно спрашивалъ Козьма. «Конечно, они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, но отъ этого міру мало пользы. Отъ подобныхъ знаній скорѣе рождается гордость». Напротивъ, самъ онъ, Козьма, «не самъ собой, и не своими мнѣніями, а божественнымъ писаніемъ наученъ». Земля для него имѣетъ форму четыреугольной плоскости, длина которой вдвое больше ширины, потому что такова была форма престола въ святая святыхъ, устроеннаго Моисеемъ по подобію земли. Земля стоитъ на самой себѣ, потому что сказано: ты утвердилъ землю на ея основаніи. За предѣлами океана, окружающаго земную плоскость, есть еще земля, потому что писаніе говоритъ: кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести оттуда Бога? Тамъ и былъ рай; на краю этой земли поднимается высочайшая стѣна, которая сверху закругляется и образуетъ небесный сводъ. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута на подобіе скатерти твердь и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и святые. Небесныя явленія производятся разумными силами. По Епифанію кипрскому (IV в.), это—ангелы, управляющіе движеніемъ свѣтилъ, собирающіе трубами морскую воду, чтобы пустить ее въ видѣ дождя на землю. Оба писателя, Козьма Индикоплов и Епифаній, принадлежали къ числу авторитетовъ древней Руси въ области космографическихъ представленій.

Сравнительно съ этими понятіями было уже шагомъ впередъ, когда къ намъ стали проникать понятія средневѣковой европейской астрономіи и космографіи. Эти понятія были, правда, только грубымъ искаженіемъ теорій древнегреческихъ астрономовъ. Изъ семи гипотетическихъ «сферъ», въ которыхъ движутся планеты, средневѣковые ученые сдѣлали семь небесъ или оболочекъ, къ которымъ эти планеты прикрѣплены. Вмѣстѣ съ двумя греческими небесами (твердь и верхній небесный сводъ Козьмы) получалось девять небесъ, окружающихъ землю; движеніе этихъ небесъ, все-таки, становилось при средневѣковомъ объясненіи правильнымъ и закономѣрнымъ. На это никакъ не могъ согласиться псковскій монахъ XVI вѣка, Филоѳей. Если планетами управляютъ разумныя силы, движущія ихъ по собственной волѣ,—возражалъ онъ,—то какъ можетъ быть извѣстно людямъ движеніе планетъ?

Между тѣмъ, на закономѣрности движеній планетъ средніе вѣка построили цѣлую теорію о связи этихъ движеній съ развитіемъ человѣческой судьбы,—о вліяніи планетъ на людей. Отсюда явилась возможность предсказывать людскія происшествія по положенію планетъ относительно созвѣздій. Эта астрологическая сторона средневѣковой астрономіи становится извѣстна въ Москвѣ въ XVI столѣтіи и на первыхъ порахъ вызываетъ сильный протестъ. Противъ нея со всею энергіею ополчается Максимъ Грекъ, доказывая ея несовмѣстимость съ Промысломъ Божіимъ и свободой человѣческой воли. По Іоанну Дамаскину, онъ готовъ допустить вліяніе звѣздъ на погоду, но не на человѣческіе поступки. «Если мы дѣлаемъ все по движенію звѣздъ, значитъ по необходимости поступаемъ такъ, какъ поступаемъ; а то, что происходитъ по необходимости, не можетъ быть ни добродѣтелью, ни грѣхомъ». И духовенство спѣшитъ ввести сочиненія и обычаи, въ которыхъ, по его предположенію, отразились астрологическія ученія, въ списокъ запрещенныхъ церковью (ср. выше, VI, 1). Напротивъ, Козьма Индикоплавъ въ томъ же спискѣ получаетъ формальное одобреніе, и Максимъ Грекъ твердо держится его авторитета въ своихъ представленіяхъ о вселенной. «Если небо движется и влечетъ своимъ движеніемъ солнце, луну и звѣзды на западъ,—говоритъ онъ,—то, стало быть, богодухновенное писаніе ложно глаголетъ: поставилъ небо, какъ шатеръ или кошару, т. е. твердо, неподвижно». Въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ кіевскіе ученые пріучили, однако мало-по-малу, москвичей къ новымъ астрологическимъ теоріямъ. Первый изъ нихъ, Лаврентій Зизаній, еще подвергся въ 1627 году сильнымъ нареканіямъ за то, что ввелъ въ свое сочиненіе новыя для москвичей объясненія кометъ, затменій, небесныхъ круговъ,

грома, молніи и т. д. Особенно смущало москвичей то обстоятельство, что для обозначенія созвѣздій Зизаній ввелъ названія «животныхъ звѣрей», т.-е. знаки Зодіака. Звѣзды движутся не звѣрьми, а ангелами Божіими, говорили они, по своему понимая новое ученіе и защищая противъ него привычное старое. Прошло 43 года послѣ диспута Зизанія, и другой кіевлянинъ по образованію, Симеонъ Полоцкій, въ своемъ «Вѣнцѣ вѣры» развивалъ уже совершенно свободно ученія средневѣковой астрономіи. Надо прибавить, что Полоцкій раздѣлялъ и мнѣніе о вліяніи звѣздъ на людскую судьбу *). Онъ только выгораживалъ изъ этого вліянія свободу воли и нравственную отвѣтственность, оставляя на долю звѣздъ происхожденіе человѣческаго темперамента (см. ниже):

Звѣзды въ человѣцѣхъ воли не повреждаютъ,
Токмо страстьми плоти нѣчто преклоняютъ.
Тѣмже на звѣзды вины нельзя возлагати,
Егда кто зло нѣкое привыкъ дѣяти.

Итакъ, идеи средневѣковой астрономіи и астрологіи проникали на Русь и оставались въ ней новыми въ теченіе XVI и XVII вѣковъ. Это было какъ разъ то время, когда на Западѣ тѣ же идеи стали терять кредитъ и быстро старѣли послѣ великихъ открытій Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона. На Руси имя Ньютона встрѣчается впервые въ устахъ Петра Великаго. Съ его времени Россія впервые обзавелась телескопами, инструментами и книгами, необходимыми для серьезныхъ астрономическихъ наблюденій. Правда, и старыя заблужденія не сразу потеряли силу. Въ географіи, напечатанной у насъ въ 1710 году, мнѣніе Тихо-де-Браге еще предпочиталось системѣ Коперника **). Въ астрологическія предсказанія на половину вѣрилъ еще и самъ Петръ, какъ видно изъ его собственноручныхъ замѣтокъ на старомъ отцовскомъ календарѣ 1670 года. Первые печатные календари, уступая вкусамъ публики, также сохраняли эти предсказанія—не только о погодѣ,

---

*) Извѣстно преданіе о томъ, что во время рожденія Петра — Симеонъ наблюдалъ созвѣздія и по яркой звѣздѣ, замѣченной имъ около Марса, предсказалъ Петру великое будущее.

**) Съ нею познакомилъ русскую публику переводъ, въ 1717 и 1724 гг., одного изъ произведеній Гюйгенса. Несмотря на старанія предисловія успокоить публику по поводу того, что «нашъ земной глобусъ... такъ зѣло малымъ зернышкомъ... противъ солнца... представленъ есть», — книга въ свое время считалась богопротивною. Еще въ 1757 г. товарищъ директора московской типографіи,—бывшій ученикъ славяно-греко-латинской школы,—считалъ ученіе объ обращеніи земли кругомъ солнца—«сумнительнымъ» съ цензурной точки зрѣнія.

но и о великихъ происшествіяхъ, имѣющихъ случиться; а самый первый изъ этихъ календарей (1708 года, послѣ котораго календари издавались ежегодно) такъ и сохранилъ въ народной памяти эту репутацію, вмѣстѣ съ несправедливой кличкой «Брюсова календаря». Въ 1719 году, наконецъ, появился первый научный календарь, составленный—«по меридіану и ширинѣ царствующаго града Санктъпитербурха»—русскимъ ученымъ, учившимся заграницей, Алексѣемъ Изволовымъ. Авторъ предупреждалъ, что въ его работѣ «астрологія, т. е. назначиваніе о перемѣнѣ воздуха и прогностика или пророченіе предбудущихъ временъ... оставлено», и что это сдѣлано намѣренно, такъ какъ астрономія не можетъ дать подобныхъ предсказаній и помѣщеніе ихъ въ календаряхъ есть простое шарлатанство, «чтобы наполнить больше бумаги и достать отъ простого народу больше денегъ».

Переходимъ теперь къ естественно-историческимъ познаніямъ въ древней Россіи. И въ этой области мы встрѣтимся съ тѣми же явленіями, какъ въ предъидущихъ. Новыя естественно-историческія свѣдѣнія проникаютъ въ Москву черезъ посредство кіевскихъ ученыхъ въ XVII вѣкѣ; но и эти «новыя» для Россіи свѣдѣнія оказываются заимствованными изъ средневѣковыхъ энциклопедій XIII—XV вѣка. А тотъ старый запасъ естественно-историческихъ свѣдѣній, который существовалъ до кіевскаго вліянія, пришелъ на Русь изъ Византіи въ томъ видѣ, въ какомъ сложился въ первые вѣка христіанства. Уже къ III вѣку по Р. Х. складывается сборникъ свѣдѣній о звѣряхъ и каменьяхъ, получающій позже названіе «Физіолога». Въ основѣ этого сборника лежатъ наблюденія, сдѣланныя еще классическими авторами. Но выборка этихъ наблюденій составляется христіанскими писателями съ спеціальной цѣлью—сопоставить ихъ съ текстами изъ Священнаго Писанія и подготовить такимъ образомъ матеріалъ для христіанской литературы и искусства. При такомъ сопоставленіи образы звѣрей, часто и сами по себѣ фантастическія (напр., единорогъ), получаютъ символическое значеніе: т. е. начинаютъ обозначать Христа или Божію Матерь, или какое-нибудь христіанское свойство и т. п. Приведемъ для большей наглядности примѣръ того, какъ Физіологъ воспользовался однимъ разсказомъ, который у Юлія Цезаря приводится относительно лося (cervus alces). «Естество слона таково: если упадетъ, не можетъ встать; не сгибаются у него колѣни. Когда онъ захочетъ спать, то засыпаетъ, прислонившись къ дубу. Охотники же, понимая слоновое естество, подпиливаютъ дерево. Когда слонъ, придя, обопрется о него, дубъ сломится и слонъ начнетъ ревѣть. Другой слонъ, услыхавъ, придетъ ему помогать и, не будучи въ

состояніи помочь, упадетъ самъ, и закричатъ оба. Тогда придутъ 12 слоновъ; и тѣ не смогутъ поднять лежащаго, и снова всѣ возопіютъ. Послѣ же всѣхъ придетъ малый слоникъ, просунетъ хоботъ подъ лежащаго и подыметъ его. Естество же малаго слона таково: если покадишь или волосомъ, или костью его, гдѣ бы то ни было,—ни бѣсъ, ни змѣя туда не войдутъ.—Пришелъ великій слонъ: это значитъ *законъ*,—и не можетъ его (человѣка) поднять. И 12 слоновъ пришли и не могли поднять; а послѣ всѣхъ пришелъ святой разумный слонъ и поднялъ человѣка; самъ всѣхъ большій, онъ смирился и принялъ рабій образъ, чтобы всѣхъ спасти». Такъ зоологическое описаніе переплетается съ символическимъ толкованіемъ, и символъ даетъ первообразу цѣлебную силу. Въ этомъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ огромнымъ шагомъ назадъ отъ греческой науки. Живое наблюденіе и здѣсь, какъ въ астрономіи, сознательно устраняется и накопленный матеріалъ продолжаетъ употребляться лишь настолько, насколько онъ можетъ пригодиться для цѣлей религіозныхъ. «Слѣдуетъ изучать сочиненія языческихъ писателей», говорилъ еще Іоаннъ Дамаскинъ, «съ той цѣлью, чтобы и въ нихъ найти что-нибудь душеполезное». Это—какъ разъ тотъ рецептъ, по которому изъ разсказа Юлія Цезаря получился разсказъ Физіолога.

Благодаря такому характеру «Физіолога», его сказанія съ самаго ранняго времени нашли обширное примѣненіе въ христіанскомъ творчествѣ. Отцы церкви употребляли ихъ въ своихъ описаніяхъ сотворенія міра («Шестодневахъ»), которыхъ уже въ III—VI вѣкахъ появилось не менѣе дюжины. Воспользовался этими сказаніями и сокращенный разсказъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ, извѣстный подъ названіемъ «Толковой Палеи». И Шестодневы, и Палея—все это были глубоко уважавшіяся на Руси произведенія греческой религіозной литературы; въ ихъ сообществѣ перешелъ къ намъ свободно и Физіологъ, и даже былъ разрѣшенъ оффиціально церковью, вмѣстѣ съ Козьмой Индикопловымъ. Но, несмотря на это разрѣшеніе, судьба «Физіолога» у насъ и на Западѣ была совершенно разная. На Западѣ свѣдѣнія Физіолога немедленно вошли въ круговоротъ средневѣковой мысли; Физіологъ разошелся въ такомъ количествѣ списковъ, что даже и до нашего времени ихъ сохранилась цѣлая сотня. Затѣмъ появились разныя передѣлки; уже въ XIII вѣкѣ съ латинскаго языка Физіологъ былъ переведенъ на національные языки Европы, вошелъ въ составъ средневѣковыхъ энциклопедій и т. д. У насъ Физіологъ раздѣлилъ судьбу многихъ другихъ произведеній, перешедшихъ изъ Византіи. Перенесенный къ намъ, вѣроятно, въ готовомъ переводѣ, черезъ по-

средство южныхъ славянъ, Физіологъ до XVI вѣка пролежалъ безъ движенія, извѣстный очень немногимъ. Поэтому, онъ и сохранился всего въ трехъ полныхъ экземплярахъ и не оказалъ никакого вліянія ни на богословскую, ни, въ частности, на проповѣдническую литературу. Когда началось, наконецъ—въ XVI вѣкѣ—оживленіе духовной жизни въ Россіи, время греческаго Физіолога прошло. Южнорусскіе ученые, наѣхавшіе въ Москву въ XVII вѣкѣ, пользовались уже не старымъ Физіологомъ, а прямо той новой формой, которую принялъ этотъ сборникъ на Западѣ—формой средневѣкового «бестіарія». Любопытно, однако же, что и византійскій Физіологъ не отбрасывается просто въ сторону. За него продолжаетъ крѣпко держаться партія національной старины—старовѣры; но, кромѣ того, является среднее теченіе, которое стремится удовлетворить новымъ запросамъ, не обращаясь къ старымъ источникамъ. Эта средняя партія беретъ Физіологъ, какъ онъ былъ, но выбрасываетъ изъ него всѣ символическія толкованія, сохраняя только часть зоологическую и минералогическую. Само собою разумѣется, что ни это исправленное изданіе Физіолога, ни даже западный «бестіарій» не могли вернуть естественно-историческихъ знаній на тотъ путь реализма, на которомъ когда-то стояла классическая наука, и на который стремилась стать наука новой Европы. Достаточно пересчитать животныхъ, вошедшихъ въ Физіологъ, чтобы увидать, что элементъ чудеснаго, баснословнаго былъ уже въ самомъ выборѣ ихъ, а не только въ нравоучительныхъ толкованіяхъ ихъ «естества». Еще въ меньшей степени, чѣмъ матеріалъ средневѣковой ариѳметики—и даже еще меньше, чѣмъ матеріалъ средневѣковой астрономіи—естественно-историческія знанія среднихъ вѣковъ могли перейти въ составъ новой европейской науки. Но надо сказать, что ко времени Петра важнѣйшія открытія этой науки въ области естествознанія были еще впереди; въ ожиданіи ихъ, новый научный духъ проявлялся лишь въ накопленіи эмпирическихъ наблюденій надъ живой природой. Вотъ почему, интересъ къ естествознанію могъ обнаружиться у самого Петра только въ формѣ собиранія всевозможныхъ «монстровъ и раритетовъ», которыми полны были тогдашніе европейскіе кабинеты «натуральной исторіи». Одинъ изъ такихъ кабинетовъ былъ даже цѣликомъ пріобрѣтенъ Петромъ въ 1715 году для его «кунштъ-каморы»: здѣсь находимъ «неизреченныхъ, чудественныхъ, «странныхъ звѣрей», «весьма удивительныхъ фигурами гадинъ», странныхъ птицъ» и иныя «всякія куріозитеты»; и рядомъ съ этими, подчасъ очень богатыми, зоологическими, ботаническими, энтомологическими, минералогическими и даже палеонтологическими коллекціями встрѣчаемъ «удивитель-

ную машину» изъ Японіи, «любопытнаго мастерства распятіе» изъ Гишпаніи, судъ царя Соломона и т. д. Первымъ важнымъ послѣдствіемъ этого коллекціонерства было пробужденіе интереса къ изученію русской природы. Указъ 1718 года, приказывавшій всѣмъ жителямъ государства приносить мѣстнымъ властямъ всякія диковинки, и опровергавшій, кстати, мнѣніе «невѣждъ», будто «уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго»,—этотъ указъ былъ первымъ предвѣстникомъ научныхъ экспедицій, предпринятыхъ вскорѣ русскими академиками по Россіи и Сибири.

Помимо религіозныхъ примѣненій и удовлетворенія любознательности, естественно-историческія свѣдѣнія имѣли въ древней Руси важное прикладное значеніе. На нихъ основывалась, именно, наша старинная фармакопея. Но надо сказать, что сегодня только что разобранные источники натуралистическихъ познаній внесли самую мутную струю. Еще въ срединѣ XVII вѣка ученые нѣмецкіе врачи продавали русскому правительству на вѣсъ золота «единороговы рога» (т. е. мамонтовы клыки) и чудодѣйственные камни, въ лѣчебную силу которыхъ сами добросовѣстно вѣрили. Къ этой же категоріи древнихъ суевѣрій, переданныхъ книжнымъ путемъ, относятся всевозможныя приворотныя зелья и симпатическія средства старинной медицины.

Здѣсь, впрочемъ, мы переходимъ въ область антропологическихъ познаній нашихъ предковъ. Прикладная, именно лѣчебная цѣль была въ этой области главной. Въ основѣ медицины лежало древнее ученіе о четырехъ основныхъ жидкостяхъ человѣческой природы, соотвѣтствующихъ четыремъ стихіямъ міра. Ученіе о четырехъ стихіяхъ уже въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго (X в.) пріурочено въ книгѣ Бытія. Богъ создалъ *землю*; Онъ же сказалъ: да будетъ свѣтъ—т. е. *огонь*. Бездна, надъ которой носилась тьма—это *вода*; а духъ Божій, носившійся надъ водою—это *воздухъ*. Дальнѣйшее развитіе ученія мы находимъ въ русскихъ рукописяхъ XV—XVI вв., гдѣ это ученіе приписывается знаменитому древнему врачу, Галену. Человѣкъ («малый міръ», т. е. микрокосмъ) устроенъ по образцу вселенной («большого міра», макрокосма). Миръ состоитъ изъ четырехъ вещей—огня, воздуха, земли и воды, и малый міръ—человѣкъ изъ четырехъ стихій: крови, мокроты (флегмы), красной желчи и черной желчи. Кровь подобна воздуху: мокра и тепла. Флегма подобна водѣ: мокра и студена. Красная желчь подобна огню—суха и тепла. Черная желчь подобна землѣ: суха и студена. Если всѣ стихіи находятся въ равновѣсіи, человѣкъ бываетъ здоровъ, если равновѣсіе ихъ нарушается, наступаетъ болѣзнь. Каждому воз-

расту и каждому времени года соотвѣтствуютъ свои болѣзни, которыя могутъ быть предупреждены соотвѣтственной діэтой. У отроковъ 15 лѣтъ «умножается кровь»; то же состояніе вызываетъ весна, потому что она тепла и мокра. «Въ юношѣ 30 лѣтъ умножается красная желчь, также какъ и лѣтомъ,—потому что оно тепло и сухо». «Въ совершенномъ мужѣ, 45 лѣтъ, умножается черная желчь, какъ и осенью, потому что она суха и студена». Наконецъ, «въ старцѣ умножается флегма, сирѣчь мокрота, какъ и во время зимы, мокрой и студеной». Каждому изъ этихъ состояній соотвѣтствуетъ особое настроеніе, подвижное и легко мѣняющееся въ отрокѣ—отъ крови, бодрое и рѣшительное въ юношѣ—отъ красной желчи, «благостоятельное» въ зрѣломъ мужѣ—отъ черной желчи, тупое и печальное въ старцѣ—отъ флегмы. Отсюда одинъ шагъ до знаменитаго ученія о четырехъ темпераментахъ, сангвиническомъ, холерическомъ, меланхолическомъ и флегматическомъ. Это ученіе и развивается въ другомъ средневѣковомъ памятникѣ, «Луцидаріи», переведенномъ на славянскій языкъ съ нѣмецкаго въ XVI вѣкѣ. Сопоставленіе микрокосма съ макрокосмомъ ведетъ здѣсь прямо къ установленію зависимости человѣческаго темперамента отъ свѣтилъ. «Какая планета ближе къ душѣ человѣка (имѣющаго родиться), отъ той онъ и пріемлетъ рожденіе. Однѣ планеты и звѣзды—студенаго свойства, другія—влажнаго, третьи—сухого, четвертыя—горячаго. Тѣ же самыя естества получаетъ отъ звѣздъ и человѣкъ. Человѣкъ естества теплаго и влажнаго—бываетъ разговорчивъ и высказывается скоро (по предъидущему памятнику въ немъ преобладаетъ кровь, слѣдовательно, онъ сангвиникъ). Человѣкъ естества сухого и горячаго дерзокъ, храбръ и непостояненъ въ любви (красная желчь—холерикъ). Человѣкъ студенаго и сухого естества бываетъ молчаливъ и важенъ (черная желчь—меланхоликъ). Наконецъ, человѣкъ естества студенаго и влажнаго—флегматикъ».

Всѣ эти сопоставленія и объясненія не только удовлетворяли теоретическому интересу, объединяя, по своему, понятіе о мірѣ и человѣкѣ, но и давали также твердую опору для всевозможныхъ врачебныхъ и житейскихъ предписаній. Съ ихъ помощью опредѣлялось самымъ точнымъ образомъ, что когда нужно ѣсть и даже какія дѣла лучше всего предпринимать. Въ этомъ заключается объясненіе и тѣхъ календарныхъ совѣтовъ, которые являлись естественнымъ послѣдствіемъ основныхъ положеній средневѣковой астрологіи.

До практической медицины отсюда, конечно, еще было далеко. Это искусство издревле практиковалось у насъ, по преимуществу,

иностранцами. Уже въ XI—XII вв. мы встрѣчаемъ, въ качествѣ врачей, армянина, половчанина, сирійца, Въ концѣ XV в. эта восточная медицина замѣняется западной: но первые представители ея въ Москвѣ, нѣмецъ и еврей, гибнутъ жертвой неудачнаго лѣченія своихъ высокихъ паціентовъ. Съ XVI в. вызовъ иностранныхъ врачей къ царскому двору становятся постояннымъ. Въ 80-хъ годахъ этого вѣка заводится въ Москвѣ пріѣзжими англійскими медиками и первая аптека. Но то и другое, и врачъ и аптека, существовали только для двора и для приближенныхъ ко двору лицъ. Съ начала XVII вѣка правительство старается завести и военныхъ врачей въ полкахъ; но только въ концѣ вѣка, послѣ пріѣзда 75 медиковъ, вызванныхъ Петромъ(1695—1697), военно-медицинская помощь становится сколько-нибудь достаточной. Все остальное населеніе, не принадлежащее къ служилому составу, продолжаетъ лѣчиться своими средствами. Только въ 1672 году, послѣ устройства второй московской аптеки («Новой») открыта была изъ нея вольная продажа лѣкарствъ; въ 1687 году запрещено торговать сильно дѣйствующими средствами въ «зелейномъ» ряду; но случаи отравленія лѣкарствами, пріобрѣтенными этимъ путемъ, случались и позже (напр.. въ 1700 г.).

Съ половины XVII вѣкѣ въ московскихъ аптекахъ, на ряду съ иноземнымъ персоналомъ, являются и русскіе ученики, которыхъ правительство велитъ учить, ничего отъ нихъ не скрывая. Мы знаемъ, что аптека становится даже къ концу XVII вѣка однимъ изъ очаговъ вольнодумства. Что же перенимали русскіе аптекарскіе ученики въ области своей спеціальности? Повидимому, медицинскій персоналъ, попадавшій въ Москву, не принадлежалъ къ разряду людей, двигавшихъ науку на Западѣ. По крайней мѣрѣ, въ приспособленныхъ для русскаго употребленія руководствахъ XVII в. мы не найдемъ того новаго духа, который проникалъ анатомію со времени Везалія, впервые послѣ древнихъ начавшаго изучать ее на трупахъ (1514—1564), и физіологію со времени Гарвея, открывшаго кровообращеніе (1578—1657). Русская наука XVII в. и въ этомъ случаѣ принимала за новое то, что отслуживало свой вѣкъ въ Европѣ. Знаменитая книга Везалія была, правда, переведена для царя еще въ 1650 г. Епифаніемъ Славинецкимъ, но этотъ экземпляръ такъ и остался единственнымъ. Распространилось же у насъ руководство, латинскій источникъ котораго напечатанъ былъ въ XV вѣкѣ (а составленъ, можетъ быть, еще раньше). Въ свое время, это руководство, такъ наз. «Благопрохладный Вертоградъ» или «Цвѣтникъ»,—вѣроятно, стояло на уровнѣ науки, но оно уже совершенно устарѣло, когда

переводъ его (повидимому, черезъ Западную Россію) дошелъ до Москвы. Древнѣйшая рукопись «Вертограда» относится къ 1616 году. Въ 1661 г. эта рукопись была одобрена, какъ руководство, докторами Аптекарскаго приказа. Не позже 1672 г. явилось въ русскомъ переводѣ латинское или нѣмецкое сокращеніе того же руководства, подъ названіемъ «Прохладнаго Вертограда». Это сокращеніе, приспособленное къ практическому употребленію, особенно понравилось ученикамъ и публикѣ; оно распространилось въ большомъ количествѣ списковъ и продолжало употребляться еще въ XVIII вѣкѣ. По нему, такимъ образомъ, мы можемъ судить о среднемъ уровнѣ московской медицины XVII столѣтія. Что же тамъ преподавалось? Въ отдѣлѣ лѣкарствъ «Прохладный Вертоградъ», также какъ и его первоисточникъ, сохранялъ статью «о камняхъ драгихъ, ко многимъ дѣламъ угодныхъ, и о силѣ ихъ». Въ перечнѣ «немощей» и «чѣмъ которую немощь по дохтурскимъ наукамъ лѣчить» предлагаются средства для сохраненія красоты и для истребленія домашнихъ насѣкомыхъ, указывается способъ обезвредить «всякаго супостата», «звѣря и гада» и даже «нечистаго духа». «Прохладный вертоградъ» знаетъ, какъ обезпечить обильный уловъ рыбы, сохранить пчелъ и предохранить хлѣбъ въ полѣ отъ града, какіе дни добрые и дурные, и что въ каждый день лучше всего дѣлать, какъ «добыть счастье въ людяхъ» и какъ узнать полъ ребенка, который долженъ родиться.

При полномъ застоѣ медицинской науки одна только часть ея обнаруживала своеобразную жизненность—это ученіе о лѣкарствахъ. И здѣсь тоже наиболѣе распространенное руководство было переводомъ, на цѣлый вѣкъ опоздавшимъ сравнительно съ своимъ подлинникомъ (изданнымъ въ 1534 г.). Переводъ этотъ тоже подвергался передѣлкамъ и сокращеніямъ въ теченіе всего XVIII вѣка, пока не превратился, какъ сейчасъ увидимъ, въ народный лѣчебникъ. Но рядомъ съ этимъ переживаніемъ когда-то научнаго матеріала шло постоянное подновленіе русской фармакопеи новыми средствами, постоянное накопленіе чисто эмпирическихъ наблюденій. «Замѣчено въ общей врачебной исторіи не разъ», говоритъ по этому поводу новѣйшій изслѣдователь, «что во времена застоевъ строгой науки фармакологія всегда расцвѣтала». Только при Петрѣ у насъ возникла, наконецъ, правильная медицинская школа (1706), преподаваніе въ которой шло уже по Везалію и вообще приближено было къ научному уровню современной европейской медицины.

Обозрѣвая развитіе точныхъ знаній въ Россіи, мы до сихъ поръ слѣдили лишь за тѣми изъ нихъ, которыя въ свое время

имѣли претензію на научность и уже поэтому оставались достоя-
ніемъ или спеціалистовъ, или одного только болѣе образованна
круга публики. Необходимо упомянуть теперь и о тѣхъ космогр-
фическихъ и антропологическихъ представленіяхъ, которыя уя
въ разсматриваемую эпоху или немного позже сдѣлались досто-
ніемъ народа. Этого рода представленія, подобно первымъ, тож
распространились книжнымъ путемъ. Но книги, распространявші
ихъ, съ самаго начала были заподозрѣны и отвергнуты церковью
для которой особенно подозрительно было то, что и помогло быст-
рому распространенію этихъ представленій въ народѣ: именно
ихъ несомнѣнное сходство съ понятіями языческой старины. Трудн
теперь отдѣлить, что перешло въ народное міровоззрѣніе изъ
книгъ, и что уцѣлѣло въ немъ отъ языческой эпохи. Но чѣмъ
болѣе мы изучаемъ старинный книжный матеріалъ, тѣмъ доля
книжнаго вліянія оказывается больше.

Въ одной сербской рукописи XV в. мы встрѣчаемся, напр., съ слѣдующими космогоническими представленіями безспорно византійскаго происхожденія: «Скажи мнѣ, что держитъ землю?»—«Вода высока».—«А что держитъ воду?»—«Камень плоскъ вельми».—«А что держитъ камень?»—«Четыре кита». Какъ видимъ, всѣмъ извѣстные киты, на которыхъ держится земля,—весьма древняго и почтеннаго происхожденія, и притомъ не народнаго, а книжнаго. Тотъ же памятникъ указываетъ намъ источникъ и антропологическихъ понятій, перешедшихъ потомъ въ народную словесность. Адамъ созданъ былъ, по этому памятнику, изъ восьми частей: изъ земли, воды, камня, вѣтра, солнца, мысли, ангельской быстроты и духа. Другой памятникъ, того же времени, объясняетъ еще полнѣе: «тѣло отъ земли, кости отъ камня, кровь отъ моря, очи отъ солнца, мысли отъ облака, духъ отъ вѣтра, теплота отъ огня, душу Господь вдохнулъ». Такъ далеко никогда не шли ни Шестодневы, ни Козьма Индикоплов: изъ апокрифовъ этотъ широкій размахъ фантазіи прямо переноситъ насъ въ русскіе духовные стихи. Мы упоминали только-что еще объ одномъ явленіи подобнаго же характера: о превращеніи переводнаго нѣмецкаго травника въ простонародный. Обыкновенно говорятъ, наоборотъ, о вліяніи народной медицины на ученую; и это предположеніе имѣетъ, конечно, за себя серьезныя основанія. Но роль книги и въ этомъ случаѣ, повидимому, придется представлять себѣ болѣе значительной, чѣмъ она казалась до сихъ поръ. Это особенно справедливо по отношенію къ суевѣрному элементу народной медицины. Многія фантастическія травы народной фармакопеи оказываются просто искаженными учеными названіями. Такъ,

бротанумъ превратилось въ «оборотень-траву», сабина въ «сову», евень въ «ревеку», подсолнечникъ въ «синяго ворона» и т. д. Книжные элементы отыщутся и въ заговорахъ, и въ хозяйственныхъ примѣтахъ народнаго календаря. XVIII-й и XIX-й вѣкъ продолжаетъ въ этомъ отношеніи ту же работу воспріятія народныхъ знаній, брошенныхъ высшими классами, которая шла и въ XVI и въ XVII столѣтіи. Только народная школа можетъ покончить съ этими переживаніями науки въ народѣ, какъ школа петровскаго времени покончила съ переживаніями европейскаго знанія въ средѣ старинныхъ русскихъ спеціалистовъ.

Намъ остается теперь познакомиться съ состояніемъ гуманитарныхъ знаній до-петровской Руси.

Историческое чтеніе было, послѣ религіознаго, самымъ любимымъ чтеніемъ древне-русскаго грамотѣя. Но удовлетворить потребности историческаго знанія въ древней Руси было довольно мудрено. При всемъ обиліи лѣтописей и историческихъ сказаній о русскихъ историческихъ событіяхъ, разобраться въ нихъ было не легко, такъ какъ ни общаго руководства, ни какой-либо цѣльной системы въ изображеніи хода русской исторіи не существовало. По всеобщей исторіи существовали только византійскія всемірныя критики, построенныя на библейской основѣ и, помимо нея, занимавшіяся почти исключительно римскими и византійскими императорами.

Съ конца XV вѣка и въ области историческаго знанія наступаетъ оживленіе, обнаруживающееся, прежде всего, въ усиленной переработкѣ и усвоеніи чужого матеріала, юго-славянскаго и польскаго, а затѣмъ и въ самостоятельныхъ попыткахъ историческаго разсказа. Первый опытъ русской переработки производится надъ старинnымъ «Лѣтописцемъ эллинскимъ и римскамъ», скомпилированнымъ въ очень давнее время какимъ-то болгариномъ изъ двухъ византійскихъ хроникъ (Милалы и Амартола) по болгарскимъ переводамъ X вѣка. Пріемы этой переработки хорошо характеризуютъ вкусы русскаго читателя первой половины XVI вѣка. Ему, прежде всего, сильно не нравится то, что болгарскій «Лѣтописецъ» переплетаетъ разсказы о допотопныхъ патріархахъ съ разсказами изъ греческой миѳологіи: о гигантахъ змѣеногихъ, о Крокосѣ и Зевесѣ, которые, въ духѣ Евгемера, изображаются царями ассирійскими, и т. д. Всѣ эти «эллинскія сплетенія словесъ и капищъ идольскія требы» вовсе выброшены изъ «Лѣтописца» и замѣнены полнымъ спискомъ библейскихъ книгъ до 4-й книги царствъ включительно. Далѣе, религіозный интересъ русскаго читателя проявился въ цѣломъ рядѣ вставокъ по поводу событій византійской

церковной исторіи: къ «Лѣтописцу» прибавлены распространенныя на Руси повѣсти о построеніи св. Софіи, о раздѣленіи церквей, наконецъ, о взятіи Константинополя турками.

Очень скоро, однако же, «Лѣтописецъ еллинскій и римскій» былъ совершенно вытѣсненъ изъ употребленія другимъ «Хронографомъ», представлявшимъ для русскаго читателя такія важныя преимущества, что этотъ именно «Хронографъ» и сдѣлался предметомъ всѣхъ дальнѣйшихъ русскихъ передѣлокъ и обработокъ. Въ основѣ этого хронографа лежали уже не старые византійскіе хронисты VII—IX столѣтія, а два хрониста XII вѣка (Манассія и Зонара); положимъ, и ихъ свѣдѣнія кончились началомъ XI столѣтія, но далѣе составитель «Хронографа»,—вѣроятно, сербъ,—доводилъ разсказъ до начала XV вѣка по болгарскимъ и сербскимъ источникамъ XIII—XV вв. Между этими источниками нѣкоторые представляли уже не простую лѣтопись, а попытки прагматическаго разсказа. Такимъ образомъ, русскій читатель впервые получилъ образецъ новой, неизвѣстной ему ранѣе формы историческаго изложенія. Впрочемъ, гораздо важнѣе для него было то, что въ «Хронографѣ» онъ впервые получалъ связное изложеніе славянской исторіи въ связи съ главнѣйшими событіями древней русской. Эта часть «Хронографа» и сдѣлалась тотчасъ же основой для цѣлаго ряда русскихъ историческихъ вставокъ, отчасти взятыхъ изъ тѣхъ же византійскихъ хронистовъ, но отчасти и вновь сочиненныхъ въ національно-патріотическомъ духѣ. Съ помощью этихъ вставокъ и другихъ поправокъ искуснаго редактора, юго-славянскій хронографъ XV вѣка уже въ 1512 году сдѣлался окончательно русской собственностью.

Прошло сто лѣтъ послѣ этой второй передѣлки хронографа. На Руси окончательно повѣяло новымъ духомъ: лѣтописаніе прекратилось, западное, латинское вліяніе все болѣе вытѣсняло греческое; польскіе или южно-русскіе переводы замѣняли юго-славянскіе; сильно развился среди читателей интересъ къ свѣтскимъ знаніямъ. Этимъ новымъ потребностямъ соотвѣтствовала и новая передѣлка хронографа въ 1617 году. Исходной точкой передѣлки послужилъ все еще хронографъ 1512 года. Но и ветхозавѣтныя, и юго-славянскія извѣстія подверглись въ немъ сильному сокращенію; за то появилась вновь классическая исторія и миѳологія, выкинутая когда-то изъ Еллинскаго Лѣтописца, а теперь изъ того же лѣтописца заимствованная вновь, съ прибавками изъ римской миѳологіи. Самая главная перемѣна заключалась въ томъ, что въ основу разсказа положена была теперь, вмѣсто византійскихъ хроникъ, польская хроника Мартина Бѣльскаго, появившаяся въ русскомъ переводѣ

ще въ 1584 году. По содержанію, эта хроника была, правда, однородна съ византійскими: въ ней встрѣтимъ все ту же ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію, четыре монархіи, статьи по греческой миѳологіи, троянскую войну и Александрію, статьи о Магометѣ; но все это составлено по новымъ, латинско-польскимъ источникамъ, и, *кромѣ того*, дополнено совершенно новымъ матеріаломъ, космографіей, исторіей Западной Европы. Любознательный читатель могъ почерпнуть изъ новой передѣлки массу неизвѣстныхъ ему свѣдѣній о моряхъ, рѣкахъ, горахъ, диковинныхъ людяхъ, о колоссѣ родосскомъ, о пророчествахъ сивиллъ и «дивахъ разнобываемыхъ», о готахъ и вандалахъ, о папахъ до раздѣленія церквей *) и объ открытіи Америки. Русская исторія обработана была здѣсь тоже въ новомъ вкусѣ. Она начиналась обычными въ средніе вѣка сближеніями новыхъ народовъ съ античными (руссовъ съ роксоланами) и столь же обычными словопроизводствами народныхъ именъ (славянъ отъ слово, руссовъ отъ русыхъ, или отъ гор. Русы, или отъ Руса, брата Ляха). И дальше, мы встрѣчаемся съ новыми учеными пріемами историческаго изложенія; въ основу положенъ рядъ лѣтописныхъ замѣтокъ, но онѣ объединены литературными прикрасами и попытками историческаго прагматизма; а въ изложеніи событій XVI—XVII в. встрѣчаемъ рядъ характеристикъ, отъ Грознаго до перваго самозванца.

Въ томъ же духѣ, который вызвалъ появленіе Хронографа 1617 года, совершалось и его дальнѣйшее развитіе на русской почвѣ. Вкусъ къ реальнымъ знаніямъ отразился вторженіемъ въ самый библейскій отдѣлъ цѣлаго ряда свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самыхъ подозрительныхъ источниковъ. Шесть дней творенія изложены были вновь, помимо Толковой Палеи, по книгѣ Еноха, и помимо бесѣдъ св. Василія Великаго на Шестодневъ,—по Луцидарію: изъ этихъ и другихъ подобныхъ источниковъ сюда введенъ былъ рядъ свѣдѣній по математической географіи, астрономіи, метеорологіи и естественной исторіи. И для дальнѣйшихъ отдѣловъ библейской исторіи апокрифы употреблялись все болѣе и болѣе свободно. Еще свободнѣе реальныя свѣдѣнія притекали въ отдѣлъ космографическомъ. Къ космографіи Мартина Бѣльскаго присоединены были выписки изъ космографіи Герарда Меркатора (переведенной въ 1630 г.); вслѣдъ затѣмъ явились въ составъ Хронографа и самостоятельныя обработки: сперва это было русское предисловіе къ переводной космографіи, а потомъ, въ концѣ XVII вѣка, и русская перера-

*) Дальше составитель не считалъ нужнымъ идти, заключая свое повѣствованіе словами: «и тако совершенно удалишася православной вѣры, и къ тому же о папахъ римскихъ писать нечего».

ботка географическаго описанія четырехъ частей свѣта, со внесеніемъ національныхъ и православныхъ тенденцій. Московское государство, помимо описанія его у Меркатора (по Товію и Герберштейну, источникамъ конца XV и нач. XVI вв.), было здѣсь описано еще въ особой, оригинальной русской статьѣ, также какъ и Сибирь.

Прогрессировало и усвоеніе русской исторіографіей польскихъ ученыхъ пріемовъ. У «Словена», родоначальника новгородскихъ славянъ, появилась «жена Шелонь, сынъ Волховъ» и т. д. Гостомыслъ передъ смертью обращался къ новгородцамъ съ рѣчью: «о мужіе новгородстіи, совѣтъ даю вамъ, да пошлете въ Прусскую землю мудрыя мужи (для призванія Рюрика)» и т. д. Рядомъ съ этой «ученой» разработкой древнѣйшаго періода, Хронографъ дополнялся и современными историческими извѣстіями; и эти дополненія стали наиболѣе важной и оригинальной частью стараго памятника.

Впрочемъ, русскія историческія произведенія уже давно составлялись и внѣ рамокъ Хронографа. Лѣтописная безсвязность и фактичность мало-по-малу исчезали въ нихъ подъ вліяніемъ новыхъ образцовъ, замѣняясь прагматичностью изложенія и системой въ выборѣ фактовъ. Первые примѣры разработки въ этомъ духѣ русской исторіи показаны были Москвѣ, опять-таки, южными славянами и Кіевомъ. Въ Кіевѣ обработанъ былъ по средневѣковымъ правиламъ, древнѣйшій историческій періодъ и сдѣланъ выборъ фактовъ, пригодныхъ для *религіознаго* возвеличенія послѣдующей національной исторіи. Такимъ образомъ составился древнѣйшій учебникъ русской исторіи, напечатанный подъ названіемъ «Синописа» (1674). Въ Москвѣ, еще въ началѣ XVI вѣка, положено было основаніе искаженію историческихъ фактовъ подъ вліяніемъ *политической* тенденціи и, повидимому, не маловажную роль съиграли при этомъ поселившіеся въ Москвѣ ученые сербы. Къ религіозному герою русской исторіи, Владиміру святому, выдвинутому Кіевомъ, присоединился, такимъ образомъ, выдвинутый Москвою, политическій герой ея, Владиміръ Мономахъ, наслѣдникъ византійскихъ императоровъ. Весь ходъ русской исторіи объясненъ былъ систематически, какъ слѣдствіе распоряженій ея государей, касавшихся формы правленія. По этой теоріи, первоначальная Русь была единой монархіей; затѣмъ ошибочное распоряженіе о раздѣлѣ раздробило ее на удѣлы, послѣдствіемъ чего было отдѣленіе отъ нея Юго-Западной Руси и сѣверныхъ республикъ — и порабощеніе ея татарамъ. Новый, на этотъ разъ мудрый актъ воли Ивана III уничтожилъ раздѣлы и всѣ ихъ послѣдствія, объеди-

нилъ Русь, освободилъ отъ татаръ и возстановилъ благодѣтельное для Россіи единовластіе.

Такимъ образомъ и здѣсь практическая надобность была главнымъ двигателемъ научнаго развитія. Конечно, понятіе «научнаго развитія» надо понимать весьма относительно. Построеніе русской исторіи по указанной схемѣ было шагомъ назадъ отъ объективной истины, но шагомъ впередъ къ ея постиженію. Какова бы она ни была, эта схема впервые вывела русскую исторіографію изъ періода простого лѣтописанія.

Сравнительно съ успѣхами европейской исторіографіи того времени—это, конечно, было еще немного. Средневѣковые пріемы историческаго изученія и изображенія проникали къ намъ изъ Польши тогда, когда на западѣ новый духъ возрожденія одушевлялъ исторіографію, когда появлялись знаменитыя произведенія итальянскихъ историковъ-психологовъ, доводившіе историческій прагматизмъ до крайней степени глубины, къ которой только этотъ родъ исторіи способенъ. Потребность въ жизненномъ, а не книжномъ только изображеніи исторіи отразилась и у насъ въ появленіи мемуаровъ, въ описаніи современныхъ историческихъ событій. Но эти успѣхи реалистическаго пониманія нисколько не устраняли еще старыхъ теологическихъ толкованій. «Ненавистникъ рода человѣческаго», «дьяволъ», все еще продолжалъ фигурировать въ роли вдохновителя человѣческихъ поступковъ, какъ въ старое лѣтописное время, и историческія бѣдствія по прежнему продолжали изображаться, какъ наказаніе за людскіе грѣхи. Характерный примѣръ такого соединенія новыхъ пріемовъ изложенія съ старой мотивировкой встрѣчаемъ въ недавно открытомъ «Временникѣ» дьяка Ивана Тимоѳеева. Къ самому составленію «Временника» побудила автора его теологическая точка зрѣнія на текущія событія. Кто виноватъ въ томъ, что мечъ ярости Божіей столько лѣтъ подрядъ поражаетъ Россію, не переставая? Вотъ вопросъ, который мучилъ Тимоѳеева въ исходѣ смутнаго времени. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что виноватъ онъ самъ и всѣ его сверстники, и что вина его не иначе можетъ быть искуплена, какъ публичнымъ покаяніемъ въ собственномъ малодушіи. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что онъ и всѣ сверстники молчали, когда Борисъ губилъ старую законную династію; это преступленіе и повлекло за собой всѣ послѣдующія казни. «Если бы мы не смолчали передъ Борисомъ въ первый разъ (когда, по предположенію автора, онъ погубилъ царя Ивана Грознаго), то онъ не дерзнулъ бы на второе убійство (Димитрія); и если бы не попустили ему въ этихъ случаяхъ, онъ не вооружился бы въ третій разъ—прекратить жизнь

незлобиваго царя Ѳедора; и если бы нашимъ молчаніемъ не пособлялось ему на всѣ эти поступки, то онъ не искоренилъ бы безъ остатка благородное сѣмя и Гришка Разстрига не наскочилъ бы на высоту помазанниковъ Божіихъ; не явилось бы и его подражателей. А если бы ихъ не было, то не было бы и ихъ слугъ, опустошавшихъ съ ними землю; не радовались бы иностранцы нашему внутреннему бѣдствію. Намъ не пришлось бы призывать на помощь исконныхъ враговъ своихъ, шведовъ; въ такомъ случаѣ не выступили бы противъ насъ и ихъ противники (поляки). Русская земля не была бы плѣнена чужеземцами; не будь этого, непріятели не осадили бы и не взяли бы Москвы». Таковъ своеобразный прагматизмъ, характеризующій русскаго историческаго писателя начала XVII вѣка. Для того, чтобы встрѣтиться съ вполнѣ свѣтской манерой историческаго изложенія, намъ придется спуститься на цѣлый вѣкъ позже и, притомъ, не къ мемуарамъ начала Петровскаго царствованія, а къ «Гисторіи», написанной въ 1727 году старымъ дипломатомъ кн. Куракинымъ. Читатель, привыкшій къ высокопарному трактованію исторіи Петра у новѣйшихъ историковъ, будетъ пріятно удивленъ, найдя у кн. Куракина разсказъ, совершенно чуждый какихъ бы то ни было провиденціальныхъ тенденцій, проникнутый тонкой наблюдательностью и знаніемъ людей, пересыпанный блестками юмора и той добродушной злости, которую французы называютъ malice. Почти хочется думать, что Куракинъ выучился этой манерѣ у старыхъ итальянцевъ, на языкѣ которыхъ онъ привыкъ выражать свои задушевныя мысли *).

---

*) Для примѣра вотъ нѣсколько характеристикъ Куракина. «Помянутой Лефортъ былъ человѣкъ забавной и роскошной или, назвать, *дебошанъ французской*. И непрестанно давалъ у себѣ въ домѣ обѣды, супе и балы. И тутъ, въ домѣ, первое начало учинилось, что его царское величество началъ съ дамами иноземскими обходиться, и амуръ началъ первый быть къ одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Можова. Правда, дѣвица была изрядная и умная». А вотъ характеристика знаменитаго начальника Преображенскаго застѣнка, кн. Ѳ. Ж. Ромодановскаго: «Сей князь былъ характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ—злой тиранъ; превеликой нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но его величество вѣрный такъ былъ, что никто другой. И того ради увидишь ниже, что оному (царь) во всѣхъ деликатныхъ дѣлахъ повѣрилъ и вручилъ все свое государство». Вотъ, далѣе, характеристика большого барина, Льва Нарышкина, брата царицы: «былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержный къ питью, также человѣкъ гордый, но хотя не злодѣй, токмо не склончивый, и добро многимъ дѣлалъ *безъ резону, но по бизаріи своего гумору*». А вотъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, старый приказный дѣлецъ: «Человѣкъ лукавый и злаго нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего градусу (главнаго государственнаго дѣятеля) такимъ образомъ: понеже былъ въ поддядькахъ у

Словесные предметы, средневѣковой trivium, составляли, какъ мы знаемъ, центръ тяжести въ программѣ латинской школы; а для перваго и основного изъ этихъ предметовъ, грамматики, нашлось мѣсто даже и въ строго-православной программѣ. Этотъ отдѣлъ знаній былъ, такимъ образомъ, единственный, который и въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, къ концу вѣка, сдѣлался предметомъ правильнаго школьнаго преподаванія. Тѣмъ не менѣе, словесныя знанія интересовали публику меньше, чѣмъ многіе изъ упомянутыхъ раньше отдѣловъ, распространились крайне незначительно и не вызвали никакой самостоятельной научной дѣятельности. Исключеніе составляла только простая грамотность. Первый московскій букварь (Вас. Бурцова), однако, появился только въ 1634 году и составлялъ простую перепечатку виленскаго изданія (1621 года). Послѣ того буквари и другія учебныя книги переиздавались постоянно московской типографіей въ значительномъ количествѣ экземпляровъ: это были, кромѣ богослужебныхъ, единственныя ея изданія, сколько-нибудь широко распространенныя. Въ серединѣ вѣка, напр., букварь выдержалъ три изданія въ теченіе четырехъ лѣтъ (1647—1651), всего въ количествѣ 9.600 экземпляровъ; учебный часословъ въ семь лѣтъ издавался 8 разъ (1645—1652), учебная псалтирь—въ шесть лѣтъ (1645—1651)—9 разъ. Въ послѣдней четверти вѣка, въ теченіе 12 лѣтъ (1678—1689), мы имѣемъ слѣдующія цифры тѣхъ же изданій: букварей не менѣе 25 тысячъ экземпляровъ, т. е. по двѣ слишкомъ тысячи ежегодно, часослововъ—36 тысячъ, т. е. по три тысячи ежегодно, псалтырей больше 18 тысячъ, т. е. болѣе полуторы тысячи экземпляровъ ежегодно. На 16 милліоновъ тогдашняго населенія Россіи это не особенно много, но это огромныя цифры сравнительно съ той, которою можно было бы выразить распространеніе грамматики. Въ 1648 году, — въ моментъ оживленія школьнаго вопроса (см. выше I),—московскій печатный дворъ выпустилъ въ свѣтъ грамматику Мелетія Смотрицкаго, первый и единственный сводъ законовъ литературнаго церковно-славянскаго языка *), напечатанный еще въ 1619 году около Вильно. Въ особомъ предисловіи къ этому изданію московскіе издатели убѣждали читателей, что грамматика есть неизбѣжная «дверь» къ достиженію высшихъ степеней знанія, что, не пройдя ея, легко

царя Петра Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и призналъ къ его нраву и, такимъ образомъ, былъ *интриганъ дворовой*»; царь, «хотя внутренно не любилъ, ниже эстимовалъ» его, однако же «во всѣ дѣла внутреннія положился на него», такъ какъ онъ «наиболѣе въ дѣлѣхъ былъ и секретъ всѣхъ дѣлъ вѣдалъ».

*) См. объ этомъ Оч. VI.

заблудиться и сильному разумомъ; ссылались,. въ доказательство справедливости своихъ словъ, и на Максима Грека, и на святыхъ отцовъ; приводили въ подтвержденіе исправленіе церковныхъ книгъ. Но все это, очевидно, мало подѣйствовало на публику. По крайней мѣрѣ, изданіе 1648 года такъ и осталось единственнымъ вплоть до 1721 года, когда одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ учениковъ Лихудовъ, Поликарповъ, издалъ эту грамматику вновь: въ предисловіи издатель жаловался, что даже въ греко-латинской московской школѣ славянская грамматика «не преподавалась за оскудѣніемъ сихъ книгъ» и что ихъ приходилось разыскивать, «аки искру въ пеплѣ».

О распространеніи въ Россіи слѣдующихъ степеней тривіума,— діалектики и реторики, нечего и говорить. Мы не знаемъ, дошли ли до этихъ наукъ ученики Ртищевской школы; изъ учениковъ Полоцкаго добрался до нихъ, можетъ быть, одинъ Медвѣдевъ. Наконецъ, Лихуды дошли до нихъ навѣрное; но ихъ преподаваніе шло на латинскомъ и греческомъ языкѣ и доступно было тоже лишь нѣсколькимъ человѣкамъ. Въ самомъ концѣ вѣка московскіе любители просвѣщенія начали тоже интересоваться лекціями славяно-греко-латинской академіи (выше, V); напр., курсъ реторики, читанный Лихудами, былъ переведенъ на русскій языкъ по спеціальному заказу одного московскаго купца.

Лихуды первые стали знакомить москвичей и съ чисто философскими предметами. Сюда относятся два курса, составленные, главнымъ образомъ, по Аристотелю: логики и физики. Третій курсъ психологіи, составленный Іоанникіемъ Лихудомъ еще въ Венеціи, не понадобился вовсе для Академіи. Мы видѣли, что и за преподаваніе «физики» Лихудамъ пришлось пострадать. Подъ «физикой» разумѣлось у нихъ ученіе объ основныхъ элементахъ міра, о матеріи, формѣ, о причинахъ—матеріальной, формальной, дѣйствующей и конечной и т. п. Такихъ философскихъ темъ въ Москвѣ до нихъ не затрогивалъ никто, и самое слово «философія» принадлежало къ числу словъ, возбуждавшихъ страхъ у москвичей. Заниматься «философіей», по мнѣнію публики, значило «мѣрять аршиномъ хвосты звѣздъ», и даже такіе ученые люди, какъ Максимъ Грекъ, считали «платонскія и аристотельскія мнѣнія» тожественными съ ересью. Если, все-таки, кое-какіе отдаленные отголоски этихъ «мнѣній» и проникали на Русь, какъ, напримѣръ, ученіе о троечастномъ составѣ души, которое Курбскій сообщаетъ Грозному, какъ послѣднюю ученую новинку, то, конечно, это не даетъ еще повода говорить о распространеніи на Руси философскихъ познаній. Въ лучшемъ случаѣ,—какъ у Дамаскина,—подъ философіей разу-

мѣлось своего рода естественное богословіе. И въ этомъ смыслѣ, старые русскіе грамотѣи готовы были понять философію такъ же, какъ они понимали богословіе, въ смыслѣ искусства благочестиваго поведенія. «Философія есть страхъ божій, добродѣтельная жизнь, избѣжаніе грѣха, удаленіе отъ міра, познаніе божественныхъ и человѣческихъ вещей. Она учитъ, какъ человѣкъ долженъ своими дѣлами приближаться къ Богу». Это опредѣленіе философіи, приписанное св. Кириллу, всегда присоединялось къ спискамъ единственной философской книги древней Руси,—«Діалектики» Іоанна Дамаскина, какъ наиболѣе удобопонятное резюме всего ея содержанія.

Мы не исчерпали бы всѣхъ образовательныхъ рессурсовъ допетровской Руси, если бы не упомянули, въ заключеніе, еще объ одномъ. Какъ старый византійскій, такъ и новый европейскій репертуаръ свѣдѣній, перечисленныхъ нами выше, предлагался русскимъ читателямъ въ слишкомъ разрозненномъ и спеціальномъ видѣ, чтобы сдѣлаться достояніемъ большой публики. Чтобы овладѣть всѣмъ содержаніемъ старой и новой образованности, надо было имѣть подъ руками цѣлую библіотеку. Естественно, что у обыкновеннаго читателя рано должна была явиться потребность въ общедоступномъ сводѣ всѣхъ этихъ знаній — въ формѣ сборника или энциклопедіи. На сборникахъ, этой любимой формѣ древнерусской литературы, мы останавливаться здѣсь не будемъ: ограничимся бѣглымъ обзоромъ древнерусскихъ энциклопедій или такъ-называемыхъ «Азбуковниковъ». Въ своемъ происхожденіи, «Азбовникъ»—это списокъ иностранныхъ или славянскихъ словъ, съ объясненіемъ ихъ. Такіе списки, безъ алфавитнаго порядка, извѣстны въ рукописяхъ XIII и XV столѣтій. Въ XVI вѣкѣ списки словъ увеличиваются въ количествѣ, располагаются по алфавиту и въ этомъ видѣ получаютъ названіе «Азбуковника». Насъ «Азбовникъ» интересуетъ, однако же, не въ этой своей формѣ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Къ объясненію словъ въ немъ присоединяются объясненія понятій изъ разныхъ отдѣловъ знаній, и, такимъ образомъ, лексиконъ превращается въ энциклопедическій словарь. Въ этомъ видѣ «Азбуковникъ» переживаетъ нѣсколько превращеній, для насъ очень интересныхъ. Въ началѣ XVII вѣка «Азбуковникъ» еще черпаетъ свои свѣдѣнія изъ старо-русскаго, т. е. изъ византійскаго литературнаго запаса. Онъ ссылается на Толковую Палею и Козьму Индикоплова, на Шестодневъ Іоанна Болгарскаго, на Дамаскина и Григорія Богослова, — словомъ, на всѣ признанные авторитеты византійской науки. Изъ свободныхъ наукъ и онъ, однако, дѣлаетъ единственное исключеніе — для

грамматики. Высшій курсъ свободныхъ знаній (т.-е quadrivium): ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію этотъ «Азбуковникъ» безусловно считаетъ запрещенными («отреченными») науками. Во второй половинѣ XVII вѣка содержаніе Азбуковника совершенно обновляется. Стремясь поспѣть за расширеніемъ научныхъ знаній, онъ начинаетъ черпать свои свѣдѣнія изъ польскихъ хроникъ, изъ космографій, лѣчебниковъ и ссылается на классическіе и средневѣковые авторитеты: на Плинія, на Авиценну, на Альберта Великаго и т. д. Наиболѣе развитою частью Азбуковника остаются и въ это время—свѣдѣнія грамматическія: онъ обстоятельно знакомитъ своихъ читателей съ восемью частями рѣчи, съ «супружествами» глаголовъ и «паденіями» существительныхъ. Но, помимо грамматики, Азбуковникъ старается дать общее понятіе и о другихъ «свободныхъ мудростяхъ». Грамматика, діалектика, реторика, музыка, ариѳметика, геометрія, астрономія—всѣ эти науки поочередно выводятся въ лицахъ, разсказываютъ читателю свое содержаніе и восхваляютъ приносимую ими пользу. Правда, что, кромѣ грамматики, отчасти реторики и діалектики, остальныя науки не идутъ въ Азбуковникѣ дальше своихъ предисловій; но важно уже самое стараніе заинтересовать читателя въ пользу наукъ, заподозрѣвавшихся раньше въ неправославіи. Не менѣе интересна другая сторона того же Азбуковника второй половины XVII вѣка. Онъ не только пропагандируетъ свободныя науки среди публики; онъ стремится провести ихъ въ школу, и для этого принимаетъ форму школьной хрестоматіи для чтенія. Къ энциклопедіи свободныхъ знаній онъ присоединяетъ также и правила школьной дисциплины, составленныя по образцу малороссійскихъ школъ XVII вѣка. Мы не знаемъ, осуществились ли благія намѣренія Азбуковника, существовала ли предположенная имъ школа и сдѣлалъ ли московскій учитель изъ Азбуковника надлежащее употребленіе въ классѣ. Скорѣе всего, что ничего этого не было. Но, какъ бы то ни было, Азбуковникъ еще разъ подчеркивалъ необходимость средней и низшей школы для правильнаго удовлетворенія наличной потребности въ просвѣщеніи и для дальнѣйшаго развитія этой потребности въ обществѣ. Съ этой послѣдней чертой, исторія Азбуковника является полнымъ резюме того, что мы могли бы вывести изъ всего предъидущаго изложенія. Легко замѣтить, что резюме это очень близко сходится съ тѣмъ, которое мы вывели изъ исторіи до-петровскаго творчества. Какъ тамъ, такъ и здѣсь византійское культурное вліяніе оставалось безсильнымъ до конца XV вѣка. Съ этого времени, оно, несомнѣнно, начинаетъ укореняться въ русскомъ православномъ

сознаніи; но тутъ же, слѣдомъ за нимъ, появляются первые признаки западнаго вліянія, которое мало-по-малу усиливается и, несмотря на всѣ препятствія, къ концу XVII вѣка дѣлается господствующимъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и это новое вліяніе оказывается вовсе не такимъ уже отличнымъ отъ прежняго. Дѣло въ томъ, что на смѣну византійской мудрости къ намъ идетъ теперь средневѣковая латинская ветошь. Научный матеріалъ, воспринятый, черезъ Кіевъ, Москвой XVII вѣка, былъ накопленъ на Западѣ еще въ XII—XIII столѣтіи, а съ XV-го сталъ быстро терять свою свѣжесть. Вотъ почему, и этому вліянію не суждено было быть долговременнымъ. Сколько-нибудь прочно онъ укоренился у насъ лишь въ высшей богословской школѣ. Свѣтская школа, которую только предстояло заводить, осталась отъ него совершенно свободной и прямо взяла свое содержаніе изъ современной европейской науки. За свѣтской школой, послѣ непродолжительнаго колебанія, пошло и образованное русское общество.

Общій очеркъ научнаго вліянія Византіи см. у *В. С. Иконникова*, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ. 1869. Перечень фактовъ, свидѣтельствующихъ о латинскомъ вліяніи см. у *Шляпкина*, Димитрій Ростовскій и его время, Спб. О до-петровской ариѳметикѣ, землемѣріи и астрономіи см. *В. В. Бобынина*, Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. 2 выпуска, Москва, 1886—1893 г. и мои Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, Спб. 1892. О Физіологѣ см. *А. Карпѣева*, Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. Спб. 1890. Изд. Общ. древней письменности (XCII). Спб. 1890. О старинной медицинѣ см. *Л. Ѳ. Змѣева*, Русскіе врачебники (Памятники древн. письменности, CXII), Спб. 1896 и брошюру *Н. П. Загоскина*. Врачи и врачебное дѣло въ Россіи. Казань, 1891. Исторія передѣлокъ хронографовъ см. въ изслѣдованіи *А. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, 2 выпуска, М. 1866—1869. О русскихъ историческихъ построеніяхъ XVI в. см. въ моихъ Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли. «Р. Мысль», 1893, № 1 и 1894, № V, и у *И. Жданова*, Русскій былевой эпосъ. Спб. 1895. «Временникъ» Тимоѳеева изданъ *С. Ѳ. Платоновымъ* въ «Русской Ист. Библіотекѣ», т. XIII; «Гисторія» кн. В. Куракина—въ Архивѣ князя Куракина, т. I, Спб. 1890, и въ «Русской Старинѣ». Объ изданіи учебныхъ книгъ см. въ указанныхъ ранѣе изслѣдованіяхъ Голубцова и Прозоровскаго. О лекціяхъ Лихудовъ—*С. Смирнова*, Исторія славяно-греко-латинской академіи, М. 1855. Объ Азбуковникѣ—статья *Д. Мордовцева*, о русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. «Чтенія Общ. Исторіи и Древностей», 1861, IV и рецензія *Н. С. Тихонравова* на Исторію русской словесности Галахова, въ Отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова Спб. 1878.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія подъ редакціей

К. Пятницкаго.

Продолженіе *).

ПИСЬМО VI.

Роль падающихъ звѣздъ въ солнечной системѣ.

Основная мысль новѣйшихъ работъ надъ космическими метеорами.—Высота, на которой вспыхиваютъ падающія звѣзды.—Изслѣдованія Скіапарелли.—Общіе признаки, характеризующіе движеніе падающихъ звѣздъ въ пространствѣ.—Вліяніе движеній земли на видимую численность метеоровъ.—Параболическое движеніе падающихъ звѣздъ.—Элементы орбитъ у главнѣйшихъ метеорныхъ потоковъ.—Распредѣленіе метеорныхъ радіантовъ на небесномъ сводѣ.—Сопоставленіе орбитъ, принадлежащихъ кометамъ и метеорнымъ потокамъ.—Вліяніе земного притяженія на паденіе метеоровъ.—Происхожденіе метеорныхъ потоковъ. — Связь между падающими звѣздами и «огненными шарами».—Метеориты, какъ пришельцы изъ области неподвижныхъ звѣздъ.—Нѣкоторые метеориты могли получить начало на лунѣ. — Метеорные камни съ содержаніемъ органическаго вещества.

Вопросъ о падающихъ звѣздахъ еще недавно занималъ въ астрономіи второстепенное мѣсто. Наблюденій надъ ними имѣлось достаточно, но сущность явленія оставалась невыясненной. Довольствовались выводомъ, что падающія звѣзды или метеоры возникаютъ не въ нашей атмосферѣ; что происхожденіе ихъ космическое; что при своемъ движеніи чрезъ небесныя пространства онѣ подвергаются вліянію земного притяженія, прорѣзаютъ верхнія области нашей атмосферы, становятся раскаленными и свѣтятся. Только *Скіапарелли* далъ астрономическую теорію падающихъ звѣздъ,—теорію стройную, продуманную и вполнѣ разработанную. Роль метеоровъ была, наконецъ, выяснена во всей полнотѣ.

*) См. «Міръ Божій», № 9, августъ 1896 г.

Какая же мысль лежитъ въ основаніи воззрѣній, которыя съ такимъ остроуміемъ и съ такимъ успѣхомъ были развиты *Скіапарелли*? Метеоры это—тѣла, совершающія движенія въ небесныхъ пространствахъ; они становятся видимы лишь тогда, когда попадаютъ въ земную атмосферу. Благодаря наблюденіямъ многихъ ученыхъ, эта мысль признана безспорною уже нѣсколько десятилѣтій назадъ. Довольно назвать имена *Ольберса*, *Кетле*, *Гейса* и *Шмидта*, чтобы показать, что принадлежность метеоровъ къ космическимъ тѣламъ установлена первыми авторитетами науки.

Высоты, на которыхъ метеоры становятся видимы, значительно превышаютъ верхній предѣлъ атмосферы. Обширныя изслѣдованія относительно границъ атмосферы произведены *Юліемъ Шмидтомъ*: ссылаясь на явленіе сумерекъ, онъ выводитъ, что атмосфера кончается на высотѣ 8—10 нѣмецкихъ миль. Послѣднія же работы проф. *Вейса* показали, что августовскіе метеоры загораются въ среднемъ на высотѣ $15^1/_2$ миль и потухаютъ на разстояніи 12 миль отъ земной поверхности. Можно ли утверждать что метеоры вспыхиваютъ вслѣдствіе прониканія въ атмосферу? Однако эта трудность только кажущаяся: свойства верхнихъ слоевъ воздуха намъ совершенно неизвѣстны; быть можетъ, никогда мы не узнаемъ о нихъ ничего опредѣленнаго. Явленія сумерекъ позволяютъ отмѣтить только ту грань, за которой атмосфера имѣетъ столь малую плотность, что свѣтъ, отражаемый ею, уже не различается нами. Опыты *Тиндаля* показали, кромѣ того, что пространство можетъ быть наполнено матеріей и все-таки не отражать свѣта, т. е. можетъ являться оптически пустымъ. Несомнѣнно одно: метеоры становятся раскаленными въ замедляющей средѣ, принадлежащей нашей земной атмосферѣ. Какія же измѣненія вызываются при этомъ въ движеніи метеоровъ? Другими словами: какое вліяніе на путь метеора окажутъ движенія атмосферы?

Этотъ вопросъ подробно изслѣдованъ *Скіапарелли*. Сначала онъ обратилъ вниманіе на вращеніе атмосферы. Вотъ его выводы. Представимъ, что метеоръ падаетъ вертикально со скоростью 30.000 метровъ въ секунду. Вслѣдствіе вращенія атмосферы онъ долженъ описать линію, отклоненную въ направленіи отъ запада къ востоку. Уголъ между нею и отвѣсною линіею не превыситъ $37'35''$. Для наблюдателя, принимающаго участіе во вращательномъ движеніи земли, этотъ уголъ останется совершенно незамѣтнымъ: ему будетъ казаться, что метеоръ падаетъ прямо съ зенита. Дѣйствіе вѣтра на путь падающихъ камней равно нулю. Напротивъ, сопротивленіе воздуха замѣтно отражается на полетѣ метеоровъ. Если бы падающія звѣзды были простыми матеріаль-

ными точками или однородными, не вращающимися шарами, сопротивленіе воздуха не могло бы измѣнить направленія ихъ полета; если движеніе въ пустомъ пространствѣ было прямолинейнымъ, оно останется такимъ и послѣ вступленія метеора въ замедляющую среду. Но разъ метеоръ вращается или не имѣетъ сферической формы, путь его при движеніи чрезъ замедляющую сферу будетъ измѣняться: онъ можетъ принять видъ змѣевидной, извилистой кривой. Нужно затѣмъ принимать во вниманіе положеніе пути относительно линіи зрѣнія наблюдателя. Тогда, по мнѣнію *Скіапарелли*, является возможность объяснить даже очень рѣдкія явленія стаціонарныхъ и обратныхъ падающихъ звѣздъ. Остроумны дальнѣйшіе выводы *Скіапарелли*: раскаленныя тѣла, которыя представляются намъ метеорами, неизбѣжно должны быть твердыми; иначе при встрѣчѣ съ атмосферой они проникали бы въ нее только по совершенно прямолинейному пути. Правда, спектры нѣкоторыхъ метеоровъ указываютъ на газообразную природу; но это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что метеоръ въ концѣ своего пути достигаетъ температуры, при которой обращается въ пары.

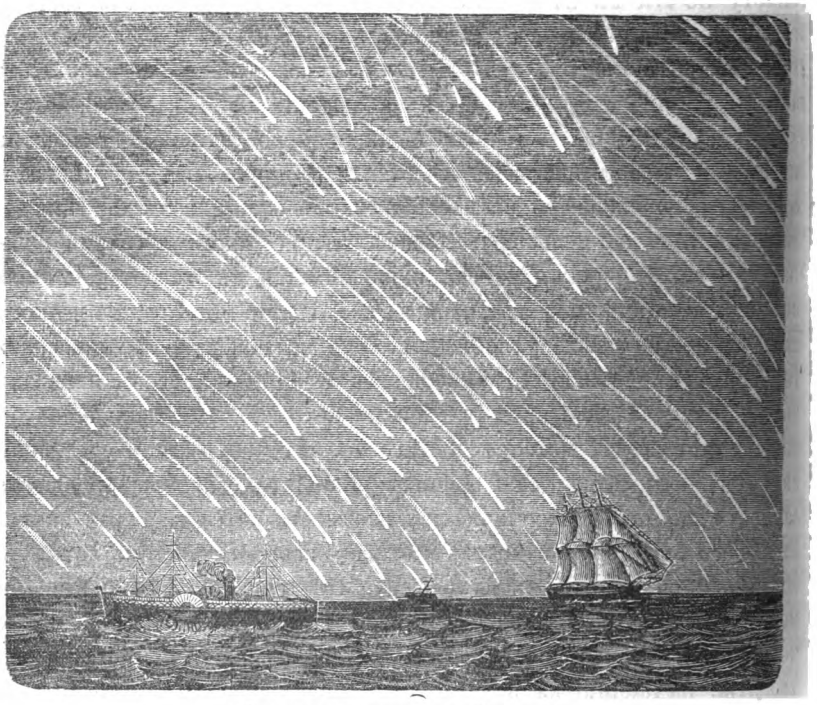
Какъ измѣняется скорость метеоровъ подъ вліяніемъ атмосфернаго сопротивленія? *Скіапарелли* математическимъ изслѣдованіемъ показалъ, что потеря скорости опредѣляется только количествомъ воздуха, съ которымъ метеоръ соприкасается на своемъ пути; она вовсе не зависитъ отъ закона, по которому этотъ воздухъ распредѣленъ относительно плотности, и столь же мало зависитъ отъ длины пройденнаго пространства. Замѣчателенъ слѣдующій фактъ, установленный еще *Бенценбергомъ*: послѣ того, какъ метеоръ потерялъ уже значительную часть своей скорости, вліяніе начальной скорости на его движеніе сказывается въ ничтожной степени. Положимъ, говоритъ *Скіапарелли*, что мы имѣемъ нѣсколько метеоровъ, которые попадаютъ въ атмосферу, обнаруживая очень большія, но весьма различныя скорости. Какъ только движеніе метеоровъ очень замедлится, скорость ихъ полета на одной и той же высотѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, окажется почти одинаковой. Представимъ два метеора, которые попали въ атмосферу съ начальными скоростями въ 72.000 и 16.000 метровъ. Скорость перваго дойдетъ до величины 500 метровъ на той высотѣ, гдѣ воздушное давленіе равно 20,301 миллиметра, а скорость послѣдняго — на высотѣ, которая соотвѣтствуетъ воздушному давленію въ 19,633 миллиметра. Такимъ образомъ, въ болѣе плотныхъ слояхъ воздуха оба метеора будутъ слѣдовать почти одному и тому же закону движенія. Это значитъ, что метеоръ съ большей скоростью теряетъ зна-

чительную часть своей живой силы на гораздо большихъ высотахъ, чѣмъ метеоръ съ меньшей скоростью. Приведемъ результаты вычисленій. Метеоръ, обладающій начальной скоростью въ 72.000 метровъ, утратилъ $^{8}/_{9}$ этой скорости и $^{80}/_{81}$ своей живой силы на высотѣ, гдѣ воздушное давленіе равно только 1,508 миллиметрамъ. Между тѣмъ второй изъ взятыхъ нами метеоровъ, опустившись гораздо ниже,—до тѣхъ областей воздушнаго океана, гдѣ давленіе равно 2,463 м.м., потерялъ только $^{3}/_{4}$ своей скорости и $^{15}/_{16}$ живой силы. Выходитъ, что первый метеоръ, еще не успѣвши проникнуть такъ низко, какъ второй, потерялъ, т. е. перевелъ въ теплоту почти въ 21 разъ больше живой силы. Отсюда вытекаетъ замѣчательный выводъ: метеоры, *которые свѣтятся сильнѣе*, должны, въ общемъ, быть *дальше* отъ поверхности земли. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается наблюденіями. Такъ устраняется трудность, которую раньше объясняли недостаточной точностью измѣреній, относящихся къ высотѣ падающихъ звѣздъ. Много ли теплоты освобождается вслѣдствіе сопротивленія воздуха? Опредѣлить это *точно*—нельзя, такъ какъ мы не знаемъ, вся ли исчезающая механическая работа превращается въ теплоту, и какое количество послѣдней тратится на нагрѣваніе метеора. Во всякомъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что на поверхности метеорита температура достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ градусовъ и вполнѣ достаточна для расплавленія этой поверхности. Наибольшей величины температура метеора достигаетъ тотчасъ, какъ онъ попадаетъ въ атмосферу; отъ прочихъ равныхъ условіяхъ, ея высота зависитъ не отъ поперечника или плотности метеора, не отъ направленія его пути, а исключительно отъ его скорости въ тотъ моментъ, когда онъ вступаетъ въ атмосферу. При сильномъ разогрѣваніи метеора въ атмосферѣ расплавляется однако только чрезвычайно тонкій слой съ его поверхности. Этимъ объясняется, почему метеориты, падающіе на поверхность земли, имѣютъ низкую температуру; но этимъ нельзя зато объяснить, почему большая часть метеоровъ совершенно распадается и исчезаетъ въ атмосферѣ.

Скіапарелли устраняетъ эту трудность однимъ указаніемъ: если внезапно поднявшаяся температура выше температуры плавленія тѣла, тогда вся его масса,—велика она или мала,—должна разсѣяться одновременно. Поэтому достигнуть земли могутъ только тѣ метеорныя массы, въ которыхъ космическая скорость теряется мало-по-малу, или которыя въ качествѣ спутниковъ болѣе значительныхъ массъ занимаютъ во время паденія пустое пространство, образующееся позади послѣднихъ, или, наконецъ, тѣ, которыя падаютъ въ атмосферу въ направленіи почти горизонтальномъ, описываютъ очень

длинные пути и останавливаются постепенно. Впрочемъ, нѣтъ основаній думать, что всѣ метеоры распадаются одинаково и по одной и той же причинѣ. Ибо даже въ химическомъ составѣ метеоровъ существуетъ не малое разнообразіе, какъ доказываютъ наблюденія надъ ихъ цвѣтомъ, величиной и хвостами.

Разсмотримъ общіе признаки, характеризующіе движеніе метеоровъ въ пространствѣ. Прежде всего мы находимъ, что оно отличается необыкновенной быстротой: отъ этого чувствительно страдаетъ точность наблюденія. Въ извѣстныя времена года, особенно въ нѣкоторыя августовскія и ноябрьскія ночи, а также въ опредѣ-

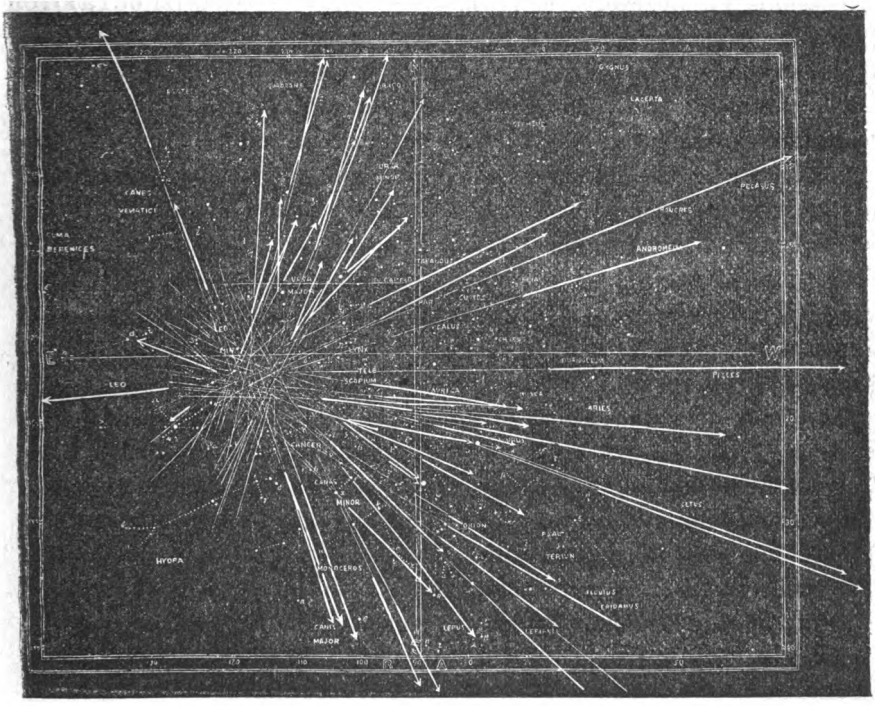


Метеорный дождь во Флоридѣ.

ленные года число появляющихся метеоровъ бываетъ настолько значительно, что они имѣютъ видъ огненнаго дождя: такъ и называли ихъ лѣтописцы. Это служитъ признакомъ, что мелкія космическія тѣла носятся въ пространствѣ не безъ плана, что въ своемъ числѣ и движеніи онѣ обнаруживаютъ извѣстную правильность. Крупныя метеорныя скопленія возвращаются обыкновенно *черезъ годъ*, такъ что появленіе ихъ совпадаетъ съ опредѣленными положеніями земли на ея орбитѣ. Иногда, впрочемъ, они запаздываютъ. Примѣръ—ноябрьскій потокъ падающихъ звѣздъ. Въ теченіе 100 лѣтъ моментъ появленія ихъ передвинулся почти на 3 дня. Какою причи-

ною вызывается это замедленіе? Точное изслѣдованіе показываетъ, что половину его нужно приписать перемѣщенію точки, въ которой земля ежегодно встрѣчается съ роемъ падающихъ звѣздъ. Количество метеоровъ въ данной группѣ не остается постояннымъ: оно также измѣняется періодически; напримѣръ, для ноябрьскихъ метеоровъ этотъ періодъ равенъ 33 годамъ.

Очень важный фактъ, впервые замѣченный въ 1833 году, это—такъ называемая *радіація* многихъ метеоровъ. Въ чемъ же состоитъ она? Въ большихъ метеорныхъ рояхъ линіи путей, продолженныя въ обратномъ направленіи, сходятся къ одной точкѣ



Радіантъ ноябрскаго метеорнаго потока.

или къ небольшой поверхности небеснаго свода; изъ этой точки онѣ расходятся на подобіе лучей. Эту точку называютъ *радіантомъ*. Всѣ наблюдатели въ данный моментъ видятъ ее на одномъ и томъ же мѣстѣ небеснаго свода; у нея нѣтъ параллакса. Слѣдовательно, радіантъ не можетъ находиться ни въ атмосферѣ, ни вблизи земли. Все явленіе, впрочемъ, представляетъ только результатъ перспективы, такъ какъ отдѣльные пути метеоровъ почти параллельны. Положеніе радіантовъ характерно для опредѣленныхъ метеорныхъ роевъ. Августовскіе метеоры расходятся изъ

одной точки Персея, ноябрскіе изъ Льва; поэтому первые называются *Персеидами*, вторые *Леонидами*.

Замѣчательно, что нѣкоторые радіанты располагаются группами въ различныхъ областяхъ неба; при этомъ періоды метеорныхъ роевъ, принадлежащихъ къ одной и той же группѣ радіантовъ, немногимъ отличаются другъ отъ друга и большею частью растягиваются на нѣсколько недѣль. Поэтому можно думать, что нѣкоторые радіанты принадлежатъ къ общей системѣ, такъ какъ эту одновременность нельзя объяснять случаемъ.

Одинъ изъ тщательнѣйшихъ наблюдателей надъ метеорами, *Деннингъ*, въ Бристолѣ, нашелъ, что нѣкоторые радіанты остаются дѣятельными очень долгое время: въ теченіе цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ изъ нихъ вылетаютъ метеоры. Такъ, есть точка на разстояніи $1^1/_2$ градусовъ къ сѣверу отъ звѣзды β въ созвѣздіи Треугольника; случается, что она высылаетъ метеоры въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—отъ іюля до декабря. Падающія звѣзды этого радіанта, большею частью, слабы; огненные шары встрѣчаются между ними рѣдко. Второй такой же радіантъ лежитъ, по *Деннингу*, на 46° прямого восхожденія и +45,6° склоненія, почти на срединѣ между звѣздами α и β въ Персеѣ. Онъ дѣятеленъ между 6 іюля и 30 ноября. Здѣсь постоянно вспыхиваютъ новые метеоры; въ іюлѣ же 1884 года отъ 23 до 25 числа онъ далъ настоящій потокъ падающихъ звѣздъ. Трудно объяснить, почему дѣятельность этихъ радіантовъ продолжается цѣлые мѣсяцы: представимъ, что потокъ метеоровъ имѣетъ милліонъ миль въ поперечникѣ. Все-таки земля при своемъ полетѣ пронесется чрезъ него въ нѣсколько дней. Главные радіанты, дающіе наибольшее количество метеоровъ, дѣятельны въ теченіе малаго періода. Вотъ перечень ихъ, составленный *Деннингомъ*. Имъ даны названія по тѣмъ созвѣздіямъ, въ которыхъ они расположены.

Названіе метеорныхъ потоковъ.	Періодъ дѣятельности.	Максимумъ дѣятельности.	Положеніе радіантовъ	
			Прямое восхожденіе.	Склоненіе.
Квадрантиды	28 дек.—4 янв.	2 янв.	229,8°	+52,5°
Лириды	16—22 апр.	20 апр.	269,7°	+32,5°
η Аквариды	30 апр.—6 мая.	6 мая.	337,6°	— 2,1°
δ »	23 іюля—25 авг.	28 іюля.	339,4°	—11,6°
Персеиды	11 » —22 »	10 авг.	45,9°	+56,9°
Оріониды	9—29 окт.	18 окт.	92,1°	+15,5°
Леониды	9—17 ноябр.	13 ноябр.	150,0°	+22,9°
Потокъ Андромеды . .	25—30 ноябр.	27 »	25,3°	+43,8°
Потокъ Близнецовъ . .	1—14 дек.	10 дек.	108,1°	+32,6°

Метеоры, которые по яркости превосходятъ самыя яркія звѣзды, называются *болидами*, а тѣ изъ нихъ, которые при своемъ появленіи развиваютъ чрезвычайный блескъ, называются «*огненными шарами*». Появленіе послѣднихъ нерѣдко сопровождается такимъ обиліемъ свѣта, что ночью становится свѣтло, какъ днемъ. Въ такихъ случаяхъ они оставляютъ за собой блестящій хвостъ, который часто продолжаетъ свѣтиться, когда самъ огненный шаръ давно уже разлетѣлся или потухъ. Бываетъ, что огненный метеоръ пролетаетъ въ земной атмосферѣ путь длиною во много миль. Такъ, напр., огненный шаръ, появившійся 3 іюня 1883 года, пронесся надъ юго-западной Германіей, Голландіею и Сѣвернымъ моремъ, сдѣлавши болѣе 100 географическихъ миль. Проф. *ф. Нисль* открылъ важный фактъ, что и для огненныхъ шаровъ существуютъ опредѣленные радіанты, которые отъ времени до времени становятся дѣятельными. Такъ, по его вычисленію, большой огненный шаръ, появившійся 17 іюня 1873 года, направлялся изъ точки неба, лежащей подъ 249° прямого восхожденія и 20° южнаго склоненія. Огненный метеоръ, пронесшійся 7 іюня 1878 года надъ Англіей и Франціей, вышелъ изъ точки, расположенной подъ 249° прямого восхожденія и 21° южнаго склоненія. Огненный шаръ, наблюдавшійся 13 іюня 1879 года въ Австріи, началъ полетъ на 246° прямого восхожденія и 19° южнаго склоненія. Наконецъ, 3 іюня 1883 года появились два огненныхъ шара, слѣдовавшіе одинъ за другимъ черезъ два часа; одинъ пролетѣлъ надъ Далмаціей, другой надъ Германіей и Голландіей; оба направлялись изъ 249° прямого восхожденія и 20° южнаго склоненія. Итакъ, хотя огненные шары появляются спорадически, однако, подобно падающимъ звѣздамъ, они исходятъ изъ опредѣленныхъ точекъ неба. То же самое показалъ *Деннингъ* для болидовъ, которые появляются чаще, чѣмъ огненные шары; для нихъ поэтому можно было установить большее число радіантовъ. Такимъ образомъ, всѣ описанные метеоры представляютъ то общее свойство, что они исходятъ изъ опредѣленныхъ точекъ небеснаго свода или радіантовъ. Эти радіанты высылаютъ метеоры только въ извѣстныя времена года, въ остальное же время остаются недѣятельными. Какъ объяснить всѣ эти явленія?

Съ 1833 года, когда наблюдался блестящій дождь падающихъ звѣздъ, было предложено много различныхъ гипотезъ; но почти до настоящаго времени всѣ усилія оставались безплодными вслѣдствіе трудности предмета. Достигнуть результатовъ удалось лишь тогда, когда примѣнили научную индукцію въ обращенной формѣ: для этого пришлось допустить гипотетическія предположенія, вывести

изъ нихъ слѣдствія и провѣрить эти слѣдствія путемъ наблюденій. Благодаря этому пріему, *Скіапарелли* пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: пути, описанные въ пространствѣ падающими звѣздами, имѣютъ огромное сходство съ кометными путями, абсолютная скорость падающихъ звѣздъ въ моментъ, когда онѣ достигаютъ земной атмосферы, почти равна скорости, отвѣчающей параболическому движенію; нѣкоторыя кометы появляются въ сопровожденіи опредѣленнаго рѣя метеоровъ, причемъ тѣ и другіе описываютъ тожественные пути; наконецъ, падающія звѣзды пред-

Паденіе болида.

ставляютъ, вѣроятно, результатъ разсѣянія кометной матеріи. Правда, еще до *Скіапарелли* были сдѣланы указанія, имѣющія нѣкоторое сходство съ этими поразительными выводами. Мы находимъ ихъ у *Кардана*, *Маскелина*, *Хладни* и особенно у *ф. Рейхенбаха* и *Даніеля Кирквуда*. Но эти намеки были отдѣльными предположеніями, которыя не были подкрѣплены точными изслѣдованіями.

Первымъ важнымъ шагомъ впередъ въ области метеорной астрономіи было открытіе часовыхъ измѣненій въ числѣ падающихъ звѣздъ. Оно принадлежитъ *Кувье-Гравье*. Фактъ, установленный этимъ наблюдателемъ, былъ предусмотрѣнъ въ 1838 году *Гэррикомъ* и позже вполнѣ подтвержденъ *Шмидтомъ*. Фактъ заключается въ томъ, что для любого мѣста наблюденія наибольшее число падающихъ звѣздъ наблюдается въ 6 часовъ утра; долгота мѣста въ этомъ отношеніи не имѣетъ вліянія.

Кувье-Гравье нашелъ также, что падающія звѣзды распредѣлены неравномѣрно относительно странъ свѣта. Чаще всего метеоры движутся съ востока; рѣже—съ запада; сѣверъ и югъ занимаютъ въ этомъ отношеніи середину. Неутомимый *Шмидтъ* провѣрилъ эти результаты и подтвердилъ ихъ.

Всякая теорія относительно происхожденія падающихъ звѣздъ должна принять во вниманіе эти данныя, представляющія результатъ чистаго наблюденія. Здѣсь-то и встрѣтила наибольшія трудности *космическая* теорія метеоровъ. Еще въ 1827 году *Брандесъ* сдѣлалъ предположеніе, что число метеоровъ измѣняется по часамъ; онъ ставилъ это измѣненіе въ связь съ годичнымъ обращеніемъ земли вокругъ солнца. Однако на эту мысль не обратили большого вниманія, и только позже она получила разработку въ изслѣдованіяхъ *Гэррика* и проф. *Ньютона*. Наконецъ, *Скіапарелли* прослѣдилъ ее до самыхъ отдаленныхъ выводовъ.

Какъ отражается движеніе земли на числѣ появляющихся метеоровъ? Предположимъ сначала, что земля недвижно стоитъ среди мірового пространства и со всѣхъ сторонъ равномѣрно окружена метеорами. Въ каждой точкѣ ея поверхности они падали бы тогда въ одинаковомъ числѣ. Тоже было бы, если бы земля вращалась вокругъ своей оси. Представимъ теперь, что центръ земли передвигается въ пространствѣ со скоростью, гораздо большею, чѣмъ скорость движенія метеоровъ. Очевидно, что метеоры будутъ тогда попадать только на то полушаріе, которое лежитъ въ направленіи движенія земли. Обозначимъ это направленіе линіею, продолжимъ ее мысленно до пересѣченія съ небеснымъ сводомъ; точку пересѣченія *Скіапарелли* назвалъ *апексомъ*. Ясно, что въ

каждомъ мѣстѣ земной поверхности падающія звѣзды могутъ быть видны только тогда, когда апексъ находится надъ горизонтомъ этого мѣста. Если скорость земного движенія не слишкомъ превышаетъ скорость метеоровъ, или даже меньше послѣдней, падающія звѣзды могутъ быть видимы во всякое время. Число ихъ для даннаго мѣста будетъ наибольшее, когда апексъ достигнетъ наибольшей высоты надъ горизонтомъ, т. е. будетъ находиться на меридіанѣ. Ясно отсюда, что количество метеоровъ въ различные часы ночи обусловлено отношеніемъ между скоростью земли и среднею скоростью метеоровъ. Опредѣлимъ это количество путемъ наблюденія; тогда можно вычислить отношеніе между скоростями. Такое вычисленіе произвелъ *Скіапарелли* въ 1866 году. Оказалось, что средняя скорость падающихъ звѣздъ въ 1,455 разъ болѣе скорости земли, т. е. очень мало разнится отъ параболической.

Движеніе метеоровъ и земли: p—направленіе апекса; g—встрѣчные метеоры; f—метеоры, идущіе вслѣдъ.

Если бы путь земли былъ правильнымъ кругомъ, мѣсто апекса на небесномъ сводѣ всегда лежало бы какъ разъ на 90° къ западу отъ мѣста солнца на эклиптикѣ, слѣдовательно, приходилось бы надъ горизонтомъ на меридіанѣ около 6 часовъ утра. Форма пути, по которому движется земля, немного отличается отъ круга; поэтому разстояніе апекса въ теченіе года не остается постояннымъ, но измѣняется въ предѣлахъ отъ 89°2′ до 90°58′. Апексъ можно разсматривать какъ «*метеорное солнце*»; легко видѣть, что восходъ этого «метеорнаго солнца» приходится около полуночи, а закатъ въ нашихъ широтахъ всегда происходитъ днемъ. Скрывшись подъ горизонтомъ, апексъ опускается всего глубже около 6 часовъ вечера; это—моментъ такъ-называемой нижней кульминаціи *). Поэтому лѣтомъ нельзя наблюдать ни той, ни другой кульминаціи апекса, такъ какъ въ 6 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера бываетъ свѣтло; за то зимою легко наблюдать и ту и другую. Наибольшее склоненіе **) къ сѣверу приходится у апекса на время осенняго равноденствія, наибольшее южное склоненіе—на время весенняго равноденствія; во время солнцестояній

*) «Прохожденіе звѣзды чрезъ меридіанъ выше полюса называется верхней, а ниже полюса—нижней *кульминаціей*». Ньюкомбъ. Астрономія, стр. 9.

**) *Склоненіе*—разстояніе свѣтила отъ экватора. Его отчитываютъ по большому кругу, проходящему чрезъ полюсъ міра и данное свѣтило. Хандриковъ. Описат. астрономія. 1886 г., стр. 9.

его склоненіе равно нулю. Между лѣтнимъ и зимнимъ солнцестояніемъ «метеорное солнце» находится, слѣдовательно, на сѣверныхъ параллельныхъ кругахъ, и при кульминаціи достигаетъ большей высоты надъ горизонтомъ, чѣмъ въ слѣдующій періодъ отъ зимняго до лѣтняго солнцестоянія. Поэтому непремѣнно должны быть годичныя колебанія въ числѣ метеоровъ: въ первый періодъ мы должны видѣть больше метеоровъ, чѣмъ во второй. Этотъ выводъ вполнѣ подтвержденъ наблюденіями.

Въ 6 часовъ утра «метеорное солнце» стоитъ надъ горизонтомъ на меридіанѣ. Съ этого момента до нижняго прохожденія чрезъ меридіанъ въ 6 часовъ вечера оно постоянно находится на западномъ полушаріи неба. Слѣдовательно, днемъ преобладающее направленіе падающихъ звѣздъ должно быть западное. Ночью, напротивъ, метеорное солнце всегда находится на восточной половинѣ неба, и наблюдатель въ это время долженъ видѣть наибольшее количество метеоровъ съ восточной стороны. Всѣ эти выводы совершенно совпадаютъ съ наблюденіями. «Пользуясь принципомъ *Брандеса*», говоритъ *Скіапарелли*, «можно объяснить всѣ колебанія въ числѣ падающихъ звѣздъ. Слѣдовательно, эти колебанія не только не мѣшаютъ принять космическую теорію метеоровъ, а скорѣе, блестящимъ образомъ подтверждаютъ ее. Всѣ разсмотрѣнныя условія, очевидно, сохраняютъ свое значеніе и въ томъ случаѣ, если не принимать полной равномѣрности въ распредѣленіи падающихъ звѣздъ по всѣмъ направленіямъ».

Когда было показано, что метеоры, проносящіеся вблизи земли, имѣютъ параболическую скорость, самъ собою возникъ вопросъ: ограничивается ли аналогія между путями падающихъ звѣздъ и кометъ только тѣмъ, что тѣ и другіе — очень вытянутыя коническія сѣченія, или же можно найти другія сходства? *Эрманъ* выяснилъ, что орбита *Персеидъ* сильно наклонена къ эклиптикѣ, а проф. *Ньютонъ* доказалъ возвратное движеніе ноябрьскихъ метеоровъ. Оказалось, что между метеорами и кометами существуетъ величайшее сходство не только въ формѣ, но и въ *положеніи путей*. «Такимъ образомъ», говоритъ *Скіапарелли*, «естественно явилась гипотеза, допущенная еще *Галлеемъ*, что падающія звѣзды, подобно кометамъ, являются къ намъ изъ области неподвижныхъ звѣздъ. Такъ какъ падающія звѣзды доходятъ до насъ въ формѣ системъ, само собою возникаетъ предположеніе, что еще въ глубинахъ пространства онѣ соединяются въ системы и образуютъ скопленія въ высшей степени тонкой матеріи. Если мы зададимъ вопросъ, какія видоизмѣненія должно претерпѣть такое скопленіе, приближаясь къ солнцу, то, къ на-

*

шему изумленію, мы узнаемъ слѣдующее: по закону тяготѣнія каждое очень разрѣженное облако, состоитъ ли оно изъ сплошной, непрерывной матеріи, или изъ отдѣльныхъ частицъ, съ приближеніемъ къ солнцу должно превратиться въ разрѣженный и очень длинный потокъ, изогнутый въ видѣ кривой; въ сосѣднихъ съ землею пространствахъ эта кривая мало отличается отъ параболы и, вообще, приближается къ коническому сѣченію, очень вытянутому въ длину. Такъ, по моему мнѣнію, можно представить себѣ образованіе неперіодическихъ потоковъ падающихъ звѣздъ. Подобная теорія объясняетъ также образованіе кольцеобразныхъ періодическихъ потоковъ, къ которымъ вполнѣ основательно относятъ ноябрьскій потокъ. Если космическое облако еще не превратилось въ потокъ и поэтому имѣетъ сравнительно большую плотность, то, при значительномъ приближеніи къ одной изъ большихъ планетъ, оно перемѣстится на путь съ короткимъ періодомъ обращенія и съ малымъ разстояніемъ перигелія. При прохожденіи черезъ перигелій, это облако можетъ разсѣяться вслѣдствіе неодинаковаго дѣйствія солнечнаго притяженія на различныя его части или вслѣдствіе разрушительной силы солнца. Мало-по-малу оно вытянется въ потокъ, который, наконецъ, сомкнется и образуетъ эллиптическое кольцо. Эти разсужденія находятся въ полномъ согласіи не только со всѣми извѣстными теперь фактами, но и съ космогоническими гипотезами *Вильяма Гершеля* и *Лапласа*. Почему не принять, что матерія небесныхъ пространствъ представляетъ всѣ возможныя степени концентраціи, плотности и разсѣянія? Значительное наклоненіе орбитъ и обратныя движенія падающихъ звѣздъ не позволяютъ связывать ихъ происхожденіе съ происхожденіемъ планетныхъ тѣлъ солнечной системы; почему же не приписать имъ происхожденія одинаковаго съ кометами? Это представляется почти неизбѣжнымъ. Образованіе потоковъ объясняется тогда очень легко и просто. Наблюденія *Кувье-Гравье* сдѣлали очень вѣроятнымъ, что пути падающихъ звѣздъ—вытянутыя коническія сѣченія. Наконецъ, незадолго предъ этимъ проф. *Гёкъ* также съ большой вѣроятностью показалъ, что и кометы доходятъ до насъ изъ глубины небеснаго пространства не какъ изолированныя массы, но какъ члены сложныхъ системъ, что онѣ также образуютъ потоки, хотя и не тожественные, но аналогичные съ потоками падающихъ звѣздъ. Слѣдовательно, при данномъ состояніи метеорной астрономіи выводы, изложенные выше, представлялись очень правдоподобными. Знанія относительно орбитъ и вѣроятнаго происхожденія падающихъ звѣздъ казались настолько прочными, что ими можно пользоваться, какъ основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій».

Опираясь на эти идеи, *Скіапарелли* вычислилъ параболу, описываемую падающими звѣздами 10 августа, и, слѣдуя *Алекс. Гершелю*, принялъ радіантомъ ихъ точку неба, лежащую на 44° прямого восхожденія и 56° сѣвернаго склоненія. Черезъ плоскость земной орбиты эта группа метеоровъ прошла 11 августа, въ 6 часовъ утра, 1866 года.

Такимъ образомъ, были найдены слѣдующіе элементы пути для Персеидъ 1866 года:

Прохожденіе черезъ перигелій 1866 г. . .	іюл. 23,62
Долгота перигелія.	343°38′
Долгота восходящаго узла.	138°16′
Наклоненіе орбиты.	64°03′
Разстояніе перигелія.	0,9643
Время обращенія	108 лѣтъ
Движеніе.	обратное.

Чтобы найти время обращенія, *Скіапарелли* принялъ во вниманіе особенно яркія явленія августовскихъ метеоровъ. Данныя о нихъ онъ заимствовалъ изъ каталоговъ *Кетле* и *Эд. Біо*. Это время обращенія очень неточно. Относительная скорость, съ которой Персеиды встрѣчаютъ землю, вычислена изъ вышеприведенныхъ элементовъ пути.

Она равна 8 нѣмецкимъ милямъ. Это очень близко къ величинѣ въ $7^1/_2$ миль, выведенной *Александромъ Гершелемъ* изъ наблюденій.

Лѣтомъ 1862 г. наблюдалась большая комета (III); ея элементы, по *Оппольцеру*, слѣдующіе:

Прохожденіе черезъ перигелій 1862 г. . .	авг. 22,9
Долгота перигелія.	344°41′
Долгота восходящаго узла	137°27′
Наклоненіе орбиты.	66°26′
Разстояніе перигелія.	0,9626
Время обращенія	121,5 лѣтъ
Движеніе	обратное.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, обѣ системы элементовъ отличаются другъ отъ друга на незначительную величину. Отклоненія эти можно смѣло приписать меньшей точности, съ которой опредѣлены радіантъ и узелъ метеоровъ Персея. Скорѣе слѣдуетъ удивляться, что въ элементахъ не оказалось разницы болѣе значительной. Отклоненіе въ данныхъ для времени обращенія больше, но оно не имѣетъ такого значенія уже потому, что этотъ элементъ въ обоихъ путяхъ можетъ быть вычисленъ только приблизительно.

Къ вышеприведеннымъ выводамъ *Скіапарелли* пришелъ уже въ концѣ ноября 1866 года. Онъ опубликовалъ ихъ въ декабрѣ. Въ то же время онъ указалъ, приблизительно, путь для ноябрьскихъ метеоровъ, предполагая, что они имѣютъ періодъ обращенія въ $33^1/_4$ года, а ихъ радіантъ 13 ноября 1866 года находился подъ 143°12′ долготы и 10°16′ сѣверной широты.

Вотъ элементы орбиты для Леонидъ 13 ноября 1866 г.

Прохожденіе черезъ перигелій 1866 г.	ноябр. 10,092
Долгота перигелія	56°25,9′
Долгота восходящаго узла	231°28,2′
Наклоненіе орбиты	17°44,5′
Разстояніе перигелія	0,9873
Эксцентрицитетъ	0,9046
Половина большой оси	10,340
Время обращенія	33,25 года
Движеніе	обратное.

Поразительно, что и для нихъ нашлась комета, которая движется по тому же самому пути. Комета I 1866 года описываетъ, по вычисленію *Оппольцера*, орбиту, опредѣляемую слѣдующими элементами:

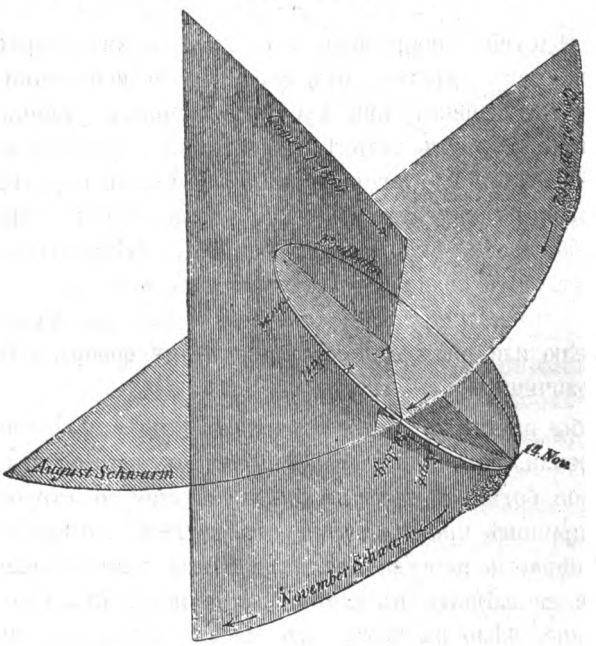
Прохожденіе черезъ перигелій 1866 г.	янв. 11,160
Долгота перигелія	60°28,0′
Долгота восходящаго узла	231°26,1′
Наклоненіе орбиты	17°18,1′
Разстояніе перигелія	0,9765
Эксцентрицитетъ	0,9054
Половина большой оси	10,324
Время обращенія	33,176 года
Движеніе	обратное.

Совпаденіе двухъ метеорныхъ путей съ двумя кометными путями никакъ нельзя приписать случаю, и потому сэръ *Джонъ Гершель* вполнѣ справедливо замѣтилъ: «Это согласіе столь поразительно, что оно не оставляетъ никакого мѣста сомнѣнію въ общемъ происхожденіи кометъ и метеорныхъ камней».

Съ тѣхъ поръ были вычислены пути многихъ метеорныхъ потоковъ. Когда ихъ сравнили съ путями извѣстныхъ кометъ, совпаденіе оказалось только въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ:

Потоки метеоровъ.	Кометы.
Лириды (апрѣльскіе метеоры)	I 1861
Персеиды (августовскіе метеоры)	III 1862
Потокъ Андромеды (ноябрьскіе метеоры)	Біелы
Леониды (ноябрьскіе метеоры)	I 1866.

Это число, конечно, чрезвычайно ничтожно, если принять во вниманіе всѣ вычисленные пути кометъ и метеорныхъ потоковъ. Когда орбиты августовскихъ и ноябрскихъ метеоровъ совпали съ орбитами III кометы 1862 года и I кометы 1866 года, астрономы думали сначала, что скоро окажется много другихъ такихъ же совпаденій. Это предположеніе было ошибочно; надежда, что для многихъ кометныхъ путей будутъ найдены соотвѣтственные метеорные пути и обратно, не оправдалась. Такія совпаденія представляются исключительными; если работы *Скіапарелли* въ этой



Орбиты: земли, III кометы 1862 года (августовскихъ метеоровъ) и I кометы 1866 года (ноябрьскихъ метеоровъ).

области скоро были иллюстрированы совпаденіями нѣкоторыхъ метеорныхъ путей съ орбитами кометъ, это просто любопытная случайность.

Несомнѣнно, что вслѣдствіе земного притяженія въ нашу атмосферу попадаетъ много метеоровъ, которые иначе не встрѣтились бы съ землею. *Скіапарелли* вычислилъ, какъ велика эта прибавка: возьмемъ квадратъ увеличенной скорости метеоровъ и квадратъ простой относительной скорости; прибавка выражается отношеніемъ между этими квадратами. Этотъ фактъ впервые былъ замѣченъ проф. *Ньютономъ*. «Для потоковъ съ малой скоростью»,

говоритъ *Скіапарелли*, «число падающимъ звѣздъ возрастаетъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ для остальныхъ. Представимъ метеорное скопленіе, обладающее максимальной скоростью; подъ вліяніемъ земного притяженія число метеоровъ увеличится въ немъ въ отношеніи

1 : 1,025

За то для потоковъ съ наименьшей скоростью оно увеличится въ отношеніи

1 : 1,849.

Отсюда слѣдствіе: вообразимъ два потока; одинъ направляется къ землѣ отъ апекса, другой—отъ противоположной точки небеснаго свода, отъ анти-апекса; при прочихъ равныхъ условіяхъ, число метеоровъ въ первомъ потокѣ относится къ числу ихъ во второмъ, какъ 1,025 : 1,849 или, проще, какъ 5 : 9″. Рой метеоровъ, увеличившійся благодаря притяженію земли, распредѣляется при этомъ на площади бо́льшей, чѣмъ одно полушаріе. Слѣдовательно, нельзя еще сказать, что количество метеоровъ, падающихъ на землю, возрастаетъ, какъ количество падающихъ звѣздъ, видимыхъ данному наблюдателю или приходящихся на единицу поверхности опредѣленной величины.

Если бы на число метеоровъ вліяла одна только причина, притяженіе земли, потоки, направляющіеся съ анти-апекса, были бы значительно богаче метеорами, чѣмъ идущіе со стороны апекса. Но этой причинѣ противодѣйствуетъ другая, которая не только уравновѣшиваетъ первую, но оказывается значительно сильнѣе. Благодаря ея вліянію, въ потокахъ, идущихъ отъ апекса, метеоровъ больше. Дѣло въ томъ, что число метеоровъ, являющихся въ теченіе часа, должно быть пропорціонально относительной скорости, съ которой они движутся. Это условіе гораздо благопріятнѣе для апекса, чѣмъ для анти-апекса; получается отношеніе 5,82 : 1. Другія условія, вліяющія на «часовую численность» метеоровъ, слѣдующія: разстояніе метеоровъ отъ наблюдателя; наклоненіе ихъ орбитъ; уголъ, подъ которымъ эти орбиты представляются глазу наблюдателя, и еще нѣкоторыя иныя, ускользающія отъ всякаго разсчета. Перечисленныхъ обстоятельствъ, въ связи съ очень измѣнчивыми состояніями атмосферы, достаточно, чтобы объяснить тотъ фактъ, что нѣкоторые потоки падающихъ звѣздъ въ однѣхъ мѣстностяхъ представляются очень яркими, въ другихъ, напротивъ, слабыми. Нѣтъ никакой нужды обращаться къ невѣроятной гипотезѣ, именно, будто извѣстнымъ мѣстностямъ метеоры оказываютъ предпочтеніе.

Какъ велики возмущенія, производимыя землею и другими планетами въ орбитахъ падающихъ звѣздъ? Вотъ вопросъ, крайне важный для теоріи метеоровъ. *Скіапарелли* подробно изслѣдовалъ его и пришелъ къ слѣдующему заключенію: если «возмущеніе» производится землею, уголъ наибольшаго отклоненія для метеоровъ ноябрскаго потока достигаетъ 1°28′. Вслѣдствіе этого возмущенія среднее время обращенія въ крайнихъ случаяхъ можетъ уменьшиться съ 33¼ лѣтъ до 28,67 лѣтъ или увеличиться до 49,92 лѣтъ. Отсюда можно видѣть, что та часть Леонидъ, которая проходитъ очень близко къ землѣ, имѣетъ возможность измѣнить свой періодъ обращенія и растянуться по всей орбитѣ въ формѣ разсѣяннаго кольцеобразнаго потока. Однако, измѣненіе въ точкѣ радіаціи не будетъ очень значительнымъ. «Метеорный потокъ,—говоритъ *Скіапарелли*,—можетъ исходить изъ одной точки съ правильностью почти геометрической, и въ то же время элементы его будутъ описывать въ пространствѣ очень различные пути»,

Скіапарелли изслѣдовалъ далѣе, въ какой степени притяженіе земли можетъ измѣнить большія оси метеорныхъ путей. Возьмемъ метеоръ, обладающій параболическимъ движеніемъ; если земля перемѣститъ его на путь съ возможно малымъ періодомъ обращенія, онъ будетъ двигаться въ прямомъ направленіи, и парабола его пересѣчетъ земную орбиту, принимаемую въ этомъ случаѣ за кругъ, подъ угломъ въ 18°. Также и другія планеты, соотвѣтственно своей массѣ и разстоянію, производятъ возмущенія въ метеорныхъ орбитахъ. У внутреннихъ планетъ масса мала; поэтому, при громадной скорости метеоровъ, внутреннія планеты вліяютъ на нихъ слабѣе земли; за то внѣшнія планеты, начиная съ Юпитера, могутъ вызывать въ метеорныхъ путяхъ очень большія отклоненія.

Сдѣлаемъ здѣсь одно только указаніе: если одна изъ крупныхъ планетъ пролетаетъ чрезъ потокъ метеоровъ, или, по крайней мѣрѣ, приближается къ нему на нѣсколько сотъ земныхъ радіусовъ, метеоры ближайшей части этого потока отклоняются отъ своего пути настолько сильно, что потокъ въ этой части будетъ представляться разрушеннымъ. «Это вліяніе планетъ подобно дѣйствію сильнаго вѣтра на столбъ дыма». Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ встрѣчъ первоначальная связь между метеорами можетъ сдѣлаться мало замѣтною, и они будутъ казаться *спорадическими*.

Мы естественно подошли теперь къ вопросу *о происхожденіи метеорныхъ потоковъ*. И этотъ вопросъ былъ изслѣдованъ *Скіапарелли* съ величайшимъ остроуміемъ. Отвѣтъ получился слѣдующій. Если система шарообразной формы и незначительной плотности приблизится до извѣстнаго предѣла къ солнцу, она должна

разсѣяться,—все равно, состоитъ-ли она изъ отдѣльныхъ частицъ или изъ сплошной массы вещества. Предѣлъ устойчивости зависитъ не отъ размѣровъ шарообразной системы, а только отъ количествъ заключенной въ ней матеріи и отъ разстоянія между нею и солнцемъ. Разъ этотъ предѣлъ достигнутъ, система равномѣрной плотности начинаетъ распадаться во всѣхъ слояхъ одновременно. Если же плотность системы возростаетъ въ направленіи къ центру, распаденіе начинается съ наружныхъ слоевъ. Разрушительное дѣйствіе солнца—простой результатъ его притяженія такое же вліяніе могутъ оказывать планеты. Благодаря притяженію солнца, матерія должна распредѣлиться вдоль орбиты и занять нѣкоторую дугу ея. Положимъ, орбита была эллиптическая; въ концѣ концовъ, вся периферія будетъ занята матеріей, метеорами. Несомнѣнно, что и планеты могутъ непосредственно и посредственно производить распаденіе первоначальной массы и образованіе потока.

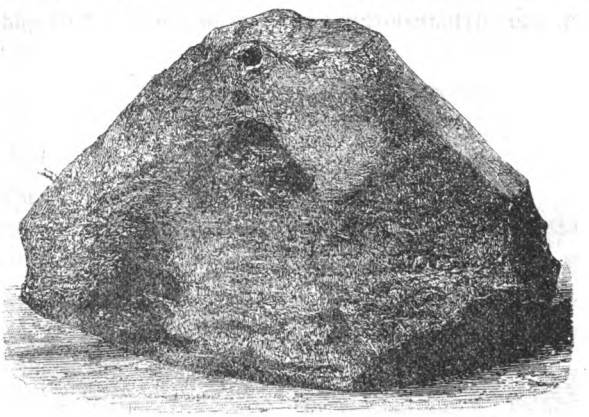
Все, что извѣстно намъ о кометахъ, приводитъ къ мысли, что массы ихъ представляютъ условія, благопріятныя для распаденія. Затѣмъ, мы видѣли, что орбиты нѣкоторыхъ кометъ почти тожественны съ путями метеорныхъ потоковъ. Отсюда легко сдѣлать заключеніе, что метеорные потоки возникаютъ путемъ распаденія кометъ.

Мы разсмотрѣли отношеніе между падающими звѣздами и кометами. Теперь, опираясь на изслѣдованія *Скіапарелли*, постараемся освѣтить родство падающихъ звѣздъ съ метеоритами. Нѣкоторые ученые отрицаютъ тожество падающихъ звѣздъ и метеоритовъ; указываютъ, что паденіе ихъ на землю никогда еще не наблюдалось съ полной точностью. Другіе, напротивъ, приписываютъ тѣмъ и другимъ одинаковую природу.

Скіапарелли приводитъ нѣсколько случаевъ, когда вещество падающихъ звѣздъ должно было достигнуть земли. Первый относится къ 1095 году, именно, къ большому потоку падающихъ звѣздъ, наблюдавшемуся во времена Клермонтскаго собора. Второй случай сообщенъ *Гайдингеромъ*: рѣчь идетъ о метеорѣ, упавшемъ 31 іюля 1859 года у замка Montpreis, въ Штиріи. Метеоръ летѣлъ со скоростью падающей звѣзды, только блескъ его былъ сильнѣе. Упавши передъ церковью на твердую песчаную почву, онъ произвелъ въ ней небольшую ямку глубиною въ половину орѣховой скорлупы и выжегъ пятно, величиною съ талеръ. Упавшій предметъ оставался раскаленнымъ 5—8 секундъ. Онъ состоялъ изъ трехъ кусковъ пылеобразной или нескообразной массы, каждый величиною съ орѣхъ; куски были покрыты черной шлакообразной корой.

Третій случай наблюдался 16 ноября 1859 года, въ 8½ часовъ вечера, въ Чэрльстонѣ, въ Южной Каролинѣ. Масса метеора была химически изслѣдована *Шепардомъ*, который нашелъ, что она имѣетъ минеральное и землистое строеніе и содержитъ небольшое количество угля. Видъ метеорныхъ кусковъ отличалъ ихъ отъ всѣхъ извѣстныхъ органическихъ и неорганическихъ тѣлъ.

Нужно сознаться, что внѣшняя разница между падающей звѣздой и «огненнымъ шаромъ», дающимъ метеориты, во всякомъ случаѣ, значительная. Одна мелькаетъ на небесномъ сводѣ тихо и безшумно; свѣтъ ея чистъ; путь имѣетъ видъ тонкой черты. Другой представляетъ огненную массу, изливающую ослѣпительный свѣтъ; за нею тянется хвостъ; вокругъ нея искры и дымъ: разлетается она съ громовымъ трескомъ... Но эти двѣ формы связаны



Метеоритъ.

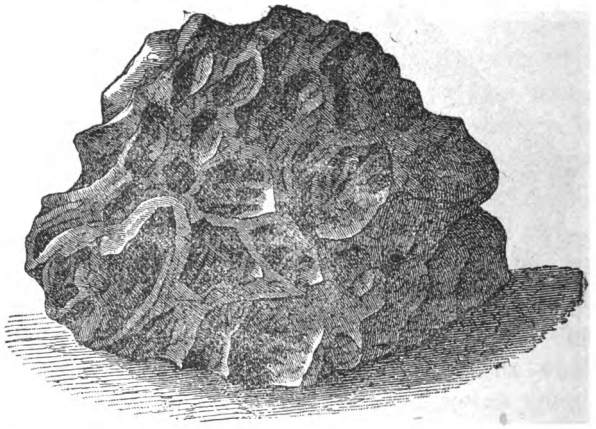
большимъ числомъ переходовъ; онѣ представляютъ только крайніе пункты *одного и того же* ряда явленій.

Огненные шары, вспыхивающіе съ трескомъ, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ доставляютъ метеориты, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что на землю постоянно падаютъ массы различной величины, начиная съ песчинокъ и кончая камнями вѣсомъ въ цѣлые центнеры. Только далеко не всегда ихъ находятъ, потому что это зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ

Не слѣдуетъ думать, что причиной грома, сопровождающаго появленіе большихъ огненныхъ метеоровъ, можетъ быть только взрывъ. Шумъ,который мы называемъ громомъ,говоритъ *Гирнъ*, происходитъ, какъ всѣмъ извѣстно, отъ того, что воздухъ, чрезъ который пробѣгаетъ электрическая искра, сразу нагрѣвается до очень высокой температуры и вслѣдствіе этого значительно увеличиваетъ свой объемъ. Столбъ воздуха, нагрѣтый и расширившійся такъ

внезапно, нерѣдко тянется въ длину на нѣсколько миль. Такъ какъ продолжительность молніи не достигаетъ и милліонной части секунды, то, очевидно, шумъ возникаетъ одновременно по всей длинѣ столба. Но для наблюдателя, находящагося въ какой-нибудь точкѣ, шумъ начинается въ томъ мѣстѣ столба, гдѣ молнія всего къ нему ближе. Другими словами, по началу громоваго удара можно опредѣлить наименьшее разстояніе молніи, а по продолжительности грома—длину столба.

Мелкія пушечныя ядра едва достигаютъ скорости 600 метровъ въ секунду, тогда какъ метеориты попадаютъ въ воздухъ со скоростью 40.000 и даже 60.000 метровъ въ секунду. При такой скорости воздухъ немедленно разогрѣвается до температуры въ 4.000°—6.000° Ц. Поверхность метеорита подвергается сильному тренію; отъ нея отрываются частицы вещества, которыя сейчасъ



Кусокъ метеорнаго желѣза, оплавленный на поверхности.

же превращаются въ паръ. Въ этомъ, несомнѣнно, и заключается причина дыма, который оставляютъ за собой метеориты. Слѣдовательно, совершенно такъ же, какъ при молніи, нагрѣванію подвергается длинный и узкій столбъ воздуха; происходитъ расширеніе, правда, не такъ быстро, какъ при молніи, но, во всякомъ случаѣ, въ теченіе очень короткаго времени и на очень большомъ протяженіи.

При такихъ условіяхъ должны получиться явленія взрыва: сначала громовый ударъ, потомъ болѣе или менѣе протяжные раскаты. Если бы пушечному ядру сообщить скорость 100.000 метровъ въ секунду, мы слышали бы уже не свистъ, а громъ; при этомъ оно произвело бы лучъ, подобный молніи, и тотчасъ же сгорѣло бы. Отсюда *Гирнъ* дѣлаетъ выводъ: нѣтъ никакой необходимости говорить о дѣйствительномъ взрывѣ, чтобы объяснить тотъ громъ, которымъ сопровождается паденіе метеоритовъ. Онъ дока-

ıваетъ, что интенсивность шума, происходящаго въ каждой точкѣ ти, зависитъ 1) отъ высоты, 2) отъ скорости, 3) отъ величины ɜтеорита и 4) отъ рельефа страны, надъ которой метеоритъ проɔсится. Онъ приводитъ наблюденіе *Соссюра*, что на высотѣ 5.000 етровъ пистолетный выстрѣлъ почти не производитъ шума; замѣчъ онъ доказываетъ, что на высотѣ 100.000 метровъ плотность оздуха понижена до ничтожнѣйшей величины въ 0,000,000,004 илограмма, и температура равна, вѣроятно,—200°. Въ такой редѣ метеоритъ не можетъ производить шума, хотя будетъ испуɔать очень яркій свѣтъ, такъ какъ его температура и его свѣтъ роисходятъ вслѣдствіе быстраго измѣненія плотности и не зависятъ отъ абсолютной величины ея.

Если разсмотрѣть признаки, присущіе огненнымъ метеорамъ, мы увидимъ, что ни взрывъ, ни интенсивность свѣта не могутъ служить для отличія ихъ отъ падающихъ звѣздъ. Явленія взрыва зависятъ отъ плотности воздуха на той высотѣ, гдѣ пролетаетъ метеоръ, а также отъ разстоянія между нимъ и наблюдателемъ. На интенсивность свѣта огромное вліяніе имѣютъ состоянія атмосферы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ наблюденія. Распаденіе метеоровъ на отдѣльные куски также не представляетъ признака, который можетъ отличать огненные шары отъ падающихъ звѣздъ: въ ноябрьскомъ потокѣ наблюдались одновременно падающія звѣзды и лопавшіеся метеоры, которые всѣ вылетали изъ общаго радіанта въ созвѣздіи Льва.

Единственное вѣское возраженіе противъ тожества падающихъ звѣздъ и метеоритовъ находили въ томъ, что паденіе метеоритовъ подчинено совсѣмъ другому періоду. Это—фактъ, котораго нельзя оспаривать: уже *Гайдингеръ* въ 1860 году нашелъ, что число метеоритовъ, выпавшихъ послѣ полудня, превышаетъ число метеоритовъ до полудня на 40%. Распредѣленіе метеоритовъ по мѣсяцамъ указано въ таблицѣ, составленной *Юл. Шмидтомъ*.

	Паденіе метеоритовъ.	Взрывъ.	Хвостъ.
Январь	22	52	39
Февраль	19	44	32
Мартъ	27	51	38
Апрѣль	27	37	26
Май	41	40	27
Іюнь	31	33	31
Іюль	39	44	50
Августъ	25	34	108
Сентябрь	18	36	59
Октябрь	28	50	54
Ноябрь	20	61	67
Декабрь	26	53	44

Отсюда видно, что максимумъ паденій приходится на май; въ это же время чаще наблюдаются и взрывы, тогда какъ явленія хвостовъ въ этомъ мѣсяцѣ рѣже, чѣмъ въ другіе. «Повидимому,—замѣчаетъ *Шмидтъ*,—чѣмъ полнѣе сгораніе, тѣмъ чаще образуются хвосты и тѣмъ рѣже падаютъ самые камни».

Почему же падающія звѣзды и метеориты подчинены въ своемъ появленіи неодинаковымъ періодамъ? Нужно вспомнить, что причиной ежедневныхъ колебаній въ числѣ метеоровъ является извѣстное соотношеніе между поступательнымъ движеніемъ земли по орбитѣ и суточнымъ, вращательнымъ движеніемъ. По этой причинѣ участки, окружающіе апексъ, должны высылать больше падающихъ звѣздъ, чѣмъ противоположныя области. То же правило имѣло бы силу и для метеоритовъ, если бы не было атмосферы. Но существованіе земной атмосферы совершенно измѣняетъ дѣло. Положимъ, что пути метеоритовъ параболичны; въ такомъ случаѣ скорость паденія въ направленіи апекса будетъ относиться къ скорости въ направленіи противоположномъ, какъ

$$4{,}34 : 1.$$

Представимъ, что со стороны апекса падаетъ какая-нибудь масса. Сопротивленіе атмосферы разовьетъ въ ней больше тепла, чѣмъ въ такой же массѣ, падающей съ противоположной стороны. Во сколько разъ больше? Въ $4{,}34 \times 4{,}34$, т. е. въ 19 разъ. Другими словами: причина, вызывающая распаденіе метеоровъ, вблизи апекса дѣйствуетъ въ 19 разъ сильнѣе, чѣмъ со стороны противоположной. Слѣдствія понятны: хотя въ сторонѣ апекса метеоровъ больше, они рѣже доходятъ до земли; метеориты падаютъ на ея поверхность преимущественно со стороны анти-апекса. Обращали вниманіе, что при появленіи Персеидъ и Леонидъ число метеоритовъ, упавшихъ на землю, не увеличивается. Это обстоятельство вполнѣ объясняется большой скоростью названныхъ метеоровъ, радіанты которыхъ удалены отъ апекса на 40° и 10°. «Оба потока метеоровъ», говоритъ *Скіапарелли*: «низвергаются на землю съ такой стремительностью, что совершенное распаденіе ихъ въ атмосферѣ представляется вполнѣ естественнымъ».

Если это разсужденіе справедливо, метеорные потоки съ малой скоростью должны давать бо́льшее количество метеоритовъ, чѣмъ, вообще, можно ждать для даннаго періода. Примѣромъ могутъ служить падающія звѣзды, которыя появляются въ первые дни декабря. Дѣйствительно, первая половина декабря отличается обильнымъ паденіемъ камней. Еще *д'Арре* высказалъ предположеніе, что эти аэролиты происходятъ отъ распаденія кометы *Біелы*.

Всѣ разсмотрѣнные факты говорятъ за тожество падающихъ звѣздъ и метеоритовъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ можно было вычислить путь метеорита, проникшаго въ атмосферу: оказалось, что абсолютная скорость его больше параболической. Если бы этотъ результатъ былъ безусловно точенъ, пришлось бы, разсуждая о происхожденіи метеоритовъ, отнести ихъ къ области неподвижныхъ звѣздъ. *Скіапарелли* показалъ, что, если какое-нибудь небесное тѣло попадетъ изъ звѣздныхъ пространствъ въ сферу солнечнаго притяженія и даже внутрь нашей солнечной системы, оно должно описать гиперболическій путь. Кометы также приходятъ къ намъ изъ глубины мірового пространства: на это ясно указываетъ нѣсколько гиперболическій характеръ нѣкоторыхъ кометныхъ орбитъ. Въ то же время коническое сѣченіе, которое онѣ описываютъ, имѣетъ почти параболическую форму. Все это, по мнѣнію *Скіапарелли*, свидѣтельствуетъ, что среди неизмѣримаго числа тѣлъ, наполняющихъ небесныя пространства, кометы образуютъ классъ, отличающійся совершенно своеобразнымъ характеромъ: орбита ихъ обладаетъ такой формой, которая для другихъ тѣлъ, по указанію теоріи, представляется наименѣе вѣроятною. Тѣло, являющееся изъ звѣздныхъ пространствъ, можетъ описывать почти параболическій путь только въ одномъ случаѣ: если скорость и направленіе его собственнаго движенія почти равны скорости и направленію собственнаго движенія солнца.

Слѣдовательно, кометы нужно разсматривать, какъ тѣла, родственныя съ солнцемъ: онѣ образовались изъ той же первичной туманности и теперь сопровождаютъ солнце на его космическомъ пути. Между тѣмъ метеориты, нисходящіе къ намъ по гиперболическимъ путямъ, это—пришельцы, залетающіе изъ звѣздныхъ міровъ.

Съ другой стороны, если принять въ соображеніе удивительно сходный минералогическій составъ метеоритовъ, однообразное строеніе ихъ массъ, благодаря которому они представляютъ какъ бы минеральные образцы одной и той же горы или одной и той же шахты, то вмѣстѣ съ *Лаврентіемъ Шмидтомъ* и *Станиславомъ Мёнье* легко придти къ заключенію объ общемъ тѣлѣ, обломками котораго являются аэролитныя массы.

Что мѣшаетъ намъ сдѣлать предположеніе, что метеориты произошли изъ луны? Возраженія, высказанныя противъ этой гипотезы, вовсе не такъ вѣски, какъ это представляется. Указываютъ на то, что тѣло, выброшенное луною и достигшее земли со скоростью 5-ти миль въ секунду, должно обладать начальной скоростью въ 33.000 метровъ. Но развѣ не могло быть на лунѣ

столь сильныхъ взрывовъ, что они были въ состояніи сообщить тѣлу такую начальную скорость? Если принять во вниманіе кратеровидныя образованія лунной поверхности съ поперечникомъ въ 10 и даже 20 нѣмецкихъ миль, мы убѣдимся, что тамъ нѣкогда дѣйствовали вулканическія силы, рядомъ съ которыми наши земныя совершенно не могутъ идти въ сравненіе. Но это только первое возраженіе. Другое видятъ въ указаніи, что тѣло можетъ попасть съ луны на землю только при опредѣленномъ направленіи и опредѣленной начальной скорости. Конечно, это справедливо, если разсматривать задачу съ чисто геометрической точки зрѣнія и брать отдѣльный случай. Но предположимъ, что въ давно протекшія времена на лунѣ произошелъ огромный взрывъ, вслѣдствіе котораго часть ея поверхности отскочила и раздробилась въ мелкія частицы. Мы можемъ представить себѣ, что этотъ взрывъ дѣйствовалъ изъ глубины на поверхность подобно минѣ, что онъ произвелъ громадныя кольцевыя горы и отбросилъ обломки въ пространство съ начальной скоростью въ 4 — 5 миль. Отдѣльные обломки будутъ описывать вокругъ луны орбиты, по большей части, эллиптическія, но это будутъ эллипсы съ самыми разнообразными положеніями и эксцентрицитетами. Милліарды небольшихъ метеорообразныхъ каменныхъ обломковъ будутъ носиться по такимъ орбитамъ вокругъ луны и даже вокругъ земли въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Въ концѣ концовъ, вслѣдствіе возмущающихъ дѣйствій луны и земли, ихъ пути претерпятъ такія послѣдовательныя видоизмѣненія, что сегодня одно, завтра другое тѣло начнутъ падать на землю. Подобныя измѣненія орбитъ, подъ вліяніемъ силъ, производящихъ «возмущенія», доказаны для нѣкоторыхъ кометъ. Слѣдовательно, чтобы объяснить паденіе метеоритовъ, нужно принять, что число обломковъ, выброшенныхъ нѣкогда съ луны въ пространство, было очень велико. Почему бы не допустить этого? Скорѣе было бы удивительно, если бы при возникновеніи большихъ лунныхъ кратеровъ не произошло подобныхъ взрывовъ. Чего можно ждать иногда отъ вулканическихъ пароксизмовъ, это показалъ недавно вулканъ Кракатау, хотя онъ совершенно ничтоженъ сравнительно съ вулканами луны. Единственнымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ предложенной гипотезы было бы доказательство, что метеориты движутся въ небесныхъ пространствахъ, дѣйствительно, по гиперболическимъ путямъ: въ такомъ случаѣ ихъ родиной пришлось бы считать область неподвижныхъ звѣздъ.

Но гиперболическая форма орбитъ пока еще не доказана съ необходимой точностью. Поэтому можно смѣло говорить о лунномъ

происхожденіи метеоритовъ, не опасаясь стать въ противорѣчіе съ безспорными фактами.

Остается одно важное препятствіе: мы не можемъ провести границы между метеоритами и падающими звѣздами; скорѣе оба класса тѣлъ представляютъ лишь конечныя точки *одного и того же* ряда. Но для падающихъ звѣздъ связь съ кометами доказана вполнѣ. Поэтому мы вынуждены допустить, что и метеориты являются обломками кометъ. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе недавнія изслѣдованія проф. *Ньютона*: оказалось, что пути метеоритовъ, для которыхъ время паденія и направленіе движенія извѣстны, первоначально составляли съ земной орбитой острый уголъ; метеориты двигались въ томъ же направленіи, какъ и планеты, именно въ прямомъ, а не обратномъ. Какъ объяснить эту особенность? Причина должна быть космическая. Остается принять, что метеориты, пересѣкающіе земную орбиту, движутся только въ одномъ направленіи, или что тѣ, которые движутся въ направленіи противоположномъ, не пересѣкаютъ нашей атмосферы и не падаютъ на землю въ твердомъ видѣ. Проф. *Ньютонъ* нашелъ еще, что почти у всѣхъ метеоритныхъ орбитъ точка перигелія расположена на разстояніи 10—20 милліоновъ миль отъ солнца.

Свойства метеоритовъ, особенно изломъ ихъ, указываютъ, что они подвергались большимъ измѣненіямъ температуры. Нѣкоторые содержатъ газы: углекислоту, окись углерода и углеводороды, слѣдовательно, газы, обладающіе такимъ же спектромъ, какъ кометы. Въ немногихъ метеоритахъ оказалось, наконецъ, содержаніе *угля*. Одинъ изъ такихъ аэролитовъ упалъ недавно при деревнѣ Оргёйль, во Франціи. Нашли около двадцати обломковъ, величиною отъ головы до кулака. Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: по черной корѣ можно ясно видѣть, что всѣ эти обломки не принадлежали одному тѣлу, а были обособленными спутниками главной массы. Химикъ *Клоёцъ* показалъ, что этотъ метеоритъ содержитъ 7,41% гуминоваго вещества; согласно съ нимъ, *Шизани*, который неоднократно занимался химическимъ изслѣдованіемъ метеоритовъ, нашелъ въ аэролитѣ 13,89% воды и органическое вещество. По *Клоёцу* гуминовое вещество содержитъ въ 100 частяхъ

63,45 углерода
5,98 водорода
30,57 кислорода.

Еще съ большей несомнѣнностью присутствіе органическаго вещества было доказано въ метеорномъ камнѣ, упавшемъ 15 апрѣля 1857 года къ юго-западу отъ Дебречина. Этотъ камень состоялъ,

главнымъ образомъ, изъ кремнекислоты, закиси желѣза, магнезіи и глинозема, магнитнаго колчедана, желѣза, никкеля и нѣкотораго количества мѣди; но при весьма тщательномъ изслѣдованіи *Вёлеръ* нашелъ, что этотъ метеорный камень заключаетъ также небольшое количество безцвѣтнаго, неясно кристаллическаго вещества, которое при накаливаніи въ трубкѣ сплавлялось и затѣмъ разлагалось съ обугливаніемъ, а при накаливаніи на воздухѣ улетучивалось, образуя бѣлые пары. При позднѣйшемъ изслѣдованіи знаменитый химикъ съ полной очевидностью убѣдился, что, кромѣ свободнаго угля, метеоритъ содержитъ углеродистое вещество, которое извлекается кипящимъ алкоголемъ; оно легко плавится, и, повидимому, имѣетъ сходство съ такъ называемымъ горнымъ воскомъ (озокеритъ, шееретитъ). Оно, безъ сомнѣнія, органическаго происхожденія, и, быть можетъ, представляетъ остатокъ органическаго вещества, содержавшагося первоначально въ метеорномъ камнѣ и разложившагося съ выдѣленіемъ угля подъ вліяніемъ огня.

15 марта 1806 года разорвался метеоритъ при С.-Этьенѣ де-Лольмъ и Валенсѣ, близъ Алэ. Его изслѣдовалъ *Берцеліусъ* въ 1834 году. Оказалось, что метеоритъ содержитъ органическую массу, которая въ водѣ растворяется, при накаливаніи бурѣетъ и оставляетъ нѣкоторое количество чернаго угля. Позднѣе *Роско* вторично изслѣдовалъ кусокъ этого метеорита и подтвердилъ выводы *Берцеліуса*.

При Боккевельдэ въ Капской колоніи 13 октября 1838 года съ ужаснымъ громомъ упали метеорные камни, которые, по изслѣдованіямъ *Гарриса*, заключаютъ углеродъ и битуминозную массу. Послѣдняя извлекается кипящимъ алкоголемъ и получается изъ него въ видѣ мягкаго смолообразнаго или воскообразнаго вещества, которое при нагрѣваніи въ трубкѣ легко плавится и затѣмъ разлагается; при этомъ остается черный уголь и выдѣляется сильный битуминозный запахъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Второе изданіе сочиненій Берне.—Близость его къ нашей современности.—Искренность его, какъ публициста.—Страстность его полемики и его высокій патріотизмъ.—Его опредѣленія журналистики.—Борьба съ шовинизмомъ и нѣмецкимъ народничествомъ.—Полное собраніе сочиненій Ибсена.

Среди европейскихъ писателей трудно найти другого, который былъ бы такъ близокъ русской современной литературѣ, какъ Людвикъ Берне. Не смотря на шестьдесятъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ того времени, когда Берне писалъ свои жгучія статьи противъ Менцеля и цѣлой плеяды нѣмецкихъ мракобѣсовъ, его произведенія сохраняютъ для насъ свѣжесть современности и жизненность, какъ будто они написаны только вчера. Его яркій талантъ и страстность, проникающая все имъ написанное, конечно, объясняютъ многое въ этой живучести, сближая читателя съ временемъ и людьми, о которыхъ идетъ рѣчь. Но среди современниковъ Берне были писатели не менѣе талантливые, которые, однако, далеко не такъ близки намъ, не говоря уже о вліяніи, оказываемомъ ими на читателей. Гейне, безспорно, и выше, и разностороннѣе по таланту, Гуцковъ глубже, но ни тотъ, ни другой не волнуютъ васъ, не вызываютъ любви или ненависти, не заставляютъ страдать, не заражаютъ своею страстью. Тайна такой исключительной жизненности Берне лежитъ въ его характерѣ, съ одной стороны, съ другой—въ общественныхъ условіяхъ времени, когда писалъ Берне, и общности вопросовъ, которымъ посвящалъ свое исключительное вниманіе великій нѣмецкій публицистъ.

Основная черта его характера—искренность, чарующая даже его враговъ и подкупающая читателя съ первой строчки. Чувствуется, что предъ нами не просто писатель, увлекающійся собственнымъ талантомъ, наслаждающійся процессомъ творчества, а человѣкъ, борющійся за дѣло жизни, выше и святѣе котораго для него не существуетъ. «Я никогда не стремился къ славѣ хорошаго писателя,—говоритъ онъ,—никогда не хотѣлъ считаться

искуснымъ сочинителемъ. Моя природа возложила на меня священную обязанность, которую я исполняю, какъ могу. Мысли, слова—мои орудія, которыми я дорожу до тѣхъ поръ только, пока они мнѣ нужны, и которыя бросаю, какъ только употреблю ихъ. Мое самолюбіе никогда не радовалось и не оскорблялось, когда кто-нибудь хвалилъ или порицалъ мои орудія; только своему дѣлу я желалъ видѣть надлежащую оцѣнку». Меньше всего онъ придавалъ значенія искусству ради искусства: «Искреннія чувства не нуждаются ни въ какомъ искусственномъ украшеніи, и честныя мысли, подобно Минервѣ, выскакиваютъ уже въ полномъ вооруженіи изъ головы своего отца». Въ статьѣ, посвященной книгѣ Гейне о Германіи, онъ подчеркиваетъ отрицательную сторону Гейне, объясняя, почему не считаетъ его настоящимъ писателемъ въ томъ смыслѣ, какъ выше говоритъ о себѣ: «Если бы Гейне, владѣя такимъ рѣдкимъ даромъ слова, отважился еще при этомъ сохранять въ себѣ способность заставлять другихъ уважать его независимость, способность имѣть свои собственныя мнѣнія, чувства и мысли, обладать какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, но убѣжденіемъ твердымъ и несокрушимымъ, сопротивляющимся порывамъ сильнаго вѣтра точно такъ же, какъ еще болѣе опаснымъ капризамъ легкаго зефира; если бы Гейне интересовался одобреніемъ только честныхъ и просвѣщенныхъ людей и сочувствіемъ своей собственной совѣсти, а не увивался бы день и ночь около всѣхъ торговцевъ громкими репутаціями, онъ былъ бы превосходнымъ писателемъ въ полномъ смыслѣ этого слова».

Самъ Берне вполнѣ свободенъ отъ такого упрека. Его убѣжденіе, то, что онъ называетъ своею вѣрою, составляетъ для него все, и того же требуетъ онъ отъ своихъ противниковъ. Отсюда его безпощадная критика всяческаго лицемѣрія и равнодушнаго отношенія къ тому, что противорѣчитъ нашимъ убѣжденіямъ. Въ особенности достается нѣмецкимъ ученымъ, которые, исповѣдуя въ теоріи самыя высокія идеи, мирно уживались на практикѣ со всякой мерзостью. «Нѣмецкій ученый имѣетъ очень дешевую и удобную мораль... Нѣмецкій ученый либераленъ, добродѣтеленъ, справедливъ, гуманенъ, снисходителенъ; но всему тому, чего могутъ требовать свобода, добродѣтель, справедливость и гуманность, онъ, по его мнѣнію, оказываетъ достаточную услугу, когда объявляетъ разъ навсегда, что̀ именно хорошо, справедливо и гуманно; послѣ этого онъ считаетъ себя христіански приготовленнымъ къ блаженнѣйшей смерти и говоритъ: dixi et salvavi animam meam. Но повторять это каждый день и каждый часъ, пока всѣ не услышатъ; но говорить это не только въ безмолвной, тем-

ной книгѣ, но и подъ открытымъ небомъ; но высказывать это на народномъ языкѣ и доказывать справедливость своихъ словъ не только на трупѣ теоріи, но и въ живомъ практическомъ примѣненіи,—нѣмецкому ученому не приходитъ и въ голову. Онъ говоритъ: dixi. Неужели же вы, глупцы, надѣетесь обмануть Провидѣніе вашею лицемѣрною латынью? Оно будетъ судить васъ въ день нѣмецкаго суда, и тогда горе вамъ».

Изъ этой страстной преданности убѣжденію вытекаетъ у Берне отрицаніе объективности въ публицистикѣ. Смѣясь, разсказываетъ онъ, какъ на вопросъ знаменитаго французскаго публициста Прюдома, что онъ намѣренъ проводить въ своей газетѣ, онъ, Берне, отвѣтилъ: «Я буду хвалить то, что достойно похвалы, и порицать то, что достойно порицанія». «Но отъ меня требовали, чтобы я хвалилъ нашихъ друзей и порицалъ нашихъ враговъ, какъ бы они ни поступали, и это требованіе было совершенно справедливо», заканчиваетъ онъ. Онъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы осмѣять нѣмецкое глубокомысліе, съ которымъ современные ему публицисты разсматривали политическія событія, разбирая и оцѣнивая ихъ, какъ ученое сочиненіе. По его мнѣнію, публицистъ не долженъ быть отвлеченнымъ, такъ какъ его задачи реальны, какъ сама жизнь, внѣ которой для него ничто не существуетъ. Интересы философіи, науки, искусства лишь постольку его захватываютъ, поскольку касаются текущей жизни, злобы дня, въ данную минуту выступающей на первый планъ. Можетъ быть, отъ этого точка зрѣнія его съуживается, за то мысль его сосредоточивается, какъ свѣтъ въ фокусѣ, и выигрываетъ въ силѣ, яркости и убѣдительности. Преслѣдуя опредѣленную задачу, публицистъ не долженъ уклоняться въ сторону, увлекаясь посторонними соображеніями добра, правды, справедливости. Для него добро лишь то, къ чему онъ стремится, правда то, во что онъ вѣритъ, справедливость то, что онъ защищаетъ. «Солдатъ въ сраженіи не можетъ удерживать свои выстрѣлы изъ опасенія, что въ рядахъ, въ которые онъ цѣлитъ, стоятъ благородные люди, его друзья, стоятъ многіе, нисколько не виноватые въ войнѣ. Пули этихъ людей также летятъ въ него. Таково печальное право и строгій законъ войны: только побѣжденнаго можно любить, только ему можно прощать». Таково credo публицистики, и души, преисполненныя кротости и невинности, для нея не годятся.

И это отнюдь не вина публициста, что инымъ онъ не можетъ и быть. Онъ стоитъ всегда на сторонѣ той или иной партіи, и безпартійный публицистъ, стремящійся объективно разсматривать всѣхъ, только абсурдъ, измышленіе нѣмецкаго глубокомыслія,

изъ-за небесной отвлеченности упускающаго изъ виду землю, съ ея борьбой страстей и интересовъ. «Отъ писателя (журналиста, о которомъ, вообще, идетъ рѣчь въ данномъ мѣстѣ) нельзя требовать, чтобы онъ былъ безъ ненависти и безъ злобы, и, возносясь надъ всѣми тучами эгоизма, слышалъ грозу только подъ собой. Возможно ли, чтобы онъ одинъ изъ всѣхъ людей оставался совершенно свободнымъ отъ узъ любви къ самому себѣ и не усматривалъ хотя иногда въ законѣ своей личной выгоды—правило мірового порядка? Но во всякое время можно требовать отъ него, чтобы онъ постоянно сознавалъ возможность этого вліянія личнаго чувства и не имѣлъ дерзкаго притязанія на непогрѣшимость своихъ мнѣній. Что онъ старается защитить ихъ и доставить имъ побѣду въ борьбѣ со всѣми противниками,—это не безславно, потому что свидѣтельствуетъ о серьезности его внутренняго убѣжденія». Партійность не исключаетъ терпимости, потому что «рабъ своихъ собственныхъ мнѣній тоже носитъ позорныя цѣпи; мы должны быть не слугами хорошаго дѣла, а друзьями его». Въ этомъ отношеніи Берне заходитъ дальше, чѣмъ можно ожидать отъ такой страстной души. По его словамъ, «презрѣннымъ мнѣніемъ должно считаться только одно — презирающее, которое не терпитъ ничего, противорѣчащаго ему». Онъ готовъ допустить въ своей газетѣ всѣ мнѣнія, даже завѣдомо вредныя, съ одной лишь оговоркой, что «пусть не считаютъ нарушеніемъ гостепріимства, когда хозяинъ будетъ или самъ свободно порицать вещи, несогласныя съ его воззрѣніями, или предоставлять свободу этого порицанія другимъ». Быть терпимымъ, значитъ быть свободнымъ. Къ свободѣ стремятся всѣ, но одни желаютъ ее для себя, другіе—для всѣхъ. Послѣдніе и являются истинными представителями терпимости, справедливости и правды.

Такимъ былъ и Берне, не отступавшій ни предъ чѣмъ, разъ этого требовала борьба за убѣжденія. Въ одномъ мѣстѣ онъ выражаетъ сожалѣніе, что можетъ бороться только словомъ, потому что «спящій нѣмецкій народъ» не даетъ возможности прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ орудіямъ. Вѣра въ справедливость отстаиваемаго дѣла поддерживаетъ въ немъ надежду при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, утѣшаетъ въ минуту полнаго торжества противниковъ, не обладающихъ такою вѣрою. «Только мы вѣруемъ, другіе не вѣруютъ. Наши противники, когда они дѣйствуютъ безпристрастно, только мыслятъ не такъ, какъ мы,—когда же они лицемѣрятъ, они только говорятъ не такъ, какъ мы; но у нихъ нѣтъ вѣрованія, которое они могли бы противопоставить нашему. И оттого-то мы побѣдимъ, а наши противники покроются позоромъ».

Будущее вполнѣ оправдало это гордое заключеніе, но въ то время, когда оно было высказано, нужно было обладать великой вѣрой, чтобы не пасть духомъ при видѣ полнаго торжества темныхъ силъ, владѣвшихъ тогда Германіей. Раздѣленная на сотню мелкихъ владѣній, руководимыхъ и опекаемыхъ двумя «полицейскими, Австріей и Пруссіей», Германія была отдана во власть грубѣйшей реакціи, какую когда-либо знала исторія. Реакція шла не только со стороны правящихъ сферъ, но и въ самомъ обществѣ находила дѣятельную поддержку. Наука, философія, журналистика, все стремилось оправдать существующій порядокъ, подыскать любой формѣ насилія нравственное обоснованіе. Свобода признавалась французскимъ изобрѣтеніемъ, а все французское искони было чуждо нѣмецкому духу, пути развитія котораго совсѣмъ особые, — говорили нѣмецкіе патріоты. «Явленія, по которымъ у другихъ народовъ можно заключить о глубочайшемъ паденіи націи, у насъ никоимъ образомъ не могутъ приводить къ такимъ заключеніямъ. Поверхность нашего существованія можетъ вынести много, но зерно остается при этомъ неприкосновеннымъ. Нашъ великій народъ созданъ очень прочно... Нѣмцы народъ молодой. У нихъ нѣтъ прошедшаго, у другихъ народовъ нѣтъ будущаго... Только нѣмцы вполнѣ люди. Англичанинъ—только англичанинъ; испанецъ—только испанецъ; французъ—только французъ,—человѣкомъ же можетъ назваться только нѣмецъ... Строеніе нѣмецкой земли будетъ когда-нибудь окончено, и тогда оно, возведенное на тысячалѣтіяхъ, переживетъ всѣ государства. Нѣкогда нѣмцы разрушили всемірное римское царство; когда-нибудь они построютъ царство болѣе прекрасное. Они создадутъ вѣчный миръ, эту мечту другихъ народовъ, которую осуществить предназначено нѣмецкому народу... Народъ, который, не смотря на цензуру, развилъ въ себѣ такую силу духа и свободу духа, какихъ не пріобрѣлъ ни одинъ народъ безъ цензуры, — явленіе совершенно особенное, и т. д., и т. д.». Въ такихъ дифирамбахъ, безчисленные образчики которыхъ разсѣяны въ произведеніяхъ Берне, особенно отличались нѣмецкіе народники, страшно возмущавшіеся всѣмъ, что разрушало, по ихъ мнѣнію, истинные основы нѣмецкаго народнаго духа, его патріархальныя черты, бытовыя и экономическія. На нихъ-то обрушивалась безпощадная критика Берне, раскрывавшая всю ложь этихъ основъ, подъ которой скрывалось невѣжество, умственная и нравственная дикость и нищета, ничѣмъ не прикрытая.

Его критика нѣмецкаго шовинизма по истинѣ безсмертна. Такъ она глубока и остроумна. Въ европейской литературѣ она един-

ственная въ своемъ родѣ, что признали не только друзья, но и враги Берне. Такъ, Гейне, сильно не любившій его за справедливую оцѣнку своей книги о Германіи, говоритъ о лучшей статьѣ Берне, направленной противъ нѣмецкихъ шовинистовъ: «Менцель французоѣдъ» есть защита космополитизма противъ націонализма; послѣ этой защиты видно, что у Берне космополитизмъ былъ только въ головѣ, а патріотизмъ пустилъ глубокіе корни въ сердцѣ, тогда какъ у его противника патріотизмъ засѣлъ только въ головѣ, а въ сердцѣ зѣвало самое холодное равнодушіе... Изъ сердца Берне вылетаютъ тутъ трогательнѣйшіе, безъискусственные звуки патріотическаго чувства—вылетаютъ точно стыдливыя признанія, которыхъ человѣкъ уже не можетъ удержать въ послѣднюю минуту своей жизни и которыя скорѣе рыданія, чѣмъ слова. Смерть стоитъ тутъ же и киваетъ головой, какъ неопровержимый свидѣтель правды этихъ признаній... Да, онъ былъ не только хорошій писатель, но и великій патріотъ».

Патріотизмъ, въ истинномъ, высокомъ значеніи, составлялъ сущность Берне, былъ убѣжденіемъ его жизни, ея содержаніемъ и двигателемъ. По этому-то его такъ возмущало лицемѣріе продажныхъ писакъ, въ родѣ Менцеля, и глупая восторженность народниковъ, такъ какъ и въ тѣхъ, и въ другихъ онъ не видѣлъ патріотизма. «Я боленъ моимъ отечествомъ; пусть оно освободится, и я выздоровѣю», говоритъ онъ, а Менцели и народники, напротивъ, изо всѣхъ силъ старались затянуть потуже петлю, мѣшавшую отечеству дышать свободно. Менцели дѣлали это изъ-за выгодъ. «Льстить тиранніи изъ-за своего комфорта, своего постыднаго спокойствія, изъ-за того, чтобы ненарушимо наслаждаться тѣмъ, что имѣешь — развѣ не такъ же скверно, какъ льстить ей для того, чтобы добиться, чего не имѣешь и что желалъ бы пріобрѣсти?» Въ то время еще не было въ Германіи фонда для газетныхъ рептилій, но рептиліи уже были. Онѣ не были еще тогда такъ беззастѣнчивы, какъ ихъ наслѣдники въ наше время, и свою лесть абсолютизму облекали въ яркое платье негодованія на «непатріотичныя выходки» еврея Берне, уже самымъ происхожденіемъ своимъ обреченнаго на жертву космополитизму. Современныя рептиліи и въ этомъ случаѣ остались вѣрны своимъ отцамъ, и упрекъ въ различіи національности остается до сихъ поръ ихъ главнымъ оружіемъ. Да и не только ихъ. Здѣсь сходятся они съ народниками, объяснявшими, что Берне, какъ еврей, не *могъ* понять сущности нѣмецкой души, открытой только нѣмцу. Его насмѣшки надъ гимнами Арминію, нѣмецкимъ общиннымъ духомъ, надъ превосходствомъ нѣмец-

каго языка и нѣмецкимъ «всечеловѣкомъ», надъ «нѣмецкой душой», совсѣмъ особой, исключительной, не поддающейся описанію, вытекаютъ изъ еврейскаго происхожденія Берне, не позволяющаго ему прочувствовать все величіе нѣмецкой души, выражающееся въ Арминіи, общинѣ и «всечеловѣкѣ». На такія нападки Берне отвѣчалъ только презрительнымъ смѣхомъ: «Каждый разъ, когда мои противники видятъ, что они могутъ разбиться о *Берне* и потерпѣть умственное кораблекрушеніе, они хватаются за *Баруха*, какъ за свой спасительный якорь».

Точка зрѣнія, съ которой Берне разсматриваетъ теоріи своихъ противниковъ, исключительно общественная, или, какъ онъ выражается—«гражданская». Ихъ отвлеченныя мудрствованія о «духѣ» и «всечеловѣкѣ» онъ разлагаетъ на составные житейскіе элементы и показываетъ, къ чему приводитъ этотъ «духъ». «Народъ, который, не смотря на свою силу духа и свободу духа, не умѣлъ освободиться отъ своей цензуры, постоянно издѣвавшейся надъ всякою силою, постоянно разрушавшей всякую свободу, который подчиняется людямъ слабоумнымъ, людямъ, позволявшимъ заключить свой духъ въ оковы,—который, не смотря на свою здоровую натуру и чистоту нравовъ, никогда не могъ добиться того, что другіе народы съумѣли пріобрѣсти безъ силы духа, безъ свободы духа, безъ добродѣтели и безъ благосостоянія, — наконецъ, народъ, который не можетъ выйти изъ позорнѣйшаго несовершеннолѣтія и похожъ на идіота, боящагося привидѣній, или ребенка, дрожащаго при видѣ розги, — такой народъ, дѣйствительно, явленіе совершенно особенное... Праведный Боже! Что это за сила духа, когда она боится показать свое значеніе, и при видѣ каждаго полицейскаго солдата складывается, какъ перочинный ножикъ и прячетъ свой клинокъ въ роговой черенокъ? И что это за похвальба свободою духа? Кто не свободенъ духомъ? Всѣ, вездѣ и всегда; свободны въ темницѣ, на кострѣ, въ пустынѣ, въ толпѣ дураковъ и даже за столомъ подозрительнаго, кровожаднаго и пьянаго тирана. Даже г. Менцель свободенъ духомъ и его мысли могутъ насмѣхаться надъ его словами». Прекрасенъ нѣмецкій «всечеловѣкъ», неспособный ни воодушевляться, ни быть самимъ собой. «Если полиція прикажетъ намъ воодушевиться и объявитъ печатно, что въ четыре часа пополудни мы должны ликовать, то мы исполнимъ это и въ четыре часа будемъ ликовать». Нѣмецкій народъ называютъ набожнымъ, скромнымъ, свободомыслящимъ. «Но развѣ человѣкъ набоженъ, когда онъ разбиваетъ на куски человѣка, лучшее созданіе Божіе? Развѣ онъ скроменъ, когда обнаруживаетъ высокомѣріе? Развѣ онъ свобо-

день, когда думаетъ о томъ, какъ бы выслужиться? У французовъ тоже есть высокомѣріе, но это высокомѣріе *личное*, то самое, которое навлекло проклятіе на праотца Адама, а не *общинное*, какъ у насъ: оно не организовано». Нѣмецкій народъ дѣйствительно свободенъ: онъ самъ наблюдаетъ за собой, не только за страхъ, но и за совѣсть. «Нѣмецкое правительство раздѣлило весь народъ на два класса: шпіоновъ и шпіонствующихъ. Кромѣ нихъ, нѣтъ никого. Будьте вы хорошій или дурной человѣкъ, человѣкъ или чортъ, до этого никому нѣтъ дѣла; каждый нѣмецъ— или полицейская собака, или полицейская дичь, или молотокъ, или наковальня».

Самая тяжкая мука изъ тѣхъ, какими страдаютъ люди,— многое понимать и быть не въ состояніи что-либо сдѣлать,— говоритъ Геродотъ, и этою мукою всю жизнь страдалъ Берне. Онъ ясно понималъ, какія бѣдствія подготовляетъ нѣмецкое правительство своимъ упорнымъ сопротивленіемъ требованіямъ духа времени. Берне не могъ обольщаться, подобно многимъ недомыслящимъ патріотамъ, «спокойнымъ развитіемъ внутреннихъ силъ», совершавшимся гдѣ-то, въ глубинѣ народной жизни, когда на поверхности видѣлъ лишь проявленія подлости, невѣжества и нищеты. «Нынѣшнее спокойствіе совершенно сообразно съ нѣмецкою натурою, нѣмцы вполнѣ довольствуются имъ», пишетъ Менцель въ отвѣтъ на ядовитыя насмѣшки Берне надъ нѣмецкой спячкой. «Берне называетъ это состояніе сномъ; пусть такъ, но это сонъ здоровый, и благо тому, кто спитъ спокойно. Я готовъ назвать его даже сномъ растеній, тихимъ благословеннымъ ростомъ. Эти слова могутъ быть одинаково примѣнены къ нашему физическому и нравственному положенію. Въ цѣломъ наше внѣшнее благосостояніе увеличилось и несмѣтное множество злоупотребленій стараго времени уничтожилось. Литература также доказываетъ, что мы сдѣлали умственные успѣхи, и послѣднее десятилѣтіе, какъ ни незначительно оно кажется въ сравненіи съ предпослѣднимъ, въ сущности, гораздо богаче его зародышами силы и развитія. Человѣческое положеніе никогда нельзя измѣрять высшимъ масштабомъ идеала». Притязательная глупость подобныхъ фразъ, которыми не только продажныя душонки Менцелей, но и люди болѣе благонамѣренные старались оправдать позорное настоящее нѣмецкаго народа, вызываетъ горькій отвѣтъ Берне: «О небо! требовать для нѣмцевъ, этого образованнѣйшаго, умнѣйшаго, здоровѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго народа въ свѣтѣ, того, что имѣютъ Португалія и Испанія, Франція и Англія, Бельгія, Голландія и Швейцарія,—того, что умѣла удержать за собой силою мужества

и благородства маленькая, слабая, опутанная безчисленными сѣтями европейской дипломатіи, Греція,—того, чѣмъ владѣютъ даже негры въ колоніяхъ Сіерра-Леоны и Либеріи—негры, которыхъ многіе естествоиспытатели признаютъ совершенно неспособными къ полному человѣческому образованію, именно: свободы печати, гласнаго суда и присяжныхъ и всѣхъ тѣхъ остальныхъ учрежденій, которыя должны существовать у совершеннолѣтнихъ народовъ и отсутствіе которыхъ низводитъ народъ на степень презрѣнныхъ рабовъ и смѣшныхъ школьниковъ,—требовать всего этого для нашего отечества значитъ, по мнѣнію г. Менцеля, мѣрить великимъ масштабомъ идеала!»

Обыкновенно, никто не злоупотребляетъ такъ ссылками на идеалы, какъ безвастѣнчивые противники всего идеальнаго. Все, что не укладывается въ рамки ихъ будничныхъ требованій, признается недостяжимымъ и преступнымъ, какъ нарушающее правильный ходъ прогресса. Въ то же время они сами отнюдь не прочь отъ ссылокъ на идеалы, но видятъ и указываютъ ихъ въ прошломъ и всѣхъ несогласно мыслящихъ считаютъ мечтателями, на что Берне остроумно замѣчаетъ: «Смѣются надъ политическими мечтателями, ихъ книжною доктриною, и не подозрѣваютъ, что они сами такіе же мечтатели и идеологи, съ тою только разницею, что одни увлекаются новыми идеями, другіе же—старыми. Но какое изъ этихъ увлеченій самое опасное, какое вводитъ въ болѣе горькое заблужденіе? Какъ будущее, такъ и прошедшее не могутъ быть названы существованіемъ; но то, что еще *не есть*, можетъ быть, а то, что *было*, больше никогда не будетъ. Человѣка, который еще не живетъ, можно создать; но человѣка, который уже отжилъ, не вызоветъ изъ гроба никакое искусство, не вытащитъ никакая сила. Впрочемъ, если бы наши государственные люди и узнали когда-либо, чего хочетъ время, и убѣдились, что оно можетъ сдѣлать все, что хочетъ, то и это не заставило бы ихъ поступить умнѣе. Неизбѣжнаго они стараются избѣгать какъ можно дольше, думая, что выиграть время значитъ все выиграть. Но развѣ вашъ врагъ теряетъ время, которое все выигрываетъ? Молодой левъ растетъ въ клѣткѣ точно такъ же, какъ на свободѣ, а когда придетъ день, въ который вы должны будете отворить ему двери этой клѣтки, онъ бѣшено и мощно выскочитъ изъ нея и, конечно, не поблагодаритъ васъ за то, что вы были стражами его молодости».

Одиннадцать лѣтъ послѣ смерти Берне мартовская революція 48-го года подтвердила это заключеніе, но при жизни ему все время пришлось играть роль Кассандры. Его страстная любовь къ

отечеству получаетъ вслѣдствіе этого оттѣнокъ глубокаго трагизма, и его опредѣленія патріотизма, свободы, любви къ родинѣ теряютъ совершенно національную окраску. Въ этихъ характеристикахъ Берне выступаетъ не только какъ политическій писатель, публицистъ своего времени, но какъ поэтъ и идеальный гражданинъ, что обезпечиваетъ за нимъ навсегда право на безсмертіе. Нѣкоторые изъ его политическихъ взглядовъ теперь потеряли значеніе, и современному читателю уже нельзя читать безъ улыбки его прославленіе Франціи и французскаго народа, въ которомъ Берне видѣлъ вождя цивилизаціи, постоянно противопоставляя дѣятельную любовь къ свободѣ французовъ—платоническому къ ней отношенію нѣмцевъ. Освободившись отъ бюрократической опеки, такъ возмущавшей Берне, нѣмцы осуществили и даже превзошли его ожиданія, развивъ всѣ тѣ прекрасныя качества, которыя выставлялись противниками Берне и которыхъ онъ не отрицалъ, указывая только, что при разъединенности Германіи, при беззаконномъ режимѣ они не даютъ такихъ результатовъ, какихъ нѣмцы въ правѣ были ожидать. «Только свобода,—говоритъ Берне,—можетъ развить въ народѣ всѣ силы и этимъ помочь ему достигнуть цѣли, указанной ему на человѣческомъ пути. Только она можетъ вывести наружу скрытыя, зрѣющія добродѣтели народа, объяснить, какіе изъ его недостатковъ и пороковъ слѣдуетъ приписать испорченности, а какіе—природѣ, наконецъ, отдѣлить его здоровыя достоинства отъ тѣхъ, которыя, подъ личиною силы, скрываютъ только слабость и суть ничто иное, какъ болѣзненные приливы, противозаконныя посягательства одного органа на другіе, каковы, напр., патріархальность и трансценденталізмъ нѣмцевъ». Мѣсто патріархальности заняла общественность, явился интересъ къ общественной жизни, развитой въ Германіи несравненно болѣе, чѣмъ въ современной намъ Франціи. Политическая жизнь, такъ возбуждавшая Берне въ Парижѣ и на отсутствіе которой въ Германіи онъ такъ горько сѣтовалъ, постепенно передвигалась изъ Парижа въ Берлинъ, гдѣ въ настоящее время, безспорно, центръ прогрессивныхъ движеній, какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ. Трансценденталізмъ исчезъ безслѣдно, по крайней мѣрѣ въ политикѣ нѣмцевъ, которые съ рѣдкой ясностью и самообладаніемъ рѣшаютъ вопросы экономическіе и соціальные въ томъ самомъ Берлинѣ, гдѣ во времена Берне Гегель доказывалъ «разумность всего дѣйствительнаго», чѣмъ такъ возмущалось патріотическое сердце Берне. Шовинизмъ, столь ненавистный ему, исчезъ совершенно изъ общественной жизни Германіи, сохранившись только на столбцахъ продажныхъ газетъ, руководимыхъ рептиліями—

прежде Бисмарка, теперь Вильгельма. Одного не могъ предвидѣть Берне—антисемитизма, въ которомъ наиболѣе невѣжественная часть народной массы ищетъ выхода изъ бѣдственнаго положенія, подъ лицемѣрнымъ руководствомъ новѣйшихъ Менцелей. Но антисемитизмъ не страшенъ самъ по себѣ, такъ какъ свобода является лучшимъ оружіемъ противъ него, предоставляя полную возможность выясненію истинныхъ интересовъ массъ.

Если, однако, въ современной Германіи и не все обстоитъ благополучно, если многое, о чемъ мечталъ Берне, и не получило осуществленія,—приписывать это свободѣ, видѣть ея послѣдствіе хотя бы въ томъ же антисемитизмѣ, было бы неправильно, такъ какъ, говоритъ Берне, «свобода отнюдь не есть нѣчто положительное, она—только отрицательное; именно отсутствіе неволи. Свобода не можетъ и не хочетъ основать ничего, кромѣ самой себя, и не можетъ и не хочетъ разрушать ничего, кромѣ насилія. Свобода не можетъ преобразовать народъ, она не можетъ поселить въ немъ тѣ добродѣтели и достоинства, въ которыхъ отказала ему природа, она не можетъ отнять у него тѣ недостатки и пороки, которыми онъ обязанъ своему климату, своему воспитанію, своей исторіи или несчастной звѣздѣ, подъ которой онъ родился. Свобода—ничто и, не смотря на это—все, потому что она—*здоровіе народовъ*... Какъ здоровый нищій, грызущій черствую корку хлѣба, счастливѣе больнаго богача, сидящаго за роскошнымъ столомъ, такъ свободный народъ, живи онъ даже у сѣвернаго полюса, безъ художествъ, безъ науки, безъ вѣры, безъ всѣхъ житейскихъ радостей, въ постоянной войнѣ изъ-за пищи съ медвѣдями,—все-таки счастливѣе народа, наслаждающагося жизнью подъ райскимъ небомъ, среди тысячи плодовъ и цвѣтовъ, даруемыхъ ему почвою, искусствомъ и наукой, но при этомъ лишеннаго свободы». Отъ здоровья она отличается лишь тѣмъ, что здоровье, разъ потерянное, не возстановляется, тогда какъ «свобода не умираетъ и въ гробу, и ростетъ до тѣхъ поръ, пока не проломитъ гробовой доски». Здоровье, впрочемъ, дается природой, тогда какъ «свободу берутъ, а не получаютъ,—и тотъ, кто взялъ ее и потомъ возвратилъ безъ боя, былъ обыкновенный воришка, а не завоеватель, и повѣсить его слѣдуетъ»...

Этими многочисленными выдержками достаточно характеризуется личность Берне, какъ публициста и борца за свободу. Что касается его достоинствъ, какъ писателя, то въ ряду европейскихъ прозаиковъ ему принадлежитъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ по силѣ и красотѣ слога, и въ этомъ отношеніи для публицистовъ всѣхъ странъ онъ также служитъ недосягаемымъ образцомъ.

«Свобода и правда—вотъ столпы общества», говоритъ другой писатель, болѣе намъ близкій по времени, хотя едва ли болѣе близкій по духу, чѣмъ Берне. Это—Ибсенъ, «великій норвежскій викингъ духа», съ дикой энергіей срывающій покровъ съ общественной лжи, которой такъ глубоко проникнуты наши взаимныя отношенія. Берне ставитъ на первомъ мѣстѣ свободу въ политической жизни общества, Ибсенъ—въ соціальной. Въ рядѣ драмъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ жизни семейной и общественной, Ибсенъ съ поразительной смѣлостью раскрываетъ послѣдствія лжи, являющейся результатомъ общественнаго рабства, въ которомъ живетъ большинство, и боязни каждаго изъ насъ быть самимъ собой, искренно относиться къ себѣ и другимъ.

На каждомъ шагу мы окружили себя сѣтью обязанностей, изъ которой не въ силахъ выбиться то, что составляетъ сущность каждаго, его духовное «я». Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно такъ и остается въ зачаточномъ состояніи, и послѣ безсильныхъ порываній въ молодости, навсегда складываетъ крылья. А между тѣмъ, мы меньше всего слышимъ и думаемъ о главной обязанности—быть тѣмъ, чѣмъ насъ создала природа, не поступаясь ничѣмъ, что такъ или иначе связано съ нашимъ человѣческимъ достоинствомъ. Въ драмѣ «Нора» героиня отвѣчаетъ мужу, что у нея есть только одинъ священный долгъ, о которомъ никогда и никто ей не говорилъ: «Прежде чѣмъ быть женою и матерью, я—человѣкъ, по крайней мѣрѣ, хочу попытаться быть имъ». Но чтобы дойти до этой, повидимому, простой истины, ей приходится поплатиться любовью, семейной жизнью, словомъ, всѣмъ, что составляло суть ея жизни. И зависитъ это не отъ особыхъ условій, въ которыя поставлена Нора, такъ какъ ея жизнь ничѣмъ не отличается отъ массы женщинъ, женъ и матерей, остающихся всю жизнь въ блаженномъ ослѣпленіи. «Когда я была еще дѣвушкой, отецъ дѣлился со мной своими взглядами и понятіями, и я должна была соглашаться съ нимъ, потому что всякое самостоятельное мое мнѣніе было бы для него непріятно. Онъ называлъ меня своею куколкою и игралъ со мной точно такъ же, какъ я играла со своими куклами. Затѣмъ я перешла къ тебѣ въ домъ,—обращается она къ мужу,—ты устраивалъ все по своему вкусу, и такимъ образомъ, ко мнѣ привились твои вкусы, или, быть можетъ, я приноравливалась къ нимъ; кажется, и то, и другое. Нашъ домъ былъ ничто иное, какъ дѣтская съ игрушками. Дома у отца со мной обращались какъ съ маленькой, здѣсь—какъ съ большой куклой. А наши дѣти были, въ свою очередь, моими куклами»...

Ложь была въ основѣ этой семьи, ложь обаятельная и краси-

вая, будто суть семейной жизни заключается въ подчиненіи слабѣйшаго болѣе сильному, при взаимномъ стремленіи жить возможно веселѣе, изящнѣе, беззаботнѣе. Когда на эту счастливую семью обрушивается внезапно несчастье, не оказывается въ наличности ни одного элемента, необходимаго для борьбы, требующей сильныхъ и стойкихъ характеровъ, гордости и пониманія своей чести и достоинства. Нора рѣшаетъ вопросъ рѣзко и рѣшительно. Это натура не заурядная, въ ней есть характеръ, только неразвитый воспитаніемъ. Придя къ заключенію, что бракъ, не основанный на взаимномъ уваженіи личности, есть «простое сожительство», она разрываетъ его. Огромное большинство поступаетъ иначе. Къ старой лжи оно прибавляетъ цѣлый рядъ новыхъ самообмановъ, подъ вліяніемъ которыхъ примиряется со своей участью и тянетъ скучную канитель, утѣшая себя тѣмъ, что это необходимо для семьи, для дѣтей, для общества наконецъ. И ложь, такимъ образомъ, накопляется, растетъ, какъ комъ снѣга, пока, наконецъ, люди не перестаютъ различать ея и свято увѣруютъ, что это и есть самая настоящая истина. Потому что ложь необходима для средняго человѣка. «Отнимая у него ложь жизни, вы вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаете у него счастье», говоритъ одинъ изъ персонажей другой драмы Ибсена «Дикая утка».

Такъ и поступаетъ героиня другой драмы «Привидѣнія», г-жа Альвингъ. Когда предъ ней раскрывается жестокая правда ея жизни, она пытается порвать съ ней, начать новую жизнь, но подъ вліяніемъ человѣка, дорогого для нея, болѣе дорогого, чѣмъ всѣ другіе, — смиряется и мужественно несетъ всѣ послѣдствія. Г-жа Альвингъ—это смирившаяся Нора, представительница огромной массы женщинъ. Что же она выигрываетъ? Жестокій талантъ Ибсена, пожалуй, ни въ одной пьесѣ не выказывается съ такой силой, какъ въ этой. Усвоивъ великую «истину», что «мы прежде всего живемъ для долга, а не для счастія», она мучится съ развратнымъ и жалкимъ мужемъ, охраняя будущность сына. Для него оберегаетъ она репутацію отца, для него отказывается отъ высшаго наслажденія самой воспитывать сына въ своемъ домѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ. Но правда, которой она не знала и о которой ей ничего не говорили мудрые совѣтники, твердившіе о долгѣ, даетъ себя знать, какъ всегда, слишкомъ поздно. «Мнѣ иногда кажется,—говоритъ г-жа Альвингъ,—что мы всѣ подобны привидѣніямъ, подобны выходцамъ изъ могилъ. Въ насъ живетъ и прячется все, что мы наслѣдуемъ отъ родителей, всѣ старыя, повидимому, умершія воззрѣнія и вѣрованія. Когда я беру въ руки газету, мнѣ кажется, будто привидѣнія скользятъ между строкъ.

Вездѣ кругомъ эти выходцы изъ могилъ, неисчислимые, какъ песокъ морской». Сынъ наслѣдуетъ отъ отца неизлѣчимую болѣзнь, ведущую къ сумасшествію. Къ чему привелъ ее долгъ, которому она пожертвовала жизнью? И что это за «велѣнія долга», результатомъ котораго является нравственная смерть? Отвѣтъ ясенъ: долгъ, основанный на лжи, ложенъ, а таково большинство «долговъ», тяготѣющихъ надъ современнымъ обществомъ.

Въ пьесѣ «Столпы общества» Ибсенъ выводитъ на сцену семью, занимающую первенствующее положеніе въ городѣ, гдѣ въ полномъ смыслѣ слова идетъ круговая порука во лжи. Лгутъ всѣ, прикрывая весьма низменныя цѣли громкими словами о нравственности, общей пользѣ и тому подобныхъ высокихъ матеріяхъ. Какъ и во всѣхъ своихъ драмахъ, Ибсенъ доводитъ дѣло до корня этой лжи, показывая, что причина ея лежитъ не въ отдѣльной личности, не въ томъ или другомъ проступкѣ, а въ основахъ общества. «Въ чемъ я себя обвиняю,—говоритъ герой пьесы,—такъ это въ своей слабости, заставлявшей меня выбирать окольные пути: я зналъ и боялся привычки нашего общества видѣть нечистые мотивы во всемъ, что кто-нибудь предпринимаетъ». Но кто же привилъ обществу эту привычку, какъ не тѣ, кто стоитъ во главѣ его? Имъ мало пользоваться выгодами своего положенія, они желаютъ еще освятить его возвышенностью стремленій, внушая на каждомъ шагу, что лишь общіе интересы руководятъ ихъ поступками. Постепенно они входятъ въ свою роль до того, что и сами начинаютъ вѣрить въ правоту своихъ дѣйствій и смотрятъ, какъ на святотатство, на критику ихъ цѣлей и средствъ. И кто выдерживаетъ до конца на этомъ пути лжи и обмана, тотъ всегда достигаетъ успѣха, такъ какъ всегда найдетъ достаточно помощниковъ, готовыхъ поддержать его, конечно, ради своихъ интересовъ. Такъ создается замкнутая цѣпь взаимнаго обмана, въ которой безсильно бьется бѣдное человѣчество.

Пьеса, однако, заканчивается торжествомъ правды, что какъ-то не вяжется съ общимъ настроеніемъ Ибсена, который мало, пожалуй, и вовсе не вѣритъ въ возможность утвердить общество на этихъ столпахъ—правдѣ и свободѣ, при современномъ противорѣчіи классовыхъ интересовъ. Въ драмѣ «Врагъ народа» общество отвѣчаетъ каменьями на воззваніе героя къ правдѣ, которая не теряетъ оттого значенія въ глазахъ автора, но приводитъ его къ безотрадному заключенію, что «сильнымъ можетъ быть только тотъ, кто—одинъ». Сильнымъ быть, значитъ не поддаваться никакимъ побочнымъ соображеніямъ, не искать «окольныхъ путей», но быть такимъ, значитъ стать внѣ общества.

Тѣмъ не менѣе, лучше быть одинокимъ, чѣмъ строить союзы, гдѣ въ осовѣ покоится ложь. Въ концѣ концовъ она породитъ только тысячу новыхъ обмановъ, цѣлую сѣть лжи, изъ которой нѣтъ выхода. «Кто посѣетъ ложь, тотъ посѣетъ слезы», говоритъ Свангильда въ пьесѣ «Комедія любви», въ которой безотрадный пессимизмъ Ибсена проникнутъ глубокой поэзіей, придающей ему глубокій и возвышенный характеръ. Счастье—мечта юности, а «наша юность—вѣтеръ въ полѣ: пролетѣла, не вернешь», и не погоня за счастьемъ составляетъ суть жизни. Міръ вездѣ «трагикомедія, гдѣ каждый вѣритъ тому, что солгали всѣ другіе, и принимаетъ на себя личину любви съ ласкою въ сердцѣ и словами правды на языкѣ... Люди лгутъ передъ самими собою и предъ другими, и никто не смѣетъ обнаружить лжи, потому что они потерпѣли кораблекрушеніе, а считаютъ себя Крезами въ счастьи»... Единственная сила, которая можетъ удержать человѣка отъ этого пути,—«Божья правда», дающая мощь и мужество тому, кто не ждетъ себѣ и не требуетъ никакой награды за служеніе ей. «Надо бороться и жертвовать собой съ мужествомъ истины», жить безъ жалобъ и умирать безъ страха.

Для огромной массы человѣчества этотъ путь, одинокій и безотрадный, не по силамъ. Ей необходимы «дикія утки», въ которыхъ она видитъ отраженіе своихъ несбывшихся желаній, нужны «спокойные, уютные дома», въ которыхъ хозяйничаютъ привидѣнія. Каждый зараженъ «лихорадочной болѣзнью вѣка—желаніемъ награды за побѣду безъ борьбы, жаждой праздника безъ будничныхъ трудовыхъ дней». Ради утоленія этой жажды люди гонятся за призраками, которые ихъ заводятъ въ болото житейской пошлости, откуда нѣтъ возврата. А когда приходитъ осень жизни, они съ горечью нападаютъ на тѣхъ, кто еще не погрязъ въ засосавшей ихъ тинѣ. И только поэтъ смѣло и свободно проходитъ надъ трясиной, но поэтомъ можетъ быть «всякій и въ школѣ, и въ судѣ, и въ церкви, сильный и слабый,—у кого всегда передъ глазами витаетъ идеалъ». Такова благородная цѣль, къ которой должно стремиться. Тогда не приблизится къ намъ осень никогда, и «птица пѣсни не замолкаетъ въ груди и не стремится изъ нея туда, откуда пришла». Тогда «покровъ зимы не опускается на наши погибшія грѣзы», и «наша радостная, смѣлая любовь не можетъ быть сломлена болѣзнью, ослабѣть отъ лѣтъ», и умираетъ, «какой жила—великою, молодою».

Этотъ восторженный гимнъ идеалу Ибсенъ влагаетъ въ уста женщины, которая, вообще, въ его произведеніяхъ играетъ главную роль. Онѣ всегда выше и благороднѣе мужчинъ, и рядъ имъ

созданныхъ женскихъ характеровъ производитъ чарующее впечатлѣніе поэзіи и красоты. Такова Нора, цѣною разрушеннаго личнаго счастья покупающая себѣ право на свободу и правду. Такова г-жа Альвингъ, ея сестра по судьбѣ, встающая предъ нами какъ mater dolorosa, которая слишкомъ поздно убѣждается, что путь ложнаго долга не ведетъ ко благу. Рядомъ съ ними идутъ Свангильда изъ «Комедіи любви», геройски отказывающаяся отъ любви ради болѣе возвышенной цѣли — стремленія къ идеалу,— Дина, въ «Столпахъ общества», которая, не колеблясь, идетъ за человѣкомъ, смѣло отстаивающимъ то, что онъ считаетъ свободою и правдой. Еще граціознѣе Гильда въ «Архитекторѣ Сольнессѣ», истинное олицетвореніе «младыхъ надеждъ, сердечной тишины», торжествующая, не смотря на гибель любимаго человѣка, «потому что онъ достигнулъ вершины». Пришлось бы перечислить почти всѣ женскіе типы его драмъ, такъ какъ каждая женская фигура очерчена имъ поразительно тонкими, нѣжными, почти неуловимыми штрихами, что, при всей ихъ реальности, придаетъ имъ глубоко поэтическій отпечатокъ. Онѣ проносятся предъ нами, какъ легкія облака, скользящія по лунѣ, прозрачныя и сверкающія, или какъ олицетворенія юношескихъ грёзъ, витающихъ высоко, уносящихся туда, «надъ звѣзды, въ области вѣчнаго безмолвія».

Въ сравненіи съ женскими мужскіе характеры у Ибсена не производятъ художественнаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, его положительные типы всѣ не художественны. Хороши только отрицательные, въ родѣ мелкихъ, слабыхъ душонокъ, какъ Хіяльмаръ въ «Дикой уткѣ», или мелкихъ обыденныхъ плутовъ, въ родѣ адвоката въ «Союзѣ молодежи». Его Сольнессъ, напр., рядомъ съ Гильдой даже не образъ, а тенденціозная фигура, изъ-за которой постоянно видѣнъ авторъ. Такое же впечатлѣніе производитъ поэтъ въ «Комедіи любви» или въ «Маленькомъ Эйельфѣ». Какъ будто Ибсенъ исчерпалъ всю свою фантазію на созданіе женскихъ образовъ, или, можетъ быть, выставляя женщинъ главными дѣятельницами на пути стремленія къ правдѣ и свободѣ, онъ раздѣляетъ убѣжденіе, что именно женщинѣ предстоитъ повести человѣчество къ свѣтлому будущему, гдѣ свобода и правда перестанутъ быть только мечтой благородныхъ сердецъ? Въ этомъ безсознательномъ представленіи скрывается одно изъ очарованій, такъ привлекающихъ къ Ибсену современнаго читателя, смущеннаго хаосомъ противорѣчій въ жизни, какъ политической, такъ и соціальной.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Экономическое положеніе крестьянъ. Среди тяжелыхъ условій экономическаго быта нашего крестьянскаго населенія понемногу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаетъ создаваться стремленіе къ самоусовершенствованію, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти стремленія выражаются въ болѣе правильной организаціи общинной жизни, въ другихъ—она еще не вышла изъ области борьбы съ кулачествомъ и міроѣдствомъ. Примѣромъ перваго является одна изъ деревень Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, именно деревня Борщевка. Крестьяне этой деревни послѣ долго длившагося судебнаго дѣла сдѣлались собственниками земли, на которой живутъ. У нихъ есть свой лѣсъ какъ строевой, такъ и дровяной, хорошіе луга и достаточное количество пахоты. Землевладѣніе подворное, но не особняками, а черезполосное. Постройки, какъ жилыя, такъ и хозяйственныя, возведены изъ хорошаго строевого матеріала, дворы обширны. Почти у всѣхъ домохозяевъ по двѣ хаты, а у многихъ и болѣе того, не считая мастерскихъ. Въ одной хатѣ живетъ семья, а другая чистая—для гостей, въ первой обстановка обычная, какую можно встрѣтить у великорос-скаго крестьянина—простая, но отличающаяся чистотой, а вторая — съ нѣкоторыми претензіями: хата раздѣлена перегородкой на большую и малую комнаты, во второй стоитъ парадная кровать, а въ первой нерѣдко диванъ, столъ городского фасона, стулья, шкафъ съ чайной посудой, за стекломъ и на видномъ мѣстѣ самоваръ, на окнахъ горшки цвѣтовъ, а на стѣнахъ картины. На полкѣ подъ божницей книги не только религіознаго, но и свѣтскаго содержанія—собственность грамотнаго молодого поколѣнія. Полы моются и застланы чистыми половиками. Чаепитіе весьма распространено и въ рѣдкомъ дворѣ нѣтъ самовара; чай пьютъ каждодневно и утромъ, и вечеромъ. Харчи хорошіе: мясо не рѣдкость, а сало ежедневно въ мясоѣдъ, а рыба въ постъ; вообще борщевцы ѣдятъ здоровую, питательную пищу. Скотъ хотя и мѣстный, но сытый и удойный, лошади въ тѣлѣ, крѣпки и выносливы въ работѣ. Сами мужики — народъ рослый и сильный, одѣваются обыкновено по-крестьянски, но одежда и бѣлье у нихъ чисты и сдѣланы изъ прочнаго матеріала. Такому благосостоянію борщевцевъ способствуетъ не одна достаточность земли, лѣса, но и кустарный промыселъ: каждый дворъ осень и зиму изготовляетъ колеса (катки), производствомъ которыхъ занимаются мужчины двора исключи-

тельно своими силами, не нанимая рабочихъ, если же и есть рабочіе, то въ немногихъ дворахъ; работаютъ колеса въ особыхъ мастерскихъ, стоящихъ противъ дворовъ, черезъ улицу (въ виду безопасности отъ пожара). Наготовленныя колеса развозятся для продажи по ярмаркамъ и базарамъ, гдѣ они охотно покупаются въ виду ихъ прочности. Борщевцы возятъ свои издѣлія не только въ ближайшія торговыя мѣста, но и на далекое разстояніе отъ ихъ деревни, въ Смоленскъ и за границы губерніи. Заработокъ этотъ довольно прибыльный, въ особенности при своемъ, непокупномъ, лѣсѣ, такъ что трудолюбивая семья получитъ отъ него въ годъ 200—300 руб., что представляетъ весьма хорошее подспорье въ хозяйствѣ.

Деревня стоитъ особнякомъ отъ другихъ окрестныхъ деревень, не выдаетъ своихъ дѣвокъ за парней изъ другихъ деревень, а борщевскіе парни не берутъ себѣ невѣстъ ни откуда и женятся лишь на своихъ односельчанкахъ.

Въ деревнѣ нѣтъ кабака, и общество не дозволяетъ его открытія, не смотря на щедрыя посулы кабатчиковъ, между тѣмъ, есть министерское училище, которое не страдаетъ отсутствіемъ учениковъ, а напротивъ того, переполнено ими. Какъ на стремленіе къ охраненію своего благосостоянія на случай пожара, можно указать на то, что въ этой деревнѣ многіе дворы застрахованы по особой, возвышенной оцѣнкѣ и въ деревнѣ есть пожарный насосъ, кажется, единственный въ Полуевской волости, если не считать владѣльческихъ.

Такія зажиточныя деревни, конечно, составляютъ явленіе рѣдкое, въ особенности теперь, когда, благодаря увеличивающемуся постепенно населенію, семьи растутъ и надѣлы уже не могутъ удовлетворять нуждамъ большихъ семей. Отсюда создается необходимость переселеній или при возможности—необходимость покупки частныхъ земель цѣлыми обществами. Какъ такая покупка земли совершается, можно судить по корреспонденціи, напечатанной въ «Недѣлѣ».

«Идетъ мужикъ въ сѣромъ зипунѣ, въ лапоткахъ, съ лыковымъ кошелькомъ за плечами, идетъ покупать имѣніе съ барской усадьбой и громкимъ названіемъ, и никто не удивляется смѣлости этого на видъ невзрачнаго покупателя. Вы подойдите къ нему, побесѣдуйте съ нимъ; безъ сомнѣнія, это серьезный покупатель. Онъ изслѣдуетъ ваше имѣніе такъ обстоятельно, что было бы просто совѣстно запросить съ него лишнее. Его не удивишь ни тѣнистыми аллеями, ни грандіознымъ господскимъ домомъ, ни прелестнымъ видомъ съ балкона дома на окрестности; онъ ходитъ по имѣнію, зорко выслѣживая достоинства и недостатки его, наковыряетъ и тамъ, и здѣсь землицы, пальцами разотретъ, присмотрится, даже понюхаетъ и безошибочно опредѣлитъ этимъ своимъ анализомъ, насколько хлѣбородна эта земелька. Какъ только ходокъ разыщетъ подходящее имѣніе, онъ возвращается домой, гдѣ быстро составляется товарищество для покупки найденнаго имѣнія. Для покупки крупнаго имѣнія составляется товарищество большое, набираются члены изъ разныхъ деревень, гдѣ чувствуется крайній недостатокъ въ земельныхъ угодьяхъ; въ это товарищество попадаютъ и крестьяне зажиточные, и крестьяне бѣдные, чаще всего тѣ, семьи которыхъ достаточно разрослись, такъ-что на каждую мужскую душу приходится по $^1/_4$ и даже по $^1/_8$ надѣла. Такія семьи не безъ основанія страшатся за будущность подростающаго поколѣнія; если теперь чувствуется недостатокъ въ землѣ, то что же будетъ лѣтъ черезъ 20—30? А цѣна на землю къ тому времени еще болѣе повысится. Малоземельныя селенія на этомъ основаніи очень ра-

ты бываютъ, когда уходятъ отъ нихъ земьи на купленныя земли. Приторговавъ землю, крестьяне, вошедшіе въ составъ товарищества, обыкновенно продаютъ свою надѣльную землю однодеревенцамъ; за каждый надѣлъ платятъ сосѣди отъ 250 до 300 руб., съ договоромъ весь урожай ржи оставить за продавцомъ, выходящимъ изъ деревни; значитъ, за одну десятину надѣльной земли сосѣди платятъ выселяющемуся болѣе 70 руб.; да 30 лѣтъ за эту десятину выкупной платежъ вносится и еще много лѣтъ будетъ вноситься,—какова плата за эту надѣльную десятинку! Уходя изъ деревни, крестьяне, кромѣ того, продаютъ всю постройку, луга, солому, все, исключая скота, лошадей, земледѣльческихъ орудій и домашней утвари. Какъ за надѣльную землю, такъ и за постройку деньги платятся въ разсрочку, года въ два-три, и для обезпеченія платежа надѣльная земля значится за выселившимся до окончательнаго разсчета; выплатить сразу деньги за землю и постройку не въ состояніи ни одинъ крестьянинъ. Платежи, однако, вносятся аккуратно, и процентовъ за долговую сумму крестьяне не берутъ: имъ даже и въ голову не приходитъ брать проценты. Бываютъ случаи, когда крестьяне-новоземцы всѣ деньги, вырученныя съ продажи надѣльной земли, отдавали въ доплату за купленную при посредствѣ банка землю. А съ нынѣшняго года, когда ссуды изъ крестьянскаго банка увеличились, у крестьянъ отъ продажи надѣльной земли начало оставаться немного денегъ и на поддержаніе хозяйства на новомъ мѣстѣ. У меня на глазахъ вотъ ужъ нѣсколько селеній выросло за послѣдніе годы на бывшихъ господскихъ земляхъ, гдѣ хозяйство опущено было до крайней степени. И посмотрѣли бы вы, что крестьяне сдѣлали въ какихъ-нибудь три-четыре года! Запущенныя поля распаханы, луга расчищены, болотистыя мѣста осушены, а хлѣбъ, напримѣръ, въ нынѣшнее лѣто стѣной стоитъ, а травы на новыхъ расчисткахъ—какъ на заливныхъ лугахъ. Новенькая деревушка, вся изъ свѣжаго матеріала, домовито высматриваетъ, расположившись у небольшой рѣчки. Свободнѣй вздохнули въ старой деревнѣ съ расширеніемъ надѣльной земли, довольны и новосельцы; всего у нихъ довольно, земли, воды, лѣса; но какой гигантскій трудъ несутъ эти создатели новаго поселка!»

Борьба съ кулачествомъ. Интересный образецъ борьбы съ кулаками-арендаторами проявили крестьяне одной изъ нашихъ центральныхъ губерній. Нѣкій арендаторъ г. Ш. заарендовалъ у богатаго помѣщика кусокъ земли, лежавшій между крестьянскими угодьями. Пользуясь тѣмъ, что крестьянскій скотъ постоянно попадалъ на его землю, онъ сталъ душить крестьянъ штрафами за потравы; но, кромѣ того, крестьяне принуждены были брать отъ него въ аренду тѣ самые отрѣзки земли, которые раньше имъ сдавались самимъ помѣщикомъ. Арендаторъ накинулъ цѣны. Крестьяне согласились; въ слѣдующемъ году онъ еще увеличилъ арендную плату, да, кромѣ того, потребовалъ еще, чтобы крестьяне извѣстное число дней работали ему безплатно за *возможныя* потравы. Крестьяне и на это согласились. Расходившійся арендаторъ, увидѣвъ такую легкую возможность наживы, еще прижалъ крестьянъ. Тогда на ближайшей сходкѣ они порѣшили: отгородить свои угодья отъ земли арендатора Ш. и не давать ему рабочихъ рукъ ни даромъ, ни за деньги.

Прошелъ годъ. Кулакъ понесъ значительный убытокъ: единственная большая деревня К. не оказала ему никакой помощи и не заплатила ни грота за потраву, благодаря прочной изгороди и бдительному надзору.

Въ текущемъ году арендаторъ, сдаваясь на «капитуляцію», предложилъ землю крестьянамъ съ половинною платою.

— Даромъ не надо!—заявили крестьяне. — И безъ вашей земли, Богъ дастъ, обойдемся. Побыли твоими батраками два года и довольно съ тебя!

Теперь не трудно заключить, что на слѣдующій годъ нежеланному для крестьянъ сосѣду придется перекочевать въ другое мѣсто.

Можно только пожелать, чтобы такая борьба крестьянъ съ міроѣдами и кулаками получила болѣе широкое распространеніе.

Картинки грубости и невѣжества. Для того, чтобы борьба самихъ крестьянъ съ кулаками, міроѣдами и вообще всевозможными врагами была плодотворною, необходимо, разумѣется, чтобы самъ народъ хоть немножко вышелъ изъ одичалаго состоянія, въ которомъ онъ еще и по сіе время находится. Ежедневная печать даетъ не мало фактовъ, иллюстрирующихъ эту дикость. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые: нѣкій Бодяжинъ давно разошелся добровольно съ женой и вдругъ ему досадно стало, что она существуетъ и живетъ безъ него, и онъ рѣшилъ «проучить ее». Вмѣстѣ съ братомъ, они ее гдѣ-то накрыли, схватили и впрягли въ телѣгу и поѣхали по селу. Катаясь на собственной женѣ по селу, Бодяжинъ стегалъ ее плетью и такихъ ударовъ она получила не менѣе 300. Вся рубашка на ней отъ этихъ ударовъ была изодрана въ клочки. И это дѣлалось не смотря на то, что несчастная женщина родила всего 3 недѣли тому назадъ... И, однако, за такое истязаніе Бодяжинъ даже не привлекается къ уголовной отвѣтственности.

Другая, не менѣе характерная картинка рисуется корреспондентомъ «Новостей» изъ посада Сумы (Архан. губ.). 12-го іюля тек. года, около 2 ч. дня, надъ посадомъ послышался страшный ударъ грома. Молнія ударила въ крестъ мѣстной церкви, расщепила и уничтожила его, разбила всѣ стекла въ куполѣ и произвела пожаръ. Жители бросились было отстаивать свою святыню, но сумлянки, «бабы умныя», въ одинъ голосъ заявили, что «стрѣлу» (т. е. молнію) тушить нельзя водою, а нужно молокомъ. Сказано-сдѣлано: со всего древняго посада (принадлежавшаго когда-то знаменитой Маріѣ-посадницѣ) бабы ведрами наносили столько молока, и свѣжаго, и кислаго, что пожаръ былъ-таки потушенъ... молокомъ. Водой же обливали развѣ только работавшаго у самаго огня гимназиста, сына мѣстнаго таможеннаго чиновника.

Кстати, еще къ характеристикѣ мѣстныхъ нравовъ: когда разбитый послѣ молніи крестъ освящался передъ поднятіемъ на куполъ, онъ весь былъ увѣшанъ пожертвованіями доброхотныхъ дательницъ-сумлянокъ; платки, пояса, шерстяные шарфы, отрѣзки ситца, бусы, передники и проч.; обвѣсившіе крестъ подарки были подняты вмѣстѣ съ нимъ на куполъ и, когда крестъ былъ утвержденъ, сняты и поступили въ собственность церкви. Въ Ѳомино воскресенье, по обычаю, въ церкви бываетъ нѣчто вродѣ аукціона, на которомъ и распродаются тѣмъ же сумлянамъ всѣ эти и др. вещественныя пожертвованія, причемъ сумлянки, изъ личнаго соперничества, бойко набиваютъ цѣну за свои же когда-то вещи и получаютъ ихъ обратно гораздо дороже ихъ дѣйствительной стоимости; вырученныя деньги поступаютъ въ пользу церкви.

Вообще, въ Сумѣ принято жертвовать на церковь вещами. Такъ, напр., одинъ старый отставной гребецъ таможеннаго вѣдомства повѣсилъ на образъ св. Николая полученные въ награду за таможенную службу серебряные часы съ цѣпочкой, которые,

по желанію жертвователя, и висѣли на иконѣ долгое время.

Вотъ еще картинка, передаваемая «Биржевыми Вѣдомостями». О томъ глубокомъ невѣжествѣ, въ которомъ коснѣетъ народъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій прискорбно-комическій фактъ, имѣвшій мѣсто въ селѣ Панинѣ, Курскаго уѣзда. Здѣсь ночью случился пожаръ. Пострадавшій крестьянинъ Прохоровъ заявилъ подозрѣніе въ поджогѣ на своего односельчанина Козлова, съ которымъ онъ былъ не въ ладахъ. На другой день, когда на пепелищѣ собралось человѣкъ 30 мѣстныхъ крестьянъ, Козловъ возбужденно началъ оправдываться передъ своими однообщественниками во взводимомъ на него страшномъ преступленіи. Дѣйствительно, какъ оказалось, многіе передъ самымъ началомъ пожара видѣли его мертвецки пьянымъ въ кабакѣ; но, не смотря на это, Прохоровъ продолжалъ стоять на своемъ. Наконецъ, присутствовавшіе тутъ старики рѣшили: «*Если ужъ дѣйствительно Козловъ тебя поджегъ, то у него на спинѣ долженъ быть черный крестъ*». Какъ оказывается, многовѣковая опытность русскаго народа научила его, между прочимъ, вѣрить и тому, что у поджигателя, тотчасъ по совершеніи имъ преступленія, появляется на спинѣ большой черный крестъ, который и остается замѣтнымъ въ продолженіи трехъ дней. Козловъ, твердо увѣренный, что у него, какъ у невиннаго, никакого креста на спинѣ быть не можетъ, не дожидаясь требованія присутствующихъ, тутъ же поспѣшилъ раздѣться и показать свою обнаженную спину для освидѣтельствованія. Самый внимательный осмотръ ея всѣми присутствовавшими не обнаружилъ никакихъ признаковъ таинственнаго креста. Невинность напрасно обвиненнаго была очевидна. Всѣ чувствовали себя неловко передъ нимъ и, смущенные, поспѣшили разойтись. «Ишь ты»,—размышляли они дорогою,—«и подумаешь же на невиннаго человѣка: вѣдь креста-то на спинѣ и вовсе нѣтъ».

Дѣятельность земствъ по народному образованію. Въ послѣднее время вопросъ о народномъ образованіи какъ-то рѣзко выдвинулся впередъ. Всѣ земства принялись съ большой энергіей за это великое дѣло, причемъ, кромѣ устройства общеобразовательныхъ элементарныхъ школъ, земства хлопочутъ объ устройствѣ школъ сельскохозяйственныхъ и, вообще, спеціальныхъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ въ этой области земствъ является уже давно земство Вятской губ., но и тамъ до настоящаго времени дѣло народнаго образованія находилось лишь въ зародышевомъ состояніи.

«Народное невѣжество, съ которымъ приходится считаться Россіи наканунѣ XX вѣка,—заявляетъ вятское земство,—вотъ наше несчастіе, вотъ главный тормазъ нашего прогресса, вотъ главная причина даже экономической несостоятельности русскаго крестьянства!»

Насколько, однако, медленно шло учрежденіе народныхъ школъ, можно видѣть изъ того, что въ 1867 г., т. е. наканунѣ введенія въ Вятской губ. земскихъ учрежденій, школъ во всей губерніи было 284 съ 23.000 учащихся; въ 1895 г. школъ имѣлось 510, съ 48.000 учащихся, т. е., среднимъ числомъ, каждый годъ устраивалось по 8 школъ.

По исчисленію же вятскаго земства, въ существующихъ школахъ обучается только одна треть дѣтей школьнаго возраста, а около двухъ третей остаются безграмотными. Чтобы все населеніе губерніи школьнаго возраста посѣщало школы, нужно устроить еще 1.765 новыхъ училищъ. И вотъ собраніе XXIX очередной сессіи 1895 г. постановило открыть сразу

600 новыхъ школъ, выдавать на каждую изъ нихъ по 250 р. изъ средствъ губернскаго земства; хлопотать передъ правительствомъ объ открытіи за счетъ казны еще 547 школъ министерскихъ и ходатайствовать о разрѣшеніи открывать, по мѣрѣ надобности, передвижныя школы съ курсомъ школъ нормальнаго типа. 600 новыхъ школъ и 547 министерскихъ при 510 уже существующихъ школахъ—это такая крупная просвѣтительная сила, которая дѣлаетъ уже близкой эру всеобщаго обученія въ начальныхъ школахъ для Вятской губерніи. Если къ этому прибавить, что собраніе 1894 г. постановило открыть 3.000 сельскихъ библіотекъ, что большая часть ихъ уже открыта, то станетъ яснымъ, что Вятское земство обнаруживаетъ лихорадочную дѣятельность; сверхъ всего этого, собраніе 1895 г. постановило снадбить библіотечками всѣ арестныя помѣщенія и больницы.

То же собраніе постановило открыть въ уѣздахъ еще 57 новыхъ народныхъ библіотекъ.

Для народныхъ чтеній при школахъ заготовлено 30 волшебныхъ фонарей и 48 серій картинъ.

Въ 1895 г. при 98 школахъ велись воскресныя повторительныя занятія.

При Вятской губернской управѣ устроенъ книжный складъ, который, между прочимъ, занимается безплатной раздачей населенію книгъ. Въ 1895 г. по 1 ноября роздано было 27.264 экземпляра книгъ.

Для улучшенія дѣла преподаванія въ сельскихъ школахъ устраиваются педагогическіе курсы для народныхъ учителей и учительницъ; кромѣ спеціальныхъ занятій по методикѣ, на этихъ курсахъ читаются лекціи по психологіи и анатоміи. Кромѣ педагогическихъ, организованы также и сельско-хозяйственные курсы для учителей, съ обученіемъ земледѣлію, скотоводству, садоводству, огородничеству и пчеловодству.

Если прибавить къ тому, что, кромѣ земскихъ школъ, имѣется еще не мало церковно-приходскихъ, число которыхъ, согласно послѣднимъ мѣропріятіямъ правительства, должно быстро возрасти, то будетъ ясно, что дѣло насажденія грамотности въ крестьянской средѣ растетъ быстро. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя церковно-приходскія школы, получающія субсидію отъ земства, считаютъ для себя необязательнымъ давать отчетъ въ расходованіи отпускаемыхъ земствомъ суммъ. Такъ, на собраніи Елисаветградскаго уѣзднаго земства, состоявшемся 27-го мая, возникъ вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. Елисаветградское земство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказывало субсидію означеннымъ школамъ въ размѣрѣ 1.000—1.500 р. ежегодно вплоть до 1895 г. Земское собраніе прошлогодней сессіи, въ виду непредставленія епархіальнымъ начальствомъ отчетовъ и свѣдѣній о числѣ школъ, состояніи ихъ и расходованіи земскихъ суммъ, въ виду гадательности самаго существованія этихъ школъ въ уѣздѣ, единогласно постановило: въ пособіи церковно-приходскимъ школамъ въ 1896 году отказать. Настоящему земскому собранію вновь представлено ходатайство мѣстнаго отдѣленія херсонскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о назначеніи церковно-приходскимъ школамъ уѣзда субсидіи въ размѣрѣ 1.000 р. ежегодно. Уѣздная земская управа въ заключеніи своемъ по этому докладу высказывается противъ удовлетворенія означеннаго ходатайства по тѣмъ соображеніямъ, что елисаветградское земство, по скудости средствъ своихъ, не въ состояніи удовлетворить безчисленнымъ нуждамъ по народному образованію уѣзда. Изъ года въ годъ возрастаетъ число ходатайствъ объ открытіи новыхъ школъ, о расшире-

и существующихъ, объ устройствѣ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ, постройкѣ новыхъ и возобновленіи старыхъ школьныхъ зданій и пр. Средства для удовлетворенія означенныхъ нуждъ столь ничтожны, что въ губернской и уѣздной управахъ возникъ даже вопросъ о внѣшней помощи для удовлетворенія земскихъ нуждъ въ этомъ отношеніи. При такомъ положеніи дѣла было бы, по мнѣнію управы, нецѣлесообразно приходить на помощь школамъ другого вѣдомства въ то время, какъ собственныя земскія школы въ столь многомъ нужду терпятъ. Депутатъ отъ духовнаго вѣдомства доказывалъ необходимость удовлетворенія означеннаго ходатайства въ виду того, что земскія и церковно-приходскія школы преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль распространенія образованія въ народѣ. Гласный П. А. Зеленый, поддерживая мнѣніе управы, указалъ на то, что, по закону, заботы о матеріальномъ обезпеченіи церковно-приходскихъ школъ возложены на церковно-приходскія попечительства. Далѣе гл. Зеленый указалъ на то, что въ числѣ причинъ отказа въ субсидіи приходскимъ школамъ видную роль играло явно враждебное отношеніе уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта къ земской школѣ. Факты, подтверждающіе это, служили предметомъ обсужденія прошлогодняго и нынѣшняго земскаго собранія. Земское собраніе въ большинствѣ своемъ присоединилось къ мнѣнію управы и гл. Зеленаго и постановило: въ субсидіи церковно-приходскимъ школамъ отказать.

Только неблагоустройствомъ этихъ школъ и можно себѣ объяснить приговоръ Малоселицкаго сельскаго общества, Лубянскаго уѣзда, Полтавской губ., состоящій, по словамъ корреспондента кіевской газеты «Жизнь и Искусство», въ слѣдующемъ:

«1896 г., мая 26-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Полтавской губерніи, Лубянскаго уѣзда, Велиселицкой волости, общество казаковъ села Малой Селицы, состоящее изъ 150 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса участвовать на сходѣ, явились на оный въ числѣ 83 человѣкъ, въ присутствіи нашего сельскаго старосты Василія Торовыха. Собравшись на сходѣ, гдѣ, между прочимъ, имѣли сужденіе о томъ, что въ нашемъ селѣ болѣе двадцати лѣтъ существуетъ церковно-приходская школа, но грамотныхъ въ селѣ же нѣтъ, почему и желая, чтобы дѣти наши были грамотны, что возможно лишь при условіи, если въ нашемъ селѣ будетъ земское народное училище, — постановили просить, гдѣ слѣдуетъ, объ открытіи въ нашемъ селѣ земскаго народнаго училища; съ своей же стороны мы обязываемся предоставить въ полное распоряженіе земства устроенный нами общественный домъ о четырехъ комнатахъ, что на общественномъ выгонѣ, устроить необходимыя къ нему службы, отдѣлить не менѣе полудесятины выгона подъ училищную усадьбу и давать въ достаточномъ количествѣ своевременно отопленіе и освѣщеніе какъ для училища, такъ и для учителя, содержать въ полной исправности училищный домъ и службы, а также давать для училища сторожа».

По свѣдѣніямъ газеты, приговоръ этотъ былъ представленъ въ уѣздную земскую управу по предварительному просмотру земскимъ начальникомъ.

Положеніе народныхъ учителей. Несмотря на большіе успѣхи, дѣлаемые народнымъ образованіемъ, положеніе учителей и учительницъ народныхъ школъ остается и по сіе время крайне тяжелымъ. И права учителя ничтожны, и жалованье ничтожно, да и получить-то это жалованье подчасъ весьма трудно. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ корреспондентъ «Орловскаго Вѣстника» цѣлый рядъ мытарствъ, черезъ которыя

долженъ пройти учитель, чтобы получить свои гроши: «учительское жалованье, прежде чѣмъ попасть въ руки самихъ учителей, должно пройти по мытарствамъ, что значительно отдаляетъ время его полученія. «Мытарства» заключаются въ слѣдующемъ: земская управа выдаетъ учительское жалованье земскимъ начальникамъ; они передаютъ его волостнымъ старшинамъ, а эти послѣдніе иногда передаютъ его волостнымъ писарямъ. Всѣ эти передачи совершаются, конечно, постепенно, не торопясь... Но учитель, въ придачу ко всѣмъ другимъ своимъ способностямъ, какъ-то: безъ устали нести тяжелый трудъ и довольствоваться какими-нибудь 15 р., долженъ обладать еще способностью терпѣть, терпѣть и терпѣть; поэтому и въ данномъ случаѣ ему приходится смиренно ждать и про себя жаловаться на людскую несправедливость, заставляющую сытаго человѣка забывать своего голоднаго брата.

Но этимъ еще не оканчивается такой сложный процессъ, какъ выдача учителямъ жалованья. Учителю нужно выбрать свободное время, а многимъ нанимать еще подводу (это изъ 15-тито р. жалованья), чтобы явиться въ волостное правленіе. Тамъ опять затрудненія: или не застанешь кого нужно, или заставятъ подождать...

Всѣ эти неудобства легко можно было бы обойти, если бы училищный Совѣтъ распорядился доставлять жалованье учителямъ по мѣсту ихъ жительства немедленно послѣ его полученія изъ управы. 15 рублей не Богъ знаетъ какія деньги; авось, можно было-бы разослать ихъ по училищамъ, вмѣсто того, чтобы создавать учителямъ затрудненія и отнимать время у трудящагося человѣка.

Нѣкоторые учителя, живущіе недалеко отъ почтовыхъ станцій, не разъ уже обращались къ членамъ Совѣта съ просьбой о высылкѣ имъ жалованья чрезъ почту. Отчего бы не сдѣлать соотвѣтствующаго распоряженія?

Всѣ эти проволочки учителю приходится испытать при полученіи части своего жалованья, выдаваемой земствомъ. Другая часть жалованья получается отъ сельскихъ обществъ. Впрочемъ, есть училища, которыя содержатся исключительно на средства обществъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ учителямъ довольно часто, особенно весною, приходится ждать по два, даже по три мѣсяца своего жалованья или получать его копѣйками, по частямъ... На законный протестъ учителя получается одинъ неотразимый отвѣтъ: «нѣтъ денегъ». И ждутъ, два, три мѣсяца ждутъ учителя, часто безъ копѣйки денегъ...

Случается впрочемъ, что эти лаконическіе отвѣты: «денегъ нѣтъ» разнообразятся и такими конфиденціальными, конечно, разговорами, происходящими между учителемъ и сельскимъ начальствомъ: «Какъ бы это жалованьице получить?» обращается къ писарю тономъ просителя пришедшій въ «волость» учитель. «Денегъ нѣтъ», слышится въ отвѣтъ изъ устъ строчащаго писаря. «Да какъ же быть? Вѣдь мнѣ за два мѣсяца не выданоя и то второй разъ прихожу». Сердобольный писарь, тронутый учительскими невзгодами, продолжаетъ діалогъ: «Ну идетъ; жертвую 75 к.— только полбутылки могарыча непремѣнно». Что тутъ станете дѣлать? И каждый разъ, даже когда не приходится обмѣниваться съ писаремъ подобными разговорами, испытываешь неловкость человѣка, зависящаго отъ милости сельскаго «начальства», и ждешь, когда-то соблаговолятъ заняться твоей особой».

Вотъ другая картина, рисующая положеніе учителя и его зависимость даже отъ школьнаго сторожа.

Что такое сторожъ сельскаго народнаго училища? Вы, конечно, ду-

маете, что эта слуга, обязанный топить печи, выметать въ классахъ, носить ученикамъ воду, стеречь ихъ верхнее платье и школьное зданіе и прислуживать учителю? Да, все это его прямыя обязанности; но на дѣлѣ училищный сторожъ, прежде всего, лицо выборное, извѣстная представительная единица сельскаго общества, а какъ таковая—мнитъ о себѣ, какъ о какомъ-то печальникѣ школьныхъ интересовъ. Съ этой точки зрѣнія, сторожъ является какъ бы распорядителемъ школьнаго имущества, по крайней мѣрѣ, той его части, которая ежегодно отпускается обществомъ. Полагая, что онъ приставленъ обществомъ въ видахъ соблюденія экономіи въ топливѣ, освѣщеніи, ремонтѣ и въ другихъ расходныхъ по училищу статьяхъ, сторожъ въ этомъ отношеніи считаетъ себя полнымъ хозяиномъ, почему и не позволяетъ вмѣшиваться никому, кромѣ попечителя, а всего менѣе учителю. Считая себя хозяиномъ училища, сторожъ топитъ, когда ему угодно и сколько угодно, расправляется съ учениками по своему произволу, а распоряженій учителя совершенно не признаетъ. Дѣло зачастую доходитъ до того, что сторожъ даже отпираетъ классныя комнаты, когда ему заблагоразсудится, морозя учениковъ на дворѣ и заставляя учителя начинать занятія часомъ или двумя позже, чѣмъ онъ хотѣлъ бы. Прислуживать учителю онъ обыкновенно отказывается, не признавая это своею обязанностью, и мало того—считаетъ себя даже въ нѣкоторомъ родѣ контролеромъ учителя со стороны общества, ворчитъ на него, если онъ долго засиживается по ночамъ, сжигая общественный керосинъ, или вздумаетъ завести двѣ-три лампы, а то просто и грубитъ учителю, когда послѣдній поздно возвращается домой изъ гостей или принимаетъ послѣднихъ у себя и засиживается съ ними за-полночь. Этотъ произволъ училищнаго сторожа нѣсколько сглаживается, если учитель въ ладахъ съ попечителемъ, котораго сторожъ признаетъ старшимъ себя. Но бѣда учителю, если онъ не ладитъ съ попечителемъ. Тогда самодурство сторожа переходитъ всякія границы, онъ идетъ наперекоръ всѣмъ распоряженіямъ учителя, позволяетъ себѣ даже всякія дерзости. Кромѣ того, всевозможныя кляузы и инсинуаціи такъ и сыплются тогда на учителя, причиняя ему иногда довольно крупныя непріятности.

Это не слова. Спросите у любого сельскаго учителя о сторожѣ, и онъ скажетъ вамъ, что или сейчасъ имѣетъ дѣло съ подобнымъ самозваннымъ хозяиномъ-контролеромъ, или имѣлъ нѣсколькими годами раньше. Тяжбы учителя со сторожемъ рѣдко кончаются въ пользу перваго, въ особенности, если онъ—лицо новое въ деревнѣ, не успѣвшее еще зарекомендовать себя съ хорошей стороны передъ родителями учениковъ. Сторожъ, какъ юридическая общественная единица, пользующаяся правомъ голоса на сельскомъ сходѣ, всегда съумѣетъ завербовать себѣ на сходѣ нѣсколько голосовъ, которые будутъ поддерживать всѣ его разглагольствованія по адресу учителя, такъ что послѣдній, въ концѣ концовъ, явится въ глазахъ общества какимъ-то посягателемъ на общественное добро. А разъ сторожъ съумѣлъ зародить въ обществѣ подобное подозрѣніе, то всѣ его дальнѣйшіе наговоры на учителя принимаются все съ большимъ довѣріемъ. Учитель, считая себя правымъ, не идетъ, конечно, оправдываться на сходъ, а это еще сильнѣе возбуждаетъ противъ него недоброжелательство сельчанъ, и въ результатѣ получаются или разнаго рода тормазы въ педагогическомъ дѣлѣ, составляющіеся изъ мельчайшихъ придирокъ со стороны родителей учениковъ къ учителю, изъ неисправнаго посѣщенія учениками училища, изъ недодачъ родителями денегъ на покупку

требуемыхъ учителемъ учебниковъ и учебныхъ принадлежностей, или доносы на учителя, въ видѣ общественныхъ приговоровъ или жалобъ попечителя. Если же учитель задумаетъ прекратить такія ненормальныя отношенія личнымъ объясненіемъ на сходѣ, то это зачастую,—особенно, если учитель новичекъ въ деревнѣ, словамъ котораго придается мало довѣрія,—ведетъ къ тому, что сходъ заподозрѣваетъ его неправоту и какъ бы заставляетъ просить у себя снисхожденія и прощенія. Хорошо, если педагогическое начальство въ такихъ случаяхъ, по должномъ разсмотрѣніи дѣла, принимаетъ сторону учителя и вступается за него. Тогда, по крайней мѣрѣ, тяжбы со сторожемъ не приводятъ къ дурнымъ послѣдствіямъ по службѣ учителя; но и въ этомъ случаѣ тайное недоброжелательство сельчанъ къ учителю, ежедневно раздуваемое сторожемъ, все-таки тормазитъ педагогическіе успѣхи по училищу. Даже старые, опытные и извѣстные начальству съ хорошей стороны учителя не гарантированы отъ всевозможныхъ пакостей выборнаго училищнаго сторожа. И такіе учителя зачастую, во избѣжаніе выворачиванія на изнанку ихъ частной жизни, неизбѣжнаго при распряхъ со сторожемъ, уходятъ совсѣмъ изъ училища, гдѣ трудъ ихъ былъ крайне необходимъ и полезенъ. Мы знаемъ примѣры, когда подобнаго рода тяжбы со сторожемъ, поддерживаемымъ попечителемъ и сельскими выборными властями, затягивались на нѣсколько лѣтъ въ явный ущербъ дѣлу народнаго образованія.

Нечего доказывать всей анормальности подобныхъ фактовъ, которые, однако, будутъ неизбѣжно повторяться до тѣхъ поръ, пока училищными сторожами будутъ являться лица выборныя. Должность сторожа при сельскихъ училищахъ, по нашему мнѣнію, должна быть совершенно изъята изъ ряда выборныхъ должностей; она непремѣнно должна быть наемная, и самое лучшее, если въ распоряженіе учителя будетъ отпускаться обществомъ извѣстная сумма на этотъ предметъ.

Въ «Воронежскомъ Телеграфѣ» напечатано, напримѣръ, подробное статистическое изслѣдованіе положенія сельскаго учителя въ Воронежской губерніи. Статистика эта даетъ удручающія цифры и говоритъ прямо, что народному учителю приходится вести самую жалкую борьбу за существованіе. Все это, конечно, далеко не ново, но полезно напоминать про эту горькую истину почаще, особенно теперь, когда наши земства одно за другимъ ставятъ на очередь введеніе всеобщаго обученія. Чѣмъ больше вѣдь нуждаемся мы въ народныхъ учителяхъ, тѣмъ, понятно, должны больше, даже въ утилитарныхъ только видахъ, позаботиться, чтобы они могли жить, а не прозябать, перебиваясь съ хлѣба на квасъ. При существующихъ нищенскихъ окладахъ, знающій человѣкъ не пойдетъ въ учителя, а если и пойдетъ, то при первой же возможности сбѣжитъ. Большинство учащихъ въ Воронежской губерніи, за свой, по истинѣ тяжелый трудъ, получаютъ болѣе чѣмъ скромное вознагражденіе. Изъ 693 лицъ обоего пола только 24 получаютъ въ годъ свыше 300 р., почти двѣ трети получаютъ не болѣе 240 р. въ годъ и только одна треть больше. Въ среднемъ же по Воронежской губерніи годовой окладъ учителя равенъ 237 р., а помощника—128 р.; иначе говоря, первый въ мѣсяцъ получаетъ около 20 р., а второй—около 11 р. При такомъ вознагражденіи можно прокормиться, пожалуй, даже одѣться одинокому человѣку, но о сколько-нибудь сносномъ существованіи семейнаго и думать нечего. А между тѣмъ семейные составляютъ 25,5 проц. общаго числа учащихъ: это по истинѣ голодныя учительскія семьи. На книги же, ему безусловно необходимыя, у

учителя положительно не хватаетъ средствъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ учителя и учительницы народныхъ школъ часто при всемъ горячемъ желаніи работать на пользу народную бѣгутъ отъ своей дѣятельности.

Земства и всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» даетъ общее обозрѣніе дѣятельности земствъ, насколько она могла быть представлена на выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Хотя на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ нѣтъ особаго земскаго отдѣла, однако, земства участвуютъ въ выставкѣ. Всякій, кто побывалъ въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ, конечно, замѣтилъ богатые экспонаты московскаго, нижегородскаго, вятскаго и херсонскаго губернскихъ земствъ, расположенные вблизи громадной колонны, которая представляетъ уменьшенное до одной милліонной изображеніе гигантскаго закрома для помѣщенія всего урожая 1895 года. Но, вѣроятно, многіе изъ посѣтителей выставки удивятся, узнавъ, что среди экспонентовъ насчитывается не четыре, а нѣсколько десятковъ земствъ, что ими послано на выставку не мало интересныхъ и поучительныхъ предметовъ, которые остаются въ тѣни только потому, что размѣщены неудачно.

Безъ преувеличенія можно сказать, что земскіе экспонаты не собраны, а разбросаны по выставкѣ. Московское губернское земство, напримѣръ, представило драгоцѣнный матеріалъ для освѣщенія хозяйственныхъ условій быта населенія Московской губерніи въ видѣ многочисленныхъ картъ, діаграммъ, чертежей, моделей и пр. Но и для этой замѣчательной коллекціи, дающей наглядное представленіе о земской дѣятельности и всестороннюю картину промышленнаго и культурнаго развитія цѣлой губерніи, не нашлось достаточно мѣста ни въ одномъ изъ отдѣловъ выставки. Гостепріимнѣе другихъ былъ сельскохозяйственный отдѣлъ, въ первомъ зданіи котораго пріютились экспонаты московскаго земства по статистикѣ, ветеринарному и страховому дѣлу, по экономическимъ мѣропріятіямъ и даже по народному образованію. Экспонаты врачебно-санитарнаго отдѣла того же земства приняло въ одинъ изъ своихъ бараковъ русское общество охраненія народнаго здравія. Дорожный отдѣлъ помѣщенъ опять-таки вдали отъ главной коллекціи, въ павильонѣ строительнаго и инженернаго дѣла.

Можно предположить, что, за отсутствіемъ спеціальнаго земскаго отдѣла, предметы, доставленные земствами, старались помѣстить въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ они болѣе всего у мѣста. Къ сожалѣнію, если такой планъ и существовалъ, то о выполненіи его мало позаботились. Такъ, московское земство выставило рядъ картограммъ и діаграммъ, знакомящихъ съ исторіей народнаго образованія въ Московской губерніи за тридцать лѣтъ и съ современной постановкой школьнаго дѣла въ ней. При входѣ въ сельскохозяйственный отдѣлъ вы невольно остановите взглядъ на большой картѣ, принадлежащей къ этой коллекціи и иллюстрирующей земскій планъ всеобщаго обученія. Для интересующихся школьнымъ дѣломъ эта карта, какъ и всѣ остальные экспонаты московскаго земства по народному образованію, представляетъ много любопытнаго. Но спрашивается, многіе ли изъ такихъ посѣтителей выставки заглянутъ въ сельскохозяйственный отдѣлъ, зная, что существуетъ особый отдѣлъ народнаго образованія? И это не единственный примѣръ безпорядочнаго размѣщенія земскихъ экспонатовъ. Ирбитское земство доставило интересный, къ сожалѣнію, ненапечатанный

обзоръ важнѣйшихъ сторонъ своей дѣятельности. Къ нему присоединены діаграммы, въ которыхъ наглядно изображена исторія земскаго хозяйства въ этомъ уѣздѣ и экономическаго положенія населенія. Казалось бы, что этимъ любопытнымъ матеріаламъ мѣсто рядомъ съ подобными же экспонатами московскаго, нижегородскаго, вятскаго, херсонскаго, александрійскаго земствъ. Между тѣмъ діаграммамъ ирбитскаго земства почему-то отведенъ уголокъ возлѣ витрины высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Не удивляйтесь, если въ томъ же учебномъ отдѣлѣ вамъ попадутся доклады казанскому губернскому земскому собранію о почвенныхъ и геологическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ по его порученію. Не удивляйтесь, если, побывавъ въ такъ называемомъ «кружальномъ баракѣ» русскаго общества охраненія народнаго здравія и придя къ заключенію, что здѣсь собраны всѣ экспонаты земствъ по врачебно-санитарному дѣлу, вы опять натолкнетесь на нихъ въ павильонахъ строительнаго и инженернаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, въ баракѣ общества выставлены прекрасныя модели зданій рязанской земской больницы для душевнобольныхъ и оспопрививательнаго института курскаго губернскаго земства. Въ инженерномъ отдѣлѣ помѣщена подобная же модель убсеевской земской больницы, доставленная буинской уѣздной земской управой. Тотъ же «кружальный баракъ» вмѣщаетъ богатое собраніе плановъ, фасадовъ и фотографическихъ видовъ существующихъ земскихъ лѣчебныхъ заведеній. Здѣсь экспонируются подобные предметы губернскими земствами: пермскимъ, саратовскимъ, московскимъ, самарскимъ, симбирскимъ, и уѣздными: алатырскимъ, нижегородскимъ, козмодемьянскимъ и др. Притомъ нѣкоторые изъ лежащихъ въ баракѣ земскихъ альбомовъ представляютъ собранія плановъ не однѣхъ больницъ, а вообще зданій, находящихся въ вѣдѣніи земства (напр., пермскаго). Но для такого же альбома больницъ и школъ одесскаго уѣзднаго земства не нашлось мѣста въ баракѣ, и онъ зачисленъ въ экспонаты строительно-инженернаго отдѣла.

Подобныхъ примѣровъ безпорядочнаго распредѣленія земскихъ экспонатовъ по различнымъ отдѣламъ наберется не мало. Быть можетъ, трудно было лучше выполнить эту задачу на всероссійской выставкѣ. Въ такомъ случаѣ надо вдвойнѣ пожалѣть объ отклоненія земскаго ходатайства объ особомъ отдѣлѣ: отказъ въ устройствѣ помѣщенія, гдѣ бы всѣ земства могли представить свои экспонаты, несомнѣнно побудилъ многія собранія воздержаться отъ участія въ выставкѣ; а болѣе чѣмъ странное размѣщеніе присланныхъ земствами предметовъ дѣлаетъ ознакомленіе съ ними весьма затруднительнымъ. Не будетъ ничего удивительнаго, если у большинства публики, бывшей на выставкѣ, не останется прочныхъ воспоминаній объ интересныхъ вещахъ, предложенныхъ земствами вниманію посѣтителей. Между тѣмъ эти экспонаты могли бы многому научить.

Кому неизвѣстно, что земства старательно изслѣдовали и продолжаютъ изслѣдовать условія жизни населенія своихъ районовъ въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Результаты этихъ изслѣдованій заключены въ многочисленныхъ фоліантахъ, обширную коллекцію которыхъ можно видѣть тутъ же на выставкѣ. Довольно полныя собранія ихъ присланы земствами московскимъ, нижегородскомъ, курскимъ, херсонскимъ и др. Нѣкоторыя земства спеціально въ выставкѣ выпустили интересныя изданія, въ которыхъ знакомятъ съ исторіей и современнымъ положеніемъ земскаго хозяйства и быта населенія своихъ уѣздовъ и губерній. Часть

тихъ обзоровъ охватываетъ всѣ стороны мѣстной хозяйственной жизни и земской дѣятельности, другія изданія касаются только отдѣльныхъ отраслей, входящихъ въ кругъ предметовъ земскаго вѣдѣнія. Въ числѣ работъ первой категоріи слѣдуетъ прежде всего назвать изящное изданіе нижегородскаго губернскаго земства подъ заглавіемъ «Всероссійская выставка 1896 года. Нижегородская губернія по изслѣдованіямъ губернскаго земства». Вятское губернское земство выпустило тоже солидный «Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурнаго развитія Вятскаго края». Уѣздными земствами бердянскимъ, козловскимъ, царевококшайскимъ, волчанскимъ представлены на выставку интересныя брошюры по народному образованію, нижегородскимъ — по дорожному дѣлу и медицинѣ, херсонскимъ — по исторіи врачебной организаціи. Но всѣ эти книги и брошюры, конечно, не предназначаются для большинства посѣтителей выставки. Чтобы ознакомить со своими трудами надъ изученіемъ мѣстныхъ общественныхъ нуждъ и съ мѣропріятіями, направленными къ удовлетворенію ихъ, земства прибѣгли къ помощи діаграммъ, картъ и рисунковъ, на которыхъ посѣтитель выставки найдетъ наглядное изображеніе результатовъ и условій земской дѣятельности. Работами этого рода сплошь покрыты стѣны помѣщеній, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ «кружальномъ баракѣ» общества охраненія народнаго здравія, отведено много мѣста земскимъ экспонатамъ. Десятками считаются земскія діаграммы и картограммы и въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ, который далъ мѣсто главнымъ экспонатамъ московскаго, нижегородскаго, вятскаго, херсонскаго, псковскаго, полтавскаго, александрійскаго земствъ. Въ настоящей замѣткѣ невозможно ознакомить съ содержаніемъ всей этой графической коллекціи, составляющей одно изъ украшеній выставки, къ сожалѣнію, недостаточно оцѣненное и потому предъявленное публикѣ не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало. Приходится ограничиться лишь краткимъ указаніемъ вопросовъ, на которые даютъ отвѣтъ земскіе графики на всероссійской выставкѣ.

Многія земства для иллюстраціи общихъ экономическихъ условій жизни населенія и попутнаго выясненія характера и направленія собственной дѣятельности представили подробныя и хорошо разработанныя свѣдѣнія о своихъ доходахъ и расходахъ. Такъ, среди экспонатовъ московскаго земства находится интересная діаграмма, показывающая послѣдовательныя измѣненія какъ губернскаго, такъ и всѣхъ уѣздныхъ бюджетовъ. По этому графическому изображенію земскихъ назначеній на различныя общественныя потребности можно прослѣдить движеніе во всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства. Такимъ образомъ, предъ обозрѣвателемъ выставки проходитъ сжатая, но цѣльная картина дѣятельности земскихъ учрежденій болѣе чѣмъ за четверть вѣка. Такъ же поступили и другія земства, напримѣръ, херсонское, которое обстоятельно разработало для выставки данныя о расходахъ на удовлетвореніе главныхъ земскихъ потребностей своей губерніи. Вятское земство пріурочило графическое изображеніе мѣстнаго земскаго бюджета къ обзору измѣненій въ расходахъ на экономическія мѣропріятія. Симбирское въ своей діаграммѣ указываетъ движеніе смѣтныхъ цифръ въ связи съ измѣненіями затратъ земства собственно на врачебную помощь населенію. Такая особенность симбирской и вятской обработки бюджетныхъ данныхъ объясняется тѣмъ, что одно изъ этихъ земствъ знакомитъ посѣтителей выставки со своей врачебно-санитарной организаціей, а другое — преимуще-

ственно съ постановкой агрономическаго содѣйствія крестьянъ. Нижегородское земство воспользовалось бюджетными данными для другой цѣли. Въ рядѣ картограммъ и діаграммъ, составленныхъ на основаніи раскладокъ земскаго сбора по Макарьевскому уѣзду, а также по даннымъ почвеннаго и экономическаго изслѣдованій этимъ экспонентомъ представлены итоги земской переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ названномъ уѣздѣ. Это собраніе чертежей кажется намъ очень цѣннымъ потому, что служитъ наглядным доказательствомъ практической полезности тѣхъ всесторонних изслѣдованій, которыя произведены земствами во многихъ губерніяхъ.

Другое, столь же вѣское, хотя и не въ такой мѣрѣ доступное для большой публики подтвержденіе серьезнаго значенія земской статистики можно найти въ коллекціи московскаго земства. Среди печатныхъ трудовъ его, выставленныхъ въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ, находится особый томъ, озаглавленный «Непосредственные практическіе результаты земской статистики». Это объемистый сборникъ докладовъ и предложеній управы за много лѣтъ по различнымъ предметамъ земскаго вѣдѣнія, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ даннымъ статистическаго изслѣдованія или основанныхъ на этихъ данныхъ. Впрочемъ, большая часть наглядныхъ изображеній хозяйственнаго быта населенія и разныхъ сторонъ мѣстнаго общественнаго управленія была бы прямо невозможна, если бы земствомъ не были выполнены въ свое время тщательныя статистическія работы, которыми въ настоящее время пользуются не для однѣхъ земскихъ цѣлей.

На выставкѣ земскія карты и діаграммы даютъ возможность ознакомиться съ тѣми сторонами промышленной жизни нашего отечества, которыя вообще недостаточно выдвинуты на этомъ генеральномъ смотрѣ производительныхъ силъ страны. Въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ, напр., имѣется полная коллекція сѣмянъ типичныхъ для крестьянскаго хозяйства всѣхъ губерній Европейской Россіи. Качество крестьянскихъ хлѣбовъ должно быть признано по этимъ образцамъ невысокимъ и является какъ бы показателемъ низкаго уровня крестьянскаго хозяйства. Земства своими графическими экспонатами могутъ многое сказать о причинахъ этого явленія. Экономическіе и сельскохозяйственные отдѣлы экспонатовъ московскаго, нижегородскаго, александрійскаго и нѣкоторыхъ другихъ земствъ даютъ богатую иллюстрацію условій хозяйственной дѣятельности крестьянъ, начиная отъ почвенныхъ и климатическихъ и кончая длинною цѣпью факторовъ экономическаго или культурнаго порядка, каковы величина надѣла, обезпеченность рабочею силой, снабженіе хозяйства живымъ и мертвымъ инвентаремъ, развитіе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ, состояніе крупной и мелкой промышленности, грамотность населенія, санитарная обстановка его быта и проч. и проч.

Всѣ земства, экспонаты которыхъ были указаны нами въ числѣ размѣщенныхъ въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ, и нѣсколько другихъ дополняютъ картину, изображенную въ діаграммахъ и картахъ, выставляя образцы сѣмянъ и растеній, коллекціи почвъ, модели или типичные экземпляры орудій, употребляемыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ или распространяемыхъ самими земствами. Земская выставка сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ вышла даже довольно обширной. Можно назвать такого рода коллекціи вятскаго, псковскаго (для обработки льна) и московскаго земствъ въ первомъ павильонѣ сельскаго хозяйства, а также перм-

скаго, уфимскаго, чебоксарскаго, елабужскаго, малмыжскаго и др. въ отдѣлѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ. Улучшенныя орудія распространяемыя земствами и представленныя ими на выставку, въ большинствѣ сработаны кустарями. Для ознакомленія не только съ развитіемъ домашнихъ крестьянскихъ промысловъ, но и съ издѣліями кустарнаго производства вообще много сдѣлано на выставкѣ именно земскими учрежденіями. Въ числѣ экспонентовъ кустарнаго отдѣла состоятъ губернскія земства: казанское, новгородское, пермское, вятское, нижегородское, костромское, московское, пензенское, и уѣздныя: новоторжское, сызранское, щигровское, чебоксарское. Для коллективныхъ выставокъ по кустарному производству нижегородскаго, вятскаго и московскаго земствъ пришлось отвести значительную часть помѣщенія, занимаемаго этимъ отдѣломъ. Да и вообще въ немъ на долю земства выпала довольно видная роль, такъ какъ чрезъ руки земскихъ управъ прошла масса произведеній, выставленныхъ кустарями. Земству же, кстати сказать, его иниціативѣ и его матеріальной поддержкѣ обязано въ большинствѣ случаевъ своимъ осуществленіемъ и то немногое, что дѣлалось и дѣлается въ интересахъ техническаго усовершенствованія этихъ промысловъ и для улучшенія быта самихъ кустарей.

Два другія средоточія земскихъ экспонатовъ—учебный отдѣлъ и «кружальный» баракъ русскаго общества охраненія народнаго здравія. Въ той части главнаго зданія учебнаго отдѣла, которая отведена для выставки предметовъ, характеризующихъ положеніе народной школы въ нашемъ отечествѣ, на каждомъ шагу что-нибудь напоминаетъ о высокой культурной миссіи, съ успѣхомъ выполняемой земствомъ вотъ уже болѣе четверти вѣка. Впрочемъ, здѣсь чаще приходится имѣть дѣло съ экспонатами, хотя и говорящими о земской просвѣтительной работѣ, но доставленными на выставку, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, директорами и инспекторами училищъ, а не самими земствами. Нѣкоторыя земскія управы нашли, однако, полезнымъ сдѣлать дополненія къ коллекціямъ, посланнымъ на выставку мѣстными чинами министерства народнаго просвѣщенія (напр., рязанская, курская, казанская, московская). Не останавливаясь подробно на обзорѣ этихъ предметовъ, отмѣтимъ только любопытныя собранія картограммъ курскаго и особенно московскаго губернскихъ земствъ, помѣщенныя въ разныхъ концахъ выставки, но близкія по своей задачѣ—выяснить условія, при наличности которыхъ станетъ возможно всеобщее обученіе. О земскихъ экспонатахъ въ «кружальномъ» баракѣ уже упоминалось выше. Здѣсь можно еще сказать, что среди выставленныхъ предметовъ по земской медицинѣ встрѣчается не мало такихъ, которые выясняютъ отношеніе земствъ къ вопросу о призрѣніи душевно-больныхъ. Во многихъ губерніяхъ въ послѣдніе годы было обращено вниманіе на эту отрасль лѣчебнаго дѣла. Медицинскіе экспонаты земствъ (рязанскаго, нижегородскаго, московскаго и др.) показываютъ, что и въ этомъ земскомъ дѣлѣ совершились въ короткій срокъ весьма существенныя перемѣны къ лучшему. Обзоръ важнѣйшихъ земскихъ экспонатовъ на всероссійской выставкѣ будетъ неполонъ, если не указать еще на интересную статистику движенія сельскихъ рабочихъ на югъ, представленную въ формѣ картограммъ херсонскимъ уѣзднымъ земствомъ въ томъ же «кружальномъ» баракѣ, на богатый дорожный отдѣлъ московскаго земства и на обстоятельную разработку опять-таки графическимъ способомъ земскихъ свѣдѣній по взаимному страхованію и пожар-

ному вопросу въ Московской и Нижегородской губерніяхъ.

На всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ представлены не всѣ мѣстности, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Нашъ обзоръ касается экспонатовъ сорока земствъ изъ 22 губерній. По оффиціальному указателю въ средѣ экспонентовъ выставки значится еще нѣсколько уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ управъ, но отыскать присланныя ими вещи намъ не удалось. Въ общемъ губернскія учрежденія преобладаютъ на выставкѣ: такъ, изъ сорока земствъ, объ экспонатахъ которыхъ говорилось въ настоящей замѣткѣ, 17 губернскія.

Казенная продажа вина. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, въ нѣторыхъ губерніяхъ и городахъ введена казенная торговля виномъ. Реформа эта имѣетъ несомнѣнно огромное значеніе, прежде всего потому, что водка, распродажею которой будетъ завѣдывать правительство, представляется водкою болѣе высокаго качества. Для людей, мало знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, непонятно громадное значеніе, повышеніе качествъ водки въ вопросѣ народнаго благосостоянія. Сивуха, т. е. дурно очищенная водка, содержитъ такъ называемыя сивушныя масла и дѣйствуетъ самымъ губительнымъ образомъ на здоровье населенія. Цѣлая масса нервныхъ заболѣваній, включая сюда даже процессы вырожденія, являющіеся слѣдствіемъ наслѣдственныхъ нервныхъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ отъ родителей, систематически отравлявшихся сивушными маслами — вотъ плоды дѣятельности нашихъ деревенскихъ кабатчиковъ. Исключеніе такого яда, какъ сивуха изъ предметовъ потребленія, одинъ изъ крупнѣйшихъ шаговъ въ дѣлѣ оздоровленія народныхъ массъ.

Но пока еще дѣло казенной продажи вина начинается, можно отмѣтить цѣлый рядъ возникающихъ неудобствъ.

Симферопольскій корреспондентъ «Новостей» и екатеринославскій корреспондентъ «Одесскаго Листка» указываютъ на эти неудобства.

Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что рабочіе и крестьяне устраиваютъ попойки расположившись у самой казенной лавки, такъ какъ въ ней допускается только торговля на выносъ. Вслѣдствіе этого на улицахъ творятся большія безобразія; но надо принять во вниманіе и условія, въ которыхъ находится бѣдный людъ; на работѣ пить нельзя, можно пить лишь въ то время, которое удѣляется для обѣда; и вотъ желающимъ выпить приходится усаживаться гдѣ-либо на задворкахъ или на улицѣ и тамъ выпивать свои порціи.

Тяжело также и положеніе служащихъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ на первыхъ порахъ при введеніи казенной винной монополіи, на мѣста сидѣльцевъ и сидѣлицъ въ винныхъ лавкахъ охотно пошли люди, обладающіе извѣстной интеллигентностью и образованіемъ. Теперь началось бѣгство съ этихъ мѣстъ, и преимущественно прекраснаго пола. Оказывается, что обязанности сидѣлицъ настолько многосложны и тяжелы, что точное ихъ выполненіе не подъ силу женщинѣ. Одна изъ вышедшихъ въ отставку сидѣлицъ такъ изобразила екатеринославскому корреспонденту «Одесск. Лист.» свой рабочій день:

Съ 7 час. утра и до 11 час. вечера безъ всякихъ перерывовъ для обѣда или отдыха идетъ продажа. Принимать пищу приходится урывками, особенно въ лавкахъ, расположенныхъ на бойкомъ мѣстѣ. Съ 11 час. вечера — приведеніе лавки въ порядокъ, упаковка порожней посуды и распаковка ящиковъ съ водкой, разстановка по полкамъ, составленіе отчетности за день. Все это отни-

ается еще два три часа времени. Такимъ образомъ, для отдыха получается 6—7 часовъ въ сутки или, наоборотъ, 17 — 18 часовъ труда.

Тяжесть службы покажется еще болѣе значительной, если будутъ приняты во вниманіе: грубость кліентовъ, подчасъ вваливающихся пьяной гурьбой, напряженность состоянія изъ боязни дерзости, насилія или прочета въ деньгахъ, мелкіе разсчеты съ полукопѣйками, подчасъ отсутствіе полиціи, чтобы унять расходившихся буяновъ, требующихъ рюмокъ, штоповъ и т. д.

Никакого низшаго персонала при лавкѣ не полагается и приходится поэтому либо все дѣлать самому, начиная съ черной работы по упаковкѣ и распаковкѣ ящиковъ и кончая составленіемъ вѣдомостей, или нанимать себѣ помощниковъ, удѣляя имъ часть своего сравнительно небольшого жалованья. Въ большинствѣ случаевъ сидѣльцамъ и особенно сидѣлицамъ помогаютъ,—говоритъ корреспондентъ, — ихъ родственники: мужъ, жена, дочь, зять, а иногда и нѣсколько вмѣстѣ. Но разъ за одно жалованье въ 40 руб. работаютъ 3—4 человѣка, то тогда пропадаетъ даже матеріальный интересъ службы, такъ какъ 3—4 взрослыхъ члена семьи, даже при самыхъ худшихъ условіяхъ, могутъ всегда заработать такую сумму и на другихъ поприщахъ.

За границей.

Бабъ и бабиды въ Персіи. Какъ извѣстно, персидскій шахъ Насръ-Эддинъ погибъ въ этомъ году отъ пули фанатика, послѣдователя Баба, основателя религіозно-политической секты бабидовъ въ Персіи. Этой сектѣ предсказывается важное участіе въ религіозномъ и соціальномъ преобразованіи Востока, поэтому мы находимъ не лишнимъ сказать здѣсь о ней нѣсколько словъ.

Въ 1895 году, въ городѣ Ширазѣ, центрѣ персидской учености, началъ проповѣдывать молодой персіанинъ. Онъ совершилъ паломничество въ Мекку и вернулся оттуда полный восторженнаго мистицизма и своеобразныхъ идей, которыя и выразились у него въ вдохновенной проповѣди. Онъ говорилъ, что какъ народъ, такъ и въ особенности священнослужители, значительно отдалились отъ доктрины Магомета и священники теперь совсѣмъ не соблюдаютъ сами того, что правильно или нѣтъ проповѣдуютъ другимъ. Молодость, энтузіазмъ, красивая наружность и обаятельное краснорѣчіе сдѣлали свое дѣло и вокругъ новаго проповѣдника образовалась вскорѣ цѣлая группа послѣдователей, въ особенности среди духовенства, ученыхъ и даже среди евреевъ. Молодой проповѣдникъ, по имени Али Магометъ, объявилъ себя тогда возстановителемъ царства Божьяго. Онъ говорилъ, что онъ есть «Бабъ», т.-е. «врата познанія», и проповѣдывалъ, что служеніе Богу должно заключаться не въ публичныхъ моленіяхъ, не въ паломничествѣ и омовеніяхъ, какъ у шіитовъ, не въ истязаніи и умерщвленіи плоти, а въ братской любви, достоинствѣ, добротѣ и состраданіи. Особенность проповѣди Баба заключалась еще въ томъ, что онъ строго воспрещалъ нищенство и всѣмъ приказывалъ трудиться, что идетъ въ разрѣзъ съ господствующими на Востокѣ воззрѣніями. Онъ проповѣдывалъ также уничтоженіе рабства и многоженства, дозволяя лишь въ исключительныхъ случаяхъ имѣть двѣ жены. Разводъ, вообще очень легкій у магометанъ, Бабъ обставлялъ большими трудностями. Затѣмъ онъ допускалъ участіе женщинъ въ обществен-

*

ной жизни, и дѣйствительно, многія изъ женщинъ, послѣдовательницъ Баба, пріобрѣли извѣстность своею дѣятельностью въ пользу распространенія его ученія. Бабъ требовалъ, чтобы дѣтей воспитывали не въ страхѣ, а въ любви, и чтобы съ ними обращались привѣтливо и снисходительно. Богатые, по его словамъ, должны дѣлиться своими избытками съ тѣми, у которыхъ не хватаетъ и самаго необходимаго, такъ какъ они должны смотрѣть на себя лишь какъ на хранителей достоянія бѣдныхъ.

По ученію Баба, Богъ есть единый, вѣчный, неизмѣнный источникъ жизни и такъ какъ буквы этого слова въ арабскомъ счисленіи означаютъ число 18, то число 19, съ присовокупленіемъ единаго носителя вѣчной жизни, является священнымъ числомъ. На этомъ основаніи Бабъ избралъ изъ своихъ учениковъ 18 апостоловъ, которые и должны были содѣйствовать распространенію его ученія. Ученики Баба признали его божественную миссію и отправились проповѣдывать о томъ по странѣ.

Конечно, о жизни и рожденіи проповѣдника скоро составился цѣлый рядъ легендъ, что, разумѣется, способствовало успѣху его проповѣди. Бабъ изложилъ свою проповѣдь въ нѣсколькихъ книгахъ, написанныхъ на классическомъ арабскомъ языкѣ, и выступилъ съ нею въ центральныхъ пунктахъ ислама. Изъ 18 апостоловъ, выбранныхъ основателемъ секты, особенно выдѣлились своимъ рвеніемъ, энергіей и организаторскими талантами трое: Гуминъ, Магометъ Али и красивая ученая женщина Курейтъ Эль Айнъ. Эта женщина, дочь мусульманскаго ученаго; была прозвана за свою красоту «Царинъ-Тай» или «Золотая корона». Она предалась сердцемъ и душой новому ученію и, благодаря своей красотѣ и краснорѣчію, много содѣйствовала его успѣху. Обладая большими знаніями и ученостью, эта молодая героиня отличалась въ то же время выдающимися качествами души и сердца, но, несмотря на свою добродѣтель и безукоризненную репутацію, все-таки она возбудила противъ себя страшное негодованіе и въ особенности скандализовала священниковъ, показываясь всюду съ непокрытымъ лицомъ, сбросивъ покрывало, какъ признакъ рабства.

Въ началѣ правительство не обращало особеннаго вниманія на развитіе новой секты и власти относились къ ней съ большою терпимостью. Но когда ученіе стало дѣлать большіе успѣхи въ странѣ и число прозелитовъ умножилось, то мусульманское духовенство всполошилось. Бабиды, однако, почувствовали уже свою силу и хотѣли воспользоваться смертью шаха и воцареніемъ Насръ-Эддина для начала борьбы открытой съ персидскими властями и духовенствомъ. Въ Мешхедѣ произошли безпорядки. Бабъ съ помощью Гуссейна и «Золотой-короны», которая все время находилась, во главѣ движенія, укрѣпился въ Мазандеранѣ, гдѣ онъ выстроилъ фортъ въ горахъ. Въ Мазандеранѣ вообще Бабъ имѣлъ множество послѣдователей, и поэтому правительству пришлось потратить не мало усилій и принести не мало жертвъ, пока удалось наконецъ сломить ихъ сопротивленіе. Борьба велась упорная и правительственное войско нѣсколько разъ вынуждено было отступить. Четыре мѣсяца продолжалась осада и, наконецъ, голодъ вынудилъ бабидовъ сдаться на капитуляцію. Имъ было обѣщано помилованіе, но, тѣмъ не менѣе, на другой же день всѣ бабиды, включая женщинъ и дѣтей, были убиты, никто изъ нихъ не захотѣлъ отречься отъ своихъ убѣжденій, и всѣ погибли, прославляя имя пророка.

Несмотря, однако, на ожиданія правительства, эти строгія мѣры казни, и преслѣдованія не подавили рели-

ознаго движенія; скорѣе даже наоборотъ, оно распространилось съ еще большею силой. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя возобновилась еще болѣе упорная борьба въ Зендаранѣ, гдѣ правительственныя войска понесли еще большій уронъ. Гуссейнъ погибъ въ Мазандеранѣ, но другой ученикъ Баба, Магометъ, организовалъ сопротивленіе въ Зендаранѣ. Раненый смертельно, онъ убѣждалъ своихъ послѣдователей, что они должны продержаться еще сорокъ дней; онъ обѣщалъ имъ, что когда пройдетъ этотъ срокъ, то онъ встанетъ изъ могилы и явится къ нимъ, и тогда они побѣдятъ. Магометъ умеръ, но его послѣдователи продолжали борьбу, твердо вѣруя въ его слова. Персидскій генералъ однако добрался до могилы Магомета, и вытащивъ оттуда его тѣло, велѣлъ его бросить собакамъ. Послѣ того вскорѣ войска одержали побѣду. Вожди возстанія были взяты въ плѣнъ и казнены. Въ плѣнъ попался также и самъ глава секты Бабъ и былъ отвезенъ въ крѣпость Чирикъ въ Гилянѣ, а оттуда его препроводили въ Тавризъ. Тамъ было устроено нѣчто вродѣ ученаго диспута съ мусульманскимъ духовенствомъ, которое собралось оспаривать его ученіе. Въ концѣ концовъ Бабъ былъ приговоренъ къ смерти вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ ученикомъ Магометомъ. Ихъ обоихъ связали и подвѣсили на крѣпостномъ валу на глазахъ безчисленнаго множества зрителей. Отряду солдатъ было приказано стрѣлять въ нихъ. Первый выстрѣлъ пришелся въ Магомета, который былъ убитъ на повалъ, но страннымъ образомъ пуля, направленная въ Баба, не убила его, а перѣзала веревку, на которой онъ висѣлъ. Бабъ упалъ на землю. Всѣ такъ остолбенѣли отъ изумленія, что Бабъ, конечно, могъ бы бѣжать въ толпѣ, которая видѣла въ его спасеніи чудо, но онъ почему-то укрылся въ ближайшей сторожкѣ, гдѣ его нашелъ одинъ офицеръ и убилъ мечомъ. Чтобы не было никакихъ сомнѣній въ его смерти, тѣло его было выставлено на показъ на улицахъ и затѣмъ брошено собакамъ.

Такъ умеръ Бабъ, 27 лѣтъ отъ роду, но смерть его не остановила развитія религіознаго движенія. Кромѣ того, проповѣдь Баба имѣла и политическій характеръ, такъ какъ онъ стремился къ основанію государства на теократическо-соціально-демократическихъ началахъ, и это въ особенности вызывало ожесточенный протестъ со стороны власти. Въ 1852 г. три фанатика бабида произвели покушеніе на жизнь шаха. Это покушеніе послужило поводомъ къ страшному преслѣдованію бабидовъ; масса ихъ была перебита, не исключая женщинъ и дѣтей. Красавицу «Царинъ-Тай» или «Золотая корона» постигла та же участь. Ей предложили купить свою жизнь цѣною отреченія отъ бабизма, но она не согласилась и поэтому была удавлена и затѣмъ сожжена. Множество бабидовъ было роздано на руки различнымъ персидскимъ сановникамъ, которые, стараясь доказать шаху свою вѣрность и преданность, соперничали другъ передъ другомъ въ измышленіи для нихъ казней и пытокъ.

Кровавое преслѣдованіе на время возбудило панику, но все же не уничтожило секты. Нѣкоторые изъ ея приверженцевъ бѣжали за границу Персіи и кое-какъ устроились въ Россіи и Турціи. Однако, если секта притихла, то это еще не значитъ, что она отказалась отъ активной дѣятельности, доказательствомъ служитъ, что шахъ все-таки палъ отъ руки бабида. Только бабиды въ Персіи теперь тщательно скрываются, но несомнѣнно, что приверженцевъ этого ученія существуетъ не мало, и въ особенности ихъ много среди наиболѣе богатыхъ и образованныхъ классовъ персидскаго населенія. Знатоки Во-

стока предсказываютъ ей будущность, и весьма возможно, что она еще дастъ о себѣ знать.

Японская политика и печать. Въ послѣднее время много было говорено о развитіи журналистики въ Японіи. Корреспондентъ англійской газеты «Daily News», желая ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, посѣтилъ капитана Бринклея, живущаго около тридцати лѣтъ въ Японіи и состоящаго редакторомъ одной полуоффиціальной англійской газеты. Капитанъ Бринклей высказалъ ему слѣдующее мнѣніе о положеніи японской журналистики:

«Дѣйствительно,—сказалъ онъ,—развитіе японской журналистики сдѣлало удивительные успѣхи въ самое короткое время, но я боюсь, что это увеличеніе болѣе количественное, нежели качественное. Когда я пріѣхалъ въ Японію тридцать лѣтъ тому назадъ, то во всей странѣ было не болѣе двадцати газетъ, влачившихъ весьма печальное существованіе; теперь же у насъ издаются 802 газеты и разные журналы. Въ одномъ только Токіо издаются 23 еженедѣльныхъ газетъ и 56 журналовъ. Основателемъ современнаго журнализма въ Японіи былъ нѣкто Блэкъ. Въ 1867 году онъ основалъ газету, въ которой, совершенно необычнымъ для японцевъ образомъ, подвергалъ критикѣ и обсуждалъ разныя общественныя дѣла. Японцы сначала были поражены, затѣмъ они сообразили, что печать можетъ быть силою въ рукахъ умѣлаго человѣка и что невыгодно отдавать эту силу въ руки иностранца. Однако, японцы ничего не могли сдѣлать, такъ какъ англичанинъ стоялъ въ то время внѣ ихъ юрисдикціи и они не могли воспретить ему изданіе газеты. Тогда они придумали обратиться съ ходатайствомъ къ британскому посланнику Парксу. Парксъ, несмотря на то, что онъ высоко держалъ британское знамя въ Японіи, рѣшилъ однако, что вмѣшательство во внутреннія дѣла страны не можетъ быть допущено и, поэтому, не колеблясь, издалъ приказъ, воспрещающій иностранцамъ издавать газеты на японскомъ языкѣ. Среди иностранцевъ, конечно, поднялся страшный крикъ противъ этого приказа и Блэкъ сталъ въ ихъ глазахъ чѣмъ-то вродѣ мученика, но, тѣмъ не менѣе, всѣ должны были покориться, и газета, издаваемая Блэкомъ, прекратила свое существованіе. Вслѣдъ затѣмъ появилась уже первая японская газета издаваемая японцемъ. Замѣчательно, какъ японцы быстро пристрастились къ чтенію газетъ. Какъ разъ въ это время японцы были освобождены изъ своей интеллектуальной тюрьмы, въ которую они были заключены Тайкуномъ, подавлявшимъ самомалѣйшее стремленіе къ индивидуальной и общественной свободѣ. Всѣ предпріятія уничтожались въ самомъ зародышѣ и мысль вытравлялась, гдѣ только можно. Такая тиранія продолжалась 800 лѣтъ. Народу воспрещалось строить суда и читать извѣстныя книги и онъ былъ совершенно лишенъ какой бы то ни было свободы дѣйствій. Но послѣ реставраціи 1867 года наступила огромная реакція, ознаменовавшаяся появленіемъ первой газеты, за которой тотчасъ же послѣдовали другія. Въ началѣ газеты эти были очень безцвѣтны, являясь лишь простымъ выраженіемъ старинныхъ литературныхъ инстинктовъ страны, вынесенныхъ еще изъ Китая. Онѣ были въ высшей степени поучительны, до смѣшного напыщенны, злоупотребляли метафорой и обсуждали преимущественно лишь одни только абстрактные вопросы. Въ виду такихъ качествъ газеты эти совершенно не приходили въ соприкосновеніе съ чувствами народа и влачили самое жалкое существованіе, не имѣя подъ собою никакой почвы. Но въ 1873 г.

туру, находитъ нужнымъ обратить вниманіе и на дѣтей, будущихъ членовъ общества, и въ каждомъ нумерѣ своей газеты помѣщаетъ статью, спеціально предназначенную для дѣтей, указывающую имъ, какія книги они должны читать, наставляющую ихъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ и т. д. Надо прибавить, впрочемъ, что потребность въ собственной газетѣ ощущается даже уличными лондонскими мальчуганами, такъ что для нихъ существуетъ теперь спеціальная газета «The Boy's Friend», наполнѣнная путешествіями, разсказами о необыкновенныхъ приключеніяхъ, разбойникахъ и т. п. Мальчуганы съ жадностью читаютъ нумера этой газеты и Блэчфордъ, пользуясь этою пробужденною въ дѣтяхъ страстью къ чтенію, старается дать здоровую, хорошую пищу ихъ уму и воображенію.

Буддійскія школы въ Камбоджѣ. Буддійскіе монастыри въ Камбоджѣ чрезвычайно напоминаютъ христіанскіе монастыри въ Европѣ въ средніе вѣка; какъ и тѣ они, представляютъ религіозную общину, имѣющую странноприимный домъ и школу для мальчиковъ. Всѣ школы, устроенныя при буддійскихъ монастыряхъ, предназначены для первоначальнаго обученія и всѣ онѣ безплатныя. Ученики обучаются читать и писать на камбоджійскомъ языкѣ, молитвамъ на мертвомъ языкѣ «рали», считающемся священнымъ языкомъ буддистовъ, и священныхъ текстовъ, исписанныхъ по камбоджійски на пальмовыхъ листьяхъ. Главнымъ учителемъ и начальникомъ школы является настоятель монастыря. Другіе монахи также обучаютъ въ школѣ, но подъ его руководствомъ. Несмотря на то, что обученіе въ этихъ монастырскихъ школахъ имѣетъ совершенно элементарный характеръ и никакой школьной дисциплины не существуетъ, мальчики выходятъ оттуда, все-таки, съ довольно прочными основными познаніями, такъ что буддійскихъ монаховъ дѣйствительно можно назвать настоящими воспитателями народа. Замѣчательно, что несмотря на полное отсутствіе школьной дисциплины, ученики очень послушны и любятъ и уважаютъ своихъ учителей-монаховъ, сохраняя съ ними духовную связь въ теченіе всей своей жизни.

Ученики въ монастырскихъ школахъ бываютъ двухъ родовъ: одни носятъ свѣтскую одежду, другіе же одѣты бонзами и называются послушниками. Тѣ и другіе, однако, учатся вмѣстѣ, но маленькіе бонзы сопровождаютъ монаховъ, когда они отправляются по утрамъ просить милостыню и такъ же, какъ они, держатъ въ рукахъ деревянныя коробочки для собиранія подаянія въ видѣ варенаго риса. Кромѣ того, такъ какъ надъ ними уже была совершена небольшая церемонія посвященія, то они обязаны жить въ монастырѣ, брить голову и совершать нѣкоторые обряды. Другіе ученики обыкновенно не живутъ въ монастырѣ, но проводятъ въ немъ большую часть своего времени, играя послѣ уроковъ со своими товарищами, подъ наблюденіемъ своихъ, не очень строгихъ профессоровъ.

Всѣ дѣти, являющіяся въ монастырь съ цѣлью ученія, принимаются въ школу безъ всякихъ затрудненій. Родители могутъ даже не являться за ними и вообще не принимать никакого участія въ школьномъ обученіи. Обыкновенно, самъ новоприбывшій ученикъ выбираетъ своего наставника, и если тотъ соглашается принять его въ число своихъ учениковъ, то онъ немедленно водворяется у него въ кельѣ или въ школьной залѣ и не только становится его ученикомъ, но и его прислужникомъ. Иногда случается, что профессоръ, имѣющій уже слишкомъ много учениковъ, отказывается отъ новаго ученика и совѣ-

туетъ ему избрать другого учителя и даже часто самъ руководитъ имъ въ этомъ случаѣ. Вообще, выборъ учителя считается очень важнымъ дѣломъ въ Камбоджѣ, такъ какъ, по понятіямъ всѣхъ буддійскихъ и браминскихъ странъ, между учителемъ и ученикомъ образуется очень крѣпкая духовная связь и ученикъ долженъ относиться къ своему учителю совершенно такъ же, какъ къ отцу и матери. Законъ одинаково караетъ оскорбленіе, нанесенное ученикомъ своему учителю, какъ и то, которое наносится сыномъ отцу или матери. Очень часто ученики становятся даже наслѣдниками своихъ учителей и вообще связь между учителемъ и ученикомъ бываетъ нисколько не менѣе крѣпка, чѣмъ семейныя узы.

При ученіи употребляютъ, какъ пособія, слѣдующіе предметы: досечка, покрытая чернымъ лакомъ, палочка для писанія, бамбуковая линейка, такой же длины, какъ досечка, которая служитъ для линованія, и кусокъ матеріи, чтобы вытирать доску, когда она бываетъ исписана, вотъ и все. Учитель пишетъ на этой доскѣ буквы и заставляетъ ученика повторять ихъ и списывать. Онъ все время слѣдитъ за ученикомъ, обращаетъ его вниманіе на особенности буквъ и руководитъ имъ. Адемаръ Леклеръ, описывающій одну изъ такихъ школъ въ «Revue Scientifique» говоритъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ присутствовалъ при урокахъ въ этой школѣ и всегда изумлялся терпѣнію учителей и восхищался охотою, съ которою маленькіе камбоджійцы учатся. Особенно, по словамъ Леклера, его поражала память маленькихъ мальчугановъ, которые въ общемъ учатся гораздо лучше и охотнѣе, чѣмъ наши европейскія дѣти. Но, къ сожалѣнію, большинство ихъ знаній остается безъ всякаго приложенія въ жизни и обыкновенно интеллектуальное развитіе ихъ останавливается между шестнадцатью и восемнадцатью годами, однако память у нихъ сохраняется прежняя.

Ничего не можетъ быть любопытнѣе уроковъ чтенія. Ученики сидятъ всѣ на полу, на цыновкахъ, вблизи дверей или оконъ и у каждаго въ рукахъ находится священная книга. Всѣ они читаютъ заразъ, такъ громко, какъ только могутъ, нисколько не заботясь о своихъ сосѣдяхъ и почти не переводя дыханія. Это производитъ оглушающій шумъ и трудно разобрать, что они читаютъ, но они чувствуютъ себя прекрасно и какъ-то даже ухитряются запоминать прочитанное. Такой урокъ чтенія бываетъ слышенъ чуть ли не на разстояніи сотни шаговъ отъ монастыря. Въ промежутки между уроками чтенія ученики дѣлаютъ извлеченія изъ того что прошли, и зачастую эти извлеченія бываютъ прекрасно написаны, хорошимъ и яснымъ языкомъ, изъ чего можно видѣть, что ученикъ, несмотря на оглушительный шумъ, господствующій во время урока чтенія, все-таки усвоилъ себѣ прочитанное. Послѣ того, какъ ученики выучились писать, имъ преподается ариѳметика по стольку, по скольку это считается нужнымъ, и этимъ кончается курсъ—ученики считаются уже совсѣмъ готовыми къ жизни, и хотя многія знанія, пріобрѣтенныя ими въ школѣ, такъ и остаются безъ всякаго примѣненія, тѣмъ не менѣе, школы эти много способствуютъ распространенію грамотности среди народа и въ этомъ-то и заключается ихъ главная польза.

Докторъ Барнардо и его филантропія. Всякій знаетъ въ Лондонѣ доктора Барнардо, «отца ничьихъ дѣтей» (Father of Nobody's Children), какъ его называютъ. Дѣйствительно, докторъ Барнардо заслужилъ вполнѣ это названіе, такъ какъ онъ стоитъ во главѣ огромной семьи, пяти тысячъ покинутыхъ или оставленныхъ на произволъ судьбы дѣтей. Тридцать

Уордъ всегда проникнуты самыми возвышенными идеями и тенденціями, но прежде всего они являются распространителями какой-нибудь доктрины. Въ «Робертѣ Эльсмерѣ» мистриссъ Уордъ ищетъ разрѣшенія вѣковой проблемы примиренія науки съ религіей. Это произведеніе представляетъ нѣчто въ родѣ манифеста, проповѣдующаго новую религію, лишенную догматовъ, которая можетъ доставить удовлетвореніе какъ вѣрующимъ, такъ и мыслителямъ. Въ «Давидѣ Гривѣ» изображены страданія и борьба двухъ сиротъ, брошенныхъ на жертву всѣмъ соблазнамъ и всѣмъ тяжелымъ жизненнымъ испытаніямъ. Въ «Марчеллѣ» изображенъ пролетаріатъ, преимущественно, сельское населеніе и развивается цѣлая соціальная программа, въ основу которой поставлены самыя возвышенныя нравственныя идеи и интеллектуальныя стремленія человѣка.

Какъ и Вальтеръ Безантъ, мистриссъ Уордъ стремится проводить на практикѣ свои идеи. Открытіе «University Hall» для публичныхъ чтеній служитъ тому доказательствомъ. Однако, романы мистриссъ Уордъ, несмотря на ея талантливость, все-таки не могутъ дѣйствовать на массу, которая, въ большинствѣ случаевъ, относится равнодушно къ общимъ идеямъ и разнымъ теологическимъ и философскимъ разсужденіямъ, которыми изобилуютъ произведенія этой писательницы; мистриссъ Уордъ напоминаетъ своею манерой Джорджъ Эліотъ.

«Робертъ Эльсмеръ» служитъ какъ бы первымъ симптомомъ появленія въ литературѣ «новыхъ женщинъ» (New woman). Эти послѣднія не заставили себя ждать. Въ то время, какъ Вальтеръ Безантъ и другіе писатели старались усадить женщину у домашняго очага, литература «новыхъ женщинъ» начала энергичный походъ въ пользу эмансипаціи женщины и уравненія ея правъ. Во главѣ писательницъ этой категоріи надо поставить Сару Грандъ, умѣющую, благодаря своему блестящему литературному таланту, убѣдить многихъ читателей въ Англіи въ справедливости своихъ притязаній. Послѣдователемъ Сары Грандъ является Грэнтъ Алленъ, надѣлавшій столько шума своимъ романомъ «The woman who did».

Писатели, являющіеся преемниками Вальтеръ-Скотта, раздѣляютъ симпатіи большой публики вмѣстѣ съ Бульверомъ и Дизраэли. Любимцемъ публики изъ этихъ романистовъ англійскаго «high life'a» является Гамильтонъ Аидэ, сынъ греческаго дипломата, воспитывавшійся въ Парижѣ. Онъ рисуетъ въ своихъ романахъ расовую и денежную аристократію Англіи и Америки и, благодаря блестящему слогу и тонкой сатирѣ, пользуется среди англійскихъ читателей довольно большимъ успѣхомъ. Жюстинъ Макъ-Керти и Джорджъ Мередитъ принадлежатъ къ этой категоріи писателей, имѣющихъ довольно много поклонниковъ среди англійской публики.

Антитезой этихъ писателей является Томасъ Гэрди, рисующій, вмѣсто свѣтскаго общества, жизнь сельскаго населенія. Онъ можетъ быть названъ истиннымъ преемникомъ Джорджъ Эліотъ. Его романы нѣсколько длинны, непропорціальны въ различныхъ частяхъ, но всегда сильны по замыслу и проникнуты пессимизмомъ. Другой романистъ этой же категоріи, Галль Кейнъ, отличается художественнымъ талантомъ и всѣ его произведенія, дѣйствіе которыхъ происходитъ на островѣ Мэнѣ, проникнуты глубокою поэзіей и представляютъ превосходныя картинки нравовъ и мѣстности. Только въ одномъ изъ своихъ романовъ Галль Кейнъ переноситъ дѣйствіе изъ острова Мэна въ Марокко; но это, пожалуй, еще болѣе способствуетъ силѣ и яркости его красокъ.

Обзоръ современной англійской романической литературы былъ бы, конечно, очень не полонъ, если бы въ немъ не было упомянуто о Рудіардѣ Киплингѣ, котораго многіе называютъ англоиндійскимъ Диккенсомъ. Киплингъ еще совсѣмъ молодой писатель, ему не болѣе 31 года, но это не мѣшаетъ ему быть авторомъ уже цѣлыхъ десятковъ томовъ. Онъ родился въ Бомбеѣ и поэтому мѣсто дѣйствія всѣхъ его романовъ происходитъ въ Индіи. Рядомъ съ эпопеями изъ царства животныхъ, составляющими его «Книгу Джунглей», надо поставить его военные разсказы (Three Soldiers), гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ произведеніяхъ, Киплингъ обнаруживаетъ первоклассный талантъ и мастерски владѣетъ перомъ и поэтическими красками. Онъ имѣетъ массу поклонниковъ и читателей во всѣхъ кругахъ англійскаго общества и особенно тамъ, гдѣ художественнымъ достоинствамъ романа отдаютъ предпочтеніе передъ тенденціей.

Новый типъ женщины, съ легкой руки англичанъ, заставляетъ очень много говорить о себѣ въ послѣднее время. Въ скандинавскихъ странахъ женщина стремится возстановить чистоту нравовъ, въ Германіи она старается расширить свой кругъ дѣятельности, разрушить преграды и завоевать права, въ которыхъ ей отказываютъ новые гражданскіе законы страны, во Франціи она возбуждаетъ разговоры своими эксцентричными выходками и, наконецъ, въ Англіи она энергично борется противъ господствующихъ предразсудковъ и мало-помалу завоевываетъ себѣ все большую и большую область. Только въ Новомъ Свѣтѣ «новая женщина» безъ тяжелой борьбы и особенныхъ затрудненій достигла почти равноправнаго положенія и продолжаетъ шествовать по пути прогресса. Въ Новой Зеландіи почти вся политическая жизнь уже сосредоточивается въ рукахъ женщины. Въ Америкѣ, во многихъ городахъ женщины занимаютъ муниципальныя должности и пользуются политическими правами. Послѣ одержанныхъ побѣдъ, конечно, бываетъ пріятно вспомнить о разныхъ инцидентахъ борьбы и ея возникновеніи. Поэтому американскія женщины любятъ возвращаться въ своихъ рѣчахъ къ тому рѣшительному моменту своей жизни, когда онѣ впервые заявили свои требованія политическаго равноправія. Въ этомъ отношеніи очень интересны и, пожалуй, даже трогательны воспоминанія мистриссъ Вудголлъ Мартинъ, редактора журнала «Humanitarian». Мистриссъ Вудголлъ можетъ быть по справедливости названа одною изъ главныхъ дѣятельницъ политической эмансипаціи американской женщины.

Вспоминая начало своей пропаганды, мистриссъ Вудголлъ говоритъ, что исходною точкою ея было то, что въ сущности женщина никогда не была лишена права участвовать въ выборѣ тѣхъ, кто долженъ надъ нею властвовать. Посредствомъ брошюръ, рѣчей и т. п. мистриссъ Вудголлъ доказывала и поддерживала тотъ тезисъ, что федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ никогда не воспрещала законнымъ путемъ участіе женщинъ въ законодательныхъ и президентскихъ выборахъ. Если это такъ, то женщина требуя для себя этихъ правъ, въ сущности, добивается только того, въ чемъ ей никогда не было отказано.

Свою кампанію въ пользу женской политической равноправности мистриссъ Вудголлъ начала въ 1870 г. и въ этомъ же году ей представился случай защищать свое дѣло въ законодательной коммиссіи Вашингтонскаго конгресса. Въ Соединенныхъ Штатахъ, впрочемъ, уже давно существовалъ союзъ «Woman's suffrage Convention», который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подготовлялъ обще-

ственное мнѣніе къ этой реформѣ. Однако, союзу этому не удалось достигнуть никакихъ практическихъ результатовъ, потому что онъ требовалъ перемѣны существующихъ законовъ и мистриссъ Вудголлъ, понявъ, что это ошибка, рѣшила избрать совершенно противоположную тактику.

Осенью 1870 года, она представила черезъ своихъ преданныхъ друзей и сторонниковъ петицію въ парламентъ, въ которой ни однимъ словомъ не заикалась объ измѣненіи законовъ, а только смиренно просила о разрѣшеніи женщинамъ пользоваться лишь тѣми привилегіями, въ которыхъ имъ *не отказано* закономъ. Она ссылалась на статью XIV конституціи, которая гласитъ, что «всѣ лица, родившіяся или натурализованныя въ Америкѣ и подчиняющіяся ея юрисдикціи должны считаться полноправными гражданами Соединенныхъ Штатовъ и преимущественно того штата, въ которомъ обитаютъ. Ни одинъ штатъ не можетъ издать новаго закона или нарушить существующій законъ, съ цѣлью уничтожить или уменьшить привилегіи гражданъ Соединенныхъ Штатовъ; не можетъ лишить кого бы то ни было жизни, свободы и собственности безъ правильнаго судопроизводства и не можетъ никому отказать въ одинаковомъ покровительствѣ законовъ».

Въ этой статьѣ не дѣлается никакого различія между полами и, слѣдовательно, какъ бы ни толковали ея текстъ, все-таки нельзя изъ него вывести заключенія, что женщинамъ отказывается въ правѣ голоса. Въ статьѣ же XV притомъ говорится, что право голоса принадлежитъ «всѣмъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ и не можетъ быть оспариваемо у нихъ или отнято подъ предлогомъ расы, цвѣта кожи или же уже прежняго рабства».

Сильная, но простая и логическая аргументація мистриссъ Вудголлъ произвела впечатлѣніе на членовъ конгресса, которые даже напечатали ея меморію въ оффиціальномъ органѣ американскихъ законодательныхъ палатъ; юридической коммиссіи парламента было поручено, кромѣ того, подробное разсмотрѣніе петиціи «гражданки Вудголлъ». Это былъ уже довольно большой успѣхъ, вызвавшій, конечно, большое волненіе въ обществѣ! Печать, большею частью выступившая противъ женщинъ, своими нападками, насмѣшками и ожесточенной полемикой, только еще усилила агитацію и сыграла въ руку мистриссъ Вудголлъ. Въ обществѣ и народѣ мистриссъ Вудголлъ пріобрѣла массу сторонниковъ, благодаря своему остроумію и находчивости; никому не приходило въ голову, что можно воспользоваться такимъ образомъ конституціей, на которую именно и опирались всѣ враги женскаго политическаго равноправія.

Въ январѣ 1871 года должно было происходить обсужденіе петиціи мистриссъ Вудголлъ въ законодательномъ комитетѣ конгресса. Надо прибавить, что мистриссъ Вудголлъ удалось собрать 30.000 подписей въ пользу своей петиціи.

День 11 января 1871 года, конечно, всегда останется памятнымъ днемъ въ лѣтописяхъ женскаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ въ этотъ день женщина впервые была допущена въ законодательное собраніе и заговорила тамъ о своихъ правахъ. И даже противники мистриссъ Вудголлъ признаютъ, что она съумѣла съ достоинствомъ поддержать дѣло женщинъ. Рѣчь ея была блестяща и настолько убѣдительна, что коммиссія даже пришла въ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ не знала, что отвѣчать на ея аргументацію. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости, просить отсрочки для окончательнаго рѣшенія. Разумѣется, отсрочка въ данномъ случаѣ была равносильна проигрышу дѣла, такъ какъ произошелъ расколъ въ

коммиссіи и большинство вотировало противъ женщинъ.

Однако это пораженіе принесло огромную пользу женскому движенію, къ которому примкнули даже люди, относившіеся до той поры совершенно индиферентно къ этому вопросу. Движеніе разросталось и мистриссъ Вудголлъ рѣшила поставить вопросъ ребромъ и для вящщаго эффекта выставила себя кандидатомъ на постъ президента. Конечно, печать подхватила это и выставила ее на посмѣшище. Еслибъ это было во Франціи, гдѣ «смѣшное убиваетъ», то мистриссъ Вудголлъ окончательно погибла бы въ общественномъ мнѣніи, но въ Америкѣ насмѣшки никого не смущаютъ. Мистриссъ Вудголлъ сдѣлалась настоящею героиней и добилась организаціи чудовищныхъ по размѣрамъ народныхъ митинговъ, гдѣ различные ораторы говорили въ пользу равноправія женщинъ. На одномъ изъ такихъ митинговъ мистриссъ Вудголлъ была даже торжественно провозглашена президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Такъ началось политическое женское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Расколъ, происшедшій въ женскомъ лагерѣ, задержалъ отчасти это движеніе, но, тѣмъ не менѣе, оно подвигается впередъ и будущій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, пожалуй, будетъ обязанъ своимъ избраніемъ тѣмъ женскимъ голосамъ, которые будутъ поданы за него.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

AP 50 .M67 1896 v.5 no.9-10 Sept.-Oct.

JAN 30 1970

1/30/78

U of Chicago
55015415